

**Материалы
по Археологии
Истории
и Этнографии
Таврии**

Выпуск XXII

**Materials
in Archaeology
History
and Ethnography
of Tauria**

Volume XXII

Симферополь
Simferopol
2017

УДК 94(477.75)082
ББК 63.3(2Рос-6Кры)я43
МЗ4

*Научная подготовка журнала осуществляется
Научно-исследовательским центром истории и археологии Крыма
Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского*

*Рекомендовано к изданию Научно-техническим советом Крымского федерального
университета имени В. И. Вернадского (протокол № 9 от 27.10.2017)*

Редакция:

Айбабин А. И., ответственный редактор
Науменко В. Е., редактор-составитель
Власова С. И., ответственный секретарь

Редакционная коллегия:

Айбабин А. И., главный редактор, доктор исторических наук, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского (Симферополь)
Герцен А. Г., кандидат исторических наук, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского (Симферополь)
Дайм Ф., доктор исторических наук, Центральный римско-германский музей (Майнц, Германия)
Зинько В. Н., доктор исторических наук, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского (Симферополь)
Иштванович Э., кандидат исторических наук, Музей имени Андраша Йोजа (Ньиредьхаза, Венгрия)
Казанский М., доктор исторических наук, Центр истории и цивилизации Византии, Коллеж де Франс (Париж, Франция)
Кузнецов В. Д., доктор исторических наук, Институт археологии РАН (Москва)
Кульчар В., кандидат исторических наук, Университет Сегеда (Венгрия)
Майко В. В., доктор исторических наук, Институт археологии Крыма РАН (Симферополь)
Науменко В. Е., кандидат исторических наук, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского (Симферополь)
Сидоренко В. А., кандидат исторических наук, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского (Симферополь)
Степаненко В. П., доктор исторических наук, Уральский федеральный университет (Екатеринбург)
Тункина И. В., доктор исторических наук, Архив Российской академии наук (Санкт-Петербург)
Храпунов И. Н., доктор исторических наук, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского (Симферополь)
Цукерман К., доктор исторических наук, Центр истории и цивилизации Византии, Коллеж де Франс (Париж, Франция)

*Состав редколлегии утверждён Научно-техническим советом КФУ имени В. И. Вернадского
(протокол № 9 от 27.10.2017)*

М 34 **Материалы** по археологии, истории и этнографии Таврии. Вып. XXII /
отв. ред. А. И. Айбабин ; ред.-сост. В. Е. Науменко. — Симферополь : ООО
«Антиква», 2017. — 584 с.

Основу данного выпуска составляют материалы по археологии, сфрагистике
и эпиграфике, истории Мангупа и княжества Феодоро.

Сборник посвящён 50-летию Мангупской археологической экспедиции и 70-ле-
тию её руководителя с 1976 года, известного историка и археолога А. Г. Герцена.

ISSN 2413-189X

© Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского, 2017
© Авторы, текст, 2017
© Оформление. ООО «Антиква», 2017

**Посвящается 70-летию Александра Германовича Герцена
и 50-летию Мангупской археологической экспедиции**

В. Е. НАУМЕНКО

К 70-ЛЕТИЮ АЛЕКСАНДРА GERMANOVICH GERCEHA И 50-ЛЕТИЮ MANGUPSKOY APXEOLOGICHESKOY EKSPEDITSII

В 2017 г. члену редакционной коллегии «Материалов по археологии, истории и этнографии Таврии», известному крымскому историку и археологу, многолетнему заведующему кафедрой истории древнего мира и средних веков, декану исторического факультета Таврической академии Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского Александру Германовичу Герцену исполнилось 70 лет. Удивительным образом это важное событие в жизни юбиляра совпало с 50-летием Мангупской археологической экспедиции университета, бессменным руководителем которой Александр Германович является с 1976 г.

Данный выпуск «Материалов по археологии, истории и этнографии Таврии» приурочен к этим юбилейным датам. В него вошли, главным образом, аналитические исследования по истории, археологии, сфрагистике и эпиграфике Мангупского городища, а также новые публикации результатов раскопок памятника. Этот сборник подводит промежуточные итоги изучения Мангупа за последние десятилетия, что позволяет сформулировать круг первоочередных задач для его будущих исследований.

Исследования и публикации Александра Германовича Герцена широко известны не только в современной отечественной исторической науке, но и за рубежом — в Германии, Польше, Франции, США, Болгарии, Израиле. Прочные научные и человеческие контакты многие годы связывают его с коллегами ведущих российских университетских, музейных и научно-исследовательских центров, в первую очередь, Санкт-Петербурга, Екатеринбурга и Москвы. И дело здесь не только в высоких человеческих качествах, открытости, порядочности и умении корректно вести публичную научную дискуссию. А. Г. Герцен принадлежит к числу редкой категории ученых, владеющих в совершенстве методикой всестороннего изучения исторических источников и умеющих объединить, на первый взгляд, разрозненные факты в рамках единой научной гипотезы, логично выстроенной и аргументированной. При этом он всегда объективен в интерпретации исторических данных, независимо от существующей научной и политической конъюнктуры.

Еще один важный штрих к портрету нашего юбиляра — энциклопедическая образованность и широта научных интересов. К числу последних относятся разнообразные проблемы истории, археологии и этнографии Крыма, Восточной Европы, Причерноморско-Средиземноморского региона в эпоху средневековья — эпоху Великого переселения народов, возникновение и эволюция средневекового города, военное дело, византизм, история Золотой Орды, Крымского ханства и Османской империи, этнокультурная история Крыма в эпоху средневековья и в Новое время, христианство и церковная археология, скальная архитектура, иудаика.

Большая часть из перечисленных направлений научной деятельности А. Г. Герцена прослеживается на примере одной из крупнейших средневековых крепостей Крымского полуострова — Мангупского городища (рис. 1). Именно благодаря ему, работающая здесь уже многие десятилетия археологическая экспедиция давно пре-

Рис. 1. Мангупское плато. Общая панорама с севера. Фото А. Г. Герцена

вратилась в настоящую научно-исследовательскую площадку для апробации новых методов в археологической науке, ведения дискуссий по различным проблемам истории региона, настоящей полевой школы для новых поколений отечественных археологов, историков и этнографов.

Но позволим себе обратиться к истории взаимоотношений двух юбиляров.

Мангупская археологическая экспедиция Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского (на тот момент — Крымский государственный педагогический институт им. М. В. Фрунзе) создана в 1967 г. Инициатором и первым руководителем её был Евгений Владимирович Веймарн, читавший в это время общий курс археологии в университете¹. С первого сезона работы экспедиции основным отрядом экспедиции была студенческая археологическая практика исторического факультета ведущего учебного заведения полуострова. Следует сказать, что для всех современных исследователей Мангупского городища Е. В. Веймарн является огромным авторитетом. Для А. Г. Герцена, который фактически стал его преемником на посту руководителя Мангупской экспедиции, он стал научным наставником — это он привил будущему ученому профессионализм и пунктуальность в работе, познакомил с азами археологической науки и помог выбрать тему будущих самостоятельных исследований.

На Мангуп в 1967 г. Е. В. Веймарн пришел уже сложившимся исследователем, с большим опытом работ на различных памятниках археологии Крыма и собственными представлениями об основных этапах истории горной части полуострова в эпоху средневековья. Эти представления (применительно к Мангупскому городищу) серьезно отличаются от современных, особенно в части общей хронологии и периодизации памятника, но именно они объясняют выбор объектов раскопок 1967-1975 гг. Следуя своей типологии «пещерных городов» Юго-Западного Крыма, которые рассматривались как памятники, отражающие процесс феодализации полуострова, Е. В. Веймарн пытался получить дополнительные аргументы для подтверждения этой концепции в ходе раскопок Мангупа. При этом, исследования предполагалось вести на уже известных объектах городища, на видимых остатках культовых и скальных сооружений в его центральной части, дополняя их небольшими разведками на Мангупском плато и в ближайшей округе. Достаточно скромные результаты этих

¹ Е. В. Веймарн руководил раскопками на Мангупе в 1967-1974 гг. Открытый лист на исследование городища в 1975 г. был оформлен на имя Ю. С. Воронина.

Рис. 2. Мангупское городище.

Главная линия обороны. Укрепление А.І.
Фотограмметрия внешнего панциря стены VI в.
(съемка 2009 г. выполнена А. А. Душенко)

истории изучения Мангупа в 1967-1975 гг. подробнее см.: 5].

В целом, оценивая роль Е. В. Веймарна в истории археологического изучения Мангупа, главным является даже не эта, основанная на результатах первых систематических раскопок памятника, концепция истории городища, которая сейчас уже кардинально пересмотрена. Наиболее важными представляются два момента. Во-первых, первый руководитель Мангупской экспедиции, в отличие от своих многочисленных предшественников — графа А. С. Уварова (1853 г.), Ф. А. Брауна (1890 г.), Р. Х. Лепера (1912-1914 гг.), М. А. Тихановой и А. Л. Якобсона (1938 г.)², смог придать работе на таком крупном и сложном памятнике систематический и ежегодный характер. Во-вторых, он оказался способным окружить себя группой талантливых учеников, среди которых, в первую очередь, выделялись А. Г. Герцен и Н. И. Бармина, которые сохранили и развили научные традиции своего учителя.

А. Г. Герцен руководителем Мангупской экспедиции становится в 1976 г. К этому времени представления об исторической топографии городища уже существенно изменились, что во многом связано с открытием в начале 1970-х гг. отдельных звеньев Главной (Внешней) линии обороны Мангупа. Постепенно формируется концепция трех линий обороны крепости, приходит убеждение о ее строительстве на территории всего Мангупского плато уже в ранневизантийское время и, в целом, о византийском характере памятника на протяжении большей части его истории (рис. 2-3). Эта концепция потребовала масштабных раскопок и новой программы исследований в трёх основных направлениях [8].

Прежде всего, работы экспедиции в последние десятилетия сосредоточились на полном доследовании наиболее крупных архитектурно-археологических комплексов Мангупского городища, раскопки которых были начаты еще в конце XIX — начале XX в. и остались по разным причинам не завершенными. К числу таких объектов относятся цитадель на мысе Тешкли-бурун (1975-1981, 1990-2005 гг.) (рис. 4) [6], дворец правителей княжества Феодоро в центральной части Мангупского плато (2006-

работ, практически не введенные в научный оборот до сих пор, как казалось Е. В. Веймарну, подтвердили его прежние представления об истории памятника. Мангуп в итоговой публикации 1974 г. представлялся как замок, возникший первоначально в V-VI вв. на мысе Тешкли-бурун, с раннесредневековым некрополем с напольной стороны укрепления. В конце VIII — IX вв. возникает «Большой Мангуп», крупный региональный феодальный центр на протяжении всего средневековья, внешние оборонительные стены которого пересекали плато в направлении с запада на восток (современная Вторая (Внутренняя) линия обороны крепости) [1, с. 125, 139; об

2017 гг.) (рис. 5) [7], синагога в верховьях балки Табана-дере (2009-2013 гг.) (рис. 6), церкви Св. Константина (1992-1994, 1997-2005 гг.) [9] и Св. Георгия (2015-2016 гг.) [10]. К этому также следует добавить постоянное внимание сотрудников экспедиции к памятникам скальной архитектуры Мангупа, итоги изучения которых подведены в отдельной монографии [2].

Другим направлением исследований с 90-х гг. XX в. становятся охранно-археологические раскопки раннесредневековых могильников на южной периферии Мангупа — в балке Алмалык, Южный I и II, Адым-Чокрак [15; 16]. В последние годы обследование округи городища дополнено систематическими работами на памятниках Адым-Чокракской долины, где выявлены неизвестные прежде храмовые комплексы и гонимые центры в округе г. Илька, г. Бабулган и в урочище Суаткан [13; 14]. Таким образом, окончательно сформировалось представление о Мангупе как о центре обширной округи для всего периода средневековья.

Наконец, традиционным направлением раскопок Мангупского городища по-прежнему остается изучение его системы обороны, зондирование отдельных элементов с целью получения сведения об их планиграфии, стратиграфии и хронологии [3; 4]. Большой интерес в связи с этим вызывают пока еще не опубликованные в полной мере результаты исследований поселения в Лагерной балке и укрепления А. XIV Главной линии обороны крепости, где недавно был выявлен еще один хорошо сохранившийся фортификационный узел ранневизантийского времени (рис. 7).

Масштабные археологические исследования Мангупского городища в последние десятилетия позволили решить одну из наиболее важных задач при изучении любого крупного памятника — сформировать необходимую источниковую базу для установления его общей хронологии и периодизации. Современная периодизация Мангупа включает шесть основных этапов его истории — докрепостной (позднеримский, конец III — середина VI в.), ранневизантийский (середина VI — конец VIII вв.), хазарский (конец VIII — середина IX вв.), фемный (середина IX — середина XI вв.), феодоритский (XIV в. — 1475 г.) и турецкий (османский, 1475-1792 гг.) [10]. На сегодняшний день все они достаточно полно представлены либо в общей стратиграфии городища, либо рядом отдельных показательных комплексов или архитектурных объектов. К этому следует добавить недавнюю попытку выделить в рамках феодоритского периода особого (золотоордынского) этапа, связанного, вероятно, с включением Мангупа в 1360-1390-е гг. в сферу прямого контроля администрации Золотой Орды на полуострове [11].

За многие годы раскопок Мангупской крепости накоплен значительный массив археологических находок, публикация которых является еще одной важной задачей современного этапа изучения памятника. Нужно сказать, что эти материалы,

Рис. 3. А. Г. Герцен фотографирует внешний панцирь стены на Мангупском городище. 2009 г.

² В 1938 году Е. В. Веймарн возглавлял отряд, изучавший оборонительную систему Мангупа.

Рис. 4. Мангупское городище. Цитадель на м. Тешкли-бурун. Аэрофото. 2017 г.

Рис. 5. Мангупское городище. Дворец правителей княжества Феодоро (1425-1475 гг.). Аэрофото участка археологических исследований. 2017 г.

Рис. 6. Мангупское городище. Здание синагоги в верховьях балки Гамам-дере. Фото А. Г. Герцена. 2013 г.

Рис. 7. Мангупское городище. Главная линия обороны. Укрепление А.XIV. Участок крепостной стены VI в. Фото В. Е. Науменко. 2010 г.

по мере возможностей, оперативно вводятся в научный оборот, хотя многое еще остается пока не известным специалистам. Надеемся, что исследования, представленные в юбилейном сборнике, заполнят некоторые лакуны в изучении Мангупа.

От имени друзей, коллег и учеников Александра Германовича Герцена желаем ему крепкого здоровья, бодрости и научного долголетия для осуществления задуманного.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Веймарн Е. В., Лобода И. И., Пиоро И. С., Чорей М. Я. Археологические исследования столицы княжества Феодоро // Феодальная Таврика. Материалы по истории и археологии Крыма. Киев: Наукова думка, 1974. С. 123-139.
2. Герцен А. Г., Могаричев Ю. М. Пещерные церкви Мангупа. Симферополь: Таврия, 1996. 128 с.
3. Герцен А. Г. Крепостной ансамбль Мангупа // МАИЭТ. 1990. Вып. I. С. 87-166.
4. Герцен А. Г. По поводу новой публикации турецкого источника о завоевании Крыма // МАИЭТ. 2001. Вып. VIII. С. 366-387.
5. Герцен А. Г. Археологические исследования Мангупа в 1967-1977 гг. // Херсонесский колокол: сборник научных статей, посвященных 70-летию со дня рождения и 50-летия научной деятельности В. Н. Даниленко. Симферополь: СОНАТ, 2008. С. 305-326.
6. Герцен А. Г., Науменко В. Е. Октагональная церковь цитадели Мангупа (Крым): вопросы хронологии и архитектурной композиции // ТГЭ. 2010. Т. LIII. Архитектура Византии и Древней Руси IX-XII вв.: материалы международного семинара. С. 227-253.
7. Герцен А. Г., Науменко В. Е. Археологический комплекс третьей четверти XV в. из раскопок княжеского дворца Мангупского городища // ТГЭ. 2010. Т. LI. Византия в контексте мировой культуры. Материалы международной конференции, посвященной памяти А. В. Банк. С. 387-419.
8. Герцен А. Г., Науменко В. Е. Три программы археологического изучения Мангупа // I Бахчисарайские научные чтения памяти Е. В. Веймарна. Тезисы докладов и сообщений Международной научной конференции. Бахчисарай, 2012. С. 24-25.
9. Герцен А. Г., Науменко В. Е. К исторической топографии Мангупского городища: церковь Святого Константина // Международная научная конференция «II Свято-Владимирские чтения», посвященная 1000-летию преставления святого равноапостольного князя Владимира. Тезисы докладов и сообщений. Севастополь, 2015. С. 16-18.
10. Герцен А. Г., Науменко В. Е. Стратиграфия Мангупского городища: антропогенный и природно-географический контекст // XVI Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Географическая среда и социум. Керчь, 2015. С. 88-100.
11. Герцен А. Г., Науменко В. Е. К вопросу о выделении золотоордынского периода в истории Мангупского городища в Юго-Западном Крыму // Золотоордынская цивилизация. Казань, 2016. № 9. С. 247-258.
12. Герцен А. Г., Науменко В. Е. Церковь Святого Георгия Мангупского городища: по материалам раскопок 2015-2016 гг. // Международная научная конференция «Археология средневекового храма», к 170-летию К. К. Косцюшко-Валюжинича. Севастополь, 2017. С. 9-13.
13. Науменко В. Е. Археологические исследования средневековых памятников Адым-Чокракской долины Крымских предгорий // Труды IV(XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Казань, 2014. Т. III. С. 302-307.
14. Науменко В. Е., Иожица Д. В., Набоков А. И. «Базилика Маркевича» на южной периферии Мангупского городища (по материалам исследований 2012-2016 гг.) // Международная научная конференция «Археология средневекового храма», к 170-летию К. К. Косцюшко-Валюжинича. Севастополь, 2017. С. 50-55.
15. Bemmam J., Schneider K., Gercen A. G., Černyš S., Mączyńska M., Urbaniak A., von Freden U. Die frühmittelalterlichen Gräberfeld der von Adym-Čokrak, Južnyj I und Južnyj II am Fuss des Mangup. Mainz: Verlag des RGZM, 2013. 100 S.

16. Mączyńska M., Gercen A. G., Ivanova O., Černyš S., Lukin S., Urbaniak A., Bemmam J., Schneider K., Jakubczyk I. Das frühmittelalterliche Gräberfeld der Almalyk-dere am Fuss des Mangup auf der Südwestkrim. Mainz: Verlag des RGZM, 2016. 205 S.

REFERENCES

1. Veimarn E. V., Loboda I. I., Pioro I. S., Choref M. Ia. Arkheologicheskie issledovaniia stolitsy kniazhestva Feodoro. *Feodal'naia Tavrika. Materialy po istorii i arkheologii Kryma*, Kiev, Naukova dumka Publ., 1974, pp. 123-139.
2. Gertsen A. G., Mogarichev Ju. M. *Peshchernye tserkvi Mangupa*. Simferopol, Tavriia Publ., 1996, 128 p.
3. Gertsen A. G. Krepostnoi ansambl' Mangupa. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol, 1990, Vol. I, pp. 87-166.
4. Gertsen A. G. Po povodu novoi publikatsii turetskogo istochnika o zavoevanii Kryma. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol, 2001, Vol. VIII, pp. 366-387.
5. Gertsen A. G. Arkheologicheskie issledovaniia Mangupa v 1967-1977 gg. *Khersonesskii kolokol: sbornik nauchnykh statei, posviashchennykh 70-letiiu so dnia rozhdeniia i 50-letiiu nauchnoi deiatel'nosti V. N. Danilenko*. Simferopol, Sonat Publ., 2008, pp. 305-326.
6. Gertsen A. G., Naumenko V. E. Oktagonal'naia tserkov' tsitadeli Mangupa (Krym): voprosy khronologii i arkhitekturnoi kompozitsii. *Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha*, S-Petersburg, Gos. Ermitazh Publ., 2010, T. LIII. Arkhitektura Vizantii i Drevnei Rusi IX-XII vv.: materialy mezhdunarodnogo seminara, pp. 227-253.
7. Gertsen A. G., Naumenko V. E. Arkheologicheskii kompleks tret'ei chetverti XV v. iz raskopok kniazheskogo dvortsa Mangupskogo gorodishcha. *Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha*, S-Petersburg, Gos. Ermitazh Publ., 2010, T. LI. Vizantiia v kontekste mirovoi kul'tury. Materialy mezhdunarodnoi konferentsii, posviashchennoi pamiati A. V. Bank, pp. 387-419.
8. Gertsen A. G., Naumenko V. E. Tri programmy arkheologicheskogo izucheniia Mangupa. *Tezisy dokladov i soobshchenii Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii "I Bakhchisaraiskie nauchnye chteniia pamiati E. V. Veimarna"*, Bakhchisarai, 2012, pp. 24-25.
9. Gertsen A. G., Naumenko V. E. K istoricheskoi topografii Mangupskogo gorodishcha: tserkov' Sviatogo Konstantina. *Tezisy dokladov i soobshchenii Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii "II Sviato-Vladimirskie chteniia"*, posviashchennoi 1000-letiiu prestavleniia sviatogo ravnoapostol'nogo kniazia Vladimira, Sevastopol, 2015, pp. 16-18.
10. Gertsen A. G., Naumenko V. E. Stratigrafiia Mangupskogo gorodishcha: antropogennyi i prirodno-geograficheskii kontekst. *XVI Bosporskie chteniia. Bospor Kimmeriiskii i varvarkii mir v period antichnosti i srednevekov'ia. Geograficheskaiia sreda i sotsium*, Kerch', 2015, pp. 88-100.
11. Gertsen A. G., Naumenko V. E. K voprosu o vydelenii zolotoordynskogo perioda v istorii Mangupskogo gorodishcha v Iugo-Zapadnom Krymu. *Zolotoordynskaiia tsivilizatsiia*, Kazan, 2016, No. 9, pp. 247-258.
12. Gertsen A. G., Naumenko V. E. Tserkov' Sviatogo Georgiia Mangupskogo gorodishcha: po materialam raskopok 2015-2016 gg. *Mezhdunarodnaia nauchnaia konferentsiia «Arkheologiia srednevekovogo khrama», k 170-letiiu K. K. Kostsiushko-Valiuzhinicha*, Sevastopol, 2017, pp. 9-13.
13. Naumenko V. E. Arkheologicheskie issledovaniia srednevekovykh pamiatnikov Adym-Chokraskoi doliny Krymskikh predgorii. *Trudy IV(XX) Vserossiiskogo arkheologicheskogo s'ezda v Kazani*, Kazan, 2014, T. III, pp. 302-307.
14. Naumenko V. E., Iozhitsa D. V., Nabokov A. I. «Bazilika Markevicha» na iuzhnoi periferii Mangupskogo gorodishcha (po materialam issledovaniia 2012-2016 gg.). *Mezhdunarodnaia nauchnaia konferentsiia «Arkheologiia srednevekovogo khrama», k 170-letiiu K. K. Kostsiushko-Valiuzhinicha*, Sevastopol, 2017, pp. 50-55.
15. Bemmam J., Schneider K., Gercen A. G., Černyš S., Mączyńska M., Urbaniak A., von Freden U. *Die frühmittelalterlichen Gräberfeld der von Adym-Čokrak, Južnyj I und Južnyj II am Fuss des Mangup*. Mainz, Verlag des RGZM, 2013, 100 p.
16. Mączyńska M., Gercen A. G., Ivanova O., Černyš S., Lukin S., Urbaniak A., Bemmam J., Schneider K., Jakubczyk I. *Das frühmittelalterliche Gräberfeld der Almalyk-dere am Fuss des Mangup auf der Südwestkrim*. Mainz, Verlag des RGZM, 2016, 205 p.

А. Г. ГЕРЦЕН

К 50-ЛЕТИЮ ВОЗОБНОВЛЕНИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ МАНГУПА: НАЧАЛЬНЫЙ ЭТАП

Статья посвящена истории археологических исследований Мангупского городища, возобновившихся в 1967 г. после перерыва с 1938 г. Основные работы проводились совместной экспедицией Отдела археологии Крыма Института археологии АН УССР, Бахчисарайского историко-археологического музея (БИАМ) и Крымского государственного педагогического института (КГПИ) им. М. В. Фрунзе (с 1971 г. — Симферопольский государственный университет им. М. В. Фрунзе (СГУ), с 2000 г. — Таврический национальный университет им. В. И. Вернадского (ТНУ), с 2014 г. — Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского). В 1970 г. в составе археологической экспедиции Уральского государственного университета им. А. М. Горького был создан Мангупский отряд. Основным объектом исследований стала базилика. К сожалению, материалы этого памятника опубликованы не полностью, и не все отчеты доступны. Говоря об этом памятнике, мы вынуждены будем довольствоваться, в основном, публикациями в ежегоднике «Археологические открытия» и некоторыми материалами из отчетов. Следует отметить, что на протяжении последнего, полувекового, периода самым стабильным участником, осуществлявшим широкую программу исследовательской деятельности памятников Мангупа и его окрестностей, являлся КГПИ — КФУ. С 1991 г. работу на памятнике продолжала только экспедиция крымского университета, включая в свой состав группы участников, представлявших другие научные и образовательные учреждения.

Придерживаясь хронологического изложения истории изучения памятников Мангупа, в ряде случаев, когда это связано с продолжающимися исследованиями одного объекта или группы взаимосвязанных объектов, мы объединяем информации о нескольких полевых сезонах¹.

Концептуальная основа для возобновления исследований Мангупа сформулирована в статье Е. В. Веймарна, посвященной итогам разведывательных работ в «пещерных городах» Крыма в 1954-1955 гг. [1, с. 71-79]. Строго говоря, ее реальной основой стали соображения теоретического характера, проистекавшие из идеологических установок, господствовавших в советской медиэвистике. Это касалось, прежде всего, представлений о процессе зарождения и развития феодальных отношений у восточных славян. Одним из постулатов такого подхода было признание доминирования внутренних причин над внешними влияниями и заимствованиями. В частности, это выражалось в отрицании заметной роли византийского фактора в истории средневековой Таврики в противовес устоявшемуся взгляду об определяющем значении Византии в формировании «пещерных городов» [2, с. 148-163]. Справедливо отмечая типологическое разнообразие этих памятников, невозможность их толкования исключительно как византийских крепостей юстиниановского периода,

Е. В. Веймарн предложил рассматривать их как памятники становления феодализма в Крыму. Была разработана новая классификация этих поселений в соответствии с характерными планировочными признаками. Соответственно, были выделены города (Мангуп, Эски-Кермен, Чуфут-Кале, Кыз-Кермен), замки (Бакла, Тепе-Кермен, Сюреньская крепость, Каламита) и неукрепленные поселения (Качи-Кальон, Шулдан, Чильтера). Ученый принял участие в археологических исследованиях Эски-Кермена, Мангупа, Чуфут-Кале, Чильтеры и Каламиты. Возобновляя исследования Мангупа, он ставил целью получить дополнительные материалы для подтверждения своей гипотезы относительно типологии и хронологизации «пещерных городов». Она существенно отличалась от позиций, с которых история Мангупа освещалась в публикациях результатов археологических исследований, проводившихся в 1938 г. экспедицией ГАИМК, участником которой и был Е. В. Веймарн. Тогда все специалисты-участники полевых исследований признавали, что городище на Мангупском плато на раннем этапе его существования следует отождествлять с Доросом — главной крепостью страны крымских готов. В дальнейшем она превращается в феодальный город Феодоро, столицу одноименного княжества. Обоснованию этой гипотезы посвящена статья М. А. Тихановой [5, с. 319-333], причем, в основном, автор следовала концепции А. А. Васильева, изложенной в его монографии, публиковавшейся отдельными частями в СССР и полностью в США [6-8]. Правда, имя его не упоминалось, поскольку было под запретом, по причине эмиграции ученого в США. В том же издании трудов Мангупской экспедиции 1938 г. Е. В. Веймарну принадлежала статья, посвященная разведкам оборонительной системы и некрополя городища. В ней он опубликовал результаты археологической разведки оборонительной стены в Табана-дере и пришел к обоснованному выводу о ее позднем характере, отметив использование известняковых блоков из более древнего сооружения [9, с. 419-429]. Далее кратко, без приведения каких-либо иллюстративных материалов, автор констатировал, что раннесредневековой на городище может рассматриваться только оборонительная стена в верховьях оврага Капу-дере, однако для окончательного вывода необходимо ее более обстоятельное исследование.

Разрабатывая модель процесса становления и развития феодализма в Крыму и, в частности, концепцию истории «пещерных городов», исследователь, со свойственной ему обстоятельностью, приступил к сбору библиографических и архивных материалов. Он создал картотеку всех известных тогда памятников городища, рассматривая эту работу как подготовительный этап к написанию соответствующей монографии. Исходные теоретические посылки для нее изложены им в уже упоминавшейся статье 1958 г.

В сентябре 1967 г. на Мангупе, после тридцатилетнего перерыва, возобновились археологические исследования, они проводились под руководством того же Е. В. Веймарна, являвшегося старшим научным сотрудником отдела археологии Крыма Института археологии АН УССР. Основной рабочей силой в экспедиции стали студенты-практиканты I курса исторического факультета. Их первый учебный год начался с археологической практики, руководителем которой был назначен заместитель декана исторического факультета В. А. Коростелин.

Как можно понять из плана развертывания этих работ, сколько-нибудь масштабные раскопки не планировались, а предполагалось ограничиться зачистками уже исследованных объектов или же тех, которые были выявлены разведками довоенного времени. Некоторые предварительные разведывательные исследования предпринимались в 1965-1966 гг. Так, были проведены зачистки скального основания церкви перед фасом юго-восточной куртины цитадели, о чем есть упоминания в тексте пред-

¹ История изучения Мангупа на протяжении XVI — начала XX в. изложена в статье: Герцен А. Г. Мангуп глазами исследователей и путешественников XVI — начала XX в. // Бахчисарайский историко-археологический сборник. 2008. Вып. 3. С. 215-256.

варительного отчета об исследованиях 1967 г. В Описи графических материалов под № 5 значится «План церкви у цитадели, расчищенной в 1965-1966 гг.» [10].

Одним из важнейших объектов исследования в указанном году стала базилика². Памятник открыт Ф. А. Брауном в 1890 г., когда двумя взаимно перпендикулярными траншеями был прорезан высокий холм, скрывавший руины здания [11, с. 15-21; 12, с. 30-31]. Раскопки продолжила экспедиция Херсонесского музея под руководством Р. Х. Лепера в 1912-1914 гг. [13-15]. В результате установлены размеры сооружения, произведена его общая расчистка приблизительно под уровень поверхности предальтарной солеи. В 1938 г. отрядом экспедиции ГАИМК под руководством М. А. Тихановой раскопаны участок перед внешней северной частью западной стены храма, небольшой храм, определенный как крещальня, у северной стены и внутренняя часть северной галереи [16, с. 354]. В 1967 г. предполагалось провести расчистку руин базилики от зарослей, освободить ее от завалов камня, выбрав оттуда архитектурные детали. Считалось, что памятник практически полностью раскопан предшественниками и ожидать каких-либо не затронутых ими участков не приходится³. Однако в самом начале работ в северной части нартекса была обнаружена не показанная на опубликованных и известных архивных планах плитовая могила. В ней оказалось 25 скелетов, при нижних обнаружены два глиняных кувшина. В северо-западном углу северного нефа выявлена плитовая гробница, под которой находилась еще одна. В общей сложности здесь зачищено 19 скелетов. В западной части северного нефа заложили стратиграфический шурф 1,5х2,0 м, показавший, что под слоем, определенным как строительный мусор, скалу покрывает слой коричневой земли толщиной до 0,15 м, содержащий фрагменты рифленых амфор VI-VII вв.

В восточной части храма расчищены ступени синтрона и солея, кстати, не упомянутая ни одним из предшествующих исследователей. Впервые обследовалась внешняя сторона центральной апсиды и сделан предварительный вывод, что первоначально по внешней стороне основания она была полукруглой в плане, а затем ей придали трехгранную форму.

Кроме базилики, раскопки проводились на ряде объектов, намеченных разведками 1930-х гг. В их число входили вырубные основания церквей перед фасом юго-восточной куртины цитадели на мысе Тешкли-бурун и на юго-восточном краю плато близ триангуляционного геодезического знака.

На юго-восточном краю городища, рядом с геодезическим пунктом, отмечающим высшую точку плато (на различных картах от 583,5 до 584,5 м над уровнем моря), расчищено вырубленное в материковой скале основание трехнефной церкви. Ни одного камня от ее стен на месте не сохранилось. По нашим наблюдениям, камни из этой постройки использовались в турецкое время для восстановления расположенной поблизости оборонительной стены А. XVII. Она была серьезно разрушена артиллерийским обстрелом во время осады 1475 г. и, возможно, даже была заново возведена выше старой линии, на самой кромке плато [17, с. 372]. В кладке этого укрепления также вмурованы фрагменты гранитных пушечных ядер. Вероятно, разобранная церковь имела одну (центральную) апсиду, выходившую на край обрыва. В публикации

² Исследование этого объекта велось под руководством заведующей археологическим отделом Бахчисарайского историко-археологического музея Н. И. Барминой. В дальнейшем она работала в Уральском, Пермском и Челябинском университетах и вела исследования базилики самостоятельно. После 1991 г. отряд Уральского университета, исследовавший базилику, вошел в состав Мангупской археологической экспедиции СГУ — ТНУ.

³ Отметим, что продолжающиеся (с небольшими перерывами) с 1967 по 2005 г. раскопки базилики каждый раз выявляли незатронутые участки культурного слоя.

церковь показана как имеющая наос, вытянутый по линии север-юг и, соответственно, укороченный по линии запад-восток [18, с. 130-134, рис. 4]. Исходя из такой особенности планировки, предложена ее дата — IX-X вв.⁴ Однако, как показали архитектурные исследования памятника, проведенные Мангупской экспедицией СГУ (руководитель группы архитекторов студентов-практикантов из Одессы — Ю. С. Воронин), церковь имела нартекс, в который вел лестничный спуск с семью ступенями, прорубленный в выше расположенной выше поверхности плато. Внутри нартекса находились три неглубокие гробницы, которые, как считал Е. В. Веймарн, находились за пределами храма. На вышележащей поверхности плато, к северо-западу от церкви, были зачищены еще пять гробниц, ориентированных по линии юго-запад — северо-восток, которые, по мнению исследователя, могли относиться к дохристианскому периоду, основанием для такого вывода послужила названная нами дата церкви. Нужно отметить, что опубликованный инвентарь из потревоженных захоронений в ранних могилах этого комплекса не может датироваться столь определенно. Это касается как стеклянных и металлических браслетов, так и бронзовых бубенчиков, мало выразительных в хронологическом отношении. Зато весьма показательна серья «вопросовидной» формы, подобные часто встречаются в комплексах золотоордынского времени, например, в погребениях могильника Мамай-Сурка у с. Знаменка Запорожской области [19, с. 47, рис. 14]. В то же время, исходя из современных представлений о периодизации Мангупа, основанных на данных исследований, накопленных за последние четверть века, вряд ли есть основания для датирования памятника IX-X вв. Этот период характеризуется специализацией хозяйственной жизни, ориентированной на виноделие. Археологические материалы данного времени представлены в значительно меньшем количестве, чем предшествующего, ранневизантийского, и более позднего, феодоритского, периодов. Тем более исключается XI-XIII вв., представленные единичными находками [20, р. 41]. Таким образом, вопрос о времени создания рассматриваемой церкви остается открытым. Определенно можно утверждать, что она функционировала в период жизни княжества Феодоро (XIV-XV вв.).

В оборонительной системе городища исследовался участок главных ворот в верховьях ущелья Капу-дере, который Е. В. Веймарн определил как раннесредневековый на основании наблюдений, сделанных еще в 1938 г. [9, с. 419]. Он вообще полагал, что это единственное сохранившееся звено защитной системы первоначального укрепления на плато, занимавшего, в основном, территорию мыса Тешкли-бурун. От зарослей был расчищен десятиметровый участок квадратной кладки лицевого панциря (от оконечности воротного пилон). На основании внешних наблюдений делался вывод, что стена здесь перестраивалась не менее четырех раз, впрочем, без указания конкретных дат.

В том же полевом сезоне на городище работала группа архитекторов Центральных республиканских реставрационных мастерских (г. Киев) во главе с Е. А. Лопушинской, которая занималась подготовкой данных для проекта консервации и реставрации здания цитадели. Для удобства обмеров были произведены небольшие зачистки этого сооружения. По материалам обследований составлена историческая справка, в дальнейшем послужившая основой для статьи, посвященной строительной истории цитадели [21, с. 50-54]. Данная публикация заслуживает отдельного критического рассмотрения, так как предлагаемая в ней периодизация строительной истории оборонительной системы крепости, в целом, и цитадели, в частности, противоречит данным археологических исследований.

⁴ Эта дата была предложена А. Л. Якобсоном на основании доклада Е. В. Веймарна о раскопках памятника, сделанного на пленуме ИА АН СССР в 1969 г. В качестве аналогии указана пещерная церковь Тепе-Кермена, наос которой вытянут по линии север-юг [18, с. 134, прим. 35].

В следующем полевом сезоне в экспедиции также участвовали студенты исторического факультета⁵. Продолжились исследования базилики, сосредоточившиеся на северной части нартекса и западной части северного нефа, где были открыты многочисленные захоронения (в основном без сопровождающего инвентаря).

На юго-восточном краю плато, в 165 м к юго-западу от цитадели, раскопано скальное основание небольшой часовни-усыпальницы, выходившей апсидой на обрыв (так же, как и церковь, расчищенная в 1967 г.). От наземной части сооружения в западной части сохранились фрагменты нижнего ряда кладки стены, выполненной из необработанного камня. В центре помещения размером 5,9х2,5 м находились две вырубные гробницы, одна прямоугольная в плане и вторая со скругленной восточной частью, придававшей сооружению антропоморфный облик. За пределами здания находились еще шесть гробниц. Ориентация погребальных сооружений отличалась от направления продольной оси часовни большим склонением к востоку. Очевидно, при закладке здания больше внимания уделялось его строго перпендикулярному расположению относительно края обрыва. Остатки этих сооружений были перекрыты тонким слоем дерна и строительного мусора, не давших выразительных археологических материалов, кроме мелких фрагментов черепицы. В гробницах находились лишь перемешанные фрагменты человеческих костей [18, с. 126-128, рис. 3].

К северо-востоку от этого комплекса, на поверхности материковой скалы, выявлены вырубные основания двух прямоугольных в плане помещений, отделенных от часовни водоотводным желобом, пробитым перпендикулярно к обрыву.

Здесь же, в 2 м от часовни, расположен наклонный туннель с лестничным спуском, ведущий в обширное двухкамерное помещение⁶, имевшее в стене выходящий на обрыв проем с узким проходом, ведущим к самому краю скалы. Он завершается амбразурой, через которую хорошо просматривается участок нижней дороги, ведущей в крепость. Первоначально на месте этого сооружения, вероятно, располагалась внутрискальная усыпальница, подобная находящейся возле церкви перед юго-восточной куртиной цитадели. Затем ее расширили и превратили в оборонительный каземат [23, с. 124, рис. 25].

Одной из задач исследований 1968 г. был поиск на плато погребальных сооружений раннесредневекового времени. Е. В. Веймарн исходил из предположения о существовании некрополя, связанного с укреплением на мысе Тешкли-бурун, которое предшествовало «большому городу». С этой целью вдоль скального уступа, протянувшегося по юго-восточному обрыву плато, на расстоянии 16 м от его кромки, заложена разведывательная траншея. Начинаясь она от вырубного сооружения прямоугольной формы, находившегося в 60 м к юго-востоку от триангуляционного знака. Оно представляло собой прямоугольную в плане камеру (3,2х3,8х2,6 м), вырубленную в материковой скале, в которую с поверхности плато вел прямоугольный входной колодец с наклонным лестничным спуском с шестью ступенями. В целом, конструкция сооружения была сходной с раннесредневековыми склепами. На дне камеры, зачищенной в 1967 г., выявлены вырубки в виде перекрещивающихся желобов, очевидно, появившиеся на втором этапе функционирования сооружения. Предполагалось, что они служили для установки основания какого-то механического устройства, может

⁵ Постоянного руководителя студенческой археологической практики в 1968 г. фактически не было. Назначенный доцент А. Г. Мякшин провел в экспедиции в общей сложности не более трех дней, как и сменивший его доцент Ф. П. Кунцевич. Оба они не были археологами и в силу возраста с трудом переносили условия полевой жизни. Вся тяжесть руководства исследованиями и студенческой практикой легла на Е. В. Веймарна.

⁶ Глазомерный план этого комплекса опубликован [22, Т. 6, Atlas, 4 serie, I, 7].

быть, станка⁷. Разведывательная траншея, протянувшаяся в направлении к цитадели на северо-восток вдоль скального уступа, не имела следов погребальных сооружений. Зато в скальной вырубке уступа найдены многочисленные куски железного шлака, указывавшие на вероятность присутствия здесь плавильной печи. Траншея была расширена и превратилась в раскоп площадью 130 м². В результате, впервые в истории археологических исследований Мангупа начались раскопки жилого комплекса, правда, очень плохой сохранности. Раскопки этого объекта велись в 1969-1970 гг.⁸ От большинства кладок остались только вырубки в скале. Культурный слой возле уступа скалы, достигавший толщины 0,75 м, фактически представлял собой темно-серый грунт, в верхней части пронизанный корнями растений. Лишь на поверхности материковой скалы удалось проследить участки плотной темно-серой земли со щебнем [24, л. 11]. В силу такой ситуации, археологический материал не был стратифицирован, а разбит по типологическим группам, послужившим основой для реконструкции периодизации данного комплекса. Поскольку результаты исследований его были опубликованы, правда, без соответствующего иллюстративного материала [18, с. 128-130; 25, с. 113-118], мы ограничимся несколькими замечаниями, сделанными на основании наших многолетних исследований на различных участках городища. Можно согласиться с выводами Е. В. Веймарна и И. С. Пиоро о датировании наиболее ранних материалов комплекса VIII-IX вв. (фрагменты бело-глиняных поливных сосудов, обнаруженные в «тонком подстилочном слое») [18, с. 129]. Менее убедительны приведенные со ссылкой на А. Л. Якобсона даты черепиц с метками, а именно, X-XII вв. [26, с. 122, рис. 86,3], а также многочисленных фрагментов сосудов, «орнаментированных чаще всего волнистой врезной линией или поясом мелкого рифления» — VIII-IX вв. По личным впечатлениям автора настоящей статьи, большинство этих фрагментов относится ко времени существования княжества Феодоро (XIV-XV вв.).

В следующем полевом сезоне (1972 г.) на данном участке разобраны остатки стен небольшого строения XIV в. и обнаружены два горизонта полов жилых помещений усадьбы. С большой осторожностью они были отнесены, соответственно, к строительным периодам VIII-IX и X-XI вв. Кроме того, рядом с этой постройкой раскопана давяльная для винограда (5,0х2,4 м), вырубленная в скале. Ее сооружение отнесено к первому строительному периоду. В дальнейшем в ее западном и восточном бортах прорубили водосборные желоба, по которым в давяльную стекала талая и дождевая вода. Позже, предположительно в XIV-XV вв., она была забита камнями и мусором [27, с. 265-266].

Результаты исследований данной части комплекса не попали в статьи, обобщавшие материалы раскопок 1967-1969 гг. Недостаточно аргументированным представляется вывод авторов о разрушении ранней усадьбы в конце XIII в. в связи с татаро-монгольским нашествием на юго-западную часть полуострова [18, с. 129]. Как показали дальнейшие исследования городища, проводившиеся в последней четверти века археологической экспедицией СГУ-ТНУ, материалы XI-XIII вв. встречаются здесь исключительно редко. Можно определенно говорить о прекращении жизни на плато в этом

⁷ При раскопках на северо-западной окраине мыса Тешкли-бурун, проводившихся в 2000-2001 гг., у края обрыва были обнаружены подобные вырубки, служившие основанием для установки винтового пресса для отжима винограда, рядом располагался обычный для крымского средневековья тарапан из двух вырубленных в скале корыт. Такая же ситуация отмечена и в районе раскопок 1968-1969 гг. Поблизости от данного помещения с вырубками в полу расположены два тарапана: один, раскопанный экспедицией Р. Х. Лепера в 1912 г., и другой, открытый в 1970 г. (см. далее в тексте настоящей статьи).

⁸ Руководителем раскопок данного объекта был назначен И. С. Пиоро.

хронологическом диапазоне [20, р. 41]. Таким образом, прекращение функционирования данного комплекса следует датировать концом X — началом XI в. В настоящее время не подвергается сомнению время функционирования этого участка поселения в XIV-XV вв., это подтверждается многочисленными фрагментами красноглиняных поливных сосудов [18, с. 130]. Осталось не ясным, откуда здесь появился металлургический шлак. Во всяком случае, его нельзя связать с остатками небольшой купольной печи, сложенной на глине из мелкого камня и фрагментов керамид, располагавшейся в северо-западном углу позднего помещения. Скорее всего, источник этих материалов находился к западу от участка исследования.

В июле-августе 1968 г. Горно-крымской археологической экспедицией Уральского университета под руководством Е. Г. Сухова проводились раскопки дворца мангупских князей⁹. Открытие и начало исследования этого уникального памятника средневековой архитектуры связано с деятельностью экспедиции Херсонесского музея, возглавляемой его директором Р. Х. Лепером, хотя фактически непосредственным руководителем работ был старший рабочий Н. З. Федоров [28, с. 394, 400]. К сожалению, документация и публикация, отражающие ход и результаты этих раскопок, крайне скудны [13, с. 73-79, 146-154]. Раскопки объекта продолжились в 1938 г. совместной экспедицией ГАИМК и Севастопольского музейного объединения. Как отмечал А. Л. Якобсон, продолживший исследования дворца в 1938 г., его предшественник ограничился закладкой неглубоких траншей вдоль стен, причем, на небольшую глубину, в то время как культурный слой в ряде мест достигал толщины 2 м. Основным участком раскопок стали главная постройка дворцового комплекса (здание С по системе обозначений, введенной Р. Х. Лепером) и примыкавшие к нему помещения [29, с. 390-418]. Работы 1968 г. на дворцовом комплексе велись совместно экспедициями УрГУ и БИАМ, причем, в отчете и в публикации они представлены как разведки. Осуществлялись они закладками шурфов и траншей [30, л. 1], что выглядит достаточно странно с точки зрения общих требований методики проведения археологических исследований, тем более на таких городищах, как Мангуп. Очевидно, ограничение масштабов раскрытия памятника была оговорено с Е. В. Веймарном, который в статье Е. Г. Сухова представлен как участник раскопок¹⁰, хотя он всего один раз посетил объект на заключительном этапе работы экспедиции (автор настоящей статьи был участником этой поездки). Вероятно, Е. В. Веймарн весьма сдержанно отнесся к этому проекту, предполагая в дальнейшем самостоятельно провести исследование памятника, к которому он и приступил в 1974 г.¹¹ Столь своеобразные методы исследований Е. Г. Сухова объяснялись поставленной им задачей — проверка вынашиваемой им идеи реконструкции дворца не как асимметричного в плане

и не замкнутого с восточной стороны комплекса построек (по А. Л. Якобсону), а как симметричного архитектурного ансамбля, огражденного со всех сторон, с обширным внутренним двором, разделенным на три части двухрядными колоннадами. В этом случае план комплекса напоминал бы огромную базилику, ориентированную по оси юг-север, с выступающей к северу башней-донжоном. Для подтверждения этой гипотезы были прозондированы следующие части комплекса: башня, участок предполагаемого восточного крыла северной стены дворца, южная, внешняя сторона помещения С, участок вдоль стен помещений Г¹² и Н, а также участок предполагаемого нахождения одного из восточных рядов колоннады.

В отчете и в статье указано, что при расчистке основания стены, отходившей к востоку от башни, выявлен фундамент антового выступа, симметричный ранее известному при западной стене [31, с. 99; 30, л. 12-13]¹³, однако в 2006 г. при раскрытии экспедицией ТНУ участка стены к востоку от башни следов основания этот выступ не выявлен. Одним из ключевых моментов в гипотезе Е. Г. Сухова стало предположение о наличии стены, с востока ограждавшей дворец. В опубликованной статье обойдено молчанием зафиксированное в отчете отсутствие при расчистке в предполагаемом месте следов такого сооружения [30, л. 12], также не были обнаружены и следы восточной колоннады возле холма, предположительно скрывавшего руины постройки, симметричной зданию С. Пожалуй, действительно заметным новым результатом раскопок уральских археологов явилось открытие неизвестной ранее постройки к северо-востоку от дворца, обозначенной как помещение Х. Назначение его осталось не ясным, возможно, оно было связано с водоснабжением, так как имелся водосточный желоб, и было привязано к глубокой карстовой полости. Было высказано предположение о том, что по времени данное сооружение предшествовало дворцу и каким-то образом использовалось при его строительстве. К сожалению, пониманию этого интересного памятника мешает методика его раскрытия при помощи узких траншей и шурфов.

Несмотря на отсутствие убедительных археологических аргументов в пользу варианта реконструкции дворцового комплекса, предложенного Е. Г. Сузовым, тем не менее, благодаря его внешней убедительности и даже «красоте», именно он чаще всего присутствует в путеводителях и научно-популярных публикациях, посвященных Мангупу. Считал его весьма удачным и Е. В. Веймарн, хотя подчеркивал необходимость проведения исследования памятника для окончательного решения проблемы, что признавал и сам автор гипотезы [30, л. 19].

Помимо работ на дворце, уральские археологи впервые провели зондирование оборонительной линии на плато, отсекающей от застроенной территории городища мысы Чуфут-Чеарган-бурун и Чамну-бурун. Были заложены три шурфа: перед фасом одной из куртин и при стыке ее с башней на участке мыса Чуфут-Чеарган-бурун. Отмечено, что на участке исследований стена поставлена прямо на тонкий культурный слой, а не на материковую поверхность. Как справедливо отметил автор отчета, из-за ограниченности исследованной площади «делать из этого и других наблюдений какие-либо выводы пока преждевременно» [30, л. 18].

¹² В статье, посвященной итогам этих исследований, допущены опечатки. Так, на плане [31, с. 98, рис. 34,Г] помещение I обозначено буквой К, а помещение F в тексте буквой Г [31, с. 96]. Текст отчета, представленный руководителем раскопок в Полевой комитет ИА АН УССР, изобилует опечатками.

¹³ В альбом иллюстраций к отчету соответствующая фотография не включена, есть шесть фотографий [30, рис. 28-33], отображающих в разных ракурсах пилон при западной стене, открытый еще раскопками Р. Х. Лепера.

⁹ Работы велись с 15 июля по 25 августа, в основном, силами восьми студентов исторического факультета.

¹⁰ См. прим. 6: «Разведки проводились экспедицией Уральского гос. университета им. А. М. Горького совместно с Бахчисарайским историко-археологическим музеем» [31, с. 97]. В отчете данная ситуация отражена следующей фазой: «По согласованию с Бахчисарайским музеем и старшим научным сотрудником Института археологии АН УССР Е. В. Веймарном археологические разведки были сосредоточены на плато Мангупа» [30, л. 1], нет упоминания о его участии в раскопках, речь идет только об осмотре башни.

¹¹ В то же время, в июле, когда велись работы Мангупской экспедиции под непосредственным руководством Е. В. Веймарна, одной из ее задач была расчистка руин дворца от зарослей, что следующим образом отмечено в отчете Е. Г. Сухова: «В 1968 г. практикантами Симферопольского педагогического института был вырублен кустарник внутри башни, что облегчило нашу работу по ее исследованию» [30, л. 3].

Основной рабочей силой экспедиции Отдела археологии ИА АН УССР, БИАМ и КГПИ сезона 1969 г. опять стали студенты исторического факультета КГПИ¹⁴. Трудности с открытием финансирования экспедиции, традиционные для археологов как советского, так и современного периода, отражены в следующих строках иотчета о полевых исследованиях 1969 г.: «В силу необходимости, боясь остаться без рабочей силы, я начал археологические исследования на Мангупском городище в сроки студенческой практики, базируясь не только на студенческие силы, но и на раскопочный инвентарь, оборудование и автотранспорт Крымского пединститута и Бахчисарайского историко-археологического музея» [24, л. 2]. Следует добавить, что первая половина июля была отмечена исключительно плохой погодой. В течение нескольких дней непрерывно шел дождь, сопровождавшийся сильным порывистым ветром, что существенно затрудняло как полевые исследования, так и быт экспедиционного лагеря.

Одной из задач, поставленных перед экспедицией в полевом сезоне 1969 г., было проведение разведок на плато и пространных под его обрывами и на склонах. Руководил этими работами М. Я. Чореф, участие в них принял и автор настоящей статьи. На поверхности плато выявлены две винодавильни, расположенные к юго-западу от тарапана, раскопанного в 1912 г. Еще одна найдена в гроте под южным обрывом. Обследована и кратко описана алтарная ниша со следами фрески в пещере МК-2 в верхней части кромки южного обрыва плато [18, с. 134]¹⁵. В верховьях ущелья Гамам-дере среди руин заросших кустарником построек обнаружена архитектурная деталь с изображением двух процветших крестов и слабыми следами однострочной греческой надписи. Было высказано предположение о принадлежности находки христианскому храму, располагавшемуся в данном районе и разрушенному после захвата крепости турками. Это предположение подтвердилось при ознакомлении с планом Мангупа, хранящимся в ЦГВИА России, снятом русскими военными топографами в 1784 г. [34, № 22138]. На нем между известными и подвергавшимися археологическим раскопкам церквями «Богородицы» и св. Георгия показана еще одна церковь, следы которой выявлены уже в процессе осмотра руин городских кварталов в конце 1990-х гг. Обследование пространства под навесом северо-восточного обрыва мыса Елли-бурун показало наличие здесь загонов для скота, а под южным обрывом остатков жилого

комплекса с тарапаном, вырубленным в отдельно стоящей глыбе известняка. В естественном гроте под юго-восточным обрывом плато, под так называемой площадкой со склепами, исследованными еще в 1938 г. [9, с. 421-424], обнаружены вырубленные в скале апсида и другие детали пещерной церкви [18, с. 134-137]. Подробное обследование и описание последнего комплекса предпринято в 1995 г. Было высказано предположение о связи его с пещерной церковью и другими сооружениями на «площадке со склепами». Основанием для этого является существование наклонного уступа в обрыве, в средней части которого находится небольшая искусственная пещера, исследованная автором настоящей статьи в 1968 г., рассчитанная на одного человека, вероятно, караульного. Из общей высоты обрыва, достигавшей здесь 18 м, только последние 7 м внизу нужно преодолевать при помощи приставной или веревочной лестницы. Таким образом, здесь существовал двухъярусный культово-погребальный комплекс, обеспечивавший также контроль над коротким подъемом от подъездной дороги на поверхность городища. Было предложено рассматривать эти сооружения как относящиеся к единому комплексу, получившему условное название «Юго-восточный монастырь» [33, с. 16-20, 78-82, рис. 19-29].

Для установления хронологии отдельных участков городища Е. В. Веймарн использовал опыт исследований на Чуфут-Кале во второй половине 50-х гг. XX в. Отсутствие на территории этого городища раннесредневековых напластований объяснялось периодической очисткой поверхности материковой скалы от накопившегося мусора, который сбрасывался на склоны под обрывами. Для проверки этого предположения были заложены в разных местах 18 шурфов общей площадью 300 м². Особое значение исследователь придавал шурфам под юго-восточным обрывом, в районе средней оборонительной стены. По его мнению, полученные здесь материалы не давали основания датировать это ключевое сооружение в оборонительной системе городища временем Юстиниана I, как считало большинство авторов, скорее они указывали на время появления города на плато не ранее X — начала XI в. [36, с. 64-74]. Это, в целом, соответствовало теоретическим установкам, изложенным в упоминавшейся статье 1958 г.¹⁶ Предполагалось, что и под обрывами Мангупского плато могли быть свалки мусора, содержавшие материалы, отражающие ранние этапы истории поселения. Особенно результативной оказалась разведывательная траншея под юго-восточным обрывом мыса Тешкли-бурун на участке в 50 м к северо-востоку от места, выше которого находилась оконечность куртины оборонительной стены цитадели. Обильный археологический материал представлен почти 9 тыс. фрагментов керамики, в основном тарных сосудов от поздней античности до XVII в. Установить стратиграфию культурного слоя, залегавшего на крутом склоне, не удалось. По мнению руководителя экспедиции, материалы из него подтвердили мысль, что первым раннесредневековым укреплением на плато был «замок» на мысе Тешкли-бурун, а перед ним располагался некрополь. В VIII или начале IX в. возникает «Большой Мангуп», а мысовое укрепление становится городской цитаделью [18, с. 137-139]. Следует отметить, что дальнейшие исследования, проводившиеся экспедицией СГУ-ТНУ с конца 70-х гг. XX в. по настоящее время, показали, что позднеантичные и раннесредневековые материалы в большом количестве представлены и на других участках городища, например, в истоках Лагерной балки ниже базилики, в центральной части плато воз-

¹⁴ Руководителем практики, как и в 1967 г., был назначен заместитель декана В. А. Коростелин. В состав отряда входили заместитель директора по научной работе БИАМ И. И. Лобода, завуч Бахчисарайской вечерней школы рабочей молодежи, опытный краевед, в дальнейшем заведующий отделом «пещерных городов» БИАМ М. Я. Чореф, лаборант Мангупской экспедиции (в тот период студентка I курса исторического факультета КГПИ, третий год работавшая в экспедиции) Г. А. Гайворонская, студент исторического факультета (IV курс) Киевского гос. университета И. С. Пиоро, впоследствии защитивший кандидатскую диссертацию, посвященную проблемам истории крымских готов. Среди студентов-практикантов был М. И. Золотарев, ставший впоследствии археологом-античником, исследователем Херсонеса и Березани (в последние годы жизни — заведующий кафедрой всемирной истории Черноморского филиала МГУ им. М.В. Ломоносова), а также Ю. С. Воронин, архитектор и археолог, организатор службы охраны памятников археологии при управлении строительства и архитектуры Крымского областного исполнительного комитета (в 1973-1977 г. участвовал в работе Мангупской экспедиции в качестве руководителя участка исследований усадьбы в верховьях ущелья Гамам-дере в центральной части Мангупского городища).

¹⁵ В статье ошибочно указано, что этот памятник был открыт впервые, на самом деле его описание было сделано еще в конце XIX в. [32, с. 74; последнее описание и чертежи см.: 33, с. 20-21, 83, рис. 30]. Нумерация гротов и скальных навесов Мангупского плато произведена старшим преподавателем СГУ В. П. Душевым в 1977 г., номера проставлены на стенах красной краской.

¹⁶ В дальнейшем эти выводы были критически рассмотрены нами по результатам раскопок на Чуфут-Кале, проводившихся совместной экспедицией СГУ и Бахчисарайского историко-архитектурного музея в 1987-1988 гг. На основании этих работ, а также анализа стратиграфии шурфа № 1 под средней оборонительной стеной, заложенного Е. В. Веймарном, сделан вывод о сооружении стены в конце VI — первой половине VII в. [37, с. 191].

ле так называемой церкви «Богородицы». В 1998 г. был заложен стратиграфический раскоп на всю длину склона, от подножья обрыва мыса до дороги, к северо-востоку от траншеи № 2. Здесь удалось установить стратиграфическую ситуацию, расчленив напластования VI-VII, VIII-X и XIV-XVI вв. Эти исследования не подтвердили гипотезу об эволюции поселения от мысового укрепления [38, с. 371-494; 39, с. 384-432].

В 1969 г. продолжались исследования базилики. Работы велись в ее северном нефе, где были разбиты два квадрата площадью 3,4x3,6 и 5,75x3,8 м. Были сделаны важные наблюдения, касающиеся стратиграфии сохранившихся культурных напластований. Общая мощность культурного слоя составляла на этом участке до 0,85 м. Из них 0,2 м сняты в предшествовавшем полевом сезоне, оставшиеся около 0,65 м удалось расчленить на два слоя, что было весьма важно для установления относительной хронологии базилики. Верхний слой — серая земля, насыщенная фрагментами человеческих костей и мелким камнем. Судя по описи полевого материала, выразительных археологических находок не было. По происхождению, данный слой был определен как строительный мусор. Нижний слой представлял типичный и для других участков поселения надскальный плотный коричневый грунт. На данном участке он имел толщину до 0,3 м. Отмечено, что он был более насыщен фрагментами человеческих костей и керамики, чем верхний слой. Среди неопределенных керамических находок значатся обломок рифленого сосуда и оплавленный свинец. Здесь зачищены две грунтовые могилы, скорее всего относящиеся к кладбищу, возникшему уже на развалинах храма в период турецкого владения крепостью. Особый интерес представляли захоронения в могиле № 2, врезанной в цоколь стилобата, разделявшего центральный и северный нефы. В ней находились три скелета, лежавшие на спине один над другим. С верхним из них связана находка восьми кованых гвоздей, лежавших шляпками вниз (?), а кроме них, слева от черепа лежала «большая железная крестовина» [24, л. 5]. Скорее всего, в ней можно видеть так называемую звездицу, употреблявшуюся в литургии в конце проскомидии для удержания покровов над диском с частичками просфоры. Подобная находка сделана при исследовании захоронения священника в так называемом храме Богородицы в центральной части плато. Погребальный инвентарь этого погребения, датируемый XV-XVI вв., указывал на то, что усопший был священником, служившим при храме [40, с. 123-124]. Вероятно, и в базиличной гробнице также был погребен священник. На территории второго квадрата помимо земляных могил была выявлена плитовая гробница XV, сложенная из архитектурных деталей вторичного использования. По мнению Е. В. Веймарна, она относилась ко второму строительному периоду храма. В ней также находились три скелета, уложенные в три яруса. Стратиграфическая ситуация на этом участке была такой же, как и на предыдущем. Следует отметить, что все выявленные при раскопках базилики в 1969 г. погребальные сооружения были впущены в надскальный слой коричневой земли, насыщенной фрагментами человеческих костей. Неясным оставалось, с какого уровня выкапывались эти могилы, поскольку перекрывавший их грунт убран во время предыдущих раскопок. Судя по тому, что часть могил была врезана в стилобат, они появились после прекращения функционирования храма, когда его территория стала использоваться под кладбище местной христианской общины, жившей под властью турецкой администрации.

В 1970 г. исследования Мангупа продолжались экспедицией ОАК ИА АН УССР и БИАМ в значительно меньших объемах, чем в предыдущие три года. Сократилось количество студентов-практикантов. На Мангуп было направлено 33 человека (остальные проходили практику в Херсонесе). Полевые исследования в 1970 г. продолжались с 1 по 25 июля. Основным их объектом стала, впервые после 1914 г., ци-

тадель на мысе Тешкли-бурун¹⁷. Е. В. Веймарн указал две причины развертывания здесь работ. Первая — это результаты шурфовки, проведенной в предшествовавшем полевом сезоне под юго-восточным обрывом мыса. Обилие обнаруженного при этом раннесредневекового материала убеждало исследователя в правоте его предположения о существовании на мысу раннефеодального укрепления. Вторая — это указание Н. И. Репникова на то, что около восточной оконечности оборонительной стены цитадели, с внутренней ее стороны, он видел следы «постелей» более древней оборонительной стены [41, л. 2-3]. Руководство этим участком исследования возложили на опытного археолога И. И. Лободу. Перпендикулярно юго-восточной куртине, с тыльной ее стороны, был заложен раскоп из 11 расположенных в две линии (А и Б) квадратов общей площадью 120 м². Такая конфигурация участка исследований определялась еще и задачей зондирования пролома в центральной части куртины, к которой примыкали крайние квадраты. Предполагалось, что здесь находилась вылазная калитка. В процессе исследований было установлено, что нижние блоки куртины уложены прямо на поверхность материковой скалы с бугристой поверхностью. До оборонительной стены цитадели на этом месте находилась постройка, от которой сохранился фундамент из крупных, слегка подработанных камней на грязевом растворе. Стена цитадели срезала его северо-западный угол. Таким образом, ориентация этого здания не соответствовала продольной оси, возведенной на его месте куртины. Остатки кладок, выявленных на площади почти всех квадратов, относились к турецкому периоду, хотя в надскальном слое отмечены находки красноглиняных поливных сосудов, датированных с XIV по XVII в. В основном же материалы из верхнего горизонта представлены керамикой XVI-XVII вв., большинство фрагментов принадлежали желобчатой черепице-«татарке». В разделе отчета, написанном И. И. Лободой, осторожно отмечалось, что остатки построек, открытые в квадратах III, IV и V, могут быть датированы до XV в. [41, л. 15]. Результаты исследований на этом участке заставили Е. В. Веймарна поставить вопрос о необходимости пересмотра представления о наличии в основании стены цитадели раннесредневековых кладок [41, л. 27].

Кроме этих работ, в цитадели была проведена расчистка двух оборонительных казематов, вырубленных у края юго-восточного обрыва мыса. Отмечено, что найденный материал относился к позднесредневековому, турецкому, времени жизни цитадели [41, л. 14]. Эти работы явились продолжением начатых в 1938 г. исследований искусственных пещерных сооружений цитадели.

Вторая задача, поставленная перед экспедицией, — исследование памятников хозяйственной жизни поселения. Основные усилия направлялись на зачистки давлений для винограда, как открытых в предшествующие годы, так и вновь открытых. Эта часть работы возлагалась на М. Я. Чорефа. Были проведены зачистки пяти тарапанов. Вторично расчищена давяльня № 1, раскопанная в 1912 г. экспедицией Р. Х. Лепера. Возле давяльни № 2, открытой в 1968 г. в 100 м к юго-западу от геодезического знака, доследовано найденное, но не расчищенное захоронение. Появилось предположение, что здесь, судя по близости к оборонительной стене (А. XVII), был погребен защитник

¹⁷ При обмерных работах, проводившихся Е. И. Лопушинской в 1967 г., производились небольшие зачистки нижних частей стен здания цитадели, заплывших землей или заросших со времени раскопок Р. Х. Лепера. На международном симпозиуме по охране пещерных сооружений, проходившем в Грузии и Армении в 1982 г., во время экскурсии в Уплисцихе Ю. С. Асеев сообщил автору настоящей статьи, что при подготовке монографии, посвященной архитектуре Крыма, он, кажется, в 1958 г. для удобства обмеров провел зачистки стен октагонального храма, раскапывавшегося Ф. А. Брауном и Р. Х. Лепером.

города, погибший в 1475 г. В 50 м к юго-западу от давилни № 2 в 1970 г. зачищена давилня № 3¹⁸. Еще две винодавилни (№№ 4 и 5) зачищены на скальном уступе в верховьях ущелья Капу-дере, в 40 м к юго-западу от оконечности северо-западной куртины цитадели. На основе материала, обнаруженного при работах на тарапанах, сделан вывод о прекращении их функционирования в период роста территории городской застройки [41, л. 16-21]. В заключительной части отчета Е. В. Веймарн осторожно высказался о возможности датировать давилню VIII-IX вв. [41, л. 27].

Результаты трех полевых сезонов 1967-1969 гг., по мнению Е. В. Веймарна, достаточно убедительно подтвердили его гипотезу, что первоначально раннесредневековое укрепление — своеобразный протофеодалный замок — располагалось на мысе Тешкли-бурун. К югу от него, на восточной окраине плато располагался некрополь. Позже, видимо, в начале IX в. формируется «Большой Мангуп», охвативший основную территорию плато [18, с. 139].

Следует отметить, что накапливаемый на данном этапе археологический материал был фрагментарным, практически не выявлено закрытых комплексов. Отсутствовала сколько-нибудь убедительно разработанная типология отдельных групп средневековой керамики. Датирование находок осуществлялось по аналогиям, не всегда достаточно атрибутированным. Фактически, приходилось ориентироваться на материалы из Херсонеса, опубликованные А. Л. Якобсоном [26; 42; 43], среди которых было немало вещей, не имевших надежного стратиграфического обоснования. Массовый археологический материал из раскопок Мангупа получил отражение только в отчетах об исследованиях, проводившихся в 1938 г. [16, с. 354; 29, с. 390]. Поэтому весьма важным для дальнейшего изучения городища стало введение в научный оборот находок из более ранних раскопок, затронувших такие важные архитектурно-археологические объекты, как базилику и дворец. В основном, эти материалы хранились в фондах БИАМ. Здесь В. Н. Даниленко и А. И. Романчук исследовали поливную керамику из раскопок Р. Х. Лепера, проводившихся в 1912-1914 гг. Несмотря на неудовлетворительное состояние коллекционной описи, не содержащей указаний на стратиграфию и топографию находок в пределах раскрытых памятников, авторы впервые проанализировали и опубликовали эту группу мангупского археологического материала. Ими были учтены такие признаки, как форма сосудов, особенности техники изготовления, качество глиняного теста и глазурного покрытия, стиль и характер орнаментации. В результате находки были разбиты на три группы с выделением внутри каждой из них типологических вариантов. Отмечая предварительный характер выводов, авторы предложили наиболее раннюю группу датировать XIII-XIV вв., вторую — XIV-XV вв., а третью, осторожно, датировать временем не ранее XV в. Впервые ими высказано предположение о местном производстве поливной посуды [44, с. 116-138]. Эта классификация, в значительной мере, сохраняет свое значение и в настоящее время. Некоторые дополнения и коррективы начали вноситься в нее с началом широких исследований цитадели Мангупа с конца 70-х гг. XX в. [45, с. 68-72; 46].

В 1970 г. впервые в исследовании базилики включился руководимый Н. И. Барминой Мангупский отряд археологической экспедиции Уральского университета. Эти работы были продолжены в 1971 г. Исследования на участке перед южной апсидой, сложенной из хорошо отесанных и подогнанных блоков, показали, что здесь под слоем «строительного мусора» находилась материковая скала, без следов вымостки на ней. В 7,2 м к западу от апсиды была расчищена гробница XII без захоронений. Очевидно, здесь все ранние напластования сняты раскопками Р. Х. Лепе-

ра. В центральном нефе сделаны две важные находки. Во-первых, в юго-восточном углу, на поверхности стены, образующей южное плечо апсиды, и примыкающего к ней основания пилястры, обнаружен участок бордюра фресковой росписи 1,3x0,3 м в виде растительного орнамента. Фреску снял О. И. Домбровский и передал на хранение в БИАМ. Во-вторых, установлено, что пол центрального нефа был залит известковым раствором с примесью цемента, на который монтировалась мозаика-найденны отдельные ее кубики. Ранее, в 1970 г., небольшой участок мозаичного пола обнаружен в южной половине нартекса, в углу, образованном западной стеной и пилястрой. К сожалению, эти находки до сих пор не обработаны и не опубликованы. В нартексе базилики расчищена пороговая часть портала южного входа, связавшего нартекс и южную галерею, открытого еще экспедицией Р. Х. Лепера. Тогда фрагменты резных наличников были сняты и вывезены в Херсонес; сейчас они хранятся в Бахчисарайском музее-заповеднике. На месте были оставлены порог и нижний блок основания (с резьбой) одного из наличников. В конце 1970-х гг. они также были сняты и доставлены в БИАМ. На участке у порога четко зафиксированы два уровня вымостки пола, подтвердившие предположение, по крайней мере, о двух строительных периодах в истории базилики [47, с. 356-357].

Работы совместной экспедиции ОАК ИА АН УССР и БИАМ в 1971-1972 гг. продолжались по программе исследований, разработанной Е. В. Веймарном в 1970 г. [27, с. 265-266]. На мысе Тешкли-бурун под руководством И. И. Лободы расчищены и описаны шесть внутрискальных объектов. Это пять однокамерных казематов, вырубленных у кромки обрыва на юго-восточной стороне площадки мыса, и трехкамерный — на северо-западной стороне, известный в дореволюционной литературе как «Судилище» [48, с. 316]. Установлено, что заполнением в казематах была мягкая темная земля, содержащая разнообразный и разновременный археологический материал, не позволявший установить абсолютную дату создания этих сооружений. Очевидно, это позднейшее заполнение отражало тот период, когда казематы уже не функционировали. Зачистка поверхности скалы над помещениями показала, что над ними находились наземные сооружения, в основном, времени пребывания в цитадели турок (до второй половины XVIII в.). Сохранились вырубki в виде гнезд и желобов, а также фрагменты наземных кладок. Для установления назначения пещерных комплексов было сделано важное наблюдение о размещении трех из них в непосредственной близости от расселин в обрывах мыса, по которым можно было, хотя и не без труда, взобраться на плато [49, л. 5-11]. Все помещения были пронумерованы (номера обозначены на стенах красной краской и хорошо сохранились до настоящего времени).

В плане работы экспедиции на 1971 г. предусматривалось обследование других пещерных комплексов, в частности, пещерного монастыря, расположенного в южном обрыве плато, в 300 м к западу от расселины Демир-капу, по которой проходит тропа, ведущая с плато в Адымчокракскую долину [описание монастыря см.: 35, с. 21-26, 37-41]. На краю обрыва площадки грота, с восточной стороны которого находится пещерный храм с фресками, а с западной — кельи, проведены зачистки культурного слоя до поверхности материковой скалы. Обнаружены вырубные желоба и небольшой водосборный бассейн прямоугольной в плане формы. Найдены ограничивались невыразительными фрагментами керамики, среди которых выделялись несколько фрагментов поливных мисок с прорезным орнаментом, характерных для XIV-XV вв.¹⁹ Цепь шурфов, заложенных в глубине грота северной стороны

¹⁹ Работы велись М. Я. Чорефом, заведующим отделом пещерных городов БИАМ при участии автора настоящей статьи.

¹⁸ В отчете неточно указано расстояние между этими давилнями — 120 м.

храма, не дала результатов из-за большой толщины слоя щебенки, осыпавшейся со свода, и недостатка времени и сил для завершения раскопок.

В 1973 г. на склоне ниже монастырского комплекса уральскими археологами под руководством А. И. Романчук была заложена разведывательная траншея длиной 15 м. Цель работы — определение времени существования монастыря. Результатом стала находка на поверхности скалы двух погребений без сопровождающего инвентаря. Обнаруженный невыразительный археологический материал датирован суммарно XII-XVI вв. [50, с. 335].

Полевой сезон 1972 г. был последним в раскопках комплекса, получившего обозначение как «усадьба на восточном краю Мангупа». Тогда были разобраны остатки стен небольшого строения, отнесенного к XIV в. Несмотря на незначительную толщину культурного слоя, покрывавшего поверхность материковой скалы, И. С. Пиоро, руководивший этим участком исследований, выделил два горизонта, датировав нижний VIII-IX вв., а вышележащий — «предположительно» X-XI вв. [27, с. 265]. Важный результат раскопок данного комплекса — обнаружение давилы для винограда площадью 5х2,4 м, вырубленной в материковой скале. Появление ее связывалось с первым строительным периодом, а в XIV-XV вв. она уже не функционировала и была забита камнями и мусором. В целом, этот вывод представляется соответствующим современным представлениям о периодизации раннесредневековой истории поселения, хотя пока не удалось в чистом виде проследить такую же стратиграфическую картину на других участках исследований, значительно больших по площади и мощности культурного слоя. Следует отметить, что для установления хронологии исследуемых объектов на юго-восточной окраине плато, Е. В. Веймарн и И. С. Пиоро пытались использовать наблюдения за уровнем уклона скальных поверхностей полов помещений. Так, было замечено, что нижний пол двухкамерной постройки «усадьбы» имел такой же уклон, как и выровненная скальная поверхность, на которой сооружена часовня-усыпальница с двумя гробницами, раскопанная в 1968 г. Что касается второго уровня пола «усадьбы», то он соответствовал углу и направлению наклона скального основания церкви-усыпальницы перед фасом юго-западной куртины цитадели и трехнефной церкви в районе триангуляционного пункта (раскопки 1967-1968 гг.). Отсюда выдвигалось предположение, что постройка перед цитаделью могла возникнуть в X-XII вв., то есть в период «Большого Мангупа», когда укрепление на мысу потеряло свое оборонительное значение. Разницу в наклонах поверхности плато авторы объясняли влиянием землетрясений, приводившим к смещению известнякового массива по мергелиевому основанию, образующему пологие склоны плато. Эта интересная идея должна быть подкреплена серьезными геологическими исследованиями. Требуется также точная инструментальная съемка сравниваемых объектов, что стало возможным лишь в последние годы с появлением новейших технологий.

Раскопки базилики в полевом сезоне 1972 г. продолжались отрядом экспедиции УрГУ, но в связи с отсутствием Н. И. Барминой, проводившей исследования памятника с 1967 г., руководство работами взяла на себя А. И. Романчук. Основываясь на предположении Е. В. Веймарна, что груда земли и камня в центральной части южного нефа является единственным оставшимся после раскопок Р. Х. Лепера нетронутым участком культурного слоя базилики, А. И. Романчук решила доследовать его²⁰. Возле гробницы, исследованной в 1912 г., выявлена вымостка из керамид без клейм, в основ-

²⁰ Это предположение не подтвердилось: на фотоснимке, сделанном А. Л. Бертъе-Делагардом в период раскопок Р. Х. Лепера, хорошо видно, что этот участок, как и остальная территория храма, зачищен под один уровень, совпадавший с уровнем порога главного входа [51, с. 28-29, рис. 8].

ном, с бортиками треугольного сечения, которые, по мнению А. И. Романчук, сходны с херсонесскими, датированными IX-X вв. [52, с. 328]²¹. Около стены южной галереи раскрыты две гробницы: одна — вырубленная в скале и перекрытая плитой, другая — заглубленная на 0,2 м в материк и надстроенная известняковыми плитами на растворе. Похожий раствор отмечен на некоторых участках стены галереи. В предварительной публикации ничего не говорится о погребениях в упомянутых гробницах. Очевидно, они отсутствовали, поскольку были затронуты предшествующими раскопками.

Действительно, новым шагом в изучении базилики стали работы в южной галерее, в меньшей мере, чем другие части храма, затронутой предшествующими раскопками. Ее ширина — 3,2 м, при толщине внешней стены 0,7-0,75 м. Выявлены три слоя, которые суммарно датированы X-XV вв. Продолжение исследований галереи в следующем полевом сезоне позволило проследить дневную поверхность времени, когда этот участок базилики функционировал как кладбище. Открыты шесть погребений и разрозненные кости от разрушенных захоронений. Ниже залегал слой разрушения, насыщенный камнем и фрагментами черепиц. Еще ниже на поверхности материковой скалы залегал слой, состоявший исключительно из черепиц, многие из них были закопчены, а в восточной части завала найдены остатки обуглившихся балок. В раскопанной части галереи обнаружены три поперечные стенки, делившие галерею на отсеки, назначение и время образования которых осталось неясным. Хронологические выводы А. И. Романчук, как и ранее, попыталась сделать на основании хорошо известного ей по раскопкам в Херсонесе кровельного керамического материала, а также находок грушевидных амфор с высоко поднятыми ручками, встречающихся в горизонте XIII-XIV вв.²² Что касается черепицы, автор, также опираясь на херсонесские аналогии форм и меток, датировала их XI-XIII вв. [50, с. 334-335; 55, с. 181-192]. Несомненно, не только подбор аналогий, но и соображения концептуального характера стали основанием для хронологических выводов исследовательницы, и в последующие годы работавшей на Мангупе по открытому листу Е. В. Веймарна.

А. И. Романчук, со свойственным ей энергией и решительностью, начала также исследования руин жилой застройки, окружавшей базилику²³. На участке между базиликой и княжеским дворцом, по предварительной оценке, располагались шесть усадеб, предположительно функционировавших в XIV-XV вв. Была раскопана двухкамерная постройка и дворик на территории одной из них. Отмечено, что стены сложены из блоков, взятых из разрушенной базилики. Стратиграфия культурного слоя в помещениях охарактеризована следующим образом: верхний слой отнесен к XV-XVI вв., второй, связанный с разрушением раннего здания и содержащий фрагменты поливных сосудов с врезным орнаментом, — к XII(?)—XIV вв., нижний, надскальный, слой по фрагментам амфор с зональным рифлением (?) — к IX-XI вв. Шурфы на других усадьбах, по мнению А. И. Романчук, «...не дали слоев ранее X-XI вв.» [52, с. 328]. Эти явно предварительные определения сделаны на основании текущих наблюдений в процессе раскрытия объектов и, главным образом, на основании теоретических взглядов, которые исследовательница, опиравшаяся на опыт Херсонеса, но мало знакомая со спецификой Мангупа, заимствовала у наиболее авторитетного

²¹ В 2004-2005 гг. фрагменты этой вымостки были обнаружены в западной и юго-западной частях центрального нефа. По нашим наблюдениям, использованные в ней черепицы относятся к 1-й группе, по мангупской классификации, и датируются XIV-XV вв.

²² Очевидно, подразумевались амфоры класса 48 по новейшей херсонесской классификации [см.: 53, с. 78-81, табл. 43-44; 54, рис. 86].

²³ Руководителем на этом участке исследований была Л. А. Омелькова.

специалиста по археологии «пещерных городов» — Е. В. Веймарна²⁴. Продолжение работы на данном участке в 1973 г. привело к более определенному представлению о разворачивании здесь интенсивного строительства уже после разрушения базилики. Был сделан вывод о трех строительных периодах в жизни усадьбы, суммарно датированных XV-XVII вв., что подтверждалось находками монет Крымского ханства (атрибуция монет не приведена) [50, с. 335].

Для уточнения ситуации важное значение имело продолжение раскопок на данном участке в 1974 г. По наблюдениям Л. А. Омельковой, в ходе исследования усадьбы было выявлено несколько периодов. К наиболее раннему относилась печь-тандыр (диаметром 1,5 м), по периметру обложенная обломками черепицы. Пол состоял из слоя мергеля глины, поверх которого уложена черепица так называемого татарского типа, затем — обмазка из огнеупорной глины. Эта печь построена на месте более ранней, но такой же по габаритам. Причем, в ее конструкции наряду с «татаркой» использовались фрагменты керамид, аналогичных из раскопок базилики. Ко времени функционирования печи относятся остатки вымостки из бутового камня, сохранившейся около северной и южной стен усадьбы, выложенной в более позднее время. Вероятно, во время существования этой печи или несколько позднее здесь были построены еще две круглые в плане печи, перекрытые западной и восточной стенами позднего здания. Здесь найдено большое количество кусков железного и стекловидного шлака. Стены здания, синхронного данной группе печей, разобраны в следующий строительный период. Поздняя усадьба состояла из двухкамерного здания (7,4х4,4 и 7,6х4,4 м) и двора (6х4 м). Стены помещений сложены из блоков, взятых из стен базилики. В поздней усадьбе имелись печи прямоугольной в плане формы. Одна из них (0,9х0,7 м) находилась во втором помещении, другая (1,45х1,7 м) — с внешней стороны южной стены этого помещения. Вывод автора предварительной публикации о датировании исследованного комплекса XIV(XV)-XVII вв., сделанный на основе «изучения керамического и нумизматического материала», буквально повторил формулировку руководителя экспедиции УрГУ [56, с. 334]. Однако даже из краткого описания ситуации на участке исследований явствует, что открытые памятники относятся к позднему периоду жизни поселения — к XVI-XVIII вв., что подтверждается и материалами отчета о раскопках. В заключительной части отчета констатируется: «После раскопок и разведок 1972-1974 гг. можно с уверенностью сказать, что все видимые в настоящее время здания, расположенные к юго-востоку от базилики, были построены после ее разрушения. В значительной степени материалом для возведения их стен послужили блоки со стен разрушенной базилики» [57].

В 1973 г. Е. В. Веймарн, осуществляя общее руководство экспедицией²⁵, лично занимался описанием памятников в центральной части городища, ограничиваясь небольшими зачистками²⁶. Были обследованы два небольших кладбища, зафиксировано более 70 надгробных памятников домообразной и плитовой форм, предваритель-

²⁴ Следует отметить, что как результаты исследований 1938 г., так и последних лет показали: во-первых, малочисленность в пределах городища артефактов IX-XI вв., особенно в западном районе, где расположены базилика и дворец; во-вторых, что в надскальном слое здесь абсолютно доминируют материалы позднеантичного и раннесредневекового времени (до VIII в.).

²⁵ В 1973-1974 гг. Е. В. Веймарн официально являлся руководителем Мангупского отряда Крымской экспедиции ОАК АН УССР, в который входила группа СГУ (руководители В. Н. Даниленко и А. Г. Герцен). Исследования базилики и усадеб в ее окрестностях проводились мангупским отрядом экспедиции УрГУ по открытому листу А. И. Романчук.

²⁶ В этой работе участвовала в качестве лаборанта заведующая библиотекой ОАК АН УССР В. Н. Долгополова.

но датированных XIV-XV вв. Особенно интересен некрополь возле так называемого «Храма Богородицы», раскопки которого начал еще Р. Х. Лепер, но не завершил из-за начала мировой войны²⁷. Условное название церкви связано с тем, что академик П. С. Паллас в конце XVIII в. видел в её полуразрушенной апсиде изображение Богородицы. Хотя следует отметить, что автор не указал точно, в какой из двух упомянутых им полуразрушенных церквей сохранился «прекрасный образ Марии» [58, с. 64]. Данная церковь сохранилась лучше всех других наземных церквей Мангупа. Еще в середине XIX в. стены ее были почти на полную высоту, что запечатлено на рисунке художника Вебеля, который по поручению графа А. С. Уварова готовил материалы к изданию альбома крымских древностей, к сожалению, так и не опубликованного. Этот памятник может быть отождествлен с церковью св. Константина, которую посетил польский дипломат Мартин Броневский в 1578 г. [59, с. 167, 195]. Еще в 1912 г. на некрополе возле церкви выявлены надгробия с изображениями, одно из них (с весьма реалистичным рельефным изображением сабли в ножнах и с ремнями портупей) было тогда же опубликовано и повторно раскрыто в 1973 г. У юго-восточной стороны апсиды церкви зачищена ранее не известная винодавильня, вырубленная в материковой скале, явно предшествовавшая храму [60, с. 255].

В связи разворачиванием археологических исследований на различных участках плато становилась очевидной необходимость его топографической съемки. До этого времени использовалась план-схема 1938 г., восходившая, в свою очередь, к плану, составленному А. Л. Бертъе-Делагардом на основании военной карты-верстовки [51, с. 10-11, рис. 2; 9, с. 421, рис. 2; 18, с. 124, рис. 1]²⁸. Проводилась глазомерная съемка с помощью медной кавалерийской буссоли (А. Г. Герцен, 1968 г.; Е. В. Веймарн, Г. А. Гайворонская, 1971 г.) и начата инструментальная съемка (Г. Г. Герцен, 1972 г.)²⁹. На план были нанесены: дворец, семь церквей, шесть кладбищ, основные улицы в центральной и восточной частях городища, часть кварталов в западном районе, основное кольцо обороны и памятники, открытые на мысе Тешкли-бурун и в восточном краю городища [27, с. 265-266]. Съемка продолжилась в 1973 г. (Ю. С. Воронин), однако полностью инструментальный план поверхности плато и части территории в верховьях ущелий, прорезающих северную часть массива, в масштабе 1:1000 был снят Е. А. Чикалкиным в 1977 г. В дальнейшем он стал основой для составления отчетных экспедиционных материалов и публикаций.

С 1969 г. автор настоящей работы начал изучение уже известных оборонительных сооружений, а также приступил к поиску остатков стен на необследованных ранее участках мысов и ущелий плато. До этих исследований в литературе утвердилось представление, что пояс стен и башен периода жизни княжества Феодоро (XIV-XV вв.) и турецкого владычества (XVI-XVIII вв.), пересекающий плато по ли-

²⁷ Доследование церкви «Богородицы-Константина» проведено экспедицией СГУ в 1992-1993 гг. Было установлено, что церковь функционировала до первой половины XVII в. и была последним действующим храмом мангупской христианской общины, полностью исчезнувшей к середине этого столетия.

²⁸ В конце 1928 г. в качестве топографической основы для нанесения памятников городища был подготовлен план, представлявший увеличенную в 50 раз копию карты-верстовки Генерального Штаба [Архив ИИМК, Р-1, № 118^а].

²⁹ Герцен Герман Германович (1925-2012), отец автора статьи. Тогда он был кадровым офицером-артиллеристом, командиром дивизиона; его основная военная специальность — АИР (артиллерийская инструментальная разведка), поэтому он прекрасно владел геодезической техникой. После демобилизации он еще более 30 лет работал инженером-геодезистом в Укр-ГИИНТИЗ (Симферополь).

нии юго-запад — северо-восток и отделяющий от застроенной территории мысы Чамну-бурун и Чуфут-Чеарган-бурун, совпадает с укрепленной линией раннего средневековья. Отмечалось, что ранние квадратные кладки прослеживаются в верховьях Капу-дере и в нижней стене в Табана-дере (А. Л. Якобсон), которая определялась как передовая. В принципе соглашаясь с такой интерпретацией главной линии обороны, Е. В. Веймарн отмечал, что визуально квадратная кладка раннесредневекового облика прослеживалась лишь на небольшом участке в районе пилона главных крепостных ворот в верховьях ущелья Капу-дере (укрепление А.XVI)³⁰. В то же время, основываясь на разведках 1938 г. и надписи 1502 г. (так называемая «надпись Цулы»), нижнюю стену в Табана-дере он считал поздней, построенной турками в качестве передовой линии. Правда, по словам Е. В. Веймарна, еще до Великой Отечественной войны было известно о существовании остатков оборонительной стены на восточном склоне мыса Чамну-бурун, но ее значение оставалось не ясным без выявления других элементов оборонительной системы.

В результате разведок 1970-1971 гг. обнаружены новые звенья крепостного ансамбля Мангупа. Остатки пяти укреплений выявлены в расселинах на западном склоне мыса Чамну-бурун, двух — на западном склоне мыса Чуфут-Чеарган-бурун. Постели ранней стены обнаружены на западном склоне мыса Елли-бурун, ниже оборонительной стены с башней, господствовавшей над средней частью балки Гамам-дере. Особенно важным для понимания структуры фортификационного комплекса стало обнаружение во время разведок в марте 1971 г. остатков оборонительной стены, перекрывавшей устье балки, впадавшей с юго-западной стороны в ущелье Гамам-дере³¹. На склоне перед фасом стены найдены фрагменты гранитных ядер, позволившие определить участок, на который был направлен основной удар турецких войск в период осады 1475 г. Это подчеркивало значение данного оборонительного звена в крепостном комплексе [27, с. 265; 61, с. 381]. Данные открытия позволили принципиально по-новому в общих чертах реконструировать в общих чертах контуры главной крепостной ограды [62, с. 88-104; 23, с. 102-125]³². Она состояла из отдельно расположенных укреплений, которые перекрывали доступные

³⁰ На самом деле, наше обследование показало, что квадратная кладка составляет нижний ярус лицевого панциря укрепления А.XVI на всем его протяжении.

³¹ К настоящему времени укрепилось название этой балки — «Лагерная», связанное с традиционным (с 1968 г.) размещением экспедиционного лагеря над её верховьями, на поляне перед фасом второй оборонительной линии.

³² В мае 1971 г. в БИАМ состоялось выездное заседание Отдела археологии Крыма, на котором автор делал доклад о разведках на территории Бахчисарайского района, в том числе и о новых открытиях памятников системы обороны Мангупа. На нем присутствовали О. И. Домбровский, Э. И. Соломоник, Е. В. Веймарн, В. Н. Даниленко, О. А. Махнева. Принимал в нем участие и А. Л. Якобсон. В обсуждении доклада выступил В. Н. Даниленко и со свойственной ему обстоятельностью рассказал о том, что еще в середине 60-х гг. он и С. Ф. Стржелецкий также пытались найти следы крепостных стен на окраинах Мангупского плато, однако это им не удалось. Теперь же он убедился, что их предположение было правильным и стены действительно существовали. В дальнейшем, когда Виталий Николаевич перешел на работу в Симферопольский государственный университет им. М. В. Фрунзе и стал преподавать несколько курсов (основы археологии, историю первобытного общества, историю древнего мира, основы этнографии, историческую хронологию и др.), он вспомнил о нашей встрече в Бахчисарае и рекомендовал руководству университета (ректор А. Ф. Переход, проректор по научной работе и заведующий кафедрой истории Украины И. С. Чирва) пригласить меня на должность преподавателя кафедры истории Украины для чтения курсов истории первобытного общества и основ этнографии. Это состоялось в октябре 1972 г.

для подъема участка, прежде всего верховья ущелий, прорезающих северную часть плато. Кроме того, защищались расселины в обрывистых склонах и участки, где линии обрывов прерывались ступенчато-террасными структурами (на южной окраине плато). Таким образом, защищаемый контур плато имел общую протяженность 6,6 км, из которого в общей сложности 1,5 км приходилось на искусственные фортификации, а остальные составляли естественные обрывы.

Итак, к началу систематических раскопок оборонительных сооружений городища были накоплены данные о существовании крепостного полигона, в который включалась вся поверхность плато и верховья ущелий. Эта система создавалась с максимальным учетом естественных факторов неприступности. В ней четко проявились три укрепленных линии. Первая — внешняя, обеспечивавшая оборону уязвимых мест всего контура плато и максимально подчиненная своим начертанием естественным рубежам. Вторая — непрерывный пояс стен с башнями, протянувшийся от юго-западного обрыва до западного края Гамам-дере; в ее начертании менее всего учтены особенности местности. И, наконец, укрепление на мысе Тешкли-бурун, являвшееся цитаделью³³. Выбор места для нее был подсказан естественной конфигурацией плато. Различия в технике строительства и тактических решениях этих поясов наглядно свидетельствовали о разновременности их появления. Однако для установления хронологии крепостного строительства требовалось проведение широких археологических исследований.

В 1971-1972 гг. раскопки велись на остатках укрепления А. XIV, представлявшего задернованный развал камней, протянувшийся от обрыва Таврского мыса³⁴ до начала неприступного склона мыса Чуфут-Чеарган-бурун. Для проведения работ был выбран участок в северной части вала, где он проходил по одному из уступов склона мыса. Раскопом был сделан поперечный разрез через вал и пространство рядом с ним. Установлено, что сохранившаяся кладка стены имеет толщину 1,7 м. Ее лицевой панцирь сложен из квадров, забутовка — из необработанного камня на известковом растворе с песком и керамической крошкой. Отметим, что был выявлен надскальный слой, густо насыщенный разложившимся известковым раствором, в котором немногие находки представлены в основном амфорами типа «Истрия» [амфоры класса 18 по: 53, с. 38-40, табл. 14-16]. Слой этот явно сформировался в процессе строительства стены. Однако важность данного факта для установления даты создания укрепления не была сразу оценена. Перед фасом стены найдены многочисленные фрагменты гранитных ядер (диаметр 42 см). В лицевом панцире выяв-

³³ Для удобства обозначения элементов оборонительной системы был предложен следующий порядок их нумерации. Укрепления главной линии обороны (ГЛО) обозначаются в текстах и на чертежах буквой А, второй линии обороны (ВЛО) — буквой В, цитадель — буквой С. Римские цифры указывают номера укреплений, арабские — номера башен, буквами обозначаются отдельные куртины. Нумерация идет с запада на восток. Под укреплениями для ГЛО понимаются сплошные оборонительные линии, опирающиеся флангами на неприступные обрывы. ВЛО (линия В) и цитадель (С) рассматриваются как отдельные укрепления.

³⁴ В начале 70-х гг. XX в. было предложено называть Таврским мысом обрывистый выступ плато между Лагерной балкой и верховьями ущелья Гамам-дере. По словам Е. В. Веймарна, во время работы экспедиции ИИМК 1938 г. здесь была вырыта траншея для захоронения бытового мусора. При этом, в выбранном грунте встречены фрагменты лепных сосудов черного цвета с гладкой лощеной поверхностью. Эти находки тогда определены как таврские, а место получило в обиходе сотрудников экспедиции обозначение «Таврский пятачок». В настоящее время нет данных о наличии на плато следов сколько-нибудь значительного таврского поселения. Упомянутая лепная керамика такого облика обычно встречается в горизонтах позднеантичного и раннесредневекового времени, а также в соответствующих погребальных комплексах.

лена брешь, образовавшаяся в результате попадания ядра. В завале камня с тыльной стороны этого участка обнаружен скелет мужчины, вероятно, погибшего при обстреле. Результаты этих разведывательных исследований показали необходимость широкого раскрытия памятника, а также других звеньев оборонительной системы для установления основных этапов функционирования поселения.

Возможность приступить к решению этой задачи появилась в 1973 г., в связи с переходом автора настоящей статьи на работу из БИАМ в СГУ им. М. В. Фрунзе на кафедру истории Украины. При составлении планов проведения летней учебной археологической практики на 1972-1973 учебный год доцент кафедры, археолог В. Н. Даниленко поддержал предложение провести ее на Мангупе полным составом студентов I курса, а главным объектом раскопок определить вновь открытые участки оборонительной системы городища и, прежде всего, руины укрепления А. XIV. Таким образом, в 1973 г. существенно расширилось участие СГУ в работах Мангупского отряда Крымской экспедиции Института археологии и БИАМ. В июле-августе в раскопках участвовали студенты-практиканты и студенты старших курсов, специализировавшиеся по археологии, — в общей сложности около 100 человек. Руководил экспедицией Е. В. Веймарн, группу БИАМ возглавлял заместитель директора по научной работе И. И. Лобода, группу СГУ — доцент В. Н. Даниленко и преподаватель А. Г. Герцен.

Основное внимание сосредоточилось на изучении остатков оборонительной линии у восточного края мыса Чуфут-Чеарган-бурун, ее лицевая сторона была зачищена на протяжении более 150 м. Эти работы продолжались и в 1974 г. Установлено, что оборонительный рубеж имел в плане форму входящего угла (тенальное начертание). Укрепление состояло из трех куртин, лицевая сторона которых сложена из крупных (0,3х0,4х0,5 и 0,4х0,5х0,7 м) хорошо обработанных квадров из местного известняка, по-ложенных на известковом растворе. Толщина стен — от 1,3 до 3 м. Местами кладка сохранилась на высоту пяти-шести рядов. Выяснено также, что в этом фортификационном узле прослеживаются, по крайней мере, два строительных периода. Археологические материалы, полученные при этих раскопках, представлены, в основном, фрагментами керамики, накопившейся за линией крепостных стен в результате смыва с плато по руслу Лагерной балки. Подавляющее большинство фрагментов принадлежало позднеантичным и раннесредневековым амфорам, обстоятельная классификация и хронология которых в 1970-е гг. только разрабатывалась, однако стало ясно, что верхняя дата этих материалов не выходит за пределы VII в. Тем не менее, предварительно время сооружения стены было определено в рамках IX-X вв. [60, с. 255]. Такой вывод не являлся результатом анализа находок и архитектурных особенностей сооружений, скорее, это было следование гипотезе, которой руководствовался руководитель экспедиции и разделяли его ученики и сотрудники. Дальнейшие исследования на данном и других объектах, накопление массового материала, его обработка и подборка надежно датированных аналогий заставили пересмотреть данные позиции и выработать иную концептуальную схему. Однако это произошло позже, в конце 1970-х гг.

Полевой сезон 1974 г. отмечен рядом новых моментов в организации исследований. В составе Мангупского отряда Крымской экспедиции ИА АН УССР по открытому листу Е. В. Веймарна Мангупский отряд Крымской экспедиции УрГУ (общее руководство А. И. Романчук) продолжал исследование базилики, теперь уже под руководством Н. И. Барминой и при участии заместителя декана исторического факультета Н. Ф. Шилук. Раскопки усадьбы около базилики, как отмечалось, вела Л. А. Омелькова. Группа СГУ продолжала работу на укреплении А. XIV

в Лагерной балке (руководители А. Г. Герцен и В. Н. Даниленко). Е. В. Веймарн с Л. И. Ивановым приступил к исследованиям дворца в центральной части Мангупского плато.

В западной части южной галереи базилики к 1973 г. оставался не раскопанным участок культурного слоя мощностью от 0,95 до 1,2 м, частично затронутый в 1912 г. Непосредственно под насыпью шла материковая скала. Здесь открыты вырубленная в материке могила, потревоженная предшествующими раскопками, и две плитовые гробницы возле южной стены галереи. В зачищенном срезе, являющемся границей участка, раскопанном Р. Х. Лепером, удалось проследить стратиграфическую колонку южной галереи: на высоте до 0,15 м над материковой скалой — уровень нижнего пола; слой пожара мощностью до 0,7 м; слой строительства (до 0,8 м), перекрытый уровнем верхнего пола; насыпь от предыдущих раскопок (до 0,6 м). Первый слой прослежен и на участке, исследованном Р. Х. Лепером.

Раскрытие центрального участка южной галереи в следующем полевом сезоне дало следующую стратиграфическую ситуацию, отличавшуюся от прослеженной в западной³⁵. Первый слой — дерн (до 0,6 м), второй — уровень верхнего пола позднего помещения, возникшего после разрушения базилики, третий — «слой погребений» (до 0,8 м) с шестью погребениями, совершенными после разрушения галереи, четвертый — слой пожарища (до 0,5 м), пятый — уровень нижнего пола (до 0,15 м), совпадающий с плитами гробниц, вырубленных в скале. Всего в западной части галереи было открыто шесть таких гробниц, расположенных в оси храма. По предположению Н. И. Барминой, эти гробницы относились к раннему этапу существования базилики. После разрушения храма, видимо, в результате пожара южная галерея не восстанавливалась и постепенно превращалась в кладбище. Позднее на этой территории возникло жилое помещение, на что указывают находки кухонной и столовой посуды XIV-XV вв. [63, с. 301-302].

Участок галереи, не затронутый предшествующими раскопками, с востока был пересечен стеной (пятой по счету) толщиной 0,95-0,98 м, сложенной из блоков вторичного использования и бутового камня. В отличие от четырех ранее открытых поперечных стен, она стояла не на материковой скале, а на плотном слое черной земли толщиной 0,4 м. При зачистке подошвы верхнего пола обнаружено большое количество обломков кухонной посуды. Фрагменты поливных сосудов, найденные на этом участке, датированы исследователями XIII-XV вв. [64, с. 259].

В 1974-1975 гг. подверглась раскопкам также восточная часть базилики. При исследовании внешней стороны центральной апсиды было высказано предположение, что к востоку от храма и после разрушения последнего продолжало функционировать кладбище. В подтверждение указывалось наличие здесь многочисленных надгробий. Кроме того, были раскопаны две гробницы, пристроенные к южной грани апсиды и датированные по поливным сосудам XVI-XVII вв. Под ними обнаружены плиты перекрытия нижних гробниц, относящихся ко времени существования базилики [64, с. 259]. Думается, что вопрос о существовании некрополя нуждается в дополнительном исследовании, поскольку «многочисленные надгробия», скорее всего, оказались здесь перед началом первых раскопок; в отчете Ф. А. Брауна указано, что надгробия, стоявшие на холме, скрывавшем руины базилики, были сдвинуты по его сторонам.

При зачистке забутовки стен апсиды, по мнению Н. И. Барминой, подтвердился сделанный ранее вывод о двух строительных периодах базилики. Однако в

³⁵ В статье, посвященной работам 1974 г., стратиграфия описана начиная с нижнего слоя, а работам 1975 г. — с верхнего.

следующем полевом сезоне³⁶, ставшим одним из самых плодотворных на данном этапе исследования базилики, уже пришли к выводу о трех периодах [63, с. 302]. Поводом для этого стали результаты исследований алтарной части. Установлено, что центральная апсида базилики неоднократно подвергалась перестройкам. На основании открытия под северо-восточной частью апсиды дугообразного фундамента выдвинуто предположение, что первоначально апсида имела полукруглую форму как с внутренней, так и с внешней стороны, затем с внешней стороны она приобрела трехгранную форму. Исключительную важность имело обнаружение при зачистке пазухи между внутренней стороной кладки синтрона и полуциркулярной стеной собственно апсиды остатков штукатурки со следами фрески [63, с. 302]. Таким образом, стало очевидным, что синтрон относится не к первому, а к одному из последующих строительных периодов и, скорее всего, смонтирован вместе с сохранившейся вымосткой солеи, в которой есть плиты явно вторичного использования³⁷.

Еще одним важным результатом работ 1975 г. стало открытие участка (0,8х0,7 м) раннего мозаичного пола между солеей и северным стилобатом. Рисунок мозаики в виде перекрещивающихся кругов, образующих кресты с ветвями в виде лепестков, имел сходство с известными мотивами в храмах Херсонеса (например, базилика 1935 г.). Мозаика содержала следы пребывания в пожаре и ремонта³⁸.

Наконец, в восточной части северного нефа проведено исследование гробницы № 16, верхнюю часть которой, сложенную из бутового камня, раскопал Р. Х. Лепер. Под ней оказалась более ранняя гробница с четырьмя скелетами, ориентированная не по оси базилики, и это позволило предположить, что она по времени предшествовала строительству храма. Тем более, что зачистка дала фрагменты раннесредневековых амфор с зонами мелкого рифления и позднееримского стекла [63, с. 302].

Любопытно, что в начале предварительной публикации о результатах исследования базилики в 1975 г. ее авторы заявили о завершении изучения базилики внутри ее стен [63, с. 301]³⁹. В дальнейшем, до 1979 г. археологические исследования переместились на территорию, примыкавшую к базилике. На участке за южной апсидой были открыты две гробницы. В одной из них (№ 35) находилось 13 черепов и пять полных скелетов. Детский браслет синего стекла, найденный в этой гробнице, пристроенной к южной апсиде, датирован Н. И. Барминой по херсонесским аналогиям «после X в.», на основании чего делался вывод, что гробница, пристроенная к апсиде, сооружена «почти одновременно с южной апсидой, то есть не ранее X в.».

³⁶ В 1975 г. исследования базилики велись Крымской экспедицией Пермского университета и Мангупским отрядом УрГУ под общим руководством Н. И. Барминой, ставшей аспирантом профессора В. Т. Сиротенко.

³⁷ Солея и основание амвона зачищены и зафиксированы во время раскопок 1967-1968 гг. К настоящему времени в наосе под ними находится последний не затронутый раскопками участок раннего культурного слоя. В 2005 г. Н. И. Бармина для консервации засыпала раскопную еще в 1967 г. солею землей.

³⁸ Снятие мозаики и ее последующий монтаж на новую основу осуществил В. Линюк, впоследствии основавший голографическую лабораторию Херсонесского музея. К сожалению, в 1977 г. мангупская мозаика, как и многие другие материалы мангупских экспедиций, погибла в результате пожара в здании загородного дома Воронцова в Симферополе, возникшего из-за нарушения правил проведения сварочных работ.

³⁹ Тем не менее, до 2005 г. включительно раскопки на территории храма продолжались и выявляли не известные ранее участки культурного слоя и погребения. С 1992 г. отряд уральских археологов включился в состав экспедиции СГУ — ТНУ.

Говорилось, что данная апсида более поздняя, чем центральная, и первоначально базилика имела только одну апсиду [65, с. 296].

Другим участком исследований стала территория за северной галереей. За восточным приделом, известным еще по раскопкам 1938 г. [16, с. 388, рис. 58], открыто еще одно помещение («а»), которое при исследовании в следующем полевом сезоне оказалось часовней [66, с. 298]. Стратиграфия участка была следующей: первый слой (верхний) — отвалы предыдущих раскопок; второй — слой разрушения, насыщенный камнем; третий — слой, связанный с функционированием помещений. Поверхность последнего совпадала с плитами перекрытия пяти гробниц, которые использовались как костницы. Во втором слое помещения «а» среди обломков архитектурных деталей обнаружены две раннесредневековые мраморные капители. Найдена также каменная ванна с круглым отверстием для стока воды — предполагаемая купель. Под ней — дисковидная каменная плитка с греческой надписью [65, с. 297].

В следующем полевом сезоне (1978 г.) стояла задача установить связь храма с выявленными ранее остатками сооружений, примыкавшими к его стенам с южной, восточной и северной сторон, а также с окружающими усадьбами⁴⁰. Установлено, что с южной стороны не было каких-либо построек, примыкавших к южной галерее. На восточном участке раскрыты 22 надгробные плиты, три грунтовых погребения и гробница (№ 45). Последняя, расположенная за центральной апсидой в оси с храмом, вырублена в скале, выложена и перекрыта известняковыми плитами. Под ними находилось семь скелетов, лежавших на спине, и пять обломков стеклянных браслетов. В северо-восточной части этого участка кладбище разрушено постройками, появившимися, вероятно, в турецкое время. Руководители раскопок ситуацию на данном участке посчитали открытием многослойного кладбища, возникновение которого, возможно, относилось к начальному периоду существования базилики. Однако, как уже отмечалось, вряд ли речь может идти о существовании с этой стороны храма сколько-нибудь значительного некрополя, кроме гробниц, непосредственно связанных с храмом. Весьма выразительно свидетельствует против этого предположения соотношение на участке грунтовых погребений (3) и количества надгробий (22). Для решения этого вопроса необходимо дальнейшее раскрытие территории к востоку от храма.

Перед северным плечом апсиды обнаружена печь овальной в плане формы (2,0х1,7 м) для обжига извести, сложенная из квадров, взятых из стен базилики. Высказано предположение, что печь связана с расположенной рядом позднесредневековой усадьбой. Не исключено, однако, и более позднее ее происхождение. Есть сведения, относящиеся к началу XX в., о том, что мангупские надгробия пережигались на известь [67, с. 171-172]. Что касается часовни на восточной оконечности северной галереи, то выяснилось, что она имела два строительных периода. По времени первый период, возможно, предшествовал появлению большой базилики, а второй совпадал с ее существованием. В XV в. на руинах часовни формируется кладбище [66, с. 298]. Эти выводы имели решающее значение для разработки новой гипотезы об этапах эволюции базилики как сложного архитектурного комплекса. В соответствии с ней предполагалось, что базилике предшествовал относительно небольшой храм, возможно, сопровождавшийся еще какими-то постройками, затем возводится базилика в нынешних ее габаритах, поглощая и присоединяя к себе более ранние культовые сооружения. После окончательного разрушения базилики в

⁴⁰ Организационно работы велись совместной экспедицией УрГУ и ЧГУ под общим руководством Н. И. Барминой, работающей в это время в Челябинске.

XV в. вокруг ее руин создаются жилые усадьбы [66, с. 299]⁴¹. Эта хронологическая схема получила дальнейшее развитие в публикациях Н. И. Барминой [из последних публикаций: 68, с. 260-265], но ее более подробное рассмотрение может стать предметом отдельной статьи.

В 1974 г. Е. В. Веймарн приступил к реализации давно вынашиваемого им плана исследования комплекса дворца мангупских князей. Эта работа планировалась как подведение итогов всех предшествующих раскопок. С этой целью предполагалось удаление отвалов, накопившихся с 1912 г. На территории комплекса впервые была разбита сетка четырехметровых квадратов, покрывшая площадь в 600 м². При планировании хода исследований Е. В. Веймарн руководствовался гипотезой о симметричной планировке комплекса, принимая, таким образом, в качестве теоретической базы рассмотренную нами гипотезу Е. Г. Сухова. Организационно работы предполагалось вести совместно Институтом археологии АН УССР и БИАМ⁴². По результатам исследований дворцовый комплекс оказался более сложным сооружением, нежели представлялось, особенно в юго-западной части. На основании исследований участков культурного слоя, не затронутых ранее раскопками, был сделан вывод о трех периодах в жизни комплекса [57, л. 51-52]. I период — додворцовый. На некоторых участках раскопа под остатками дворцовых построек выявлены следы более раннего поселения, судя по керамике и монетам (деградированный боспорский статер IV в. и медная монета Ираклия и Константина, 629-630 гг.), относящегося к позднеантичному и раннесредневековому времени [69, с. 263-264]. Представленный фрагментами керамики и монетами II период — дворцовый — датируется XIV-XV вв. Основным элементом комплекса являлось здание С, которое подвергалось перестройкам и прирастало пристройками. В северной части дворца, у южной стены башни-донжона, выявлен участок двора, на котором обнаружено значительное количество обгоревшего зерна пшеницы и проса, а также гороха и фасоли. Отмечены два слоя: завала и пожара, что связано с гибелью дворца в результате военных действий (о чем свидетельствовали находки стрел — 16 железных наконечников). Это позволило предположить, что дворец был разрушен в 1475 г. при взятии Мангупа турками. III период — последоворцовый (XV-XVI вв.) — отражен неопределенными строительными остатками в южной части комплекса. В целом, наблюдения, сделанные в процессе исследований, усилили сомнения в достоверности реконструкции дворца, предложенной Е. Г. Сузовым. Этому способствовало открытие не исследованного помещения к западу от здания С, нарушавшего симметричность ансамбля. Кроме того, строительные остатки у внутренней стороны восточного крыла северной стены, принятые уральским археологом за основание антов, таковыми не оказались [57, л. 50]⁴³.

К сожалению, продолжения работ на дворцовом комплексе не последовало. В 1975 г. Е. В. Веймарну исполнилось 70 лет. Он был еще достаточно крепок физи-

чески. Его огромный опыт полевой археологии, высокий профессиональный авторитет позволяли ему вести активную научную деятельность, но руководство Института археологии, тем не менее, приняло решение об увольнении Е. В. Веймарна в связи с уходом на пенсию. В этом не последнюю роль сыграли субъективные факторы: непростые взаимоотношения внутри Отдела археологии Крыма ИА АН УССР.

Открытый лист на исследования Мангупа в 1975 г. при поддержке ученого секретаря ОАК ИА АН УССР О. И. Домбровского был оформлен на имя Ю. С. Воронина, который с 1974 г. вел самостоятельный участок исследований — остатки усадьбы в верховьях ущелья Гамам-дере. С 1975 г. на Мангупе стали работать две самостоятельные экспедиции: Симферопольского университета и уральская (в разное время Уральского, Пермского, Челябинского университетов — в зависимости от места работы руководителя раскопок базилики Н. И. Барминой). С 1975 г. группа Симферопольского госуниверситета им. М. В. Фрунзе, работавшая ранее в составе Мангупской экспедиции Института археологии АН УССР, превратилась в самостоятельную экспедицию и продолжает работать по настоящее время. Главным объектом исследований экспедиции Симферопольского университета и Крымского областного отдела по делам строительства и архитектуры на Мангупском городище стала оборонительная система цитадели на мысе Тешкли-бурун, состоявшая из двух куртин оборонительных стен, простиравшихся от юго-восточного до северо-западного обрывов мыса и примыкавших в центре к большому трехэтажному зданию (16,62x9,15 м) (руководитель исследований — А. Г. Герцен).

В 1974 г. Крымские специальные научно-реставрационные мастерские (директор В. Ф. Крылов, главный инженер Э. С. Кулик) приступили к реставрационным работам на оборонительной напольной системе защиты цитадели в соответствии с проектом, разработанным Е. И. Лопушинской. Первые реставрационные мероприятия осуществлялись на лицевых сторонах куртин цитадели. На северо-восточной, длинной, куртине, в ее верхней части, у фланка, примыкавшего к краю обрыва над ущельем Капу-дере, восстановлен участок вывалившейся кладки лицевого панциря, сложенный из штучного камня. Этот вывал зафиксирован на фотографиях конца XIX — начала XX в. и не имел тенденции к расширению. Однако именно с него было решено начать реставрационные работы. Следует отметить, что этот опыт был не вполне удачен, т. к. направление восстановленных рядов камней заложеного участка не совпало с сохранившимися рядами. Другой участок — лицевая сторона юго-западной, короткой, куртины. Здесь на пространстве от примыкания к зданию и до юго-западного края проема вылазной калитки отсутствовал внешний панцирь. Без согласования с археологами рабочие прокопали вдоль стены траншею до поверхности материковой скалы для укладки нижнего ряда камней и начали восстановление кладки с использованием штучного камня средних размеров. Следует отметить, что на фотографии этого участка начала XX в. хорошо видно, что кладка здесь, как и на другой куртине, в нижней части была из бутового камня, а в средней — из крупных квадратов.

Поскольку проведение реставрационных мероприятий без предварительных археологических исследований вызвало нареkania специалистов, в 1975 г. было намечено проведение необходимых работ на соответствующих участках. Раскопы общей протяженностью 110 м закладывались с наружной стороны оборонительной линии цитадели. На поверхности скалы выявлены следы построек, очевидно, разобранных в период строительства куртин. В районе ворот, в прискальном слое, обнаружены фрагменты турецких гранитных пушечных ядер, а у вылазной калитки — черенковые железные наконечники стрел, датирующиеся третьей четвертью XV в. Сооружение куртин было отнесено к XIV-XV вв. Здание цитадели носило явные следы пере-

⁴¹ В предварительной публикации результатов исследований базилики в 1978 г. дата гибели храма определялась слишком широко (XV в.), хотя было очевидно, что на этот период приходится и последний этап функционирования храма в контексте жизни Мангупа как столицы княжества Феодоро.

⁴² Непосредственное наблюдение за процессом исследования вел лаборант Е. В. Веймарна Л. И. Иванов. В раскопках в качестве лаборантов участвовали будущие профессионалы-археологи, тогда студенты исторического факультета СГУ И Н. Храпунов и Н. Г. Музалева (Новиченкова).

⁴³ Результаты исследований дворцового комплекса в 1974 г. следует рассмотреть особо и более подробно в отдельной публикации в связи с возобновлением изучения этого памятника экспедицией ТНУ им. В.И. Вернадского в 2006 г.

строек более позднего времени. На лицевой стороне квадра в нижнем ряду кладки, у порога воротного проема были выявлены две процарапанные арабографические буквы («алеф» и «нун»).

Были также продолжены начатые в 1974 г. раскопки усадьбы в истоках оврага Гамам-дере. Зафиксирована многослойность памятника. Строительные остатки наиболее позднего многокамерного жилого дома относились к XVIII в. Дом был построен на месте усадьбы XIV-XV вв., но отличался от нее планировкой. Во дворе более ранней усадьбы исследованы остатки очажных печей.

Ю. С. Ворониным были проведены небольшие раскопки с тыльной стороны оборонительной линии А. XI, пересекающей ущелье Табана-дере, заложен раскоп у калитки в месте примыкания западного фланка к восточному обрыву мыса Чуфут-Чегарган-бурун. Здесь расположена группа пещерных сооружений, включающая трехэтажный комплекс дозорно-оборонительного назначения, из верхних помещений которого просматривалась вся оборонительная линия до примыкания ее к восточному склону противоположного мыса Чамну-бурун. Далее в скальном склоне располагаются вырубные сооружения монастырского комплекса, по номенклатуре 1996 г. — Северного монастыря⁴⁴. Он включает пещерную церковь, в аркасоли которой находится пятистрочная греческая надпись, к сожалению, не поддающаяся прочтению⁴⁵. Были сняты планы и разрезы этих комплексов. Выразительного археологического материала раскопки не дали. У калитки было зачищено погребение женщины, лежавшей рядом и параллельно с пороговой плитой.

На Мангупском плато и в его ближайших окрестностях проводились разведки группой во главе со студентом 4-го курса исторического факультета СГУ И. Н. Храпуновым. Под юго-западным обрывом обнаружен известняковый квадрат с греческой надписью, к сожалению, в значительной степени пострадавшей. Была продолжена топосъемка городища [70, с. 314]. Важным результатом этой работы стало создание карты в масштабе 1:1000, которая явилась основой для всех топографических схем по объектам исследований⁴⁶.

С 1976 г. Мангупская экспедиция работает по открытому листу автора настоящей статьи. Исследования сосредоточились на двух объектах системы обороны городища: северо-западной куртине напольной защитной линии цитадели и укреплении ГЛЮ А. XV. В цитадели раскопки перенесены на тыльную сторону куртины и велись на двух участках: возле ворот (раскоп VIII) и на фланке куртины, примыкающим к краю обрыва над ущельем Капу-дере (раскоп X). Незатронутый участок между этими раскопами получил обозначение «раскоп IX». На первом участке при воротах слева (при входе в цитадель) у тыльной стороны стены находился завал камня и земли толщиной около 2,5 м, в котором было выделено три горизонта. Нижний наскальный содержал материалы периода Феодоро, верхние два отражали фазы разрушения тыльного панциря куртины на данном участке. Наиболее интересные данные были получены на соседнем раскопе. Здесь выявлена строительная траншея, относящаяся ко времени сооружения куртины, в которой найдены фрагменты столовой керамики с зеленой поливой, характерные для времени Феодоро, и железный кирочный штык. В нижнем горизонте раскопа выявлены остатки постройки, прорезанной выше упомянутой траншеей. Из находок в этом комплексе нужно отметить серебряную монету

Константина Поганата и фрагменты белоглиняных поливных сосудов IX-X вв. Таким образом, стало ясно, что предположение о существовании раннесредневекового укрепления, феодального замка, на мысе Тешкли-бурун, предшествовавшего появлению «большого города», занявшего большую часть поверхности плато, не подтверждается. Появление цитадели следует отнести ко времени княжества Феодоро.

Подводя итоги десятилетнего отрезка времени после возобновления археологического изучения Мангупа, можно констатировать, что материалы этих исследований позволили по-новому подойти к реконструкции истории поселения, определить ее основные этапы, вновь поставить вопрос о типологии данного памятника и «пещерных городов» в целом. Рассматриваемый этап важен в том отношении, что на его протяжении, по мере расширения исследуемых площадей и открытия новых памятников, происходил пересмотр устоявшихся взглядов на данные проблемы.

В связи с расширением программы исследований с конца 1970-х гг., а также формированием нового концептуального подхода к представлениям об эволюции поселения на протяжении поздней античности — Нового времени, перед Мангупской экспедицией стояли следующие задачи: во-первых, завершение изучения объектов затронутых раскопками наших предшественников; во-вторых, выявление и исследование ранее неизвестных объектов городища и его ближайших окрестностей, органично связанных с функционированием поселения на различных этапах его существования. В соответствии с этим были продолжены исследования оборонительной системы (главной линии обороны (ГЛЮ) и второй линии обороны (ВЛЮ) крепости), цитадели, базилики, княжеского дворца, церкви св. Константина, церкви св. Георгия, иудейского жилого квартала и некрополя в ущелье Табана-дере (с синагогой и миквой), могильников на склонах и в окрестностях Мангупского плато. Следует отметить, что в рамках этой программы, по сравнению с начальным этапом, значительно активизировалась издательская деятельность, то есть результаты исследований начали освещаться достаточно широко и своевременно, и сегодня не требуется детально останавливаться на их истории, так как она излагается в соответствующих публикациях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Веймарн Е. В. «Пещерные города» Крыма в свете археологических исследований 1954-1955 гг. // СА. 1958. № 1.
2. Якобсон А. Л. Византия в истории раннесредневековой Таврики // СА. 1954. Т. 21.
3. Равдоникас В. И. Пещерные города Крыма и готская проблема в связи со стадийным развитием Северного Причерноморья // ИГАИМК. 1932. Т. 1.
4. Репников Н. И. Эски-Кермен в свете археологических разведок 1928-1929 гг. // ИГАИМК. 1932. Вып. 1-8.
5. Тиханова М. А. Дорос-Феодоро в истории средневекового Крыма // МИА. 1953. № 34.
6. Васильев А. А. Готы в Крыму // ИРАИМК. 1921. Вып. 1.
7. Васильев А. А. Готы в Крыму // ИГАИМК. 1927. Вып. 5.
8. Vasiliev A. A. The Goths in the Crimea. Cambridge, Mass., 1936.
9. Веймарн Е. В. Разведка оборонительных стен и некрополя // МИА. 1953. № 34.
10. Веймарн Е. В. Археологические исследования на Мангупе в 1967 г. (Предварительный отчет) // Архив БИКАМЗ. Фонд Е. В. Веймарна.
11. ОАК за 1890 г. СПб., 1893.
12. Бармина Н. И. К изучению Мангупской базилики (история исследования) // АДСВ. 1975. Вып. 11.
13. Лепер Р. Х. Археологические исследования в Мангупе в 1912 г. // ИАК. 1913. Вып. 47.
14. Протокол заседания от 16 октября 1913 г. (Сообщение Р. Х. Лепера о археологических исследованиях на Мангупе в августе-сентябре 1913 г.) // ИТУАК. 1913. № 49. С. 266-269.

⁴⁴ Герцен А. Г., Могаричев Ю. М. Пещерные церкви Мангупа. Симферополь: Таврия, 1996. С. 26-30.

⁴⁵ Там же. С. 109, рис. 56.

⁴⁶ Эта работа была проведена инженером-геодезистом Крымских специальных научных реставрационных мастерских (КСНРМ) Е. А. Чикалкиным.

15. Протокол заседания от 30 января 1914 г. (Сообщение Р. Х. Лепера о раскопках на Мангупе в 1913 году) // ИТУАК. 1914. № 51. С. 297-300.
16. Тиханова М. А. Базилика // МИА. 1953. № 34.
17. Герцен А. Г. По поводу новой публикации турецкого источника о завоевании Крыма // МАИЭТ. 2001. Вып. VIII.
18. Веймарн Е. В., Лобода И. И., Пиоро И. С., Чореф М. Я. Археологические исследования столицы княжества Феодоро // Феодальная Таврика. Киев, 1974.
19. Ельников М. В. Средневековый могильник Мамай-Сурка (по материалам исследований 1989-1992 гг.). I. Запорожье, 2001.
20. Gertsen A. Periodization of History Mangup-Theodoro // 31 Annual Byzantine Studies Conference, October 28-30, 2005. Georgia: The University of Georgia Athens, 2005.
21. Лопушинская Е. И. Цитадель на Мангуп-Кале // Архитектурное наследие. М., 1996. Т. 41.
22. Dubois de Montperux. Voyage autour du Caucase, ches les Tcherkesses et les Abkhases, en Colchide, en Georgie, en Armenie, en Crimée. Paris, 1843.
23. Герцен А. Г. Крепостной ансамбль Мангупа // МАИЭТ. 1990. Вып. I.
24. Веймарн Е. В. Отчет о работах Мангупского отряда Крымской экспедиции Института археологии АН УССР в 1969 г. // Архив БИКАМЗ. Фонд Е. В. Веймарна.
25. Піоро І. С. Археологічні дослідження залишків садиби на середньо вічному городищі Мангуп у 1969 р. // Вісник Київського університету. Серія історії. 1972. № 14.
26. Яковсон А. Л. Средневековый Херсонес // МИА. 1950. № 17.
27. Веймарн Е. В., Герцен А. Г., Лобода И. И., Пиоро И. С. Исследования Мангупского городища // АО 1972 г. М., 1973.
28. Герцен А. Г. Неизвестный документ из наследия Н. И. Репникова // In situ: К 85-летию проф. А. Д. Столяра. СПб., 2006.
29. Яковсон А. Л. Дворец // МИА. 1953. № 34.
30. Суворов Е. Г. Отчет об археологических разведках на плато Мангупа Горнокрымской экспедиции Уральского гос. университета им А. М. Горького в июле-августе 1968 г. // Научный архив Института археологии НАН Украины. № 1968/7.
31. Суворов Е. Г. Раскопки дворца XV в. на плато Мангупа в Крыму // КСИА. 1972. Вып. 129.
32. Никольский Н. П. Мангуп-Кале // Записки Крымского горного клуба. Одесса, 1893. Вып. 3.
33. Герцен А. Г., Могаричев Ю. М. Пещерные церкви Мангупа. Симферополь, 1996.
34. План городу Мангупу // РГВИА. Фонд «Военно-учебный архив».
35. Герцен А. Г., Могаричев Ю. М. Пещерные церкви Мангупа. Симферополь, 1996.
36. Веймарн Е. В. О двух неясных вопросах средневековья Юго-Западного Крыма // Археологические исследования средневекового Крыма. Киев, 1968.
37. Герцен А. Г., Могаричев Ю. М. Еще раз о дате появления крепости на плато Чуфут-Кале // Проблемы истории «пещерных городов» в Крыму. Симферополь, 1992.
38. Герцен А. Г., Землякова А. Ю., Науменко В. Е., Смокотина А. В. Стратиграфические исследования на юго-восточном склоне мыса Тешкли-Бурун: К вопросу периодизации Мангупской цитадели // МАИЭТ. 2006. Вып. XII.
39. Герцен А. Г., Науменко В. Е. К истории цитадели Мангупа // АДСВ. 2006. Вып. 37.
40. Герцен А. Г. Из истории христианства в Крыму: Время расцвета и испытаний: XIII-XVI вв. // Человек и христианское мировоззрение. Симферополь, 1997. Вып. 2.
41. Веймарн Е. В. Отчет о работах Мангупского отряда Крымской экспедиции ИА АН УССР за 1970 г. // Архив БИКАМЗ. Фонд Е. В. Веймарна.
42. Яковсон А. Л. Раннесредневековый Херсонес // МИА. 1959. № 63.
43. Яковсон А. Л. Средневековый Крым: Очерки истории и истории материальной культуры. М.; Л., 1964.
44. Даниленко В. Н., Романчук А. И. Поливная керамика Мангупа // АДСВ. 1966. Вып. 6.
45. Герцен А. Г., Науменко В. Е. Поливная керамика из раскопок цитадели Мангупа // Историко-культурные связи Причерноморья и Средиземноморья X-XVIII вв. по материалам поливной керамики. Тез. докл. междунар. науч. конф. Симферополь, 1998.
46. Герцен А. Г., Науменко В. Е. Поливная керамика из раскопок цитадели Мангупа // Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X-XVIII вв. Киев, 2005.
47. Бармина Н. И. Раскопки базилики на Мангупе // АО 1971 г. М., 1972.
48. Крым. Путеводитель. Симферополь, 1914.
49. Веймарн Е. В. Отчет о работе Мангупского отряда Крымской экспедиции ИА АН УССР в 1972 г. Раздел II. Лобода И. И. Отчет об археологических работах, проведенных в 1972 г. в цитадели Мангупского городища на мысе Тешкли-бурун // Архив БИКАМЗ. Фонд Е. В. Веймарна.
50. Романчук А. И. Раскопки на Мангупе // АО 1973 г. М., 1974.
51. Бертъе-Делагард А. Л. Каламита и Феодоро // ИТУАК. 1918. № 55.
52. Романчук А. И. Раскопки Мангупской базилики // АО 1972 г. М., 1973.
53. Романчук А. И., Сазанов А. В., Седикова Л. В. Амфоры из комплексов византийского Херсона. Екатеринбург, 1995.
54. Романчук А. И. Очерки археологии и истории византийского Херсона. Екатеринбург, 2000.
55. Романчук А. И. Черепицы с метками из раскопок Мангупа // СА. 1977. № 2.
56. Омелькова Л. А. Раскопки позднесредневековой усадьбы на Мангупе // АО 1974 г. М., 1975.
57. Веймарн Е. В. Отчет о работе Мангупского отряда Крымской комплексной экспедиции ИА УССР в 1974 г. Омелькова Л. А. Отчет о раскопках средневековой усадьбы № 1 // Архив БИКАМЗ. Фонд Е. В. Веймарна.
58. Паллас П. С. Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным наместничествам Русского государства в 1793-1794 гг. М., 1999.
59. Броневский Мартин. Описание Крыма // Историческое наследие Крыма. Симферополь, 2005. № 10.
60. Веймарн Е. В., Даниленко В. Н., Герцен А. Г. Работы Мангупского отряда // АО 1973 г. М., 1974.
61. Веймарн Е. В. Работы на средневековом городище Мангуп в 1971 г. // Результати польових археологічних досліджень 1970-1971 рр. на території України: Тез. пленарн. секційн. доповідей. Одеса, 1972.
62. Герцен А. Г. История изучения оборонительного комплекса Мангупа // Развитие феодализма в Центральной и Юго-Восточной Европе. Свердловск, 1983.
63. Бармина Н. И., Шиллюк Н. Ф. Исследование Мангупской базилики // АО 1975 г. М., 1976.
64. Бармина Н. И., Шиллюк Н. Ф. Результаты раскопок Мангупской базилики // АО 1974 г. М., 1975.
65. Бармина Н. И., Шиллюк Н. Ф. Раскопки в районе Мангупской базилики // АО 1977 г. М., 1978.
66. Бармина Н. И., Шиллюк Н. Ф. Результаты исследования участков, прилегающих к Мангупской базилике // АО 1978 г. М., 1979.
67. Клепинин Н. Об охране памятников старины в Крыму // Записки Крымского общества любителей природы. Симферополь, 1913. Т. 2.
68. Бармина Н. И. Мангупская базилика: от возникновения до разрушения // Россия — Крым — Балканы: Диалог культур. Научн. докл. междунар. конф. (Севастополь, 2004). Екатеринбург, 2004.
69. Веймарн Е. В., Иванов Л. И. Раскопки на Мангупе // АО 1974 г. М., 1975.
70. Воронин Ю. С., Герцен А. Г., Даниленко В. Н. Исследование Мангупского городища // АО 1976 г. М., 1977.

REFERENCES

1. Veimarn E. V. «Peshchernye goroda» Kryma v svete arkhеologicheskikh issledovaniy 1954-1955 gg. *Sovetskaya arkhеologiya*, Moscow, 1958, No. 1.
2. Iakobson A. L. Vizantiia v istorii rannesrednevekovoi Tavriki. *Sovetskaya arkhеologiya*, Moscow, 1954, T. 21.
3. Ravdonikas V. I. Peshchernye goroda Kryma i gotskaia problema v sviazi so stadial'nyim razvitiem Severnogo Prichernomor'ia // *Izvestiia Gosudarstvennoi akademii istorii material'noi kul'tury*, 1932, T. 1.
4. Repnikov N. I. Eski-Kermen v svete arkhеologicheskikh razvedok 1928-1929 gg. *Izvestiia Gosudarstvennoi akademii istorii material'noi kul'tury*, 1932, Vol. 1-8.
5. Tikhonova M. A. Doros-Feodoro v istorii srednevekovogo Kryma. *Materialy i issledovaniia po arkhеologii SSSR*, Moscow, 1953, No. 34.

6. Vasil'ev A. A. Goty v Krymu. *Izvestiia Rossiiskoi akademii istorii material'noi kul'tury*, 1921, Vol. 1.
7. Vasil'ev A. A. Goty v Krymu. *Izvestiia Gosudarstvennoi akademii istorii material'noi kul'tury*, 1927, Vol. 5.
8. Vasiliev A. A. *The Goths in the Crimea*. Cambridge, Mass., 1936.
9. Veimarn E. V. Razvedka oboronitel'nykh sten i nekropolia. *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR*, Moscow, 1953, No. 34.
10. Veimarn E. V. Arkheologicheskie issledovaniia na Mangupe v 1967 g. (Predvaritel'nyi otchet). *Arkhib Bakhchisaraiskogo istoriko-kul'turnogo i arkheologicheskogo muzeia-zapovednika*. Fond E. V. Veimarna.
11. *Otchet Imperatorskoi arkheologicheskoi komissii za 1890 g.* S-Petersburg, 1893.
12. Barmina N. I. K izucheniiu Mangupskoi baziliki (istoriia issledovaniia). *Antichnaia drevnost' i srednie veka*, 1975, Vol. 11.
13. Leper R. Kh. Arkheologicheskie issledovaniia v Mangupe v 1912 g. *Izvestiia Imperatorskoi arkheologicheskoi komissii*, 1913, Vol. 47.
14. Protokol zasedaniia ot 16 oktiabria 1913 g. (Soobshchenie R. Kh. Lepera o arkheologicheskikh issledovaniakh na Mangupe v avguste-sentiabre 1913 g.). *Izvestiia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii*, Simferopol, 1913, No. 49, pp. 266-269.
15. Protokol zasedaniia ot 30 ianvaria 1914 g. (Soobshchenie R. Kh. Lepera o raskopkakh na Mangupe v 1913 godu). *Izvestiia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii*, Simferopol, 1914, No. 51, pp. 297-300.
16. Tikhanova M. A. Bazilika. *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR*, Moscow, 1953, No. 34.
17. Gertsen A. G. Po povodu novoi publikatsii turetskogo istochnika o zavoeevanii Kryma. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol, 2001, Vol. VIII.
18. Veimarn E. V., Loboda I. I., Pioro I. S., Choref M. Ia. Arkheologicheskie issledovaniia stolitsy kniazhestva Feodoro. *Feodal'naia Tavrika*, Kiev, 1974.
19. El'nikov M. V. *Srednevekovyi mogil'nik Mamai-Surka (po materialam issledovaniia 1989-1992 gg.)*. Vol. I. Zaporozh'e, 2001.
20. Gertsen A. Periodization of History Mangup-Theodoro. *31 Annual Byzantine Studies Conference, October 28-30, 2005*. Georgia, The University of Georgia Athens Press, 2005.
21. Lopushinskaia E. I. Tsitadel' na Mangup-Kale. *Arkhiturnoe nasledstvo*, Moscow, 1996, T. 41.
22. Dubois de Montperux. *Voyage autour du Caucase, ches les Tcherkessus et les Abkhases, en Colchide, en Georgie, en Armenie, en Crimee*. Paris, 1843.
23. Gertsen A. G. Krepostnoi ansambl' Mangupa. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol, 1990, Vol. I.
24. Veimarn E. V. Otchet o rabotakh Mangupskogo otriada Krymskoi ekspeditsii Instituta arkheologii AN USSR v 1969 g. *Arkhib Bakhchisaraiskogo istoriko-kul'turnogo i arkheologicheskogo muzeia-zapovednika*. Fond E. V. Veimarna.
25. Pioro I. S. Arkheologichni doslidzhennia zalishkiv sadibi na seredn'o vichnomu gorodishchi Mangup u 1969 r. *Visnik Kiivs'kogo universitetu. Seriia istoria*, 1972, No. 14.
26. Iakobson A. L. Srednevekovyi Khersones. *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR*, Moscow, 1950, No. 17.
27. Veimarn E. V., Gertsen A. G., Loboda I. I., Pioro I. S. Issledovaniia Mangupskogo gorodishcha. *Arkheologicheskie otkrytiia* 1972 g., Moscow, 1973.
28. Gertsen A. G. Neizvestnyi dokument iz nasledia N. I. Repnikova. *In situ: K 85-letiiu prof. A. D. Stoliara*, S-Petersburg, 2006.
29. Iakobson A. L. Dvoretz. *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR*, Moscow, 1953, No. 34.
30. Surov E. G. Otchet ob arkheologicheskikh razvedkakh na plato Mangupa Gornokrymskoi ekspeditsii Ural'skogo gos. universiteta im A. M. Gor'kogo v iule-avguste 1968 g. *Nauchnyi arkhiv Instituta arkheologii Natsional'noi akademii nauk Ukrainy*. № 1968/7.
31. Surov E. G. Raskopki dvortsa XV v. na plato Mangupa v Krymu. *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii AN SSSR*, Moscow, 1972, Vol. 129.
32. Nikol'skii N. P. Mangup-Kale. *Zapiski Krymskogo gornogo kluba*, Odessa, 1893, Vol. 3.
33. Gertsen A. G., Mogarichev Iu. M. *Peshchernye tserkvi Mangupa*. Simferopol, 1996.
34. Plan gorodu Mangupu. *Rossiiskii gosudarstvennyi voenno-istoricheskii arkhiv*. Fond «Voenno-uchenyi arkhiv».
35. Gertsen A. G., Mogarichev Iu. M. *Peshchernye tserkvi Mangupa*. Simferopol, 1996.
36. Veimarn E. V. O dvukh neiasnykh voprosakh srednevekov'ia Iugo-Zapadnogo Kryma. *Arkheologicheskie issledovaniia srednevekovogo Kryma*. Kiev, 1968.
37. Gertsen A. G., Mogarichev Iu. M. Eshche raz o date poiavleniia kreposti na plato Chufut-Kale. *Problemy istorii «peshchernykh gorodov» v Krymu*, Simferopol, 1992.
38. Gertsen A. G., Zemliakova A. Iu., Naumenko V. E., Smokotina A. V. Stratigraficheskie issledovaniia na iugo-vostochnom sklone mysa Teshkli-Burun: K voprosu periodizatsii Mangupskoi tsitadeli. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol, 2006, Vol. XII.
39. Gertsen A. G., Naumenko V. E. K istorii tsitadeli Mangupa. *Antichnaia drevnost' i srednie veka*, 2006, Vol. 37.
40. Gertsen A. G. Iz istorii khristianstva v Krymu: Vremia rastsveta i ispytani: XIII-XVI vv. *Chelovek i khristianskoe mirovozzrenie*, Simferopol, 1997, Vol. 2.
41. Veimarn E. V. Otchet o rabotakh Mangupskogo otriada Krymskoi ekspeditsii IA AN USSR za 1970 g. *Arkhib Bakhchisaraiskogo istoriko-kul'turnogo i arkheologicheskogo muzeia-zapovednika*. Fond E. V. Veimarna.
42. Iakobson A. L. Rannesrednevekovyi Khersones. *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR*, Moscow, 1959, No. 63.
43. Iakobson A. L. Srednevekovyi Krym: Ocherki istorii i istorii material'noi kul'tury. Moscow, Leningrad, 1964.
44. Danilenko V. N., Romanchuk A. I. Polivnaia keramika Mangupa. *Antichnaia drevnost' i srednie veka*, 1966, Vol. 6.
45. Gertsen A. G., Naumenko V. E. Polivnaia keramika iz raskopok tsitadeli Mangupa. *Istoriko-kul'turnye sviazi Prichernomor'ia i Sredizemnomor'ia X-XVIII vv. po materialam polivnoi keramiki*, Simferopol, 1998.
46. Gertsen A. G., Naumenko V. E. Polivnaia keramika iz raskopok tsitadeli Mangupa. *Polivnaia keramika Sredizemnomor'ia i Prichernomor'ia X-XVIII vv.* Kiev, 2005.
47. Barmina N. I. Raskopki baziliki na Mangupe. *Arkheologicheskie otkrytiia* 1971 g., Moscow, 1972.
48. *Krym. Putevoditel'*. Simferopol, 1914.
49. Veimarn E. V. Otchet o rabote Mangupskogo otriada Krymskoi ekspeditsii IA AN USSR v 1972 g. Razdel II. Loboda I. I. Otchet ob arkheologicheskikh rabotakh, provedennykh v 1972 g. v tsitadeli Mangupskogo gorodishcha na myse Teshkli-burun. *Arkhib Bakhchisaraiskogo istoriko-kul'turnogo i arkheologicheskogo muzeia-zapovednika*. Fond E. V. Veimarna.
50. Romanchuk A. I. Raskopki na Mangupe. *Arkheologicheskie otkrytiia* 1973 g., Moscow, 1974.
51. Bert'e-Delagard A. L. Kalamita i Feodoro. *Izvestiia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii*, Simferopol, 1918, No. 55.
52. Romanchuk A. I. Raskopki Mangupskoi baziliki. *Arkheologicheskie otkrytiia* 1972 g., Moscow, 1973.
53. Romanchuk A. I., Sazanov A. V., Sedikova L. V. *Amfory iz kompleksov vizantiiskogo Khersona*. Ekaterinburg, 1995.
54. Romanchuk A. I. *Ocherki arkheologii i istorii vizantiiskogo Khersona*. Ekaterinburg, 2000.
55. Romanchuk A. I. Cherepitsy s metkami iz raskopok Mangupa. *Sovetskaia arkheologiya*, 1977, No. 2.
56. Omel'kova L. A. Raskopki pozdnesrednevekovoi usad'by na Mangupe. *Arkheologicheskie otkrytiia* 1974 g., Moscow, 1975.
57. Veimarn E. V. Otchet o rabote Mangupskogo otriada Krymskoi kompleksnoi ekspeditsii IA USSR v 1974 g. Omel'kova L. A. Otchet o raskopkakh srednevekovoi usad'by № 1. *Arkhib Bakhchisaraiskogo istoriko-kul'turnogo i arkheologicheskogo muzeia-zapovednika*. Fond E. V. Veimarna.
58. Pallas P. S. *Nabliudeniia, sdelannye vo vremia puteshestviia po iuzhnym namestnichestvam Russkogo gosudarstva v 1793-1794 gg.* Moscow, 1999.
59. Bronevskii Martin. Opisanie Kryma. *Istoricheskoe nasledie Kryma*, Simferopol, 2005, No. 10.
60. Veimarn E. V., Danilenko V. N., Gertsen A. G. Raboty Mangupskogo otriada. *Arkheologicheskie otkrytiia* 1973 g., Moscow, 1974.

61. Veimarn E. V. Raboty na srednevekovom gorodishche Mangup v 1971 g. *Rezul'tati pol'ovikh arkheologicheskikh doslidzhen' 1970-1971 rr. na teritorii Ukraini*, Odesa, 1972.
62. Gertsen A. G. Istorii izuchenii oboronitel'nogo kompleksa Mangupa. *Razvitie feodalizma v Tsentral'noi i Iugo-Vostochnoi Evrope*, Sverdlovsk, 1983.
63. Barmina N. I., Shiliuk N. F. Issledovanie Mangupskoi baziliki. *Arkheologicheskie otkrytiia 1975 g.*, Moscow, 1976.
64. Barmina N. I., Shiliuk N. F. Rezul'taty raskopok Mangupskoi baziliki. *Arkheologicheskie otkrytiia 1974 g.*, Moscow, 1975.
65. Barmina N. I., Shiliuk N. F. Raskopki v raione Mangupskoi baziliki. *Arkheologicheskie otkrytiia 1977 g.*, Moscow, 1978.
66. Barmina N. I., Shiliuk N. F. Rezul'taty issledovaniia uchastkov, privilegiiushchikh k Mangupskoi bazilike. *Arkheologicheskie otkrytiia 1978 g.*, Moscow, 1979.
67. Klepinin N. Ob okhrane pamiatnikov stariny v Krymu. *Zapiski Krymskogo obshchestva liubiteli prirody*, Simferopol, 1913, T. 2.
68. Barmina N. I. Mangupskaia bazilika: ot vozniknoveniia do razrusheniia. Rossiia — Krym — Balkany: *Dialog kul'tur. Nauchnye doklady mezhdunarodnoi konferentsii (Sevastopol', 2004)*, Ekaterinburg, 2004.
69. Veimarn E. V., Ivanov L. I. Raskopki na Mangupe. *Arkheologicheskie otkrytiia 1974 g.*, Moscow, 1975.
70. Voronin Iu. S., Gertsen A. G., Danilenko V. N. Issledovanie Mangupskogo gorodishcha. *Arkheologicheskie otkrytiia 1976 g.*, Moscow, 1977.

Герцен А. Г.

К 50-летию возобновления археологического изучения Мангупа: начальный этап Резюме

Статья посвящена начальному этапу возобновленного после тридцатилетнего перерыва в 1967 г. археологического изучения средневекового городища Мангуп в Юго-Западном Крыму. Концептуальной основой для работы послужила гипотеза Е. В. Веймарна об эволюции поселения, начавшаяся с раннесредневекового убежища на мысе Тешкли-бурун и формирования возле него в X-XI вв. большого поселения городского типа, получившего в XIII в. статус столицы княжества Феодоро. Под руководством Е. В. Веймарна с 1967 по 1974 гг. исследования проводила Мангупская экспедиция Института археологии Академии наук УССР, основным участником которой была группа Крымского государственного педагогического института (КГПИ), преобразованного в 1971 г. в Симферопольский государственный университет (СГУ), с 1999 г. — Таврический национальный университет, с 2014 г. — Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского. С 1975 г. исследования продолжены самостоятельной Мангупской экспедицией СГУ, работающей и в настоящее время. Основными объектами исследований на первом этапе стали базилика, оборонительная система цитадели, княжеский дворец и остатки церквей на южном обрыве плато. Важные результаты дали разведки оборонительной системы, открывшие ранее неизвестные сооружения, входившие в главную линию обороны, обеспечивавшую защиту всего контура плато. Соответственно, обороняемая площадь достигала 90 га. В отношении базилики установлено, что вопреки первоначальным представлениям о почти полной изученности храма оказались не разведанными участки, исследование которых до сих пор не завершено. Материалы раскопок второй половины 1970-х гг. показали, что предложенная ранее схема генезиса поселения нуждается в пересмотре. Стало очевидным, что раннесредневековый Мангуп может рассматриваться как упоминаемый в источниках Дорос, центр населенной готами страны Дори. В XI-XIII вв. в жизни поселения наступил перерыв. С XIV в. оно формируется как столица княжества Феодоро. Была реконструирована картина осады и гибели города в 1475 г. На основании раскопок участков обороны выявлены остатки позиций турецкой артиллерии и следы обстрелов крепостных стен.

Ключевые слова: Мангуп, Дорос, Феодоро, история изучения.

Gertsen A. G.

To the Fifty Years of Renewal of Archaeological Research of Mangup: The Initial Stage Summary

This article addresses the initial stage of the archaeological research of the mediaeval town of Mangup in the South-Western Crimea after their renewal following the thirty-year-long gap in 1967. Its conceptual background is Evgenii Veimarn's hypothesis of the evolution of this settlement from the early mediaeval refuge on Teshkli-Burun promontory and the big town-like settlement shaped around it in the tenth and eleventh centuries to what received the status of the capital of the Theodoro principality in the thirteenth century. The Mangup Expedition of the Institute of Archaeology of the Ukrainian SSR headed by Veimarn worked from 1967 to 1974 with participation of a group from the Crimean State Pedagogic Institute, which was re-established in 1971 as the Simferopol State University, in 1999 as the Taurida National University, and in 2014 as V. I. Vernadsky Taurida Federal University. From 1975 on, the researches were continued by independent Mangup Expedition of the Simferopol State University which keeps working to these days. In the initial stage, the main subjects to research were the basilica, the fortifications in the citadel, the prince's palace, and the sites of churches on the southern precipice of the plateau. Important results were brought by reconnaissance of the fortifications which discovered previously unknown structures forming the main line of defences protecting the whole contour of the plateau and encircling 90 hectares. Regarding the basilica, it has been determined that, despite of early notion of almost totally researched site, there still are unexcavated areas inside, which research has not been finished so far. The materials excavated in the second half of the 1970s uncovered that the previously suggested scheme of the settlement genesis should be clarified. It became obvious that the early mediaeval Mangup could be attributed to Doros accounted to by written sources as the centre of the country of Dory populated by the Goths. From the eleventh to thirteenth centuries, there was a gap in the life of this settlement. From the fourteenth century on, it developed as the capital of the Theodoro principality. The aspect of the assault and siege of the town in 1475 was reconstructed. The excavations of the parts of the fortification system discovered the site of Ottoman artillery position and traces of bombardment in the fortress walls.

Keywords: Mangup, history of research.

ИЗБРАННАЯ БИБЛИОГРАФИЯ ПО ИСТОРИИ И АРХЕОЛОГИИ МАНГУПА¹

1890 г.

1. [Браун Ф. А.] Отчет об археологических исследованиях Ф. А. Брауна в 1890 г. // Архив ИИМК РАН. Ф. 1. Д. 40/1890. Л. 1-34.
2. Маркевич А. И. Экскурсия на Мангуп // ИТУАК. 1890. № 9. С. 101-107.

1896 г.

3. Латышев В. В. Сборник греческих надписей христианских времен из Южной России. СПб.: Типография Императорской АН, 1896. 143 с. 1902 г.
4. Латышев В. В. Греческие и латинские надписи, найденные в Южной России в 1901 г. 2. Мангупская надпись // ИАК. 1902. Вып. 3. С. 9-21.

1910 г.

5. Уваров А. С. Командировка графа на исследование южных губерний // Уваров А. С. Сборник мелких трудов. Т. III. Материалы для биографии и статьи по теории археологии. М.: Типография Г. Лиснера и Д. Собко, 1910. С. 7-15.

1913 г.

6. Лепер Р. Х. Протоколы заседаний Таврической Ученой Архивной Комиссии. Заседание 16 октября 1912 г. // ИТУАК. 1913. № 49. С. 266-269.
7. Лепер Р. Х. Археологические исследования в Мангупе в 1912 г. // ИАК. 1913. Вып. 47. С. 73-79, 146-154.

1914 г.

8. Лепер Р. Х. Протоколы заседаний Таврической Ученой Архивной Комиссии. Заседание 30 января 1914 г. (сообщение Р. Х. Лепера о раскопках на Мангупе в 1913 г.) // ИТУАК. 1914. № 51. С. 297-300.

1918 г.

9. Латышев В. В. Эпиграфические новости из Южной России // ИАК. 1918. Вып. 65. С. 9-21.
10. Лепер Р. Х., Моисеев Л. А. Раскопки на Мангупе // ОАК за 1913-1915 гг. Пг., 1918. С. 72-84.
11. Бертъе-Делагард А. Л. Каламита и Феодоро // ИТУАК. 1918. № 55. С. 1-44.

1933 г.

12. Малицкий Н. В. Заметки по эпиграфике Мангупа // ИГАИМК. 1933. Вып. 71. 47 с. (отдельный оттиск).

1936 г.

13. Vasiliev A. A. The Goths in the Crimea. Cambridge, Massachusetts: The Medieval Academy of America, 1936. 292 p.

1940 г.

14. Якобсон А. Л. Из истории архитектуры средневекового Крыма. II. Мангупская базилика // СА. 1940. Т. 6. С. 205-226.

1949 г.

15. Якобсон А. Л. О раннесредневековых крепостных стенах Мангупа // КСИИМК. 1949. Вып. 29. С. 55-63.

¹ Составлена В. Е. Науменко. В список, за небольшим исключением, не вошли многочисленные краткие тезисы докладов на научных конференциях и научно-популярные статьи в журналах. Большая часть их стала впоследствии основой для написания полноценных научных статей. Кроме того, в библиографический перечень включены монографии А. А. Васильева (1936), Х.-Ф. Байера (2001) и В. Л. Мыца (2009), посвященные истории Крымской Готии и княжеству Феодоро и содержащие достаточно полный обзор письменных источников по истории Мангупского городища.

1953 г.

16. Веймарн Е. В. Мангуп. Отчеты (раскопки 1938 г.). Разведки оборонительных стен и некрополя // МИА. 1953. № 34. Археологические памятники Юго-Западного Крыма (Херсонес, Мангуп). С. 419-429.
17. Тиханова М. А. Дорос-Феодоро в истории средневекового Крыма // МИА. 1953. № 34. Археологические памятники Юго-Западного Крыма (Херсонес, Мангуп). С. 319-333.
18. Тиханова М. А. Мангуп. Отчеты (раскопки 1938 г.). Базилика // МИА. 1953. № 34. Археологические памятники Юго-Западного Крыма (Херсонес, Мангуп). С. 334-389.
19. Якобсон А. Л. Мангуп. Отчеты (раскопки 1938 г.). Дворец // МИА. 1953. № 34. Археологические памятники Юго-Западного Крыма (Херсонес, Мангуп). С. 390-418.

1966 г.

20. Домбровский О. И. Фрески средневекового Крыма. Киев, 1966. 112 с.

1967 г.

21. Новицкая М. А. Орнаментальная вышивка средневекового Крыма // ЗОАО. Одесса, 1967. Т. II(35). С. 284-288.

1969 г.

22. Даниленко В. Н., Романчук А. И. Поливная керамика Мангупа // АДСВ. 1969. Вып. 6. С. 116-138.

1972 г.

23. Суров Е. Г. Раскопки дворца XV в. на плато Мангупа в Крыму // КСИА. 1972. Вып. 129. С. 96-99.
24. Піоро І. С. Археологічні дослідження залишків садиби на середньовічному городищі Мангуп у 1969 році // Вісник Київського університету. Київ, 1972. С. 113-118.

1973 г.

25. Бармина Н. И. Мангупская базилика // АДСВ. 1973. Вып. 10. С. 304-307.

1974 г.

26. Веймарн Е. В., Лобода И. И., Пиоро И. С., Чорев М. Я. Археологические исследования столицы княжества Феодоро // Феодальная Таврика. Материалы по истории и археологии Крыма. Киев: Наукова думка, 1974. С. 123-139.

1975 г.

27. Веймарн Е. В., Иванов Л. И. Раскопки на Мангупе // АО-1974. М.: Наука, 1975. С. 263-264.
28. Бармина Н. И. К изучению Мангупской базилики (история исследования) // АДСВ. 1975. Вып. 11. С. 30-40.

1977 г.

29. Романчук А. И. Черепицы со знаками из раскопок Мангупа // СА. 1977. № 2. С. 181-190.

1978 г.

30. Бармина Н. И. Греческая надпись на дне купели в Мангупской базилике // АДСВ, 1978. Вып. 15. С. 96-97.

1983 г.

31. Герцен А. Г. История изучения оборонительного комплекса Мангупа // АДСВ. Развитие феодализма в Центральной и Юго-Восточной Европе. Свердловск, 1983. С. 88-104.

1984 г.

32. Белый А. В., Соломоник Э. И. Утерянная и вновь открытая Мангупская строительная надпись // Нумизматика и эпиграфика. 1984. Т. XIV. С. 170-175.

33. Мыц В. Л. Загородный храм и некрополь Мангупа // АДСВ. Свердловск, 1984. Вып. 21. С. 57-66.

1988 г.

34. Герцен А. Г., Сидоренко В. А. Чамнубурунский клад монет-имитаций. К датировке западного участка оборонительных сооружений Мангупа // АДСВ. Вопросы социального и политического развития. Свердловск, 1988. Вып. 24. С. 120-135.

1989 г.

35. Герцен А. Г. Оборонительная система столицы княжества Феодоро // Северное Причерноморье и Поволжье во взаимоотношениях Востока и Запада в XII-XVI вв. Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского университета, 1989. С. 38-45.

1990 г.

36. Герцен А. Г. Крепостной ансамбль Мангупа // МАИЭТ. 1990. Вып. I. С. 87-166, 242-271.
37. Мыц В. Л. Крестообразный храм Мангупа // СА. 1990. № 1. С. 224-242.

1991 г.

38. Герцен А. Г., Могаричев Ю. М. Методика выделения раннесредневековых пещерных сооружений Горного Крыма (на примере Мангупа) // СА. 1991. № 2. С. 232-239.

1993 г.

39. Залеская В. Н. Балканская полевая керамика в Северном Причерноморье в позднее средневековье // Преслав. София, 1993. С. 370-374.

1994 г.

40. Герцен А. Г., Науменко В. Е., Черныш С. А. Археологические исследования на Мангупском плато // Археологические исследования в Крыму. 1993 г. Симферополь: Таврия, 1994. С. 70-74.

1995 г.

41. Бармина Н. И. Мангупская базилика в свете некоторых проблем Крымского средневековья // АДСВ. Симферополь, 1995. Вып. 27. С. 77-84.
 42. Gertsen A. Tesoro di Teškliburun; scavi di Mangup // Dal Mille al Mille. Tesori e popoli dal Mar Nero. Milano: Electa, 1995. P. 196-197.
 43. Gertsen A. Oggetti provenienti dalle necropoli dei dintorni di Mangup // Dal Mille al Mille. Tesori e popoli dal Mar Nero. Milano: Electa, 1995. P. 198.

1996 г.

44. Герцен А. Г., Могаричев Ю. М. Пещерные церкви Мангупа. Симферополь: Таврия, 1996. 128 с.
 45. Сидоренко В. А. Фрагмент декрета римского времени из средневековой базилики под Мангупом // МАИЭТ. 1996. С. 35-59.

1997 г.

46. Герцен А. Г., Науменко В. Е., Черныш С. А., Чихрадзе Д. А., Негуляевым Е. А., Карлов С. В. Археологические исследования Мангупа // Археологические исследования в Крыму. 1994 г. Симферополь: Таврия, 1997. С. 77-78.
 47. Кирилло В. П. Византийская архитектура Мангупа // Археология Крыма. Симферополь, 1997. Т. I. С. 89-97.
 48. Науменко В. Е. Раскопки раннесредневекового поселения у подножия Мангупа. // БИАС. Симферополь: Таврия, 1997. Вып. I. С. 324-340.
 49. Gertsen A. Le trésor de Techklbouroun provenant des fouilles de Mangoup // Archeologie de la Mer Noire. La Crimée a L' époque des grandes invasions IV-VIII siècles. Caen, 1997. P. 83-84.

1998 г.

50. Герцен А. Г. Археологические исследования караимских памятников в Крыму // МАИЭТ. 1998. Вып. VI. С. 744-751.

1999 г.

51. Gertsen A. Der Schatz von Teschkliburun (aus den Grabungen von Mangup) // Unbekannte Krim. Archäologische Schätze aus drei Jahrtausenden. Heidelberg, 1999. S. 151-152.

2000 г.

52. Gertsen A. Jewish Community of Mangoup According to Archaeology Data // МАИЭТ. 2000. Вып. VII. С. 201-204.
 53. Gertsen A., Maczyńska M. Ein frühvölkerwanderungszeitliches Kammergrab aus dem Gräberfeld Almalyk-dere bei Mangup auf der Krim // Die spätrömische Kaiserzeit und die frühe Völkerwanderungszeit in Mittel- und Osteuropa. Łódź, 2000. S. 522-544.

2001 г.

54. Байер Х.-Ф. История крымских готов как интерпретация Сказания Матфея о городе Феодоро. Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 2001. 500 с.
 55. Бармина Н. И., Пономарев Д. Ю. Антропологические особенности погребений Мангупской базилики // АДСВ. 2001. Вып. 32. С. 387-393.
 56. Герцен А. Г. По поводу новой публикации турецкого источника о завоевании Крыма // МАИЭТ. 2001. Вып. VIII. С. 366-387.
 57. Герцен А. Г., Науменко В. Е. Керамика IX-XI вв. из жилого комплекса на мысе Тешкли-бурун // АДСВ. 2001. Вып. 32. С. 127-147.
 58. Герцен А. Г. Рассказ о городе Феодоро. Топографические и археологические реалии в поэме иеромонаха Матфея // АДСВ. 2001. Вып. 32. С. 257-282.

59. Кирилло В. П., Мыц В. Л. Октагональный храм Мангупа // АДСВ. 2001. Вып. 32. С. 354-375.
 60. Крамаровский М. Г. Перстень с родовым гербом семьи Спинола, найденный на Мангупе // АДСВ. 2001. Вып. 32. С. 376-386.
 61. Мыц В. Л. Битва на Синей Воде в 1363 г. Турмарх Хуйтани мангупской надписи 1361/62 г. или мнимый князь Феодоро Димитрий // АДСВ. 2001. Вып. 32. С. 245-256.
 62. Степаненко В. П. Владетели Феодоро и византийская аристократия XV в. // АДСВ. 2001. Вып. 32. С. 335-353.
 63. Gertsen A. Doros-Feodoro: from Early Byzantine Fortress to Feudal City // XX Congrès International des Etudes Byzantines. Pré-Actes. III. Communications libres. Paris, 2001. P. 288.

2002 г.

64. Бармина Н. И. Контуры перемен: Мангупский памятник в контексте истории Крымского средневековья // АДСВ. 2002. Вып. 33. С. 21-28.
 65. Герцен А. Г. Хазары в Доросе-Мангупе // Хазарский альманах. Харьков, 2002. Т. 1. С. 29-34.
 66. Герцен А. Г., Алексеенко Н. А. Византийские моливдовулы из раскопок Мангуп-Кале // АДСВ. 2002. Вып. 33. С. 59-65.

2003 г.

67. Бармина Н. И. Декоративное убранство крымских базилик в культурно-историческом контексте // АДСВ. 2003. Вып. 34. С. 113-122.
 68. Герцен А. Г. У истоков иудейской общины Мангупа // Материалы IV Боспорских чтений «Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Памяти В. В. Шкорпила». Керчь, 2003. С. 69-79.
 69. Герцен А. Г. Описание Мангупа-Феодоро в поэме иеромонаха Матфея // МАИЭТ. 2003. Вып. X. С. 562-589.
 70. Герцен А. Г. Дорос-Феодоро (Мангуп): от ранневизантийской крепости к феодальному городу // АДСВ. 2003. Вып. 34. С. 94-112.
 71. Герцен А. Г., Пономарев Д. Ю. Некрополи раннесредневекового Дороса-Мангупа (некоторые итоги комплексного историко-археологического и антропопалеонтологического исследования) // Гипнос, Танатос и Асклепий в культуре народов мира: гуманитарные и медицинские аспекты. Симферополь, 2003. Вып. I. С. 46-55.
 72. Кашовская Н. В. Заметки по иудейской эпиграфике Мангупа // МАИЭТ. 2003. Вып. X. С. 556-561.
 73. Смокотина А. В. Византийская полевая керамика VII — первой половины IX вв. из раскопок Мангупа // МАИЭТ. 2003. Вып. X. С. 172-181.

2004 г.

74. Герцен А. Г. Бронзовая статуэтка Меркурия из раскопок Мангупа // VI Крымская Международная конференция по религиоведению «Символ в философии и религии». Тезисы докладов. Севастополь, 2004. С. 15-16.
 75. Герцен А. Г. Позднеантичное святилище на горе Бабулган // Материалы V Боспорских чтений «Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Этнические процессы». Керчь, 2004. С. 92-95.
 76. Герцен А. Г. Молдавия и княжество Феодоро в 1475 г. // АДСВ. 2004. Вып. 35. С. 226-240.
 77. Gertsen A., Gertsen N. Moldavia and Theodoro Principality in 1475 // Ștefan cel Mare și Sfânt. Atlel al credinței creștine: simpozion (Putna, 2004). Suceava, 2004. P. 141-156.

2005 г.

78. Бармина Н. И. Хронология Мангупской базилики (опыт изучения) // АДСВ. 2005. Вып. 36. С. 307-318.
 79. Виноградов А. Ю. «Разряд» и «Часть». Как нам обустроить Феодоро? // Сугдейский сборник. Киев-Судак: НЗ «София Киевская», 2005. С. 431-437.
 80. Герцен А. Г., Манаев А. Ю. Демир-Капу (Укрепление А. XIX) в системе оборонительных сооружений Мангупа // МАИЭТ. 2005. Вып. XI. С. 314-345.
 81. Герцен А. Г., Науменко В. Е. Полевая керамика из раскопок цитадели Мангупа // Полевая керамика Средиземноморья и Причерноморья X-XVIII вв. Киев: Стило, 2005. С. 257-287.
 82. Кирилло В. П. Южный вход Мангупской базилики // АДСВ. 2005. Вып. 36. С. 260-271.

83. Мартин Броневский. Описание Крыма (подготовка републикации текста М. Мачинской и А. Герцена, предисловие и комментарий А. Герцена) // Историческое наследие Крыма. Симферополь, 2005. № 10. С. 156-200.
84. Мыц В. Л. Историко-культурный контекст некоторых букв, монограмм и надписей на поливной керамике Крыма XIV-XV вв. // Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X-XVIII вв. Киев: Стилос, 2005. С. 288-305.

2006 г.

85. Герцен А. Г., Землякова А. Ю., Науменко В. Е., Смокотина А. В. Стратиграфические исследования на юго-восточном склоне мыса Тешкли-бурун (Мангуп) // МАИЭТ. 2006. Вып. XII. С. 371-494.
86. Герцен А. Г., Науменко В. Е. К истории цитадели Мангупа (по материалам археологических исследований на юго-восточном склоне мыса Тешкли-бурун) // АДСВ. 2006. Вып. 37. С. 384-432.
87. Герцен А. Г., Карлов С. В. Дозорный и культовый комплекс под оконечностью мыса Тешкли-бурун (Мангуп) // Готы и Рим. Киев: Стилос, 2006. С. 221-253.

2007 г.

88. Бармина Н. И. Мангупская базилика (опыт теменологического анализа) // МАИЭТ. 2007. Вып. XIII. С. 221-232.
89. Герцен А. Г. Сасанидский перстень из раскопок Мангупа // IX Международная Крымская конференция по религиоведению «Небесные патроны и земные служители культа». Тез. докл. и сообщ. Севастополь, 2007. С. 18-19.
90. Герцен А. Г., Иванова О. С., Науменко В. Е., Смокотина А. В. Археологические исследования в районе церкви Св. Константина (Мангуп): I горизонт застройки (XVI-XVIII вв.) // МАИЭТ. 2007. Вып. XIII. С. 233-298.
91. Журавлев О. П., Душенко А. А. Остеологические материалы из раскопок в верховьях балки Табана-дере (Мангуп) // МАИЭТ. 2007. Вып. XIII. С. 299-317.
92. Кашовская Н. В. О надгробной плите из «Крымского сборника» П. И. Кеппена // МАИЭТ. 2007. Вып. XIII. С. 475-482.

2008 г.

93. Бармина Н. И. Этапы жизни Мангупской базилики // ТГЭ. Т. XLII. Византия в контексте мировой культуры: К 100-летию со дня рождения А. В. Банк. Материалы конференции. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2008. С. 305-313.
94. Бармина Н. И. Раскопки Мангупской базилики в 2005 г. // АДСВ. 2005. Вып. 38. С. 267-277.
95. Бочаров С. Г. Картографические источники по топографии турецкого города Мангуп // БИАС. Симферополь: АнтиквА, 2008. Вып. 3. С. 191-211.
96. Герцен А. Г. Мангуп глазами исследователей и путешественников (XVI — начало XX в.) // БИАС. Симферополь: АнтиквА, 2008. Вып. 3. С. 212-256.
97. Герцен А. Г. Археологические исследования Мангупа в 1967-1977 гг. // Херсонесский колокол: сборник научных статей, посвященных 70-летию со дня рождения и 50-летия научной деятельности В. Н. Даниленко. Симферополь: Сонат, 2008. С. 305-326.
98. Герцен А. Г., Руев В. Л. Свинцовые пули из раскопок Мангупа // МАИЭТ. 2008. Вып. XIV. С. 385-416.
99. Крамаровский М. Г. Сельджукские пояса в Крыму и на Северном Кавказе (предварительное сообщение) // АДСВ. 2008. Вып. 38. С. 278-295.
100. Степаненко В. П. К интерпретации мангупской надписи ГЕКΟΤΟΝΑΡΧΑ(?) ТЦИТС... // МАИЭТ. 2008. Вып. XIV. С. 485-490.

2009 г.

101. Бармина Н. И. Археологическое изучение Мангупской базилики в 1850-1930-е гг. (источниковедческий аспект) // АДСВ. 2009. Вып. 39. С. 409-422.
102. Виноградов А. Ю. Надпись из Табана-дере: пятьсот лет спустя // АДСВ. 2009. Вып. 39. С. 262-271.
103. Герцен А. Г., Науменко В. Е. Археологические исследования в районе церкви Св. Константина (Мангуп): II горизонт застройки (XV в.) // МАИЭТ. 2009. Вып. XV. С. 389-431.

104. Душенко А. А. Изделия из кости и рога из раскопок квартала у церкви Св. Константина (Мангуп) // МАИЭТ. 2009. Вып. XV. С. 432-456.
105. Иванова О. С. Краснолаковая керамика из раскопок могильника в балке Алмалык-дере (Мангуп) // МАИЭТ. 2009. Вып. XV. С. 26-88.
106. Крамаровский М. Г. Мангупская находка: сельджукидские отражения в Крыму и на Северном Кавказе // МАИЭТ. 2009. Вып. XV. С. 457-480.
107. Мыц В. Л. Каффа и Феодоро в XV веке. Контакты и конфликты. Симферополь: Универсум, 2009. 528 с.
108. Шрег Р. К вопросу изучения освоения округа Мангупа и Эски-Кермена в эпоху Великого переселения народов и средние века с точки зрения археологии поселения и окружающей среды // МАИЭТ. 2009. Вып. XV. С. 174-195.

2010 г.

109. Герцен А. Г. Золотоордынское зеркало из раскопок княжеского дворца Мангупа // Откровения древнего Солхата. Керчь: Боспор, 2010. С. 96-105.
110. Герцен А. Г., Науменко В. Е. Октагональная церковь цитадели Мангупа (Крым): вопросы хронологии и архитектурной композиции // ТГЭ. Т. LIII. Архитектура Византии и Древней Руси IX-XII вв.: материалы международного семинара. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2010. С. 227-253.
111. Герцен А. Г., Науменко В. Е. Археологический комплекс третьей четверти XV в. из раскопок княжеского дворца Мангупского городища // ТГЭ. Т. LI. Византия в контексте мировой культуры. Материалы международной конференции, посвященной памяти А. В. Банк. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2010. С. 387-419.
112. Герцен А. Г., Науменко В. Е., Иванова О. С. Археологические исследования в районе церкви Св. Константина (Мангуп). III горизонт застройки (середина IX — начало X вв.) // МАИЭТ. 2010. Вып. XVI. С. 240-295.
113. Герцен А. Г., Яшаева Т. Ю. Древнерусские энколпионы из Юго-Западного Крыма // Славяно-русское ювелирное дело и его истоки. СПб.: Нестор-История, 2010. С. 355-362.
114. Кирилло В. П. О времени строительства Мангупского октагона и его идентификации (к вопросу об интерпретационных возможностях источника) // Stratum plus. 2010. № 6. С. 103-120.
115. Руев В. Л. Османская огнестрельная артиллерия 1475 г. на Мангупе: историко-археологический обзор // МАИЭТ. 2010. Вып. XVI. С. 296-327.

2011 г.

116. Залеская В. Н. Памятники византийского прикладного искусства. Византийская керамика IX-XV вв. Каталог коллекции. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2011. 256 с.
117. Иванова О. С. Узкогорлые светлоглиняные амфоры из раскопок Мангупа // МАИЭТ. 2011. Вып. XVII. С. 266-327.
118. Моисеев Д. А. Археологический комплекс строительной керамики IX-X вв. из раскопок поселения в Лагерной балке (Мангуп) // Древности-2011. Харьков, 2011. С. 172-190.
119. Mączyńska M., Urbaniak A., Jakubczyk I. The Early Mediaeval Cemetery of Almalyk-Dere near the Foot of Mangup // Inter Ambo Maria. Contacts between Scandinavia and the Crimea in the Roman Period. Kristiansand, Simferopol: Dolya, 2011. P. 154-175.

2013 г.

120. Герцен А. Г. О первоначальном местонахождении надписи с упоминанием храма свв. Константина и Елены: Каламита или Феодоро // Климентовский сборник. Материалы VI Международной конференции «Церковная археология: Херсонес — город святого Климента». Севастополь: Телескоп, 2013. С. 118-128.
121. Герцен А. Г. Христианство в Мангупе под властью турок // Таврические духовные чтения. Материалы Международной научно-практической конференции, посвященные 140-летию открытия Таврической духовной семинарии. Симферополь, 2013. С. 305-319.
122. Душенко А. А. Детали вооружения из кости и рога из раскопок Мангупа (по материалам 1990-2010 гг.) // Древности-2013. Харьков, 2013. С. 292-302.
123. Душенко А. А. Костяные дисковидные пуговицы с концентрическим орнаментом из раскопок Мангупа // МАИЭТ. 2013. Вып. XVIII. С. 333-352.

124. Душенко А. А. Крест из рога оленя с монограммой из раскопок Большой Мангупской базилики // Боспорские исследования. 2013. Вып. XXVIII. С. 363-375.
125. Иванова О. С. Амфоры позднеримского времени из раскопок Мангупа // Крым в сарматскую эпоху (II до н. э. — IV в. н. э.). Симферополь, Бахчисарай: Доля, 2013. Вып. I. С. 93-154.
126. Кашовская Н. В. Корпус эпитафий иудейского кладбища Мангуп-Кале как исторический источник. Завершение систематизации эпитафий и обобщение результатов исследования // Труды Государственного Музея истории религий. СПб., 2013. Вып. 13. С. 250-334.
127. Моисеев Д. А. Средневековая плинфа Мангупского городища // Древности-2013. Харьков, 2013. С. 179-192.
128. Черныш С. А. Погребение священников со звездами в горном Крыму в XIV-XV вв. // Материалы Международной научно-практической конференции, посвященные 140-летию открытия Таврической духовной семинарии. Симферополь, 2013. С. 335-343.
129. Bemmman J., Schneider K., Gercen A. G., Černýš S., Maczyńska M., Urbaniak A., von Freden U. Die frühmittelalterlichen Gräberfelder von Adym-Čokrak, Južnyj I und Južnyj II am Fuss des Mangup. Mainz: Verlag des RGZM, 2013. 100 S.
130. Gercen A., Maczynska M., Černýš S., Lukin S., Urbaniak A., Bemma J., Schneider K., Jakubczuk I. Das frühmittelalterliche Gräberfeld Almalyk-dere am Fuss des Mangup-plateaus // Die Höhensiedlungen im bergland der Krim. Umwelt, kulturaustausch und transformation am Nordrand des Byzantinischen Rieches. Mainz, 2013. S. 125-141.
- 2014 г.**
131. Герцен А. Г., Науменко В. Е., Душенко А. А., Лавров В. В. Археологические раскопки Мангупского городища // Историческое наследие Крыма: сборник статей. Симферополь: Антиква, 2014. С. 203-209.
132. Моисеев Д. А. Комплекс строительной керамики XIV в. из раскопок христианского храма в округе горы Илька // МАИЭТ. 2014. Вып. XIX. С. 278-310.
133. Науменко В. Е. Археологические исследования средневековых памятников Адым-Чокракской долины Крымских предгорий // Труды IV(XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Казань, 2014. Т. III. С. 302-307.
134. Руев В. Л. Турецкое вторжение в Крым в 1475 году. Симферополь: Антиква, 2014. 308 с.
- 2015 г.**
135. Виноградов А. Ю., Коробов М. И. Готские граффити из Мангупской базилики // Средние века. 2015. Т. 76. № 3-4. С. 57-75.
136. Виноградов А. Ю., Желтов М. С. «Апокрифическая» надпись с Мангупа и обряды «изобличения вора»: магия и право между Античностью и средневековьем // Slovene. 2015. № 1. С. 52-93.
137. Герцен А. Г., Науменко В. Е. Стратиграфия Мангупского городища: антропогенный и природно-географический контекст // XVI Боспорские чтения «Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Географическая среда и социум». Керчь, 2015. С. 88-100.
138. Герцен А. Г., Науменко В. Е., Душенко А. А., Корзюк Д. В., Лавров В. В., Смекалова Т. Н., Шведчикова Т. Ю., Чудин А. В. Новые материалы к изучению исторической топографии Мангупского городища и его округа (по результатам междисциплинарных исследований 2015 г.) // УЗ КФУ. Серия «Исторические науки». Симферополь, 2015. Т. 1(67). № 2. С. 3-28.
139. Герцен А. Г., Науменко В. Е. К исторической топографии Мангупского городища: церковь Святого Константина // Международная научная конференция «II Свято-Владимирские чтения», посвященная 1000-летию преставления святого равноапостольного князя Владимира. Тез. докл. и сообщ. Севастополь, 2015. С. 16-18.
140. Герцен А. Г., Науменко В. Е. О хазарском и фемном периоде в истории Мангупа: предварительные наблюдения над исторической топографией городища // VII Международный Византийский семинар «ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: империя и полис». Мат-лы науч. конф. Севастополь, 2015. С. 36-38.
141. Душенко А. А. Предметы из кости и рога из раскопок дворца правителей Феодоро (Мангуп) // МАИЭТ. 2015. Вып. XX. С. 233-262.
142. Науменко В. Е., Душенко А. А. Новые данные о хозяйственно-культурном использовании южной периферии Мангупского городища: средневековые гончарные центры (по материалам исследований 2010-2013 гг.) // XVI Боспорские чтения «Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Географическая среда и социум». Керчь, 2015. С. 243-250.
143. Яшная О. С. Амфоры типа Делакеу из раскопок Мангупа // ПИФК. М., Магнитогорск, 2015. № 3. С. 120-139.
144. Gertsen A. A Vault with a Byzantine Seal in the Cemetery of Akmalyk (Mangup) // Byzantine and Rus' Seals. Kyiv, 2015. P. 25-33.
145. Seibt W. The Seal of a Chartoularios from Mangup // Byzantine and Rus' Seals. Kyiv, 2015. P. 33-35.
- 2016 г.**
146. Герцен А. Г., Науменко В. Е., Душенко А. А., Корзюк Д. В., Лавров В. В., Смекалова Т. Н., Шведчикова Т. Ю., Чудин А. В. Результаты междисциплинарных исследований Мангупского городища в 2015 г. // КСИА. 2016. № 243. С. 127-147.
147. Герцен А. Г., Науменко В. Е. К вопросу о выделении золотоордынского периода в истории Мангупского городища в Юго-Западном Крыму // Золотоордынская цивилизация. Казань, 2016. № 9. С. 247-258.
148. Герцен А. Г., Науменко В. Е. К ранней истории княжества Феодоро: историко-археологический комментарий // VIII Международный Византийский семинар «ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: империя и полис». Мат-лы науч. конф. Севастополь, 2016. С. 34-38.
149. Душенко А. А. Игральные принадлежности из кости и рога из раскопок Мангупа // МАИЭТ. 2016. Вып. XXI. С. 222-247.
150. Науменко В. Е., Душенко А. А. К истории археологического изучения Мангупа. Раскопки Р. Х. Лепера в 1912-1914 гг. (по материалам коллекции Государственного Эрмитажа) // XVII Боспорские чтения «Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Исследователи и исследования». Керчь, 2016. С. 313-324.
151. Науменко В. Е., Душенко А. А., Корзюк Д. В. Новый христианский культовый комплекс в округе Мангупского городища. Храм на г. Илька // VIII Международный Византийский семинар «ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: империя и полис». Мат-лы науч. конф. Севастополь, 2016. С. 77-83.
152. Maczyńska M., Gercen A. G., Ivanova O., Černýš S., Lukin S., Urbaniak A., Bemmman J., Schneider K., Jakubczyk I. Das frühmittelalterliche Gräberfeld Almalyk-dere am Fusse des Mangup auf der Südwestkrim. Mainz: Verlag des RGZM, 2016. 205 S.
153. Seibt W. A Matrix for Wax Seal of Iakobos, Metropolitan of Gotthia, from Mangup // Byzantiaka. 2016. T. 33. P. 295-299.
- 2017 г.**
154. Виноградов А. Ю., Коробов М. И. Corrigenda. Готские граффити из Мангупской базилики // Средние века. 2017. Т. 78. № 1-2. С. 323-325.
155. Герцен А. Г., Науменко В. Е. Церковь Святого Георгия Мангупского городища: по материалам раскопок 2015-2016 гг. // Международная научная конференция «Археология средневекового храма», к 170-летию К. К. Косцюшко-Валюжинича. Мат-лы конф. Севастополь, 2017. С. 9-13.
156. Науменко В. Е. Христианская топография Мангупского городища периода княжества Феодоро (по материалам новейших археологических исследований) // IX Международный Византийский семинар «ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: империя и полис». Мат-лы науч. конф. Севастополь, 2017. С. 83-90.
157. Науменко В. Е., Иожица Д. В., Набоков А. И. «Базилика Маркевича» на южной периферии Мангупского городища (по материалам исследований 2012-2016 гг.) // Международная научная конференция «Археология средневекового храма», к 170-летию К. К. Косцюшко-Валюжинича. Мат-лы конф. Севастополь, 2017. С. 50-55.

АРХЕОЛОГИЯ

И. Н. ХРАПУНОВ

О ВРЕМЕНИ И ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ ПОЯВЛЕНИЯ ПОСЕЛЕНИЯ НА ГОРЕ МАНГУП-КАЛЕ

Когда на Мангупское плато поднялись его первые жители? Было ли там постоянное население до того, как вершину горы обнесли крепостными стенами? Ответить на эти вопросы можно, обратившись к наиболее ранним археологическим находкам, сделанным при раскопках Мангупа. Таковыми являются фрагменты амфор¹.

Обнаружены красноглиняные амфоры, преимущественно боспорского производства, типа Зеест 75, 77, 80, 90 («с воронковидным горлом»), все они датируются II–III вв. н. э. К III–IV вв. относятся амфоры типа Зеест 72 («мирмекийские»), 73, 79. Узкогорлые светлоглиняные амфоры представлены типами D (обоих вариантов), F и E по Д. Б. Шелову. Амфоры типа D датируются III в. н. э., типа F — IV в., типа E появляются в конце IV в. Во многих слоях обнаружены амфоры синопского производства типа Делакеу, изготовление которых началось около середины IV в. Отметим еще находки фрагментов коричневоглиняных кувшинов типа MRA3 Benghazi, датирующихся в широких пределах конца I — IV вв. Количество фрагментов амфор весьма велико, опубликованы сотни их профильных частей. Они обнаружены на различных участках, разбросанных почти по всей территории плато, исключая только мыс Чамну-Бурун [подробный обзор находок амфор, обнаруженных на Мангупе, включая их классификацию, датировку, распределение по плато см.: 14; 49]. Это означает, что в III–IV вв. плато Мангупа было в какой-то мере заселено. Правда, синхронный культурный слой и какие-либо строительные объекты не сохранились. Все фрагменты амфор римской эпохи найдены вместе с артефактами более позднего времени. Последнее обстоятельство не позволяет отнести к римскому времени и тем самым расширить нашу источниковую базу, наверняка имеющиеся в культурных слоях вещи, например, фрагменты лепных сосудов, которые не датируются сами по себе.

Возможно, к «докрепостному» периоду истории Мангупа относится залегающий на материке 8-й слой из скальной расселины Демир-Капу. Если судить по самым поздним сделанным в нем находкам, слой образовался в V в. н. э. Условия залегания слоя исключают на этом месте возможность какого-либо капитального строительства, кроме крепостного. Авторы публикации предполагают, что слой накопился в связи с функционированием в расселине наблюдательного пункта. Учитывая мощность слоя в 0,5–0,8 м и расположение в непригодном для жилья месте, представляется более ве-

роятным его единовременное образование. Например, в связи с нивелировкой поверхности дна расселины. Любопытно отметить наличие в слое черепицы. Это означает, что где-то на плато существовали каменные дома. Кроме того, наличие черепицы подчеркивает нивелировочный характер слоя, т. к. сложно представить себе постройку с черепичной крышей в узкой расселине. На основании изучения находок в слое 8 предполагается возникновение поселения на Мангупе во второй половине III в. н. э. [9, с. 325–329]. Впрочем, ранняя датировка слоя 8 является предположительной, т. к. найденные в нем фрагменты амфор типологически полностью совпадают с находками в слое 6, где обнаружена монета Юстиниана I [9, с. 332, прил. 2, 3].

Кроме амфор, к римскому времени относится еще некоторое количество найденных на плато Мангупа монет. Все они обнаружены на современной дневной поверхности или в более поздних напластованиях. Полная сводка нумизматических находок, сделанных на Мангупе, отсутствует. Из опубликованных данных можно почерпнуть сведения о приблизительно 50 монетах III–IV вв. (римских императорских, боспорских и херсонесских). Наверняка, на самом деле их найдено больше. Кроме того, следует иметь в виду довольно значительное количество не определенных, сильно стертых монет, среди которых, очевидно, были интересующего нас времени. Имеются и единичные находки монет эллинистического времени [8; 44–46]. Впрочем, монеты не обязательно попали на плато вместе с его первыми поселенцами. Они могли использоваться и в византийское время, уже в «крепостной» период истории Мангупа. Общеизвестно, что находки монет позднеримского времени вместе с византийскими — это не исключение, а правило, когда речь идет о культурных слоях поселений или даже о погребениях в различных частях Византийской империи или на ее периферии.

Несмотря на скептицизм в данном контексте по отношению к монетам, весьма многочисленные находки обломков амфор разных типов, кажется, не дают возможности сомневаться в том, что в позднеримское время на Мангупе имелось постоянное население.

Состояние находок позволяет только констатировать факт проживания людей на горе Мангуп. Об их образе жизни, хозяйстве, плотности населения невозможно строить даже догадки.

Отдельно следует сказать о могильнике Алмалык-Дере, расположенном на нижней части восточного склона горы Мангуп. Очевидно, что его начали использовать в IV в. н. э., скорее всего, около середины столетия [50, S. 3–15]. Возможно, возникновение некрополя связано с перемещением населения внутри Крымского полуострова [40, с. 124–125]. Проблема заключается в том, кто хоронил в этом могильнике: люди, жившие на горе или в окрестных долинах. Более предпочтительным представляется второй вариант. Жителям плато вряд ли имело смысл спускаться в долину, чтобы похоронить родственников. Верхняя, примыкающая к обрывам часть склонов предоставляла прекрасные возможности для сооружения склепов и подбойных могил, таких же, как те, из которых состоял могильник Алмалык-Дере². В любом случае, судя по обломкам амфор II–III вв., начало жизни на плато относится к более раннему времени, чем возникновение могильника.

Что заставило людей подняться на плато? Ведь оно обладало только одним природным преимуществом для создания поселения — его легко было оборонять. Во всех остальных отношениях крутые, заканчивающиеся обрывами, с всего лишь тре-

¹ Единичные находки эпохи бронзы — раннего железного века, свидетельствующие, вероятно, о спорадических посещениях Мангупского плато, не опубликованы, а лишь упомянуты [7, с. 105]. Они в данном случае не рассматриваются.

² Имеются сведения об остатках могильника, разрушенного при строительстве оборонительных сооружений в верховьях балки Гамам-Дере [7, с. 114]. Однако они пока не документированы опубликованными материалами.

мя доступными для транспорта проходами склоны не кажутся привлекательными для жителей предгорий. Любопытно, что на других, также удобных для обороны плато гор в юго-западном Крыму, где впоследствии возникли «пещерные города», столь ранние находки, как на Мангупе, во всяком случае, в сопоставимых количествах, отсутствуют.

Возможно, попытку понять причины проникновения населения на плато Мангупа можно облегчить, если представить общую ситуацию с населением Крыма в позднеримский период. Вероятно, из претендентов на статус первых поселенцев Мангупа можно исключить жителей античных городов, а также население, оставившее могильники с кремациями, из которых лучше других исследованы южнобережные некрополи Чатыр-Даг [23] и Ай-Тодор [5]. Во всяком случае, ни на Мангупе, ни в его окрестностях памятников античной культуры или следов кремаций не обнаружено. В то время, когда первые поселенцы поднимались на плато, а произошло это, судя по обломкам амфор, в первой половине III в. н. э., в предгорном Крыму жили люди, оставившие две группы памятников. Во-первых, это позднескифские поселения и примыкавшие к ним могильники. Во-вторых, могильники ничем не отличающиеся от синхронных им позднескифских, но не связанные с поселениями (Бельбек I-IV, Скалистое II, III, Чернореченский, Нейзац и др.). О том, как жили люди, оставившие эти могильники, можно только догадываться. Возможно, они вели подвижный (полукочевой) образ жизни, не оставляющий следов, доступных археологическому изучению, но позволявший возвращаться к одному и тому же кладбищу, когда умирал кто-то из членов коллектива [37, с. 132-133].

Приблизительно в середине III в. н. э., вероятно, под ударами германцев гибнут все позднескифские поселения и некоторые не связанные с поселениями могильники [36, с. 122-123, 132]. Поэтому первыми на Мангуп могли взобраться и принести с собой амфоры, сделанные в первой половине III в. н. э., остатки разгромленных германцами сообществ. Не менее вероятно, что на Мангуп еще до «готских войн» поднялись вчерашние жители позднескифских поселений или полукочевники.

Зачем им понадобилось занимать горное плато? Что они собирались там делать? Кажется, разумных объяснений нет. Оборонительный потенциал Мангупа они использовать не могли. Для того, чтобы защищать плато площадью 90 га, требовалось строить оборонительные сооружения и обладать значительной живой силой. Это стало возможным только в VI в. н. э. [2, с. 14-17; 7, с. 136-137]. Плато Мангупа представляет собой неплохое пастбище, но прекрасными пастбищами обладают и окружающие Мангуп, гораздо более удобные для жизни долины.

После гибели позднескифских поселений известные населенные пункты в Крымских предгорьях можно посчитать на пальцах одной руки. Это маленькое укрепленное убежище на горе Тас-Тепе в долине Качи [1, с. 16; 16, с. 144-147] и единственное пережившее «готский разгром» позднескифское поселение, расположенное в центральной части предгорий, в Барабановской балке [38]. Имеются еще довольно многочисленные могильники Курское [31-33], Нейзац [37; 39], Дружное [35], Опушки [29; 41-42], Заречное [20], Перевальное [27], Озерное III [17], Красная Заря [4, с. 254-255; 25; 28, с. 32], Тас-Тепе [28, с. 32, 33], Вишневое [28, с. 33, 34], Суворово [12, с. 102-114; 13; 48], Бельбек III [10; 11, с. 33, 52-54; 34], Красный Мак [18], Алмалык-Дере [50], Сувлу-Кая [51], Инкерманский [6], Чернореченский [3; 43], Ки-

лен-Балка [15; 26], Совхоз 10 [30], а также своеобразные памятники, именуемые обычно святилищами [19; 21-23; 47]. Где жили хоронившие в могильниках и посещавшие святилища люди, не известно. Пока можно лишь констатировать факт наличия в предгорном Крыму довольно многочисленного населения в то время, когда на Мангуп поднимались и обустривались там первые поселенцы. Каковы были их побудительные мотивы, остается неизвестным. Имеющийся материал не позволяет установить за счет естественного прироста или в результате появления новых выходцев из долин население Мангупа увеличилось настолько, что оказалось способным осуществить крупномасштабное строительство VI в. н. э. Второе предположение, конечно, более вероятно, но только исходя из общих соображений, конкретные данные на этот счет отсутствуют.

Таков скудный историко-археологический контекст, на фоне которого возникло и первое время развивалось поселение на Мангупе. Остается надеяться на новые данные, в том числе и Мангупской экспедиции, способные помочь осмыслить историю предгорного Крыма в позднеримское время.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Айбабин А. И. Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь: Дар, 1999. 352 с.
2. Айбабин А. И. Архонты, климаты и крепости в Юго-Западном Крыму в VII веке // Культурный шар. Статті на пошану Гліба Юрійовича Івакіна. Київ: Лаурис, 2017. С. 13-23.
3. Бабенчиков В. П. Чорноріченський могильник // Археологічні пам'ятки УРСР. 1963. Т. XIII. С. 94-141.
4. Белый О. Б., Неневоля И. И. Охранные работы на территории Бахчисарайского района в 1993 г. // Проблемы истории и археологии Крыма / Ред. Ю. М. Могаричев. Симферополь: Таврия, 1994. С. 251-255.
5. Блаватский В. Д. Харакс // МИА. 1951. № 19. С. 250-291.
6. Веймарн С. В. Археологічні роботи в районі Інкермана // Археологічні пам'ятки УРСР. 1963. Т. XIII. С. 15-42.
7. Герцен А. Г. Крепостной ансамбль Мангупа // МАИЭТ. 1990. Вып. I. С. 87-156.
8. Герцен А. Г. Нумизматический спектр Мангупа — Дороса // Нумизматични, сфрагистични и епиграфски приноси към историята на Черноморското крайбрежие. Международна конференция в памет на ст. н. с. Милко Мирчев. Варна, 2008. С. 457-459.
9. Герцен А. Г., Манаев А. Ю. Демир-Капу (укрепление А. XIX) в системе оборонительных сооружений Мангупа // МАИЭТ. 2005. Вып. XI. С. 314-345.
10. Гущина И. И. Могильник Бельбек III в Крыму // КСИА. 1970. Вып. 124. С. 39-47.
11. Гущина И. И. Население сарматского времени в долине реки Бельбек в Крыму (по материалам могильников) // Археологические исследования на юге Восточной Европы. М., 1974. С. 33-64.
12. Зайцев Ю. П. Охранные исследования в Симферопольском, Белогорском и Бахчисарайском районах // Археологические исследования в Крыму. 1994 год / Ред. В. А. Кутайсов. Симферополь: СОНАТ, 1997. С. 102-116.
13. Зайцев Ю. П., Мордвинцева В. И. Исследование могильника у с. Суворово // МАИЭТ. 2003. Вып. X. С. 57-77.
14. Иванова О. С. Амфоры позднеримского времени из раскопок Мангупа // Крым в сарматскую эпоху (II в. до н. э. — IV в. н. э.). I / Ред. И. Н. Храпунов. Симферополь, Бахчисарай: Доля, 2013. С. 93-154.
15. Контны Б., Савеля Д. Ю. Вооружение из могильника в Килен-Балке // МАИЭТ. 2006. Вып. XII. С. 129-160.
16. Кутайсов В. А. Городище первых веков н. э. на горе Тас-Тепе в Крыму // Население и культура Крыма в первые века н. э. / Ред. Т. Н. Высотская. Киев: Наукова думка, 1983. С. 144-149.

17. Лобода И. И. Раскопки могильника Озерное III в 1963-1965 гг. // СА. 1977. № 4. С. 236-252.
18. Лобода И. И. Раскопки красномакского могильника в 1983-1984 гг. // МАИЭТ. 2005. Вып. XI. С. 192-251.
19. Лысенко А. В. Святилища римского времени южной части горного Крыма // *Stratum plus*. 2005-2009. № 4. С. 374-400.
20. Масякин В. В. Склеп позднеримского времени у с. Заречное в Центральном Крыму // Древняя и средневековая Таврика / Ред. Ю. П. Зайцев, А. Е. Пуздровский. Донецк: Донбасс, 2010. С. 278-283.
21. Мыц В. Л., Жук С. М., Лысенко А. В., Татарцев С. В., Тесленко И. Б. Об охранных работах в Партеинте // Археологические исследования в Крыму. 1994 год / Ред. В. А. Кутайсов. Симферополь: СОНАТ, 1997. С. 202-204.
22. Мыц В. Л., Лысенко А. В., Семин С. В., Тесленко И. Б. Позднеантичное святилище у с. Дачное (бывш. Таракташ) // Археологические исследования в Крыму. 1995 год / Ред. В. Л. Мыц. Симферополь: СОНАТ, 2007. С. 102-110.
23. Мыц В. Л., Лысенко А. В., Щукин М. Б., Шаров О. В. Чатыр-Даг — некрополь римской эпохи в Крыму. СПб.: Нестор-История, 2006. 208 с.
24. Мыц В. Л., Труфанов А. А. Поселение эпохи Великого переселения народов на склоне г. Таракташ в юго-восточном Крыму // *Stratum plus*. 2005-2009. № 4. С. 401-409.
25. Неневоля И. И., Волошинов А. А. Два комплекса IV в. н. э. на могильнике Краснозорье // Поздние скифы Крыма / Ред. И. И. Гушина, Д. В. Журавлев. М.: ГИМ, 2001. С. 141-146. (Труды ГИМ; Вып. 118).
26. Нессель В. А. Краснолаковая керамика из могильника Килен-Балка // ХСБ. 2003. Вып. XII. С. 107-123.
27. Пуздровский А. Е. Могильник III-IV вв. н. э. у с. Перевальное в Крыму // Византия и народы Причерноморья и Средиземноморья в раннее средневековье (IV-IX вв.). Тез. докл. междунар. конф. Симферополь, 1994. С. 55-56.
28. Пуздровский А. Е., Зайцев Ю. П., Неневоля И. И. Новые памятники III-IV вв. н. э. в Юго-Западном Крыму // МАИЭТ. 2001. Вып. VIII. С. 32-50.
29. Стоянова А. А. Детские погребения из могильника Опушки (по результатам раскопок 2003-2009 гг.). Симферополь: Доля, 2012. 100 с.
30. Стржелецкий С. Ф., Высотская Т. Н., Рыжова Л. А., Жесткова Г. И. Население округи Херсонеса в первой половине I тысячелетия новой эры (по материалам некрополя «Совхоз №10») // *Stratum plus*. 2003-2004. № 4. С. 27-277.
31. Труфанов А. А. Подбойные могилы III в. н. э. некрополя у с. Курское (по материалам раскопок 2001 г.) // Сугдейский сборник / Ред. Н. М. Куковальская. Киев, Судак: Академ-периодика, 2004. С. 495-521.
32. Труфанов А. А. Склеп IV в. н. э. из некрополя у с. Курское в Крыму // РА. 2012. № 2. С. 34-41.
33. Труфанов А. А., Колтухов С. Г. Исследование позднеантичного некрополя у с. Курское в юго-восточном Крыму // *Stratum plus*. 2001-2002. № 4. С. 278-295.
34. Филиппенко А. А., Тюрин М. И., Ушаков С. В. О могильнике ВИР (Бельбек III) в Юго-Западном Крыму: новые данные // *Stratum plus*. 2016. № 4. С. 139-151.
35. Храпунов И. Н. Могильник Дружное (III-IV вв. нашей эры). Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 2002. 313 с.
36. Храпунов И. Н. Этническая история Крыма в раннем железном веке // Боспорские исследования. 2004. Вып. VI. 240 с.
37. Храпунов И. Н. Некоторые итоги исследований могильника Нейзац // Исследования могильника Нейзац / Ред. И. Н. Храпунов. Симферополь: Доля, 2011. С. 13-113.
38. Храпунов И. Н. Поселение в Барабановской балке (II-IV вв. н. э.). Симферополь: Наследие тысячелетий, 2016. 164 с.
39. Храпунов И. Н. Исследования могильника Нейзац в 2011-2015 гг. // Крым в сарматскую эпоху. II. 20 лет исследований могильника Нейзац / Ред. И. Н. Храпунов. Симферополь: Наследие тысячелетий, 2016. С. 11-36.
40. Храпунов И. Н. Население горного Крыма в позднеримское время // ВДИ. 2016. № 1(76). С. 118-134.

41. Храпунов И. Н., Мульд С. А. Трупосожжение римского времени из могильника Опушки // ХСБ. 2005. Вып. XIV. С. 341-345.
42. Храпунов И. Н., Стоянова А. А. Три подбойные могилы из некрополя Опушки в Крыму // Варварский мир Северопонтийских земель в сарматскую эпоху / Ред. Е. В. Смынтына. Киев, 2013. С. 184-207.
43. Храпунов И. Н., Стоянова А. А. Могила № 9(35) из Чернореченского могильника в Крыму // КСИА. 2016. Вып. 244. С. 166-194.
44. Чореф М. М. Описание монет из раскопок городской застройки в районе церкви св. Константина (случайные находки, дерновый слой, I горизонт застройки) // МАИЭТ. 2007. Вып. XIII. С. 290-298.
45. Чореф М. М. Описание монет из раскопок городской застройки в районе церкви св. Константина (II горизонт застройки) // МАИЭТ. 2009. Вып. XV. С. 408-410.
46. Чореф М. М. Описание монет из раскопок городской застройки в районе церкви св. Константина // МАИЭТ. 2010. Вып. XVI. С. 274.
47. Шаров О. В. Святилища на склонах горы Таракташ в восточном Крыму // Боспорский феномен. Искусство на периферии античного мира. Материалы международной научной конференции / Ред. В. Ю. Зуев. СПб.: Нестор-История, 2009. С. 459-464.
48. Юрочкин В. Ю., Труфанов А. А. Позднеантичный погребальный комплекс в низовьях реки Качи // ХСБ. 2003. Вып. XII. С. 199-225.
49. Яшина О. С. Амфоры типа Делакеу из раскопок Мангупа // ПИФК. 2015. № 3. С. 120-139.
50. Maczyńska M., Gercen A., Ivanova O., Černýš S., Lukin S., Urbaniak A., Bemann J., Schneider K., Jakubczyk I. Das Frühmittelalterliche Gräberfeld Almalyk-Dere am Fusse des Mangup auf der Südwestkrim. Mainz: Verlag des Römisch-Germanischen Zentralmuseums, 2016. 205 S.
51. Masyakin V., Voloshinov A., Nenevolja I. Die Nekropole von Suvlu-Kaja // Die Krim. Goldene Insel im Schwarzen Meer. Griechen — Skythen — Goten. Bonn, 2013. S. 372-379.

REFERENCES

1. Aibabin A. I. *Etnicheskaia istoriia rannevizantiyskogo Kryma*. Simferopol, Dar Publ., 1999. 352 p.
2. Aibabin A. I. Arkhonty, klimaty i kreposti v Yugo-Zapadnom Krymu. *Kul'turnyy shar. Statti na poshanu Gliba Yuriyovicha Ivakina*, Kyiv, Laurus Publ., 2017, pp. 13-23.
3. Babenchikov V. P. Chornorichenskiy mogyl'nyk. *Arkheologichni pamiatky URSSR*, Kyiv, 1963, vol. XIII, pp. 94-141.
4. Belyy O. B., Nenevolia I. I. Okhrannyye raboty na territorii Bakhchisarayskogo rayona. Mogarichev Yu. M. (Ed.), *Problemy istorii i arkheologii Kryma*, Simferopol', Tavriia Publ., 1994, pp. 251-255.
5. Blavatskiy V. D. Kharaks. *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR*, Moscow, 1951, vol. 19, pp. 250-291.
6. Veymarn E. V. Arkheologichni roboty v rayoni Inkermana. *Arkheologichni pamiatky URSSR*, Kyiv, 1963, vol. XIII, pp. 15-42.
7. Gertsen A. G. Krepostnoy ansambl' Mangupa. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol, 1990, vol. I, pp. 87-156.
8. Gertsen A. G. Numizmaticheskiy spektr Mangupa — Dorosa. *Numizmatichni, sfragistichni i epigrafski prinosi k'm istoriata na Chernomorskoto krayberezhe. Mezhdunarodna konferentsiia v pamiat na st. n. s. Milko Mirchev*, Varna, 2008, pp. 457-459.
9. Gertsen A. G., Manaev A. Yu. Demir-Kapu (ukreplenie A. XIX) v sisteme oboronitel'nykh sooruzheniy Mangupa. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol, 2005, vol. XI, pp. 314-345.
10. Gushchina I. I. Mogil'nik Bel'bek III v Krymu. *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii AN SSSR*, Moscow, 1970, vol. 124, pp. 39-47.
11. Gushchina I. I. Naselenie sarmatskogo vremeni v doline reki Bel'bek v Krymu (po materialam mogil'nikov). *Arkheologicheskie issledovaniia na yuge Vostochnoy Evropy*, Moscow, 1974, pp. 33-64.
12. Zaytsev Yu. P. Okhrannyye issledovaniia v Simferopol'skom, Belogorskom i Bakhchisarayskom rayonakh. Kutaysov V. A. (Ed.). *Arkheologicheskie issledovaniia v Krymu. 1994 god*. Simferopol, Sonat Publ., 1997, pp. 102-116.

13. Zaytsev Yu. P., Mordvintseva V. I. Issledovanie mogil'nika u s. Suvorovo. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol, 2003, vol. X, pp. 57-77.
14. Ivanova O. I. Amfory pozdnerimskogo vremeni iz raskopok Mangupa. Khrapunov I. N. (Ed.), *Krym v sarmatskuyu epokhu (II v. do n. e. — IV v. n. e.). Vol. I*, Simferopol; Bakhchisaray, 2013, pp. 93-154.
15. Kontny B., Savelia D. Yu. Vooruzhenie iz mogil'nika v Kilen-Balke. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol, 2006, vol. XII, pp. 129-160.
16. Kutaysov V. A. Gorodishche pervykh vekov n. e. na gore Tas-Tepe v Krymu. Vysotskaia T. N. (Ed.), *Naselenie i kul'tura Kryma v pervye veka n. e.*, Kiev, Naukova dumka Publ., 1983, pp. 144-149.
17. Loboda I. I. Raskopki mogil'nika Ozyernoie III v 1963-1965 gg. *Sovetskaia arkheologiya*, Moscow, 1977, No. 4, pp. 236-252.
18. Loboda I. I. Raskopki krasnomakskogo mogil'nika v 1983-1984 gg. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol, 2005, vol. XI, pp. 192-251.
19. Lysenko A. V. Sviatilishcha rimskogo vremeni v yuzhnoy chasti gornogo Kryma. *Stratum plus*, 2005-2009, No. 4, pp. 374-400.
20. Masiakin V. V. Sklep pozdnerimskogo vremeni u s. Zarechnoe v Tsentral'nom Krymu. Zaytsev Yu. P., Puzdrovskiy A. E. (Eds.), *Drevniia i srednevekaia Tavrika*, Donetsk, Donbass Publ., 2010, pp. 278-283.
21. Myts V. L., Zhuk S. M., Lysenko A. V., Tatartsev S. V., Teslenko I. B. Ob okhrannykh rabotakh v Partenite. Kutaysov V. A. (Ed.), *Arkheologicheskie issledovaniia v Krymu. 1994 god*. Simferopol, Sonat Publ., 1997, pp. 202-204.
22. Myts V. L., Lysenko A. V., Syemin S. V., Teslenko I. B. Pozdneantichnoe sviatilishche u s. Dachnoe (byvsh. Taraktash). Myts V. L. (Ed.), *Arkheologicheskie issledovaniia v Krymu. 1995 god*, Simferopol, Sonat Publ., 2007, pp. 102-110.
23. Myts V. L., Lysenko A. V., Shchukin M. B., Sharov O. V. *Chatyr-Dag — nekropol' rimskoy epokhi v Krymu*. Sankt-Petersburg, Nestor-Istoriia Publ., 2006, 208 p.
24. Myts V. L., Trufanov A. A. Poselenie epokhi Velikogo pereseleniia narodov na sklone g. Tarak-Tash v yugo-vostochnom Krymu. *Stratum plus*, 2005-2009, No. 4, pp. 401-409.
25. Nenevolia I. I., Voloshinov A. A. Dva kompleksa IV v. n. e. na mogil'nikе Krasnozor'e. Gushchina I. I., Zhuravlev D. V. (Eds.), *Pozdnie skify Kryma*, Moscow, GIM Publ., 2001, pp. 141-146.
26. Nessel' V. A. Krasnolakovaia keramika iz mogil'nika Kilen-Balka. *Khersonesskiy sbornik*, Sevastopol, 2003, vol. XII, pp. 107-123.
27. Puzdrovskiy A. E. Mogil'nik III-IV vv. n. e. u s. Pereval'noe v Krymu. *Tezisy dokladov mezhdunarodnoi konferentsii "Vizantiia i narody Prichernomor'ia i Sredizemnomor'ia v rannee srednevekov'e (IV-IX vv.)"*, Simferopol, 1994, pp. 55-56.
28. Puzdrovskiy A. E., Zaytsev Yu. P., Nenevolia I. I. Novye pamiatniki III-IV vv. n. e. v Yugo-Zapadnom Krymu. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol, 2001, vol. VIII, pp. 32-50.
29. Stoyanova A. A. *Detskie pogrebeniia iz mogil'nika Opushki*. Simferopol, Dolia Publ., 2012, 100 p.
30. Strzheletskiy S. F., Vysotskaia T. N., Ryzhova L. A., Zhestkova G. I. Naselenie okrugі Khersonesa v pervoy polovine I tysiacheletii novoy ery (po materialam nekropolia Sovkhoz 10). *Stratum plus*, 2003-2004, No. 4, pp. 27-277.
31. Trufanov A. A. Podboynye mogily III v. n. e. nekropolia u s. Kurskoe (po materialam raskopok 2001 g.). Kukoval'skaia N. M. (Ed.), *Sugdeyskiy sbornik*, Kiev, Sudak, 2004, pp. 449-521.
32. Trufanov A. A. Sklep IV v. n. e. iz nekropolia u s. Kurskoe v Krymu. *Rossiiskaia arkheologiya*, Moscow, 2012, No. 2, pp. 34-41.
33. Trufanov A. A., Koltukhov S. G. Issledovanie pozdneantichnogo nekropolia u s. Kurskoe v yugo-vostochnom Krymu. *Stratum plus*, 2001-2002, No. 4, pp. 278-295.
34. Filippenko A. A., Tyurin M. I., Ushakov S. V. O mogil'nikе VIR (Bel'bek III) v Yugo-Zapadnom Krymu: novye dannye. *Stratum plus*, 2016, No. 4, pp. 139-151.
35. Khrapunov I. N. *Mogil'nik Druzhnoe (III-IV vv. n. e.)*. Lublin, Wydawnictwo Uniwersitetu Marii Curie-Skladowskiej, 2002. 313 p.
36. Khrapunov I. N. Eticheskaiia istoriia Kryma v rannem zheleznom veke. *Bosporskie issledovaniia*, Simferopol, Kerch, 2004, vol. VI, 240 p.
37. Khrapunov I. N. Nekotorye itogi issledovaniy mogil'nika Neyzats. Khrapunov I. N. (Ed.), *Issledovaniia mogil'nika Neyzats*, Simferopol, Dolia Publ., 2011, pp. 13-113.

38. Khrapunov I. N. *Poselenie v Barabanovskoy balke (II-IV vv. n. e.)*. Simferopol, Nasledie tysiacheletiy Publ., 2016, 164 p.
39. Khrapunov I. N. Issledovaniia mogil'nika Neyzats v 2011-2015 gg. Khrapunov I. N. (Ed.), *Krym v sarmatskuyu epokhu (II v. do n. e. — IV v. n. e.). Vol. II. 20 let issledovaniy mogil'nika Neyzats*, Simferopol, Nasledie tysiacheletiy Publ., 2016, pp. 11-36.
40. Khrapunov I. N. Naselenie gornogo Kryma v pozdnerimskoe vremia. *Vestnik drevnei istorii*, Moscow, 2016, No. 1(76), pp. 118-134.
41. Khrapunov I. N., Mul'd S. A. Truposozhzhennye rimskogo vremeni iz mogil'nika Opushki. *Khersonesskiy sbornik*, Sevastopol, vol. XIV, 2005, pp. 341-345.
42. Khrapunov I. N., Stoyanova A. A. Tri podboynye mogily iz nekropolia Opushki v Krymu. Smyntyna E. V. (Ed.), *Varvarskiy mir Severopontiyskikh zemel' v sarmatskuyu epokhu*, Kiev, 2013, pp. 184-207.
43. Khrapunov I. N., Stoyanova A. A. Mogila 9(35) iz Chernorechenskogo mogil'nika v Krymu. *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii RAN*, Moscow, 2016, vol. 244, pp. 166-194.
44. Choref M. M. Opis' monet iz raskopok gorodskoy zastroyki v rayone tserkvi sv. Konstantina (sluchaynye nakhodki, dnovyy sloi, I gorizont zastroyki). *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol, 2007, vol. XIII, pp. 290-298.
45. Choref M. M. Opis' monet iz raskopok gorodskoy zastroyki v rayone tserkvi sv. Konstantina (II gorizont zastroyki). *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol, 2009, vol. XV, pp. 408-410.
46. Choref M. M. Opis' monet iz raskopok gorodskoy zastroyki v rayone tserkvi sv. Konstantina. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol, 2010, vol. XVI, p. 274.
47. Sharov O. V. Sviatilishcha na sklonakh gory Taraktash v vostochnom Krymu. Zuev V. Yu. (Ed.), *Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii "Bosporskiy fenomen. Iskustvo na periferii antichnogo mira"*, S-Petersburg, Nestor-Istoriia Publ., 2009, pp. 459-464.
48. Yurochkin V. Yu., Trufanov A. A. Pozdneantichnyy pogrebal'nyy kompleks v nizov'iakh reki Kacha. *Khersonesskiy sbornik*, Sevastopol, 2003, vol. XII, pp. 199-225.
49. Iashnaia O. S. Amfory tipa Delakeu iz raskopok Mangupa. *Problemy istorii, filologii, kul'tury*, 2015, No. 3, pp. 120-139.
50. Mączyńska M., Gercen A., Ivanova O., Černýš S., Lukin S., Urbaniak A., Bemmman J., Schneider K., Jakubczyk I. *Das Frühmittelalterliche Gräberfeld Almalyk-Dere am Fusse des Mangup auf der Südwestkrim*. Mainz, Verlag des Römisch-Germanischen Zentralmuseums, 2016, 205 p.
51. Masyakin V., Voloshinov A., Nenevolia I. Die Nekropole von Suvlu-Kaja. *Die Krim. Goldene Insel im Schwarzen Meer. Griechen — Skythen — Goten*, Bonn, 2013, pp. 372-379.

Храпунов И. Н.

О времени и обстоятельствах появления поселения на горе Мангуп-кале
Резюме

В статье констатируется факт наличия поселения на Мангупе в III-IV вв. н. э. Об этом свидетельствуют, преимущественно, многочисленные обломки амфор соответствующего времени. Первыми жителями Мангупа могли оказаться недавние обитатели позднескифских поселений или полукочевники, населявшие предгорный Крым в позднеримское время.

Ключевые слова: Предгорный Крым, Мангуп, амфоры, монеты, могильники, поздние скифы.

Khrapunov I. N.

On the Date and Circumstances of the Appearance of the Settlement atop Mangup-Kale Mountain
Summary

This article states that the settlement on Mangup existed in the third and fourth centuries AD. This is attested mostly by numerous amphora shards dating to the period in question. The first residents of Mangup probably were the former dwellers of Late Scythian settlements or semi-nomadic population of the Sub-Mountainous Crimea from the Late Roman Period.

Keywords: Sub-Mountainous Crimea, Mangup, amphorae, coins, cemeteries, Late Scythians.

Э. А. ХАЙРЕДИНОВА

ПАРАДНЫЙ УБОР ЖИТЕЛЬНИЦЫ
РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОГО ДОРОСА(по находкам из Тешкли-бурунского клада Мангупского городища)¹

Среди находок, характеризующих женский парадный костюм раннесредневекового населения Юго-Западного Крыма, особого внимания заслуживают предметы, найденные А. Г. Герценом в 1978 г. на плато Мангуп на мысе Тешкли-Бурун в составе клада (рис. 1), зарытого на краю обрыва возле угла разрушенного дома у тыльной стороны северо-западной куртины цитадели [10, с. 262; 11, с. 134-135].

Тешкли-бурунский клад хранится в фондах Центрального музея Тавриды (г. Симферополь). Он экспонировался на выставках «От тысячелетия к тысячелетию. Сокровища и народы Черного моря» (г. Милан, 1995 г.), «Археология Черного моря, Крым в эпоху великих вторжений IV-VIII вв.» (г. Кан, 1997 г.) и «Неизвестный Крым» (г. Хайдельберг, 1999 г.), в каталогах которых опубликован [58, р. 196-197; 57, р. 84, not. 137; 54, S. 151, Abb. 169]. В предлагаемой статье, наряду с подробной характеристикой предметов — их атрибуцией, датировкой и выявлением круга аналогий, предлагаются варианты реконструкции парадного убора, включавшего украшения из клада.

Характеристика предметов из клада

Золотой крест (рис. 1, 3, 3a) с расширяющимися, слегка раздваивающимися концами сделан в виде коробочки, спаянной из пластин (рис. 2, 1), и заполнен внутри светло-желтой пастой. В перекрестии напаяно цилиндрическое гнездо, в котором укреплен полусферический красный камень. Лицевая сторона покрыта гравировкой из расходящихся косых линий, имитирующих растительный орнамент (рис. 1, 3; 2, 1). Петелька для подвешивания скручена из узкой рифленной пластинки. Размеры креста 2,0х2,9 см. Крест выполнен из золота 900° пробы и весит 3,27 г².

Крест из тешкли-бурунского клада относится к группе золотых византийских крестов конца V — первой половины VII вв., широко распространенных как на территории самой империи, так и в областях, имевших политические и экономические связи с ней (рис. 3; 4) [74, р. 93-94]. Они найдены в Константинополе [70, р. 22, 179, Pl. XXIII, 16; XCVII, H; 42, р. 91, Nr. 87], в Сиро-Палестинском регионе [52, р. 236-237, fig. 293; 44, р. 141; 46, S. 182-183, Kat. 145, 146], на территориях Балканских провинций Византии [66, fig. 23-25; 22, с. 51, рис. 120, 122; 76, S. 171-172, 523, Taf. 8, 9; 126, 2; 67, Abb. 19-21] и на севере Италии [69, S. 83, Taf. 92, 2]. Подобные

¹ Работа подготовлена в рамках фундаментальной темы «Кросс-культурные связи населения Таврики и близлежащих территорий в эпоху средневековья» (0832-2015-0007), утвержденной государственным заданием отделу средневековой археологии ФГБУН «Институт археологии Крыма РАН».

² Проба и вес изделий определены в Южном управлении пробирного надзора государственной пробирной палаты Украины, г. Одесса. Сведения предоставлены Главным хранителем Центрального музея Тавриды Л. Н. Храпуновой и заведующей отделом фондов музея Н. Б. Майко, за что приношу им глубокую благодарность.

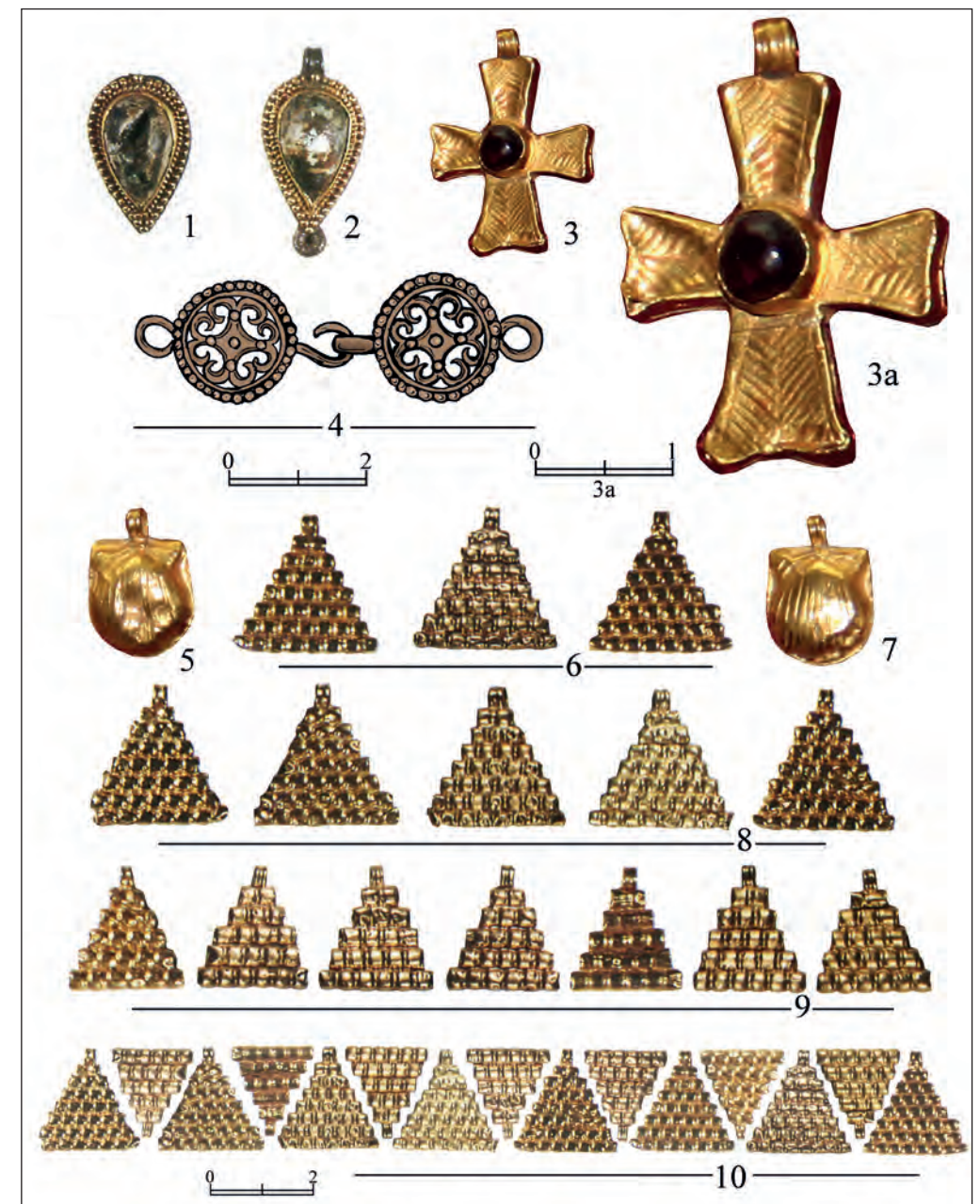

Рис. 1. Тешкли-бурунский клад второй половины VI — первой половины VII вв. 1, 2 — золотые листовидные подвески со стеклянной вставкой; 3, 3a — золотой крест со вставкой из красного камня; 4 — бронзовая застежка для ожерелья; 5, 7 — золотые подвески в форме створки раковины морского гребешка; 6, 8, 9 — золотые бляшки-«городки»; 10 — схема расположения бляшек в украшении [1-9 — по: 58, р. 196-197]

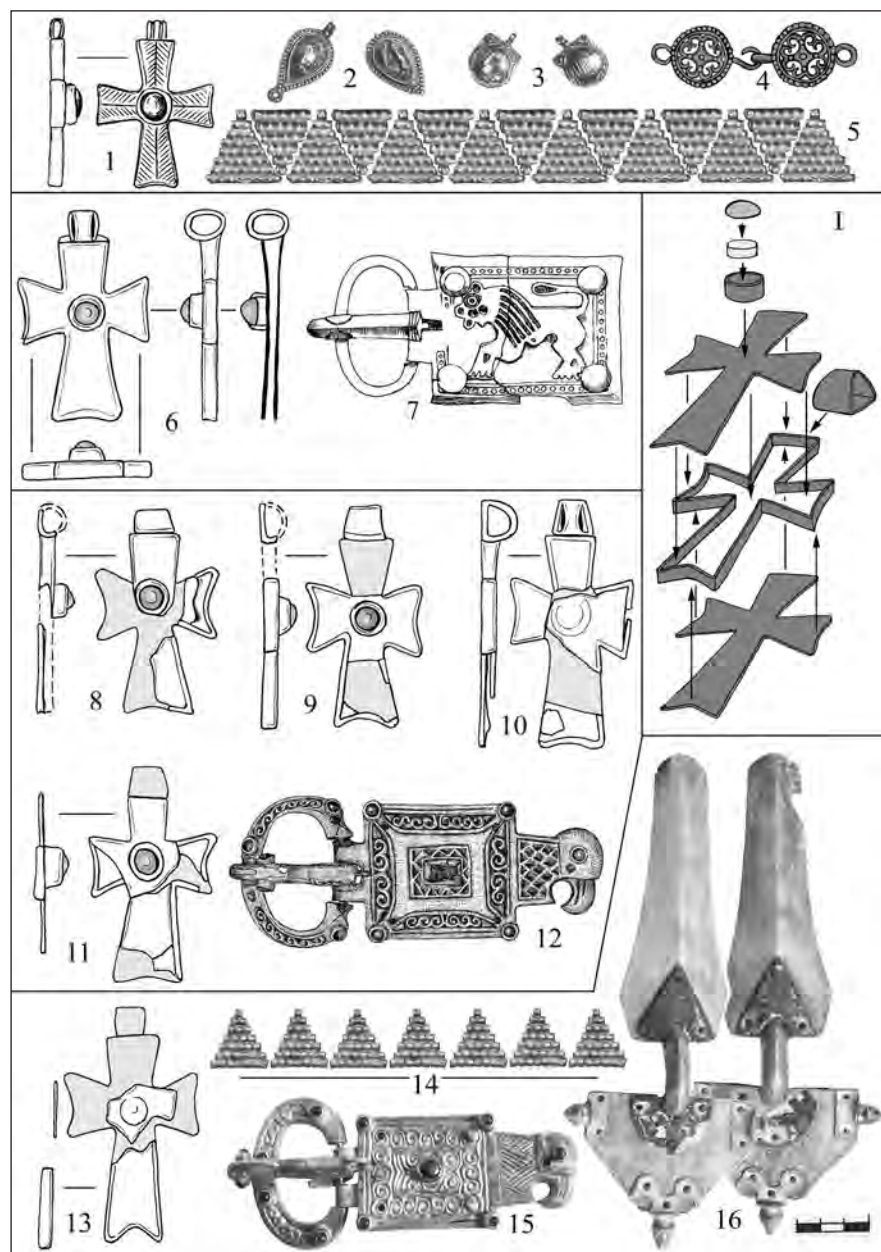

Рис. 2. Кресты из Юго-Западного Крыма с расширяющимися концами, сделанные в виде коробочки, типа 3-1 второй половины VI в., схема их изготовления (1) и сопутствующий инвентарь из погребений. 1-5 — Мангуп, Тешкли-бурунский клад [по: 58, р. 196-197]; 6, 7 — Алония, склеп 2, погребение 3 [по: 27, рис. 14, 48, 65]; 8-16 — Лучистое (8-12 — склеп 207, погребение 5; 13-16 — склеп 268, погребение 8) [рисунки и фото автора]

кресты известны в Северной Италии и в Хорватии среди остготских древностей конца V — первой половины VI вв. [78, Tabl. I, 6; 39, S. 198-204, Taf. 8, 4; 33, 9; 40, р. 204-208, Kat. III, 28t, 29i] и в Абхазии, в погребении второй половины VI — первой половины VII вв. из могильника апсидов у церкви Шапки [8, с. 127, рис. 46, 4; 9, с. 302]. Кресты этого типа сделаны одинаково, в форме коробочки, полый или заполненной белой пастой, но различаются размерами и декором. Встречаются как миниатюрные экземпляры, высота которых не превышает 1,8 см, так и крупные изделия высотой 7,0 см. Некоторые кресты изготовлены с гладкой лицевой стороной, украшенной только красным камнем или стеклянной вставкой в круглом гнезде, напаянном в перекрестии (рис. 3, 13, 14, 16), другие — покрыты узором из зерни и скани (рис. 3, 12, 15, 17-19), реже — эмалью [41, р. 9, fig. 8]. Известны кресты, к ветвям которых подвешены жемчужины (рис. 3, 12, 18; 4, 9).

Маленькие кресты, высотой не более 3,0 см, украшенные, подобно экземпляру из тешкли-бурунского клада, гравировкой из косых линий, обнаружены в Румынии, в Истрии в составе клада VI в. (рис. 4, 5, 6) [66, fig. 23-25; 75, р. 17, 27, fig. 17], а также в Болгарии, Сирии и Турции (рис. 4, 2, 3) [22, с. 51, рис. 122; 47, S. 310-311, Kat. 526, 532; 46, S. 182-183, Kat. 145, 146]. Идентичный крест, место находки которого не известно, хранится в Музее Бенаки в Афинах (рис. 4, 1) [51, р. 498, Kat. 678]. В Венгрии, в аварском могильнике Балатонфюзфё-Самаши, в одной из могил конца VI — первой половины VII вв. найден крест, подобный по форме и декору, но выполненный из серебра (рис. 4, 4) [53, Taf. 38, 1]. К этому ряду аналогий следует добавить три золотых креста, служивших деталями составных подвесок к серьге VI в., хранящейся ныне в Художественном музее Уолтерса (рис. 4, 10) [81, р. 213, Kat. 53]. Декор из косых гравированных линий размещали не только на лицевой стороне крестов, но и на их обороте. Именно так украшены небольшие золотые кресты из коллекций Дамбартон Оукс (рис. 4, 7) [73, р. 14, fig. 12] и Эрмитажа (рис. 4, 8) [13, с. 102-103, kat. 143], а также большой пекторальный крест из художественной галереи Les Enluminures (рис. 4, 9) [74, р. 91-92, Kat. 14a]. Крест, хранящийся в коллекции Эрмитажа и происходящий из Керчи, декорирован красными камнями, вставленными в круглое и каплевидные гнезда, напаянные на лицевой стороне (рис. 4, 8).

Гравировка из косых насечек на крестах имитирует листья аканта, стилизованное изображение которых было популярным декоративным мотивом на византийских изделиях раннесредневекового времени. Кресты с расширяющимися ветвями, покрытыми листьями аканта, встречаются в архитектурном убранстве — на коптской стеле (рис. 4, 14) [59, pl. 37, 2] и на алтарной преграде конца VI — первой половины VII вв., найденной на Кипре (рис. 4, 15, 16) [48, р. 166-167, fig. 7]. На византийских коробочках-реликвариях и медальонах VI-VII вв. (рис. 4, 11-13) представлен крест на фоне стилизованных листьев аканта, переданных косой гравировкой [73, р. 5-14]. По мнению Дж. Спайера, эти предметы, происходящие из разных регионов империи, выполнены в едином «византийском» стиле, возникшем в самом начале VI в. в Константинополе и существовавшем вплоть до конца VII в. Широкое распространение изделий этого стиля свидетельствует о том, что по всей империи ювелиры последовали за установленной столицей модой [73, р. 13-14].

Золотые византийские кресты, бесспорно, были ювелирными изделиями. Многие из них богато декорированы сканью, зернью и драгоценными камнями, вставленными в гнезда, некоторые покрыты гравировкой. Отдельные экземпляры, судя по их уникальности, делались на заказ. Крест из тешкли-бурунского клада относится к привозной византийской ювелирной продукции. Одновременно в Юго-За-

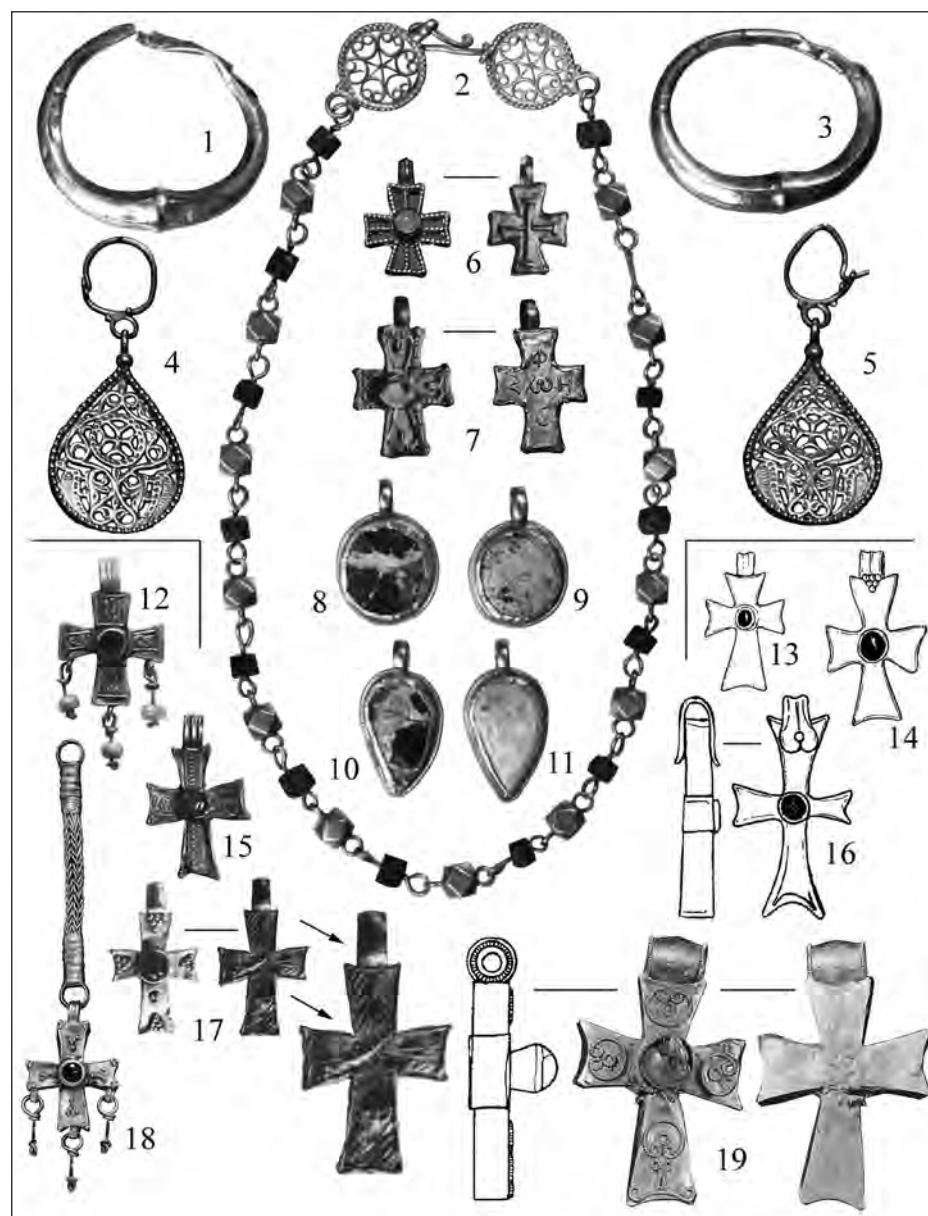

Рис. 3. Византийские золотые кресты с расширяющимися концами, сделанные в виде коробочки, и украшения VI-VII вв.

1-11 — Кесария Палестинская [по: 52, p. 235-246]; 12, 15, 18 — Восточное Средиземноморье [по: 47, Kat. 525, 528, 529]; 13 — Реджо Эмилия, Италия [по: 40, Kat. III, 281]; 14 — Каллатис, Румыния [по: 67, Abb. 19]; 16 — могильник апсидов у церкви Шапки, Абхазия [по: 8, рис. 46,4]; 17 — Сирия [по: 46, Kat. 146]; 19 — Садовско-Кале, Болгария [по: 76, Taf. 8,9; 126,2]

Рис. 4. Византийские кресты VI-VII вв. с расширяющимися концами (1-10) и изображения крестов с растительным орнаментом на медальонах и архитектурных деталях раннесредневекового времени (11-16).

1 — Афины [по: 51, Kat. 678]; 2, 3 — Болгария [по: 47, Kat. 526; 22, Abb. 122]; 4 — Венгрия, аварский могильник Балатонфюзфё-Самаши [по: 53, Taf. 38,1]; 5, 6 — Истрия [по: 66, fig. 23-25]; 7 — Константинополь [по: 73, fig. 12]; 8 — Керчь [по: 13, кат. 143]; 9 — художественная галерея les Enluminures [по: 74, Kat. 14a]; 10 — Византия [по: 81, Kat. 53]; 11 — Михаэльсфельд [по: 13, кат. 133]; 12 — Метилена, Лесбос; 13 — Византия [12, 13 — по: 73, fig. 2; 7]; 14 — Египет [по: 59, pl. 37,2]; 15, 16 — Кипр [по: 48, fig. 7]

падном Крыму бытовал упрощенный и более дешевый вариант византийских золотых крестов. Речь идет о полых бронзовых крестах, выделенных нами в тип 3-1b (рис. 2,6,8-11,13) [30, с. 159-161, рис. 1,21; 5]. Они сделаны в виде коробочки из трех деталей. Верхняя и нижняя пластины, вырезанные в форме креста с расширяющимися, раздвоенными концами, скреплены между собой узким ободком, к верхней стороне которого припаяна цилиндрическая петля, скрученная из пластины (рис. 3,1). В перекрестии напаяно цилиндрическое гнездо с укрепленной на пасте полусферической вставкой из желтого прозрачного стекла. Высота крестов 3,8-4,4 см, ширина 2,1-2,3 см. Большинство крестов этого типа были найдены плохо сохранившимися, разломанными на мелкие фрагменты (рис. 2,8-11,13). Они обнаружены в двух могильниках на Южном берегу Крыма — в Алонии (рис. 1,20; 2,6) и у с. Лучистое (рис. 1,15; 2,8-11,13). В Лучистом кресты лежали в склепах 207 и 268, в женских погребениях с орлиноголовыми пряжками 1 варианта (рис. 2,12,15), бытовавшими в Юго-Западном Крыму во второй половине VI в. [3, с. 21, рис. 12,1]. В Алонии крест найден в склепе 2, в погребении 3 с большой пряжкой с прямоугольным щитком с вытисненным изображением льва 6-го варианта (рис. 2,7). Такие пряжки носились в Крыму во второй половине VI — первой половине VII вв. [3, с. 26, рис. 16]. В склепе 2 указанное захоронение было совершено вдоль стены камеры. Одновременно или чуть позже рядом похоронили женщину с орлиноголовой пряжкой 1-го варианта и мужчину с поясным геральдическим набором с прорезным декором [27, с. 156-159, рис. 9-12], датированным второй половиной VI в. [4, с. 34, рис. 9,10]. Учитывая стратиграфию захоронений и датировку инвентаря, время совершения интересующего нас погребения 3 следует ограничить второй половиной VI в. Таким образом, названные бронзовые кресты из Юго-Западного Крыма следует датировать второй половиной VI в.

Крымские бронзовые кресты копируют в дешевом материале драгоценные прототипы. Скорее всего, эти кресты были продукцией местного производства. Известно, что в раннесредневековое время в мастерских Юго-Западного Крыма в изобилии изготавливали различные аксессуары одежды и украшения [37, р. 165-167]. Судя по этим изделиям, местные ювелиры в совершенстве владели сложной технологией отливки крупных серебряных и бронзовых предметов, делали проволоку и тонкую золотую фольгу, применяли пайку, чеканку, тиснение, украшали изделия красным камнем или цветным стеклом, вставленным в цилиндрические гнезда. Бесспорно, для мастеров, владеющих такими навыками, изготовить бронзовые полые кресты не составляло большого труда. Одновременно с крестами в местных мастерских из тех же материалов (бронзовой пластины и желтого прозрачного стекла), в той же технике (пайка) и с таким же декором из стекла, вставленного в цилиндрические гнезда, делали несколько типов украшений — серьги с полым многогранником и различные подвески для ожерелий [31, с. 196-197, 208, рис. 2].

Две листовидные подвески (рис. 1,1,2) выполнены из серебра 800°-830° пробы и позолочены. Они состоят из пластины, в центре которой напаяно гнездо с выпуклой вставкой из темно-синего стекла, окаймленное филигранной нитью и зернью. Сверху припаяна петелька для подвешивания из узкой рифленой пластинки, снизу — проволочное колечко, предназначавшееся для крепления дополнительных украшений. Одна подвеска поломана — у нее отсутствуют петелька для подвешивания и проволочное колечко. Размеры подвесок 1,5x2,4 и 1,5x3,1 см, вес 3,11 и 3,47 г. Парные подвески листовидной формы были популярным украшением в византийских ожерельях. Они найдены в составе кладов рубежа VI-VII вв. из Кесарии Палестинской (рис. 3,10,11) [52, р. 235-246, fig. 293-294] и первой трети

VII в. из Ламбузы («Второй Кипрский клад») [64, р. 91, pl. 5,G]. Подобное украшение было подвешено к медальонам из разрушенного кочевнического погребения VII в., найденного в 1893 г. в Михаэльсфельде (ныне с. Джигинское) (рис. 4,11) [13, с. 98, кат. 133-134].

Бронзовая застежка (рис. 1,4) состоит из двух ажурных дисков, каждый из которых отлит с квадрифолием по центру и оконтурен полусферическими выступами, имитирующими зернь. Соединялись диски при помощи проволочных крючка и петельки, припаянных по бокам дисков. На противоположной стороне каждого диска крепилась проволочная петля, к которой привязывался конец нити с бусами. Длина застежки 6,6 см, диаметр дисков 1,8 и 1,9 см.

Аналогичные по форме и конструкции застежки характерны для византийских ожерелий и шейных цепочек VI-VII вв. (рис. 3,2; 6) [38, р. 117, fig. 50,1-4]. Декорировались эти застежки по-разному: внутри дисков помещали золотые монеты либо индикации с них, пластинчатые ажурные медальоны с растительным декором или стилизованными изображениями птиц (рис. 6,2) [70, р. 10, Pl. XII; 36, р. 298, fig. 36; 64, р. 90-91, pl. 5,E,H; 81, Cat. 53-66; 13, кат. 133, 135; 49, р. 52-53, pl. 1; 2; 74, р. 91-92, fig. 14a,1]. Особой популярностью пользовались застежки с помещенным внутри диска ажурным квадрифолием или шестилистником (воллютовидным орнаментом), спаянным из тонких проволочек. Ими застегнуты ожерелья рубежа VI-VII вв. из Кесарии Палестинской (рис. 3,2) и Асьюта (рис. 6,6) [47, S. 297, Kat. 492], середины VII в. из Панталлики (Сицилия) (рис. 6,4) [36, р. 312, fig. 286] и Венгрии (рис. 6,3) [53, Taf. 26,1], золотые цепи с различными подвесками первой трети VII в. из так называемого «Второго кипрского клада» (рис. 6,5) [64, р. 91, pl. 5,G], VII в. из Константинополя или Сирии [47, S. 305, Kat. 503], из Мерсина (рис. 6,7) [13, с. 100, кат. 137] и из Мадзара-дель-Валла (Сицилия) (рис. 6,1) [38, р. 130, pl. 22]. На Сардинии, в Корнуса найдена аналогичная серебряная застежка с остатками нити от бус в петлях [69, S. 83, Taf. 110,26,27].

Воллютовидный орнамент использовался не только на застежках. Известны византийские серьги с подвесками, сделанными в виде ажурного диска с филигранными воллутами (рис. 6,8) [56, р. 84-85, Kat. 23]. В Венгрии на аварских памятниках найдены аналогично украшенные медальоны, подражавшие византийским изделиям [53, S. 38, Taf. 15,1,2].

Бронзовая застежка из тешкли-бурунского клада относится к продукции массового производства, копировавшей в дешевом материале золотые византийские ювелирные украшения. Она выполнена в технике литья, в то время как аналогичные по форме и декору византийские ювелирные изделия спаяны из тонкой проволоки и украшены зернью.

Две подвески в форме створки раковины морского гребешка (рис. 1,5,7) вытиснены из тонкой золотой пластины. Сверху припаяна петелька, скрученная из узкой рифленой пластины. Размеры подвесок 1,5x1,9 см, вес 1,29 и 1,4 г. Для их изготовления использован металл 800°-830° пробы.

Подобные украшения, копирующие форму природного материала, известны с древности. Золотые подвески в виде раковины морского гребешка, объединенные в ожерелье, найдены в скифском кургане Огуз IV в. до н. э. (Херсонская область) [62, р. 90, cat. 70]. В Крыму подвески аналогичной формы бытовали с римского времени. Судя по количеству находок в некрополе Херсонеса, они были достаточно популярны у жителей города [6, с. 133, 135, рис. 20,14; 25, с. 183, рис. 46,2,4; 26, Fig. 23; 72, S. 267, Taf. LXIV,1]. Их использовали в ожерельях и, зачастую, парами. В могиле № 2577 Херсонесского некрополя на женском костяке *in situ* за-

чищено ожерелье, в состав которого входило несколько бусин из стекла, сердолика и янтаря, две подвески-лунницы и пара золотых подвесок-раковин [25, с. 158, № 2577]. В позднеермское время в Херсонесе носились и другие украшения в форме раковины морского гребешка — бляшки, штампованные из золотой фольги, которыми расшивали одежду [6, с. 134-135, рис. 20,15]. Известны также серьги, щитки которых имели идентичные публикуемым подвескам форму и размеры [19, с. 238, табл. 17,2766]. В раннесредневековое время подвески такой же формы отливали из бронзы или серебра. В юго-восточном районе Херсонеса около крепостной стены найдена каменная литейная форма для изготовления креста, медальона и подвески в виде створки раковины (рис. 5,1). В. В. Латышев отнес форму к ранневизантийскому времени по надписи на медальоне [18, с. 27-29]. А. Л. Якобсон датировал находку периодом не позднее IX-X вв. [35, с. 328-329, рис. 180,1]. Предметы, отлитые в этой форме, составляли гарнитур, декорированный в едином стиле: петельки для подвешивания всех трех вещей украшены одинаковыми полусферическими выступами, имитирующими зернь. Скорее всего, все они предназначались для одного ожерелья (рис. 5,2). Медальон из набора служил амулетом, призванным отворачивать от носящего беды и болезни. В центре медальона помещено поясное изображение человека в позе оранта, с крестами в руках, сопровождающееся прорезанной по контуру традиционной для византийских амулетов надписью +KYPIE [B]ONΘEI TON ΘOP[Y]N[TA +]AMHN («Боже, помоги носящему, аминь!») [18, с. 28]. Возможно, защитными функциями наделялась и подвеска в форме раковины. В могильнике у с. Лучистое в склепе 154 в женском погребении первой четверти VII в. найдена крышка византийского бронзового светильника, отлитая в форме морской раковины (рис. 5,3) [43, S. 74, Abb. 9,1,2]. Светильники с такими крышками были широко распространены в Восточном Средиземноморье в VI-VII вв. [70, Pl. XXV, No. 30; 47, S. 224-225, Kat. 332; 13, с. 124, 142, кат. 218, 222, 275]. Происходящая из Лучистого крышка была использована вторично, в костюме женщины, в качестве подвески в низке бус и амулетов, соединявшей две фибулы [32, с. 89, рис. 6].

Следует отметить, что в раннесредневековое время в ожерельях часто носили подвески из одной или нескольких природных раковин каури (раковин моллюска *Cypraea moneta*). Подвески из небольших раковин моллюска *Cypraea moneta* с обрезанной лицевой частью считаются амулетами. По этнографическим данным, у среднеазиатских народов раковины каури предохраняли носящего от болезней и дурного глаза [12, с. 22]. На Кавказе у многих народов раковины каури связывались с лечебной предохранительной магией: их прикрепляли к больному месту, носили на шее, подвешивали к колыбели ребенка [16, с. 60-61, рис. 33]. В Северном Причерноморье раковины каури, привозившиеся из теплых тропических морей, использовались в ожерельях с эпохи античности [5, с. 27-28, 30-31, тип 7a]. В Юго-Западном Крыму во второй половине VI — первой половине VII вв. женщины и девочки часто включали в свои ожерелья по 1-4 подвески из раковин каури. В склепе 38 из могильника у с. Лучистое в одном из женских погребений второй половины VII в. найдено ожерелье, в состав которого входило 19 подвесок из раковин каури [3, табл. 132,2a; 185,1].

Треугольные бляшки-«горodки» (рис. 1,6,8,9) спаяны из 6-8 трубочек, каждая из которых скручена из тонкой золотой рифленой пластины. Размер бляшек 1,6x1,7 см (рис. 1,9) и 2,0x2,2 см (рис. 1,6,8), вес 1,27-1,78 г. Для их изготовления использован металл 800°-830° пробы.

Такие бляшки характерны для женских погребений второй половины VI — третьей четверти VII вв. из Юго-Западного Крыма (рис. 7,6-10). Они найдены в Лучи-

Рис. 5. Раннесредневековая литейная форма для изготовления креста, медальона и подвески в виде раковины (1) и реконструкция ожерелья с предметами, отлитыми в ней (2); крышка византийского бронзового светильника в форме раковины, использовавшаяся в качестве подвески в ожерелье (3).

1 — Херсон, юго-восточный район [по: 80, Kat. 50]; 2 — реконструкция и рисунок автора; 3 — Лучистое, склеп 154, погребение 2 первой четверти VII в.

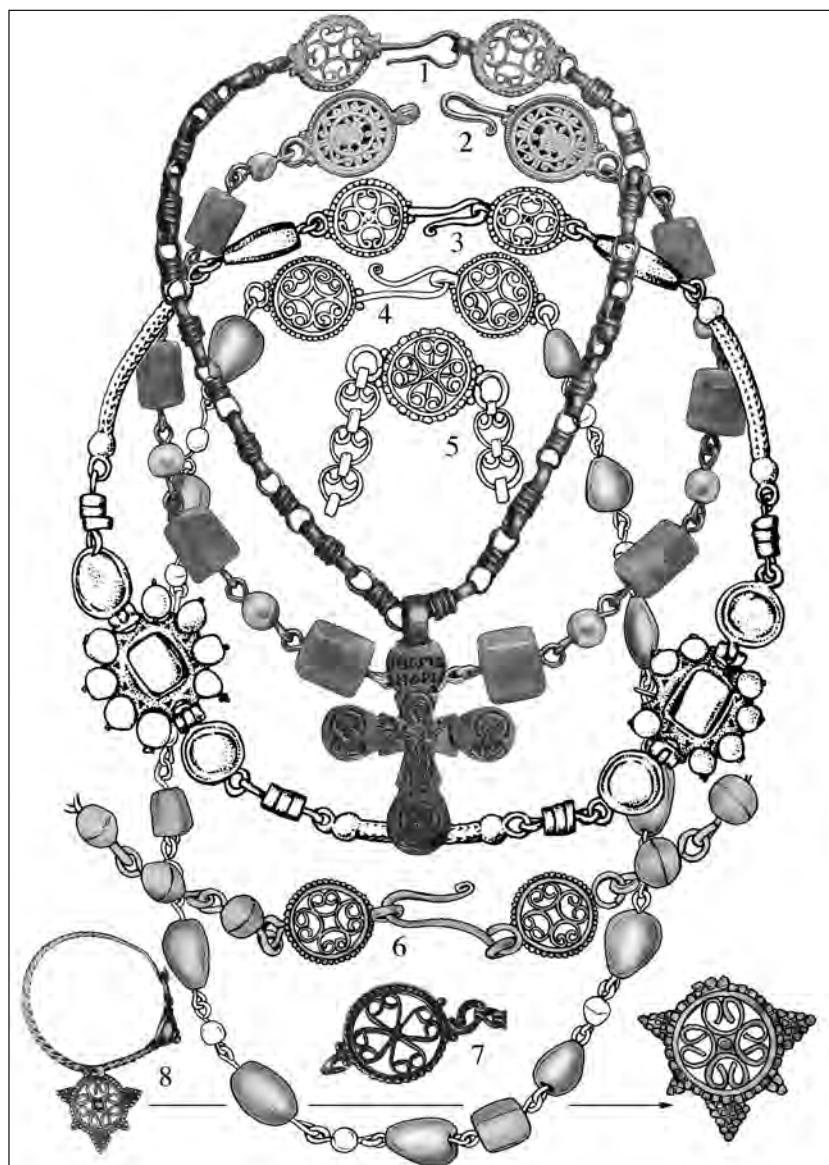

Рис. 6. Византийские золотые ажурные застежки VI-VII вв. (1-7) и серьга с ажурным диском VII в. (8).

- 1 — Мадзара-дель-Валла, Сицилия [по: 38, p. 130, pl. 22];
 2, 5 — Второй Кипрский клад [по: 81, pl. 44; 346, Cat. 23; 61];
 3 — Венгрия [по: 53, Taf. 26,1]; 4 — Сицилия, Панталика [по: 36, p. 312, fig. 286]; 6 — Асьют, Египет [по: 47, S. 297, Kat. 492]; 7 — Мерсин [по: 13, c. 100, kat. 137]; 8 — Византия [по: 56, p. 84-85, Kat. 23]

стом — в склепах 43, 102, 181, 207 и 268 [28, с. 343, рис. 3,1; 4, табл. 5,13,14], в Суук-Су — в склепах 46 и 56 и могилах 61 и 89 [24, рис. 5-6, табл. V,2,3], в Скалистом — в склепах 235, 258, 288, 420, 447 [7, рис. 22,38; 28,15; 36,16,17; 72,22-24; 80,14] и на Мангупе — на некрополе в балке Алмалык-Дере, в склепе с инвентарем VI в. [63, Taf. 13,4.1-4.4]. В тех случаях, где названные бляшки были зафиксированы *in situ*, они сопровождали погребения с большой пряжкой. Самые ранние бляшки происходят из погребений второй половины VI в. с орлиноголовой пряжкой 1-го варианта или с пряжкой с прямоугольным щитком 6-го варианта, самые поздние — из захоронения третьей четверти VII в. с орлиноголовой пряжкой 4-го варианта.

Прототипы бляшек-«городков» известны в древностях сармат и алан. В богатых сарматских погребениях I — начала II вв. из Нижнего Подонья найдены аналогичные по форме, но вырезанные из пластины нашивные изделия (рис. 7,2) [15, с. 43, рис. 15]. По мнению И. П. Засецкой, орнамент из «городков», характерный для иранского мира, к периферии которого принадлежали и ираноязычные кочевники, в том числе и сарматы, не является простым отражением конкретных форм, а восходит к древневосточным орнаментам сакрального значения: ритмично повторенный мотив соответствует представлениям о культовом, защитном ограждении [15, с. 42, 120]. На серебряном кувшине из сарматского погребения I в. из могильника Высочино VII (около г. Азов) выгравирован пояс из трехступенчатых пирамидок, аналогичных по форме золотым бляшкам-«городкам» (рис. 7,1). Орнамент на кувшине также считается защитным по значению, ограждающим сакральное пространство [20, с. 58-59, кат. 43, рис. 2]. Наряду с плоскими пластинчатыми бляшками существовали и объемные, спаянные из нескольких рифленых трубочек «городки» небольших размеров (рис. 7,3). Они выявлены в погребениях сармат второй половины I — начала II вв. из Нижнего Поволжья [21, рис. 4,2] и сарматизированного варварского населения Юго-Западного Крыма римского времени [23, рис. 109,10; 113,8; 119,17,18].

Нашивные пластинчатые бляшки-«городки» найдены в Тунисе, в женском погребении второй половины V в. из Тубурбона Большого (*Thuburbo Majus*) (рис. 7,4) [65, p. 359, fig. 3; 55, p. 335, Cat. IV. 12a]. Эта могила, относящаяся к эпохе вандалов, считается аланской именно из-за бляшек, неизвестных в кругу вандалов Карпатского бассейна, но напротив очень популярных в кругу алан [17, с. 81; 71, p. 153, fig. 24]. По мнению М. И. Ростовцева, бляшки из Тубурбона Большого входили в состав колье, поскольку на них отсутствуют отверстия для пришивания [71, p. 153]. Однако на обороте пластин напаяны две цилиндрические трубочки (рис. 7,4a), явно предназначенные для пришивания (рис. 8,2,2a).

Во второй половине V в. на Боспоре и в Юго-Западном Крыму бытовали золотые прямоугольные или трапециевидные бляшки, спаянные из четырех рифленых трубочек, которыми расшивали горловину платья (рис. 8,3a). В конце V — VI вв. небольшими треугольными бляшками, спаянными из пяти рифленых трубочек, украшали свою одежду жительницы Боспора и Китея (рис. 7,5) [72, s. 253, fig. XXXVI,2]. В боспорском некрополе на склоне горы Митридат в плитовой могиле 1/1905 на скелете женщины на шейных позвонках лежали пятнадцать [33, с. 3; 1, с. 100, рис. 37,2], а в склепе 78 в погребении 8 — двенадцать золотых бляшек [14, табл. XVI,4; 34, с. 33]. Набор из 16 золотых бляшек и черного бисера найден в погребении из склепа 40 на некрополе Джурга-Оба, расположенном в километре к северу от городища Китей (рис. 8,1,1a) [50, p. 345, fig. 5,3]. Боспорские бляшки по размерам в два раза меньше происходящих из Юго-Западного Крыма, поэтому для украшения горловины их требовалось примерно в два раза больше. В целом, и на Боспоре и в Юго-Западном Крыму в женских платьях нашитые вдоль горловины треугольные золотые

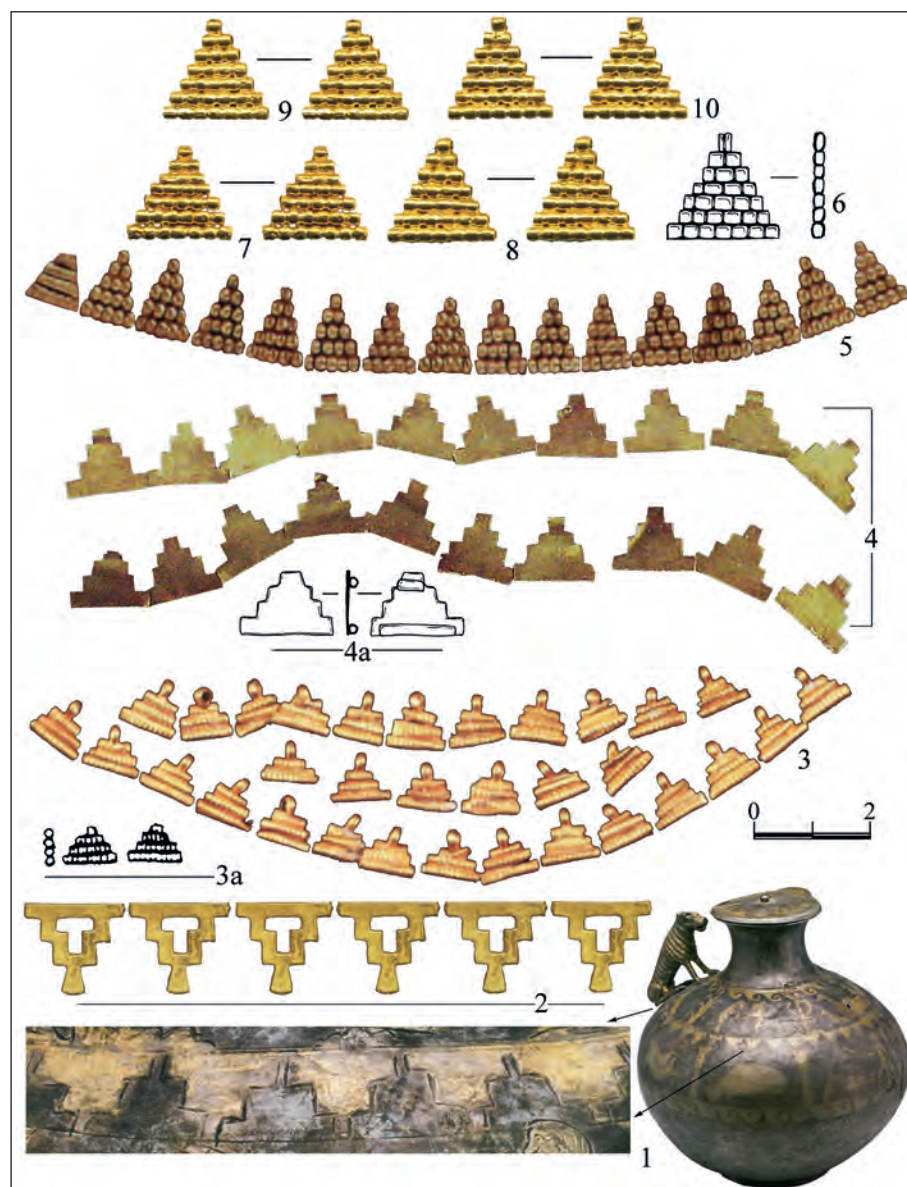

Рис. 7. Раннесредневековые бляшки-«городки» (4-10) и их прототипы в сарматских древностях I в. из Нижнего Подонья (1, 2) и Юго-Западного Крыма (3).
1 — Азовский район, могильник Высочино-VII, курган 28, тайник 1 [по: 20, кат. 43]; 2 — Новочеркасск, курган Хохлач, тайник 2 [по: 15, кат. 35]; 3 — Усть-Альма, склеп 612 [по: 68, Кат. VII.26]; 4 — Тубурбон Бóльший [по: 65, fig. 3]; 5 — Джурга-Оба, склеп 40 [по: 50, fig. 5,3]; 6 — могильник у с. Лучистое, находки 1971 г. [по: 3, табл. 7,1]; 7-10 — Мангуп, могильник Алмалык-Дере, склеп 53/1997 [по: 63, Taf. 13,4.1-4.4]

Рис. 8. Реконструкции женского парадного костюма с нашивными украшениями горловины платья V — начала VI вв.
1 — Джурга-Оба; 2 — Тубурбон Бóльший; 3 — Черная Речка, склеп 11 [реконструкция и рисунок автора]

бляшки занимали полосу длиной 16-18 см (рис. 8,1; 9,4). Несмотря на то, что форма бляшек традиционна для сармато-аланского костюма, в целом украшение горловины в раннесредневековое время больше соответствовало византийской моде. Сарматы и аланы одновременно расшивали разные части одежды, используя при этом наборы бляшек различных форм [23, с. 145-146]. В костюме женщин второй половины VI — VII вв. акцент делался на горловине платья. Она выделялась яркой полосой из черного бисера и крупных золотых бляшек.

Для датировки клада показательны крест VI — первой половины VII вв., каплевидные подвески и бронзовая застежка VI-VII вв., а также бляшки-«городки» второй половины VI — третьей четверти VII вв. Подвески, сделанные по форме природных материалов (рис. 1,5,7), не могут быть хронологическим индикатором. Такие изделия делали в разные эпохи и носили разные народы. Учитывая тот факт, что золотые кресты с гравировкой косыми линиями не известны позже середины VII в., а бляшки-«городки» появились в костюме населения Юго-Западного Крыма в середине VI в., время использования вещей тешкли-бурунского клада можно ограничить второй половиной VI — первой половиной VII вв. Обратим внимание на то, что гарнитур из креста, листовидных подвесок и застежки для ожерелья по составу, форме и способу изготовления отдельных деталей близок предметам из клада рубежа VI-VII вв., происходящего из Кесарии Палестинской (рис. 3,2,6,7,10,11; 9,1) [52, р. 235-246].

Реконструкция убора

По предположению А. Г. Герцена, входившие в состав тешкли-бурунского клада вещи «происходят из позднеантичных и раннесредневековых погребений, разграбленных при завершении первого и в начале второго этапа жизни крепости» [11, с. 134-135]. Не исключая такой интерпретации находок, обратим внимание на то, что в состав клада помимо золотых украшений входили бронзовая застежка (рис. 1,4) и несколько десятков бисерин из черного глухого стекла [57, р. 84, Cat. 141]. Средневековых грабителей не привлекали небольшие бронзовые вещи — именно они, вместе с железными предметами, остаются не тронутыми в разграбленных еще в древности погребениях. Бисер тоже вряд ли стал бы предметом грабежа — не только из-за его низкой ценности, но и из-за трудности «добывания». Мелкий, диаметром не более 0,3 см черный бисер едва различим в погребениях. Во время археологических раскопок для его сбора приходится тщательно перебирать и просеивать грунт. Трудно представить, чтобы этим занимались древние грабители.

В кладе, помимо креста — индивидуального предмета христианского культа, собраны золотые украшения, выполненные из металла одной пробы. Крест, листовидные подвески, бляшки-«городки» и бронзовая застежка относятся к одному хронологическому периоду. Гарнитур из креста, листовидных подвесок и застежки для ожерелья по составу, форме и способу изготовления отдельных деталей близок предметам из византийских кладов. Скорее всего, спрятанные в кладе вещи входили в состав убора, принадлежавшего одной женщине. При такой интерпретации находок легко объясняется присутствие в одном наборе с золотыми предметами и бронзовой застежки, и мелкого стеклянного бисера.

По способу ношения предметы из клада можно разделить на две группы. К первой отнесены крест, подвески и застежка, которые могли быть использованы в ожерелье; ко второй — бляшки-«городки» и стеклянный бисер, служившие для украшения горловины платья.

Нами представлен один из возможных вариантов реконструкции ожерелья с предметами из клада: с крестом по центру и с симметрично расположенными по бокам

от него подвесками — листовидными и в виде створок морских раковин (рис. 9,2). Все элементы ожерелья нанизывались на нить, концы которой крепились к петлям бронзовой застежки (рис. 1,4). Реконструкция сделана по аналогии с ожерельями, включавшими бронзовые кресты, найденными в женских погребениях VI в. в могильниках Алония и у с. Лучистое (рис. 9,3,4). Два ожерелья из Лучистого и Алонии составлены, в основном, из янтарных эллипсоидных уплощенных небольших бусин длиной 0,8-1,8 см (рис. 9,3). В ожерелье из Лучистого из склепа 207 к 30 янтарным бусинам были добавлены две стеклянные — сферическая из красного глухого стекла и эллипсоидная мозаичная, с орнаментом из глазков и четырехлистников. Длинное ожерелье из Алонии набрано из 86 янтарных бусин, двух десятков сферических и цилиндрических бусин из синего, красного, зеленого и желтого стекла, а также из десятка мозаичных эллипсоидных бусин. Ожерелья, в которых преобладали небольшие янтарные бусины и использовалось несколько одноцветных и полихромных стеклянных бусин, были характерны для женского костюма крымских готов во второй половине VI — первой половине VII вв. [29, с. 107-108, рис. 3,3; 8,2А; 11,2; 13,3; 61, р. 24, 40, fig. 13,II,III]. Ожерелье из Лучистого из склепа 268 составлено иначе: в нем крупные бусины из обработанной янтарной гальки чередуются с 14-гранными бусинами из темно-синего стекла (рис. 9,4). В погребениях из Лучистого бусы с крестами лежали в один ряд, а в Алонии — в три ряда. Длина нитей с бусами и подвесками из Лучистого равна 32 и 45 см, а из Алонии — около 100 см. Кресты располагались в центре ожерелий. В трехрядном ожерелье из Алонии крест подвесили по центру второго ряда. Обычно в низку бус включали по одному кресту (рис. 9,4). В ожерелье из Лучистого из склепа 207 подвесили четыре одинаковых креста (рис. 9,3).

В Юго-Западном Крыму большинство крестов происходит из погребений второй половины VI — IX вв. Известно, что в этот период жители региона хоронили умерших в прижитизненной, как правило, парадной одежде вместе с носившимися при жизни украшениями и индивидуальными предметами христианского культа. Кресты выявлены только в захоронениях женщин и детей, в мужских погребениях они отсутствовали. Многие кресты были найдены на костях *in situ*, на шейных позвонках и в верхней части грудной клетки, среди бус, что позволяет говорить об их ношении не на отдельном шнурке, а в составе ожерелья. Ношение креста в ожерелье или в качестве подвесок к украшениям — брошам или серьгам, было распространено в христианском мире в эпоху раннего средневековья. Судя по находкам из кладов, византийские «аристократки» носили богато украшенные золотые кресты на цепях вместе с различными подвесками и медальонами (рис. 6,1; 9,1) [64, р. 91, Pl. 5,Н-G]. В качестве примера использования креста в составе нагрудного украшения можно привести и тунику Батильды, супруги франкского короля Хлодвиг II, умершей в 680 г. в основанном ею аббатстве Шелль. На передней стороне туники цветной шелковой нитью вышита имитация носившихся королевой в светской жизни богатых украшений, состоящих из нескольких колец, к которым подвешены медальоны и большой крест с инкрустацией [77, р. 100-101]. Ожерелья из стеклянных бусин, включавшие подвесные кресты, известны по находкам VI-VII вв. из византийской крепости Виминаций [60, р. 182-183, Pl. 22,134], из Сирии [46, Kat. 10], из погребений гепидов [45, S. 190, Taf. 124,10-14] и франков [41, р. 12-13, Fig. II; 79, р. 358-359].

Как нами было показано выше, золотые бляшки-«городки» найдены в Юго-Западном Крыму в женских погребениях второй половины VI — третьей четверти VII вв. В тех случаях, где положение бляшек было зафиксировано *in situ*, они лежали

Рис. 9. Реконструкции женского парадного убора второй половины VI — начала VII вв., в состав которого входит ожерелье с крестами с расширяющимися концами.
 1 — Византия, Кесария Палестинская; 2-4 — Юго-Западный Крым (2 — Мангуп, тешкли-бурунский клад; 3 — Лучистое, склеп 207, погребение 5; 4 — Лучистое, склеп 268, погребение 8)
 [реконструкции и рисунок автора]

в области шеи, отдельно от бус, относящихся к ожерелью, но вместе с несколькими сотнями бисерин из черного глухого стекла. Данное обстоятельство позволило нам говорить об использовании бляшек-«городков» в качестве нашивных украшений горловины платья.

Треугольные бляшки нашивались вдоль края горловины платья, вершиной кверху, а пространство между ними заполнялось стеклянным бисером (рис. 9,4). Получившийся в результате орнамент из чередующихся золотых треугольных бляшек и треугольников черного бисера занимал полосу шириной 1,8-2,5 см и длиной 20 см. Обычно для украшения горловины использовалось 7 или 8 бляшек и около 300 бисерин. В состав тешкли-бурунского клада входило 15 бляшек и более 60 бисерин. Бляшки из клада по размерам делятся на две группы: семь небольших (1,8x1,9 см) (рис. 1,9) и восемь более крупных (2,2x2,3 см) (рис. 1,6,8). Скорее всего, на горловине платья большие и маленькие бляшки чередовались, при этом одни располагались вершиной вверх, другие — вершиной вниз (рис. 1,10; 9,2). Свободное пространство между бляшками расшивалось черным бисером. Возможно, при сокрытии клада вместе с деталями ожерелья и крестом положили не отдельные бляшки и бисер, а полосу ткани с уже нашитыми предметами.

Приведенный вариант реконструкции убора (рис. 9,2) подразумевает использование вещей клада для двух отдельных видов украшений — ожерелья и обшивки горловины платья. Однако нельзя исключать возможность того, что все предметы клада образовывали единое шейное украшение, наподобие византийских составных ожерелий конца V в., происходящих из Египта (рис. 10,1,2). В этом случае, бляшки-«городки» не пришивались к ткани, а нанизывались вместе с бисером на несколько нитей, концы которых привязывались к петлям бронзовой застежки. Крест и четыре подвески почти неподвижно фиксировались на нижней нити, между основаниями больших треугольных бляшек-«городков». Такое украшение носилось на шее, поверх платья (рис. 10,3) и в собранном виде могло быть спрятано в клад.

Бесспорно, хозяйка вещей из тешкли-бурунского клада принадлежала зажиточному населению раннесредневекового города Дороса, локализуемого на плато Мангуп. В его состав входили золотые украшения весом около 35 г. Золотой крест — единственное, известное на сегодняшний день византийское ювелирное изделие подобного рода, найденное в Юго-Западном Крыму. Золотые бляшки-«городки» были исключительной принадлежностью парадного костюма замужних женщин гото-аланского населения. Они найдены только в самых богатых погребениях женщин с большой пряжкой — орлиноголовой или с прямоугольным щитком с вытисненным изображением льва. В захоронениях золотые бляшки всегда сопровождалась большими серебряными двупластинчатыми фибулами (рис. 9,4), а зачастую еще и золотыми серьгами с многогранником. На основании этого можно говорить о том, что и набор с крестом и бляшками-«городами» из тешкли-бурунского клада был собственностью замужней богатой женщины, которая носила его в соответствующем ее статусу парадном костюме.

В парадном уборе богатой жительницы раннесредневекового Дороса прослеживаются разные культурные традиции. В нем присутствуют как типичные для местного гото-аланского населения золотые нашивные украшения, так и привозные византийские ювелирные изделия и аксессуары. Сочетание традиционных элементов с византийской модой является характерной чертой женского костюма гото-аланского населения Юго-Западного Крыма второй половины VI — VII вв.

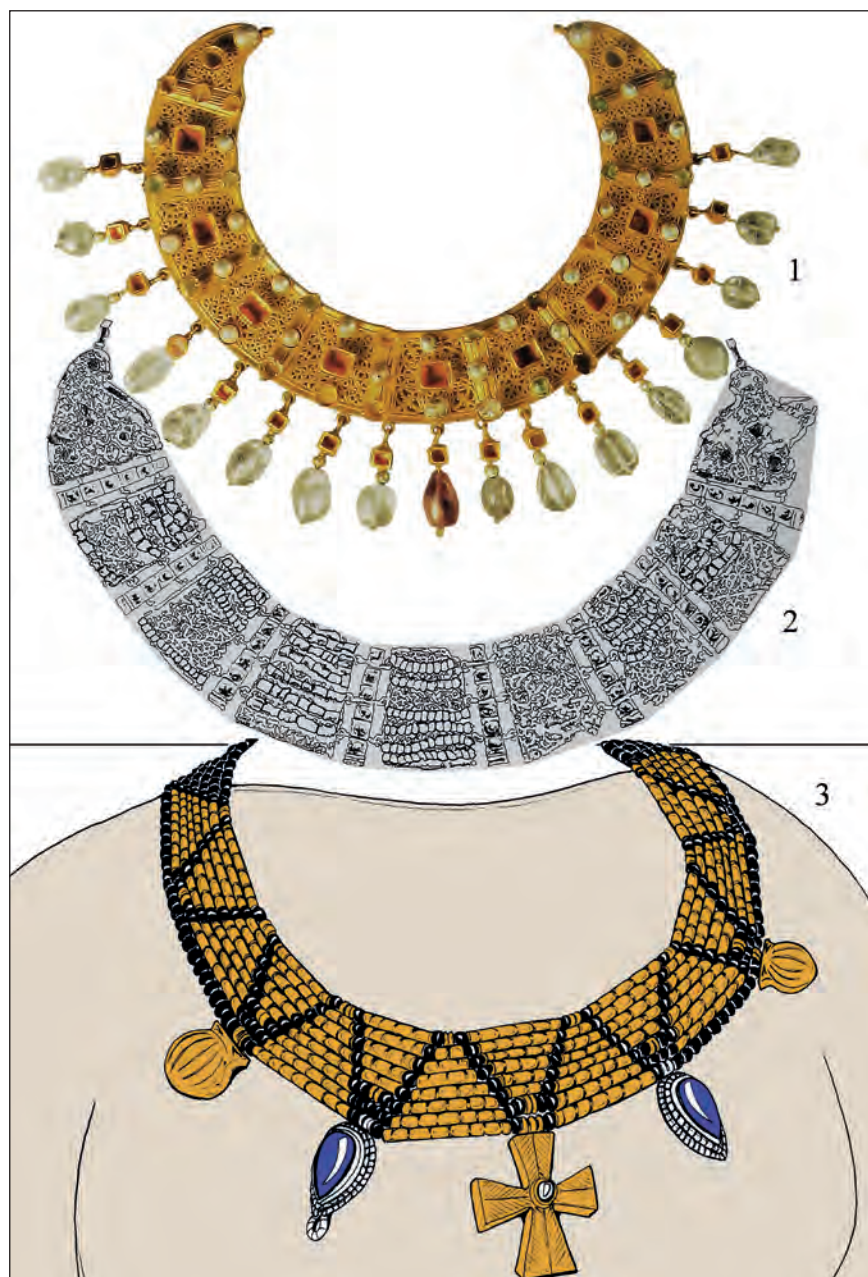

Рис. 10. Византийские украшения конца V в. из Египта (1, 2) и вариант реконструкции женского парадного убора по находкам из тешкли-бурунского клада (3) [1, 2 — по: 81, р. 210, Cat. 38; 3 — реконструкция и рисунок автора]

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Айбабин А. И. Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь: Дар, 1999. 352 с.
2. Айбабин А. И. О локализации области Дори // МАИЭТ. 2015. Вып. XX. С. 311-332.
3. Айбабин А. И., Хайрединова Э. А. Могильник у села Лучистое. Т. 1. Раскопки 1977, 1982-1984 гг. Симферополь, Керчь, 2008. 336 с. (Боспорские исследования. Suppl. 4).
4. Айбабин А. И., Хайрединова Э. А. Могильник у с. Лучистое. Т. II. Раскопки 1984, 1986, 1991, 1993-1995 годов. Симферополь, Керчь, 2014. 400 с. (Боспорские исследования. Suppl. 14).
5. Алексеева Е. М. Античные бусы Северного Причерноморья. М., 1982. 104 с. (САИ. Вып. Г1-12).
6. Белов Г. Д. Римские приставные склепы №№ 1013 и 1014 // ХСб. Севастополь, 1927. Вып. II. С. 105-146.
7. Веймарн Е. В., Айбабин А. И. Скалистинский могильник. Киев: Наукова думка, 1993. 201 с.
8. Воронов Ю. Н. Тайна Цебельдинской долины. М.: Наука, 1975. 160 с.
9. Воронов Ю. Н. Древняя Аписия. Сухум: Алашара, 1998. 337 с.
10. Герцен А. Г. Исследования оборонительной системы Мангупа // Археологические открытия 1979 года. М.: Наука, 1980. С. 261-263.
11. Герцен А. Г. Крепостной ансамбль Мангупа // МАИЭТ. 1990. Вып. I. С. 88-166.
12. Гущина И. И., Засецкая И. П. "Золотое кладбище" римской эпохи в Прикубанье. СПб.: Фарн, 1994. 172 с.
13. Залеская В. Н. Памятники византийского прикладного искусства IV-VII вв.: каталог коллекции. СПб.: Изд-во ГЭ, 2006. 271 с.
14. Засецкая И. П. Датировка и происхождение пальчатых фибул Боспорского некрополя раннесредневекового периода // МАИЭТ. 1998. Вып. VI. С. 394-478.
15. Засецкая И. П. Золотые украшения из кургана Хохлач — классические образцы сарматского полихромного звериного стиля I — начала II в. н. э. // Сокровища сармат: каталог выставки. СПб., Азов: Изд-во Азовского музея-заповедника, 2008. С. 29-43.
16. Иерусалимская А. А. Мошечая Балка. Необычный археологический памятник на Северокавказском Шелковом пути. СПб.: Изд-во ГЭ, 2012. 384 с.
17. Кишш А. Опыт исследования археологических памятников алан в Западной Европе и Северной Африке // Аланы: история и культура. Alanica III / Ред. В. Х. Тменов. Владикавказ, 1995. С. 79-98.
18. Латышев В. В. Греческие и латинские надписи, найденные в Южной России в 1895-1898 годах // МАР. СПб., 1899. № 23. 76 с.
19. Лепер Р. Х. Дневники раскопок Херсонесского некрополя // ХСб. Севастополь, 1927. Вып. II. С. 187-256.
20. Лукьяшко С. И. Древнеиранский космологический сюжет на серебряном кувшине из сарматского погребения у г. Азова // Сокровища сармат: каталог выставки. СПб., Азов: Изд-во Азовского музея-заповедника, 2008. С. 58-61.
21. Мордвинцева В. И., Сергацков И. В. Богатое сарматское погребение у станции Бердия // РА. 1995. № 4. С. 114-124.
22. Овчаров Д., Ваклинова М. Ранновизантийские погребения от България IV-VII век. София, 1978. 74 с.
23. Пуздровский А. Е. Крымская Скифия. II в. до н. э. — III в. н. э. Погребальные памятники. Симферополь: Бизнес-Информ, 2007. 480 с.
24. Репников Н. И. Некоторые могильники области крымских готов // ИАК. 1906. Вып. 19. С. 1-80.
25. Репников Н. И. Дневник раскопок Херсонесского некрополя в 1908 году // ХСб. Севастополь, 1927. Вып. II. С. 147-186.
26. Скубетов М. Римский фамильный склеп II-IV веков по Р. Х., открытый в Херсонесе в 1907 году // ИТУАК. 1911. Т. 45. С. 38-49.
27. Турова Н. П., Черныш С. А. Раннесредневековый могильник Алония на Южном берегу Крыма // МАИЭТ. 2015. Вып. XX. С. 133-184.

28. Хайрединова Э. А. Женский костюм с большими пряжками с христианской символикой из Юго-Западного Крыма // ХСб. Севастополь, 1999. Вып. X. С. 334-339.
29. Хайрединова Э. А. Женский костюм с южнокрымскими орлиноголовыми пряжками // МАИЭТ. 2000. Вып. VII. С. 91-133.
30. Хайрединова Э. А. Раннесредневековые кресты из Юго-Западного Крыма // МАИЭТ. 2007. Вып. XIII. С. 151-182.
31. Хайрединова Э. А. Бронзовые серьги с полым многогранником из могильника у с. Лучистое // МАИЭТ. 2013. Вып. XVIII. С. 187-216.
32. Хайрединова Э. А. Перстень-амулет первой четверти VII в. из Юго-Западного Крыма // АДСВ. 2014. Вып. 42. С. 69-89.
33. Шкорпил В. В. Отчет о раскопках в г. Керчи в 1905 году // ИАК. 1909. Вып. 30. С. 1-50.
34. Шкорпил В. В. Отчет о раскопках в г. Керчи и на Таманском полуострове в 1907 г. // ИАК. 1910. Вып. 35. С. 12-47.
35. Якобсон А. Л. Раннесредневековый Херсонес // МИА. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1959. № 63. 364 с.
36. Age of Spirituality: Late Antique and Early Christian Art, Third to Seventh Century / Ed. K. Weitzmann. New-York, 1979. 736 p.
37. Aibabine A. I. La fabrication des garnitures de ceintures et des fibules à Chersonèse, au Bosphore Cimmérien et dans la Gothie de Crimée aux VIe-VIIIe s. // Outils et ateliers d'orfèvre des temps anciens. Saint-Germain-en-Laye, 1993. P. 163-170.
38. Baldini Lippolis I. Sicily and Southern Italy: Use and Production in the Byzantine Koiné // «Intelligible Beauty»: Recent Research on Byzantine Jewellery / Eds. Ch. Entwistle, N. Adams. British Museum Research, Publication 178. London, 2010. P. 123-132.
39. Bierbrauer V. Archeologia degli Ostrogoti in Italia // I Goti. Milano, 1994. P. 170-213.
40. Bierbrauer V. Die Ostgotischen Grab— und Schatzfunde in Italien. Spoleto, 1975. 378 S.
41. Brown K. The gold breast chain from the early byzantine period in the Römisch-Germanisches Zentralmuseum. Mainz, 1984. 30 p.
42. Byzantium at Princeton. Byzantine Art and Archaeology at Princeton University / Eds. S. Čurčić, A. St. Clair. Princeton, 1986. 150 p.
43. Chajredinova E. Byzantinische Elemente in der Frauentracht der Krimgoten im 7. Jahrhundert // Byzanz — das Römerreich im Mittelalter / Hrsg. F. Daim, J. Drauschke. Mainz, 2010. S. 59-94. (Monographien des RGZM. Bd. 84.3).
44. Cradle of Christianity / Eds. Y. Israeli, D. Mevorach. Jerusalem: Israel Museum, 2000. 232 p.
45. Csallány D. Archäologische Denkmäler der Gepiden im Mitteldonaubecken (454-568 u. Z.). Budapest, 1961.
46. Die Kunst der frühen Christen in Syrien. Zeichen, Bilder und Symbole vom 4. bis 7. Jahrhundert / Hrsg. M. Fansa, B. Bollmann. Mainz am Rhein: Verlag Philipp Zabern, 2008. 220 S.
47. Die Welt von Byzanz. Europas Östliches Erbe / Hrsg. L. Wamser. München, 2004. 475 S.
48. Doria N. Liturgical Furnishings from Early Christian Basilicas of Cyprus (4th-7th Century) // Cahiers du Centre d'Etudes Chypriotes. 2013. Vol. 43. P. 155-174.
49. Drauschke J. Byzantine Jewellery? Amethyst Beads in East and West during the Early Byzantine Period // «Intelligible Beauty»: Recent Research on Byzantine Jewellery / Eds. Ch. Entwistle, N. Adams. British Museum Research, Publication 178. London, 2010. P. 50-60.
50. Ermolin A. Džurga-Oba — a cemetery of the Great migration period in the Cimmerian Bosphorus // The Pontic-Danubian realm in the period of the Great migration / Eds. V. Ivanišević, M. Kazanski. Paris, Beograd: ACHByz, 2012. P. 339-348.
51. Everyday Life in Byzantium / Ed. D. Papanikola-Bakirtzi. Athens, 2002. 600 p.
52. Frova A. Il tesoretto aureo e il reliquiario // Scavi di Caesarea Maritima. Milano, 1965. P. 235-246.
53. Garam E. Funde byzantinischer Herkunft in der Awarenzeit vom Ende des 6. bis zum Ende des 7. Jahrhunderts // Monumenta Avarorum Archaeologica. Budapest, 2001. No. 5. 432 S.
54. Gerzen A. G. Der Schatz von Teschkliburun (aus den Grabungen von Mangup) // Unbekannte Krim / Hrsg. T. Werner. Heidelberg, 1999. P. 151-152.
55. Ghalia T. The Grave Goods of Thuburbo Maius // Rome and the Barbarians. The Birth of a new World. Milano, 2008. P. 334-336.
56. Gonosova A., Kondoleon Ch. Art of Late Rome and Byzantium in the Virginia Museum of Fine Art. Richmond: Virginia Museum of Fine Art, 1994. 445 p.
57. Guertsen A. Le trésor de Techkliburoun provenant des fouilles de Mangoup // Archéologie de la Mer Noire. La Crimée à l'époque des Grandes Invasions, IV-VIII siècles. Caen, 1997. P. 83-84.
58. Herzen A. G. Tesoro di Teschkliburun, scavi di Mangup // Dal Mille al Mille. Tesori e popoli dal Mar Nero. Milano: Electa, 1995. P. 196-197.
59. Heurgon J. Le trésor de Ténès. Paris, 1958. 75 p.
60. Ivanišević V., Kazanski M., Mastikova A. Les nécropoles de Viminacium à l'époque des Grandes migrations. Paris, 2006. 351 p.
61. Khairédinova E. Le costume des barbares aux cinquièmes septentrionaux de Byzance (VI-VII siècles) // Kiev — Cherson — Constantinople / Eds. A. Aibabin, H. Ivakin. Kiev, Simferopol, Paris, 2007. P. 11-44.
62. Kozak D. N. Gli Sciti // Dal Mille al Mille. Tesori e popoli dal Mar Nero. Milano: Electa, 1995. P. 58-95.
63. Mączyńska M., Gercen A., Ivanova O., u. a. Das frühmittelalterliche Gräberfeld Almalik-Dere am Fusse des Mangu auf der Südwestkrim. Mainz, 2016. 214 S. (Monographien des Römisch-Germanischen Zentralmuseums. Bd. 115).
64. Manière-Lévêque A.-M. L'évolution des bijoux « aristocratiques » féminins à travers les trésors proto-byzantins d'orfèvrerie // Revue Archéologique. 1997. No. 1. P. 79-106.
65. Merlin A. Découvertes à Thuburbo Majus // Comptes rendus des séances de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres, 56e année. No. 5. 1912. P. 347-360.
66. Nicolescu C. Moștenirea artei Bizantine în România. București, 1971.
67. Pillinger R. Ein frühchristliches Grab mit Psalmenzitate in Mangalia / Kallatis (Rumänien) // Die Schwarzmeerküste in der Spätantike und im frühen Mittelalter / Hrsg. R. Pillinger, A. Pülz, H. Vetter. Wien, 1992. S. 97-102.
68. Puzdrowskij A. Ust'-Al'ma: Die Siedlung und Nekropole // Die Krim. Goldene Insel im Schwarzen Meer. Griechen — Skythen — Goten. Bonn: Primus Verlag, 2013. S. 290-323.
69. Riemer E. Romanische Grabfunde des 5.-8. Jahrhunderts in Italien // Internationale Archäologie. Rahden, 2000. Bd. 57. 485 p.
70. Ross M. Catalogue of the Byzantine and early Mediaeval Antiquities in the Dumbarton Oaks Collection. Vol. II. Washington: Harvard University, 1965. 144 p.
71. Rostovtzeff M. Une trouvaille de l'époque gréco-sarmate de Kertch // Monuments et mémoires. Paris: Editions Ernest Leroux, 1923. T. XXVI. P. 99-163.
72. Ruxer M. S., Kubczak J. Naszyjnik grecki w okresie hellenistycznym i rzymskim. Warszawa, Poznań, 1972. 274 p.
73. Spier J. A Byzantine Pendant in the J. Paul Getty Museum // The J. Paul Getty Museum Journal. 1987. Vol. 15. P. 5-14.
74. Spier J. Byzantium and the West: Jewelry in the First Millennium. London, Paris, Chicago, New York: Paul Holberton Publishing, 2012. 208 p.
75. Theodorescu R. Un mileniu de artă la Dunărea de Jos (400-1400). București, 1976.
76. Uense S. Die spätantiken Befestigungen von Sadovec (Bulgarien) // Münchner Beiträge zur Vor- und Frühgeschichte. München, 1992. Bd. 43. 600 S.
77. Vallet F. De Clovis à Dagobert. Les Mérovingiens // Découvertes Gallimard. Paris, 1997. No. 268. 176 p.
78. Vinski Z. Krstoliki nakit epohe seobe naroda u Jugoslaviji // Vjesnik Arheološkog muzeja u Zagrebu. 1968. Vol. III. P. 103-166.
79. Vrielynck O. The «Lady» of Grez-Doiceau (Belgium) // Rome and the Barbarians. The Birth of a new World / Ed. J.-J. Aillagon. Milano, 2008. P. 358-359.
80. Yashaeva T., Denisova E., Ginkut N., Zaleskaya V., Zhuravlev D. The Legacy of Byzantine Cherson. Sevastopol, Austin, 2011. 708 p.
81. Yeroulanou A. Datria. Gold pierced-work jewellery from the 3rd to the 7th century. Athens: Benaki Museum, 1999. 320 p.

REFERENCES

1. Aibabin A. I. *Etnicheskaia istoriia rannevizantiiskogo Kryma*. Simferopol, Dar Publ., 1999, 352 p.
2. Aibabin A. I. O lokalizatsii oblasti Dori. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol, 2015, Vol. XX, pp. 311-332.
3. Aibabin A. I., Khairedinova E. A. *Mogil'nik u sela Luchistoe. T. I. Raskopki 1977, 1982-1984 gg.* Simferopol, Kerch, 2008, 336 p. (Bosporskie issledovaniia. Suppl. 4).
4. Aibabin A. I., Khairedinova E. A. *Mogil'nik u s. Luchistoe. T. II. Raskopki 1984, 1986, 1991, 1993-1995 godov.* Simferopol, Kerch, 2014, 400 p. (Bosporskie issledovaniia. Suppl. 14).
5. Alekseeva E. M. *Antichnye busy Severnogo Prichernomor'ia*. Moscow, 1982, 104 p. (Svod arkheologicheskikh istochnikov. Vol. G1-12).
6. Belov G. D. Rimskie pristavnye sklepy №№ 1013 i 1014. *Khersonesskii sbornik*, Sevastopol, 1927, Vol. II, pp. 105-146.
7. Veimarn E. V., Aibabin A. I. *Skalistinskii mogil'nik*. Kiev, Naukova dumka Publ., 1993, 201 p.
8. Voronov Iu. N. *Taina Tsebel'dinskoi doliny*. Moscow, Nauka Publ., 1975, 160 p.
9. Voronov Iu. N. *Drevniaia Apsiliia*. Sukhum, Alashara Publ., 1998, 337 p.
10. Gertsen A. G. Issledovaniia oboronitel'noi sistemy Mangupa. *Arkheologicheskie otkrytiia 1979 goda*, Moscow, Nauka Publ., 1980, pp. 261-263.
11. Gertsen A. G. Krepostnoi ansambl' Mangupa. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol, 1990, Vol. I, pp. 88-166.
12. Gushchina I. I., Zasetskaia I. P. "Zolotoe kladbishche" rimskoi epokhi v Prikuban'e. S-Petersburg, Farn Publ., 1994, 172 p.
13. Zalesskaia V. N. *Pamiatniki vizantiiskogo prikladnogo iskusstva IV-VII vv.: katalog kollektsii*. S-Petersburg, Gosudarstvennyi Ermitazh Publ., 2006, 271 p.
14. Zasetskaia I. P. Datirovka i proiskhozhdenie pal'chatykh fibul Bosporskogo nekropolia ranne srednevekovogo perioda. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol, 1998, Vol. VI, pp. 394-478.
15. Zasetskaia I. P. Zolotyie ukrasheniia iz kurgana Khokhlach — klassicheskie obraztsy sarmatskogo polikhromnogo zverinogo stilia I — nachala II v. n. e. *Sokrovishcha sarmat: katalog vystavki*, S-Petersburg, Azov, Azovskii muzei-zapovednik Publ., 2008, pp. 29-43.
16. Ierusalimskaia A. A. *Moshchevaia Balka. Neobychnyi arkheologicheskii pamiatnik na Severokavkazskom Shelkovom puti*. S-Petersburg, Gosudarstvennyi Ermitazh Publ., 2012, 384 p.
17. Kishsh A. Opyt issledovaniia arkheologicheskikh pamiatnikov alan v Zapadnoi Evrope i Severnoi Afrike. Tmenov V. Kh. (Ed.), *Alany: istoriia i kul'tura. Alanica III*, Vladikavkaz, 1995, pp. 79-98.
18. Latyshev V. V. Grecheskie i latinskie nadpisi, naidennye v Iuzhnoi Rossii v 1895-1898 godakh. *Materialy po arkheologii Rossii*, S-Petersburg, 1899, No. 23, 76 p.
19. Leper R. Kh. Dnevnik raskopok Khersonesskogo nekropolia. *Khersonesskii sbornik*, Sevastopol, 1927, Vol. II, pp. 187-256.
20. Luk'iashko S. I. Drevneiranskii kosmologicheskii siuzhet na serebrianom kuvshine iz sarmatskogo pogrebeniia u g. Azova. *Sokrovishcha sarmat: katalog vystavki*, S-Petersburg, Azov, Azovskii muzei-zapovednik Publ., 2008, pp. 58-61.
21. Mordvintseva V. I., Sergatskov I. V. Bogatoe sarmatskoe pogrebenie u stantsii Berdiia. *Rossiiskaia arkheologia*, 1995, No. 4, pp. 114-124.
22. Ovcharov D., Vaklinova M. *Rannovizantiiskii pametnitsi ot B'lgarii IV-VII vek*. Sofia, 1978, 74 p.
23. Puzdrovskii A. E. *Krymskaia Skifiia. II v. do n. e. — III v. n. e. Pogrebal'nye pamiatniki*, Simferopol, Biznes-Inform Publ., 2007, 480 p.
24. Repnikov N. I. Nekotorye mogil'niki oblasti krymskikh gotov. *Izvestiia Imperatorskoi arkheologicheskoi komissii*, Moscow, 1906, Vol. 19, pp. 1-80.
25. Repnikov N. I. Dnevnik raskopok Khersonesskogo nekropolia v 1908 godu. *Khersonesskii sbornik*, Sevastopol, 1927, Vol. II, pp. 147-186.
26. Skubetov M. Rimskii famil'nyi sklep II-IV vekov po R. Kh., otkrytyi v Khersonese v 1907 godu. *Izvestiia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii*, Simferopol, 1911, T. 45, pp. 38-49.
27. Turova N. P., Chernysh S. A. Rannesrednevekovyi mogil'nik Aloniia na Iuzhnom beregu Kryma. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol, 2015, Vol. XX, pp. 133-184.
28. Khairedinova E. A. Zhenskii kostium s bol'shimi priazhkami s khristianskoi simbolikoi iz Iugo-Zapadnogo Kryma. *Khersonesskii sbornik*, Sevastopol, 1999, Vol. X, pp. 334-339.
29. Khairedinova E. A. Zhenskii kostium s Iuzhnokrymskimi orinogolovymi priazhkami. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol, 2000, Vol. VII, pp. 91-133.
30. Khairedinova E. A. Rannesrednevekovye kresty iz Iugo-Zapadnogo Kryma. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol, 2007, Vol. XIII, pp. 151-182.
31. Khairedinova E. A. Bronzovye ser'gi s polym mnogogrannikom iz mogil'nika u s. Luchistoe. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol, 2013, Vol. XVIII, pp. 187-216.
32. Khairedinova E. A. Persten'-amulet pervoi chetverti VII v. iz Iugo-Zapadnogo Kryma. *Antichnaia drevnost' i srednie veka*, Ekaterinburg, 2014, Vol. 42, pp. 69-89.
33. Shkorpil V. V. Otchet o raskopkakh v g. Kerchi v 1905 godu. *Izvestiia Imperatorskoi arkheologicheskoi komissii*, Moscow, 1909, Vol. 30, pp. 1-50.
34. Shkorpil V. V. Otchet o raskopkakh v g. Kerchi i na Tamanskom poluostrove v 1907 g. *Izvestiia Imperatorskoi arkheologicheskoi komissii*, Moscow, 1910, Vol. 35, pp. 12-47.
35. Iakobson A. L. Rannesrednevekovyi Khersones. *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR*, Moscow, Leningrad, Akademiia nauk SSSR Publ., 1959, No. 63, 364 p.
36. Weitzmann K. (Ed.), *Age of Spirituality: Late Antique and Early Christian Art, Third to Seventh Century*. New-York, 1979, 736 p.
37. Aibabine A. I. La fabrication des garnitures de ceintures et des fibules à Chersonèse, au Bosphore Cimmérien et dans la Gothie de Crimée aux VIe-VIIIe s. *Outils et ateliers d'orfèvre des temps anciens*, Saint-Germain-en-Laye, 1993, pp. 163-170.
38. Baldini Lippolis I. Sicily and Southern Italy: Use and Production in the Byzantine Koiné // Entwistle Ch., Adams N. (Eds.), *«Intelligible Beauty»: Recent Research on Byzantine Jewellery. British Museum Research, Publication 178*, London, 2010, pp. 123-132.
39. Bierbrauer V. Archeologia degli Ostrogoti in Italia. *I Goti*, Milano, 1994, pp. 170-213.
40. Bierbrauer V. *Die Ostgotischen Grab- und Schatzfunde in Italien*. Spoleto, 1975, 378 p.
41. Brown K. *The gold breast chain from the early byzantine period in the Römisch-Germanisches Zentralmuseum*. Mainz, 1984, 30 p.
42. Curčić S., Clair A. St. (Eds.), *Byzantium at Princeton. Byzantine Art and Archaeology at Princeton University*. Princeton, 1986, 150 p.
43. Chajredinova E. Byzantinische Elemente in der Frauentracht der Krimgoten im 7. Jahrhundert. Daim F., Drauschke J. (Hrsg.), *Byzanz — das Römerreich im Mittelalter*, Mainz, 2010, pp. 59-94. (Monographien des Römisch-Germanischen Zentralmuseums. Bd. 84,3).
44. Israeli Y., Mevorach D. (Eds.), *Cradle of Christianity*. Jerusalem, Israel Museum Publ., 2000, 232 p.
45. Csallány D. *Archäologische Denkmäler der Gepiden im Mitteldonaubecken (454-568 u. Z.)*. Budapest, 1961.
46. Fansa M., Bollmann B. (Hrsg.), *Die Kunst der frühen Christen in Syrien. Zeichen, Bilder und Symbole vom 4. bis 7. Jahrhundert*. Mainz am Rhein, Verlag Philipp Zabern, 2008, 220 p.
47. Wamser L. (Hrsg.), *Die Welt von Byzanz. Europas Östliches Erbe*. München, 2004, 475 p.
48. Doria N. Liturgical Furnishings from Early Christian Basilicas of Cyprus (4th-7th Century). *Cahiers du Centre d'Etudes Chypriotes*, 2013, Vol. 43, pp. 155-174.
49. Drauschke J. Byzantine Jewellery? Amethyst Beads in East and West during the Early Byzantine Period. Entwistle Ch., Adams N. (Eds.), *«Intelligible Beauty»: Recent Research on Byzantine Jewellery. British Museum Research, Publication 178*, London, 2010, pp. 50-60.
50. Ermolin A. Džurga-Oba — a cemetery of the Great migration period in the Cimmerian Bosporus. Ivanišević V., Kazanski M. (Eds.), *The Pontic-Danubian realm in the period of the Great migration*, Paris, Beograd, ACHByz Publ., 2012, pp. 339-348.
51. Papanikola-Bakirtzi D. (Ed.), *Everyday Life in Byzantium*, Athens, 2002, 600 p.
52. Frova A. Il tesoretto aureo e il reliquiario. *Scavi di Caesarea Maritima*, Milano, 1965, pp. 235-246.

53. Garam È. Funde byzantinischer Herkunft in der Awarenzeit vom Ende des 6. bis zum Ende des 7. Jahrhunderts. *Monumenta Avarorum Archaeologica*, Budapest, 2001, No. 5, 432 p.
54. Gerzen A. G. Der Schatz von Teschkliburun (aus den Grabungen von Mangup). Werner T. (Hrsg.), *Unbekannte Krim*, Heidelberg, 1999, pp. 151-152.
55. Ghalia T. The Grave Goods of Thuburbo Maius. *Rome and the Barbarians. The Birth of a new World*, Milano, 2008, pp. 334-336.
56. Gonosova A., Kondoleon Ch. *Art of Late Rome and Byzantium in the Virginia Museum of Fine Art*. Richmond, Virginia Museum of Fine Art Publ., 1994, 445 p.
57. Guertsen A. Le trésor de Techklbouroun provenant des fouilles de Mangoup. *Archéologie de la Mer Noire. La Crimée à l'époque des Grandes Invasions, IV-VIII siècles*, Caen, 1997, pp. 83-84.
58. Herzen A. G. Tesoro di Teškliburun, scavi di Mangup. *Dal Mille al Mille. Tesori e popoli dal Mar Nero*, Milano, Electa Publ., 1995, pp. 196-197.
59. Heurgon J. *Le trésor de Ténès*. Paris, 1958, 75 p.
60. Ivanišević V., Kazanski M., Mastykova A. *Les nécropoles de Viminacium à l'époque des Grandes migrations*. Paris, 2006, 351 p.
61. Khaïrédinova E. Le costume des barbares aux cinquièmes septentrionaux de Byzance (VI-VII siècles). Aibabin A., Ivakin H. (Eds.), *Kiev — Cherson — Constantinople*, Kiev, Simferopol, Paris, 2007, pp. 11-44.
62. Kozak D. N. Gli Sciti. *Dal Mille al Mille. Tesori e popoli dal Mar Nero*, Milano, Electa Publ., 1995, pp. 58-95.
63. Maczyńska M., Gercen A., Ivanova O., u. a. *Das frühmittelalterliche Gräberfeld Almalyk-Dere am Fusse des Mangu auf der Südwestkrim*. Mainz, 2016, 214 p. (Monographien des Römisch-Germanischen Zentralmuseums. Bd. 115).
64. Manière-Lévêque A.-M. L'évolution des bijoux « aristocratiques » féminins à travers les trésors proto-byzantins d'orfèvrerie. *Revue Archéologique*, 1997, No. 1, pp. 79-106.
65. Merlin A. Découvertes à Thuburbo Majus. *Comptes rendus des séances de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres*, 56e année, 1912, No. 5, pp. 347-360.
66. Nicolescu C. *Moștenirea artei Bizantine în România*. București, 1971.
67. Pillinger R. Ein frühchristliches Grab mit Psalmenzitaten in Mangalia / Kallatis (Rumänien). Pillinger R., Pülz A., Vetter H. (Hrsg.), *Die Schwarzmeerküste in der Spätantike und im frühen Mittelalter*, Wien, 1992, pp. 97-102.
68. Puzdrovskij A. Ust'-Al'ma: Die Siedlung und Nekropole. *Die Krim. Goldene Insel im Schwarzen Meer. Griechen — Skythen — Goten*, Bonn, Primus Verlag, 2013, pp. 290-323.
69. Riemer E. Romanische Grabfunde des 5.-8. Jahrhunderts in Italien. *Internationale Archäologie*, Rahden, 2000, Bd. 57, 485 p.
70. Ross M. *Catalogue of the Byzantine and early Mediaeval Antiquities in the Dumbarton Oaks Collection. Vol. II*. Washington, Harvard University Press, 1965, 144 p.
71. Rostovtzeff M. Une trouvaille de l'époque gréco-sarmate de Kertch. *Monuments et mémoires*, Paris, Editions Ernest Leroux, 1923, T. XXVI, pp. 99-163.
72. Ruxer M. S., Kubczak J. *Naszyjnik grecki w okresie hellenistycznym i rzymskim*. Warszawa, Poznan, 1972, 274 p.
73. Spier J. A Byzantine Pendant in the J. Paul Getty Museum. *The J. Paul Getty Museum Journal*, 1987, Vol. 15, pp. 5-14.
74. Spier J. *Byzantium and the West: Jewelry in the First Millennium*. London, Paris, Chicago, New York, Paul Holberton Publ., 2012, 208 p.
75. Theodorescu R. *Un mileniu de artă la Dunărea de Jos (400-1400)*. București, 1976.
76. Uense S. Die spätantiken Befestigungen von Sadovec (Bulgarien). *Münchener Beiträge zur Vor- und Frühgeschichte*, München, 1992, Bd. 43, 600 p.
77. Vallet F. De Clovis à Dagobert. *Les Mérovingiens. Découvertes*. Gallimard, Paris, 1997, No. 268, 176 p.
78. Vinski Z. Krstoliki nakit epohe seobe naroda u Jugoslaviji. *Vjesnik Arheološkog muzeja u Zagrebu*, 1968, Vol. III, pp. 103-166.
79. Vrielynck O. The «Lady» of Grez-Doiceau (Belgium). Aillagon J.-J. (Ed.), *Rome and the Barbarians. The Birth of a new World*, Milano, 2008, pp. 358-359.

80. Yashaeva T., Denisova E., Ginkut N., Zaleskaya V., Zhuravlev D. *The Legacy of Byzantine Cherson*. Sevastopol, Austin, 2011, 708 p.
81. Yeroulanou A. *Diatra. Gold pierced-work jewellery from the 3rd to the 7th century*. Athens, Benaki Museum Publ., 1999, 320 p.

Хайрединова Э. А.
Парадный убор жительницы раннесредневекового Дороса
(по находкам из тешкли-бурунского клада)
Резюме

Среди находок, характеризующих женский парадный костюм раннесредневекового населения Юго-Западного Крыма, особого внимания заслуживают предметы, найденные А. Г. Герценом в 1978 г. на плато Мангуп на мысе Тешкли-Бурун в составе клада. В статье, наряду с подробной характеристикой предметов — их атрибуцией, датировкой и выявлением круга аналогий, предлагаются варианты реконструкции парадного убора, включавшего украшения из клада. Для датировки клада показательны крест VI — первой половины VII вв., каплевидные подвески и бронзовая застежка VI-VII вв., а также бляшки-«городки» второй половины VI — третьей четверти VII вв. Учитывая тот факт, что золотые кресты с гравировкой косыми линиями не известны позже середины VII в., а бляшки-«городки» появились в костюме населения Юго-Западного Крыма в середине VI в., время использования вещей тешкли-бурунского клада можно ограничить второй половиной VI — первой половиной VII вв.

Хозяйка вещей тешкли-бурунского клада принадлежала зажиточному населению раннесредневекового города Дороса, локализуемого на плато Мангуп. В его состав входили золотые украшения весом около 35 г. Золотой крест — единственное, известное на сегодняшний день византийское ювелирное изделие подобного рода, найденное в Юго-Западном Крыму. Золотые бляшки-«городки» были исключительной принадлежностью парадного костюма замужних женщин гото-аланского населения. Они найдены только в самых богатых погребениях женщин с большой пряжкой, всегда сопровождалась большими серебряными двупластинчатыми фибулами, а зачастую еще и золотыми серьгами с многогранником. На основании этого можно говорить о том, что и набор с крестом и бляшками-«городами» из тешкли-бурунского клада был собственностью замужней богатой женщины, которая носила его в соответствующем ее статусу парадном костюме.

В парадном уборе богатой жительницы раннесредневекового Дороса прослеживаются разные культурные традиции. В нем присутствуют как типичные для местного гото-аланского населения золотые нашивные украшения, так и привозные византийские ювелирные изделия и аксессуары. Сочетание традиционных элементов с византийской модой является характерной чертой женского костюма гото-аланского населения Юго-Западного Крыма второй половины VI — VII вв.

Keywords: Византия, раннесредневековый Крым, Дорос, гото-аланы, костюм, византийские кресты, византийские украшения, бляшки-«городки».

Khairedinova E. A.
Parade Attire of a Woman Residing in Mediaeval Doros
(According to the Finds from the Teshkli-Burun Hoard)
Summary

Among the finds describing parade costume of female residents of the early mediaeval population of the South-Western Crimea especial attention demand the artefacts discovered by A. G. Gertsen in 1978 on the plateau of Mangup, on Teshkli-Burun promontory, within a hoard. This article combines detailed description of the artefacts with their attribution, dating, search for the circle of possible analogies, and suggests variants of reconstruction of the parade attire including ornaments from the hoard. Important for the dating of the hoard are the cross from the sixth or the first half of the seventh century, drop-shaped pendants and bronze clasp from the sixth and seventh centuries, and triangular “skittles” (“gorodki”) badges from the second half of the sixth to the third quarter of the seventh century. Taking into account that gold crosses with engraving of

oblique lines are not known later than the mid-seventh century, and that triangular “skittles” badges appeared in the costume of the South-Western Crimean population in the mid-sixth century, the date when the artefacts of the Teshkli-burun hoard were used could be restricted to the second half of the sixth or the first half of the seventh century.

The owner of the Teshkli-Burun hoard belonged to wealthy population of the early mediaeval town of Doros, located on the plateau of Mangup. The hoard comprised gold ornaments weighing about 35 g. The gold cross is the only known so far piece of Byzantine jewellery of the kind discovered in the South-Western Crimea. Gold triangular “skittles” badges only belonged to parade costume of married Gotho-Alanic women. They were found exclusively in the richest burials of women which contained a big buckle and were always accompanied with big silver radiate-headed brooches and often with gold earrings with polyhedral beads. This is the reason to suppose that the set with a cross and triangular pendants from the hoard of Teshkli-Burun was owned by a rich married woman who wore it in parade costume, appropriate for her high status.

Parade attire of a rich woman residing in mediaeval Doros combined different cultural traditions. It comprised typical local Gotho-Alanic gold sewn ornaments and imported Byzantine jewellery and accessories. The combination of traditional elements with Byzantine fashion is a typical feature of female costume of the Gotho-Alanic population of the South-Western Crimea from the sixth to seventh centuries AD.

Keywords: Byzantium, early mediaeval Crimea, Doros, Gotho-Alans, costume, Byzantine crosses, Byzantine ornaments, triangular “skittles” pendants.

Н. И. БАРМИНА

МОЗАИКИ И ФРЕСКИ МАНГУПСКОЙ БАЗИЛИКИ

Введение. Изменение исторических условий и развитие архитектуры предопределили специфику генезиса и становления христианской художественной культуры. Ее первые сооружения получили распространение первоначально на территории центральных провинций Римской империи и затем повсюду, где велась проповедь христианства. Базилика как первый христианский храм представляет собой микро-модель небесного Иерусалима: она одухотворялась соборной любовью, являясь местом приобщения к вере и встречи с Богом, единым, живым и непостижимым. Поэтому при проектировании и строительстве церкви первоочередное внимание уделялось организации ее внутреннего пространства.

В ранневизантийской архитектуре тип базиликального храма быстро занял ведущее место в Греции [43, с. 74-78; 57, с. 76], Далмации [21, с. 7-32; 30, с. 588], Италии [37, с. 9-29; 38, с. 120-121; 41, с. 54-57], Малой Азии [31, с. 62-67], Закавказье [4, с. 133-139; 5; 40], в Причерноморье и на Северном Кавказе. Ему было суждено стать своеобразной «мастерской», где апробировались основные приемы и утверждались правила церковной архитектуры и искусства. Благодаря своим выразительным средствам базилика приводила паству в такое психологическое состояние, которое способствовало восприятию Слова Божьего. Таким образом, формировалось искусство «прямого и безоговорочного воздействия на души зрителей» [57, с. 82].

К середине VI в. христианское искусство эволюционировало в сторону орнаментально-декоративной упрощенности, со своими понятиями и символами. По мнению Д. С. Лихачева, возникновение новых черт было связано с утверждением всеобъемлющей системы условности, которая уже начала пронизывать жизнь средневекового общества, его идеологию и художественное мировоззрение [52, с. 85].

Средневековому канону был присущ отказ от реалистической трактовки мира: носителем информации для прихожан выступали символы, изображавшие библейские сюжеты и духовные ценности христианства. Следует согласиться с точкой зрения О. Демуса, который, указывая на единство формы храма-базилики и ее живописи, подчеркивал, что «физическое пространство, охваченное нишей, и это пространство включено в роспись» [29, с. 13]. Для насыщения базилики «боговдохновенной информацией» и создания в ней соответствующей художественной ауры служили мозаики и фрески. Посредством образов новообращенные могли обрести опыт сопереживания; через видовой ряд их учили «читать» и понимать библейские сюжеты.

Безусловно, прав Р. Оустерхаут, полагающий, что храм был готов только тогда, когда заканчивалось его внутреннее художественное оформление [56, с. 248]. Для этого требовались «зографы», как мастера мозаичного дела, и «фрескисты», как специалисты в исполнении стеновых росписей. Эти художники должны были уметь мыслить пространственно, четко представлять себе форму изображаемого предмета и профессионально использовать средства мозаичной и фресковой живописи для передачи объема и сюжета [71, р. 386-388]. Д. Т. Райс, отмечая сложность и интеллектуальность

христианского искусства, подчеркивает, что большая часть мозаик и фресок погибла, а сохранившиеся произведения донесли до нас лишь часть того великолепия, которое некогда отличало церковное искусство [59, с. 7-8]. Очевидно, что интерес к византийской культуре обусловлен ее чрезвычайно высокой художественной ценностью.

Проблема локальных особенностей становления и развития христианского искусства на территории средневековой Таврики до настоящего времени остается предметом научной дискуссии. Изучение мозаик и фресок, выявленных в ходе многолетних раскопок Мангупской базилики в Юго-Западном Крыму, является чрезвычайно актуальным для рассмотрения этих вопросов.

Методология исследования. По нашему мнению, при анализе остатков художественного оформления Мангупской базилики целесообразно использовать ряд общих подходов:

1. В рамках *исторического подхода* рассматривается специфика историко-политических, социально-экономических и этноконфессиональных перемен в жизни региона. Он фокусирует внимание на выявлении качественных изменений в христианской художественно-декоративной пластике на территории средневекового Крыма.

2. *Археологический подход* позволяет провести анализ строительных и вещественных находок, дает возможность систематизировать полученный материал в его хронологической последовательности.

3. *Искусствоведческий подход* требует интерпретации формы и содержания художественных артефактов. По мнению С. Ванеяна, изучение памятников искусства, сохранившихся в церковных сооружениях, для археологии — «ключ верификации, прилагаемый и к другим археологическим источникам» [17, с. 26].

4. *Культурологический подход* раскрывает сущность разновекторных культурных влияний в средневековой Таврике, которые приводили к возникновению самобытных субкультур региона.

5. *Религиоведческий подход* способствует углубленному пониманию процессов христианизации региона и институализации местной церковной организации. Сохранение языческих традиций, в том числе в горных районах Юго-Западной Таврики, так или иначе влияло на жизнь прихожан христианских храмов.

6. С позиции *теменологического подхода* осуществляется интерпретация храма в его многосоставной сложности: теологической, архитектурной, эпиграфической, этической, литургической, нумерологической, геометрической, иконографической, эстетической и др. [6, с. 193-194; 24, с. 62].

7. *Топографический подход* представляет собой реконструкцию методами научного описания пространственной среды, заключающей в себе топоры, отмеченные признаками святости. Таким местом для Мангупского городища, несомненно, выступала базилика.

8. *Сравнительный подход* дает возможность сопоставить декоративно-сюжетные композиции, выполненные фресковой росписью и мозаичным способом, в храмах столицы и на периферии Византийской империи.

Краткий историографический обзор. Первые исследования мозаик и фресок на памятниках средневековой Таврики были осуществлены еще в конце XIX — начале XX вв. Н. П. Кондаковым [42], Д. В. Айналовым [2; 3] и М. И. Ростовцевым [61]. Позднее к изучению декоративного оформления базилик византийского Херсона обращался А. Л. Якобсон, полагая, что херсонские мозаичные полы входят в круг известных византийских провинциальных памятников Греции, Македонии, Фракии и Малой Азии, которые возможно объединить в одну стилистическую группу, относящуюся к периоду правления императора Юстиниана I (527-565) [69, с. 222-241].

О. И. Домбровский выполнил реконструкцию фресковой живописи южного нефа Херсонской базилики 1935 г., используя большое количество найденных во время раскопок фрагментов ее штукатурки (более 422 фрагментов). В результате, ему удалось определить с достаточной полнотой все основные орнаментально-декоративные элементы стенной росписи в виде вписанных друг в друга прямоугольников и ромбов, раскрашенных оранжево-желтой, коричневой, зеленой, серо-голубой, красной и черной красками под цветной мрамор. Исследователем также было высказано мнение о разновременности подавляющей части мозаик херсонских базилик.

Последующие десятилетия реставрации и факсимильного копирования объектов исследования послужили для О. И. Домбровского основой при написании двух его монографий — «Фрески средневекового Крыма» [32] и «Византийские мозаики Херсонеса Таврического» [34], а также ряда статей [31, с. 207-228; 33, с. 284-319; 35, с. 11-31]. Следует согласиться с замечанием В. А. Кутайсова о том, что работы О. И. Домбровского — «книги об утраченных памятниках Таврики и они составляют золотой фонд науки» [44, с. 9-18]. Выскажу здесь и свою личную благодарность О. И. Домбровскому в связи с его участием и помощью при консервации остатков фресок из раскопок Мангупской базилики.

Недавно С. Б. Сорочан систематизировал данные о херсонских мозаичных материалах. Он отметил, что «вопросы изменения декора, убранства интерьера храмов в эпоху «темных веков» исследователи вообще обошли молчанием, исключив их из системного историко-археологического, культурологического и искусствоведческого анализа, который еще предстоит проделать» [64, с. 605-606]. Вместе с тем в недавних публикациях А. Б. Бернацки [13, с. 69-82], Н. Н. Болгова [14, с. 38-48; 15, с. 60-65], Н. Е. Гайдукова [22, с. 80-87], А. В. Латышевой [45, с. 164-178], А. Н. Литовченко [49, с. 126-129; 50, с. 164-173], Ю. Г. Лосицкого [53, с. 27-36], М. В. Фомина [66, с. 299-389], Л. Г. Хрушковой [67, с. 407, 410, рис. 11] и Е. Ястржебовской [70, р. 183-191] были вновь подняты вопросы датировки христианских сооружений Херсона, что позволило лучше понять технологические особенности убранства базилик. Примерами комплексного изучения христианских храмов являются работы И. А. Завадской [36, с. 258-288] и М. И. Золотарева [39, с. 229-247]. В ходе исследования херсонской «Базилики в базилике» под руководством С. Г. Рыжова восстановлены мозаичные полы и получены нумизматические данные, позволившие уточнить датировку раннего храма и позднейшего базиликального сооружения, построенного внутри центрального нефа первоначальной постройки [62, с. 290-300]. После завершения археологических работ проведена консервация этих мозаичных полов.

В последние годы в историографии появились публикации, в которых представлен искусствоведческий анализ сюжетов отдельных фресок XII-XIV вв., выявленных на памятниках горной части Юго-Западного Крыма [20; 23; 51; 54; 55]. Исторический контекст этих находок изучался Н. И. Репниковым, Е. В. Веймарном [60, с. 133-149; 18, с. 3-121], А. Л. Якобсоном [68, с. 11-15], А. Г. Герценым и Ю. М. Могаричевым [25, с. 7-17; 26].

Представленный историографический обзор показывает, что имеющиеся образцы церковного искусства на памятниках византийского Крыма, в первую очередь, Херсона, дают основания для проведения сравнительного анализа с декоративными источниками, обнаруженными в ходе раскопок Мангупской базилики.

История открытия фрагментов художественно-декоративного оформления Мангупской базилики. Впервые фрески христианских памятников Мангупа отме-

чены польским дипломатом Мартином Броневским, посетившим Крым в 1580-е гг. Он упоминает храмовый комплекс, освященный именем Свв. Елены и Константина [16, с. 167]. Именно это замечание позволило Р. Х. Леперу, проводившему раскопки городища в 1912-1914 гг., отождествить увиденный Мартином Броневским храм с Большой Мангупской базиликой. В ходе наших исследований памятника в течение 1967-2005 гг. окончательно установлено, что в XVI в. он уже находился в руинах и представлял собой «каменный карьер», из которого материал разбирался для строительства соседних караимских усадеб. Три такие усадьбы находятся в непосредственной близости от базилики, к востоку, юго-западу и северу от храмового комплекса. Вероятнее всего, Мартин Броневский видел во время своего пребывания на Мангупе не базилику, а какое-то другое культовое здание с фресками, например, церковь Св. Константина, расположенную в центральной части Мангупского плато.

Тем не менее, Мангупская базилика была, безусловно, расписана фресками, что подтвердилось уже исследованиями Р. Х. Лепера. Позднее фрагменты фрески на ее территории отмечены А. С. Башкировым [10, с. 264]. А. Л. Бертье-Делагард, посетивший Мангуп в 1918 г., сообщал о большом количестве остатков фресковой росписи, брошенных после раскопок Р. Х. Лепера. Он пытался что-нибудь собрать из отдельных фрагментов, однако ничего «из этого не получилось» [12, с. 37]. В 1927 г. И. Э. Грабарем выявлены фрагменты фресковой росписи в нижней части пространства между апсидой и северным стилобатом. Согласно его описанию, роспись представляла собой пограничную зону основной художественной композиции [28, с. 286].

В 1938 г. М. А. Тихановой при раскопках северной крещальни базилики были открыты в ее алтарной нише, под уровнем погребений, остатки трехцветного (красного, черного и белого) мозаичного пола. В своем отчете она зафиксировала следующее: «Кубики ее — приблизительно одного размера, положены на растворе с битым кирпичом и черепицей. Мозаика сохранилась лишь на очень небольшом участке; на основании сохранившегося куска восстановить рисунок и размеры мозаичного пола в целом не представляется возможным; лишь в одном ее месте ясно прослеживается завиток. Мозаика была перекрыта плотным известковым раствором, настолько крепким, что на нем полностью отпечатался рисунок мозаики. Удалось снять раствор с большим трудом». По мнению исследовательницы, мозаика могла иметь отношение к раннему сооружению, которое находилось на этом месте до появления крещальни [65, с. 381-382, рис. 4, 51, 52]. В юго-западном углу апсиды крещальни были также обнаружены остатки штукатурки с тремя слоями фрески светло-зеленого тона [65, с. 380].

В ходе наших раскопок базилики, при изучении ее нартекса, за западным пилястром по направлению к югу, были открыты следы известковой вымостки толщиной 0,2-0,3 см, ниже которой сохранились остатки мозаичного пола на цемянковой основе чрезвычайно плохой сохранности, не позволяющей полностью восстановить его рисунок. Мозаика была трехцветной, с использованием черного, красного и белого цветов. Судя по ее направлению, это могло быть изображение волнообразной линии, очень тщательно выполненной из мелких по размеру кубиков. К сожалению, попытка О. И. Домбровского зафиксировать и снять этот фрагмент мозаики закончилась неудачей. Сохранность мозаики была нарушена построенной здесь позднее гробницей, в свое время отмеченной Р. Х. Лепером и не раскопанной им [46, с. 77]. К началу нашего исследования памятника в 1967 г. от гробницы сохранилось лишь двухскатное резное надгробие. В ходе работ в 1990-е гг. на участке некрополя базилики снаружи ее западной стены было открыто большое скопление разрозненных мозаичных кубиков (всего 1287 штук), в основном, белого цвета, видимо, выброшенных за стену храма при строительстве этой гробницы.

Часть субструкции под укладку мозаики, в виде известкового довольно рыхлого раствора (длиной 0,98 м и мощностью в пределах 0,27-0,42 м), уложенного тремя слоями, была открыта в северо-западном углу центрального нефа базилики. В состав раствора входили мелко дробленный камень, большое количество песка и незначительные включения толченой черепицы, что придавало ему бежево-розоватый оттенок.

При разборе забутовки между двумя разновременными алтарными нишами базилики раскрыто раннее внутреннее полукружие трехгранной апсиды. Изнутри оно оштукатурено хорошо вымешанным, плотным по структуре и желтоватым по цвету раствором, на котором сохранились незначительные следы фрески. Она была выполнена красным цветом в виде четырех вертикально расположенных полосок. Их плохая сохранность не позволяет реконструировать некогда нанесенный рисунок. Первая полоска (высотой 0,04 см и шириной 0,01 см) располагалась на расстоянии 1,34 м от северо-восточного плеча базилики вдоль алтарной ниши, вторая (высотой 0,06 см, шириной 0,05 см) — на расстоянии 0,38 см от первой, третья (высотой 0,65 см, шириной 0,08 см) — на расстоянии 0,18 см, четвертая (высотой 1,5 см, шириной 0,02 см) — на расстоянии 0,30 см от третьей. Расстояние от четвертой полоски фрески до юго-восточного края алтарной ниши составляет 0,57 см. В структуре забутовки, состоящей из крупных и мелких камней и серой земли, также встречены небольшие фрагменты фрески.

Крупный фрагмент фрески *in situ* был открыт в юго-восточном углу алтарной стены центрального нефа (рис. 1). Он, вероятно, был идентичен той настенной росписи, которую видел И. Э. Грабарь в 1927 г. Сохранившийся рисунок представлял собой окаймление основной части композиции храма и был многоцветным, выполненным красной, светло-желтой, зеленовато-синей и черной красками. После консервации остатки фрески были переданы на хранение в фонды Бахчисарайского музея-заповедника (рис. 2).

Наконец, крупные куски штукатурки с фресковой росписью были обнаружены нами при выборке камня из слоя разрушения так называемого храма «В», к которому, как мы полагаем, была позднее пристроена Большая базилика [9, с. 308-

Рис. 1. Остатки фресковой росписи в алтарной части базилики (вид с западной стороны)

Рис. 2. Консервация фрески Мангупской базилики (на фото О. И. Домбровский и Н. И. Бармина)

310]. Цвет росписи преимущественно красный и светло-жёлтый; она была выполнена в виде сочетания прямых линий и растительного орнамента, на тонком штукатурном растворе.

Два крупных фрагмента мозаичного пола из раскопок Мангупской базилики сохранились в ее алтарной части, между северным краем солеи и стилобатом (длина 0,75 м, ширина 0,65 м) (рис. 3). Об этом писал еще Р. Х. Лепер по итогам своих раскопок памятника в 1913 г.: «Пол просто — черепичный, но в одном месте, между алтарной преградой и северным рядом колонн, найдены следы хорошей мозаики» [48, с. 297]. Благодаря нашим исследованиям выяснилось, что первый фрагмент мозаики примыкал к стенке алтарной ниши и северному стилобату; его правый край оказался разрушенным (рис. 4). Второй фрагмент находился западнее, на расстоянии 0,86 м от первого, и имел еще худшую сохранность (рис. 5).

Оба фрагмента мозаичного пола базилики были сняты, законсервированы (под руководством Р. А. Линюк) и вошли в экспозицию археологического музея исторического факультета на тот момент Симферопольского государственного университета. Впоследствии этот музей сгорел; вместе с ним погибли и отреставрированные фрагменты мозаики (рис. 6-7).

Историко-архитектурный анализ мозаик и фресок Мангупской базилики. Несомненно, отмеченные в статье элементы художественно-декоративного убранства базилики соотносятся с разными периодами ее истории [см. подробнее: 9].

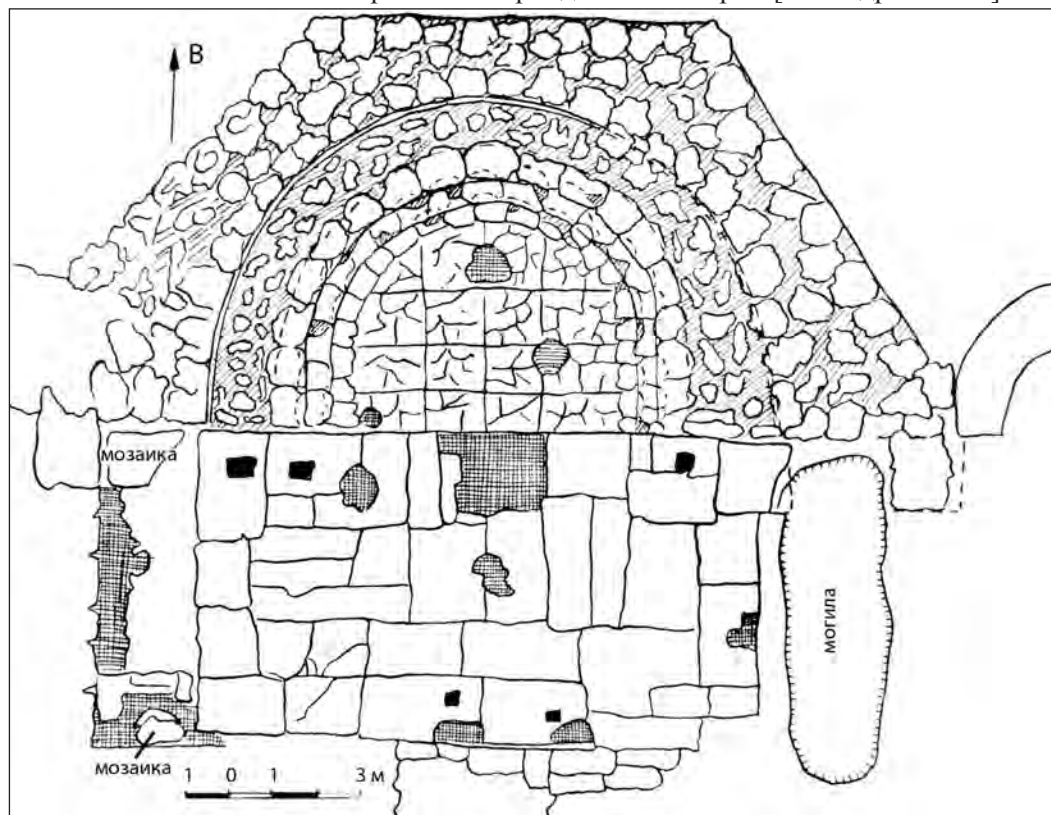

Рис. 3. План алтарной ниши и солеи Мангупской базилики с указанием расположения мозаики

Первый период (VI-VIII вв.) истории базилики связан с созданием одностолпного храма «А». Его присутствие подтверждается открытием с внешней стороны базиликального комплекса раннего полукруглого фундамента апсиды (в северо-восточной части) и фрагментарно сохранившимися стенами под северным стилобатом и плитовым входом, ведущим из нартекса в центральный неф (выше упомянутой субструкции, находившейся в углу между ними). С северной стороны храма «А» размещалась крещальня «Б». Ее первый строительный период, по мнению М. А. Тихановой, относился к VI в. [65, с. 376-387].

В Херсоне и на Мангупе применялась технология выкладывания *opus tessellatum* [42]. Вначале происходило выравнивание напольной поверхности, затем создавалась закрепляющая масса — субструкция. Выявлены следующие варианты обращения с ней — уплотнение; утрамбовка (например, в «Базилике в базилике» Херсонесского городища); подсыпка из песка (храм «А» Мангупской базилики); щебенка из каменной и мраморной крошки, на которую наносился набор из мозаичных кубиков («Базилика 1935 г.»). В структуру заливки входили мелко растертые черепичные остатки, придававшие ей розоватый цвет. Мастера использовали технический способ выполнения контуров мозаичного объекта. Он выкладывался в один ряд из контрастных кубиков (черного или красного цвета); с обеих сторон изображения присутствовали завитки (крещальня «Б» на Мангупе), придававшие узору определенную четкость.

В Мангупской базилике и в храмах Херсонеса так и не было выявлено использование полудрагоценных камней в мозаиках (оникс, яшма, туф, аметист, лазурит, различные породы сланца). Зографы базилик Херсона пускали в ход мозаичные кубики четырех основных цветов: белый, светлый (из мрамора), темно-красный,

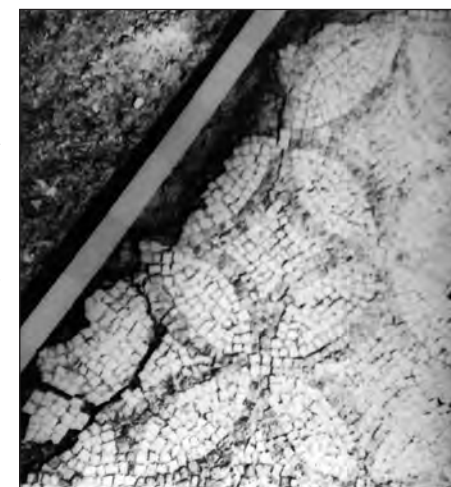

Рис. 4. Первый фрагмент мозаики с северной стороны солеи

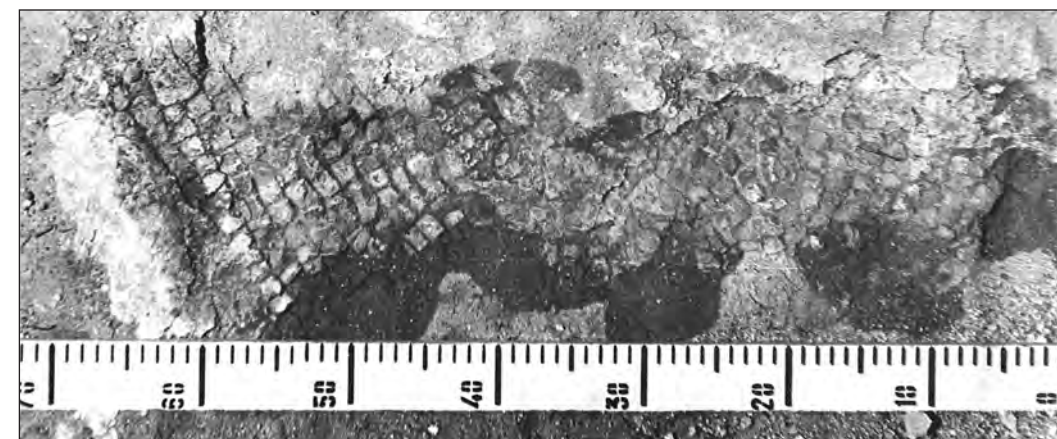

Рис. 5. Второй фрагмент мозаики

Рис. 6. Реставрация первого фрагмента мозаики Мангупской базилики

красный и розовый (из кирпича или местного известняка соответствующего оттенка), желтый (из местного известняка), черный или темный (из балаклавского песчаника) [64, с. 612]. Применялись также синевато-серый натуральный камень и мелкие фрагменты керамического брака, дающего неяркие, но разнообразные

«холодные» (зеленоватые, темно-оливковые и серо-синие) оттенки [50, с. 127].

Мозаика из керамики имеет ряд преимуществ. Это экологически чистый и безопасный материал с высокой степенью огнестойкости, водостойкости, износостойкости. Он не выгорает на солнце и хорошо сочетается с другими природными компонентами, в частности, с мрамором. Использование мрамора в мозаичных полотнах придает интерьеру храмов стабильность, постоянство и основательность.

Отбор цветов в христианской художественной культуре имеет свой смысл. Белый цвет символизирует Бога Отца и святых девственников, красный — Божественный Огонь, кровь Христа и мучеников, желтый — Божественный Свет, славу, плодородие, доброту, черный — сокровенные тайны Божьи [8, с. 214-227]. Иногда для достижения более яркого эффекта смальты дополнялись тессерами: например, в укладке купола баптистерия Уваровской базилики, в мозаике баптистерия «Базилики в базилике» (№ 15) и в мозаике пола Загородного крестообразного храма [64, с. 609-610].

Ранние мозаики Мангупского базиликального комплекса создавались в херсонской технологии укладки мозаичного набора. В храмах «А» и «Б» отмечен только трехцветный набор мозаичных кубиков — белый, красный, черный. Скудость цветовой палитры, на мой взгляд, была обусловлена объективными обстоятельствами.

В Херсон в IV-VII вв. морем поступали транспорты с мраморными полуфабрикатами архитектурных деталей — стволами колонн, их баз, капителями, алтарными преградами, балюстрадами. Известно, что прибывшие мастера руководили местными ремесленниками, завершавшими обработку элементов интерьеров [13, с. 69-82; 69, с. 605].

Мангупское городище расположено на вершине изолированного горного плато высотой около 600 м над уровнем моря, которое находится примерно в 20 км к северо-востоку от Херсона. Его религиозная община входила в состав Херсоно-Дорантской епархии уже в VI — первой половине VIII вв. и именно из Херсона получала свою долю необходимого архитектурного и художественно-декоративного материала. Если учесть состояние дорог, связывающих Херсон и Мангуп, гужевого транспорт, трудности доставки этой продукции на вершину плато, становится понятным, почему архитектурные мраморные детали во время раскопок Мангупской базилики обнаруживаются в ограниченном количестве. В отличие от храмов Херсона, богато декорированных мрамором, Мангупская базилика в основном украшена известняковыми архитектурными деталями, выполненными из местного камня. За весь период раскопок нашей базилики (1890-2005 гг., с перерывами) было найдено всего три мраморных капители.

Второй период (VIII-IX вв.) в истории Мангупской базилики характеризуется восстановлением крещальни «Б-1» и строительством северо-восточного храма «В» [9, с. 308-310]. Известно, что в христианском мире с VIII-IX вв. средства художественной выразительности начали тяготеть к устойчивости и самодовлеющему

порядку. «Закрепление» создаваемого художественного приема исподволь способствовало оформлению специфики конфессионального искусства в целом.

На территории Херсона в его храмовых сооружениях найдены обломки фресок с геометрическим орнаментом, с так называемыми аниконическими мотивами иконоборческого периода, известными, к примеру, по изучению церкви острова Наксос (Греция) [51, с. 31-37]. На Мангупе, в крещальне «Б-1» и храме «В» базилики, церковная живопись была уничтожена практически полностью. Можно лишь предположить, что мельчайшие остатки фрески, обнаруженные во время исследований храма «В», исходя из их темно-желтой цветовой гаммы и прямолинейного декора, выполненного красной краской, имели отношение к периоду IX-X вв.

Третий период (конец IX — XIII вв.) истории Мангупской базилики начинается в конце IX — начале X вв., когда Мангуп становится центром образовавшейся Готской архиепископии [63, с. 330]. А. Г. Герцен и В. Е. Науменко считают, что городище в XI-XIII вв. находилось в состоянии упадка [27, с. 38-39]. Однако значение Готской епархии, судя по епархиальным спискам X-XII вв., постоянно возрастало. Если в нотиции, составленной в конце правления Льва VI Мудрого в 901-907 гг., она еще отмечена под № 44 в общем перечне епископий Константинопольского патриархата, то в так называемой нотиции Нила Доксопатра (около 1142-1143 гг.) — уже под № 28 [1, с. 214-217].

На наш взгляд, именно в этот период церковная организация Крымской Готии, повысив свой статус и использовав возросшие экономические ресурсы (за счет появления новых церковных приходов), возвела свой кафедральный храм. В результате, в центральной части Мангупского плато появилась трехнефная базилика, с двумя боковыми приделами (галереями), с трехгранной центральной апсидой и широким западным нартексом. Северо-восточное здание «В» теперь стало выполнять функции капеллы (мемория / часовни / крещальни).

Уже описанные мозаичные полы Мангупской базилики находились в ее нартексе и украшали алтарное пространство храма (рис. 6-7). Структура субструкции под них мощностью 0,03-0,04 м включала цементную заливку из мелкодробленого камня и тщательно толченой красноглиняной керамики, что придавало субструкции розовый цвет. Рисунок, в виде перекрещивающихся кругов, хорошо известен по мозаикам базилик Херсонеса, декорированных «ковровыми» орнаментами («Уваровская» базилика, «базилика 1932 г.», «базилика в базилике» (№ 15), базилика «на холме») (рис. 8-9).

Цветовая гамма мозаики Мангупской базилики четырехцветная; круги обведены красными кубиками и подчеркнуты черными. Внутренние сегменты заполнены белыми кубиками, образовавшиеся ромбы — желтыми. Размеры кубиков 1,5-2,0 см. Круги окаймлены трехрядной полосой чередующихся цветов — черным, красным и белым.

В технологии и в художественных приемах, примененных в напольной мозаике Мангупской базилики, произошли заметные перемены: крупнее стал размер камешков, менее тесной их подгонка друг к другу в наборе. По мнению О. И. Домбров-

Рис. 7. Реставрация второго фрагмента мозаики Мангупской базилики

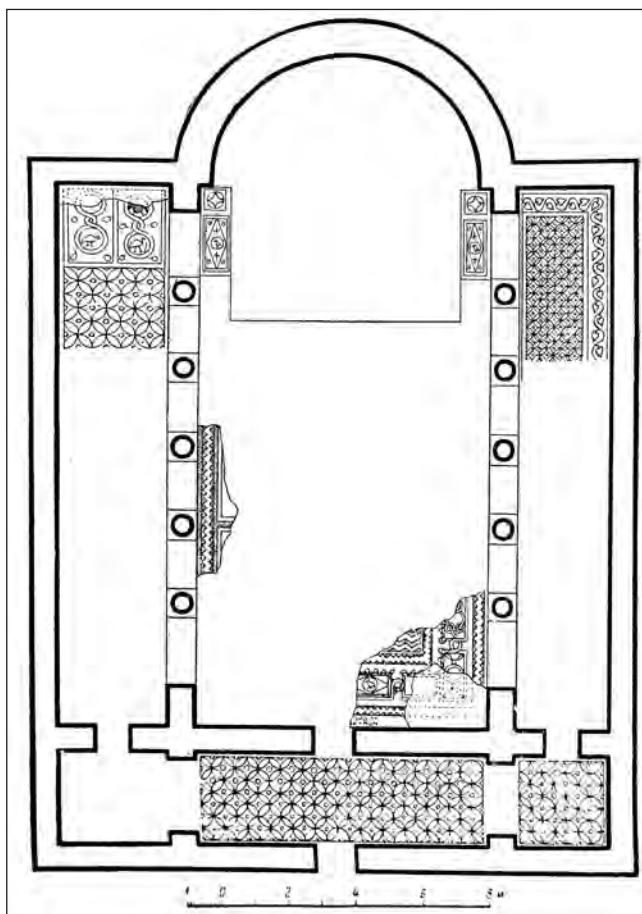

Рис. 8. Мозаика «Базилики в базилике» № 15 (Херсон)

ступенчатый синтрон. Плитами выкладывается алтарная ниша, солея и амвон, выдвинутый к середине центрального нефа.

В процессе исследования базилики в 1971 г. в юго-восточном углу ее центрального нефа были открыты остатки фресковой росписи. Она представляет собой окаймление, выполненное в цветовой, геометрически расположенной, гамме. В черном контуре нанесен орнамент в виде волнообразной линии и неопределяемым рисунком растительного характера. Длина открытого участка 1,30 м; фреска сохранилась на высоту до 0,30 м (рис. 1). О. И. Домбровский, принимавший непосредственное участие в снятии росписи, полагал, что характер фрески указывает на дату ее создания — не ранее XIV в.

Война с Тохтамышем в 1374-1381 гг. привела к разрушению города. Базилика, являвшаяся на протяжении столетий одним из основных сакральных сооружений горной части Таврики, превратилась в развалины.

Пятый период (XV в.) в истории базилики начинается в самом начале этого столетия, когда на Мангупе сформировалась деспотия, известная в научной литературе как княжество Феодоро с одноименной столицей на территории Мангупского пла-

ского, подобные изменения в мозаичной технологии были связаны с ростом посещаемости храмов после массовой христианизации населения. Поэтому требовались полы не только более прочные, но и проще создаваемые, легче ремонтируемые или заменяемые [34, с. 33].

Четвертый период (XIII-XIV вв.). В 1280 г. при императоре Андронике II Готская епархия, наряду с Херсонской и Сугдейской, получила ранг митрополии [7, с. 58]. По мнению О. Демуса, к этому времени относится постепенное вытеснение в храмах мозаичного декора настенными росписями. Этот процесс был естественным следствием проникновения столичного искусства в провинции и постепенного обнищания византийского мира [29].

Утвердив свои позиции, Готская митрополия в конце XIII в. проводит обширные строительные работы по реконструкции своего кафедрального собора. В итоге, перестают использоваться боковые галереи базилики, а ее алтарная часть получила трех-

то. Пик могущества этого государственного образования пришелся на период правления князя Алексея (1403-1444(?)).

Дворец князя Алексея возведен в непосредственной близости от руин кафедрального храма Готской епархии; вместе они образовывали сакральное пространство Мангупского городища. Если учесть, что по инициативе Алексея была также полностью восстановлена Партенитская базилика на южном побережье Крыма, в отдалении от Мангупа, то вряд ли бы князь оставил столичную базилику без должного внимания.

Отдельные исследователи, в том числе А. Л. Якобсон [68, с. 126], полагали, что Алексей восстановил Мангупскую базилику в полном объеме. Но сделать это было не под силу даже князю Феодору. Общие размеры храма (31,5x28,0 м) почти в три раза превосходили базилику в Партенитах (9,0x14,0 м). Средства же, в основном, тратились властителем на войны с генуэзцами, строительство пограничных пунктов, реконструкцию Мангупской крепости и своего дворца.

На мой взгляд, произведенные изменения коснулись только южной части базилики. В XV в. здесь строится стена, отделяющая южный неф от центрального; с восточной стороны южный неф завершается полукруглой апсидой, перенесенной из северо-восточного храма «В». В стене, соединяющей галерею с южной половиной нартекса, располагается дверной проем, отделанный великолепными резными наличниками [11, с. 42; 46, с. 76-77] (рис. 10-11).

Упоминания Р. Х. Лепера о наличии фрески на стене южного нефа храма дают основание предположить, что появление здесь росписи было связано с последними по времени архитектурными и строительными преобразованиями базилики. В результате, на ее остатках было создано однонефное сооружение по типу дворцовой часовни.

Среди небольшого количества памятников монументальной живописи в Крыму также необходимо отметить алтарную роспись Мангупского южного пещерного монастыря, над которой, вероятно, работали художники так называемого «Палеологовского ренессанса». Цветовая гамма росписи теплая, насыщенная. Цвет одежд красный; именно он в церковной живописи является «цветом личностного начала» [32, с. 78-89].

Вероятно, упомянутые Р. Х. Лепером фресковые остатки на стенах южного нефа базилики, по многообразному цветовому колеру и преобладающему красному цвету [46], были аналогичны изображениям святых на скальных поверхностях Южного

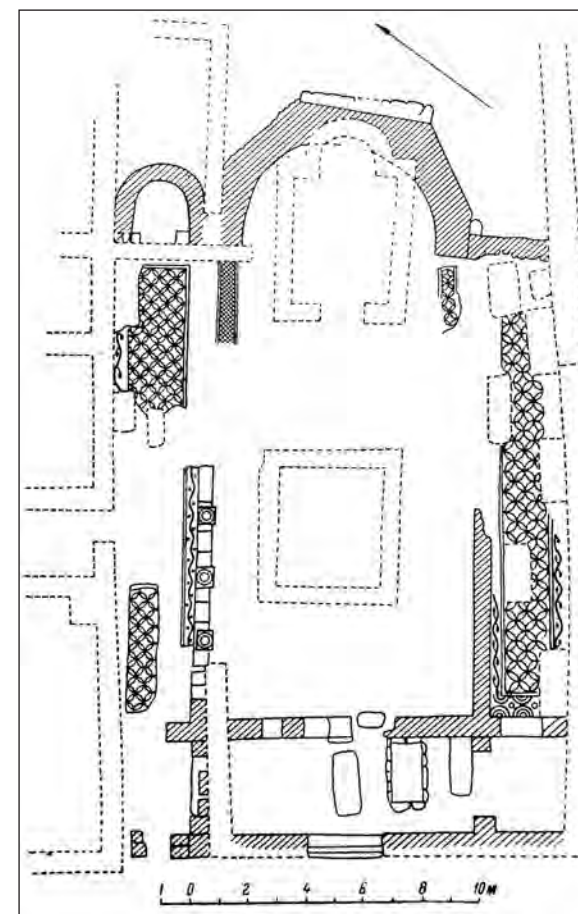

Рис. 9. Мозаика Базилики 1932 г. (Херсон)

Рис. 10. Резной портал входа из южной галереи в нартекс Мангупской базилики. Фото Р. Х. Лепера, 1912 г.

ка восприняла разнообразные формы этого влияния. Произошло заимствование религиозных систем и элементов культуры, которые отвечали новым запросам общества.

2. Художественное оформление сакральных сооружений Херсона и Мангупа осуществляется в период активного участия Византии в жизни Северного Причерноморья.

3. Мангупская базилика создавалась по образцу храмов Херсонеса, где с конца IV по VII вв. мозаичные полы украшали нефы базилик, а в X-XI вв. сооружались церковные здания, которые также декорировались мозаикой. Сходство мангупских и херсонских мозаик прослеживается в общности используемых технологических приемов и орнаментальных мотивов.

4. Различия в развитии церковного искусства на территории средневековой Таврики обусловлены воздействием институционального фактора. Так, в Херсоне уже

пещерного монастыря Мангупа. Приходится только сожалеть, что базиликальные росписи, увиденные Р. Х. Лепером, безвозвратно погибли.

В целом, проведенный анализ художественно-декоративных элементов Мангупской базилики, открытых в процессе ее многолетних археологических исследований, показал:

1. Отдаленные византийские провинции испытывали «...воздействие излучаемых Византией культурных импульсов» [58, с. 7]. Таврика

в IV в. была создана своя церковная структура [19, с. 7-208], включенная в процесс христианизации региона и активно занимавшаяся храмовым строительством. Мангуп лишь в конце IX в. смог создать собственную Готскую епархию и приступить к строительству кафедрального собора в виде Большой трехнефной базилики.

5. В декоративно-художественном оформлении Мангупской базилики задействованы местные мастера, возможно, «пришлые артели», которые, по мнению О. Демуса, вос-

принимали византийскую мозаику и иконографию «исключительно в искаженном виде, им было не до тонкости столичного искусства» [29].

6. Благодаря длительному исследованию Мангупской базилики стало возможным установить разновременность появления мозаик и фресок на памятнике, хотя степень сохранности этих элементов декора храмового комплекса оставляет дискуссионным точную дату их появления.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Айбабин А. И. Готская епархия // Православная энциклопедия. М., 2006. Т. 12. С. 214-217.
2. Айналов Д. В. Мозаики IV и V веков (исследование в области иконографии и стиля древнехристианского искусства) // ЖМНП. 1895. Ч. ССХСVIII. С. 241-309.
3. Айналов Д. В. Развалины храмов // Памятники христианского Херсонеса. 1905. Вып. I. С. 3-95.
4. Акопян З. А. Монументальная живопись Армении VII столетия в контексте восточнохристианской традиции // Актуальные проблемы теории и истории искусства. 2016. Вып. 6. С. 133-142.
5. Амиранашвили Ш. Я. История грузинского искусства. М.: Искусство, 1963. 463 с.
6. Ассман Я. Культурная память: письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М.: Языки славянской культуры, 2004. 368 с.
7. Байер Х.-Ф. История крымских готлов как интерпретация Сказания Матфея о городе Феодоро. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2001. 407 с.
8. Барабанов Н. Д. Византийские филактерии. Специфика арсенала // АДСВ. 2002. Вып. 33. С. 214-227.
9. Бармина Н. И. Этапы жизни Мангупской базилики // ТГЭ. СПб.: Изд-во Государственного Эрмитажа, 2008. Т. XLII. Византия в контексте мировой культуры. С. 305-313.
10. Башкиров А. С. Историко-археологический очерк Крыма // Крым: путеводитель. Симферополь, 1914. С. 156-283.
11. Бертъе-Делагард А. Л. Исследование некоторых недоуменных вопросов Средневековья в Тавриде // ИТУАК. 1920. № 57. С. 1-135.
12. Бертъе-Делагард А. Л. Каламита и Феодоро // ИТУАК. 1918. № 55. С. 1-44.
13. Бернацки А. Б. Амвоны в интерьере раннехристианских базилик Западного и Северного Причерноморья // Церковная археология Южной Руси: сборник материалов международной конференции. Симферополь, 2002. С. 69-82.
14. Болгов Н. Н. К проблеме интерпретации изображений ранневизантийских мозаик Северного Причерноморья // Церковная археология Южной Руси: сборник материалов международной конференции. Симферополь, 2002. С. 38-48.
15. Болгов Н. Н. Культурный континуитет в Северном Причерноморье IV-VI вв. Нижний Новгород, 2002. 150 с.
16. Броневский М. Описание Крыма / пер. М. Мачинской, предисл. и комм. А. Герцена // Историческое наследие Крыма. Симферополь, 2005. № 10. С. 157-200.
17. Ванеян Стефан (свящ.). Христианская археология и церковное искусство: аспекты эпистемологии // ВПСТГУ. Серия V. Вопросы истории и теории христианского искусства. 2011. Вып. 3(6). С. 7-33.
18. Веймарн Е. В., Репников Н. И. Сюйренское укрепление // ИГАИМК. 1935. Т. 117. С. 115-125.
19. Виноградов А. Ю. «Миновала уже зима языческого безумия...». Церковь и церкви Херсона в IV веке по данным литературных источников и эпиграфики. М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2010. 224 с.
20. Волконская И. Г. Иконографические схемы алтарных росписей храма «Успения» и храма «Донаторов» // Харитонов С. В. Древний город Эски-Кермен: археология, история, гипотезы. СПб., 2004. С. 130-138.
21. Воронова А. А. Раннехристианские базилики Северной Далмации и островов Кварнера: проблемы типологии // ВПСТГУ. Серия V. Вопросы истории и теории христианского искусства. 2016. Вып. 4(24). С. 7-32.

Рис. 11. Резной портал входа из южной галереи в нартекс Мангупской базилики (вид с южной стороны). Фото А. Г. Герцена, 1975 г.

22. Гайдуков Н. Е. Декоративные программы напольных мозаик некоторых храмов Херсонеса: литургический аспект // ВПСТГУ. Серия 1. Богословие. Философия. Религиоведение. 2005. № 14. С. 80-87.
23. Гайдуков Н. Е., Карнаушенко Э. Н., Джанов А. В. Новые данные по храмовым росписям Эски-Кермена и его окружи // Православные древности Таврики. Киев: Стилюс, 2002. С. 114-132.
24. Гараджа В. И. Социология религии. М.: Аспект Пресс, 1996. 239 с.
25. Герцен А. Г., Могаричев Ю. М. О времени и причинах возникновения пещерных монастырей Таврики // Крымский музей. Симферополь, 1995. № 1. С. 7-17.
26. Герцен А. Г., Могаричев Ю. М. Пещерные церкви Мангупа. Симферополь: Таврия, 1996. 109 с.
27. Герцен А. Г., Науменко В. Е. О хазарском и фемном периоде в истории Мангупа: предварительные наблюдения над исторической топографией городища // ХΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: империя и полис. Материалы международной научной конференции. Севастополь, 2015. С. 36-39.
28. Грабарь И. Э. О древнерусском искусстве: исследования, реставрация и охрана памятников. М.: Наука, 1966. 387 с.
29. Демус О. Мозаики византийских храмов. Принципы монументального искусства Византии. М.: Индрик, 2001. 160 с.
30. Джурич В. Византийские фрески. Средневековая Сербия, Далмация, славянская Македония. М.: Индрик, 2000. 588 с.
31. Домбровский О. И. Фрески южного нефа Херсонесской базилики 1935 г. // Херсонесский сборник. 1959. Вып. 5. С. 207-228.
32. Домбровский О. И. Фрески средневекового Крыма. Киев: Наукова думка, 1966. 108 с.
33. Домбровский О. И. Архитектурно-археологическое исследование загородного крестообразного храма Херсонеса // МАИЭТ. 1993. Вып. III. С. 289-319.
34. Домбровский О. И. Византийские мозаики Херсонеса Таврического / под ред. А. Б. Бернацки, В. А. Кутайсова. Poznań, 2004. 250 с.
35. Домбровский О. И. О хронологии «Базилики Уварова» // Историческое наследие Крыма. Симферополь, 2004. № 3-4. С. 11-31.
36. Завадская И. А. Декоративно-символическая система росписи херсонесских христианских склепов // МАИЭТ. 2005. Вып. XI. С. 258-288.
37. Заграйкина С. П. Мозаики V века в Италии. О некоторых особенностях стиля // ВПСТГУ. Серия V. Вопросы истории и теории христианского искусства. 2014. № 2(14). С. 9-29.
38. Захарова А. В. Принципы группировки изображений святых в византийской монументальной живописи до и после иконоборчества // Актуальные проблемы теории и истории искусства. 2014. № 4. С. 109-122.
39. Золотарев М. И., Коробков Д. Ю., Ушаков С. В., Пилленгер П., Пюльц А. Раскопки т. н. «Базилики Крузе» в Херсонесе (украинско-австрийский проект) // Херсонесский сборник. Севастополь, 2003. Вып. XII. С. 229-247.
40. Казарян А. Ю. Архитектура стран Закавказья VII в.: формирование и развитие традиции. М.: Locus Standi, 2012. Т. III. 690 с.
41. Колпакова Г. С. Искусство Византии. Ранний и средний период. СПб.: Азбука-Классика, 2004. 524 с.
42. Кондаков Н. П. История византийского искусства и иконографии по миниатюрам греческих рукописей. Одесса, 1876. 276 с.
43. Косенкова К. Б. Сиракузские метаморфозы: к проблеме преемственности архитектурных решений от Античности к христианству (на примере храмов Великой Греции) // Актуальные проблемы теории и истории искусства. 2013. № 3. С. 74-85.
44. Кутайсов В. А. Судьба ученого // История и археология Крыма. Симферополь, 2014. № 1. С. 9-22.
45. Латышева А. В. Раннесредневековые храмы Херсона: опыт реконструкции // Дриновский збірник. Харьков, 2012. № 5. С. 164-178.
46. Лепер Р. Х. Археологические исследования в Мангупе в 1912 году // ИАК. 1913. Вып. 47. С. 73-79, 146-154.
47. Лепер Р. Х. Раскопки Мангупа // ИТУАК. 1913. № 49. С. 266-269.
48. Лепер Р. Х. Сообщение на заседании Таврической ученой архивной комиссии 30 января 1914 г. // ИТУАК. 1914. № 51. С. 297-298.
49. Литовченко А. Н. О фресковой живописи сакральных памятников средневекового Херсона // Актуальні проблеми вітчизняної та всесвітньої історії. Харьков, 2011. № 14. С. 31-38.
50. Литовченко А. Н. Образ византийского храма во внутреннем декоре // Византийская мозаика. Сборник публичных лекций Элліно-византийского лектория при Свято-Пантелеймоновском храме / под ред. С. Б. Сорочана. Харьков: Майдан, 2015. Вып. 3. С. 164-173.
51. Литовченко А. Н. «Стратиграфия мозаики»: технологии настила храмов византийского Херсона // Lauea I. Античный мир и средние века: Чтения памяти профессора В. И. Кадеева. Харьков, 2015. С. 126-130.
52. Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. Л.: Художественная литература, 1971. 360 с.
53. Лосицкий Ю. Г. Опыт реконструкции крестообразных храмов Херсонеса // Архитектурно-археологические исследования в Крыму. Киев: Наукова думка, 1988. С. 27-36.
54. Лыкова Н. Н. Феномен сакрального Святой Троицы в стенописи средневековой Таврики // Таврійські студії. Культурологія. Симферополь, 2013. № 4. С. 78-82.
55. Лыкова Н. Н. Личностное начало и его отражение во фресковой росписи Средневековой Таврики // Таврические студии. Культурология. Симферополь, 2014. № 6. С. 97-106.
56. Оустерхаут Р. Византийские строители / пер. Л. А. Беляев. Киев, М.: Корвин пресс, 2005. 332 с.
57. Полевой В. М. Искусство Греции. Средние века. М.: Искусство, 1973. 352 с.
58. Поляковская М. А., Чекалова А. А. Византия: быт и нравы. Свердловск: Изд-во Уральского университета, 1989. 301 с.
59. Райс Д. Т. Искусство Византии. М.: Слово, 2002. 256 с.
60. Репников Н. И. Эски-Кермен в свете археологических разведок 1928-1929 гг. // ИГАИМК. 1932. Т. XII. С. 107-152.
61. Ростовцев М. И. Античная декоративная живопись на юге России. СПб., 1914. Т. 1. Описание и исследование памятников. 537 с.
62. Рыжов С. Г. Новые данные о «Базилике в базилике» // Античный мир. Византия. Харьков: Бизнес Информ, 1997. С. 290-300.
63. Сорочан С. Б. Византийский Херсон (вторая половина VI — первая половина X вв.). Очерки истории и материальной культуры. Харьков: Майдан, 2005. 1642 с.
64. Сорочан С. Б. О храмовом декоре византийского Херсона и его эволюции в VI-X веков // Україна: культурна спадщина, національна свідомість, державність. Львів: Інститут українознавства НАН України, 2011. Вип. 20. С. 603-619.
65. Тиханова М. А. Базилика // МИА. М.-Л., 1953. № 34. Материалы по археологии Юго-Западного Крыма (Херсонес, Мангуп). С. 334-389.
66. Фомин М. В. Раннехристианская живопись позднеантичного Херсонеса // МАИАСК. Севастополь, Тюмень, 2014. Вып. 6. С. 299-389.
67. Хрушкова Л. Г. О начале христианского Херсонеса Таврического: крестовидная церковь на главном кладбище // Сугдейский сборник. Киев, Судак, 2005. Вып. II. С. 393-420.
68. Яковсон А. Л. Средневековый Крым. М., Л.: Наука, 1964. 287 с.
69. Яковсон А. Л. К изучению фресок из южного нефа базилики 1935 г. // ВВ. 1980. Т. 41. С. 96-103.
70. Jastrzebowska E. Chersonese dans l'Antiquite tardive: etat de recherches et bibliographie // Antique Tardive. 2001. № 9. P. 399-418.
71. Jeffreys E., Haldon J., Cormak R. (Eds.). The Oxford Hand Book of Byzantine Studies. Oxford, New York: Oxford University Press, 2008. 1021 p.

REFERENCES

1. Ajbabin A. I. Gotskaya eparhiya. *Pravoslavnyaya ehnciklopediya*, Moscow, 2006, T. 12, pp. 214-217.
2. Ajnalov D. V. Mozaiki IV i V vekov (issledovanie v oblasti ikonografii i stilya drevnekhristskogo iskusstva). *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniia*, 1895, Part CCXCVIII, pp. 241-309.
3. Ajnalov D. V. Razvaliny hramov. *Pamyatniki hristianskogo Hersonesa*, 1905, Vol. I, pp. 3-95.
4. Akopyan Z. A. Monumental'naya zhivopis' Armenii VII stoletiya v kontekste vostochnokhristskoi tradicii. *Aktual'nye problemy teorii i istorii iskusstva*, 2016, Vol. 6, pp. 133-142.
5. Amiranashvili Sh. Ya. *Istoriya gruzinskogo iskusstva*. Moscow, Iskustvo Publ., 1963, 463 p.
6. Assman Ya. *Kul'turnaya pamyat': pis'mo, pamyat' o proshlom i politicheskaya identichnost' v vysokih kul'turakh drevnosti*. Moscow, Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ., 2004, 368 p.

7. Bajer H.-F. *Istoriya krymskih gotov kak interpretaciya Skazaniya Matfeya o gorode Feodoro*. Ekaterinburg, Ural'skii universitet Publ., 2001, 407 p.
8. Barabanov N. D. Vizantijskie filakterii. Specifika arsenala. *Antichnaia drevnost' i srednie veka*, 2002, Vol. 33, pp. 214-227.
9. Barmina N. I. Étapu zhizni Mangupskoj baziliki. *Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha*, St-Petersburg, Gosudarstvennyi Ermitazh Publ., 2008, T. XLII, pp. 305-313.
10. Bashkirov A. S. Istoriko-arheologicheskij ocherk Kryma. *Krym: putevoditel'*, Simferopol, 1914, pp. 156-283.
11. Bert'e-Delagard A. L. Issledovanie nekotoryh nedoumennyh voprosov Srednevekov'ya v Tavride. *Izvestiia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii*, 1920, No. 57, pp. 1-135.
12. Bert'e-Delagard A. L. Kalamita i Feodoro. *Izvestiia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii*, 1918, Vol. 55, pp. 1-44.
13. Bernacki A. B. Amvony v inter'ere rannekhristskikh bazilik Zapadnogo i Severnogo Prichernomor'ya. *Cerkovnaya arheologiya Yuzhnoj Rusi: sbornik materialov mezhdunarodnoj konferencii*, Simferopol, 2002, pp. 69-82.
14. Bolgov N. N. K probleme interpretacii izobrazhenij rannevizantijskikh mozaik Severnogo Prichernomor'ya. *Cerkovnaya arheologiya Yuzhnoj Rusi: sbornik materialov mezhdunarodnoj konferencii*, Simferopol, 2002, pp. 38-48.
15. Bolgov N. N. Kul'turnyj kontinuitet v Severnom Prichernomor'e IV-VI vv. Nizhnij Novgorod, 2002, 150 p.
16. Bronevskij M. Opisanie Kryma. *Istoricheskoe nasledie Kryma*, Simferopol, 2005, No. 10, pp. 157-200.
17. Vaneyan Stefan (svyashch.). Hristianskaya arheologiya i cerkovnoe iskusstvo: aspekty ehpistemologii. *Vestnik Pravoslavnogo Sviato-Tikhonovskogo humanitarnogo universiteta*, Seriya V. Voprosy istorii i teorii hristianskogo iskusstva, 2011, Vol. 3(6), pp. 7-33.
18. Vejmar E. V., Repnikov N. I. Syujren'skoe ukreplenie. *Izvestiia Gosudarstvennoi akademii istorii material'noi kul'tury*, 1935, T. 117, pp. 115-125.
19. Vinogradov A. Yu. «Minovala uzhe zima yazycheskogo bezumiya...». *Cerkov' i cerkvi Hersona v IV veke po dannym literaturnyh istochnikov i ehpiografiki*. Moscow, Universitet Dmitriya Pozharskogo Publ., 2010, 224 p.
20. Volkonskaya I. G. Ikonograficheskie skhemy altarnyh rospisej hrama «Uspeniya» i hrama «Donatorov». Haritonov S. V. *Drevnij gorod Eski-Kermen: arheologiya, istoriya, gipotezy*, St-Petersburg, 2004, pp. 130-138.
21. Voronova A. A. Rannekhristskije baziliki Severnoj Dalmacii i ostrovov Kvarnera: problemy tipologii. *Vestnik Pravoslavnogo Sviato-Tikhonovskogo humanitarnogo universiteta*, Seriya V. Voprosy istorii i teorii hristianskogo iskusstva, 2016, Vol. 4(24), pp. 7-32.
22. Gajdukov N. E. Dekorativnye programmy napol'nyh mozaik nekotoryh hramov Hersonesa: liturgicheskij aspekt. *Vestnik Pravoslavnogo Sviato-Tikhonovskogo humanitarnogo universiteta*, Seriya I. Bogoslovie. Filosofiya. Religiovedenie, 2005, Vol. 14, pp. 80-87.
23. Gajdukov N. E., Karnaushenko E. N., Dzhanov A. V. Novye dannye po hramovym rospisyam Eski-Kermen i ego okrug. *Pravoslavnye drevnosti Tavriki*, Kiev, Stilos Publ., 2002, pp. 114-132.
24. Garadzha V. I. Sociologiya religii. Moscow, Aspekt Press Publ., 1996, 239 p.
25. Gercen A. G., Mogarichev Yu. M. O vremeni i prichinah vozniknoveniya peshchernyh monastyrej Tavriki. *Krymskij muzej*, Simferopol, 1995, No. 1, pp. 7-17.
26. Gercen A. G., Mogarichev Yu. M. *Peshchernye cerkvi Mangupa*. Simferopol, Tavriya Publ., 1996, 109 p.
27. Gercen A. G., Naumenko V. E. O hazarskom i femnom periode v istorii Mangupa: predvaritel'nye nablyudeniya nad istoricheskoi topografiej gorodishcha. *ΧΕΡΣΟΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: imperiya i polis. Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii*, Sevastopol, 2015, pp. 36-39.
28. Grabar' I. E. *O drevnerusskom iskusstve: issledovaniya, restavraciya i ohrana pamyatnikov*. Moscow, Nauka Publ., 1966, 387 p.
29. Demus O. *Mozaiki vizantijskikh hramov. Principy monumental'nogo iskusstva Vizantii*. Moscow, Indrik Publ., 2001, 160 p.
30. Dzhurich V. *Vizantijskie freski. Srednevekovaya Serbiya, Dalmaciya, slavyanskaya Makedoniya*. Moscow, Indrik Publ., 2000. 588 s.
31. Dombrovskij O. I. Freski yuzhnogo nefa Hersonesskoj baziliki 1935 g. *Hersonesskij sbornik*, 1959, Vol. 5, pp. 207-228.
32. Dombrovskij O. I. *Freski srednevekovogo Kryma*. Kiev, Naukova dumka Publ., 1966, 108 p.
33. Dombrovskij O. I. Arhitekturno-arheologicheskoe issledovanie zagorodnogo krestoobraznogo hrama Hersonesa. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, 1993, Vol. III, pp. 289-319.
34. Dombrovskij O. I. *Vizantijskie mozaiki Hersonesa Tavricheskogo*. Poznań, 2004, 250 p.
35. Dombrovskij O. I. O hronologii «Baziliki Uvarova». *Istoricheskoe nasledie Kryma*, Simferopol, 2004, No. 3-4, pp. 11-31.
36. Zavadskaya I. A. Dekorativno-simvolicheskaya sistema rospisi hersonesskikh hristianskikh sklepov. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, 2005, Vol. XI, pp. 258-288.
37. Zagrajkina S. P. Mozaiki V veka v Italii. O nekotoryh osobennostyah stilya. *Vestnik Pravoslavnogo Sviato-Tikhonovskogo humanitarnogo universiteta*, Seriya V. Voprosy istorii i teorii hristianskogo iskusstva, 2014, No. 2(14), pp. 9-29.
38. Zaharova A. V. Principy gruppirovki izobrazhenij svyatyh v vizantijskoj monumental'noj zhivopisi do i posle ikonoborchestva. *Aktual'nye problemy teorii i istorii iskusstva*, 2014, No. 4, pp. 109-122.
39. Zolotarev M. I., Korobkov D. Yu., Ushakov S. V., Pilenger P., Pyul'c A. Raskopki t. n. «Baziliki Kruze» v Hersonese (ukrainsko-avstrijskij proekt). *Hersonesskij sbornik*, Sevastopol, 2003, Vol. XII, pp. 229-247.
40. Kazaryan A. Yu. *Arhitektura stran Zakavkaz'ya VII v.: formirovanie i razvitie tradicii*. Moscow, Locus Standi Publ., 2012, T. III, 690 p.
41. Kolpakova G. S. *Iskusstvo Vizantii. Rannij i srednij period*. St-Petersburg, Azbuka-Klassika Publ., 2004, 524 p.
42. Kondakov N. P. *Istoriya vizantijskogo iskusstva i ikonografii po miniatyuram grecheskikh rukopisej*. Odessa, 1876, 276 p.
43. Kosenkova K. B. Sirakuzskie metamorfozy: k probleme preemstvennosti arhitekturnyh reshenij ot Antichnosti k hristianstvu (na primere hramov Velikoj Grecii). *Aktual'nye problemy teorii i istorii iskusstva*, 2013, No. 3, pp. 74-85.
44. Kutajsov V. A. Sud'ba uchenogo. *Istoriya i arheologiya Kryma*, Simferopol, 2014, No. 1, pp. 9-22.
45. Latysheva A. V. Rannesrednevekove hramy Hersona: opyt rekonstrukcii. *Drinovs'kij zbirnik*, Har'kov, 2012, No. 5, pp. 164-178.
46. Leper R. H. Arheologicheskie issledovaniya v Mangupe v 1912 godu. *Izvestiia Arkheologicheskoi komissii*, 1913, Vol. 47, pp. 73-79, 146-154.
47. Leper R. H. Raskopki Mangupa. *Izvestiia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii*, 1913, No. 49, pp. 266-269.
48. Leper R. H. Soobshchenie na zasedanii Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii 30 yanvarya 1914 g. *Izvestiia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii*, 1914, No. 51, pp. 297-298.
49. Litovchenko A. N. O freskovoj zhivopisi sakral'nyh pamyatnikov srednevekovogo Hersona. *Aktual'ni problemi vitchiznyanoi ta vsesvitn'oi istorii*, Har'kov, 2011, No. 14, pp. 31-38.
50. Litovchenko A. N. Obraz vizantijskogo hrama vo vnutrennem dekore. Sorochan S. B. (Ed.). *Vizantijskaya mozaika. Sbornik publichnyh lekcij Ellino-vizantijskogo lektoriya pri Svyato-Pantelejmonovskom hrame*, Har'kov, Majdan Publ., 2015, Vol. 3, pp. 164-173.
51. Litovchenko A. N. «Stratigrafiya mozaiki»: tekhnologii nastila hramov vizantijskogo Hersona. *Laurea I. Antichnyj mir i srednie veka: Chteniya pamyati professora V. I. Kadeeva*, Har'kov, 2015, pp. 126-130.
52. Lihachev D. S. *Poetika drevnerusskoj literatury*. Leningrad, Hudozhestvennaya literatura Publ., 1971, 360 p.
53. Losickij Yu. G. Opyt rekonstrukcii krestoobraznyh hramov Hersonesa. *Arhitekturno-arheologicheskie issledovaniya v Krymu*, Kiev, Naukova dumka Publ., 1988, pp. 27-36.
54. Lykova N. N. Fenomen sakral'nogo Svyatoj Troicy v stenopisi srednevekovoj Tavriki. *Tavrijs'ki studii. Kul'turologiya*, Simferopol, 2013, No. 4, pp. 78-82.
55. Lykova N. N. Lichnostnoe nachalo i ego otrazhenie vo freskovoj rospisi Srednevekovoj Tavriki. *Tavricheskie studii. Kul'turologiya*, Simferopol, 2014, No. 6, pp. 97-106.
56. Ousterhaut R. *Vizantijskie stroiteli*. Kiev, Moscow, Korvin press Publ., 2005, 332 p.

57. Polevoj V. M. *Iskusstvo Grecii. Srednie veka*. Moscow, Iskusstvo Publ., 1973, 352 p.
58. Polyakovskaya M. A., Chekalova A. A. *Vizantiya: byt i nray*. Sverdlovsk, Ural'skiy universitet Publ., 1989, 301 p.
59. Rajs D. T. *Iskusstvo Vizantii*. Moscow, Slovo Publ., 2002, 256 p.
60. Repnikov N. I. Eski-Kermen v svete arheologicheskikh razvedok 1928-1929 gg. *Izvestiia Gosudarstvennoi akademii istorii material'noi kul'tury*, 1932, T. XII, pp. 107-152.
61. Rostovtsev M. I. *Antichnaya dekorativnaya zhivopis' na yuge Rossii*. St-Petersburg, 1914, T. 1. Opisanie i issledovanie pamyatnikov, 537 p.
62. Ryzhov S. G. Novye dannye o «Bazilike v bazilike». *Antichnyj mir. Vizantiya*. Har'kov, Biznes Inform Publ., 1997, pp. 290-300.
63. Sorochan S. B. *Vizantijskij Herson (vtoraya polovina VI — pervaya polovina II vv.)*. *Ocherki istorii i material'noj kul'tury*. Har'kov, Majdan Publ., 2005, 1642 p.
64. Sorochan S. B. O hramovom dekore vizantijskogo Hersona i ego ehvolyucii v VI-X vekov. *Ukraina: kul'turna spadshchina, nacional'na svidomist', derzhavnist'*. L'viv, Institut ukrainoznavstva NAN Ukraini Publ., 2011, Vol. 20, pp. 603-619.
65. Tihanova M. A. *Bazilika. Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR*, Moscow, Leningrad, 1953, Vol. 34, pp. 334-389.
66. Fomin M. V. Rannekhristianskaya zhivopis' pozdneantichnogo Hersonesa. *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Kryma*, Sevastopol, Tyumen, 2014, Vol. 6, pp. 299-389.
67. Hrushkova L. G. O nachale hristianskogo Hersonesa Tavricheskogo: krestovidnaya cerkov' na glavnom kladbishche. *Sugdejskij sbornik*, Kiev, Sudak, 2005, Vol. II, pp. 393-420.
68. Yakobson A. L. *Srednevekovyj Krym*. Moscow, Leningrad, Nauka Publ., 1964, 287 p.
69. Yakobson A. L. K izucheniyu fresok iz yuzhnogo nefa baziliki 1935 g. *Vizantiiskii Vremennik*, 1980, T. 41, pp. 96-103.
70. Jastrzebowska E. Chersonese dans l'Antiquite tardive: etat de recherches et bibliographie. *Antique Tardive*, 2001, No. 9, pp. 399-418.
71. Jeffreys E., Haldon J., Cormak R. (Eds.). *The Oxford Hand Book of Byzantine Studies*. Oxford, New York, Oxford University Press, 2008, 1021 p.

Бармина Н. И.

Мозаики и фрески Мангупской базилики

Резюме

В ранневизантийской архитектуре тип базилики занял ведущее место. Для создания в храме соответствующей религиозно-эстетической ауры использовали мозаики и фрески. Исследование Мангупской базилики выявило остатки декоративного искусства, при изучении которых были применены различные методологические подходы. Обнаруженные фрагменты соотносятся с разными периодами жизни христианского сооружения. Их анализ показал сходство и отличия с изобразительными раритетами Херсона VI-X вв. Несмотря на малочисленность художественных элементов Мангупской базилики, они входят в список артефактов, раскрывающих особенности становления и развития крымской средневековой культуры.

Ключевые слова: базилика, Мангуп, мозаика, фреска, искусство, Херсон, Юго-Западный Крым.

Barmina N. I.

Mosaics and Frescoes of the Mangup Basilica

Summary

Basilica became the leading type of church in the early Byzantine architecture. Mosaics and frescoes were used to supply the church with appropriate religious and aesthetic aura. Supplementary investigation of the Mangup Basilica has revealed the remains of decorative art, which study used a variety of methodological approaches. The fragments uncovered correlated to various periods of this Christian building. Their analysis has revealed similarities and differences with the visual rarities of Cherson dated from the sixth to tenth centuries. Despite the small number of art elements of the Mangup Basilica, they form the list of artefacts uncovering the features of the formation and development of the Crimean medieval culture.

Keywords: basilica, Mangup, mosaic, fresco, art, Cherson, South-Western Crimea.

Л. Г. ХРУШКОВА

К ДИСКУССИИ О ВРЕМЕНИ СТРОИТЕЛЬСТВА МАНГУПСКОЙ БАЗИЛИКИ

Большая трехнефная базилика Мангупского городища — известный памятник византийской церковной архитектуры в Крыму, вне Херсонеса, пожалуй, самый крупный. Она изучается уже около 130 лет, однако все еще нет исследования, которое бы обобщило все многолетние наблюдения и представило полную обмерную и фотодокументацию.

История изучения базилики хорошо известна [27, с. 206, прим. 5; 17, с. 334-336]. Обстоятельные историографические обзоры содержатся в публикациях Н. И. Барминой [1; 2; 6]. Раскопки памятника в конце XIX в. были начаты под эгидой Археологической комиссии, главного археологического учреждения России на тот момент (1859-1914 гг.). За свою долгую историю Археологическая комиссия знала и успехи, и неудачи. Изучение христианской архитектуры в Крыму не было приоритетным в ее деятельности; об этом говорит пример Херсонеса и его епископской церкви [32, S. 232-240; 23, с. 9-46; 24, с. 327-333].

Основные этапы исследования Мангупской базилики соотносятся с тремя программами археологического изучения Мангупа [9, с. 24-25]. В рамках первой программы раскопки базилики в 1890 г. провел Ф. А. Браун, он же открыл памятник. На следующем этапе в 1913-1914 гг. ее изучал Р. Х. Лепер, который выявил основные элементы плана сооружения. В краткой статье Л. А. Моисеева изложены основные результаты исследования Р. Х. Лопера, здесь же опубликованы важные фотографии памятника во время раскопок [16, с. 316]. Вторая программа осуществлялась в советскую эпоху. В 1938 г. М. А. Тиханова исследовала северную часть базилики и открыла ее баптистерий; обмерные работы на памятнике в это время проводил А. Л. Якобсон. Методика этих раскопок была значительно более совершенной, в сравнении с работами Археологической комиссии. М. А. Тиханова училась на Высших женских (Бестужевских) курсах, где среди преподавателей был М. И. Ростовцев, свое образование она завершала в Петроградском университете. А. Л. Якобсон к тому времени имел уже важный опыт работы на таком сложном памятнике, как «базилика 1935 г.» в Херсонесе. Однако успешный мангупский сезон 1938 г. для М. А. Тихановой и А. Л. Якобсона оказался единственным. Началом третьего, современного, этапа изучения базилики было создание в 1967 г. Мангупской археологической экспедиции. Одной из ее задач является исследование крупных архитектурно-археологических комплексов Мангупского городища [10, с. 127-147].

Как видим, ритм изучения базилики был очень медленным; интервалы составляли примерно 25-30 лет. Все это время памятник стоял открытым, разрушался, и каждое последующее поколение археологов наблюдало его в значительно худшем состоянии, чем предыдущее. Когда-то Л. А. Моисеев заметил: «Раскопку базилики нельзя считать законченной» [14, с. 79]. Сейчас, столетие спустя, можно сказать то же самое: остается не раскопанной крещальня, нет ясного представления о плане восточной части базилики, отсутствует полная обмерно-чертежная документация, в особенности

это касается стратиграфических и планиграфических разрезов. Говоря о неполной изученности памятника, не забудем, что названные выше три программы исследования Мангупа пришлось на периоды нескольких исторических катаклизмов: две Мировые войны, две радикальные смены государственного строя и общественно-политической системы, падение двух могущественных государств, Российской империи и СССР, и, сверх всего — перемены в государственной принадлежности Крыма.

Итак, 1967 г. был началом новой эпохи для истории изучения Мангупа, в том числе и для ее базилики. Изучение храмового комплекса с этого момента и на протяжении почти четырех десятилетий (1967-2005 гг.) вела Н. И. Бармина. По ее заключению, она полностью раскопала базилику и прилегающие к ней «восточные, северные и западные участки» [5, с. 308]; исследование «показало несостоятельность аргументов, предложенных в свое время А. Л. Якобсоном в пользу ранней датировки мангупского памятника. Полученные материалы позволили уточнить хронологию формирования большого христианского ансамбля на Мангупе и периоды его постепенного разрушения» [6, с. 421].

К сожалению, о ходе и результатах работ Н. И. Барминой известно очень немного. В ее названных выше историографических обзорах речь всегда идет только о работах предшественников. Но именно ее собственные раскопки, с их исключительной длительностью, уже составили важнейший этап историографической традиции. Современные исследователи Мангупа отмечают, что результаты раскопок базилики 1960-1990 гг. «остаются по большей части неизданными. Автор раскопок в своих многочисленных публикациях, имеющих тезисную форму, как правило, без сопровождающих иллюстраций находок, пытается обосновать более позднюю дату появления храмового комплекса (IX в.). Правда, в ряде недавних статей Бармина корректирует свое мнение: на месте трехнефной базилики в VI в. были однефный храм и крещальня, раскопанная М. А. Тихановой. Впервые выводы иллюстрируются планами комплекса, но без анализа вещественных находок» [8, с. 242, прим. 3]. Действительно, только в двух публикациях Н. И. Барминой приведены чертежи общего плана базилики [1; 5]; во всех других статьях автора фотодокументация отсутствует, излагаются лишь конечные выводы, но не их аргументация [1-7].

Базилика известна западному читателю. Ее план приведен в обширной статье А. Л. Якобсона в немецкой «Энциклопедии византийского искусства» [29, Sp. 386, Abb. 3a], здесь воспроизведена реконструкция того же плана базилики, что и в известной монографии автора [28, с. 195-197, рис. 99]. Мангупская базилика включена в обзор ранневизантийской архитектуры в Крыму в «Энциклопедии античности и христианства», где отмечено, что ее датировка является очень спорной [31, Sp. 108, 115].

Я имела возможность детально осмотреть Мангупскую базилику в июле 2009 г. Пользуясь случаем, выражаю искреннюю признательность руководителю Мангупской экспедиции Александру Германовичу Герцену за подробнейшие разъяснения¹ (рис. 1).

План базилики

Базилика была построена практически в центральной части Мангупского плато. Помимо соображений безопасности, скорее всего, строители нашли здесь удобную площадку, не требовавшую значительных работ по нивелировке скальной поверхности. Благодаря такому положению культовый ансамбль мог развиваться во все стороны. Обычно

¹ Наша многочасовая экскурсия была, в сущности, обширным научным докладом, который А. Г. Герцен прочел «на натуре». Этот исключительный доклад включал и историю изучения Мангупа, и неопубликованные гипотезы, и личные воспоминания, и планы на будущее. Особенно подробно мы осмотрели именно базилику.

епископская базилика была центром комплекса, в которую входило жилище иерарха, баптистерий, часовня (возможно, не одна), часто — термы, а также различные вспомогательные помещения. Они составляли «епископскую группу». Очень часто приоритетным был участок перед южным фасадом, обычно здесь проходили различные религиозные церемонии. Еще Р. Х. Лепер отмечал, что «было бы весьма интересно выяснить» отношение к церкви построек с южной и юго-восточной стороны от базилики [13, с. 76]. Однако это намерение не было осуществлено. Исследован только участок с севера, где М. А. Тиханова обнаружила часть здания крещальни. Раскопки Н. И. Барминой открыли еще три помещения на участке, примыкающем к базилике с северо-востока. Назначение помещений и время их появления остается неясным. Поэтому наши представления о составе епископского комплекса Мангупа все еще неполны.

За всю историю изучения памятника мы имеем, в сущности, всего три чертежа плана базилики (не считая их незначительных модификаций): Р. Х. Лепера, А. Л. Якобсона и план, опубликованный Н. И. Барминой. В последнем случае автор обмера и чертежа неизвестен.

План Р. Х. Лепера схематичен [13, с. 146, рис. 1], но на нем видны основные структурные части сооружения, включая боковые галереи. Наружный контур апсиды показан предположительно как полукруглый. Статья М. А. Тихановой содержит документацию значительно более полную: план и разрезы раскопанных участков, а также «сводный план» комплекса с крещальней [17, рис. 4; 5; 14; 58]. Эта обстоятельная статья отличается большим количеством информативных фотографий. В работе А. Л. Якобсона, написанной вскоре после раскопок базилики в 1938 г., видим тот же план базилики, что у М. А. Тихановой, но с некоторыми уточнениями, соответствующими тексту статьи [27, рис. 1]. На обеих версиях плана, снятого А. Л. Якобсоном, видно, что наружный контур центральной апсиды не выявлен. Исследователь отмечает, что снаружи апсиды базилики осталась не раскопанной [27, с. 207].

В монографии 1959 г., посвященной раннесредневековому Херсонесу, А. Л. Якобсон опубликовал план-реконструкцию Мангупской базилики с иной графикой, более удобной для печати, но менее информативной. На чертеже с черной заливкой видим полуциркулярную центральную апсиду, на этом же плане показан баптистерий [28, с. 195-197, рис. 99]. Тот же план воспроизведен и в названной выше немецкой «Энциклопедии византийского искусства». Эта статья была написана в последние годы жизни А. Л. Якобсона и поступила в редакцию уже после кончины ученого [29, Sp. 439]. И, наконец, на чертеже в статье В. П. Кирилло представлен схематический план-реконструкция Мангупской базилики, в сущности, тот же чертеж А. Л. Якобсона, с полуциркулярной центральной апсидой, но с одним отличием, которое исходит из представлений самого В. П. Кирилло: боковые галереи он показывает как пристроенные позже времени сооружения центральной части памятника [11].

Графическая документация, которая отражает результаты работ Н. И. Барминой, была опубликована в ее итоговой статье 2008 г. Здесь наиболее важны два чертежа

Рис. 1. Мангуп. Александр Германович Герцен. 2009 г. (фото Л. Г. Хрушковой)

плана — обмерный и аналитическая реконструкция (кем и когда выполнялись обмеры и чертежи, как уже говорилось, остается неясным) [5, ил. 3; 6]. Этот вопрос не кажется безразличным. Если обмеры выполнялись по частям, по мере ведения столь длительных раскопок, в этом случае чертеж отражает состояние различных частей памятника на протяжении нескольких десятилетий. Если же обмер выполнен по окончании работ (до 2008 г.), после генеральной зачистки памятника (?), тогда чертеж фиксирует его состояние в последней фазе исследования. К сожалению, в статье 2008 г. отсутствуют также чертежи разрезов, как архитектурных, так и археологических, нет обмеров фасадов и иллюстраций археологических материалов.

Мангупская базилика является обширным сооружением с традиционным плановым решением. У нее три нефа, разделенные шестью парами опор, и нартекс, разделенный на три части. План базилики осложнен галереями, примыкавшими к боковым нефам с севера и юга; обе имели внутренние членения в восточной части. Главный вход расположен по продольной оси базилики, дополнительные проемы соединяли нартекс с боковыми нефами. Северная галерея соединялась с наружным пространством двумя проемами, количество дверей в южной стене южной галереи неизвестно. Общие размеры базилики, по данным Н. И. Барминой — 32,5 м в длину и 28,0 м в ширину [7, с. 10-12], по А. Л. Якобсону — 31,5х26,2 м [27, с. 207]. В. П. Кирилло приводит другие цифры — 30,6х19,0 м, без боковых галерей [11, с. 92].

Как отмечал А. Л. Якобсон, Мангупская базилика относится к «эллинистическому типу». Этим термином обычно обозначается большая базилика, развитая горизонтально, с подчеркнутой продольной осью, легким деревянным перекрытием и большим количеством окон. Это сооружение городское, часто епископское. Эллинистический тип базилики — характерное явление ранневизантийского времени, когда архитектура еще сохраняла множество античных черт. В средневизантийское время базилики продолжали строить, особенно вне крупных городских центров, но они стали иными: небольшими, компактными, сводчатыми, без нартекса и других дополнительных помещений (без атриума и боковых галерей).

Важный вопрос: сколько апсид было у Мангупской базилики в ее первоначальном состоянии? Если одна, то в этом случае южную апсиду следует считать пристроенной позже. Однако, судя по технике ее кладки, однородной с кладкой основных частей базилики, и отсутствию швов между кладками двух апсид, южная апсида была первоначальной. Поэтому, очень возможно, существовала и северная апсида, что допускал А. Л. Якобсон [27, с. 213, прим. 8]. Если наружный контур восточной части базилики был раскрыт полностью, до скалы, остатки северной апсиды в ее нижней части могли быть видны. Восточная стена северного нефа подверглась значительным перестройкам, к ней снаружи пристроена дополнительная стена, которая играла роль контрфорса. Возможно, в этом месте скала понижается, что послужило причиной деформаций, и строителям пришлось пожертвовать северной боковой апсидой, чтобы укрепить эту часть конструкции. М. А. Тиханова сообщает, что рельеф скалы понижается к северу. Однако у нас нет конкретных сведений о нивелировочных отметках в северо-восточной части сооружения; обмеры фасадов базилики, к сожалению, отсутствуют. Таким образом, неясностей остается много.

Неясен и другой важный вопрос, касающийся восточной части базилики: какой была форма центральной апсиды? Трудности исследования восточного участка, прилегающего к базилике, известны. Р. Х. Лепер сообщает, что южная апсида сохранилась на высоту выше человеческого роста, стена же центральной «апсиды очень разрушена и обнаружить ее не удалось, так как с наружной стороны уровень земли с надгробными памятниками поднимается на 2 или больше аршин над полом».

Одна могила с плитой находится «на самой стене главной апсиды» — известное надгробие с эпитафией с именем чтеца Стефана 1457 г. [13, с. 149]. Следовательно, к середине XV в. стена апсиды сохранялась на высоту более 1,5 м. О восточной стене сообщается в отчете за 1914 г.: «Удалось обнаружить и часть стен с внешней стороны, а именно перед входом и в заалтарной части базилики» [14, с. 72]. Итак, стена центральной апсиды была выявлена изнутри, но установить ее форму снаружи («в заалтарной части») все-таки не удалось. Не смогла этого сделать и М. А. Тиханова «из-за технических трудностей (завал камней, глубокие ямы, большое количество огромных надгробий, трудность отвоза земли)» [17, с. 337].

Впервые трехгранная центральная апсида появилась на схематичном плане базилики в статье Н. И. Барминой 1975 г. [1, рис. 9, б]. Когда же были открыты эти грани апсиды? Об этом не сообщается, и фотографий нет. В публикациях Н. И. Барминой находим лишь одно упоминание о грани апсиды: приводится предположение Р. Х. Лепера о появлении на юго-восточной грани уже разрушенной центральной апсиды гробницы с надписью о чтеце Стефане [6, с. 416]. Однако здесь имеет место ошибка. Р. Х. Лепер пишет, что могила с эпитафией Стефана находится «на самой стене главной апсиды», о грани же в его публикации ничего не говорится.

Вопрос о форме алтарной части и апсиды (или апсид) важен для понимания архитектурного контекста Мангупской базилики. Все авторы, писавшие о ней, подчеркивали тесную связь памятника с Херсонесом, близость к группе херсонесских базилик, предполагалось даже участие херсонесских мастеров в строительстве комплекса. Однако трехгранной апсиды нет среди базилик Херсонеса. Это характерная константинопольская форма апсиды, которая отличает столичное строительство от Малой Азии, где отдавали предпочтение пятигранной апсиде. Если же в Мангупской базилике изначально было три апсиды, что вполне вероятно, тогда она входит в одну группу с трехапсидными базиликами вне Херсонеса, такими как базилики в Партенитах и на Эски-Кермене.

Строительная техника

Мангупская базилика отличается превосходной кладкой наружных фасадов из крупных тесаных блоков, с тонкими швами. Она во многих местах сохранилась [27, рис. 4]. Горизонтальные ряды в кладке соблюдаются тщательно, блоки уложены «вперевязь», то есть в каждом ряду сдвинуты относительно следующего ряда. Лучшее всего древние участки кладки сохранились в западной стене нартекса, которую изучила М. А. Тиханова на участке длиной 12,5 м от северо-западного угла до дверного проема в центральный неф [27, рис. 3]. Высота стены во время раскопок М. А. Тихановой не превышала 1,65 м, кладка сохранилась на высоту двух рядов, кое-где даже трех. Высота нижнего ряда составляет 0,5 м, верхнего — 0,67-0,68 м, длина блоков — 0,82-0,97 м. Эти цифры говорят о чрезвычайной массивности блоков. Стена была поставлена на цоколь. Верхний ряд его кладки (тот, что над землей) тоже выложен из крупных тесаных блоков, в один ряд; его высота 0,33-0,36 м, то есть немногим более фута. Крупные тесаные блоки (размерами 1,14х0,42-0,46х0,17-0,30 м) в базилике можно наблюдать, например, в кладке стены северного нефа, где упавший блок имел размеры 1,39-1,45х0,26х0,51-0,56 м.

Благодаря точным описаниям М. А. Тихановой техники кладки и структуры стены, мы лучше знаем эти особенности для северо-западной части базилики. Вследствие уклона скалы к северу, в северо-западном углу цоколь сложен из двух рядов тесаных квадров; в месте перехода к двухрядному цоколю был положен более крупный блок, для сохранения горизонтальности кладки цоколя. Из этого следует, что

перед строительством базилики строгой нивелировки площадки не производилось. Ряды кладки выравнивались по горизонтали с помощью цоколя. Его бо́льшая ширина, в сравнении со стеной, усиливала основание конструкции. Незначительные неровности скальной поверхности могли быть заполнены мелким бутом.

Важный признак, имеющий значение для датировки — структура стены. Приведу превосходно-точное описание М. А. Тихановой. Стена была «сложена с обеих сторон ее из тесаных квадров известняка, положенных правильными, строго выдержанными горизонтальными рядами, узкое пространство между которыми заполнено небольшим слоем мелкого бутового камня и щебня и залито известковым раствором с примесью толченого кирпича и черепицы. Камни плотно притесаны друг к другу, положены на тонком растворе с примесью толченого кирпича» [17, с. 342]. Толщина западной стены Мангупской базилики достигает 0,95–0,97 м, то есть, примерно, три византийских фута (при усредненном значении фута 31,2–31,5 см). Это распространенный стандарт для ранневизантийского строительства, когда сохранялась римская система кладки. В ее основе лежал принцип использования хорошо тесаного камня. Толщина стены создавалась двумя рядами тесаного камня, с тонким слоем забутовки между ними. В сущности, это не «облицовка с забутовкой», как ее нередко обозначают; тесаный камень служил не «облицовкой», а создавал само тело стены. Подобную технику видим в соседнем регионе — на ранневизантийских памятниках в Абхазии [19, с. 299].

После эпохи Юстиниана I (527–565) Византийская империя никогда больше не располагала возможностями вести огромные строительные работы, на пространстве от Испании до Палестины. Техника строительства стала более экономичной. Толщина тесаных камней с внутренней и наружной сторон стены уменьшалась, они становились настоящей «облицовкой», значительная часть толщины стены создавалась «забутовкой». Так уменьшался объем каменотесных работ. Параллельно совершенствовалось качество раствора, благодаря чему в средней части стены раствор, в сочетании с щебнем и мелким камнем, создавал настоящий монолитный бетон, который становился несущим элементом конструкции. В стене средневизантийского периода тесаный камень на фасадах представляет собою именно «облицовку»; это тонкие пластины, широкие по фасаду, но не блоки, уходящие в толщу стены, как это было в позднеантичное время. Широкое применение толченой керамики в растворе обеспечивало самое важное его качество — гидрофобность и, тем самым, долговечность связующего раствора.

По наблюдениям М. А. Тихановой, были переложены северная стена базилики и северная стена северной галереи [17, с. 366]. Поздняя северная стена базилики, сохранившаяся на высоту до 2,1 м, покоится на необработанных камнях, уложенных в два ряда. В поздних частях кладки использован старый строительный материал — крупные блоки, некоторые со следами огня. При этом обе стены находятся на своих прежних местах. Таким образом, в момент перестройки мастера имели ясное представление о структуре первоначального сооружения и намеревались восстановить его первоначальный план. На опубликованных фотографиях видно, что техника вновь сложенных стен действительно иная [17, рис. 35]. В них использованы крупные тесаные блоки, однако они частью оббиты и иначе уложены. Здесь видим иной строительный «почерк»: нет точных горизонтальных рядов, нет тонких чистых швов, местами видны явные нарушения основных принципов кладки. Например, на фасаде северной стены, обращенной в галерею, в соседних рядах камни уложены не «вперевязь», а поставлены один на другой. Такой прием рискует создать трещины, что угрожает прочности конструкции.

На обмерном чертеже Н. И. Барминой [5, рис. 3] видна типичная ранневизантийская техника кладки. Этот чертеж вызывает вопросы. На нем показано, что древняя техни-

ка стены, с тонким слоем забутовки между двумя рядами камней, наблюдается в тех частях, которые Н. И. Бармина считает поздними: западная половина северной стены базилики, северная часть западной стены нартекса и участки северной стены северной галереи. Кроме того, на этом чертеже в разновременных частях базилики изображена одинаковая толщина стен (около 1,0 м), тогда как поздние стены были более тонкими.

Общая картина первоначального состояния полов базилики и их изменений остается недостаточно ясной. В первом состоянии базилика имела мозаичный настил. О том, что центральный неф был вымощен мозаикой, было известно уже в конце XIX в. Ф. А. Браун упоминает «частички мозаики, найденные при проведении траншеи» [15, с. 19]. О фрагменте мозаичного пола, расположенного у северной стенки алтарного ограждения, сообщает Р. Х. Лепер; он публикует фотографию с изображением человека, который стоит на этом полу. По данным Н. И. Барминой, «кусочек напольной мозаики был обнаружен между краем соли и северным стилобатом», то есть примерно там же, где его видел Р. Х. Лепер. Размеры фрагмента невелики — 0,75х0,65 м. «Мозаичные полы украшали всю поверхность пола около соли и амвона» [3, с. 121–122]. Мы не знаем, какие элементы Н. И. Бармина называет солеей и амвоном, но ясно, что речь идет о восточной части центрального нефа. На участке у западной стены базилики, в нижнем слое, М. А. Тиханова выявила 27 кусков мозаичного пола и сотни кубиков мозаики типа *opus tessellatum*. Кроме того, среди опубликованных ею фрагментов можно опознать один фрагмент вымостки *opus sectile*, с изображением четырехлепестковой розетки [17, с. 348–349, рис. 13, а–г]. Судя по характеру орнамента, эта вымостка относилась к средневизантийскому периоду. Сложная и дорогостоящая техника *opus sectile* нечасто встречается в Крыму, в том числе и в Херсонесе [20, с. 37–48]. Ее выдающимся образцом является вымостка базилики в Партенитах [21, с. 387–391].

Для полов крещальни имеются наблюдения М. А. Тихановой. Сначала пол был мозаичным, затем прямо на него положили плиты известняка на прочном растворе. Когда крещальня была превращена в часовню, ее апсиду вымостили крупным прямоугольным кирпичом размером 44,0х35,0 см [17, с. 378]. Очевидно, что между первой мозаичной вымосткой и каменными плитами не было большого хронологического разрыва, практически это один и тот же период жизни. Замена полов здесь легко объяснима. В небольшом помещении крещальни вымостка испытывает повышенную нагрузку, мозаичные же полы, уложенные на бетонную основу, по своей природе непрочны. М. А. Тиханова отмечает частые «находки кирпичей от вымостки пола базилики» [17, с. 338], но эти изолированные находки не дают представления о первоначальном положении участков кирпичной вымостки и ее уровне.

Сколько уровней пола было в базилике? Р. Х. Лепер выявил только два, «третий уровень полов неизвестен» [13, с. 76]. Его не обнаружили и последующие раскопки, потому что его не существовало. Первоначальный пол был выявлен легко, он находится на уровне древнего порога дверного проема в западной стене базилики. Этот порог в виде массивной цельной плиты со следами крепления дверного полотна и сейчас сохранился *in situ*. Второй пол был выше первого «на пол-аршина», по Р. Х. Леперу, то есть примерно на 0,35 м — такова мощность культурного слоя между ранней и поздней фазами существования базилики. Свидетельствуют ли два выявленных уровня пола только о двух строительных периодах? Или был еще один период, промежуточный? Предположение о существовании трех периодов строительной деятельности высказывали разные авторы [17, с. 387; 11, с. 97], и это очень вероятно. Отсутствие «промежуточного» пола находит свое объяснение: второй период жизни базилики развивался на том же, первоначальном, полу. Иными словами,

второй период не был отделен от первого значительным промежутком времени, базилика пострадала от пожара лишь частично. Строители второго периода базилики сохранили главные элементы плана, прежний уровень пола и те же дверные проемы. В пользу трех строительных периодов свидетельствуют и фрагменты архитектурного декора, которые ясно делятся на три хронологические группы.

Скульптурный декор

На исключительное богатство декора базилики, который включал скульптуру, мозаику, живопись, обратил внимание еще Ф. А. Браун. Он нашел в центральном нефе «массу обломков каменного орнамента», среди них отметил два мраморных фрагмента с изображением креста [15, с. 18-19]. О «множество архитектурных деталей, в свое время не замеченных или упущенных при раскопках Р. Х. Лепера», пишет М. А. Тиханова. Она отмечает также, что этот материал «не был использован А. Л. Якобсоном в достаточной степени» [17, с. 337-339, прим. 3 на с. 339]. Действительно, статья А. Л. Якобсона 1940 г. носит предварительный характер, скорее всего, он не считал возможным публиковать этот материал раньше М. А. Тихановой. Этим объясняется и отсутствие на его плане крещальни.

Найденные фрагменты делятся на две группы: из проконнесского мрамора и из камня. Фрагменты мрамора носят следы сильного огня [17, с. 346]. Большинство деталей очень мелкие, потому что в позднейшие периоды они употреблялись как простой строительный материал в забутовке стен. Такой материал не было смысла везти из других мест, поэтому все найденные фрагменты происходят из этой базилики. О наличии мраморных колонн и венчавших их капителей сведений немного. В 1927 г. А. Л. Якобсон видел обломки мраморных колонн вокруг базилики [27, с. 211, прим. 2]. Нижняя часть коринфской капители с мягким аканфом была обнаружена в 1938 г., возможно, она была с двумя рядами листьев аканфа [27, рис. 8]. Аканф этого типа был массово распространен во второй половине V в.; иногда его датируют также и первыми десятилетиями VI в. Другой фрагмент мраморной коринфской капители очень мал, чтобы судить о ее типе [17, с. 372, рис. 396].

Коллекция архитектурных фрагментов из раскопок М. А. Тихановой поступила в Бахчисарайский музей-заповедник. Но вся ли она сохранилась? Известно, что «часть находок была похищена немецко-фашистскими захватчиками» [17, с. 338, прим. 2]. Я имела возможность ознакомиться с этой коллекцией². Многие из этих артефактов остаются неопубликованными.

Среди мангупских капителей, хранящихся в Бахчисарайском музее-заповеднике, имеется коринфская капитель, превращенная в чашу [25, с. 144, рис. 14, 15; 33, fig. 5,3] (рис. 2-3). М. А. Тиханова сообщает, что Р. Х. Лепер обнаружил ее в одной из могил

Рис. 2. Мангупская базилика.
Коринфская капитель — чаша, мрамор
(фото Л. Г. Хрушковой).

² Выражаю сердечную признательность А. Г. Герцену, благодаря помощи которого я имела возможность ознакомиться с материалами Бахчисарайского музея-заповедника.

[17, с. 339], но в Отчете Р. Х. Лепера таких сведений нет. Современная высота капители-чаши 46 см, ее верхняя часть стесана, чтобы сделать выемку для крышки. Судя по размерам, она могла увенчивать колонну, которые разделяли нефы базилики. Четыре широких листа аканфа в нижнем ряду указывают на то, что капитель относится к одной из двух групп коринфской капители, у которых листья аканфа в верхнем ряду, встречаясь, образуют мотив «лиры» или латинскую букву «V». Такие капители являлись массовой продукцией проконнесских мастерских в последние десятилетия V в. и в первой половине VI в. Они составляют большую часть среди коринфских капителей Херсонесского городища.

Многие архитектурные детали связаны с алтарной зоной базилики, об украшении которой заботились прежде всего. Небольшую мраморную капитель, от которой сохранилась только нижняя часть, Р. Х. Лепер нашел в засыпи [13, рис. 3]. Она могла быть частью алтарной преграды (рис. 4). Эта капитель украшена листьями тонкого зубчатого аканфа, характерным мотивом данного типа капителей второй половины V в.: на астрагале у нее листики аканфа, поставленные косо [25, рис. 8; 33, fig. 5,1].

Раскопки 1938 г. обнаружили обломки профилированных мраморных плит от алтарной преграды, множество фрагментов мрамора на розовой цемянке (от вымостки или какой-то облицовки?) [17, с. 371-372]. Немало подобных фрагментов было найдено в южном нефе, наряду с обломками мозаичной вымостки [17, с. 338]. Сложная профилировка плит — характерный признак проконнесской продукции последних десятилетий V и VI вв. Ряд небольших фрагментов такого типа хранится в Бахчисарайском музее-заповеднике (рис. 5), некоторые плиты украшены растительными мотивами [25, с. 145, рис. 17; 17a] (рис. 6).

Наряду с мрамором, строители Мангупской базилики использовали и местный серый известняк. Среди изделий из камня — фрагмент верхней части колонны и камень с равноконечным рельефным крестом [17, с. 344, 369, рис. 39]. Если мраморные детали являются проконнесской продукцией, то в местных изделиях, подражающих византийским, видим черты своеобразия. Одну небольшую капитель М. А. Тиханова нашла на полу

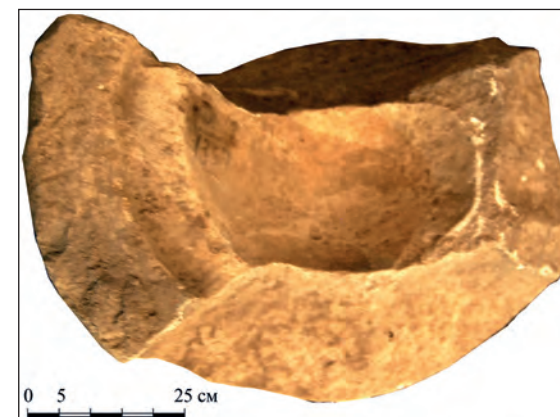

Рис. 3. Мангупская базилика.
Коринфская капитель — чаша, вид сверху
(фото Л. Г. Хрушковой).

Рис. 4. Мангупская базилика.
Капитель с тонким зубчатым аканфом, мрамор
(фото Л. Г. Хрушковой).

Рис. 5. Мангупская базилика. Фрагменты плит, мрамор (фото Л. Г. Хрушковой).

ова, помещавшегося в византийских капителях на абаке. На мангупской капители крупный ов с абак переходит на саму капитель. С мнением М. А. Тихановой о том, что эта капитель датируется не позднее VI в., вполне можно согласиться.

К тому же типу капителей относится небольшая четырехлистная капитель из известняка, найденная на Мангупе А. И. Маркевичем. Здесь видим тот же стиль резьбы: длинные листья тонкого зубчатого аканфа, размещенные в одной плоскости; их поверхность оживлена геометризованными дырочками разных форм и размеров. Эта капитель отличается наличием необычного мотива: на абаке помещена крупная, энергично вырезанная шестилепестковая розетка в медальоне. На смежной стороне абак украшен четырехконечным крестом, его удлиненная нижняя ветвь переходит на капитель, размещаясь между листьями аканфа [25, рис. 12] (рис. 7). Эта необычная для византийской капители розетка — своеобразное воспоминание о мраморных капителях римской эпохи, которые, видимо, были знакомы мастеру. Сходная по размерам, типу и стилю капитель из камня находится в Бахчисарайском музее-заповеднике. Эту небольшую капитель с четырьмя

Рис. 6. Мангупская базилика. Фрагменты плит, мрамор (фото Л. Г. Хрушковой).

листами тонкого зубчатого аканфа высотой 20 см мастер украсил необычно массивным овом [25, с. 143, рис. 10; 33, fig. 5,2] (рис. 8). Малая известняковая коринфская капитель сходного типа происходит из Партенит [25, рис. 11]. Перечисленные четыре капители обладают общими чертами. Все они невелики по размерам, выполнены из местного камня, подражают мраморным капителям с тонким зубчатым аканфом. Их объединяет общ-

ность стиля: плоские листья аканфа не отогнуты, поверхность разработана дырочками, высеченными сверлом. При всей условности и упрощенности изображения аканфа в мангупских капителях, этот «тонкий зубчатый аканф» все-таки узнаваем: мы наблюдаем эффект ажурности, а именно этим и славились мраморные капители данного типа.

К этой же группе местных изделий из камня относится фрагмент столбика с узкой продольной выемкой посередине, идущей вдоль него. Выемка служила пазом для крепления плиты, возможно, от алтарной преграды. М. А. Тиханова обнаружила эту деталь в крещальне, но вряд ли это ее первоначальное положение. На другой стороне камня нанесена греческая надпись [17, с. 386, рис. 42в, прим. 1 на с. 372]. Блок украшен плоскостно трактованными листьями тонкого зубчатого аканфа, упрощенными, геометризованными, симметрично расположенными. Это тот же стиль, что у капителей из камня, описанных выше. М. А. Тиханова справедливо заметила, что эта деталь «несомненно VI в.». Того же стиля несколько мелких деталей из известняка, найденных в северной галерее. Они тоже подражают византийскому тонкому зубчатому аканфу [17, с. 372, рис. 39, а, в, г] (рис. 9). Эту группу изделий можно сопоставить с тонкой колонкой от кивория, украшенной длинными листьями аканфа, из раскопок базилики в Партенитах Н. И. Репникова [25, рис. 13].

В мангупской коллекции Бахчисарайского музея имеются и мелкие фрагменты плит из известняка с профилировкой, как на мраморных плитах ранневизантийского времени. Среди местных подражаний импортному мрамору — известняковый столбик с профилировкой от алтарной преграды, фрагмент которого нашла М. А. Тиханова [17, с. 337-338, рис. 3]. Подобные столбики в VI в. широко производились в проконнесских мастерских и вывозились морем в разные регионы Византии, в том числе в Восточное Причерноморье [30, pl. 104, a, e, f].

Архитектурные детали из местного камня, найденные на Мангупе и в Партенитах, их техническая и стилистическая близость, позволяют говорить о наличии в первой половине VI в. местной мастерской, которая специализировалась на изготовлении элементов оформления алтарной зоны, подражающих византийскому мрамору. Дошедшие до нас изделия разного уровня исполнения. Среди них есть и очень скромные подражания, и предметы, отличающиеся выразительностью и декоративной смелостью.

К другому кругу художественных явлений ранневизантийского времени относится каменный блок из Мангупской базилики с изображением креста. Равноконечный крест с расширяющимися концами вписан в медальон, украшенный мотивом треугольников (рис. 10). Такой тип креста хорошо известен

Рис. 7. Мангупская базилика. Капитель, известняк (по: Хрушкова, 2016).

Рис. 8. Мангупская базилика. Капитель, известняк (фото Л. Г. Хрушковой).

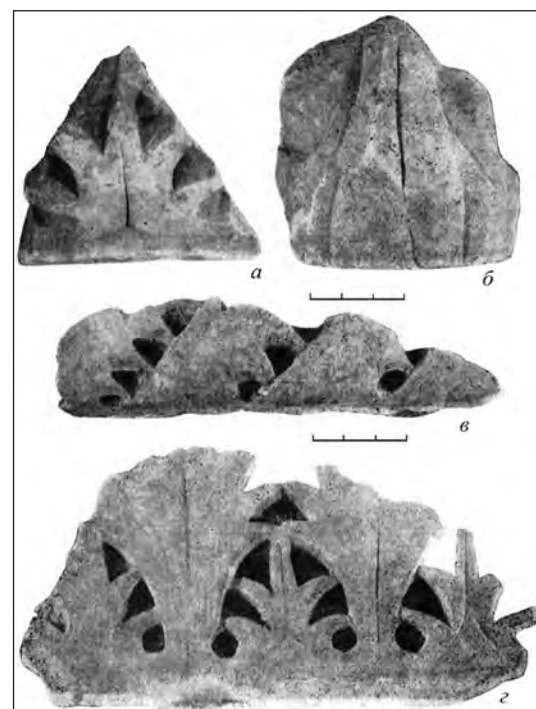

Рис. 9. Мангупская базилика. Архитектурные детали, известняк (по М. А. Тихановой)

Эти две архитектурные детали похожи по стилю: изображение креста помещено в углубленное поле, рельефный крест не возвышается над поверхностью изделия (техника «снятого фона»). Еще один фрагмент с рельефным изображением креста иной формы: у него резко расширяющиеся от центра ветви, поперечные перекладины расширены (рис. 11,2). На третьем фрагменте сохранилась нижняя часть процветшего креста (рис. 12,3).

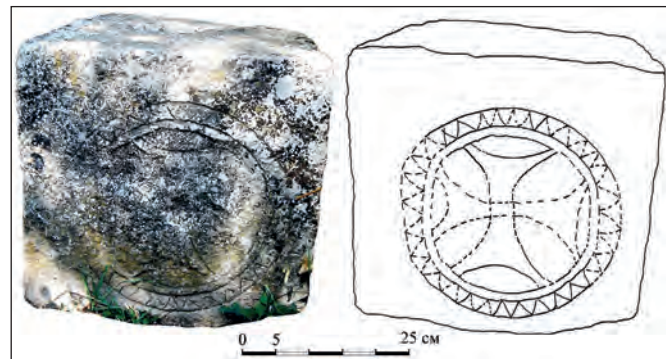

Рис. 10. Мангупская базилика. Камень с изображением креста, известняк (фото Л. Г. Хрушковой, рис. И. А. Снитко)

в V-VI вв. на Христианском Востоке, на территории от Кавказа до Палестины. Этот камень мог украшать фасад сооружения. Часто подобные изображения размещали над дверными или оконными проемами. Аналогичный фрагмент известен в Херсонесе, мы знаем о нем по архивному рисунку М. И. Скубетова [25, с. 145-146, рис. 19,20]. Эта деталь указывает на то, что на Мангупе, как и в Херсонесе, были знакомы с различными художественными традициями, прежде всего, с константинопольской, но было и другое направление культурных связей — Христианский Восток.

Вторая группа фрагментов Бахчисарайской коллекции из раскопок Мангупской базилики существенно отличается от ранневизантийского мрамора и местных ему подражаний. Это детали из местного камня, которые относятся к средневековой эпохе. На некоторых из них сохранились изображения крестов различных форм. Один крест — с равномерно расширяющимися ветвями и удлиненной нижней ветвью, вписан в медальон (рис. 11,1), другой — помещен в рамку сложной формы (рис. 11,3).

На большинстве мелких фрагментов плит различаются геометрические и растительные мотивы: concentric circles, zigzags, lattice (рис. 11,4-11; 12,4). Небольшие полуколонки и колонки отличаются разнообразием. Одна полуколонка витая, с низким основанием и частью плиты с геометрическим орнаментом (рис. 12,1). Поверхность другой колонки разработана мотивом ложков (рис. 12,2). Сохранились две

гладкие колонки с профилированными базами (рис. 13,1,2), круглые полуколонки, примыкающие к узким пилястрам (рис. 13,3,4), фрагмент круглой колонки (рис. 13,6), а также часть края плиты с массивной профилировкой (рис. 13,5).

Фрагменты второй группы архитектурных деталей позволяют сделать следующие выводы: пластический декор становится более разнообразным, все его элементы принадлежали интерьеру, наиболее вероятно, алтарной зоне. Указанные архитектурные фрагменты были частями алтарной преграды, литургического стола, кивория и т. п. Они относятся к средневековому периоду — к X в., но не исключается и несколько более ранняя дата [25, рис. 18, 18а, 4-11].

Средневековая группа декоративных фрагментов подтверждает предположение М. А. Тихановой о «промежуточном» этапе строительной истории базилики. На этом этапе не было необходимости поднимать пол храма на новый уровень, потому что не успел еще накопиться «культурный слой» внутри базилики, в данном случае, слой запустения церкви. Базилику можно было еще расчистить, разобрать разрушенные части и широко использовать старый строительный материал — качественный тесаный камень. Сложной проблемой был пластический декор интерьера и элементы литургических устройств. В это время импорт проконнесского мрамора в Крым прекратился, а мрамор прежней базилики не оставался на месте, его уже вывезли как ценный материал. Поэтому мастера, которые реконструировали базилику, создали новый декор из местного камня, в современном им стиле.

Архитектурные элементы позднейшей эпохи, времени последней перестройки базилики, составляют третью, ясно очерченную группу. Она резко отличается от

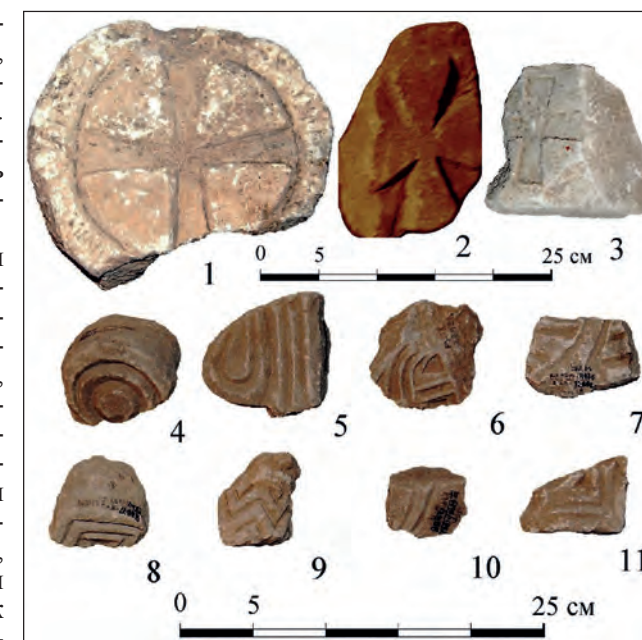

Рис. 11. Мангупская базилика. Архитектурные детали, известняк (фото Л. Г. Хрушковой).

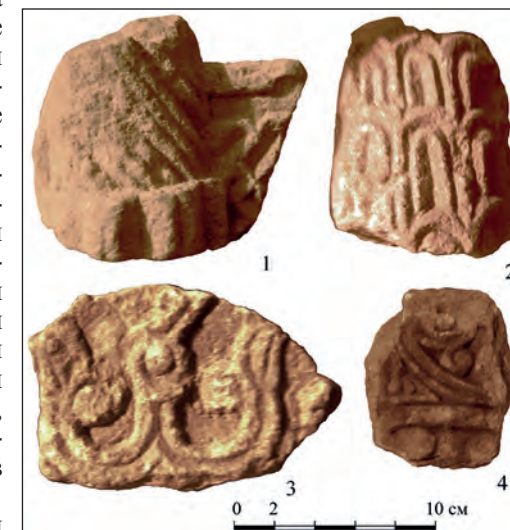

Рис. 12. Мангупская базилика. Архитектурные детали, известняк (фото Л. Г. Хрушковой).

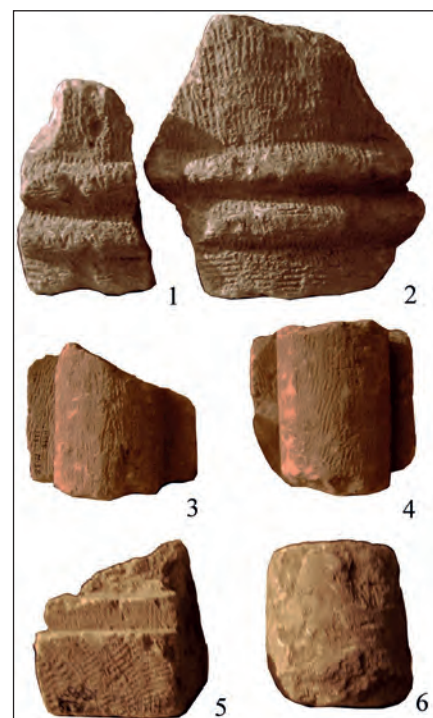

Рис. 13. Мангупская базилика.
Архитектурные детали, известняк
(фото Л. Г. Хрушковой)

индивидуализировать три строительных периода в истории базилики более ясно, нежели ее архитектурные остатки.

Функциональные и литургические аспекты

Мангупская базилика была построена как комплекс, отвечающий основным функциям церковного здания: евхаристической, крещальной и мемориальной.

Евхаристический культ

В алтарной и предалтарной части базилики открыты литургические устройства, представляющие особый интерес. Это трехступенчатый синтрон в апсиде и бема, которая была выдвинута в центральный неф и соединена с узким проходом, который продолжался к западу, располагаясь на продольной оси здания. Бема и узкий проход возвышались над полом центрального нефа. Эти элементы хорошо видны на фотографиях Л. А. Моисеева, снятых в 1916 г., некоторые из них воспроизведены в статье А. Л. Яковсона 1940 г. [27, рис. 2, 7]³.

Устройство алтарной части Мангупской базилики отличает ее от базилик Херсонесского городища. В Херсонесе синтрон со ступенями видим не в больших базиликах, а в маленьких крестовидных церквях — Загородной на главном кладбище и городской, построенной на остатках театра. Но главное отличие за-

³ Скорее всего, А. Л. Яковсон пользовался архивными фотографиями, потому что в его статье воспроизведены более качественные фото, нежели в работе Л. А. Моисеева, опубликованной в 1918 г., когда в Петрограде царили голод и разруха [14].

элементов ранневизантийского и средневизантийского времени, описанных выше. Характерная черта этой поздней группы — использование разнообразных геометрических мотивов со сложными, плотно расположенными переплетениями, явно выдающие влияние «сельджукской» (в широком смысле этого слова) орнаментики. Нередко это орнаментальные фризы, приспособленные к конфигурации элемента, например, столба. Р. Х. Лепер заметил в южной части базилики «большой кусок роскошно украшенного карниза из дикого камня» [13, с. 76, рис. 4]. Другой подобный фрагмент нашли перед входом в базилику, еще один — в ее притворе. Похожей резьбой были украшены и некоторые каменные надгробия на кладбище в «заалтарной части» [14, с. 74-77, рис. 111, 115, 116]. Фрагменты колонн с этой «сельджукской» резьбой можно увидеть на базилике и сейчас, части плит, выполненные в том же стиле, хранятся в Бахчисарайском музее (рис. 14).

Таким образом, большое количество фрагментов архитектурных деталей, найденных на Мангупской базилике, относится к трем периодам: первый — ранневизантийский (VI в.), второй — средневизантийский (IX-X вв.) и последний — палеологовского времени [17, с. 389].

Элементы архитектурного декора позволяют

ключается в устройстве мангупского синтрона — он отделен от апсидной стены обходом, деамбулаторием. Этот обход в позднее время был заложен иррегулярной кладкой, которая хорошо видна на старых фото и которую можно наблюдать и сейчас.

Поздняя закладка обхода между стеной апсиды и синтроном создает обманчивое впечатление. Кажется, что синтрон примыкает к ней, т. е. относится к позднему периоду. По мнению Н. И. Барминой, синтрон появился во время капитальной перестройки церкви в IX в.: в старую нишу «вставляется четырехступенчатый синтрон с горним местом, оформляется плитовыми вымостками солея, окруженная алтарной преградой, выкладывается мелким камнем амвон» [2, с. 26]. Эта цитата требует пояснений. «Нишей» здесь названа алтарная апсида, синтрон был трехступенчатым, а «горнего места» в Мангупской базилике по-видимому, никогда не было.

В другой своей работе Н. И. Бармина излагает уже иную точку зрения на обустройство алтарной части. На этот раз синтрон появляется «не ранее первой половины XV в.»: «Появилась новая алтарная часть: к древнему полукружию была пристроена дополнительная кладка четырехступенчатого синтрона с Горним местом. Плитовой вымосткой были выложены алтарная ниша и солея, которая ограничивалась алтарной преградой. Вместе с солеей возник амвон, выдвинутый на середину центрального нефа» [5, с. 312]. При отсутствии иллюстраций к статьям Н. И. Барминой нельзя понять, что называется ею солеей (в последней работе она находится вне «алтарной ниши», однако внутри алтарной преграды) и что — амвоном. Что же касается «четырехступенчатого синтрона», то это выражение идет от Ф. А. Брауна, который, видимо, принял за дополнительную ступень остатки пола в апсиде.

Л. А. Моисеев описывает фотографию общего вида центрального нефа базилики «с приподнятой несколько восточную частью, очень длинной солеей (как у Уваровской базилики в Херсонесе)» [14, с. 74, 77, рис. 110; 113; 114; 117; 27, рис. 2]. Приподнятая алтарная часть (бема), выступающая в виде прямоугольника в центральный неф, обычна для ранневизантийских церквей от Балканского полуострова до Палестины. Она часто встречается в базиликах Греции. За нею утвердилось наименование «Пи-образной» бемы. Некоторые сведения о размере бемы в Мангупской базилике дал Ф. А. Браун, хотя он не смог идентифицировать открытые им литургические устройства. Он так описывает алтарное ограждение: «левая, глядя на запад, то есть южная стена является продолжением четвертой ступени (синтрона), длиной в 2 м 90 см, затем загибается вправо на один метр и снова идет на запад» [15, с. 18]. Бема базилики была выдвинута в неф почти на три метра, затем она сужается, образуя коридор-проход, о длине которого Ф. А. Браун не сообщает. Алтарное устройство, включая узкий проход, схематично изображено на плане Н. И. Барминой 1975 г. [1, рис. 1], однако источники, на основании которых составлена эта реконструкция, неизвестны.

Что называют солеей в Мангупской базилике разные авторы? Л. А. Моисеев пишет об «очень длинной солеи», как в Уваровской базилике в Херсонесе. Но солея в Уваровской базилике — это вопрос довольно запутанный [24, с. 359-361]. Граф

Рис. 14. Мангупская базилика.
Плиты с «сельджукским» орнаментом, известняк
(фото Л. Г. Хрушковой).

А. С. Уваров так описал литургические устройства открытой им базилики: «Алтарный помост — из беломраморных плит и кончался красивою солеею в одну ступень. Четырехугольная плита обозначает место престола... Пред солеею возвышенный мраморный амвон, обнесенный шестью столбами с мраморными между ними плитами... Совершенно подобные плиты составляли иконостас» [18, с. 534]. У А. С. Уварова «соея» является частью «алтарного помоста», то есть бемы. Это обычное толкование солей в византийско-православной традиции. Возможно, Л. А. Моисеев имел в виду проход, ведущий от алтаря в неф? Однако в херсонесской базилике этот проход А. С. Уваров назвал «амвоном» (он не знал, что в ранневизантийской базилике амвоны совсем другие), кроме того, он не является «очень длинным». На страницах одной небольшой статьи Е. Ю. Клепиной об Уваровской базилике проход из алтаря в неф именуется то амвоном, то солеей [12, с. 71, 74]. Таким образом, ссылка Л. А. Моисеева на Уваровскую базилику вопрос не проясняет.

Н. И. Бармина говорит о выложенной плитовыми вымостками «соее, окруженной алтарной преградой» и о выложенном «мелким камнем амвоне» [2, с. 26]. Здесь соея выступает как синоним алтарному пространству (=алтарь, бе́ма). В том же смысле слово «соея» употребляет и М. А. Тиханова [17, с. 382]. Повышенная бе́ма хорошо видна на старых фотографиях, ее положение и форма не ставят вопросов. Но самым загадочным элементом остается амвон Мангупской базилики. Что обозначено этим словом? Какой амвон был выложен «мелким камнем», по Н. И. Барминой? Л. А. Моисеев пишет о могилах, которые оказались «даже под амвоном базилики» [14, с. 76]. Где находились эти могилы? Ведь об амвоне нашей базилики неизвестно ничего.

К сожалению, ни на одном плане Мангупской базилики литургические устройства не обозначены, а в употреблении терминов господствует рассогласованность, чтобы не сказать, хаос. Описания зачастую непонятны и не иллюстрируются фотографиями или чертежами. Тем не менее, суммируя все известные данные, среди которых особенно важны старые фотодокументы [14, рис. 110, 111], литургические устройства Мангупской базилики можно представить себе следующим образом.

Бе́ма (алтарное пространство) Мангупской базилики была выдвинута в центральный неф на 2,9 м, ее ширина приблизительно определяется размером «хорды» апсиды — это свыше 7,0 м. При таком расположении бе́ма должна была иметь три дверных проема: один по центральной оси («святые врата» или, в русской традиции, «царские врата») и два боковых проема, в северной и южной стенках алтарного ограждения. Площадь алтаря была значительно увеличена за счет центрального нефа. Эта необходимость вызвана тем, что синтрон с деамбулаторием занимали значительную часть апсиды. Синтрон с обходом — характерная черта крупных ранневизантийских церквей, как базилик, так и купольных храмов. Он встречается в крупных базиликах Греции. В Эфесе, например, остатки синтрона с обходом сохранились в церкви Св. Марии, в той ее части, которая относится к VI в. Полностью сохранился синтрон в церкви Св. Ирины VI в. в Константинополе. Здесь синтрон и полуколончатый коридор за ним отличаются монументальностью. Заметим, что на разных планах Мангупской базилики верхняя ступень синтрона показана очень широкой, что объясняется тем, что под нею помещался обход.

К «святым вратам» из нефа вел проход. По данным Ф. А. Брауна, он имел ширину около 5,0 м, что невероятно, потому что в этом случае он занимал бы большую часть центрального нефа. В действительности ширина данного едва ли могла превышать 2,0 м. Длина его не известна. Обычно такой проход соединяет бему с амвоном, расположенным в восточной части центрального нефа. Ранневизантийский амвон — это массивная конструкция с одной или двумя лестницами, расположен-

ная в восточной части центрального нефа, чаще на центральной оси сооружения. В Мангупской базилике ни частей амвона, ни его следов на полу не сохранилось. Тем не менее, его наличие остается очень вероятным, иначе проход от «святых врат» в неф не имел бы смысла. Заметим, что никаких следов или частей монументального амвона не сохранилось и в Уваровской базилике Херсонеса.

Термин «соея» является многозначным. Существует две традиции его толкования. Одна основана на анализе византийских источников: соея — это пространство перед алтарной преградой, повышенное, как и вся бе́ма. Этой традиции следовал А. С. Уваров. Другое толкование преобладает в работах западных авторов; солеей они называют приподнятую и огороженную дорожку в середине центрального нефа, которая ведет от алтаря к амвону. Особая ситуация в крымской археологии, где используют различные версии толкования, иногда даже в пределах одной и той же работы. Кроме того, в Крыму слово соея часто употребляется как синоним слова бе́ма (алтарь).

Этот вопрос требовал бы отдельного рассмотрения⁴. Многозначным является и слово «амвон», который конструктивно связан с солеей, как ее ни понимать. В ранневизантийский период амвоном называется конструкция в восточной части центрального нефа, в средневизантийский — выступающая к западу полукруглая часть солей как пространства перед иконостасом. В описаниях Мангупской и Уваровской базилик также присутствует смешение этих различных толкований.

По всем признакам ансамбль литургических устройств Мангупской базилики — синтрон, ограждение бемы, повышенная дорожка, ведущая к амвону, которая тоже была ограждена, относится к первоначальному периоду ее функционирования. Р. Х. Лепер выявил два уровня полов — нижний (наравне с порогом западного входа) и верхний на пол-аршина выше. Эти «пол-аршина» и сохранили нам остатки литургических устройств в центральном нефе. Слой разрушения мощностью около 35 см законсервировал элементы, которые находились в уровне первого пола. Здесь еще раз следует сказать о состоянии имеющейся документации. Будь все литургические устройства в свое время нанесены на план, с нивелировочными отметками, было бы легко сопоставить их с уровнем древнего порога входа в центральный неф. Впрочем, и сейчас можно соотнести уровень пола апсиды с древним порогом.

Эволюцию системы амвон — соея Т. Мэтьюз ставит в связь с изменениями в византийской архитектуре. Средневизантийская церковь типа «вписанного креста» по размерам значительно меньше ранневизантийского храма; в среднем ее длина составляет 20–24 м в длину. В этом компактном храме протесис и диаконик окончательно утвердились, первая часть евхаристической службы (литургия оглашенных) сократилась, не стало процессий в центральном нефе. Поэтому исчезает монументальный амвон и дорожка, соединяющая его с алтарем. Средневековая соея — это ступень перед «царскими вратами», роль амвона выполняет ее расширение [35, р. 149, 177–179].

Эта картина несколько упрощена — амвон не исчез сразу и окончательно, как считал Т. Мэтьюз. Известны и средневизантийские амвоны, стоящие в нефе. Но в целом эволюция между ранневизантийским и средневизантийским периодами, действительно, направлена в сторону уменьшения размеров церковного здания,

⁴ Я дважды составляла глоссарий литургических и архитектурных терминов для разных изданий. В первой версии была дана точка зрения, идущая от Рихарда Краутхаймера: «соея — это проход, соединяющий бему и амвон, часто огражденный балюстрадой» [19, с. 437]. Сейчас я разделяю точку зрения Кристофера Уолтера, которая основана на изучении византийских письменных источников: соея — это часть алтарного возвышения перед алтарной преградой (иконостасом) [26, с. 682].

сокращения первой части литургии, упрощения и редуцирования литургических устройств в центральном нефе. В этом контексте Мангупская базилика — определенно памятник ранневизантийского времени. К тому же первоначальному этапу относятся и ее литургические устройства: синтрон, бе́ма, проход из алтаря в неф, который солей не называли.

К позднему периоду базилики относятся остатки преграды в южной апсиде. Р. Х. Лепер сообщает о плитах из камня с двумя восьмигранными колонками, у которых переход в четырехгранные капители оформлен в виде сталактитов [13, с. 149]. Иллюстрации отсутствуют. Восьмигранные колонки и сталактиты указывают на то, что преграда была создана в то же время, когда появились восьмигранные колонны в базилике, украшенные «сельджукскими» мотивами. Скорее всего, фрагменты плит, которые находятся сейчас в Бахчисарайском музее, являются частями этой перегородки (рис. 14).

Крещальный культ

Крещальня расположена к северу от базилики. Наличие самостоятельного отдельно стоящего баптистерия — признак важности епископского комплекса и указание на то, что он был построен для обращения взрослого населения. М. А. Тиханова раскопала только южную половину крещальни, северная часть сооружения остается до сих пор не раскрытой [17, рис. 4].

Взаимное положение крещальни и базилики, у которых одинаковая ориентация продольной оси, говорит об их одновременном функционировании и взаимодействии. В северной стене северной галереи — два дверных проема [17, с. 366-367]. Западная дверь в галерею предназначалась для неофитов, направлявшихся в крещальню, а восточная — для вновь окрещенных, которые из крещальни направлялись в восточную часть церкви, чтобы занять место ближе к алтарю и принять первое причастие. В сущности, эта галерея, шириной 2,65 м, служила процессионным коридором для неофитов. Южная стена крещальни открывалась к базилике чрезвычайно широким проемом (до 3,12 м), который, скорее всего, имел арочное завершение [17, с. 378]. Эта почти полностью открытая южная стена обеспечивала удобное движение разных групп людей. Северная галерея в дни крещения выполняла и функции катехумения — помещения, где проходила первая часть обряда, изгнание сатаны.

Галереи увеличивали площадь базилики и позволяли удобно распределить функции различных частей здания. Если северная галерея играла важную роль в обряде крещения, то западная часть (нартекс) служила преимущественной зоной мемориального культа. Южный вход в церковь, как и западный в раннее время, был главным. Площадь перед южным фасадом церкви обычно служила местом различных праздничных церемоний, поэтому южная галерея играла роль преддверия, вестибюля, где могли размещаться сакристии — помещения служебного назначения.

Купель мангупской крещальни, облицованная изнутри гидрофобным цемянковым раствором, была круглой снаружи, диаметром 0,92 м, и крестовидной изнутри. Ее глубина достигала 0,42 м [17, с. 381, рис. 4, 53]. Ступени, судя по фотографии, располагались с востока. Облицовка сохранилась плохо. Незначительная глубина купели говорит о том, что обряд крещения здесь сочетал два основных способа — «обливание» и «погружение», как было во многих других местах христианского мира. При всем разнообразии форм купелей, крестовидная купель пользовалась особой популярностью, особенно в VI в. Один из ближайших примеров — крестовидная и тоже неглубокая купель в церкви предгорной крепости Цибила (совр. Цебельда) в Абхазии, первой половины VI в. [19, с. 308-313].

М. А. Тиханова установила наличие двух строительных периодов в истории крещальни Мангупской базилики: ранневизантийского (VI в., не исключая и конец V в.) и средневековой перестройки, когда крещальня превратилась в мемориальную часовню. К первоначальному прямоугольному объему крещальни была пристроена апсида, в которой помещался литургический стол для поминальных обрядов. В момент раскопок апсида сохранялась на высоту 0,85 м, что составляло три ряда кладки. Из этого можно заключить, что камень в кладке апсиды был значительно более мелким, чем в кладке стен древних частей базилики. Еще одно изменение: первоначальные мозаичные полы типа *opus tessellatum* были заменены плитами; пол апсиды был вымощен кирпичом. Плиты были уложены прямо на мозаичный пол — свидетельство того, что второй уровень пола был отделен от первоначального незначительным хронологическим промежутком. По мнению М. А. Тихановой, часовня могла появиться в X в. [17, с. 383]. Крупный формат кирпичей в вымостке апсиды (размеры 44,0x35,0 см), скорее, говорит в пользу более ранней даты перестройки.

Изменение функций крещальни соответствует общей линии развития подобных сооружений. Обряд крещения становится более простым и кратким, утверждается обычай крестить детей, потребность в отдельных баптистериях значительно сокращается. Это сакральное здание было привлекательным местом для погребения привилегированных лиц, прежде всего, местного клира. В раннехристианских баптистериях хоронить запрещалось, поэтому гробницы внутри мангупской крещальни могли появиться тогда, когда здание изменило свои функции. В одной из них была найдена золотая серьга с пирамидкой из зерни, которая сейчас датируется первой половиной VIII в. [8, с. 241, прим. 2], а не VI-VII вв., как считала М. А. Тиханова. Очень вероятно, что время этой гробницы соответствует превращению крещальни в часовню и создания вымостки из плит и кирпича.

Раскрытие участка городища, примыкающего к крещальне с севера, выявление здесь слоев строительства и перестройки могли бы дать более точные сведения о времени перестройки крещальни в часовню, о строительной технике разновременных элементов, наличии швов между ними и т. п.

Существовала ли еще одна крещальня в комплексе Мангупской базилики? Раскопки Н. И. Барминой раскрыли три неизвестных ранее небольших сооружения, расположенные к востоку от крещальни [5, ил. 3; 6] (рис. 15-16). Каковы функции этих зданий, их связь с базиликой и время строительства? О двух из них нам ничего не известно. Прямоугольное в плане здание, которое примыкает к северо-восточной части базилики, получило название «храма В». По предположению автора раскопок, оно было снабжено полукруглой апсидой в восточной стене. Это вызывает сомнения, поскольку от этого элемента сохранилось лишь несколько камней, которые отсутствуют на плане. Скорее всего, это был проем, размеры и положение которого по отношению к восточным углам и продольной оси этого помещения не дают поводов для предположения о наличии здесь апсиды. Поэтому определение здания как «храма» сомнительно. По мнению Н. И. Барминой «храм В» был построен раньше, чем базилика с боковыми галереями. Последняя, по ее версии, в начале IX в. была пристроена к уже существующему «храму В», который был превращен в крещальню. В «храме В» обнаружена портативная крещальная купель, высеченная из цельного каменного блока. Этот предмет и послужил основанием для его интерпретации как крещальни.

В других публикациях Н. И. Барминой «храм В» называется также храмом № 3 и «северо-восточным храмом». Купель стояла в северо-восточном углу солей, которая была выложена «крупными известняковыми плитами» [2, с. 23, 27]. Мо-

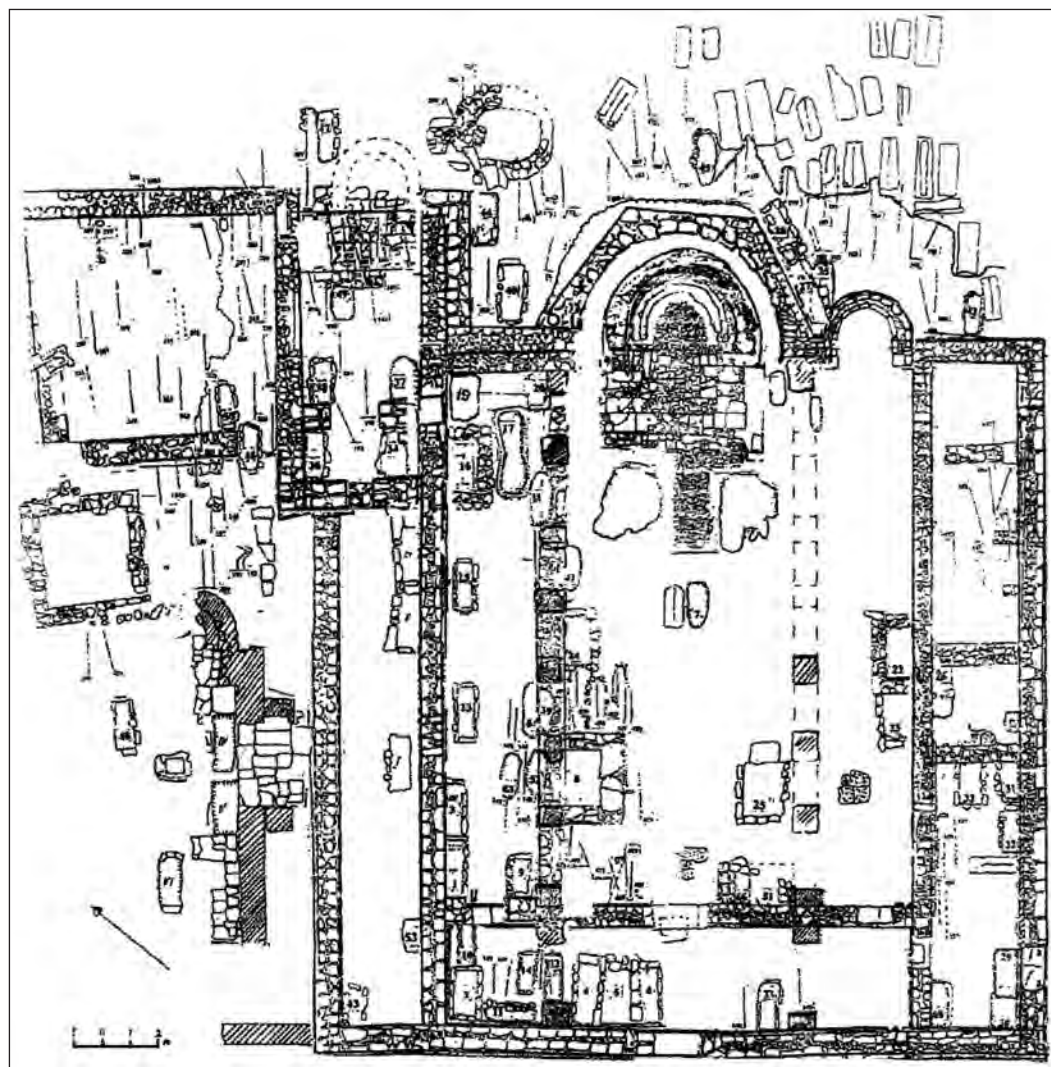

Рис. 15. Обмерный план комплекса (по Н. И. Барминой)

нолитная крещальная купель была «сидячей»; внутри нее находилось «сидение и напротив него отверстие — сток для воды» [5, с. 310-311]. К сожалению, не опубликованы ни чертеж, ни фотографии этой столь необычной находки, неизвестны и ее размеры.

Определение «храма В» как крещальни следует отклонить без колебаний по следующим причинам. Во-первых, крещальная купель никогда не помещалась ни в алтаре церкви, ни на солее, в каком бы смысле ни употреблять этот последний термин. Во-вторых, «сидячих купелей» для крещения взрослых людей не существовало. Более вероятно, что эта «купель» служила ванной. Можно допустить, что три северо-восточных помещения, открытые Н. И. Барминой, были епископским жилым комплексом. Базилика, крещальня, резиденция епископа и баня — тради-

ционный состав раннехристианской «епископской группы». Согласно обычаю, резиденция епископа размещалась рядом с церковью, а баня нередко располагалась вблизи крещальни, потому что крещаемый должен был предстать к обряду с чистым телом. Примером может служить широко известный и археологически детально исследованный комплекс Бл. Августина, епископа Гиппона (354-430).

Погребения

Раскопки базилики открыли множество погребений различных типов. Уже первые ее исследователи обнаружили множество могил «по бокам центрального нефа, в боковых нефах и в притворе». Среди них две смежные могилы, сложенные из камня с общей стенкой, которые относятся к типу цист, широко распространенных во всех регионах позднеримского мира, как на языческих, так и на христианских кладбищах. Из этой группы могил происходит надпись с именем Юстининана I [14, с. 74-75, рис. 112]. Похожая двойная гробница была открыта в Цандрипшской базилике юстиниановской эпохи в Абхазии [19, с. 151-158, рис. 46].

М. А. Тиханова идентифицировала три яруса христианских погребений, с ориентацией костяков на запад, с различным положением рук усопших и почти без вещей. В верхнем ярусе захоронения совершались в деревянных гробах, во втором сверху — в погребениях иногда встречались вещи [17, с. 350]. Ранние погребения, одновременные базилике или совершенные вскоре после ее строительства, находились у западной стены базилики. Они были произведены практически на скале, торцовые (восточные) стенки могил примыкали к стене базилики. Эти гробницы, сложенные из массивных плит или блоков, использовались неоднократно; немногочисленные археологические материалы из них датируются V-VI вв. [17, с. 361-363, рис. 30]. Захоронения, совершенные после разрушения базилики, были без вещей [17, с. 385].

Погребения, описанные М. А. Тихановой, являются типичной картиной христианских захоронений в церковном здании. Они часто совершались неоднократно в одной и той же могиле, когда церковь функционировала, а после ее разрушения все занятое ею пространство часто превращалось в кладбище.

Н. И. Бармина приводит общее количество погребений, выявленных за время раскопок Мангупской базилики: 87 гробниц и 482 грунтовых захоронения, в хронологических рамках от VI по XV вв. Гробницы разделены на пять групп: склепы, мавзолеи, каменные ящики, саркофаги и могилы, высеченные в скале. По мнению

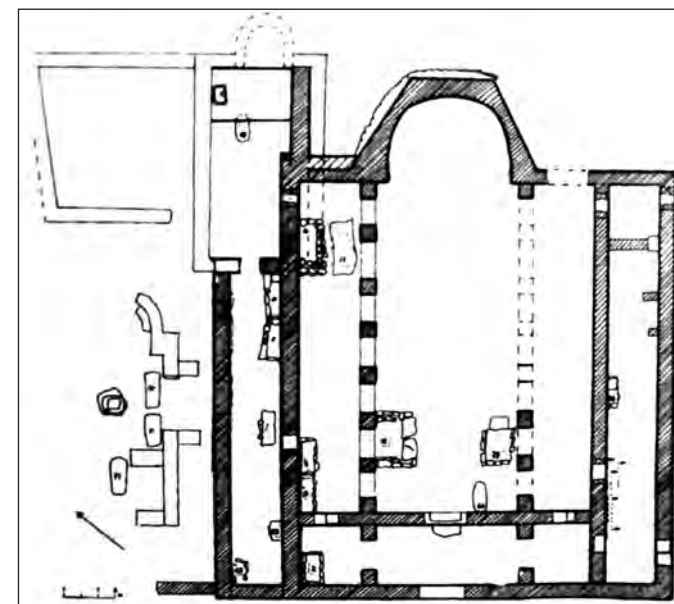

Рис. 16. План трехнефной базилики в первой фазе (по Н. И. Барминой)

исследователя, тип погребальной конструкции является хронологическим показателем [4, с. 12-13]. Н. И. Бармина предлагает следующую хронологию погребений. К первому этапу относятся «могильные сооружения» VI-VIII вв. в центральном нефе; в VIII в. появляются хазары и вместе с ними «новые гробницы в виде склепов». На втором этапе, не ранее IX в., строится «северо-восточный храм»; к этому периоду относятся «каменные ящики, выбитые в скале на глубине 1,0-1,2 м, внутри они были выложены каменной кладкой, у них каменные перекрытия. Во время третьего периода (X в.) строится большая базилика, начинается активное строительство новых гробниц типа «каменных ящиков» во всех ее частях, а также в «северо-восточном храме» и с внешних сторон базилики, кроме южной. «Очень многие из них для дальнейшего функционирования были превращены в костотeki, так называемые «мавзолеи». Четвертый период истории Мангупской базилики (вторая половина XIV в. — 1457 г.) характеризуется появлением новых видов погребальных сооружений — саркофагов, которые представляют собой «неглубокие могилы, вырубленные в скале, с поднятой кладкой стен под уровень второго пола базилики, с обязательными каменными, а, в некоторых случаях, резными надгробиями, которые датируются XIV в.» [4, с. 12-13].

Эта классификация и терминология основных типов погребальных сооружений базилики вызывают много вопросов. Выделено пять групп погребальных конструкций, а хронологических этапов только четыре. Это означает, что в каком-то периоде использовались два типа погребений. Какие и когда? Об этом не сказано. К первому этапу отнесены «могильные сооружения», однако, неясно, что это такое, и к какому из перечисленных выше типов они относятся. К пятой группе отнесены «могилы, высеченные в скале», но далее они не упомянуты ни в одном из хронологических периодов. К какому времени они относятся? Эта группа погребальных памятников хронологически должна быть самой поздней, однако, к последнему (четвертому) периоду истории базилики (второй половины XIV в. — 1457 г.) отнесены только «саркофаги», тоже вырубленные в скале, но «с поднятой кладкой стен». «Каменные ящики» встречаются и во втором, и в третьем периодах, однако каменные ящики третьего периода были превращены в «мавзолеи». Если мавзолей в обычном смысле слова означает наземное сооружение, которое может иметь и подземный уровень, неясно, какой смысл использовать этот термин на Мангупе? Так же неясен и смысл слова «саркофаг». Если имеется в виду его обычное значение («каменный или терракотовый ящик»), то на Мангупе это «могила, вырубленная в скале с поднятой кладкой стен». Что означает слово костотека для погребальной практики на Мангупе? Костница (славянский перевод слова «липсанотека») — термин, происходящий из монастырской практики Афона и монастырей афонской традиции. В них кости погребенных, освобожденные от мягких тканей, перезахоранивали в специальных помещениях — костницах. Но была ли Мангупская базилика монастырской церковью? И существовал ли в Крыму этот афонский обычай? Об этом мы пока не знаем. Скопление костей в христианских могилах — обычный случай, потому что часто захоронения в них совершались неоднократно, предыдущие костяки сдвигались, их анатомическое положение нарушалось. Но это не означает, что такие могилы были костницами.

Нетрадиционное употребление терминов в работе Н. И. Барминой, отсутствие четких описаний каждого типа погребальных конструкций и их иллюстраций — все это делает типологическую классификацию погребений Мангупской базилики непонятной. Еще менее ясны основания, на которых построена хронология могил. Если в погребениях был инвентарь, то где, какой и как он датируется? Если же его

не было, то каким образом классификация, столь неясная типологически и терминологически, может получить свое хронологическое обоснование?

В целом, маловероятно, чтобы типы христианских гробниц были напрямую связаны с их хронологией. Напротив, начиная с поздней античности и на протяжении всего средневековья в захоронениях христиан наблюдается широкая вариативность погребальных конструкций. Их типы и формы зависели от множества одновременно действующих факторов: природных условий, наличия тех или иных строительных материалов, местных традиций, статуса, материальных возможностей и личных вкусов погребенного лица, местоположения и характера церковного здания (церковь епископская, приходская, кладбищенская, мариинская, часовня и пр.). Нередки случаи, когда видные христиане, например, в Риме, в эпоху средневековья желали покоиться в саркофагах с языческими изображениями, которые устанавливались в церквях. Часто могильные конструкции использовались неоднократно, поэтому, даже если в могиле найден предмет, он не всегда датирует время ее появления. Тип христианской могилы никогда не был предметом нормирования, это лежало вне сферы представлений о бессмертии души. Поэтому выстроить единую хронологическую линию типов погребений, которые найдены в церквях или рядом с ними, по нашему мнению, едва ли возможно.

Хронология базилики

Уже начиная с раскопок Р. Х. Лепера, сложилось мнение о двух строительных периодах в истории базилики. Считается, что она была построена в VI в. и капитально перестроена во второй половине XIV в. или при владетеле Феодоро Алексее в 1425 г. К этому времени относятся шесть сохранившихся целиком восьмигранных колонн, высотой 2,2 м. Их Р. Х. Лепер видел лежащими; они принадлежали южному ряду опор [13, с. 148]. В это же время главный вход из нартекса в центральный неф был заложен. Поздняя фаза документирована «сельджукским» стилем в каменной резьбе несущих опор и наличников дверного проема главного входа, который теперь находился в южной стене [27, с. 209-212]. Раскопки М. А. Тихановой показали, что датировка базилики VI в. «находит себе полное подтверждение во всем материале раскопок территории базилики». Она предполагала наличие еще одного строительного периода, между VI и XIV вв. [17, с. 387]. Сходная точка зрения отражена в последней, посмертно изданной, работе А. Л. Яковсона, где повторены выводы из других его работ [29, с. 419-420].

К выводам А. Л. Яковсона и М. А. Тихановой о времени строительства базилики присоединился и В. П. Кирилло: «Наиболее аргументированной является ранняя дата строительства храма. Она подтверждается не столько материалами археологического изучения церкви, сколько, прежде всего, стилистическими и конструктивными особенностями сооружения, имеющими близкие аналогии в раннесредневековом культовом строительстве». По его мнению, можно «выделить три явно выраженных строительных периода», которые датируются VI — началом VII вв., рубежом IX-X вв. и первой половиной XV в. [11, с. 92-97]. Ко второму периоду в данном случае относятся галереи и южная апсида.

С наличием трех строительных периодов в истории памятника можно согласиться, хотя второй период и не кажется «явно выраженным» в архитектурных остатках. Более вероятно, что обе галереи и южная апсида входили в первоначальный проект базилики. На планах базилики А. Л. Яковсона и М. А. Тихановой вся западная стена базиликального комплекса, включая стены нартекса и обеих галерей, составляет сплошную кладку, без швов между отдельными частями. Исследуя гробницы, рас-

положенные близ северной части западной стены базилики, М. А. Тиханова раскрыла эту стену полностью, до скалы. Ее наблюдения над техникой кладки и опубликованные фотодокументы свидетельствуют, что западная стена северной галереи не была отделена швом от основного объема. Кладка южной апсиды также составляет единое целое с кладкой центральной апсиды, что можно наблюдать и сейчас. По мнению В. П. Кирилко, Мангупская базилика является «своеобразным провинциальным преломлением» византийской архитектуры Херсонеса. На мой взгляд, в ней мы видим характеристики, которые не позволяют безоговорочно включить ее в группу базилик Херсонеса, такие, как трехгранная апсида, литургическое устройство алтарной части, пластический декор из местного камня и, очень возможно, трехапсидная структура алтаря.

Н. И. Бармина предложила собственную версию строительной истории памятника, которая, с заметными различиями, отражена в ее публикациях. В статье 2008 г. единственный раз ею были опубликованы чертежи комплекса, с реконструкциями по строительным периодам. Исследователь выделяет пять периодов истории базилики. В первом периоде были построены однефный храм и крещальня, раскопанная М. А. Тихановой [5, ил. 4]. Этот однефный храм возведен на рубеже V–VI вв. Во втором периоде на участке к востоку от крещальни был сооружен «северо-восточный храм» [5, ил. 5]. В третьем периоде, не ранее конца IX — начала X вв., к однефной церкви первого периода добавлены боковые нефы и, таким образом, появилась трехнефная базилика. Четвертый период длился с X по XV вв., в это время неоднократно велись ремонты памятника. Пятый период начинается после взятия Мангупа турками в 1475 г. В это время проводится частичная реконструкция южного нефа базилики, «именно сюда перенесли апсиду северо-восточного храма в качестве его алтаря» (смысл этой фразы нам непонятен), появился декор в виде сталактитов. К началу XVI в. базилика пришла в окончательный упадок [2, с. 21–28; 5, с. 309–312]. Со своей стороны отметим, что небольшое квадратное в плане помещение, расположенное к востоку от крещальни, раскопанной частично М. А. Тихановой, присутствует только на обмерном плане [5, ил. 3], но о нем ничего не говорится. На планах-реконструкциях оно не появляется, и поэтому неизвестно, к какому периоду оно относится.

В работах Н. И. Барминой излагаются только выводы о хронологии комплекса, но не их аргументы. Ключевой момент всей эволюции базилики — перестройка однефной церкви в трехнефный храмовый комплекс в IX в. Какими фактами это подтверждается?

Главное доказательство того, что один элемент пристроен к другому — это наличие швов, обычно хорошо видимых, потому что раствор швов выветривается и приложенные элементы заметно «отходят» от основного объема. В Мангупской базилике поперечные стены боковых нефов базилики примыкают к центральному объему (самой древней постройке комплекса, по мнению Н. И. Барминой) в четырех местах: в двух случаях в восточной части храма, еще в двух — в западной. Однако на обоих общих чертежах, обмерном плане и плане-реконструкции, опубликованных автором многолетних раскопок, нет ни одного шва из этих четырех [5, ил. 3, 6]. Вполне доказательным было бы подтверждение наличия швов между фундаментами продольных стен центрального нефа и торцовых стен боковых нефов. Это можно было бы установить с помощью шурфов в местах стыков названных стен. Однако эти данные отсутствуют.

Обмерный чертеж Н. И. Барминой не подтверждает принадлежность центрального нефа и боковых нефов базилики к разным историческим эпохам и в другом аспекте. У

разновременных, по ее мнению, стен видим одинаковую строительную технику, тогда как на протяжении нескольких столетий она менялась, что должно было бы найти отражение на чертежах. Осмотр базилики на месте позволяет сделать вывод, что все нижние части базилики представляет собою единый мощный каркас, где центральное ядро, боковые нефы, нартекс и боковые галереи составляют единое целое.

Интерпретация некоторых особенностей строительной техники базилики вызывает сомнения. Например: «Нижняя кладка северного стилобата была шире верхней на 15–18 см» [2, с. 24]. Что означают эти «нижняя» и «верхняя» кладки стилобата? Нет описания кладок, цифровых данных о соотношениях их по высоте, разреза стилобата, фотографий и иллюстраций. Как соотносятся уровни «нижней» и «верхней» кладок со значимыми реперами, такими, как уровень порога западного входа в центральный неф, уровни раннего и позднего полов? Некоторое уточнение внимательный и терпеливый читатель найдет в другой работе Н. И. Барминой: «Была открыта кладка, выше которой впоследствии появился северный стилобат» [5, с. 309]. Становится ясно, что эти «нижняя» и «верхняя» кладки северного стилобата — базовый аргумент капитального пункта авторской концепции Н. И. Барминой о том, что на северной стене ранней однефной церкви спустя несколько столетий был воздвигнут стилобат северного ряда опор новой, уже трехнефной, базилики.

В этом случае имеет место явная ошибка интерпретации: «нижняя кладка» была принята за стену более древнего сооружения. В действительности же здесь наблюдается обычный технический прием усиления стилобата за счет уширения его основания. Строительная площадка базилики имеет уклон к северу — об этом сообщает М. А. Тиханова. Поэтому северный стилобат получил расширение, которое имеет вид выступающего цоколя, шириной 15–18 см (неизвестно, выступал ли этот цоколь с двух сторон, или только с одной, северной). Аналогичный строительный прием я наблюдала в Цандрипшской базилике юстиниановской эпохи, расположенной на берегу моря. Там рельеф естественно понижается к югу, в сторону моря. Зная это, строители в самом начале работ расширили посредством цоколя нижнюю часть фундамента апсиды, с уязвимой южной стороны. С северной стороны, более безопасной, фундамент апсиды такого расширения не имел. Кроме того, шурфы показали, что глубина фундамента южного конца апсиды составляла 2,15 м, а северной — только 1,8 м; южный стилобат был ниже северного на несколько сантиметров [19, с. 160].

Рассмотрим еще один сомнительный аргумент в пользу того, что трехнефная базилика была построена на остатках более ранней однефной церкви: «Трехгранная апсида была поставлена на фундамент, имеющий форму полукруга» [5, с. 309]. И в этом случае строители базилики использовали обычный прием: полигональная апсида строится на полуциркульном фундаменте, потому что это более устойчивая форма. На этом свойстве основан принцип строить мощные круглые башни в самых уязвимых местах оборонительной системы. На обмерном плане Н. И. Барминой видим иррегулярную линию полукруглой апсиды — свидетельство того, что это был фундамент, скрытый под землей, а не наземная часть апсидной стены, которая имела бы правильную форму [5, ил. 3].

В Абхазии известно три примера церквей, где полигональная апсида была выведена на полуциркульном фундаменте. Это Цандрипшская базилика, базилика в Себастополесе (обе — ранневизантийского времени) и раннесредневековая церковь Аба-ата, в которой нижняя часть стен была выстроена в виде ступенчатого цоколя полуциркульной формы, апсида же была граненой [19, с. 160, рис. 38; 30, р. 63, 133, pl. 33, 38,d, 100,a,d]. Приведу пример известного памятника из западной части хри-

стианского мира. Долгое время считалось, что баптистерий епископской базилики Сан Джованни ин Латерано в Риме построен в константиновскую эпоху круглым в плане, а в V в. он был перестроен и приобрел октогональный план, и в этом виде существует до сих пор. Масштабное археологическое исследование субструкций Латеранского комплекса показало, что баптистерий изначально был октогоном, возведенном на круглом фундаменте [22, с. 546].

«Хазарская гробница»

Еще один аргумент, нуждающийся в отдельном рассмотрении — две гробницы (№№ 16 и 17), которые имеют, по мнению Н. И. Барминой, важное датирующее значение. «Это глубокие (до 2 м) овальной формы ямы, вырубленные в скале, с двумя ярусами перекрытия и тщательно выполненным изголовьем в виде «подушки»; обе гробницы ориентированы в направлении юго-запад — северо-восток» [5, с. 309, 311, ил. 5]. Эти гробницы показаны на плане первого строительного периода, на участке, примыкающем с севера к первоначальной, по мнению автора, однонефной церкви. Рядом с гробницей № 16 открыто погребение задней части лошади. Гробница № 16 определена как хазарская, потому что сооружение таких склепов «характерно для кочевников». Далее предполагается такое развитие событий. Во втором строительном периоде южная стена «северо-восточного храма» перекрыла гробницу № 16. В третьем строительном периоде однонефный храм перестраивается в трехнефную базилику, и ее северная стена перекрывает нижний ярус гробницы № 16; на хазарской гробнице строят христианскую [4, с. 12; 5, с. 309, 311, ил. 5]. Из этого сделан вывод, что перекрывшая хазарскую гробницу стена базилики должна относиться к более позднему времени, поэтому Н. И. Бармина и датирует базилику IX в.

К сожалению, эти гробницы, играющие столь существенную роль в истории комплекса, показаны только в мелком масштабе на трех планах, общем обмерном и планах-реконструкциях первого и второго периодов [5, ил. 3-5]. Нет ни разрезов гробниц, ни их фотографий. Хронологическое построение, в основании которого лежит гробница № 16, вызывает ряд вопросов. По каким признакам эта гробница определена как хазарская? Ни о наличии костяка, ни о его положении, ни об инвентаре нет никаких упоминаний. Могильная яма, высеченная в скале и ориентированная на юго-запад, могла быть и христианской. Каменное изголовье — характерная черта раннехристианских захоронений, например, на Балканах и в Греции. Эта конструктивная особенность была заимствована христианами из языческой практики; места, где она сохранялась и в эпоху средневековья. Ближайший пример — Цандрипшская базилика VI в., в которой почитаемая гробница в южном нефе, глубиной 0,99 м, имела повышение в области головы [19, с. 144, рис. 41].

Независимо от того, была ли гробница № 16 хазарской или нет, северная стена базилики ее не перекрывала, следовательно, гробница не является хронологическим индикатором. На обоих планах, обмерном и реконструированном, которые опубликовала Н. И. Бармина, ясно видно, что гробница находится внутри северного нефа, примыкая к его северной стене (рис. 15-16). Таким образом, аргумент «хазарской гробницы» снимается. Что же касается захоронения задней части животного, то оно было найдено не в гробнице, а близ нее и неясно, каким образом это животное связано с захоронением в гробнице № 16? В любом случае, останки этого животного не могут служить основанием, на котором строится хронология базилики. В хазарский период, когда церковь стояла разрушенной, на ее территории действительно могли совершаться не христианские захоронения, однако они не имеют отношения к строительной истории базилики.

В более поздней своей публикации Н. И. Бармина еще раз изменила свою точку зрения на хронологию базилики, которая сейчас предстает следующим образом. Первоначально на месте будущего базиликального комплекса строится однонефный храм и крещальня. С приходом хазар «процесс утверждения христианства не был остановлен, о чем свидетельствует появление однонефного северо-восточного храма и перестройка старой крещальни». «В конце XIII — начале XIV вв. Готская епархия получает статус митрополии. Благодаря этому на Мангупе формируется большой базиликальный ансамбль. В начале XV в. на месте комплекса в южном нефе возникает небольшой однонефный храм. Стилобат был использован в качестве основания под каменные восьмигранные столбы» [7, с. 10-12]. Таким образом, Мангупская базилика получает новую дату строительства — конец XIII — начало XIV вв. Плана этой последней, ранее неизвестной церкви, нет. У читателя, которому еще раз предложены новые выводы, но без аргументов, возникает только один вопрос: если базилика была превращена в «небольшой однонефный храм», то где в нем стояли «каменные восьмигранные столбы»?

Заключение

Дата строительства Мангупской трехнефной базилики в пределах VI в., скорее всего, в эпоху Юстиниана I, предложенная свыше 100 лет назад Р. Х. Лепером, подтвержденная и обоснованная А. Л. Якобсоном и М. А. Тихановой, представляется нам вполне убедительной. Дата поздней фазы трансформации памятника, в первые десятилетия XV в., подтверждается наличием выразительных элементов «сельджукского» архитектурного стиля. Средний этап истории базилики, IX-X вв., лучше всего представлен в архитектурном декоре.

Долгая история изучения Мангупского комплекса позволяет поставить вопрос о критериях хронологической классификации памятников византийской архитектуры в Крыму. Могут ли служить такими критериями особенности строительной техники? Существует ли четкая эволюция типов могильных конструкций — «саркофагов», «мавзолеев» и «костотек» и пр.? Какую роль играют в этих вопросах археологические материалы? Насколько важен пластический архитектурный декор?

Возможности изучения Мангупской базилики далеко не исчерпаны. Перспективным является изучение музейных и архивных фондов. Согласно новым исследованиям В. Е. Науменко и других авторов, «изучение археологических материалов из раскопок Р. Х. Лепера на Мангупе, хранящихся в архивах и фондах музеев Севастополя, Бахчисарая и Санкт-Петербурга, находится еще на начальном этапе» [16, с. 313-321]. В 1967 г. Н. И. Барминой «было поручено привести базилику в экспонируемое состояние» [5, с. 308]. К счастью, работы по консервации и реставрации базилики еще не проведены, это означает, что памятник «жив», и его изучение может быть завершено. Остается закончить раскопки баптистерия М. А. Тихановой, полностью раскрыть восточный фасад базилик, выяснить вопрос о наличии северной боковой апсиды; с помощью шурфов и полноценных раскопок снять многие неясные и спорные вопросы. Необходимо создание полного пакета обмерной документации⁵, который включал бы план, продольный и поперечный разрезы с видом на обе стороны, обмеры фасадов и деталей. Очень желательно было бы составить каталог мангупской коллекции архитектурных деталей в Бахчисарайском музее-за-

⁵ Я не останавливаюсь здесь на том, что на чертежах, опубликованных Н. И. Барминой, есть ряд несоответствий в изображении одних и тех же элементов на разных планах. Это касается размеров апсиды первого, по ее мнению, однонефного храма, положения заплечиков трехнефной базилики и кладки, примыкающей к северному заплечнику с востока, положения южной стены «храма В» и др.

поведнике. Крайне важной была бы публикация материалов раскопок Н. И. Барминой, которая сделала бы очевидным ее большой вклад в изучение этого сложного и важного для истории Мангупского городища памятника.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бармина Н. И. К изучению Мангупской базилики (история исследования) // АДСВ. 1975. Вып. 11. С. 30-40.
- Бармина Н. И. Контурные перемены. Мангупский памятник в контексте истории крымского средневековья // АДСВ. 2002. Вып. 33. С. 21-28.
- Бармина Н. И. Декоративное убранство крымских базилик в культурно-историческом контексте // АДСВ. 2003. Вып. 34. С. 113-122.
- Бармина Н. И. Датировка погребальных памятников Мангупской базилики // Религия в жизни человека и общества. Тезисы докладов и сообщений X Международной Крымской конференции по религиоведению. Севастополь, 2008. С. 12-13.
- Бармина Н. И. Этапы жизни Мангупской базилики // ТГЭ. Т. 42. Византия в контексте мировой культуры. К 100-летию со дня рождения А. В. Банк (1906-1894). СПб.: Гос. Эрмитаж, 2008. С. 305-313.
- Бармина Н. И. Археологическое изучение Мангупской базилики в 1850-1930-е гг. (источниковедческий аспект) // АДСВ. 2009. Вып. 39. С. 409-422.
- Бармина Н. И. Сакральное пространство Мангупской базилики // I Бахчисарайские научные чтения памяти Е. В. Веймарна. Тезисы докладов и сообщений. Бахчисарай, 2012. С. 10-12.
- Герцен А. Г., Иванова О. С., Науменко В. Е. Археологические исследования в районе церкви Св. Константина (Мангуп): III горизонт застройки (середина IX — начало X вв.) // МАИЭТ. 2010. Вып. XVI. С. 240-295.
- Герцен А. Г., Науменко В. Е. Три программы археологического изучения Мангупа // I Бахчисарайские научные чтения памяти Е. В. Веймарна. Тезисы докладов и сообщений. Бахчисарай, 2012. С. 24-25.
- Герцен А. Г., Науменко В. Е., Душенко А. А., Корзюк Д. В., Лавров В. В., Смекалова Т. Н., Шведчикова Т. Ю., Чудин А. В. Результаты комплексных исследований Мангупского городища и его окружения в 2015 г. // КСИА. 2016. Вып. 243. С. 127-147.
- Кирилло В. П. Византийская архитектура Мангупа // Археология Крыма. Симферополь, 1997. Т. I. С. 89-97.
- Кленина Е. Ю. Уваровская базилика (№ 23) // Ранневизантийские сакральные постройки Херсонеса Таврического. Poznań: Wydawnictwo Poznańskie, 2004. С. 71-75.
- Лепер Р. Х. Археологические исследования в Мангупе в 1912 году (предварительное сообщение) // ИАК. 1913. Вып. 47. С. 73-79, 146-154.
- ОАК за 1913-1915 гг. Петроград, 1918. С. 72-84.
- ОАК за 1890 год. СПб., 1893. С. 1-110.
- Науменко В. Е., Душенко А. А. К истории археологического изучения Мангупа. Раскопки Р. Х. Лепера в 1912-1914 гг. (по материалам коллекции Государственного Эрмитажа) // XVII Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Исследователи и исследования. Керчь, 2016. С. 313-321.
- Тиханова М. А. Базилика // МИА. 1953. № 34. Археологические памятники Юго-Западного Крыма (Херсонес, Мангуп). С. 334-389.
- Уваров А. С. Несколько слов об археологических разысканиях в окрестностях Симферополя и Севастополя // ПроPILEI. Сборник статей по классической древности. М.: Университетская типография, 1854. Кн. 4. С. 525-537.
- Хрушкова Л. Г. Раннехристианские памятники Восточного Причерноморья. IV-VII века. М.: Наука, 2002. 500 с.
- Хрушкова Л. Г. Полы *opus sectile* в Восточном Причерноморье, Крыму, Киеве: византийский контекст // ТГЭ. Т. LXV. Первые каменные храмы Древней Руси. Материалы архитектурно-археологического семинара. СПб.: Гос. Эрмитаж, 2012. С. 34-59.
- Хрушкова Л. Г. Базилика в Партенитах (Южный Крым): мог ли быть в ней похоронен епископ Иоанн Готский? // Климентовский Сборник. Материалы VI Международной конференции «Церковная археология: Херсонес — город святого Климента». Севастополь, 2013. С. 384-408.
- Хрушкова Л. Г. Христианская, церковная и византийская археология: историография XV — начала XXI вв. // Введение в историю Церкви. Ч. 2. Обзор историографии по общей истории Церкви. СПб.: Алетей, 2015. С. 446-686.
- Хрушкова Л. Г. Византийская архитектура Херсонеса Таврического: история изучения, методы и результаты // Вопросы всеобщей истории архитектуры. 2016. Вып. 6. С. 9-46.
- Хрушкова Л. Г. Епископская базилика Херсонеса Таврического: методы изучения, результаты, современный взгляд // Владимирский Сборник. Материалы международных научных конференций «I и II Свято-Владимирские чтения». Калининград, 2016. С. 327-435.
- Хрушкова Л. Г. Ранневизантийские капители и другие элементы архитектурного декора из Юго-Западного Крыма // Ученые записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. Серия «Исторические науки». 2016. Т. 2(68), № 2. С. 137-162.
- Хрушкова Л. Г., Симонов В. В. Археологические и эпиграфические источники // Введение в общую историю Церкви. Ч. 1. Обзор источников по общей истории Церкви. М.: Изд-во Московского ун-та, 2012. С. 568-683.
- Якобсон А. Л. Из истории раннесредневековой архитектуры в Крыму. II. Мангупская базилика // СА. 1940. № 6. С. 205-226.
- Якобсон А. Л. Раннесредневековый Херсонес // МИА. 1959. № 63. 362 с.
- Jakobson A. Krim // Reallexikon zur byzantinische Kunst. Stuttgart: Anton Hiersemann, 1995. Bd. V. Sp. 375-439.
- Khrushkova L. G. Les monuments chrétiens de la côte orientale de la mer Noire. Abkhazie. IVe-XIVe siècles. Turnhout: Brepols, 2006. 340 p. (Bibliothèque de l'Antiquité Tardive, 9).
- Khrushkova L. G. Krim // Reallexikon für Antike und Christentum. 2007. Bd. XXII. Sp. 75-125.
- Khrushkova L. G. Geschichte der Christlichen Archäologie in Russland vom 18. bis ins 20. Jahrhundert (3. Folge) // Römische Quartalschrift. 2012. Band 107, 3-4. S. 202-248.
- Khrushkova L. G. Quelques chapiteaux protobyzantins inédits du Sud-Ouest de la Crimée // Mélanges Jean-Pierre Caillet / Éd. M. Jurković. Zagreb-Motovun, 2013. P. 85-94.
- Khrushkova L. The Bishop's Basilica (Uvarov's) of Chersonesos in the Crimea. The Modern View after a Century and a Half of Study // Archaeologia Bulgarica. 2017. XXI, 2. P. 27-78.
- Mathews Th. F. The Early Churches of Constantinople: Architecture and Liturgy. University Park — London: The Pennsylvania State University Press, 1971. 194 p.

REFERENCES

- Barmina N. I. K izucheniiu Mangupskoi baziliki (istoriia issledovaniia). *Antichnaia drevnost' i srednie veka*, 1975, vol. 11, pp. 30-40.
- Barmina N. I. Kontury peremen. Mangupskii pamiatnik v kontekste istorii krymskogo srednevekov'ia. *Antichnaia drevnost' i srednie veka*, 2002, vol. 33, pp. 21-28.
- Barmina N. I. Dekorativnoe ubranstvo krymskikh bazilik v kul'turno-istoricheskome kontekste. *Antichnaia drevnost' i srednie veka*, 2003, vol. 34, pp. 113-122.
- Barmina N. I. Datirovka pogrebal'nykh pamiatnikov Mangupskoi baziliki. *Tezisy dokladov i soobshchenii X Mezhdunarodnoi Krymskoi konferentsii po religiovedeniiu «Religiia v zhizni cheloveka i obshchestva»*, Sevastopol', 2008, pp. 12-13.
- Barmina N. I. Etapy zhizni Mangupskoi baziliki. *Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha*, S-Petersburg, Gosudarstvennyi Ermitazh Publ., 2008, T. 42, pp. 305-313.
- Barmina N. I. Arkheologicheskoe izuchenie Mangupskoi baziliki v 1850-1930-e gg. (istochnikovovedcheskii aspekt). *Antichnaia drevnost' i srednie veka*, 2009, vol. 39, pp. 409-422.
- Barmina N. I. Sakral'noe prostranstvo Mangupskoi baziliki. *Tezisy dokladov i soobshchenii I Bakhchisaraiskikh nauchnykh chtenii pamiati E. V. Veimarna*, Bakhchisarai, 2012, pp. 10-12.
- Gertsen A. G., Ivanova O. S., Naumenko V. E. Arkheologicheskie issledovaniia v raione tserkvi Sv. Konstantina (Mangup): III gorizont zastroiiki (seredina IX — nachalo X vv.). *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol, 2010, vol. XVI, pp. 240-295.

9. Gertsen A. G., Naumenko V. E. Tri programmy arkheologicheskogo izucheniia Mangupa. *Tezisy dokladov i soobshchenii I Bakhchisaraiskikh nauchnykh chtenii pamiati E. V. Veimarna*, Bakhchisarai, 2012, pp. 24-25.
10. Gertsen A. G., Naumenko V. E., Dushenko A. A., Korziuk D. V., Lavrov V. V., Smekalova T. N., Shvedchikova T. Iu., Chudin A. V. Rezul'taty kompleksnykh issledovaniy Mangupskogo gorodishcha i ego okrugov v 2015 g. *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii RAN*, Moscow, 2016, vol. 243, pp. 127-147.
11. Kirilko V. P. Vizantiiskaia arkhitektura Mangupa. *Arkheologiya Kryma*, Simferopol, 1997, T. I, pp. 89-97.
12. Klenina E. Iu. Uvarovskaia bazilika (№ 23). *Rannevizantiiskie sakral'nye postroiki Khersonesa Tavricheskogo*, Poznań, Wydawnictwo Poznańskie, 2004, pp. 71-75.
13. Löper R. Kh. Arkheologicheskie issledovaniia v Mangupe v 1912 godu (predvaritel'noe soobshchenie). *Izvestiia Imperatorskoi Arkheologicheskoi komissii*, 1913, vol. 47, pp. 73-79, 146-154.
14. *Otchet Imperatorskoi Arkheologicheskoi komissii za 1913-1915 gg.* Petrograd, 1918, pp. 72-84.
15. *Otchet Imperatorskoi Arkheologicheskoi komissii za 1890 god.* S-Petersburg, 1893, pp. 1-110.
16. Naumenko V. E., Dushenko A. A. K istorii arkheologicheskogo izucheniia Mangupa. *Raskopki R. Kh. Löpera v 1912-1914 gg. (po materialam kollektsii Gosudarstvennogo Ermitazha). XVII Bosporskie chteniia. Bospor Kimmeriiskii i varvarkii mir v period antichnosti i srednevekov'ia. Issledovateli i issledovaniia*, Kerch, 2016, pp. 313-321.
17. Tikhonova M. A. Bazilika. *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR*, 1953, No. 34, pp. 334-389.
18. Uvarov A. S. Neskol'ko slov ob arkheologicheskikh razyskaniakh v okrestnostakh Simferopolia i Sevastopolia. *Propilei. Sbornik statei po klassicheskoi drevnosti*, Moscow, Universitetskaya tipografiia Publ., 1854, Book 4, pp. 525-537.
19. Khrushkova L. G. *Rannekhristianskie pamiatniki Vostochnogo Prichernomor'ia. IV-VII veka*. Moscow, Nauka Publ., 2002, 500 p.
20. Khrushkova L. G. Poly opus sectile v Vostochnom Prichernomor'e, Krymu, Kieve: vizantiiskii kontekst. *Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha*, S-Petersburg, Gosudarstvennyi Ermitazh Publ., 2012, T. LXV, pp. 34-59.
21. Khrushkova L. G. Bazilika v Partenitakh (Iuzhnyi Krym): mog li byt' v nei pokhoronen episkop Ioann Gotskii? *Klimentovskii Sbornik. Materialy VI Mezhdunarodnoi konferentsii «Tserkovnaia arkheologiya: Khersones — gorod sviatogo Klimenta»*, Sevastopol, 2013, pp. 384-408.
22. Khrushkova L. G. Khristianskaia, tserkovnaia i vizantiiskaia arkheologiya: istoriografiia XV — nachala XXI vv. *Vvedenie v istoriiu Tserkvi. Part 2. Obzor istoriografii po obshchei istorii Tserkvi*, S-Petersburg, Aleteia Publ., 2015, pp. 446-686.
23. Khrushkova L. G. Vizantiiskaia arkhitektura Khersonesa Tavricheskogo: istoriia izucheniia, metody i rezul'taty. *Voprosy vseobshchei istorii arkhitektury*, 2016, vol. 6, pp. 9-46.
24. Khrushkova L. G. Episkopskaia bazilika Khersonesa Tavricheskogo: metody izucheniia, rezul'taty, sovremennyi vzgliad. *Vladimirskii Sbornik. Materialy mezhdunarodnykh nauchnykh konferentsii «I i II Sviato-Vladimirskie chteniia»*, Kaliningrad, 2016, pp. 327-435.
25. Khrushkova L. G. Rannevizantiiskie kapiteli i drugie elementy arkhitekturnogo dekora iz Iugo-Zapadnogo Kryma. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta im. V. I. Vernadskogo. Seriya «Istoricheskie nauki»*, 2016, T. 2(68), No. 2, pp. 137-162.
26. Khrushkova L. G., Simonov V. V. Arkheologicheskie i epigraficheskie istochniki. *Vvedenie v obshchuiu istoriiu Tserkvi. Part 1. Obzor istochnikov po obshchei istorii Tserkvi*. Moscow, Moskovskii gosudarstvennyi universitet Publ., 2012, pp. 568-683.
27. Iakobson A. L. Iz istorii rannesrednevekovoi arkhitektury v Krymu. II. Mangupskaia bazilika. *Sovetskaia arkheologiya*, 1940, No. 6, pp. 205-226.
28. Iakobson A. L. Rannesrednevekovyi Khersones. *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR*, 1959, No. 63, 362 p.
29. Jakobson A. Krim. *Reallexikon zur byzantinische Kunst*, Stuttgart, Anton Hiersemann Publ., 1995, Bd. V, Sp. 375-439.

30. Khrushkova L. G. *Les monuments chrétiens de la côte orientale de la mer Noire. Abkhazie. IVe-XIVe siècles*. Turnhout, Brepols Publ., 2006, 340 p. (Bibliothèque de l'Antiquité Tardive, 9).
31. Khrushkova L. G. Krim. *Reallexikon für Antike und Christentum*, 2007, Bd. XXII, Sp. 75-125.
32. Khrushkova L. G. Geschichte der Christlichen Archäologie in Russland vom 18. bis ins 20. Jahrhundert (3. Folge). *Römische Quartalschrift*, 2012, Band 107, 3-4, pp. 202-248.
33. Khrushkova L. G. Quelques chapiteaux protobyzantins inédits du Sud-Ouest de la Crimée. Jurković M. (Ed.), *Mélanges Jean-Pierre Caillet*, Zagreb-Motovun, 2013, pp. 85-94.
34. Khrushkova L. The Bishop's Basilica (Uvarov's) of Chersonesos in the Crimea. The Modern View after a Century and a Half of Study. *Archaeologia Bulgarica*, 2017, XXI, 2, pp. 27-78.
35. Mathews Th. F. *The Early Churches of Constantinople: Architecture and Liturgy*. University Park, London, The Pennsylvania State University Press, 1971, 194 p.

Хрушкова Л. Г.

К дискуссии о времени строительства Мангупской базилики

Резюме

Большая базилика на плато Мангуп в Юго-Западном Крыму — самый крупный памятник византийской архитектуры вне Херсонеса. Она изучается на протяжении свыше столетия, начиная с раскопок Р. Х. Лопера в 1913 г. Следующим этапом стали раскопки М. А. Тихановой в 1938 г. В рамках исследовательских программ Мангупской археологической экспедиции (руководитель — А. Г. Герцен), созданной в 1967 г., изучение базилики ведет Н. И. Бармина. Материалы ее раскопок (1967-2005) пока не опубликованы, известны лишь выводы, изложенные в нескольких кратких публикациях, почти без иллюстраций.

Мангупская базилика размерами 31,5х26,2 м имеет три нефа, разделенные шестью парами опор, нартекс и галереи с южной и северной сторон. Важный вопрос о плане восточной части базилики неясен. Центральная апсида имела, вероятно, трехгранную форму. Сохранилась южная полуциркулярная апсида; очень вероятно, что первоначально существовала и северная апсида, в настоящее время северо-восточный угол базилики перестроен. С северной стороны от базилики расположен прямоугольной в плане баптистерий, с крестовидной купелью в центре. Баптистерий сообщался с северной галереей базилики с помощью широкого дверного проема в его южной стене. В первой фазе базилика была украшена мрамором из Проконнеса; капители и другие элементы декора являются подражанием проконнесским изделиям. Найдены также различные детали декора из местного камня, которые относятся к двум периодам: IX-X вв. и XIV-XV вв.

Мнения о времени строительства трехнефной базилики и ее последующих перестроек различны. На мой взгляд, наиболее убедительна точка зрения, согласно которой базилика с баптистерием была построена в юстиниановскую эпоху (Р. Х. Лепер, М. А. Тиханова, А. Л. Якобсон, В. П. Кирилко). Базилика дважды пережила перестройки: первую в IX или X вв. и вторую — в первых десятилетиях XV в. Н. И. Бармина предложила иную хронологию, согласно которой трехнефная базилика была построена или в IX в. или в конце XIII — XIV вв. Однако это предположение не подтверждается ни анализом архитектурных остатков, ни археологическими материалами, ни характером скульптурного декора.

Раскопки Мангупской базилики не завершены: не раскопан баптистерий, не выяснен план восточной части. Материалы архивов и музеев Севастополя, Бахчисарая и Санкт-Петербурга изучены лишь частично. После завершения исследования будут проведены работы по консервации и реставрации базилики.

Ключевые слова: Юго-Западный Крым, Мангупское плато, трехнефная базилика, раскопки, хронология, дискуссии.

Khrushkova L. G.

On the Discussion about the Time When the Mangup Basilica Was Constructed

Summary

The big basilica on the plateau of Mangup in the south-western Crimea is the largest monument of Byzantine architecture located outside Chersonese. Its studies lasted for over a century, starting with R. H. Löper's excavation in 1913, continuing with M. A. Tikhonova's excavation in 1938. The

framework of the program of researches by the Mangup Archaeological Expedition (supervised by A. G. Gertsen) established in 1967 includes the study of the basilica conducted by N. I. Barmina. The excavations materials (1967–2005) have not yet been published, except for the conclusions in several brief publications, almost without illustrations.

The Mangup basilica, 31.5x26.2 m in size, comprises a nave and two aisles separated by six pairs of pillars, a narthex, and galleries at the south and the north. The ground plan of the eastern part of the basilica remains unclear. The central apse was probably triangular. The southern semi-circular apse survived; it is very likely that the northern apse also existed, but now the northeast corner of the basilica is rebuilt. On the northern side of the basilica is a rectangular baptistery, with a cruciform font in the centre. The baptistery communicated with the northern gallery of the basilica via wide doorway in its southern wall. At the first stage, the basilica was adorned with marbles from the Prokonnesos; its capitals and other decorative elements imitated Prokonnesian ware. Among the finds there also were various decorative details of local stone, dating from the ninth and tenth or the fourteenth and fifteenth centuries.

There are different interpretations of the chronology of these basilica with aisles and its subsequent reconstructions. In my opinion, the most convincing point of view is that the basilica with the baptistery was built in the Justinian era (R. H. Löper, M. A. Tikhonova, A. L. Yakobson, V. P. Kirilko). The basilica was reconstructed two times, in the ninth or tenth century and, second, in the first decades of the fifteenth century. N. I. Barmina suggested an alternative chronology, with the building of the basilica with aisles in the ninth or in the late thirteenth and fourteenth centuries. However, this assumption is not confirmed neither by the analysis of architectural remains, nor by archaeological materials, or by the character of the sculptural decor.

The excavations of the Mangup basilica have not finished yet: the baptistery remains unexcavated, the ground plan of the eastern part has not been discovered. The materials of the archives and museums of Sevastopol, Bakhchisarai, and St. Petersburg are only partially studied. After the completion of the research, there will be works on the conservation and restoration of the basilica.

Keywords: South-Western Crimea, Mangup Plateau, three-nave basilica, excavations, chronology, discussions.

В. Ю. РАДОЧИН

НЕКОТОРЫЕ АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ ИЗ РАСКОПОК МАНГУПСКОГО ГОРОДИЩА¹

Первые исследования антропологических материалов из погребальных памятников Мангупа были проведены Г. Ф. Дебецем в 1949 г. [7]. Проанализировав известные ему находки из раскопок Эски-Кермена, Мангупа и Херсонеса, автор высказал мнение о взаимовлиянии различных этнических компонентов в формировании состава средневекового населения городских центров Юго-Западного Крыма. Г. П. Зиневич в монографии 1973 г. использовала материалы из раскопок Мангупской базилики, проводившихся в 1967–1969 гг. [9]. В публикации даны не только новые краниометрические данные, но и сделан сравнительный анализ с другими могильниками Юго-Западного Крыма, Украины, Поволжья, Болгарии, Северного Кавказа.

В 2001 г. была опубликована статья Н. И. Барминой и Д. Ю. Пономарева по итогам раскопок 1995 г. некрополя Мангупской базилики [4, с. 387–393]. В ней авторы дали характеристику антропологического материала из 67 погребений. По итогам исследований была установлена половозрастная структура, определены ростовые характеристики, а также рассмотрено распределение дегенеративно-деструктивных процессов среди населения Мангупа.

В настоящей работе вводится в научный оборот новый антропологический материал, полученный при раскопках Мангупской базилики в 2005 г.² Археологическая экспедиция проводилась силами Таврического национального университета им. В. И. Вернадского (ныне — Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского), под руководством А. Г. Герцена. В составе экспедиции работала группа студентов Уральского государственного университета им. А. М. Горького, во главе с Н. И. Барминой. За время полевого сезона был исследован участок в северо-западной части центрального нефа базилики.

В ходе раскопок были обнаружены и исследованы 7 погребальных сооружений, получен антропологический материал, соотносящийся с 9 погребенными. К сожалению, сохранность полученного материала можно назвать плохой. В ряде случаев была необходима подготовительная реставрационная работа. Описание погребальных сооружений, находок и положения костей в могилах даны по публикации Н. И. Барминой [3, с. 267–277].

При исследовании материала использовались традиционные отечественные методики антропологических исследований в сочетании с зарубежными разработками и программами [11; 18; 19; 20]. Краниометрические измерения и описания проводились по методике, разработанной В. П. Алексеевым и Г. Ф. Дебецем [1]. Остеометрические

¹ Статья выполнена в рамках базовой части государственного задания Минобрнауки РФ № 33.5156. 2017/БЧ по теме «Византийское присутствие в Крыму: политический, экономический и культурный аспекты».

² Автор выражает признательность Н. И. Барминой, А. Г. Герцену и В. Е. Науменко за тщательно собранный и переданный для изучения материал.

описания и измерения проводились по методике антропологических исследований В. П. Алексеева [2]. Определение возраста и половой принадлежности происходило по общепринятым методикам, с привлечением материалов, программ и методик по судебной медицине [10; 12; 13; 16]. В работе использована методика комплексного изучения патологических состояний, разработанная А. П. Бужиловой [5]. Рост погребенных рассчитывался по длине длинных костей скелета (формулы Л. Мануврие, К. Пирсона и А. Ли, М. Троттера и Г. Глезера). При описании зубного аппарата использована международная двухцифровая система «Виола» (принята FDI в 1971 г.). Данные индивидуальных краниологических измерений представлены в таблице № 1, остеометрические измерения — в таблицах №№ 2-9, палеопатологические изменения — в таблице № 10. Маркировка материала дана согласно сопроводительной документации.

Погребение 476. Получен антропологический материал, соотносящийся с двумя погребенными (нумерация костяков дана условно).

Костяк 1. Череп разрушен, грацильный. Получены фрагменты теменных, височных, затылочной костей, костей лицевого отдела и нижняя челюсть. Альвеолярная часть верхней челюсти — параболическая. Передняя носовая ость 2 балла. Нижний край грушевидного отверстия с предносовыми ямками. Сосцевидные отростки 1 балл. Наружный рельеф затылочной кости выражен слабо. Нижняя челюсть грацильная, треугольная, с плохо выраженным подбородочным краем. Жевательная бугристость выражена слабо. Развитие зубной системы соотносится с 15 годами.

Получены кости посткраниального скелета только верхних конечностей.

Кости рук грацильные, мышечный рельеф выражен слабо. Развитие костей посткраниального скелета соотносится с возрастом 15-16 лет. Погребение женское. Прижизненный рост погребенного составлял около 146 см.

Патологии и эпигенетические варианты. Отмечены добавочные косточки на черепе (os lambda, os suturae lambdaeidea). Cribra orbitalia. На зубах 36, 46 отмечен кариес.

Костяк 2. Получены фрагменты детского черепа и несколько посткраниальных костей неудовлетворительной сохранности. Развитие зубной системы соотносится с возрастом 10 мес.

Кости посткраниального скелета (фрагменты длинных костей рук и ног) соотносятся с возрастом 9-11 месяцев.

Погребение 477. Череп умеренно массивный, разрушен. Получены два фрагмента височных костей, по одному фрагменту лобной, левой теменной и затылочной костей, а также три фрагмента нижней челюсти. Отмечена сильная посмертная деформация костей черепа. Верхний глазничный край округлый. Надпереносье 1,5 балла. Надглазничные отверстия открытые. Сосцевидные отростки 4 балла. На небной поверхности сильно выраженные васкулярные реакции. Альвеолярная часть параллельная, в виду утраты зубов. Нижний край грушевидного отверстия инфантильной формы. Передняя носовая ость 3 балла. Затылочная кость массивная. Наружный рельеф затылочной кости и затылочный бугор выражены средне. Нижняя челюсть массивная, округлой формы. Хорошо выражен подбородочный край и жевательная бугристость. Состояние зубной системы соотносится с 30-32 годами. Облитерация черепных швов не отмечена.

Кости посткраниального скелета умеренно массивные. Сохранность удовлетворительная. Получены длинные кости рук и ног, множественные фрагменты ребер, позвонков, костей лопаток. Суставная впадина лопатки второго варианта. Верхний край лопаток третьего варианта. Ключицы массивные, с хорошо выраженным рельефом и вдавлением реберно-ключичной связки. Отмечены незначительные возрастные изменения края суставной впадины лопаток. Плечевая кость получена только правая, массивная, рельеф выражен умеренно. Локтевые кости с очень хорошо

выраженным межкостным краем и рельефом блоковидной вырезки. Лучевые кости массивные, хорошо выражен рельеф и межкостный край. Очень хорошо выражен рельеф середины гребня межкостного края. Бедренные кости массивные. Линия аспера выражена средне. Незначительные изменения по контуру мыщелков. Костная ткань тонкая. Большеберцовые кости массивные. Подколенная линия в виде гребня. Костная ткань плотная. Хороший рельеф малоберцовых костей. Основание крестца нормальное. Погребение мужское. Возраст по костям посткраниального скелета соотносится с 31-35 годами. Прижизненный рост погребенного составлял около 168 см.

Патологии. Поротизация в области обоих слуховых проходов. Зубы 14-18, 26-28, 46-48 утрачены при жизни, лунки заросли. Зубы 37, 38 кариес. Зуб 36 разрушен до корня. На переднем крае подбородочного выступа и слева на теле нижней челюсти отмечено травматическое поражение. Утрата зубов 46-48 также связана с травматическим поражением. Отмечены проявления остеохондрита на головке мыщелка правой плечевой кости. Энтезопатия надколенников и пяточных костей. Большеберцовые кости с незначительным S-образным искривлением.

Погребение 478. Детское погребение плохой сохранности. Череп разрушен. Получены 4 фрагмента теменных костей, 2 фрагмента височных костей, фрагмент верхней челюсти и нижняя челюсть. Альвеолярная часть верхней челюсти параболическая. Нижняя челюсть грацильная, треугольной формы, хорошо выражен подбородочный край. Развитие зубной системы соотносится с 18 месяцами.

Кости посткраниального скелета грацильные, рельеф выражен слабо. Получены ключица, бедренная и большеберцовая кости (только правые), а также фрагменты левой плечевой, лучевых костей и локтевые кости. Состояние других костей можно признать неудовлетворительными. Длина костей посткраниального скелета соотносится с возрастом 1-2 года. Прижизненный рост погребенного составлял около 90 см.

Погребение 479. Сохранность костей неудовлетворительная. Череп грацильный, разрушен. Форма черепа — сфеноид. В области лямбдовидного шва отмечена асимметрия. Сосцевидные отростки 1,5 балла. Затылочное отверстие — асимметричный ромб. Надпереносье 1 балл. Передняя носовая ость 2 балла. Нижний край грушевидного отверстия инфантильной формы. Альвеолярная часть верхней челюсти параболическая. Наружный рельеф затылочной кости развит слабо. Облитерация черепных швов соотносится с 30 годами.

Кости посткраниального скелета массивные. Локтевые, левая лучевая, кости лопаток, тазовые и крестцовые кости не получены. Ключица массивная (левая). Хорошо выражена ямка грудино-ключичной связки и рельеф акромиального конца. Плечевые кости массивные. Хорошо выражены дельтовидная бугристость и переднемедиальный край. Фрагмент правой лучевой кости умеренно массивный с хорошо выраженным межкостным краем. Бедренные кости массивные. Хорошо выражены линия аспера, большие и малые вертелы. Сильно выражены васкулярные реакции на шейках бедренных костей. Состояние суставных площадок соотносится с возрастом около 30 лет. Отмечается некоторый диссонанс между относительно грацильными костями позвонков и массивными костями посткраниального скелета. Также получены множественные фрагменты костей ребер (98) без патологических изменений. Погребение женское. Прижизненный рост погребенного составлял около 172 см.

Патологии. Поротический гиперостоз надпереносья. Поясничные позвонки (L4) — спондилит. На позвонках поясничного отдела (L1-L3) отмечены изменения, характерные для остеохондроза. Энтезопатия пяточных костей. На фалангах пальцев ног отмечены изменения суставных поверхностей, характерные для артроза. S-образное искривление бедренных костей.

Погребение 480. Череп умеренно массивный, разрушен (получено 36 мелких фрагментов). Облитерация черепных швов не отмечена. Верхний глазничный край округлый. Ямочки грануляций. Сосцевидные отростки 3 балла. Альвеолярная часть верхней челюсти параболическая с хорошо выраженными васкулярными реакциями. Нижняя челюсть массивная, округлой формы. Хорошо выражен подбородочный край и жевательная бугристость. Состояние зубной системы соотносится с 30 годами.

Кости посткраниального скелета грацильные. Суставная впадина лопатки второго варианта. Незначительные возрастные изменения контура суставной впадины лопатки. Ключицы и плечевые кости не получены. Хорошо выражен межкостный край локтевой кости и контур блоковидной вырезки. Лучевые кости грацильные, хорошо выражен межкостный край. Кости позвоночника в неудовлетворительном состоянии (получен 21 фрагмент). Костная ткань тазовых костей тонкая и легкая. Бедренные кости грацильные. Рельеф и линия аспера выражены слабо. Подколенная линия большеберцовых костей «невидимая». Костная ткань длинных костей ног тонкая. Погребение женское. Прижизненный рост погребенного составлял около 156 см.

Патологии и эпигенетические варианты. Поротический гиперостоз по своду черепа. На 16 зубе отмечен бугорок Карабелли. Поротизация в области слуховых проходов. Зуб 47 утрачен при жизни. Зубы 16, 36 37, 38 кариес. Зубной камень серого цвета. Эмалевая гипоплазия. Признаки воспаления на нижней челюсти в области 47 зуба. На грудных позвонках узлы Шморля. Остеохондроз поясничных позвонков. Энтезопатия надколенников.

Погребение 481. Череп разрушен, грацильный. Верхний глазничный край острый. Орбиты средневисокие. Надбровье 0 баллов, надпереносье 0,5 балла. Сосцевидные отростки 2 балла. Надглазничное отверстие открытое. Альвеолярная часть верхней челюсти параболическая. Нижний край грушевидного отверстия с предносовыми ямками. Передняя носовая ость 2 балла. По носовому указателю — хамэриния (широконосый). Прикус правильный. Состояние зубной системы соотносится с 20 годами. Нижняя челюсть массивная, треугольной формы, с хорошо выраженным подбородочным краем. Очень хорошо выражена темпоральная линия.

Кости посткраниального скелета грацильные. Ключицы грацильные, рельеф выражен слабо. Суставная впадина лопаток второго варианта. Лопаточная вырезка третьего варианта. Плечевые кости грацильные, рельеф умеренный, дельтовидная бугристость выражена слабо. На правой локтевой кости рельеф блоковидной вырезки выражен отчетливее. Хорошо выражен рельеф и межкостный край локтевых и лучевых костей, особенно в середине гребня. Получено 28 фрагментов костей ребер без травм и патологических изменений. Позвонки без патологических изменений. Основание крестца нормальное. Хорошо выражены рельеф и линия аспера на бедренных костях. Подколенная линия большеберцовых костей «невидимая». Рельеф малоберцовых костей слабый. Погребение женское. Прижизненный рост погребенного составлял около 156 см.

Патологии и эпигенетические варианты. Шов по сосцевидному отростку. Cribra orbitalia. Зубной камень серого цвета. Поротический гиперостоз надпереносья. На правой большеберцовой кости отмечено волнообразное изменение надкостницы переднего края (травма).

Погребение 482. Сохранность очень плохая. Череп грацильный, разрушен. Получено 3 фрагмента костей лицевого отдела, 2 фрагмента левой височной кости, фрагмент теменной кости и нижняя челюсть. Сосцевидные отростки 3 балла. Развитие зубной системы соотносится с возрастом 15-16 лет. Нижняя челюсть умеренно массивная, округлой формы, с хорошо выраженным подбородочным краем. Жевательная бугристость выражена умеренно.

Кости посткраниального скелета грацильные. Локтевая, лучевая и малоберцовая кости получены только правые. Эпифизы длинных костей рук и ног не срослись. Мышечные реакции на костях рук выражены слабо. Позвонки без патологических изменений. Основание крестца нормальное. Линия аспера на бедренных костях не выражена. Вертелы выражены слабо. Большеберцовые кости ниже середины диафиза разрушены и не прослежены. Подколенная линия на большеберцовых костях «невидимая». Погребение мужское. Прижизненный рост погребенного составлял около 151 см.

Патологии. Cribra orbitalia. Эмалевая гипоплазия.

Базилика, череп 2. Получен череп без костей посткраниального скелета. Череп грацильный, разрушен. Фрагменты умеренно массивные. Получено 2 фрагмента затылочной кости, левая височная, 3 фрагмента теменных костей, 1 фрагмент лобной кости, фрагмент верхней челюсти и нижняя челюсть. Верхний глазничный край острый. Альвеолярная часть верхней челюсти параболическая. Сосцевидные отростки 2 балла. Нижний край грушевидного отверстия инфантильной формы. Передняя носовая ость 3 балла. Наружный рельеф затылочной кости выражен средне. Затылочное отверстие овальной формы. Нижняя челюсть грацильная, треугольной формы, асимметричная. Хорошо выражен подбородочный край. Жевательная бугристость выражена слабо. Развитие зубной системы соотносится с 15 годами. Череп женский.

Патологии. Поротический гиперостоз надпереносья. Cribra orbitalia. Поротизация в области слуховых проходов. Зуб 37 кариес. Разный угол наклона ветвей челюсти и высота мышечков (разница высот составляет 6 мм).

После проведенного исследования нами установлено, что полученный материал соотносится с 2 мужскими, 5 женскими и 2 детскими костяками.

Данные о продолжительности жизни и ростовые характеристики, полученные по итогам нашего исследования, совпадают с выводами Н. И. Барминой и Д. Ю. Пономарева [4, с. 391].

Патологические изменения, отмеченные на материале, характерны для обоих полов. Больше количество патологических проявлений на женских костяках, очевидно, объясняется их большим количеством в представленной серии. Анализ патологических изменений показал, что наибольшая частота заболеваний приходится на зубочелюстной аппарат, среди которых преобладают зубной камень, кариес, утрата зубов.

Отложение зубного камня отмечено нами только у представителей женского пола. Во всех случаях фиксировался наддесневый зубной камень. Этот камень образуется, преимущественно, на задней стороне зубов и часто провоцирует появление кариеса. Образование зубного камня имеет сложную этиологию и зависит от ряда причин, среди которых, прежде всего, диета, состав РН слюны, гигиена. Способствует образованию зубного камня и пища с низкими абразивными свойствами (примером может служить вязкая термически обработанная пища, прежде всего растительного происхождения). Для предположения о разнице в рационе питания мужчин и женщин требуется более массовый материал.

Важным индикатором состояния здоровья палеопопуляции является кариес. На новом материале кариесные поражения отмечены у обоих полов. Кариес — сложный, медленно развивающийся инфекционный процесс разрушения твердых тканей зуба. Кариес, как биологический индикатор, подразумевает широкий спектр негативных причин, которые провоцируют эту патологию: микрофлора зубного налета, недостаточно калорийное, однообразное питание, углеводная диета. Кариес имеет статистически достоверную зависимость от социального и экономического уровня группы [6, с. 43-44; 8, с. 97; 14, с. 80-81]. Исследователи рассматривают кариес, как маркер общей иммунной ослабленности организма [7, с. 81].

К маркерам эпизодического стресса, выявленным нами на новом материале, следует отнести эмалевую гипоплазию и поротический гиперостоз.

Эмалевая гипоплазия, проявляется разного рода дефектами зубной эмали. Неравномерное развитие толщины эмалевого покрова коронки зуба происходит из-за дефицита «строительного материала» в процессе его формирования и роста. Воздействующие стрессовые состояния заставляют организм в первую очередь затрачивать потенциал на преодоление этих состояний, что приводит к ростовым задержкам. К возможным причинам возникновения таких стрессовых состояний исследователи относят периоды сезонного голодания, инфекции, лихорадочные состояния, наличие различных традиций в грудном вскармливании, переход на другой тип диеты, гиповитаминоз, другие заболевания [5, с. 70; 6, с. 51]. На вновь полученном материале, в обоих случаях, данный признак фиксировался в виде горизонтальных бороздок на резцах.

Обращает внимание достаточно высокий процент наличия поротического гиперостоза. Наиболее вероятными причинами его возникновения считают хронические инфекции и анемические состояния [4, с. 63, 210-211], однако, его этиология на сегодняшний день окончательно не расшифрована. Частный случай поротического гиперостоза *cribra orbitalia* [17, с. 350] отмечен практически на всех женских костях из новой серии.

Патологии позвоночника отмечены в 4 случаях, на двух женских костях. У одного индивида (25-30 лет) были сочетаны спондилоз и остеохондроз [15, с. 54-56] поясничных позвонков. У второго (30 лет) были сочетаны узлы Шморля на грудных позвонках и остеохондроз поясничных позвонков. Механизм возникновения узлов Шморля определяется изменениями, происходящими в межпозвоночных дисках с образованием хрящевых узлов, имеющих определенную плотность, которые, в свою очередь, вдавливаются в сегменты смежных позвонков. Считается, что узлы Шморля возникают в результате старения организма, вследствие первичных заболеваний, обусловленных наследственностью, либо являются реакцией на травматическое поражение. Остается устойчивой теория, что, обнаруживая подобное заболевание в молодом возрасте, следует рассматривать его как реакцию организма на чрезмерные физические нагрузки [8, с. 179-180; 15, с. 76].

Одним из маркеров патологического перенапряжения костного аппарата является энтезопатия. На новом материале энтезопатия отмечена в четырех случаях. В одном случае, на мужском костяке, энтезопатия надколенников и пяточных костей была сочетана. Принято считать, что данная патология провоцируется чрезмерными нагрузками на определенные отделы организма, если они не чередуются с достаточно продолжительным исключением из активной деятельности. Возникновение энтезопатии также связывают с длительными нагрузками при выполнении стереотипных движений, не обязательно связанных со значительными перенапряжениями. На новом материале все случаи отмечены на костях нижних конечностей.

Генетически детерминированные признаки (добавочные косточки на черепе, зубные стигмы, шов по сосцевидному отростку) отмечены в трех случаях и только на женских костях.

В заключение хотелось бы еще раз подчеркнуть, что даже небольшой по объему материал с низкой степенью сохранности может стать важным источником информации, позволяющей максимально полно реконструировать специфику условий жизни древних людей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеев В. П., Дебец Г. Ф. Краниометрия. Методика антропологических исследований. М., 1966.

2. Алексеев В. П. Остеометрия. М., 1979.
3. Бармина Н. И. Раскопки Мангупской базилики в 2005 г. // АДСВ. 2008. Вып. 38. С. 267-277.
4. Бармина Н. И., Пономарев Д. Ю. Антропологические особенности погребений некрополя мангупской базилики // АДСВ. 2001. Вып. 32. С. 387-393.
5. Бужилова А. П. Древнее население (палеопатологические аспекты исследования населения). М., 1995.
6. Бужилова А. П. Homo sapiens: история болезни. М., 2005.
7. Дебец Г. Ф. Антропологический состав населения средневековых городов Крыма // Сборник музея антропологии и этнографии. 1949. Вып. XII. С. 333-386.
8. Добровольская М. В. Человек и его пища. М., 2005.
9. Зиневич Г. П. Антропологические материалы средневековых могильников юго-западного Крыма. Киев, 1973.
10. Кроков В. Н. Судебная медицина. М., 1998.
11. Мамонова Н. Н., Романова Г. П., Харитонов В. М. Первичная обработка и определение антропологического материала в полевых условиях // Методика полевых археологических исследований. Л., 1989. С. 50-83.
12. Пашкова В. И., Резников Б. Д. Судебно-медицинское отождествление личности по костным останкам. Саратов, 1978.
13. Пашковская В. И. Очерки судебно-медицинской остеологии. М., 1963.
14. Пежемский Д. В. Информативность скелетных останков плохой сохранности (по материалам некрополя Сиреневая бухта) // РА. 2000. № 4. С. 64-75.
15. Рохлин Д. Г. Болезни древних людей. М.; Л., 1965.
16. Свадковский Б. С. Учебное пособие по судебно-медицинской стоматологии. М., 1974.
17. Aufderheide A. C., Martin C. R. Human paleopathology. Cambridge, 1997.
18. Hauser G., De Stefano G. F. Epigenetic variants of the human skull. Stuttgart, 1989.
19. Ubelaker D. H. Human skeletal remains. Excavation, analysis, interpretation. Chicago, 1987.
20. Standards for data collection from human skeletal remains // Arkansas archeological survey research series. 1994. № 44.

REFERENCES

1. Alekseev V. P., Debets G. F. Kraniaometriia. Metodika antropologicheskikh issledovani. Moscow, 1966.
2. Alekseev V. P. Osteometriia. Moscow, 1979.
3. Barmina N. I. Raskopki Mangupskoi baziliki v 2005 g. Antichnaia drevnost' i srednie veka, 2008, vol. 38, pp. 267-277.
4. Barmina N. I., Ponomarev D. Iu. Antropologicheskie osobennosti pogrebenii nekropolia mangupskoi baziliki. Antichnaia drevnost' i srednie veka, 2001, vol. 32, pp. 387-393.
5. Buzhilova A. P. Drevnee naselenie (paleopatologicheskie aspekty issledovaniia naseleniia). Moscow, 1995.
6. Buzhilova A. P. Homo sapiens: istoriia bolezni. Moscow, 2005.
7. Debets G. F. Antropologicheskii sostav naseleniia srednevekovykh gorodov Kryma. Sbornik muzeia antropologii i etnografii, 1949, vol. XII, pp. 333-386.
8. Dobrovol'skaia M. V. Chelovek i ego pishcha. Moscow, 2005.
9. Zinevich G. P. Antropologicheskie materialy srednevekovykh mogil'nikov iugo-zapadnogo Kryma. Kiev, 1973.
10. Kriukov V. N. Sudebnaia meditsina. Moscow, 1998.
11. Mamonova N. N., Romanova G. P., Kharitonov V. M. Pervichnaia obrabotka i opredelenie antropologicheskogo materiala v polevykh usloviakh. Metodika polevykh arkheologicheskikh issledovani. Leningrad, 1989, pp. 50-83.
12. Pashkova V. I., Reznikov B. D. Sudebno-meditsinskoe otozhdestvlenie lichnosti po kostnym ostankam. Saratov, 1978.
13. Pashkovskaia V. I. Ocherki sudebno-meditsinskoi osteologii. Moscow, 1963.
14. Pezhemskii D. V. Informativnost' skeletsykh ostankov plokhoi sokhrannosti (po materialam nekropolia Sirenevaia bukhta). Rossiiskaia arkheologiya, 2000, No. 4, pp. 64-75.

15. Rokhlin D. G. *Bolezni drevnikh liudei*. Moscow, Leningrad, 1965.
16. Svadkovskii B. S. *Uchebnoe posobie po sudebno-meditsinskoi stomatologii*. Moscow, 1974.
17. Aufderheide A. C., Martin C. R. *Human paleopathology*. Cambridge, 1997.
18. Hauser G., De Stefano G. F. *Epigenetic variants of the human skull*. Stuttgart, 1989.
19. Ubelaker D. H. *Human skeletal remains. Excavation, analysis, interpretation*. Chicago, 1987.
20. Standards for data collection from human skeletal remains. *Arkansas archeological survey research series*, 1994, No. 44.

Радочин В. Ю.

Некоторые антропологические материалы из раскопок Мангупского городища
Резюме

В статье рассматривается антропологический материал, происходящий из семи погребальных сооружений Мангупской базилики, полученный в ходе раскопок 2005 года под руководством Н. И. Барминой. В результате проведенного исследования достоверно установлено, что полученный материал соотносится с 9 погребенными (2 мужчин, 5 женщин, 2 детей). По итогам проведенной работы удалось определить не только пол погребенных, их возраст, но и произвести ряд измерений, а также выявить некоторые патологические изменения. Среди патологий, выявленных на костях, преобладали заболевания зубочелюстного аппарата, среди которых зубной камень, кариес, утрата зубов. Заболевания опорно-двигательного аппарата отмечены у обоих полов. Чаше патологии фиксировались на костях нижних конечностей и позвоночнике. Патологии позвоночника отмечены только на женских костях. На новом материале отмечен высокий процент проявления поротического гиперостоза. Маркер эпизодического стресса — эмалевая гипоплазия, отмечена в двух случаях. Эпигенетические варианты выявлены в трех случаях и только на женских костях.

Ключевые слова: Мангуп, череп, посткраниальный скелет, палеопатология, маркеры стресса, травмы, генетически детерминированные признаки.

Radochin V. Yu.

Some Anthropological Materials Excavated at the Ancient City of Mangup
Summary

This article addresses anthropological materials discovered in seven graves in the basilica of Mangup, which were excavated in 2005 by the team of N. I. Barmina. The research has conclusively established that these materials correspond to nine buried persons (two men, five women, and two children). The works conducted allowed us to determine the sex and age of the deceased, as well as to make measurements and discover certain malignant changes. Bone pathologies were mostly diseases of dentofacial apparatus, particularly dental calculus, caries, and teeth loss. Musculoskeletal system diseases have been documented at both sexes. Most often, pathologies occurred on lower extremities bones and spinal column. Pathologies of spinal column are documented on women bones only. This new material uncovers a high percentage of porotic hyperostosis. Episodic stress marker, such as enamel hypoplasia, has been documented twice. Epigenetic variants occur in three cases, on women's bones only.

Keywords: Mangup, cranium, postcranial skeleton, paleopathology, stress markers, traumas, genetically determined characteristics.

Приложения

Таблица № 1.
Индивидуальные краниометрические измерения

№ погр.	476-1	477	478	480	481	482
1	2	3	4	5	6	7
8 поперечный диаметр	155	—	—	—	—	—
9 наименьшая ширина лба	—	—	—	—	102	—
10 наибольшая ширина лба	—	—	—	—	117	—
16 ширина затылочного отверстия	—	—	—	—	—	25
12 ширина затылка	—	112	—	—	—	—
20 ушная высота ро-б	—	—	—	—	116	—
29 лобная хорда	—	—	—	—	120	—
26 лобная дуга	—	—	—	—	135	—
высота изгиба лба	—	—	—	—	26	—
43 верхняя ширина лица fmt-fmt	—	—	—	—	112	—
48 верхняя высота лица	—	—	—	—	68	—
47 полная высота лица	—	—	—	—	117	—
46 средняя ширина лица	—	—	—	—	100	—
60 длина альв. дуги	—	—	—	—	57	—
61 ширина альв дуги	—	—	—	—	66	—
62 длина неба	—	—	—	—	55	—
63 ширина неба	—	—	—	—	38	—
55 высота носа	—	—	—	—	46	—
54 ширина носа	—	—	—	—	25	—
51 ширина орбиты	—	—	—	—	40	—
52 высота орбиты	—	—	—	—	33	—
50 максиллофронтальная ширина	—	—	—	—	24	—
бималлярная ширина fmo-fmo	—	—	—	—	99	—
высота назиона над fmo-fmo	—	—	—	—	17	—
высота над субспинале zm-zm	—	—	—	—	25	—
SC симотическая ширина (57)	—	—	—	—	11	—
SS симотическая высота	—	—	—	—	6	—
MC максиллофронтальная ширина (50)	—	—	—	—	24	—
MS максиллофронтальная высота	—	—	—	—	4	—
DC дакриальная ширина (49a)	—	—	—	—	22	—

Окончание таблицы № 1.

1	2	3	4	5	6	7
DS дакриальная высота	—	—	—	—	9,9	—
глубина клыковой ямки	—	—	—	—	5	—
68 длина нижней челюсти от углов	100	104	40	81	—	95
70(a) высота ветви нижней челюсти	47	67	30	68	—	—
69(c) медиальная высота	28	37	19	28	36	33
65 мышечковая ширина	97	—	75	133	—	—
66 угловая ширина	69	105	67	100	—	—
67 передняя ширина нижней челюсти ml-ml	—	51	36	49	—	—
71 ширина ветви	30	33	19	30	35	29
69-1 высота тела P2-M1	22	36	—	26	32	27
69-2 высота тела M1-M2	21	31	—	25	28	25
69(3) толщина тела	—	15	10	15	—	—
79 угол ветви нижней челюсти	134	118	136	114	—	—
54:55 носовой	—	—	—	—	54,3	—
9:10 лобный	—	—	—	—	87,1	—
MS:MC максиллофронтальный	—	—	—	—	16,6	—
DS:DC дакриальный	—	—	—	—	45	—
назо-молярный угол	—	—	—	—	135	—
зиго-максиллярный угол	—	—	—	—	129	—
SS:SC симотический	—	—	—	—	54,5	—
52:51 орбитный	—	—	—	—	82,5	—
29:26 указатель изгиба лба	—	—	—	—	88,8	—

Таблица № 2.
Индивидуальные измерения ключиц

№ погр. / сторона	476-1		477		478		479		481	
	п	л	п	л	п	л	п	л	п	л
1	107	106	160	—	67	—	—	155	120	122
6	25	26	40	45	16	—	—	45	36	36
6:1	23,3	24,5	25	—	23,8	—	—	29,0	30	29,5

Таблица № 3.
Индивидуальные измерения плечевых костей

№ погр. / сторона	476-1		477		478		479		481		482	
	п	л	п	л	п	л	п	л	п	л	п	л
1	245	244	320	—	—	106	—	—	—	270	—	—
5	16	16	23	—	—	11	26	—	21	20	—	—
6	15	14	22	—	—	10	21	—	17	17	—	—
7	46	46	63	—	—	30	75	78	—	55	47	—
4	—	—	63	—	—	—	—	—	—	—	—	—
10	32	32	48	—	—	—	50	—	39	37	35	35
7:1	18,7	18,8	19,6	—	—	—	—	—	—	—	—	—
6:5	93,7	87,5	95,6	—	—	90,9	80,7	—	80,9	85	—	—

Таблица № 4.
Индивидуальные измерения локтевых костей

№ погр. / сторона	476-1		477		478		481		481		482	
	п	л	п	л	п	л	п	л	п	л	п	л
1	—	—	274	273	—	90	—	—	—	215	—	—
2	—	—	241	241	—	81	—	—	—	194	—	—
3	—	—	34	32	—	16	37	37	—	30	—	—
11	11	11	13	13	6	7	15	—	12	12	10	—
12	12	11	17	17	7	8	17	—	12	13	13	—
13	13	13	29	26	11	12	28	—	22	22	—	—
14	22	22	32	28	11	11	33	—	27	28	—	—
3:2	—	—	14,1	13,2	—	19,7	—	—	—	15,4	—	—
11:12	91,6	100	76,4	76,4	85,7	87,5	88,2	—	100	92,3	76,9	—
13:14	59,0	59,0	90,6	92,8	100	109	84,8	—	81,4	78,5	—	—

Таблица № 5.
Индивидуальные измерения лучевых костей

№ погр. / сторона	476-1		477		478		479		480		481		482	
	п	л	п	л	п	л	п	л	п	л	п	л	п	л
1	175	175	264	264	—	—	—	—	—	252	200	—	180	—
2	—	—	255	255	—	—	—	—	—	243	192	—	—	—
3	33	33	43	43	—	—	—	—	46	50	36	—	37	—
4	19	18	18	17	6	6	16	—	17	18	14	15	13	—
5	12	11	13	13	5	5	10	—	12	13	10	10	10	—
5:4	63,1	61,1	72,2	76,4	83,3	83,3	62,5	—	70,5	72,2	71,4	66,6	76,9	—
3:2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—

Таблица № 6.
Индивидуальные измерения бедренных костей

№ погр. / сторона	477		478		479		480		481		482	
	п	л	п	л	п	л	п	л	п	л	п	л
1	462	465	—	—	—	—	—	—	379	378	—	—
2	458	461	—	—	—	465	351	350	376	328	379	378
21	85	84	—	32	—	78	64	64	74	74	65	65
6	30	31	—	—	30	—	21	21	23	23	21	20
7	27	28	—	—	27	26	20	20	26	26	20	21
8	87	88	—	—	95	95	65	65	82	79	65	65
9	35	35	—	—	35	—	26	26	28	28	26	25
10	26	26	—	—	31	—	20	20	24	24	22	21
13	105	103	—	—	101	—			85	85	83	83
15	34	35	—	—	38	38	28	28	30	30	26	26
18	51	51	—	—	50	49			42	42	35	35
29	131	131	—	—	131	—	136	136	136	136	141	141
8:2	18,9	19,0	—	—	—	20,4	18,5	18,5	21,8	24,0	17,1	17,1
6:7	111,1	110,7	—	—	111,1	—	105	105	88,4	88,4	105	95,2
10:9	74,2	74,2	—	—	88,5	—	76,9	76,9	85,7	85,7	84,6	84

Таблица № 7.
Индивидуальные измерения надколенников

№ погр. / сторона	477		478	
	п	л	п	л
1	50	48	42	43
2	51	48	44	44
1:2	98,0	100	95,4	97,7

Таблица № 8.
Индивидуальные измерения большеберцовых костей

№ погр. / сторона	477		478		479		480		481		482	
	п	л	п	л	п	л	п	л	п	л	п	л
1	367	366	110	—	376	—	285	284	303	299	—	—
1a	367	370	—	—	383	—	—	—	310	298	—	—
2	349	344	—	—	354	—	—	—	291	291	—	—
3	81	77	27	—	40	—	58	57	68	66	—	—
9(a)	27	27	10	—	26	27	21	21	21	21	22	22
10(b)	83	—	31	—	83	84	61	60	68	67	66	66
10(b):1	22,6	—	28,1	—	22,0	—	21,4	21,1	22,4	22,4	—	—

Таблица № 9.
Индивидуальные измерения малоберцовых костей

№ погр. / сторона	477		478		479		481		482	
	п	л	п	л	п	л	п	л	п	л
1	362	—	—	—	—	—	300	—	—	—
2	17	16	12	12	15	15	14	14	10	—
3	13	13	9	9	9	8	10	10	8	—
4(a)	40	—	—	—	—	—	—	—	—	—
3:2	76,4	81,2	75	75	60	53,3	71,4	71,4	80	—

Таблица № 10.
Патологии и эпигенетические признаки

Патологические изменения	Мужчины	Женщины
Утрата зубов	1	1
Зубной камень	—	2
Эмалевая гипоплазия	1	1
Кариес	—	3
Признаки воспаления на нижней челюсти		1
Cribra orbitalia	1	4
Поротический гиперостоз	—	3
Проявления отита	1	2
Травма	1	1
Узлы Шморля	—	1
Остеохондроз позвонков	—	2
Спондилоз	—	1
Искривление длинных костей ног	1	1
Энтезопатия надколенников	1	1
Энтезопатия пяточных костей	1	1
Изменения в суставах костей стопы	—	1
Эпигенетические варианты		
Добавочные косточки на черепе	—	1
Шов по сосцевидным отросткам	—	1
Бугорок Карабелли	—	1

В. В. МАЙКО

К ВОПРОСУ О ВЫДЕЛЕНИИ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ГОРИЗОНТОВ МАНГУПА IX-XI вв.

В истории изучения Мангупского городища т. н. «хазарского» и «фемного» периодов, несмотря на большую проделанную работу, все еще остается много неясного. Активное освоение территории города в позднесредневековый период, превращение его в столицу княжества Феодоро и стратиграфические особенности памятника оставляют мало шансов получить стратифицированные закрытые комплексы «дофеодоритских» периодов.

Исходя из этого, источниковая база остается пока на стадии накопления материала. Не лучше обстоит дело и с письменными источниками. Единственным свидетельством является упоминание города в широко известной т. н. Пространной редакции ответного письма хазарского царя Иосифа Хасдаю-ибн-Шафруту. Напомним, что в Пространной редакции ответного письма Иосифа, описывая границы Хазарии, автор говорит о том, что «С западной стороны — Ш-р-кил (Саркел — Белая Вежа), См-к-р-ц, К-р-ц (Керчь), Суг-рай (Сугдея — Судак), Алус (Алушта), Л-м-б-т, Б-р-т-нит (Партенит), Алубиха (Алупка), Кут, Манк-т (Мангуп), Бур-к, Ал-ма, Г-рузин (Херсон). Эти (местности) расположены на берегу моря Кустандины (Черного моря), к западной (его) стороне» [15, с. 84-103]. Источниковедческий анализ этого перечня неоднократно опубликован разными авторами [23, с. 1578-1580].

История обнаружения и публикации этого спорного источника многократно становилась предметом специальных исследований, что избавляет нас от повторений. Коротко отметим, что существует довольно обоснованное мнение о том, что Пространная редакция, как и весь комплекс т. н. хазарско-еврейской переписки, является сфальсифицированной, начиная с первого публикатора [4, с. 118-128; 21, с. 208]. Источниками фальсификаций А. Фирковича признаются 42 глава трактата Константина Багрянородного, сообщения арабских историков, в частности ал-Факиха, а также монография Д. Хвольсона 1869 г. В лучшем случае считается, что данный перечень является попыткой описать идеальные границы своего государства, не соответствующие историческим реалиям времени составления документа. Несмотря на логичность и убедительность изложения, многие построения так же гипотетичны и предполагают выдающийся научный кругозор и историческую компетентность караимского патриарха.

Не вступая в эту сложную и запутанную дискуссию, с точки зрения археологии можно отметить только следующие объективные моменты. Во-первых, на всех перечисленных памятниках, в том числе и на Мангупе, отмечены синхронные и однотипные археологические материалы середины — второй половины X в., не связанные с предшествующими салтовскими древностями. Таким образом, дискуссия о том, существовали они или нет во времена царя Иосифа, бесперспективна. Во-вторых, эти артефакты и объекты, в подавляющем большинстве не позволяющие судить об этносе, не могут доказать или опровергнуть и политическую принадлежность указанных городов и поселений. При этом отметим, что если считать перечень фальсификацией, необходимо, во-первых, согласиться с гипотетическим предположением о том, что

большая часть Таврики контролировалась в середине X в. Византией. Во-вторых, надо признать, что подделка А. Фирковича, в частности о существовании Мангупа в середине X в., частично подтверждается археологическими материалами, которые караимскому патриарху, конечно, были неизвестны [16, с. 100-121; 18, с. 91-102].

Ценным эпиграфическим источником, позволяющим пролить некоторый свет на историю Мангупского городища в «дофеодоритский» период, является надпись на крепостной стене главной линии обороны Мангупа в балке Табана-Дере. Этот памятник известен уже давно, однако его новое прочтение и интерпретация сделаны были совсем недавно. Исходя из палеографических особенностей и тщательного натурного анализа надписи, А. Ю. Виноградов произвел ее передатировку с 1503 г., как предполагалось ранее, на 994-995 гг. Таким образом, надпись следует читать: «Построена эта стена во дни местоблюстителя Цула-бега, сына Полета, в 6503 году» [6, с. 263].

Данное прочтение надписи Цулы чрезвычайно важно не только для истории Мангупа, но и для других регионов Таврики. Нельзя не согласиться с А. Ю. Виноградовым в том, что местоблюститель-топоторит не мог не подчиняться стратигу Херсона. Таким образом, присутствие в конце X в. на Мангупе византийского гарнизона становится безусловным [6, с. 265]. Вероятно, эта стена и была построена при назначении в крепость гарнизона, в связи с расширением византийского присутствия в Горном Крыму. Несомненный интерес представляет личное имя топоторита — Цула-бег. По мнению А. Ю. Виноградова, его можно отождествить с известным по сфрагистическим находкам середины — второй половины X в. Цулой — императорским спафарием Херсона. Остальные представители этого рода, известные также в достаточно короткий промежуток времени — с 995 до 1016 гг., вероятно, являлись его сыновьями [6, с. 268]. Несмотря на логичность построений, трудно все же согласиться с выводом о том, что основоположник крымских Цул, тем более с приставкой -бег, является прибывшим из Фессалоник потомком императорских чиновников этого города.

Таким образом, совершенно очевидно, что главными источниками для реконструкции истории Мангупа «хазарского» и «фемного» периодов являются археологические. Однако и тут, как уже отмечалось, мы пока ощущаем значительный дефицит материала.

Эта малочисленность источниковой базы способствует дискуссионности основных моментов истории Мангупа «дофеодоритского» времени. Одним из них является проблема времени и причин возникновения укрепления. По справедливому мнению исследователей, этот вопрос неразрывно связан с проблемой локализации страны Дори и «длинных стен», упомянутых в трактате Прокопия «О постройках» [7, с. 87-166]. Анализ этого сочинения и материалы археологических разведок на Южном берегу Крыма позволили высказать предположение о том, что «длинные стены» могут быть сопоставлены с некоторыми обнаруженными кладками в районах Главной гряды Крымских гор. Дата их строительства была высказана предположительно и относилась, естественно, к «юстиниановскому» времени [1, с. 151-162; 2, с. 10]. Этим же временем датировалось возникновение укреплений на Мангупе [5, с. 62; 3, с. 153]. Отметим, что в настоящее время накоплен значительный материал, укладываемый в широкие хронологические рамки V-VII вв., не позволяющий, однако, установить более точную дату [9, с. 29-34].

Материалов «хазарского» времени, которые датируются в рамках существования крымского варианта салтово-маяцкой культуры, т. е. второй половины VIII — рубежа IX-X вв., обнаружено на Мангупе значительно меньше. По справедливому замечанию А. Г. Герцена [9, с. 29-34], они составляют не более 5%. Исследователем особо отмечается малочисленность выразительных форм салтово-маяцкой керамики: доминируют высокогорлые тарные кувшины, причерноморские амфоры, византийская поливная керамика. Подобная ситуация характерна в целом и для археологических

памятников всего Юго-Западного Крыма и крымского южного побережья, что отличает их от салтово-маяцких памятников юго-восточной и восточной частей Таврики.

Исходя из сохранности средневековых слоев Мангупа, выделить период второй половины X — середины XI вв., после прекращения существования салтово-маяцкой культуры Крыма, еще сложнее. При этом надо отметить, что, согласно концепции А. Г. Герцена, все комплексы, возникающие во второй половине IX в., существуют без заметных изменений до середины XI в. Во-первых, речь идет о винодельческих комплексах, представляющих собой большие прессы (тарапаны), вырубленные в скале, рядом с которыми располагались гнезда ямы для установки округлодонных сосудов. Всего к настоящему времени открыто более десятка таких комплексов, располагавшихся преимущественно в восточной части плато [9, с. 29-34]. Во-вторых, к этому периоду отнесены и зафиксированные археологически обширные ремонтные работы на месте оборонительных сооружений. Следует, прежде всего, упомянуть т. н. укрепленную линию А. XIV Главной линии обороны крепости, пересекавшую устье Лагерной балки. Ее главная куртина была перенесена ниже по склону и установлена прямо на поверхность земли [9, с. 29-34].

Попробуем, все же, расчленить эти и другие комплексы хронологически, попытавшись выделить материалы, как середины VIII — рубежа IX-X вв., так и второй половины X — первой половины XI вв.

В настоящее время на территории памятника материалы, датируемые не ранее второй половины X в., обнаружены в нескольких местах, в том числе и на территории наиболее изученной части городища — цитадели. Среди них в первую очередь необходимо упомянуть стратиграфические горизонты №№ 2 и 3 на площади раскопов 1998 и 2003 гг. на юго-восточном склоне мыса Тешкли-Бурун [12, с. 384-432; 10, с. 378-409]. Благодаря их подробной публикации, есть возможность проанализировать керамический комплекс культурных горизонтов. Не повторяя подробного описания керамического комплекса из слоя № 2, датированного феодинитским временем, необходимо отметить присутствие в нем фрагментов тонкостенной кухонной керамики второй половины X — XI вв. [10, с. 383] и двух фрагментов кухонных салтовских горшков предшествующего времени [10, с. 462 рис. 22,2,3]. Ко второй половине X — XI вв. относятся фрагменты поливной керамики группы «Glazed White Ware II», согласно типологии Дж. Хейса, а к более раннему времени, синхронному салтовской керамике, отдельные фрагменты группы «Glazed White Ware I», по той же типологии. Таким образом, совершенно ясно, что горизонт перемешан, и в нем можно четко выделить материалы второй половины X — XI вв. Находки салтовского времени, как и раннесредневековые артефакты, логично рассматривать, как «примесь снизу».

Проясняет ситуацию следующий стратиграфический горизонт № 3, отнесенный к фемному периоду. Судить о его нижней хронологической границе на основании обнаруженных материалов сложно, но, вероятно, исходя из большого количества высокорлых кувшинов, она приходится на середину — вторую половину IX в. Основная же масса тарной керамики представлена амфорами «причерноморского» типа, в том числе с зональным рифлением. Трудно согласиться с мнением исследователей о том, что верхняя хронологическая граница этих амфор, какой бы тип или вариант их не рассматривать, приходится на вторую половину X или даже на начало XI вв. При обосновании датировки авторы часто обращаются к хронологическим разработкам А. В. Сазанова. Однако при обосновании времени исчезновения салтовских памятников полуострова исследователь ограничивает хронологические рамки бытования причерноморских амфор второй половиной IX в. [22, с. 576].

В настоящее время большинство специалистов согласно с тем, что византийские «сферомкостные» и «воротничковые» амфоры появляются на полуострове с сере-

дины X в. и получают чрезвычайно широкое распространение в Таврике во второй половине этого столетия. Ни в одном из известных закрытых салтовских комплексов Восточного Крыма, где причерноморские амфоры встречены массово, византийские амфоры указанных типов не встречены. Совершенно очевидно, что, по крайней мере, в восточной Таврике, они не сосуществуют. При хорошо налаженном местном производстве амфор, импорт византийских был совершенно не нужен. Таким образом, византийские амфоры и в Юго-Восточном, и в Юго-Западном Крыму сменяют местные амфоры «причерноморского» типа примерно в середине X в. Кухонная керамика, составляющая около 6% от общего числа керамических находок, представлена, к сожалению, маловыразительными фрагментами, столовая — ойнохоями «скалистинского» типа и византийской глазурированной посудой групп «Glazed White Ware I» и «Glazed White Ware II». Таким образом, на наш взгляд, горизонт № 3 также перемешан. Основная масса находок относится ко второй половине IX — первой половине X вв. Яркий аналог этому комплексу — керамический комплекс из усадьбы у подножия Мангупа [20, с. 324-340]. Он типичен для середины IX — второй четверти X вв., с чем согласен и автор исследований [20, с. 334]. Однако и здесь присутствуют находки второй половины X в., прежде всего, поливная керамика группы GWW II, которую необходимо рассматривать в данном случае как «примесь сверху».

Возможность выделения горизонта второй половины X — XI вв. на Мангупском городище ярко подтверждают также полно опубликованные результаты раскопок 1976 г. (раскоп X) жилого комплекса на мысе Тешкли-Бурун, у тыльной стороны северо-западной куртины цитадели Мангупа [11, с. 127-151]. Здесь зафиксирован культурный горизонт интересующего нас времени, связанный с функционированием и гибелью постройки. К тарной керамике из слоя относятся численно преобладающие высокорлые кувшины с ленточными ручками, отдельными фрагментами представлены «воротничковые» византийские амфоры. Мелкие обломки раннесредневековых амфор справедливо рассматриваются как «примесь снизу». Гончарная керамика представлена широкогорлыми шаровидными тонкостенными сосудами с широкой профилированной ручкой [11, рис. 4,9-13]. Морфологически они идентичны сосудам, встреченным в стратиграфическом горизонте № 2 на юго-восточном склоне мыса Тешкли-Бурун. Основную массу поливной керамики составляют поливные сосуды группы GWW II. Таким образом, исходя из многочисленных аналогов в комплексах раннесредневековой Сугдеи, Боспора и Партенит, данный горизонт можно предположительно датировать в рамках второй половины X — XI вв.

Синхронный горизонт обнаружен и возле описанного выше сооружения. Частичное его исследование проводилось в 1999 г. Так, в слое разборки каменного завала на участке хозяйственного двора к северо-востоку от помещения 1 здания 14 зафиксирован фрагмент оранжевоглиняного кувшина с орнаментом в виде кружков и линий [8, рис. 64,6]. Из этого же горизонта происходят фрагменты поливных византийских тарелок группы GWW-II и фрагменты высокорлых кувшинов. Материалы второй половины X — XI вв. происходят и из заполнения тарапана. В верхнем слое заполнения объекта они представлены фрагментом крышки с защипами по краю верхнего бортика [8, рис. 95,12] и фрагментами высокорлых кувшинов, в нижнем — многочисленными фрагментами высокорлых кувшинов (34% от состава керамического комплекса) и фрагментами кухонных горшков с ленточными ручками [8, рис. 96,8] типа 1 по типологии кухонной керамики населения Восточного Крыма второй половины X — XI вв. [17, с. 374-377, рис. 107-110].

Помимо уникальных пока стратиграфических горизонтов, в материалах раскопок Мангупа известны и отдельные вещи, обнаруженные в переотложенном состоянии, но датируемые «фемным» периодом. Прежде всего, это кистень, обнаруженный при

раскопках квартала у церкви Св. Константина [13, с. 452, рис. 1,1]. По справедливому мнению А. А. Душенко, основанному на многочисленных приведенных аналогиях, изделие может датироваться в рамках IX — первой половины XI вв. [13, с. 434-435]. В отличие от судакского и херсонесского изделий, мангупский экземпляр имеет не удлинненную, а скорее шарообразную форму, что может свидетельствовать о его более ранней дате [24, с. 59; 13, с. 434].

Нельзя не упомянуть и о костяных пластинах составных гребней, обнаруженных при раскопках позднесредневековых горизонтов в Лагерной балке и квартала у церкви Св. Константина [14, р. 35-38]. На этом основании было высказано справедливое предположение о существовании на городище домашнего производства простых костяных изделий. Аналогии этим изделиям в Крыму известны только в материалах, полученных при изучении заполнения склепа № 23 городища Белинское, где они также датируются второй половиной X — XI вв. [25, с. 348-363].

Таким образом, в качестве предположения можно констатировать, что «фемный» период Мангупского городища, как и других городских памятников Юго-Восточного и Юго-Западного Крыма, четко распадается на два этапа: второй половины IX — первой половины X вв. и второй половины X — середины XI вв.

По справедливому мнению А. Г. Гецена и В. Е. Науменко, до конца VIII — первой половины IX вв. крепость Дорос сохраняла свой ранневизантийский облик [9, с. 29-34]. Судя по наличию высокогорлых кувшинов с ленточными ручками, в середине IX в. проводятся обширные ремонтные работы в крепости, появляются винодельческие комплексы, происходит смена доминирующих типов керамических форм. Постоянное население крепости резко сокращается, по сравнению с предшествующим периодом. Однако оно не утрачивает экономических и культурных связей с причерноморским миром, представленным в данном регионе византийским Херсоном. В идеологической сфере сохраняет и даже упрочивает свои позиции христианство: по некоторым данным, в этот период расширяется большая базилика в центре Мангупского плато [9, с. 29-34].

Все эти данные, однако, не позволяют судить о политической подчиненности Дороса и присутствию там хазарского воинского контингента. Вероятнее всего, хазарское присутствие до середины IX в. ограничилось здесь установлением системы административного контроля, который постепенно ослабевал, уступая место вновь усиливавшемуся византийскому влиянию [9, с. 29-34].

Во второй половине X в., после окончательного вхождения всего полуострова в состав Византийской империи, жизнь на Мангупе, несмотря на сокращение размеров обжитой территории, продолжается. Возникают новые и используются старые тарапаны, продолжает функционировать оборонительная система, некрополи. Четко прослеживаются попытки подчинить городскую систему возведения зданий общевизантийским принципам квартальной застройки. Развивается христианское культовое строительство, активно используется крестообразный храм. Согласно периодизации В. Л. Мыца, храм возникает на рубеже IX-X вв., о чем свидетельствует археологический материал второй половины IX — первой половины X вв. [19, с. 228, рис. 4,1-6,8-11]. Судя по фрагменту ранней «воротничковой» амфоры [19, с. 228, рис. 4,7], в середине X в. происходит его перестройка, возможно связанная с пожаром, зафиксированным на полу северного придела. Материал из слоя пожара, вероятнее всего, синхронен обнаруженному в кладке северной стены притвора. Интересно отметить, что использование элементов кладки «в елку», как, например, в склепе типа VII некрополя Судак-II, отмечено и в гробнице 5 прихрамового некрополя крестообразного храма Мангупа, датирующейся в рамках второй половины X в. [19, с. 239, рис. 11,5,6]. Гибель храма и связанного с ним по-

селения датируется концом X в. и объясняется нашествием печенегов [19, с. 240]. Однако относительно последнего суждения, какие-либо аргументы отсутствуют.

Согласно данным сфрагистики, во второй половине X в. в составе Херсонской фемы выделяется турма Готии. Это событие связано, в первую очередь, с произошедшей в это время реформой византийской административной системы в Крыму. В соответствии со стандартной структурой фемы, в ее состав должно было входить три турмы. Однако в провинциях это соблюдалось далеко не всегда. Тем не менее, нет сомнений в том, что, согласно византийской практике, фигурирующий в сфрагистическом источнике турмарх Готии спафарий Лев был назначен на должность византийским императором и являлся комендантом той части военно-административного округа, на территории которого располагалась его турма. Несомненным было и его подчинение стратигу Херсонской фемы. Будучи окружным военачальником, он набирал войско из местных жителей и был обязан выступить с ним по приказу стратига. Скорее всего, резиденция турмарха Готии находилась в крепости на плато Мангуп.

Уже упоминавшаяся надпись на крепостной стене главной линии обороны Мангупа в Табана-Дере, датирующаяся 994-995 гг., свидетельствует не только о строительстве и ремонте фортификационных сооружений, но и о нахождении в городе византийского гарнизона под руководством чиновника высокого ранга, в частности, представителя одного из самых могущественных местных родов Цул.

С ликвидацией фемы в Херсоне в третьей четверти XI в., связанной с общим кризисом фемной системы в Империи, перестает функционировать и турма Готии. Административные образования на ее территории в период существования Херсонского катепаната XI — рубежа XI-XII вв. остаются пока неизвестными, но связь региона с Херсоном, в период подчинения города Трапезундской империи, несмотря на закономерное ослабление, несомненно, существовала.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Баранов И. А. О восстании Иоанна Готского // Феодальная Таврика. Материалы по истории и археологии Крыма / под ред. С. Н. Бибикиной. Киев: Наукова думка, 1974. С. 151-162.
2. Баранов И. А. Хазары и Херсонес в VIII в. // Проблемы исследования античного и средневекового Херсонеса. 1888-1988 гг. Тезисы докладов. Севастополь, 1988. С. 10.
3. Баранов И. А. Таврика в эпоху раннего средневековья (салтово-маяцкая культура). Киев: Наукова думка, 1990. 168 с.
4. Бушаков В. Як укладалася докладна редакція так званого листа хазарського царя Йосифа // Хазарський альманах. 2005. Т. 4. С. 118-128.
5. Веймарн Є. В. Одні з важливих питань ранньосередньовічної історії Криму // Середні віки на Україні. Київ, 1971. Вип. I. С. 61-64.
6. Виноградов А. Ю. Надпись из Табана-Дере: пятьсот лет спустя // АДСВ. 2009. Вып. 39. С. 262-271.
7. Герцен А. Г. Крепостной ансамбль Мангупа // МАИЭТ. 1990. Вып. I. С. 87-166.
8. Герцен А. Г. Отчет об археологических исследованиях Мангупского городища 1999 г. Приложения. Т. III // Архив Института археологии Крыма РАН. Инв. Кн. 4, инв. № 629, папка № 1029.
9. Герцен А. Г. Хазары в Доросе-Мангупе // Хазарский альманах. 2002. Т. 1. С. 29-34.
10. Герцен А. Г., Землякова А. Ю., Науменко В. Е., Смокотина А. В. Стратиграфические исследования на юго-восточном склоне мыса Тешкли-Бурун (Мангуп) // МАИЭТ. 2006. Вып. XII. С. 371-494.
11. Герцен А. Г., Науменко В. Е. Керамика IX-XI вв. из жилого комплекса на мысе Тешкли-Бурун // АДСВ. 2001. Вып. 32. С. 127-151.
12. Герцен А. Г., Науменко В. Е. К истории цитадели Мангупа (по материалам археологических исследований на юго-восточном склоне мыса Тешкли-Бурун) // АДСВ. 2006. Вып. 37. С. 384-432.
13. Душенко А. А. Изделия из кости и рога из раскопок квартала у церкви Св. Константина (Мангуп) // МАИЭТ. 2009. Вып. XV. С. 432-456.

14. Dushenko A. The finds of composite singl-sided combs of Scandinavian look in the territory of Mangup // *Inter ambo Maria. Contacts between Scandinavia and the Crimea in the Roman Period*. Kristiansand, Simferopol, 2011. P. 35-38.
15. Коковцов П. К. Еврейско-хазарская переписка в X в. Л., 1932. 130 с.
16. Майко В. В. Археологическая ситуация в средневековой Таврике и на Тамани в середине X в. // *Хазарский альманах*. 2012. Т. 10. С. 100-121.
17. Майко В. В. Восточный Крым во второй половине X-XII вв. Киев, 2014. 467 с.
18. Майко В. В. Приписки на полях Крымских библий. Фальсифицированный источник и археологические реалии // *Хазарский альманах*. 2014. Т. 12. С. 91-102.
19. Мыц В. Л. Крестообразный храм Мангупа // *СА*. 1990. № 1. С. 224-242.
20. Науменко В. Е. Раскопки раннесредневекового поселения у подножия Мангупа // *Бахчисарайский историко-археологический сборник*. 1997. Вып. 1. С. 324-339.
21. Петрухин В. Я. Хазария, Русь и славяне: становление городской сети и контроль над международными коммуникациями // *Международные отношения в бассейне Черного моря в скифо-античное и хазарское время*. Ростов-на-Дону, 2009. С. 208-214.
22. Сазанов А. В., Могаричев Ю. М. К вопросу о времени прекращения хазарского присутствия в Крыму // *ПИФК*. 2008. Вып. XXI. С. 572-589.
23. Сорочан С. Б. Византийский Херсон. Очерки истории и культуры. Ч. 2. Харьков, 2005. 1552 с.
24. Флёрова В. Е. Резная кость юго-востока Европы IX-XII вв.: искусство и ремесло (по материалам Саркела-Белой Вежи из коллекции Государственного Эрмитажа). СПб., 2001. 256 с.
25. Зубарев В. Г., Майко В. В., Ярцев С. В. Новый склеп с раннесредневековыми материалами из раскопок некрополя городища «Белинское» // *Боспорский исследования*. 2017. Вып. XXXV. С. 348-363.

REFERENCES

1. Baranov I. A. O vosstanii Ioanna Gotskogo. Bibikov S. N. (Ed.), *Feodal'naia Tavrika. Materialy po istorii i arheologii Kryma*, Kiev, Naukova dumka Publ., 1974, pp. 151-162.
2. Baranov I. A. Hazary i Hersones v VIII v. *Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii "Problemy issledovaniia antichnogo i srednevekovogo Hersonesa. 1888-1988 gg."*, Sevastopol, 1988, p. 10.
3. Baranov I. A. *Tavrika v jepohu rannego srednevekov'ja (saltovo-majackaja kul'tura)*. Kiev, Naukova dumka Publ., 1990, 168 p.
4. Bushakov V. Jak ukladalasja dokladna redakcija tak zvanogo lista hozars'kogo carja Josifa. *Khazarskij al'manah*, 2005, vol. 4, pp. 118-128.
5. Vejmar E. V. Odne z vazhlivih pitan' rann'oseredn'ovichnoi ictopii Krimu. *Seredni viki na Ukraini*, Kiev, 1971, vol. I, pp. 61-64.
6. Vinogradov A. Ju. Nadpis' iz Tabana-Dere: pjat'sot let spustja. *Antichnaya drevnost' i sredniye veka*, 2009, vol. 39, pp. 262-271.
7. Gercen A. G. Krepustnoj ansambl' Mangupa. *Materialy po arheologii, istorii i etnigrafii Tavrii*, 1990, vol. I, pp. 87-166.
8. Gercen A. G. Otchet ob arheologicheskikh issledovanijah Mangupskogo gorodishha 1999 g. Prilozhenija. T. III. *Arkhiv Instituta arheologii Kryma Rossijskoi akademii nauk*, Book 4, No. 629, box № 1029.
9. Gercen A. G. Hazary v Dorose-Mangupe. *Khazarskij al'manah*, 2002, vol. 1, pp. 29-34.
10. Gercen A. G., Zemljakova A. Ju., Naumenko V. E., Smokotina A. V. Stratigraficheskie issledovaniia na jugo-vostochnom sklone mysa Teshkli-Burun (Mangup). *Materialy po arheologii, istorii i etnigrafii Tavrii*, 2006, vol. XII, pp. 371-494.
11. Gercen A. G., Naumenko V. E. Keramika IX-XI vv. iz zhilogo kompleksa na myse Teshkli-Burun. *Antichnaya drevnost' i sredniye veka*, 2001, vol. 32, pp. 127-151.
12. Gercen A. G., Naumenko V. E. K istorii citadeli Mangupa (po materialam arheologicheskikh issledovanij na jugo-vostochnom sklone mysa Teshkli-Burun). *Antichnaya drevnost' i sredniye veka*, 2006, vol. 37, pp. 384-432.
13. Dushenko A. A. Izdelija iz kosti i roga iz raskopok kvartala u cerkvi Sv. Konstantina (Mangup). *Materialy po arheologii, istorii i etnigrafii Tavrii*, 2009, vol. XV, pp. 432-456.

14. Dushenko A. The finds of composite singl-sided combs of Scandinavian look in the territory of Mangup. *Inter ambo Maria. Contacts between Scandinavia and the Crimea in the Roman Period*, Kristiansand, Simferopol, 2011, pp. 35-38.
15. Kokovcov P. K. *Evrejsko-hazarskaja perepiska v X v.* Leningrad, 1932, 130 p.
16. Majko V. V. Arheologicheskaja situacija v srednevekovoj Tavrike i na Tamani v seredine X v. *Khazarskij al'manah*, 2012, vol. 10, pp. 100-121.
17. Majko V. V. *Vostochnyj Krym vo vtoroj polovine X-XII vv.* Kiev, 2014, 467 p.
18. Majko V. V. Pripiski na poljah Krymskikh biblij. Fal'sificirovannyj istochnik i arheologicheskie realii. *Khazarskij al'manah*, 2014, vol. 12, pp. 91-102.
19. Myts V. L. Krestobraznyj hram Mangupa. *Sovetskaya arheologia*, 1990, No. 1, pp. 224-242.
20. Naumenko V. E. Raskopki rannesrednevekovogo poselenija u podnozhija Mangupa. *Bakhchisarayskij istoriko-arhtolodicheskij sbornik*, 1997, vol. 1, pp. 324-339.
21. Petruhin V. Ja. Hazarija, Rus' i slavjane: stanovlenie gorodskoj seti i kontrol' nad mezhdunarodnymi kommunikacijami. *Mezhdunarodnye otnoshenija v bassejne Chernogo morja v skifo-antichnoe i khazarskoe vremja*, Rostov-na-Donu, 2009, pp. 208-214.
22. Sazanov A. V., Mogarichev Ju. M. K voprosu o vremeni prekrashhenija hazarskogo prisutstvija v Krymu. *Problemy istorii, filologii, kultury*, 2008, vol. XXI, pp. 572-589.
23. Sorochan S. B. *Vizantijskij Herson. Ocherki istorii i kul'tury*. Part 2. Harkov, 2005, 1552 p.
24. Fljorova V. E. *Reznaja kost' jugo-vostoka Evropy IX-XII vv.: iskusstvo i remeslo (po materialam Sarkela-Beloi Vezhi iz kollekcii Gosudarstvennogo Jermitazha)*. S-Petersburg, 2001, 256 p.
25. Zubarev V. G., Maiko V. V., Iartsev S. V. Novyi sklep s rannesrednevekovymi materialami iz raskopok nekropolia gorodishcha «Belinskoe». *Bosporskii issledovaniia*, 2017, Vol. XXXV, pp. 348-363.

Майко В. В.

К вопросу о выделении средневековых горизонтов Мангупа IX-XI вв.

Резюме

В статье проанализированы письменные и археологические источники, связанные с историей Мангупского городища VIII-XI вв. Отмечено, что источниковая база, исходя из истории развития и стратиграфии памятника, крайне ограничена. Тем не менее, имеющиеся материалы позволяют предположить, что материальная культура города в «хазарский» период является одним из вариантов провинциально-византийской культуры с очень высокой степенью византизации. Этим она отличается от провинциально-византийской салтово-маяцкой культуры Восточного Крыма. Со второй половины X в. после выделения в составе Херсонской фемы турмы Готии, Мангуп, скорее всего, становится ее центром. Материальная культура города в этот период также является одним из вариантов провинциально-византийской культуры, характерной для всего Крымского полуострова.

Ключевые слова: Мангуп, хазарский период, фемный период, материальная культура.

Maiko V. V.

Concerning the Establishment of Mediaeval Horizons of Mangup from the Ninth to Eleventh Centuries

Summary

This article analyses written and archaeological sources connected with the history of the ancient city of Mangup from the eighth to eleventh centuries. It is underlined that the source base originating from the history and stratigraphy of the site is extremely limited. Nevertheless, the account in possession allow one to assume that the material culture of the city in the so-called Khazar Period comprised a variant of provincial Byzantine culture, with a high degree of a Byzantinization. This is its difference from provincial Byzantine Saltovo-Maiaki Culture which developed in the Eastern Crimea. From the second half of the tenth century on, when the turma of Gothia was established within the *theme* of Cherson, Mangup, most likely, became its center. This city's material culture in the period in question also was a variant of provincial Byzantine culture, typical of the entire Crimean Peninsula.

Keywords: Mangup, Khazar Period, *Thematic* Period, material culture.

И. А. ЗАВАДСКАЯ

ЧЕРЕПИЦА ГРУППЫ Ia НА ЭСКИ-КЕРМЕНЕ:
К ВОПРОСУ О МЕСТЕ ПРОИЗВОДСТВА¹

Строительные керамические материалы широко использовались со времен античности, особенно они были популярны в Римской империи. Византия унаследовала традицию производства и применения плинфы (кирпича) и черепицы. Известно огромное количество византийских храмов и оборонительных стен, выстроенных полностью из кирпича или чаще с чередованием рядов кирпича и камня (в технике *opus mixtum*). Кроме кирпичных стен, многие общественные и жилые постройки имели черепичные кровли. Крыши из красной черепицы формировали внешний облик городов и поселений византийского Крыма. Объемы находимой при археологических исследованиях черепицы свидетельствуют о массовом и достаточно стабильном керамическом производстве на протяжении многих веков. В средне- и поздневизантийский периоды вся строительная керамика изготавливалась, скорее всего, в местных мастерских, о которых пока мало что известно.

Большие перспективы в изучении строительной керамики и ее производства в Юго-Западном Крыму появились в связи с открытием керамических центров в Адым-Чокракской долине, в 5 км к юго-востоку от Мангупа. Результаты комплексных исследований, проводимых под руководством В. Е. Науменко в 2010-2013 гг., показали, что в этом районе на протяжении всего средневековья, вероятно, с VI по XV вв., функционировало не менее 30 печей для обжига черепицы [11, с. 302-307]. Логично предположить, что продукция этих центров предназначалась, прежде всего, для Мангупского городища и его ближайшей округи. Однако объемы производства позволяли осуществлять поставки и в соседние города, в том числе на плато Эски-Кермен. В настоящее время можно с определенной долей уверенности говорить, что, по крайней мере, часть черепицы, обнаруженной на городище Эски-Кермена, обжигалась в печах, находившихся на восточном склоне горы Илька в Адым-Чокракской долине [10, с. 52-54; 9, с. 46-48].

Речь, прежде всего, идет о черепице группы Ia по эски-керменской классификации. Вывод о том, что черепица этой группы, скорее всего, произведена в одной мастерской, был сделан уже в первых публикациях о черепице из новейших раскопок средневекового жилого квартала на плато Эски-Кермен, которые проводятся с 2003 г. под руководством А. И. Айбабина, а с 2015 г. под совместным руководством А. И. Айбабина и Э. А. Хайрединовой² [4; 5]. Практически полное отсутствие аналогий данной черепицы в опубликованных материалах из раскопок других памятников позволило тогда предположить, что она является продукцией местной мастерской, расположенной на Эски-Кермене или в его округе [4, с. 304; 5, с. 264-265]. Открытие керамиче-

ского производственного комплекса на склоне г. Илька и, прежде всего, строительная керамика из раскопок печи № 3 на Ильке-2 заставили пересмотреть вывод о месте производства черепицы группы Ia [6, с. 220; 7, с. 44; 8, с. 45]. Подробные результаты исследований данного памятника пока не опубликованы, и я очень благодарна руководителю раскопок В. Е. Науменко за возможность ознакомиться с отчетными материалами и коллекцией черепицы гончарного центра Илька-2³. Публикация черепицы из Эски-Кермена может быть полезной при изучении и подготовке к изданию илькинской коллекции, а также для будущих исследований строительной керамики из раскопок памятников Юго-Западного Крыма.

Описание и характеристика черепицы группы Ia из Эски-Кермена в разной степени даны в упомянутых авторских публикациях. В этой статье отражены результаты ее изучения за 2003-2008, 2013, 2015 и 2016⁴ годы и приводится описание всех полученных за это время археологически целых форм, а также экземпляров с сохранением полной длины и полной ширины.

В ходе раскопок на городище Эски-Кермена за указанный период исследована большая часть средневекового городского квартала, на территории которого находилась часовня и несколько жилых усадеб с помещениями, подвалами и дворами [1; 2]. По хронологии, обоснованной А. И. Айбабиным, квартал был разрушен одновременно с городом в конце XIII в. [1, с. 249-250]. Крыши всех сооружений были покрыты черепицей. Именно эта категория находок является самой массовой. За девять археологических сезонов зафиксировано почти 110 тысяч разновеликих фрагментов плоских керамид (95,9%) и полукруглых калиптеров (4,1%). В процессе обработки и изучения материала разработана самостоятельная (эски-керменская) классификация черепицы. На основании качества черепка и визуально распознаваемых примесей, содержащихся в глиняном тесте, выделены четыре основные группы [подробно классификация описана: 4, с. 295-304; 5, с. 254; 6, с. 218-219]. Черепицы группы I имеют плотный, прочный черепок от светло- до ярко-красного цвета. Визуально в тесте определяется песок, частицы известняка и железа, иногда мелкая галька. Основное отличие этой группы от другого черепичного материала — отсутствие шамота, по крайней мере, визуально идентифицируемого. В группу Ia объединены стандартные, легко выделяемые из общей массы керамиды с достаточно устойчивыми морфологическими признаками (о которых речь будет ниже), с однородной структурой черепка, как правило, с большим количеством мелко дробленого известняка, а также разной фракции частиц железа, в том числе сравнительно крупные. Концентрация известняка и железа варьирует в разных экземплярах, в том числе сформированных в одной матрице. С оборотной (тыльной) стороны абсолютно все они имеют типичные продольные полосы-бороздки, образовавшиеся в результате удаления излишков глиняной массы специальным инструментом при формовке черепицы в матрице. Технологическое и морфологическое однообразие керамид группы Ia позволило сделать вывод о том, что они были произведены в одной керамической мастерской, и при их изготовлении соблюдались определенные нормы и традиции.

В общем объеме всех зафиксированных за указанный период фрагментов керамид группа Ia является доминирующей и составляет 33% (35 978 фр.). Распределение чере-

¹ Работа выполнена в рамках базовой части государственного задания Минобрнауки РФ № 33.5156. 2017/БЧ по теме «Византийское присутствие в Крыму: политический, экономический и культурный аспекты».

² Благодарю руководителей раскопок за право изучать и публиковать данную группу археологического материала.

³ Я также благодарна заместителю гендиректора по научной работе Бахчисарайского историко-культурного и археологического музея-заповедника О. Л. Алпашкиной и научному сотруднику фондов Г. Трицило за беспрепятственный доступ к коллекции и всестороннюю помощь при работе с ней.

⁴ Материалы из раскопок Эски-Кермена в 2017 г. находятся в процессе изучения.

пицы разных групп по участкам и, в частности, по выделенным усадьбам существенно различается. В настоящее время в раскапываемом квартале выделяется 5 усадеб с разным количеством (от 2-х до 6-ти) помещений в каждой [3, с. 5-6]. Больше всего в процентном соотношении керамид группы Ia было в слоях разрушения помещений 1, 2 и 5⁵ усадьбы I — от 46,3 до 63,1%. Интересно отметить, что на участках улиц, примыкающих к этим помещениям, эта группа керамид составляла от 61,4 до 72,7% [5, с. 262, табл. 1]. Это может свидетельствовать о том, что черепица группы Ia была сосредоточена, прежде всего, в той части крыши, которая выходила на улицу, а также то, что крыша имела склон в сторону улицы. Группа Ia доминировала, но с меньшим процентом, и в помещениях усадьбы IV, составляя в общем почти 39%. И здесь керамиды этой группы в наибольшем количестве обнаружены в слое разрушения во дворе, перед помещениями — почти 52 и 55%, в то время как в самих помещениях — от 27,4 до 42,8%. Минимальное количество керамид этой группы зафиксировано в помещениях усадьбы II — от 11,5 до 22,8%⁶. В этой усадьбе доминировали керамиды двух групп: группы IV по эски-керменской классификации (с сильно шамотированным черепком) — 31,6% и 1-й группы по херсонесской классификации (ХК) — 27,5% (процентное соотношение по отдельным помещениям: [5, табл. 2]).

Большое значение для установления относительной хронологии выделенных групп черепиц имеет состав строительной керамики из засыпи подвала 5 и хранилища 8, вырубленных в скале во дворе между усадьбами I, II и III [5, с. 253, рис. 1 (план)]. В них обнаружены фрагменты керамид групп Ib, II, III и IV. Керамиды группы Ia и 1-й группы по ХК полностью отсутствовали [5, с. 264]. Показательно, что в подвале 4, находившемся в непосредственной близости от подвала 5, фрагменты керамид этих групп составляли 16,5% и 31,4% соответственно. Таким образом, подвал 5 и хранилище 8 были засыпаны до разрушения исследуемого квартала, крыши помещений которого на последнем этапе их функционирования были в значительной степени покрыты черепицами группы Ia и 1-й группы по ХК. Следовательно, черепицы этих групп являются наиболее поздними в данном квартале и могут относиться к последнему ремонту кровель его помещений.

Как уже отмечалось, керамиды группы Ia очень близки по технологическим и морфологическим характеристикам. Однако внутри группы наблюдаются разного рода вариации, свидетельствующие, в частности, о большом количестве матриц, в которых формовались керамиды. У одних было гладкое центральное поле, у других — дуговидные валики разного рисунка и рельефа, которые принято называть водосливными. Часть керамид имела рельефные метки, которые так же, как и водосливные валики, вырезались в деревянной матрице и оставались на готовом изделии в виде рельефных изображений. На исследованной территории Эски-Кермена зафиксировано не менее 25 разных меток на керамидах этой группы. Некоторые из них сохранились на достаточно большом количестве экземпляров, отформованных в одной матрице [о сериях одноматричных черепиц: 4]. Вопрос о назначении рельефных меток дискуссионный и окончательно не решен. Изучение черепицы, происходящей из одной мастерской, значительно расширяет наши возможности и позволяет более объективно и аргументированно искать ответ на этот вопрос [историография и авторский взгляд на причины маркировки средневековой черепицы: 6]. Каким бы ни было назначение

и мотивация выбора той или иной метки, в любом случае она становилась (маркировочным?) знаком каждой конкретной матрицы. Именно метки позволяют достаточно точно определять одноматричные экземпляры. Изучение и подсчет черепиц, происходящих из одной матрицы, дают ценную информацию о производительности матрицы, а количество матриц — о производительности мастерской в целом.

Размеры и форма профильных частей и, прежде всего, бортиков, варьируют в определенных пределах. Данное разнообразие может объясняться характером ремесленного ручного труда, при котором невозможно соблюдение абсолютно точных стандартов даже одним мастером, и тем более несколькими резчиками деревянных матриц. Морфологические вариации в рамках одной мастерской вполне понятны, если допустить, что они могли быть вырезаны разными мастерами в разные производственные сезоны. По форме боковых бортиков и степени рельефности валиков и меток в группе Ia можно выделить два типа. Керамиды 1-го типа имеют сравнительно низкие, слегка скошенные во внутрь верхние бортики и трапециевидные бортики с плавным переходом в центральное поле, а также валики и метки низкого или среднего рельефа. У керамид 2-го типа бортики массивнее и зачастую немного выше: верхние имеют более отчетливую трапециевидную форму, боковые также трапециевидные, с более четкими очертаниями и резкой границей с центральным полем, метки и водосливные валики высокорельефные, иногда подтреугольные в сечении. Фиксируются также переходные формы, которые затрудняют уверенное отнесение некоторых экземпляров к какому-либо типу (например, № 59 по каталогу), что наряду с идентичностью состава глиняного теста и некоторых технологических приемов подтверждает принадлежность керамид обоих типов к одной группе — Ia. Абсолютно все керамиды группы Ia имели внизу сужение в виде симметричных коленообразных уступов.

В каталог керамид группы Ia включены все полученные за девять археологических сезонов на Эски-Кермене археологически целые формы (41 экз.), а также экземпляры с сохранившейся полной шириной (26 экз.) и полной длиной (14 экз.). Подавляющее большинство этих керамид сложено из фрагментов. Внутри группы выделены керамиды 1-го типа (№№ 1-56) и 2-го типа (№№ 57-81), в числе которых также черепица, которая может относиться к переходной форме (№ 59). Каждый тип представлен сначала керамидами с гладким центральным полем, затем экземплярами с рельефными изображениями (водосливными валиками, метками).

Среди керамид 1-го типа группы Ia достаточно часто встречаются формы с гладким полем, без каких-либо рельефных изображений (№№ 1-22):

1. Археологически целая керамида с гладким полем, сложена из 4 фрагментов (рис. 1,1). Утрачены оба верхних угла и левый нижний угол, пережжена (серо-коричневого цвета) и сильно оббита.

Размеры⁷: 32,0х41,2; h в. б. — 2,6; h б. б. — 4,8-5,0; T. — 2,2-2,5; Дл. уст. — 6,9.

Год и место находки: 2003. Усадьба I, помещение 1, слой пожара (п. о. 12.19).

2. Археологически целая керамида с гладким полем из 3 фрагментов (рис. 1,2). Небольшая утрата в нижней части.

⁷ Все размеры приведены в сантиметрах. Здесь и далее в каталоге используются следующие обозначения: Дл. — полная длина керамиды, Дл. сохр. — сохранившаяся длина фрагмента, Ш. — полная ширина керамиды, Ш. сохр. — сохранившаяся ширина фрагмента, h в. б. — высота верхнего бортика, h б. б. — высота бокового бортика (высота бортиков дана по наружной стороне, включая толщину центрального поля, иногда приводится отдельно высота левого и правого бортиков), Т. — толщина центрального поля, Дл. уст. — длина нижних уступов: левого и правого (по наружной части бокового бортика от начала уступа до нижнего края), п. о. — номер по полевой описи.

⁵ В ходе раскопок в 2005 г. эти помещения имели №№ I, V и VII, под которыми они упомянуты в более ранних публикациях [4 и др.]. Актуальной является нумерация помещений и их разбивка по усадьбам на плане, опубликованном авторами раскопок А. И. Айбабиным и Э. А. Хайрединовой [3, рис. 1].

⁶ Помещение 6, которое ранее причислялось к усадьбе 2, сейчас отнесено к усадьбе III, в которой было 2 помещения — III/1 и III/2 [3, рис. 1 (план)].

Размеры: 30,0-30,2x40,0-41,4; *h* в. б. —3,2; *h* б. б. —4,8-5,0; *T*. —1,6-2,5; Дл. уст. —4,6 и 5,3.
 Год и место находки: 2005. Усадьба I, помещение 5, подвал 3 (под поперечной улицей), светло-серый слой, штыки 1 и 2 (п. о. 56.1).

3. Археологически целая керамида с гладким полем из 10 фрагментов (рис. 1,3).
 Утраты в левой и центральной частях.

Размеры: 30,6-31,0x41,3-41,9; *h* в. б. —3,2-3,4; *h* б. б. —3,9-4,1; *T*. —2,2-2,4; Дл. уст. —5,8 и 5,9.

Год и место находки: 2008. Вторая поперечная улица (западная часть), развал камней и светло-серый зольный слой (п. о. 81.1, 84.1-4).

4. Археологически целая керамида с гладким полем из 7 фрагментов (рис. 1,4).
 Небольшая утрата в нижней части.

Размеры: 32,1x41,4; *h* в. б. —3,2; *h* б. б. —4,8; *T*. —2,0-2,2; Дл. уст. —5,7 и 6,0.

Год и место находки: 2015. Усадьба IV, помещение 1, подвал 4, слой с угольками (п. о. 32.75).

5. Археологически целая керамида без рельефных изображений, сложена из 5 фрагментов (рис. 1,5). На поле — нерегулярные вертикальные выпуклости от матрицы.
 Утрачен правый нижний угол, правый боковой борт оббит; заизвесткована.

Размеры: 32,5-33,0x40,5-41,0; *h* в. б. —3,5; *h* б. б. —5,1; *T*. —2,6-2,9; Дл. уст. —5,5.

Год и место находки: 2016. Простенок между усадьбами IV и V, развал черепицы за помещением 1 усадьбы IV (п. о. 21.3).

6. Археологически целая керамида с гладким полем из 9 фрагментов (рис. 1,6).
 Утрачен правый нижний угол и часть правого бокового бортика. Пережжена (серово-коричневого цвета) и сильно оббита.

Размеры: 31,2-31,8x43,3-43,8; *h* в. б. —3,3-3,4; *h* б. б. —4,7-4,9; *T*. —2,4-2,6; Дл. уст. ≈6,8.

Год и место находки: 2013. Усадьба III, помещение 1, хранилище 1 (п. о. 13.1).

7. Археологически целая керамида без водосливных валиков, сложена из 6 фрагментов (рис. 1,7). На сохранившейся части рельефной метки нет. Утрачен левый верхний угол, в значительной степени левая и центральная части.

Размеры: длина полная — 42,5; ширина ≈ 32,0; *h* в. б. —2,5; *h* б. б. —5,5.

Год и место находки: 2005. Усадьба I, поперечная улица, участок 3 (перед помещением 1), развал камней, штык 3 (п. о. 40.36).

8. Археологически целая керамида без водосливных валиков, сложена из 5 фрагментов (рис. 1,8). На сохранившейся части рельефной метки нет. Утрачен левый нижний угол, в значительной степени левая и центральная части.

Размеры: 33,2x44,2-44,7; *h* в. б. —2,6-2,8; *h* б. б. —5,0; *T*. —1,8-2,1; Дл. уст. —7,0.

Год и место находки: 2005. Усадьба I, помещение 5, подвал 3 (под поперечной улицей) (п. о. 55.22).

9. Верхняя часть керамида без рельефных изображений, с сохранением полной ширины (1 фр-т) (рис. 1,9). Утрачен правый верхний угол, следы извести.

Размеры: Ш. —32,0; Дл. сохр. —23,7; *h* в. б. —2,9-3,2; *h* б. б. —4,7; *T*. —2,0-2,3.

Год и место находки: 2005. Усадьба I, поперечная улица, участок 1 (перед помещением 5), развал камней (п. о. 7.7).

10. Верхняя часть керамида без рельефных изображений, с сохранением полной ширины, сложена из 5 фрагментов (рис. 1,10). Бортики местами оббиты, следы извести.

Размеры: Ш. —31,4; Дл. сохр. —22,5; *h* в. б. —3,0; *h* б. б. —5,0; *T*. —1,5-1,9.

Год и место находки: 2005. Там же (п. о. 7.8).

11. Верхняя часть керамида без рельефных изображений, с сохранением полной ширины, сложена из 5 фрагментов (рис. 2,11). Поверхность местами оббита, следы извести.

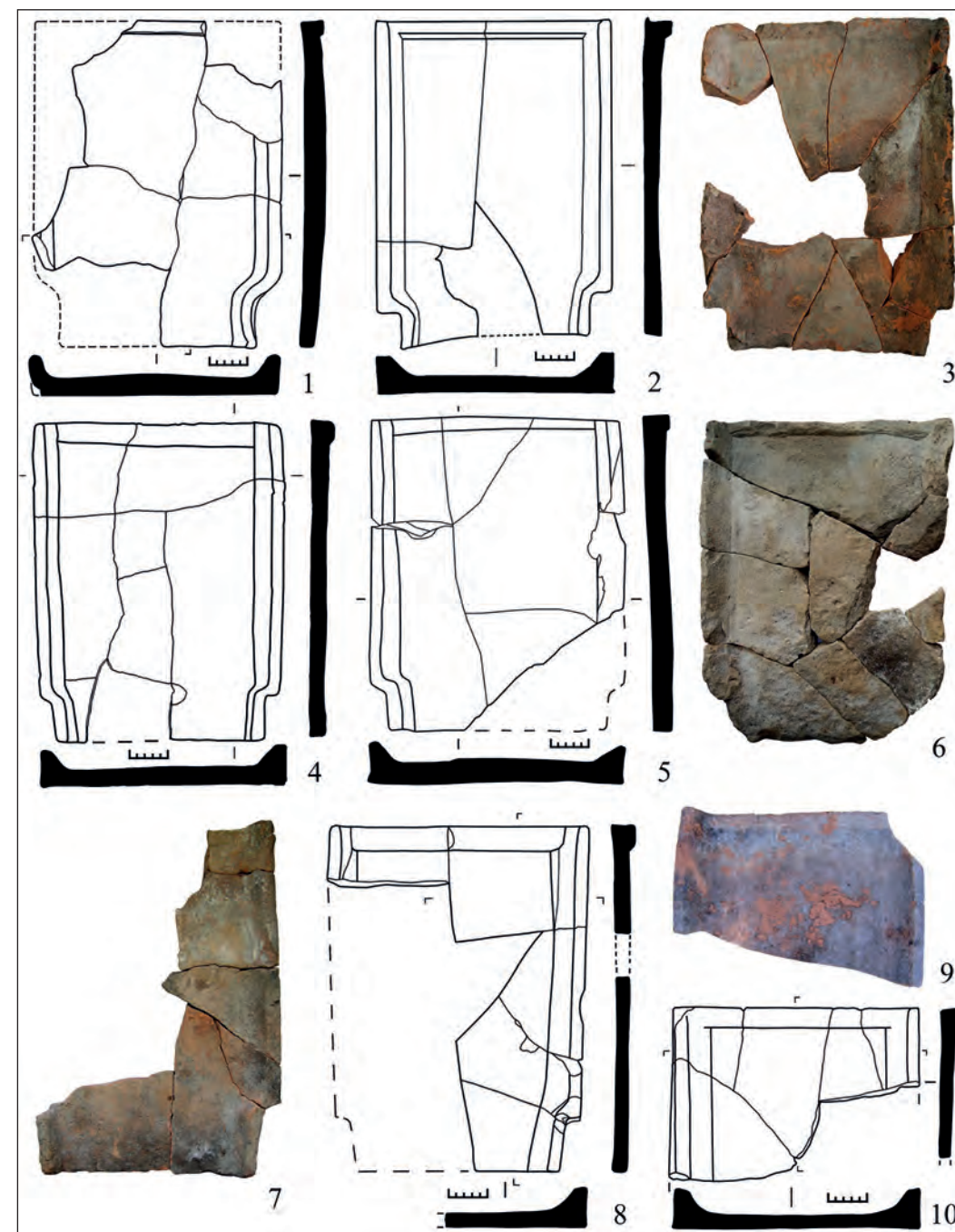

Рис. 1. Керамиды 1-го типа группы Ia: №№ 1-10 по каталогу

Размеры: Ш. —32,5; Дл. сохр. —34,5; *h* в. б. —3,2; *h* б. б. —4,7; Т. —2,0-2,2.

Год и место находки: 2005. Там же (п. о. 7.9).

12. Верхняя часть керамиды без рельефных изображений, с сохранением полной ширины, сложена из 2 фрагментов (рис. 2,12). Поверхность оббита, 1 фрагмент сильно заизвесткован.

Размеры: Ш. —32,1-32,6; Дл. сохр. —24,7; *h* в. б. —3,0-3,1; *h* б. б. —4,3-4,5; Т. —1,9-2,2.

Год и место находки: 2005. Там же (п. о. 7.40).

13. Верхняя часть керамиды без рельефных изображений, с сохранением полной ширины, сложена из 3 фрагментов (рис. 2,13). Поверхность оббита, следы сажи.

Размеры: Ш. —29,8; Дл. сохр. —25,2; *h* в. б. —2,3-3,2; *h* б. б. —4,4-4,8; Т. —1,7-2,1.

Год и место находки: 2005. Усадьба I, помещение 5, подвал 3 (под поперечной улицей, развал камней, штык 5 (п. о. 53.1)).

14. Верхняя часть керамиды без рельефных изображений, с сохранением полной ширины, сложена из 3 фрагментов (рис. 2,14). Поверхность оббита, следы сажи и извести.

Размеры: Ш. —29,4-29,8; Дл. сохр. —14,8; *h* в. б. —3,2; *h* б. б. —4,9-5,0; Т. —2,1-2,4.

Год и место находки: 2005. Усадьба I, помещение 5, заполнение пифоса 2 (п. о. 62.3).

15. Верхняя часть керамиды без рельефных изображений, с сохранением полной ширины, сложена из 2 фрагментов (рис. 2,15). Левый боковой бортик сбит, немного отбит правый верхний угол.

Размеры: Ш. —34,4; Дл. сохр. —19,5; *h* в. б. —3,1-3,4; *h* б. б. —4,7; Т. —2,2-2,8.

Год и место находки: 2006. Поперечная улица напротив двора, развал камней (п. о. 16.2).

16. Верхняя часть керамиды без рельефных изображений, с сохранением полной ширины, сложена из 4 фрагментов (рис. 2,16). Заизвесткована.

Размеры: Ш. —34,2; Дл. сохр. —17,0; *h* в. б. —3,2; *h* б. б. —4,7; Т. —2,4-2,8.

Год и место находки: 2006. Там же (п. о. 16.3).

17. Нижняя часть керамиды без рельефных изображений, с сохранением полной ширины, сложена из 2 фрагментов (рис. 2,17). Поверхность оббита, следы сажи и извести.

Размеры: Ш. —33,0; Дл. сохр. —23,5; *h* б. б. —4,8-5,0; Т. —2,5-2,7; Дл. уст. ≈6,5 и 6,7.

Год и место находки: 2005. Усадьба I, поперечная улица, участок 2 (перед помещением 3), развал камней, штык 1 (п. о. 12.5).

18. Нижняя часть керамиды без рельефных изображений, с сохранением полной ширины, сложена из 9 фрагментов (рис. 2,18). На лицевой поверхности — два отпечатка собачьих лап. Поверхность и бортики местами оббиты, следы сажи, извести и ржавчины (вероятно от гвоздя).

Размеры: Ш. —34,0; Дл. сохр. —38,0; *h* б. б. —4,9.

Год и место находки: 2008. Усадьба III, помещение 2, развал камней (п. о. 17.1).

19. Нижняя часть керамиды без водосливных валиков, с сохранением полной ширины, сложена из 4 фрагментов (рис. 2,19). На сохранившейся части рельефных меток нет.

Размеры: Ш. —32,5; Дл. сохр. —28,5; *h* б. б. —4,3-4,4; Т. —2,2; Дл. уст. —6,0 и 5,7.

Год и место находки: 2015. Усадьба IV, помещение I, подвал 4, слой с угольками (п. о. 32.58).

20. Нижняя часть керамиды без водосливных валиков, с сохранением полной ширины, сложена из 4 фрагментов (рис. 2,20). На сохранившейся части рельефных меток нет.

Размеры: Ш. —33,0; Дл. сохр. —31,0; *h* б. б. —4,3-4,5; Т. —2,0-2,1; Дл. уст. —6,4 и 5,7.

Год и место находки: 2015. Усадьба IV, северо-западная часть двора (перед помещением 2), слой пожара (п. о. 35.1).

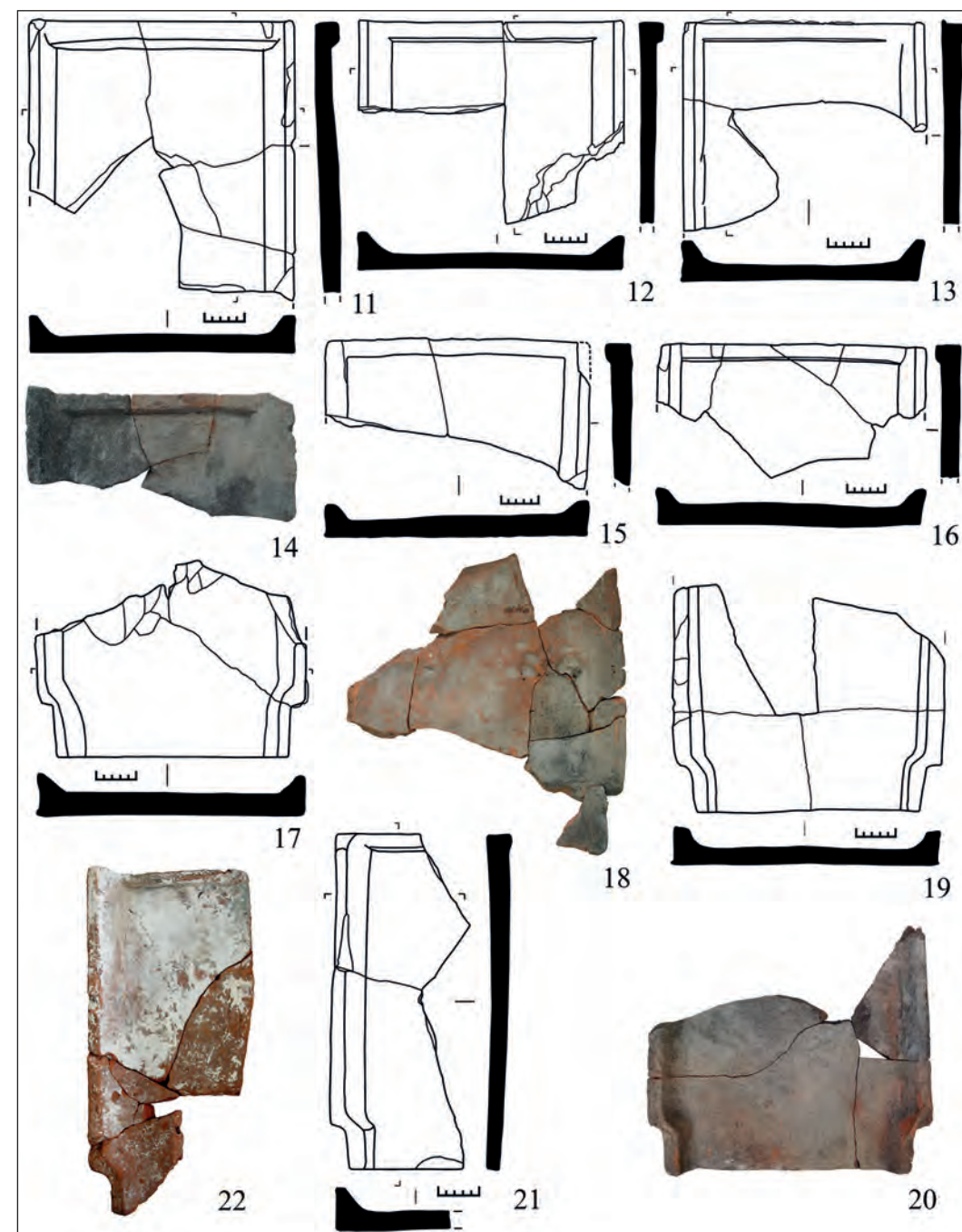

Рис. 2. Керамиды 1-го типа группы Ia: №№ 11-22 по каталогу

21. Левая часть керамиды без водосливных валиков, с сохранением полной длины, сложена из 2 фрагментов (рис. 2,21). На сохранившейся части рельефных меток нет.

Размеры: Дл. —40,0-40,2; Ш. сохр. —16,1; *h* в. б. —2,6; *h* б. б. —5,0-5,1; Т. —2,2-2,4; Дл. уст. —6,0.

Год и место находки: 2005. Усадьба I, главная улица (перед помещением 1), развал камней (п. о. 31.3).

22. Левая часть керамиды без рельефных изображений, с сохранением полной длины, сложена из 5 фрагментов (рис. 2,22). Сильно заизвесткована.

Размеры: Дл. —38,8; Ш. сохр. —18,3; *h* в. б. —3,0; *h* б. б. —4,6-4,7.

Год и место находки: 2008. Усадьба II, помещение 4, светло-серый зольный слой (п. о. 29.1).

Значительная часть керамид 1-го типа группы Ia имела дуговидные водосливные валики, как правило, симметрично идущие от боковых бортиков в верхней половине к нижнему краю (№№ 23-31). Встречаются хорошо прорисованные валики с четким контуром, но чаще всего — валики сравнительно тонкие и низкого рельефа. На некоторых керамиде они прослеживаются не по всей длине. На двух экземплярах (№№ 23 и 24), сформированных в одной матрице, заметна лишь небольшая часть правого валика, остальное поле было гладким. Вероятно, первоначальное намерение вырезать в матрице водосливные валики не было доведено до конца.

23. Археологически целая керамиды из 14-ти фрагментов (рис. 3,23). От правого бокового бортика на расстоянии примерно 6,5 см от верхнего края намечен дуговидный водосливный валик очень низкого рельефа длиной около 8,0 см. С левой стороны признаков валика нет. Одноматричная с № 24. Небольшие утраты в левой части.

Размеры: 34,5-35,1x43,0-43,5; *h* в. б. —2,9-3,0; *h* б. б. —4,3-4,5; Т. —1,7-2,3; Дл. уст. —5,9 и 6,1.

Год и место находки: 2005. Усадьба I, поперечная улица, участок 1 (перед помещением 5), развал камней (п. о. 7.2).

24. Археологически целая керамиды с началом правого водосливного валика, сложена из 19-ти фрагментов (рис. 3,24). Одноматричная с № 23. Небольшие утраты в левой и центральной частях, отдельные фрагменты сильно заизвесткованы.

Размеры: 35,4-35,5x43,2-43,8; *h* в. б. —3,0; *h* б. б. —4,4-4,5; Т. —1,5-2,1; Дл. уст. —6,2 и 6,0.

Год и место находки: 2005. Усадьба I, поперечная улица, участок 1 (перед помещением 5), развал камней (п. о. 7.3).

Публикация: [5, рис. 4,2; 6, рис. 1,2].

25. Археологически целая керамиды с тонкими низкорельефными водосливными валиками, сложена из 4-х фрагментов (рис. 3,25). На лицевой поверхности в нижней правой части — слегка смазанный отпечаток лапы собаки. Следы сажи и извести.

Размеры: 32,5-33,1x39,0-39,2; *h* в. б. —2,9-3,0; *h* б. б. —4,7-5,0; Т. —2,0-2,4; Дл. уст. —5,1 и 5,9.

Год и место находки: 2004. Усадьба I, подвал 2 (между помещениями 2 и 4), развал камней, штык 5 и светло-серый слой, штык 1. (п. о. 80.52 и 81.1).

26. Керамиды (целая) с очень тонкими и низкорельефными водосливными валиками (рис. 3,26). Заизвесткована.

Размеры: 35,4-36,0x43,6-43,8; *h* в. б. —2,7-3,1; *h* б. б. —4,4-4,6; Т. —1,8-2,0; Дл. уст. —6,3 и 6,0.

Год и место находки: 2005. Усадьба I, поперечная улица, участок 1 (перед помещением 5), развал камней (п. о. 7.1).

Публикация: [5, рис. 4,1; 6, рис. 1,1].

27. Археологически целая керамиды со среднерельефными водосливными валиками, сложена из 7 фрагментов (рис. 3,27). Следы сажи и извести.

Размеры: 36,4x43,5-43,7; *h* в. б. —3,2; *h* б. б. —4,7; Т. —1,9-2,3; Дл. уст. —5,5 и 5,9.

Год и место находки: 2005. Там же (п. о. 7.5).

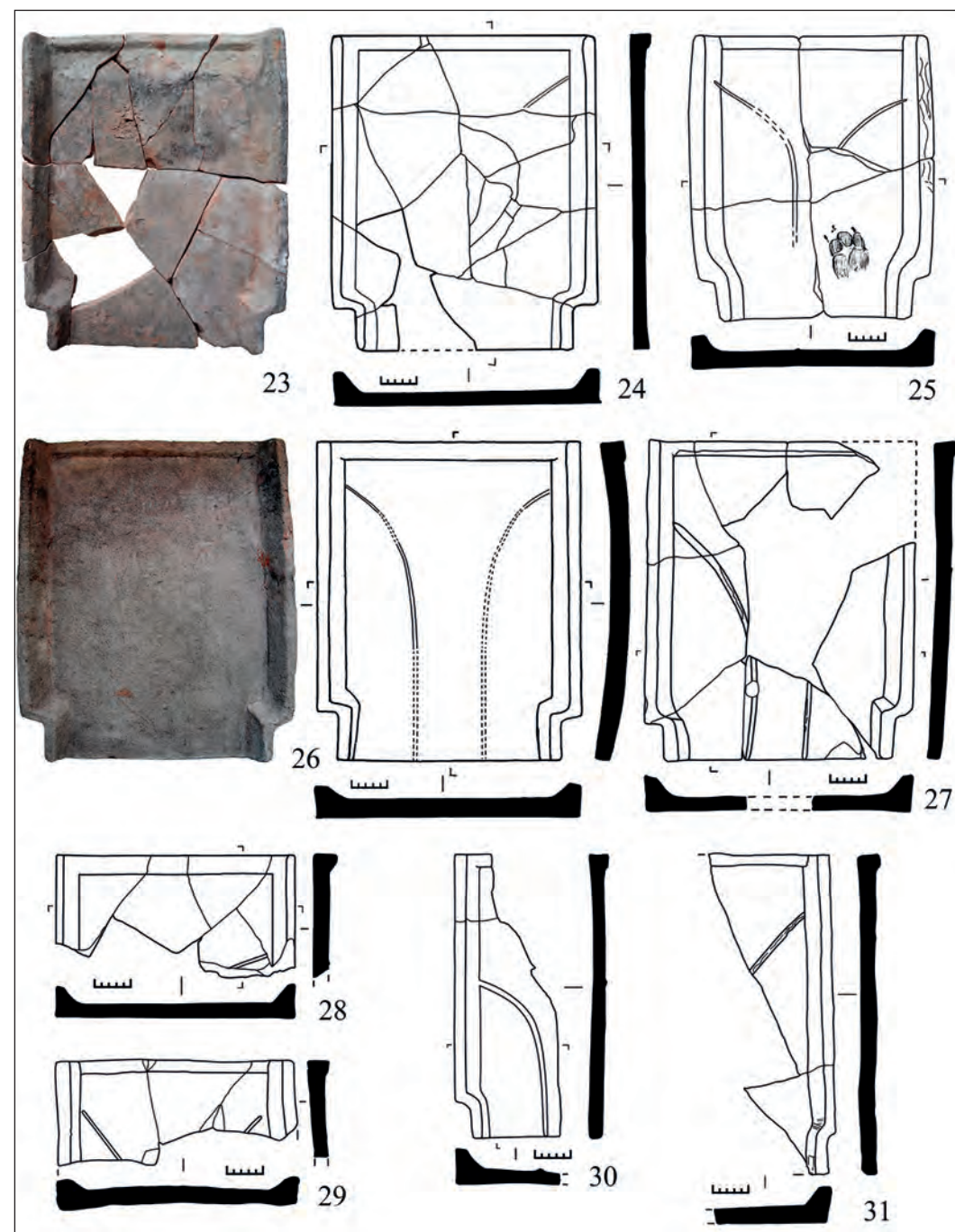

Рис. 3. Керамиды 1-го типа группы Ia: №№ 23-31 по каталогу

28. Верхняя часть керамиды с низкорельефными валиками, с сохранением полной ширины, сложена из 5 фрагментов (рис. 3,28). Заизвесткована.

Размеры: Ш. –32,5; Дл. сохр. –16,8; *h* в. б. –3,2; *h* б. б. –4,4; Т. –1,7-2,0.

Год и место находки: 2005. Там же (п. о. 7.6).

29. Верхняя часть керамиды с низкорельефными валиками, с сохранением полной ширины, сложена из 3-х фрагментов (рис. 3,29). Поверхность оббита.

Размеры: Ш. –33,1; Дл. сохр. –14,2; *h* в. б. –2,8-3,0; *h* б. б. –4,0; Т. –1,8-1,9.

Год и место находки: 2015. Усадьба IV, помещение 1, подвал 4, слой с угольками (п. о. 32.82).

30. Левая часть керамиды со среднерельефным водосливным валиком, с сохранением полной длины, сложена из 2 фрагментов (рис. 3,30). Заизвесткована.

Размеры: Дл. –39,0-39,4; Ш. сохр. –13,8; *h* в. б. –2,7; *h* б. б. –4,8; Т. –1,5-1,8; Дл. уст. –5,1.

Год и место находки: 2004. Усадьба I, подвал 2 (между помещениями 2 и 4), развал камней, штык 5 (п. о. 80.2).

31. Правая часть керамиды со среднерельефным водосливным валиком, с сохранением полной длины, сложена из 2 фрагментов (рис. 3,31). Поверхность оббита.

Размеры: Дл. –44,6; Ш. сохр. –18,4; *h* в. б. –3,0-3,2; *h* б. б. –4,8-5,0; Т. –2,0-2,2; Дл. уст. –5,7.

Год и место находки: 2005. Усадьба I, поперечная улица, участок 1 (перед помещением 5), дерн (п. о. 2.1).

В нижней части некоторых керамид от водосливных валиков отходят симметрично к углам дополнительные валики-ответвления в виде развилки (№№ 32-40). Получены экземпляры с разными вариантами рисунков таких раздвоенных водосливных валиков, что говорит об использовании нескольких матриц с подобным элементом. Например, из одной матрицы происходят керамиды №№ 32, 33, 34 и 35. Одноматричными являются № 36 и № 37, а также № 38 и № 39. Раздвоенные валики зафиксированы только на керамиде 1-го типа группы Ia. Черепицы других групп с таким элементом по материалам Эски-Кермена не известны.

32. Археологически целая керамида с раздвоенными в нижней части водосливными валиками сравнительно четкого рельефа, сложена из 5 фрагментов (рис. 4,32). Одноматричная с №№ 33, 34 и 35. Утраты в верхней и правой частях, сколы.

Размеры: 33,0-33,4x42,0-42,5; *h* в. б. –2,4; *h* б. б. –4,8-5,0; Т. –2,2-2,6; Дл. уст. –5,3 и 4,6.

Год и место находки: 2003. Усадьба I, помещение 1, развал камней, штыки 2 и 3, вырубка 1, светло-серый слой, штык 1 (п. о. 5.4, 6.1, 14.1).

33. Археологически целая керамида из 4-х фрагментов (рис. 4,33). Одноматричная с №№ 32, 34 и 35. Утрачен левый нижний угол, поверхность оббита.

Размеры: 33,5-34,3x42,1-42,2; *h* в. б. –2,4; *h* б. б. –5,0-5,2; Т. –2,0-2,4; Дл. уст. –4,5.

Год и место находки: 2005. Усадьба I, поперечная улица, участок 3 (перед помещением 1, развал камней, штык 3 (п. о. 40.46).

Публикация: [5, рис. 4,3; 6, рис. 1,3].

34. Нижняя часть керамиды с сохранением полной ширины, сложена из 4-х фрагментов (рис. 4,34). Одноматричная с №№ 32, 33 и 35.

Размеры: Ш. –32,7; Дл. сохр. –24,3; *h* б. б. –4,9-5,1; Т. –2,2-2,3; Дл. уст. –5,2 и 4,7.

Год и место находки: 2004. Усадьба I, главная улица перед помещением 1, светло-коричневый плотный слой с щебнем, штык 1 (п. о. 2.1).

35. Нижняя часть с сохранением полной ширины, сложена из 4-х фрагментов (рис. 4,35). Одноматричная с №№ 32, 33 и 34. Пережжена (серо-коричневого цвета), следы сажи и ржавчины от гвоздя, утрачен нижний правый угол.

Размеры: Ш. –33,0; Дл. сох. –26,0; *h* б. б. –4,8; Т. –2,2; Дл. уст. –5,0.

Год и место находки: 2004. Усадьба I. Подвал 2 (между помещениями 2 и 4), развал камней, штык 5 (п. о. 54.2).

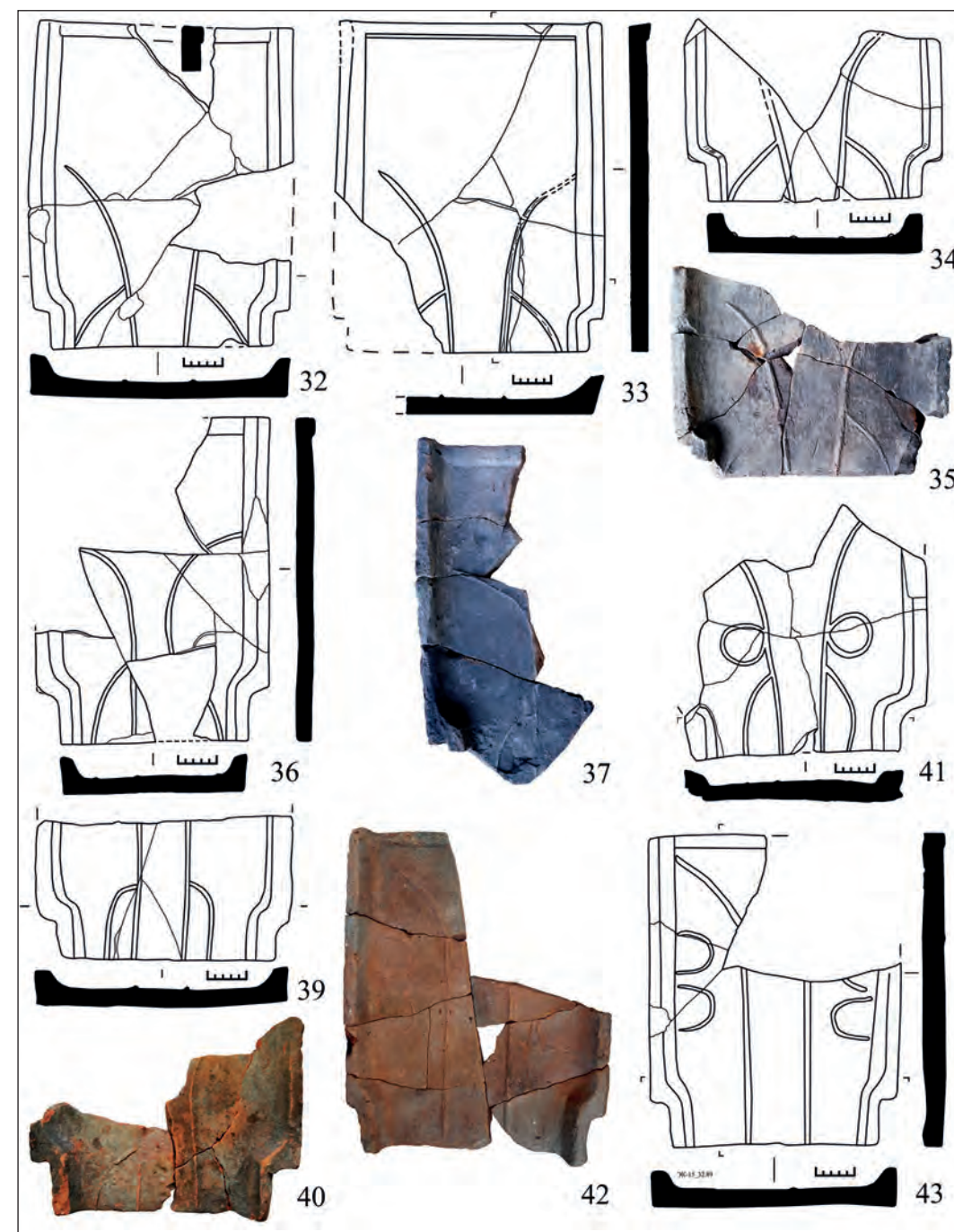

Рис. 4. Керамиды 1-го типа группы Ia: №№ 32-37, 39-43 по каталогу

36. Археологически целая керамида с раздвоенными в нижней части водосливными валиками, сложена из 5 фрагментов (рис. 4,36). Возможно, одноматричная с № 37. Утрачен левый верхний угол, значительные утраты в левой, центральной и нижней частях, следы извести.

Размеры: 31,0-31,2x41,7; h в. б. -2,4; h б. б. -4,4-4,6; Т. -1,8-2,2; Дл. уст. -6,4 и 6,6.

Год и место находки: 2006. Поперечная улица перед двором, развал камней (п. о. 16.1).

37. Левая часть керамиды с раздвоенными в нижней части водосливными валиками, с сохранением полной длины, сложена из 4 фрагментов (рис. 4,37). Возможно, одноматричная с № 36. Частично утрачен нижний левый угол, пережжена, следы сажи и извести.

Размеры: Дл. -42,0-42,4; Ш. сохр. -20,5; h в. б. -2,5; h б. б. -4,7-5,0; Т. -2,1-2,4; Дл. уст. -6,2.

Год и место находки: 2004. Усадьба I, главная улица перед помещением 2, слой пожара (п. о. 54.1).

38. Археологически целая керамида с раздвоенными в нижней части водосливными валиками нестабильного рельефа, сложена из 11 фрагментов. Одноматричная с № 39. Утрачен левый нижний угол, сколы.

Размеры: 31,3-32,0x39,0-39,7; h в. б. -3,0-3,2; h б. б. -4,0-4,5; Т. -1,8-2,2; Дл. уст. -5,0.

Год и место находки: 2016. Простенок между усадьбами IV и V, развал камней (п. о. 16.1).

39. Нижняя часть керамиды с сохранением полной ширины, сложена из 3 фрагментов (рис. 4,39). Одноматричная с № 38. 2 фрагмента в саже и извести (после того, как керамида разбилась), левый валик частично смят по сырой глине.

Размеры: Ш. -32,2; Дл. сохр. -18,5; h б. б. -4,2; Т. -1,8-2,4; Дл. уст. -5,2 и 5,2.

Год и место находки: 2015. Усадьба IV, помещение 1, подвал 4, слой с угольками (п. о. 32.84).

40. Нижняя часть керамиды с раздвоенными в нижней части водосливными валиками, с сохранением полной ширины, сложена из 4 фрагментов (рис. 4,40). Поверхность оббита, следы сажи и извести.

Размеры: Ш. -33,2; Дл. сохр. -25,8; h б. б. -5,0.

Год и место находки: 2005. Усадьба I, поперечная улица, участок 3 (перед помещением 1), развал камней, штык 2 (п. о. 24.1).

На некоторых экземплярах водосливные валики образуют не вполне ровные круги-петли, симметрично расположенные над развилками, боковые бортики у них сравнительно низкие, трапециевидные, местами с прогнутой спинкой. В слоях разрушения помещений, в основном, усадеб III и IV обнаружено около 17 фрагментов таких керамид. Скорее всего, все они были выполнены в одной матрице. Сложена одна форма с сохранением ширины (№ 41):

41. Нижняя часть керамиды с низкорельефными раздвоенными водосливными валиками, дополненными кругами-петлями, с сохранением полной ширины на уровне нижних уступов, сложена из 6 фрагментов (рис. 4,41). Утрачен левый бортик с частью нижнего уступа, следы извести, сколы.

Размеры: Дл. сохр. -31,0; Ш. на уровне уступов -26,5; Ш. сохр. -31,1; h б. б. -3,5-3,7; Т. -1,5-1,9; Дл. уст. -5,2 и 5,3.

Год и место находки: 2015. Усадьба IV, помещение 1, подвал 4, слой с угольками (п. о. 32.81).

На поле керамид 1-го типа помимо водосливных валиков иногда имеются дополнительные рельефные геометрические изображения, которые, возможно, функционально были аналогичны водосливным валикам или, что более вероятно,

они являлись декоративными элементами. К их числу можно отнести полукруги, примыкающие к боковым бортикам. На данный момент мы имеем две археологически целые формы (№ 42 и № 43) и около 20 фрагментов от аналогичных керамид. Скорее всего, все они происходят из одной матрицы. Подавляющее большинство обнаружено в слоях разрушения усадьбы IV.

42. Археологически целая керамида со среднерельефными водосливными валиками и двумя парами полукругов из валиков более низкого рельефа, симметрично примыкающих к боковым бортикам, сложена из 9 фрагментов (рис. 4,42). Одноматричная с № 43. Утрачена верхняя правая угловая часть, включая верхний полукруг, небольшие лакуны в нижней части.

Размеры: 31,5-31,8x39,7-40,0; h в. б. -3,0; h б. б. -4,7-4,8; Т. -2,0-2,1; Дл. уст. -5,6 и 5,8.

Год и место находки: 2015. Усадьба IV, помещение 1, подвал 4, слой с угольками (п. о. 32.74).

43. Археологически целая керамида с водосливными валиками и полукругами, сложена из 3 фрагментов (рис. 4,43). Одноматричная с № 42. Утрачена верхняя правая угловая часть, включая часть верхнего полукруга, 1 фрагмент (нижняя часть) сильно пережжен в пожаре, в саже, следы извести.

Размеры: 31,2-31,8x39,3-39,8; h в. б. -2,8; h б. б. -4,5-4,9; Т. -1,8-2,3; Дл. уст. -5,6 и 5,7.

Год и место находки: 2015. Там же (п. о. 32.89).

К «водосливным» или декоративным элементам, скорее всего, относится и дуговидный валик, соединяющий водосливные валики. Собрана одна археологически целая форма (№ 44) и один фрагмент от аналогичной черепицы, обнаруженный в том же месте.

44. Археологически целая керамида с низкорельефными водосливными валиками, соединенными в нижней части дуговидным валиком такого же рельефа, сложена из 4 фрагментов (рис. 5,44). Утрачен левый нижний угол и часть левого бокового бортика с полем.

Размеры: 32,9-33,0x42,0-42,5; h в. б. -2,6; h б. б. -4,3-4,6; Т. -2,2-2,7; Дл. уст. -5,2.

Год и место находки: 2005. Главная улица на пересечении с поперечной улицей, на юго-западном углу усадьбы I, развал камней (п. о. 31.1).

Публикация: [5, рис. 4,4; 6, рис. 1,4].

К числу «водосливных» элементов можно отнести также фигуру из низкорельефного валика в виде широкой скобы, расположенной по центру в нижней части керамиды. Весь элемент сохранился на экземпляре с полной шириной (№ 45) и частично на фрагментах от 7 одноматричных черепиц. Один из них опубликован [4, рис. 2,13; 5, рис. 5,9; 6,4; 6, рис. 2,9; 3,4].

45. Нижняя часть керамиды с низкорельефным валиком в виде широкой скобы, с сохранением полной ширины, сложена из 3 фрагментов (рис. 5,45). Заизвесткована, оббита.

Размеры: Ш. -31,4; Дл. сохр. -14,8; h б. б. -4,0 и 4,5; Т. -2,0-2,2; Дл. уст. -5,8 и 6,0.

Год и место находки: 2005. Главная улица на пересечении с поперечной улицей, на юго-западном углу усадьбы I, развал камней (п. о. 31.36).

Заменой традиционного дуговидного водосливного валика могла быть валикообразная линия, исходящая от внутреннего угла нижнего уступа и свернутая в виде завитка (спирали) на другом конце, который, безусловно, являлся декоративным элементом. Целиком он представлен на правой части керамиды с сохранением длины (№ 46), а также примерно на 11 фрагментах от аналогичных черепиц. Судя по тому, что среди них есть совершенно подобные, но зеркально отраженные фигуры на левых частях черепиц, скорее всего, такие валики-завитки располагались сим-

метрично с двух сторон керамиды. Наибольшая концентрация фрагментов с этим элементом зафиксирована в слоях разрушения усадьбы IV.

46. Правая часть керамиды с диагональным тонким валиком, идущим от внутреннего угла нижнего уступа, с закрученным в виде завитка (спирали) противоположным концом, с сохранением полной длины, сложена из 3 фрагментов (рис. 5,46). Следы извести, сколы.

Размеры: Дл. —40,5; Ш. сохр. —18,8; *h* в. б. —2,5-2,7; *h* б. б. —3,9-4,1; *T*. —1,8-2,0; Дл. уст. —6,0.

Год и место находки: 2015. Усадьба IV, помещение 1, подвал 4, слой с угольками (п. о. 32.85).

Скорее всего, декоративную функцию выполнял геометрический рисунок, занимающий большую центральную часть керамиды и состоящий из линий и полукругов, образованных очень тонкими низкорельефными валиками. Наиболее полно этот рисунок представлен на одном экземпляре с сохранением ширины (№ 47) и еще на 17 фрагментах из слоев разрушения, главным образом, усадьбы I.

47. Нижняя часть керамиды, центральное поле которой занимает геометрический рисунок из тонких, низкорельефных линий и примыкающим к ним полукругам, с сохранением полной ширины, сложена из 7 фрагментов (рис. 5,47). Утрачены нижние углы и большая часть боковых бортиков. Следы сажи и извести, сколы.

Размеры: Ш. —32,2; Дл. сохр. —36,0; *h* б. б. —4,4-4,8; *T*. —1,7-2,1.

Год и место находки: 2005. Усадьба I, помещение 5, подвал 3 (под поперечной улицей), в разных слоях (п. о. 52.21, 55.24, 56.23, 57.24).

Публикация: [4, рис. 2,15; 5, рис. 5,7; 6,8; 6, рис. 2,7; 3,8].

На керамиде 1-го типа рельефные метки сравнительно небольшого размера помещались, как правило, в верхней половине формы, которая могла быть как с водосливными валиками, так и без них. Наиболее многочисленной среди керамид этого типа остается серия одноматричных черепиц без водосливных валиков, с меткой среднего рельефа в виде маленькой керамиды с нижними уступами или стилизованной буквы П, расположенной под верхним бортиком, примерно по центру ширины [4, с. 296, метка № 1; 6, с. 221]. За 9 сезонов получено около 60 экземпляров с разной степенью сохранности, в том числе 2 формы с сохранением длины (№ 48 и № 49) и 2 — ширины (№ 50 и № 51). Подавляющее большинство фрагментов с этой меткой обнаружено в слоях разрушения помещений 1 и 2 усадьбы I и прилегающих к ним участков главной и поперечной улиц.

48. Левая часть керамиды с рельефной меткой в виде маленькой керамиды, с сохранением полной длины, сложена из 4 фрагментов (рис. 5,48). Одноматричная с №№ 49-51. Заизвесткована, сколы, утрачена правая часть метки, метка оббита.

Размеры: Дл. —40,5-41,0; Ш. сохр. —19,2; *h* в. б. —2,5-2,6; *h* б. б. —4,8-5,0; *T*. —2,4-2,8; Дл. уст. —6,1.

Год и место находки: 2004. Усадьба I, помещение 2, светло-серый слой, штык 2 (п. о. 73.15).

49. Правая часть керамиды с меткой в виде маленькой керамиды, с сохранением полной длины из 3 фрагментов (рис. 5,49). Одноматричная с №№ 48, 50 и 51. Сколы, утрачен верхний левый угол метки.

Размеры: Дл. —41,8-42,0; Ш. сохр. —20,0; *h* в. б. —2,6; *h* б. б. —5,0-5,2; *T*. —2,0-2,4; Дл. уст. —6,3.

Год и место находки: 2005. Главная улица на пересечении с поперечной улицей, на юго-западном углу усадьбы I, развал камней (п. о. 31.2).

Публикация: [4, рис. 2,4; 5, рис. 5,1; 6,1; 6, рис. 1,7; 3,1].

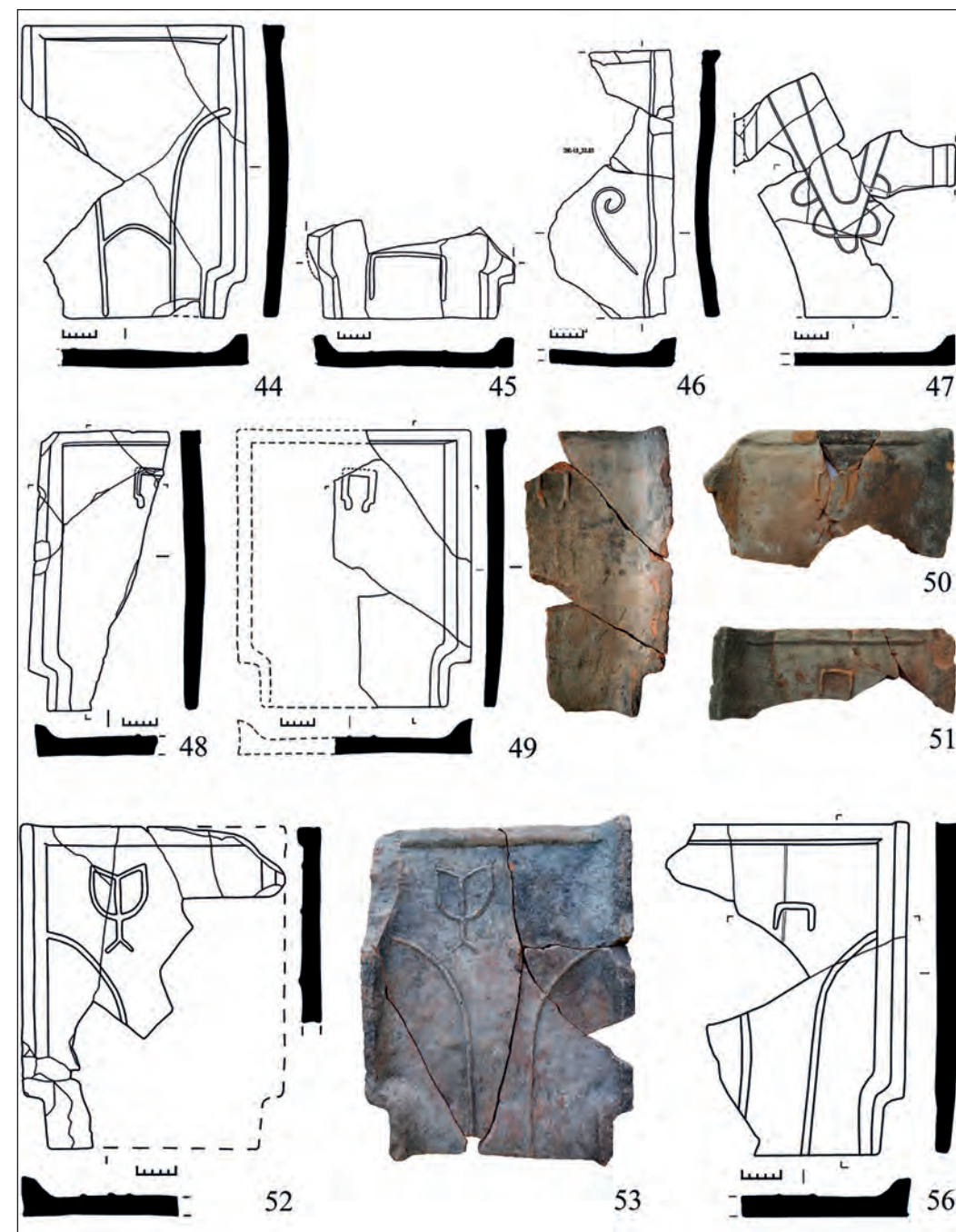

Рис. 5. Керамиды 1-го типа группы Ia: №№ 44-53, 56 по каталогу

50. Верхняя часть керамиды с меткой в виде маленькой керамиды, с сохранением полной ширины из 3 фрагментов (рис. 5,50). Одноматричная с №№ 48, 49 и 51. Сколы, следы сажи и извести, незначительная утрата в верхней части метки.

Размеры: Ш. —34,0; Дл. сохр. —20,4; *h* в. б. —2,5; *h* б. б. —5,0-5,2; Т. —2,2-2,9.

Год и место находки: 2005. Усадьба I, поперечная улица, участок 3 (перед помещением I), развал камней, штык 3 (п. о. 40.39).

51. Верхняя часть керамиды с меткой в виде маленькой керамиды, с сохранением полной ширины из 4 фрагментов (рис. 5,51). Одноматричная с №№ 48, 49 и 50. Сколы, следы извести, утрачена нижняя часть метки.

Размеры: Ш. —33,3-34,0; Дл. сохр. —13,4; *h* в. б. —2,5; *h* б. б. —4,9-5,0; Т. —2,1-2,4.

Год и место находки: 2006. Поперечная улица перед двором, развал камней (п. о. 16.9).

Из слоев разрушения тех же помещений, в которых найдены фрагменты черепиц с меткой в виде керамиды, происходят экземпляры со среднерельефными водосливными валиками и меткой в виде тамги в верхнем левом углу между верхним бортиком и водосливным валиком [4, с. 296, метка № 2]. Зафиксированы фрагменты от 19 одноматричных керамид, включая 2 археологически целые (№ 52 и № 53) и одну форму с полной длиной (№ 54).

52. Археологически целая керамида с водосливными валиками и рельефной меткой «тамга», сложена из 7 фрагментов (рис. 5,52). Одноматричная с № 53 и № 54. Утрачены правые углы и большая часть правого бортика и центрального поля, сильно оббита, заизвесткована, часть фрагментов в саже.

Размеры: 32,0x40,0-40,8; *h* в. б. —2,7-2,9; б. б. —5,4-5,8; Т. —2,1-2,3; Дл. уст. —6,7.

Год и место находки: 2005. Усадьба I, поперечная улица, участок 3 (перед помещением I), развал камней, штык 3 (п. о. 40.41).

53. Археологически целая керамида с водосливными валиками и меткой «тамга» из 5 фрагментов (рис. 5,53). Одноматричная с № 52 и № 54. Левый боковой бортик в верхней части оббит, утрачена небольшая часть правого бортика, следы сажи и извести.

Размеры: 31,0-31,4x40,0-41,7; *h* в. б. —2,9; *h* б. б. —4,4-4,8 и 4,2-4,4; Т. —1,9-2,1; Дл. уст. —6,5 и 6,6.

Год и место находки: 2005. Усадьба I, поперечная улица, участок 3 (перед помещением I), слой пожара (п. о. 46.1).

Публикация: [4, рис. 2,5; 4, рис. 4,5; 6,2; 5, рис. 1,9; 3,2].

54. Левая часть керамиды с водосливными валиками и меткой «тамга», с сохранением полной длины из 3 фрагментов. Одноматричная с № 52 и № 53. Следы сажи и извести.

Размеры: Дл. —40,2; Ш. сохр. —22,8; *h* в. б. —2,8-3,1; *h* б. б. —4,4-4,8; Т. —1,8-2,3; Дл. уст. —6,6.

Год и место находки: 2005. Усадьба I, поперечная улица, участок 3 (перед помещением I), развал камней, штык 3 и слой пожара (п. о. 40.42 и 46.28).

К первому типу относятся также керамиды с водосливными валиками и рельефной меткой в виде буквы П в верхней части вблизи правого водосливного валика (№ 55 и № 56). Метка более низкого рельефа, чем валики. То, что обе формы происходят из одной матрицы, подтверждается как расположением рельефных изображений, так и нерегулярными вертикальными выпуклостями в центральной части, отразившими неровности деревянной матрицы.

55. Археологически целая керамида с водосливными валиками и рельефной меткой в виде буквы П в верхней правой части, сложена из 7 фрагментов. Одноматричная с № 56. Сильно оббита, множество сколов, заизвесткована, метка плохо пропечатана, оббита.

Размеры: 32,5x42,0; *h* в. б. —3,3; *h* б. б. —5,0; Т. —1,9-2,0; Дл. уст. —5,8 и 6,7.

Год и место находки: 2005. Усадьба I, помещение 5, подвал 3 (под поперечной улицей), разные слои (п. о. 55.2, 51.1, 56.6).

56. Археологически целая керамида с водосливными валиками и меткой в виде буквы П из 3 фрагментов (рис. 5,56). Одноматричная с № 55. Утрачены левые углы, почти весь левый боковой бортик и значительная часть центрального поля, оббита, покрыта слоем сажи, заизвесткована, метка оббита.

Размеры: Дл. —41,2; Ш. ≈31,0; *h* в. б. —3,1; *h* б. б. —5,0; Т. —2,1-2,7; Дл. уст. —6,4.

Год и место находки: 2005. Там же (п. о. 56.5).

Публикация: [5, рис. 5,3; 6,14; 6, рис. 2,6; 3,14].

Керамиды 2-го типа группы Ia (№№ 57-81), как уже отмечалось, зачастую немного больше, их бортики имеют более отчетливую трапециевидную форму и четкую границу с центральным полем, они немного выше и массивнее по сравнению с 1-м типом. Нижние уступы, чаще всего, немного длиннее и с более четкими очертаниями. Их центральное поле так же, как и у 1-го типа, могло быть гладким или иметь дуговидные водосливные валики и/или рельефные метки. Все рельефные изображения на керамиде 2-го типа — с четкими очертаниями, широкие и высокие, зачастую выполненные подтреугольным в сечении валиком.

57. Правая часть керамиды без рельефных изображений, с сохранением полной длины (1 фр-т) (рис. 6,57). Верхний бортик и нижняя часть бокового бортика сбиты, на поверхности — сколы, следы извести.

Размеры: Дл. —41,7; Ш. сох. —21,4; *h* в. б. —5,2; Т. —2,0-3,1; Дл. уст. —5,1.

Год и место находки: 2004. Усадьба I. Подвал 2 (между помещениями 2 и 4). Развал камней. Штык 3 (п. о. 75.1).

58. Археологически целая керамида с высокорельефными треугольными в сечении водосливными валиками, сложена из 6 фрагментов (рис. 6,58). На сохранившейся части рельефных меток нет. Утрачен правый нижний угол, утраты в центральной и нижней частях, сильно заизвесткована.

Размеры: 36,6x45,0; *h* в. б. —3,2-3,4; *h* б. б. —5,0 и 5,5; Т. —2,0-2,5; Дл. уст. —8,7.

Год и место находки: 2006. Двор между усадьбами I, II и III, северо-восточная часть, светло-серый слой (п. о. 54.1).

Еще раз отметим, что среди керамид группы Ia есть переходные формы между 1-м и 2-м типами, которые сочетают в себе их признаки. Среди них керамиды без водосливных валиков, с рельефной меткой в виде небольшого круга (кольца) или буквы О, расположенной немного выше центра. Метка невысокого рельефа, но имеет достаточно четкие очертания. Бортики не столь массивны, как у 2-го типа. Левый боковой бортик имеет четкую границу с полем, в то время как правый — плавно переходит в поле. Получена одна археологически целая форма (№ 59) и фрагменты от 4 керамид. Практически все они происходят из слоя разрушения на участке поперечной улицы перед помещением 5 усадьбы I.

59. Археологически целая керамида с рельефной меткой в виде небольшого круга или буквы О, расположенной немного выше центра, сложена из 7 фрагментов (рис. 6,59). Утрачен левый нижний угол, большая часть левого бортика и центрального поля, сколы, метка сильно оббита.

Размеры: 36,2-36,4x44,0; *h* в. б. —3,2; *h* б. б. —4,6-4,8; Т. —2,2-2,3; Дл. уст. —5,3.

Год и место находки: 2005. Усадьба I, поперечная улица, участок 1 (перед помещением 5), развал камней (п. о. 7.4).

Публикация: [4, рис. 2,7; 5, рис. 4,6; 6,6; 6, рис. 2,4; 3,6].

Ко 2-му типу по форме бортиков и рельефу метки относятся керамиды с меткой в виде маленькой буквы Т, повернутой нижней частью к верхнему бортику (т. е. пе-

ревернутой на 180°). Поскольку метка очень небольшого размера (высотой 2,3 см) и высокого рельефа, она плохо пропечатана или сильно оббита на большинстве полученных экземпляров. Сложены 2 археологически целые формы (№ 60 и № 61) и одна — с сохранением ширины (№ 62). Интересно отметить, что одна из целых форм (№ 60) короче другой (№ 61) на 3,2 см. Это связано с тем, что более короткая керамида была обрезана по нижнему краю после формовки в матрице. На удлиненном экземпляре, на правом нижнем углу сохранился выступ длиной 2,5-3,0 см, который подлежал обрезке, но был сохранен. Кроме трех представленных в каталоге экземпляров, получены фрагменты от 43 одноматричных керамид с этой меткой. Большинство из них обнаружено в слоях разрушения усадеб I и IV.

60. Археологически целая керамида с рельефной меткой в виде буквы *T* под верхним бортиком, сложена из 12 фрагментов (рис. 6,60). Одноматричная с № 61 и № 62. Утраты в левой, правой и нижней частях, сколы, следы извести.

Размеры: 33,6-35,7x40,8; *h* в. б. —2,8-3,0; *h* б. б. —4,0-4,2 и 4,5-4,8; *T*. —1,8-2,4; Дл. уст. —5,1 и 5,0.

Год и место находки: 2006. Двор между усадьбами I, II и III, северо-восточная часть, развал камней (п. о. 53.1).

Публикация: [4, рис. 2,9; 5, рис. 5,2; 6,7; 6, рис. 1,8; 3,7].

61. Археологически целая керамида с рельефной меткой в виде буквы *T*, сложена из 10 фрагментов (рис. 6,61). Одноматричная с № 60 и № 62. Сколы, следы извести, метка оббита.

Размеры: 36,0-36,4x44,0; *h* в. б. —2,8-3,2; *h* б. б. —4,0-5,0; *T*. —2,0-2,8; Дл. уст. —7,8-8,2.

Год и место находки: 2006. Двор между усадьбами I, II и III, северо-восточная часть, развал камней (п. о. 53.2 и 23.5).

62. Верхняя часть керамиды с рельефной меткой в виде буквы *T*, с сохранением полной ширины из 4-х фрагментов. Одноматричная с № 60 и № 61. Сколы, следы извести, метка оббита.

Размеры: Ш. —36,3; Дл. сохр. —22,4; *h* в. б. —2,9-3,0; *h* б. б. —4,2-5,4.

Год и место находки: 2015. Усадьба IV, помещение I, серый грунт с камнями, штык 2 (п. о. 11.27).

Для керамид 2-го типа более характерны сравнительно крупные рельефные метки, расположенные, как правило, между водосливными валиками. Среди них керамида с меткой в виде четкого высокорельефного острого угла, от которых сохранилась 1 археологически целая (№ 63) и 5 фрагментов, происходящих из слоев разрушения усадьбы I. Очень похожи по морфологическим характеристикам керамида с меткой в виде двух коротких горизонтальных валиков и расположенных под ними двух слегка дуговидных удлиненных вертикальных валиков, отраженных зеркально-симметрично между водосливными валиками. Последние более рельефные и широкие, чем метка. Получено 2 археологически целые формы (№ 64 и № 65) и обломки от 9 одноматричных керамид, обнаруженных при раскопках, главным образом, усадьбы I.

63. Археологически целая керамида с высокорельефными водосливными валиками и рельефной меткой между ними в виде острого угла, сложена из 5 фрагментов (рис. 6,63). Утрачена правая верхняя угловая часть и левая часть метки, сильно заизвесткована.

Размеры: 35,3-36,2x45,2-45,5; *h* в. б. —2,8; *h* б. б. —4,9-5,6; *T*. —2,4-2,6; Дл. уст. —9,5 и 9,0.

Год и место находки: 2006. Двор между усадьбами I, II и III, северо-восточная часть, светло-серый слой (п. о. 54.3).

64. Археологически целая керамида с высокорельефными водосливными валиками и менее рельефной меткой между ними в виде двух коротких горизонтальных ва-

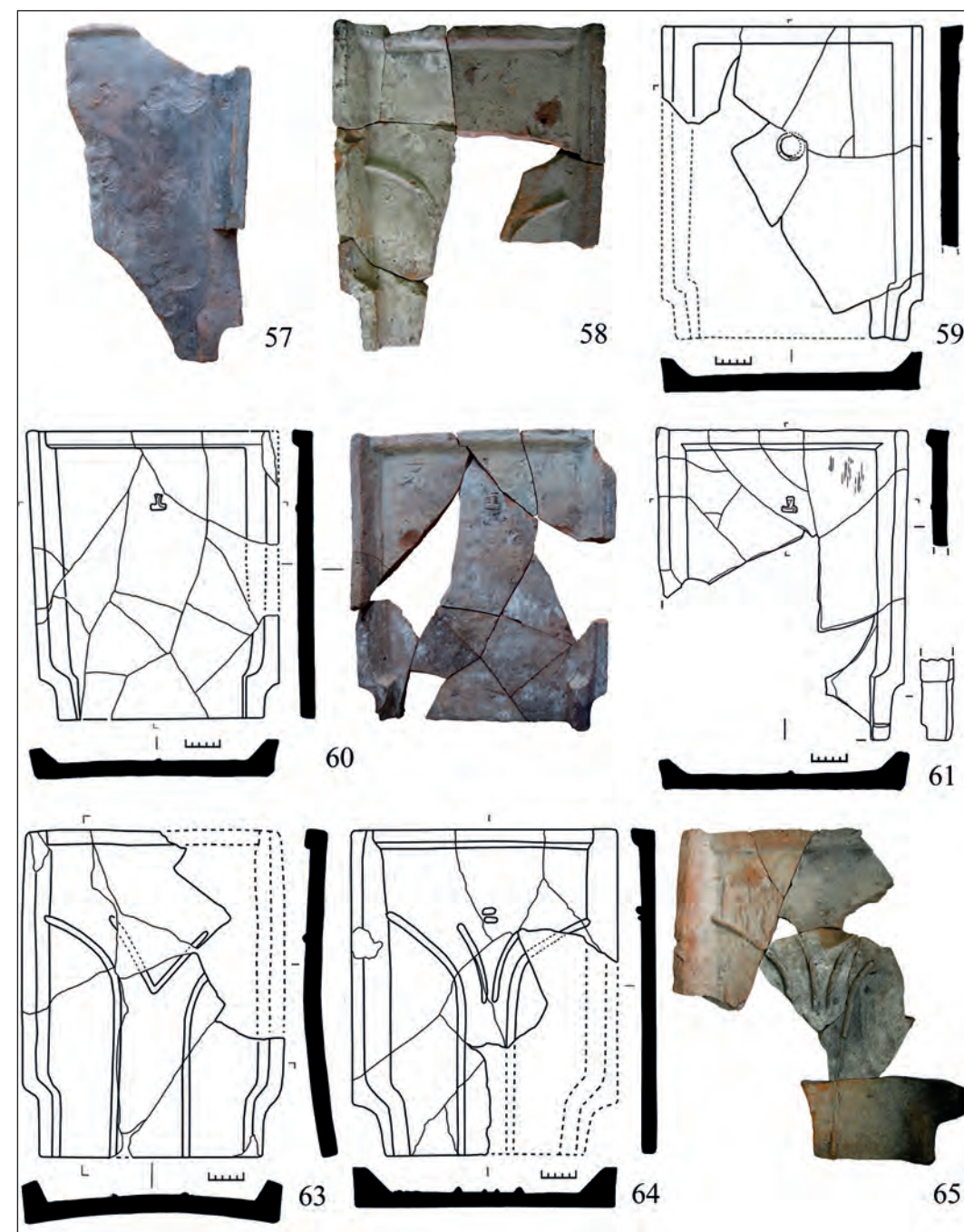

Рис. 6. Керамиды 2-го типа группы Ia: №№ 57-61, 63-65 по каталогу

ликов и двух дуговидных вертикальных валиков под ними, сложена из 8 фрагментов (рис. 6,64). Одноматричная с № 65. Утрачена нижняя левая угловая часть, рельефные изображения оббиты, некоторые фрагменты сильно заизвесткованы.

Размеры: 37,0x43,5-44,5; *h* в. б. —2,8-3,2; *h* б. б. —4,2-4,8 и 4,8-5,4; *T*. —1,8-2,0; Дл. уст. —7,0.

Год и место находки: 2006. Там же (п. о. 54.2).

65. Археологически целая керамида аналогичная предыдущей, сложена из 6 фрагментов (рис. 6,65). Одноматричная с № 64. Утрачены верхняя правая и нижняя левая угловые части, метка и валики оббиты, заизвесткована, 4 фрагмента в саже.

Размеры: 37,8x44,0; *h* в. б. —3,1; *h* б. б. —5,4; *T*. —2,2-2,4; Дл. уст. —7,2.

Год и место находки: 2008. Усадьба III, помещение 2, слой пожара (п. о. 55.60).

Ко 2-му типу принадлежат одноматричные керамиды с несколькими рельефными метками (№№ 66-70). Особый интерес представляет то, что сохранились экземпляры, позволяющие говорить о двух этапах использования одной матрицы. Сначала были вырезаны высокорельефные водосливные валики (причем правый валик был с дефектом — в средней части к нему примыкает более низкий валик, скорее всего, случайный), а также два коротких, тонких, низких горизонтальных отрезка под верхним бортиком и метка в виде буквы М (мю) или Σ (сигма) очень низкого рельефа возле изгиба левого водосливного валика. В таком виде матрица отражена на одном экземпляре с полной длиной (№ 66). В дальнейшем на той же матрице по центру, между водосливными валиками была вырезана еще одна метка высокого рельефа в виде буквы К (каппа), повернутой вправо на 90°. После этого в ней были сформованы черепицы №№ 67-70. Зафиксированы фрагменты еще трех керамид, происходящих из дополненной матрицы.

66. Правая бо́льшая часть керамиды с высокорельефными водосливными валиками и двумя низкорельефными метками в виде двух коротких горизонтальных валиков под верхним бортиком и буквы М (мю) или Σ (сигма) возле изгиба левого водосливного валика, с сохранением полной длины, сложена из 7 фрагментов (рис. 6,66). Одноматричная с №№ 67-70. Большинство фрагментов пережжено в пожаре, в саже, следы извести, сколы. Метка в виде буквы М очень слабо пропечатана.

Размеры: Дл. —42,6-43,3; Ш. сохр. —34,4; *h* в. б. —2,8-3,0; *h* б. б. —4,0-4,4; *T*. —1,9-2,2; Дл. уст. —6,4.

Год и место находки: 2015. Усадьба IV, помещение 1, подвал 4, слой с угольками (п. о. 32.76).

67. Археологически целая керамида с высокорельефными водосливными валиками и тремя метками разного рельефа в виде двух низких, тонких и коротких горизонтальных валиков под верхним бортиком, низкорельефной буквы М (мю) или Σ (сигма) возле изгиба левого водосливного валика и высокорельефной буквы К, повернутой вправо на 90°, в середине между водосливными валиками, сложена из 11 фрагментов (рис. 6,67). Одноматричная с №№ 66, 68-70. Небольшие утраты поля в левой части и правого бокового бортика, сколы, следы извести, буква М плохо пропечатана.

Размеры: 35,2-37,0x42,5-43,0; *h* в. б. —2,7-3,2; *h* б. б. —4,0-4,2 и 4,2-4,5; *T*. —1,7-2,2; Дл. уст. —6,6 и 6,2.

Год и место находки: 2006. Двор между усадьбами I, II и III, северо-восточная часть, развал камней (п. о. 53.41).

Публикация: [5, рис. 4,8; 6,11; 6, рис. 2,5; 3,11].

68. Археологически целая керамида, аналогичная №№ 67, 69 и 70, сложена из 11 фрагментов. Одноматричная с №№ 66, 67, 69 и 70. Утрачены оба нижних угла, бо́льшие части боковых бортиков, большинство фрагментов сильно заизвесткованы.

Размеры: 36,0x42,0; *h* в. б. —2,5-3,0; *h* б. б. —4,4.

Год и место находки: 2008. Усадьба III, помещение 2 (п. о. 78.26).

69. Археологически целая керамида, аналогичная №№ 67, 68 и 70, сложена из 24 фрагментов (рис. 6,69). Одноматричная с №№ 66-68 и 70. Частично утрачен правый нижний угол, небольшие лакуны в центральном поле, следы извести и сажки.

Размеры: длина≈43,0; ширина≈35,5-37,0x43,0-43,4; *h* в. б. —2,8; *h* б. б. —4,9, *T*. —1,6-1,8; Дл. уст. —6,7.

Год и место находки: 2016. Простенок между усадьбами IV и V, развал черепицы за помещением I усадьбы IV (п. о. 21.1).

70. Археологически целая керамида, аналогичная №№ 67-69, сложена из 13 фрагментов. Одноматричная с №№ 66-69. Утрачен верхний правый угол, лакуны в верхней правой и центральной частях, сильно заизвесткована, следы сажки.

Размеры: 36,7-37,5x43,0-43,3; *h* в. б. —2,8-3,1; *h* б. б. —4,0-4,4 и 4,5-4,9; *T*. —1,5-1,8; Дл. уст. —7,0 и 6,6.

Год и место находки: 2016. Там же (п. о. 21.2).

Самую массовую серию одноматричных черепиц среди всех групп, полученных за девять сезонов, составляют керамиды 2-го типа группы Ia с высокорельефными водосливными валиками, от которых зеркально отходят две пары дуговидно изогнутых валиков более низкого, но четкого рельефа, соединяющихся под острым углом по центру (№№ 71-81). Условно эта метка названа двойным фигурным углом. В предыдущих статьях она опубликована под № 9а [4, с. 298; 6, с. 221]. Сложено 7 археологически целых форм (№№ 71-77), 3 формы с полной длиной (№№ 78-80) и 1 — с полной шириной (№ 81). На данный момент невозможно определить точное количество керамид, от которых найдены другие фрагменты. Но установлено, что их было примерно от 80 до 120 форм из одной матрицы. Наибольшая концентрация этих керамид зафиксирована в помещениях усадеб III и IV. Особенно много их было в помещении 2 усадьбы III (52 фрагмента) [5, с. 261, рис. 8].

71. Археологически целая керамида с высокорельефными водосливными валиками и расположенной между ними меткой в виде двойного фигурного угла, сложена из 23 фрагментов (рис. 7,71). Одноматричная с №№ 72-81. Утрачены части нижних уступов, верхняя правая часть метки, утраты в верхней и правой частях керамиды.

Размеры: 35,3-35,8x44,8-45,0; *h* в. б. —3,3-3,5; *h* б. б. —4,6-4,7 и 5,0-5,3; *T*. —1,7-1,8; Дл. уст. —8,5 и 7,7.

Год и место находки: 2006. Двор между усадьбами I, II и III, развал камней, штык 3 (п. о. 44.2).

72. Археологически целая керамида с водосливными валиками и меткой в виде двойного фигурного угла, сложена из 15 фрагментов (рис. 7,72). Одноматричная с №№ 71, 73-81. Утрата в центральной части, сколоты верхняя левая часть метки, следы сажки и извести.

Размеры: 35,5-36,3x43,6-44,0; *h* в. б. —3,2-3,7; *h* б. б. —4,5 и 5,0; *T*. —2,2-2,3; Дл. уст. —7,9 и 7,3.

Год и место находки: 2006. Двор между усадьбами I, II и III, северо-восточная прирезка, светло-серый слой (п. о. 54.4).

Публикация: [4, рис. 2,8; 5, рис. 4,7; 6,9а; 6, рис. 1,5; 3,9а].

73. Археологически целая керамида с водосливными валиками и меткой в виде двойного фигурного угла, сложена из 13 фрагментов (рис. 7,73). Одноматричная с №№ 71, 72, 74-81. Утрачена правая верхняя угловая часть и бо́льшая часть правого бортика, небольшие утраты центрального поля, сколы, сильно заизвесткована.

Размеры: 35,0x44,5; *h* в. б. —3,5; *h* б. б. —4,8-5,0.

Год и место находки: 2008. Усадьба III, помещение 2, серый зольный слой (п. о. 54.62).

74. Археологически целая керамида с водосливными валиками и меткой в виде двойного фигурного угла, сложена из 14 фрагментов (рис. 7,74). Одноматричная с №№ 71-73, 75-81. Утрачен левый верхний угол и большая часть левого бортика, сколы, часть фрагментов пережжена, в саже, заизвесткована.

Размеры: $\approx 35,0 \times 44,5$.

Год и место находки: 2008. Усадьба III, помещение 2, серый зольный слой (п. о. 54.63).

Публикация: [6, рис. 1,6, 3,9a].

75. Археологически целая керамида с водосливными валиками и меткой в виде двойного фигурного угла, сложена из 3 фрагментов. Одноматричная с №№ 71-74, 76-81. Утрачены верхний правый угол, большая часть правого бортика и нижняя левая угловая часть, включая центральную и нижнюю краевую части, оббит нижний правый угол, утрачена большая часть метки, сильно заизвесткована.

Размеры: Ш. —35,8; Дл. сохр. —42,0; h в. б. —3,3-3,5; h б. б. —5,0; Т. —2,2-2,3.

Год и место находки: 2013. Усадьба III, подвал 2 (перед помещением 2) (п. о. 29.75).

76. Археологически целая керамида с водосливными валиками и меткой в виде двойного фигурного угла, сложена из 7 фрагментов (рис. 7,76). Одноматричная с №№ 71-75, 77-81. Утрачены левая верхняя угловая часть, включая значительную часть верхнего бортика и центрального поля, и правая нижняя угловая часть, часть фрагментов пережжена, следы сажи и извести.

Размеры: $36,0 \times 44,3$; h в. б. —3,4; h б. б. —4,5 и 5,1-5,3; Т. —1,9-2,1; Дл. уст. —8,5.

Год и место находки: 2015. Усадьба IV, помещение I, подвал 4, слой с угольками (п. о. 32.61).

77. Археологически целая керамида с водосливными валиками и меткой в виде двойного фигурного угла, сложена из 10 фрагментов. Одноматричная с №№ 71-76, 78-81. Утрата в верхней половине, отбита часть левого нижнего уступа, частично оббит правый боковой бортик, оббиты валики и метка, часть фрагментов пережжена, следы сажи и извести.

Размеры: $36,0-36,1 \times 44,7$; h в. б. —3,4; h б. б. —4,5-5,0; Т. —2,0-2,2; Дл. уст. —8,3.

Год и место находки: 2015. Двор перед помещениями усадьбы I, слой пожара (п. о. 9.1).

78. Левая часть керамида с водосливными валиками и меткой в виде двойного фигурного угла, с сохранением полной длины из 6 фрагментов. Одноматричная с №№ 71-77, 79-81. Значительная лакуна в центральной части, утрачена большая часть метки и левого водосливного валика, сколы, частично заизвесткована.

Размеры: $35,8 \times 44,2$.

Год и место находки: 2015. Двор перед помещением I усадьбы IV, дерн (п. о. 3.52).

79. Левая часть керамида с водосливными валиками и меткой в виде двойного фигурного угла, с сохранением полной длины из 6 фрагментов. Одноматричная с №№ 71-78, 80, 81. Сколы, следы сажи и извести.

Размеры: Дл. —44,8; Ш. сохр. —25,2; h в. б. —3,5; h б. б. —4,8; Т. —2,2-2,3; Дл. уст. —8,6.

Год и место находки: 2015. Усадьба IV, помещение I, подвал 4, слой с угольками (п. о. 32.59).

80. Левая часть керамида с водосливными валиками и меткой в виде двойного фигурного угла, с сохранением полной длины из 5 фрагментов (рис. 7,80). Одноматричная с №№ 71-79, 81. В верхней части над меткой и левым водосливным валиком — два изогнутых под углом пояса из коротких штрихов, нанесенных роликом (?) по сырой глине. Утрачена правая половина метки, следы сажи и извести.

Размеры: Дл. —44,3; Ш. сохр. —21,0; h в. б. —3,2-3,4; h б. б. —4,6; Т. —2,0-2,2; Дл. уст. —8,9.

Год и место находки: 2013. Усадьба IV, помещение I, хранилище I (п. о. 13.44).

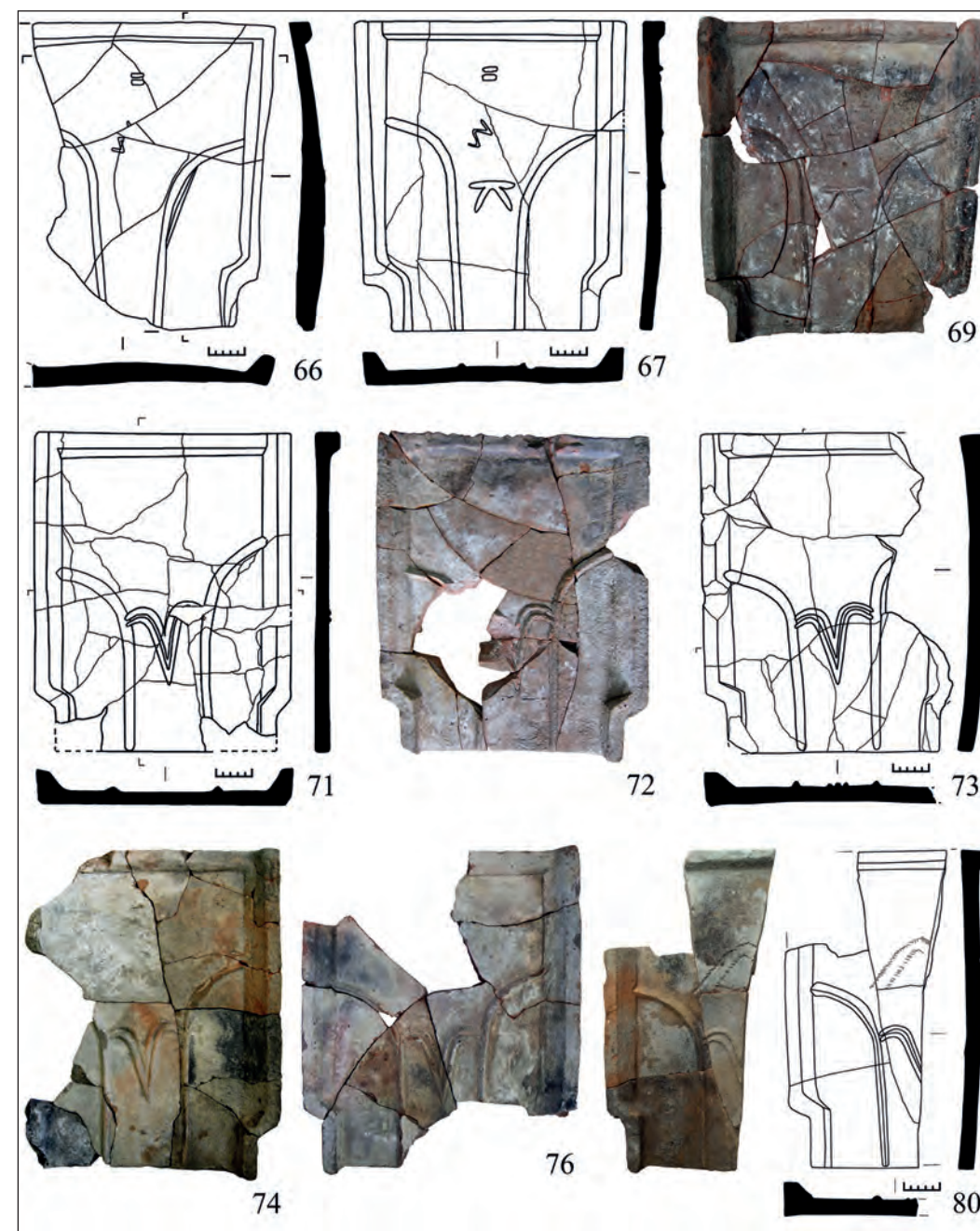

Рис. 7. Керамиды 2-го типа группы Ia: №№ 66, 67, 69, 71-74, 76, 80 по каталогу

81. Нижняя часть керамиды с водосливными валиками и меткой в виде двойного фигурного угла, с сохранением полной длины из 2 фрагментов. Одноматричная с №№ 71-80. Сохранилась небольшая нижняя часть метки (угол), сколы.

Размеры: Ш. —35,0; Дл. сохр. —15,0; h б. б. —4,3-4,6; Т. —2,2; Дл. уст. —8,2 и 8,2.

Год и место находки: 2008. Вторая поперечная улица (западная часть), светло-серый зольный слой (п. о. 84.40).

В представленный выше каталог вошел 81 экземпляр керамид группы Ia: 56 — 1-го типа и 25 — 2-го типа. Они впервые вводятся в научный оборот (ранее были опубликованы рисунки 15 из них и общее описание в рамках отдельных серий). Данная выборка не исчерпывает всей информации о группе Ia, однако позволяет получить достаточно полное представление о ней в целом. На современном этапе изучения кровельного материала средневекового Крыма эту группу археологических источников с полным правом можно назвать уникальной. Во-первых, она имеет сравнительно узкую датировку, подтвержденную археологически — это вторая половина или последняя четверть XIII в. Таким образом, эта группа становится надежным хроноиндикатором. Во-вторых, мы можем достаточно определенно говорить о месте ее производства — это Илькинский керамический производственный комплекс под Мангупом. Так, в печи № 3 на Ильке-2 в 2011 г. был обнаружен производственный брак в виде фрагментов нескольких спекшихся керамид (Илька-2011, к. о. 85, БИ-КАМЗ, нв-22490), которые по морфологическим признакам принадлежат 2-му типу группы Ia. В слое разрушения этой печи были и фрагменты 1-го типа данной группы, которые использовались как строительный материал, поскольку на них сохранились следы раствора⁸. Всё это позволяет, пока предварительно, говорить об относительной хронологии внутри группы Ia. Вероятно, что керамиды 1-го типа могут быть немногим более ранними и печь, в которых они обжигались, еще не открыта. Черепицы 2-го типа обжигались, скорее всего, в уже исследованной печи № 3 Ильки-2. Однако следует повторить, что этот вывод является предварительным. Он будет подтвержден или опровергнут только после того, как материалы раскопок упомянутой печи, а также других открытых Илькинских центров будут опубликованы.

Таким образом, открытие Илькинского керамического комплекса в округе Мангупа имеет огромное значение для изучения и идентификации кровельного материала средневекового города на плато Эски-Кермен и других центров Юго-Западного Крыма. Археологическое исследование данного комплекса, безусловно, должно продолжаться, так же, как должны продолжаться и раскопки на Эски-Кермене. Новые материалы, в частности строительной керамики, позволят существенно дополнить и уточнить публикуемый в данной статье каталог «илькинской» черепицы (группы Ia по эски-керменской классификации), а также расширить наши знания о керамическом производстве всего средневекового Крыма.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Айбабин А. И. Город на плато Эски-Кермен в XIII в. // МАИЭТ. 2014. Вып. XIX. С. 240-277.
2. Айбабин А. И., Хайрединова Э. А. Позднесредневековая часовня на плато Эски-Кермен // МАИЭТ. 2011. Вып. XVII.
3. Айбабин А. И., Хайрединова Э. А. Особенности городской застройки XIII в. на плато Эски-Кермен // V Бахчисарайские научные чтения памяти Е. В. Веймарна. Тезисы докладов и сообщений (Бахчисарай, 7-8 сентября 2017 г.). Бахчисарай, 2017. С. 5-6.

⁸ Выражаю огромную благодарность В. Е. Науменко за то, что он указал мне на этот факт, а также за то, что позволил упомянуть об этих еще не опубликованных находках в моей статье.

4. Завадская И. А. Серии черепиц с ремесленными знаками из Эски-Кермена (по материалам раскопок 2003-2005 гг.) // МАИЭТ. 2008. Вып. XIV. С. 291-315.
5. Завадская И. А. Проблемы изучения кровельного материала средневековых центров Юго-Западного Крыма // ТГЭ. Вып. LIII: Архитектура Византии и Древней Руси IX-XII веков. Материалы международного семинара 17-21 ноября 2009 года. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2010. С. 254-268.
6. Завадская И. А. Проблемы интерпретации рельефных меток на средневековой черепице Крыма // МАИЭТ. 2015. Вып. XX. С. 213-232.
7. Завадская И. А. О поставках кровельного материала в средневековый город на плато Эски-Кермен // VII Международный Византийский семинар «ΧΕΡΣΟΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: империя и полис». Севастополь, 1-5 июня 2015 г. Тезисы докладов и сообщений. Севастополь, 2015. С. 44-46.
8. Завадская И. А. Проблемы и перспективы в изучении черепицы византийского Крыма // VIII Международный византийский семинар ΧΕΡΣΟΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: «империя» и «полис». Севастополь, Государственный историко-археологический музей-заповедник «Херсонес Таврический», 30 мая — 4 июня 2016 г. Материалы научной конференции. Севастополь, 2016. С. 44-47.
9. Моисеев Д. А. Новые средневековые гончарные центры на южной периферии Мангупского городища (округа г. Илька): предварительные результаты // I Бахчисарайские научные чтения памяти Е. В. Веймарна. Тезисы докладов и сообщений Международной научной конференции (Бахчисарай, 5-7 сентября 2012 г.). Бахчисарай, 2012. С. 46-48.
10. Науменко В. Е., Моисеев Д. А., Смекалова Т. Н., Чудин А. В. Новые средневековые гончарные центры в округе Мангупского городища (предварительные результаты комплексных археологических и геофизических исследований) // Охрана культурного наследия: проблемы и перспективы. Тезисы докладов и сообщений Международной научной конференции (Севастополь, Национальный заповедник «Херсонес Таврический», 30 сентября — 5 октября 2012 г.). Севастополь, 2012. С. 52-54.
11. Науменко В. Е. Археологические исследования средневековых памятников Адым-Чокракской долины Крымских предгорий // Труды IV(XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Казань: Отечество, 2014. Т. III. С. 302-307.

REFERENCES

1. Aibabin A. I. Gorod na plato Eski-Kermen v XIII v. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, 2014, vol. XIX, pp. 240-277.
2. Aibabin A. I., Khairidinova E. A. Pozdnesrednevekovaya chasovnia na plato Eski-Kermen. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, 2011, vol. XVII, pp. 422-457.
3. Aibabin A. I., Khairidinova E. A. Osobennosti gorodskoi zastroyki XIII v. na plato Eski-Kermen. *Materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii «V Bakhchisarayskie nauchnye chteniya pamyati E. V. Veymarna» (Bakhchisaray, 7-8 sentyabrya 2017 g.)*. Bakhchisaray, 2017, pp. 5-6.
4. Zavadskaya I. A. Serii cherepits s remeslennymi znakami iz Eski-Kermena (po materialam raskopok 2003-2005 gg.). *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, 2008, vol. XIV, pp. 291-315.
5. Zavadskaya I. A. Problemy izucheniya krovel'nogo materiala srednevekovykh tsentrov Yugo-Zapadnogo Kryma. *Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha. Vol. LIII: Arkhitektura Vizantii i Drevney Rusi IX-XII vekov. Materialy mezhdunarodnogo seminar 17-21 noyabrya 2009 goda*. S-Petersburg, Gosudarstvennyy Ermitazh Publ., 2010, pp. 254-268.
6. Zavadskaya I. A. Problemy interpretatsii rel'efnykh metok na srednevekovoi cherepitse Kryma. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, 2015, vol. XX, pp. 254-268.
7. Zavadskaya I. A. O postavkakh krovel'nogo materiala v srednevekovyi gorod na plato Eski-Kermen. *Materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii «VII Mezhdunarodnyi Vizantiiskii seminar «ΧΕΡΣΟΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: imperiia i polis» (Sevastopol, 1-5 iyunia 2015 g.)*. Sevastopol, 2015, pp. 44-46.

8. Zavadskaya I. A. Problemy i perspektivy v izuchenii cherepitsy vizantiiskogo Kryma. *Materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii «VIII Mezhdunarodnyi Vizantiiskii seminar «ΧΕΡΣΟΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: imperia i polis» (Sevastopol, 30 mai — 4 iunia 2016 g.)*. Sevastopol, 2016, pp. 44-47.
9. Moiseev D. A. Novye srednevekovye goncharnye tsentry na yuzhnoy periferii Mangupskogo gorodishcha (okruga g. Il'ka): predvaritel'nye rezul'taty. *Materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii «I Bakhchisarayskie nauchnye chteniya pamyati E. V. Veymarna» (Bakhchisaray, 5-7 sentyabrya 2012 g.)*. Bakhchisaray, 2012, pp. 46-48.
10. Naumenko V. E., Moiseev D. A., Smekalova T. N., Chudin A. V. Novye srednevekovye goncharnye tsentry v okruge Mangupskogo gorodishcha (predvaritel'nye rezul'taty kompleksnykh arkhеologicheskikh i geofizicheskikh issledovaniy). *Materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii «Okhrana kul'turnogo naslediya: problemy i perspektivy» (Sevastopol, Natsional'nyy zapovednik «Khersones Tavricheskiy», 30 sentyabrya — 5 oktyabrya 2012 g.)*. Sevastopol, 2012, pp. 52-54.
11. Naumenko V. E. Arkheologicheskie issledovaniia srednevekovykh pamiatnikov Adym-Chokrakskoi doliny Krymskikh predgorii. *Trudy IV(XX) Vserossiiskogo arkheologicheskogo s"ezda v Kazani*. Kazan, Otechestvo Publ., 2014, pp. 302-307.

Завадская И. А.

**Черепица группы Ia на Эски-Кермене: к вопросу о месте производства
Резюме**

В статье освещены результаты изучения черепицы, а именно плоских керамид группы Ia (по эски-керменской классификации), полученных в ходе раскопок средневекового квартала городища на плато Эски-Кермен в 2003-2008, 2013, 2015 и 2016 гг. под руководством А. И. Айбабина и Э. А. Хайрединовой. Скорее всего, данная черепица является продукцией керамического производственного центра, открытого в 2010-2013 гг. на восточном склоне горы Илька в округе Мангупа под руководством В. Е. Науменко. В открытом квартале на Эски-Кермене черепица группы Ia является самой массовой (33% от всего черепичного материала). Согласно данным, полученным в ходе раскопок квартала, черепица группы Ia относится к последнему ремонту кровель его помещений, которые были разрушены в конце XIII в. Статья содержит каталог археологически целых керамид, а также экземпляров с сохранением полной длины и полной ширины группы Ia (всего 81 экз.), которые впервые вводятся в научный оборот.

Ключевые слова: Крым, Эски-Кермен, Илька, средневековая черепица, керамический производственный комплекс.

Zavadskaya I. A.

**Roof Tiles of Group Ia in Eski-Kermen: On the Question of the Production Site
Summary**

This article sheds light on the results of research of roof tiles, particularly flat box tiles of Group Ia (according to the Eski-Kermen classification), obtained by the 2003-2008, 2013, 2015 and 2016 excavations of a mediaeval quarter of the town on the plateau of Eski-Kermen supervised by A. I. Aibabin and E. A. Khairidinova. Most probably, these roof tiles were produced in the manufacturing centre discovered in 2010-2013 on the eastern slope of Il'ka mountain in vicinity of Mangup by V. E. Naumenko. In the quarter uncovered on Eski-Kermen the roof tiles of Group Ia were the most widespread (33% of all the materials in possession). According to the account collected by the quarter excavations, roof tiles of Group Ia were related to the latest repair of roofs of these buildings, which were destroyed in the late thirteenth century. This article comprises the catalogue of archaeologically complete box tiles and specimens keeping full length and width of Group Ia (81 pieces total), which are introduced to the scholarship for the first time.

Keywords: Crimea, Eski-Kermen, Il'ka, mediaeval roof tiles, ceramic production complex.

В. Е. НАУМЕНКО, А. А. ДУШЕНКО

**КНЯЖЕСКИЙ ДВОРЕЦ МАНГУПСКОГО ГОРОДИЩА:
ПОМЕЩЕНИЕ И ЮЖНОГО УЧАСТКА КОМПЛЕКСА
(по материалам коллекции Р. Х. Лепера Государственного Эрмитажа
и современных археологических исследований)¹**

Мангупское городище является крупнейшей средневековой крепостью из группы так называемых «пещерных городов» Юго-Западного Крыма. Оно расположено в юго-западной части Внутренней гряды Крымских гор на вершине одноименного плато площадью 90 га и высотой около 600 м над уровнем моря. Памятник входит в группу так называемых «пещерных городов» Крыма, объединяющую комплекс разноплановых средневековых поселений и монастырей, обладающих рядом общих признаков. К последним относится, в первую очередь, сочетание на территории этих памятников наземных построек и искусственных пещерных сооружений жилого, хозяйственного, оборонительного, культового назначения.

Археологическое изучение Мангупа было начато еще в середине XIX в. небольшими раскопками графа А. С. Уварова [51, с. 14-15]. В дальнейшем они периодически возобновлялись работами приват-доцента Санкт-Петербургского университета Ф. А. Брауна в 1890 г. [3, л. 1-34], директора Херсонесского музея Р. Х. Лепера в 1912-1914 гг. [28, с. 266-269; 29, с. 73-79, 149-154; 30, с. 297-300; 31, с. 72-84] и совместной экспедиции ИИМК АН СССР и Севастопольского музейного объединения в 1938 г. [4, с. 419-429; 50, с. 334-389; 52, с. 390-418]. С 1967 г., с момента создания Мангупской археологической экспедиции на базе Крымского государственного педагогического института им. М. В. Фрунзе (ныне Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского), раскопки городища приобрели систематический характер, будучи направленными не только на исследование его крупных архитектурно-археологических комплексов (цитадели на мысе Тешкли-бурун, дворца, Большой трехнефной базилики, синагоги, храмов Св. Константина и Св. Георгия), изучение которых было начато нашими предшественниками и осталось, по разным причинам, незавершенным, но и на исследование новых памятников (линий оборонительных стен, жилой и хозяйственной застройки, производственных центров, некрополей) на территории Мангупского плато и его ближайшей округи.

За многие годы исследований Мангупа накоплен значительный массив археологического материала, публикация которого является, пожалуй, наиболее важной задачей современного этапа изучения городища. Нужно сказать, что результаты раскопок археологических объектов последних лет в целом оперативно вводятся в научный

¹ Статья написана в рамках реализации проекта «Византийское присутствие в Крыму: политический, экономический и культурный аспекты» базовой части государственного задания Министерства образования и науки РФ № 33. 5156. 2017/БЧ, а также научного проекта РГНФ №15-31-10159 «Население Дороса-Феодоро по результатам комплексного археолого-антропологического анализа некрополей Мангупского городища (IV-XVII вв. н. э.)». Авторы выражают искреннюю признательность А. Г. Герцену за возможность самостоятельной публикации результатов новейших археологических исследований княжеского дворца Мангупского городища.

оборот. Менее известны материалы исследований середины XIX — начала XX вв., которые, по сути, позволили не только сформировать современные представления о топографии крепости в различные периоды ее истории, установить архитектурно-топографические доминанты городища, но и привлечь на долгие годы внимание специалистов к этому уникальному памятнику средневекового Крыма [подробнее о раннем этапе научного изучения Мангупа см.: 10, с. 228-246]. Скептицизм исследователей, обращавшихся к ним, на первый взгляд, вполне понятен. Слабая методика ведения раскопок, недостаточная графическая и фотофиксация объектов изучения, отсутствие полной описи находок, значительные лакуны в сохранившихся коллекциях артефактов в фондах музеев — реалии, которые нужно учитывать в работе. Тем не менее, изучение археологических коллекций из ранних раскопок городища не выглядит безнадёжным занятием и способно привести к качественному научному результату, особенно если эти штудии сопровождаются новыми исследованиями памятника.

В настоящей работе мы попытаемся подтвердить этот тезис на примере анализа коллекции из раскопок Мангупского городища Р. Х. Лепером в 1912-1914 гг., хранящейся в фондах Государственного Эрмитажа, и современных исследований одного из важных архитектурно-археологических комплексов южного участка дворца правителей княжества Феодоро — так называемого «помещения Н» (рис. 1-3).

Помещение Н было открыто Р. Х. Лепером, скорее всего, в 1912 г.; он же тогда произвел первые раскопки здания, характер и площадь которых долгое время оставались не ясными. На общем плане дворца, опубликованном в одном из первых кратких сообщений по итогам работ на Мангупе в 1912 г., отмечены практически полные контуры помещения с разрывом в его юго-западной части [29, с. 150, рис. 5]. В течение полевых сезонов 2008-2009 и 2015 гг. нами было осуществлено полное исследование комплекса в ходе возобновившихся (с 2006 г.) археологических исследований Мангупского княжеского дворца экспедицией под руководством А. Г. Герцена. При обработке полученных материалов раскопок и подготовке их к публикации несколько неожиданно удалось существенно пополнить археологический комплекс находок из помещения Н группой выразительных глазурированных сосудов из коллекции Р. Х. Лепера в Государственном Эрмитаже. Этим находкам посвящена первая часть статьи, с особым вниманием к интересующей нас группе поливных изделий²; во второй части работы представлены основные результаты современных раскопок помещения Н.

Мангупская коллекция Р. Х. Лепера в Государственном Эрмитаже³

В начале несколько общих замечаний о раскопках Р. Х. Лепера на Мангупе. О них в целом известно немного, хотя общий ход и круг археологических объектов, затронутых этими работами, восстанавливается вполне определенно. Раскопки велись в течение трех полевых сезонов (1912-1914 гг.), обычно ранней осенью, вплоть до отстранения директора Херсонесского музея от исполнения своих обязанностей и отъезда из Севастополя. Причиной исследований городища, о чем сообщает сам Р. Х. Лепер, послужила информация о договоренности между И. Крымтаевым — владельцем земель, на которых располагалось городище на тот момент, и севастопольским купцом и коллекционером А. Я. Гидалевичем на право проведения последним

² Выражаем благодарность А. Г. Фурсьеву, хранителю археологической коллекции Р. Х. Лепера в Государственном Эрмитаже, за помощь в работе с ней в 2009 и 2015 гг.

³ Первая часть статьи представляет собой расширенный вариант доклада, прочитанного на Международной научной конференции «XVII Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Исследователи и исследования» (г. Керчь, 23-27 мая 2016 г.) и уже опубликованного в тезисной форме [40, с. 313-324].

раскопок в крепости. При этом А. Я. Гидалевич имел возможность оставлять для своих нужд половину находок. Предложение Р. Х. Лепера о совместных работах на памятнике, на условиях равных затрат на их проведение и распределения находок пополам, было принято А. Я. Гидалевичем [29, с. 73]. К сожалению, сам руководитель раскопок бывал на Мангупе редко, фактически перепоручив их ведение опытному рабочему Херсонесского музея Н. З. Федорову, что сказало, безусловно, на качестве анализа и обработки получаемого материала. Тем не менее, работы носили масштабный характер, особенно в 1912-1913 гг., затронув практически все ныне известные крупные архитектурно-археологические комплексы городища (рис. 1).

Одним из наиболее важных объектов раскопок Р. Х. Лепера стала Большая базилика в центральной части Мангупского плато, открытая еще в 1890 г. Ф. А. Брауном. В процессе работ впервые были установлены полные контуры и основные архитектурные компоненты памятника (три нефа с колоннадами, северная и южная галереи, нартекс, центральная апсида с синтроном, южная апсида, солея), составлен его общий план. Исследования сопровождались раскопками многочисленных погребальных комплек-

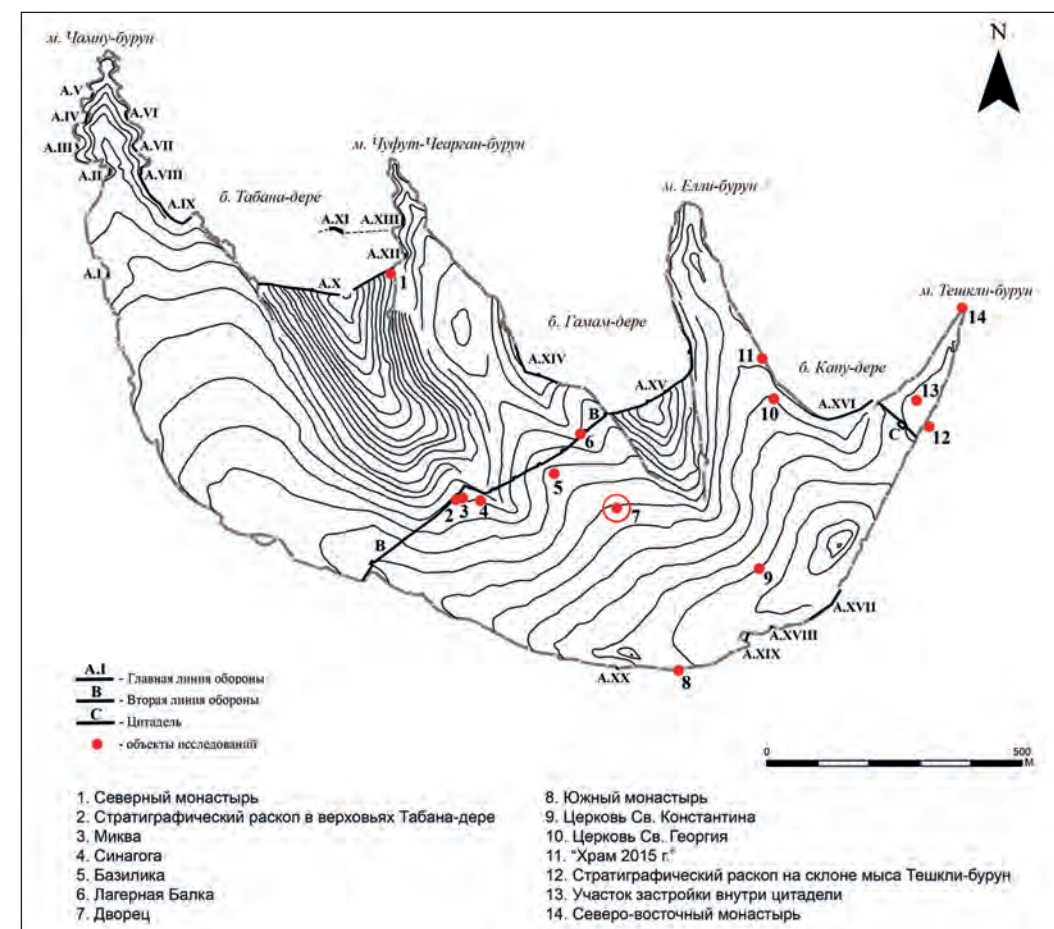

Рис. 1. Общий план Мангупского плато с указанием основных объектов археологических исследований в 1853-2016 гг.

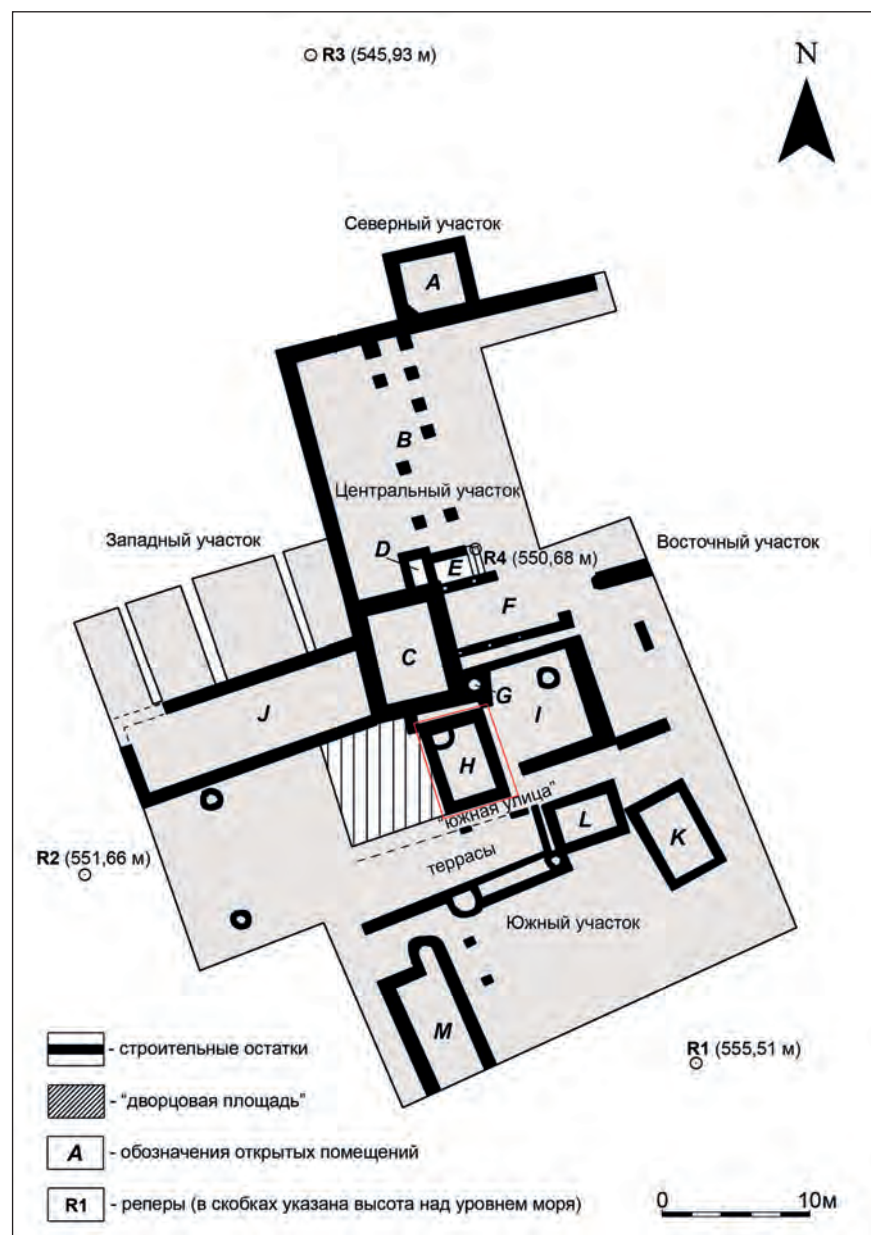

Рис. 2. Дворец. Общий план участков исследований 1912-1914, 1938, 1968, 1974 и 2006-2016 гг. (красным цветом выделено помещение H)

сов внутри храма. Для дальнейшего изучения базилики и в целом истории Мангупа важное значение имели эпиграфические находки, особенно фрагмент плиты с именем византийского императора Юстиниана I (527-565) и надпись 1361-1362 гг. с упоминанием о работах по восстановлению города Феодоро и строительству некоей «Пойки», произведенных гекатонтархом Хуйтани [27, с. 18-19, рис. 1; 32, с. 9-14, рис. 2].

Другим центральным объектом исследований 1912-1914 гг. стал дворец правителей княжества Феодоро. В ходе раскопок был составлен его общий план на площади более чем 1000 м², включавший, на момент завершения работ, девять архитектурных комплексов — оборонительную башню (помещение А), большое двухэтажное здание (С), две галереи с колоннадами (В и F), а также ряд вспомогательных помещений (D, E, G, H, I) [29, с. 149-154, рис. 5]. Время строительства дворца справедливо увязывалось с датировкой строительной надписи 1425 г. с именем князя Алексея, выявленной при раскопках башни в 1912 г. [32, с. 33-35, рис. 10].

Наконец, третьим важнейшим районом исследований Р. Х. Лепера являлся мыс Тешкли-бурун с прилегающей территорией Мангупского плато. В цитадели были полностью раскопаны ее двухэтажная башня-донжон [31, с. 79-80] и так называемая «гарнизонная церковь» [29, с. 154, рис. 9], завершены начатые Ф. А. Брауном исследования октагонального храма [подробнее о них см.: 13, с. 229]. За пределами цитадели раскопки проводились, прежде всего, на площади церкви Св. Георгия и ее некрополя в верховьях мыса Елли-бурун, где был найден фрагмент плиты с рельефным изображением Св. Георгия Победоносца, что дало возможность отождествить храм с одноименной церковью, которую видел Мартин Броневский еще в 1578 г. [29, с. 74-75]. Кроме того, сохранились краткие упоминания Р. Х. Лепера о расчистках пещерного монастыря с фресками на южном склоне Мангупа [30, с. 299], скальных гробниц над главными воротами в крепость и на эспланаде цитадели.

Помимо базилики, дворца и памятников в округе цитадели раскопками 1912-1914 гг. были охвачены объекты в районе балки Табана-дере, связанные с жизнью караимской общины Мангупа. Главное внимание здесь, безусловно, было приковано к синагоге и караимскому некрополю. Однако в одном из своих предварительных сообщений Р. Х. Лепер упоминает также о расчистке пещерной церкви с калиткой у оборонительной стены в Табана-дере [29, с. 76], которая ныне уверенно отождествляется с так называемым «Северным монастырем» городища [6, с. 26-30].

Рис. 3. Дворец. Современное состояние (Новиков В. В.; аэрофото 2015 г.). Латинскими буквами обозначены исследованные в 1912-1914, 1938, 1968, 1974 и 2006-2015 гг. помещения дворцового комплекса

Несмотря на значительный объем работ 1912-1914 гг., подробный отчет об их результатах так и не был подготовлен. Краткие сообщения о ходе раскопок, опубликованные в Известиях ИАК и протоколах заседаний ТУАК, не компенсируют этот пробел. Позднее Л. А. Моисеев, преемник Р. Х. Лепера на посту директора Херсонесского музея, попытался дать обзор результатов исследований на Мангупе в 1913-1914 гг. в специальной публикации, основываясь на записях полевых дневников, сообщениях участников экспедиции и личных впечатлениях в процессе осмотра археологических объектов. Однако и здесь текст изобилует лакунами, как, например, при описании работ 1914 г. на дворце. Ценность этой статьи заключается в большом количестве уникальных фотографий, на которых запечатлены исследованные археологические памятники и таблицы наиболее ярких находок [31, с. 72-84]. Одновременно В. В. Латышевым было издано шесть фрагментированных надписей, в том числе уже упомянутая с именем императора Юстиниана I [27, с. 17-21]. Дальнейшая судьба материалов раскопок Р. Х. Лепера на Мангупе восстанавливается по материалам архивных и фондовых собраний в музеях Севастополя, Бахчисарая и Санкт-Петербурга.

Нам не известно, были ли в действительности выполнены условия соглашения между Р. Х. Лепером и А. Я. Гидалевичем, особенно в части передачи последнему половины находок из проведенных на Мангупе раскопок. Во всяком случае, об этом нигде не упоминается в архивных и опубликованных материалах. В отношении же коллекции, связанной с именем Р. Х. Лепера, можно уверенно говорить, что вся она по завершении работ вначале оказалась в Херсонесе. Сюда же была передана полевая документация экспедиции (дневники, рабочие чертежи, фотографии), которая до сих пор хранится в музее (см. научный архив ФГБУК «Государственный историко-археологический музей-заповедник «Херсонес Таврический» (далее — НА ГИАМЗ ХТ), дела №№ 87а, 90, 107, 108, 123, 129, 143, 144, 560, 1527).

Однако, еще самим Р. Х. Лепером в феврале 1914 г., очевидно, наиболее яркая часть коллекции из раскопок 1912-1913 гг. была отправлена в Санкт-Петербург (всего 287 предметов согласно описи) (НА ГИАМЗ ХТ, дело №123, л. 2-5). Ныне значительная ее часть хранится в фондах Отдела археологии Восточной Европы и Средней Азии Государственного Эрмитажа (коллекция № 1808; всего 233 предмета, объединенные в 177 инвентарных номера)⁴. Основная же группа предметов оставалась в Херсонесе вплоть до 1938 г., когда она была передана в фонды формирующегося Музея «пещерных городов» в Бахчисарае (НА ГИАМЗ ХТ, дела № 107 и 108). В настоящее время Бахчисарайская коллекция, совершенно не известная в литературе, насчитывает несколько тысяч артефактов, сгруппированных в 1396 инвентарных номера. До конца не ясной остается судьба лапидарной коллекции из раскопок 1912-1914 гг. на Мангупе. Скорее всего, большая часть ее, на момент передачи в Бахчисарай, осталась на хранении в Херсонесе.

Обращаясь к Мангупской коллекции в Государственном Эрмитаже, нужно заметить, что она практически не введена в научный оборот. Опубликованы лишь фрагмент погребальной пелены из грубой ткани с золотой канителью из раскопок, очевидно, базилики [41, с. 287-288, рис. 4]⁵ и частично группа глазурованных сосудов,

⁴ 22 предмета ныне находятся на временном хранении в Отделе Востока, либо в экспозиции музея. При этом нужно отметить, что в Эрмитаж находки поступали в два этапа — из Императорской археологической комиссии в 1915 г. (142 из 177 номеров по описи) и Государственной Академии истории материальной культуры в 1925-1926 гг.

⁵ Выражаем признательность А. Г. Герцену за указание на эту редко цитируемую в литературе работу.

связанных с изучением дворцового комплекса Мангупского городища, хотя и без точной привязки к объектам исследований на его площади [21, с. 116-117, 122-123 (группа II, тип 2), табл. 2; 35, с. 100-102, рис. 42,1-7; 43-45; 36, с. 294-295, рис. 2,5-6; 5-6; 9; 25, с. 370-374; 26, с. 217-220, № 451-456]. Однако, информативные возможности коллекции представляются значительно большими.

По материалу хранящиеся в Эрмитаже находки можно разделить на 11 групп, количественные характеристики которых представлены в таблице 1.

Таблица 1.

Коллекция Р. Х. Лепера из раскопок Мангупа в 1912-1913 гг.
Основные группы находок

№ п/п	Наименование группы предметов	Количество (шт.)
1	Изделия из драгоценных металлов	67
2	Изделия из бронзы	12
3	Изделия из железа	43
4	Изделия из стекла	5
5	Бусы из различных материалов	14
6	Изделия из кости и рога	27
7	Ткани	2
8	Глиняные курительные трубки	18
9	Бытовая неглазурованная керамика	6
10	Глазурованная керамика	36
11	Сосуды из фаянса	3
	Всего:	233

Комментируя таблицу, остановимся лишь на некоторых моментах. Самая многочисленная категория изделий из золота и серебра состоит, главным образом, из украшений и деталей костюма (серьги, кольца, пуговицы, цепочка из звеньев крученой золотой проволоки с бусинами синего пастового стекла). Группа предметов из железа включает инструменты (ножницы, долото), бытовые (поясные пряжки, иглы, ножи, детали замков, ключи, подковы) и культовые (кресты) предметы, немногочисленное оружие (лезвие сабли, дротик и наконечники стрел). Поливная керамика представлена, в основном, красноглиняными сосудами, покрытыми монохромной (желтой) либо полихромной (желтой с зеленой или коричневой подцветкой) глазурью, с орнаментом в технике «сграффито», изготовленными в гончарных центрах Крымского полуострова в XIV-XV вв. (группы «Monochrome (Yellow) Sgraffito Ware» и «Polichrome Sgraffito Ware»). Среди них выделяется серия мисок и тарелок с монограммами в виде греческих букв «хи» и «тау» («ГХ») (№№ 1808/70, 83-87, 93-94)⁶. Импортная керамика представлена поздневизантийской (группы «Glazed White Ware IV» (№ 1808/21), «Elaborate Incised Ware» с монограммой «ДМР» («Димитрий») (№ 1808/89), «Slip-Painted Ware» (№ 1808/81) и «Monochrome (Blue) Ware» (№ 1808/91)) и раннеосманской поливной посудой

⁶ Нумерация находок приведена согласно инвентарной описи Государственного Эрмитажа. Здесь и далее атрибуция различных групп глазурованной керамики дана для удобства по определителю И. Врум [54].

(группа «Miletus Ware») (№№ 1808/17, 22, 74-78, 92), более поздними по времени бытования глазурованными изделиями группы «Polychrome Marbled Ware» (№№ 1808/14, 16), фаянсом групп «Iznik Ware» (№№ 1808/18, 41, 175) и «Kütahya Ware» (№ 1808/20).

Как видно, большая часть предметов из Эрмитажной коллекции Р. Х. Лепера, которая поддается достаточно точной атрибуции, в том числе хронологической, относится к поздним периодам в истории Мангупа (XIV-XVIII вв.). Это наблюдение объясняется довольно просто. Основными объектами исследований в 1912-1914 гг. являлись памятники, где культурные горизонты этого времени лучше всего представлены — базилика, дворец, синагога, цитадель, церковь Св. Георгия, на что уже неоднократно указывалось в литературе [17, с. 88-100].

Одной из важнейших задач нашей работы является установление, по возможности, максимально точной атрибуции предметов коллекции. Описи Эрмитажа позволяют соотнести с известными объектами исследований 123 из 177 (около 70%) инвентарных номеров фондового собрания, что отражено в таблице 2.

Таблица 2.

Коллекция Р. Х. Лепера из раскопок Мангупа в 1912-1913 гг.

№ п/п	Наименование группы предметов	Количество инвентарных номеров
1	Большая трехнефная базилика	83
2	Дворец правителей княжества Феодоро (1425-1475 гг.)	25
3	Некрополи на эспланаде цитадели и над главными крепостными воротами	8
4	Донжон цитадели на м. Тешкли-бурун	3
5	«Малый храм» (очевидно, октагональный храм цитадели)	3
6	Церковь Св. Георгия	1
7	Не определенное местонахождение	54
	Всего:	177

Из данной таблицы хорошо видно, что далеко не все объекты исследований 1912-1914 гг. нашли отражение в описи находок, в том числе синагога, караимский некрополь и Северный пещерный монастырь в балке Табана-дере, Южный пещерный монастырь и «гарнизонная» церковь на мысе Тешкли-бурун. Однако и для территориально атрибутированных находок также проблематичным является установление их более точного археологического контекста, чем просто констатация их привязки к названию отдельного памятника или комплексам на его площади. К примеру, шифры предметов из раскопок базилики, в лучшем случае, содержат надписи «могила за алтарной апсидой», «могила с южной стороны алтаря» и т. д. При отсутствии точного плана раскопа этого явно недостаточно, чтобы оценить точные стратиграфические условия обнаружения артефактов.

Исключением в этом смысле являются 12 поливных сосудов (№№ 1808/83-94), найденные, согласно описи, в «яме ниже пола «дворца» с надписью 1425 г.». Сопоставление этих данных с архивными материалами Р. Х. Лепера и результатами новейших раскопок памятника неожиданно позволяют точно атрибутировать этот археологический комплекс.

Серия глазурованных сосудов из ямы Р. Х. Лепера состоит из нескольких, по происхождению, групп изделий. Девять мисок и блюд (группы «Monochrome Sgraffito Ware» и «Polichrome Sgraffito Ware») представляют продукцию местных гончарных центров и изготовлены, очевидно, в середине — третьей четверти XV в. (№№ 1808/83-88, 90, 93-94) (рис. 4-5; 6, 1, 3; 7, 1) Семь из них на внутреннем поле изделий имеют монограмму «ТХ», традиционно встречающуюся на памятниках княжества Феодоро в горном и южнобережном Крыму [35, с. 94-96, рис. 43-45]⁷. Еще два сосуда, несомненно, византийского происхождения — миска группы «Monochrome (Blue) Ware» (№ 1808/91) (рис. 7, 2) [35, с. 93, рис. 42, 1] и фрагмент дна сосуда на кольцевом поддоне группы «Elaborate Incised Ware», покрытого монокромной желтой глазурью, с монограммой «ДМР», которая обычно расшифровывается как «Димитрий» (№ 1808/89) (рис. 6, 2) (36, с. 297, рис. 1, 1). Наконец, засыпь ямы содержала раннеосманскую тарелку с подглазурной росписью кобальтом группы «Miletus Ware» (№ 1808/92) (рис. 7, 3) [35, с. 93, рис. 42, 7]. Такие изделия, производившиеся в Изнике, обычно встречаются на памятниках Крыма (Мангуп в этом смысле не является исключением) в комплексах 1450-1475 гг. [14, с. 408; ср.: 43, с. 393-394].

В кратких сообщениях Р. Х. Лепера содержатся упоминания о двух раскопанных им во дворце ямах. Одна, пристроенная к восточной стене помещения С, обозначена литерой G и интерпретирована как «ретирад для верхнего этажа» (туалет) [29, с. 152]. Вторая яма, открытая в северо-западном углу помещения Н, содержала «массу поливных черепков, среди них много от чаш с желтой поливой и крупными вдавленными коричневыми знаками в виде буквы X; среди поливных попадаются также и черепки не встречающегося в Херсонесе типа с синим и красным⁸ узором по белому фону (турецкие)?» [29, с. 153]. Под последним типом глазурованных сосудов, очевидно, имеются ввиду раннеосманские изделия группы «Miletus Ware». В сопроводительном письме Р. Х. Лепера в ИАК, приложенном к ящику «мангупских древностей» (НА ГИАМЗ ХТ, д. № 143, л. 20), вновь отмечены фрагменты поливных сосудов с монограммой «ТХ», происходящие из ямы в помещении Н [выделено авторами]. Таким образом, анализ архивных материалов позволяет установить точное происхождение серии поливных сосудов из раскопок Мангупского дворца в 1912-1914 гг., хранящихся в Государственном Эрмитаже.

**Помещение Н Мангупского княжеского дворца.
Раскопки 2008-2009 и 2015 гг.**

Мангупский княжеский дворец известен исключительно благодаря его археологическим исследованиям, так как, в отличие от других архитектурно-топографических доминант Мангупского городища, он не упоминается путешественниками и историками средневекового и Нового времени. Фактически открытие резиденции правителей княжества Феодоро произошло только в 1912 г., когда проводивший на тот момент раскопки Мангупа Р. Х. Лепер обратил внимание на земляной холм в центральной части Мангупского плато. Ему в течение 1912-1913 гг. удалось открыть контуры ряда крупных архитектурных объектов, составляющих ныне центральную часть дворцового комплекса — помещений А, В, С, Д, Е, F, G, Н и I, и выдвинуть, с учетом находки строительной надписи 1425 г., гипотезу о времени

⁷ В. Л. Мыц, впервые опубликовавший данную группу поливных сосудов, указал на их происхождение с площади раскопок дворца, но не обратил внимания на дополнительные сведения в инвентарной описи Государственного Эрмитажа

⁸ Здесь явная ошибка Р. Х. Лепера — скорее всего, коричневый (или темно-коричневый) цвет линий узора.

Рис. 4. Государственный Эрмитаж. Коллекция Р. Х. Лепера из раскопок Мангупа в 1912-1914 гг. Дворец. Яма в северо-западном углу помещения Н. Глазуванная керамика группы «Monochrome Sgraffito Ware» с монограммой TX (1 — № 1808/86; 2 — № 1808/87; 3 — № 1808/94)

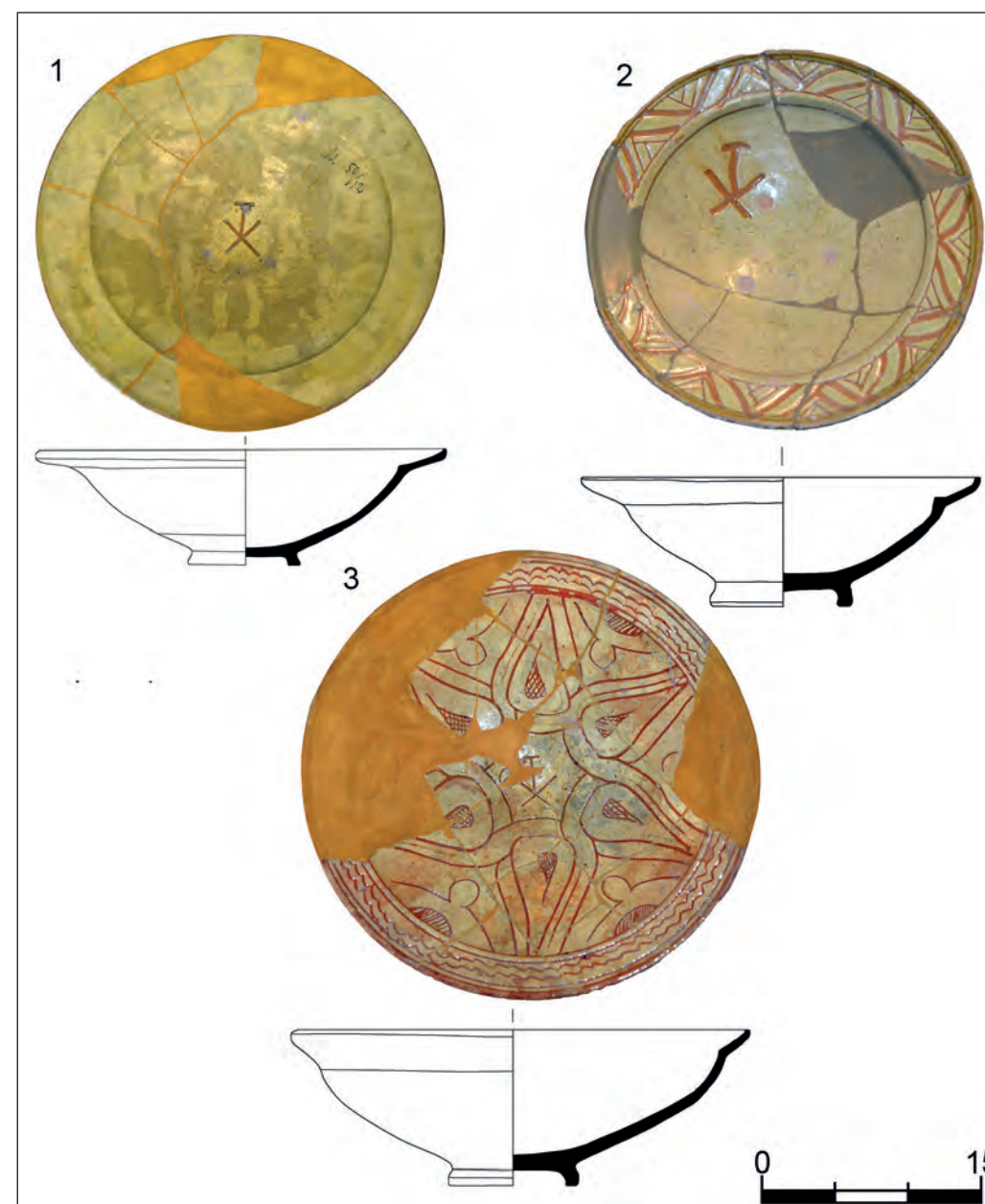

Рис. 5. Государственный Эрмитаж. Коллекция Р. Х. Лепера из раскопок Мангупа в 1912-1914 гг. Дворец. Яма в северо-западном углу помещения Н. Глазуванная керамика группы «Monochrome Sgraffito Ware» с монограммой TX. (1 — № 1808/83; 2 — № 1808/84; 3 — № 1808/93)

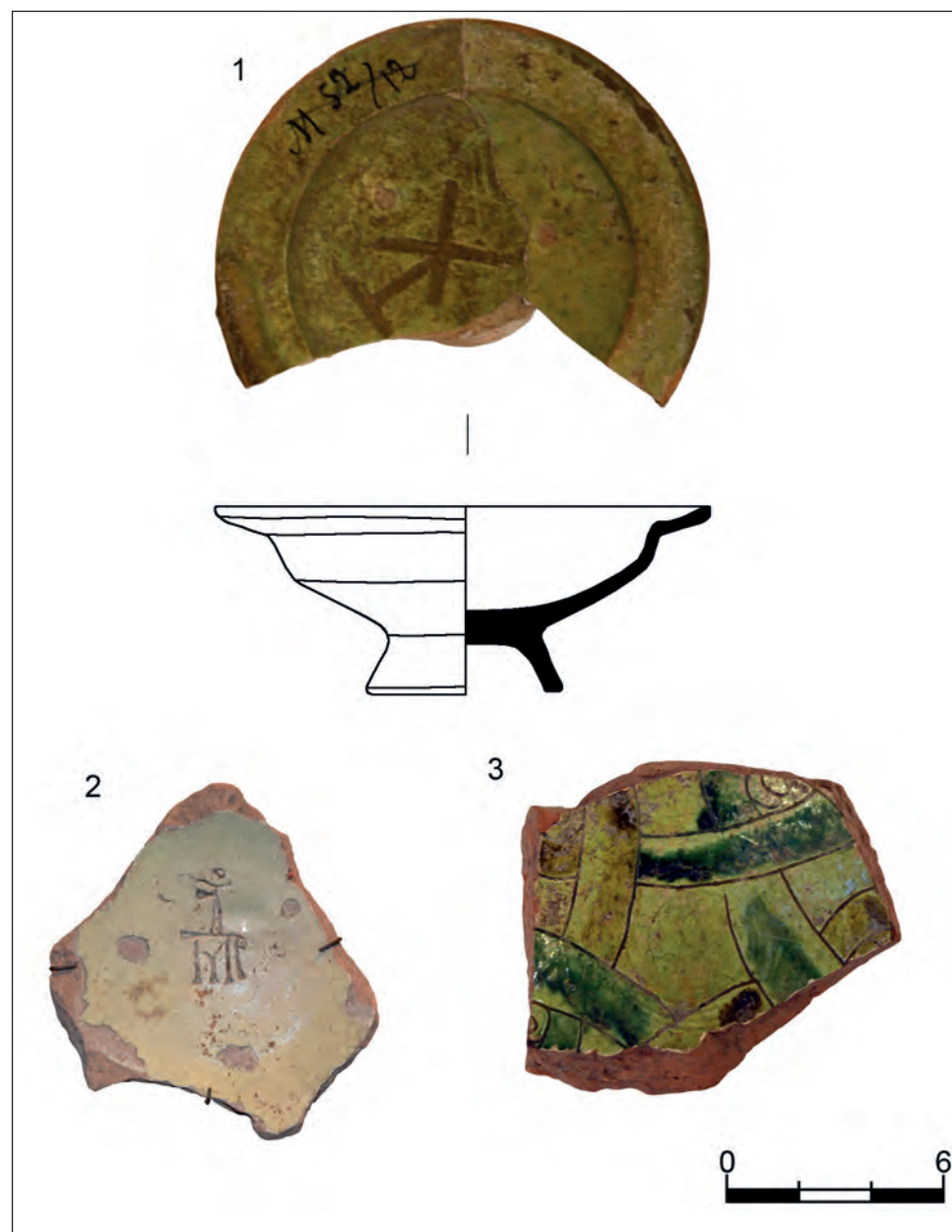

Рис. 6. Государственный Эрмитаж. Коллекция Р. Х. Лепера из раскопок Мангупа в 1912-1914 гг. Дворец. Яма в северо-западном углу помещения Н. Глазуванная керамика. 1 — группа «Monochrome Sgraffito Ware» с монограммой ТХ (№ 1808/85); 2 — группа «Monochrome Sgraffito Ware» с монограммой «Димитрий» (№ 1808/89); 3 — группа «Polichrome Sgraffito Ware» (№ 1808/90)

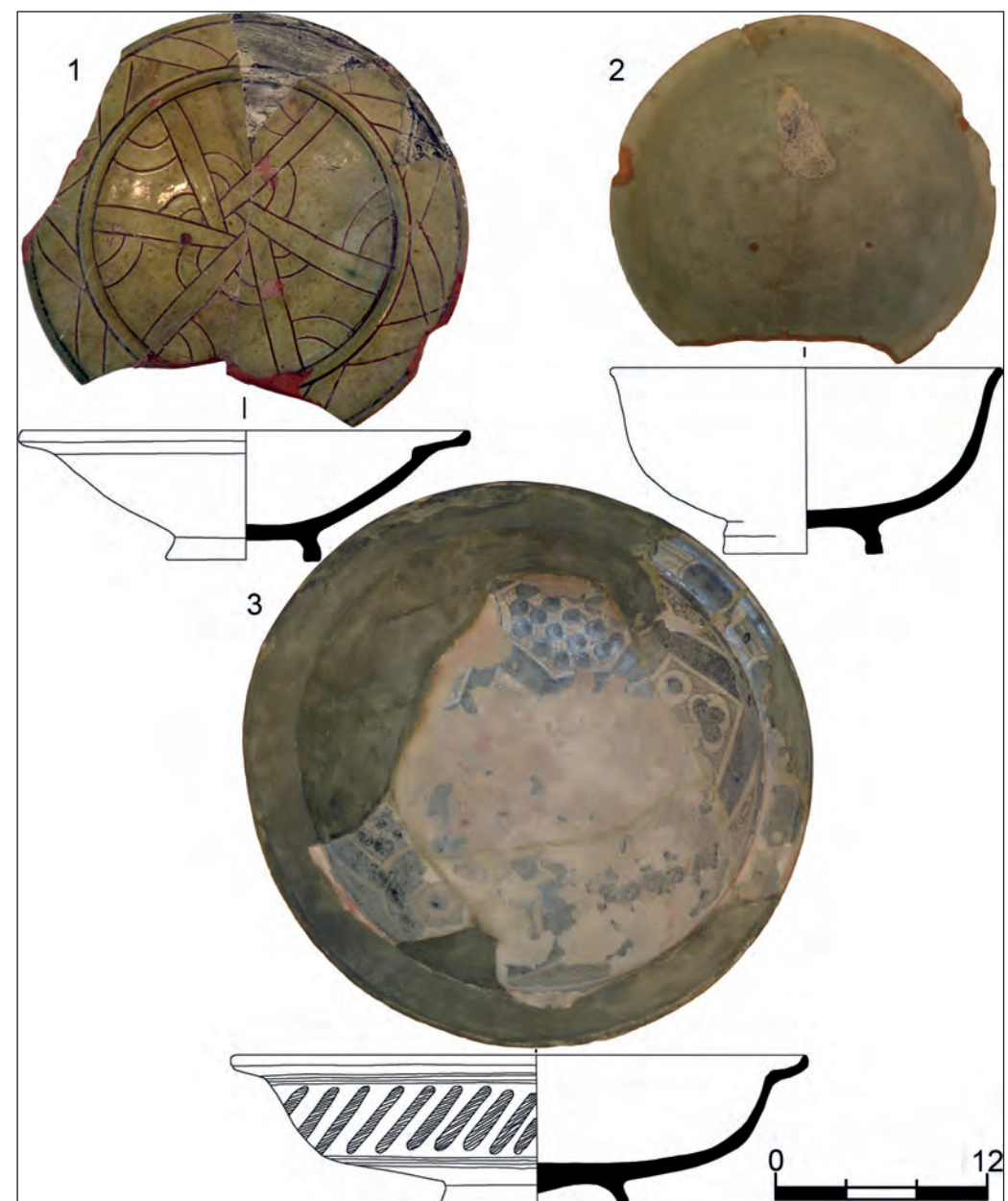

Рис. 7. Государственный Эрмитаж. Коллекция Р. Х. Лепера из раскопок Мангупа в 1912-1914 гг. Дворец. Яма в северо-западном углу помещения Н. Глазуванная керамика. 1 — группа «Monochrome Sgraffito Ware» (№ 1808/88); 2 — группа «Monochrome (Blue) Ware» (№ 1808/91); 3 — группа «Miletus Ware» (№ 1808/92)

его сооружения [29]. В дальнейшем открытые архитектурные компоненты дворца доследовались А. Л. Якобсоном в 1938 г. [52], Е. Г. Суrowым в 1968 г. [42] и Е. В. Веймарном в 1974 г. [5]. В целом, подводя итоги раннего этапа изучения комплекса, необходимо сказать, что эти работы позволили не только усилить высказанную Р. Х. Лепером гипотезу в отношении хронологии памятника, но и сформировать источниковую базу для длительной дискуссии о его архитектурно-художественной композиции. В рамках этой дискуссии рассматривались две гипотезы — об асимметричности плана дворца, северную и юго-восточную границы которого определяли трехэтажная оборонительная башня (помещение А) и двухэтажный парадно-жилой комплекс (помещение С) (А. Л. Якобсон), и версия о симметричной (прямоугольной) планировке памятника, полностью ограниченного на местности крепостными стенами (Е. Г. Суrow). Кроме того, исследователями были высказаны предположения о возведении дворца правителей Феодоро на месте крупного общественного комплекса или группы усадеб XIV в. (А. Л. Якобсон), а также об использовании данного участка Мангупского плато в раннесредневековое и «турецкое» время (Е. В. Веймарн) [подробнее см.: 14, с. 388-396].

Слабая опубликованность результатов раскопок дворца в XX в., депаспортизация вещественных находок в музейных собраниях полуострова, сомнения в правомерности реконструкции композиционно-художественного облика памятника стали причинами возобновления его археологического изучения в 2006 г. В течение 2006-2010 гг. были полностью доследованы все известные прежде архитектурные комплексы дворца, а также выявлен ряд новых объектов (помещения К, L, M), определяющих, вместе с уже известными помещениями Н и I, трассу так называемой «южной дворцовой улицы» — южной топографической границы дворцового ансамбля [14, с. 396-397]. В 2014-2017 гг. раскопки велись в западной части памятника, на площади новых архитектурных объектов дворцового комплекса — помещения J и так называемой «южной дворцовой площади» (рис. 2-3) [16, с. 204-206; 18, с. 8-12; 19, с. 130-132]. Отдельные материалы новейшего этапа исследований Мангупского дворца уже введены в научный оборот, либо стали предметом обсуждения в виде докладов на научных конференциях [9, с. 18-19; 14, с. 387-419; 12, с. 96-105; 34, с. 184-189; 22, с. 294-296; 23, с. 333-352; 39, с. 93-95; 24, с. 222-247; 20, с. 252]. Здесь же ограничимся лишь самыми общими замечаниями в отношении основных результатов этих раскопок.

Прежде всего, не вызывает сомнений хронология княжеского дворца Мангупского городища — в пределах 1425-1475 гг., и наличие в его истории нескольких, несмотря на узкую дату функционирования, строительных периодов. Другой важный вывод, следующий из современных раскопок памятника на площади уже около 2000 м², касается активного использования данного участка Мангупского плато на протяжении практически всей истории городища. В стратиграфии участка исследований на месте дворцового комплекса зафиксированы отдельные следы жилой и хозяйственной застройки ранневизантийского (VI-VII вв.), феодного (IX-XI вв.), золотоордынского (XIV в.) и османского (XVI-XVII вв.) периодов в истории Мангупа. Эти комплексы сосредоточены, главным образом, в южной и западной частях памятника, менее пострадавших, очевидно, в процессе строительства дворцового ансамбля в 20-е гг. XV в. и продолжавших использоваться после его разрушения в 1475 г. Наконец, исследования Мангупского дворца на широкой площади в последние годы и особенно открытие новых архитектурных комплексов, связанных с ним планиграфически, показывает необходимость окончательно отказаться от существующих в историографии гипотез о планировке и композиционно-художественном облике памятника. Дворец, безусловно, имел значительно большую площадь и

иную планировочную структуру, чем это представлялось в свое время А. Л. Якобсону и Е. Г. Суrowу. Лишь продолжение раскопок на памятнике поможет решить эту научную проблему в будущем.

Помещение Н, итоги изучения которого представлены в статье, является одним из определяющих для хронологической и функциональной характеристики южного участка дворцового комплекса, который планиграфически сосредоточен вокруг трассы «южной дворцовой улицы». Об этом свидетельствует, прежде всего, расположение здания (рис. 2). С севера оно отделено от центрального архитектурного комплекса дворца (помещения С) небольшим простенком длиной 5,30 м и шириной 0,68-0,84 м, завершающимся двумя каменными пилонами. С востока к нему примыкает помещение I, с юга — «южная дворцовая улица», с запада — «южная дворцовая площадь», которая датируется, по материалам исследований 2014-2015 г., поздним периодом в истории Мангупского дворца — временем около 1454-1475 или 1462-1475 гг. [19, с. 131-132].

Как уже было сказано, практически полностью контуры помещения Н были установлены Р. Х. Лепером еще в 1912 г.; он же тогда произвел первые раскопки здания, ограничившись, как сейчас становится понятным, только выборкой заполнения ямы в северо-западном углу постройки. Возможно, зачистки отдельных участков стен помещения происходили и позднее, в 1938 и 1974 гг., но проследить их в стратиграфии памятника не представляется возможным. В любом случае, к моменту начала наших работ внутри помещения в 2008 г. на его площади образовался мощный «слой отвалов» из предыдущих раскопок, который удалось убрать в первый полевой сезон и зачистить, в результате, сохранившиеся *in situ* культурные напластования. Их полное доследование, а также раскопки отдельных хозяйственных комплексов здания (ямы № 34 в северо-западном углу и очага в северо-восточном углу) производились в 2009 г. Тогда же при зачистке скальной поверхности внутри помещения Н была открыта часть более раннего скального сооружения, перекрытого западной стеной здания (кладкой 22). Его раскопки удалось завершить в 2015 г. Результаты археологических исследований памятника позволили получить необходимую информацию о его планировке, хронологии и строительной периодизации.

Описание строительных остатков. Выявленные в ходе раскопок строительные остатки представлены помещением Н, связанным с ним очагом, а также предшествующими зданию ямой № 34 и скальным сооружением (рис. 9).

Помещение Н в плане представляет собой постройку прямоугольной формы, сориентированную по оси север-юг, с небольшим отклонением к западу (рис. 8-9; 11-12; 15,а; 16,а). Его общие размеры — 7,80х5,20 м, внутренние — 6,20х3,60 м; не сохранились юго-восточный и юго-западные углы здания. Все стены помещения сложены вперевязь, в одинаковой строительной технике трехслойной, двупанцирной с забутовкой кладки, на известковом связующем растворе, из бутового среднего и крупного размеров камня с незначительной лицевой подтеской. Углы оформлены хорошо обработанными блоками; ряды кладки выдержаны, для чего использовались мелкий камень и крупные фрагменты керамики. Стены постройки поставлены на скалу, либо, в местах ее неровностей, на поверхность нивелировочных грунтовых подсыпок. Основанием для возведения западной стены помещения (кладки 22) послужила нивелировочная грунтовая засыпка скального сооружения и верхний уровень каменной обкладки ямы № 34. Ширина всех стен постройки составляет 0,80 м, сохранность в высоту — от 1-го до 4-х рядов кладки (до 1,20 м) (рис. 11-12). Изнутри они были хорошо оштукатурены, о чем свидетельствует мощный слой известковой штукатурки (слой № 6), упавшей на «пол» помещения в процессе его раз-

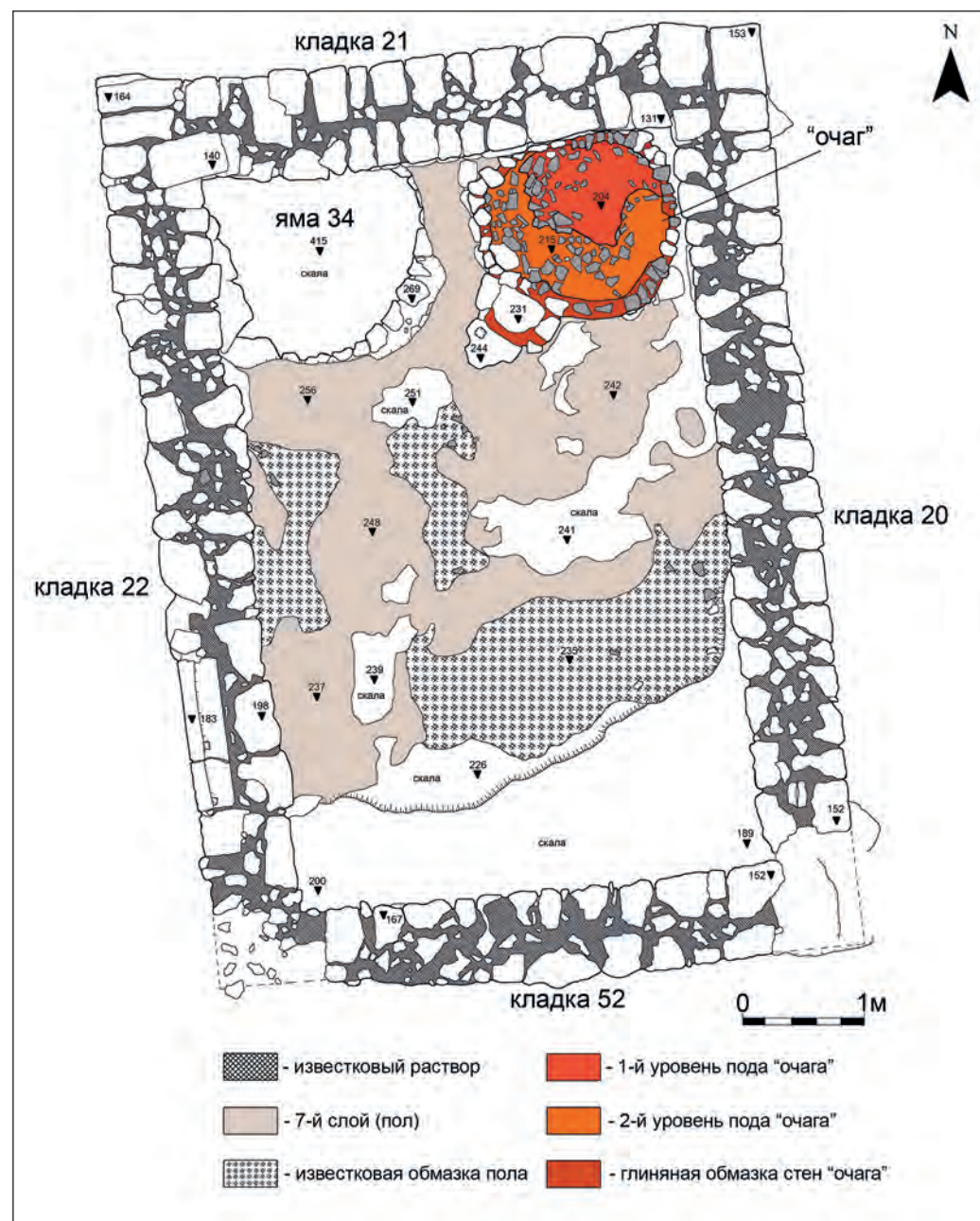

Рис. 8. Дворец. Помещение Н. Общий план здания по уровню «пола» (слоя № 7). Раскопки 2009 г.

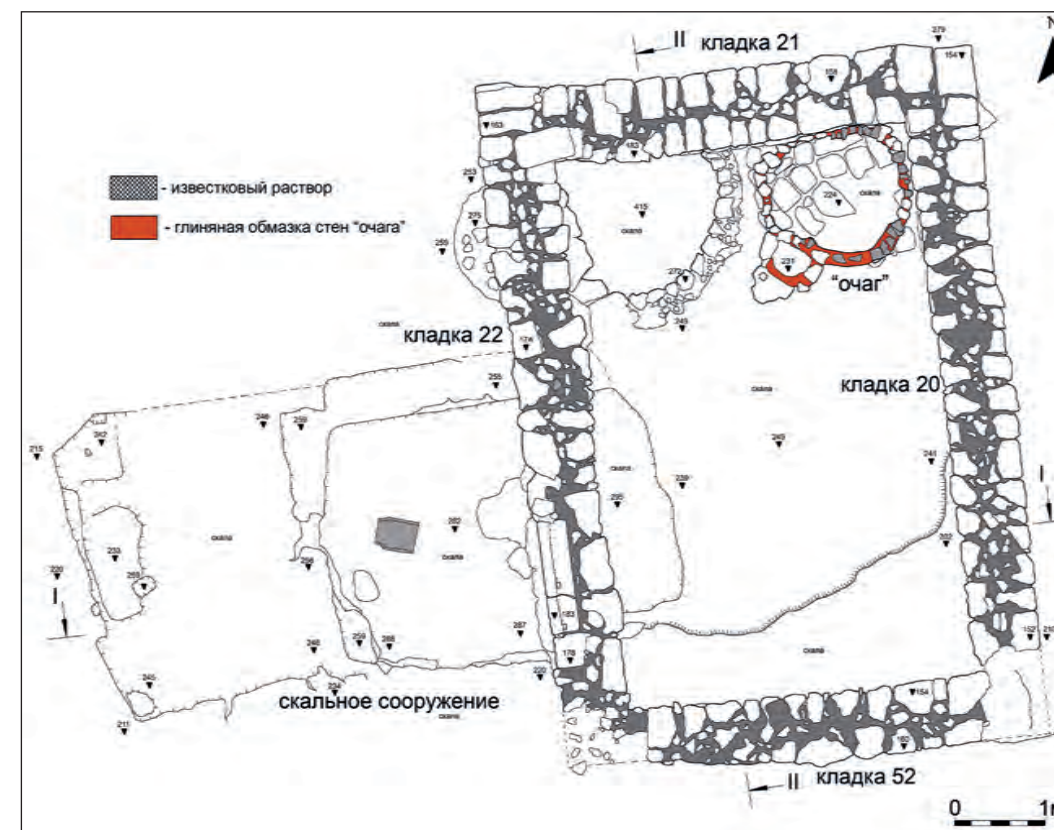

Рис. 9. Дворец. Помещение Н. Общий план здания по завершении работ. Раскопки 2015 г.

рушения. Вход в здание, шириной 1,20 м, находился в южной части западной стены (кладка 22), на расстоянии 1,45 м от юго-западного угла постройки, и был оформлен в виде цельной известняковой плиты с квадратными пазами под деревянные конструкции и общими размерами 1,20х0,30х0,30 м. Первоначальным «полом» помещения являлась выровненная поверхность скалы. С юга она образует «ступень» шириной около 1,50 м и высотой до 0,40 м, которая, очевидно, принадлежит какой-то полностью разобранной более ранней по времени постройке. В процессе функционирования помещения Н на материковой поверхности отложился грунтовый «пол» мощностью до 0,15 м (слой № 7) (рис. 8-9).

Очаг в северо-восточном углу помещения Н, безусловно, связан с его функционированием (рис. 8-10; 14, б; 15; 16, а). В плане он представляет собой близкое к овалу сооружение диаметром 1,60-1,70 м, с подпрямоугольным выступом с юго-западной стороны (размеры выступа 0,80х0,40 м; «топочная камера?»), вплотную пристроенное к северо-восточному углу помещения. Основанием для возведения очага послужила субструкция высотой до 0,30 м из плотно пригнанных между собой камней среднего размера, уложенных, в свою очередь, на поверхность «пола» постройки (слоя № 7) и промазанных сверху толстым слоем известкового раствора. В ходе раскопок зафиксированы два уровня «пода» сооружения. Каждый из них представляет собой выкладку толщиной 0,10-0,15 м из крупных фрагментов

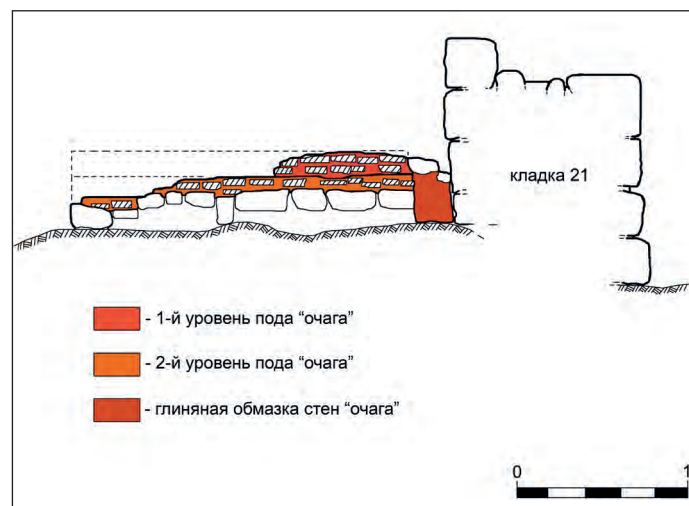

Рис. 10. Дворец. «Очаг» в северо-восточном углу помещения Н. Архитектурный разрез

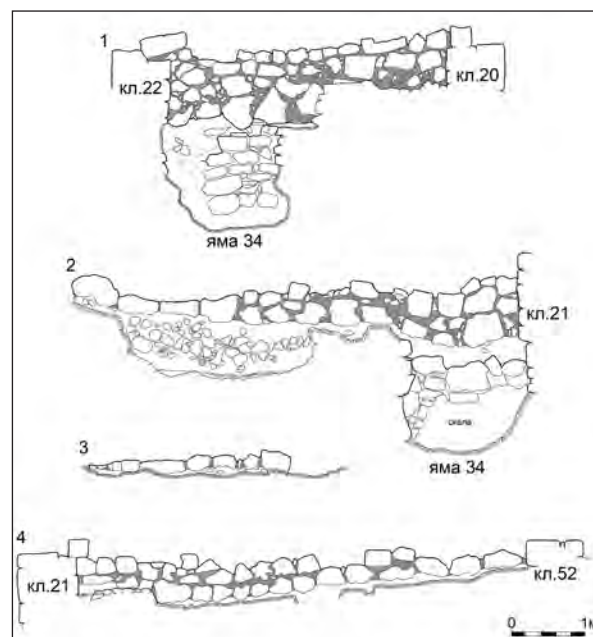

Рис. 11. Дворец. Помещение Н. 1 — внутренняя фасировка северной стены (кладки 21); 2 — внутренняя фасировка западной стены (кладки 22), со стратиграфическим разрезом ямы № 34 и скального сооружения; 3 — внутренняя фасировка южной стены (кладки 52); 4 — внутренняя фасировка восточной стены (кладки 20)

керамики и камней уплощенной формы на слое известкового раствора, повторяющую контур очага. При зачистке «верхнего пода» и «топочной камеры» (?) очага выявлены следы горения.

Яма № 34 (рис. 8-9; 11-12; 14; 16) открыта в северо-западном углу помещения Н. Окружная в плане, с цилиндрическим профилем и уплощенным скальным дном, диаметром в пределах 1,50-1,70 м и глубиной до 1,30 м. Ее контур образован кольцевой однорядной бутовой кладкой с использованием обработанных

камней на известковом связующем растворе. Обкладка ямы (от 2-х до 8-ми рядов сохранности) повторяет и сглаживает неровности обширного скального разлома, на месте которого она была сооружена, что типично для значительной части подобного рода хозяйственных комплексов на территории дворца. Планиграфически яма № 34, безусловно, предшествует возведению помещения Н, так как ее северо-западная часть частично перекрыта северной и западной стенами постройки (соответственно кладками 21 и 22), которые выступают на 0,10-0,20 м за линию обкладки ямы.

Скальное сооружение, частично перекрытое западной стеной помещения Н (кладкой 22), представляет собой комплекс, скорее всего, жилого характера, ориентированный по оси запад-восток (рис. 9; 12, I; 17, б). Его дно вырублено в скале на глубину 0,35-0,60 м относительно окружающей дневной поверхности. По периметру сохранились «постели» под первоначальные каменные стены,

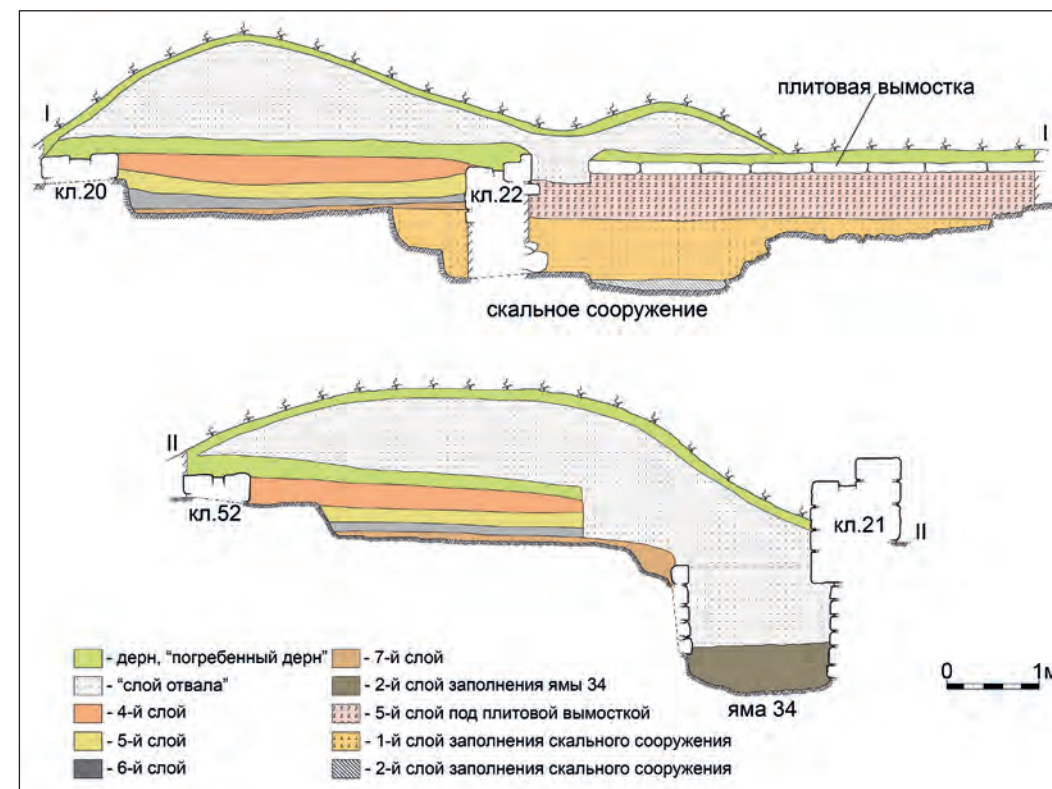

Рис. 12. Дворец. Помещение Н. I — поперечный стратиграфический разрез через здание и «дворцовую площадь» к югу от помещения J, перекрывающих скальное сооружение; II — продольный стратиграфический разрез через яму № 34

сложенные на известковом растворе, шириной 0,60-0,80 м, которые были полностью разобраны после прекращения функционирования постройки. В плане сооружение имеет прямоугольную форму общими размерами 7,00x3,00-3,50 м и состоит из двух помещений, разделенных невысокой (до 0,26 м) скальной ступенью. Восточное помещение (размеры 4,00x3,00 м), контур которого сохранился лучше, вырублено на глубину до 0,60 м, западное (размеры 3,00x3,50 м) — фактически срублено при последующей нивелировке скалы и его пределы с трудом прослеживаются на поверхности. Вход в постройку, вероятно, находился со стороны западной торцевой стены. По крайней мере, здесь сохранились остатки двух скальных ступеней высотой до 0,13 м. Стратиграфически скальное сооружение, несомненно, является наиболее ранним из сохранившихся на участке исследований строительных комплексов.

Стратиграфия и археологические комплексы находок. В ходе раскопок помещения Н выявлено семь основных культурных горизонтов и ряд локальных стратиграфических контекстов, отражающих процесс функционирования и разрушения очага, ямы № 34 и скального сооружения под кладкой 22. Перейдем к описанию их структуры и анализу полученных археологических комплексов находок (рис. 12).

Верхним слоем (слой № 1) на всей площади помещения Н является горизонт дерна — гумусированного рыхлого грунта, насыщенного размерным камнем и корнями растений, мощностью до 0,20 м. Он перекрывает «слой отвалов» из раскопок прежних лет (слой № 2), который концентрируется, в основном, в южной части постройки, на глубину до 1,10 м. Под ними фиксируется прослойка «погребенного дерна» (слой № 3) мощностью до 0,10 м.

Ввиду современного происхождения перечисленных культурных горизонтов, комплексы находок из них объединены в единый список. В нем преобладают фрагменты керамики (всего 1556), представленные обломками строительных (16,8% от общего количества керамических находок), тарных (25,5%), кухонных (28,5%) и столовых (29,2%) изделий. Несмотря на разновременность керамических материалов, что не удивительно с учетом происхождения культурных напластований и многослойного характера данного участка Мангупского городища, в слоях №№ 1-3 абсолютно преобладают находки дворцового времени (1296 из 1556 фрагментов, т. е. 83%). При этом важно отметить, что среди них присутствуют практически все известные, на сегодняшний день, хронологические индикаторы для периода XIV-XV вв.

В группе строительной керамики 78% черепицы (207 из 262 фрагментов) составляют обломки красноглиняных керамид и калиптеров, покрытых светлым ангобом и сформованных из плотного теста с примесью известняка, шамота и железистых частиц. На Мангупском городище это доминирующий вид кровельной черепицы для периода XIV — третьей четверти XV вв. [7, с. 380; 11, с. 394; 14, с. 401]. Остальная строительная керамика (22%) представлена фрагментами красноглиняной черепицы с дуговидным профилем, украшенным поперечными желобками, получившей в литературе условное наименование «татарка». Для Мангупа, как, впрочем, и для других памятников Крыма, это обычный кровельный материал для периода XVI-XVIII вв. [7, с. 380].

Тарные изделия в комплексе находок из верхних слоев в помещении Н представлены несколькими хронологическими группами керамики, отражающими, как сейчас становится понятным, весь период использования данного участка Мангупского плато его населением. Ранневизантийский период характеризуют хорошо известные в литературе амфоры типа V по классификации амфор Херсонесского городища 1971 г. (далее — ХК-71), класса 1 по классификации амфор Херсонесского городища 1995 г. (далее — ХК-95), типа 95 по Зеест и LRA 2 [о них на Мангупе см.: 7, с. 411-415], фемный период — «причерноморские» амфоры класса 24 по ХК-95 и высокогорлые кувшины с плоскими ручками класса 41 по ХК-95 [об их хронологии в целом подробнее см.: 38, с. 39-43, 50-57]. Они составляют только 19% от общего числа тарных сосудов в комплексе (75 из 397 фрагментов).

К интересующему нас дворцовому времени относятся фрагменты красноглиняных плоскодонных ангобированных амфор класса 52 по ХК-95 и коричневоглиняных кувшинов, покрытых ангобом в тон черепку, с невысоким венчиком-воротничком и широкими плоскими ручками, украшенными росписью линиями светлого ангоба (60% в комплексе, т. е. 237 из 397 фрагментов). В одной из своих предыдущих работ, посвященной публикации материалов феодоритского периода в истории Мангупа, мы уже отмечали большую вероятность производства обеих категорий тарных сосудов в одном из пока еще не локализованных центров Юго-Западного Крыма [11, с. 395]. Независимо от нас, к таким же выводам недавно пришла И. Б. Тесленко, предложившая назвать местную гончарную продукцию Таврики XIV-XV вв. группой «Юго-Западный Крым» (далее в тексте — группа

ЮЗК), с чем мы полностью согласны [45, с. 497-498, рис. 5-10]. Добавим, что характерной особенностью этой керамики, происходящей из культурного слоя Мангупского городища, является глиняная формовочная масса изделий — красная (различных оттенков) после обжига, плотная, с примесью известняка, песка и толченой гальки.

Из невыразительных фрагментов гладкостенных пифосов в слое (64 фрагмента, т. е. 16% от общего количества тарных сосудов) отметим лишь крупный обломок подтреугольного в сечении венчика от пифоса, тулово которого украшено налепным валиком-обручем с пальцевыми вдавлениями поверх него (так называемого «медальонного» типа) (рис. 18,1). Подобный вид орнамента был распространен на крупногабаритных тарных сосудах в Крыму и Причерноморье на протяжении XIII-XV вв. [подробнее см.: 47, с. 135-148 (группы II и III)].

Среди кухонной керамики абсолютно доминируют изделия времени функционирования дворца (428 из 443 фрагментов, т. е. 96%). Все они входят в группу ЮЗК, преобладают уже известные в литературе формы сосудов — шаровидные горшки с отогнутым округлым венчиком, украшенные врезными концентрическими линиями по горлу, реже — зональным гребенчатым линейно-волнистым орнаментом и росписью линиями светлого ангоба в верхней части корпуса [14, с. 402, особенно рис. 6; 45, с. 498, рис. 12-13; 14,1-13 (тип 1.1А)], и кувшины с шаровидным туловом, узким рифленным горлом, двустольчатой округлой в сечении ручкой (рис. 18,3) [45, с. 499, рис. 19; 20,1-3 (тип 2.1А)]. Отметим полный профиль тувака с широким горизонтально отогнутым краем группы ЮЗК, украшенным снаружи врезной волнистой линией (рис. 18,2).

Комплекс столовых сосудов из верхнего культурного слоя в помещении Н состоит из неглазурованной керамики и различных видов местных (группа ЮЗК) и импортных поливных изделий феодоритского и османского периодов в истории Мангупа, процентное соотношение которых представлено в таблице 3.

Из таблицы видно, что в комплексе преобладают (около 80%) поливные изделия местного производства (группа ЮЗК), которые изготавливались на протяжении 60-х гг. XIV в. — 1475 г. в многочисленных гончарных центрах Югобережного и Горного Крыма, в том числе, очевидно, и на Мангупском городище [подробнее см.: 11, с. 396-397; 14, с. 405]. Из находок этой группы особо отметим фрагмент

Рис. 13. Дворец. Помещение Н, северная часть: а — общий вид с запада, по уровню 4-го слоя («каменного раската в дерне»); б — общий вид с северо-запада, по уровню 5-го слоя («слоя разрушения» здания). Раскопки 2009 г.

Рис. 14. Дворец. Помещение Н, северная часть: а — общий вид с юго-запада, сверху по уровню 6-го слоя («слоя известковой штукатурки» стен здания); б — «очаг» в северо-восточном углу здания после зачистки его «слоя разрушения», вид с юго-запада. Раскопки 2009 г.

Рис. 15. Дворец. Помещение Н: а — общий вид с юго-запада, сверху по уровню 7-го слоя («пола» здания); б — «очаг» в северо-восточном углу после выборки «слоя разрушения», вид с юга. Раскопки 2009 г.

Рис. 16. Дворец. Помещение Н: а — общий вид с юга по завершении работ; б — яма №34 после выборки заполнения, вид с северо-запада, сверху. Раскопки 2009 г.

Рис. 17. Дворец. Скальное сооружение, перекрытое западной стеной помещения Н (кладкой 22): а — керамический завал по уровню 2-го слоя заполнения, вид с запада, сверху; б — общий вид с юго-запада по завершению работ. Раскопки 2015 г.

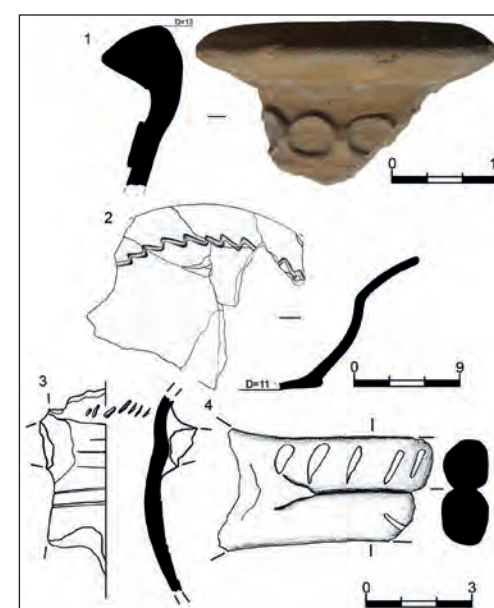

Рис. 18. Дворец. Помещение Н. Таблица находок из верхних культурных напластований — «дернового слоя» (слоя № 1), «слоя отвалов из предыдущих раскопок» (слоя № 2) и так называемого «погребенного дерна» (слоя № 3)

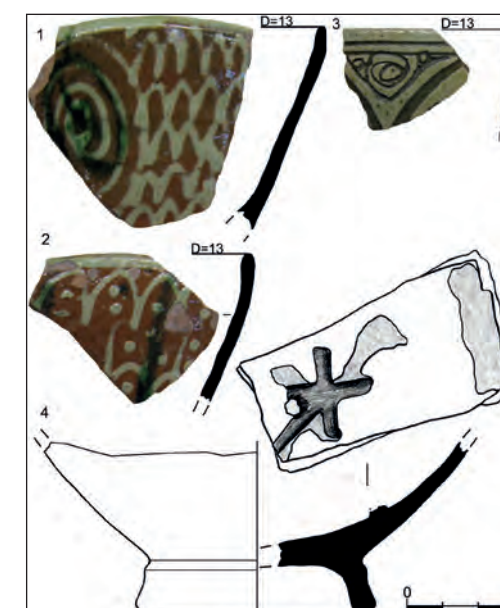

Рис. 19. Дворец. Помещение Н. Таблица находок из верхних культурных напластований — «дернового слоя» (слоя № 1), «слоя отвалов из предыдущих раскопок» (слоя № 2) и так называемого «погребенного дерна» (слоя № 3)

Таблица 3.

**Дворец. Помещение Н. Раскопки 2008-2009 г.
Структура комплекса столовой керамики из слоев №№ 1-3**

№ п/п	Наименование категории находок	Датировка	Кол-во фр-тов	%
1	Неглазурованные красноглиняные кувшины	XIV-XV вв.	34	7,5
2	Кувшины «Monochrome (Green) Ware», группа ЮЗК	XIV-XV вв.	74	16,1
3	«Monochrome (Yellow or Green) Sgraffito Ware», группа ЮЗК	XIV-XV вв.	213	46,9
4	«Monochrome (Yellow and Brown) Sgraffito Ware», группа ЮЗК	XIV-XV вв.	25	5,5
5	«Monochrome (Yellow) Sgraffito Ware» с монограммой TX, группа ЮЗК	Около 1450-1475 гг.	4	1
6	«Polychrome Sgraffito Ware», группа ЮЗК	XIV-XV вв.	39	8,6
7	«Elaborate Incised Ware», Византия	Середина XIII — XIV вв.	9	2
8	«Slip-Painted Ware», Византия	Около 1450-1475 гг.	6	1,3
9	«Miletus Ware», Османская империя	Около 1450-1475 гг.	12	2,6
10	Группа «селадон», Китай	XIV-XV вв.	8	1,8
11	Фаянс групп «Iznik Ware» и «Kütahya Ware», Османская империя	XVI-XVIII вв.	6	1,3
12	«Monochrome (Green) Ware», Османская империя	XVI-XVIII вв.	4	1
13	Без атрибуции		20	4,4
Итого:			454	100

сосуда с монограммой «TX» с узкой датой использования — в пределах 1450-1475 гг. (рис. 19,4). Также большой интерес представляют фрагменты отдельных видов поздневизантийской красноглиняной поливной посуды, редко встречающейся на Мангупе — группы «Elaborate Incised Ware» под монохромной желтой глазурью изнутри и зеленой снаружи, с орнаментом в технике «сграффито», выполненным тонким и широким резцом (рис. 19,3) [54, р. 122-123], и с подглазурной росписью ангобом (группа «Slip-Painted Ware»), которая на городище известна пока только по раскопкам дворца, в закрытом археологическом комплексе 1458/1459 — 1475 гг. (рис. 19,1-2) [14, с. 408, рис. 8,3,5; 11,4-5]. Традиционной для этого периода в истории городища является и поливная раннеосманская керамика группы «Miletus Ware», о чем уже неоднократно говорилось (рис. 20,1).

Значительным разнообразием отличается коллекция индивидуальных находок из слоя. Преобладают, как обычно, изделия дворцового времени, среди которых отметим игральные шарики из мраморовидного известняка (рис. 20,4-5), кувшины из прозрачного бесцветного стекла с рифленным узким горлом (рис. 20,2) и зеленатоватого стекла с вогнутым дном (рис. 20,3), костяные пуговицу с циркульным орнаментом (рис. 21,1) и фрагмент кольца для защиты пальцев руки от тетивы

при стрельбе из лука (рис. 21,2), плоские округлые свинцовые грузики с отверстием (рис. 21,9-10), серебряные перстень с прямоугольным щитком, украшенным гравированным растительным орнаментом (рис. 21,3), оваловидную подвеску с петлей и тисненым орнаментом (сплюснута от удара) (рис. 21,4) и фрагмент ложки с витой рукоятью (рис. 21,6), бронзовую печать (?) пирамидальной формы с гравированным изображением птицы на лицевой стороне (рис. 21,5), железные арбалетный болт (рис. 21,8), черешковый наконечник стрелы с листовидным острием (рис. 21,12) и фрагмент кольчуги (рис. 21,11). Сильно фрагментированные архитектурные детали представлены обломками известняковых карнизов, капителей с рельефной резьбой и блоком с прочерченным изображением креста с расходящимися краями (рис. 22). Пожалуй, только две находки из слоя не связаны хронологически с периодом функционирования княжеского дворца на Мангупе: бронзовый трехлопастный втульчатый наконечник стрелы скифо-сарматского времени (рис. 21,7) и фрагмент белоглиняной курительной трубки конца XVII — XVIII вв. (рис. 20,6) [о датировке таких трубок на городище подробнее см.: 8, с. 249-250].

В ходе раскопок из верхнего слоя в помещении Н извлечены 12 монет. Атрибуции поддаются пентануммии византийских императоров Анастасия I (491-518) и Юстина I (518-527), серебряная генуэзско-татарская монета 1420-1466 гг. выпуска (2 экземпляра), медная монета времени османского султана Мехмеда II Фатиха (1444-1481), акче правителей Крымского ханства Менгли Гирея I (1467-1515) (2 экземпляра) и Сахиб Гирея I (1532-1550). К уникальным находкам на Мангупе относится медная китайская монета, выпущенная, предположительно, в XVI-XVII вв.⁹

Слоем № 4 практически на всей площади помещения Н, за исключением его северной части, где горизонт был выбран, очевидно, еще в 1912 г., являлся задернованный раскат мелкого и среднего бутового камня мощностью до 0,30 м (рис. 12; 13,а). Происхождение подобных по структуре культурных горизонтов на разных участках исследования Мангупского дворца связано с разбором на строительный камень уже заброшенных сооружений комплекса на последнем этапе истории городища в XVI-XVIII вв. или даже позднее. Оставшиеся после выборки крупных блоков из стен мелкие камни из их забутовки постепенно затягивались дерном, образуя сплошную поверхность. Нужно заметить, что именно на этом горизонте «камен-

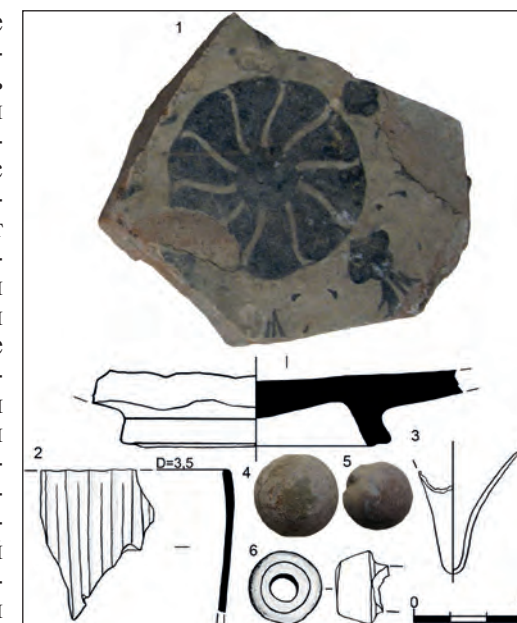

Рис. 20. Дворец. Помещение Н. Таблица находок из верхних культурных напластований — «дернового слоя» (слоя № 1), «слоя отвалов из предыдущих раскопок» (слоя № 2) и так называемого «погребенного дерна» (слоя № 3)

⁹ Атрибуция монет из раскопок помещения Н в 2008-2009 гг. выполнена Н. А. Алексеенко, в 2015 г. — А. В. Якушечкиным.

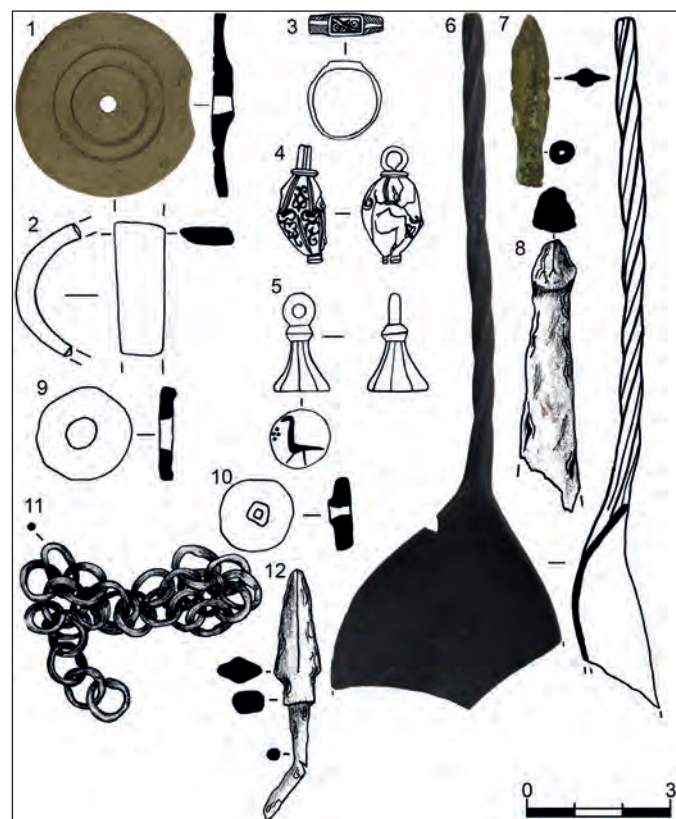

Рис. 21. Дворец. Помещение Н. Таблица находок из верхних культурных напластований — «дернового слоя» (слоя № 1), «слоя отвалов из предыдущих раскопок» (слоя № 2) и так называемого «погребенного дерна» (слоя № 3)

времени разрушения жилой застройки в результате военных или природных катаклизмов, в которых обычно доминируют строительная и тарная керамика. Это наблюдение также, пусть и косвенно, подтверждает нашу гипотезу о причинах формирования данного слоя на месте уже не функционирующего дворца.

Среди строительной керамики большую часть комплекса (85%) составляет уже описанная в слоях №№ 1-3 красноглиняная ангобированная черепица из плотного теста XIV — третьей четверти XV вв. Остальные фрагменты принадлежат черепице типа «татарка», характерной для османского периода в истории Мангупского городища. Нужно сказать, что это единственная категория археологических находок XVI-XVIII вв. в слое № 4.

Примерно треть тарной керамики из слоя не имеет точной атрибуции. Среди остальных сосудов преобладают изделия дворцового времени — желобчатые грушевидные амфоры типа Гюнзенин IV или класса 45 по ХК-95 [о них на Мангупе см.: 11, с. 394] и уже описанные амфоры класса 52 по ХК-95 и кувшины с венчиком-воротничком и широкими плоскими ручками, украшенными росписью линиями светлого ангоба группы ЮЗК (рис. 24, 1).

ного раската» из мелкого бутового камня был вынужден в свое время остановиться Е. В. Веймарн, приняв его за уровень дорожного полотна к югу от дворца [5, с. 263-264]. Таким образом, слой № 4 внутри помещения Н, как и выше лежащие слои №№ 1-3, стратиграфически не имеют прямого отношения к истории памятника. Их формирование связано с разрушением дворца в османское и Новое время.

Тем не менее, анализируя комплекс археологических находок из слоя № 4, состоящий в основном из фрагментов керамики, обращаем внимание на абсолютное доминирование в нем (352 из 409 керамических находок, т. е. 86%) изделий дворцового времени. Еще одна важная деталь для общей характеристики керамического комплекса слоя № 4 — преобладание в нем (67%) бытовой (кухонной и столовой) посуды, что не типично для культурных горизонтов

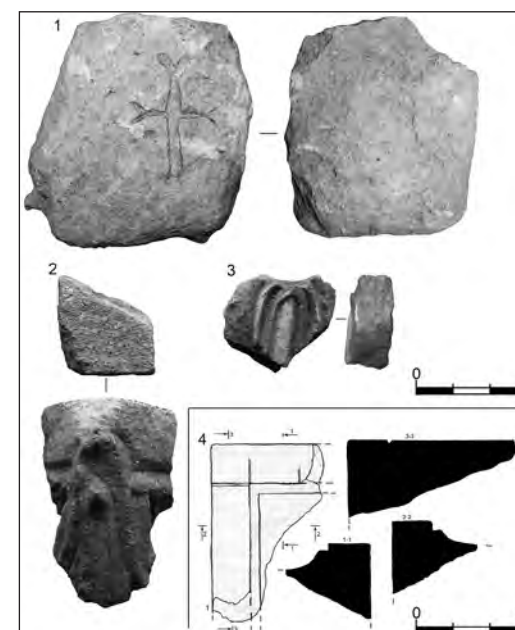

Рис. 22. Дворец. Помещение Н. Таблица находок из верхних культурных напластований — «дернового слоя» (слоя № 1), «слоя отвалов из предыдущих раскопок» (слоя № 2) и так называемого «погребенного дерна» (слоя № 3)

В группе кухонной керамики почти все атрибутированные находки (171 из 178 фрагментов, т. е. 96%) являются изделиями различных видов керамики XIV-XV вв. Кроме традиционных горшков с врезными концентрическими линиями по горлу (рис. 23, 1-3, 5), кувшинов с двустольчатой ручкой (рис. 23, 4), туваков с широким горизонтально отогнутым краем (рис. 23, 8) группы ЮЗК особо отметим большое количество в слое (144 из 178 фрагментов кухонной посуды, т. е. около 80%) обломков от горшков с рельсовидным венчиком, сформованных из рыхлого красно-коричневого теста с обильной примесью пироксена (рис. 24, 2; 25, 1). Относительно недавно И. Б. Тесленко предложила выделить бытовую посуду (горшки и кувшины) с рельсовидным профилем и подобной формовочной глиняной массой в отдельную группу изделий с условным названием «группа

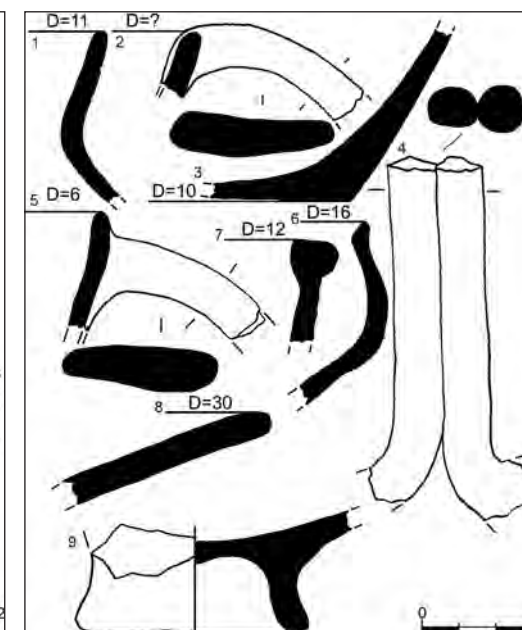

Рис. 23. Дворец. Помещение Н. Таблица находок из «каменного раската в дерне» (слоя № 4)

Рис. 24. Дворец. Помещение Н. Таблица находок из «каменного раската в дерне» (слоя № 4)

горшков с рельефовидным венчиком» (далее — группа ГРВ). По ее мнению, эти сосуды могут рассматриваться как важный хронологический индикатор для всего османского периода в истории Крыма. Местом производства такой посуды является Малая Азия, возможно, округа Изника. Со своей стороны заметим, что найденные в слое № 4 сосуды группы ГРВ соответствуют раннему типу таких горшков (тип 1.1 по И. Б. Тесленко), которые датируются начальным периодом поступления керамики группы ГРВ на полуостров, то есть серединой — концом XV в. [48, с. 428-436, рис. 1-2].

Структура в целом невыразительного комплекса столовой керамики из слоя № 4 представлена в таблице 4.

Таблица 4.

Дворец. Помещение Н. Раскопки 2009 г.
Структура комплекса столовой керамики из слоя № 4

№ п/п	Наименование категории находок	Датировка	Кол-во фр-тов	%
1	Неглазурованная гончарная керамика	XIV-XV вв.	74	77
2	Кувшины «Monochrome (Green) Ware», группа ЮЗК	XIV-XV вв.	7	7,3
3	«Monochrome (Yellow) Ware», группа ЮЗК	XIV в.	2	2,1
4	«Monochrome (Green) Ware», Золотая Орда	XIV-XV вв.	2	2,1
5	«Miletus Ware», Османская империя	Около 1450-1475 гг.	3	3,2
6	Группа «селадон», Китай	XIV-XV вв.	1	1
7	Без атрибуции		7	7,3
Итого:			96	100

Среди этих находок отметим фрагменты белоглиняного широкогорлого сосуда с ойнохоевидным венчиком (рис. 25,2), красноглиняных мисок под монохромной желтой кроющей глазурью группы ЮЗК (рис. 23,6,9) и раннеосманских поливных сосудов группы «Miletus Ware» (рис. 26,1-2).

Невыразительны и имеют плохую сохранность индивидуальные находки из слоя № 4. Среди них можно выделить лишь обломки стеклянных изделий с рифленой поверхностью (рис. 26,4), либо украшенные шлифованным («сотовым») орнаментом (рис. 26,3,5), а также две монеты — золотоордынский анонимный пул XIV в. и генуэзско-татарский аспр, выпущенный в Кафе в 1448-1449 гг.

Слоем № 5 в помещении Н является серый рыхлый грунт, насыщенный щебнем, пятнами деструктированного известкового раствора и фрагментами строительной керамики (около 40% от общего числа керамических находок; 97 из 253 фрагментов), мощностью до 0,50 м (рис. 12; 13,б). По структуре он, безусловно, может быть интерпретирован как «слой разрушения» постройки, а найденные вещественные находки рассматриваются нами как закрытый археологический комплекс, сформировавшийся в относительно узкий промежуток времени. Его основу, как обычно, составляют фрагменты керамики (см. таблицу 5).

Комментируя содержание таблицы, следует сказать, что хронологию археологического комплекса находок из слоя № 5 определяют различные виды керамики группы ЮЗК — амфоры класса 52 по ХК-95 (рис. 27,2-3), тарные кувшины с венчиком-воротничком и широкими плоскими ручками, украшенными росписью

Таблица 5.

Дворец. Помещение Н. Раскопки 2009 г.
Атрибутированные группы керамики из слоя № 5

№ п/п	Наименование группы керамики	Кол-во фр-тов	%
1	Красноглиняная ангобированная черепица 60-х гг. XIV-1475 г.	97	38,3
2	Гладкостенные красноглиняные пифосы	1	Менее 1
3	Пифосы XIII-XV вв. с наклепным валиком, украшенным пальцевыми вдавлениями («медальонного» типа)	1	Менее 1
4	Раннесредневековые амфоры V-X вв.: типа V по ХК-71, классов 1, 2, 24 по ХК-95, типа 95 по Зеест и LRA 2	14	5,5
5	Тарная керамика XIV-XV вв. группы ЮЗК: амфоры класса 52 по ХК-95 и кувшины с широкими плоскими ручками	31	12,2
6	Кухонная керамика XIV-XV вв. группы ЮЗК	44	17,4
7	«Monochrome (Green) Ware» группы ЮЗК, XIV-XV вв.	2	Менее 1
8	«Polychrome Sgraffito Ware» группы ЮЗК, XIV-XV вв.	2	Менее 1
9	«Miletus Ware», Османская империя, около 1450-1475 гг.	6	2,4
10	Группа «псевдоселадон»	33	13
11	Без атрибуции	16	6,3
Итого:		253	100

линиями светлого ангоба (рис. 27,8), кухонные горшки с врезными concentрическими линиями по горлу (рис. 27,6-7) и кувшины с двустовчатой ручкой (рис. 27,4), монохромная и полихромная поливная посуда с орнаментом в технике «сграффито» (рис. 27,5,16; 28,1), а также импортные глазурованные сосуды — раннеосманская группы «Miletus Ware» (рис. 29,1-5) и золотоордынская кашинная под монохромной зеленой кроющей глазурью группы «псевдоселадон» (рис. 27,9-15; 28,2-8). Такой набор керамики характерен на Мангупе для комплексов третьей четверти XV в. (около 1450-1475 гг.) или горизонтов, образование которых связано на городище с событиями 1475 г.

Из индивидуальных находок в слое № 5 отметим разнообразную коллекцию сосудов из прозрачного бесцветного стекла (рис. 29,6-9), железный черешковый наконечник стрелы с листовидным пером (рис. 29,10), обилие костей животных и раковин моллюсков, а также генуэзско-татарский аспр 1433 г. выпуска и

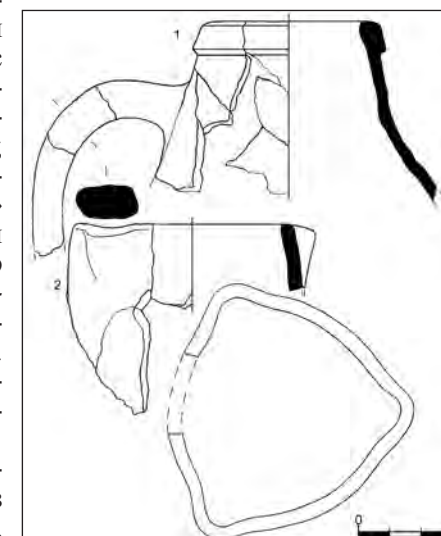

Рис. 25. Дворец. Помещение Н. Таблица находок из «каменного раската в дерне» (слоя № 4)

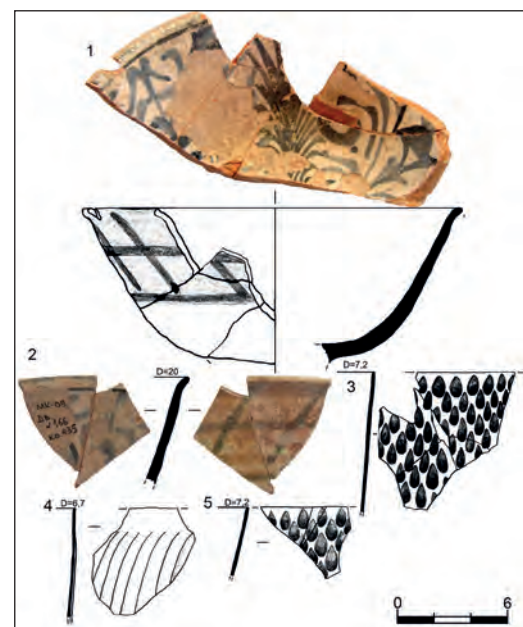

Рис. 26. Дворец. Помещение Н.
Таблица находок из «каменного раската
в дерне» (слоя № 4)

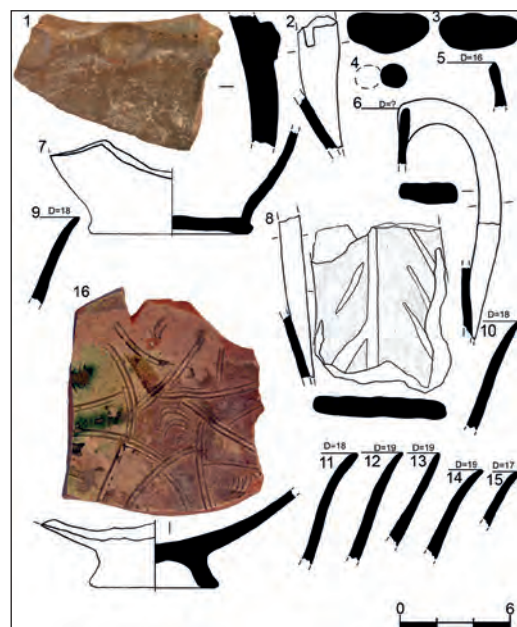

Рис. 27. Дворец. Помещение Н.
Таблица находок из «слоя разрушения»
здания (слоя № 5)

особенно акче хана Хаджи Гирея (1441-1466) 1462 г. выпуска. Присутствие последней монеты в комплексе находок позволяет еще более сузить его датировку — до периода 1462-1475 гг. Таким образом, гибель помещения Н связана, скорее всего, с событиями турецкого штурма 1475 г. на Мангупе, а представленный керамический комплекс является одним из наиболее показательных, на сегодняшний день, при характеристике материальной культуры городища в период, непосредственно предшествующий ему, то есть в 1462-1475 гг.

Слоем № 6 практически на всей площади помещения Н, за исключением ямы № 34, является прослойка известковой штукатурки мощностью 0,10-0,20 м, упавшей со стен в процессе разрушения здания (рис. 12; 14,а). Таким образом, стратиграфически этот культурный горизонт имеет такие же условия формирования, как и слой № 5, и является «слоем разрушения» здания в результате событий 1475 г. на Мангупе, приведшим к гибели дворца.

Эти стратиграфические наблюдения являются очень важными для атрибуции и установления хронологии горизонта в пределах 1462-1475 гг., так как происходящие из него находки крайне не выразительны (см. таблицу 6).

Из нее видно, что большую часть материалов составляют обломки черепицы. Из остальной керамики отметим лишь те группы изделий, которые представлены профильными частями — тарные кувшины с венчиком-воротничком и широкими плоскими ручками, украшенными росписью линиями светлого ангоба (рис. 30,3), миски с вертикальным округлым краем под монохромной зеленой глазурью группы ЮЗК (рис. 30,1) и полихромные глазурованные блюда с широким горизонтально отогнутым краем и орнаментом в технике «сграффито» группы ЮЗК (рис. 30,2).

Рис. 28. Дворец. Помещение Н.
Таблица находок из «слоя разрушения» здания (слоя № 5)

Таблица 6.

**Дворец. Помещение Н. Раскопки 2009 г.
Атрибутированные группы керамики из слоя № 6**

№ п/п	Наименование группы керамики	Кол-во фр-тов	%
1	Красноглиняная ангобированная черепица 60-х гг. XIV-1475 г.	81	66,9
2	Гладкостенные красноглиняные пифосы	6	5
3	Ранневизантийские амфоры типа V по ХК-71	1	Менее 1
4	Тарная керамика XIV-XV вв. группы ЮЗК: амфоры класса 52 по ХК-95 и кувшины с широкими плоскими ручками	13	10,7
5	Кухонная керамика XIV-XV вв. группы ЮЗК	14	11,6
6	«Monochrome (Green) Ware» группы ЮЗК, XIV-XV вв.	3	2,5
7	«Polychrome Sgraffito Ware» группы ЮЗК, XIV-XV вв.	1	Менее 1
8	Без атрибуции	2	1,7
	Итого:	121	100

Слоем № 7 в помещении Н является серый плотный грунт с угольками, отложившийся в процессе функционирования здания на скальном материке мощностью до 0,15 м (рис. 12; 15,а). Как уже говорилось, он интерпретируется как грунтовой «пол» постройки, на что указывают сохранившиеся *in situ* пятна известковой обмазки на его поверхности.

Из слоя происходит небольшой (всего 36 фрагментов), но достаточно показательный комплекс керамики, структура которого приведена в таблице 7.

Около половины находок в комплексе принадлежат обломкам красноглиняной ангобированной черепицы из плотного теста, в том числе с рельефной меткой в виде

Таблица 7.

**Дворец. Помещение Н. Раскопки 2009 г.
Атрибутированные группы керамики из слоя № 7**

№ п/п	Наименование группы керамики	Кол-во фр-тов	%
1	Красноглиняная ангобированная черепица 60-х гг. XIV-1475 г.	18	50
2	Гладкостенные красноглиняные пифосы	2	5,6
3	Ранневизантийские амфоры типа V по ХК-71, класса 1 по ХК-95, типа 95 по Зеест	6	16,6
4	«Причерноморские» амфоры классов 24 и 36 по ХК-95	2	5,6
5	Кухонная керамика XIV-XV вв. группы ЮЗК	3	8,2
6	«Monochrome (Yellow) Ware» группы ЮЗК, XIV-XV вв.	2	5,6
7	«Polychrome Sgraffito Ware» группы ЮЗК, XIV-XV вв.	1	2,8
8	«Miletus Ware», Османская империя, около 1450-1475 гг.	2	5,6
9	Без атрибуции	2	1,7
	Итого:	36	100

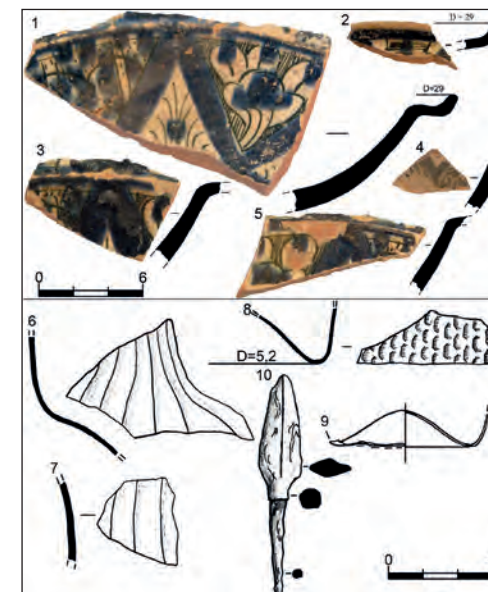

Рис. 29. Дворец. Помещение Н. Таблица находок из «слоя разрушения» здания (слоя № 5)

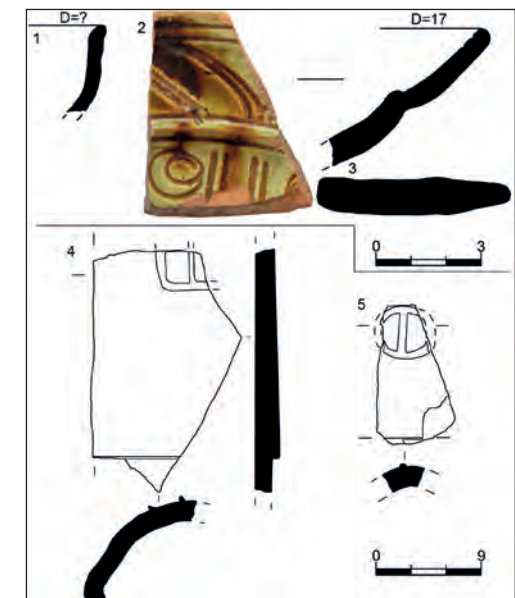

Рис. 30. Дворец. Помещение Н. Таблица находок из «слоя известковой штукатурки» (слоя № 6) (1-3) и «пола» (слоя № 7) (4-5) здания

греческой буквы «фита» (рис. 30,4-5). К датирующим находкам среди бытовой керамики относятся глазурованные изделия — монохромные и полихромные сосуды под желтой кроющей глазурью с орнаментом в технике «сграффито» группы ЮЗК (рис. 31,1-2) и раннеосманская с подглазурной росписью кобальтом группы «Miletus Ware» (рис. 31,3-4). Это позволяет уверенно датировать комплекс в пределах третьей четверти XV в. или, если ориентироваться на материалы из «слоя разрушения» постройки (слои №№ 5 и 6), периодом 1462-1475 гг. Из индивидуальных находок в слое № 7 выделим красноглиняную катушку, украшенную врезными концентрическими линиями и насечками («солярный» орнамент) (рис. 31,5), костяную колоколовидную шашку с полированной поверхностью (рис. 31,6), медный наперсток с закрытым верхом и точечным орнаментом корпуса (рис. 31,7), а также два стертых византийских пентануммия VI в., которые, безусловно, рассматриваются в комплексе как «примесь снизу».

Таким образом, анализ археологических комплексов находок из раскопок помещения Н, особенно из слоев №№ 5-7 внутри постройки, имеющих отношение к его функционированию и разрушению, дает узкую хронологию здания — в пределах 1462-1475 гг. Этим же временем датируются, очевидно, и все локальные археологические контексты, связанные с функционированием и разрушением **очага в северо-восточном углу помещения Н** (рис. 9-10; 14-15; 16,а). На это, прежде всего, указывают стратиграфические наблюдения — очаг сооружен на поверхности «пола» (слоя № 7) помещения Н, то есть в период его существования, и поэтому не может быть датирован ранее 1462 г. Не противоречит такому заключению и анализ отдельных комплексов археологических находок, полученных в ходе раскопок очага, среди которых совершенно отсутствуют материалы османского периода в истории Мангупа.

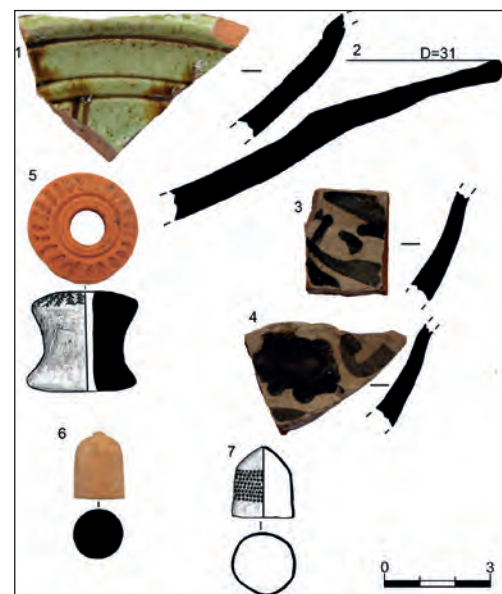

Рис. 31. Дворец. Помещение Н. Таблица находок из «пола» здания (слоя № 7)

группы ЮЗК (рис. 32,4) и с рельсовидным профилем группы ГРВ (рис. 32,3). Для датировки комплекса дворцовым периодом наиболее важным является присутствие в нем фрагментов поливной керамики с орнаментом в технике «сграффито» группы ЮЗК (рис. 32,7; 33,2,5-7). Отметим также две стенки от византийских глазурованных сосудов группы «Elaborate Incised Ware» (рис. 33,3-4), которые в «слое разрушения» очага следует рассматривать как «примесь снизу».

Таблица 8.

Дворец. Помещение Н. Раскопки 2009 г. Атрибутированные группы керамики из «слоя разрушения» очага в северо-восточном углу здания

№ п/п	Наименование группы керамики	Кол-во фр-тов	%
1	Красноглиняная ангобированная черепица 60-х гг. XIV-1475 г.	325	58
2	Гладкостенные и желобчатые красноглиняные пифосы	15	3
3	Раннесредневековые амфоры типа V по ХК-71, класса 1, 2, 24, 32, 36 по ХК-95, типа 95 по Зеест, LRA 1 и 2	76	13
4	Тарные сосуды XIV-XV вв. группы ЮЗК	46	8
5	Лепные горшки с подработкой на гончарном круге IX-XI вв.	13	2
6	Кухонная керамика XIV-XV вв. группы ЮЗК	26	4
7	Кухонная керамика XV в. группы ГРВ	1	Менее 1
8	Глазурованные сосуды «Monochrome Sgraffito Ware» и «Polychrome Sgraffito Ware» группы ЮЗК, XIV-XV вв.	15	2
9	Поливные сосуды группы «Elaborate Incised Ware», Византия, середина XIII-XIV вв.	2	Менее 1
10	Без атрибуции	56	10
	Итого:	558	100

«Слой разрушения» очага, как отдельный археологический контекст, был выделен в процессе снятия слоя № 6 заполнения помещения Н (рис. 14). По структуре он представляет собой плотный (прокаленный?) грунт рыжего цвета с углями и пятнами золы на поверхности мощностью до 0,20 м.

Практически весь археологический комплекс находок из «слоя разрушения» очага состоит из фрагментов керамики (см. таблицу 8). Доминирует (58%) строительная керамика, представленная в слое обломками красноглиняных керамид и калиптеров из плотного теста 60-х гг. XIV — 1475 г., в том числе с рельефными метками (рис. 32, 1-2). В группе тарных сосудов отметим кувшины группы ЮЗК с широкими плоскими ручками, украшенными росписью линиями светлого ангоба, с венчиком-воротничком либо с ойнохоевидным венчиком (рис. 32, 5-6; 33,1), среди кухонной посуды — фрагменты венчиков от горшков с врезной удвоенной волнистой линией по горлу

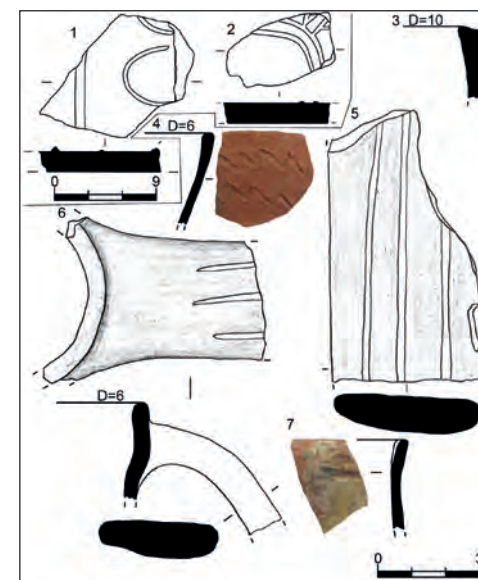

Рис. 32. Дворец. Помещение Н. «Очаг» в северо-восточном углу. Таблица находок из «слоя разрушения»

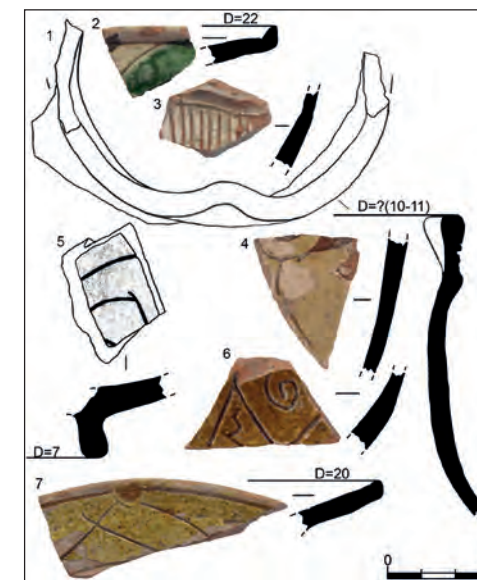

Рис. 33. Дворец. Помещение Н. «Очаг» в северо-восточном углу. Таблица находок из «слоя разрушения»

Еще меньшим разнообразием отличаются археологические комплексы находок из 1-го и 2-го уровней «пода» очага, а также из его каменной субструкции (см. таблицы 9-11).

Таблица 9.

Дворец. Помещение Н. Раскопки 2009 г. Атрибутированные группы керамики из 1-го уровня пода очага в северо-восточном углу здания

№ п/п	Наименование группы керамики	Кол-во фр-тов	%
1	Красноглиняная ангобированная черепица 60-х гг. XIV-1475 г.	194	96,5
2	Гладкостенные красноглиняные пифосы	6	3
3	Амфоры класса 52 по ХК-95	1	Менее 1
	Итого:	201	100

Таблица 10.

Дворец. Помещение Н. Раскопки 2009 г. Атрибутированные группы керамики из 2-го уровня пода очага в северо-восточном углу здания

№ п/п	Наименование группы керамики	Кол-во фр-тов	%
1	Красноглиняная ангобированная черепица 60-х гг. XIV-1475 г.	347	97,5
2	Гладкостенные красноглиняные пифосы	7	2
3	Глазурованная миска «Monochrome (Green and Yellow) Ware» группы ЮЗК, XIV-XV вв.	1	Менее 1
	Итого:	355	100

Таблица 11.

Дворец. Помещение Н. Раскопки 2009 г. Атрибутированные группы керамики из каменной субструкции очага в северо-восточном углу здания

№ п/п	Наименование группы керамики	Кол-во фр-тов	%
1	Красноглиняная ангобированная черепица 60-х гг. XIV-1475 г.	19	86,5
2	Гладкостенные и желобчатые красноглиняные пифосы	2	9
3	«Причерноморские» амфоры класса 36 по ХК-95	1	4,5
	Итого:	22	100

Из таблиц 11-13 хорошо видно, что во всех комплексах находок доминируют фрагменты красноглиняной черепицы XIV — 1475 г. Некоторые керамики имеют на поверхности рельефные метки (рис. 34, 1-2). Датирующий характер имеют обломки красноглиняной плоскодонной амфоры класса 52 по ХК-95 (рис. 34, 3) и поливной миски группы ЮЗК, покрытой монохромной зеленой глазурью снаружи и желтой изнутри (рис. 34, 4). В целом, с учетом общей невыразительности археологических находок из комплексов, связанных с сооружением, функционированием и разрушением очага в северо-восточном углу помещения Н, отсутствия в них артефактов с узкой хронологией, датировка очага в пределах 1462-1475 гг. обосновывается стратиграфическими наблюдениями, о которых мы уже говорили.

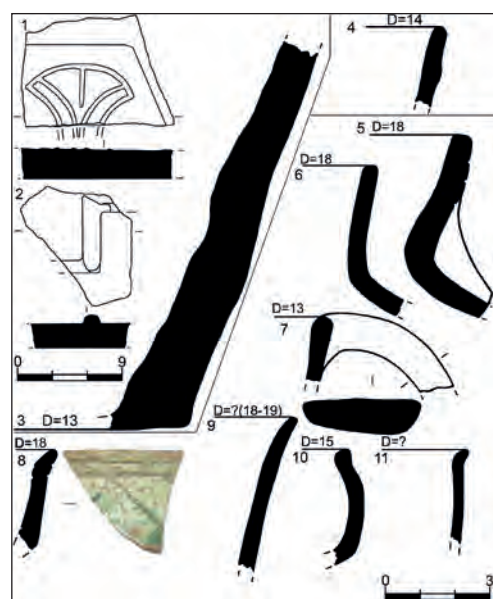

Рис. 34. Дворец. Помещение Н. Таблица находок из 1-го (1-3) и 2-го (4) уровней «пода» «очага» в северо-восточном углу и «слоев отвалов» (5-11) в заполнении ямы № 34 в северо-западном углу здания

Стратиграфия заполнения ямы № 34 в северо-западном углу помещения Н зафиксирована в ходе раскопок 2008 г. (рис. 9; 12; 14; 16). В процессе исследования выявлены два слоя его заполнения. 1-м (верхним) слоем мощностью до 0,80 м является серый рыхлый грунт, насыщенный щебнем и деструктированным известковым строительным раствором. Нижним культурным горизонтом в яме (слоем 2) мощностью до 0,50 м выступает серый плотный грунт с щебнем и угольками. Перед тем, как перейти к характеристике археологических материалов из них, еще раз напомним ряд важных стратиграфических наблюдений, во многом определяющих условия образования, структуру и хронологию этих комплексов находок.

Прежде всего, стратиграфически яма № 34, несомненно, предшествует строительству помещения Н. Ее обкладка стала основанием для возведения западной и северной стен здания, трасса которых частично перекрыла внутреннее пространство ямы (рис. 11, 1-2; 12, II). Это исключает возможность продолжения использования

хозяйственного сооружения в процессе функционирования постройки и позволяет датировать его засыпь временем не позднее 1462 г. Другое наблюдение касается результатов раскопок ямы № 34 в 1912 г. Как сейчас становится понятным, она была лишь частично исследована Р. Х. Лепером на глубину 1-го зафиксированного нами слоя заполнения, после чего яма была, вероятно, засыпана тем же выбранным грунтом. По структуре 1-й слой заполнения ямы 2008 г. полностью соответствует такой интерпретации: он является «слоем отвалов» из раскопок 1912 г. Следовательно, хранящиеся в Государственном Эрмитаже глазурованные сосуды из ямы в помещении Н должны быть включены в археологический комплекс находок из 1-го слоя ее заполнения 2008 г. Таким образом, эта выразительная группа поливных изделий вместе с материалами наших раскопок определяет датировку засыпи ямы № 34 и строительства поверх нее помещения Н. Наконец, третье замечание имеет отношение ко времени использования хозяйственного комплекса, которое определяется хронологией находок из 2-го слоя заполнения ямы. В этой связи сразу обращает внимание совершенно иная структура данного культурного слоя — его плотность и насыщенность угольками, что, как правило, указывает на достаточно длительный характер формирования горизонта. В то же время, мы не можем исключать, что 2-й слой был также частично выбран в 1912 г. и отдельные находки из него могли оказаться среди материалов из верхнего горизонта заполнения ямы.

Археологический комплекс находок из 1-го слоя заполнения ямы № 34 состоит в основном из фрагментов керамики (см. таблицу 12).

Таблица 12.

Дворец. Раскопки 2008 г. Помещение Н. Яма № 34. Атрибутированные группы керамики из 1-го слоя заполнения («слоя отвалов» 1912 г.)

№ п/п	Наименование группы керамики	Кол-во фр-тов	%
1	2	3	4
1	Красноглиняная ангобированная черепица 60-х гг. XIV-1475 г.	93	34
2	Гладкостенные и желобчатые красноглиняные пифосы	3	1
3	Раннесредневековые амфоры типа V по ХК-71, классов 1, 2, 24 по ХК-95, типа F по Шелову, LRA 1 и 2	24	9
4	Тарная керамика XIV-XV вв. группы ЮЗК: амфоры класса 52 по ХК-95 и кувшины с широкими плоскими ручками	21	7,5
5	Кухонная керамика XIV-XV вв. группы ЮЗК	69	25
6	Кухонная керамика XV в. группы ГРВ	8	3
7	Неглазурованная столовая керамика XIV-XV вв.	7	2,5
8	Глазурованная керамика «Monochrome (Green, Yellow, Brown) Ware», «Monochrome Sgraffito Ware», «Polychrome Sgraffito Ware» группы ЮЗК, XIV-XV вв.	33	12
9	Глазурованная керамика «Monochrome Sgraffito Ware» с монограммой ТХ группы ЮЗК, 1450-1475 гг.	7	2,5
10	Глазурованная керамика группы «Monochrome (Blue) Ware», Византия, XV в.	1	Менее 1

Окончание таблицы 12.

1	2	3	4
11	Глазурованная керамика группы «Elaborate Incised Ware» с монограммой «ДМР» («Димитрий»), Византия, 1261-1453 гг.	1	Менее 1
12	Глазурованная керамика группы «Elaborate Incised Ware», Византия, середина XIII-XIV вв.	2	Менее 1
13	Глазурованная керамика группы «Miletus Ware», Османская империя, около 1450-1475 гг.	1	Менее 1
14	Глазурованная керамика группы «псевдоселадон»	3	1
15	Без атрибуции	2	Менее 1
Итого:		275	100

Хронология комплекса устанавливается благодаря наличию в нем археологических целых глазурованных сосудов группы ЮЗК с монограммой «ТХ» (7 экз.) (рис. 4-5; 6, 1) и раннеосманского поливного блюда группы «Miletus Ware» (рис. 7, 3), а также монеты первого правителя Крымского ханства Хаджи Гирея (1441-1466) 1453 г. выпуска. Указанная керамика является характерным индикатором для выделения на Мангупском городище комплексов периода 1450-1475 гг. [14, с. 408; ср.: 36, с. 294-295; 43, с. 393-394; 44, с. 231]. Вместе с монетой Хаджи Гирея это позволяет датировать засыпь ямы № 34 очень узким промежутком времени — между 1453 и 1462 гг. (дата строительства помещения Н).

С такой датировкой комплекса согласуется присутствие в нем других групп керамических материалов дворцового времени, имеющих, правда, более широкую хронологию — красноглиняной черепицы из плотного теста, амфор класса 52 по ХК-95 и тарных кувшинов с широкими плоскими ручками с росписью линиями светлого ангоба группы ЮЗК, кухонных сосудов группы ЮЗК — горшков с врезными концентрическими линиями по горлу (рис. 34, 5-7) и кувшинов с двустольчатой ручкой, кухонных сосудов группы ГРВ, поливной монохромной и полихромной керамики группы ЮЗК этого времени с орнаментом в технике «сграффито» или неорнаментированной (рис. 6, 3; 7, 3; 34, 8, 10-11; 35, 1-2), золотоордынской кашинной посуды под монохромной зеленой кроющей глазурью группы «псевдоселадон» (рис. 34, 9). Скорее всего, так же датируется археологически целая миска под монохромной синей глазурью («Monochrome (Blue) Ware»), обнаруженная в яме Р. Х. Лепером в 1912 г. (рис. 7, 2). Отсутствие каких-либо аналогий ей среди опубликованных материалов из раскопок памятников XV в. в Крыму предполагает импортное происхождение изделия, вероятнее всего, византийское, хотя вопрос требует дополнительного изучения.

Как «примесь снизу» рассматриваются в 1-м слое заполнения ямы № 34 фрагменты раннесредневековых амфор, с датировкой от IV в. (узкогорлые светлоглиняные типа F по Шелову) до IX-X в. («причерноморские» класса 24 по ХК-95), а также импортных византийских поливных сосудов группы «Elaborate Incised Ware», в том числе с монограммой «ДМР» («Димитрий») (рис. 6, 2; 35, 3-4). Вероятнее всего, указанный фрагмент миски с монограммой «ДМР» попал в слой из нижнего горизонта заполнения ямы, о чем ниже.

К сожалению, детальная хронология глазурованной керамики с монограммами, встречающейся на памятниках Причерноморья в поздневизантийский период, остается пока слабо разработанной, хотя это, безусловно, важнейший датирующий материал. Не являются исключением и интересующие нас сосуды с монограммой в

виде аббревиатуры «ДМР», которые исследователи вынуждены датировать в широких пределах всего периода правления византийских императоров из династии Палеологов (1261-1453 гг.) [36, с. 293], либо соотносить их с общим периодом бытования поливных изделий группы «Elaborate Incised Ware» в конце XIII — XIV вв. [54, р. 123]. В этой связи чрезвычайно ценным является недавнее замечание о том, что в Крыму и в Приазовье группа керамики «Elaborate Incised Ware», в том числе с монограммой «ДМР», встречается только в археологических комплексах середины — второй половины XIV в. [2, с. 33, рис. 5, 10; 1, с. 162, рис. 8, 2; 46, с. 111; 49, с. 144]. Соглашаясь с ним в целом, мы, тем не менее, не исключаем и более позднего поступления таких высокохудожественных импортных изделий в крупные городские центры региона, вплоть до первой половины XV в. Наблюдения за стратиграфией Мангупского городища, как нам кажется, дают для этого основания¹⁰.

Из индивидуальных находок в слое отметим фрагменты кувшинов из прозрачного бесцветного стекла с напаянной синей стеклянной нитью и вогнутым дном на фестончатом кольцевом поддоне (рис. 35, 5-6), бронзовую каплевидную пуговицу с плакировкой желтым металлом (рис. 35, 7), известняковый шарик от пращи (рис. 35, 8) и пряслице из темно-серой гальки (рис. 35, 9), а также фрагмент известнякового блока с остатками надписи на греческом языке (рис. 36).

Археологический комплекс находок из 2-го слоя заполнения ямы № 34 менее выразителен (см. таблицу 13).

Пожалуй, лишь еще один фрагмент дна на кольцевом поддоне от византийского поливного сосуда группы «Elaborate Incised Ware» с монограммой «ДМР» («Димитрий») имеет датирующий характер (рис. 37, 1). Его наличие в комплексе позволяет предварительно

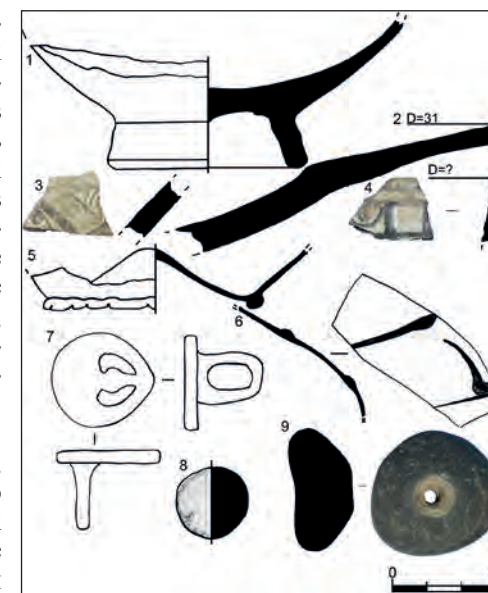

Рис. 35. Дворец. Помещение Н. Таблица находок из «слоев отвалов» в заполнении ямы № 34 в северо-западном углу здания

Рис. 36. Дворец. Помещение Н. Таблица находок из «слоев отвалов» в заполнении ямы № 34 в северо-западном углу здания

¹⁰ См., например, предварительную публикацию результатов раскопок дворца на участке «южной дворцовой площади», построенной в период, скорее всего, 1462-1475 гг. Ей предшествует горизонт хозяйственных сооружений и ям более раннего времени, из заполнения которых происходят археологически целые глазурованные сосуды группы «Elaborate Incised Ware», в том числе с монограммой «ДМР», и местные поливные изделия с монограммой имени одного из последних правителей Феодоро — князя Исаака [19, с. 131-132].

Таблица 13.

**Дворец. Раскопки 2008 г. Помещение Н. Яма № 34.
Атрибутированные группы керамики из 2-го слоя заполнения**

№ п/п	Наименование группы керамики	Кол-во фр-тов	%
1	Красноглинная ангобированная черепица 60-х гг. XIV-1475 г.	17	40
2	Желобчатые красноглиняные пифосы	5	11,5
3	Раннесредневековые амфоры типа V по ХК-71, классов 1 и 24 по ХК-95	9	21
4	Кухонная керамика XIV-XV вв. группы ЮЗК	2	4,5
5	Глазурованная керамика «Monochrome (Green, Yellow, Brown) Ware» и «Monochrome Sgraffito Ware» группы ЮЗК, XIV-XV вв.	4	9
6	Глазурованная керамика группы «Elaborate Incised Ware» с монограммой «ДМР» («Димитрий»), Византия, 1261-1453 гг.	1	2,5
7	Без атрибуции	5	11,5
	Итого:	43	100

отнести период функционирования ямы № 34 ко второй половине XIV — первой половине XV вв. Отметим также некоторые индивидуальные находки в слое — навесной железный замок (рис. 37,3) и фрагмент сосуда из прозрачного бесцветного стекла с вертикальным оплавленным краем (рис. 37,2).

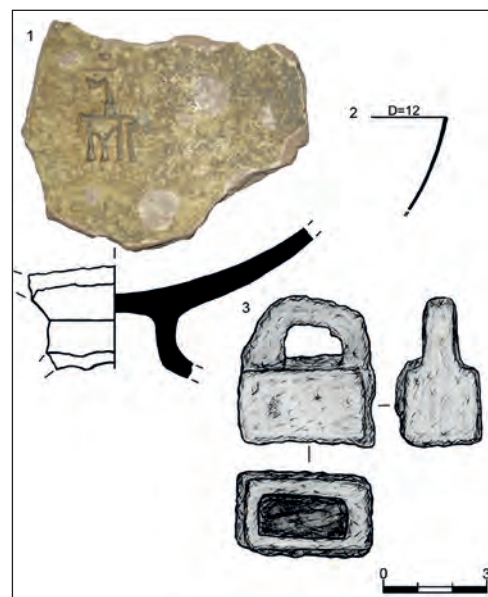

Рис. 37. Дворец. Помещение Н. Таблица находок из 2-го слоя заполнения ямы № 34 в северо-западном углу здания.

Скальное сооружение под западной стеной помещения Н имеет двуслойное заполнение (рис. 9; 12, I; 17). Его верхним горизонтом (слоем № 1) на всей площади постройки является серо-коричневый плотный грунт, насыщенный разномерным бутовым камнем и крупными фрагментами черепицы, мощностью до 0,35 м. По структуре он мало чем отличается от нижнего (надскального) культурного горизонта на участке исследований, который зафиксирован за границами помещения Н и скального сооружения. Последний, несомненно, имеет естественное происхождение и сформировался в течение длительного отрезка времени, значительно ранее строительства здесь построек дворцового ансамбля. Его хронология определяется в пределах XIV в., хотя, в равных пропорциях с датирующими находками, в слое присутствуют материалы ранневизантийского (V-VII вв.) и фемного (середина IX — середина XI вв.) периодов

в истории Мангупа. Для нас безусловный интерес представляет наиболее поздняя монета в комплексе артефактов IX-XI вв. с монограммой «рѡ» на аверсе, которая датируется временем византийского императора Романа IV Аргира (1067-1071) и, скорее всего, определяет верхнюю границу этого периода на данном участке городища.

Несмотря на структурную близость общего нижнего культурного горизонта на участке исследований и **1-го слоя заполнения скального сооружения** под западной стеной помещения Н, археологический комплекс находок последнего имеет серьезные отличия, что заставляет рассматривать его как отдельный закрытый объект исследования. Обнаруженные в нем категории керамических находок сведены в отдельную таблицу 14.

Таблица 14.

Дворец. Раскопки 2015 г. Скальное сооружение под западной стеной помещения Н. Атрибутированные группы керамики из 1-го слоя заполнения

№ п/п	Наименование группы керамики	Кол-во фр-тов	%
1	Керамиды и калиптеры IX-X вв. из плотного глиняного теста с рельефной меткой «ФЕ»	234	46
2	Керамиды и калиптеры IX-X вв. из рыхлого глиняного теста	24	4,7
3	Ранневизантийские амфоры типа V по ХК-71, классов 1 и 2 по ХК-95, типа LRA 1, 2 и 4	55	10,7
4	«Причерноморские» амфоры классов 24 и 36 по ХК-95 и высокорольные кувшины класса 41 по ХК-95	141	27,6
5	Лепная и гончарная кухонная керамика IX-X вв.	39	7,6
6	Кувшины «скалистинского» типа	12	2,3
7	Без атрибуции	6	1,1
	Всего:	511	100

Первое и наиболее важное замечание к этой таблице касается общей хронологии основных групп керамического материала. Лишь 10% с небольшим находок датируется ранневизантийским временем («примесь снизу», обычная для многослойных поселений), либо не поддается точной атрибуции. Весь остальной материал уверенно относится к фемному периоду в истории Мангупа [о его хронологии см.: 17, с. 92-94]. Здесь важно отметить полное отсутствие в комплексе артефактов дворцового времени, в том числе и традиционных для такого рода культурных горизонтов на дворце створок раковин устриц [19, с. 131].

Археологические находки IX-XI вв. представлены фрагментами строительной, тарной, кухонной и столовой керамики. Комплекс черепицы состоит из двух групп керамид и калиптеров. Прежде всего, это ангобированная черепица из плотного хорошо промешанного глиняного теста с примесью известняка, шамота, железистых частиц. Особенностью ее является серия калиптеров с рельефной меткой в виде греческих букв «фита» и «эпсилон» («ФЕ»), не характерной для культурных горизонтов феодоритского времени на городище (рис. 38; 39, I). Ближайшей аналогией этой группы строительной керамики на Мангупе является черепица 1-й группы из рухнувшей в конце IX — начале X вв. крыши постройки на месте поселения в Лагерной балке [33, с. 177-179, рис. 3-4]. Другая, немногочисленная, группа черепицы из верхнего слоя заполнения скального сооружения представлена ангобированными керамидами и калиптерами, сформированными из рыхлого плохо промешанного теста с известко-

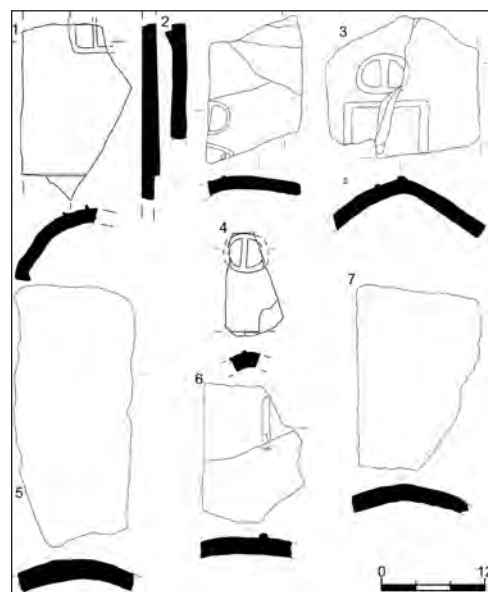

Рис. 38. Дворец. Скальное сооружение, перекрытое западной стеной помещения Н (кладкой 22). Таблица находок из 1-го слоя заполнения

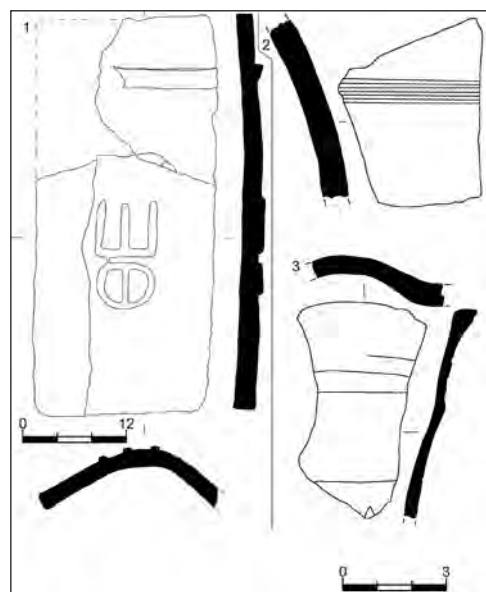

Рис. 39. Дворец. Скальное сооружение, перекрытое западной стеной помещения Н (кладкой 22). Таблица находок из 1-го слоя заполнения

выми разводами и крупными включениями шамота, железистых частиц и толченой гальки. Она известна по «слою разрушения» постройки в Лагерной балке (группа 3) [33, с. 177-179, рис. 3-4], а также в других закрытых археологических комплексах IX-X вв. на территории Мангупского городища и памятниках его округа [37, с. 325, рис. 1,1; 7, с. 393; 15, с. 253]. Морфологически ее отличают крупные размеры, высокий (до 6,0-6,5 см) подпрямоугольный в сечении боковой бортик с пальцевым желобком вдоль него, слабо выраженный нижний коленчатый изгиб и отсутствие (или слабая выраженность) верхнего бортика и водосливных валиков.

Тарную керамику в комплексе характеризуют обломки разнообразных вариантов «причерноморских» амфор классов 24 и 36 по ХК-95 (рис. 39,2; 40; 41,1-5), а также небольшое количество фрагментов (всего 4) высокогорлых кувшинов с плоскими ручками класса 41 по ХК-95 (рис. 41,6) [об их общей хронологии см.: 38, с. 35-57]. Кухонная бытовая керамика включает лепные горшки с подработкой на гончарном круге (характерная особенность — обильная примесь шамота в глиняном тесте и следы шамотированной подсыпки на плоском дне) (рис. 42,1-5) [15, с. 256-257], а также гончарные кувшины со сложно профилированным горлом (рис. 39,3). Столовые изделия представлены фрагментами кувшинов «скастинского» типа, украшенных росписью линиями светлого ангоба (рис. 42,6-8) [о них см.: 38, с. 60-63]. Наконец, из верхнего слоя засыпи скального сооружения извлечены немногочисленные индивидуальные находки — красноглиняные неорнаментированные пряслица (рис. 42,9-10), бронзовая подвеска восьмеркообразной формы (рис. 42,12), фрагмент оконного зеленоватого прозрачного стекла (рис. 42,11) и пентануммий времени Юстиниана I (527-565).

Нижним горизонтом (слой № 2) заполнения скального сооружения является серый плотный грунт с известняковой крошкой, поверхность которого изобилует пят-

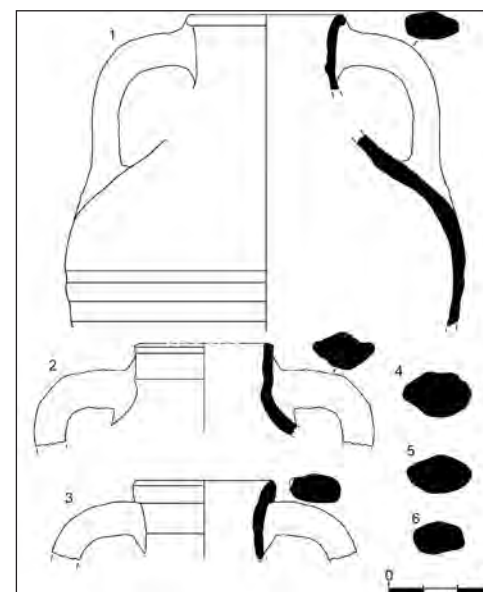

Рис. 40. Дворец. Скальное сооружение, перекрытое западной стеной помещения Н (кладкой 22). Таблица находок из 1-го слоя заполнения

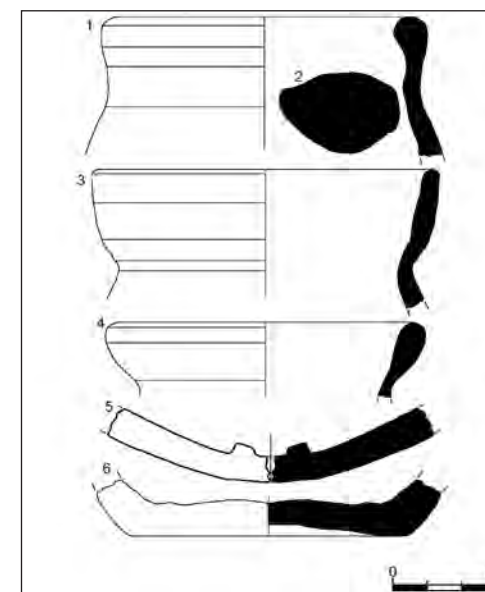

Рис. 41. Дворец. Скальное сооружение, перекрытое западной стеной помещения Н (кладкой 22). Таблица находок из 1-го слоя заполнения

нами разложившегося (деструктированного) известкового раствора и скоплением угольков (возможно, слабо сохранившийся «слой пожара»). Зафиксирован только в восточной части постройки, где он выступал, вероятно, ее «полом» мощностью до 0,10 м. На поверхности горизонта зачищен плотный завал черепицы, керамических сосудов и крупных обломков мергелевых плит (остатки вымостки?) (рис. 17,а). Находки из этого развала керамики и собственно 2-го слоя заполнения сооружения, объединенные в единый список, являются закрытым археологическим комплексом, сформировавшимся в узкий отрезок времени (см. таблицу 15).

По своей структуре, комплекс находок из 2-го слоя заполнения скального сооружения мало чем отличается от выше лежащего культурного горизонта (1-го слоя заполнения постройки). Таким образом, их можно рассматривать как одновременные при датировке памятника.

«Примесь снизу» во 2-м слое заполнения (обломки ранневизантийских амфор типа V по ХК-71 и классов 1 и 2 по ХК-95) состав-

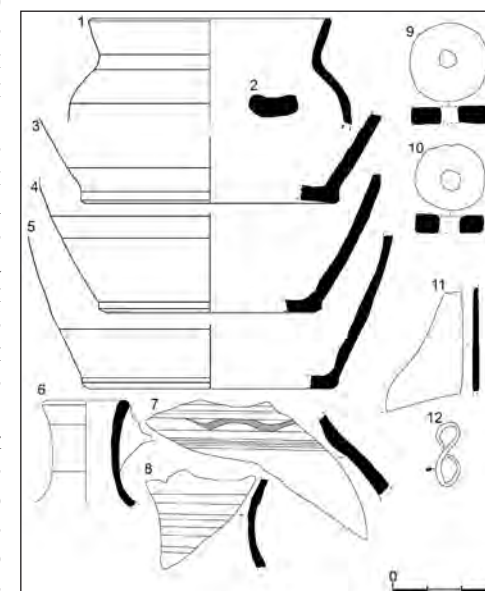

Рис. 42. Дворец. Скальное сооружение, перекрытое западной стеной помещения Н (кладкой 22). Таблица находок из 1-го слоя заполнения

Таблица 15.

Дворец. Раскопки 2015 г. Скальное сооружение под западной стеной помещения Н. Атрибутированные группы керамики из 2-го слоя заполнения

№ п/п	Наименование группы керамики	Кол-во фр-тов	%
1	Керамиды и калиптеры IX-X вв. из плотного глиняного теста с рельефной меткой «ФЕ»	135	49
2	Керамиды и калиптеры IX-X вв. из рыхлого глиняного теста	21	7,6
3	Ранневизантийские амфоры типа V по ХК-71, классов 1 и 2 по ХК-95	27	9,7
4	«Причерноморские» амфоры классов 24 и 36 по ХК-95 и высокогорлые кувшины класса 41 по ХК-95	55	19,8
5	Лепная лощеная керамика V-VII вв.	4	1,4
6	Салтово-маяцкая керамика	2	Менее 1
7	Лепная кухонная керамика IX-X вв.	23	8,3
8	Кувшины «скалистинского» типа	4	1,4
9	Вьючные фляги	5	1,8
	Всего:	277	100

ляет не более 10% от общего числа находок. Строительная керамика представлена фрагментами двух групп керамид и калиптеров из плотного (рис. 43,1; 44-45) и рыхлого (рис. 43,2-3) глиняного теста, на которых фиксируются рельефные метки в виде греческих букв «Г» («гамма») и «ФЕ». Группа тарных сосудов состоит из обломков «причерноморских» амфор классов 24 и 36 по ХК-95 (рис. 47,1-2) и целого экземпляра высокогорлого кувшина с плоскими ручками (рис. 47,3). Кухонная керамика включает фрагменты лепной с подработкой на гончарном круге керамики IX-X вв. (рис. 46,1-3) и крупный обломок дна от салтово-маяцкого горшка, украшенного сплошным гребенчатым рифлением корпуса (рис. 46,4), столовая керамика — стенки традиционных для этого времени кувшинов «скалистинского» типа. Отметим наличие в комплексе редкой для Мангупа вьючной красноглиняной фляги IX-X вв. (рис. 48) [об их хронологии см.: 38, с. 58-60].

В целом, с учетом стратиграфических наблюдений, преобладания в заполнении фрагментов «причерноморских» амфор, лепной с подработкой на гончарном круге кухонной керамики, «скалистинских» кувшинов, наличия археологически целых экземпляров высокогорлого кувшина и фляги, время засыпи скального сооружения может быть отнесено к достаточно узкому промежутку времени, в пределах конца IX — первой половины X вв.

Хронология и строительная периодизация. Анализ зафиксированной в процессе раскопок помещения Н стратиграфии и полученных археологических комплексов находок позволяет установить хронологию и строительную периодизацию открытых сооружений дворцового и поддворцового времени в этой части резиденции правителей княжества Феодоро.

Наиболее ранней постройкой на участке исследований, значительно предшествующей по времени дворцовому ансамблю XV в., является скальное сооружение конца IX — первой половины X вв., перекрытое западной стеной помещения Н. К сожалению, из-за значительной разрушенности строительного комплекса в бо-

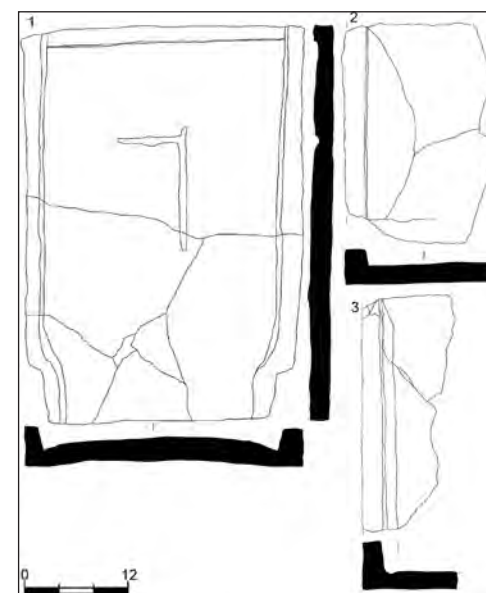

Рис. 43. Дворец. Скальное сооружение, перекрытое западной стеной помещения Н (кладкой 22). Таблица находок из 2-го слоя заполнения

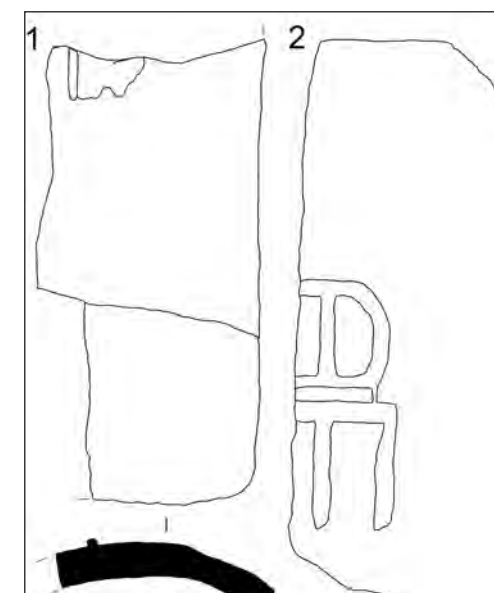

Рис. 44. Дворец. Скальное сооружение, перекрытое западной стеной помещения Н (кладкой 22). Таблица находок из 2-го слоя заполнения

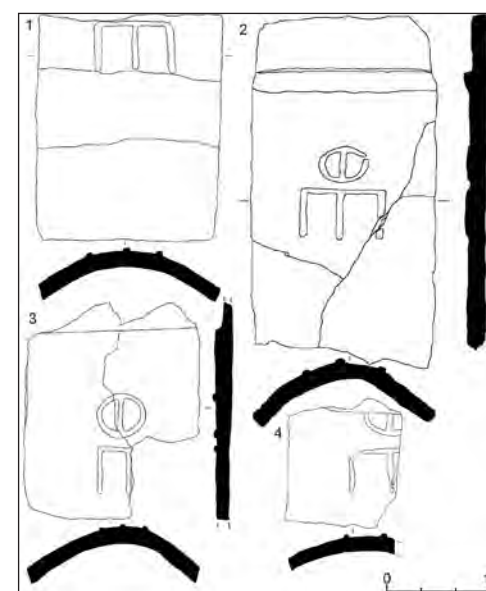

Рис. 45. Дворец. Скальное сооружение, перекрытое западной стеной помещения Н (кладкой 22). Таблица находок из 2-го слоя заполнения

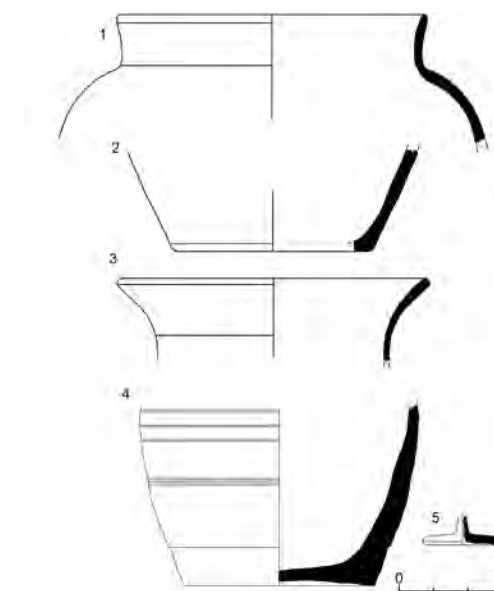

Рис. 46. Дворец. Скальное сооружение, перекрытое западной стеной помещения Н (кладкой 22). Таблица находок из 2-го слоя заполнения

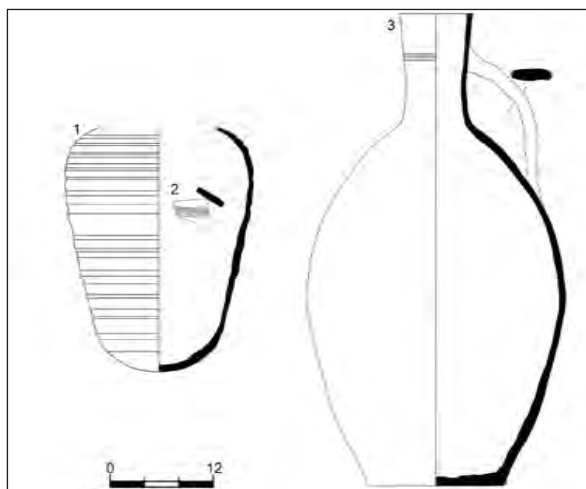

Рис. 47. Дворец. Скальное сооружение, перекрытое западной стеной помещения Н (кладкой 22). Таблица находок из 2-го слоя заполнения

находок из нижнего горизонта заполнения ямы позволяет датировать время функционирования этого здания только в широких пределах второй половины XIV — первой половины XV вв. Окончательная засыпь ямы № 34 и ее нивелировка происходит в период 1453-1462 гг. при сооружении на этом месте помещения Н.

Хронология помещения Н укладывается в узкий промежуток времени — в пределах 1462-1475 гг. Этим же периодом датируется очаг в северо-восточном углу постройки — наиболее поздний объект на участке исследований. Гибель здания, очевидно, связана с событиями 1475 г. в истории Мангупа.

В заключение хотелось бы еще раз подчеркнуть два важных момента, следующих из результатов раскопок помещения Н Мангупского княжеского дворца и под-

Рис. 48. Дворец. Скальное сооружение, перекрытое западной стеной помещения Н (кладкой 22). Таблица находок из 2-го слоя заполнения

лее позднее время, мы можем лишь предполагать его изначальный жилой характер. В любом случае, к началу активного использования данного участка Мангупского плато в XIV в. от контура здания практически ничего не сохранилось, что исключило возможность его включения в том или ином виде в формирующуюся систему городской застройки.

Застройка XIV в., непосредственно предшествующая дворцовому комплексу, также сильно пострадала в процессе последующего строительства. На площади раскопа от нее сохранились лишь слабые остатки постройки, представленные скальной ступенью вдоль южной стены помещения Н и ямой № 34 в его северо-западном углу. Анализ

готовки их материалов к изданию. Во-первых, публикуемый археологический комплекс является одним из эталонных для характеристики материальной культуры столицы княжества Феодоро в последние десятилетия его истории и установления объективной периодизации дворцового комплекса Мангупа. Во-вторых, выполненная работа показывает важность систематического и всестороннего изучения памятника, с учетом неопубликованных материалов раскопок в прежние годы и хранящихся в музеях России фондовых собраний. В нашем случае обращение к одному из таких музейных собра-

ний — коллекции Р. Х. Лепера из раскопок Мангупского городища в 1912-1913 гг. в Государственном Эрмитаже, позволило значительно расширить возможности исследования данного археологического комплекса и получить узкую дату его образования. Нам представляется, что это не последнее открытие.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Белинский И. В., Масловский А. Н. Импортная поливная керамика Азака (XIV в.) // Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X-XVIII вв. Киев: Стилюс, 2005. С. 160-177.
- Бочаров С. Г., Масловский А. Н. Византийская поливная керамика в городах Северного Причерноморья золотоордынского периода (вторая половина XIII — конец XIV вв.) // Поволжская археология. 2012. № 1. С. 20-36.
- [Браун Ф. А.] Отчет об археологических исследованиях Ф. А. Брауна в 1890 г. // Архив ИИМК РАН. Ф. 1. Д. 40/1890. Л. 1-34.
- Веймарн Е. В. Мангуп. Отчеты (раскопки 1938 г.). Разведки оборонительных стен и некрополя // МИА. 1953. № 34. Археологические памятники Юго-Западного Крыма (Херсонес, Мангуп). С. 419-429.
- Веймарн Е. В., Иванов Л. И. Раскопки на Мангупе // АО 1974 г. М.: Наука, 1975. С. 263-264.
- Герцен А. Г., Могаричев Ю. М. Пещерные церкви Мангупа. Симферополь: Таврия, 1996. 128 с.
- Герцен А. Г., Землякова А. Ю., Науменко В. Е., Смокотина А. В. Стратиграфические исследования на юго-восточном склоне мыса Тешкли-бурун (Мангуп) // МАИЭТ. 2006. Вып. XII. С. 371-494.
- Герцен А. Г., Иванова О. С., Науменко В. Е., Смокотина А. В. Археологические исследования в районе церкви Св. Константина (Мангуп): I горизонт застройки (XVI-XVIII вв.) // МАИЭТ. 2007. Вып. XIII. С. 233-298.
- Герцен А. Г. Сасанидский перстень из раскопок Мангупа // IX Международная Крымская конференция по религиоведению «Небесные патроны и земные служители культа». Тез. докл. и сообщ. Севастополь, 2007. С. 18-19.
- Герцен А. Г. Мангуп глазами исследователей и путешественников (XVI — начало XX в.) // БИАС. Симферополь: Антиква, 2008. Вып. 3. С. 228-246.
- Герцен А. Г., Науменко В. Е. Археологические исследования в районе церкви Св. Константина (Мангуп): II горизонт застройки (XV в.) // МАИЭТ. 2009. Вып. XV. С. 389-431.
- Герцен А. Г. Золотоордынское зеркало из раскопок княжеского дворца Мангупа // Откровения древнего Солхата. Керчь: Боспор, 2010. С. 96-105.
- Герцен А. Г., Науменко В. Е. Октагональная церковь цитадели Мангупа (Крым): вопросы хронологии и архитектурной композиции // ТГЭ. 2010. Т. LIII. Архитектура Византии и Древней Руси IX-XII вв.: материалы международного семинара. С. 227-253.
- Герцен А. Г., Науменко В. Е. Археологический комплекс третьей четверти XV в. из раскопок княжеского дворца Мангупского городища // ТГЭ. 2010. Т. LI. Византия в контексте мировой культуры. Материалы международной конференции, посвященной памяти А. В. Банк. С. 387-419.
- Герцен А. Г., Иванова О. С., Науменко В. Е. Археологические исследования в районе церкви Св. Константина (Мангуп): III горизонт застройки (середина IX — середина X вв.) // МАИЭТ. 2010. Вып. XVI. С. 240-295.
- Герцен А. Г., Науменко В. Е., Душенко А. А., Лавров В. В. Археологические раскопки Мангупского городища // Историческое наследие Крыма: сборник статей. Симферополь: Антиква, 2014. С. 203-209.
- Герцен А. Г., Науменко В. Е. Стратиграфия Мангупского городища: антропогенный и природно-географический контекст // XVI Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Географическая среда и социум. Керчь, 2015. С. 88-100.
- Герцен А. Г., Науменко В. Е., Душенко А. А., Корзюк Д. В., Лавров В. В., Смекалова Т. Н., Шведчикова Т. Ю., Чудин А. В. Новые материалы к изучению исторической топографии

- Мангупского городища и его окружи (по результатам междисциплинарных исследований 2015 г.) // УЗ КФУ. Серия «Исторические науки». Симферополь, 2015. Т. 1(67). № 2. С. 3-28.
19. Герцен А. Г., Науменко В. Е., Душенко А. А., Корзюк Д. В., Лавров В. В., Смекалова Т. Н., Шведчикова Т. Ю., Чудин А. В. Результаты междисциплинарных исследований Мангупского городища в 2015 г. // КСИА. 2016. № 243. С. 127-147.
 20. Герцен А. Г., Науменко В. Е. К вопросу о выделении золотоордынского периода в истории Мангупского городища в Юго-Западном Крыму // Золотоордынская цивилизация. Казань, 2016. № 9. С. 247-258.
 21. Даниленко В. Н., Романчук А. И. Поливная керамика Мангупа // АДСВ. 1969. Вып. 6. С. 116-138.
 22. Душенко А. А. Детали вооружения из кости и рога из раскопок Мангупа (по материалам 1990-2010 гг.) // Древности-2013. Харьков, 2013. С. 292-302.
 23. Душенко А. А. Костяные дисковидные пуговицы с концентрическим орнаментом из раскопок Мангупа // МАИЭТ. 2013. Вып. XVIII. С. 333-352.
 24. Душенко А. А. Игральные принадлежности из кости и рога из раскопок Мангупа // МАИЭТ. 2016. Вып. XXI. С. 222-247.
 25. Залеская В. Н. Балканская поливная керамика в Северном Причерноморье в позднее средневековье // Преслав. София, 1993. С. 370-374.
 26. Залеская В. Н. Памятники византийского прикладного искусства. Византийская керамика IX-XV вв. Каталог коллекции. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2011. 256 с.
 27. Латышев В. В. Эпиграфические новости из Южной России // ИАК. 1918. Вып. 65. С. 9-21.
 28. Лепер Р. Х. Протоколы заседаний Таврической Ученой Архивной Комиссии. Заседание 16 октября 1912 г. // ИТУАК. 1913. №49. С. 266-269.
 29. Лепер Р. Х. Археологические исследования в Мангупе в 1912 г. // ИАК. 1913. Вып. 47. С. 73-79, 146-154.
 30. Лепер Р. Х. Протоколы заседаний Таврической Ученой Архивной Комиссии. Заседание 30 января 1914 г. (сообщение Р. Х. Лепера о раскопках на Мангупе в 1913 г.) // ИТУАК. 1914. № 51. С. 297-300.
 31. Лепер Р. Х., Моисеев Л. А. Раскопки на Мангупе // ОАК за 1913-1915 гг. Пг., 1918. С. 72-84.
 32. Малицкий Н. В. Заметки по эпиграфике Мангупа // ИГАИМК. 1933. Вып. 71. 47 с. (отдельный оттиск)
 33. Моисеев Д. А. Археологический комплекс строительной керамики IX-X вв. из раскопок поселения в Лагерной Балке (Мангуп) // Древности-2011. Харьков, 2011. С. 172-190.
 34. Моисеев Д. А. Средневековая плинфа Мангупского городища // Древности-2013. Харьков, 2013. С. 179-192.
 35. Мыц В. Л. Укрепления Таврики X-XV вв. Киев: Наукова думка, 1991. 164 с.
 36. Мыц В. Л. Историко-культурный контекст некоторых букв, монограмм и надписей на поливной керамике Крыма XIV-XV вв. // Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X-XVIII вв. Киев: Стило, 2005. С. 288-305.
 37. Науменко В. Е. Раскопки раннесредневекового поселения у подножия Мангупа // БИАС. Симферополь: Таврия, 1997. Вып. I. С. 324-340.
 38. Науменко В. Е. Амфоры. Высокогорные кувшины с широкими плоскими ручками. Фляги. Столовая посуда // Зинько В. Н., Пономарев Л. Ю. Тиритака. Раскоп XXVI. Том I. Археологические комплексы VIII-X вв. Киев: АДЕФ-Украина, 2009. С. 35-64.
 39. Науменко В. Е., Душенко А. А. Византийская глазурованная керамика из раскопок Дворца правителей княжества Феодоро (Мангуп): по материалам исследований 2006-2010 гг. // Поливная керамика Причерноморья — Средиземноморья как источник по изучению византийской цивилизации. Тез. докл. междунауч. семинара. Севастополь, 2014. С. 93-95.
 40. Науменко В. Е., Душенко А. А. К истории археологического изучения Мангупа. Раскопки Р. Х. Лепера в 1912-1914 гг. (по материалам коллекции Государственного Эрмитажа) // XVII Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Исследователи и исследования. Керчь, 2016. С. 313-324.
 41. Новицкая М. А. Орнаментальная вышивка средневекового Крыма // ЗОАО. Одесса, 1967. Т. II(35). С. 284-288.
 42. Суров Е. Г. Раскопки дворца XV в. на плато Мангупа в Крыму // КСИА. 1972. Вып. 129. С. 96-99.

43. Тесленко И. Б. Турецкая керамика с росписью кобальтом в Крыму (проблемы хронологии) // Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X-XVIII вв. Киев: Стило, 2005. С. 385-410.
44. Тесленко И. Б. Поливная посуда Крыма XV в. (местное производство до турецкого периода). Часть II. Хронология // Древности-2012. Харьков, 2012. С. 223-236.
45. Тесленко И. Б. Одна из гончарных традиций Таврики XIV-XV вв. (керамика группы Юго-Западного Крыма) // История и археология Крыма. Симферополь, 2014. Вып. I. С. 495-512, 547-560.
46. Тесленко И. Б. Византийская керамика группы «Elaborate Incised Ware» из усадеб XIV в. городища Луста (современная Алушта, Крым) // Поливная керамика Причерноморья-Средиземноморья как источник по изучению византийской цивилизации. Тез. докл. междунауч. семинара. Севастополь, 2014. С. 109-112.
47. Тесленко И. Б. Пифосы из археологических комплексов Таврики XIV-XV вв. // Stratum plus. Генуэзская Газария и Золотая Орда. Кишинев, 2015. С. 125-163.
48. Тесленко И. Б. Одна из групп неполивной керамики Крыма XV вв.: хронология и эволюция // История и археология Крыма. Симферополь, 2015. Вып. II. С. 428-436.
49. Тесленко И. Б. Керамика Фуны «золотоордынского времени» (анализ материалов из комплексов, предшествующих строительству феодоритской крепости) // История и археология Крыма. Симферополь, 2016. Вып. IV. С. 132-157.
50. Тиханова М. А. Мангуп. Отчеты (раскопки 1938 г.). Базилика // МИА. 1953. № 34. Археологические памятники Юго-Западного Крыма (Херсонес, Мангуп). С. 334-389.
51. Уваров А. С. Командировка графа на исследование южных губерний // Уваров А. С. Сборник мелких трудов. Т. III. Материалы для биографии и статьи по теории археологии. М.: Типография Г. Лисснера и Д. Собко, 1910. С. 7-15.
52. Якобсон А. Л. Мангуп. Отчеты (раскопки 1938 г.). Дворец // МИА. 1953. № 34. Археологические памятники Юго-Западного Крыма (Херсонес, Мангуп). С. 390-418.
53. François V. Elaborate Incised Ware: un témoin du rayonnement de la culture byzantine à l'époque Paléologue // Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X-XVIII вв. Киев: Стило, 2005. С. 195-208.
54. Vroom J. Byzantine to Modern Pottery (7th to 20th Century). An introduction and Field Guide. Bijnveld: Parnassus Press, 2005. 223 p.

REFERENCES

1. Belinskij I. V., Maslovskij A. N. Importnaya polivnaya keramika Azaka (XIV v.). *Polivnaya keramika Sredizemnomor'ya i Prichernomor'ya X-XVIII vv.*, Kiev, Stilos Publ., 2005, pp. 160-177.
2. Bocharov S. G., Maslovskij A. N. Vizantijskaya polivnaya keramika v gorodah Severnogo Prichernomor'ya zolotoordynskogo perioda (vtoraya polovina XIII — konec XIV vv.). *Povolzhskaja arkheologija*, 2012, No. 1, pp. 20-36.
3. Otchet ob arheologicheskikh issledovaniyah F. A. Brauna v 1890 g. *Arhiv Instituta istorii mirovoi kul'tury RAN*, Fond 1, Delo 40/1890.
4. Vejmar E. V. Mangup. Otchety (raskopki 1938 g.). Razvedki oboronitel'nyh sten i nekropol'ya. *Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR*, Moscow, Leningrad, Akademia nauk SSSR Publ., 1953, Vol. 34, pp. 419-429.
5. Vejmar E. V., Ivanov L. I. Raskopki na Mangupe. *Arheologicheskie otkrytiya 1974 goda*, Moscow, Nauka Publ., 1975, pp. 263-264.
6. Gercen A. G., Mogarichev Yu. M. *Peshchernye cerkvi Mangupa*. Simferopol, Tavriya Publ., 1996, 128 p.
7. Gercen A. G., Zemlyakova A. Yu., Naumenko V. E., Smokotina A. V. Stratigraficheskie issledovaniya na yugo-vostochnom sklone mysy Teshkli-burun (Mangup). *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol, 2006. Vol. XII, pp. 371-494.
8. Gercen A. G., Ivanova O. S., Naumenko V. E., Smokotina A. V. Arheologicheskie issledovaniya v rajone cerkvi Sv. Konstantina (Mangup): I gorizont zastrojki (XVI-XVIII vv.). *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol, 2007, Vol. XIII, pp. 233-298.

9. Gercen A. G. Sasanidskij persten' iz raskopok Mangupa. *Tezisy dokladov i soobshchenij IX Mezhdunarodnoy Krymskoy konferenciyi po religiovedeniyu «Nebesnye patrony i zemnye sluzhiteli kul'ta»*, Sevastopol, 2007, pp. 18-19.
10. Gercen A. G. Mangup glazami issledovatelej i puteshestvennikov (XVI — nachalo XX v.). *Bakhchisaraiskij istoriko-arkheologicheskij sbornik*, Simferopol, Antikva Publ., 2008, Vol. 3, pp. 228-246.
11. Gercen A. G., Naumenko V. E. Arheologicheskie issledovaniya v rajone cerkvi Sv. Konstantina (Mangup): II gorizont zastrojki (XV v.). *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol, 2009, Vol. XV, pp. 389-431.
12. Gercen A. G. Zolotoordynskoe zerkalo iz raskopok knyazheskogo dvorca Mangupa. *Otkroveniya drevnego Solhata*, Kerch, Bospor Publ., 2010, pp. 96-105.
13. Gercen A. G., Naumenko V. E. Oktagonal'naya cerkov' citadeli Mangupa (Krym): voprosy hronologii i arhitekturnoj kompozicii. *Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha*, S-Petersburg, Gos. Ermitazh Publ., 2010, T. LIII. Arkhitektura Vizantii i Drevnei Rusi IX-XII vv.: materialy mezhdunarodnogo seminara, pp. 227-253.
14. Gercen A. G., Naumenko V. E. Arheologicheskij kompleks tret'ej chetverti XV v. iz raskopok knyazheskogo dvorca Mangupskogo gorodishcha. *Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha*, S-Petersburg, Gos. Ermitazh Publ., 2010, T. LI. Vizantiya v kontekste mirovoi kul'tury. Materialy mezhdunarodnoi konferencii, posviashchennoi pamiati A. V. Bank, pp. 387-419.
15. Gercen A. G., Ivanova O. S., Naumenko V. E. Arheologicheskie issledovaniya v rajone cerkvi Sv. Konstantina (Mangup): III gorizont zastrojki (seredina IX — sredina X vv.). *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol, 2010, Vol. XVI, pp. 240-295.
16. Gercen A. G., Naumenko V. E., Dushenko A. A., Lavrov V. V. Arheologicheskie raskopki Mangupskogo gorodishcha. *Istoricheskoe nasledie Kryma*, Simferopol, Antikva Publ., 2014, pp. 203-209.
17. Gercen A. G., Naumenko V. E. Stratigrafiya Mangupskogo gorodishcha: antropogennyj i prirodno-geograficheskij kontekst. *XVI Bosporskie chteniya. Bospor Kimmerijskij i varvarskij mir v period antichnosti i srednevekov'ya. Geograficheskaya sreda i socium*, Kerch, 2015, pp. 88-100.
18. Gercen A. G., Naumenko V. E., Dushenko A. A., Korzyuk D. V., Lavrov V. V., Smekalova T. N., Shvedchikova T. Yu., Chudin A. V. Novye materialy k izucheniyu istoricheskoi topografii Mangupskogo gorodishcha i ego okrug (po rezul'tatam mezhdisciplinarnykh issledovanij 2015 g.). *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta im. V. I. Vernadskogo. Seriya «Istoricheskie nauki»*, Simferopol, 2015, T. 1(67), No. 2, pp. 3-28.
19. Gercen A. G., Naumenko V. E., Dushenko A. A., Korzyuk D. V., Lavrov V. V., Smekalova T. N., Shvedchikova T. Yu., Chudin A. V. Rezul'taty mezhdisciplinarnykh issledovanij Mangupskogo gorodishcha v 2015 g. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii RAN*, Moscow, 2016, No. 243, pp. 127-147.
20. Gercen A. G., Naumenko V. E. K voprosu o vydelenii zolotoordynskogo perioda v istorii Mangupskogo gorodishcha v Yugo-Zapadnom Krymu. *Zolotoordynskaya civilizaciya*, Kazan, 2016, No. 9, pp. 247-258.
21. Danilenko V. N., Romanchuk A. I. Polivnaya keramika Mangupa. *Antichnaya drevnost' i srednie veka*, 1969, Vol. 6, pp. 116-138.
22. Dushenko A. A. Detali vooruzheniya iz kosti i roga iz raskopok Mangupa (po materialam 1990-2010 gg.). *Drevnosti-2013*, Har'kov, 2013, pp. 292-302.
23. Dushenko A. A. Kostyanye diskovidnye pugovicy s koncentricheskimi ornamentami iz raskopok Mangupa. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol, 2013, Vol. XVIII, pp. 333-352.
24. Dushenko A. A. Igral'nye prindlezhnosti iz kosti i roga iz raskopok Mangupa. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol, 2016, Vol. XXI, pp. 222-247.
25. Zalesskaya V. N. Balkanskaya polivnaya keramika v Severnom Prichernomor'e v pozdnee srednevekov'e. *Preslav*, Sofiya, 1993, pp. 370-374.
26. Zalesskaya V. N. Pamyatniki vizantijskogo prikladnogo iskusstva. Vizantijskaya keramika IX-XV vv. Katalog kollekcii. S-Petersburg, Gosudarstvennyi Ermitazh Publ., 2011, 256 p.
27. Latyshev V. V. Epigraficheskie novosti iz Yuzhnoj Rossii. *Izvestiya Arkheologicheskoi komissii*, 1918, Vol. 65, pp. 9-21.
28. Leper R. H. Protokoly zasedanij Tavricheskoi Uchenoi Arhivnoj Komissii. Zasedanie 16 oktyabrya 1912 g. *Izvestiya Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii*, 1913, T. 49, pp. 266-269.
29. Leper R. H. Arheologicheskie issledovaniya v Mangupe v 1912 g. *Izvestiya Arkheologicheskoi komissii*, 1913, Vol. 47, pp. 73-79, 146-154.
30. Leper R. H. Protokoly zasedanij Tavricheskoi Uchenoi Arhivnoj Komissii. Zasedanie 30 yanvarya 1914 g. (soobshchenie R. H. Lepera o raskopkakh na Mangupe v 1913 g.). *Izvestiya Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii*, 1914, T. 51, pp. 297-300.
31. Leper R. H., Moiseev L. A. Raskopki na Mangupe. *Otchet Arkheologicheskoi komissii za 1913-1915 gg.* Petrograd, 1918, pp. 72-84.
32. Malickij N. V. Zametki po ehpiigrafike Mangupa. *Izvestiya Gosudarstvennoi akademii istorii material'noi kul'tury*, 1933, Vol. 71, 47 p.
33. Moiseev D. A. Arheologicheskij kompleks stroitel'noy keramiki IX-X vv. iz raskopok poseleniya v Lagernoj Balke (Mangup). *Drevnosti-2011*, Harkov, 2011, pp. 172-190.
34. Moiseev D. A. Srednevekovaya plinfa Mangupskogo gorodishcha. *Drevnosti-2013*, Har'kov, 2013, pp. 179-192.
35. Myc V. L. *Ukrepleniya Tavriki X-XV vv.* Kiev, Naukova dumka Publ., 1991, 164 p.
36. Myc V. L. Istoriko-kul'turnyj kontekst nekotorykh bukv, monogramm i nadpisej na polivnoj keramike Kryma XIV-XV vv. *Polivnaya keramika Sredizemnomor'ya i Prichernomor'ya X-XVIII vv.*, Kiev, Stilos Publ., 2005, pp. 288-305.
37. Naumenko V. E. Raskopki rannesrednevekovogo poseleniya u podnozhiya Mangupa. *Bakhchisaraiskij istoriko-arkheologicheskij sbornik*, Simferopol, Tavriya Publ., 1997, Vol. I, pp. 324-340.
38. Naumenko V. E. Amfory. Vysokogorlye kuvshiny s shirokimi ploskimi ruchkami. Flyagi. Stolovaya posuda. *Zin'ko V. N., Ponomarev L. Yu. Tiritaka. Raskop XXVI. Tom I. Arheologicheskie komplekсы VIII-X vv.*, Kiev, ADEF-Ukraina Publ., 2009, pp. 35-64.
39. Naumenko V. E., Dushenko A. A. Vizantijskaya glazurovannaya keramika iz raskopok Dvorca pravitelej knyazhestva Feodoro (Mangup): po materialam issledovanij 2006-2010 gg. *Tezisy dokladov Mezhdunarodnogo nauchnogo seminara "Polivnaya keramika Prichernomor'ya — Sredizemnomor'ya kak istochnik po izucheniyu vizantijskoj civilizacii"*, Sevastopol, 2014, pp. 93-95.
40. Naumenko V. E., Dushenko A. A. K istorii arheologicheskogo izucheniya Mangupa. Raskopki R. H. Lepera v 1912-1914 gg. (po materialam kollekcii Gosudarstvennogo Ermitazha). *XVII Bosporskie chteniya. Bospor Kimmerijskij i varvarskij mir v period antichnosti i srednevekov'ya. Issledovateli i issledovaniya*. Kerch, 2016, pp. 313-324.
41. Novickaya M. A. Ornamental'naya vyshivka srednevekovogo Kryma. *Zapiski Odesskogo arkheologicheskogo obshchestva*, Odessa, 1967, T. II(35), pp. 284-288.
42. Surov E. G. Raskopki dvorca XV v. na plato Mangupa v Krymu. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii AN SSSR*, Moscow, 1972, Vol. 129, pp. 96-99.
43. Teslenko I. B. Tureckaya keramika s rospis'yu kobal'tom v Krymu (problemy hronologii). *Polivnaya keramika Sredizemnomor'ya i Prichernomor'ya X-XVIII vv.*, Kiev, Stilos Publ., 2005, pp. 385-410.
44. Teslenko I. B. Polivnaya posuda Kryma XV v. (mestnoe proizvodstvo do tureckogo perioda). Part II. Hronologiya. *Drevnosti-2012*, Har'kov, 2012, pp. 223-236.
45. Teslenko I. B. Odnazh iz goncharnykh tradicij Tavriki XIV-XV vv. (keramika gruppy Yugo-Zapadnogo Kryma). *Istoriya i arheologiya Kryma*, Simferopol, 2014, Vol. I, pp. 495-512, 547-560.
46. Teslenko I. B. Vizantijskaya keramika gruppy «Elaborate Incised Ware» iz usadeb XIV v. gorodishcha Lusta (sovremennaya Alushta, Krym). *Tezisy dokladov Mezhdunarodnogo nauchnogo seminara "Polivnaya keramika Prichernomor'ya-Sredizemnomor'ya kak istochnik po izucheniyu vizantijskoj civilizacii"*, Sevastopol, 2014, pp. 109-112.
47. Teslenko I. B. Pifosy iz arheologicheskikh kompleksov Tavriki XIV-XV vv. *Stratum Plus. Genuezhskaya Gazariya i Zolotaya Orda*, Kishinev, 2015, pp. 125-163.
48. Teslenko I. B. Odnazh iz grupp nepolivnoj keramiki Kryma XV vv.: hronologiya i ehvoluciya. *Istoriya i arheologiya Kryma*, Simferopol, 2015, Vol. II, pp. 428-436.
49. Teslenko I. B. Keramika Funy «zolotoordynskogo vremeni» (analiz materialov iz kompleksov, predshestvuyushchih stroitel'stvu feodoritskoj kreposti). *Istoriya i arheologiya Kryma*, Simferopol, 2016, Vol. IV, pp. 132-157.
50. Tihanova M. A. Mangup. Otchet (raskopki 1938 g.). *Bazilika. Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR*, Moscow, Leningrad, Akademia nauk SSSR Publ., 1953, Vol. 34, pp. 334-389.
51. Uvarov A. S. Komandirovka grafa na issledovanie yuzhnykh gubernij. *Uvarov A. S. Sbornik melkih trudov. T. III. Materialy dlya biografii i stat'i po teorii arkheologii*, Moscow, 1910, pp. 7-15.

52. Yakobson A. L. Mangup. Otchety (raskopki 1938 g.). Dvorec. *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR*, Moscow, Leningrad, Akademia nauk SSSR Publ., 1953, Vol. 34, pp. 390-418.
53. François V. Elaborate Incised Ware: un témoin du rayonnement de la culture byzantine à l'époque Paléologue. *Polivnaya keramika Sredizemnomor'ya i Prichernomor'ya X-XVIII vv.*, Kiev, Stilos Publ., 2005, pp. 195-208.
54. Vroom J. *Byzantine to Modern Pottery (7th to 20th Century). An introduction and Field Guide*. Bijleveld, Parnassus Press, 2005, 223 p.

Науменко В. Е., Душенко А. А.

Княжеский дворец Мангупского городища: помещение Н южного участка комплекса (по материалам коллекции Р. Х. Лепера Государственного Эрмитажа и современных археологических исследований)

Резюме

В статье публикуются полные результаты археологических исследований помещения Н княжеского дворца Мангупского городища в 2008-2009 и 2015 гг.

Помещение Н является одним из определяющих для установления хронологии и характеристики функционального назначения южного участка дворцового комплекса, сооружения которого сосредоточены вдоль «южной дворцовой улицы» — топографической границы дворца в этом направлении. В ходе подготовки публикации удалось значительно пополнить коллекцию находок за счет группы показательных глазурованных сосудов из первоначальных исследований Р. Х. Лепером помещения Н в 1912 г. Сейчас эти изделия хранятся в фондовом собрании Государственного Эрмитажа.

Хронология помещения Н относится к узкому промежутку времени — в пределах 1462-1475 гг. Оно было построено на месте более ранней городской застройки. От этой застройки сохранился ряд хозяйственных и жилых комплексов — яма № 34, засыпанная окончательно при возведении помещения Н около 1462 г., а также скальное сооружение первой половины X в. Гибель помещения Н связана с событиями штурма Мангупа турецкой армией в 1475 г.

Ключевые слова: Мангупское городище, дворец, княжество Феодоро, помещение Н, глазурованная керамика, Византия, монограмма.

Naumenko V. E., Dushenko A. A.

Prince's Palace in Ancient Mangup: Room H in the Southern Area of the Complex (According to the Materials of R. Kh. Leper's Collections in the State Hermitage Museum and Recent Archaeological Researches)

Summary

This article publishes full results of archaeological researches of Room H of the Prince's Palace in Ancient Mangup in 2008-2009 and 2015.

Room H was among the most important complexes allowing us to determine the chronology and the function of the southern area of the palace complex which rooms concentrated along the "southern palace street", the topographical border of the palace in this direction. Preparation of this publication considerably enlarged the collection of finds with a group of demonstrative glazed vessels from R. Kh. Leper's initial excavations in Room H in 1912. Today these finds reside in the collection of the State Hermitage Museum.

The chronology of Room H embraces narrow period within 1462-1475 AD. This structure was built on the site of former urban buildings. There are several residential and economic buildings survived in this area, such as Pit no. 34, which was finally covered with soil when building Room H ca. 1462, and bedrock construction from the mid-tenth century. Room H collapsed in relation to the assault of Mangup by the Ottoman army in 1475.

Keywords: ancient Mangup, palace, Theodoro principality, Room H, glazed ware, Byzantium, monogram.

Н. В. КАШОВСКАЯ

К ИТОГАМ ИЗУЧЕНИЯ КАРАИМСКОГО НЕКРОПОЛЯ В УЩЕЛЬЕ ТАБАНА-ДЕРЕ (МАНГУП): ПРОБЛЕМЫ ХРОНОЛОГИИ И ПЕРИОДИЗАЦИИ¹

Караимский некрополь Мангупского городища, расположенный в ущелье Табана-дере, является одним из наиболее известных и одновременно одним из наиболее изученных иудейских некрополей в Крыму. О нем сохранили описания первые исследователи городища еще в конце XVIII — начале XIX вв. С 1830-х гг. некрополь становится объектом пристального научного интереса².

П. С. Паллас в своих «Наблюдениях, сделанных во время путешествия по южным наместничествам Русского государства в 1793-1794 гг.» приводит сведения о Мангупе, относящиеся к самому концу XVIII в., когда его обитатели уже покидали городище. В традиционной для литературы этого времени форме он сообщает, что город оставался населенным лишь в кварталах, которые примыкали к синагоге и где «несколько домов занимали жида». П. С. Паллас обратил внимание на формы надгробий местного кладбища, отметив там только «двурогие гробницы». По его мнению, «еврейское» кладбище доказывало, что «здесь жил этот народ» [48, с. 64]. Оставленные развалины крепостных сооружений и церквей, за исключением мусульманской застройки, академик связывал с генуэзским периодом и пояснял, что «основание города не относится к очень глубокой древности» [48, с. 65].

Позже, в 30-х гг. XIX в., в путешествие по Крыму отправляется другой ученый немец, П. И. Кеппен [27, с. 26]. Он много путешествует, пишет путевые заметки, собирает старые легенды. По настоятельному совету Мордехая Султанского, законоучителя из Луцка, «караимского раввина», по словам самого П. И. Кеппена, в 1833 г. автор будущего «Крымского сборника» предпринял путешествие на Мангуп, которое имело большое значение для решения вопроса о времени появления иудейской общины на

¹ Когда завершено обобщение многопланового материала, хочу еще раз выразить свою сердечную признательность Александру Германовичу Герцену, который на протяжении многих лет оказывал мне поддержку и содействие в полевых изысканиях в ущелье Табана-Дере. Моя огромная благодарность всем, кто помогал собирать полевую информацию и ее обрабатывать долгие годы: художникам и архитекторам — Никифоровой Татьяне, Бураковой Светлане, фотографам — Бушневу Евгению, Медведеву Павлу, Гезенцеву Александру, Варшаверу Евгению, Хейфецу Михаилу; топографам — Клыпину Николаю, Иванову Виталию; волонтерам — Беловой Светлане, Ивановой Светлане, Цветковой Кире, Кашаеву Сергею, Старкову Михаилу, Иванову Алексею, Сорокину Владимиру, Кизилу Михаилу и многим другим, которые поднимались на плато Мангуп на день-два туристами, и оседали на недели. Они были безотказными водоносами, дровосеками, кашеварами — неоценимыми участниками отряда, налаживавшими его повседневную жизнь. Невозможно выразить словами на отведенных страницах ту теплоту друзей и помощников, которая поддерживала и согревала сильнее костра.

² В настоящее время это большая группа ученых филологов и археологов-эпиграфистов из России, Украины, Израиля, среди них: А. Л. Хосроев, Артем Федорчук, Михаэль Эзер (Макушкин), Дан Шапиро и автор статьи.

памятнике [67, с. 2, 99]. Мордехай Султанский, «последний знаток караимской традиции на Волыни» [9, с. 80-81, 151], кстати, сыграл важную роль в судьбе еще одного будущего исследователя мангупских еврейских древностей — Авраама Самуиловича Фирковича. Он невольно стал первым эпиграфистом Мангупа и первым историографом мангупской еврейской общины, проживая, вероятно, в татарской деревне Ходжа-Сала, расположенной и сейчас у подножия Мангупского плато. Именно в этом селении П. И. Кеппен встретил Мордехая с сыном. Заезжему путешественнику поспешили показать самые «древние камни» местного караимского некрополя. П. И. Кеппен видел «на жидовском кладбище надгробные камни с нечеткими уже надписями» [27, с. 29].

Наиболее древним на караимском кладбище П. И. Кеппен признал надгробие, показанное ему Мордехаем Султанским, с «датой 5034 г. по Творению мира или 1274 г. по Р. Х.» [27, с. 29]. Исследователь, не знавший языка надписей, допустил ошибку — «это могила какого-то Исаака сына Моше», в то время как оригинальная эпитафия посвящена Моше (Моисею), сыну Ицхака [21, с. 475; 27, с. 29, 269; 54, с. 213]. На эту ошибочную запись позже укажет А. Я. Гаркави в своем капитальном труде о крымских надгробных памятниках [67, с. 2-299].

П. И. Кеппен попытался в своей работе дать типологическую и хронологическую характеристику увиденным на Мангупе надгробиям. Основным информатором для него был смотритель Бахчисарайского Императорского (Ханского) дворца Е. Г. Булатов. На кладбище в Табана-дере П. И. Кеппен сумел определить шесть типов надмогильных памятников, отмечая особо, что «безрогие» надгробия были древнее «двурогих». Незначительное типологическое разнообразие роднит их, по его предположению, с формами надгробных плит, принятых у татар [27, с. 30-31]. По мнению автора «Крымского сборника», эпитафия и форма надгробия 1274 г. убедительно свидетельствовали о присутствии евреев-караимов в Мангупской крепости с XIII в. В «Полном географическом описании...» карт Российской империи в сведениях о Мангупе отмечается без колебаний, вероятно, со слов того же П. И. Кеппена, что «вместе с христианами в Мангупе жили и евреи-караимы, что видно из надписей на памятниках караимского кладбища, одна из которых относится к 1274 году» [50, с. 708-710]. О времени появления караимов на Мангупском городище П. И. Кеппен писал следующим образом: «Мангуп существовал уже в конце XIII в., и уже тогда в числе его обитателей находились евреи (караимы)...» [27, с. 29]. Сам же Мангуп, по П. И. Кеппену, был основан в византийское время и дальнейшая его история объяснялась им уже в связи с покорением городища «козарами» после 754 г. [27, с. 261]. Таким образом, в «Крымском сборнике» публикуется одна из первых «интерпретацией» хазарских следов в русской истории, а Мордехай Султанский можно назвать соавтором этой гипотезы, так как надгробие 5034 г. (1274 г. по Р. Х.) Мангупского караимского кладбища П. И. Кеппен указал по его информации.

Участие представителей караимских общин в обследовании и изучении кладбища в ущелье Табана-дере, как и всех других памятников еврейской средневековой истории в Крыму, началось в 30-е гг. XIX в. с высочайшего благословления императорского наместника графа М. С. Воронцова и местной Таврической губернской администрации. Более ранние («древнейшие») памятники на Мангупе еще предстояло открыть, как и услышать в связи с ними имя известного караимского просветителя А. С. Фирковича.

К 1839 г., когда инициатива руководства Таврической губернии совпала с личными собирательскими интересами начинающего «историографа» А. С. Фирковича, которому надлежало приступить к поиску всего того, что относится к ранней истории живущих в Крыму караимов [9, с. 106-108], крепость Мангуп-Кале уже создавала впечатление заброшенности и древности. Изыскания были начаты на Мангупе А. С. Фирковичем в 1839 г. Об этом сам он отмечал в комментариях к «Авне-Зик-

карон» (אבנֵי זִכְרוֹן — с евр. «Книга памятных камней») [54, с. 209-210, 211-216, 217-223]. По тому, как комплектовался мангупский каталог в «Авне-Зиккарон», можно говорить о неоднократном посещении А. С. Фирковичем Мангупа (также в 1844 и 1846 гг.) и о целях его пребывания здесь.

Открывает «Книгу памятных камней...» свод надписей из «долины Иосафата Села га-Иегудим». Так А. С. Фиркович называл крепость Чуфут-Кале, расположенную в двух километрах от г. Бахчисарая. Значительно меньшим по объему является корпус эпитафий из крепости Мангуп (всего 71); в работе также представлены тексты с надгробных камней и из других уголков Крыма, где сохранились караимские надписи — пять надписей из Солхата (г. Старый Крым) и 29 из Кафы (г. Феодосия) [54, с. 209-210, 211-216, 217-223].

Таблица эпитафий Мангупа в «Авне-Зиккарон» охватывает незначительное количество надгробных камней некрополя в ущелье Табана-дере. Сам А. С. Фиркович насчитал немногим более 1000 надгробий на кладбище и был уверен, что они также караимские [9, с. 122, 126]. Плиты мангупского кладбища содержали архаичный, как ему казалось, шрифт, редкие, необычные для еврейской среды, имена, прозвища, которые, прежде всего, подчеркивали происхождение и самобытность их носителей. Однако еще при жизни А. С. Фирковича именно подлинность столь ранних еврейских надписей и древность надгробий Мангупа и Чуфут-Кале была взята специалистами под сомнение [37, с. 4-17; 57; 58; 47, с. 47-77; 62, с. 6-39]. Караимские древности попали в круг научных интересов ведущих гебраистов своего времени, таких как А. А. Куник, А. Я. Гаркави и др. Целый ряд ученых отвергли их древность [37, с. 16]. Мнение было высказано однозначное: на крымских караимских кладбищах не могут находиться надписи ранее середины XIII в. [37, с. 6; 67, с. 114-119].

На двух самых значительных караимских кладбищах в Крыму, в Иосафатовой долине вблизи Чуфут-Кале и в ущелье Табана-дере на Мангупе, в книге «Авне Зиккарон» большая часть надгробий датируется пятым тысячелетием еврейского летоисчисления (5000-й год наступает в 1239/40 г.). На могилах и в сборнике «Авне Зиккарон» дата передавалась разными способами. В эпитафиях, чаще всего, следовали традиционной формуле из четырех букв еврейского алфавита линейной записью — ה'שכ"ד, где первая буква отвечала за тысячу (для четвертого тысячелетия буква «далет», для пятого — буква «гей» (ה)), вторая — сотни, третья — десятки, четвертая — единицы. Главный акцент в полемике делался на правильности датировки эпитафий, точнее, на способе передачи в надгробных текстах годов совершенных погребений. Участники дискуссии допускали, что имело место превращение букв ה в ל путем незначительных графических добавлений в начертание буквы «гей», что могло изменить датировку на 600 лет в сторону «удревнения» памятника, то есть сразу «вернуть» дату в предыдущее тысячелетие. Именно поэтому все надгробия из собрания А. С. Фирковича ранее 1240 г. попадали под жесткую критику. На некоторых эпитафиях дата шифровалась хроностихом или библейским отрывком, в котором помечались отдельные буквы, и дату, в этом случае, определяло сложение их числового значения. Изменить количество точек, штрихов над буквами и корректировать, тем самым, обозначение даты было проще всего. Но доступнее был способ изменения на бумаге, в самом тексте «Авне Зиккарон», когда можно «малое счисление» вовсе не учитывать. Предполагая даже теоретически довольно обширный диапазон приемов для всех этих изменений, скептически настроенные участники научной полемики вокруг крымских еврейских древностей изъявили желание выехать на место и ознакомиться с ними.

Свое мнение высказала и комиссия Академии наук, которую создали из числа академиков-ориенталистов (А. А. Куник, М. И. Броссе, А. А. Шифнер, В. В. Вельяминов-Зер-

нов) для оценки степени достоверности собрания рукописей и эстампажей А. С. Фирковича, и которая год работала с коллекцией [52, с. 171-172; 9, с. 157, 166-167]. Комиссия посчитала «сомнительными сведения по истории и географии хазар, славян, греческих античных колоний из колофонов свитков и надгробных надписей Чуфут-Кале и Мангупа» [9, с. 157, 166]. А. А. Куник, как тюрколог, счел необходимым высказать свое мнение публично. В статье «Тохтамыш и Фиркович» он заявил об абсолютной невозможности употребления тюркских имен на надгробиях III-VII вв. [37, с. 6].

С 1862 г. по приглашению А. С. Фирковича к редактированию его сочинений, которые к этому времени были практически готовы, приступил Д. А. Хвольсон [8, с. 367]. В 1866 г. он издает «Восемнадцать еврейских надписей из Крыма», где были собраны надписи с надгробных камней Чуфут-Кале, которые Д. А. Хвольсон признал как «безусловно, подлинные» [56, с. 108-141]. Для ознакомления с надписями на месте и для проверки он дважды, в 1878 и 1881 гг., проводил «раскопки на кладбищах» Чуфут-Кале и Мангупа [59]. Д. А. Хвольсоном были открыты 40 «камней» на Чуфут-Кале, о которых не сообщил А. С. Фиркович; древнейшие из надгробий относились к периоду 240-613 гг.

В своей следующей, уже фундаментальной, работе по надгробиям Чуфут-Кале («Сборник еврейских надписей») Д. А. Хвольсон сформулировал основные свои наблюдения над материалом исследований: «1) Фиркович имел желание и способность фабриковать подделки и, несомненно, делал это; 2) Однако Фиркович нашел много древностей (надгробные камни и рукописи), относящиеся к первому христианскому тысячелетию. Поэтому в каждом конкретном случае следует — на основании внутренних и внешних данных — решать, подделка перед нами или нет» [59, с. 42-43]. Тем не менее, публикация в «Сборнике еврейских надписей» всех обнаруженных противоречий в эпитафиях и манускриптах из коллекции А. С. Фирковича не смогла снять остроту развернувшейся дискуссии.

Главным оппонентом А. С. Фирковича и Д. А. Хвольсона стал А. Я. Гаркави, который, лишившись кафедры в Санкт-Петербургском университете, с 1870 г. стал хранителем фонда самого А. С. Фирковича в Императорской Публичной библиотеке. Он также изъявил желание познакомиться с надгробными надписями на месте. В Крым А. Я. Гаркави отправился с немецким гебраистом Г. М. Штраком. В 1876 г. он опубликовал капитальный труд по надгробным надписям, происходящим из Крыма [67, с. 2-254]. В нем А. Я. Гаркави объявил все памятники ранее XIII в. поддельными.

Полемика вокруг коллекции А. С. Фирковича к концу XIX в. приняла самые ожесточенные формы; обвинения в фальсификации были выдвинуты и другими ориенталистами [37, с. 4-17; 62, с. 6-39; 66, с. 222-235]. Но в то же время ни один из полемистов не дал объективной оценки самому историческому памятнику — кладбищу вблизи Чуфут-Кале. Это замечание можно с уверенностью отнести и к караимскому кладбищу в ущелье Табана-дере на Мангупе. Эпитафии этих некрополей представляли собой крупнейший «свод» письменных еврейско-язычных источников. Много лет спустя, Клавдия Борисовна Старкова, самый известный гебраист советской семиологической науки, о еврейских памятниках Чуфут-Кале высказала очень точное замечание о том, что сам надгробный памятник, как исторический источник, не должен вызывать у исследователей никаких сомнений [52, с. 172].

Таким образом, различные концептуальные подходы приводили к противоречивым выводам исследователей, изучавших одни и те же памятники. Это не могло не сказаться на характере и видах дальнейших работ на Чуфут-Кале и Мангупе и на отношении к получаемым результатам. С конца XIX в. обследования некрополей велись эпизодически и их инициаторами, чаще всего, выступало караимское духовное прав-

ление [31, с. 8; 12, с. 37-41; 6, с. 30]. Академическая наука оставляла лишь краткие замечания об этой стороне истории Мангупа, хотя еще с 50-х гг. XIX в. он становится объектом активного изучения археологами, начиная с графа А. С. Уварова.

Ф. А. Браун в «Отчете...» о своих работах на Мангупе в 1890 г. упоминал, что, когда он «работал наверху, на обширном караимском кладбище в Табана-дере производились раскопки» [6, с. 30-31]. Из его сообщения понятно, что эти работы не остались незамеченными караимской общественностью. По распоряжению Таврического и Одесского караимского гахама Мангулова, к изысканию были приглашены симферопольский раввин И. М. Султанский и преподаватель Феодосийской караимской школы Я. М. Кокина, «с целью найти неоспоримые материалы для решения вопроса о времени поселения в Крыму караимов» [6, с. 30-31]. По словам Ф. А. Брауна, им удалось найти ранние надгробия, и он, как археолог, не мог не снять с них оттиски, которые были сданы в Азиатский музей Древностей³.

В 1912 г. археологические раскопки на плато Мангуп были начаты Императорской Археологической Комиссией. При содействии севастопольского мецената Арона Яковлевича Гидалевича в археологические планы экспедиции в 1912-1913 гг. были включены работы на караимском кладбище в ущелье Табана-дере. Они предусматривали снятие эстампажей, зарисовки и чертежи надгробных надписей некрополя. Работы были поручены Роману Христиановичу Леперу.

За два года исследований эпиграфической группой экспедиции была собрана коллекция из более чем 60-ти оттисков и 17 фотографий, которая А. Я. Гидалевичем была доставлена в комитет Еврейского Историко-Этнографического Общества в Санкт-Петербурге [15, с. 11]. Ее всесторонним изучением занялся председатель Общества Семен Маркович Дубнов, который «с восторгом» принял собрание артефактов. Коллекция была им опубликована в журнале «Еврейская старина». В статье «Историческая тайна Крыма. Памятники Мангуп-Кале» (за 1914 г.) С. М. Дубновым приведены 36 эпитафий — от 1505 до 1730 гг. и 13 не датированных. Автор счел возможным указать на ряд надписей, неверно зафиксированных А. С. Фирковичем, и предложил свою датировку некрополя Табана-дере [15, с. 13; 21, с. 476]. По его мнению, наиболее ранней эпитафией является надгробная надпись с именем Ефросинии 1387 г. (у А. С. Фирковича в каталоге под № 28, у Н. В. Кашовской — № 825). О ней он пишет как о реальном памятнике XIV в., который могли оставить евреи-переселенцы из Средиземноморского бассейна, у которых в ходу были еще греческие имена [15, с. 13; 21, с. 476]. Основные этапы истории Мангупского городища, известные к этому времени, попытался выделить и сам Р. Х. Лепер. Он отмечает «три стадии» развития городища: таврскую, готскую, к которой отнесены основные памятники археологии и архитектуры Мангупа, и еврейскую, позднейшую, хотя сам замечает, что, судя по эпитафиям, евреи жили здесь, по крайней мере, с X в. [10, с. 95].

Оба собрания мангупских надписей — в «Авне-Зиккарон» А. С. Фирковича и Дубнова-Гидалевича, включали всего 107 эпитафий, во многом спорных и неточных. Тот же Р. Х. Лепер, в различных своих работах неоднократно менял свою точку зрения в отношении ранней истории еврейской общины городища, от X до XV вв., отмечая незначительное число древних надгробных памятников [38, с. 254, 268; 39, с. 297].

³ Азиатский Музей (создан в 1818 г.) был расформирован в 1930 г. В состав вновь созданного Института Востоковедения он вошел со всеми своими фондами и специалистами, но, по воспоминаниям сотрудников, некоторые его фонды распределялись по другим музеям г. Ленинграда. Окончательно музей прекратил свое существование к 1932 г. По этой причине проследить движение всей эстампажной коллекции до сих пор не удастся.

Таким образом, к началу XX в. караимский некрополь в Табана-дере на Мангупе имел три датировки для начального этапа своего функционирования — 871 г. (4631 г.) по наиболее ранней эпитафии в каталоге А. С. Фирковича, 1274 г. (5034 г.) по П. И. Кеппену и 1387 г. (5147 г.) по С. М. Дубнову. Эти работы вызвали бурный интерес среди представителей общин караимов и крымчаков; в периодической печати активно обсуждался вопрос об этнической принадлежности иудейских памятников Мангупа. В брошюре Т. С. Леви-Бобовича, вышедшей в 1913 г., была помещена подборка статей из газеты «Крымский вестник» за 1912 г., которая отражает эту полемику [40, с. 38].

Нерешенные историографические и источниковедческие проблемы вокруг некрополя в ущелье Табана-дере поставили перед исследователями XX в. конкретные поисковые задачи: возобновление комплексных полевых работ на памятнике и поиск предшествующих эстампажных собраний. Сразу хотим отметить, что последняя задача оказалась практически не выполнимой. Следы всех эстампажных оттисков и прорисовок, выполненных в свое время А. С. Фирковичем (40-е гг. XIX в.), Д. А. Хвольсоном (1879-1881 гг.), Ф. А. Брауном (1890 г.), Р. Х. Лёпером и А. Я. Гидалевичем (1912-1913 гг.), были утеряны еще в начале XX в.

Натурное обследование некрополя в балке Табана-дере выполнялось на протяжении нескольких полевых сезонов (1990-1995, 2005-2010 гг.). Эти работы включали паспортизацию, топографическую, графическую и фотографическую фиксацию уцелевших надгробий для составления общего каталога надписей. Такой многоплановый подход к эпиграфическим полевым исследованиям обеспечил научную достоверность и цельность корпуса-каталога эпитафий. Каталог задумывался как корпус надгробных текстов с прилагаемым к нему альбомом из прорисей и фотографий, чертежей могильных плит и топографической картой с точными координатами каждого памятника. Обследование древнего некрополя было начато от края Мангупского плато вниз по склону ущелья Табана-дере. Первые надгробные плиты встречаются уже в 150 м ниже от мощного родника в балке, по обеим сторонам ущелья. За исходную точку отсчета принята южная граница могильника, ближе всего расположенная к основному топографическому реперу — геодезическому триангуляционному знаку, отмечающему наивысшую высоту плато Мангуп. Этим объясняется начало маркировки в направлении с юга на север. Непременным условием в методике сплошной фиксации было сохранение номеров-маркеров при фотографировании памятников и геодезической съемке, когда к отмеченным геодезическим координатам местоположения надгробия указывался и его номер. Фото-съемка памятников велась с трех позиций на черно-белую фотопленку; на цифровой фотоаппарат она стала осуществляться с 2006 г. Паспортное описание надгробий предполагало снятие обмеров и формирование альбома рабочих чертежей; детали декоративного орнамента прорисовывались. С текстов, почерк которых в палеографическом плане представлялся оригинальным и новым, снимались эстампажи.

При первом знакомстве, кажется, что надгробия на кладбище расположены хаотично, особенно с учетом сложной топографии местности. Это прежде отмечали все путешественники и исследователи памятника [27, с. 261; 54, с. 211-212; 44, с. 410; 39, с. 297; 11, с. 744-751; 53, с. 77-88; 28, с. 191-205; 29, с. 544-545; 30, с. 300-306; 24, с. 252, 256]. Ущелье Табана-дере образовано отрогами двух крайних западных мысов Мангупского плато — Чамну-бурун и Чуфут-Чегарган-бурун. Иудейские поселения, обитавшие в их верховьях, выбрали для своего кладбища крутые склоны мысов, вероятно, еще и потому, что по дну оврага протекал ручей, что приводило к его естественной заболоченности. Детальное топографическое обследование территории ущелья, занятого кладбищем, позволило понять принцип распределения

погребальных участков на нем, картографировать различные типологические и хронологические группы надгробий [11, с. 744-751; 24, с. 9-10].

Караимский некрополь в ущелье Табана-дере имеет протяженность около 800 м и площадь до трех гектаров; внутри он разбит на условные секторы, которые образованы рельефом ущелья [20, с. 557]. На искусственных террасах более крутого склона Чамну-бурун, резко спускающегося к тальвегу, в 30 м от крепостной стены, находились самые ранние погребения. Трудно объяснить, почему для «организации» кладбища были выбраны именно эти, наиболее крутые части склонов мыса. Первые террасы для погребений резались на самых верхних горизонтах (на карте-схеме — 460-е синклинали), которые от дна оврага создают перепад высот в 20-30 метров.

По мере заполнения террасы погребальные участки передвигались вдоль и вниз по склону. Хронология надгробных памятников иллюстрирует это «движение». Ко второй половине XVI в. кладбище спускается вниз ко дну оврага и заползает на более пологий противоположный склон мыса Чуфут-Чегарган-бурун. Весь XVII в. приходится на тальвег, который по мере подъема на плато заметно расширяется в естественных границах. Площадки-террасы для погребений еще режутся в конце XVII — начале XVIII вв. на обоих склонах ущелья на протяжении 500 м от внешней оборонительной стены крепости. Но уже ближе к плато и внутренней крепостной стене кладбище останавливается. Те надгробия, которые были найдены в верховьях оврага Табана-дере, в 150-200 м ниже от родника, скорее всего, были обнаружены не на своем первоначальном месте. За исключением именно этой группы памятников, все другие были или частично вкопаны, или установлены на жесткое основание и имели довольно строгую ориентацию по сторонам света: в направлении с северо-запада на юго-восток. На плане могильника отчетливо видно хаотичное расположение надгробий именно в верховьях оврага, многие из них оказались включенными в строительные комплексы. Всего на могильнике в Табана-дере зафиксировано 1008 надгробных памятников, из них 228 снабжены текстами⁴.

Топографическая съемка территории некрополя⁵ выявила разновременные и различного назначения кладки стен в самых широких участках тальвега балки Табана-дере. Скорее всего, они являются результатом поздней хозяйственной деятельности на городище. Геодезическими реперами отчетливо выявлены межевые перегородки, которые разделили дно оврага на ряд участков. Все межевые участки, как стало понятно после их расчистки, огорожены общей обводной стеной. На плане видно это ограниченное каменными кладками пространство природного рельефа и все случаи его искусственного изменения: террасирование, дренажные запруды, отводы и водоемы. Межевые стены, как и внутренние перегородки, представляли собой одно-, двух- и трехрядные каменные кладки, сложенные без раствора на невысоких земляных (или глиняных) валиках. Внешняя обводная стена сложена более основательно. В отдельных случаях для ее укрепления в основание были положены надгробные памятники; иногда надгробия устанавливали в ряд и они выполняли функцию самой стены. Назначение этих разгороженных участков еще не совсем ясно, но, вполне возможно, они использовались жителями ближайшего татарского селения Ходжа-Сала для своих сельскохозяйственных нужд. Весь огороженный участок в плане имеет форму неправильного многоугольника, площадью около 300 кв. м. О времени появления этих сооружений позволяют судить использованные при их возведении надгробия и

⁴ Последние два надгробия с эпитафиями были включены в каталог при участии В. Ельяшевича в 2013 г.

⁵ Выполнена топографами Н. Клыпиным и В. Ивановым в 1991-1992 гг.

их фрагменты. Среди них встречаются и те, на которых вырезаны эпитафии. На этих надгробиях указываются даты, относящиеся к 50-60-м гг. XVIII в. (в переводе на общепринятое исчисление по новой эре).

У подножия Мангупского плато располагалось живописное татарское селение Ходжа-Сала (П. И. Кеппен использовал другое название деревни — Бугаз-Сала). В «Полном географическом описании нашего Отечества...» 1910 г. приведены чуть расширенные данные [50, с. 708-710]. Здесь сказано, что «некогда эта долина почти вся принадлежала Махмету-Аге, казначею последнего крымского хана Шагин-Гирея, затем перешло к княгине Балатуковой, а теперь принадлежит Гассан-Аге-Абдурахманчикову», также как и лежащая «к востоку от дороги небольшая татарская д. Ходжи-Сала у подножья горы Мангуп» [50, с. 709]. Вероятно, во времена П. И. Кеппена она принадлежала Хазнадару и его сыну Адильбею Балатуковым [45, с. 179] и, с его слов, живущие внизу татары с 1831 г. держали у родника в наиболее широком месте ущелья Табана-дере сады, огороды, а некоторые участки засеивали даже табаком [27, с. 272]. В 50-х гг. XIX в. Балатуковы владели дачами и садами в Каралезской долине. Примечательно, что они участвовали в интендантском снабжении русской армии в годы Крымской войны, поставляя строительный лес, подводы для транспортировки фуража и сам фураж. Их основное имение находилось в деревне Ходжа-Сала. А. И. Маркевич в своих краеведческих заметках отмечал, что в период войны 1853-1855 гг. эти внутренние долины, особенно мангупские наводненные ущелья и, тем более, ранее освоенные земли были районами активной хозяйственной деятельности [45, с. 179]. Все хозяйства были учтены военным ведомством как потенциальные фуражиры русской армии. Если допустить наличие такого своеобразного огорождения у жителей деревни, то должны были сохраниться его следы. Разведение садов требовало надзора, для чего необходимо было постоянно совершать подъемы на плато, укреплять и поддерживать выючную тропу и т. д. Одичавшие сливовые, яблоневые и вишневые деревья, которые когда-то явно группировались, до сих пор растут между могильных плит на кладбище.

Однако труднодоступность таких садов и огородов, да еще и поддержание в порядке выючной тропы, отнимало время и силы. Этим обстоятельством можно объяснить возникновение для нужд самой деревни внизу у подножия Мангупского плато обустроенного большого водосборного бассейна. Жители окрестных селений передавали предание об использовании надгробных плит для его сооружения. О таком, возможно, котловане или большом бассейне Ассана-Ага Абдураманчикова в ущелье Табана-дере и о строительных остатках на дне оврага сообщали Ф. А. Браун и Р. Х. Лепер [6, с. 28; 38, с. 254; 39, с. 297], уточняя, что сам Абдураманчиков владел Мангупом. По этим фактам возведение бортов запруд, как и террасирование участков обоих склонов оврага, создание дренажных каналов на дне тальвега балки можно отнести ко второй половине XIX в. Вскользь упомянул о бассейне, который будто бы «огромных размеров», и стенки его бортов выложены из надгробных плит с иудейского кладбища, и Р. Х. Лепер.

На северной окраине современных границ деревни Ходжа-Сала, которые проходят по склону горного массива Чердаклы-баир, находится котлован значительных размеров. Его археологическая зачистка дала возможность определить контуры и размеры сооружения, его строительные приемы и обнаружила, действительно, вторичное использование четырех архитектурных блоков. По мнению руководителя Мангупской археологической экспедиции А. Г. Герцена, курировавшего эти работы в 2006 г., блоки относятся к ранневизантийскому периоду. Таким образом, стало ясно, что происхождение котлована никак не связано с иудейским кладбищем в балке Табана-дере.

Архитектуру и орнамент мангупских надгробий с кладбища в Табана-дере отмечали многие путешественники и исследователи. В нашем случае, их типология рассматривается в историческом контексте, с целью получения дополнительной информации о хронологии могильника и надгробия как такового.

Архитектура и декор надмогильных памятников караимского некрополя Мангупского городища разнообразны и представляют собой сложную картину заимствований иных культурных и конфессиональных традиций. Для Крыма, который на всем протяжении своей истории находился на перекрестке этносов и культур, это лишь отражение исторических реалий. Мангуп, в этом смысле, не является исключением.

Своеобразие иудейскому могильнику в Табана-дере придает архитектура его надгробий. Собранные за весь многолетний период полевых исследований образцы форм надгробных памятников систематизированы в виде отдельной типологической таблицы (Табл. 1). В ней представлены вариативность форм надгробных памятников, максимально точно переданы их габариты и архитектурные элементы с детализацией орнаментальных особенностей. Таблица показывает последовательность развития архитектурных типов и уже была предложена научному сообществу для апробации [24, с. 317-324].

Традиции ремесленных школ каменотесов и резчиков отражали определенную сторону культуры своих народов и показывали степень взаимопроникновений и контактов. По первым встречающимся сведениям о кладбище в Табана-дере и его памятниках можно составить не совсем точное представление, что самой распространенной, если не единственной, формой надмогильных памятников является та, которая получила у путешественников и краеведов характерное название «рогатая». Внешне такое надгробие представляет собой вытесанную из цельного каменного блока форму (иногда составную), которая с торцов завершается двумя вытянутыми в вертикаль столбообразными наверхими. В горизонтальной проекции подобная архитектурная конструкция выглядит, действительно, рогатой. Никто из историографов не объяснял, вследствие чего сложилось представление о двурогой и однорогой формах надгробий, как типично «жидовских» [48, с. 64; 34, с. 266-268] или караимских [44, с. 405-406]. В начале XX в. этот тип надгробия вообще мифологизируется. В краеведческой литературе появляются новые определения, такие как караимские «колыбельки», «седла», «луки», то есть эпитеты, которыми авторы дополняли описания «рогатых» надгробий [32, с. 419-426; 55, с. 25; 31, с. 8]. Постепенно об этой форме надгробий утвердилось представление, как о доминирующей и отличительной для караимских кладбищ. Однако, если суммировать известные нам сведения, то можно прийти к иным выводам.

Если П. С. Паллас, И. С. Андриевский и П. И. Кеппен считали двурогие или однорогие надгробия характерными для караимов [48, с. 63-65; 1, с. 538-552; 27, с. 31, 269], то уже В. Х. Кондараки писал по этому поводу: «...между ними есть и такие, которые по форме и некоторым изображениям принадлежат и другому народу (имея ввиду, что и татары ставили над могилами двурогие монументы и ... изображали на них сабли), татары раньше знакомства с турками имели обыкновение ставить другого рода надгробия» [34, с. 268]. Этим замечанием он не только «лишил» рогатые надгробия караимской самобытности, но и дал свое объяснение данной форме надмогильных памятников, которые, на его взгляд, не типичны для европейских евреев, но часто встречаемы на Востоке. В полемике между собой Д. А. Хвольсон и А. Я. Гаркави пытались связать типологию надгробий с датировками их эпитафий и выяснить, в конечном итоге, время появления каждого типа памятников. По А. Я. Гаркави, «древние надгробные камни ничем не отличаются от тех, которые А. С. Фирковичем отнесены к XVI-XVII вв., ни

характером письма, ни внешним видом, ни сохранностью камня» [67, с. 99]. Наиболее древние по возрасту «камни» Д. А. Хвольсон видел в «гробообразных» памятниках, как он называл призматические по форме надгробия, «крышка которых образует то острый, то более или менее тупой угол». Эти надгробия отличались, главным образом, «своею значительной длиною — до 3,75 аршина (2,66 м)»; в немногих случаях их крышка могла немного закругляться. Более позднюю датировку, по Д. А. Хвольсону, имели большие плоские памятники — «ящики» [59, с. 24-26]. Отмечены надгробия, состоящие из двух поставленных перпендикулярно друг к другу плит и выпиленные пирамидой с одной, двумя или тремя ступенями [58, с. 32].

Плиты-параллелепипеды представляют самый массовый и, вероятно, наиболее ранний тип надгробий на нашем кладбище. Эта форма надгробий — самый простой в техническом исполнении и поэтому наиболее распространенный вид надмогильных памятников. Поставленный на узкую грань, дополнительно оформленный карнизом, как стела, он известен с античных времен в средиземноморско-черноморском регионе. Такая форма надгробий была традиционной в античных полисах Боспора — в Фанагории, Горгипии, Гермонассе и др. [7, с. 51-69; 12, с. 59-73; 35, с. 165, 417, 425, 428, 443, 718; 41, с. 7-55; 42, с. 302-303; 43, табл. III-VI; 64, с. 20-21]. На Азиатском Боспоре подобные могильные памятники сохранились в позднеантичное и раннесредневековое время и были допустимыми для всего разнообразного поликонфессионального его населения. Боспорские надгробия-стелы отличались небольшими размерами (обычно 80-90 см высота, 40-50 см ширина и 10-25 см толщина) и архитектурными деталями. Античная стела в греко-римском исполнении оформлена многофигурными рельефными сюжетами, которые дополняют карнизы, акротерии, растительные и цветочные орнаменты — листья аканта, розетки, пальметты и т. д. [43, табл. III-VI; 12, с. 59-73; 16, с. 332-337; 17, с. 55-60]. Иудейские стелы в архитектурном отношении копировали греческие образцы, но орнаментированы уже иными символическими рельефами. На них вырезаны шофар (трубный рог), лулав (пальмовая ветвь), семисвечник (менора — храмовый светильник; иногда девятисвечник), встречается и резное изображение этрога. Чаще всего эти рисунки соединялись мастерами в композицию [43, табл. I-VII; 59, с. 135-136; 46, с. 57-89; 61, с. 107; 19, с. 14-15]. На оборотной стороне некоторых иудейских стел наносились тамги — родовые знаки местного населения Боспора [14, табл. XX, XXII-XXIII, L-LI; 51, с. 9-23; 65, с. 3-187; 19, с. 14-15; 23, с. 188-222]. Данный тип иудейского надгробного памятника получил широкое распространение, прежде всего, в общинах Восточного Кавказа. В целом же надгробия в виде стелы-параллелепипеда широко используются в эпоху средневековья на Кавказе, в Турции и повсеместно в Европе — в Италии, Венгрии, Чехии, Польше.

Античные стелы с иудейскими символами, бесспорно, свидетельствуют о присутствии еврейского населения в античное и раннесредневековое время. Как архитектурный тип, они фиксируются в Крыму в XV в. и в последующие столетия, чередуясь с иными формами надгробий. Если плиту-параллелепипед воспринимать как местный вариант надгробной стелы, то его появление можно регистрировать на могильнике в балке Табан-дере уже с 60-х гг. XV в. (№№ 823, 863, 851⁶). Такие надгробия, в большинстве случаев, не ставились над погребением, а укладывались поверх него и перекрывали могилу в длину. Для крутых склонов оврага Табана-дере, подобная установка надмогильных плит была наиболее безопасна и потому являлась предпочтительной. Длина таких надгробий не всегда зависела от погребальной ямы. В период, когда популярность этого типа надгробных памятников достигает

пика (70-80-е гг. XVI в.), длина сокращается до 1,5 м. В XVII в. встречаются лишь единичные экземпляры и говорить об их размерах вряд ли возможно.

К этому же времени (XVII в.) относятся вертикальные памятники-стелы, но где-то в начале XVIII в. они исчезают как самостоятельный тип (один из самых поздних примеров датируется 1730 г.). Мангупские стелы представлены в двух вариантах: первый — одиночные стелы (№№ 915, 254, 255, 587, 228), второй — две плиты, поставленные перпендикулярно друг другу (№№ 306, 313, 314, 925). Известны три случая, когда стела украшена экраном. Форма экрана-картуша, даже с почти полным отсутствием орнамента, сближает его с памятниками восточно-черноморской традиции. Тексты на памятниках-стелах могли быть запечатаны в экраны и рамки, которые резчиками выполнялись в виде орнаментированных полос, ограничивающих надписи [63, с. 42; 25, с. 97-116]. Часто экраны-картуши украшались орнаментом. Он сводился к двум разновидностям розетки — восьмилепестковой либо из солярно-расположенных лепестков, заключенных дополнительно в круг. Данный вид орнамента, украшающий надгробия, по мнению исследователей, своей природой связан с восточной малоазийской декоративной символикой [5, с. 271-286; 13, с. 219-221]. Трилистник («тюльпанчик»), «виноградная лоза», цветочный растительный орнамент, расположенный плетенкой, и солярный орнамент — характерный орнаментальный декор для региона.

При всей динамичности архитектурных форм надгробий примечательна устойчивость орнамента, прослеживающегося в культовой архитектуре разных конфессиональных традиций вплоть до XIX в. Можно говорить, что иноземный и инородный стиль как языковой, так и декоративный, нашел возможность удовлетворить конкретные духовные потребности населения. Образцы сочетания иудейского многосвечника и тамги, греческого и еврейского языка в стиле эпитафийного текста примечательны для античного времени. Для эпохи средневековья характерным стал симбиоз арабского языка и древнетюркских рун и тамг на татарских и булгарских памятниках [63, с. 42]. На иудейских надгробных памятниках превалирует малоазийский орнаментально-декоративный сюжет и лапидарная краткость еврейского языка. Это удивительное сочетание органично существует и на могильнике в Табана-дере, о чем свидетельствуют многолетние эпиграфические исследования, фиксирующие эклектичный декоративный узор и стилевую традицию эпитафий.

Широко и разнообразно на караимском некрополе Мангупа представлены двурогие и однорогие надгробия. Одни увенчаны небольшой шапочкой, другие — навершиями, изображающими розу или шар. Эти памятники отличают утонченные профили и резной орнамент из «плетенки», которую образуют переплетения из гирлянды листьев аканта, восьмерок, геометрических фигур. Архитектурные детали позволяют отнести их к малоазийским образцам, а по хронологии — к поздневизантийско-раннеосманскому времени в истории региона. Данные типы надгробий, по содержанию своих эпитафий, датируются серединой XV в. По мере приближения к XVII в. двурогие и однорогие памятники подвержены некоторым вариациям; они становятся массивными и более широкими, но с меньшей высотой «рогов» (табл. 1, модель «F» и «G»). Поздняя форма этих памятников имеет близкие аналогии с надгробиями караимского кладбища вблизи Чуфут-Кале, где подобные пропорции характерны для большинства надгробий, имеющих те же даты.

Некоторую орнаментальную обособленность однорогих и двурогих надгробий дополняют вырезанные на некоторых из них по гребню, сразу за первым фасадным рожком, стрелы с оперением (№№ 286, 973), рельефы близкие по рисунку музыкальным инструментам (№№ 396, 393, 660). Такие фигурные изображения являются редкими на данном некрополе (всего 10), а на соседнем Чуфут-Кале их вообще

⁶ Здесь и далее по тексту — авторская нумерация надгробий.

не наблюдается. Поэтому интерпретировать или, тем более, комментировать такое художественное оформление надгробий можно лишь с большой осторожностью. На Восточном (Каспийском) Кавказе, наоборот, распространенным обычаем было резное изображение на надгробиях ремесленных и музыкальных инструментов, ремесленных изделий. Такие факты довольно широко известны на территории Кавказской Албании, Северного Азербайджана и Южного Дагестана, причем как на мусульманских надгробиях, так и на иудейских [25, с. 97-116].

Другим распространенным и ранним типом надгробных памятников некрополя в Табана-дере является «призма» — надгробие, имеющее в поперечном сечении форму треугольной призмы (табл. 1, модель «С»; №№ 772, 673 и др.). Многочисленные варианты данного типа надгробий морфологически развились из одной основы (табл. 1, модель «С»). Наиболее «ранний» вариант имеет хронологически независимую привязку, которую ему дают не только датированные эпитафии, но и художественно-исторические аналогии в иных, соседствующих с Мангутом, крепостях и городищах. Призматические плиты известны на могильниках Эски-Кермена и Качи-Кальона. Иногда у «призмы» вытянут фасадный торец, образуя подобие рострального «конька», или, в иных случаях, по скатам крышки прорезаны во всю длину рельефные грани (№№ 826, 820, 835, 782). Такие надгробия можно встретить на христианских могильниках Эски-Кермена [49, с. 48, 57] и Мангупа [3, с. 263-265], функционировавших до турецкого завоевания Крыма в конце XV в., что говорит о местном происхождении этого типа могильных плит.

Еще одно надгробие, помещенное в наш эпиграфический корпус под № 84, заслуживает отдельного описания. Оно обнаружено, как и все памятники первой сотни, не на своем первоначальном месте, а примерно в 150 м ниже родника в балке Табана-дере. По архитектурным особенностям принадлежит типу G — двурогие надгробия, вырезанные из цельного каменного блока (табл. 1). На его тыльной стороне прорезана неглубокий рельефом (не более 1,5 мм глубиной) рамка, в которой прочерчены рисунки геральдического характера (рис. 1).

Крайние изображения представляют собой геральдические мотивы с развернутыми штандартами на одном и разлинованном поле на другом рисунке. Такие композиции известны среди гербовой символики Северной Италии. Эти изображения, вероятно, представляют собой подражание гербам. Два других (центральных) изображения состоят из христограммы и двойной квадратной рамки, в которой просматриваются литеры. В проступающих на прорисовке буквах можно увидеть, с определенной долей вероятности, греческие буквы «дельта» и «ро», третья также может быть принята за прописную форму «дельты». Квадратная рамка, обрамляющая гербовое поле, в геральдическом оформлении известна с XI в. в пределах границ Византии. Она встречается на стягах и штандартах, на каменных и шиферных плитах. Оба последних изображения на нашей плите явно восходят к византийским образцам.

Христограмму, вырезанную на мангупской плите, можно интерпретировать двояко. С одной стороны, она почти копияно повторяет комбинацию, известную под именем монограммы императора Константина I (306-337), составлена двумя первыми буквами слова «Христос», то есть совмещенными буквами «хи» и «ро». С другой стороны, отсутствие закругления в букве «ро» (ее хорошо передает прорись) позволяет эту монограмму отнести к крестам-монограммам, известным под названием «посох пастыря» или «монограмма Спасителя» [36, с. 10]. Подобная монограмма встречается и на монетах императора Константина I, где она получила широкое распространение. Пастушеский посох, верхняя часть которого

загнута вниз, стал образцом начальной формы епископского жезла. В дальнейшем, архиереи Византии награждались «посохом пастыря» только из рук императоров. У левого и правого перекрестия изображены литеры — перевернутая «альфа» и «омега». Христограмма, как христианский символ, активно возвращается в иконописное искусство Византии при императорах династии Палеологов.

Эпиграфическое исследование надгробных памятников некрополя Табана-дере заключалось в снятии с оригиналов прорисей и бумажных оттисков. Графическая фиксация эпитафий была необходима в различных целях. Прежде всего, для определения степени достоверности датировок, тем более, если письмо отдельных текстов представляло трудности в прочтении, а также для всестороннего изучения могильника.

Все тексты надгробий вырезаны внутренним рельефом, глубина которого варьировалась от 0,2 до 1,8 мм. Эпиграфическая коллекция с некрополя в Табана-дере позволила выявить на протяжении всех 300 лет существования кладбища (с середины XV по 70-е гг. XVIII вв.) различные почерки, которыми обладали резчики. Отдельные их образцы пересекались друг с другом и действовали синхронно, но во второй половине XVIII в. наблюдался всего один вариант письма. Видимо, в это время в общине оставался только один человек, который мог исполнять функции резчика.

В корпусе эпитафий некрополя Табана-дере Мангупского городища четко определяются две группы письма — рукописная и печатная формы квадратного еврейского шрифта, который, как отметил М. А. Членов, к VIII в. «уже сформировался и незначительные изменения касаются не структуры, а лишь формы написания отдельных букв» [59]. Однако в распоряжении исследователей наберется едва ли сотня надписей этого времени на еврейском языке, выполненных на камне, включая земли Иудеи, Средиземноморья и Причерноморья [68, № 404; 43, табл. III-VI; 35, с. 417, 425, 428, 443, 718; 19, с. 13-23; 17, с. 55-60; 18, с. 55-79; 23, с. 188-222; 51, с. 9-23; 60, с. 30]. Эпиграфические наблюдения позволяют говорить, что сохраняемый лигатурный графический прием в средние века является своеобразным графическим атавизмом, то есть возвратом к более древнему написанию — соединению письменных знаков в одном или нескольких графемах. В эпиграфике Мангупа ли-

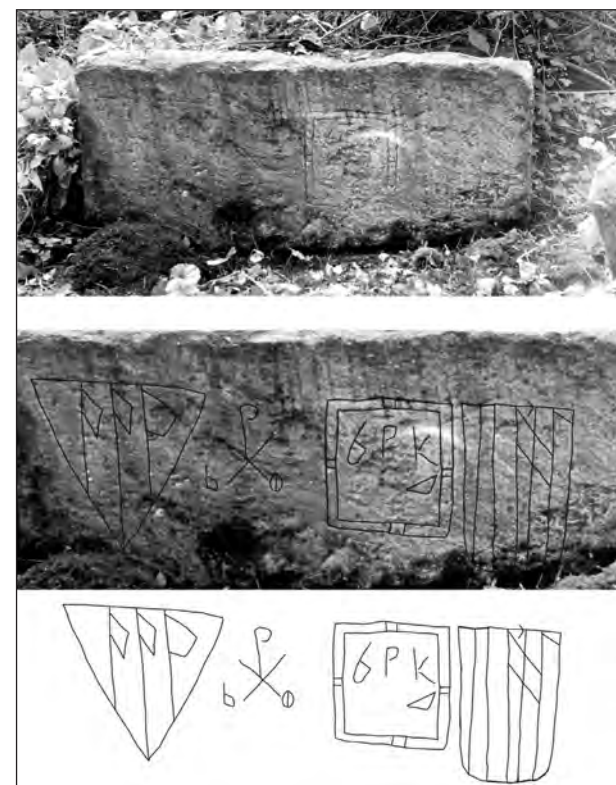

Рис. 1. Надгробие № 84 и прорисовка надписи по фотографии. Фото Н. В. Кашовской

гатура чаще всего употреблялась при передаче сокращенных форм имен и употребляемой формуле «малого счисления». Поэтому здесь наиболее распространенные варианты лигатурного соединения в один знак двух букв (א алеф с ל ламедом) или трех (ל ламед, ע пей, ק коф). Лигатура на камне Мангупа сохраняется при переходе на печатную форму квадратного письма, который стал осуществляться с конца XVI — начала XVII вв.

К датировке эпиграфического корпуса могильника Табана-дере почерки и шрифты надписей имеют самое непосредственное отношение, так как они фиксируют определенные навыки и традицию. На всем протяжении функционирования некрополя можно отметить две группы шрифтов квадратного письма: рукописный (курсив) и печатный. Первая группа более разнообразна и вариативна почерками и техникой резьбы. Можно выделить 15 вариантов рукописных почерков, которые функционировали вплоть до XVIII в. Собранные образцы почерков выделены в сравнительную таблицу, отражающую синхронность и параллельность хождения. Принцип построения таблицы — аналогии в начертании (резьбе) при резко вариантном характере почерка (табл. 2). В первые четыре группы (в таблице группы вариантов обозначены римскими цифрами) объединены почерки надписей, которыми владели со второй половины XV до конца XVI вв. Для них характерны одинаковые приемы и формы букв. Сгруппированные таким образом почерки мастеров-резчиков дают возможность наиболее полно представить как эволюцию почерков, так и отдельно существовавшие различные конкретные формы графем. Это наиболее заметно в традиции начертания букв א алеф, ש шин, מ мем, ל ламед. При различных технических приемах резьбы, глубине рисок (она колебалась от 0,2 до 0,5 мм) и размерах графем (1,5 см на 3,0 см) их общий характер начертания очевиден.

Рис. 2. Известняковый блок с надписью на иврите из кладки стены южной галереи Мангупской базилики и прорисовка надписи по фотографии.
Фото Н. В. Кашовской

К первой группе почерков шрифтов можно отнести и краткую аббревиатурную надпись на строительном блоке в кладке южной стены Мангупской трехнефной базилики: ק'ק'ק'ה', которую можно расшифровать как «святая община Константинополя» (рис. 2).

В целом, исходя из имеющихся эпиграфических данных, можно говорить о функционировании некрополя в ущелье Табана-дере в течение 40-х гг. XV — 70-х гг. XVIII вв. Кроме того, полученные результаты исследований позволяют решить ряд многолетних историографических и источниковедческих проблем, связанных с этим памятником, особенно в отношении ранней истории еврейской общины на Мангупе.

Во-первых, однотипность почерков эпитафии с именем Ефросинии

Рис. 3. Надгробие № 825.
Фото Н. В. Кашовской

Рис. 4. Надгробие № 828.
Фото Н. В. Кашовской

синия (№ 1 по С. М. Дубнову, № 825 по Н. В. Кашовской) с надписью на соседнем надгробии, принадлежащем ее сестре Эстер (№ 828 по Н. В. Кашовской) позволила решить вопрос о датировке каталога Дубнова-Гидалевича (табл. 2; рис. 3-4). Веским и убедительным доказательством нашей датировки надгробия Ефросинии (1456 г.) [20, с. 558-560] служит фотография А. Я. Гидалевича 1912 г. из полевого отчета Р. Х. Лепера. Снимок, выполненный под углом, четко передает весь текст эпитафии и, что особенно важно, формулу даты (рис. 5). К сожалению, в распоряжении С. М. Дубнова была фотография гораздо худшего качества, о чем он упоминал в своей статье, что и могло ввести исследователя в заблуждение относительно датировки надгробия.

Во-вторых, стиль и язык эпитафий снимает вопрос разночтений датировок по хроностихам. Один из самых ярких примеров — надгробия Ицхака бен Илиягу (№ 2 по «Авне Зиккарон» А. С. Фирковича, № 673 по Н. В. Ка-

Рис. 5. Надгробие Ефросинии (№ 825).
Фото из Отчета Р. Х. Лепера 1912 г.

Рис. 6. Надгробие № 673.
Фото Н. В. Кашовской

Рис. 7. Надгробие № 674.
Фото Н. В. Кашовской

170 лет. Когда разночтения столь значительны, дополнительными аргументами для точности датировки надписи выступают стиль и почерк вырезанного посвятельного стиха. На этих двух надгробиях (Моше и Авраама) почерки надписей не только синхронны, но и оставлены рукой одного и того же мастера, что по-

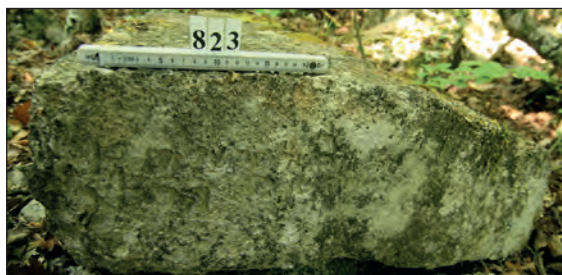

Рис. 8. Надгробие № 823.
Фото Н. В. Кашовской

зволяет говорить о принадлежности могил к одному семейному гнезду. Еще одним аргументом в пользу нашей датировки является бумажный оттиск с надгробия Моше из коллекции эстампажей, недавно обнаруженной в рукописном фонде Института восточных рукописей РАН [26, с. 109-115]. Оттиски были сняты с семи надгробий из Табана-дере А. Я. Гидалевичем в ходе полевых работ 1912-1913 гг. В это время, безус-

ловно, степень сохранности памятника была намного лучше, и бумажный оттиск смог передать не только глубину насечек зубила, стеки, но и все естественные каверны камня. Оттиск позволяет безошибочно прочитать и датировать текст эпитафии. Оба интересующих нас надгробия находятся среди памятников, относящихся к 5230-50-м гг. по эре Творения (70-90-е гг. XV в.).

В-третьих, эпитафия Авраама из семейства Моше (№ 849 по Н. В. Кашовской), недавно пополнившая каталог [22, с. 63-71], разрешила вопрос датировки надгробия самого Моше (рис. 9-10). О времени надгробия Моше бен Ицхака (№ 848 по Н. В. Кашовской) не было единого мнения прежде. Дату 1274 г. (5034 г.) принял П. И. Кеппен в своем «Крымском сборнике» [27, с. 29] и А. С. Фиркович в «Авне-Зиккарон» [54, с. 213]. По результатам наших обследований, памятник может быть отнесен к 1444 г. (5204 г.) [21, с. 475-478; 22, с. 63-71]. Как видно, разница в датировках составляет

170 лет. Когда разночтения столь значительны, дополнительными аргументами для точности датировки надписи выступают стиль и почерк вырезанного посвятельного стиха. На этих двух надгробиях (Моше и Авраама) почерки надписей не только синхронны, но и оставлены рукой одного и того же мастера, что по-

Рис. 9. Надгробие № 849. Фото Н. В. Кашовской

проведенные исследования некрополя в балке Табана-дере позволили, наконец, решить главную научную проблему — установление времени появления иудейской общины на Мангупе. Ее первоначальное ядро составили 4-5 семейств из еще византийского христианского Константинополя, которые перебрались в столицу княжества Феодоро при его последних правителях. Видимо, это были евреи-романоты, среди которых находились уже упомянутые сестры Ефросиния и Эстер, и Моше с Авраамом, сыновья Ицхака. Это переселение происходило, очевидно, в 30-40-е гг. XV в.

Иудейская община Мангупа, история которой началась в середине XV в., жила, отнюдь, не замкнуто. Она имела активные контакты в пределах Османской империи и Крымского ханства, что зафиксировано в эпитафиях надгробий кладбища. Тесные связи проявились и в многообразии архитектурных форм и типов надгробных памятников. Традиции местной камнерезной школы живо откликнулись на привнесенные орнаментальные и декоративные образцы и, в сочетании с графикой еврейского языка, придали особый художественный колорит иудейскому некрополю Мангупского городища.

Рис. 10. Надгробие № 848.
Фото Н. В. Кашовской

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андриевский И. С. Развалины Мангупа // Одесский альманах на 1840 г. Одесса, 1839. 652 с.
2. Д'Асколи Эмиддио Дортелли. Описание Чёрного моря и Татари, составил доминиканец префект Каффы, Татари и проч. 1634 // ЗООИД. 1902. Т. XXIV. С. 89-180.
3. Бармина Н. И. Мангупская базилика: от возникновения до разрушения // Россия — Крым — Балканы: диалог культур. Материалы Международной научной конференции. Екатеринбург, 2004. С. 263-265.
4. Боплан Гийом де Левассер. Описание Украины. М.: Древлехранилище, 2004. 576 с.
5. Бороздин И. Н. Солхат // Новый Восток. М., 1926. № 6. С. 45-52.
6. Браун Ф. А. Отчет об археологических раскопках в 1890 г. // Архив ИИМК РАН. Ф. 1. Д. 40/1890.
7. Вайсенберг С. Исторические Гнезда Крыма и Кавказа // Еврейская старина. СПб., 1913. Т. 6. С. 51-69.

8. Васютинская Д. А. Когда авторское право было другим: Авраам Фиркович и Rehabilitation отца русской габраистики Даниила Хвольсона // Материалы Десятой ежегодной международной междисциплинарной конференции по иудаике. М., 2003. Ч. 1. С. 367-377.
9. Вихнович В. В. Караим Авраам Фиркович. СПб.: Академия исследования культуры, 2012. 368 с.
10. Герцен А. Г. Крепостной ансамбль Мангупа // МАИЭТ. 1990. Вып. I. С. 88-271.
11. Герцен А. Г. Археологические исследования караимских памятников в Крыму // МАИЭТ. 1998. Вып. VI. С. 744-751.
12. Даньшин Д. И. Фанагорийская община иудеев // ВДИ. 1993. № 1. С. 59-73.
13. Даркевич В. П. Связи Восточной Европы со странами Азии и Византии в IX-XIII вв. М.: Наука, 1976.
14. Драчук В. С. Системы знаков Северного Причерноморья. Киев: Наукова думка, 1975. 176 с.
15. Дубнов С. М. Историческая тайна Крыма. I. Периоды крымской истории // Еврейская старина. Петроград, 1914. Т. V. С. 1-21.
16. Кашаев С. В., Кашовская Н. В. Две надгробные плиты из станицы Вышестеблиевской близ Тамани // Боспорский феномен: греческая культура на периферии античного мира. Материалы международной научной конференции. СПб., 1999. С. 332-337.
17. Кашаев С. В., Кашовская Н. В. Камни и надписи Боспора // Восточная коллекция. М.: Российская государственная библиотека, 2006. С. 55-60.
18. Кашаев С. В., Кашовская Н. В. Иудейская диаспора на Боспоре по данным археологии // ARCHEOLOGIA ABRHAMICA. Исследования в области археологии и художественной традиции иудаизма, христианства и ислама. М.: Индрик, 2009. С. 55-79.
19. Кашовская Н. В., Кашаев С. В. Иудеи на Боспоре (археологический контекст) // Материалы Тринадцатой ежегодной международной междисциплинарной конференции по иудаике. М., 2004. С. 14-23.
20. Кашовская Н. В. Заметки по иудейской эпиграфике Мангупа // МАИЭТ. 2003. Вып. X. С. 556-561.
21. Кашовская Н. В. О надгробной плите из «Крымского сборника» П. И. Кеппена // МАИЭТ. 2007. Вып. XIII. С. 475-482.
22. Кашовская Н. В. Об одной надгробной плите из «Крымского сборника» П. И. Кеппена. Историографические заметки // Проблемы еврейской истории. М., 2008. С. 63-71.
23. Кашовская Н. В. Иудейский прозелитизм на Боспоре: иранцы в иудейской общине // Українська орієнталістика. Київ, 2011. С. 188-222.
24. Кашовская Н. В. Корпус эпитафий иудейского кладбища Мангуп-Кале как исторический источник. Завершение систематизации эпитафий и обобщение результатов исследования // Труды Государственного музея истории религии. СПб., 2013. Вып. 13. С. 250-276, 317-334.
25. Кашовская Н. В. Иудеи в историческом пространстве Дагестана (из опыта каталогизации еврейских надгробных памятников Южного Дагестана) // Кавказ: перекресток культур. СПб., 2015. С. 97-116.
26. Кашовская Н. В. Эстампажи средневековых еврейских надгробных текстов некрополя Мангуп (Крым) А. Я. Гидалевича из фондов ИВР РАН // Ученые записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. Серия «Исторические науки». Симферополь, 2016. Т. 2(68). № 1. С. 100-116.
27. Кеппен П. И. Крымский сборник: о древностях южного берега Крыма и гор Таврических. СПб.: Императорская Академия наук, 1837. 409 с.
28. Кизилов М. Б. Караимские некрополи Чуфут-Кале и Мангупа по описаниям путешественников и ученых XVIII-XIX вв. // Материалы Восьмой ежегодной международной междисциплинарной конференции по иудаике. М., 2001. Ч. 1. С. 191-205.
29. Кизилов М. Б. Крымские «пещерные города» по описанию Е. Скимунта (Поята) // МАИЭТ. 2002. Вып. IX. С. 543-548.
30. Кизилов М. Б. Крымская Готия. Симферополь, 2015. 351 с.

31. Кокизов Ю. Д. Сорок четыре надгробных памятника. СПб.: Тип. И. Лурье и К°, 1910. 48 с.
32. Кондараки В. Х. Мангуп-Кале // ЗООИД. 1872. Т. VIII. С. 419-426.
33. Кондараки В. Х. Универсальное описание Крыма. СПб.: Тип. В. Виллинг, 1875. Ч. 15. 235 с.
34. Кондараки В. Х. В память столетия Крыма. М.: Тип. В. В. Чичерина, 1883. Т. 2. 277 с.
35. Корпус Боспорских надписей. М.-Л.: Наука, 1965. 951 с.
36. Кузнецов В. П. История развития формы креста. Краткий курс православной ставрографии // Жизнь вечная. М., 1997. 40 с.
37. Куник А. Тохтамыш и Фиркович // Приложение к XXVII тому ЗАН. СПб., 1876. № 3. С. 4-17.
38. Лепер Р. Х. Археологические исследования на Мангупе в 1912 г. // ИАК. 1913. № 47. С. 146-254.
39. Лепер Р. Х. Сообщение Лепера Р. Х. о раскопках на Мангупе 1913 г. // ИТУАК. 1914. Вып. 51. С. 297-300.
40. Леви-Бобович Т. С. Очерк возникновения караимизма. Севастополь, 1913. 98 с.
41. Левинская И. А. Чтющие Бога Высочайшего // Этюды по античной истории и культуре Северного Причерноморья. СПб., 1992. С. 129-145.
42. Левинская И. А. Деяния апостолов на фоне еврейской диаспоры. СПб.: Логос, 2000. 351 с.
43. Люценко А. Е. Древние еврейские надгробные памятники, открытые в насыпях фанагорийского городища // Труды III Международного съезда ориенталистов. СПб., 1876. Т. 1.
44. Марков Е. Л. Очерки Крыма. СПб.: Таврия, 1995. 543 с.
45. Маркевич А. И. Таврическая губерния во время Крымской войны. По архивным материалам. Симферополь: Бизнес-Информ, 1994. 179 с.
46. Марти Ю. Ю. Новые эпиграфические памятники Боспора // ИГАИМК. М.-Л., 1934. С. 57-89.
47. Михневич И. О Еврейских манускриптах, хранящихся в музее Одесского Общества Истории и Древностей. Одесса, 1848. Т. 2. С. 47-77.
48. Паллас П. С. Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным наместничествам Русского государства в 1793-1794 годах. М.: Наука, 1999. 249 с.
49. Паршина Е. А. Эски-Керменская базилика // Архитектурно-археологические исследования в Крыму. Киев: Наукова думка, 1988. С. 36-59.
50. Полное географическое описание нашего Отечества. Настольная и дорожная карта. Новороссия и Крым / под ред. В. П. Семенова-Тянь-Шанского. СПб., 1910. Т. XIV. 982 с.
51. Соломоник Э. И. Древнейшие еврейские поселения и общины в Крыму // Евреи Крыма. Очерки истории. Симферополь-Иерусалим: Мосты, 1997. С. 9-23.
52. Старкова К. Б. Рукописи коллекции А. С. Фирковича в ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина // Письменные памятники Востока. Ежегодник. 1970 г. М., 1974. С. 165-192.
53. Федорчук А. М. Находки и загадки Авраама Фирковича // Восточная коллекция. М.: Российская государственная библиотека, 2006. С. 77-88.
54. Фиркович А. С. Сефер Авне-Зиккарон. Вильно, 1872. (на иврите) שנתחל"בלפ"ק. ספר אבני זכרון. Сборник надгробных еврейских надписей на Крымском полуострове, собранных ученым караимом Авраамом Фирковичем. Ч. I. Надгробные надписи. Ч. II. Описание путешествий автора. Вильна (Вильнюс), 1872.
55. Фиркович М. Я. Старинный караимский городок Кале. Вильна: Тип. И. Ционсона, 1907. 48 с.
56. Хвольсон Д. А. Восемнадцать еврейских надписей. СПб.: Тип. М. Эттингера, 1866. 188 с.
57. Хвольсон Д. А. Еврейские древности в Крыму // Труды Первого Археологического съезда в Москве 1869 г. М., 1871. Т. II. С. 853-860.
58. Хвольсон Д. А. Сборник еврейских надгробных надписей, содержащие надгробные надписи из Крыма и другие надгробные надписи из иных мест, в древнем еврейском квадратном шрифте, также образцы шрифтов из рукописей от IX-XV столетия. СПб.: Императорская Академия наук, 1884. 528 с.

59. Членов М. А. Введение в грамматику [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.hebrew.su/heb/organizations/universities/Maimonides/Programs/grammatologia>.
60. Шапира Д. Евреи в Северном Причерноморье от древности до раннего средневековья. Мангуп // История еврейского народа в России. М.-Иерусалим, 2010. Т. I.
61. Шкорпил В. В. Надгробные надписи, приобретенные Мелик-Чесменским музеем в 1899 году // ЗООИД. 1900. Т. XXII. С. 58-65, 101-108.
62. Штрак Г. М., Гаркави А. Я. О коллекции восточных рукописей А. С. Фирковича, находящихся в Чуфут-Кале // ЖМНП. 1875. № 3. С. 5-49.
63. Юсупов Г. В. Введение в болгаро-татарскую эпиграфику. М.-Л., 1960. 322 с.
64. Яйленко В. П. Материалы по Боспорской эпиграфике // Надписи и языки древней Малой Азии, Кипра и Античного Северного Причерноморья. М., 1987. С. 4-199.
65. Яценко С. А. Знаки-тамги ираноязычных народов древности и раннего средневековья. М.: Восточная литература, 2001. С. 3-187.
66. Dunlop D. M. The History of the Jewish Khazars. New-York, 1954. 294 p.
67. Harkavi A. Altjüdische Denkmäler aus der Krim, mitgetheilt von Abraham Firkowitsch (1839-1872). S-Peterburg, 1876. 254 s.
68. Latyshev V. Inscriptiones orae septentrionalis Ponti Euxini graecae et latinae. Petropoli, 1916. 594 s.

REFERENCES

1. Andrievskij I. S. Razvaliny Mangupa. *Odesskij al'manah na 1840 g.*, Odessa, 1839, 652 p.
2. D'Askoli Emiddio Dortelli. Opisanie Cevornogo morya i Tatarii, sostavil dominikanec prefekt Kaffy, Tatarii i proch. 1634. *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostei*, 1902, T. XXIV, pp. 89-180.
3. Barmina N. I. Mangupskaya bazilika: ot vozniknoveniya do razrusheniya. *Materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii "Rossiya — Krym — Balkany: dialog kul'tur"*, Ekaterinburg, 2004, pp. 263-265.
4. Boplan Gijom de Levasser. *Opisanie Ukrainy*. Moscow, Drevlekhranilishche Publ., 2004, 576 p.
5. Borozdin I. N. Solhat. *Novyy Vostok*, Moscow, 1926, No. 6, pp. 45-52.
6. Braun F. A. Otchet ob arheologicheskikh raskopkakh v 1890 g. *Arhiv Instituta istorii material'noi kul'tury Rossijskoi akademii nauk*. F. 1. D. 40/1890.
7. Vajsenberg S. Istoricheskie Gnezda Kryma i Kavkaza. *Evrejskaya starina*, S-Petersburg, 1913, T. 6, pp. 51-69.
8. Vasyutinskaya D. A. Kogda avtorskoe pravo bylo drugim: Avraam Firkovich i Rhabilitation otca russkoj gebraistiki Daniila Hvol'sona. *Materialy X ezhegodnoj mezhdunarodnoj mezhdisciplinarnej konferencii po iudaïke*, Moscow, 2003, Part 1, pp. 367-377.
9. Vihnovich V. V. *Karaim Avraam Firkovich*. S-Petersburg, Akademiya issledovaniya kul'tury Publ., 2012, 368 p.
10. Gercen A. G. Krepostnoj ansambl' Mangupa. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol, 1990, vol. I, pp. 88-271.
11. Gercen A. G. Arheologicheskie issledovaniya karaimskih pamyatnikov v Krymu. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol, 1998, vol. VI, pp. 744-751.
12. Dan'shin D. I. Fanagorijskaya obshchina iudeev. *Vestnik drevnei istorii*, 1993, No. 1, pp. 59-73.
13. Darkevich V. P. *Svyazi Vostochnoj Evropy so stranami Azii i Vizantii v IX-XIII vv.* Moscow, Nauka Publ., 1976.
14. Drachuk V. S. *Sistemy znakov Severnogo Prichernomor'ya*. Kiev, Naukova dumka Publ., 1975, 176 p.
15. Dubnov S. M. Istoricheskaya tajna Kryma. I. Periody krymskoj istorii. *Evrejskaya starina*, Petrograd, 1914, T. V, pp. 1-21.
16. Kashaev S. V., Kashovskaya N. V. Dve nadgrobnye plity iz stanicy Vyshesteblijevskoj bliz Tamani. *Materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii "Bosporskij fenomen: grecheskaya kul'tura na periferii antichnogo mira"*, S-Petersburg, 1999, pp. 332-337.
17. Kashaev S. V., Kashovskaya N. V. Kamni i nadpisi Bospora. *Vostochnaya kollekciya*, Moscow, Rossijskaya gosudarstvennaya biblioteka Publ., 2006, pp. 55-60.

18. Kashaev S. V., Kashovskaya N. V. Iudejskaya diaspora na Bospore po dannym arheologii. *ARCHEOLOGIA ABRHAMICA. Issledovaniya v oblasti arheologii i hudozhestvennoj tradicii iudaizma, hristianstva i islama*, Moscow, Indrik, 2009, pp. 55-79.
19. Kashovskaya N. V., Kashaev S. V. Iudei na Bospore (arheologicheskij kontekst). *Materialy XIII ezhegodnoj mezhdunarodnoj mezhdisciplinarnej konferencii po iudaïke*, Moscow, 2004, pp. 14-23.
20. Kashovskaya N. V. Zametki po iudejskoj ehpiografike Mangupa. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol, 2003, vol. X, pp. 556-561.
21. Kashovskaya N. V. O nadgrobnoj plite iz «Krymskogo sbornika» P. I. Keppena. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol, 2007, vol. XIII, pp. 475-482.
22. Kashovskaya N. V. Ob odnoj nadgrobnoj plite iz «Krymskogo sbornika» P. I. Keppena. *Istoriograficheskie zametki. Problemy evrejskoj istorii*, Moscow, 2008, pp. 63-71.
23. Kashovskaya N. V. Iudejskij prozelitizm na Bospore: irancy v iudejskoj obshchine. *Ukrains'ka orientalistika*, Kiïv, 2011, pp. 188-222.
24. Kashovskaya N. V. Korpus ehpitafij iudejskogo kladbishcha Mangup-Kale kak istoricheskij istochnik. Zavershenie sistematizacii ehpitafij i obobshchenie rezul'tatov issledovaniya. *Trudy Gosudarstvennogo muzeia istorii religii*, S-Petersburg, 2013, vol. 13, pp. 250-276, 317-334.
25. Kashovskaya N. V. Iudei v istoricheskom prostranstve Dagestana (iz opyta katalogizacii evrejskikh nadgrobnykh pamyatnikov Yuzhnogo Dagestana). *Kavkaz: perekrestok kul'tur*, S-Petersburg, 2015, pp. 97-116.
26. Kashovskaya N. V. Estampazhi srednevekovykh evrejskikh nadgrobnykh tekstov nekropolya Mangup (Krym) A. YA. Gidalevicha iz fondov IVR RAN. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta V. I. Vernadskogo. Seriya «Istoricheskie nauki»*, Simferopol, 2016, T. 2(68), No. 1, pp. 100-116.
27. Keppen P. I. *Krymskij sbornik: o drevnostyakh yuzhnogo berega Kryma i gor Tavricheskikh*. S-Petersburg, Imperatorskaya Akademiya nauk Publ., 1837, 409 p.
28. Kizilov M. B. Karaimskie nekropoli Chufut-Kale i Mangupa po opisaniyam puteshestvennikov i uchenykh XVIII-XIX vv. *Materialy VIII ezhegodnoj mezhdunarodnoj mezhdisciplinarnej konferencii po iudaïke*, Moscow, 2001, Part 1, pp. 191-205.
29. Kizilov M. B. Krymskie «peshchernye goroda» po opisaniyu E. Skimunta (Poyata). *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol, 2002, vol. IX, pp. 543-548.
30. Kizilov M. B. *Krymskaya Gotiya*. Simferopol, 2015, 351 p.
31. Kokizov Yu. D. *Sorok chetyre nadgrobnykh pamyatnika*. S-Petersburg, I. Lur'e i K° Publ., 1910, 48 p.
32. Kondaraki V. H. Mangup-Kale. *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostei*, 1872, T. VIII, pp. 419-426.
33. Kondaraki V. H. *Universal'noe opisanie Kryma*. S-Petersburg, V. Villing Publ., 1875, Part 15, 235 p.
34. Kondaraki V. H. *V pamyat' stoletiya Kryma*. Moscow, V. V. Chicherin Publ., 1883, T. 2, 277 p.
35. *Korpus Bosporskikh nadpisej*. Moscow, Leningrad, Nauka Publ., 1965, 951 p.
36. Kuznecov V. P. Istoriya razvitiya formy kresta. Kratkij kurs pravoslavnoj stavrografii. *Zhizn' vechnaya*, Moscow, 1997, 40 p.
37. Kunik A. Tohtamyshech i Firkovich. *Zapiski Imperatorskoi Akademii nauk, Prilozhenie k XXVII tomu*, S-Petersburg, 1876, No. 3, pp. 4-17.
38. Leper R. H. Arheologicheskie issledovaniya na Mangupe v 1912 g. *Izvestiia Arkheologicheskoi Komissii*, 1913, No. 47, pp. 146-254.
39. Leper R. H. Soobshchenie Lepera R. H. o raskopkakh na Mangupe 1913 g. *Izvestiia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii*, 1914, vol. 51, pp. 297-300.
40. Levi-Bobovich T. S. *Ocherk vozniknoveniya karaimizma*. Sevastopol, 1913, 98 p.
41. Levinskaya I. A. Chtyashchie Boga Vysochajshego. *Etyudy po antichnoj istorii i kul'ture Severnogo Prichernomor'ya*, S-Petersburg, 1992, pp. 129-145.
42. Levinskaya I. A. Deyaniya apostolov na fone evrejskoj diaspory. S-Petersburg, Logos Publ., 2000, 351 p.

43. Lyucenko A. E. Drevnie evrejskie nadgrobnye pamyatniki, otkrytye v nasypyah fanagorijskogo gorodishcha. *Trudy III Mezhdunarodnogo s'ezda orientalistov*, S-Petersburg, 1876, T. 1.
44. Markov E. L. *Ocherki Kryma*. S-Petersburg, Tavriya Publ., 1995, 543 p.
45. Markevich A. I. *Tavricheskaya guberniya vo vremya Krymskoj vojny. Po arhivnym materialam*. Simferopol, Biznes-Inform Publ., 1994, 179 p.
46. Marti Yu. Yu. Novye ehpigraficheskie pamyatniki Bospora. *Izvestiia Gosudarstvennoi Akademii istorii material'noi kul'tury*, Moscow, Leningrad, 1934, pp. 57-89.
47. Mihnevich I. *O Evrejskih manuskriptah, hranyashchihsya v muzeume Odesskogo Obshchestva Istorii i Drevnostej*. Odessa, 1848, T. 2, pp. 47-77.
48. Pallas P. S. *Nablyudeniya, sdelaynye vo vremya puteshestviya po yuzhnym namestnichestvam Russkogo gosudarstva v 1793-1794 godah*. Moscow, Nauka Publ., 1999, 249 pp.
49. Parshina E. A. Eski-Kermenskaya bazilika. *Arhitekturno-arheologicheskie issledovaniya v Krymu*, Kiev, Naukova dumka Publ., 1988, pp. 36-59.
50. Semenov-Tyan'-Shanskii V. P. (Ed.). *Polnoe geograficheskoe opisanie nashego Otechestva. Nastol'naya i dorozhnaya karta. Novorossiya i Krym*. S-Petersburg, 1910, T. XIV, 982 p.
51. Solomonik E. I. Drevnejšie evrejskie poseleniya i obshchiny v Krymu. *Evrei Kryma. Ocherki istorii*, Simferopol, Ierusalim, Mosty Publ., 1997, pp. 9-23.
52. Starkova K. B. Rukopisi kollekci A. S. Firkovicha v GPB im. M. E. Saltykova-Shchedrina. *Pis'mennye pamyatniki Vostoka. Ezhegodnik. 1970 g.*, Moscow, 1974, pp. 165-192.
53. Fedorchuk A. M. Nahodka i zagadki Avraama Firkovicha. *Vostochnaya kollekciya*, Moscow, Rossijskaya gosudarstvennaya biblioteka Publ., 2006, pp. 77-88.
54. Firkovich A. S. *Sefer Avne-Zikkaron* (ויילנא שנתתרל"בלפ"ק, ספר אבני זכרון). Vilno, 1872.
55. Firkovich M. Ya. *Starinnyj karaïmskij gorodok Kale*. Vilno, I. Cionson Publ., 1907, 48 p.
56. Hvol'son D. A. *Vosemnadcat' evrejskih nadpisej*. S-Petersburg, M. Ettinger Publ., 1866, 188 p.
57. Hvol'son D. A. Evrejskie drevnosti v Krymu. *Trudy Pervogo Arheologicheskogo s'ezda v Moskve 1869 g.* Moscow, 1871, T. II, pp. 853-860.
58. Hvol'son D. A. *Sbornik evrejskih nadgrobnih nadpisej, soderzhashchie nadgrobnye nadpisi iz Kryma i drugie nadgrobnye nadpisi iz inyh mest, v drevnem evrejskom kvadratnom shrifte, takzhe obrazcy shriftov iz rukopisej ot IX-XV stoletiya*. S-Petersburg, Imperatorskaya Akademiya nauk Publ., 1884, 528 p.
59. Chlenov M. A. *Vvedenie v grammatologiyu*. URL: <http://www.hebrew.su/hebrew/organizations/universities/Maimonides/Programs/grammatologia>.
60. Shapira D. *Evrei v Severnom Prichernomor'e ot drevnosti do rannego srednevekov'ya. Mangup. Istorija evrejskogo naroda v Rossii*, Moskva, Ierusalim, 2010, T. I.
61. Shkorpil V. V. Nadgrobnye nadpisi, priobretennye Melik-Chesmenskim muzeem v 1899 godu. *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostej*, 1900, T. XXII, pp. 58-65, 101-108.
62. Shtrak G. M., Garkavi A. Ya. O kollekci vostochnyh rukopisej A. S. Firkovicha, nahodyashchihsya v Chufut-Kale. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniia*, 1875, No. 3, pp. 5-49.
63. Yusupov G. V. *Vvedenie v bulgaro-tatarskuyu ehpigrafiku*. Moscow, Leningrad, 1960, 322 p.
64. Yajlenko V. P. Materialy po Bosporskoj ehpigrafike. *Nadpisi i yazyki drevnej Maloj Azii, Kipra i Antichnogo Severnogo Prichernomor'ya*, Moscow, 1987, pp. 4-199.
65. Yacenko S. A. *Znaki-tamgi iranoyazychnyh narodov drevnosti i rannego srednevekov'ya*. Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 2001, pp. 3-187.
66. Dunlop D. M. *The History of the Jewish Khazars*. New-York, 1954, 294 p.
67. Harkavi A. *Altjüdische Denkmäler aus der Krim, mitgetheilt von Abraham Firkowitsch (1839-1872)*. S-Peterburg, 1876, 254 p.
68. Latyshev V. *Inscriptiones orae septentrionalis Ponti Euxini graecae et latinae*. Petropoli, 1916, 594 p.

Кашовская Н. В.

К итогам изучения караимского некрополя в ущелье Табана-дере (Мангуп): проблемы хронологии и периодизации

Резюме

На протяжении ряда полевых сезонов (1990-1995, 2005-2010 гг.) на иудейском некрополе Мангула были проведены работы с целью максимального обнаружения уцелевших надгробий, их паспортизации, топографической фиксации, составления каталога надписей и определения их датировки. На могильнике обнаружено и зафиксировано 1008 надгробных памятников, из которых 228 надгробий снабжены текстами. Изучение эпитафий позволило определить общую хронологию могильника Табана-дере и период пребывания иудейской общины на Мангупе — 40-е гг. XV — 70-е гг. XVIII вв.

Еще один важный вывод касается состава первоначальной иудейской общины на городище и исходного района ее миграции. Ядро общины составили 4-5 семейств евреев-романиотов, переселение которых происходило в 30-40-е гг. XV в. из византийского Константинополя в столицу княжества Феодоро.

Ключевые слова: Мангуп-Кале, Чуфут-Кале, Константинополь, Табана-дере, иудеи, евреи, караимы, кладбище, некрополь, могильник, надгробный камень, эпитафия, эстампаж.

Kashovskaia N. V.

On the Results of the Study of the Karaite Cemetery in Tabana-Dere Ravine: The Aspects of Chronology and Periodization

Summary

During a few field seasons (1990-1995, 2005-2010), the aim of our works on the Jewish cemetery of Mangup was to discover as much intact tombstones as possible, to supply them with documents, to record their topography, to catalogue the inscriptions, and to determine their chronology. In this cemetery, we have discovered and recorded 1,008 tombstones, 228 of which were inscribed. The study of the epitaphs made it possible to determine the general chronology of the Tabanf-Dere burial ground and the period when the Jewish community lived in Mangup as the 1440s to 1770s AD.

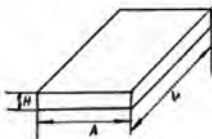
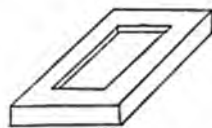
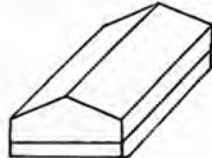
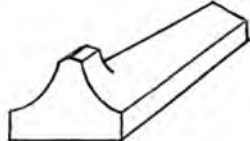
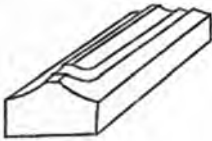
Another important conclusion concerns the composition of the original Jewish community residing in the city and the area whence it came to the Crimea. The core of the community comprised four or five families of the Romaniote Jews, who migrated from Byzantine Constantinople to the Theodoro principality capital in the 1430s-1440s.

Keywords: Mangup-Kale, Chufut-Kale, Constantinople, Tabana-Dere, Jews, Karaites, cemetery, necropolis, burial, tombstone, epitaph, squeeze.

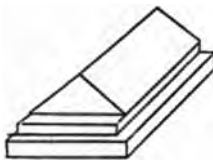
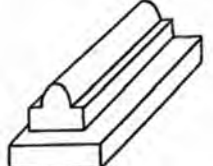
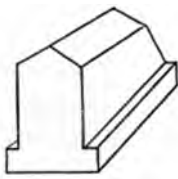
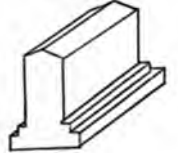
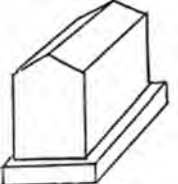
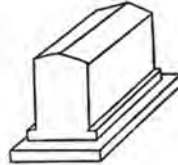
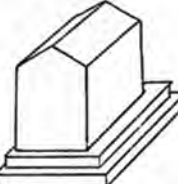
Приложения

Таблица 1.

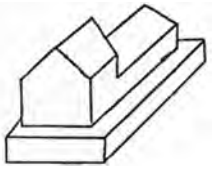
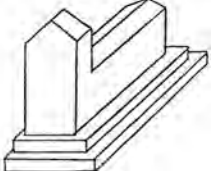
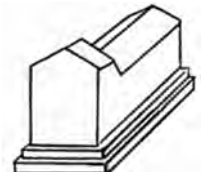
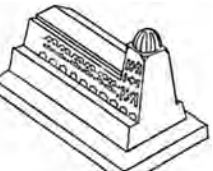
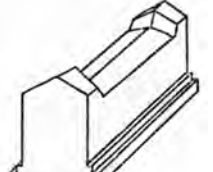
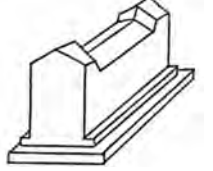
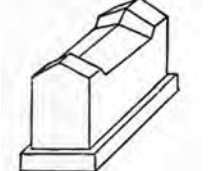
Архетипы надгробий некрополя Табана-Дере

№ по п/п	ТИПОЛОГИЯ				
	Тип	модель	габариты		
			Н	А	Л
1	4	5	6	7	8
1	2	3	4	5	6
1	A		30.56	48.9	138.84
	Aa		90	62.0	81.0
2	B Ba Bb Bc Bd		67.0	37.0	120.0
			59.0	36.0	9.0
			10.0	61.0	174.0
			60.0	37.0	10.0
			24.0	62.0	165.0
			89.0	42.0	16.3
3	C		34.49	41.63	138.8
	Ca		66.0	46.0	182.0
	Cb		67.0 75.0	40.0 37.0	174.0 174.0

Продолжение таблицы 1.

1	2	3	4	5	6
	Cc		46.0 41.0	68.0 69.0	180.0 162.0
	Cd		36.0 50.0	55.0 56.0	120.0 134.0
4	D		63.0	41.0	133.2
	Da		56.0	50.0	100.0
	Db		52.0 49.0	37.0 42.0	110.0 133.2
	Dc		50.0	40.0	140.0
	Dd		40.0 64.0	30.0 69.0	160.0 180.0

Продолжение таблицы 1.

1	2	3	4	5	6
5	F		57.0	66.5	202.0
	Fa		49.3	58.17	130.4
	Fb		53.0 48.0	33.0 23.0	102.0 103.0
	Fc		53.0	74.0	136.0
6	G		72.0 66.0 60.0	50.5 48.0 48.0	144.1 117.0 76.0
	Ga		63.0 70.0 68.0 57.0	38.0 30.0 37.0 66.0	130.0 125.0 144.0 168.0
	Gb		48.61	32.58	101.6

Окончание таблицы 1.

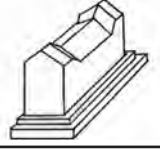
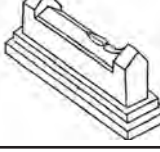
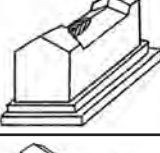
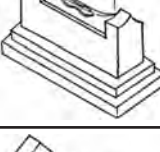
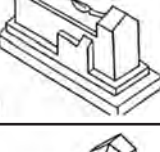
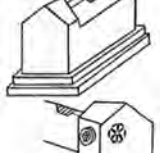
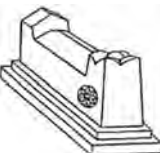
1	2	3	4	5	6
	Gc		59.8	44.5	130.8
	Gd		66.0	36.0	143.0
	Ge		52.0 53.0 75.0 44.0	50.0 40.0 35.0 45.0	130.0 122.5 98.0 108.0
	Gf		70.0	48.0	158.0
	Gg		73.0	50.0	164.0
	Gh		48.0 66.0 63.0	45.0 30.0 50.0	134.0 120.0 132.0
	Gi		57.0	75.0	165.0
	Gk		57.0	76.0	207.0

Таблица 2.

Продолжение таблицы 2.

Шрифты эпитафий (надгробных текстов) некрополя Табана-Дере

Парал- лели	Эпитафия (прорись)	Эпитафия (текст)	№ по топографии	№ по каталогу	груп- па
1	2	3	4	5	6
I					
840, 848		1 מצבת קבור[ת] 2 אפרוסיני בת 3 יוסף שנת 4 ה'ר"ט"ז	825	6	
825, 848		1 מצבת קבורת 2 חנה בת של [וס] 3 נ"ע בשנת ה'ר"ט"ז 4 ליצירה [ת] (נצבה)	840	4	
825, 840		1 זה 2 זה הקבר של 3 משה בן 4 יצחק שנת 5 ה'ר"ד ליצירה 6 שלום	848	1	
II					
823, 821		1 מצבת קבר 2 אסטר בת [לר] 3 יוסף שנת ה'ר"ט"ז	823	9	
821, 828		1 זה הקבר של שר שלום בן 2 מושה שנת ה'ר"ל"א	821	2	

1	2	3	4	5	6
823, 828		1 זה הקבר מצבת 2 קבורת של שמו[אל] 3 [בר] משה[ן] שנת ה'ר"ט"ז 4 ליצירה ת'נצ'בה	821	2	
III					
748, 742, 849		1 וזה קבורת מרת מנ[...] 2 בת נחמן[ן] שנת הרלה	752	11	
742, 752, 849		1 קבורת מרת חנה [בת] 2 שבת[ת] בשנת הרלז	748	15	
748, 752, 849		1 אלו 2 חנוכה 3 חללו	742	12	
742, 748, 752		1 וזה הקבר של אברהם 2 בן משה שנת 3 ה'ר"ל"ז ליצירה	849	14	
IV					
724, 755, 802		1 וזה הקבר של ר' יאשיהו בן 2 ר' מרדכי שנת ה'ר"ל"ח 3 ליצירה	851	8	
724, 755, 851		1 וזה הקבר של ר' מרדכי בן 2 ר' יאשיהו שנת הרסא 3 ליצירה העולם	802	17	
755, 802, 851		1 וזה הקבר של אהרן שנת 2 הרסב ליצירה 3 העולם	724	18	
724, 802, 851		1 זה הקבר [של מרת] אסתר בת משה 2 שנת הרע[ן] ליצירה העולם	755	19	

Продолжение таблицы 2.

1	2	3	4	5	6
V					
660, 663, 657, 687	מצבת קבורת משה ב'ר' משה שנת ה'תנ"ב	1. מצבה 2. קבורת שב[ת] 3. ב'ר' משה 4. שנת ה'תנ"ב 5. [תנ"ב]	662	25	
660, 663, 657, 687	מצבת קבורת משה ב'ר' משה שנת ה'תנ"ב	1. זאת המצבה קבורת צדוק 2. ז'ל' כ'ר' שבת[ן] שנת השנו 3. תנצב	663	56	
662, 663, 657, 687	מצבת קבורת משה ב'ר' משה שנת ה'תנ"ב	1. מצבת 2. קבורת חנה 3. ב'ר' משה 4. שנת ה'תנ"ב 5. תנ"ב	660	26	
660, 662, 663, 687	מצבת קבורת משה ב'ר' משה שנת ה'תנ"ב	1. מצבת קבורת 2. כולף בת משה 3. שנת השם 4. תנ"ב	657	33	
	מצבת קבורת משה ב'ר' משה שנת ה'תנ"ב	1. נמצה בה 2. מצבת [ביית] 3. יעקוב ב'ר' 4. אלון [ב]רון 5. ישראל את 6. הנצבת לאות 7. ולמשמרת 8. לאבן [כה]ן את 9. עליו מצא	687	203	

Продолжение таблицы 2.

1	2	3	4	5	6
VI					
621, 633, 635, 471, 482	מצבת קבורת משה ב'ר' משה שנת ה'תנ"ב	1. מצבת קבורת מ' 2. [ב]ר' משה 3. שנת ה'תנ"ב	608	37	
608, 633, 635, 471, 482	מצבת קבורת משה ב'ר' משה שנת ה'תנ"ב	1. מצבת קבורת משה 2. ב'ר' אליה שנת 3. ה'תנ"ב	621	36	
608, 621, 633, 471, 482	מצבת קבורת שרה בת יצחק שנת ה'תנ"ב	1. מצבת קבורת שרה 2. בת יצחק שנת ה'תנ"ב	635	38	
608, 621, 635, 471, 482	מצבת קבורת משה ב'ר' משה שנת ה'תנ"ב	1. זאת המצבה של מ' חנה בת כ'ר' 2. יוסף ז'ל' נפטר יום ג' כ'ר' לחדש שבט 3. ה'תנ"ב	633	40	
608, 621, 633, 635, 471	מצבת קבורת משה ב'ר' משה שנת ה'תנ"ב	1. זאת המצבה של יוסף ב'ר' 2. אליה ז'ל' נפטר יום ב' כ'ר' לחדש 3. תשרי ה'תנ"ב	482	46	
608, 621, 633, 635, 482	מצבת קבורת משה ב'ר' משה שנת ה'תנ"ב	1. זאת המצבה של 2. [ר'] יתחק ב'ל' נתנאל 3. ז'ל' נפטר יום ה' י'ב' 4. לחדש תשרי תשמו (ה'תנ"ב) 5. תנ"ב	471	45	
VII					
522, 586	מצבת קבורת משה ב'ר' משה שנת ה'תנ"ב	1. מצבה קבורת אליה ב'ר' 2. אהרן ז'ל' שנת השלו תנ"ב	570	31	
570, 586	מצבת קבורת משה ב'ר' משה שנת ה'תנ"ב	1. מצבה קבורת ברכה ב'ר' 2. אהרן שנת ה'תנ"ב תנ"ב	522	43	

Продолжение таблицы 2.

1	2	3	4	5	6
522, 570	צנח קבורתה י כר אליה גנתה שו	1. מצבת קבורת חנה 2. בת אליה שנת ה'שמ"ו	586	50	
VIII					
559, 560, 636, 654	ואת העלבה של יוסף בן כר אליה ואת בן כב שנה שנת ה'ש"ו	1. זאת המצבה של יוסף בן כר' אליה 2. [נ]מת בן כ'ב שנה שנת ה'ש"ו	545	22	
545, 559, 636, 654	ואת מלך יוסף חנה כת כל יוסף שנת הש"ו תנצ"ה	1. זאת מצבת [...] יוסף 2. חנה בת כר' יוסף 3. שנת ה'ש"ו תנצ"ה	560	24	
545, 560, 636, 654	על קבורתה מוסתר בת כל אליה שנת ה'ש"ו תנצ"ה	1. זאת המצבת 2. על קבורת מ' אסתר 3. בת כר' אליה שנת 4. ה'ש"ו תנצ"ה	559	23	
545, 559, 560, 654	ואת המצבה של משה בן יצחק נפטר יום י"א לחדש אדר שנת ה'ש"ו	1. זאת המצבה של 2. משה בן יצחק 3. נפטר יום י"א לחדש 4. אדר שנת ה'ש"ו	636	42	
545, 559, 560, 636	כתה כותב כנרמכרהם שנת ה'ש"ו תנצ"ה	1. [מצ]בות קבורת מ' [...]ה. 2. בל"ר אברהם [...]ה. 3. שנת ה'ש"ו תנצ"ה	654	60	
IX					
517, 564, 571, 583	ואת המצבה של יוסף בן כר נפטר יום י"א לחדש שבט שנת ה'ש"ו תנצ"ה	1. זאת המצבה של יעקב בן כ' משה 2. נפטר יום י"ז לחדש שבט[ש]נת שנת 3. ה'ש"ו תנצ"ה	656	41	

Продолжение таблицы 2.

1	2	3	4	5	6
564, 571, 583, 656	ואת המצבה של אברהם הלוי ויכנר חנה הלוי שנת ה'ש"ו תנצ"ה	1. זאת המצבה של 2. (כר') אברהם הלוי בן כר' 3. [צ]חק חלוי שנת 4. ה'ש"ו תנצ"ה	517	28	
517, 564, 571, 656	אברהם קבורתה לנשכ כר מרדכי שנת ה'ש"ו תנצ"ה	1. [מצ]בה קבורת מנשכ[נ] בת 2. ר' מרדכי שנת נפטרה 3. ה'ש"ו לחדש אדר	583	35	
517, 571, 583, 656	ואת המצבה של ישועה בן כר' אליה נפטר יום י"ב לחדש אדר שנת תשכ"א (השכ"א) ליצירה תנצ"ה	1. זאת המצבה של כר' 2. ישועה בן כר' אליה 3. נפטר יום י"ב לחדש 4. אדר שנת תשכ"א (השכ"א) ליצירה 5. תנצ"ה	564	27	
517, 564, 583, 656	לואל כוכב ישועה שנת תש"ו תנצ"ה	1. [...]ה. 2. [שמ]ואל בן כר' ישועה 3. שנת תש"ו (ה'ש"ו) תנצ"ה	571	29	
X					
587, 624, 639	ואת המצבה של יצחק הקטן ככר אליה נכת נפטר כיום ל למכת שנת ה'ש"ו ליצירה	1. זאת המצבה 2. של יצחק הקטן 3. בל"ר אליה נכת 4. שנפטר ביום ד' כ' 5. למכת שנת 6. ה'ש"ו 7. ליצירה	587	34	
382, 587, 639	כח יצחק שנפטר כ לאדר שנת ה'ש"ו ליצירה תנצ"ה	1. [...]ה. 2. בת ר' יצחק נ[ב]ע' 3. שנפטר ב[יום] ד' 4. לאדר שנת 5. ה'ש"ו ליצירה 6. תנצ"ה	624	39	

Продолжение таблицы 2.

1	2	3	4	5	6
382, 587, 624	וזאת המצבה של מ' ארזו בת לר' יצחק ז"ל נפטרה ביום ה' ל'ג' לשבט בשנת ה'שנ"ה' ליצרה נבט	1. זאת המצבה של מ' ארזו 2. בת לר' יצחק ז"ל נפטרה ביום ה' ל'ג' לשבט בשנת ה'שנ"ה' ליצרה נבט	639	52	
587, 624, 639	וזאת מצבת קבורה מאסתר הזקנה אשת לר' שבת הזקן ז"ל שנפטרה	1. זאת 2. מצבת קבורה 3. מ' אסתר הזקנה 4. אשת לר' שבת 5. הזקן ז"ל נפטרה	382	197	
XI					
158, 160	מצבת קבורה משה כלל אהרן שנת ה'ש' לח'תנצ"ה מצבת קבורה משה כלל אהרן שנת ה'ש' לח'תנצ"ה	1. מצבת קבורה משה בלר' 2. אהרן שנת תשנ"ח' תנצ"ה'	323	60	
158, 323	מצבת קבורה לויכ"ר אהרן שנת ה'שנ"ח' תנצ"ה'	1. מצבת קבורה 2. לוי בלר' אהרן 3. שנת ה'שנ"ח' 4. תנצ"ה'	160	58	
160, 323	מצבת קבורה שריה בת אליה שנת ה'שנ"ח' תנצ"ה'	1. מצבת קבורה שריה בת 2. אליה שנת תשנ"ח' (ה'שנ"ח') תנצ"ה'	158	61	
XII					
674	המצבה של ל'ס' אליהו נע שנפטרה ל'תשרי שנת ה'שנ"ח' אשכנזי לפ"ק	1. [זאת] 2. מצבת של לר' יצחק הכהן 3. ז"ל בלר' אליהו כהן נע' שנפטרה ביום [ב'] 4. [ו] לתשרי שנת [ב]ש"מ' אשכנזי כפי 5. לפ"ק	673	62	

Продолжение таблицы 2.

1	2	3	4	5	6
673	וזאת קבורה מאסתר כהן ר' אליהו כהן יצ'ו שנפטרה ביום ד' כ"ב לסיון שנת ה'שס"ב ליצירה	1. זאת מצבת קבורה 2. אסתר בת ר' אליהו 3. כהן יצ'ו שנפטרה 4. ביום ד' כ"ב לסיון שנת ה'שס"ב ליצירה	674	64	
673, 674	וזאת האבן מ' מורט בת יצחק העצ'ו נפטרה ז"ס ו'תלש"ו שנת ו'תלמ' ימי אבלך לפ"ק	1. זאת האבן מ' מורט בת יצחק 2. הע' יצ'ו נפטרה ז"ס ו' ח' לחשו 3. שנת ו'תלמ' ימי אבלך לפ"ק	961	100	
XIII					
658	הציון הזה של הנכח כל כנה ז"ל נפטרה ז"ס ו'תלש"ו שנת ה'תנצ"ה תנצ"ה ליצירה	1. הציון הזה של חנוכה בל' בה ז"ל' 2. נפטרה ז"ס ו'תלש"ו שנת ה'תנצ"ה' 3. תנצ"ה' ליצירה	618	53	
618	הציון הזה של חנוכה ז"ל נפטרה ז"ס ו'תלש"ו שנת ה'תנצ"ה' ליצירה	1. הציון הזה 2. של מ' ביכצה 3. בת חנוכה 4. ז"ל נפטרה 5. יום ד' לעדר 6. שנת ה'תשנ"ו' 7. תנצ"ה' לי 8. צירה	658	82	
XIVa					
228, 313	הציון הלו של יצחק כהן ר' אליהו הכהן ז"ל נפטרה כיום ה'תלש"ו ליצירה ה'תלש"ו ליצירה	1. הציון הלז[...] 2. של יצחק[...] 3. כהן לר' אליהו 4. הכהן ז"ל נפטרה[...] 5. ביום ה' כ"א לחשו[...] 6. ה'שפ"ב ליצירה 7. נב'ע	350	94	

Продолжение таблицы 2.

1	2	3	4	5	6
228, 350	הציון הלו של אברהם הקטן נפטר יום ג' נפטר יום ג' כל נפטר יום ג' לשנת ליצירה	1. הציון הלו של 2. אברהם הקטן 3. ב'ל'ר אליא זקן 4. נ'ע' ונפטר יום ג' 5. ב' לכסליו בשנת 6. ה'ש'פ'ב' 7. ליצירה	313	97	
228, 350	הציון הלו של דניאל הקטן בר נחמון זקן יצו נפטר יום כ' ולתשרי שנת העשפכ	1. הציון הלו 2. של דניאל 3. הקטן בר' 4. נחמן זקן יצו 5. נפטר יום ב' 6. ז' לתשרי 7. שנת השפכ	228	99	
XIVb					
	זאת המצבה של אליהו בן זר' יוסף ולפטר יום ג' לחד' אדר תשפ"ט תנצ"ב	1. זאת המצבה 2. של אליהו בן 3. ב'ר' יוסף ז'ל' נפטר 4. יום ג' לחד' אדר 5. ה'ש'מ'ט' תנצ"ב	531	51	

Продолжение таблицы 2.

1	2	3	4	5	6
XV					
925, 957	הציון הלו של שבת נ'ע' נפטר לחדש טבת שנת ה'ש'פ'ד' ליציה נ'ע'	1. הציון 2. הלו של ר' 3. שבת נ'ע' 4. כ'ר' שמואל 5. נפטר 6. לחדש טבת 7. שנת ה'ש'פ'ד' ליציה 8. נ'ע'	385	103	
385, 925	הציון הלו של דניאל הקטן בר נחמון זקן יצו נפטר יום כ' ולתשרי שנת העשפכ ליצירה	1. הציון הלו של 2. מרדכי 3. הבחור בר' 4. אליה העשניר 5. מעיר כפה 6. נפטר ביום 7. א' כ'ו לאייר 8. שנת ה'ש'פ'ט' 9. ליצירה יע'מ'ש'	957	112	
XVI					
403	זאת המצבה של אליהו בן זר' יוסף ולפטר יום ג' לחד' אדר תשפ"ט תנצ"ב	2. [...] 3. ירמיה הנדיב 4. בן שמואל נ'ע' 5. נפטר ביום 6. ג' לחדש 7. ה'ש'צ'ב' ליצירה 8. תנצ"ב	397	115	

Продолжение таблицы 2.

1	2	3	4	5	6
397	שג. וטרה כ'זם כ'ז לטבת ה'ש'צ'ז' ליצירה ה'נ'צ'כ' ה'	4. ש[נפ]טרה ביום 5. ל'ג' לטבת 6. ה'ש'צ'ז' ליצירה 7. ת'נ'צ'ב'ה'	403	117	
XVII					
050	ו'צ'יון זה על קבור מ' טכטר הב' הולח בכ' יצחק זל' נפטר ביו' ז'ה'ל'אל ה'ה'ס'ה'	1. ו'צ'יון 2. זה על 3. קבורת מ' 4. טכטר הב' 5. תולה ב'כ' 6. יצחק זל' 7. נפטר ביו' 8. זל' לאול 9. ה'ת'ס'ח'	276	154	
276	זאת נוצבת קבר ט'אלטין רנ' ערה הבתולה יפה וברה בת מ'אברהם הזקן י'צ'ונפס בד ינה אלול שנת ה'ת'פ'ז'	1. זאת 2. מצבת קבר 3. מ' אלטין רנ' 4. ערה הבתולה 5. יפה וברה בת 6. ל'ר' אברהם 7. הזקן י'צ'ונפס 8. ביו' ג' י'ח' אלול 9. שנת ה'ת'פ'ז'	050	169	

Окончание таблицы 2.

1	2	3	4	5	6
XVIII					
491	זאת מצבת קבר נזלי האשה צנועה היקרה והסדה הניכב רת נת כר מוזר רכי הזקן ה' זל' זוגת אליא ירושלמי ה' י'צ'ו' נפטר לחדש סיון שנת ה'ת'ק'ל'ו ת'נ'צ'ב'ה'	1. זאת 2. מצבת קבר 3. עלי האשה 4. צנועה היקרה 5. וחסדה הנכב 6. דת בת ל'ר' מרד 7. כי הזקן ה' זל' 8. זוגת אליא 9. ירושלמי ה' י'צ'ו' 10. נפטר לחדש 11. סיון שנת ה'ת'ק'ל'ו 12. ת'נ'צ'ב'ה'	347	196	
347	ז'צ'יון הלו על קבר יעקב הניכב הזקן ירא האט ינשא פני כ'ז יוהורה הזקן היקר זל' נפטר ראש ה' שנה שנת ה'ת'ק'ל'ד' נ'ב'ת'	1. ה'צ'יון 2. הלו על קבר 3. יעקב הניכב 4. הזקן ירא האט 5. ונשא פנים 6. ב'ל'ר' יוהודה 7. הזקן היקר זל' 8. נפטר ראש ה' 9. שנה שנת 10. ה'ת'ק'ל'ד' נ'ב'ת'	491	195	

СФРАГИСТИКА И ЭПИГРАФИКА

А. Ю. ВИНОГРАДОВ

ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ ВИЗАНТИЙСКОЙ ЭПИГРАФИКИ МАНГУПА¹

На Мангупе и в его ближайших окрестностях найдено наибольшее количество византийских надписей в Горном Крыму — 27 памятников греческой и 2 готской эпиграфики. В Северном Причерноморье это третья, в количественном отношении, коллекция византийской эпиграфики после Херсонеса (102 надписи) и Керчи (58 надписей), значительно превосходящая число византийских эпиграфических источников, обнаруженных в Судак (15 надписей) и Инкермане (14 надписей). Мангупские надписи разнообразны по своей тематике: строительные, посвятельные, инвокативные, литургические (в том числе стихотворные), памятные, подписи к иконам. Среди них есть лапидарные надписи на каменных плитах и на скальной поверхности, граффити и даже одно дипинто (надпись, выполненная краской). Также много, что крайне необычно и ценно, строительных надписей (10).

Таким образом, мангупская эпиграфика является ценнейшим источником по истории городища, особенно с учетом недостатка других письменных источников. Однако, используется этот источник, как нам кажется, в недостаточной мере. После многочисленных публикаций начала XX в., прежде всего, В. В. Латышева, к надписям Мангупа обращались лишь спорадически, чаще всего, в связи находкой новых памятников (в советскую эпоху — Н. В. Малицкий, М. А. Тиханова, Н. И. Бармина, Э. И. Соломоник, в новейший период — В. А. Сидоренко). Остальные исследователи, по большей части, некритически использовали существующие издания источников, иногда лишь предлагая к ним конъектуры, причем не всегда удачные (В. П. Яйленко, В. Л. Мыщ, В. П. Степаненко), или уточняя их исторический контекст и содержащиеся в них реалии (А. И. Айбабин, А. Г. Герцен, В. Е. Науменко и др.).

Лишь недавно все известные к 2014 г. византийские греческие надписи Мангупа были собраны воедино в рамках V тома 3-го издания IOSPE (№ 171-196), существующего пока только в электронном виде (см.: <http://iospe.kcl.ac.uk/corpora/byzantine/locations-ru.html>). В дальнейшем тексте статьи все ссылки на византийские надписи Северного Причерноморья будут даны по номерам этого корпуса; там же все изображения и библиография, кроме новой, еще не учтенной в корпусе, которая указывается отдельно.

¹ В данной научной работе использованы результаты проекта «“Центры” и “периферии” в средневековой Европе», выполненного в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2017 году.

Проблем, связанных с византийскими надписями Мангупа, на наш взгляд, существует довольно много. Для удобства рассмотрения их можно разделить на три категории: проблемы технические, содержательные и методологические.

Проблемы технические: утрата, повреждение и перемещение надписей

Одной из главных проблем изучения мангупских надписей стала полная или частичная утрата многих из них. Часть из них, увы, увидеть в полном виде нам удастся едва ли. Речь, прежде всего, идет о надписях на воротах Мангупа, упомянутых Мартином Броневским [20, S. 59], надписи на одной из башен в балке Гамам-Дере, известной только И. С. Андриевскому и Н. Н. Мурзакевичу [20, S. 71-72], или о надписях краской на фресках городских храмов, как подписях к изображениям, так и, возможно, существовавших там строительных и посвятельных надписях, которые хорошо известны нам в Инкермане и Эски-Кермене. Впрочем, новые раскопки, возможно, дадут такой материал.

Многие надписи, найденные до 1917 г., исчезли из поля зрения исследователей надолго или даже навсегда. Надпись Цулы-бега 994/5 г. (IOSPE³ V 172), обнаруженная М. И. Скубетовым в 1901 г. в оборонительной стене в балке Табана-Дере и «утерянная» уже к 1916 г., но неоднократно обсуждавшаяся потом в литературе, была заново «открыта» А. В. Бельм только в 1977 г. Строительная надпись 1403 г. (IOSPE³ V 178), от которой в 1913 г. были найдены только три конечных фрагмента, в настоящий момент, сохранила только один фрагмент (правый верхний) в фондах музея-заповедника «Херсонес Таврический» (инв. № 35131). Бесследно исчезли фрагмент надписи на полукруглом завершении рамы иконы Богородицы XV в., найденный в 1913-1914 гг. во время раскопок базилики или дворца Мангупского городища (IOSPE³ V 187), капитель с выполненной в технике *dipinto* эпитафией Иоанна, найденная в 1912 г. в той же базилике (IOSPE³ V 188), мраморная инвокация из октагонального храма (IOSPE³ V 185), которая была обнаружена в 1890 г. и, возможно, помогла бы скорректировать спорную датировку церкви. От последних двух надписей не сохранилось даже каких-либо изображений, что затрудняет их прочтение и датировку.

Впрочем, та же печальная участь не миновала и некоторые надписи, найденные после 1917 г. Два фрагмента ранневизантийского резного карниза, вторично использованного для нанесения граффити и третично в виадукте «крещальни» при Большой трехнефной базилики (IOSPE³ V 183, 193), нашедшая их в 1938 г. М. А. Тиханова уже в 1956 г. считала пропавшими, из-за чего долгое время прочтена была лишь одна надпись на них (IOSPE³ V 183.2), к которой, из-за отсутствия аутопсии, В. П. Яйленко предложил неудачные конъектуры. Нам удалось обнаружить эти два утраченных на время фрагмента совсем недавно, но остальные обломки того же карниза, представленные на фотографии М. А. Тихановой, так и не отождествлены по сей день. Нам не удалось установить место хранения стелы с демонстративной надписью из балки Гамам-Дере (IOSPE³ V 182), обнаруженной в 1968 г. Неясно даже, была ли она взята с места находки, из-за чего затруднены ее палеографический анализ, датировка и реконструкция текста.

Большие затруднения при чтении и анализе мангупских надписей создают нанесенные им повреждения, причем как древние, так и современные. Из первых выделяется сознательным перечеркиванием всех строк строительная надпись 1282/3 гг. (?) из башни Второй линии обороны крепости в Табана-Дере (IOSPE³ V 175), которая сообщает о победе над некими врагами. Нельзя исключать, что эти неприятели и перечеркнули впоследствии текст надписи. Остальные древние повреждения имеют случайный характер. Там же в качестве строительного материала была использована при турецком ремонте расколота надвое строительная

надпись некоего сотника 1391-1401 гг. (IOSPE³ V 177). Надвое расколота была и строительная надпись князя Алексея 1425 г. (IOSPE³ V 179), от которой сохранилась только правая часть. Еще в эпоху средневековья была вторично использована строительная надпись императора Юстиниана I (527-565) (IOSPE³ V 171): из-за стески нижнего края был прочтен — да и то не сразу — только индикт (11-й), но не следовавший за ним год (очевидно, правления императора), что оставляет возможность для трех ее датировок — 532/3, 547/8 или 562/3 гг.

Впрочем, терпят ущерб, к сожалению, надписи и в новое время. Так, строительная надпись Хвитана (IOSPE³ V 176) была после находки в 1913 г. разбита на части, причем сравнение современного ее состояния с фотографией 1933 г. показывает новый скол на нижнем правом углу, не позволяющий точно прочесть последнюю цифру года и, соответственно, точно определить дату надписи — 1300/1 или 1361/2 гг. Если в нашей первой публикации мы настаивали на первой дате, то впоследствии, после обследования камня как при искусственном свете, так и при естественном, вынуждены были признать возможность обеих датировок (пересекающая последнюю цифру года горизонтальная линия может быть и перекладиной теты, и продолжением предшествующей трещины; см. об этом ниже). Возможно, датировку упомянутого в надписи «возобновления Феодоро» (см. также об этом ниже) удастся установить при помощи археологических раскопок.

Надгробие чтеца Стефана 1456 г. (IOSPE³ V 189) после его находки в 1912 г. оказалось расколота надвое: «тулово» оказалась в Бахчисарайском музее-заповеднике (инв. № А-В-1354), а «рог» — в музее-заповеднике «Херсонес Таврический» (инв. № 35124), что не позволяет изучать памятник целиком. Неизвестно, насколько сильно была повреждена после находки в 1938 г. надгробная надпись неизвестного (IOSPE³ V 191). Строительная надпись из «Северного монастыря» 1224/5 гг. (IOSPE³ V 174), выполненная на скальной стене пещерного храма, в 1990-е гг. оказалась сильно закопчена проживавшими там «туристами», так что для ее чтения практически единственным источником оказывается старая прорисовка Ю. С. Воронина. Причем отмыть от копоти эту надпись-граффити невозможно и даже опасно без специального реставрационного вмешательства.

Еще одна техническая проблема такого рода — перемещение надписей из оригинального местоположения в новое, затрудняющее оценку контекста их создания. Так, уже в древности был вторично использован в одной из гробниц блок со строительной надписью императора Юстиниана I (IOSPE³ V 171), стесанный, к тому же, с боков и снизу (см. выше). Вышеупомянутая надпись Хвитана (IOSPE³ V 176), найденная тоже в обкладке могилы внутри Мангупской базилики, говорит о строительстве стены и башни (где и должна была, судя по всему, быть помещена надпись первоначально) в Пойке, местоположение которой является предметом дискуссии. Для сторонников гипотезы о тождестве Пойки акрополю Мангупа на мысе Тешкли-бурун, хорошо объясняющей появление надписи на городище, важным аргументом была конъектура Н. В. Малицкого $\lambda\alpha\nu\omega\ \pi\acute{o}\lambda\epsilon\omega\varsigma$ («верхнего города»), которая, однако, является необоснованным ситуативным насилием над ясно читающимся на камне $\pi\alpha\nu\tau\acute{o}\lambda\epsilon\omega\varsigma$ («всего города»). Подобная диссимилиация (вместо $\pi\acute{\alpha}\mu\pi\omicron\lambda\iota\varsigma$) хорошо засвидетельствована для $\pi\acute{\alpha}\mu\pi\omicron\lambda\lambda\omicron\iota$ (Pseudo-Clemens. Homiliae 7, 1, 1; Martyrium Petri 31; Cyrillus Scythopolitanus. Vita Euthymii 16; Historia Alexandri Magni, rec. F 49, 14; 50, 6; 76, 1; 86, 2; 90, 1; 116, 1). Если же верна гипотеза о тождестве Пойки поселению на г. Бойка [см. об этом: 11], то возникают проблемы с находкой данного камня на Мангупе: либо он был перенесен с Пойки на Мангуп, либо, наоборот, почему-то не был туда от-

правлен и использован вторично в кладке погребения. Классический пример перемещения надписей в Новое время — строительная надпись князя Алексея 1427 г. (IOSPE³ V 180), которую уже в XIX в. относили то к Мангупу, то к Каламите, что значительно влияло на ее историческую интерпретацию (см. об этом ниже).

Наконец, существует проблема «беспаспортных» надписей. Например, неясно точное место обнаружения строительной надписи Юстиниана I (IOSPE³ V 171) [20, S. 86]. Место находки надгробия Карамани... (IOSPE³ V 190), раскопанного в 1913-1914 гг., указано «со слов надсмотрщика Федорова». Существует эта проблема и в отношении атрибуции некоторых надписей Мангупа. Так, нельзя исключать, что мраморный карниз с надписью комитиссы Марии (IOSPE³ V 227) был взят для строительства беседки крымского хана Селямет-Гирея в Бахчисарае именно с территории Мангупского городища, ибо нигде больше в Горном Крыму мраморные надписи не известны. То же, вероятно, можно сказать и для надписи о строительстве церкви при хазарских хаганах и тудуне (IOSPE³ V 226), хранившейся, судя по подписи к фотографии, в 1940 г. в Бахчисарайском Музее пещерных городов.

Проблемы содержательные: титулы, имена и даты в надписях

Если формулы мангупских надписей, как строительных, инвокативных, так и надгробных, почти не несут в себе неожиданностей (за исключением разве что необычного начала с $\Gamma\iota\nu\epsilon\tau\alpha\iota$ в строительной надписи IOSPE³ V 174 из «Северного монастыря» 1224/5 гг.), то встречающиеся в них имена, титулы и топонимы, напротив, создают немало затруднений для исследователей. Проиллюстрируем это несколькими примерами.

Титул $\epsilon\kappa\alpha\tau\omicron\nu\tau\alpha\rho\chi\omicron\varsigma$ («сотник»), характерный для золотоордынского периода, встречается сразу в двух мангупских надписях: неизвестного 1391-1401 гг. (IOSPE³ V 177) и Хвитана 1300/1 или 1360/1 г. (IOSPE³ V 176). Для последней надписи сомнения в наличии $\rho\omicron$ в $\epsilon\kappa\alpha\tau\omicron\nu\tau\alpha\rho\chi\omicron\varsigma$ безосновательны, как и основанная на этом попытка В. Л. Мыца прочесть здесь «турмарха», к тому же, анахронистичная исторически. Во втором случае титул $\epsilon\kappa\alpha\tau\omicron\nu\tau\alpha\rho\chi\omicron\varsigma$ неожиданно носит человек с не тюркским и даже не христианским именем — $\chi\omega\upsilon\tau\acute{\alpha}\nu\eta\varsigma$ (возможное христианское имя — Дмитрий), которое лингвисты толкуют как готское — *hwītan- 'белый' [8, с. 248] (хотя остается проблема отражения начального $h\upsilon$). Это представитель местного населения, контролировавший, по всей видимости, и Феодоро, и Пойку. В другой же надписи (IOSPE³ V 177) после TZIT читается не дзета, не имеющая здесь вообще нижней петли, и не сигма [см.: 15; у последней в нашей надписи не заостренная нижняя петля], а омикрон. Из-за неправильного расчета ширины плиты, которая легко восстанавливается по словам $\tau\omicron[\upsilon\ \epsilon\kappa\alpha]/\tau\omicron\nu\tau\alpha\rho\chi\omicron\varsigma$ /, аналогичным надписи Хвитана, В. В. Латышев и его последователи (Н. В. Малицкий и В. Л. Мыц) воспринимали предшествующие буквы TZI как начало имени сотника, тогда как, на самом деле, они составляют его конец. Так что прочно вошедшее в историографию имя Цицикия/Чичикия не выдерживает критики [15]. Напротив, нет никакого сомнения, что в надписи упомянут именно Тохтамыш, но не Тохта, а реконструкция длины цифры года сужает этот промежуток до 1391-1401 гг., причем остается гадать, относится ли упомянутое в надписи строительство неизвестного объекта ко времени до или после разорения Мангупа, фиксируемого иеромонахом Матфеем около 1396 г.

Другой интересный аспект эпиграфики Мангупа — роль чтецов, упоминаемых в трех надписях. В первом случае (IOSPE³ V 181) это посвятельная надпись IX-X вв. на плите алтарной преграды; чтец оказывается заказчиком алтарной преграды или даже всего крестообразного храма. Во втором (IOSPE³ V 183) это инвокативное граффито примерно того же времени на вторично использованном карнизе из базилики; здесь необычно употребление титула $\pi\alpha\lambda\acute{\alpha}\varsigma$ применительно к чтецу, не известное

в Византии ранее XI в. и свидетельствующее, возможно, об особой роли чтецов на Мангупе. Наконец, в третьем случае (IOSPE³ V 189) это семейное надгробие чтеца Стефана 1456 г., который, судя по пышному оформлению памятника (рельефные буквы, как и на строительных надписях феодоритских князей XV в.) и почетному месту погребения (за апсидой базилики), принадлежал к элите мангупского населения, хотя ошибочное написание σὺμβιον вместо σὺμβιος указывает на падение уровня литературной грамотности. Отметим также, что дата смерти вырезана другим шрифтом и другой рукой: очевидно, Стефан заказал себе высококачественное надгробие заранее.

Сама ономастика мангупских надписей выглядит неоднородной. Наряду с традиционными христианскими именами (Агапий, Алексей, Григорий, Давид, Даниил, Иоанн, Константин, Павел, Прокл, Прокопий, Стефан, Фекла, Феодор, Феодосий, Юстин), здесь встречается готское имя Хвитан (*Hwītan-) и тюркские имена Карамани..., Мунзи (или Мунзит), Цула, а также имена неясного происхождения (Кедо/Кедот, Эрдастий). Этот именослов отражает неоднородность населения Мангупа, причем в разные эпохи. Другой интересный пример отражения в надписях сложной жизни города — уникальный средневизантийский хлебный штамп из камня со стихом из Пс 9, 28 (IOSPE³ V 194), предназначенным для чина «изобличения вора» [5] (ср. совершенно неверное прочтение у Н. И. Барминой [2]).

Еще большую проблему для исследователей создают представленные в мангупских надписях топонимы и обозначения административных единиц. Выше мы уже говорили о проблеме Пойки, упоминаемой в надписях IOSPE³ V 175 и 176. Примечательным образом это имя предстает в них как ПОНКА и ПОЙКА соответственно, что указывает на произношение роика или, вероятнее, роика.

Во второй из указанных надписей речь идет о строительстве стены и башни в Пойке. Если последняя идентична не акрополю Мангупа, а поселению на г. Бойка (см. выше), дисперсный характер последнего может отражать обозначение «почтенной Пойки» как παυτὸλεος («все города»). Кроме того, здесь не совсем понятно выделенное колоннами именное предложение κ(αὶ) ὁ ἀνακαίν(ις)μὸς τῆς Θεοδωρ(οῦς) μετὰ τὸν Ποῖκαν («и возобновление Феодоро после Пойки / вместе с Пойкой»). Только следующие слова ἐκτ(ις)θав ὁμοῦ («построены вместе») заставляют думать, что возобновление Феодоро произошло одновременно с возобновлением Пойки, а не после, как того требовала бы конструкция μετὰ + асс.

В первой же надписи (IOSPE³ V 175) говорится о ее воздвижении в честь выходца из Пойки, причем с нехристианским именем (dat.-ΘΙΘΕΙ), напоминающем нам о связанном с Пойкой сотнике с готским именем Хвитан. Именно в этой надписи впервые (вопреки [10]) упоминается топоним Феодоро (gen. Θεοδόρου, причем в парадигме 2-го склонения, а не 3-го, как в надписях XV в.), в качестве обозначения крепости (очевидно, на Мангупе), и катойконим «феодориты» (nom. Θεοδωρ[ίτη]), хотя из ее текста не понятно, обозначает ли он только обитателей крепости Феодоро (то есть Мангупа), или всех жителей княжества Феодоро.

В этой надписи встречаются и другие топонимы. И если Зазале (Ζαζαλε), расположенное где-то на периферии феодоритского государства, локализовать не удастся, то упомянутые там же Варзары (асс. Варζάρους) известны нам еще по одной надписи — граффито на капители колонны из базилики под водохранилищем (IOSPE³ V 173). Здесь сообщается об обновлении, вероятно, храма в Варзарах (асс. Варζάρους) 29 июля 1179 г., что заставляет локализовать их именно в районе водохранилища. В таком случае упомянутый в IOSPE³ V 175 сбор жителей для погони за врагами-грабителями был устроен вышеупомянутым выходцем из Пойки прямо у подножия Мангупа.

В той же надписи упомянуто, что собранные жители гнались за врагами «до Части и до богохранимой крепости Феодоро и догнали и рубили их до Зазале и 11-й части». Во-первых, поскольку «богохранимая крепость Феодоро» в поздневизантийский период несомненно тождественна Мангупу, а упомянутая в надписи Часть (gen. τοῦ μέρους) находилась рядом с ней, то гнаться от Варзар, расположенных в районе водохранилища, до Мангупа и соседней Части можно только в том случае, если последняя находилась с другой стороны от горы, скорее всего, к югу. Во-вторых, характерно противопоставление просто Части, без номера, и 11-й части, расположенной где-то на окраине феодоритских земель (ср. выше). То есть отсчет этих частей, очевидно, территориальных единиц княжества Феодоро, из которых сама крепость Феодоро-Мангуп была исключена, шел от центра к периферии. Это предположение подтверждает и происходящее с Эски-Кермена надгробие Лаулибея (IOSPE³ V 224), который носил титул «первого разряда 3-й части», указывающий на то, что расположенный неподалеку от Мангупа Эски-Кермен назывался в XIII в., по всей видимости, «3-й частью» феодоритского государства [подр. см.: 3].

Напротив, не знаем мы, увы, оригинального названия поселения под горой Илька близ Мангупа, где В. Е. Науменко при раскопках придорожного храма обнаружил в 2012 г. фрагмент штукатурки с граффито — Κύριε, βοτ / Κύριε, βο. Очевидно, писавший пытался дважды, но неудачно, вывести invocatio Κύριε, βοήθει «Господи, помоги», что представляет собой интересное свидетельство уровня грамотности в поздневизантийском Горном Крыму [13].

Содержательный анализ мангупской эпиграфики также зависит в значительной мере от правильности ее датировки. Для не содержащих даты надписей и не имеющих четкого археологического контекста, а таких большинство, главным критерием становятся палеография и опять же упоминаемые ими реалии. Так, не вызывает никакого сомнения, что комитисса из надписи IOSPE³ V 227 может встречаться только в ранневизантийской эпиграфике, что подтверждает и палеография надписи. Точно так же построивший стену топотирит из надписи IOSPE³ V 172, то есть топотерит фемы Херсон, никак не мог существовать в 1503 г., но идеально вписывается в контекст 994/5 г., равно как и его имя Цула, тесно связанное с Херсоном рубежа X-XI вв. Тут, однако, крайне интересен его титул «бег» и имя его отца (gen. Πολέτα, вероятно, тюрк. Polat/Bulat) [23, p. 174-175, 609], указывающее на тюркское происхождение рода Цул.

Впрочем, часть надписей может быть датирована только по палеографии, как, например, граффито на вторично использованном ранневизантийском карнизе из вымостки «крещальни» при Мангупской базилике (IOSPE³ V 183 и 193), где сочетание минускула и унциала с бетой с удлинённым нижним штрихом (в Северном Причерноморье не встречается ранее IX-X вв.) дает terminus post quem — середину IX в., то есть время восстановления базилики после хазарского разгрома и учреждения фемы. Такая же бета, не известная поздневизантийскому времени, встречается в invocatio надписи IOSPE³ V 184, где упомянут некий комит, равно как и некий Мунзи/Мунзит (gen. ΜΟΥΝΖΗΤΟΥ) — имя неясного происхождения, возможно, тюркское Muñsuz [23, p. 174-175, 609]. Посвящение чтеца (IOSPE³ V 181) и прошение Константина (IOSPE³ V 186) также только по палеографии могут быть отнесены к средневизантийскому периоду, а надпись над иконой Богородицы (IOSPE³ V 187) и надгробие Карамани... (IOSPE³ V 190) — напротив, к XV в. Однако, две мангупские надписи (IOSPE³ V 191 и 195), ввиду плохого состояния или малого количества сохранившихся характерных букв, не могут быть сколько-либо точно датированы даже по палеографии.

Проблемы методологические: лингвистика, история и археология

Помимо собственно эпиграфических проблем, описанных выше, мангупские надписи ставят перед исследователем и вопросы согласования их сведений с данными археологии и письменных источников. Уже самый ранний памятник мангупской эпиграфики — строительная надпись Юстиниана I (IOSPE³ V 171), выполненная крупными буквами для всеобщего обозрения и использованная затем вторично в обкладке могилы или в столпе базилики, хорошо согласуется со свидетельством Прокопия Кесарийского (Deaedif. 3, 7, 17) о строительстве «длинных стен» в горных проходах «страны Дори», но вызывает сложности с первоначальной локализацией камня. Реконструируемая по длине строк его ширина (65 см) вполне совпадает с шириной блоков в стене мангупской клисуры, раскопанной В. А. Сидоренко [14], однако блоки такого же размера имеются и в ранневизантийских стенах на самом плато, в том числе у главных ворот. Находка надписи на плато делает второй вариант более вероятным, однако тогда возникает проблема согласования со словами Прокопия о том, что Юстиниан не строил для крымских готов крепостей. Возможно, эту проблему решат новые археологические находки.

Увы, даже эпиграфика не позволяет узнать нам название Мангупа в ранневизантийский период, равно как и причину трансформации хоронима Дори (Δόρυ, -αντος) в топоним Дорос (Δόρος, -ους), произошедшей, судя по письменным источникам, где-то в первой половине VIII в., между Трулльским собором 692 г. и антихазарским восстанием 780-х гг., описанном в «Житии Иоанна Готского». В этой связи следует отметить указание надписи иеромонаха Нила X в. (IOSPE³ V 170) на помощь ему при строительстве храма у пещеры Данильча-Коба «благочестивых жителей богохранимого города Дороса».

Средневизантийский период

Если надпись IOSPE³ V 226 происходит с Мангупа (см. выше), то это было бы уникальным письменным свидетельством о строительстве христианского храма на городище при хазарских хагане и тудуне. Впрочем, даже если это так, установить, о каком именно храме идет речь, без архивных документов невозможно. Стоит обратить внимание также на необычный носитель строительной надписи — каменную раму какого-то священного предмета: иконы или реликвария.

Напротив, хорошо вписывается в исторический контекст надпись топотирита (фемы Херсон) Цулы-бега о строительстве стены в 994/5 г. (IOSPE³ V 172). Как верно отметил В. Е. Науменко [12, с. 184], работы по укреплению оборонительной системы византийской крепости, очевидно, связаны с ростом военной экспансии Древнерусского государства в регионе в 70-80-е гг. X в. Надпись вмонтирована в боковую стену башни и явно рассчитана на обозрение зрителем, идущим снаружи вдоль стены, что неизбежно порождает вопрос о датировке самой стены, которая прежде из-за ошибочного чтения В. В. Латышева датировалась турецким или, в крайнем случае, поздневизантийским временем. Только Л. В. Фирсов указывал на радиоуглеродный анализ балки из кладки стены, который показал, что дерево было срублено в период 865-925 гг. Очевидно, что для уточнения датировки стены необходимы археологические раскопки. Сложность состоит и в том, что данная стена опирается своим северо-восточным концом в одну из келий верхнего яруса пещерного «Северного монастыря», оставляя незащищенный пещерный проход, обходящий стену. Сам монастырь также не имеет археологической датировки, однако следует обратить внимание на тот факт, что обе его надписи, из разных пещер, имеют близкие даты: 1220/1 г. в северной пещере верхнего яруса (IOSPE³ V 196) и 1224/5 г. в храме (IOSPE³ V 174). Таким образом, они и, видимо, основной пещерный комплекс монастыря были высечены в 1220-е гг.

Помимо надписи 994/5 г. еще ряд эпиграфических памятников свидетельствуют о строительной деятельности на Мангупе в период пребывания на византийском престоле императоров Македонской династии. Посвящение чтеца (IOSPE³ V 181), найденное в крестообразном храме на юго-западном склоне Мангупского плато, вырезано на плите алтарной преграды, которая была сооружена, очевидно, одновременно с самой церковью. Монументальная плита с карнизом и высоколитературной надписью-инвокацией (IOSPE³ V 184), выполненная крупным замысловатым шрифтом (бета с удлинённым нижним штрихом, кси с петелькой, миндалевидные омикрон и омега, прямоугольная сигма), тоже происходит, очевидно, из какой-то значительной церковной постройки и связана с неким комитом, то есть византийским офицером низшего ранга. С возрождением базилики в середине IX в. связан фрагмент надписи (IOSPE³ V 195) с текстом . α.ε.ν ἐνὸπτη[ov], возможно, представляющим собой цитату из Библии (ср. Ис 53, 2; Пс 22, 25 (в разночтениях); 1 Цар 1, 6).

Готские граффити

Весьма показательны греческие и готские граффити, вырезанные на обратной стороне ранневизантийского карниза, который, очевидно, был вторично вмурован в стену базилики. На одном из камней (IOSPE³ V 183) мы видим надписи только клириков (протопопа, пресвитера и чтеца), что может указывать на его нахождение в стене алтаря, тогда как второй камень (IOSPE³ V 193) с надписями мирян был вделан, вероятно, во внутреннюю стену наоса или в наружную стену базилики (например, ее апсиды). Поскольку, по палеографии, греческие граффити датируются временем не ранее IX в., то логично связать их появление с реконструкцией базилики после хазарского разгрома и создания фемы около 841 г., что требует, конечно, дальнейшей археологической проверки.

Греческим граффити на обоих камнях хронологически, хотя и незначительно, предшествуют готские: три инвокативные надписи с формулой «Господи, помоги рабу Своему такому-то», одна, вероятно, памятная (начало имени?) и две с литературными текстами: Пс 76, 14–15, используемом также как Великий прокимен, и недописанным гимнографическим текстом на тему Воскресения. Находка данных граффити, выполненных несколькими руками, позволила расширить круг наших знаний о крымских готах и свидетельствует о наличии у них письменности, созданной еще Вульфиллой, в том числе, вероятно, и рукописей (на что указывает каллиграфический почерк «литературной» надписи и два «инициала») и, возможно, даже некоторых элементов богослужения на готском языке. При этом эпиграфический узус (формулы инвокаций) и ономастикон мангупских готов (имя Дамиан) оказался очень близок местному греческому.

На нашу недавнюю публикацию готских граффити [6; 21] уже появились первые отклики, причем как позитивный [22], так и скептический [16]. На возражения последнего следует остановиться подробнее.

Касательно указания Д. А. Шалыги на то, что чтение граффити производилось по фотографиям, ввиду чего не может быть надежным [16, с. 314], следует уточнить, что цифровыми фотографиями мы пользовались при подготовке предварительной публикации [6], а в марте 2016 г. в Бахчисарайском музее-заповеднике нами была произведена аутопсия архитектурных фрагментов с граффити, позволившая проверить, а в ряде моментов уточнить и исправить первоначальные чтения, что отражено в последующих работах [7; 21]. В частности, аутопсия подтвердила, что строки справа и снизу от готской надписи I.1 выполнены по-гречески (IOSPE³ V 183), очевидно, в более позднее время, так как они занимают менее удобные для письма места на камне и частично перекрывают текст готской надписи (строка 8, слово midjun[gard-]). Граффити справа от I.1 читается по-гречески как [K(ύρι)ε β]ιοήθη τὸν δοῦλόν σου Ἰωάννην ('Го-

споди, помоги рабу твоему Иоанну'). Нижняя греческая надпись представляет собой список личных имен в генитиве (вероятно, коммеморация, см. [19, S. 147, Anm. 26]).

Далее автор рецензии сосредотачивает свою критику на слове *w(e)inagardja, реконструированном нами в попытке прочтения поврежденных мест в надписях I.2 (где видны только начальные W и I) и I.4 (уверенно читаются буквы WINAG), при этом что необходимые оговорки относительно гипотетичности данной реконструкции были сделаны и в предварительной [6, с. 72], и в последующих публикациях [21, S. 149, 152]. Так, в первом случае (надпись I. 2) нами не исключается и вариант w(e) i[hins] (форма gen. sg. от weiha 'священник' — параллели в греческой эпиграфике см. [21, S. 148]), а во втором (надпись I.4, см. [21, S. 150]) контекст и сохранность текста позволяют видеть в WINAG как название профессии в форме dat.pl. после предлога: us *w(e)inag[ardjam] ('из виноградарей'), так и топоним в форме dat.sg., например, us W(e)inag[arda], букв. 'из Виноградника' (ср. замечание В. Томашека о том, что готы могли называть словом Weinagards весь Крым [25, S. 59]).

Что же касается значения wingart (< библ. гот. weinagards = греч. ὀμτελών 'виноградник') в крымскоготском, то, действительно, в словаре Бусбека это слово глоссировано через лат. vitis 'виноград, лоза' [ср.: 24, с. 69; 21, S. 149]. Но, во-первых, язык обсуждаемых готских граффити, как и алфавит, выбранный для его записи, однозначно указывают на сохранение и культивацию именно библейского готского языка в качестве литературного (наряду с греческим) у готоязычного населения Крыма, как минимум, до IX-X вв. [6, с. 73-74; 21, S. 153-154]. Во-вторых, от сообщения Бусбека мангупские граффити отделяют шесть или семь столетий, при том, что невозможно даже приблизительно датировать семантический переход 'виноградник' > 'виноград' в крымскоготском (допустив, что Бусбек и/или его информатор верно передали значение термина). В-третьих, даже если этот переход уже свершился ко времени нанесения граффити, а лексема со значением 'виноградарь' не является архаизмом, сама возможность образования профессионального имени от названия возделываемой культуры вовсе не представляется невероятной с точки зрения типологии — взять хотя бы ст.-слав. виноградъ (для которого, кстати, фиксируются оба значения: и ὀμτελών, и ὀμτελος) и виногражданинъ = лат. vinitor [24, s. 191] или безусловно знакомый автору русский узус.

Характерной местной чертой, представленной в обсуждаемых ранее примерах из мангупских граффити и отличающей их язык от языка готского перевода Библии, является написание -i- на месте библ. гот.-ei- [21, S. 149, 152]. Пока мы не можем с уверенностью сказать, отражает ли это фонетическую реалию крымскоготского, а именно сокращение долгого гласного [i:] (орфографически -ei-) в начальном слоге в позиции после w-, или является локальной, исключительно орфографической конвенцией.

Датировка готских надписей из Мангупа произведена нами по строгим и верифицируемым палеографическим признакам [6, с. 63-64, 72; 21, S. 144, 153] и вряд ли может быть убедительно поставлена под сомнение общим указанием на «дальнейшую известную судьбу крымско-готского (sic!) языка» [16, с. 314]. Об этой судьбе достоверно известно лишь то, что крымские готы-христиане сохраняли свою веру и свой язык в качестве разговорного еще в XVI в., и это в условиях длительного политического господства мусульман и крымскотатарского этнического доминирования на полуострове. Непонятно, каким образом этот факт заставляет сомневаться в литературном использовании готского языка в феме Херсон (основана около 840 г.) в рамках существовавшей здесь Готской епархии (существовавшей не позже, чем с середины VIII в.). К слову, сигмообразная форма буквы S (Σ) в готских граффити к их датировке не имеет прямого отношения и, вопреки автору критического отзыва,

не рассматривается нами как хронологический маркер, ведь готские манускрипты с латинообразной S создавались в Италии уже в VI в. Релевантным этот признак становится при определении культурных связей крымских готов, места и времени проникновения к ним письменной культуры на родном языке. Поскольку замена Σ на S в дукте италийских рукописей обязана собой латинскому влиянию [см.: 21, S. 151, Anm. 46], можно заключить, что алфавит Вульфилы проник в Крым из областей, этому влиянию не подвергнувшись, вероятнее всего, с Нижнего Дуная, где он и был изначально создан и где готское богослужение, по сообщению Валафрида Страбона [9: 72], сохранялось еще в IX в., то есть очень близко ко времени появления мангупских граффити, что отражено в выводах наших статей [6, с. 73; 21, S. 153-154].

Наконец, заявленная Д. А. Шалыгой необходимость более объективных инструментальных исследований возраста (читай подлинности) надписей [16, с. 314, 315], вероятно, нашла бы с нашей стороны полное понимание, если бы рецензент объяснил, в чем именно эти исследования должны заключаться. Работа с найденными граффити, выполненная нами в пределах нашей научной компетенции и результаты которой опубликованы, исключает возможность фальсификации надписей. Помимо чисто палеографических и лингвистических соображений, в пользу их подлинности говорят утрата надписей после находки и их раздельное хранение, многочисленные потертости, выбоины и сколы на поверхности камня, равно как и явная зависимость в расположении греческих надписей на тех же фрагментах от готских, а последних — от нанесенных еще ранее рисунков. Выходит, подлинность греческих граффити, некоторые из которых исследовались и публиковались прежде [см., например; 1, с. 123-124], тоже нужно поставить под сомнение? Конечно, история изучения готов в Крыму знает примеры эпиграфических подделок, в том числе и незлонамеренных, как, например, знаменитая руническая стела с горы Опук [17; 18], однако, как прекрасно известно автору отзыва, ясность в вопрос о происхождении артефакта внесли не некие инструментальные исследования, а обнаружение его современного автора [16, с. 388].

Поздневизантийский период

В исследованиях по истории Мангупа, основанных преимущественно на данных археологии, обычно постулируется некий разрыв в развитии городища между средне- и поздневизантийским периодом, в том числе в XII в. В эти представления, однако, плохо вписывается надпись, выполненная «горожанами» (?) (ὁπὸ τ(ὸν) ἁσ[τ]υ...) о возобновлении, очевидно, базилики под водохранилищем, ясно датированная 1179 г. (IOSPE³ V 175). О том, что эта базилика функционировала в предшествующий период, свидетельствуют прошение Константина (IOSPE³ V 186) и надгробие Феклы (IOSPE³ V 192). Следует ли предполагать, что жизнь и строительная деятельность в конце XII в. кипели только у подножия Мангупа (хотя результаты раскопок базилики толком не опубликованы), или что слои XII в. будут выявлены со временем и на самом городище?

О том, что строительная активность в конце XII в. в округе Мангупа не была случайным изолированным всплеском, подтверждают надписи 1220/1 г. и 1224/5 г. (IOSPE³ V 196, 174) из пещерного «Северного монастыря», вырубленного, о чем уже говорилось нами, в 1220-х гг., хотя этот тезис и нуждается в археологической проверке. Как отмечалось выше, монастырь возникает, возможно, на фоне утраты соседней стеной в Табана-Дере своей оборонительной функции. Показательно, что монахи обжили малоприспособленный для хозяйственной деятельности северный склон городища (как и на Тепе-Кермене, см. [4]).

Далее необходимо вернуться к высказанному замечанию о влиянии повреждений надписей на оценку их исторического контекста. Так, специальное перечеркивание строк строительной надписи IOSPE³ V 175 (см. выше) затруднило первоначально прочтение ее даты — 1282/3 г., мало известной по письменным источникам эпохи истории Мангула. Отметим, что повод к военной операции и, соответственно, созданию надписи был не столь уж и значителен — похищение двух упряжек быков и убийство их погонщика. То же самое относится и к дате в надписи Хвитана (IOSPE³ V 176), где от выбора одной из двух возможных дат (1300/1 или 1361/2 гг., см. об этом выше) существеннейшим образом зависит оценка ее исторического контекста. Показательно, что аргументы, выдвигаемые против первой датировки, носят не эпиграфический, а исторический характер, хотя следует признать, что в пользу второй датировки говорит также второе упоминание сотника в 1391-1401 гг. Напротив, уверенное восстановление имени Тохтамыш в надписи IOSPE³ V 177 и реконструкция длины обозначения года (см. выше) позволяют сузить дату описанного в ней строительства до 1391-1401 гг. Впрочем, вторичное использование плиты не дает нам возможности установить, что именно было построено (версия В. В. Латышева о башне не подтвердилась, а предположение В. П. Степаненко [15] о наличии здесь базилики ничем не обосновано; отметим также И-образное ню и большой разницей в высоте букв, указывающие на упадок эпиграфической культуры на Мангуле).

Примечательно, что эта надпись, очень скромная по своему оформлению и прилегающая в этом отношении к предшествующей эпиграфике Мангула, близко соседствует по времени создания с памятником совершенно нового типа — строительной надписью 1403 г. (IOSPE³ V 178). Это уже классический пример высококачественной палеологовской эпиграфики, с рельефной вязью между выпуклыми линиями, к тому же на мраморе, что свидетельствует не только о смене эпиграфической традиции на Мангуле, но и о смене политических элит в княжестве Феодоро, связанной, по всей видимости, с военной катастрофой около 1396 г. К описанной традиции принадлежат все последующие строительные надписи Феодоро, как с Мангула (IOSPE³ V 179 (1425 г.) и, вероятно, IOSPE³ V 180 (1427 г.), равно как и надгробие IOSPE³ V 189 (1456 г.)), так и из других мест (IOSPE³ V 13 из Херсона 1446-1459 гг., IOSPE³ V 148 из Каламиты 1427-1448 гг., IOSPE³ V 241 из Партенита 1427 г., IOSPE³ V 238 из Фуны 1459 г.), а также, судя по монограммам, пропавшая надпись на одной из башен в Гамам-Дере [см.: 20, S. 71-72]. Впрочем, некоторые палеографические моменты (прежде всего, тенденция к удлинению букв) позволяют выделить внутри нее две группы: раннюю (1400-1420-е гг.) и позднюю (1450-е гг.), вероятно, связанные со сменой поколений внутри династии феодоритских правителей [см. <http://iospe.kcl.ac.uk/corpora/byzantine/introduction-ru.html#IV-2-C->].

Напротив, согласование этих строительных надписей с письменными источниками и археологией представляет в большинстве случаев значительные проблемы, за исключением, пожалуй, IOSPE³ V 241. Совершенно непонятен исторический контекст и личность заказчика надписи IOSPE³ V 178 1403 г. Надпись Алексея 1425 г. (IOSPE³ V 179) сохранилась только наполовину. Предположение об упоминании в ней строительства башни, а не храма (как аналогичная по формуле IOSPE³ V 180 1427 г.) базируется только на находке ее правой половины в насыпи дворцовой башни. Как указывалось выше, неясно точное происхождение надписи Алексея 1427 г. (IOSPE³ V 180): решающим аргументом в пользу Мангула [подробнее см.: 9] может быть совпадение ширины выемки на нижнем ребре плиты с шириной дверного проема в мангульском октагоне, который, соответственно, был храмом Свв. Константина и Елены. Надпись IOSPE³ V 13 из Херсона, не очень ясная по содержанию текста и

значению монограмм, но находящая параллель в строительной надписи IOSPE³ V 14 отсюда же, противоречит общепринятой археологической истории Херсонесского городища и заставляет предполагать существование там феодоритской крепости в середине XV в. Для надписи IOSPE³ V 148 из Каламиты в силу ее фрагментарности не ясно ни содержание, ни исторический контекст. Наконец, стихотворная надпись IOSPE³ V 238 из Фуны представляет проблемы как в плане реконструкции, в том числе метрической, так и в смысле содержания, включая дешифровку монограмм.

Подводя итог нашего обзора эпиграфики Мангула, можно констатировать, что она продолжает таить в себе еще много нерешенных загадок и неиспользованных возможностей. В качестве наиболее перспективных направлений исследования этого ценного исторического источника можно наметить следующие:

- поиск, в том числе и архивный, отождествление, паспортизация и локализация мангульских надписей, прежде всего, исчезнувших;
- их непредвзятое эпиграфическое и текстологическое исследование и обсуждение;
- внимательный анализ содержащихся в них реалий, имен, топонимов, а также языка;
- археологические раскопки на месте находок надписей с целью уточнения их исторического контекста и датировки;
- междисциплинарный комплексный анализ мангульской эпиграфики и данных других видов источников, в том числе археологических.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Айбабин А. И. Этническая история раннесредневекового Крыма. Симферополь: Дар, 1999.
2. Бармина Н. И. Греческая надпись на дне купели в Мангульской базилике // АДСВ. 1978. Вып. 15. С. 96-97.
3. Виноградов А. Ю. «Разряд» и «Часть». Как нам обустроить Феодоро? // Сугдейский сборник. 2005. Вып. 2. С. 431-437.
4. Виноградов А. Ю., Гайдуков Н. Е. Тропа над пропастью. Пещерный монастырь на северном обрыве городища Тепе-Кермен // Сугдейский сборник. 2004. Вып. 1. С. 13-35.
5. Виноградов А. Ю., Желтов М. С. «Апокрифическая» надпись с Мангула и обряды «изобличения вора»: магия и право между Античностью и Средневековьем // Slověne. International Journal of Slavic Studies. 2015. Т. 4. № 1-2. С. 50-91.
6. Виноградов А. Ю., Коробов М. И. Готские граффити из Мангульской базилики // Средние века. 2015. Т. 76. № 3-4. С. 57-75.
7. Виноградов А. Ю., Коробов М. И. Corrigenda. Готские граффити из Мангульской базилики // Средние века. 2017. Т. 78. № 1-2. С. 323-325.
8. Ганина Н. А. Крымско-готский язык. СПб.: Алетей, 2011.
9. Герцен А. Г. О первоначальном местонахождении надписи с упоминанием храма Свв. Константина и Елены: Каламита или Феодоро // Климентовский сборник: материалы VI Международной конференции «Церковная археология: Херсонес — город Святого Климента». Севастополь: Телескоп, 2013. С. 118-128.
10. Герцен А. Г., Науменко В. Е. К ранней истории княжества Феодоро: историко-археологический комментарий // ΧΕΡΣΟΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: империя и полис. Материалы VIII международного византийского семинара (Севастополь, Херсонес, 30.05-04.06.2016). Севастополь, 2016. С. 34-38.
11. Мыц В. Л., Юрочкин В. Ю. Исследования храма Христа Спасителя на г. Бойка в Крыму в 2008 г. // Археологічні дослідження в Україні. Київ, 2009. С. 210-213.
12. Науменко В. Е. Некоторые ключевые вопросы истории Таврики X-XI вв.: политико-административный аспект // АДСВ. 2011. Вып. 40. С. 166-188.
13. Науменко В. Е., Душенко А. А., Корзюк Д. В. Новый христианский культовый комплекс в округе Мангульского городища. Храм на г. Илька // ΧΕΡΣΟΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: империя и полис. Материалы VIII международного византийского семинара (Севастополь, Херсонес, 30.05-04.06.2016). Севастополь, 2016. С. 77-83.

14. Сидоренко В. А. «Готы» области Дори Прокопия Кесарийского и «длинные стены» в Крыму // МАИЭТ. 1991. Вып. II. С. 105-118.
15. Степаненко В. П. К интерпретации мангупской надписи гекатонтарха (?) Тцитс // МАИЭТ. 2008. Вып. XIV. С. 485-490.
16. Шалыга Д. А. К вопросу о письменности крымских готов // МАИЭТ. 2016. Вып. XXI. С. 312-316.
17. Шалыга Д. А. Об атрибуции рунической надписи на стеле с г. Опук // МАИЭТ. 2000. Вып. VII. С. 205-207.
18. Шалыга Д. А. О квазирунической надписи с горы Опук // XVI Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья: Географическая среда и социум. Керчь, 2015. С. 387-388.
19. Braune W. Gotische Grammatik mit Lesestücken und Wörterverzeichnis. Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 2004.
20. Gercen A. G. Der Mangup in den Augen von Forschern und Reisendenvom 16. bis zum beginnen den 20. Jahrhundert // Die Höhsiedlungen im Bergland der Krim: Umwelt, Kulturaustausch und Transformation am Nordrand des byzantinischen Reiches / Hrsg. von S. Albrecht, F. Daim, M. Herdick. Mainz: Verlag des Römisch-Germanischen Zentralmuseums, 2013. S. 57-100.
21. Korobov M., Vinogradov A. Gotische Graffito-Inschriften aus der Bergkrim // Zeitschrift für deutsches Altertum und deutsche Literatur. 2016. Bd. 145. S. 141-157.
22. Quak A. De ontbrekende schakel. Nieuwe Gotische teksten gevonden op de Krim // Madoc: Tijdschrift over de Middeleeuwen. 2016. Vol. 30(3). P. 130-135.
23. Rasonyi L., Baski I. Onomasticon Turcicum, Turcic Personal Names. Bloomington, 2007.
24. Slovník jazyka staroslověnského: Lexicon linguae palaeoslovenicae / Red. J. Kurz. T. 1. Praha: Nakladatelství Československé Akademie Věd, 1958.
25. Tomaschek W. Die Goten in Taurien. Wien: Alfred Hölder, 1881.

REFERENCES

1. Aibabin A. I. *Etnicheskaia istoriia rannesrednevekovogo Kryma*. Simferopol, Dar Publ., 1999.
2. Barmina N. I. Grecheskaia nadpis' na dne kupeli v Mangupskoi bazilike. *Antichnaia drevnost' i srednie veka*, 1978, vol. 15, pp. 96-97.
3. Vinogradov A. Iu. «Razriad» i «Chast'». Kak nam obustroit' Feodoro? *Sugdeiskii sbornik*, Kiev, Sudak, 2005, vol. 2, pp. 431-437.
4. Vinogradov A. Iu., Gaidukov N. E. Tropa nad propast'iu. Peshchernyi monastyr' na severnom obryve gorodishcha Tepe-Kermen. *Sugdeiskii sbornik*, Kiev, Sudak, 2004, vol. 1, pp. 13-35.
5. Vinogradov A. Iu., Zheltov M. S. «Apokrificheskaia» nadpis' s Mangupa i obriady «izoblicheniia vora»: magiia i pravo mezhdur Antichnost'iu i Srednevekov'em. *Slověne. International Journal of Slavic Studies*, 2015, T. 4, No. 1-, pp. 50-91.
6. Vinogradov A. Iu., Korobov M. I. Gotskie graffiti iz Mangupskoi baziliki. *Srednie veka*, Moscow, 2015, T. 76, No. 3-4, pp. 57-75.
7. Vinogradov A. Iu., Korobov M. I. Corrigenda. Gotskie graffiti iz Mangupskoi baziliki. *Srednie veka*, Moscow, 2017, T. 78, No. 1-2, pp. 323-325.
8. Ganina N. A. *Krymsko-gotskii iazyk*. S-Petersburg, Aleteia Publ., 2011.
9. Gertsen A. G. O pervonachal'nom mestonakhzhdenii nadpisi s upominaniem khrama Svv. Konstantina i Eleny: Kalamita ili Feodoro. *Klimentovskii sbornik: materialy VI Mezhdunarodnoi konferentsii «Tserkovnaia arkheologiya: Khersones — gorod Sviatogo Klimenta»*, Sevastopol, Teleskop Publ., 2013, pp. 118-128.
10. Gertsen A. G., Naumenko V. E. K rannei istorii kniazhestva Feodoro: istoriko-arkheologicheskii kommentarii. *Materialy VIII mezhdunarodnogo vizantiiskogo seminara «XEPΣΩNOC ΘEMATA: imperiia i polis»*, Sevastopol, 2016, pp. 34-38.
11. Myts V. L., Iurochkin V. Iu. Issledovaniia khrama Khrista Spasitelia na g. Boika v Krymu v 2008 g. *Arkheologichni doslidzhennia v Ukraini*, Kiev, 2009, pp. 210-213.
12. Naumenko V. E. Nekotorye kliuchevye voprosy istorii Tavriki X-XI vv.: politiko-administrativnyi aspekt. *Antichnaia drevnost' i srednie veka*, 2011, vol. 40, pp. 166-188.

13. Naumenko V. E., Dushenko A. A., Korziuk D. V. Novyi khristianskii kul'tovyi kompleks v okruge Mangupskogo gorodishcha. Khram na g. Il'ka *Materialy VIII mezhdunarodnogo vizantiiskogo seminara «XEPΣΩNOC ΘEMATA: imperiia i polis»*, Sevastopol, 2016, pp. 77-83.
14. Sidorenko V. A. «Goty» oblasti Dori Prokopiia Kesariiskogo i «dlinnye steny» v Krymu. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol, 1991, vol. II, pp. 105-118.
15. Stepanenko V. P. K interpretatsii mangupskoi nadpisi gekatontarkha (?) Ttsits. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol, 2008, vol. XIV, pp. 485-490.
16. Shalyga D. A. K voprosu o pis'mennosti krymskikh gotov. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol, 2016, vol. XXI, pp. 312-316.
17. Shalyga D. A. Ob atributsii runicheskoi nadpisi na stele s g. Opuke. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol, 2000. vol. VII, pp. 205-207.
18. Shalyga D. A. O kvazirunicheskoi nadpisi s gory Opuke. *XVI Bosporskie chteniia. Bospor Kimmeriiskii i varvarkii mir v period antichnosti i srednevekov'ia: Geograficheskaya sreda i sotsium*, Kerch, 2015, pp. 387-388.
19. Braune W. *Gotische Grammatik mit Lesestücken und Wörterverzeichnis*. Tübingen, Max Niemeyer Verlag, 2004.
20. Gercen A. G. Der Mangup in den Augen von Forschern und Reisendenvom 16. bis zum beginnen den 20. Jahrhundert. S. Albrecht von, F. Daim, M. Herdick (Hrsg.), *Die Höhsiedlungen im Bergland der Krim: Umwelt, Kulturaustausch und Transformation am Nordrand des byzantinischen Reiches*, Mainz, Verlag des Römisch-Germanischen Zentralmuseums, 2013, pp. 57-100.
21. Korobov M., Vinogradov A. Gotische Graffito-Inschriften aus der Bergkrim. *Zeitschrift für deutsches Altertum und deutsche Literatur*, 2016, Bd. 145, pp. 141-157.
22. Quak A. De ontbrekende schakel. Nieuwe Gotische teksten gevonden op de Krim. *Madoc: Tijdschrift over de Middeleeuwen*, 2016, Vol. 30(3), pp. 130-135.
23. Rasonyi L., Baski I. *Onomasticon Turcicum, Turcic Personal Names*. Bloomington, 2007.
24. Kurz J. (Ed.). *Slovník jazyka staroslověnského: Lexicon linguae palaeoslovenicae*. T. 1, Praha, Nakladatelství Československé Akademie Věd, 1958.
25. Tomaschek W. *Die Goten in Taurien*. Wien, Alfred Hölder Verlag, 1881.

Виноградов А. Ю.

Основные проблемы и вопросы изучения византийской эпиграфики Мангупа
Резюме

В статье рассматриваются основные проблемы византийской эпиграфики Мангупа: технические, содержательные и исторические, и намечаются пути их решения. Обсуждаются сложные вопросы, связанные как с давно найденными надписями, так и с недавними находками, включая готские граффити. Анализируется связь мангупских надписей с другими письменными и археологическими источниками и выявляется их значение для реконструкции «белых пятен» истории Мангупа и Феодоро. В качестве приложения даны тексты и переводы греческих и готских надписей с Мангупа и из его ближайших окрестностей.

Ключевые слова: Мангуп, надписи, эпиграфика, археология, письменные источники, Феодоро.

Vinogradov A. Iu.

The Main Research Problems and Questions of Researches
in Byzantine Epigraphy of Mangup
Summary

This article discusses the main problems of Byzantine epigraphy of Mangup: technical, informative, and historical, and the ways of their solution. It deals with complicated questions concerning old-known inscriptions and recent finds, including Gothic graffiti. The author examines the relationship of Mangup epigraphy with other written and archaeological sources and reveals its importance for the reconstruction of "white spots" in the history of Mangup and Theodoro. The Appendix presents the texts and translations of Greek and Gothic inscriptions from Mangup and its environs.

Keywords: Mangup, inscriptions, epigraphy, archaeology, written sources, Theodoro.

Приложение 1

Текст и перевод византийских надписей Мангупа¹

Греческие надписи

V 171. Феодоро. Строительная надпись Юстиниана I, 532-533, 547-548 или 562-563 гг.

[Ἐπὶ Ἰουστινιανῶν]

[τοῦ αὐτοκράτορος],

[---] ἰνδ(ικτιῶνος) αἰ, ἔτους [..].

Перевод: ...при (?) Юстиниане самодержце ..., в 11-й индикт, в ..-м году.

V 172. Феодоро. Строительная надпись Цулы-бега, 994-995 гг.

+ Ἐκτίσθη

ὁ τῦχος τ(οῦ)τος

ὑπὸ ἡμερῶν

τοποτηριτοῦ

Τζουλα-βήγη,

υ(ιο)ῦ Πολέτα.

ἔτος ,ςφγ'.

Перевод: Построена эта стена во дни местоблюстителя Цулы-бега, сына Полета, в 6503 году.

V 173. Феодоро. Строительная надпись неизвестных, 1179 г.

[Α]γανεόθ(η) ἡ[ς] τοῦς Βαρζάρους ὑπὸ τ(ὸν) ἀσ[ту ---]

ἔτ(ους) ,ςηπζ', [μηνί] Ἰουλήου κθ', ἡνδ(ικτιῶνος) ζ['].

Перевод: Возобновлено в Варзарах гра[до...ми (?)] в 6687 году, 29 июля, [в 7-ой] индикт].

V 174. Феодоро. Строительная надпись неизвестного, 1224-1225 гг.

Ἔτους ,ςψλγ'.

+ Γύνεται νῦν [---]-

κου πα[ρά] κυροῦ [---]Ε[---]Υ

ΟΥΟ πα[ν---τά] του ἱερο[μ]ουάχου καὶ ΠΕ

ΟΣ τοῦ [---]

Перевод: В 6733 году. Строится ныне ... господином [таким-то, ...] все...ейшим иеромонахом и ...

V 175. Феодоро. Строительная надпись феодоритов, 1282-1283 гг.

[---]ΘΙΘΕΙ, δς ἐκ Ποήκα, ἡ {υ} Θεοδωρ[ίτη] εἰς αἰώνιον μ-

νημα. Ἐπὶ καβαλάρη[ι] ἔπειραν β' ζεύγη βωσῶν, τὸν ζευγελά-

[τ]ην ἐφώνεσαν: κὲ ὅς τὸ ἤκουσεν, ἡς Βαρζάρους ἔξερε ἀπὸ μη-

κροῦ ἕως μεγάλου {ς}: κ(αὶ) ἐδίωξαν ὀπήσο αὐτοὺς ἕως τοῦ μέρους

κ(αὶ) τέο[ς] τοῦ θεοφηλάκτου κάστρου Θεοδόρου: κὲ κατεδήο-

ξαν κὲ κατέκοψαν αὐτοὺς ἕως τοῦ Ζαζαλε κ(αὶ) μέρους ια': το

καὶ ἤκουσαν [.4.] κὲ τὸν κε [...]ΟΝ.ΚΕΝΗ.ΟΥ[---]

ἐπὶ ἔτους ,ςψ'ια', --- Ε[...ΣΙ---ΟΣ. ἴκουσαν κὲ [.6.]μος

¹ Даны автором по: <http://iospe.kcl.ac.uk/corpora/byzantine/index-ru.html>. Там же история изучения эпиграфических памятников и основная библиография вопроса.

---Υ---

Перевод: Такому-то, что из Пойки, феодориты в вечную память. Поскольку всадники захватили 2 упряжки волов, а погонщика волов убили, то, когда он услышал, в Варзарах поднял всех от мала до велика. И гнались за ними до Части и до богохранимой крепости Феодоро, и догнали их и рубили вплоть до Зазале и 11-й части. И услышали это ... и ... в 6791 (?) году... слышали и...

V 176. Феодоро. Строительная надпись Хвитана, 1300-1301 или 1361-1362 г.

Κ(ύρι)[ε] Ἰ(ησο)ῦ [Χ(ριστέ)], ὁ θ(εὸς) ἡμ(ῶν), [σῶ]σ(ον) τ(οῦ)ς θεμε-

λιώσαντας τὸ τῖχο[ς] ἐκτίσθη ὁ πύρ-

γος τοῦτ(ος) τῆς πανπόλεως τετιμημένης Πο-

ῖκας διὰ βοηθί(α)ς τοῦ θ(εο)ῦ καὶ τοῦ ἁγίου Δημητρίου

καὶ σηνδρομ(ῆς) τοῦ [παν]τιμιωτάτου ἡμῶν

Χουῖτάνη τοῦ (ἐκατοντ)[άρ]χου, πάσης τιμ(ῆ)ς κ(αὶ) ὁ ἀνα-

καιν(ισ)μὸς τῆς Θεοδωρ(οῦς) μετὰ τὸν Ποῖκαν. ἔκτ(ισ)-

θαν ὁμοῦ ἐπὶ ἔτ(ους) ,ςωθ' resp. ,ςωρ'.

Перевод: Господи Иисусе Христе, Бог наш, спаси создавших эту крепость. Построена эта башня всегорода почтенной Пойки при помощи Божьей и святого Димитрия и при содействии всечестнейшего нашего Хвитана сотника, всякой чести; и обновление Феодоро: вместе с Пойкой построены вместе в 6809 (или: 6870) году.

V 177. Феодоро. Строительная надпись —ци, 1391-1401 гг.

+ Ἐκ[τίσθη] ἐκ β[-]

ἀθρων [διὰ]

κόπου [---]

τζι το[ῦ] ἐκα-

τοντάρ[χου],

ἐπὶ τῆς β[ασιλί(α)ς]

Τοχταμή[ς].

ἐπὶ ἔτους [,ςη' resp. ,ςη. '].

Перевод: Пос[троено от о]снования трудами ...ци сотни[ка] в ц[арствование] Тохтамы[ша], в [6900 (или: 690.)] году.

V 178. Феодоро. Строительная надпись неизвестного, 1403 г.

[— — — — —]

ἐν μηνί [ἀπ]ριλείῳ α', ἡμ-

έρα κυρ(ιακῆ), ἔτους (χιλιοστ)οῦ (έννακοσιαστ)οῦ ια', (ινδικτιῶνος) ια'.

Перевод: ... 1 [ап]реля, в [воскресенье], в шесть тысяч девятьсот 11-м году, в 11-й индикт.

V 179. Феодоро. Строительная надпись Алексея, 1425 г.

[Ἐκτίσθη ὁ πύργος? οὔ]τος μετὰ τοῦ παλατ-

[ίου καὶ σὺν τῷ εὐλ]ογημένῳ κάστρ-

[ῳ, ὁ νῦν ὁράται, ὑπὸ] ἡμερῶν κυροῦ Ἀλ-

[εξίου αὐθέντου πόλεω]ς Θεοδώρους καὶ πα-

[ραθαλασσίας, μηνί] Οκτ[οβρίῳ, ἔτους] ,ςηλδ'.

Перевод: [Построена э]та [башня (?)] вместе с двор[цом и с благос]ловенной крепост[ью, которая ныне видима, во] дни господина Ал[ексея, благодаря город]а Феодоро и по[морья, в окт]ябре 6934 года.

V 180. Феодоро или Каламита. Строительная надпись Алексея, 1427 г.

Ἐκτίσθη ὁ ναὸς οὗτος σὺν τῷ εὐλογημένῳ κάστρῳ,
ὃ νῦν ὁράται, ὑπὸ ἡμερῶν κυροῦ Ἀλεξίου, αὐθέντ-
ου πόλεως Θεοδώρου καὶ παραθαλασσίας καὶ κτή-
τωρ τῶν ἀγίων ἐνδόξων θεοστέπτων μεγά-
λων βασιλέων καὶ εἰσαποστόλων Κωνσταντίνου καὶ Ἑλένης μηνὶ Ὀκτοβρίῳ
[..]’, ἰνδηκτηῖος ἔκτης, ἔτους ς’ηλς’.

Перевод: Построен этот храм с благословенной крепостью, которая ныне видима, во дни господина Алексея, господаря города Феодоро и поморья и ктитора [храма] святых славных, боговенчаных, великих царей, равноапостольных Константина и Елены, [..]-го октября, в шестой индикт, в 6936 году.

V 181. Посвящение (?) чтеца, IX-X вв.

+ Ἐγώ, ἀν-
αγνός-
τ(η)ς, δο-
ῦ[λ]ο<ς>
Χ(ριστοῦ)
[ὁ δεῖνα ---].

Перевод: Я, чтец, раб Христов [такой-то...].

V 182. Демонстративная надпись, XIV-XV вв.

1 Φ(ῶς) [Χ(ριστοῦ)] φ(αίνει) π(ᾶσιν?).

Перевод: Свет Христов сияет всем.

2 ΤΟΗ. 4.ΟΥ(?)

Переводу не поддается.

V 183. Прощение Агапия, Григория и Иоанна, IX-XI вв.

1. [Κ(ύρι)ε, βοήθει (e.g.)] Ἀγαπί]ο ἀναξ(ί)ο πρ(ω)το[π]α[π]ᾶ (?)

Перевод: Господи, помоги (?) Агапию, недостойному протопопу (?).

2. + Ὁ θεός, τῇ πρ<ε>σβεΐᾳ τοῦ ἀ[γίου]

Ἰωάννου σῶσον τ[ὸν] δοῦλόν]

σου παπᾶν Γριγώρ[ιν ἀναγνός-]

την ἀμαρτολόν, [ἀμήν].

Перевод: Боже, по заступничеству святого Иоанна спаси раба Твоего попа Григория, грешного чтеца, аминь.

3. [Βοή]θη τὸν δοῦλόν σου, πατήρ μου, πρεσβύτερον Ἰω[άννην ---]ετον вас. Προκωπίου (?).

Перевод: Помоги рабу своему, отче мой, пресвитеру Иоанну... Прокопия.

V 184. Прощение –ивей и –ата, X-XI вв.

[ἸΩ ἔ]νδοξε μυ[στοδότα (e.g.)],

[τὸν θ]εόν σε προσκ[αλοῦμεν] resp. προσκ[αλοῦσιν]

[..? ..]υβαθα, νύπιος κόμη[ητος τοῦ] δεῖνος, καί?

[..? ..]ατ, υἱὸς Μούνζη τοῦ [..? ..]

[..? ..]Τ[..? ..].

Перевод: [О с]лавный Та[йнодавче (?), Б]ога Тебя приз[ываем (или: призывают) ...] ивей, младенец ком[ита такого-то и (?)] ...]ат, сын Мунзи...

V 185. Прощение неизвестного.

[Κ(ύρι)ε], ἐλέησ[ον] τὸν δοῦλον σοῦ [---]ρο[---].

Перевод: [Господи,] помил[уй] раба Твоего ...]ро[...]

V 186. Прощение Константина, IX-XI вв.

1. Φῶς,

Ζωή.

Перевод: Свет, жизнь.

2. Ἰ(ησοῦ)ς

νικᾷ.

Перевод: Иисус побеждает.

3. [Σῶσον τὸν] λαόν σου,

καὶ τόν.

Перевод: Спаси людия твоя и.

4. Κ(ύρι)ε, βοήθη

τὸν δοῦλόν σου

Κ[ων]σταν-

τῆνον ἀμα-

ρτολόν.

Перевод: Господи, помоги рабу Твоему Константину грешнику.

V 187. Надпись над иконой Богородицы (?), XV в.

[---]ος Μ(ήτη)ρ Θ[(εο)ῦ ---]Η[---]

Перевод: ... Матерь Божья...

V 188. Надгробие Иоанна, XIV-XV вв.

Ἰω(άννης) ἐτελιότη.

Перевод: Иоанн скончался.

V 189. Надгробие Стефана, 1456 г.

Ἐκημήθι ὁ δοῦλο[ς]

τοῦ Θ(εο)ῦ Στέφανος

ἀναγνόστης, σύμβιον

καὶ τέκνον αὐτοῦ ἐν μη(νὶ) Νοεβρίῳ θ’, ἔτους ς’ηξε’.

Перевод: Почил раб Божий Стефан, его жена и дети 9 ноября 6965 года.

V 190. Надгробие Карамани..., XV в.

[Κεκοίμηται resp. Ἐκοιμήθη]

[ὁ ἐν μακαρίᾳ]

[τῇ μνήμῃ]

κὲ δ{ο}οῦλος [τοῦ Θεοῦ]

[Κ]αραμάνι[---].

Перевод: [Упокоился (или: Почил) иже во блаженной памяти] и раб [Божий] Карамани[...].

V 191. Надгробие неизвестного, X-XV вв.

[Ε]κυμήθου τὸ παιδίον? ὁ δεῖνα μινὴ Ἰουγίου θ'.

Перевод: Почило д[итя (?) такой-то] 9 июня.

V 192. Надгробие Феклы, IX-XI вв.

+ Ἐτελεύτησεν ἡ
δούλη τοῦ θεοῦ Θέ-
κλα, σύμβητος τοῦ [δού-]
λου τοῦ θεοῦ ..? .. εἰς
5τὰ ..? .., ἡμέρα ---.

Перевод: Скончалась раба Божья Фекла, супруга раба Божьего ..., -го ..., в ...

V 193. Надписи на карнизе, X-XI вв.

1. [Κ(ύρι)ε, β]οήθη τὸν δοῦλόν
σου Ἰωάννην.

Перевод: Господи, помоги рабу Твоему Иоанну.

2. [Ἰ]οάννη
[.]λήτου, Κεδό-
του, Θεοδοσίου,
ΤΕΟΥ [---]

Перевод: Иоанна, ..лита, Федота (?), Феодосия...

3. Κ(ύρι)ε, [βοήθει
[καὶ] ἄφ[εσον? τὸν]
[δοῦ]λόν σου
Παῦλον.

Перевод: Господи, [помоги и] пр[ости (?) ра]ба Твоего Павла.

4. [— — — — —]
[Κ(ύρι)ε], [β]ωί[θ]υ, [τ]ὸν δοῦλόν σου
[---]άννιον.

Перевод: ... [Господи, п]ом[ог]и рабу Твоему ...аннию.

5. Θεωδό-
ρις.

Перевод: Феодорис.

6. Τοῦ Δανή-
λη, τοῦ Κεδό,
τοῦ Ἐρδαστήου,
το,
τοῦ Δαυί[δ],
τοῦ [Πρ]όκλ[ου?],
τοῦ Ἰουσ[τίνου],
τοῦ Δαυί[δ].

Перевод: Данилы, Кедо, Эрдастия, Давида, Прокла, Иустина, Давида.

V 194. Надпись на хлебном штампе, X-XII вв.

Ὁ ἄρᾶς τὸ στόμα αὐτοῦ γέμη καὶ πικρίας καὶ δόλου.

Перевод: Егоже клятвы уста его полна суть и горести, и лести.

V 195. Литургическая надпись, X-XIII вв.

[---].α.εν : ἐνώπι[ον ---]

Перевод: ..., перед ...

V 196. Надпись на стене пещеры, 1220-1221 гг.

+ Ἐτ(ους) [ς]ψκθ'.

Перевод: В [6]729 году.

V 226. Строительная надпись неизвестных, VIII-IX вв.

1. <Ι(ησοῦ)ς> Χ(ριστὸ)ς νηκῶ.

Перевод: Иисус Христос побеждает.

2. [Ἐπὶ β-]
[ασιλή-]
α[ς?] ..-
ουθου
Χαγα-
ν, Ἡζου resp. Ἡρζου
τουδού-
ν αν-
εχηρή-
σθι ὁ
ναὸς
τοῦ θεοῦ
μινὴ
Ἀπρη-
λήο
ἡς τὸ
ιδ'.

Перевод: [В царствован]и[е] (?) ..ута хагана, Иза (?) (или: Ирза?) тудуна, воздвигнут храм Божий 14 апреля.

3. [— — — — —]
[— — — — —]
[— — — — —]

[---].
[.]κατ-
[.]α δου-
[λ]φ Κ(υρίο)-
υ.

Перевод: ... кат..., рабу Господню.

4. + Ἡ-
κ(?)ε, θ-
(ε)έ, ὁσπ-

ἵτια τ-
έσαρ-
α +

Перевод: Посети (?), Боже, четыре дома.

5. [— — — — — — — — —]
[— — — — — — — — —]
[— — — — — — — — —]

ἡς τ(όν)

Σαυγοα (?) -

τουχат resp. τοῦ χат. +

Перевод: ... в Савгоатухате (или: Савгоа Хата).

V 227. Посвящение Марии, V-VII вв.

Ὑπὲρ εὐχῆς + Μαρίας κομ(ητίσσης).

Перевод: О молитве за Марию комитиссу.

Готские надписи

I.1. Пс 76, 14-15 и стих (?)

huas g(u)þ mikils
swe g(u)þ unsar? þu
is g(u)þ waurkjands
sildaleika. ainns
usstoþ
und aiwins
us dauþaim
jah in midjun[gard-]

Перевод: Кто Бог великий как Бог наш? Ты — Бог, творящий чудеса.
(Единый) воскрес вовеки из мертвых и в мир (?) ...

I.2. Прошение неизвестного

f(rau)ja hilp skal[kis] þe[ini]s þis wi-

Перевод: Господи, помоги рабу Твоему...

I.3. Памятная надпись (?)

wind-

Перевод: Винд...

I.4. Прошение Дамиана

f(rau)ja hilp skalkis þei[nis]
damja[na]us us w(e)inag[ardjam ?]
jah frawaur(h)tis

Перевод: Господи, помоги рабу Твоему Дамиану из виноградарей (?) и грешнику.

II.1. Прошение (?) Дамиана

-is jah frawaur(h)tis damjan[aus]

Перевод: ... и грешного Дамиана.

В. ЗАЙБТ

ИАКОВ, МИТРОПОЛИТ ГОТИИ, И ЕГО ПЕЧАТЬ (XIV в.)

Весной 2016 г. А. Е. Шереметьев — наиболее успешный коллекционер византийских и древнерусских печатей, происходящих с территории Древней Руси и из Крыма, приобрел очень интересную матрицу для оттискивания печатей, обнаруженную у подножья Мангула (Дори, Феодоро), который на протяжении нескольких столетий был центром средневекового княжества — Крымской Готии. Ныне она находится в собрании Музея исторических и культурных реликвий семьи Шереметьевых (г. Киев), инвентарный номер МС-2471¹. Впервые эта матрица опубликована в статье: [20].

Поле матрицы (рис. 1), выполненной из медного сплава и предназначенной для оттискивания восковых печатей², состоит из внутреннего круга диаметром 22 мм с изображением фигуры человека и отделенного точечным ободком внешнего сегмента толщиной 5 мм, где помещена круговая легенда³. Написанная по-гречески легенда (рис. 2) начинается с изображения креста наверху и читается следующим образом:

+ΟΝΗΤΡΟΠΟΛΙΤΗΣ : ΓΟΤΘΙΑΣΙΑΚΩΒΟΣ

+ Ὁ μητροπολίτης Γοθθίας Ἰάκωβος.

+ Митрополит Готии Иаков.

Лигатуры в надписи отсутствуют, но некоторые буквы имеют специфическую форму, как, например, *μ*ο, напоминающая «палеологовский» стиль, *α*λφa с гостой вверху слева, или *τ*αυ с небольшими вертикальными гостями на концах горизонтальной черты. *β*ετα — закрытой формы. Помимо этого, следует отметить три точки в середине легенды. Легенда начинается не с имени или слова «σφραγίς» («печать»), но с должности митрополита, что необычно для византийских печатей.

В центральном круге изображен бюст мужчины, руки которого воздеты в молитвенном жесте (*орант*). Отсутствует нимб вокруг головы, нет и никакой поясняющей надписи. У изображенного показана борода и высокий лоб (как у св. Павла). Омофор (в форме *ипсилона*) украшен крестами — наиболее заметен из них центральный.

Идентификация данного бюста проблематична. Возможна интерпретация его как св. Иакова, ведь в византийской иконографии фигурировало несколько более или менее из-

¹ Я признателен А. Е. Шереметьеву (Киев) за разрешение опубликовать находку и предоставленные фотографии, а также Н. И. Храпунову (Симферополь) за перевод этой статьи на русский язык.

² Хотя о восковых печатях в Византийской империи известно немного, они должны были иметь некоторое значение, в особенности начиная с XI в. [см.: 15, р. 123-128; 19, S. 19; 21, S. 19].

³ Подобный дизайн регулярно встречается на печатях, матрицах и перстнях-печатках XIII-XIV вв. из соседней Болгарии. См, например, хрисовул царя Константина Асеня 1257-1277 гг. [2, № I,8, рис. 352-353], хрисовул царя Ивана Шишмана 1371-1395 гг. [2, № I,11, рис. 361], медальон-печать Рафаила XIV в. [2, № III,4, рис. 366], перстень-печатка Витомира XIV в. [2, № IV,2, рис. 373], перстень-печатка Доброслава XIII-XIV вв. [2, № IV,5, рис. 376], перстень-печатка Калояна XIII в. [2, № IV,6, рис. 377] и др.

Рис. 1. Матрица печати митрополита Готии Иакова:
1 — лицевая сторона, 2 — оборотная сторона, 3 — вид матрицы сбоку
(фото Музея Шереметьевых)

вестных персонажей, носивших это имя. Среди них — патриарх Иаков⁴, апостол Иаков Старший (Большой), сын Заведее и брат апостола Иоанна, которого позднее почитали в Испании (в Сантьяго-де-Компостела)⁵, Иаков, брат Господень (Адельфотей), первый епископ Иерусалима⁶, и апостол Иаков Младший⁷, но все они представлены другими

⁴ Ветхозаветный патриарх Иаков, сын Исаака, иногда изображался без нимба; согласно учебнику живописи с горы Афон, его следовало рисовать в образе пожилого человека с длинными волосами и длинной раздвоенной бородой [см.: 9, S. 379-383; 24, S. 519-525].

⁵ В Новом Завете упомянут апостол Иаков Старший; в 44 г. н. э. ему отрубил голову Ирод Агриппа. Впоследствии его бранные останки оказались в Сантьяго-де-Компостеле, который стал центром паломничества. В афонском учебнике живописи он фигурирует в образе молодого апостола с пробивающейся бородой, тогда как на более ранних рисунках он изображен несколько старше и чернобородым. Лишь начиная с XIII в. появились изображения Иакова в образе паломника, атрибутом которого были раковины [см.: 10, S. 23-39; 16, S. 718-719].

⁶ Иаков, брат Господень, был одним из «апостолов от семидесяти». Согласно его «Мученичеству» (*passio*), он был убит в 62 г. н. э. по приказу первосвященника Анны/Анании. Хотя ему и приписывают «Послание Иакова» из Нового Завета, он не был его автором. Вероятно, в более позднее время его мощи перевезли в Константинополь. Согласно афонскому учебнику живописи, его изображали в епископском облачении, в образе пожилого человека с кудрявыми волосами и длинной раздвоенной бородой; зачастую встречаются его изображения в облике апостола или епископа среднего возраста, с короткой белой бородой [см.: 5, S. 39-41].

⁷ Апостол и мученик Иаков Малый или «Младший» был сыном Алфея. Поскольку он был одним из двенадцати апостолов, его обычно изображают в тунике, иногда как бородатого мужчину среднего возраста, иногда безбородым молодым человеком. Афонский

иконографическими типами. Некоторое сходство обнаруживается с менее известным отшельником Иаковом (Аскетом) из Палестины, которого изображали бородатым, с поднятыми в молитвенном жесте руками, как правило — стоящим на коленях в открытой гробнице (саркофаге)⁸.

Альтернативная интерпретация заключается в том, что перед нами — изображение самого митрополита. В западной традиции⁹ существует множество изображений епископов на их собственных печатях, однако в византийской сфрагистике это случалось очень редко. На Западе изображение бюста епископа было достаточно популярно на раннем этапе, тогда как в эпоху, к которой относится наша матрица, епископов обычно изображали на троне [см., например: 11, S. 389-412]. Но и на Востоке, и на Западе обычно фигурируют и другие, помимо омофора, атрибуты епископа — в Византии правая рука епископа обычно сложена в жесте благословения, а в левой он держал Евангелие. Потому вопрос об интерпретации нашего изображения остается открытым, причем наиболее вероятным вариантом представляется отшельник из Палестины.

Княжество Готия в Горном Крыму имело своего особого (архи)епископа начиная с VI в., причем его резиденцией был Мангуп. Очень интересный план повышения Готии до ранга митрополии (в той или иной степени захватывающей Хазарию) находится в конце «Нотииции № 3», стк. 777-779 [7, p. 245]: «AZ' ἐπαρχία Γοθίας. α' ὁ Χοτζήρων σύνεγγυς Φούλων καὶ τοῦ Χαρασίου, ἐνῶ λέγεται τὸ Μάβρον Νερόν. β' ὁ Ἀστήλ, ἐνῶ λέγεται ὁ Ἀστήλ ὁ ποταμὸς τῆς Χαζαρίας, ἔστιν δὲ κάστρον» («37. Епархия Готии. 1) [Епископ] Хотциров близ Фулл и Харасиу, что значит “черная вода”. 2) [Епископ] Астиль, что значит Астиль — река в Хазарии, но есть и крепость [такого же названия]»). В другой парижской рукописи находится более длинный список: «ΑΗ' . Ἐπαρχία Γοθίας. α'. Δόρος μητρόπολις. β'. ὁ Χοτζήρων. γ'. ὁ Ἀσατήλ. δ'. ὁ Χουάλης. ε'. ὁ Ὀνογοῦρων. ς. ὁ Ρετέγ. ζ. ὁ Οὐννων. η'. ὁ Τυμάταρχα» («38. Епархия Готии. 1) Митрополия Дорос. 2) [Епископ] Хотциров. 3) [Епископ] Асатиль. 4) [Епископ] Хуалис. 5) [Епископ] Оногуров. 6) [Епископ] Ретег. 7) [Епископ] Гуннов. 8) [Епископ] Тиматарха») [4, p. 519]. Орфография ряда названий в этом тексте отличается (для сравнения вариант из издания Ж. Даррузеса дан в скобках): Χοτζήρων (Хотциров), Ἀσατήλ (Астиль), Τυμάταρχα (Таматарха) [7, p. 241-242,

учебник живописи отдавал предпочтение изображению молодого человека с заостренной бородкой. В Западной церкви Иакова Малого отождествляют с Иаковом, братом Господним [см.: 6, S. 47-51].

⁸ Время его жизни неизвестно. На протяжении 50 лет он жил в пещере близ города Порфирия в Палестине, а оставшиеся годы — в какой-то гробнице (саркофаге) [см.: 8, S. 41].

⁹ В поздневизантийское время Крым испытывал влияние различных культур — византийской, западноевропейской, армянской, монгольской, тюркской и пр. Готия не была частью Византийской империи с центром в Константинополе или Трапезунте, хотя ее династы действовали в византийской манере, а византийская культура господствовала в регионе, который незадолго до середины XIII в. оказался под властью монголов. С этого времени в Готии появились католические миссионеры, присланные Латинской церковью.

Рис. 2. Современный оттиск с матрицы печати митрополита Готии Иакова
(фото Музея Шереметьевых)

line 611-618]. Вероятно, это был не просто план, но решение патриаршего константинопольского синода (*Synodos endemousa*) и самого патриарха, однако дальнейшее развитие событий не соответствовало планам. Впервые Готия фигурирует в качестве архиепископии лишь в «Нотии № 7» начала X в. (стк. 97), сразу после Сугдеи и Фулл. К. Цукерман датирует «Нотицию № 3» 802-805 гг. [25, р. 202-218, особенно р. 206; см. также: 23, р. 97; 22, col. 890-892; 17, S. 135, N 2].

Прошло несколько веков, пока архиепископ Готии не был окончательно повышен до ранга митрополита либо в конце правления Михаила VIII Палеолога (†1282 г.), либо в начале царствования Андроника II, вероятно, ок. 1275 г., хотя источники впервые упоминают митрополита Готии только в 1317/1318 г. В XIV в. известно шесть митрополитов, среди которых до сего дня не фигурировал Иаков. Первоначально митрополит Готии занимал 86 позицию в списке византийских церковных иерархов, но со временем его ранг был повышен — в поствизантийской «Нотии № 21» он уже 70 в списке [7, р. 420].

В XIV в. известны следующие митрополиты. Некий неизвестный по имени в 1317/18 г. имел проблемы с митрополитом Сугдеи касательно денег, поступавших с некоторых деревень [PRK I, no. 52, р. 344, 6-7]. В тексте упоминаются «οἱ ἑξάρχοι τοῦ ἱερωτάτου μητροπολίτου Γοθθίας καὶ ὑπερτίμου» («экзархи святейшего митрополита Готии и ипертима»). В 1319 г. помета в одной рукописи упоминает митрополита Софрония [PLP XI, № 27370]. В 1347 г. митрополит Петр подписал паламитский «Томос» и принял участие в другой сессии Синода, где обсуждалась Русь. Он назван «Ο ταπεινὸς μητροπολίτης Γοθθίας καὶ ὑπερτίμος Πέτρος» («смиранный митрополит Готии и ипертим Петр») [12, р. 226, 505; PLP X, № 23089; PRK II, № 170, 111, р. 496 (без имени митрополита)]. В 1368-1371 гг. митрополитом Готии и одновременно экзархом Херсона был Митрофан, подписавший «Томос» против Прохора Кидониса [18, р. 133, 1. 956 (только в этом новом издании имеется подпись, сообщающая его имя); 13, S. 500-501 (без имени митрополита); 17, S. 137]. 11 августа 1371 г. митрополит Сугдеи получил «πατριαρχικὰ δίκαια» («патриаршее решение»); оно касалось доходов с монастырей, находившихся под прямым контролем патриарха) относительно Готии [13, S. 577; ср.: 17, S. 137; 26]. Приблизительно с 1376 по 1385 гг. митрополитом Готии был Феодосий (умер до августа 1385 г.); у него возникли проблемы во взаимоотношениях с митрополитом Херсона, в особенности касающиеся селения Кинсан, но, в конце концов, он отказался от своих претензий [PLP IV, col. 7158; 14, S. 67-70, 71-74; 17, S. 137]. Его преемником стал Антоний (1385-1389 гг.), «унаследовавший» проблемные взаимоотношения с митрополитом Херсона и присутствовавший в Синоде в октябре 1385 г. и между февралем и апрелем 1389 г. В августе 1390 г. митрополит Херсона Фаддей получил все права на Кинсан. Антоний, вероятно, к тому времени уже умер [14, S. 69-70, 71-74, 129; PLP I, col. 1086; 17, S. 137-138]. Имя митрополита, который принял участие в заседаниях Синода 1393/94 г., осталось неизвестным; в 1396 г. он должен был появиться в Синоде из-за обвинений, выдвинутых против митрополита Херсона [14, S. 198; 17, S. 138]. В 1399 г. митрополитом Готии (в почетном ранге митрополита Эфеса!) стал Иоанн Оловол, в прошлом — хартофилак Великой церкви (храма св. Софии в Константинополе). Он принимал участие в свержении патриарха Матфея I в июне 1403 г., но вышел в отставку и поселился в константинопольском монастыре Христа Филантропа, где и умер в июле 1403 г. Он посещал Синод в октябре-ноябре 1399 г., ноябре 1401 г. и июне 1403 г. [см.: 17, S. 138 (здесь же библиография); PLP IX, col. 21044].

Тот факт, что матрица для оттискивания печатей найдена у подножья Мангупа, не является убедительным доказательством того, что Мангуп был резиденцией митрополита, но намекает на это. Следует иметь в виду, что в XII-XIII вв. Мангуп,

вероятно, лишился значительной части населения и роли важнейшего городского центра, вернув себе былое значение лишь в XIV в. [1, с. 131-132; 3, р. 307].

Вероятно, данная печать датируется первой или второй третью XIV в.

Перевел с английского Н. И. Храпунов

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Герцен А. Г., Наumenko В. Е. Керамика IX-XI вв. из жилого комплекса на мысе Тешкли-Бурун // АДСВ. 2001. Вып. 32. С. 127-147.
2. Йорданов И. Корпус на средновековните български печати. София: Национален археологически институт с музей, 2016. 308 с. (Плиска — Преслав. Т. 12).
3. Aibabin A. Cities and Steppe of the Crimea in the Thirteenth and Fourteenth Centuries According to the Archaeological Data // Schmieder F., Schreiner P. (Eds.). Il Codice Cumanico e il suo mondo / Centro Tedesco di Studi Veneziani, Ricerche. Vol. 2. Roma: Edizioni di Storia e Letteratura, 2005. P. 297-334.
4. Boor C. de. Nachträge zu den Notitiae episcopatum // Zeitschrift für Kirchengeschichte. 1891. Bd. 12. S. 303-326, 519-534.
5. Böhm B. Jakobus Bruder des Herrn (Adelphotheos), der Gerechte // Lexikon der christlichen Ikonographie. Rom; Freiburg; Basel; Wien: Herder, 1974. Bd. VII. S. 39-41.
6. Böhm B. Jakobus Minor (der Jüngere), Alphäus // Lexikon der christlichen Ikonographie. Rom; Freiburg; Basel; Wien: Herder, 1974. Bd. VII. S. 47-51.
7. Darrouzès J. Notitiae episcopatum ecclesiae Constantinopolitanae. Paris: Institut Français d'Études Byzantines, 1981. 521 p.
8. Kaster G. Jakobus der Eremit (Asceta, von Palästina) // Lexikon der christlichen Ikonographie. Rom; Freiburg; Basel; Wien: Herder, 1974. Bd. VII. S. 41.
9. Kauffmann C. M. Jakob // Lexikon der christlichen Ikonographie. Rom; Freiburg; Basel; Wien: Herder, 1970. Bd. II. S. 379-383.
10. Kimpel S. Jakobus der Ältere (Major) // Lexikon der christlichen Ikonographie. Rom; Freiburg; Basel; Wien: Herder, 1974. Bd. VII. S. 23-39.
11. Kittel E. Siegel. Braunschweig: Klinkhardt & Biermann, 1970. 530 S. (Bibliothek für Kunst- u. Antiquitätenfreunde. Bd. 11).
12. Meyendorff J. Le tome synodal de 1347 // Сборник радова Византологического института. 1963. Т. 8/1. С. 209-227.
13. Miklosich F., Müller J. Acta patriarchatus Constantinopolitanae. Vol. I. Vindobona: Carolus Gerold, 1860. 607 p. (Репринт — Aalen: Scientia Verlag, 1968).
14. Miklosich F., Müller J. Acta patriarchatus Constantinopolitanae. Vol. II. Vindobona: Carolus Gerold, 1862. 608 p. (Репринт — Aalen: Scientia Verlag, 1968).
15. Oikonomidès N. Quelques remarques sur le scellement à la cire des actes impériaux Byzantins (XIII-XVe s.) // Zbornik filosofskog fakulteta. Beograd, 1979. Vol. 14/1. P. 123-128.
16. Parellò D. Jakobus der Ältere, Apostel // Lexikon für Theologie und Kirche. Freiburg; Basel; Rom; Wien: Herder, 1996. Bd. V. Col. 718-719.
17. Preiser-Kapeller J. Der Episkopat im späten Byzanz. Ein Verzeichnis der Metropolen und Bischöfe des Patriarchats von Konstantinopel in der Zeit von 1204 bis 1453. Saarbrücken: Verlag Dr. Müller, 2008. 700 S.
18. Rigo A. Il Monte Athos e la controversia palamitica dal concilio del 1351 al tomo sinodale del 1368 // Rigo A. (Ed.). Gregorio Palamas e oltre. Studi e documenti sulle controversie teologiche del XIV secolo bizantino. Firenze: Leo S. Olschki, 2004. P. 20-51. (Orientalia Venetiana. T. 16).
19. Seibt W. Ein Blick in die byzantinische Gesellschaft. Die Bleisiegel im Museum August Kestner. Rahden (Westfalen): Verlag Marie Leidorf, 2011. 109 S.
20. Seibt W. A Matrix for Wax Seals of Iakobos, Metropolitan of Gotthia, from Mangup // Byzantiaka. 2016. Vol. 33. P. 295-299.
21. Seibt W., Zarnitz M. L. Das byzantinische Bleisiegel als Kunstwerk. Katalog zur Ausstellung. Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 1997. 231 S.

22. Stiernon G., Stiernon L. Gotthia // Dictionnaire d'histoire et geographie ecclesiastique. 1986. Vol. 21. Col. 862-918.
23. Vasiliev A. A. The Goths in the Crimea. Cambridge (Massachusetts): The Mediaeval Academy of America, 1936. 292 p.
24. Wessel K. Jakob // Reallexikon zur byzantinischen Kunst. Stuttgart: Hiersemann Verlag, 1978. Bd. III. S. 519-526.
25. Zuckerman C. Byzantium's Pontic Policy in the Notitiae Episcopatum // Zuckerman C. (Ed.). La Crimée entre Byzance et le Khaganat Khazar. Paris: Association des Amis du Centre d'Histoire et Civilisation de Byzance, 2006. P. 201-230.
26. Παῖζη-Αποστολοπούλου Μ. Ο θεσμός της πατριαρχικής εξαρχίας. 14ος–19ος αιώνας. Αθήνα: Εθνικό Ίδρυμα Ερευνών, 1995. 283 σ.

REFERENCES

1. Gertsen A. G., Naumenko V. E. Keramika IX-XI vv. iz zhilogo kompleksa na myse Teshkli-Burun. *Antichnaia drevnost' i srednie veka*, 2001, vol. 32, pp. 127-147.
2. Jordanov I. *Corpus of the Medieval Bulgarian Seals*. Sofia, National Archaeological Institute and Museum Publ., 2016, 308 p. (Pliska-Preslav, vol. 12).
3. Aibabin A. Cities and Steppe of the Crimea in the Thirteenth and Fourteenth Centuries According to the Archaeological Data. *Schmieder F., Schreiner P. (eds.). Il Codice Cumanico e il suo mondo*. Roma, Edizioni di Storia e Letteratura Publ., 2005, pp. 297-334. (Centro Tedesco di Studi Veneziani, Ricerche. Vol. 2).
4. Boor C. de. Nachträge zu den Notitiae episcopatum. *Zeitschrift für Kirchengeschichte*, 1891, Bd. 12, pp. 303-326, 519-534.
5. Böhm B. Jakobus Bruder des Herrn (Adelphotheos), der Gerechte. *Lexikon der christlichen Ikonographie*, Rom, Freiburg, Basel, Wien, Herder Publ., 1974, Bd. VII, pp. 39-41.
6. Böhm B. Jakobus Minor (der Jüngere), Alphäus. *Lexikon der christlichen Ikonographie*, Rom, Freiburg, Basel, Wien, Herder Publ., 1974, Bd. VII, pp. 47-51.
7. Darrouzès J. *Notitiae episcopatum ecclesiae Constantinopolitanae*, Paris, Institut Français d'Études Byzantines Publ., 1981, 521 p.
8. Kaster G. Jakobus der Eremit (Asceta, von Palästina). *Lexikon der christlichen Ikonographie*, Rom, Freiburg, Basel, Wien, Herder Publ., 1974, Bd. VII, p. 41.
9. Kauffmann C. M. Jakob. *Lexikon der christlichen Ikonographie*, Rom, Freiburg, Basel, Wien, Herder Publ., 1970, Bd. II, pp. 379-383.
10. Kimpel S. Jakobus der Ältere (Major). *Lexikon der christlichen Ikonographie*, Rom, Freiburg, Basel, Wien, Herder Publ., 1974, Bd. VII, pp. 23-39.
11. Kittel E. *Siegel*. Braunschweig, Klinkhardt & Biermann Publ., 1970, 530 p. (Bibliothek für Kunst- u. Antiquitätenfreunde, Bd. 11).
12. Meyendorff J. Le tome synodal de 1347. *Zbornik radova Vizantoloshkogo instituta*, 1963, vol. 8/1, pp. 209-227.
13. Miklosich F., Müller J. *Acta patriarchatus Constantinopolitanae. Vol. I*. Vindobona, Carolus Gerold Publ., 1860, 607 p. (Repr. Aalen: Scientia Verlag, 1968).
14. Miklosich F., Müller J. *Acta patriarchatus Constantinopolitanae. Vol. II*. Vindobona, Carolus Gerold Publ., 1862, 608 p. (Repr. Aalen: Scientia Verlag, 1968).
15. Oikonomidès N. Quelques remarques sur le scellement à la cire des actes impériaux Byzantins (XIII-XVe s.). *Zbornik filosofskog fakulteta*, Beograd, 1979, vol. 14/1, pp. 123-128.
16. Parelo D. Jakobus der Ältere, Apostel. *Lexikon für Theologie und Kirche*, Freiburg, Basel, Rom, Wien, Herder Publ., 1996, Bd. V, col. 718-719.
17. Preiser-Kapeller J. *Der Episkopat im späten Byzanz. Ein Verzeichnis der Metropolen und Bischöfe des Patriarchats von Konstantinopel in der Zeit von 1204 bis 1453*. Saarbrücken, Verlag Dr. Müller, 2008, 700 p.
18. Rigo A. Il Monte Athos e la controversia palamitica dal concilio del 1351 al tomo sinodale del 1368. Rigo A. (ed.), *Gregorio Palamas e oltre. Studi e documenti sulle controversie teologiche del XIV secolo bizantino*, Firenze, Leo S. Olschki Publ., 2004, pp. 20-51. (Orientalia Venetiana. T. 16).

19. Seibt W. *Ein Blick in die byzantinische Gesellschaft. Die Bleisiegel im Museum August Kestner*. Rahden (Westfalen), Verlag Marie Leidorf, 2011, 109 p.
20. Seibt W. A Matrix for Wax Seals of Iakobos, Metropolitan of Gotthia, from Mangup. *Byzantiaka*, 2016, vol. 33, pp. 295-299.
21. Seibt W., Zarnitz M. L. *Das byzantinische Bleisiegel als Kunstwerk. Katalog zur Ausstellung*. Wien, Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 1997, 231 p.
22. Stiernon G., Stiernon L. Gotthia. *Dictionnaire d'histoire et geographie ecclesiastique*, 1986, vol. 21, col. 862-918.
23. Vasiliev A. A. *The Goths in the Crimea*. Cambridge (Massachusetts), The Mediaeval Academy of America Publ., 1936, 292 p.
24. Wessel K. Jakob. *Reallexikon zur byzantinischen Kunst. Bd. III*. Stuttgart, Hiersemann Verlag, 1978, pp. 519-526.
25. Zuckerman C. Byzantium's Pontic Policy in the Notitiae Episcopatum. Zuckerman C. (ed.), *La Crimée entre Byzance et le Khaganat Khazar*, Paris, Association des Amis du Centre d'Histoire et Civilisation de Byzance Publ., 2006, pp. 201-230.
26. Paize-Apostolopoulou M. *O thesmos tes patriarchikes exarchias: 14os-19os aionas*. Athena, Ethniko Idryma Ereunon Publ., 1995, 283 p.

Зайбт В.

Иаков, митрополит Готии, и его печать (XIV в.)

Резюме

В статье публикуется матрица для оттискивания восковых печатей, обнаруженная у подножья горы Мангуп, на вершине которой находилась столица средневекового княжества — Крымской Готии. Написанная по-гречески по внешнему кругу печати легенда читается следующим образом:

+ΟΗΝΤΡΟΠΟΛΙΤΗΣ: ΓΟΤΘΙΑΣΙΑΚΩΒΟΣ

+Ο μητροπολίτης Γοτθίας Ἰάκωβος.

В центре печати находится изображение бородатого мужчины в украшенном крестами омофоре, с руками, поднятыми в молитвенном жесте. Интерпретация данного изображения представляет проблему, причем наиболее вероятным вариантом представляется изображение св. Иакова Аскета из Палестины. Печать датируется первой или второй третью XIV в. Она принадлежала прежде неизвестному митрополиту Крымской Готии.

Ключевые слова: Византия, сфрагистика, Мангуп, Готия, митрополит Иаков.

Seibt W.

Iakobos, Metropolitan of Gothia, and His Seal (Fourteenth Century)

Summary

This article publishes the seal-matrix for wax seals discovered at the footstep of Mangup mountain, on top of which was the center of the medieval principality of Gothia on the Crimea. The Greek legend in the outer circle is easily readable:

+ΟΗΝΤΡΟΠΟΛΙΤΗΣ: ΓΟΤΘΙΑΣΙΑΚΩΒΟΣ

+Ο μητροπολίτης Γοτθίας Ἰάκωβος.

In the central circle of the seal there is a bust of bearded man, wearing omophorion decorated with crosses, with his hands raised in the gesture of praying. The identifying of this bust is a problem; perhaps the hermit Iakobos (Asceta) from Palestine would be first choice. The seal stems from the first or second third of the fourteenth century. It belonged to previously unknown metropolitan of Gothia in the Crimea.

Keywords: Byzantium, sigillography, Mangup, Gothia, Metropolitan Iakobos.

ИСТОРИЯ

А. И. АЙБАБИН

ХАЗАРСКАЯ СУГДЕЯ¹

Расположенный на юго-восточном побережье Крыма портовый город греки называли Σουδαία или Σουδαία — Сугдаия или Сугдея. Ф. К. Брун и В. Г. Васильевский, ссылаясь на приписки, сделанные на полях Сугдейского Синаксаря в 1296, 1345 и 1411 годах, считали, что город основан в 212 г. н. э. [1, Σ. 12, 127(94), 130(130), 136(195)]. Они, опираясь на происхождение имени города от иранского Sugā — чистый, святой или осетинского суггär — святой, приписывали сооружение города аланам [2, с. 122-123; 3, с. CLXVII-CLXX]. Ю. А. Кулаковский сомневался в достоверности приписок [4, с. 70-73].

Однако эта дата не подтверждается другими письменными источниками. В процессе раскопок на территории Сугдеи не выявлены культурные слои или постройки ранее последней четверти VII в. [5, с. 194]. Первое достоверное упоминание города содержится в написанной в конце VII в. «Космографии» Равеннского анонима конца VII в., где назван Сугдабон — Sugdabon [6, р. 176].

Вероятно, город основали сугды, переселившиеся под давлением хазар в Юго-Восточный Крым. Так византийцы именовали низовых прикубанских адыгов [7, с. 100]. Наиболее ранней печатью из найденных в Судак является моливдовул 696/697 гг. Кириака апоипата и главного лагофета Константинополя [8, с. 120-121]. К первой половине VII в. Е. В. Степанова отнесла четыре новых печати из Судака с крестовидной монограммой [9, с. 171, 172, рис. 1,2]. Однако, по мнению В. Зайбта², буквы монограммы на одной из печатей типичны для всего VII в., на другой — для конца VII в., а на двух других — для VIII — начала IX вв. [10, S. 166-168].

В первой половине VIII в., благодаря динамичному росту экономики Восточного Крыма, Сугдея стала важным хазарским торговым портом региона. Вероятно, в начале столетия хазары создали в городе таможню. В акватории порта найдено свыше 400 византийских печатей VIII-XII вв. Опубликованные В. С. Шандровской упомянутая печать Кириака и печати главных коммерциариев аптеки Онориады, Пафлагонии и побережья Понта императорского волнителя Анастасия и ипата Иоанна периода совместного правления Льва III и Константина V 720-741 гг., «императорских коммеркий епархий богохранного императорского Опсикия» 745/746 гг. говорят о

ведении Сугдеей прямой торговли с Константинополем и другими византийскими портами Малой Азии [11, р. 86-90; 8, с. 120-122].

В VIII в. Константинопольский патриарх учредил в городе епархию. Ее епископ Стефан участвовал в Седьмом Вселенском Никейском Соборе в 787 г., на котором временно победили иконопочитатели. Подпись епископа Стефана есть в протоколе пятого заседания: «Στέφανος, ἀνάξιος ἐπίσκοπος πόλεως Σουδαίων» [12, р. 137] — Стефан, недостойный епископ города Сугдайского» [3, с. CLXIII]. Однако в нотициях Вселенских Соборов епархия Сугдеи впервые упомянута в Notitia 7 свода Жана Даррузеса [13, р. 31,232], составленной в 920 г. [14, с. 427], как входящая в Зихскую автокефальную епархию [13, р. 274].

В. Г. Васильевский считал, что протоколы Седьмого Вселенского Собора подписал исповедник Стефан, основавший в Сугдее епископскую кафедру в годы правления Константина Копронима (741-775 гг.) [3, с. CLXIII], именуемый после канонизации Святитель Стефан исповедник, архиепископ Сугдейский (Сурожский). В датированной 15 декабря 1318 г. приписке на полях Сугдейского Синаксаря говорится о праздновании в городе 15 декабря дня памяти святого Стефана исповедника, архиепископа Сугдейского, который «просветил сугдейцев и сделал (горожан) христианами» [1, Σ.131(141)]. Самое раннее сообщение о Св. Стефане Сугдейском содержится в Минологии, составленном в конце X или в начале XI вв. В нем, после рассказа о мученичестве Стефана Нового, сказано о высылке в Сугдею Стефана. По мнению М.-Ф. Озепи, его изгнали в Сугдею после смерти в ноябре 765 г. Стефана Нового [15, с. 326].

Жизнь и деяния Св. Стефана описаны в житии, вероятно, составленном в конце VIII в. или в начале IX в. вскоре после его кончины [16, р. 110]. В. Г. Васильевский опубликовал обнаруженную в Сугдейском синаксаре краткую греческую версию жития святого Стефана Сугдейского [17, с. 623]. В ней много несообразностей. Патриарх Герман, отправленный в 730 г. в отставку Львом Исаурийским, назван современником Льва Армянина (813-820 гг.). Если по более достоверному тексту Минология Стефана Сугдейского, обличавшего императора-иконоборца Константина, вначале заточили в тюрьму, а потом изгнали в Судак, где он стал епископом, то в греческой версии Стефан сперва занял уже существовавшую в Сугдее епископскую кафедру, затем прибыл в Константинополь для борьбы с иконоборцами [3, с. CLVIII, CCXVIII-CCXXIII; 18, р. 114, п. 8].

Изданная В. Г. Васильевским славянская версия жития Св. Стефана Сурожского еще менее достоверна [3, с. CCXXIII-CCLX]. По меткому определению В. Г. Васильевского, она является компилятивным произведением русского книжника XV в. Анализируя ее текст, В. Г. Васильевский выявил в нем большие заимствования из Духовного Луга Иоанна Мосха (VII в.), житий Иоанна Златоуста и Петра митрополита, искажения исторических событий и измышления автора. Например, в житии говорится об убийстве Львом Исавром в 730 г. сына императора Феодосия III. Тогда как по Феофану и Никифору Феодосий в 717 г. отрекся от престола и вместе с сыном принял посвящение в клир [19, р. 390, 19-26; 20, р. 121, 52, 19; 21, с. 309]. Жена Константина Ирина названа Феодорой, дочерью Керченского царя [3, с. CCXXIII-CCLXV]. Скорее всего, автор славянской версии вымыслил и эпизод о походе спустя несколько лет после смерти Стефана в Крым русского князя Новгорода Бравлина. Этот эпизод отсутствует в греческой редакции. Да и город Новгород в то время еще не существовал.

С. А. Иванов переиздал славянскую версию жития Св. Стефана Сурожского и сравнил его текст с малоизвестной армянской версией жития [22, с. 310-316; 16, р. 109-167]. По его мнению, армянский текст входил в рукописный древнеармянский Айсмавурк (синаксарь), написанный в Сугдее. По словам С. А. Иванова, армянская версия жития полнее известных греческой и славянской версий. Он предположил,

¹ Статья выполнена в рамках базовой части государственного задания Минобрнауки РФ № 33. 5156. 2017/БЧ по теме «Византийское присутствие в Крыму: политический, экономический и культурный аспекты».

² Я благодарен профессору Венского университета В. Зайбту за консультацию

что поскольку армянский агиограф подчеркнул благочестие иконоборца Константина V Копронима, то греческий оригинал жития возник в иконоборческую эпоху [22, с. 310]. Однако использование в житии ревностного иконопочитателя эпитета благочестивый по отношению к одному из инициаторов иконоборчества скорее свидетельствует о поздней дате армянской версии жития. Армянский агиограф, за давностью лет, видимо, и не знал обо всех реалиях борьбы с иконами в Византии.

А. Бозоян изучил происходящие из Каффы и Сугдеи рукописи армянской версии жития и составил и опубликовал его целостный текст [23, р. 87-107], а Т. Э. Саргсян перевела этот текст на русский язык [24, с. 282-293].

Все исследователи отмечают наличие искажения хронологии изложенных событий в текстах всех версий. В армянской версии жития также много несообразностей, как и в греческой, и в славянской. Согласно армянскому житию, Стефан в 18 лет прибыл в Константинополь и встретился с патриархом Германом (715-730 гг.). Через 17 лет, когда Стефану исполнилось 35, умер епископ Сугдеи, и знатные горожане обратились с просьбой к патриарху Герману и императору Феодосию III Андрамандину (715-717 гг.) прислать нового епископа. Стефана рукоположили в епископы. Правда, в Константинополе патриархом был уже Анастасий (730-754 гг.), а Лев III Исавр незадолго до кончины (в 741 году) отправил Стефана в тюрьму. Из тюрьмы Стефана отпустил Константин V Копроним (718-775). Если в цитированном выше Минологии шла речь о Св. Стефане Сугдейском, то его в 59 лет освободили из тюрьмы и послали в Сугдею в 765 г. Судя по армянской версии Св. Стефан скончался в 70 лет (в 786 г.) и не мог в 787 г. подписать протокол Седьмого Вселенского Собора [23, р. 104]. Армянский агиограф засвидетельствовал миссионерскую деятельность святого среди местных язычников (булгар, сугдов и хазар).

В славянской и армянской версиях правителем Сугдеи назван Юрий или Георгий по прозвищу Тархан [22, с. 314]. Вероятно, он подчинялся "на-пакиду" Боспора-Керчи — наместнику хазарского кагана [25, р. 116-117]. Очевидно, хазары оставили Сугдею до 873 г. В последней четверти IX в. город уже принадлежал Византии [4, с. 222].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Νυσταζοπούλου Μ. Γ. Η εν Ταυρική Χερσονήσω πόλις Σουγδαία από του ΙΓ' μέχρι του ΙΕ' αιώνα. Αθήναι, 1965.
2. Брун Ф. К. Черноморские готы и следы долгого их пребывания в Южной России // Черноморье. Ч. II. Одесса, 1880.
3. Васильевский В. Г. Житие Св. Стефана Сурожского // Труды. Петроград, 1915. Т. 3.
4. Кулаковский Ю. А. Избранные труды по истории аланов и Сарматии. СПб.: Алетей, 2000.
5. Айбабин А. И. Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь, 1999.
6. Ravennatis anonymi cosmographia et Guidonis geographica: ex libris manu scriptis by Geographus Ravennas; Guido, geographical writer / Eds. G. Parthey, M. Pinder. Berolini, 1860.
7. Гадло А. В. Византийские свидетельства о Зихской епархии как источник по истории Северо-Восточного Причерноморья // Из истории Византии и византиноведения. Л., 1991.
8. Шандровская В. С. Тамозхенная служба в Сугдее VII-X вв. // Византия и средневековый Крым. Симферополь, 1995.
9. Степанова Е. В. Судакский архив печатей // Археология Крыма. Симферополь, 1997. Вып. II.
10. Seibt W., Zarnitz. M.-L. Das byzantinische Bleisiegel als Kunstwerk. Wien, 1997.
11. Šandrovskaja V. Die Funde der byzantinischen Bleisiegel in Sudak // Studies in Byzantine Sigilography. Washington, 1993. Vol. 3.
12. Mansi J. D. Sacrorum Conciliorum nova et amplissima collectio. 1758-1798. Graz, 1960-1962. Т. XIII.
13. Darrouzès J. Notitiae Episcopatum Ecclesiae Constantinopolitanae. Paris, 1981.
14. Цукерман К. Политика Византии в Северном Причерноморье по данным Notitiae episcopatum // МАИЭТ. 2010. Вып. XVI.

15. Auzépy M.-F. Gothie et Crimée de 750 à 830 dans les sources ecclésiastiques et monastiques grecques // МАИЭТ. 2000. Вып. VII.
16. Ivanov S. The Slavonic Life of Stefan of Surozh // La Crimée entre Byzance et le Khaganat Khazar / Ed. C. Zuckerman. Paris, 2006.
17. Антонин. Заметки XII-XV века относящиеся к крымскому городу Сугдея (Судак), приписанные в греческом синаксаре // ЗООИД. Одесса, 1863. Т. V.
18. Ševčenko I. Hagiography in the iconoclast period // Iconoclasm / Eds. A. Bryer, J. Herrin. Birmingham, 1977.
19. The Chronicle of Theophanes Confessor: Byzantine and Near Eastern History AD 284-813 / Text, tr. and com. by C. Mango, R. Scott. Oxford, 1997.
20. Nikephoros patriarch of Constantinople short history / Text, tr. and com. by C. Mango. Washington, 1990.
21. Кулаковский Ю. А. История Византии. СПб., 1996. Т. III.
22. Иванов С. А. Древнеармянское Житие Стефана Сурожского и хазары // Хазары. Евреи и славяне. Иерусалим, М., 2005. Т. 16.
23. Bozooyan A. La Vie Armenienne de Saint Etienne de Sougdai // La Crimée entre Byzance et le Khaganat Khazar / Ed. C. Zuckerman. Paris, 2006.
24. Саргсян Т. Э. Житие Стефана Сурожского в армянских манускриптах // Бахчисарайский историко-археологический сборник. Симферополь, 2008. Вып. 3.
25. Golb N., Pritsak O. Khazarian Hebrew Documents of the Tenth Century. Ithaca, London, 1982.

REFERENCES

1. Νυσταζοπούλου Μ. Γ. Η εν Ταυρική Χερσονήσω πόλις Σουγδαία από του ΙΓ' μέχρι του ΙΕ' αιώνα. Athenai, 1965.
2. Brun F. K. Chernomorskije goty i sledy dolgogo ih prebyvanija v Juzhnoj Rossii. Chernomor'e, Odessa, 1880, Part II.
3. Vasil'evskij V. G. Zhitie Sv. Stefana Surozhskogo. Vasil'evskij V. G. Trudy, Petrograd, 1915, T. 3.
4. Kulakovskij Ju. A. Izbrannye trudy po istorii alanov i Sarmatii. S-Petersburg, Aleteja Publ., 2000.
5. Ajbabin A. I. Jetnicheskaja istorija rannevizantijskogo Kryma. Simferopol, 1999.
6. Parthey G., Pinder M. (Eds.). Ravennatis anonymi cosmographia et Guidonis geographica: ex libris manu scriptis by Geographus Ravennas; Guido, geographical writer. Berolini, 1860.
7. Gadlo A. V. Vizantijskie svidetel'stva o Zihskoj eparhii kak istochnik po istorii Severo-Vostochnogo Prichernomor'ja. Iz istorii Vizantii i vizantinovedenija, Leningrad, 1991.
8. Shandrovskaja V. S. Tamozhennaja sluzhba v Sugdee VII-X vv. Vizantija i srednevekovyj Krym, Simferopol, 1995.
9. Stepanova E. V. Sudakskij arhiv pechatej. Arheologija Kryma, Simferopol, 1997, Vol. II.
10. Seibt W., Zarnitz. M.-L. Das byzantinische Bleisiegel als Kunstwerk. Wien, 1997.
11. Šandrovskaja V. Die Funde der byzantinischen Bleisiegel in Sudak. Studies in Byzantine Sigilography, Washington, 1993, Vol. 3.
12. Mansi J. D. Sacrorum Conciliorum nova et amplissima collectio. 1758-1798. Graz, 1960-1962, T. XIII.
13. Darrouzès J. Notitiae Episcopatum Ecclesiae Constantinopolitanae. Paris, 1981.
14. Cukerman K. Politika Vizantii v Severnom Prichernomor'e po dannym Notitiae episcopatum. Materialy po arheologii, istorii i jetnografii Tavrii, Simferopol, 2010, Vol. XVI.
15. Auzépy M.-F. Gothie et Crimée de 750 à 830 dans les sources ecclésiastiques et monastiques grecques. Materialy po arheologii, istorii i jetnografii Tavrii, Simferopol, 2000, Vol. VII.
16. Ivanov S. The Slavonic Life of Stefan of Surozh. Zuckerman C. (Ed.), La Crimée entre Byzance et le Khaganat Khazar, Paris, 2006.
17. Antonin. Zаметки XII-XV veka odnosjashiesja k krymskomu gorodu Sugdeja (Sudak), pripisannye v grecheskom sinaksare. Zapiski Odesskogo obshhestva istorii i drevnostej, Odessa, 1863, T. V.
18. Ševčenko I. Hagiography in the iconoclast period. Bryer A., Herrin J. (Eds.), Iconoclasm, Birmingham, 1977.
19. The Chronicle of Theophanes Confessor: Byzantine and Near Eastern History AD 284-813, Text, tr. and com. by C. Mango, R. Scott, Oxford, 1997.

20. Nikephoros patriarch of Constantinople short history, Text, tr. and com. by C. Mango, Washington, 1990.
21. Kulakovskij Ju. A. *Istorija Vizantii*. S-Petersburg, 1996, T. III.
22. Ivanov S. A. Drevnearmjanskoe Zhitie Stefana Surozhskogo i hazary. *Hazary. Evrei i slavjane*, Ierusalim, Moscow, 2005, T. 16.
23. Vozouan A. La Vie Armenienne de Saint Etienne de Sougdai. Zuckerman C. (Ed.), *La Crimée entre Byzance et le Khaganat Khazar*, Paris, 2006.
24. Sargsjan T. Je. Zhitie Stefana Surozhskogo v armjanskijh manuskriptah. *Bahchisarajskij istoriko-arheologicheskij sbornik*, Simferopol, 2008, Vol. 3.
25. Golb N., Pritsak O. *Khazarian Hebrew Documents of the Tenth Century*. Ithaca, London, 1982.

**Айбабин А. И.
Хазарская Сугдея
Резюме**

Расположенный на юго-восточном побережье Крыма портовый город греки называли Σουγδαία или Σουγδαία — Сугдайя или Сугдея. Первое достоверное упоминание города содержится в написанной в конце VII в. «Космографии» Равеннского анонима конца VII в., где назван Сугдабон — Sugdabon.

Вероятно, город основали сугды, переселившиеся под давлением хазар в Юго-Восточный Крым. В первой половине VIII в., благодаря динамичному росту экономики Восточного Крыма, Сугдея стала важным хазарским торговым портом региона. Вероятно, в начале столетия хазары создали в городе таможню. В акватории порта найдено свыше 400 византийских печатей VIII-XII вв., которые свидетельствуют о ведении Сугдеей прямой торговли с Константинополем и другими византийскими портами Малой Азии. В VIII в. Константинопольский патриарх учредил в городе епархию. Ее епископ Стефан участвовал в Седьмом Вселенском Никейском Соборе в 787 г., на котором временно победили иконопочитатели. В славянской и армянской версиях Жития Св. Стефана Сурожского правителем Сугдеи назван Юрий или Георгий по прозвищу Тархан. Вероятно, он подчинялся «ха-пакиду» Боспора-Керчи — наместнику хазарского кагана. Очевидно, хазары оставили Сугдею до 873 г. В последней четверти IX в. город уже принадлежал Византии.

Ключевые слова: Сугдея, епархия, Стефан Сурожский, «Космография», хазары, тархан.

**Aibabin A. I.
Khazarian Sougdaia
Summary**

The Greeks called the port town located in the south-eastern shore of the Crimea Sougdaia (Σουγδαία or Σουγδαία). The first reliable account of the city occurred in the *Cosmography* by an anonymous author of Ravenna from the late seventh century and called it "Sugdabon."

The city was probably founded by the Sougdoi, who migrated to the South-Eastern Crimea due to Khazars' pressure. In the first half of the eight century, dynamically growing economy of the Eastern Crimea made Sougdaia an important commercial port of the Khazars in the area. In the early eight century, the Khazars probably created their customs in the city. There are more than 400 Byzantine seals from the eighth to twelfth century discovered in the water area of the port, supplying evidence of Sougdaia's direct trading with Constantinople and other Byzantine ports in the Asia Minor. In the eighth century, the Patriarch of Constantinople established the bishopric of the city. Its Bishop Stephen participated in the Seventh Ecumenical Council of Nicaea in 787, where the iconophiles gained the upper hand. Slavonic and Armenian versions of the Life of St. Stephen of Sougdaia (Surozh) inform of the city leader Yurii or George nicknamed Tarkhan. Perhaps he was subordinated to the "HMQR" ("ha-paqid") of Bosphoros (Kerch), the governor from the Khazarian Khagan. The Khazars obviously left Sougdaia prior to 873 AD. In the last quarter of the ninth century, the city was the possession of Byzantium.

Keywords: Sougdaia, bishopric, Stephen of Sougdaia, *Cosmography*, Khazars, *tarkhan*.

C. ZUCKERMAN

Ecole pratique des hautes études / Université Paris Sciences et Lettres (EPHE / PSL)

THE END OF BYZANTINE RULE IN NORTH-EASTERN PONTUS¹

Вообще хочу отметить, что "захват половцами Тмутаракани" в сознании целого сонма «тмутаракановедов» (или «-едов») приобретает черты какой-то мифологемы, особенно контрастно это заметно на фоне работ Г. Г. Литаврина и А. П. Каждана, уже более полувека назад показавших, что в конце XI в. Матарха вернулась под власть Византии [Чхаидзе 2017: 10].

In the studies dedicated to the medieval history of the Crimea and the Taman peninsula, whose name is legion (in particular, in the Russian language), there are two perceptions that are engraved in stone. The continuity of Byzantine rule in the city of Cherson and, to some extent, in other regions of the Crimea in the twelfth century and beyond is one. The other is the instauration of direct Byzantine rule in the Taman's main city of Tamatarkha, Tmutorokan of the Rus'ian chronicles, in the last years of the eleventh century. For a prominent student of this city and its region, Victor Chkhaidze, quoted above, adherence to the latter perception is the mark of true scholars as opposed to charlatans.

It is my intention in this study to subject both *idées reçues* to a radical revision. Two new seals published in the past five years have produced crucial new data, yet scholars continue pouring new wine into old wineskins, as they struggle to adapt new evidence to the old concepts. I will argue, on the contrary, that the recent finds throw an entirely new light on the old familiar evidence and call for its thorough reconsideration. My aim is to propose a comprehensive view of the last surge of Byzantine power in North-Eastern Pontus, followed in the last third of the eleventh century by rapid decline and final disintegration both in Cherson and on the Taman peninsula. This large view is composed of small details, which need to be clarified one by one and which I invite the reader to follow.

I. The waning of the Byzantine presence in Cherson

The catalogue of the Byzantine seals issued in Cherson (not to be confused with the seals discovered in Cherson, several times more numerous) was published by Nikolaj (Nicolas) Alekseyenko five years ago, covering over four hundred specimens [Alekseyenko 2012]. They belong to Byzantine officials posted at Cherson as well as, in a small number of cases, to local dignitaries. The most voluminous group among the seals published, 137 examples, are those issued by the *strategoi* of the *thema* of Cherson. Some of the *strategoi* are known by ten to twenty seals and more, others are represented by fewer examples. As the editor points out, "les données des sceaux confirment l'existence du thème à partir du milieu du IXe

¹ I am most grateful to Prof. Valerij Stepanenko (Yekaterinburg) for his critical reading of this paper (on behalf of the МАИЭТ editors). Despite our persistent disagreements, his remarks have helped me in the final editing. Dr. Oleksandr Romensky (Kharkiv) was of a great help in supplying me with some hard to access publications (which are not all quoted below: a fairly complete bibliography is available in [Чхаидзе 2017]).

siècle jusqu'à la première moitié du XIe siècle, et fournissent aussi une précieuse information sur le rôle et la place de Cherson dans l'Empire" [Alekseyenko 2012: 49].

Neither the editor, however, nor other scholars ask the question why do the seals go as far as the middle of the eleventh century but no further. The question does not only concern the top commanders, *strategoi*, but all Byzantine officials, whether previously attested in Cherson — such as *kommerkiarioi*, *ek prosopou*, etc. — or not (the only exception is discussed below). The mid- to late-eleventh and the twelfth century represent as intensive a period for Byzantine seals as any. The total lack of sigillographical trace of Byzantine administration in Cherson, and in the Crimea as a whole, can have only one meaning — no such administration existed. The gradual vanishing of Byzantine presence can be traced step by step.

Werner Seibt, in his valuable review of Alekseyenko's catalogue, singles out a group of *strategoi* seals that he considers to be the most recent, dating them to the 1020-40's [Seibt 2013: 191]. They carry the traditional title of στρατηγός Χερσῶνος. Soon the title changes. A monumental inscription, now lost, dated April 10, 6567 (AD 1059), celebrated repairs to two gates at Cherson by Leo Aliates, *patrikios* and *strategos* of Cherson and Sugdea (modern Sudak in eastern Crimea) (πατρίκιος καὶ στρατηγός Χερσῶνος καὶ Σουγδαίας, IOSPE V, 11). We dispose of three seals of this officer, and at least two of them originate from Crimea, the most recent find coming from official excavations on the site of Cherson [Алексеев 2016]. On the seals, however, Leo Aliates presents himself as *patrikios* and *strategos* only, with no geographical description of his command.

Leo Aliates' singular title on the inscription has been related to the seals of two *strategoi* of Sugdea recently discovered at Sudak: *protospatharios* George (4 ex., from a single *boulleterion*) and *patrikios* John (2 ex., probably from a single *boulleterion*). Elena Stepanova and Victoria Bulgakova, who have on different occasions edited the new finds from Sudak, both tend to believe that the *thema* of Sugdea was created first alongside Cherson, and then the two *themata* were brought together, in the middle of the eleventh century, under a single command [e.g., Степанова 2001: 105; Булгакова 2008: 314-6]. To this scheme, which would be rather uncommon, I will suggest an alternative below.

The next reform of Byzantine Crimea's command structure consisted in creating the position of a *katepano* (κατεπάνω, the "top" or "overall" commander). The katepanos, as attested from the last third of the tenth century, were assigned larger territorial districts than thematic *strategoi*, disposed of units of professional (tagmatic) troops, and exercised some authority, difficult to define, over the *strategoi* whose *themata* were situated within the territorial realm of the "katepanate" [Kühn 1991: 163-70].

The Crimean *katepano* has long been known from a unique entry common to two Rus'ian chronicles and dated to AM 6574. It describes the poisoning of Prince Rostislav of Tmutorokan by the cunning "Greek" *kotopan* (котопанъ) from Cherson [НЛМл 1950: 185-6; PVL 2003: 1318-25]. The *katepano*, on a visit at Tmutorokan, allegedly hid the poison under his fingernail, and while drinking with Prince Rostislav from the same cup, dipped the finger in the wine before passing the cup to the prince. This story will interest us on several counts, but first we must clarify its date. According to the chronicles, Rostislav died on February 3rd, which is variously transcribed into the modern reckoning as February 3rd 1066 [e.g. Dimnik 2003: 82; Shepard 2006: 56; Алексеев, Цепков 2012: 7²] or 1067 (most recent studies). The former calculation is based on the Byzantine year

² N. A. Alekseyenko and Ju. A. Tsepkov date the event to February 3, 1065 and only mention February 3, 1066 as an alternative dating in a "different redaction" of the chronicle. In fact, they rely on the Radziwiłł version of the *Tale of Bygone Years* (PVL) dating the entry to 6573, but this figure is an obvious scribal error due to the fact that the entry for 6573 is actually missing in the *Tale*

starting in September (AM 6574 = September 1065–August 1066), while the latter applies the "March-year" starting six months later (March 1066–February 1067). The "March-year" reckoning is generally used in the chronicle's early layer [Бережков 1963: 16], and most conspicuously so in the next two entries, AM 6575 & 6576. Thus, placing Rostislav's death in February 1067 appears secure. If so, the installation of a *katepano* at Cherson can be dated between late 1059 and late 1066.

The entry that carries the elaborate description of poisoning is one of several so-called "Tmutorokan notices" in the chronicle (a term going back to A.A. Shakhmatov), often linked to the person of Nikon, a prominent figure at the Caves Monastery in Kiev and its abbot in 1078-1088. According to the *Life* of Saint Feodosij of the Caves Monastery, Nikon had fallen out with Prince Izjaslav of Kiev in the early 1060's and left for Tmutorokan, where he founded a Monastery of the Holy Virgin. He returned to the Caves in 1068, reconciled with Izjaslav, yet left again in 1073, after refusing to endorse Izjaslav's dethronement by his brother Svjatoslav [Житие Феодосия 2004: 374, 388, 424]. In the same years, as revealed by textual study of the chronicles, a new chronographic compilation was composed at the Caves, which has only reached us as part of both the *Tale of Bygone Years* (PVL) and of the "younger redaction" of the Novgorod First Chronicle (НЛМл). Nikon's role in this compilation — as author, informer, or neither — is debated. Since the monastery he had founded at Tmutorokan kept for many years the link to that of the Caves [Кабанец 2005], it could be the source of information on the region for any chronicler working at the mother-monastery. In fact, earlier and later entries in the *Tale* regarding Tmutorokan, which are only found in the *Tale* and not in the Novgorod First Chronicle, are independent of the 1070's compilation. As to the latter's precise date, the proposals range between 1072 (Cherepnin, Gippius) or 1073 (Shakhmatov) and 1077 (Ziborov). I have argued for dating the compilation to 1076 [Цукерман 2009: 273-82, with references], and I maintain my dating.

The near-simultaneity of the events described in the "Tmutorokan records" and their notation in the chronicle enhances the records' value for the historian. This, of course, is not to say that the story of the *katepano*'s involvement in Prince Rostislav's demise becomes any more plausible. The Byzantine officer was not caught red-handed, and the chronicler's only evidence for his guilt is the allegation that, upon his return to Cherson, the *katepano* could tell the exact day of the prince's death. But even if only a rumor, the story is revealing for the sour relations between the Byzantine commander in Crimea and the Rus'ian prince of Tamatarkha/Tmutorokan, as perceived by a well-informed observer.

The chronicler terminates the entry on Rostislav by pointing out in a purely factual manner that the *katepano* ended up being stoned to death by the people of Cherson. Scholars have linked his bad end to his alleged crime and formulated many excellent reasons why the inhabitants of Cherson could have taken so much to heart the fate of the Tmutorokan prince; a recent study describes the link between the *katepano*'s misdeed and the "rebellion of the Chersonites" as "established in historiography" [Роменский 2015: 215]. However, the long list of authorities cited in support of this view does not compensate for the fact that the chronicler himself makes no such connection [Якобсон 1950: 21-22, as corrected by Скрижинская 1953: 263]. The chronicler manifestly considers the *katepano*'s violent death as a punishment for his crime, but he does not try to claim that this was the motivation of the rebellious Chersonites. I will make a suggestion regarding their possible motives below, but here, again, I limit myself to the question of date. If we do not

(as shown by its other versions). The isolated testimony of Radziwiłł carries no weight against the combined evidence of the other versions.

insist on Nikon's role as the chronicler's informer, the Chersonites could have stoned their *katepano* any time in the late 1060's or early 1070's.

The Rus'ian chronicles' evidence for a *katepano* at Cherson has found little echo among the students of Byzantine history. And the attempt by Irina Sokolova to read the title *katepano* on two seals from Cherson [Соколова 1983: 162, n°50; 166, n°57] did not make it more credible. The seals' poor state of preservation rendered her readings highly hypothetical, and both seals have been recently re-edited with attributions to *strategoi* of Cherson [Alekseyenko 2012: 178, n° 93 and 177, n° 91, respectively].

The issue took a new turn with the discovery and publication of a well preserved seal of Nikephoros Alanos, the *katepano* of Cherson and Khazaria: † Κύριε βοήθει Νικηφόρῳ βεστάρχη καὶ κατεπάνῳ Χερσῶνος καὶ Χαζαρίας τῷ Αλανῷ [Алексеенко, Цепков 2012]. The seal was dated by the editors to the 1060-90's (p. 9). A slightly narrower dating, in the 1060-80's, has been proposed by Werner Seibt [2013: 192]. Curiously, it has not been pointed out that this is the very latest known seal of a Byzantine official struck at Cherson.

The seal defines for the first time the "katepanate"'s geographical realm. Its editors describe Khazaria as eastern Crimea including Sugdea but not necessarily Bosporos [Алексеенко, Цепков 2012: 10], a localization that I share. Other proposals for localizing Khazaria will be discussed below, but first I should point out that the editors' localization suggests an explanation for the appearance of a *strategos* at Sugdea. Rather than admitting a merger of two distinct *themata* under Leo Aliates' command, an uncommon procedure, I would argue that the *thema* of Cherson was first expanded eastward and transformed into the *thema* of Cherson and Sugdea. This military and administrative unit existed for a short period of time between the late 1040's and the early 1060's, probably only in the 1050's. Then a *katepano* was dispatched to Cherson, making superfluous the presence of a *strategos* in the city. In fact, *strategoi* were appointed alongside the katepanos within the geographical realm of most "katepanates", and if this was the case with Sugdea, the *thema* of this name was created as a part of and at the same time as the "katepanate". As for the latter, we should be able to date its existence after reviewing the evidence on Tamatarkha/Tmutorokan.

II. The city of Tamatarcha outside and within the orbit of the Byzantine Empire

The city of Tamatarcha (from Turkic *tumen-tarkhan*, commander of 10,000 men; various Greek spellings attested) was built on the ruins of ancient Hermonassa as the Khazar seat of power on the Taman peninsula [the survey by Чхайдзе 2008: 258-95, contestable in some points, provides a good general view]. The city is mentioned for the first time with the new name in a list of bishoprics (*notitia episcopatum*), known as de Boor's *notitia* from the name of its first editor, and published by Jean Darrouzès as n° 3 of his corpus [Darrouzès 1981: 229-45]. All students of this document have recognized its non-official character. However, as I have argued elsewhere, this was not a figment of the private phantasy of some erudite compiler, but a project for a reform prepared in Patriarch Tarasios' chancellery ca. 802-805 and manifestly abandoned after the patriarch's death in February 806 [Zuckerman 2006: 202-18]. This project was mainly focused on integrating the western eparchies, detached by the Iconoclast emperors from papal jurisdiction, into the hierarchical structure of the Byzantine Church, but also included the creation of a metropolitanate in the territory of the Khazar kaghanate, Byzantium's close ally before the Khazars' conversion to Judaism. The fortress of Doros (modern site of Mangup) was destined to become the metropolitan see of "Gothia", with suffragan bishops at the Khazar capital Atil, at Tamatarkha and, among others, at the tribal see of Khotziroi, described as being close to Phoulai [Darrouzès 1981: 241-2, ll. 611-8; 245, l. 778]. There is no sign that any part of this project was actually put in practice.

Some recent studies speak of a transfer to Tamatarcha, about the middle of the ninth century, of the archbishop's see of Zikhia, traditionally based at Nikopsis [Виноградов 2009, followed by Чхайдзе 2013: 48]. This ghost-suggestion is not supported with any evidence for the date proposed, but the fate of the archbishopric of Zikhia is actually relevant to our topic. This ancient see, the only see situated in the Khazar territory, is conspicuously absent from the most systematic and thoroughly updated of all Byzantine *notitiae*, Darrouzès n° 7 [Darrouzès 1981: 269-88], promulgated by Emperor Romanos I Lekapenos and Patriarch Nicholas I Mystikos shortly after the celebration of the *Tome of Union's* first anniversary in July 921 [for the date, see Zuckerman 2006: 226].

The disappearance of Zikhia from the updated organigram of the Byzantine Church is surely related to the Khazar kings' endemic reprisals against Christians for the persecution and occasional forced baptism of Jews by the Byzantines in the aftermath of the Khazars' conversion to Judaism. A new round in this struggle started with the conversion of Alania, traditionally the Khazars' closest ally, to Christianity with Patriarch Nicholas' support, and ended with the Khazar king Aaron's victory over the Alans accompanied by the expulsion of Byzantine clergy from Alania ca. 932 [see for details Zuckerman 1995: 254-5].

The archbishop of Zikhia re-emerges in a new location, at Tamatarkha, in the list once known as the *notitia* of John Tzimiskes, presently Darrouzès n° 8. This *notitia* only lists the metropolitan and archbishop sees. In one of its forms, it names the archbishop as ὁ Ματάρχων ἡτοὶ Ζηκχίας; in another version, the see is presented, under number 53, as τὰ Ταμάταρχα ἡ Ζηκχία, the latter place-name being devoid of a number. Jean Darrouzès described the list, or rather the lists that he combined in *notitia* 8, as more or less systematic unofficial extensions of *notitia* 7. The metropolitans' list ends in most manuscripts with Pompeiupolis, that of archbishops with Tamatarkha/Zikhia; the two sees seem to have been promoted to their respective hierarchical positions fairly simultaneously [Darrouzès 1981: 79-87, 290-4 (text)]. Pompeiupolis' promotion to metropolitan rank is posterior to the creation of a metropolitan at Otranto (who appears several positions before Pompeiupolis) in 968 and shortly before a metropolitan was named in the newly converted Rôsia (who follows that of Pompeiupolis in later *notitiae*) ca. 990. This would suggest a Byzantine archbishop's installation at Tamatarkha either under John Tzimiskes or early in the reign of Basil II. Aleksandr Gadlo had every reason to link this re-emergence of the Zikhian see in the (former) stronghold of the Khazar kaghanate on the Taman to the kaghanate's collapse ca. 970 under the successive strikes of the Rus and the Oghuz Turks [Гадло 1991: 104-5].

A new hierarchical list of imperial lay dignitaries (*taktikon*), discovered by Nicolas Oikonomidès in a manuscript of the Escorial, has revealed another major move by Byzantium in the same region. This document, dated by Oikonomidès in the reign of John Tzimiskes after the end of his Bulgarian campaign (971-6), lists, among other officers non attested before, a *strategos* of Bosporos, situated by the editor at Bosporos-Kerch [Oikonomidès 1972: 269, l. 17, cf. 363]³. I consider this command to be about as recent as the *strategoi* created on Bulgarian soil by John Tzimiskes during or in the immediate aftermath of his campaign, and also listed in the *Taktikon*. The Empire's reaction to the kaghanate's decline in the 960's and its collapse ca. 970 was very rapid. The installation of a Byzantine *strategos* at Bosporos and

³ I. A. Baranov suggested that the *strategos* of Euxeinos Pontos, also mentioned for the first time in the Escorial *Taktikon*, had his seat at Sugdea [Баранов 1990: 154, cf. Могаричев 2013: 52]. However, N. Oikonomidès had argued that this officer's role lay in protecting the northern access to Constantinople from the Black Sea along the Thracian Bosporos [Oikonomidès 1972: 267, l. 10 (text), 358], and has later supported this analysis with more good arguments [see *DOSeals* 3, n° 721]. The statement by V. Chkhaidze that the Escorial *Taktikon* attests the *themata* at Sugdea and Bosporos [Чхайдзе 2016: 20] seems to echo Baranov's suggestion.

an archbishop at Tamatarkha, just across the strait, occur in close sequence. The question is not whether the two events are linked, but what is the nature of this link.

Scholars who explored the site of ancient Tamatarkha have observed time and again the traces of a general fire, datable to the second half of the tenth century, that had terminated the Khazar period at the site [e.g. Плетнева 2000; Чхайдзе 2008: 143]. I consider this fire to be the outcome of the Byzantine conquest of Tamatarkha, more or less simultaneous with the installation of a Byzantine *strategos* at Bosphoros, on the opposite shore of the strait, and preceding shortly the arrival of a Byzantine archbishop in the city. By way of contrast, the unanimous Russian-language (and dependent) historiographical tradition ascribes the destruction of Khazar Tamatarkha either to Prince Svjatoslav or to Prince Vladimir.

The romantic vision of the “Varangian” Rus settling on the north-eastern coast of the Black Sea in the ninth century [e.g., Soloviev 1959: 573-5] belongs definitely in the past. Modern predominantly Russian-language historiography brings back the origins of the Rus presence at Tamatarkha to the times of Prince Oleg (941-945), Svjatoslav (ca. 961-972), or Vladimir (ca. 978-1015). Only the latest view can claim some support in the sources. A short appendix to the chronicle entry for AM 6496 / AD 988 describes Prince Vladimir’s division of “seats” between his sons and mentions the attribution of Tmutorokan to Mstislav [HILML 1950: 159; PVL 2003: 946-8]. This text is considered to be an indication that Vladimir took possession of the city fairly early in his reign. Thus, in his survey of the Rus presence at Tamatarkha, V. N Chkhaidze points out that Vladimir, precisely at that period, waged war in Crimea “from Cherson to Kerch” (от Корсуня и до Корча), and suggests that he used the occasion for establishing “a Russian protectorate” over Tamatarkha [Чхайдзе 2008: 286].

This is not the occasion to discuss the place within the chronicle of the short appendix on Vladimir’s sons, pertinently described in a recent study as “retrospective” and fairly late [Степаненко 2013: 158, n. 2]. Chkhaidze’s reference to a war waged “from Cherson to Kerch”, cited with no indication of source, does not describe Vladimir’s action, but rather that of his legendary avatar, Prince Bravlin, in the fifteenth-century Slavonic *Life of Saint Stephen of Surozh-Sugdea* [Ivanov 2006: 161]. There is no evidence of Vladimir’s engagement in eastern Crimea or the Taman peninsula. In fact, the earliest indication of the Rus involvement in the region, probably conducive to a permanent presence, belongs in the year after Vladimir’s death.

The presence of a Byzantine *strategos* at Bosphoros–Kerch seems to have only lasted for about half a century. An officer expressly endowed with this title, *protospatharios* Arkadios, is known from a seal [PmbZ Arkadios 20572], dated by Natascha and Werner Seibt to the late tenth-early eleventh century [Зайбт, Зайбт 1995: 95, who also mention two seals of uncertain reading possibly attesting Byzantine officials at Bosphoros]. Another early eleventh century seal belonged to George Tzoulas, *protospatharios* τοῦ Ποσφόρου (ou) [Alekseyenko 2012: 237, n° 159]. Despite some initial contestation, notably by Alexander Kazhdan, it seems to be admitted today that Ποσφόρου (ou) stands for Βοσφόρου, and the “*protospatharios* of Bosphoros” is none but the *strategos* of this military district carrying the court rank of *protospatharios*. Everything else regarding George Tzoulas is a matter of much debate.

A seal preserved in six exemplars, dating from the early eleventh century, presents George Tzoulas, an imperial *protospatharios* and *strategos* of Cherson; a similar seal, also known from six exemplars and dated the same, presents George Tzoulas, an imperial *protospatharios* and *strategos*, with no geographical definition of his command. The editor attributes both seals to one and the same *strategos* of Cherson [Alekseyenko 2012: 173-6, n° 89; 234-6, n° 156; cf. 44-5], and also suggests that George Tzoulas, notary and *khartolarios* on a late-tenth-century seal could be the same person at an earlier stage of his career [Алексеев 2014: 143, n° 18]. The Tzoulas are the best-known aristocratic family of Cherson. A seal from the second half

of the tenth century features Leo Tzoulas, an imperial *protospatharios* and *strategos* of Cherson [Alekseyenko 2012: 162, n° 77]; Michael Tzoulas is styled on a late tenth-early eleventh century seal as imperial *protospatharios* of Cherson [*ibid.*: 232-3, n° 153], which points to his position of *strategos*. Two seals from the second half of the tenth century each present a Tzoulas (without the first name), an imperial *spatharios* of Cherson [*ibid.*: 231-2, n° 151-2], which also indicates the position of *strategos*. Tenth-eleventh-century seals attest five more family members, with or without titles [*ibid.*: 233-8, n° 154, 155, 157, 158, 160].

The most debated testimony on George Tzoulas belongs to John Skylitzes, a chronicler and a high functionary at Aleksios I Komnenos’ court. Skylitzes describes Emperor Basil II’s return to Constantinople in January 6524/1016, on which occasion the emperor sent a fleet to Khazaria (στόλον εἰς Χαζαρίαν ἐκπέμπει) under (Bardas) Mongos’ command. With the cooperation of Sphengos, a brother of Vladimir, the emperor’s brother-in-law, Mongos subdued the region (or the district) and captured its archon, George Tzoulas, in the first assault (καὶ τῇ συνεργίᾳ Σφέγγου τοῦ ἀδελφοῦ Βλαδιμηροῦ, τοῦ γαμβροῦ τοῦ βασιλέως, ὑπέταξε τὴν χώραν, τοῦ ἀρχοντος αὐτῆς Γεωργίου τοῦ Τζούλη ἐν τῇ πρώτῃ προσβολῇ συλληφθέντος)⁴ [Ioannes Scylitzes, ed. Thurn 1973: 354]. Three issues are at the heart of the debate concerning this passage.

The first two issues regard the identity of George Tzoulas and of Khazaria. Skylitzes’ archon was traditionally considered to be the ruler of a Khazar enclave, situated in Crimea or in “Caucasus”, which survived the fall of the Khazar kaghanate. After the publication of seals of the homonymous *strategos* of Cherson, he was identified as this *strategos* who had rebelled against the imperial authority [Скржинская 1953: 252-69]. This line of reasoning involved identifying Cherson or Crimea as a whole as Skylitzes’ Khazaria, which, as pointed out by Valerij Stepanenko, was its obvious weakness. This scholar considered Skylitzes’ Tzoulas to be an ethnic ruler in Crimea who actually started his career in the imperial service after his capture, attaining the rank of *protospatharios* [Степаненко 2008; 2011; cf. Роменский 2016, with detailed bibliographical surveys].

All recent participants in the debate dismiss the identity of Skylitzes’ George Tzoulas, whether united with or separated from the homonymous *strategos* of Cherson, with the strictly contemporary George Tzoulas of Bosphoros. But now that the reading of the seal linking George Tzoulas to Bosphoros is no longer contested, there can be little doubt that Skylitzes’ Tzoulas was a rebellious governor of Bosphoro⁵. In fact, two recently published seals not only allow a precise localization of Khazaria in eastern Crimea, but also show that in Skylitzes’ time, the imperial officer whose realm of command included Bosphoros region carried the official title, of which “archon of Khazaria” was part (see below). I have once suggested that after serving as the *strategos* of Cherson, a city ruled beforehand by members of his family, George Tzoulas was relegated to a much less desirable position of *strategos* of Bosphoros, and this was what prompted his rebellion [Zuckerman 2006: 224]. This scenario appears to me even more plausible now, but it would be appropriate to discuss Tzoulas episode in more detail after presenting the evidence of the seals.

The third much debated issue concerns the identity of Sphengos, presented as a brother of Prince Vladimir, Emperor Basil II’s brother-in-law. An old theory still popular with scholars identifies Sphengos as Vladimir’s son Mstislav [e.g. Shepard 2006: 31-4; Слядзь 2014: 39-

⁴ In a recent English translation Sphengos is described as “the brother of Vladimir and brother-in-law of the emperor” [Wortley 2010: 336], which is an oversight.

⁵ According to Chkhaidze, this George Tzoulas occupied two distinct positions, those of an archon of Khazaria and of a *strategos* of Bosphoros, “and what only remains unclear is in what sequence he occupied them” [Чхайдзе 2016: 21].

62], but neither the name nor the family relation to Vladimir fits. According to a much more plausible identification recently proposed by Oleksandr Fylypchuk, Sphengos was none other than the jarl Sweyn Haakonsson (Sveinn Hákonarson). Expelled from Norway ca. 1015, he went to Garðariki (Rus) to make a fortune and died a year later, in Sweden, upon his return from the East [Филипчук 2009]. There is no point in guessing why this personage claimed to be Vladimir's brother, but the names coincide and the chronological fit is most striking. This Scandinavian noble must have been Prince Jaroslav's "Varangian" ally, who provoked riots in Novgorod and then assisted Jaroslav in expelling his brother Svjatopolk from Kiev in winter 1015/6. He must have continued on his way to Byzantium in the spring, and his expedition to Khazaria must have then taken place in the summer, and not in the middle of the winter as claimed by scholars who take Skylitzes to mean that Basil II sent a sizable naval force across the Black Sea in January. The "Khazarian" raid was indeed very short, as stated by Skylitzes, since Sphengos-Sweyn was back in Scandinavia in the fall.

While I see no sign of the presence of a Rus'ian prince on the Taman either before or during George Tzoulas' rebellion, a few years later the *Tale of Bygone Years* pictures Mstislav as well established at Tmutorokan (AM 6530 / AD 1022). The power vacuum on the Bosporos in the rebellion's aftermath and the unsettled state of Rus during the years of Svjatopolk's and Jaroslav's struggle for the Kiev throne could have prompted Mstislav's move to Tamatarkha. But an arrangement with Emperor Basil II, still fully engaged in the Bulgarian war, about ceding the region to the Rus'ian prince would also appear plausible. The status of Bosporos is the main argument (see below), but Mstislav's coinage could also produce evidence supporting such a scheme. Recent studies attribute, in fact, the earliest Tmutorokan silver coins to the period of Mstislav's principedom [survey in Androshchuk 2016: 85]. In striking silver Mstislav followed the example of his father Vladimir and his rival brothers Svjatopolk and Jaroslav; unlike them, however, he did not decorate the coins with his own effigy but rather imitated the coinage of Emperors Basil II and Constantine VIII.

Thus I would link the emergence of a Rus'ian principality at Tmutorokan with the disappearance of the Byzantine Bosporos command. Starting in the late 1010's, for nearly eighty years, Tamatarkha-Tmutorokan gravitated in the orbit of Kievan Rus.

III. Prince Oleg-Michael and his seals

According to the *Tale*, Mstislav left Tmutorokan in AM 6532 / AD 1024 to challenge his brother Jaroslav over the throne of Kiev. As I have argued elsewhere, this was about the time when the struggle between Svjatopolk and Jaroslav actually terminated, rather than in 1019, as indicated in the *Tale* [Цукерман 2009: 219-22]. After Mstislav's departure, nothing is known about Tmutorokan until the 1060's. It is not my aim to present here in any detail the evidence on the Rus'ian presence at Tmutorokan, as delivered by chronicles and, in recent times, by archaeological excavations [survey in Чхайдзе 2008]. As pertinently observed by Mykola Kotliar, Tmutorokan, while ruled by rotating Rus'ian princes, never developed the administrative features of a regular Rus'ian "principedom", retaining strong elements of autochthonous self-government [Котляр 2003]. I would compare its position to eleventh-century Novgorod, with the main difference that the Rus'ian princes operated in Tmutorokan in a non-Slavic milieu and tended to be disinherited young adventurers aspiring for a better lot. Thus, for instance, in the 1060's the legitimate prince Gleb Svjatoslavich had been expelled twice by his ambitious cousin Rostislav (above) whom he also succeeded in 1067.

The prince who will interest us closely is Gleb's enterprising brother Oleg. According to the *Tale*, Oleg first came to Tmutorokan from Chernigov in spring 1078 fleeing his uncle Vsevolod. Tmutorokan was ruled at the time by Oleg's brother Roman and hosted another disinherited grandson of Jaroslav the Wise, Boris Vjacheslavich, who fled Chernigov shortly before Oleg. In the same summer, Oleg and Boris orchestrated a major invasion of Rus by

the Cumans, provoking much destruction and loss of men. Yet the Cumans were beaten off, Boris was killed, and Oleg fled back to Tmutorokan. The next year Roman attempted invading Rus with the Cumans in his turn, but he was outsmarted by Prince Vsevolod of Kiev and murdered by his own Cuman allies. As for Oleg, he was captured by the Khazars at Tmutorokan and expelled "beyond the sea" to Constantinople making place for a governor appointed by Vsevolod, who was evicted in 1081 by another disgruntled pair of princes, Davyd Igorevich and Volodar, son of Tmutorokan's former prince Rostislav [PVL 2003: 1606-45].

We recover Prince Oleg's trace in Byzantium in his fellow-countryman Abbot Daniel's account of pilgrimage to the Holy Land (ca. 1104-6). On his way, Daniel visited the island of Rhodes, where the "Rus'ian prince Oleg spent two summers and two winters" [*Хождение игумена Даниила* 2004: online]. Scholars have early observed that the duration of Oleg's relegation to an island coincided with the last two years of the reign of Emperor Nikephoros III Botaneiates, and concluded that Oleg's exile must have been negotiated with the latter. Oleg's liberation coincided with the coup-d'état that brought to power Aleksios I Komnenos.

The conditions of Oleg's return two years later have become better known thanks to a newly published seal, commented below. The *Tale* only notes that in 6591/1083, "Oleg came from (the land of) the Greeks to Tmutorokan, seized David and Volodar Rostislavich, and sat on Tmutorokan's throne. He slaughtered the Khazars who had advised killing his brother and himself, and let Davyd and Volodar go" [PVL 2003: 1646-7]. This chronicle entry is often cited as evidence for a general slaughter of Khazars at Tmutorokan perpetuated by Oleg [e.g. Мораричев 2013: 54], but this was clearly not the case. According to the chronicler's own indications, Oleg's brother Roman was assassinated by the Cumans, not the Khazars, who expelled, not killed, Oleg. Manifestly, some minority fraction of Tmutorokan Khazars had been particularly hostile towards Roman and Oleg and Oleg, upon his return, was strong enough to settle the score with his enemies. The Khazars appear as an organized ethnic group weighing decisively on Tmutorokan's destiny. The *Tale* assigns to Oleg a stay of eleven years at Tmutorokan, noting his departure for Chernigov, "his father's town", with his Cuman allies in 6602/1094 but no other events. Oleg's stint at Tmutorokan was marked by abundant coinage, mostly of low-grade silver, but we will only focus on his seals.

The first specimen of a seal in the name of Michael, carrying the legend Κόριε βοήθει Μιχαήλ ἄρχοντι Ματράχων, Ζιχίας καὶ πάσης Χαζαρίας, was published by Nicolas Banescu in 1941. The editor identified the seal's owner as a Byzantine official who took over the control of vast areas along the eastern shores of Pontus after Prince Oleg's departure in 1094 [Banescu 1941]. In a major correction to this view, Alexandre Soloviev attributed the seal to Prince Oleg himself [Soloviev 1958]. Soloviev reproached Banescu for not having consulted the Rus'ian sources, which would have revealed to him that Michael was Oleg's Christian name. This name is attested in the Ljubetch *synodikon*, a source on which I will not dwell, and, most importantly, in Abbot Daniel's account. At the very end, Daniel lists the Rus princes, whose names he wrote down for commemoration at the Laura of Saint-Sabas, naming the prince Michael Oleg [*Хождение игумена Даниила* 2004: online; Soloviev 1958: 578]. I know of no substantial objection or alternative to Soloviev's identification.

While the seal published by Banescu (with the help of Vitalien Laurent) was probably found in Istanbul, a recent survey by Victor Chkhaidze lists seven more seals with the same legend discovered since in eastern Pontus: two were found in or near the city of Kerch, ancient Bosporos, opposite Tamatarkha on the western coast of the Strait, two on the Taman peninsula⁶, one in the sea at the site of Tamatarkha, and two more at Sudak, as part of the

⁶ This is the indication of provenance in the survey by V. Yanin and P. Gajdukov, which Chkhaidze cites as source [Янин, Гайдуков 2004: 141], while indicating for his part a much wider area of provenance — Taman or Crimea. I note in passing that the first reference in [Чхайдзе 2016: 11,

from the Rus'ian chronicles (no mention after 1094) as a sign of its passage under Byzantine control. This approach is widely shared in modern scholarship, even though no scholar explains what form this control could have possibly taken and how it was exercised in practice.

The newly discovered seal of Oleg-Michael featuring him as a Byzantine *doux* throws an entirely new light upon Manuel Straboromanos' testimony. It leaves no doubt that Oleg-Michael was installed at Tamatarkha by Byzantium as an imperial officer. Thus it is now clear that in speaking of the recovery of the Cimmerian Bosphoros by Alexios I, Manuel had in mind the region's submission to a Byzantine military commander in the person of Oleg-Michael.

Yet, the evolution of the latter's titles shows that his attachment to the Empire did not last. Jonathan Shepard's observation that Oleg-Michael "did *not* declare himself to be ... an officially subordinate 'client' of the emperor" (above) fully pertains to the later part of his stint at Tamatarkha. The reason, no doubt, was that the title of *doux* implied subordination to the distant emperor, who, given the Empire's state at the time, could not be of any practical help. This is no coincidence that Oleg-Michael drops his empty title and simultaneously claims suzerainty over Zikhia. In the episode studied above, the chronicler explains the sour relations between the imperial *katepano* and Prince Rostislav of Tmutarokan in 1066 by the Byzantines' apprehension when Rostislav started claiming tribute "from the Kasogians and other countries, which scared the Greeks" [HJIИл 1950: 185; PVL 2003: 1319]. Kasogia, the naphtha country, is part of Zikhia. By claiming Zikhia as his domain, Oleg-Michael openly lays hand on the sources of naphtha, to the detriment of his former imperial suzerain.

The last testimony to add to the dossier is a letter by Archbishop Theophylact of Bulgaria (or Ohrid) to Gregory Taronites (*Ep.* 81) written in summer 1003, that is in the same year as Manuel Straboromanos' laudatory speech or a couple of years later. The letter mentions the heavy tributes imposed by "Tanisman" (Emir of Sivas Danishmend Gazi) on "Hellenic cities" (ἐλληνίδας πόλεις) of the eastern and southern Black Sea coast, including those "between the river Tanais and the Maeotic Lake". Military action by Gregory removed Tanisman's vexations — from all cities or some is not said (Theophylactus, ed. Gautier 1986: 126 [date], 426-9 [text and French translation]). A. Kazhdan was the first to cite this text as indicative of Byzantium's hold over Tamatarkha in the early twelfth century [Каздан 1963; better Kazhdan 1983: 345]. G.G. Litavrin linked this testimony to that of Manuel Straboromanos as an additional proof of Tamatarkha's passage under Byzantine sway after Oleg-Michael's departure for Chernigov [Litavrin 1965: 229-30]. Theophylact's letter is cited in the same capacity in later studies, but I see much confusion in the matter.

The first question that few scholars ask is how Danishmend Gazi, the emir of Sivas-Sebasteia, could impose any hardships on the cities of eastern Pontus, with which his small realm in north-eastern Asia Minor had no territorial contiguity (they were separated by the Georgian kingdom)? J. Shepard suggested that Danishmend employed his navy [Shepard 1974: 21-3]. A. Kazhdan surmised that the cities "were attacked ... if not by the Seljuks themselves, then by the Polovcians acting in alliance with them" [Kazhdan 1983: 345]. But we have no knowledge either of Danishmend's navy or of his Cuman/Polovtsian allies. We may ask, likewise, how Gregory Taronites with his small expeditionary force could reach as far east as Tamatarkha (which is not actually named by Theophylact). Paul Gautier, the editor of Theophylact's *Epistulae*, answered both these questions: "Il se pourrait bien que Théophylacte ait cédé à la *vis rhetorica*: il a exagéré l'étendue du territoire de Tanisman, pour le plaisir de citer des noms de peuples anciens, et gonflé le

success remporté par Grégoire Tarônites, success dont on ne niera pas l'existence, mais qui dut être local et modeste [Theophylactus, ed. Gautier 1986: 124-5].

A quick verification in the TLG makes it clear that the root of error is Kazhdan's initial assumption that Theophylact used the idiom ἐλληνίδες πόλεις to describe imperial cities. But just as the Byzantine state is for Theophylact Ῥωμαϊκὸν πολίτευμα or Ῥωμαίων ἀρχή, cities of the Empire are πόλεις τῶν Ῥωμαίων. His unique usage of the idiom ἐλληνίδες πόλεις, applied to Greek cities close to the Tanais and the Maeotic Lake, conveys the exact meaning it carries in the classical sources, designating cities of Hellenic culture dispersed in barbarian surroundings. Theophylact's vocabulary choice implies no link between these cities and the Empire, quite the contrary. Three authors of a recent study quote Theophylact and Manuel Straboromanos (in addition to a highly speculative exegesis of a newly discovered seal), and propose a radiant vision of Byzantine dominance in Tamatarkha region in the first half of the twelfth century, including "provision of military forces, administration and church representation" [Чхаидзе, Каштанов, Виноградов 2015: 134-6]. Leaving the church hierarchy aside, I believe that this scheme hangs entirely in the air.

IV. "All Khazaria" = Khazaria. The location of Khazaria

All types of seals of Oleg-Michael feature Khazaria as part of his realm. In the years that have passed since Nicolas Banescu published the first exemplar of such a seal in 1941, two main diverging geographical definitions of Khazaria have been debated. Before discussing them in my turn, I should emphasize that two recently published seals have shifted the debate's parameters dramatically. While the seal of the Byzantine *doux* Oleg-Michael attaches Khazaria to Tamatarkha, the seal of the imperial *katepano* Nikephoros Alanos features it as part of the "katepanate" of Cherson, making clear that Khazaria belonged to the Empire as early as ca. 1060, when the "katepanate" was created. The same geographical notion on two nearly contemporary seals would presumably apply to the same territory.

It has been pointed out, however, that the seal of Nikephoros Alanos mentions Khazaria *tout court*, while those of Oleg-Michael speak of "all Khazaria" (πάσης Χαζαρίας). Various interpretations have been proposed for the idiom "all Khazaria" when it was the only formulation available, while recently Victor Chkhaidze proposed a thorough revision of the topic based on a semantic and geographic distinction between "Khazaria" and "all Khazaria". He observed with reason that rather than speculating abstractly on what "all Khazaria" could possibly mean, we should be guided by parallel usages in Byzantine administrative practice. Such usages are, essentially, two: "all the West" and "all Bulgaria". Their examination makes Chkhaidze conclude that adding the qualifier *πᾶσα* to a territorial unit's name "was linked to some extraordinary events in the territories in question, which required not only nominating energetic officials to administrate them, but also expanding the latter's authority, both in regard to its territorial scope and to the provision of wide administrative and military resources" [Чхаидзе 2016: 17-20]. Yet, a closer look at both cases named does not sustain Chkhaidze's conclusion.

This is not the place to retrace the history of the Byzantine military command of the West (τῆς Δύσεως), having that of the East (τῆς Ανατολῆς) as its counterpart [e.g. Kühn 1991: 262-72; Мохов 2008]. Suffice is to mention that in a representative cross-section of seals of thirty different officials "of the West" in the Dumbarton Oaks catalogue only three carry the expanded formula "of all the West" [*DO Seals* I: 1-15]. All three are contemporary with the seal of Oleg-Michael (last third of the eleventh century). I will examine one example. Alexios Komnenos, the future emperor, is presented on his seal as grand *domestikos* "of the West" [n° I, 15, dated to 1074-8],

while his brother and fairly close successor in the same position Adrianos is styled on his seal grand *domestikos* “of all the West” [n° I, 13, dated after 1086]. We could start speculating which brother was more “energetic” and endowed with authority in his commanding position, if we did not have their father, John Komnenos, described in an Athos document of 1062 as grand *doux* “of all the West” [Ivion II: 103, n° 35, l.36]. It is unlikely that the “territorial scope” of the Western command changed in the least within the period of activity of the three Komnenoi. Besides, in all other descriptions of his command, including his seal, John Komnenos carries the regular title of *domestikos* “of the West” [Мохов 2008, 172]. No scholar before Chkhaidze has ever suggested a semantic or functional distinction between “the West” and “all the West”. Manifestly, there was none.

The case of Nikephoros Ouranos mentioned by Chkhaidze deserves a special notice [Чхайдзе 2016: 19, after Мохов 2008: 169]. Nikephoros occupied in 996-9 the position of *domestikos* (of the Scholae) of the West [PmbZ 25617: Nikephoros Uranos], but is presented by John Skylitzes as πάσης δύσεως ἄρχων [Ioannes Scylitzes, ed. Thurn 1973: 341, l. 23]. Thus Skylitzes not only replaces the title of *domestikos* by the vague description archon, but also introduces the adjective πάσης, which will first appear in the *domestikos*’ title over sixty years after Nikephoros. I dwell on this example since it shows that scholars’ expectation to find in Skylitzes the exact reproduction of George Tzoulas’ official title is not reasonable. Skylitzes demonstrably did not shy away from paraphrasing and modernizing the titles.

The case of *Boulgaria* could appear less clear-cut. The duchy of this name was created in the core lands of the Bulgarian Kingdom soon after its conquest by Byzantium in 1018 [e.g. Kühn 1991: 227-33]. Scores of civilian and military officials who carry the name of the district *Boulgaria* in their title are attested by seals. Among the seals that mention *Boulgaria* with no qualifier, the seal of Constantine, προνοητής πάσης Βουλγαρίας, first published by Vitalien Laurent, later discovered in four more exemplars [see *DO Seals* I: 93-4, n° 29.1], created a small sensation. The first editor did not comment on the qualifier πᾶσα, yet in later scholarship the opinion prevailed that I quote from the authoritative Dumbarton Oaks catalogue published by John Nesbitt and Nicolas Oikonomides: “we find seals whose owners claim authority over ‘all of Bulgaria’ (πάσης Βουλγαρίας); in interpreting this phrase we tend to agree with Zlatarski, who thought that it designated the totality of the traditional Bulgarian territories (including the Paristrion)” [*DO Seals* I: 93]. This appraisal would have lent support to Chkhaidze’s analysis — if only it could be considered as founded.

Among numerous Byzantine officials attested in *Boulgaria*, we do not find multiple “owners” of seals “who claim authority over all of Bulgaria”: this is the case of Constantine alone, and, most importantly, on only two out of four types of his seals [*Österreich* II: 130-1; cf. Jordanov 2003: 49]. The relative chronology of Constantine’s career, dated as a whole in the third quarter of the eleventh century, is indicated by the progress of his honorific court titles. He is first attested with the titles of *patrikios hypatos*, in the position of *anagrapheus*, chief cadastral officer of *Boulgaria*; then, promoted *anthypatos patrikios*, he is appointed *doux* of *Boulgaria*; then, endowed with the additional court title of *bestes*, he combines the positions of *logariastès* (chief accounting officer) and *anagrapheus* “of all *Boulgaria*” [latest edition *Österreich* II: 130-1, n° 112] — in other words, he controls the entire fiscal service of his district. Finally, he is further promoted *bestarkhes* and appointed *pronoètès* “of all *Boulgaria*” [*Österreich* II: 219-20, n° 220]. The *Österreich* seals’ editors Alexandra-Kyriaki Wassiliou and Werner Seibt make no comment on the qualifier πᾶσα and do not attribute to Constantine a more extended geographical realm of

authority in the period when his seals’ legend included the phrase πάσης Βουλγαρίας than when they referred just to *Boulgaria*. What is more, the editors suggest as his probable successor a certain John who described himself as προνοητής Βουλγαρίας *tout court* [*Österreich* II: 219-20]. It would have been most unlikely that for one single official and for a very short period of time the fiscal services of (at least) two districts were confounded into a single unit. It is even less likely that this unit would have been named “all *Boulgaria*” by reference to the long defunct Bulgarian kingdom, rather than in a more explicit and standard manner, such as “*Boulgaria* and Paristrion”, for instance, if those were the districts combined.

Thus a careful examination of use of the qualifier πᾶσα with a name of a military-administrative district in the two cases pointed out by Victor Chkhaidze undermines the conclusions formulated by the scholar himself. Neither “all the West” nor “all *Boulgaria*” refer to territorial entities any different from the “West” and “*Boulgaria*” *tout court*. The addition of the emphatic qualifier is no more than a speech mannerism typical of the last third of the eleventh century. This conclusion applies to “all Khazaria” on Oleg-Michael’s seals. I would also suggest applying it to the phrase “all *Rôsia*” (ἄρχοντι πάσης Ῥωσίας) in the legend of an idiosyncratic seal of Vsevolod-Andrew, prince of Kiev in 1076-7 and 1078-93 [*DO Seals* I: 192, n° 85.1; cf. Янин, Гайдуков 1998: 20-1]. The creative interpretations proposed for this title are not my topic; enough is to mention that chronologically, the legend of Oleg-Michael’s seals could have inspired the one employed by Vsevolod-Andrew.

The practical implications of Chkhaidze’s analysis are hard to grasp. He rightly places the seal of *katepano* Nikephoros Alanos in the 1060’s-1070’s, before Oleg-Michael’s seals, and he admits that “Khazaria” named on this seal as part of *katepano*’s command did not extend beyond eastern Crimea, since territories across the Strait of Kerch were ruled at the time by Rus’ian princes [Чхайдзе 2016: 22]. Nevertheless, Chkhaidze claims that Khazaria, “in the understanding of the inhabitants of the eleventh-century Byzantine Empire, (...) comprised both coasts of the Bosphoros” and, therefore, attributes to Oleg-Michael an extended Khazaria, comprising the city of Tamatarkha and the adjacent territory [*ibid.*, and map, p. 35]. Yet, by making Tamatarkha coincide with Khazaria or part of it, we gain nothing but tautology because both Tamatarkha and Khazaria appear together on all Oleg-Michael’s seals. The weakness of this scheme resides in the author’s determination to reconcile two contradictory geographical definitions of Khazaria, one of which is simply wrong.

Twelfth-fourteenth-century sources apply the name Khazaria/Gazaria to Crimea, and more specifically, to eastern Crimea (William of Rubruck). Scholars who commented on Oleg-Michael’s seals have surveyed these sources situating “his” Khazaria in eastern Crimea [Soloviev 1958: 572-3; Litavrin 1965: 231]. Another well-known reference is even more pertinent, both geographically and chronologically. In his *Ep.* 68, addressed to a *strategos* of Cherson, Patriarch Nicholas I Mystikos announces the appointment of a new archbishop to Cherson, whom, however, he charged with a short detour. Before occupying “his proper throne”, the archbishop should visit Khazaria and ordain priests there, since a delegation sent by the locals complained of their absence [Nicholas, ed. Jenkins, Westerink 1973: 314-5]. Commentators link this letter to Nicholas’ *Ep.* 106, in which he praises the archbishop of Cherson for his “zeal on behalf of that deluded nation”, which the patriarch now deems worthy on an archbishop of its own [*ibid.*: 388-91]. I have dated *Ep.* 68 in late 914-early 915 and *Ep.* 106 in summer 920, identifying the archbishopric announced in *Ep.* 106 as Phoulai in eastern Crimea, localized at the site of Tepsen, next to modern Koktebel [Завадская 2014]; this archbishopric is first mentioned in Darrouzès *notitia* n° 7 in the early 920’s [Zuckerman 2006, 222-4]. After crossing the

sea from Sinope to Crimea's southern coast, the archbishop's ship could easily reach that area by sailing east, rather than west to Cherson. But long before I produced my arguments, scholars aware of the religious situation in the Khazar kaghanate, in the first place Mikhail Artamonov, had pointed out that a Christian mission there would have been out of place at Nicholas Mystikos' time, localizing "his" Khazaria in eastern Crimea [Артамонов 1962: 364].

These considerations have been dismissed in several recent studies. Thus, for instance, Sergej Sorochan, in arguing for the identification of Nicholas Mystikos' Khazaria as the Khazar state, cites the Khazars' proverbial religious tolerance, but gives no consideration to the specific evidence for the period concerned [Сорочан 2012: 193]. In commenting the same passage, Yuri Mogarichev asks rhetorically: "If the patriarch [Nicholas] conducted missionary activity in Alania, why would not he do the same in Khazaria?" [Могаричев 2012: 189]. The author forgets that as soon as the Khazars got the upper hand in Alania, all Byzantium-created ecclesiastical structure was dismantled and the clerics expelled (see above). Neither scholar explains how a newly appointed archbishop of Cherson could enlighten the Khazar kaghanate and provide it with priests as a *parergon* on his way from Constantinople to Cherson.

Yuri Mogarichev, a staunch opponent of Crimean Khazaria, points out rightly that Byzantine sources use to apply the name Khazaria to the Khazar state as a whole [Могаричев 2012; 2013; Могаричев, Сазанов 2012]. Therefore, this author strives to situate Tzoulas' Khazaria mentioned by Skylitzes as well as that of Oleg-Michael's seals in "Asian Bosphoros", in the former Khazar territory. He cannot, however, produce any example of such a restricted use of the name Khazaria in the Byzantine sources (while citing them to oppose a Khazaria in Crimea). Most importantly, Mogarichev can propose no specific localization for his Asian Khazaria. The newly published seal of *katepano* Nikephoros Alanos seals the fate of this line of reasoning. A Khazaria administratively attached to Cherson can only be situated in Crimea [cf. Степаненко 2014]. This Khazaria took its name from Turkic settlers who came to eastern Crimea in the wake of the Khazar invasion in the mid- to late seventh century; considered to be Bulgarians by archaeologists, they defined themselves as Khotzirs-Khazars [Zuckerman 2006: 225, with references]. The ecclesiastical center of this tribal area, Phoulai-Tepsen, lies about 30 km to the east of Sugdea. Thus the definition of the *katepano*'s resort, "Cherson and Khazaria" was devised to describe western and eastern Crimea, including Sugdea.

V. The epilogue and a glimpse into the twelfth century

In an earlier paper, I have described the Pontic basin in the first to the eleventh century AD as the stage of a drama in three acts played out by two main actors who, in the course of time, change only the costumes: the Empire, whether we call it Roman, Later Roman or Byzantine, and the nomads, who come with a multitude of names [Zuckerman 2006: 201]. Skipping the first act, the second act starts with a modest fourth-century military push [see now Seibt 2017] and culminates at the climax of the "Later Empire". Early in the reign of Emperor Justinian, the imperial forces regain the control of Bosphoros and Lazica, and then briefly close the gap between these two areas by occupying Zikhia / Taman. The Turk (late sixth century) and then the Khazar (mid-seventh century) invasions draw the curtain on this phase of expansion.

The third act begins with the fall of the Khazar kaghanate, and the re-conquest pace is remarkably fast. The kaghanate collapses in the late 960's, while the early 970's the Escorial *Taktikon* shows a Byzantine *strategos* established at Bosphoros, probably already in possession of the former Khazar stronghold of Tamatarkha. Yet, in the early eleventh century as in the mid-sixth, holding on to the easternmost coast of the Black Sea proves

to be a hard challenge. The Bosphoros *strategos* is no longer attested after George Tzoulas' rebellion, and the Rus'ian prince installed at Tamatarkha/Tmutorokan seems to take over both the eastern and the western coast of the Strait of Kerch.

The question whether the Rus'ian princes of Tmutorokan also controlled the region of modern-day Kerch on the opposite shore is debated. In the recent context, this debate acquires political undertones. By some weird twist of logic, the hold of a junior Kievan Rus prince over Crimea's eastern coast is taken to sustain the claims of modern Russia over this territory; in his detailed survey of the debate, Victor Chkhaidze has strongly opposed extending the Tmutorokan princes' suzerainty over Kerch [Чхайдзе 2017: 30 *et passim*; cf. Степаненко 2011: 155]. I take the opposite stand. The classical argument for considering the two shores of the Strait of Kerch as parts of a single political entity is a Slavonic inscription engraved on Prince Gleb's order during his third stint at Tmutorokan (after Prince Rostislav's death). It reads: "In the year 6576, indiction 6, Prince Gleb measured the sea on ice from Tmutorokan to Korchev, 14,000 *sazheni*" [Медынцева 1979]. The Byzantine year 6576 and indiction 6 correspond to September 1067 — August 1068; thus the Strait of Kerch froze in winter 1067/8, this rare phenomenon prompting the measurement. The result obtained by Gleb, ca. 24 km (*sazhen* is about a fathom), fits the distance between Tmutorokan and Korchev/Kerch. It is likely that Gleb did not undertake on ice a visit abroad but rather measured the distance between two main cities of his own domain [*ibid.*: 15]. Another argument is rooted in the recent recognition that the town named Rosia in twelfth-century sources, including imperial documents and al-Idrisi's *Geography*, is none other than Bosphoros/Kerch; first voiced by Julian Kulakovskij in 1902, this identification can no longer be contested [Бейліс 1996: 92, 101; Коновалова 2001]. This onomastic metamorphosis of ancient Bosphoros takes place in the eleventh century and can only be explained by a prolonged Rus'ian sway over the town. The lack of evidence for any kind of imperial institutional presence at Bosphoros after George Tzoulas' rebellion, an *argumentum ex silentio*, fits well with this evidence. If so, it would also appear plausible that the Rus'ian principality of Tmutorokan took over Bosphoros/Kerch from its very creation, which should be viewed as an act of negotiated concession of the eastern-most Pontic territories by Basil II to the Rus.

The imperial administration at Cherson survives the first half of the eleventh century without institutional changes. In the 1050's and the 1060's, however, the Empire's defenses in Crimea come under increasing pressure from the new masters of the steppe — the Cumans, Polovtsi of the Rus'ian chronicles. Scholars are fairly unanimous in linking the military reforms in Byzantine Crimea to the Cuman threat. In the scheme that I propose, the first step consisted in extending, in the 1050's, the Byzantine defenses eastward and transforming the *thema* of Cherson into the *thema* of Cherson and Sugdea. This first response to the Cuman penetration into eastern Crimean steppe must have consisted in strengthening the local military infrastructure; but we have no details and all we know is that this measure did not suffice. The next step consisted in replacing, in the early 1060's, the *strategos* at Cherson by a higher-ranking *katepano*, probably accompanied by a contingent of professional soldiers, and by installing a *strategos* at Sugdea. The *katepano*'s authority was geographically defined as Cherson and Khazaria, western and eastern Crimea.

Ca. 1070, the people of Cherson stoned their *katepano* to death. There is no reason to link his demise with his alleged but unlikely involvement in Prince Rostislav's death. It is more likely that the *katepano*, in his capacity of imperial officer, refused some concessions claimed by the Cumans and the Chersonites disapproved of his intransigent stand. However this may be, we know of no imperial official appointed to Cherson any time

later. And yet, ten years or so after the *katepano*'s disappearance, we discover Khazaria again, this time in the title of Prince Oleg-Michael. In 1083, Emperor Alexios I Komnenos installs Oleg-Michael on the Taman, in an act of Reconquista celebrated by Manuel Straboromanos, with the title of archon and *doux* of Matrakha and Khazaria. Both parts of the title, as formulated, apply to both regions. However, the title of archon clearly goes back to Oleg's title of *knjaz*' before his exile, while the title of *doux*, equivalent in the second half of the eleventh century to that of *katepano*, recalls the position of Byzantium's former commander-in-chief in Crimea. Most strikingly, the part of eastern Crimea previously subordinated to the latter officer seated at Cherson now belongs to the military resort of a Rus'ian prince improvised imperial *doux* at Tamatarkha/Tmutorokan. This is another indication that no imperial administrative infrastructure was left in Cherson in the 1080's. By contrast, enough of it must have survived in Sugdea for the empire to put a claim to this area, included in the notion of Khazaria.

Whatever ambitions Alexios I may have had of keeping a foothold in northern and eastern Pontus, they must have faded away within a few years. Oleg-Michael dropped the title of imperial *doux*, which imposed subordination with no tangible benefits, and reverted to using the unique title of archon/*knjaz*', while claiming Zikhia as part of his domain. I have no doubt that Emperor Alexios' courtesan John Skylitzes, in describing, probably in the late 1080's [cf. Flusin in Wortley 2010: XXXI], the seizure of George Tzoulas in 1016, had a thought for the unruly archon of Khazaria of his own time. Skylitzes modernizes, as his habit, Tzoulas' title, employing title elements of the freshly appointed governor of the area. After the recent seals' discovery, his usage is no longer a mystery. By including Bosphoros in Khazaria he commits an approximation, but his aim is clearly to describe George Tzoulas as the Byzantine governor of eastern Crimea. In 1103, Theophylact of Ohrid describes the cities of the Strait of Kerch area as ἑλληνίδες πόλεις detached from the "Roman" empire.

The evidence for the twelfth century is scarce. In the tidal moves of Byzantium's involvement in northern and eastern Pontus the reign of Manuel I Komnenos (1143-80) marks the last resurgence of a kind. In the Conciliar Edict of 1166, Manuel I adorns himself with the titles of ζηκχικὸς, χαζαρικὸς, and γοτθικὸς [Mango 1963: 324], thus laying claim to Crimea and eastern Pontus. Emperor Manuel I's privilege of 1169 for the Genoese traders, as quoted by Emperor Isaac II Angelos in 1192, allows their ships to sail in all Empire's regions with the exception of Rôsia-Kerch and Matrakha (ἄνευ τῆς Ῥωσίας καὶ τῶν Ματραχῶν), thus implying that the latter belong to the Empire. Curiously, the privilege's two Latin translations affirm the restriction with no indication of a link between the Empire and the two cities [see esp. Martin 1979 and Jacoby 2007, who quote the texts]. As long as Byzantium controlled the Thracian Bosphoros, it could impose any restrictions it chose on the western traders' access to the Black Sea. The question is what form of control the Empire actually exercised along its northern and eastern coast. Emperor Manuel I's Conciliar Edict of 1166 also endows him with the titles δαλματικὸς, οὐγγρικὸς, βοσθνικὸς, χροβατικὸς, etc. [Mango 1963: 324], and while each of these claims has a reason, no modern historian would draw a map of Manuel I Komnenos' empire including Hungary within its limits.

According to the traditional view, stated with force by Nataliya Bogdanova, Cherson's survival in barbarian surroundings was grounded in its being part of a mighty "suzerain" state, capable of defending it in the military and diplomatic arena — and up to 1204, this state was Byzantium [Богданова 1991: 88, and *passim*]. More reastically, Jonathan Shepard has recently observed that "by the 12th century, imperial administrative involvement in Cherson seems to have been slackened", while in the Strait of Kerch area

"imperial dominion was minimalist and largely indirect", exercised by "a small staff of imperial agents" [Shepard 2009: 429, 438-9]. Shepard refers in the latter case to a specific single testimony.

The only twelfth-century evidence for any kind of Byzantine administrative presence in the region is Michael Choniates' much-debated *Ep.* 3 to his friend Constantine Pegonites from ca. 1180 [*Michaelis Choniatae Epistulae*, ed. Kolovou 2001: 5-6, cf. 50*-51*]. Pegonites' appointment as a tax collector (πρὸς τῶν φορολογικῶν παρεσῶρης πραγμάτων) made him a frequent visitor in the regions of the anciently inhospitable dwellers of Pontos (τῶν πάλαι κακοξείνων Ποντικῶν ἐπιχωριάσεις τοῖς κλίμασιν). Michael Choniates also mentions the Hyperboreans as well as the scary Tauroscythia lying across the straits (θράπτει με καὶ τὸ τῆς Ταυροσκυθίας ἀντίπορθμον). Alexander Kazhdan localized Pegonites' activity in North-Eastern Pontus and, more specifically, at Tamatarkha-Tmutorokan, separated by the Strait of Kerch from Crimea identified as Tauroscythia [Kazhdan 1983: 348-53]. I would go a step farther and suggest considering Tauroscythia as a classicizing "translation" of Rhosia, the new name of Bosphoros-Kerch lying just across the strait from Tamatarkha. But this is not my main point. What none of Choniates' commentators seems to have noticed is that his friend did not actually have a fixed place of assignment, as the itinerant or seasonal nature of his function is clearly indicated (τῶν ... Ποντικῶν ἐπιχωριάσεις τοῖς κλίμασιν). Alexandru Madgearu [2008: 28] has plausibly linked Pegonites' tasks with E.M. Martin's analysis of the reglementation imposed at the same period on the Italian traders' activity in the Black Sea. The most favorable duty-free trade status including access to Matrakha was granted to the Venetians, but not to the Genoese; the Pisans' status was in between [Martin 1979: esp. 114 with n. 3]. Such regulations implied measures of control and taxation, which Constantine Pegonites had for task to apply.

Sending a tax inspector to the Strait of Kerch did not signify, however, that Byzantium controlled the area. It meant that there was no power opposed to the inspector's presence. In every country named in Manuel I Komnenos' bombastic title Byzantium exercised some kind of suzerainty, but never the same. We lack evidence for defining with any precision the kind of ties it maintained with the cities of Crimea and the Taman peninsula, but there is no indication that after the empire's forced retreat from the region in the 1070-80's, these cities ever again became part of its military and administrative structures. The cities survived on their own — and they thrived. The current perception that belonging to a great empire is the key to prosperity should not be projected into the past.

BIBLIOGRAPHY СПИСОК ЛІТЕРАТУРИ

1. Алексеенко Н. А. Моливдовулы византийского Херсона из частной коллекции // АДСВ. 2014. Вып. 42. С. 132-151.
2. Алексеенко Н. А. Византийская администрация Таврики в XI в. и новая печать Льва Алиата из Херсона // VIII Международный Византийский семинар «ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: империя и полис». Материалы научной конференции. Севастополь, 2016. С. 9-16.
3. Алексеенко Н. А., Цепков Ю. А. Катепанат в Таврике: легендарные свидетельства или исторические реалии // ХСб. Севастополь, 2012. Вып. XVII. С. 7-17.
4. Артамонов М. И. История хазар. Л., 1962.
5. Баранов И. А. Таврика в эпоху раннего средневековья (салтово-маяцкая культура). Киев, 1990.
6. Бейліс В. М. Країна ал-Куманія у "Географічному творі" ал-Ідрісі та половецька земля Іпатіївського літопису // Мappa Mundi. Збірник наукових праць на пошану Ярослава Дашкевича з нагоди його 70-річчя. Львів, Київ, Нью-Йорк, 1996. С. 84-103.
7. Бережков Н. Г. Хронология русского летописания. М., 1963.

8. Булгакова В. А. Сигиллографический комплекс порта Сугдеи (материалы подводных исследований 2004-2005 гг.) // Сугдейский сборник. Киев, Судак, 2008. Вып. III. С. 296-330.
9. Виноградов А. Ю. Зихия // Православная Энциклопедия. М., 2009. Т. 20. С. 257-259.
10. Гадло А. В. Византийские свидетельства о Зихской епархии как источник по истории Северо-Восточного Причерноморья // Из истории Византии и византиноведения. Л., 1991. С. 93-106.
11. Житие Феодосия Печерского / Подг. текста, пер. и ком. О. В. Творогова // Библиотека литературы Древней Руси. СПб., 2004. Т. I. С. 352-433 (and online).
12. Завадская И. А. Периодизация культового строительства на городище Тепсень (о кафедральном храме Фульской епархии) // МАИЭТ. 2014. Вып. XIX. С. 211-39.
13. Зайбт Н., Зайбт В. Печати стратигов византийской фемы Херсон // АДСВ. Симферополь, 1995. Вып. 27. Византия и средневековый Крым. С. 91-97.
14. Кабанец Е. П. К вопросу о роли Тмутараканской епархии в церковной истории Древней Руси конца XI вв. // Сугдейский сборник. Киев, Судак, 2005. Вып. II. С. 105-130.
15. Каждан А. П. Византийский податной сборщик на берегах Киммерийского Боспора в конце XII в. // Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран. М., 1963. С. 93-101.
16. Котляр Н. Ф. Тмутороканское княжество: реальность или историографический миф? // Древнейшие государства Восточной Европы. 2003 г. М., 2005. С. 107-118.
17. Литаврин Г. Г. Византия, Болгария, Древняя Русь (IX — начало XII в.). СПб., 2000.
18. Медынцева А. А. Тмутараканский камень. М., 1979.
19. Могаричев Ю. М. К вопросу о «Крымской Хазарии» в X-XI вв. // Восточная Европа в древности и средневековье. Миграции, расселение, войны как факторы политогенеза. XXIV Чтения памяти В. Т. Пашуто. М., 2012. С. 188-192.
20. Могаричев Ю. М. О «Крымской Хазарии» в XI-XII вв. // Княжа доба. Історія і культура. Т. 7. Львів, 2013. С. 49-58.
21. Могаричев Ю. М., Сазанов А. В. Крымская Хазария X-XI вв. Хазарский анклав в Крыму или историографический миф? (исторический контекст) // Хазарский альманах. Киев, Харьков, 2012. Т. 10. С. 122-38.
22. Мохов А. С. Доместики схол Запада второй половины X — начала XII в. по данным сфрагистики // АДСВ. 2008. Вып. 38. С. 163-184.
23. НІЛмл — Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / Под ред. А. Н. Насонова. М., Л., 1950.
24. Плетнева С. А. Оборонительная стена в Таматархе-Тмутаракани // Историко-археологический альманах. Армавир, 2000. Вып. 6. С. 21-8.
25. Радиф Р. Манојло Стравороман: прилог историји византијско-јужнословенских односа крајем XI и у првим годинама XII века // Зборник радова Византолошког института. 1989. Т. 27/28. С. 93-101.
26. Роменский А. А. Последний пир князя Ростислава: политический контекст отношений Руси и Византии на Тамани и в Таврике в 60-е — 70-е гг. XI в. // Материалы по археологии и истории античного и средневекового Крыма. Тюмень, 2015. Вып. 7. С. 214-229.
27. Роменский А. А. В поисках Хазарии Иоанна Скилицы: к дискуссии о походе Варды Монга и Сфенга в 1016 г. // Хазарский альманах. 2016. Т. 14. С. 206-225.
28. Скрижинская Е. Ч. Рецензия на: Якобсон А. Л. Средневековый Херсонес (XII-XIV вв.). // Византийский временник. 1953. Т. 6. С. 252-268.
29. Слядзь А. Н. Византия и Русь: опыт военно-политического взаимодействия в Крыму и Приазовье (XI — начало XII века). СПб., 2014.
30. Соколова И. В. Монеты и печати византийского Херсонеса. Л., 1983.
31. Сорочан С. Б. Византийский Херсон в письмах Николая Мистика // Хазарский альманах. Киев, Харьков, 2012. Т. 10. С. 179-201.
32. Степаненко В. П. К истории средневековой Таврики (Византия и средневековый Крым) // АДСВ. 1992. Вып. 26. С. 125-133.
33. Степаненко В. П. Цула и Херсон в российской историографии XIX-XX вв. // Россия и мир: панорама исторического развития. Сборник научных статей, посвященный 70-летию исторического факультета Уральского государственного университета им. А. М. Горького. Екатеринбург, 2008. С. 27-35.
34. Степаненко В. П. Архонт Хазарии — стратиг Херсона? // ХСб. 2011. Вып. 16. С. 153-161.
35. Степаненко В. П. «Архонт архонтов» в византийской сфрагистике XI в. // ПОЛЕМОЛОГОС. Сборник статей памяти профессора В. В. Кучмы / Под ред. Н. Д. Барбанова. Волгоград, 2012. С. 147-159.
36. Степаненко В. П. Архонт и дука Тмутаракани в конце XI века // ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: «империя» и «полис». Севастополь, 2013. С. 157-168.
37. Степаненко В. П. Еще раз о локализации Хазарии в XI в. // МАИЭТ. 2014. Вып. XIX. С. 368-378.
38. Степанова Е. В. Судакский архив печатей: предварительные выводы // АДСВ. 2001. Вып. 32. С. 97-108.
39. Филиппчук О. Перечитуючи Іоанна Скілицю: хто був Сфенг — брат Володимира Святого? // Історична панорама: Збірник наукових статей ЧНУ. Спеціальність «Історія». Чернівці: Рута, 2009. Вип. 8. С. 58-70.
40. Хожение игумена Даниила / Подг. текста, пер. и ком. Г. М. Прохорова // Библиотека литературы Древней Руси. СПб., 2004. Т. IV. (and online).
41. Цукерман К. Наблюдения над сложением древнейших источников летописи // Collectanea borisoglebica = Борисо-Глебский сборник / éd. C. Zuckerman. Paris, 2009. P. 183-305. (Occasional Monographs published by the Ukrainian National Committee for Byzantine Studies 2).
42. Цукерман К. Политика Византии в Северном Причерноморье по данным Notitiae episcopatum // МАИЭТ. 2010. Вып. XVI. С. 399-435.
43. Чхаидзе В. Н. Таматарха. Раннесредневековый город на Таманском полуострове. М., 2008.
44. Чхаидзе В. Н. Зихская епархия: письменные и археологические свидетельства // ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: «империя» и «полис». Севастополь, 2013. С. 47-68.
45. Чхаидзе В. Н. «Хазария» XI века: к вопросу о локализации (по данным византийских моливдовулов). М., 2016. (available as a preprint on academia. edu)
46. Чхаидзе В. Н. Тмутаракань: печальный опыт историографии начала XXI века. М., 2017. (available as a preprint on academia. edu)
47. Чхаидзе В. Н., Каштанов Д. В., Виноградов А. Ю. Supplementum I: Алексей Комнин (1122-1142) // Чхаидзе В. Византийские печати из Тамани. М., 2015. С. 119-151.
48. Якобсон А. Л. Средневековый Херсонес (XII-XIV вв.) // МИА. 1950. № 17.
49. Янин В. Л., Гайдуков П. Г. Актовые печати Древней Руси X-XV вв. Т. III. Печати, зарегистрированные в 1970-1996 гг. М., 1998.
50. Янин В. Л., Гайдуков П. Г. Древнерусские вислые печати, зарегистрированные в 2003 г. // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Новгород, 2004. Вып. 18. С. 137-161.
51. Alekseyenko N. L'administration byzantine de Cherson: catalogue des sceaux. Paris, 2012. (Occasional Monographs 4).
52. Androshchuk F. Images of power. Byzantium and Nordic Coinage century 995-1035. Kyiv, Paris, 2016. (Occasional Monographs 5).
53. Banescu N. La domination byzantine à Matracha (Tmutorokan), en Zichie, en Khazarie et en „Russie” à l'époque des Comnènes // Académie Roumaine. Bulletin de la Section Historique. 1941. Vol. 22. P. 57-77.
54. Darrouzès J. Notitiae episcopatum Ecclesiae Constantinopolitanae: texte critique, introduction et notes. Paris, 1981.
55. Dimnik M. The Dynasty of Chernigov, 1146-1246. Cambridge University Press, 2003.
56. DOSeals I — Nesbitt J., Oikonomides N. Catalogue of Byzantine Seals at Dumbarton Oaks and in the Fogg Museum of Art, 1: Italy, North of the Balkans, North of the Black Sea. Washington DC, 1991.
57. DOSeals III — Nesbitt J., Oikonomides N. Catalogue of Byzantine Seals at Dumbarton Oaks and in the Fogg Museum of Art, III: West, Northwest and Central Asia Minor and the Orient. Washington DC, 1997.
58. Ioannes Scylitzes. Synopsis Historiarum / Rec. I. Thurn. Berlin, 1973.
59. IOSPE V — Ancient Inscriptions of the Northern Black Sea, vol. V = Vinogradov A. Byzantine Inscriptions, 2015 (online).

60. Gautier P. Le dossier d'un haut fonctionnaire byzantin d'Alexis Ier Comnène, Manuel Strabormanos // *Revue des études byzantines*. 1965. Vol. 23. P. 168-204.
61. Ivanov S. A. The Slavonic Life of Saint Stefan of Surozh // *La Crimée entre Byzance et le Khaganat khazar* / éd. C. Zuckerman. Paris, 2006. P. 109-167. (Monographies du Centre de recherche d'Histoire et Civilisation de Byzance 25)
62. Ivron II — Actes d'Ivrou. II. Du milieu du XIe siècle à 1204 / éd. J. Lefort, N. Olkonomides, D. Papachryssanthou. Paris, 1990.
63. Jacoby D. Byzantium, the Italian maritime powers, and the Black Sea before 1204 // *Byzantinische Zeitschrift*. 2007. Bd. 100. P. 677-699.
64. John Skylitzes. A synopsis of Byzantine history, 811-1057 / tr. J. Wortley. Cambridge, 2010.
65. Jordanov I. Corpus of Byzantine seals from Bulgaria. Vol. I: Byzantine seals with geographical names. Sofia, 2003.
66. Kazhdan A. Some Little-Known or Misinterpreted Evidence about Kievan Rus' in Twelfth-Century Greek Sources // *Okeanos: Essays presented to Ihor Ševčenko on his Sixtieth Birthday by his Colleagues and Students*. Harvard, 1983. P. 344-58. (Harvard Ukrainian Studies 7).
67. Kühn H.-J. Die byzantinische Armee im 10. und 11. Jahrhundert. Studien zur Organisation der Tagmata. Wien, 1991. (Byzantinische Geschichtsschreiber. Ergänzungsband 2).
68. Mango C. The Conciliar Edict of 1166 // *Dumbarton Oaks Papers*. 1963. Vol. 17. P. 317-330. = *Studies in Constantinople*. Aldershot, 1993. No. XVIII.
69. Madgearu A. The Byzantine Expansion in the Black Sea Area // *Review of Military History*. 2008. P. 22-31 (available online).
70. Martin M. E. The First Venetians in the Black Sea // *Ἀρχαίον Πόντον*. 1979. T. 35. P. 111-122.
71. Nicholas I Patriarch of Constantinople. Letters / ed. tr. R. J. H. Jenkins, L. G. Westerink. Washington DC, 1973.
72. Oikonomides N. Les Listes de préséance byzantines des IXe et Xe siècles. Introduction, texte, traduction et commentaire. Paris, 1972.
73. Österreich II — Wassiliou A.-K., Seibt W. Die byzantinischen Bleisiegel in Österreich. 2. Teil: Zentral- und Provinzialverwaltung. Wien, 2004.
74. PmbZ — Prosopographie der mittelbyzantinischen Zeit (online resource).
75. PVL — The Povest' vremennykh let: an interlinear collation and paradosis / Ed. D. Ostrowski // *Harvard Library of Early Ukrainian Literature*. Vol. X (3 parts). Cambridge Mass., 2003.
76. Seibt W. Was lehren die Siegel über die Verwaltung von Cherson im Mittelalter? // *Збірник радова Византолошког Института*. Београд, 2013. Vol. 50/1 (Mélanges Ljubomir Maksimović). C. 187-194.
77. Seibt W. Roman military presence on the Georgian coast from the third to the fifth century: with an appendix on the Ala Abasgorum // *Ὁ ὅλῳρον εἶμι τὰς γραφὰς βλέπων νόει*: mélanges Jean-Claude Cheynet / éd. B. Caseau, V. Prigent, A. Sopracasa. Paris, 2017. (Travaux et mémoires 21/1) (in print).
78. Shepard J. Closer encounters with the Byzantine world: the Rus at the Straits of Kerch // *Pre-Modern Russia and Its World: Essays in Honor of Thomas S. Noonan* / eds. K. L. Reyer-son, Th. G. Stavrou, J. D. Tracy. Wiesbaden, 2006. P. 15-77.
79. Shepard J. 'Mists and portals': the Black Sea's north coast // *Byzantine Trade, 4th–12th Centuries. The Archaeology of Local, Regional, and International Exchange* / ed. M. Mango. Farnham, 2009. P. 421-441.
80. Soloviev A. V. Domination byzantine ou russe au nord de la mer Noir à l'époque des Comnènes? // *Akten des XI. Internationalen Byzantinistenkongresses* / Hrsg. F. Dölger, H.-G. Beck. München, 1958. S. 569-80. (reprinted in Id., *Byzance et la formation de l'État russe*. London, 1979. n° VII).
81. Theophylactus Achridensis. Epistulae / éd. P. Gautier. Thessaloniki, 1986.
82. Zuckerman C. Byzantium's Pontic policy in the Notitiae episcopatum // *La Crimée entre Byzance et le Khaganat khazar* / éd. C. Zuckerman. Paris, 2006. P. 201-230. (Monographies du Centre de recherche d'Histoire et Civilisation de Byzance 25) (Russian translation: Цукерман 2010).

REFERENCES

1. Alekseenko N. A. Molivdovuly vizantiiskogo Khersona iz chastnoi kollektsii. *Antichnaia drevnost' i srednie veka*, 2014. Vol. 42, pp. 132-151.
2. Alekseenko N. A. Vizantiiskaia administratsiia Tavriki v XI v. i novaia pechat' L'va Alia-ta iz Khersona. *Materialy nauchnoi konferentsii VIII Mezhdunarodnyi Vizantiiskii seminar «ΧΕΡΣΟΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: imperia i polis»*, Sevastopol, 2016, pp. 9-16.
3. Alekseenko N. A., Tsepkov Iu. A. Katepanat v Tavrike: legendarnye svдетель'stva ili istoricheskie realii. *Khersonesskii sbornik*, Sevastopol, 2012, Vol. XVII, pp. 7-17.
4. Artamonov M. I. *Istoriia khazar*. Leningrad, 1962.
5. Baranov I. A. *Tavrika v epokhu rannego srednevekov'ia (saltovo-maiatskaia kul'tura)*. Kiev, 1990.
6. Beilis V. M. Kraina al-Kumaniia u "Geografichnomu tvorii" al-Idrisi ta polovets'ka zemlia Ipatiivs'kogo litopisu. *Marra Mundi. Zbirnik naukovikh prats' na poshanu Iaroslava Dashkev-icha z nagodi iogo 70-richchia*, L'viv, Kiiv, New-York, 1996, pp. 84-103.
7. Berezhevskii N. G. *Khronologiiia russkogo letopisaniia*. Moscow, 1963.
8. Bulgakova V. A. Sigillograficheskii kompleks porta Sugdei (materialy podvodnykh issledo-vanii 2004-2005 gg.). *Sugdeiskii sbornik*, Kiev, Sudak, 2008, Vol. III, pp. 296-330.
9. Vinogradov A. Iu. *Zikhiia. Pravoslavnaia Entsiklopediia*, Moscow, 2009, T. 20, pp. 257-259.
10. Gadlo A. V. Vizantiiskie svдетель'stva o Zikhskoi eparkhii kak istochnik po istorii Severo-Vostochnogo Prichernomor'ia. *Iz istorii Vizantii i vizantinovedeniia*, Leningrad, 1991, pp. 93-106.
11. Zhitie Feodosiia Pecherskogo. *Biblioteka literatury Drevnei Rusi*, S-Petersburg, 2004, T. I, pp. 352-433 (and online).
12. Zavadskaiia I. A. Periodizatsiia kul'tovogo stroitel'stva na gorodishche Tepsen' (o kafedral'nom khrame Ful'skoi eparkhii). *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol, 2014, Vol. XIX, pp. 211-39.
13. Zaibt N., Zaibt V. Pechati stratigov vizantiiskoi femy Kherson. *Antichnaia drevnost' i srednie veka*, Simferopol, 1995, Vol. 27. Vizantiia i srednekovyi Krym, pp. 91-97.
14. Kabanets E. P. K voprosu o roli Tmutarakanskoii eparkhii v tserkovnoi istorii Drevnei Rusi kontsa XI vv. *Sugdeiskii sbornik*, Kiev, Sudak, 2005, Vol. II, pp. 105-130.
15. Kazhdan A. P. Vizantiiskii podatnoi sborshchik na beregakh Kimmeriiskogo Bospora v kontse XII v. *Problemy obshchestvenno-politicheskoi istorii Rossii i slavianskikh stran*, Moscow, 1963, pp. 93-101.
16. Kotliar N. F. Tmutorokanskoe kniazhestvo: real'nost' ili istoriograficheskii mif? *Drevneishie gosudarstva Vostochnoi Evropy*. 2003 g., Moscow, 2005, pp. 107-118.
17. Litavrin G. G. *Vizantiia, Bolgariia, Drevniaia Rus' (IX — nachalo XII v.)*. S-Petersburg, 2000.
18. Medyntseva A. A. *Tmutarakanskii kamen'*. Moscow, 1979.
19. Mogarichev Iu. M. K voprosu o «Krymskoi Khazarii» v X-XI vv. *Vostochnaia Evropa v drevnosti i srednevekov'e. Migratsii, rasselenie, voiny kak faktory politogeneza. XXIV Chteniia pamiati V. T. Pashuto*. Moscow, 2012, pp. 188-192.
20. Mogarichev Iu. M. O «Krymskoi Khazarii» v XI-XII vv. *Kniazha doba. Istoriia i kul'tura*. L'viv, 2013, T. 7, pp. 49-58.
21. Mogarichev Iu. M., Sazanov A. V. Krymskaia Khazariia X-XI vv. Khazarskii anklav v Krymu ili istoriograficheskii mif? (istoricheski kontekst). *Khazarskii al'manakh*, Kiev, Khar'kov, 2012, T. 10, pp. 122-38.
22. Mokhov A. S. Domestiki skhol Zapada vtoroi poloviny X — nachala XII v. po dannym sfragistiki. *Antichnaia drevnost' i srednie veka*, 2008, Vol. 38, pp. 163-184.
23. NILml — *Novgorodskaiia pervaiia letopis' starshego i mladshago izvodov*. Moscow, Leningrad, 1950.
24. Pletneva S. A. Oboronitel'naia stena v Tamatarkhe-Tmutarakani. *Istoriiko-arkheologicheskii al'manakh*, Armavir, 2000, Vol. 6, pp. 21-8.
25. Radih R. Manojlo Stravoroman: prilozhennii vizantijsko-juzhnoslovenskikh odnosa krajem XI i u prvim godinama XII veka. *Zbornik radova Vizantoloshkog instituta*, 1989, T. 27/28, pp. 93-101.
26. Romenski A. A. Poslednii pir kniazia Rostislava: politicheskii kontekst otnoshenii Rusi i Vizantii na Tamani i v Tavrike v 60-e — 70-e gg. XI v. *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Kryma*, Tiumen', 2015, Vol. 7, pp. 214-229.

27. Romenskii A. A. V poiskakh Khazarii Ioanna Skilitzy: k diskussii o pokhode Vardy Monga i Sfenga v 1016 g. *Khazarskii al'manakh*, 2016, T. 14, pp. 206-225.
28. Skrizhinskaia E. Ch. Retsenziia na: Iakobson A. L. Srednevekovyi Khersones (XII-XIV vv.). *Vizantiiskii vremennik*, 1953, T. 6, pp. 252-268.
29. Sliadz' A. N. *Vizantiia i Rus': opyt voenno-politicheskogo vzaimodeistviia v Krymu i Priazov'e (XI — nachalo XII veka)*. S-Petersburg, 2014.
30. Sokolova I. V. *Monety i pečati vizantiiskogo Khersonesa*. Leningrad, 1983.
31. Sorochan S. B. Vizantiiskii Kherson v pis'makh Nikolaia Mistika. *Khazarskii al'manakh*, Kiev, Khar'kov, 2012, T. 10, pp. 179-201.
32. Stepanenko V. P. K istorii srednevekovoi Tavriki (Vizantiia i srednevekovyi Krym). *Antichnaia drevnost' i srednie veka*, 1992, Vol. 26, pp. 125-133.
33. Stepanenko V. P. Tsula i Kherson v rossiiskoi istoriografii XIX–XX vv. *Rossia i mir: panorama istoricheskogo razvitiia. Sbornik nauchnykh statei, posviashchennyi 70-letiiu istoricheskogo fakul'teta Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta im. A. M. Gor'kogo*, Ekaterinburg, 2008, pp. 27-35.
34. Stepanenko V. P. Arkhont Khazarii — stratig Khersona? *Khersonesskii sbornik*, Sevastopol, 2011, Vol. 16, pp. 153-161.
35. Stepanenko V. P. «Arkhont arkhontov» v vizantiiskoi sfragistike XI v. Barabanov N. D. (Ed.), *ΠΟΛΕΜΟΛΟΓΟΣ. Sbornik statei pamiati professora V. V. Kuchmy*, Volgograd, 2012, pp. 147-159.
36. Stepanenko V. P. Arkhont i duka Tmutarakani v kontse XI veka. *ΧΕΡΣΟΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: «imperiia» i «polis»*, Sevastopol, 2013, pp. 157-168.
37. Stepanenko V. P. Eshche raz o lokalizatsii Khazarii v XI v. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol, 2014, Vol. XIX, pp. 368-378.
38. Stepanova E. V. Sudakskii arkhiv pečatei: predvaritel'nye vyvody. *Antichnaia drevnost' i srednie veka*, 2001, Vol. 32, pp. 97-108.
39. Filipchuk O. Perechituiuchi Ioanna Skilitziu: khto buv Sfeng — brat Volodimira Sviatogo? *Istorichna panorama: Zbirnik naukovikh statei ChNU. Spetsial'nist' "Istoriia"*, Chernivtsi, 2009, Vol. 8, pp. 58-70.
40. Khozhdenie igumena Daniila, *Biblioteka literatury Drevnei Rusi*, S-Petersburg, 2004, T. IV. (and online).
41. Zuckerman C. Nabludeniia nad slozheniem drevneishikh istochnikov letopisi. Zuckerman C. (éd.), *Collectanea borisoglebica = Boriso-Glebskii sbornik*, Paris, 2009, pp. 183-305. (Occasional Monographs published by the Ukrainian National Committee for Byzantine Studies 2).
42. Zuckerman C. Politika Vizantii v Severnom Prichernomor'e po dannym Notitiae episcopatum. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol, 2010, Vol. XVI, pp. 399-435.
43. Chkhaidze V. N. *Tamartarkha. Rannesrednevekovyi gorod na Tamanskom poluostrove*. Moscow, 2008.
44. Chkhaidze V. N. Zikhskaia eparkhiia: pis'mennye i arkheologicheskie svidetel'stva. *ΧΕΡΣΟΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: «imperiia» i «polis»*, Sevastopol, 2013, pp. 47-68.
45. Chkhaidze V. N. «Khazarii» XI veka: k voprosu o lokalizatsii (po dannym vizantiiskikh moli-vdovulov). Moscow, 2016. (available as a preprint on academia. edu)
46. Chkhaidze V. N. *Tmutarakan': pechal'nyi opyt istoriografii nachala XXI veka*. Moscow, 2017. (available as a preprint on academia. edu)
47. Chkhaidze V. N., Kashtanov D. V., Vinogradov A. Iu. Supplementum I: Aleksei Komnin (1122-1142). *Chkhaidze V. Vizantiiskie pečati iz Tamani*. Moscow, 2015, pp. 119-151.
48. Iakobson A. L. Srednevekovyi Khersones (XII-XIV vv.). *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR*, Moscow, 1950, No. 17.
49. Ianin V. L., Gaidukov P. G. *Aktovye pečati Drevnei Rusi X-XV vv. T. III. Pečati, zaregistriruvannye v 1970-1996 gg.* Moscow, 1998.
50. Ianin V. L., Gaidukov P. G. Drevnerusskie vislye pečati, zaregistriruvannye v 2003 g. *Novgorod i Novgorodskaiia zemlia. Istoriia i arkheologiia*, Novgorod, 2004, Vol. 18, pp. 137-161.
51. Alekseyenko N. *L'administration byzantine de Cherson: catalogue des sceaux*. Paris, 2012. (Occasional Monographs 4).
52. Androshchuk F. *Images of power. Byzantium and Nordic Coinage centure 995-1035*. Kyiv, Paris, 2016. (Occasional Monographs 5).
53. Banescu N. La domination byzantine à Matracha (Tmutorokan), en Zichie, en Khazarie et en „Russie” à l'époque des Comnènes. *Académie Roumaine. Bulletin de la Section Historique*, 1941, Vol. 22, pp. 57-77.
54. Darrouzès J. *Notitiae episcopatum Ecclesiae Constantinopolitanae: texte critique, introduction et notes*. Paris, 1981.
55. Dimnik M. *The Dynasty of Chernigov, 1146-1246*. Cambridge University Press, 2003.
56. DOSeals I — Nesbitt J., Oikonomides N. *Catalogue of Byzantine Seals at Dumbarton Oaks and in the Fogg Museum of Art, I: Italy, North of the Balkans, North of the Black Sea*. Washington DC, 1991.
57. DOSeals III — Nesbitt J., Oikonomides N. *Catalogue of Byzantine Seals at Dumbarton Oaks and in the Fogg Museum of Art, III: West, Northwest and Central Asia Minor and the Orient*. Washington DC, 1997.
58. Ioannes Scylitzes. *Synopsis Historiarum*. Berlin, 1973.
59. IOSPE V — *Ancient Inscriptions of the Northern Black Sea*, vol. V = Vinogradov A. Byzantine Inscriptions, 2015 (online).
60. Gautier P. Le dossier d'un haut fonctionnaire byzantin d'Alexis Ier Comnène, Manuel Straboromanos. *Revue des études byzantines*, 1965, Vol. 23, pp. 168-204.
61. Ivanov S. A. The Slavonic Life of Saint Stefan of Surozh. Zuckerman C. (éd.), *La Crimée entre Byzance et le Khaganat khazar*, Paris, 2006, pp. 109-167. (Monographies du Centre de recherche d'Histoire et Civilisation de Byzance 25)
62. Iviron II = Lefort J., Oikonomides N., Papachryssanthou D. (éds.), *Actes d'Iviron. II. Du milieu du XIe siècle à 1204*. Paris, 1990.
63. Jacoby D. Byzantium, the Italian maritime powers, and the Black Sea before 1204. *Byzantinische Zeitschrift*, 2007, Bd. 100, pp. 677-699.
64. Wortley J. (tr.), John Skylitzes. *A synopsis of Byzantine history, 811-1057*. Cambridge, 2010.
65. Jordanov I. *Corpus of Byzantine seals from Bulgaria*. Vol. I: Byzantine seals with geographical names. Sofia, 2003.
66. Kazhdan A. Some Little-Known or Misinterpreted Evidence about Kievan Rus' in Twelfth-Century Greek Sources. *Okeanos: Essays presented to Ihor Ševčenko on his Sixtieth Birthday by his Colleagues and Students*. Harvard, 1983, pp. 344-58. (Harvard Ukrainian Studies 7).
67. Kühn H.-J. *Die byzantinische Armee im 10. und 11. Jahrhundert. Studien zur Organisation der Tagmata*. Wien, 1991. (Byzantinische Geschichtsschreiber. Ergänzungsband 2).
68. Mango C. The Conciliar Edict of 1166. *Dumbarton Oaks Papers*, 1963, Vol. 17, pp. 317-330 = *Studies in Constantinople*, Aldershot, 1993, No. XVIII.
69. Madgearu A. The Byzantine Expansion in the Black Sea Area. *Review of Military History*, 2008, pp. 22-31 (available online).
70. Martin M. E. The First Venetians in the Black Sea. *Αρχαίον Πόντον*, 1979, T. 35, pp. 111-122.
71. Jenkins R. J. H., Westerink L. G. (ed. tr.), *Nicholas I Patriarch of Constantinople. Letters*. Washington DC, 1973.
72. Oikonomides N. *Les Listes de préséance byzantines des IXe et Xe siècles. Introduction, texte, traduction et commentaire*. Paris, 1972.
73. Österreich II — Wassiliou A.-K., Seibt W. *Die byzantinischen Bleisiegel in Österreich. 2. Teil: Zentral — und Provinzialverwaltung*. Wien, 2004.
74. PmbZ — *Prosopographie der mittelbyzantinischen Zeit* (online resource).
75. PVL — The Povest' vremennykh let: an interlinear collation and paradosis. *Harvard Library of Early Ukrainian Literature*, Vol. X (3 parts), Cambridge Mass., 2003.
76. Seibt W. Was lehren die Siegel über die Verwaltung von Cherson im Mittelalter? *Zbornik radova Vizantoloskogo Instituta*, Beograd, 2013, Vol. 50/1 (Mélanges Ljubomir Maksimović), pp. 187-194.
77. Seibt W. Roman military presence on the Georgian coast from the third to the fifth century: with an appendix on the Ala Abasgorum. Caseau B., Prigent V., Sopraca A. (éd.), *Οὗ δῶρόν εἰμι τὰς γραφὰς βλέπων νόει: mélanges Jean-Claude Cheynet*, Paris, 2017. (Travaux et mémoires 21/1) (in print).

78. Shepard J. Closer encounters with the Byzantine world: the Rus at the Straits of Kerch. Reyerson K. L., Stavrou Th. G., Tracy J. D. (eds.), *Pre-Modern Russia and Its World: Essays in Honor of Thomas S. Noonan*, Wiesbaden, 2006, pp. 15-77.
79. Shepard J. 'Mists and portals': the Black Sea's north coast. Mango M. (ed.), *Byzantine Trade, 4th–12th Centuries. The Archaeology of Local, Regional, and International Exchange*, Farnham, 2009, pp. 421-441.
80. Soloviev A. V. Domination byzantine ou russe au nord de la mer Noir à l'époque des Comnènes? Dölger F., Beck H.-G. (Hrsg.), *Akten des XI. Internationalen Byzantinistenkongresses, München*, 1958, pp. 569-80. (reprinted in Id., *Byzance et la formation de l'État russe*, London, 1979, n° VII).
81. Gautier P. (éd.), *Theophylactus Achridensis. Epistulae*. Thessaloniki, 1986.
82. Zuckerman C. Byzantium's Pontic policy in the Notitiae episcopatum. Zuckerman C. (éd.), *La Crimée entre Byzance et le Khaganat khazar*, Paris, 2006, pp. 201-230. (Monographies du Centre de recherche d'Histoire et Civilisation de Byzance 25).

Цукерман К.

Конец византийского правления на северо-восточном побережье Понта Резюме

Представление о продолжении византийского правления в Крыму и на Тамани в XII в. является в работах недавнего времени практически общепризнанным. Однако недавняя публикация двух новых печатей заставляет полностью его пересмотреть. Четко прослеживается угасание византийской власти в Херсоне, завершившейся побиением камнями имперского катепана ок. 1070 г. Попытка восстановления византийского владычества на Тамани и в Восточном Крыму связана с назначением в качестве имперского дуки ссыльного тмутараканского князя Олега (Михаила) Святославича в 1083 г. Именно это достижение императора Алексея I Комнина отмечает в своем панегирике Мануил Стравороман. Однако, как показывают печати Олега-Михаила, он вскоре отбросил свой имперский титул, сохранив за собой переданный ему империей Восточный Крым (Хазарию) и, по всей вероятности, также подчинив себе Зихию. Никаких указаний на вхождение Крыма и Тамани в военно-административные структуры Византийской империи после 70-80-х гг. XI в. в источниках не усматривается.

Ключевые слова: Византия, Херсон, Хазария, Таматарха, Тмутаракань, Сугдея, Боспор, Керчь, Олег-Михаил, Георгий Цула, катепан, стратег.

Zuckerman C.

The End of Byzantine Rule in North-Eastern Pontus Summary

The current belief in the continuity of Byzantine rule at Cherson and in other regions of Crimea, as well as on the Taman peninsula, in the 12th century needs to be revised in the light of two recently published seals. This study traces the waning of the Byzantine power at Cherson in the late 1060 — early 1070's. A short-lived attempt to install a Byzantine *doux* at Tamatarkha in the person of the Rus'ian exiled prince Oleg-Michael takes place ca. 1083 and is celebrated in Emperor Alexios I Komnenos' panegyric by Manuel Straboromanos. In addition to Tamatarkha, his former principality, the Empire transfers under his authority territories in eastern Crimea, designated as Khazaria, essentially the resort of the *strategos* of Sugdea. Soon, however, probably by the late 1080's, Oleg-Michael abandons his imperial allegiance. After these dates, neither Cherson nor Tamatarkha will ever again be part of the imperial military and administrative structures.

Keywords: Byzantium, Cherson, Khazaria, Tamatarkha, Tmutarokan, Sugdea, Bosporos, Kerch, Oleg-Michael, George Tzoulas, katapano, strategos.

В. А. СИДОРЕНКО

ЯЛТА — ВИЗАНТИЙСКИЙ ГОРОД В ГОТСКОЙ ЕПАРХИИ¹

Впервые Ялта упоминается у арабоязычного автора ал-Идриси (Абу 'Абдаллах Мухаммад ибн Мухаммад ибн 'Абдаллах ибн Идрис ал-Хаммуди ал-Хасани) в сочинении «Нузхат ал-муштак фи-хтирак ал-афак» («Отрада страстно желающего пересечь мир»²), описательной карты, составленной по заказу норманнского короля Сицилии Рожера II (1130-1154 гг.) в 1154 г. [11, с. 281; 2, с. 208-210; 8, с. 2-11]. Полное издание этого труда вышло в 1592 г. в типографии Медичи в Риме под заглавием «Китаб нузхат ал-муштак фи-зикр ал-амсар ва-л-актар ва-л-булдан ва-л-джузур ва-л-мада'ин ва-л-афак» («Книга развлечение истомленного в рассказе о столицах, округах, странах, островах, городах и областях»³). Карта обобщала сведения, почерпнутые автором из лоций и работ его предшественников — греческих и арабских географов. В начале своего сочинения ал-Идриси называет свои источники, связь картографической части его работы с неотмеченными им авторами выявлена исследователями [14, с. 5; 11, с. 291; 8, с. 27-36].

В «Нузхат ал-муштак», в 5-й секции VI климата Ал-Идриси помещает названия приморских городов и портов на пути от Константинополя до города Матрахи (Таматархи) в последовательности движения вдоль Крымского побережья с запада на восток. После перечисления пунктов, расположенных до устья Дуная, сообщается (перевод И. Г. Коноваловой): «Мулиса находится в устье реки Данабрис. От устья [этой реки] до [города] (У)лиски одна миля, затем до [города] Карсуна без малого один день плавания, что составляет восемьдесят миль. От Карсуна (Херсонес) до Джалита (Ялта) тридцать миль; это город, [принадлежащий] к стране ал-Куманийа (Половецкая степь). От Джалита до города Гурзуби (Гурзуф) двенадцать миль; это многолюдный город, [расположенный] на берегу моря. От него до города Бартанити (Партенит) десять миль; это небольшой цветущий город, где строят корабли. От него до города Лабада (Ламбат) восемь миль; это прекрасный город. От него до Шалуста (Алушта) десять миль; это красивый большой город, [расположенный] на море. От него до города Султатийа (Судак) по морю двадцать миль, а от города Султатийа до [города] Бут(а)р (Феодосия) двадцать миль. От Бут(а)р до устья реки Русийа (Керченский пр.) двадцать миль. От устья реки Русийа до (города) Матраха (Тмутаракань) двадцать миль» [8, с. 115]. В помещаемых И. Г. Коноваловой в скобки пояснениях названий античный «Херсонес» можно понимать как средневековый «Херсон», а «Бутар» трудно сопоставлять вслед за Б. А. Рыбаковым с Феодосией [14, с. 19], прекратившей свое существование задолго

¹ Статья выполнена в рамках базовой части государственного задания Минобрнауки РФ № 33.5156.2017/БЧ по теме «Византийское присутствие в Крыму: политический, экономический и культурный аспекты».

² Перевод И. Г. Коноваловой, у И. Ю. Крачковского — «Развлечение истомленного в странствии по областям».

³ Перевод И. Ю. Крачковского.

го до ал-Идриси. Возникший позже самого ал-Идриси на ее месте город (ок. 1362 г.) носил название Кафы. Указанное расстояние в 20 миль между Солдайей (Судаком) и Бутаром не может служить надежным ориентиром, поскольку, по укоренившемуся впечатлению исследователей, на приводимые у ал-Идриси цифры нельзя полагаться [20, р. 287], а по мнению П. И. Кеппена, «не для чего и обращать внимание» [7, с. 183, пр. 278]. П. И. Кеппен, не бравший на себя смелости отождествления Бутара с каким-либо топонимом, обращал внимание на дополнение, обнаруживавшееся им на с. 263 латинского перевода ал-Идриси (Париж, 1619), где вместо Бутера назван Ютер, местоположение которого привязывается к дополнительным ориентирам устья реки Русия: «...est prope magnum quemdam fluvium é monte Cosaia ad eam advenientem» [7, с. 185]. Вопросы значения некоторых этнонимов, а также терминов «Русская река» и гора Кукайа более углубленно рассматривались И. Г. Коноваловой в недавно вышедшей работе [10, с. 550-552].

Датируемая ок. 1300 г. Парижская рукопись ал-Идриси считается наиболее ранней и полной. По данным И. Г. Коноваловой, описательные карты включающих побережье Таврики секций сохранились в пяти рукописях, из которых неизданным остается Стамбульский список. Ею же рассмотрена обширная библиография «Нузхат ал-муштак фи-хтирак ал-афак» [8, с. 7-11], избавляющая нас от необходимости повторять ее.

Существуют и графические карты, основанные на сочинении ал-Идриси. Одна из таких была составлена по рукописи из Стамбула и издана в Штутгарте К. Миллером в 1926 г. [19, Bd. I, Н. 2]. Им же была опубликована и карта «Малого Идриси» — воссоздание карты по рукописи XV в. из Оксфорда [19, Bd. VI]. Особым объектом исследования является известная в трех копиях так называемая Charta Rogeriana (Карта Роджера) или Tabula Rogeriana (Книга Роджера), представляющая собой перевернутую карту мира, составлявшуюся, как полагают некоторые ученые, самим ал-Идриси. Соотношение сведений текстов и карт настолько неоднородно, что одни исследователи считают описательную часть сочинения вторичной, составленной по картам, другие — придерживаются прямо противоположного мнения [8, с. 53]. Степень соответствия между картами и рукописями отличается в разных секциях семи климатов, что оставляет обширное поле деятельности по изучению соответствий карты мира Идриси топонимике отдельных географических регионов.

На графических картах (кроме круглой перевернутой карты мира) названия пунктов переданы латинскими транскрипциями арабских букв, а сами названия иногда не совпадают с тем, как они отображаются в рукописях. Причиной разночтений названий пунктов в графических картах являются ошибки, допускаемые их составителями при передаче латиницей арабского письма. Они же, в основном, сводятся к буквам, имеющим сходное написание с незначительными на взгляд различиями в мелких деталях, положении диакритических точек и их числе. По замечанию П. И. Кеппена, «как легко в восточных рукописях от одного только продолжения какой-либо черточки, от одной лишней или недостающей точки изуродовываются названия мест...» [7, с. 184]. К тому же, в разных рукописях ал-Идриси отмечаются расхождения, которые, по мнению И. Ю. Крачковского, восходят к разным редакциям самого автора [11, с. 285]. Таким образом, более корректными в передаче топонимов могли оказаться более поздние авторские редакции, переносимые на графическую карту. И. Ю. Крачковским отмечалось, что «на карте имена приводят в более старой и лучшей форме, чем в тексте, и количество их больше, главным образом среди названий гор и городов» [11, с. 292].

Код передачи арабских букв в ориентированной по югу Charta Rogeriana прост. Строчные гласные и «вав» отмечены титлой над их латинской транскрипцией, остальные согласные и знаки переданы латинскими буквами. Это позволяет восстановить арабское написание названий населенных пунктов, как представлено в Таблице I.

Таблица I.

Нузхат ал-муштак		Charta Rogeriana			
Названия пунктов по Второй Парижской рукописи (А) ал-Идриси [8, с. 86]	Разночтения по рукописям Лондона (L) и СПб (P)	Транскрипции названий по Charta Rogeriana	Восстановление названий по транскрипц. Charta Rogeriana.	Исправления положений диакритических точек и букв ۛ - i, ۛ - ۛ	Чтение названий Charta Rogeriana
Карсона	ۛ ۛ ۛ m j .	É ۛ ۛ q j . P	karsūna	É ۛ ۛ m j .	Карсона
Халита	É i ۛ Ba	Ò i ۛ BU	mālīṣa	É ۛ ۛ B ۛ	hАлита
Гарури	Đ i ۛ j «	İ ۛ ۛ k i « P Ô ۛ ۛ i ۛ s L	ğazūri	Ô i ۛ ۛ «	Гарзуби
Бартанити	İ i ۛ ۛ B ۛ j l	Ó i ۛ ۛ B ۛ j l P Ó i ۛ ۛ B ۛ j l L	bartābītī	İ i ۛ ۛ B ۛ j l	Бартанити
Лабаса	É u B j	ô y B j	labad	j	Ламбада
Салуста	Ò i m ۛ B m	É i m ۛ B q	šālūṣṭa	É N m ۛ B q	Салуста
Солтатийа	Ô ۛ ۛ ۛ B i ۛ m	Ô ۛ ۛ ۛ h ۛ q P É ۛ ۛ ۛ B i ۛ q L	šoltatā	É N i ۛ q	Солтайа

Ялта, называемая у ал-Идриси «Халитой» или «Джалитой», в Charta Rogeriana представлена как mālīṣa. Можно предположить, что составителем графической карты были некорректно прочтены две арабские буквы ее названия: первая — принятая за «мйм» в прописном варианте (Ā) внешне схожая с ней «hā» (ح), вторая — «tā» (ت), превратившаяся после дополнения ее диакритической точкой в «zā» (زا). После внесения поправок название Ялты предстанет в виде B i ۛ ۛ B ۛ (hАлита), совпадая, за исключением смены первой буквы с hā на hā, с написанием ее имени во Второй Парижской рукописи ал-Идриси. Можно заметить, что и другие восстановленные имена близки их написанию в рукописи или полностью совпадают: Карсона=Карсона, Халита=hАлита, Гарури=Гарзуби, Бартанити=Бартанити, Лабаса=Ламбада, Салуста=Салуста, Солтатийа=Солтайа, Борбор=Бозбор. Заметим, что в последнем трудно не узнать Боспор (Бозбор=Бозпор), тем более, что в арабском звуки «б» и «п» передаются одной и той же буквой (Бартанити=Партанити). Можно заключить, что Charta Rogeriana была составлена по тексту рукописи, близкой Второй Парижской, если не ее самой, а авторство ее самого ал-Идриси маловероятно.

Б. А. Рыбаков находил на графической карте кроме Малисы не обнаруживаемую там Джалиту когда писал: «На карте между Херсонесом и Джалитой (Ялтой) есть город Малиса, который можно отождествить с мысом Мелас близ Фороса, на южной оконечности Крымского полуострова. В тексте Малиса пропущена» [14, с. 19]. Но на Charta Rogeriana нет Джалиты, как нет в рукописях Малисы, занимающей на карте ее место (рис. 1).

Рис. 1. Деталь Charta или Tabula Rogeriana (южная ориентация) с названиями городов Таврики

буква «лām» обретает звучание начальных согласных. При прямой некорректируемой транскрипции «Алушта» в арабском превращалась бы в «Уста» (ал-Уста). Но в арабском названии Ялты начальные согласные ḥā или ḥā очевидны, а следовательно, имя ее не могло начинаться с дифтонга «я».

Реконструируемое по Charta Rogeriana название Β ἰ ῥῶς (hАлита) могло представлять греческое Ἀλίτα — «Морская». Преимущественно поэтическое ἁλός — «море» бытует в средневековье. Очевидно, новогреческое непроизношение густого придыхания превратило Ἀλίτα в современное — Ялта. И. Тунманн приводит ее имя в новогреческом озвучивании — Yalita, сообщая: «Ялита или Ялта, крепость (Burg) с рейдом, тоже на берегу моря» [17, с. 40].

Ал-Идриси называет Халиту (Джалиту) «куманским» городом. Кочевой тюркоязычный народ *куманы* византийских и европейских источников, он же *половцы* — русских, выдвинулся в начале XI века из Заволжья в причерноморские степи, вытеснив печенегов [13]. Уже со времени Ал-Идриси арабские и персидские авторы называют этот народ *кипчаками*, но именование их куманами сохраняется в письменной традиции (Кодекс Куманикус) и картографии. Кипчаки (куманы) распространили свои кочевья до низовий Дуная, заселив Великую Степь, которая впоследствии называлась Кипчакской степью (Дешт-и-Кыпчак). Своих городов кочевники-куманы (кипчаки) не строили, но пользовались в интересах торговли приморскими портовыми городами, представляли также и часть их населения, как это отмечалось для Судака, где основу составляли все же христиане. Географ Ибн Са'ид ал-Магриби пишет: «...в этой (4-й) секции находится один из известных портов — Сūdāq. Его населяют люди [различных] народностей и верований, но преобладают там исповедующие христианство» [9, с. 30]. Арабский автор Элайни называет Судак «наибольшим из городов кипчакских» [16, с. 502]. Посетивший Судак в 1253 г. монах Гийом Рубрук не отмечал Ялту как сколько-нибудь значительный порт, хотя морской маршрут его пролегал вдоль побережья: «Мы прибыли в область Газарию, или Кассарию, которая представляет как бы треугольник, имеющий с запада город, именуемый Керсона, в котором был замучен святой Климент. И, плывя перед этим городом, мы увидели остров, на котором находится знаменитый храм, сооруженный, как говорят, руками ангельскими. В середине же, приблизительно в направлении к южной оконечности, Кассария имеет город, именуемый Солдаия, который обращен к Синополю наискось, и туда пристают все купцы, как едущие из Турции

Чтобы попасть на «карту» ал-Идриси Ялта должна была прежде появиться в логиях, где она писалась на арабском языке. Если название топонима начиналось с «ал», то добавлением согласного перед ним устранялось совпадение «ал» с арабским «членом существительного». С ним же пишутся арабские «ас-Султан», «ар-Рус», «аз-Захыр», «ад-Дин», «ан-Насир», «ат-Таварих» и др., где

и желающие направиться в северные страны, так и едущие обратно из России и северных стран и желающие переправиться в Турцию» [12, с. 89]. Гийом Рубрук, по сути, не проплывал перед обращенным на север Херсоном, а за остров св. Климента им мог восприниматься хорошо видимый со стороны моря ялтинский крепостной мыс с находившейся на нем церковью св. Иоанна. Гийом Рубрук пишет о степной территории Крыма, простирающейся за горами до перевала (Перекопа): «На этой равнине до прихода татар обычно жили команы и заставляли вышеупомянутые города и замки платить им дань» [12, с. 91].

Ялтинскую крепость во время поездки по Крыму в начале XIX в. видел П. И. Сумароков, который писал в своей книге «Досуги Крымского судьи или второе путешествие в Тавриду»: «Ялта в 20 милях от Аутки, стоит при самом море, и одна к оному погост, без всякого возвышения, составляет всю красу. Она, именуясь в древности Ялитою, была у греков, потом у генуэзцев городом с каменною крепостью и несколькими церквями. По покорении Крыма татарами, Ялта поступя с большею частию приморских селений во владение турок, всегда оставалась значущим и укрепленным местечком, и имела несколько лавок, кофейных домов, цырюлен и проч. Случившееся в исходе XV века землетрясение обрушило крепость, гору и утраченные жители разошлись из оной в другие селения... Ныне Ялта заключается в 13 скудных домах Греческого баталиона, кои содержат кордонную стражу живут, не имея тут ни пашни, ни угодий; ибо окружающая оную сады принадлежат господину адмиралу Мордвинову. При утесе, во внутренности развалин крепостного ограждения, стоят еще стены церкви св. Иоанна...» [15, с. 202-203].

П. И. Сумароков соединял хронологически «покорение Крыма татарами» с поступлением «большей части приморских селений во владение турок», но исторический период генуэзских владений южным берегом, как кажется, отнюдь не случайно им опущен. А. Л. Бертъе-Делагард, пытавшийся досконально осветить вопросы взаимоотношений Феодоро с генуэзской колонией [3, с. 28-29], считал, что около 1350 года «генуэзцы овладели Балаклавой, в 1365 году Судаком с окрестными деревнями, а по договору 1380 года за ними было признано и побережье между Балаклавой и Кафой, захваченное ими, конечно, гораздо ранее, вероятно вместе с Балаклавой» [4, с. 2].

В патриаршем послании (питтакии) от ноября 1384 г., опубликованном в числе других в русском переводе Архимандритом Антонином [1, с. 445-462.], названы деревни южного берега, являвшиеся предметом спора об их принадлежности епархиям: «Поелику несколько времени уже, как случился немалый соблазн между священнейшими митрополитами и пречестными, во св. Духе возобновленными братьями нашей мерности и сослужителями Херсонским и Готфским о приходе Сикиты, Парфениты, Лампады, Алушты, Фуны и Алании, так как каждый из них присвоил себе места эти... И вот возлагаем мы на священнейшего митрополита Сугдеи и Фулл... и иеромонаха г. Исидора... исследование дела... Еще возлагает на них мерность наша и относительно патриаршего угодья Ялиты испытать все, что касается тамошних честных церквей, и если найдут какие из них обращенными в ставропигии или архиереем Готфским, или патриаршим экзархом, то восстановить их под патриаршее владение и управление, чтобы поминалось (в них) и патриаршее имя. Ибо из того, что они освещены архиереем Готфским, в бытность его патриаршим экзархом, не следует, что они суть храмы Готфского. Но если Готфский имеет там свое место, и на нем освятил храмы, как свои собственные, то их только он и должен считать за собою, те же, которые, хотя и освещены им, но находятся на патриаршей земле, суть патриаршие. И так сколько найдут таких

храмов, должны бесприкословно поставить их в патриаршее ведение, по существующему издревле на счет сего обычаю...» [1, с. 460-461]. Из послания ясно, что в споре о храмах в перечисляемых населенных пунктах побережья между бывшим патриаршим экзархом митрополитом Готским и новым экзархом — Херсонским Ялта не фигурировала, находясь «в патриаршей земле», но какие-то из ее храмов могли оказаться обращенными в ставропигии Херсонские или Готские, и назначенным для улаживания дел митрополиту Сугдеи и Фулл и иеромонаху Исидору предписывалось восстановить патриаршее владение ими. Новое патриаршее послание, адресованное Херсонскому митрополиту и отправленное в августе следующего 1385 г., значительно поясняет суть дела. В нем названо имя упокоившегося (очевидно, в начале 1385 г.) митрополита Готского Феодосия, упоминается название ранее уступленной со стороны Готского митрополита местности на границе с Херсонской епархией, Кинсануса (Κινσάνους), хотя «из многих свидетельств оказалось, что он истари был — Готфский» [1, с. 461]. Тяжба о приходских правах Херсонской церкви на Кинсанус, который, вопреки заявлениям Херсонского митрополита, никогда не находился в Херсонской епархии, завершилась вынужденным согласием митрополита Готского на передачу его, утвержденную патриархией. Но решение комиссии в составе патриаршего посланника иеромонаха Исидора и митрополита Сугдеи и Фулл вопроса передачи храмов южнобережных селений Готии Херсонской епархии оказалось неудовлетворительным для последней. Патриарх угрожает Херсонскому митрополиту низложением хотя бы за то, что тот «документ в пользу Готфской епархии, нашу грамоту, разорвал, взявши из рук нашего экзарха», спрашивая: «И откуда это ты научился такой науке — разрывать мои грамоты, чего даже царь никогда не делал?» [1, с. 462]. Неподчинение Херсонского митрополита вселенскому патриархату, его нарочито оскорбительные выпады в его адрес, самоуправство и произвол по отношению к соседу, направленный на захваты приходов, отражают ослабление власти патриархата в Таврике, авторитет которой, возможно, пострадал на почве неокказания помощи епархиям в период бедствий. В недатированном письме митрополита Херсонского Иеремии, представлявшем собой его «письменное обещание для верности», упоминается о предшествующей его избранию какой-то утрате Херсонской епархии: «Поелику же и я, и ниже Бог весть судьбами, избран святою Церковию Божией и определен к церкви Херсонской, которою удалось завладеть нечестивой руке языческой...» [1, с. 446]. По мнению А. Л. Бертье-Делагарда, передача в 1368 г. Херсонской епархии под управление митрополиту Готскому происходила «за неимением желающих занять Херсонский престол» [4, с. 37], никого, кроме Готского — нет причин подозревать в «руке языческой» письма Херсонского митрополита Иеремии, вернувшего Херсонскую епархию в свое лоно. А. Л. Бертье-Делагард не обращал внимания на этот документ, вероятно, по причине отсутствия на нем даты. Между тем, можно найти Иеремию в списке «Б» А. Л. Бертье-Делагарда архиереев Херсонской епархии [4, с. 129-130], который присягал в Константинополе в 1338 и 1340 гг. [1, LXXXIII, XC], но также отождествить с включенными в тот же список как безымянные митрополитами, присягавшими в 1382 и 1383 гг. [1, CCCLVII, CCCLX] и участником спора с митрополитами Сугдейским (1382 г.) и Готским (1384-1386 гг.) [1, CCLV, CCCLXVII, CCCLXVIII, CCCLXX].

В списке населенных пунктов, где приходы были захвачены Херсонским митрополитом, не значится ни одного из располагавшихся вдоль побережья к западу от Ялты, которые, как известно, все же существовали. Можно предполагать, что эта часть побережья и была упоминаема в патриаршем послании от августа 1385 г.

под названием Кинсануса, ранее уже перешедшего от Готской к Херсонской епархии. А. Л. Бертье-Делагард, впрочем, локализовавший без серьезной мотивации Кинсанус в районе Алушты, писал: «Мне кажется, что гораздо большее значение здесь имело политическое изменение положения страны, разорвавшее Готскую епархию на две части; северная, за горами, осталась вместе с Феодоро независимым владением, а южный берег захватили Генуэзцы, и как бы ни были они осторожны с инославными, но одному Готскому сообразоваться с двумя различными и враждебными правительствами по новости дела было трудно. Это обстоятельство всего более побудило и помогло Херсонскому расширяться, тем легче, что вся его епархия целиком и до того была в руках генуэзцев; они не сидели в Херсонесе, но никого туда не пускали, даже греков. Окончательно южный берег был признан за генуэзцами по договору с татарами в 1380 году, но в действительности он был, без сомнения, захвачен у владетелей Феодоро...» [4, с. 64]. Действительно, для второй половины XIV в. отмечается состояние экономического кризиса и замирания жизни южного берега Таврики, которым сопутствовали разрушения храмов, жилых построек и крепостных сооружений, отстраивавшихся и восстанавливаемых вместе с возрождением княжества Феодоро и прибрежной Готии. Но связывать эти последствия какого-то катастрофического явления с захватом южного берега генуэзцами нет оснований. Очевидно, что в условиях разразившейся в Каффе чумы генуэзцам было не до завоеваний. Эпидемия, начавшаяся в 1346/7 г. в Орде [16, с. 498, пр. 1] и поразившаяся в 1348 г. в Халебе, Сирии и Египте, шедшая в исламе и столь значительная, что о подобной «никто (прежде) не слышал» [16, с. 529-530, пр. 1], морем на кораблях перебросилась и в Крым, где была настолько угрожающей, что начавший осаду Каффы в 1350 г. хан Джанибек прекратил ее, забросав из метательных машин город перед уходом чумными трупами. Очевидно, что независимо от Каффы, также кораблями по морю, чума была завезена и на южный берег — в прибрежную Готию. Вероятно, от чумы пострадал и Херсон, но в меньшей мере, а с резким сокращением числа прихожан Готской епархии и практически ликвидацией ее мог быть связан отраженный в питтакиях переход роли патриаршего экзарха от митрополита Готского к Херсонскому. Восстановление Готской епархии в 70-х — начале 80-х гг. XIV в. сопровождалось бесконтрольным захватом отстраиваемых и вновь освещавшихся храмов с их приходами Херсонским митрополитом — принадлежавших ранее епархии Готской, а обоими митрополитами — патриарших. Начало незаконных освещений храмов патриархии митрополитом Готским приходилось еще на бытность его патриаршим экзархом [1, с. 461]. Не исключена возможность разрушения храмов землетрясением, совпавшим по времени с невиданной по числу жертв эпидемией чумы.

Для нас в информации патриархальных посланий представляет интерес документально достоверное указание на исторически обоснованную принадлежность ялтинских приходов и православных храмов патриархии. Как писалось главой церкви, возвращение их в патриаршее ведение должно быть осуществлено «по существующему издревле на счет сего обычаю». Таким образом, задолго до событий середины XIV в. Ялта представляла обособленную территорию в Готской епархии с приходами патриархата, вероятно, административно подчиненную Византии.

Распространение власти генуэзцев на побережье между Форосом и Алуштой не может подтверждаться именованьем ими этой территории «капитанством Готия» в генуэзских документах. Если договор с татарами 1380 г. и определял границы новых генуэзских владений до Чембало (греч. Симболон), то освоение этих территорий было ограничено самой крепостью Чембало, прежде принадлежавшей княжеству

Феодоро. Получившее распространение мнение о восстановлении и отстройке генуэзцами византийских крепостей на побережье после 1380 г. не находит надежных подтверждений в археологических исследованиях. Так, например, укрепление на Генуэзской скале в Гурзуфе, снабженное бастионом для шести пушек [5, с. 89], не могло принадлежать генуэзцам хотя бы потому, что огнестрельной артиллерией располагали только генуэзские города-крепости Каффа и Чембало. В последней — они появились только после подавления восстания жителей в 1434 г., оставленные там после использования при осаде ее Карло Ломеллини. Восстановление крепостей южного берега относится к периоду интенсивного строительства в княжестве Феодоро в 1425-1427 гг.

После 1425 г. в документах Каффы не упоминается о каких-либо подчиненных колониях пунктах, кроме Каффы, Судака и Чембало. Устав Каффы (1449 г.) регламентирует наличие гарнизонов и администрации только в этих ее городах [18]. В документах массарии и переписке консулов Каффы неоднократно встречаются прямые указания на принадлежность территории южного берега владетелям Феодоро.

Об обитаемости Ялтинской крепости в период княжества Феодоро можно судить по находке в ней монетного клада, сделанной при расширении Ялтинского морского порта. Этот клад, состоящий из татаро-генуэзских серебряных аспров, хранится в фондах Ялтинского музея, сопровождаясь записью об обстоятельствах своей находки. Он датируется временем около 1434 г., таким образом, сокрытие его в крепости могло быть связано с южнобережной кампанией генуэзцев под командой Карло Ломеллини, совершивших после подавления восстания населения крепости Чембало сухопутный рейд от Чембало до Каффы. Невостребованность клада могла быть связана и с гибелью его владельца в период пиратских набегов навклеров каффинских галей с их командами на принадлежавшее княжеству Феодоро побережье, совершавшихся в 1435-1444 гг. Это пиратство поощрялось генуэзской администрацией Каффы, а документы секретного архива сообщают имена занимавшихся пиратством навклеров. В 1438 г. патрон галей Габриэле де Мари прибыл в Каффу с «захваченной им на берегу» на территории (князя Мангуа) Алексея добычей, конфискованной консулом Паоло Имперьяле. На том основании, что другой навклер, также занимавшийся подобным грабежом, Бабиано ди Негро не делил добычи с общиной Каффы, после обсуждения консулом вопроса с официией Войны, Габриэле де Мари была возвращена половина добычи [6, № 166 (9) 13.01.1444 г.].

Крепость Ялты, вероятно, как и другие отстраивалась турками после 1475 г., но сильно пострадала от разрушения мыса, на котором находилась, о чем сообщал П. И. Сумароков.

По инициативе графа М. С. Воронцова, генерал-губернатора Новороссийского края и Бессарабской губернии, в Ялте начинается строительство каменного мола, первый камень в основание которого был заложен 1 августа (по старому стилю) 1833 г. Эти работы повлекли нивелировку части крепостного мыса и частичное разрушение крепости, камень которой использовался в строительстве. Возведение мола и постройка порта были завершены в 1837 г., к тому времени образовавшийся вокруг них поселок оборудуется дорогами, обрастает каменными домами. Указом императора Николая I от 23 марта того же года Ялта получает статус уездного города. Первый каменный мол ялтинского порта можно видеть на цветной гравюре Карло Боссоли 1840-1842 гг. (рис. 2). Если работы талантливого художника и не обладают документальностью фотографии, то все же дают представление о характере объекта. На гравюре видно, что мол примыкал к крепостному мысу.

Новый мол на месте разрушавшегося и каменная набережная строятся в 1887-1890 гг. под руководством проживающего в Ялте отставного инженер-генерал-майора, действующего краеведа, археолога и нумизмата А. Л. Бертъе-Делагарда. Когда позже при его же участии он был удлиннен, достраивались набережная и порт, остатки византийской крепости были окончательно разобраны на камень.

Рис. 2. Карло Боссоли. Ялта. 1840-1842 гг.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Антонин Архимандрит. Древние акты константинопольского патриархата, относящиеся к Новороссийскому краю // ЗООИД. 1867. Т. VI. С. 445-462.
2. Бейлис В. М. Ал-Идриси (XII в.) о восточном Причерноморье и юго-восточной окраине русских земель // Древнейшие государства на территории СССР, 1982 г. М., 1984. С. 208-228.
3. Бертъе-Делагард А. Л. Каламита и Феодоро // ИТУАК. Симферополь, 1918. Т. 55. С. 1-44.
4. Бертъе-Делагард А. Л. Исследование некоторых недоуменных вопросов средневековья в Тавриде // ИТУАК. Симферополь, 1920. Т. 57. С. 1-135.
5. Домбровский О. И. Крепость в Горзувитах. Симферополь: Таврия, 1972. 110 с. (Серия «Археологические памятники Крыма»).
6. Карпов С. П. Регесты документов фонда Diversorum Filze секретного архива Генуи, относящиеся к истории Причерноморья // Причерноморье в средние века. М., СПб.: Алетейя, 1998. Вып. 3. С. 9-47.
7. Кеппен П. О древностях Южного берега Крыма и гор Таврических (Крымский сборник). СПб., 1837. 418 с.
8. Коновалова И. Г. Ал-Идриси о странах и народах Восточной Европы: текст, перевод, комментарий. М.: «Восточная литература» РАН, 2006. 328 с. (Серия «Древнейшие источники по истории Восточной Европы»).
9. Коновалова И. Г. Восточная Европа в сочинениях арабских географов XIII-XIV вв. Текст, перевод, комментарий. М.: «Восточная литература» РАН, 2009. 224 с.
10. Коновалова И. Г. Античный этнопоним на карте Ал-Идриси // СХОЛН. Философское антиковедение и классическая традиция. 2017. Т. 11. Вып. 2. С. 545-557.
11. Крачковский И. Ю. Арабская географическая литература // Крачковский И. Ю. Избранные сочинения. Т. 4. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1957.
12. Плано Карпини. История монголов. Гильом де Рубрук. Путешествие в восточные страны. Книга Марко Поло / Пер. А. И. Малеина, И. П. Минаева. М.: Мысль, 1997.
13. Рыбаков Б. А. Русские земли по карте Идриси 1154 г. // КСИИМК. 1952. Вып. XLIII. С. 3-44.
14. Сумароков П. Досуги Крымского судии или Второе путешествие в Тавриду. Ч. II. СПб., 1805. 249 с.

15. Тизенгаузен В. Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I. Извлечения из сочинений арабских. СПб.: Типогр. Имп. АН, 1884. 566 с.
16. Тунманн [И.] Крымское ханство / Пер. с нем. издания 1784 г. Н. Л. Эрнста и С. Л. Белявской. Примеч., предисл. и прил. Н. Л. Эрнста. Симферополь: Государственное изд-во Крым АССР, 1936. 116 с.
17. Юргевич В. Устав для генуэзских колоний в Черном море, изданный в Генуе в 1449 году. Латинский текст с переводом и прибавлениями // ЗООИД. Одесса, 1863. Т. V. С. 629-837.
18. Якубовский А. Ю. Рассказ Ибн-ал-Биби о походе малоазийских турок на Судак, половцев и русских в начале XIII в. (Черты из торговой жизни половецких степей) // ВВ. 1927. Т. XXV. С. 55-72.
19. Miller K. *Mappae arabicae*. Bd. I-VI. Stuttgart, 1926-1927.
20. Tomaschek W. Zur Kunde der Hamus-Halbinsel, II: Die Handelswege im 12. Jahrhundert nach den Erkundigungen des Arabers Idrisi // *Sitzungsberichte der Bayerischen Akademie der Wissenschaften. Philos.-hist. Cl.* 1887. Bd. 113. S. 285-373.

REFERENCES

1. Antonin Arkhimandrit. Drevnie akty konstantinopol'skogo patriarkhata, otnosiashchiesia k Novorossiiskomu kraiu. *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostei*, Odessa, 1867, T. VI, pp. 445-462.
2. Beilis V. M. Al-Idrisi (XII v.) o vostochnom Prichernomor'e i iugo-vostochnoi okraine russkikh zemel'. *Drevneishie gosudarstva na territorii SSSR*, 1982 g., Moscow, 1984, pp. 208-228.
3. Bert'e-Delagard A. L. Kalamita i Feodoro. *Izvestiia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii*, Simferopol, 1918, T. 55, pp. 1-44.
4. Bert'e-Delagard A. L. Issledovanie nekotorykh nedoumennykh voprosov srednevekov'ia v Tavride. *Izvestiia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii*, Simferopol, 1920, T. 57, pp. 1-135.
5. Dombrovskii O. I. *Krepost' v Gorzuvitakh*. Simferopol, Tavriia Publ., 1972, 110 p. (Seria «Arkheologicheskie pamiatniki Kryma»).
6. Karpov S. P. Regesty dokumentov fonda Diversorum Filze sekretного архива Genui, otnosiashchiesia k istorii Prichernomor'ia. *Prichernomor'e v srednie veka*, Moscow, S-Petersburg, Aleteiia Publ., 1998, Vol. 3, pp. 9-47.
7. Keppen P. *O drevnostiakh Iuzhnogo berega Kryma i gor Tavricheskikh (Krymskii sbornik)*. S-Petersburg, 1837, 418 p.
8. Konovalova I. G. *Al-Idrisi o stranakh i narodakh Vostochnoi Evropy: tekst, perevod, kommentarii*. Moscow, «Vostochnaia literatura» RAN Publ., 2006, 328 p. (Seria «Drevneishie istochniki po istorii Vostochnoi Evropy»).
9. Konovalova I. G. *Vostochnaia Evropa v sochineniiakh arabskikh geografov XIII-XIV vv. Tekst, perevod, kommentarii*. Moscow, «Vostochnaia literatura» RAN Publ., 2009, 224 p.
10. Konovalova I. G. Antichnyi etnotoponim na karte Al-Idrisi. *ΣΧΟΛΗ. Filosofskoe antikovedenie i klassicheskaia traditsiia*, 2017, T. 11, Vol. 2, pp. 545-557.
11. Krachkovskii I. Iu. Arabskaia geograficheskaia literatura. *Krachkovskii I. Iu. Izbrannye sochineniia*. T. 4. Moscow, Leningrad, AN SSSR Publ., 1957.
12. *Plano Karpini. Istoriia mongalov. Gil'om de Rubruk. Puteshestvie v vostochnye strany. Kniga Marko Polo*. Moscow, Mysl' Publ., 1997.
13. Rybakov B. A. Russkie zemli po karte Idrisi 1154 g. *Kratkie soobshcheniia Instituta istorii material'noi kul'tury AN SSSR*, 1952, Vol. XLIII, pp. 3-44.
14. Sumarokov P. Dosugi *Krymskogo sudii ili Vtoroe puteshestvie v Tavridu. Part II*. S-Petersburg, 1805, 249 p.
15. Tizengauzen V. G. *Sbornik materialov, otnosiashchiesia k istorii Zolotoi Ordy. T. I. Izvlecheniia iz sochinenii arabskikh*. S-Petersburg, 1884, 566 p.
16. Tunmann [I.] *Krymskoe khanstvo*. Simferopol, Gosudarstvennoe izd-vo Krym ASSR Publ., 1936, 116 p.
17. Iurgevich V. Ustav dlia genuezskikh kolonii v Chernom more, izdannyi v Genue v 1449 godu. Latinskii tekst s perevodom i pribavleniiami. *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostei*, Odessa, 1863, T. V, pp. 629-837.

18. Iakubovskii A. Iu. Rasskaz Ibn-al-Bibi o pokhode maloaziiskikh turok na Sudak, polovtsev i russkikh v nachale XIII v. (Cherty iz torgovoi zhizni polovetskikh stepei). *Vizantiiskii vremennik*, Moscow, 1927, T. XXV, pp. 55-72.
19. Miller K. *Mappae arabicae*. Bd. I-VI. Stuttgart, 1926-1927.
20. Tomaschek W. Zur Kunde der Hamus-Halbinsel, II: Die Handelswege im 12. Jahrhundert nach den Erkundigungen des Arabers Idrisi. *Sitzungsberichte der Bayerischen Akademie der Wissenschaften. Philos.-hist. Cl.*, 1887, Bd. 113, pp. 285-373.

Сидоренко В. А.
Ялта, византийский город в Готской епархии
Резюме

Статья посвящена истории города Ялты и ее названию, которое в арабских транскрипциях впервые встречается в рукописях сирийского географа ал-Идриси и изображаемых латинскими буквами надписях того же автора на графической карте, создававшейся по заказу короля Сицилии Роджера II в 1154 г. Реконструируемое по написанию его на «Charta Rogeriana» или «Tabula Rogeriana» имя Ялты (Β ἰ Ὑλτῶ) представляет транскрипцию греческого Ἀλίτα — «Морская», производного от ἁλός — «море».

Из патриарших писем известно, что храмы находившаяся на территории Готской епархии Ялты с их приходами принадлежали патриархии, что позволяет заключить об административном подчинении Византийской империи и города Ялты.

Ялтинскую крепость описывает видевший ее П. И. Сумароков. Со строительством в уезде (с 23 марта 1833 г.) городе Ялте морского порта и мола, примыкавшего к крепостному мысу, начинается разрушение крепости, завершленное обновлением мола и расширением порта в начале XX в.

Ключевые слова: Ялта, ал-Идриси, Карта Роджера, Готская епархия.

Sidorenko V. A.
Yalta, Byzantine city in the Gothic diocese
Summary

Article is devoted to the history of Yalta and its name, which in Arabic transcription was first mentioned in the manuscripts of the Syrian geographer al-Idrisi and portrayed the Latin alphabet inscriptions of the same author on the graphics card, created by order of the king of Sicily, Roger II in 1154 The reconstructed city by writing it on the «Charta Rogeriana» or «Tabula Rogeriana» Yalta name (Β ἰ Ὑλτῶ) is a transcription of the Greek Ἀλίτα — «Marine», derived from ἁλός — «sea». From patriarchal letters we know that the temple is located on the territory of Yalta Gotha diocese with their parishes belonged to the Patriarchate, which leads to the conclusion of the administrative authority of the Byzantine Empire and the city of Yalta. Yalta Fortress describes having seen her P. I. Sumarokov. With the construction in the district (with the March 23, 1833) in Yalta seaport and pier adjacent to the fortress cape, begins the destruction of the fortress, complete the upgrade and expansion of the jetty port at the beginning of the XX century.

Keywords: Yalta, al-Idrisi, Roger Map, Gothic diocese.

А. Г. ГЕРЦЕН

КНЯЖЕСТВО ФЕОДОРО: ОТ «АЛЬФЫ» ДО «ОМЕГИ»

В предлагаемой статье делается попытка в сжатом виде рассмотреть историю формирования, развития и гибели политического образования в Юго-Западном Крыму, известного как княжество Феодоро, с учетом как известных письменных источников, так и данных археологических исследований, ведущихся здесь на протяжении последнего полувека.

Особенностью политической истории Крыма до включения его в состав Российской империи являлось то, что его территория не находилась полностью под властью какого-либо одного государства, и здесь не было, соответственно, таких политических образований, которые бы охватывали весь полуостров. В античную эпоху, например, сосуществовали Боспорское царство, полис Херсонес и государство поздних скифов с центром в Неаполе Скифском. Горная часть полуострова, по крайней мере, до III в. до н. э. была населена племенами тавров, сохранявших первобытно-родовой уклад жизни. Позже Боспор и Херсонес подпали под власть Понтийского царства, которое сменили Рим и после 395 г. — Византия. Не менее сложная картина характерна и для средневековой эпохи. В этнополитическом аспекте основное ее содержание может быть сведено к взаимоотношениям степных кочевых и полукочевых этносов с оседлым населением горных долин и южного побережья, ориентированного в культурном отношении преимущественно на Византию, хотя характер этих взаимоотношений был весьма противоречив и неоднозначен на различных отрезках времени.

Весьма важным и интересным для изучения этих процессов является политический феномен в истории средневековой Таврики, известный как княжество Феодоро, возникшее в переломную эпоху истории Причерноморья в зоне сопряжения самых могущественных политических сил региона и погибшее в результате краха византийской цивилизации. Княжество оставалось здесь ее последним осколком, пытавшимся найти спасение перед угрозой османской экспансии, в том числе и в союзе с «Третьим Римом» — Москвой.

История Феодоро, как и большинство других страниц истории средневекового Крыма, слабо освещена письменными источниками [наиболее полная сводка: 1]. Причем сведения, в них содержащиеся, зачастую имеют либо отрывочный характер, либо косвенное отношение к предмету или же вообще требуют весьма кропотливого анализа для выделения предельно скудной информации. Среди проблем, до сих пор сохранявших дискуссионный характер, остаются вопросы времени и обстоятельств возникновения княжества, о происхождении правящей династии, об экономике и характере политических отношений с соседями, о территории княжества и целый ряд других.

Первые определенные известия о существовании княжества можно отнести к первой половине XIV в. [2, с. 9-19], хотя в некоторых работах обобщающего характера утверждается о его формировании в конце XIII в. [3, с. 595]. Естественным было бы попытаться найти корни Феодоро в более отдаленном прошлом. Уже в историографии XIX в. в качестве исходного момента для поиска был определен сюжет, осно-

ванный, прежде всего, на толковании отрывка из трактата Прокопия Кесарийского «О постройках», написанного в середине VI в., а также ряда более поздних источников. Главными предметами дискуссии стали вопросы о локализации населенной готами-федератами Византии страны Дори и объяснения смысла термина «длинные стены», употребляемого автором для обозначения возведенных в правление Юстиниана I оборонительных сооружений, предназначавшихся для защиты рубежей этой союзной страны. Далее в логическую цепочку включался проблемный блок, связанный с интерпретацией сведений о крепости Дорос, дважды фигурирующей в VIII в., вначале как пункт, через который проследовал бежавший из Херсона (Херсонеса) к хазарам ссыльный базилиевс Юстиниан II, а затем, как крепость, захват которой хазарами дал повод к выступлению против них местного населения, так называемому восстанию под предводительством церковного иерарха Иоанна Готского.

Отождествление Дороса с тем или иным городищем также не было единодушным. От Дороса до сходного по звучанию топонима Феодоро остается хронологический разрыв в полтысячелетия, заполнить который приходится главным образом за счет археологических источников. Не вдаваясь в подробности этой двухсотлетней дискуссии, можно констатировать, что ее современные участники в основном сходятся на том, что с наибольшим основанием Дорос можно отождествить с самым крупным поселением из группы так называемых «пещерных городов», а именно с Мангупским городищем. Таким образом, столица княжества возникла на месте ранневизантийской крепости, по сути дела в ее пределах и как ее наследница [4, р. 133-154].

Менее ясным представляется вопрос о политической и территориально-административной преемственности княжества от каких-либо предшествовавших образований. Можно указать на два таковых. Это, во-первых, упоминавшаяся выше страна Дори. В 60-х гг. XX в. была предпринята попытка обосновать представление о том, что она занимала только пространство южного и, частично, юго-восточного побережья, ограниченного с севера обрывистыми склонами Главной гряды Крымских гор [5, с. 162-165; 6, с. 27, 44].

Эта точка зрения была противопоставлена бывшей к тому времени наиболее популярной гипотезе о стране Дори, как территории, на которой расположены так называемые «пещерные города», то есть в Юго-Западном Крыму на пространстве между течением рек Альмы и Черной. Была также предпринята попытка выдвинуть альтернативную этим двум гипотезам идею о «точечной» локализации Дори на Мангупе, то есть по сути Дори и Дорос сводились воедино на плато площадью около 1 км² [7, с. 74]. Все изложенные точки зрения, так или иначе, опираются на то или иное толкование упомянутого отрывка из трактата «О постройках» в сопоставлении с поступающей новейшей археологической информацией. Следует отметить публикацию В. А. Сидоренко, в которой делается попытка свести страну Дори к территории в низовьях р. Черной [8, с. 117]. Следует отметить, что рассуждениям автора противоречит сделанное им самим важное археологическое открытие: выявление остатков монументальной оборонительной стены, перекрывавшей в самом узком месте, в километре севернее Мангупа, верховье Каралезской долины. Весьма вероятно, что это и есть одно из звеньев системы, обеспечивавшей защиту северной границы страны Дори от нападений со стороны степей. Именно оттуда в годы правления Юстиниана I исходила, и все более нарастала к концу VI в., наиболее серьезная угроза для подвластной Византии территории. Источником ее была степная империя тюрок, западная граница которой достигала берегов Меотиды и Боспора Киммерийского, европейский берег которого был захвачен ими в 586 г.

Оборонительные мероприятия не сводились только к созданию жесткой поясной обороны на подступах к главному форпосту Византии в Юго-Западной Таврике. Такие системы, как показал римский опыт строительства грандиозных защитных пограничных линий, не были эффективными, если в них не включались большие по размерам и надежные как убежища долговременные крепости. В них размещались не только гарнизоны, но и дополнительные войсковые контингенты, а главное, могло укрываться мирное население с наиболее важной частью движимого имущества, т. е. со скотом. Для последнего в пределах крепостных полигонов резервировалась достаточно обширная незастроенная территория, обеспеченная источниками или запасами воды.

Именно таковыми были крепости на плато Мангупа и Эски-Кермена, созданные как показали исследования последнего времени, во второй половине VI в. [9, с. 45; 10, с. 34]. Важнейшей их задачей была защита подступов к Херсону, главному форпосту империи в Юго-Западной Таврике, от которого они находились на расстоянии около 20 км. Вероятно тогда же, или несколько позже появляется крепость и на плато Чуфут-Кале, довольно далеко (на 20 км) вынесенная вперед от границы области Дори и ставшая главным укреплением в области расселения алан [11, с. 191; 12, с. 75-98].

Уже к концу правления Юстиниана Византия, не имея возможности содержать крепости на своем дальнем пограничье, переложила эту обязанность на местные власти. Ситуация на границах империи еще более ухудшилась во второй половине VII в., когда ей пришлось бороться с натиском арабов, поставивших Византию на край гибели. Впрочем, судя по археологическим данным и скудным известиям письменных источников, связи Юго-Западной Таврики с Византией не прерывались благодаря близости Херсона и сохранению угрозы вторжений кочевников.

В свете изложенного представляется, что «страна Дори» была довольно динамичным образованием, территория которого имела тенденцию к росту по мере того, как упрочивались византийские позиции в Таврике. Нет оснований говорить о включении ее в состав империи в качестве административной единицы. Таковым статусом обладал лишь Херсон, да и то с рядом весьма специфических проявлений «самостоятельности», далеко не типичных для городов империи (например, сохранялись институты полисного самоуправления, чеканилась собственная монета).

Округа же города, даже ближайшая, представляла иной мир, населенный хотя и союзниками, но все же, с точки зрения ромеев, варварами, христианизация которых и связанная с ней эллинизация растянулись почти на полтысячелетия. И это несмотря на то, что при сооружении весьма дорогостоящих крепостей византийские власти не скупилась и на возведение храмов, базилик, мало уступавших по размерам и пышности тем, которые строились в самом Херсоне. Не случайно, что даже когда христианизация завершилась и это население, по сути, стало грекоязычным, о чем свидетельствуют эпиграфические источники, византийские авторы избегали именовать его греками, но вплоть до XV в. продолжали употреблять по отношению к нему этнонимы «готы» и «аланы», для чего, впрочем, были и достаточные основания. Сближение этих двух этнических компонентов началось еще в эпоху раннего средневековья, на что указывает как облик материальной культуры, так и восприятие современников, например, Прокопий Кесарийский относит алан к числу готских племен [13, с. 77]. В середине XV в. уже бытовал этноним «готоаланы» [14, с. 157].

Обобщение данных, накопленных в результате многолетних исследований позднеантичных и средневековых могильников, позволяет определенно говорить о формировании средневекового населения горного Крыма преимущественно из фракций пришедших этносов, среди которых доминировали восточные германцы — готы и ирано-язычные аланы [15, с. 81-83, 225-226].

Строительство укреплений на Мангупском плато, скорее всего, началось в последнее десятилетие правления Юстиниана I (50-60 гг. VI в.). Тогда был создан обширный крепостной ансамбль, в котором были максимально учтены и использованы фактор природной защищенности столообразного плато. Оборонительные стены были возведены в трех ущельях, прорезающих северную часть массива. Южная же сторона плато, окаймленная обрывом высотой до 70 м, требовала перекрытия лишь нескольких расселин. Общая укрепленная площадь составила около 90 га. Таким образом, была создана самая большая по защищенной площади крепость средневекового Крыма [16, с. 155-156; 17, р. 41].

В центре плато была возведена одна из крупнейших христианских базилик в Таврике, соответствовавшая своими размерами крепости [18, с. 334-389; 19, с. 77-84]. Она уступала по габаритам только двум наиболее значительным херсонесским базиликам, так называемым «Уваровской» и «Западной». Внутренний ее объем делился на три нефа, из которых наибольший, центральный, отделялся от боковых рядами по шесть колонн, увенчанных капителями из проконесского мрамора. Полы храма были вымощены многоцветной мозаикой, стены покрыты фресками. При раскопках Мангупской базилики в 1912 г. был обнаружен фрагмент надписи на известняковой плите, содержащей имя Юстиниана I. Таким образом, крепости вменялась не только военная функция, но она становилась и важным идеологическим центром, через который осуществлялась христианизация местного населения. Правда, как отмечалось выше, процесс этот шел не быстро, в основном завершившись к рубежу I и II тысячелетий н. э.

Со второй половины VII в. на полуострове появляются хазары, постепенно продвигающиеся от Боспора в его западные районы. В начале VIII в. их влияние становится уже ощутимым вблизи Херсона. В самом городе, как явствует из рассказа о событиях, связанных с карательными мероприятиями против него, осуществлявшихся Юстинианом II, находился представитель хазарской власти — тудун [20, с. 63-65]. Византийско-хазарский военно-политический союз, порожденный общей для сторон арабской опасностью, не позволял империи предпринимать каких-либо активных действий по защите крымских территорий, традиционно рассматривавшихся как ее владения. Кризис назрел к концу VIII в., когда хазарами был захвачен Дорос-Мангуп, и это вызвало выступление христианского населения Готии, которое было возглавлено лидерами местной иконопочитательской партии, составлявшей оппозицию официальным иконоборческим властям, всецело доминировавшим в Херсоне и, вероятно, на большей части территории, на которой сохранялось византийское влияние.

В этих условиях антихазарская реконкиста была обречена на неудачу, поскольку нельзя было ожидать поддержки со стороны Византии восстания, начавшегося под антиправительственными лозунгами. Не случайно поражение выступления «Житие» Иоанна Готского — главный и по сути единственный источник, сообщающий о нем, объясняет тем, что его руководители были преданы одним из селений, а по более точному толкованию этого фрагмента текста, были выданы хазарам «своим народом» [21, с. 324-331].

В совокупности имеющиеся источники показывают сложность и неопределенность политической ситуации в горной Таврике, сохранявшуюся вплоть до начала 30-х гг. IX в. Оказавшись между Византией и Хазарией, она в целом сохраняла конфессиональную и в широком плане культурную ориентацию на первую. Некие административные структуры, вероятно, созданные еще в период существования системы федератов в пределах области страны Дори, продолжали сохраняться и спустя три столетия. Возможно, такими реликтами являлись фигурирующие у византийских авторов так называемые «Климаты Готии». Не исключено, что под ними следует по-

нимать округа, во главе с архонтами, резиденциями которых являлись ранневизантийские крепости, некоторые из которых известны сейчас в числе так называемых «пещерных городов», таких, например, как Бакла, Тепе-Кермен, Эски-Кермен, Каламита, а также поселения на побережье (Гурзуф, Алушта и другие)¹. По сведениям «Хронографии» Феофана, эти крепости были приведены в боевое состояние, когда Юстинианом II готовилась карательная акция против Херсона. Этот эксцесс в отношениях между метрополией и северо-понтскими провинциями, вероятно, привел к временному ослаблению ее влияния в регионе и способствовал более нейтральному отношению или даже усилению симпатий местного населения к хазарам.

После восстановления иконопочитания и общей стабилизации внутреннего положения Византии, а также в связи с существенным ослаблением Хазарии, к концу IX в. уже полностью потерявшей крымские владения, в 841 г. империя создает в Таврике военно-административный округ-фему Климатов [23, с. 698], в начале второй половины IX в. переименованную в фему Херсон. Вероятно, это означало, что территория новой фемы реально не включала в себя все те пункты, которые фигурировали под суммарным обозначением «климаты», а ограничивалась лишь ближайшей округой города.

Это хорошо передает «Житие» Константина Философа, находившегося здесь в 860 г. с миссионерской целью, отмечающее, что жители Херсона по сути живут как бы в осаде варварами, не имея возможности выходить за пределы города [24, с. 10]. Эта напряженная обстановка, вероятнее всего, была порождена попытками хазар вооруженным путем восстановить свое влияние на полуострове. Усилению конфронтации в идеологической области способствовало принятие верхушкой хазарского общества иудаизма в качестве государственной религии. Противодействие его распространению было одной из главных задач миссии Константина Философа в Крыму.

В Пространной редакции так называемой Еврейско-хазарской переписки, в письме хазарского царя Иосифа визирю кордовского халифа Хасдаю ибн Шапруту, датированном около 960 г., названы пункты, которые определяют западную границу Хазарии. В списке перечислен ряд крымских топонимов, среди которых легко идентифицируются Керчь, Судак, Алушта, Ламбат, Партенит, Алушка, Мангуп, а также ряд других, пока надежно не отождествленных с конкретными поселениями. Важно отметить, что в части, касающейся Южной и Юго-Западной Таврики, эти пункты выстраиваются в четко выраженную линию, вероятно, обозначавшую границу территории, которую хазарский владыка не считал своей. Хорошо заметно, что последним пунктом на южном побережье являлась Алушка, далее граница поворачивает на север и за Главной грядой опирается уже на Мангуп, далее уходя в долину р. Альмы.

Можно предположить, что ситуация, описанная в данном источнике, при всей его неоднозначности, была реальной как минимум за столетие до его составления, когда хазары еще могли быть реальной силой на полуострове. Очевидно, тогда установилась линия размежевания территории византийской фемы и хазарских владений, о которой, как существующей хотя бы де-юре, считалось возможным писать от имени Иосифа [25, с. 58-65].

Ко второй половине XI в. в связи с т. н. кризисом фемного строя в Византии, в Таврике также проходят перемены в административном устройстве. Здесь был образован катепанат, т. е. административный статус провинции был повышен, что было связано с какими-то чрезвычайными обстоятельствами [26, с. 316-318; 27, с. 506-508]. К концу века сведения об этой структуре в источниках исчезают. Как

известно, в середине столетия в степи Северного Причерноморья вторглись половецкие орды, быстро овладевшие пространством между Волгой и Днестром. Ранее кочевавшие здесь печенеги, ослабленные в результате поражений, понесенных ими от киевского князя Ярослава и византийцев, не могли оказать им сколько-нибудь серьезного сопротивления. Несомненно, для византийских владений в этом регионе возникла серьезная угроза, реакцией на которую вероятно и было образование катепаната. По сути это была последняя страница в истории византийской фемной организации в Крыму. Между ней и первыми реальными сведениями о новой политической структуре в Юго-Западной Таврике существует разрыв более чем в два с половиной века. Поэтому попытки некоторых авторов вывести истоки княжества Феодоро из фемы встречают серьезные трудности. Конечно, Византия не забывала в дальнейшем о своих бывших владениях и реальных интересах в регионе, что отражалось, например, включением в титулатуру императора Мануила в новелле 1166 г. наименования «Готский», которое для этого времени могло относиться только к Таврике [1, р. 140-145]. Исследователи связывают это с временным усилением позиций империи в Крыму после поражений, нанесенных ею половецким ханам на Дунае. Однако, все же половецкая власть ощущалась на полуострове куда значительнее. Недаром в «Подорожнике» арабского географа Идриси (конец XII в.) сообщается, что Ялта (Джалита) находится во владениях команов [28, с. 69; 29, с. 181]. В «Слове о полку Игореве» упоминание Корсуна и Сурожа в контексте описания половецкой земли подразумевает включение в ее состав всего крымского побережья. Тем более увязывается с этим известием упоминание о готских девах на берегу Синего моря, поскольку источники XIII-XVI вв. указывают на расселение готов в южной и юго-западной частях полуострова (Рубрук, Барбаро, Бусбек).

К началу XIII в. подавляющая часть оседлого населения Таврики исповедовала христианство, говорила преимущественно по-гречески и была носителем провинциальной византийской культуры, по многим признакам имевшей много общего с культурой Балкан, прежде всего Второго Болгарского царства, которое хотя и обособилось от Византии в 1186/87 гг., но сохранило черты материальной культуры, приобретенные в условиях длительных контактов с империей и двухвекового нахождения под ее властью.

Вторжение татар в Крым в январе 1223 г. и последовавшее закрепление их власти на полуострове путем включением его в состав правого крыла улуса Джучи привело к смещению части оседлого, преимущественно христианского, греко-язычного населения в менее доступные для кочевников предгорные районы, главным образом в область Внутренней гряды и южную приморскую часть. Одновременно начинается процесс аккультурации тех христиан, которые остались на месте и попали непосредственно под власть завоевателей.

Византийский историк Пахимер (вторая половина XIII — начало XIV вв.), сообщая об этом, прямо указывает среди прочих готов и аланов, фигурирующих в византийских источниках как главные компоненты христианского населения Таврики. По его словам, они смешиваются с татарами, «научаются их обычаям, вместе с обычаями усваивают язык и одежду и делаются их союзниками (в войне)» [1, р. 172]. Можно к этому добавить, что в Золотой Орде при хане Узбеке с принятием ислама в качестве государственной религии (1313/14 гг.) начинается исламизация этого населения.

Но вскоре обозначился фактор, тормозивший этот процесс. Дело заключается в эволюции самой Золотой Орды. Со временем завоевательная политика кочевой аристократии в отношении сельского земледельческого и городского торгово-ремесленного населения сменяется заинтересованностью в поддержании старых го-

¹ Эту гипотезу подтверждает моливдовул турмарха Готии, найденный в Херсоне [см.: 22, с. 230-235].

родских центров и создании новых, в покровительстве торговле и ремеслу, обогащавших татарскую знать посредством взимания дани и налогов. Особую выгоду приносила транзитная международная торговля, в обеспечении безопасности которой на огромном отрезке сухопутного маршрута между Западной и Центральной Азией важную роль играла Золотая Орда. Контролировавшиеся ею маршруты торговых караванов начинались или заканчивались, в зависимости от направления потока товаров, на юго-восточном побережье Крыма в Кафе. В 60-е гг. XIV в. здесь укрепляются генуэзцы, добившиеся от ханов заключения ряда выгодных для себя договоров, обеспечивавших им территориальные приобретения за счет захвата земель, ранее принадлежавших местным греческим общинам.

Таким образом, православное население Таврики оказалось не только под угрозой исламизации с севера, но и католической экспансии с юга. По сути, у него оставалась только территория между Херсоном и верхним течением Альмы, где сконцентрированы так называемые «пещерные города» и где, по археологическим данным, на протяжении всей средневековой эпохи отмечается наибольшая концентрация оседлого населения, в особенности в XIII-XV вв.

Консолидирующим фактором для этого населения была неустойчивость политической ситуации в Крыму. Уже во второй половине XIII в. в Золотой Орде проявляются признаки нестабильности, а к середине следующего столетия сепаратистские тенденции в различных ее частях, и прежде всего в западной, становятся очевидными. Ослабление центральной власти, частая смена ханов, противоборство стоящих за ними и противостоящих им группировок позволяли феодальной знати покоренных и прежде покорных чингизидам народов сделать шаги к обособлению от ветшающей империи. Так усиливается ряд русских княжеств, из которых ведущую роль постепенно приобретает Московское.

Процесс этот захватывает и глубинные районы Дешт-и-Кипчак². Группировки ордынских феодалов, с четко обозначившимися территориальными интересами, были не прочь стать самостоятельными властителями своих улусов. Они искали поддержку в своих сепаратистских устремлениях в среде местной знати, независимо от ее конфессиональной ориентации. В Крыму, в силу обособленного географического положения и его роли в транзитной, буквально межцивилизационной торговле, все эти тенденции были выражены особенно ярко.

Для понимания политической структуры Крыма в середине XIII в. важны сведения монаха-минорита Гийома Рубрука, посланца короля Людовика IX к монгольскому хану. Рубрук высадился в Солдае (Судаке) 21 мая 1253 г. и проследовал к Перекопу. Им достаточно подробно были записаны сведения о географии полуострова и о населявших его народах.

В целом за полуостровом тогда уже закрепилось наименование «Газария», использовавшееся в основном латиноязычными купцами, хотя Рубрук приводит и его греческую транскрипцию и этимологию: «Кассария» или «Цезария», то есть «цезарская», что являлось у местного христианского населения, вероятно, реминисценцией ситуации не менее чем полувекковой давности.

Даже после восстановления Византийской империи в 1261 г. она уже не обладала в Крыму сколько-нибудь прочными политическими позициями, сохранив лишь контроль над церковной жизнью. Все побережье от Боспора и до района Херсона (Херсонеса) попало под контроль генуэзцев, быстро вытеснивших отсюда своих со-

² Т. е. половецкой степи, так называлось степное пространство Евразии от Дуная до Казахстана и Западной Сибири, вошедшее в состав улуса Джучи, иногда в более узком значении этот термин употреблялся только для обозначения Крымского улуса.

перников венецианцев. Во время путешествия Рубрука здесь еще не существовало сколько-нибудь значительных генуэзских торговых факторий, они начинают расти десятилетие спустя, важнейшей среди них становится Кафа, обосновавшаяся на месте античной Феодосии. Во второй половине XIII в. на границе горной и степной частей полуострова появляется крупный торговый город Крым (Солхат), в котором делали остановку караваны после дневного перехода от Кафы, перед тем как начать многомесячное путешествие по открытым степным просторам.

Ничего этого при Рубруке еще не было. Солдаей была тогда значительным черноморским торговым городом, успевшим оправиться после двух разорительных татарских нападений 1223 и 1236 гг. Во главе города стояли начальники (*capitaneos*), судя по словам Рубрука, из местных христиан. Причем он вел переговоры с их заместителями, так как сами начальники отправились с данью к Батыю, то есть город де-юре находился в составе Золотой Орды.

В дальнейшем, отправившись в путь на повозках на север, Рубрук получил от своих спутников сведения о существовании между Солдаей и Херсоном неких «сорока замков», которые населены готами, говорящими по-немецки (*quorum idioma est Teutonicum*). Эти замки до прихода татар платили дань команам, жившим на равнинах полуострова, тянувшихся к северу от гор «на пять дневных переходов» до самого перешейка. От очевидца Рубрук узнал, что преследуемые татарами половцы сбежали в огромном количестве на полуостров, где у них начался ужасающий голод, доводивший до людоедства [30, с. 90]. Опустошение этой территории было столь катастрофическим, что до самого Перекопа путешественники не встретили ни одного селения, ни одной живой души.

Для нашей темы немаловажно выяснить смысл упоминания о сорока замках. Дело в том, что многие комментаторы этого фрагмента понимали его буквально, как свидетельство существования на побережье многочисленных укрепленных поселений. Однако с прошлого века в историографии существует и иная интерпретация данного свидетельства, на наш взгляд, более соответствующая исторической географии Крыма второй половины XIII в. и некоторым обстоятельствам организации поездки монаха-дипломата. Ф. К. Брун, член Одесского общества истории и древностей и специалист в области исторической географии античного и средневекового Северного Причерноморья, считал, что в «сорока замках» нужно видеть неправильно понятый или неточно объясненный Рубруку тюркский топоним «Кырк-Ор» или «Кырк-Ер», в переводе означающий «сорок крепостей» [подробнее об этом см.: 12, с. 50-56] (с начала XVII в. она чаще стала именоваться «Чуфут-Кале», то есть «Иудейская крепость» в связи с тем, что наиболее многочисленными ее обитателями с этого времени стали караимы). Это тем более вероятно, что Рубрук не раз отмечал некомпетентность своего переводчика, которого не раз уличал в неточностях и даже в искажении своих слов. Это стало ему ясно, когда он сам научился понимать тюркскую речь. Такой трактовки данного пассажа не исключал и А. А. Васильев [1, р. 166].

Если обратиться к карте, то на ней хорошо видно, что Чуфут-Кале действительно находится между Судаком и Херсоном, много ближе к последнему. Важно отметить, что в средневековые торговый путь, связывавший восточную и юго-западную части полуострова, проходил по долине, разделяющей Внешнюю и Внутреннюю гряды Крымских гор. Этот наиболее рациональный маршрут, по слабо искривленной дуге с минимальными перепадами по высотам, соединял два важнейших в то время портовых города. Причем этот сухопутный маршрут был более предпочтительным на протяжении довольно длительного периода года, когда навигация вдоль Южного берега, лишенного бухт, с редкими и ненадежными якорными стоянками, была затруднена.

Фактически суда могли относительно спокойно плавать только с середины весны до середины осени. В начале XIV в. генуэзским судам запрещалось здесь плавание с декабря до середины марта [31, с. 77]. Нужно отметить, что и в наши дни, несмотря на развитую дорожную сеть, сухопутную поездку из Судак в Севастополь удобнее и быстрее совершать через Симферополь, а не по Южному берегу.

Именно на этом сухопутном маршруте, несомненно, хорошо знакомом и половцам, и татарам, наиболее заметным пунктом являлся Кырк-Ер. Разумеется, можно указать и на другие поселения, в том числе и укрепленные, существовавшие в середине XIII в. в этом районе, например, такие известные «пещерные города» как Бакла на междуречье Альмы и Бодрака, и Эски-Кермен в 20 км к востоку от Херсона и в 5 км от Мангупа. Следует отметить, что оба эти поселения ни разу не упоминаются в письменных источниках этого времени. Погибли они в конце данного столетия под ударом орды эмира Ногай, что достаточно надежно установлено археологическими исследованиями.

Как известно, Ногай выступил против законного правителя Орды, джучида Токты. В сочинениях арабских авторов поводом для этого похода названо убийство внука эмира Актаджи, направленного на полуостров для сбора дани. По версии Рукнеддина Бейбарса, придворного историка египетских султанов Калавуна и ан-Насира Мухаммеда, убийство совершили генуэзцы в Кафе. Ибн-Хальдун же сообщает, что это произошло не в Кафе, а в Крыму (Солхате). Но оба автора указывают, что вначале разгрому подвергся именно Крым, который являлся резиденцией золотоордынской администрации улуса, которая и должна была собирать и сдавать в казну подати с подвластной территории. Кроме Крыма войско Ногай продвинулось в юго-западную часть области, где «ограбило Сару-кермен, Кырк-ери...» [32, с. 112].

Здесь упомянуты наиболее важные, с точки зрения внешних наблюдателей, пункты, подвергшиеся нападению, т. е. те, которые имели заметное политико-административное значение, являясь центрами определенных владений, находившихся в подчиненном положении к Золотой Орде. Как и за полстолетия до этого, на полуострове были известны два таких центра: Херсон, именовавшийся мусульманскими авторами Сары-Кермен, то есть «Желтая крепость», и Кырк-Ер. Первый воспринимался как реликт византийских владений, второй был главной крепостью в области расселения асов или малых алан. По словам епископа Феодора, направленного в кавказскую Аланию и добравшегося через Херсон: «... близ Херсона живут Аланы, столько же по своей воле, сколько и по желанию херсонцев, словно некоторое ограждение и охрана города» [33, с. 17].

Ближайшими соседями алан были готы, причем если их этнические области в представлении современников были достаточно четко разграничены, то в культурном отношении они представляли, по сути, единый массив, что хорошо фиксируется археологически. Лучше всего данная ситуация отражена свидетельством венецианского купца и дипломата Иосифато Барбаро (середина XV в.): «Далее за Кафой по изгибу берега на Великом море находится Готия, за ней Алания, которая тянется по "острову" в направлении Монкастро... Благодаря соседству готов с аланами произошло название готоаланы. Первыми в этом месте были аланы, затем пришли готы, они завоевали эти страны и смешали свое имя с именем алан. Таким образом, ввиду смешения одного племени с другим, они называют себя готаланами, и те, и другие следуют обрядам греческой церкви» [14, с. 157].

Арабский историк Ал-Калкашанди (начало XV в.) указывает, что крепость Кир-кир является центром страны асов, зависимой от Золотой Орды [34, с. 36]. Практически в это же время баварский солдат Иоганн Шильтбергер, служивший у турок, в

своем описании Крыма сообщает: «... город Киркьер, в хорошей области, именуемой Готфией, но которую язычники называют Тат. Она населена греческими христианами и в ней производят хорошее вино. В этой стране, лежащей на берегу Черного моря, возле города Сарукерман был утоплен св. Климент. Там же страна (земля) черкесов» [35, с. 45]. Следует отметить, что в оригинале текста область, в которой расположен Кыркьер названа «Суди», а в среде язычников ее именовали «Тат», но вслед за Ф. К. Бруном, впервые опубликовавшим русский перевод (Одесса, 1867), почти все исследователи полагают, что это искаженная форма топонима «Готия».

Изложенное делает более понятным смешение Рубруком сведений о готах и «сорока замках». То же самое положение сохранялось и в представлениях наблюдателей спустя полтора столетия. По-прежнему местная крымская устная традиция сохраняла за Кырк-Ером — Чуфут-Кале роль главной крепости в юго-западной части полуострова, хотя реально к этому времени здесь уже оформилось княжество Феодоро, пришедшее на смену аланскому этнополитическому образованию во главе с Кырк-Ером, в середине XIV в. захваченному татарами [12, с. 75-98].

Вероятно, разгромы XIII в., затронувшие, прежде всего, юго-восточную часть полуострова и в меньшей мере юго-западную, немало способствовали притоку в последнюю христианского населения. Причем более открытая со стороны степи область расселения алан, в большей степени подвергавшаяся набегам, и, в конечном счете, завоеванная, не могла быть надежным убежищем для оседлого населения.

Следует отметить, что после смерти хана Узбека власть Золотой Орды в Крыму ослабла в результате начавшихся усобиц. Этим воспользовались генуэзцы, которые в 1347 г. заключили мир с преемником Узбека Джанибеком и получили ряд льгот. Возможно, ослабление власти Орды благоприятно сказалось на процессах феодализации Юго-Западной Таврики [36, с. 126].

Консолидации греко-язычных христиан под главенством выходцев из какого-то провинциального аристократического рода, по мнению некоторых исследователей, трапезундского по своим корням (об этом см. ниже), протекала наиболее активно на территории исторической Готии, приближенной к византийскому Херсону и лучше прикрытой естественными преградами и укреплениями, основанными еще в раннее средневековье.

Первое упоминание о князе Готии, без указания имени, по предположению А. А. Васильева, восходит к 20-м гг. XIV в., однако приводится оно в труде итальянского историка XV — начала XVI вв. Феодоро Спандуниса в связи с заметкой о вражде между императором Андроником II Палеологом (1282-1328), с одной стороны, и князем Готии, с болгарскими и сербским королем Стефаном, с другой. Здесь обращает на себя внимание не только весьма поздняя дата источника, но и то, что Готия упоминается в одном ряду с балканскими этносами и правителями. Следует учесть, что в средневековье удерживалась достаточно устойчивая память о существовании еще одной Готии на Дунае. Поэтому нужно с осторожностью решать вопрос об отнесении данного этнопонима именно к Крыму [37, с. 185].

В начале 60-х гг., когда Золотая Орда переживает «великую замятню», сведения о феодальных владениях в Крыму становятся более определенными. Их главы уже совместно выступают в военном конфликте с литовским князем Ольгердом и терпят от него поражение на Синих Водах (р. Синюха, левый приток Южного Буга) в 1362/63 г. Противниками Ольгерда источники называют трех ханов: крымского или солхатского Кутлу-буга, киркельского Хаджи-Бека и монлопского (мангупского) Дмитрия. Имя последнего явно указывает на его христианское происхождение [обзор источников о данном событии см.: 2, с. 11-14].

Археологические материалы, в особенности полученные за последнюю четверть столетия, позволяют уверенно выделить ранний период жизни столицы княжества Феодоро, определяемый началом 60-х гг. — последним десятилетием XIV в. [38, с. 247-258].

О том, что именно Мангуп становится в это время объединительным центром для христианского населения, свидетельствует надпись на камне, найденная при раскопках большой базилики на этом городище, проводившихся в 1913 г. В тексте ее прямо говорится о восстановлении в 1362 г. Феодоро и строительстве некоей «Пойки», под которой следует, вероятнее всего, понимать цитадель крепости, фактически кремль будущего города [16, с. 146]. Здесь впервые упоминается название, под которым в дальнейшем фигурировали и княжество, и его столица. Гораздо реже для последней употреблялось наименование «Мангуп», общеупотребительным оно становится уже после 1475 г.³

В середине 90-х гг. XIV в. Крым оказался втянутым в грандиозную междоусобицу Тохтамыша и Тимура, в результате которой юго-западная часть полуострова подверглась разгрому, сопоставимому по последствиям с учиненным здесь ранее Ногаем. Теперь главный удар пришелся по возрожденной столице княжества Феодоро, обращенной в руины. Последствия этого наблюдал иеромонах Матфей, летом 1395 г. направленный в Ялту константинопольским патриархом в качестве экзарха. Матфей — автор первого дошедшего до нас описания столицы феодоритов, выполненного в форме стихотворного диалога между странником и городом, лежащим в руинах. Восхищаясь необычностью и живописностью местоположения, странник в то же время с горечью оплакивает безлюдность города, что в дальнейшем изложении объясняется басурманским нашествием [41, с. 75; 42, с. 562-589].

В начале XV в. начинается новый подъем княжества и его столицы. До этого главным средоточием греческой средневековой культуры на полуострове являлся Херсон, несмотря на значительную варваризацию сохранявший античные эллинские традиции в укладе жизни и политическом устройстве. Через него осуществлялась христианская миссионерская деятельность, направленная на соседние народы. Продукты городского ремесла и поступающий по торговым путям импорт служили образцами для провинциальных мастеров, втянутых таким образом в поле воздействия не только духовной, но и материальной культуры византийского мира. Что касается духовного влияния, то оно имело решающее значение для формирования сознания религиозного, а затем и культурно-генетического единства православного населения Таврики с восточно-римской цивилизацией. Ко времени угасания Херсона его периферия уже в достаточной мере восприняла полученные от него импульсы и могла быть самодостаточной, став органической составляющей греческого христианского континуума. Княжество Феодоро по сути стало наследником этой цивилизации, обосновавшейся на стыке великой средиземноморской греко-римской цивилизации с не менее великим и своеобразным миром кочевников евразийских степей, в котором не раз начинался, проходя ряд стадий и не получая завершения,

³ Украинским филологом В. Бушаковым опубликован ряд статей, в которых автор пытается вывести этимологию слова «Мангуп», исходя из османско-турецких, персидских и арабских корней. Смысл названия — «разбитая, разрушенная, пострадавшая крепость», по его мнению, указывает на то, что оно могло возникнуть только после захвата ее турками в 1475 г. [39; 40, с. 30]. Даже если подходить с определенной осторожностью к Пространной редакции еврейско-хазарской переписки, датируемой 960 г., в которой Мангуп упоминается среди других пунктов, не вдаваясь в филологические аспекты проблемы, отметим, что этот топоним в разных вариантах написания встречается в независимых источниках, по крайней мере, с конца XIV в. (см. далее по тексту).

процесс оседания на землю. Это явление получило в археологической литературе образное определение как путь «от кочевий к городам» [43].

Можно предполагать, что культуру и этнический состав населения княжества Феодоро должно было во многом определять его пограничное положение в контактной зоне. Однако греческий поздневизантийский фактор здесь явно доминировал. Греческое православие и язык — наиболее заметные признаки этого, хотя самовосприятие населения княжества было более сложным, многослойным. Оно, несомненно, ощущало себя частью византийского мира, будучи тесно связано с ним идеологически, будучи включенным в структуру церковной организации константинопольской патриархии. В то же время продолжали жить представления об этногенетических корнях, подкреплявшиеся сохранением разговорных бесписьменных языков, из которых определенные сведения есть о готском. Вероятно, были в обиходе и тюркские наречия. Как отмечалось выше, западные наблюдатели употребляли в первой половине XV в. для обозначения населения княжества термин «готаланы» или просто «готы». Лишь столетие спустя покоренное христианское население становится просто «греками», воспринимая это как естественную самоидентификацию в условиях его распыления между османскими и татарскими владениями с мусульманским тюркоязычным населением.

Одним из дискуссионных в истории Феодоро является вопрос о происхождении правившей в нем династии. До недавнего времени предпочтение в историографии отдавалось гипотезе, наиболее четко сформулированной русским византинистом А. А. Васильевым. Согласно ей, династы были выходцами из знатного византийско-армянского рода Гаврасов, представители которого правили в Трапезунде в первой половине XII в. и стремились к обособлению от Византии. Предполагаемый основатель крымской княжеской ветви, Константин, за участие в заговоре против императора Иоанна Комнина был в 1130 г. отправлен в ссылку, вероятно в Херсон. Здесь его потомки каким-то образом сумели добиться власти над византийской территорией в Юго-Западной Таврике, отождествляемой обычно с Готией. После захвата Константинополя крестоносцами, власть над ними перешла к Трапезундской империи, ставшей в этот же период самостоятельным государством, в которую стали поступать выплаты, ранее шедшие в византийскую казну. Эта ситуация сохранялась, по крайней мере формально, до 80-х гг. XIV в.

В пользу версии о трапезундском происхождении мангупской династии приводятся и такие факты, как существование в верхнем течении Бельбека села с названием Гавры, а также встречающаяся у мариупольских греков фамилия Гаврады.

С крымской ветвью Гаврасов в литературе традиционно связывается происхождение русского княжеского рода Головиных, родоначальник которого князь Степан Васильевич Ховрин (Ховра) появился в 1399 г. при дворе великого князя Василия Дмитриевича. Вместе с ним прибыл и его сын Григорий, который впоследствии основал в Москве монастырь, названный по имени, принятому его отцом при пострижении в монашество, Симоновым.

По мнению А. Л. Якобсона, основателем рода мангупских князей мог быть Алексей, с правлением которого связан высший расцвет княжества в 20-х гг. XV в. После разгрома, постигшего Крым в конце XIV в., «Не из разоренного ли Херсона и явился он сюда в опустевшее Феодоро?» — задавал вопрос исследователь [44, с. 43].

В последнее время внимание византиноведов вновь привлек вопрос о происхождении мангупской династии. Стали высказываться серьезные сомнения в связи ее с Гаврасами. В. П. Степаненко глубоко проанализировал отношения родства и свойства в кругах поздневизантийской аристократии с предполагаемыми мангупскими

династами. Он пришел к выводу, что первоначально (к началу XV в.) это были представители малоизвестного провинциального аристократического рода, возвысившегося благодаря удачному браку наследника престола княжича Иоанна, сына первого достоверно известного по имени и весьма авторитетного правителя Феодоро, князя Алексея, с Марией Асаниной Палеологиной Цимбалакониной, принадлежавшей кругу высшей константинопольской аристократии. В дальнейшем это, в соответствии с практикой, сложившейся в правящем классе, клонившейся к окончательному упадку Византии, позволяло родственникам по мужской линии считать себя принадлежащими к знатному роду свояков [45, с. 76-78]. Именно этим можно объяснить появление с 1425 г. на плитах с надписями, сообщающими о строительной деятельности мангупских князей, геральдических двуглавых орлов, традиционно считающихся семейным гербом Палеологов. Вероятно, таким же был механизм внедрения этого символа в русскую государственную геральдику в конце XV в., поводом к чему стал брак между великим князем московским Иваном III и Софьей Палеолог.

Подытоживая изложенное по данному вопросу, можно высказать предположение, опирающееся как на известные ныне письменные источники, так и на результаты археологических исследований Мангупа. В истории правившей здесь династии, вероятно, было два периода. Первый, от возникновения княжества до конца XIV в., когда во главе его находились правители, имевшие какие-то корни в Трапезунде, причем это не обязательно могли быть именно Гаврасы, о пребывании которых в Крыму какие-либо данные в источниках отсутствуют. Они являлись вассалами золотоордынских ханов и, по сути, представляли собой удельных князьков, подчинявшихся, прежде всего, улусной администрации. Разгром, учиненный Тимуром в Крыму, затронул и молодое мангупское княжество. Из разоренной столицы и других мест династы бегут к усиливающемуся северному православному соседу, возможно, став здесь основателями знатного рода Ховриных.

Второй период начинается с середины 20-х гг. XV в. Тогда во главе княжества становятся или представители прежней династии, или же выходцы из другой, неизвестной нам фамилии. Они удачно связали себя свойскими отношениями со знатнейшими родами Константинополя и Трапезунда, Палеологами, Асанами-Асениями и Великими Комнинами. Эта династия правила до падения княжества под ударом турок в 1475 г.

Следует отметить, что и в Константинополе, по крайней мере, формально, декларировали власть над территориями «примыкающими к Хазарии», возможно, подразумевая соседние с генуэзскими колониями земли Феодоро. Управление ими император Мануил II Палеолог поручил своему четвертому сыну Константину, будущему последнему византийскому императору [46, с. 106].

При князе Алексее, правившем в 20-30-х гг. XV в., особенно пышно, в духе провинциально-византийского и малоазийского зодчества, отстраивается столица. В ней фактически заново возводятся базилика и дворец, существенно реконструируется цитадель.

В период расцвета границы княжества Феодоро на востоке проходили, по крайней мере, в районе Алушты, где форпостом княжества являлась крепость Фуна [подробнее см.: 47]. Прибрежная полоса Южного берега находилась в составе генуэзского «капитанства Готии». Владения мангупских князей в этом районе охватывали склоны и поверхность Главной гряды. Они были защищены небольшими укреплениями, так называемыми «исарами», обычно устраивавшимися с учетом возможности противостояния генуэзским прибрежным крепостям. Не исключено, что остатки каменных оград, перекрывавших перевалы Главной гряды, которые некоторые исследователи пытались отождествить с «длинными стенами» Юстиниана I, на самом деле, как убедительно доказал Л. В. Фирсов, были звеньями оборони-

тельной системы княжества, защищавшей его от угрозы с юга, то есть от генуэзцев [48, с. 113]. Противостояние Феодоро и генуэзских владений продолжалось от времени формирования княжества и фактически до конца его существования, достигнув своего пика в 1433-34 гг., когда в правление князя Алексея при поддержке местного греческого населения была захвачена крепость Чембало-Балаклава⁴.

На западе во владениях Мангупа оказались прибрежные территории, вероятно, от района Георгиевского монастыря, включая угасший Херсон, вплоть до устья Бельбека. По этой реке проходила северная граница княжества с владениями Золотой Орды, а с 30-х гг. XV в. — с Крымским ханством. Возможно, местами в среднем и верхнем течении Бельбека княжество имело земли и на правом берегу реки [50, с. 77-82].

Общая численность населения княжества могла достигать 150 тыс. человек, если учесть сведения генуэзского документа, указывающего, что на его территории было 30 тыс. домов, что надо понимать как численность домовладений, жилых усадеб. Пушечный мастер Георг из Нюрнберга, служивший турецкому султану, сообщает, что на Мангупе, после его захвата, в плен попало 15 тыс. человек. Несмотря на то, что под защиту стен главной крепости Готии, несомненно, собрались многие жители окрестных селений, тем не менее, эта цифра явно завышена. Возможно, она соответствует общему количеству пленников, захваченных турками на территории княжества, или же, по крайней мере, отражает представление о многолюдности населения столицы безотносительно к его реальной абсолютной численности.

Не случайно Феодоро попадает в поле зрения московской дипломатии. Иван III искал не только военных союзников в борьбе за объединение государства. Для него весьма важным было идеологическое и юридическое обеспечение этого процесса. После падения в 1453 г. Константинополя, маленькое христианское княжество в далеком Крыму, по словам А. А. Васильева, было последним осколком Византии на Черном море. В геральдике его правителей, вероятно, в результате удачной женитьбы одного из князей на представительнице знатного византийского рода, связанного с Палеологами, прочно обосновался двуглавый орел. Связи с Константинополем в дальнейшем сыграли определенную роль в судьбе представителей мангупского дома.

Как известно, в 1472 г. великий князь Московский связал себя узами брака с Софьей Палеолог, племянницей последнего византийского императора Константина XI, павшего при обороне обреченного «Второго Рима». В ее свите, торжественно явившейся жениху, находился представитель «рода княжеска, Мавнукского града», Константин, впоследствии принявший пострижение под именем Кассиана и удалившийся в Ферапонтов монастырь. Затем он основал недалеко от Углича обитель, где скончался в 1504 г. [51, с. 55-60]. Русской православной церковью он чтится под именем святого благоверного князя Константина Мангупа [52, с. 16]. Не им ли была подана мысль об упрочении связей с византийской династией через Крым? К тому же, как отмечалось выше, при московском княжеском дворе еще с конца XIV в. обосновались греческие князья, ставшие родоначальниками рода Ховриных-Головиных, прибывшие из своих утраченных вотчин, среди которых называется и Мангуп. Возможно, эта эмиграция в Москву состоялась в результате упоминавшегося выше разгрома, учиненного на полуострове войском Тимура. Так что обратить внимание Великого князя на юг было кому.

Высокий престиж князей Мангупа действительно привлек внимание Ивана III. Вслед за собственным браком он попытался укрепить связи с родом, связанным с

⁴ Взаимоотношения Феодоро и генуэзской Кафы подробно рассмотрены в монографии В. Л. Мыца [49].

последней византийской императорской династией, посредством брака своего сына Ивана от первого брака с тверской княжной Марией, в 1452 г. вышедшей замуж за Ивана Васильевича и скончавшейся в 1467 г., с дочерью мангупского князя. Переговоры об этом велись в 1474 г. через первого московского посла в Крыму Никиту Беклимишева, который после выполнения дипломатической миссии у хана Менгли-Гирея отправился в Мангуп, где был принят князем Исааком, предпоследним правителем Феодоро. Были практически решены вопросы предстоящего брака [53, с. 148]. Однако, прибывшее на следующий год московское посольство на Мангуп попасть уже не смогло, так как он находился в турецкой осаде, закончившейся падением города и пленением княжеской семьи.

Иван III все-таки остался верен идее устройства брачного междинастийного союза на южном направлении внешней политики Москвы, в которой все большую роль приобретала задача противостояния османской экспансии. Теперь переговоры перераспределились на союзника и свояка Мангупского князя, молдавского господаря Стефана III. Он был крайне заинтересован в этих условиях в развитии отношений с северным соседом, также своим дальним родственником: в 1463 г. Стефан женился на княгине Евдокии, сестре киевского князя Семена Омельковича, дочери Анастасии, родной сестры Василия III (Темного), отца Ивана III [54, с. 218].

В 1472 г. дочь мангупского князя Исаака Мария была выдана замуж за молдавского господаря, скончалась она в декабре 1477 г. [55, с. 27, 29, 49, 64-65, 71, 118]. В монастыре Путна сохранилась ее погребальная пелена, на которой есть изображение покойной с соответствующей надписью по бордюру и гербом Палеологов и монограммой Асанов. Через 5 лет после ее кончины, несостоявшийся жених ее сестры, бесследно канувшей в султанском гареме, Иван «Молодой» женился на дочери Стефана и Евдокии Елене, прозванной в Москве «волошанкой».

Турецкая осада Мангупа в 1475 г. продолжалась полгода и развивалась по сценарию, разыгранному за двадцать два года до этого под стенами столицы Византии, продержавшейся всего два месяца. Тогда очевидец событий лаконично определил главную, по его мнению, причину успеха турок: «Пушки решили все» [56, с. 191]. Слова эти полностью применимы и к происходившему под Мангупом. Тяжелые осадные пушки с дистанции около 200 м метали гранитные ядра диаметром 42 и 35 см. Ужасающий их грохот имел и огромный психологический эффект: об этом новейшем по тем временам оружии большинство феодоритов знали только понаслышке. Тем не менее, город сопротивлялся. На помощь ему прибыл отряд из трехсот валахов, направленный господарем Молдавии Стефаном III, ведь последний мангупский князь Александр, незадолго до этих событий взойшедший на престол, приходился ему шурином. Вполне вероятно, что между Молдавией и Феодоро был заключен антиосманский оборонительный союз [57, с. 22]. Намечался он и с венгерским королем Матеем Корвином [подробно об османских завоеваниях в Крыму см.: 58].

Среди защитников на стенах осажденного города были и москвичи. Так, среди погибших оказался правнук основателя рода, князя Степана Васильевича Головина, князь Иван Владимирович, отправившийся в 1475 г. на поклонение к Гробу Господнему в Палестину и захвативший навестить родственников на Мангуп.

Город отбил пять штурмов. Не раз под обстрелом защитникам приходилось латать брешь, пробитые ядрами в византийских, без малого тысячелетнего возраста, стенах. Турецкие источники глухо свидетельствуют о том, что только хитростью — притворным отступлением — удалось выманить осажденных и на их плечах ворваться в город [1, р. 254-255; 59, с. 366-387]. Еще некоторое время держалась цитадель, против которой, как показали археологические исследования, туркам пришлось также

применить артиллерию. Потом была резня, следы которой запечатлены массовыми захоронениями в большой базилике, открытыми раскопками Н. И. Барминой.

Падение Мангупа с горечью было отмечено в русских летописях [53, с. 208]. Особенно об этом заговорили в период военных действий Ивана III на Угре. Упоминания о трагической судьбе мужественного княжества звучали как предостережения перед опасностью продления ордынского владычества на Руси и как пример, который должен был вдохновить в освободительной борьбе.

Возможно, трагической участи после взятия Мангупа турками избегли малолетние отпрыски правящего рода. Жизнь им была сохранена, но они были обращены в ислам и получили соответствующее воспитание при султанском дворе. В 1512 г. султаном Селимом I послом к Василию III был направлен Камал, князь Мангупский, ранее носивший прозвище Феодорит. А в 1522 и 1530 гг., уже при Сулеймане Великолепном, появился в Москве с той же миссией князь Мангупский Скиндер (Александр) [53, с. 270]. Возможно, это действительно были отуреченные потомки княжеской династии Феодоро, ставшие султанскими поданными.

После захвата турками в 1475 г. столицы княжества, располагавшейся на труднодоступном Мангупском плато, память о нем быстро стирается. Побывавший на Мангупе столетие спустя после этого события польский путешественник и дипломат Мартин Броневский застал здесь страшное запустение. Со слов местного греческого священника, «старика честного и умного», он смог узнать, что на фресках, сохранившихся в двух полуразрушенных церквях св. Георгия и св. Константина, были изображены князья города, происходившие из рода трапезундских или константинопольских императоров. Захваченные в плен турками, они были казнены в Константинополе.

Из личных наблюдений Броневского большую важность имеет свидетельство о цитадели города, занимавшей территорию северо-восточного отрога плато, именуемого Тешкли-бурун (Дырявый мыс). Над воротами этого внутреннего укрепления он видел греческую надпись, впоследствии исчезнувшую [60, с. 343]. Реальность ее существования подтверждает турецкий путешественник Эвлия Челеби, отметивший, что надпись выполнена «письменами неверных генуэзцев» и в ней содержится дата строительства крепости [61, с. 89]. Несомненно, что памятник содержал чрезвычайно важную информацию о столице и о самом княжестве. Возможно идентифицировать с ним одну из надписей, хранящихся ныне в Бахчисарайском историко-культурном заповеднике, ранее традиционно связывавшуюся с Калами-той — Инкерманом [62, с. 118-128].

В XVI в. в историографии начинается разработка сюжета, связанного с этнической историей Феодоро. В трактате ректора Краковского университета Матвея Меховского «Описание европейской и азиатской Сарматии», изданном в 1517 г., сообщается, что турками на Мангупе были захвачены два брата-князя, бывшие по происхождению готами. Отметим, что Броневский услышал на Мангупе версию также о двух последних князьях, только о дяде и племяннике, и греках по происхождению. Как видно, уже в первых попытках выяснения существенных обстоятельств истории Феодоро проявились те трудности, с которыми сталкивались в дальнейшем все исследователи этой темы [подробнее см.: 63, с. 212-256].

На три столетия после этих событий бывшая столица Феодоро превратилась в турецкую крепость — центр кадылыка, в состав которого вошли земли, принадлежавшие ранее княжеству, крепость, оставленную гарнизоном после 1774 г., когда Кучук-Кайнарджийский договор подвел итог российским победам над османской армией на Дунае и вывел Крымское ханство из вассальной зависимости от Стамбула.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Vasiliev A. A. The Goths in the Crimea. Cambridge, Mass., 1936.
- Малицкий Н. В. Заметки по эпиграфике Мангупа // ИГАИМК. Л., 1933. Вып. 71.
- Нариси стародавньої історії Української РСР. Київ, 1957.
- Gertsen A. G. Doros-Feodoro (Mangup): from Early Byzantine fortress to provincial Byzantine city Russia and Mediterranean // Proceedings of the First International Conference (Athens, 19-22 May 2005). Vol. I. Athens, 2011.
- Домбровский О. И. Стародавні стіни на перевалах головного пасма Кримських гір // Археологія. Киев, 1961. Вип. 12.
- Соломоник Э. И., Домбровский О. И. О локализации страны Дори // Археологические исследования средневекового Крыма. Киев: Наукова думка, 1968.
- Пиоро И. С. Крымская Готия. Киев: Либідь, 1990.
- Сидоренко В. А. «Готы» области Дори Прокопия Кесарийского и «длинные стены» в Крыму // МАИЭТ. 1991. Вып. II.
- Айбабин А. И. Основные этапы истории городища Эски-Кермен // МАИЭТ. 1991. Вып. II.
- Герцен А. Г. Ранневизантийские крепости Юго-Западной Таврики // Византия и Крым. Тез. докладов межд. конф. Севастополь, 1997.
- Герцен А. Г., Могаричев Ю. М. Еще раз о дате возникновения крепости на плато Чуфут-Кале // Проблемы истории «пещерных городов» в Крыму. Симферополь, 1992.
- Герцен А. Г., Могаричев Ю. М. Кырк-Ер — Чуфут-Кале. Крепость на краю седьмого климата: Исследование. Путеводитель. Альбом. Симферополь: Антиква, 2016.
- Прокопий Кесарийский. Война с готами / Пер. С. П. Кондратьева. М.: Изд-во АН СССР, 1950.
- Скржинская Е. Ч. Барбаро и Контарини о России. Л., 1971.
- Айбабин А. И. Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь, 1999.
- Герцен А. Г. Крепостной ансамбль Мангупа // МАИЭТ. 1990. Вып. I.
- Gertsen A. Periodization of History Mangup-Theodoro // 31 Annual Byzantine Studies Conference (The University of Georgia, Athens, October 28-30, 2005). Abstracts. Athens, 2005.
- Тиханова М. А. Базилика // МИА. 1953. № 34.
- Бармина Н. И. Мангупская базилика в свете некоторых проблем крымского средневековья // АДСВ. 1995. Вып. 27. Византия и средневековый Крым.
- Чичуров И. С. Византийские исторические сочинения: «Хронография» Феофана, «Бревиарий» Никифора. Тексты, перевод, комментарий. М., 1980.
- Auzery, M.-F. Gohie et Crimée de 750 à 830 dans les sources ecclésiastiques et monastiques grecques // МАИЭТ. 2000. Вып. VII.
- Алексеев Н. А. Готия в структуре византийской административной системы в Таврике во второй половине X века // ХСБ. 1998. Вып. 9.
- Науменко В. Е. К вопросу о названии и дате учреждения византийской фемы в Таврике // МАИЭТ. 1998. Вып. VI.
- Ягич И. В. Вновь найденное свидетельство о деятельности Константина Философа первоучителя славян Св. Кирилла // Записки имп. Академии наук. 1893. Т. 23, прил. № 6.
- Герцен А. Г. Византийско-хазарское пограничье в Таврике // История и археология Юго-Западного Крыма. Симферополь, 1993.
- Сорочан С. Б., Зубарь В. Н., Марченко Л. В. Жизнь и гибель Херсонеса. Харьков, 2000.
- Романчук А. И. Исследования Херсонеса-Херсона. Раскопки. Гипотезы. Проблемы. Екатеринбург, 2007.
- Бейлис В. М. Ал-Идриси о портах Черноморского побережья и связях между ними // Торговля и мореплавание в бассейне Черного моря в древности средние века. Ростов-на-Дону, 1988.
- Коновалова И. Г. Восточная Европа в сочинении ал-Идриси. М., 1999.
- Гильом де Рубрук. Путешествие в восточные страны // Путешествия в восточные страны. Плано Карпини и Рубрука. М., 1957.
- Карпов С. П. Черноморская навигация итальянских морских республик в XIV-XV вв. Факторы и степень риска // Bulgaria Pontica Medii Aevi III Nesebre 1985. Sofia, 1992.
- Тизенгаузен В. Г. Материалы, относящиеся к истории Золотой Орды. СПб., 1884. Т. 1.
- Кулаковский Ю. А. Епископа Феодора «Аланское послание» // ЗООИД. 1898. Т. 21.
- Поляк А. Н. Новые арабские материалы позднего средневековья о Восточной и Центральной Европе // Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы. М., 1964.
- Иоганн Шильтбергер. Путешествие по Европе, Азии и Африке с 1394 по 1427 год. Баку, 1984.
- Смирнов В. Д. Крымское ханство под верховенством Османской Порты до XVIII в. СПб., 1887.
- Герцен А. Г., Могаричев Ю. М. Иконоборческая Таврика // АДСВ. 1992. Вып. 26. Византия и средневековый Крым.
- Герцен А. Г., Науменко В. Е. К вопросу о выделении золотоордынского периода в истории Мангупского городища в Юго-Западном Крыму // Золотоордынская цивилизация. Казань, 2016. № 9.
- Бушаков В. О происхождении названия крымского города-крепости Мангуп // Советская тюркология. 1990. № 6.
- Бушаков В. Етимологізація кримських топонімів у зв'язку з вивченням історії Криму // Східний Світ. 1994. № 1-2.
- Байер Х.-Ф. Митрополии Херсона, Сугдеи, Готии и Зихии по данным просопографического лексикона времени Палеологов // АДСВ. 1995. Вып. 27. Византия и средневековый Крым.
- Герцен А. Г. Описание Мангупа-Феодоро в поэме иеромонаха Матфея // МАИЭТ. 2003. Вып. X.
- Плетнева С. А. От кочевий к городам // МИА. 1967. № 142.
- Якобсон А. Л. Средневековый Херсонес // МИА. 1950. № 17.
- Степаненко В. П. Князя Феодоро и византийская аристократия XV в. // Византия и Крым. Тез. докл. междунар. конф. Севастополь, 1998.
- Горянов В. Г. Поздневизантийский феодализм. М., 1962.
- Кирилло В. П. Крепостной ансамбль Фуны (1423-1475). Киев, 2005.
- Фирсов Л. В. О положении страны Дори в Таврике // ВВ. 1979. Т. 40.
- Мыц В. Л. Кафа и Феодоро в XV веке. Контакты и конфликты. Симферополь: Универсум, 2009.
- Веймарн Е. В. О двух неясных вопросах средневековья Юго-Западного Крыма // Археологические исследования средневекового Крыма. Киев, 1968.
- Бриллиантов И. Ферапонтов Белоозерский ныне упраздненный монастырь, место заточения патриарха Никона. СПб., 1899.
- Дунаев Б. И. Максим Грек и греческая идея на Руси в XVI веке. М., 1916.
- Соловьев С. М. История России с древнейших времен. М., 1989. Кн. 3. Т. 5.
- Семенова Л. Е. Некоторые аспекты международного положения Молдавского княжества во 2-й пол. XV в. // Юго-Восточная Европа в средние века. Кишинев, 1972. Вып. 1.
- Славяно-молдавские летописи XV-XVI вв. М., 1976.
- История Византии. М., 1967. Т. 3.
- Гонца Г. В. Молдавия и османская агрессия в последней четверти XV — первой трети XVI в. Кишинев, 1984.
- Руев В. Л. Турецкое вторжение в Крым в 1475 г. Симферополь, 2014.
- Герцен А. Г. По поводу новой публикации турецкого источника о завоевании Крыма // МАИЭТ. 2001. Вып. IX.
- Броневский М. Описание Таврии // ЗООИД. 1867. Т. 6.
- Эвлия Челеби. Книга путешествий. Походы с татарами и путешествия по Крыму (1641-1667 гг.). Симферополь: Таврия, 1996.
- Герцен А. Г. О первоначальном местонахождении надписи с упоминанием храма свв. Константина и Елены: Каламита или Феодоро // Климентовский сборник. Мат-лы VI междунар. конф. «Церковная археология: Херсонес — город св. Климента». Севастополь, 2013.
- Герцен А. Г. Мангуп глазами исследователей и путешественников XVI — начала XX в. // Бахчисарайский историко-археологический сборник. 2008. Вып. 3.

REFERENCES

- Vasiliev A. A. *The Goths in the Crimea*. Cambridge, Mass., 1936.
- Malitskii N. V. Zametki po epigrafike Mangupa. *Izvestiia Gosudarstvennoi akademii istorii material'noi kul'tury*, Leningrad, 1933, Vol. 71.
- Narisi starodavn'oi istorii Ukrains'koi RSR. Kiev, 1957.
- Gertsen A. G. Doros-Feodoro (Mangup): from Early Byzantine fortress to provincial Byzantine city Russia and Mediterranean. *Proceedings of the First International Conference (Athens 19-22 May 2005)*. Vol. I, Athens, 2011.
- Dombrovskii O. I. Starodavni stini na perevalakh golovnoho pasma Krims'kikh gir. *Arkheologiya*, Kiev, 1961, Vol. 12.
- Solomonik E. I., Dombrovskii O. I. O lokalizatsii strany Dori. *Arkheologicheskie issledovaniia srednevekovogo Kryma*, Kiev, Naukova dumka Publ., 1968.
- Pioro I. S. *Krymskaia Gotiia*. Kiev, Libid' Publ., 1990.
- Sidorenko V. A. "Goty" oblasti Dori Prokopiia Kesariiskogo i "dlinnye steny" v Krymu. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol, 1991, Vol. II.
- Aibabin A. I. Osnovnye etapy istorii gorodishcha Eski-Kermen. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol, 1991, Vol. II.
- Gertsen A. G. Rannevizantiiskie kreposti Iugo-Zapadnoi Tavriki. *Tezisy dokladov mezhdunarodnoi konferentsii "Vizantiia i Krym"*, Sevastopol, 1997.
- Gertsen A. G., Mogarichev Iu. M. Eshche raz o date vzniknoveniia kreposti na plato Chufut-Kale. *Problemy istorii "peshchernykh gorodov" v Krymu*, Simferopol, 1992.
- Gertsen A. G., Mogarichev Iu. M. *Kyrk-Er — Chufut-Kale. Krepost' na kraiu sed'mogo klimata: Issledovanie. Putevoditel'. Al'bom*. Simferopol, Antikva Publ., 2016.
- Prokopii Kesariiskii. *Voina s gotami*. Moscow, AN SSSR Publ., 1950.
- Skrzhinskaia E. Ch. *Barbaro i Kontarini o Rossii*. Leningrad, 1971.
- Aibabin A. I. *Etnicheskaiia istoriia rannevizantiiskogo Kryma*. Simferopol, 1999.
- Gertsen A. G. Krepostnoi ansambl' Mangupa. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol, 1990, Vol. I.
- Gertsen A. Periodization of History Mangup-Theodoro. *31 Annual Byzantine Studies Conference (The University of Georgia, Athens, October 28-30, 2005)*. Abstracts. Athens, 2005.
- Tikhanova M. A. Bazilika. *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR*, Moscow, 1953, No. 34.
- Barmina N. I. Mangupskaia bazilika v svete nekotorykh problem krymskogo srednevekov'ia. *Antichnaia drevnost' i srednie veka*, 1995, Vol. 27.
- Chichurov I. S. Vizantiiskie istoricheskie sochineniia: "Khronografiia" Feofana, "Breviarii" Nikifora. *Teksty, perevod, kommentarii*. Moscow, 1980.
- Auzepy. M.-F. Gohie et Crimée de 750 à 830 dans les sources ecclésiastiques et monastiques grecques. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol, 2000, Vol. VII.
- Alekseenko N. A. Gotiia v strukture vizantiiskoi administrativnoi sistemy v Tavrike vo vtoroi polovine X veka. *Khersonesskii sbornik*, Sevastopol, 1998, Vol. 9.
- Naumenko V. E. K voprosu o nazvanii i date uchrezhdeniia vizantiiskoi femy v Tavrike. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol, 1998, Vol. VI.
- Iagich I. V. Vnov' naidennoe svidetel'stvo o deiatel'nosti Konstantina Filosofa pervouchitel'ia slavian Sv. Kirilla. *Zapiski imperatorskoi Akademii nauk*, 1893, T. 23.
- Gertsen A. G. Vizantiisko-khazarское пограничье в Tavrike. *Istoriia i arkheologiiia Iugo-Zapadnogo Kryma*, Simferopol, 1993.
- Sorochan S. B., Zubar' V. N., Marchenko L. V. *Zhizn' i gibel' Khersonesa*. Khar'kov, 2000.
- Romanchuk A. I. *Issledovaniia Khersonesa-Khersona. Raskopki. Gipotezy. Problemy*. Ekaterinburg, 2007.
- Beilis V. M. Al-Idrisi o portakh Chernomorskogo poberezh'ia i svyaziakh mezhdur nimi. *Torgovlia i moreplavanie v basseine Chernogo moria v drevnosti srednie veka*, Rostov-na-Donu, 1988.
- Konovaalova I. G. *Vostochnaia Evropa v sochinenii al-Idrisi*. Moscow, 1999.
- Gil'om de Rubruk. *Puteshestvie v vostochnye strany. Puteshestviia v vostochnye strany Plano Karpini i Rubruka*, Moscow, 1957.
- Karpov S. P. Chernomorskaia navigatsiia ital'ianskikh morskikh respublik v XIV-XV vv. Faktory i stepen' riska. *Bulgaria Pontica Medii Aevi III Nesebre 1985*, Sofia, 1992.
- Tizengauzen V. G. *Materialy, otnosiashchiesia k istorii Zolotoi Ordyy*. S-Petersburg, 1884, T. 1.
- Kulakovskii Iu. A. Episkopa Feodora "Alanskoe poslanie". *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostei*, 1898, T. 21.
- Poliak A. N. Novye arabskie materialy pozdnego srednevekov'ia o Vostochnoi i Tsentral'noi Evrope. *Vostochnye istochniki po istorii narodov Iugo-Vostochnoi i Tsentral'noi Evropy*, Moscow, 1964.
- Iogann Shil'tberger. *Puteshestvie po Evrope, Azii i Afrike s 1394 po 1427 god*. Baku, 1984.
- Smirnov V. D. *Krymskoe khanstvo pod verkhovnstvom Ottomanskoi Porty do XVIII v.* S-Petersburg, 1887.
- Gertsen A. G., Mogarichev Iu. M. Ikonoborcheskaia Tavrika. *Antichnaia drevnost' i srednie veka*, 1992, Vol. 26.
- Gertsen A. G., Naumenko V. E. K voprosu o vydelenii zolotoordynskogo perioda v istorii Mangupskogo gorodishcha v Iugo-Zapadnom Krymu. *Zolotoordynskaia tsivilizatsiia*, Kazan', 2016, No. 9.
- Bushakov V. O proiskhozhdenii nazvaniia krymskogo goroda-kreposti Mangup. *Sovetskaia tiurkologiya*, Moscow, 1990, No. 6.
- Bushakov V. Etimologizatsiia krims'kikh toponimiv u zv'iazku z vivchenniam istorii Krimu. *Skhidnii Svit*, Kiev, 1994, No. 1-2.
- Baier Kh.-F. Mitropolii Khersona, Sugdei, Gotii i Zikhii po dannym prosopograficheskogo leksikona vremeni Paleologov. *Antichnaia drevnost' i srednie veka*, 1995, Vol. 27.
- Gertsen A. G. Opisanie Mangupa-Feodoro v poeme ieromonakha Matfeia. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol, 2003, Vol. X.
- Pletneva S. A. Ot kochevii k gorodam. *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR*, Moscow, 1967, No. 142.
- Iakobson A. L. Srednevekovyi Khersones. *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR*, Moscow, 1950, No. 17.
- Stepanenko V. P. Kniaz'ia Feodoro i vizantiiskaia aristokratiia XV v. *Tezisy dokladov mezhdunarodnoi konferentsii "Vizantiia i Krym"*, Sevastopol, 1998.
- Gorianov V. G. *Pozdnevizantiiskii feodalizm*. Moscow, 1962.
- Kirilko V. P. *Krepostnoi ansambl' Funy (1423-1475)*. Kiev, 2005.
- Firsov L. V. O polozenii strany Dori v Tavrike. *Vizantiiskii vremennik*, Moscow, 1979, T. 40.
- Myts V. L. *Kafa i Feodoro v XV veke. Kontakty i konflikty*. Simferopol, Universum Publ., 2009.
- Veimarn E. V. O dvukh neiasnykh voprosakh srednevekov'ia Iugo-Zapadnogo Kryma. *Arkheologicheskie issledovaniia srednevekovogo Kryma*, Kiev, 1968.
- Brilliantov I. *Ferapontov Beloozerskii nyne uprazdnennyi monastyri', mesto zatocheniiia patriarkha Nikona*. S-Petersburg, 1899.
- Dunaev B. I. *Maksim Grek i grecheskaia ideia na Rusi v XVI veke*. Moscow, 1916.
- Solov'ev S. M. *Istoriia Rossii s drevneishikh vremen*. Moscow, 1989, Book 3, T. 5.
- Semenova L. E. Nekotorye aspekty mezhdunarodnogo polozeniia Moldavskogo kniazhestva vo 2-i pol. XV v. *Iugo-Vostochnaia Evropa v srednie veka*, Kishinev, 1972, Vol. 1.
- Slaviano-moldavskie letopisi XV-XVI vv.* Moscow, 1976.
- Istoriia Vizantii*. Moscow, 1967, T. 3.
- Gontsa G. V. *Moldaviia i osmanskaia agressiia v poslednei chetverti XV — pervoi treti XVI v.* Kishinev, 1984.
- Ruev V. L. *Turetskoe vtorzhenie v Krym v 1475 g.* Simferopol, 2014.
- Gertsen A. G. Po povodu novoi publikatsii turetskogo istochnika o zavoevanii Kryma. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol, 2001, Vol. IX.
- Bronevskii M. Opisanie Tatarii. *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostei*, 1867, T. 6.
- Evliia Chelebi. *Kniga puteshestvii. Pokhody s tatarami i puteshestviia po Krymu (1641-1667 gg.)*. Simferopol, Tavriia Publ., 1996.
- Gertsen A. G. O pervonachal'nom mestonakhozhdenii nadpisi s upominaniem khrama svv. Konstantina i Eleny: Kalamita ili Feodoro. *Klimentovskii sbornik. Materialy VI mezhdunarodnoi konferentsii "Vizantiia i Krym"*, Sevastopol, 1998, Vol. 10.

narodnoi konferentsii "Tserkovnaia arkheologiya: Khersones — gorod sv. Klimenta", Sevastopol, 2013.

63. Gertsen A. G. Mangup glazami issledovatelei i puteshestvennikov XVI — nachala XX v. *Bakhchisaraiskii istoriko-arkheologicheskii sbornik*, Simferopol, 2008, Vol. 3.

Герцен А. Г.

Княжество Феодоро: от «альфы» до «омеги»

Резюме

Статья посвящена вопросам истории возникновения, развития и гибели политического образования в Юго-Западном Крыму, известного как княжество Феодоро. Рассматриваются различные точки зрения на его историю. На основании известных письменных источников и новых археологических материалов делается вывод о формировании княжества не ранее первой половины XIV в. и о двух этапах его существования, разделяемых событиями, связанными с вторжением на полуостров войск Тамерлана. С захватом столицы, города Мангупа-Феодоро в декабре 1475 г. турками-османами после полугодовой осады жизнь княжества прекращается.

Ключевые слова: Мангуп, княжество Феодоро.

Gertsen A. G.

Theodoro Principality: From Alpha to Omega

Summary

The article discusses the aspects of the origin, development, and fall of the polity in the South-Western Crimea known under the name of the Theodoro principality. Different interpretations of its history have been analysed. Taking known written sources and new archaeological materials into account, the conclusions have been made that the principality shaped at no early than the first half of the fourteenth century, and that its life comprised two periods, divided by the events caused by the invasion of the army of Tamerlane into the Crimea. When after the six-month-long siege the Ottomans seized Mangup, the capital city of Theodoro, in December 1475, the principality ceased to exist.

Keywords: Mangup, Theodoro principality.

В. П. СТЕПАНЕНКО

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ КНЯЖЕСТВА ФЕОДОРО: ПОЛЕМИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ¹

Знакомство с современной историографией ясно показывает фрагментарность изученности даже основных событий в истории княжества Феодоро в Юго-Западном Крыму². Причин этому множество. Прежде всего, состояние имеющейся в нашем распоряжении источниковой базы. Нарративные свидетельства остаются крайне фрагментарными; уверенно можно сказать, что многие важные документы по истории княжества еще предстоит выявить в библиотечных и архивных собраниях. В первую очередь, это касается документов из генуэзских и венецианских архивов, а также сочинений Иоанна Евгеника [3, с. 387; 25, с. 93-95]. «Песнь о городе Феодоро» иеромонаха Матфея (около 1395 г.), при всей ее пространности, фактически дает нам только указание на катастрофическое разрушение Мангупа неизвестными варварами в начале 90-х гг. XIV в. [3, с. 286-308; 7, с. 257-282].

Другая проблема — слабая разработанность общей хронологии феодоритского периода в истории Мангупского городища и не только. Ясно лишь одно: история княжества завершается вместе с турецким завоеванием Крыма в 1475 г. Однако события начального этапа его истории еще не определены или недостаточно сформулированы специалистами. Ранее считалось, что их следует относить к началу XV в., сразу после погрома 1390-х гг., и связывать с деятельностью первого самостоятельного правителя княжества Алексея — «владельца» Феодоро и Поморья. Но недавно А. Г. Герцен и В. Е. Науменко предложили включить в историю Феодоро и вторую половину XIV в. — время правления так называемых «сотников» (гекатонтархов); авторы данной гипотезы характеризуют последний период как «золотоордынский» [11, с. 34-38; 21, с. 245-256].

Со своей стороны заметим, что титулатура «сотников», в известной степени, является результатом интерпретации двух надписей, найденных в конце XIX — начале XX вв. на территории Мангупского городища — 1361-1362 гг. (с именем гекатонтарха Хуйтани) и конца XIV в. (с именами «сотника» Цацикия (?) и золотоордынского хана Тохтамыша) [26, с. 485-490]. Х.-Ф. Байер полагал, что чтение титула (должности) «сотник» в первой надписи остается достаточно спорным [3, с. 183, прим. 533]. Следует также сказать, что и точное название титула «князя» Алексея и, соответственно, его статуса также остается не определенным. В латинских источниках он назван *dominus* — «господин» Феодоро, в греческих, включая и его собственные строительные надписи — «владелец (*audentoj*) города Феодоро и Побережья».

¹ Термин «княжество» используется в нашей работе условно, так как в той же «Хронике» Михаила Панарета, завершенной в 1420-е гг., владелец Феодоро Алексей назван — *κυρ Αλεξιος εκ των Φεοδωρον δουατηρ*, что явно отражает его международный статус, по крайней мере, в понимании трапезундских Великих Комнинов [33, с. 81, 24].

² Обобщающее исследование по истории княжества Феодоро остается не написанным. См. об этом: [8, с. 317, прим. 10; 10, с. 36-38; 12, с. 247-258; 24, с. 83-90].

Именно строительные надписи, обнаруженные в свое время на территории Мангупа, до сих пор остаются главными информативными свидетельствами по истории Феодоро в XIV-XV вв. Все они изданы и переведены В. В. Латышевым и Н. В. Малицким [20]. Обратимся к ним.

Надпись из башни в верховьях балки Табана-дере, обнаруженная еще Ф. А. Брауном в 1890 г. Н. В. Малицкий интерпретировал ее как строительную, относящуюся к постройке башни. Однако половина башни была восстановлена (реконструирована) после ее разрушения, очевидно, во время осады Мангупа турками в 1475 г. При этом были использованы блоки из близлежащей базилики, включая резные порталы. Надпись сообщает: «...по(строена) от основания (трудом и иждивением) Тцат... тонтарха в правление Тохт...» [20, с. 3-8].

Эпиграфический памятник выполнен на плите из проконесского мрамора, что вновь ставит вопрос о дате возведения Большой Мангупской базилики и времени ее последующих перестроек. К сожалению, еще раз приходится констатировать, что история базилики в феодоритский период Мангупа остается слабо изученной. Н. И. Бармина полагает, что после описанной Матфеем военной катастрофы конца XIV в. кафедральный храм городища в полном виде уже не был восстановлен. Служба велась отныне лишь в его южном нефе, тогда как основная территория храмового комплекса превратилась в кладбище [2, с. 312; ср.: 19, с. 208-210]. Однако, если связать нашу надпись с Мангупской базиликой, что более чем вероятно, то она была восстановлена к XV в. как трехнефное сооружение, без галерей. В пользу этого, очевидно, свидетельствует нахождение блоков портала *in situ* в дверном проеме, ведущем из южной галереи в центральный неф [19, с. 209-210 (см. особенно фото Р. Х. Лепера)].

Тохтамыш (фрагмент именно его имени, очевидно, зафиксирован надписью) правил в 1380-1395 гг., и, соответственно, наша надпись, к какому бы сооружению она не относилась — к базилике или нет, датируется временем не позднее 1395 г. Таким образом, возобновление здания, о чем свидетельствует надпись, предшествует правлению князя Алексея, а его восстановительные работы на Мангупе после погрома конца XIV в. не имеют к нашему памятнику никакого отношения.

Надпись 1361-1362 гг. открыта в 1913 г. Р. Х. Лепером, как вторично использованная в обкладке одной из могил в центральном нефе базилики. Ее текст, в переводе Н. В. Малицкого, выглядит так: «Боже Иисусе Христе! Боже наш (благослови?) основавших сию стену. Построена эта башня верхнего города почтенной Пойки помощью Божьей и святого Дмитрия и попечением всечестнейшего нашего Хуитаниса, сотника (достойного) всякой чести. (Совершено) восстановление Феодоро вместе с Пойкой. Построены в 6870 г.» [20, с. 9].

Судя по общепринятой сейчас интерпретации сведений иеромонаха Матфея о тотальном разрушении Феодоро в 90-е гг. XIV в., его крепостные стены, как и другие доминирующие общественные и культовые постройки на территории города, неминуемо должны были быть разрушены в ходе этих событий³. Тогда возникает закономерный вопрос, нет ли в таком случае необходимости датировать ныне видимые стены крепости и цитадели на мысе Тешкли-бурун («Пойка», вероятно, нашей надписи) не временем надписи 1361-1362 гг., как считают авторы многолетних археологических исследований городища, а концом XIV — началом XV вв. [13, с. 44-48]. Ведь выделение двух строительных этапов в истории комплекса той же цитадели — возведение крепостной стены, перегораживающей мыс Тешкли-бурун не позднее 1361-1362 гг., и сооружение собственно донжона укрепления в первой

четверти XV в., подтверждается археологически, хотя до сих пор эти материалы и не введены в полный объем в научный оборот [14, с. 261]. Таким образом, почти одновременно при феодоритском князе Алексее строится донжон цитадели, восстанавливается базилика, возводится расположенный рядом с нею дворцовый комплекс. Последний датируется надписью 1427 г.

Если Мангупскую базилику действительно восстанавливали до 1395 г. (по надписи из башни в Табана-дере), то ее судьбу должна была разделить близлежащая крепостная стена так называемой Второй линии обороны крепости. Именно тогда плита с надписью 1361-1362 гг. попала в обкладку гробницы базилики. В последнее время А. Г. Герцен склонен датировать существующую Вторую линию обороны Мангупа 20-ми гг. XV в., выделяя при этом два этапа ее существования [15, с. 414, прим. 19]. По мнению Н. И. Барминой, в это время закладываются дверные проемы нартекса базилики, оказавшегося в непосредственной близости от новой крепостной стены [2, с. 312]. Однако это заключение исследователя явно противоречит ее же выводу о том, что базилика не была реконструирована в период княжества Феодоро и для богослужения был восстановлен только ее южный неф⁴. Возникает вопрос: зачем в таком случае нужно было замуровывать двери нартекса, ведущие в руинированные части храма?

Надпись 1427 г. из деревни Саблы, безусловно, связанная с историей Мангупа: «Построен храм сей с благословенной крепостью, коя ныне зрится, в дни правления Алексея, владетеля города Феодоро и Поморья и ктитора святых славных боговенчаных великий царей равноапостольных Константина и Елены в месяце октябре индикта шестого в лето 6936» (1427 г.) [20, с. 34]. Ее первоначальное местонахождение локализуют в Каламите [30, с. 36-38], чаще на Мангупе — над въездными воротами в город под мысом Тешкли-бурун или же непосредственно над воротами цитадели [17, с. 118-128]. В случае, если надпись была размещена над въездными воротами в Мангупскую крепость, не видно храма, строительству которого она посвящена; при размещении надписи над воротами цитадели храмом Свв. Константина и Елены может быть признан только октагональный храм в центральной части акрополя Мангупа [16, с. 227-253; 17, с. 118-128]. В целом, эпиграфический источник датирует одновременное сооружение крепости и храма не зависимо от того, идет ли речь о Каламите или же цитадели Мангупского городища.

Если все таки в надписи сообщается о постройке Мангупской цитадели на мысе Тешкли-бурун, показательным является использование для украшения порталов и окон ее донжона надгробий, орнаментация которых, судя по аналогиям из Кафы и того же Мангупа, не выходит за пределы XIV в. [1, с. 110, рис. 36,3]. Правда, известна надпись 1459 г. из донжона еще одной феодоритской крепости Фуна над Алуштой, также вырезанная на оборотной стороне христианского надгробия. Более того, значительная часть кладки крепостной стены Фуны, откуда происходит надпись 1459 г., была сложена из фрагментов вторично использованных надгробных памятников. Если датировать донжон Фуны по этой надписи, то создается впечатление, что в «княжеский» период существования Феодоро при строительстве и восстановлении укреплений была широко распространена практика использования споллий, происходивших, вероятно, с территории соседнего христианского некрополя⁵.

Один из исследователей крепости Фуна, В. П. Кирилко, выделяет три строительных периода в истории памятника, общая дата которого укладывается в пределах 1423-1475 гг. [18, с. 73, 81; см. также 29, с. 132-157]. Дата возведения укрепления

⁴ Точка зрения Н. И. Барминой по этому вопросу неоднократно менялась. См. подробнее: [19, с. 200-202].

⁵ Благодарю за консультацию по этому вопросу Э. А. Хайрединову.

³ Ср. иную точку зрения на содержание источника: [22, с. 99-123].

(1423 г.) выглядит априорной и основана, по большей части, на косвенных данных, которые могут свидетельствовать о происшедшем в это время землетрясении, разрушившем первоначальную (на месте будущей крепости) постройку [18, с. 81]. Коренная реконструкция крепости датирована, по В. П. Кирилко, надписью 1459 г. Автор полагает, что донжон Фуны возник уже после появления цитадели на Мангупе.

При строительстве обоих памятников были широко использованы сполы — целые и фрагментированные христианские надгробия. Не свидетельствует ли это о несколько более позднем появлении Мангупской цитадели, чем принято сейчас считать? Напомним, что и дворец правителей княжества Феодоро на Мангупе имеет, как минимум, два строительных периода. Видимо, строительство донжона цитадели на мысе Тешкли-бурун происходит почти синхронно с реконструкцией дворца, происходившей, судя по надписи с территории комплекса, в 1425 г. Однако сейчас это почти недоказуемо, с учетом незавершенности дискуссии относительно происхождения надписи 1427 г. из деревни Саблы [17, с. 118-128].

В последнее время в историографии предпринимаются попытки пересмотра известной информации относительно последствий военно-политической катастрофы 1395 г. для территории Крыма. К примеру, В. Л. Мыц полагает, что отсутствие хорошо выраженных и датированных «слоев разрушений» и «пожаров» в стратиграфии Солхата, Херсонеса и Мангупа позволяет сомневаться в самом факте этих погромов и признает сведения иеромонаха Матфея для истории Мангупа историографическим «мифом». По его мнению, сумма давно известных восточных источников по этому вопросу, собранных еще в 1884 г. В. Г. Тизенгаузен, подтверждает данную версию. Так как все эти построения разрушает датировка «Сказания» Матфея — около 1395 г., В. Л. Мыцом делается неудачная, на наш взгляд, попытка дезавуировать данный источник туманным предположением о том, что он может быть датирован десятью годами позже [22, с. 99-123]. Однако это отодвигает дату начала правления кира Алексея к 1405-1406 гг., что выглядит маловероятным.

Еще несколько замечаний к работе В. Л. Мыца. Она, безусловно, написана эмоционально и с излишней критической оценкой исследований своих предшественников и современных авторов, насыщена лексикой, которая недопустима в научной среде. Так, вряд ли приемлема критика оппонента (в данном случае А. И. Айбабина), рассуждения которого для В. Л. Мыца выглядят «по-дилетантски наивно, компилятивно и необоснованно» [22, с. 111, прим. 8]. Автору не известно, что «Сказание» Матфея датировал отнюдь не Х.-Ф. Байер, а его предшественники. Ссылка в работе на популярное издание Т. М. Фадеевой и А. К. Шапошникова, посвященное истории княжества Феодоро, и содержащийся там перевод и передатировка «Сказания», вызывает удивление [22, с. 109, прим. 6].

В целом, попытка В. Л. Мыца по-новому интерпретировать события 1390-х гг. в истории Крыма не удалась. Хотя его смелое предположение о том, что оседлое население полуострова дружно покинуло его и отправилось за своими бежавшими от полководцев Тимура-Тамерлана ордынскими сюзеренами в Добруджу (?) [22, с. 116], все же заслуживает дальнейшей разработки.

Надпись 1425 г. из раскопок Мангупского дворца. Текст ее хорошо известен: «[Была построена башня с] дворц[ом и благословенной крепост]ью, коя ныне зрится (?), [в дни господина Ал[ексея, владетеля город]а Феодоро и По[мория в месяце окт]ябре года 6934» [3, с. 208; 20, с. 34]. Новейшие археологические исследования подтверждают высказанную еще А. Л. Якобсоном гипотезу о нескольких, двух или более, периодах существования дворца [15, с. 395]. Предполагается, что первоначальный комплекс был разрушен в связи с уже неоднократно указанными событиями

ями конца XIV в. Однако возникает вопрос — зачем и для кого он был предназначен? Для «сотников» Мангупских надписей? В этой связи вновь возникает не решенная до сих пор в историографии проблема отношения рода Гаврасов — Ховриных к истории Мангупа и княжества Феодоро. Обратимся еще раз к ней.

Гаврасы, Ховрины, Головины и происхождение князя Алексея. Ранее в своих работах мы уже отмечали, что А. А. Васильев, предположив, что в XII в. в Крым был сослан мятежный Константин Гавра, традиционно связанный с Трапезундом, а в XV в. его потомки стали править княжеством Феодоро, особенно подчеркнул шаткость своей гипотезы [6, с. 275-280]. Тем не менее, уже как аксиома данное положение проникло в научную и околonaучную литературу.

В настоящее время нет никаких фактов, свидетельствующих о принадлежности первого правителя Феодоро князя Алексея к этому византийскому аристократическому роду армянского происхождения и дукам Трапезунда в XI в. [27, с. 87-95; 3, с. 199-205; о Гаврах также см.: 5; 3, с. 191-200; 31, р. 165; 32, р. 184]. Более того, Ховрины эмигрировали в Московию из Крыма, а точнее «из вотчины из Судака, да из Кафы, да из Мангупа» в конце XIV в. В этой связи вновь вызывает особый интерес информация иеромонаха Матфея о тотальном разрушении Мангупского городища в это время. Связь Ховриных с историей Мангупа (почему не с Кафой или с Судакком?) основана на гипотезе того же А. А. Васильева о принадлежности Алексея к Гаврасам-Ховриным. Это только логическая конструкция исследователя, не опирающаяся на исторические свидетельства. Если Ховрины и имели какое-то отношение к истории Крыма, то к появившемуся на Мангупе около 1403 г. Алексею уже явно нет.

В свое время Д. С. Спиридонов издал эпитафию Иоанна Евгеника внуку князя Алексея, сыну Иоанна и Марии [25, с. 93]. Ничего определенного относительно происхождения самого Алексея автор, бывший современником событий и сидевший в Трапезунде, не говорит. Первый правитель Феодоро лишь отмечен как «столп Хазарии и солнце Готфии» и не более того. Если бы Алексей хотя бы косвенно имел отношение к связанным с историей Трапезунда Гаврам, среди которых был и Св. мученик Феодор Гавра, погибший в борьбе с «неверными» сельджуками [2, с. 545, прим. 858]⁶, об этом Иоанн Евгеник непременно бы упомянул.

Но генеалогия матери покойного дана предельно подробно. По линии отца она происходит от Асанов и «пурпурноцветущего корня Палеологов», по матери — от Цамблаконов. То есть, она — Асанина Палеологина Цамблаконица. Византийские Асаны-Асени — потомки царской династии Болгарии, впрочем, сомнительные, так как происходят от Марии Асанины и ее супруга Мицо, к династии отношения не имеющего [28, с. 335-353].

То же касается и потомков Алексея. Михаил Панарет сообщает: «...пришла также из Готии василисса кира Мария, дочь кира Алексея из Феодоро и была обвенчана с благочестивым деспотом своим мужем Давидом Великим Комнином» (1429 г.?) [33, с. 81]. Создается впечатление, что «кир Алексей из Феодоро» плохо известен автору, как, впрочем, и само княжество Феодоро. О происхождении Алексея вновь нет сведений. Так что был ли он сам и его сыновья и внуки черкесского происхождения, и, как следствие, аборигенами Крыма, мало связанными с Византией, но, через брачные узы, с Трапезундом и Константинополем, как полагал Х.-Ф. Байер? [3, с. 199]. Вопрос остается открытым.

В заключение несколько замечаний о внешней политике и границах княжества Феодоро. **О внешней политике княжества** можно говорить лишь как о сугубо ре-

⁶ Константин Гавра самостоятельно правил Трапезундом в 1126-1140 гг., не признавая власти Константинополя. Житие Феодора Гавра издано А. Пападопуло-Керамевсом [2, с. 545, прим. 858].

гиональной, не выходящей за пределы Крымского полуострова⁷. Вне Крыма владельцы Феодоро проводили активную династийную политику, точнее, соседние христианские государства (Трапезундская империя, Молдавия, Московское государство) обращались к ним с целью заключения политически ориентированных браков. Падение Константинополя в 1453 г. и Трапезунда в 1461 г. активизировали усилия правителей Феодоро по заключению династического союза с Москвой, оставшегося не реализованным из-за событий 1475 г., когда Мангуп был взят штурмом османской армией. Такими же неясными остаются для исследователей **границы княжества Феодоро**. Крайними точками (западной и восточной) на карте можно считать крепости Каламиту и Фуну, и не более того. Не проходила ли южная граница княжества по линии исаров на Главной гряде Крымских гор?

Подводя итоги нашему обзору важнейших историографических и источниковедческих проблем изучения феодоритского периода в истории Мангупского городища, следует отметить, что он относительно хорошо известен благодаря византийским и западным источникам, фонд которых имеет перспективу пополнения за счет изучения архивов в Италии. Материальные источники из раскопок городища также дают определенную информацию, в основном по исторической топографии памятника и занятиям его населения. Нам представляется, что имеющихся материалов в целом достаточно для создания обобщающего монографического исследования по истории княжества Феодоро в целом и Мангупа этого времени в частности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Айбабина Е. А. Декоративная каменная резьба Каффы XV-XVIII веков. Симферополь: Сонат, 2001. 216 с.
2. Анна Комнина. Алексиада / вступ. статья, перевод и комм. Я. Н. Любарского. СПб.: Алетейя, 1996. 704 с.
3. Байер Х.-Ф. История крымских готов как интерпретация Сказания Матфея о городе Феодоро. Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 2001. 477 с.
4. Бармина Н. И. Этапы истории Мангупской базилики // ТГЭ. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2008. Т. LXII. Византия в контексте мировой культуры. С. 305-313.
5. Бартиян Р. М. О византийской аристократической семье Гаврас // Историко-филологический журнал АН Армянской ССР. Ереван, 1987. № 3. С. 191-200; № 4. С. 181-193.
6. Васильев А. А. Готы в Крыму // ИГАИМК. 1927. Т. 5. С. 179-282.
7. Герцен А. Г. Описание Мангупа-Феодоро в поэме иеромонаха Матфея // МАИЭТ. 2003. Вып. X. С. 562-589.
8. Герцен А. Г. Рассказ о городе Феодоро. Топографические и археологические реалии в поэме иеромонаха Матфея // АДСВ. 2001. Вып. 32. С. 257-282.
9. Герцен А. Г. Н. И. Репников на Мангупе // Историческое наследие Крыма. Симферополь, 2008. № 22-23. С. 311-320.
10. Герцен А. Г., Науменко В. Е. О хазарском и фемном периоде в истории Мангупа: предварительные наблюдения над исторической топографией городища // ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: империя и полис. Материалы VII Международного византийского семинара. Севастополь, 2015. С. 36-38.
11. Герцен А. Г., Науменко В. Е. К ранней истории княжества Феодоро: историко-археологический комментарий // ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: империя и полис. Материалы VIII Международного византийского семинара. Севастополь, 2016. С. 34-38.
12. Герцен А. Г., Науменко В. Е. К вопросу о выделении золотоордынского периода в истории Мангупского городища в Юго-Западном Крыму // Золотоордынская цивилизация. Казань, 2016. № 9. С. 247-258.

⁷ Информация о локальных стычках феодоритов с генуэзцами из-за конкуренции вокруг Чембало и Каламиты собрана Х. Ф. Байером [3, с. 199-222] и В. Л. Мыцом [23].

13. Герцен А. Г., Науменко В. Е., Черныш С. А. Археологические исследования Мангупа // Археологические исследования в Крыму. 1995 г. Симферополь, 2007. С. 44-48.
14. Герцен А. Г., Науменко В. Е. Поливная керамика из раскопок цитадели Мангупа // Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X-XVIII вв. Киев, 2005. С. 257-287.
15. Герцен А. Г., Науменко В. Е. Археологический комплекс третьей четверти XVв. из раскопок княжеского дворца Мангупского городища // ТГЭ. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2010. Т. LI. Византия в контексте мировой культуры. С. 397-418.
16. Герцен А. Г., Науменко В. Е. Октагональная церковь цитадели Мангупа (Крым). Вопросы хронологии и архитектурной композиции // ТГЭ. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2010. Т. LIII. Архитектура Византии и Древней Руси IX-XII вв. С. 227-253.
17. Герцен А. Г. О первоначальном местонахождении надписи с упоминанием храма Свв. Константина и Елены: Каламита или Феодоро? // Климентовский сборник. Материалы VI Международной конференции «Церковная археология: Херсонес — город Св. Климента». Севастополь: Телескоп, 2013. С. 118-128.
18. Кирилло В. П. Крепостной ансамбль Фуны (1423-1475 гг.). Киев: Стило, 2005. 269 с.
19. Кирилло В. П. Двухапсидные храмы Таврики // Древняя и средневековая Таврика. Сборник статей, посвященный 1800-летию города Судака. Донецк, 2012. С. 189-223. (Археологический альманах. № 28).
20. Малицкий Н. В. Заметки по эпиграфике Мангупа // ИГАИМК. Л., 1933. Вып. 71.
21. Мыц В. Л. Битва при Синей Воде в 1363 г. Турмарх Хуйтани Мангупской надписи 1361-1362 гг. и мнимый князь Феодоро Дмитрий // АДСВ. 2001. Вып. 32. С. 245-256.
22. Мыц В. Л. Крымский поход Тимура 1395 г.: историографический конфуз или археология против историографической традиции // Генуэзская Газария и Золотая Орда. Казань, Симферополь, Кишинев, 2015. С. 99-123.
23. Мыц В. Л. Каффа и Феодоро. Контакты и конфликты. Симферополь: Универсум, 2009. 527 с.
24. Науменко В. Е. Христианская топография Мангупского городища периода княжества Феодоро // ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: империя и полис. Материалы IX Международного византийского семинара. Севастополь, 2017. С. 83-90.
25. Спиридонов Д. С. Заметки по истории эллинизма в Крыму. I. Из семейной истории Мангупского дома. Эпитафия номофилакса Иоанна Евгеника над гробом княжича // ИТОИ-АЭ. Симферополь, 1928. Вып. 2. С. 93-99.
26. Степаненко В. П. К интерпретации Мангупской надписи гекатонтарха (?)Тцитц... // МАИЭТ. 2008. Вып. XIV. С. 485-490.
27. Степаненко В. П. Легенда о Гаврах и Херсонес в русской и советской историографии // История Балканского средневековья. Сборник научных трудов. Тверь, 1990. С. 87-95.
28. Степаненко В. П. Князья Феодоро и византийская аристократия XV в. // АДСВ. 2001. Вып. 32. С. 335-353.
29. Тесленко И. Б. Керамика Фуны золотоордынского времени (анализ материалов из комплексов, предшествующих феодоритской крепости) // История и археология Крыма. Симферополь, 2016. Т. IV. С. 132-157.
30. Юрочкин В. Ю. И. Тунманн и средневековая надпись из деревни Сабы // ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: империя и полис. Материалы IX Международного византийского семинара. Севастополь, 2017. С. 36-38.
31. Bryer A. A Byzantine family: the Gabrades // University of Birmingham Historical Journal. 1970. № 12. P. 165-184.
32. Bryer A., Fossoulakis St., Nikol D. M. A Byzantine family: the Gabrades: an additional notes // Byzantinoslavika. 1975. Т. 36. P. 38-45.
33. Μιχαήλ τοῦ Παναρέτου Περί τῶν Μεγάλων Κομνηνῶν / Εκδ. Ο. Lampsides // Ἀρχαῖον Πόντου. 1958. Т. 22. Σ. 5-128.

REFERENCES

1. Ajbabina E. A. *Dekorativnaya kamennaya rez'ba Kaffy XV-XVIII vekov*. Simferopol, Sonat Publ., 2001, 216 p.

2. Anna Komnina. *Aleksiada*. St-Petersburg, Aletejya Publ., 1996, 704 p.
3. Bajer H.-F. *Istoriya krymskih gotov kak interpretaciya Skazaniya Matfeya o gorode Feodoro*. Ekaterinburg, Uralskii Universitet Publ., 2001, 477 p.
4. Barmina N. I. Etapy istorii Mangupskoj baziliki. *Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha*, St-Petersburg, Gosudarstvennyi Ermitazh Publ., 2008, T. LXII, pp. 305-313.
5. Bartikyan R. M. O vizantijskoj aristokratijskoj sem'e Gavras. *Istoriko-filologicheskii zhurnal AN Armianskoi SSR*, Erevan, 1987, No. 3, pp. 191-200; No. 4, pp. 181-193.
6. Vasil'ev A. A. Goty v Krymu. *Izvestiia Gosudarstvennoi akademii istorii material'noi kul'tury*, 1927, T. 5, pp. 179-282.
7. Gercen A. G. Opisaniye Mangupa-Feodoro v poehme ieromonaha Matfeya. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol, 2003, Vol. X, pp. 562-589.
8. Gercen A. G. Rasskaz o gorode Feodoro. Topograficheskie i arheologicheskie realii v poehme ieromonaha Matfeya. *Antichnaia drevnost' i srednie veka*, Ekaterinburg, 2001, Vol. 32, pp. 257-282.
9. Gercen A. G. N. I. Repnikov na Mangupe. *Istoricheskoe nasledie Kryma*, Simferopol, 2008, No. 22-23, pp. 311-320.
10. Gercen A. G., Naumenko V. E. O hazarskom i femnom periode v istorii Mangupa: predvaritel'nye nablyudeniya nad istoricheskoi topografiei gorodishcha. *ХΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: imperiya i polis. Materialy VII Mezhdunarodnogo vizantijskogo seminara*, Sevastopol, 2015, pp. 36-38.
11. Gercen A. G., Naumenko V. E. K rannej istorii knyazhestva Feodoro: istoriko-arheologicheskij kommentarij. *ХΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: imperiya i polis. Materialy VIII Mezhdunarodnogo vizantijskogo seminara*, Sevastopol, 2016, pp. 34-38.
12. Gercen A. G., Naumenko V. E. K voprosu o vydelenii zolotoordynskogo perioda v istorii Mangupskogo gorodishcha v Yugo-Zapadnom Krymu. *Zolotoordynskaya civilizaciya*, Kazan, 2016, No. 9, pp. 247-258.
13. Gercen A. G., Naumenko V. E., Chernysh C. A. Arheologicheskie issledovaniya Mangupa. *Arheologicheskie issledovaniya v Krymu*. 1995 g., Simferopol, 2007, pp. 44-48.
14. Gercen A. G., Naumenko V. E. Polivnaya keramika iz raskopok citadeli Mangupa. *Polivnaya keramika Sredizemnomor'ya i Prichernomor'ya X-XVIII vv.*, Kiev, 2005, pp. 257-287.
15. Gercen A. G., Naumenko V. E. Arheologicheskij kompleks tret'ej chetverti XV v. iz raskopok knyazheskogo dvorca Mangupskogo gorodishcha. *Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha*, St-Petersburg, Gosudarstvennyi Ermitazh Publ., 2010, T. LI, pp. 397-418.
16. Gercen A. G., Naumenko V. E. Oktagonal'naya cerkov' citadeli Mangupa (Krym). *Voprosy hronologii i arhitekturnoj kompozicii. Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha*, St-Petersburg, Gosudarstvennyi Ermitazh Publ., 2010, T. LIII, pp. 227-253.
17. Gercen A. G. O pervonachal'nom mestonahozhdenii nadpisi s upominaniem hrama Svv. Konstantina i Eleny: Kalamita ili Feodoro? *Klimentovskij sbornik. Materialy VI Mezhdunarodnoj konferencii «Cerkovnaya arheologiya: Hersones — gorod Sv. Klimenta»*, Sevastopol, Teleoskop Publ., 2013, pp. 118-128.
18. Kirilko V. P. *Krepostnoj ansambl' Funy (1423-1475 gg.)*. Kiev, Stilos Publ., 2005, 269 p.
19. Kirilko V. P. Dvuhapsidnye hramy Tavriki. *Drevnyaya i srednevekovaya Tavrika. Sbornik statej, posvyashchennyj 1800-letiyu goroda Sudaka*, Doneck, 2012, pp. 189-223. (Arheologicheskij al'manah. Vol. 28).
20. Malickij N. V. Zametki po ehpiografike Mangupa. *Izvestiia Gosudarstvennoi akademii istorii material'noi kul'tury*, Leningrad, 1933, Vol. 71.
21. Myc V. L. Bitva pri Sinej Vode v 1363 g. Turmarh Hujtani Mangupskoj nadpisi 1361-1362 gg. i mnimyj knyaz' Feodoro Dmitrij. *Antichnaia drevnost' i srednie veka*, Ekaterinburg, 2001, Vol. 32, pp. 245-256.
22. Myc V. L. Krymskij pohod Timura 1395 g.: istoriograficheskij konfuz ili arheologiya protiv istoriograficheskoi tradicii. *Genuehskaya Gazariya i Zolotaya Orda*, Kazan, Simferopol, Kishinev, 2015, pp. 99-123.
23. Myc V. L. *Kaffa i Feodoro. Kontakty i konflikty*. Simferopol, Universum Publ., 2009, 527 p.
24. Naumenko V. E. Hristianskaya topografiya Mangupskogo gorodishcha perioda knyazhestva Feodoro. *ХΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: imperiya i polis. Materialy IX Mezhdunarodnogo vizantijskogo seminara*, Sevastopol, 2017, pp. 83-90.

25. Spiridonov D. S. Zametki po istorii ehllinstva v Krymu. I. Iz semejnoi istorii Mangupskogo doma. Epitafiya nomofilaksa Ioanna Evgenika nad grobom knyazhicha. *Izvestiia Tavricheskogo obshchestva istorii, arkheologii i etnografii*, Simferopol, 1928, Vol. 2, pp. 93-99.
26. Stepanenko V. P. K interpretacii Mangupskoj nadpisi gekatontarha (?) Teitc... *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol, 2008, Vol. XIV, pp. 485-490.
27. Stepanenko V. P. Legenda o Gavrah i Hersones v russkoj i sovetskoj istoriografii. *Istoriya Balkanskogo srednevekov'ya. Sbornik nauchnyh trudov*, Tver, 1990, pp. 87-95.
28. Stepanenko V. P. Knyaz'ya Feodoro vizantijskaja aristokratiya XV v. *Antichnaia drevnost' i srednie veka*, Ekaterinburg, 2001, Vol. 32, pp. 335-353.
29. Teslenko I. B. Keramika Funy zolotoordynskogo vremeni (analiz materialov iz kompleksov, predshestvuyushchih feodoritskoj kreposti). *Istoriya i arheologiya Kryma*, Simferopol, 2016, T. IV, pp. 132-157.
30. Yurochkin V. Yu. I. Tunmann i srednevekovaya nadpis' iz derevni Sably. *ХΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: imperiya i polis. Materialy IX Mezhdunarodnogo vizantijskogo seminara*, Sevastopol, 2017, pp. 36-38.
31. Bryer A. A Byzantine family: the Gabrades. *University of Birmingham Historical Journal*, 1970, No. 12, pp. 165-184.
32. Bryer A., Fossoulakis St., Nikol D. M. A Byzantine family: the Gabrades: an additional notes. *Byzantinoslavika*, 1975, T. 36, pp. 38-45.
33. Μιχαήλ τοῦ Παναρέτου Περί τῶν Μεγάλων Κομνηνῶν. *Ἀρχαίων Πόντου*, 1958, T. 22, pp. 5-128.

Степаненко В. П.

Современные проблемы изучения истории княжества Феодоро: полемические заметки

Резюме

В статье рассматриваются наиболее важные дискуссионные проблемы изучения истории княжества Феодоро в современной историографии. Обсуждаются вопросы общей хронологии самостоятельного периода в истории княжества, происхождения его правящей династии, характера внешней политики и государственных границ. Особое внимание уделено событиям военно-политической катастрофы 90-х гг. XIV в., сыгравшим решающую роль в становлении независимого политического образования в Юго-Западном Крыму.

В работе дан анализ практически всем известным строительным надписям с территории Мангупского городища, столицы княжества Феодоро. Несмотря на их давнюю известность, они до сих пор являются главными источниками по политической истории Мангупа и княжества Феодоро в целом в XIV-XV вв.

Ключевые слова: Юго-Западный Крым, Мангупское городище, княжество Феодоро, дворец, базилика, цитадель, иеромонах Матфей, Тохтамыш, гепатонтарх.

Stepanenko V. P.

Today's Issues of Researches in the History of the Theodoro Principality: Polemic Notes

Summary

This article addresses the most important of disputable issues in the history of the Theodoro principality analysed by modern scholarship. It discusses the aspects of general chronology of the period of independence of this principality, the origin of its ruling dynasty, and the characteristics of its foreign policy and the state borders. Particular attention has been paid to the events of the military and political catastrophe of the 1390s, which played the decisive role for the shaping of the independent polity in the South-Western Crimea.

The article supplies analysis of almost all known building inscriptions from the ancient city of Mangup, the capital of the Theodoro principality. Despite they are known long since, these monuments continue to form the most important sources for interpretations of political history of Mangup and the Theodoro principality in the fourteenth and fifteenth centuries in general.

Keywords: South-Western Crimea, ancient Mangup, Theodoro principality, palace, basilica, citadel, hieromonk, Matthew, Tokhtamysh, hekatontarchos.

Э. И. СЕЙДАЛИЕВ

**«ГЕКАТОНТАРХИ» МАНГУПСКИХ
СТРОИТЕЛЬНЫХ НАДПИСЕЙ XIV В.:
ЗОЛОТООРДЫНСКИЙ ЭКСКУРС**

В настоящее время активизировались научные исследования, посвященные золотоордынскому прошлому Крымского полуострова. Среди них большой интерес вызывают сравнительно недавние публикации по ранней истории княжества Феодоро [4; 5]. Результаты новейших археологических исследований Мангупского городища позволили их авторам, А. Г. Герцену и В. Е. Науменко, осторожно предположить наличие в истории памятника особого золотоордынского периода в пределах 1360-1390-х гг., который непосредственно предшествует периоду независимого существования княжества Феодоро в XV в. Нужно подчеркнуть, что в основе данной гипотезы лежит не только анализ недавних археологических находок золотоордынского круга, но и содержание двух хорошо известных строительных надписей с территории Мангупа, которые упоминают неких сотников («гекатонтархов») Чичикия и Хуйтани, производивших ремонты оборонительных сооружений крепости в интересующий нас период времени. В своей работе мы еще раз остановимся на дискуссионной в историографии проблеме содержания должностной титулатуры надписей, важной в контексте золотоордынской версии происходивших на городище событий.

Обе строительные надписи неоднократно публиковались и детально анализировались в историографии. Среди наиболее важных работ отметим публикации Н. В. Малицкого, А. А. Васильева и Г. Х. Байера, позднее обращались к анализу текстов В. П. Степаненко, В. Л. Мыц и А. Ю. Виноградов [1; 2; 17; 19; 20; 23].

Первая надпись была обнаружена еще в 1890 г. Ф. А. Брауном во вторичной кладке башни Второй линии обороны Мангупской крепости в верховьях балки Табана-дере. Она впервые была опубликована В. В. Латышевым [15], затем — Н. В. Малицким [17]. В интерпретации последнего в надписи сообщается о возведении при хане Токтамыше (около 1380-1396 гг.) сотником Чичикием большой постройки, вероятно, крепостной башни [17, с. 5-7] или, по мнению В. П. Степаненко, восстановлении Большой Мангупской базилики [23, с. 485].

Вторая надпись, хронологически более ранняя, обнаружена Р. Х. Лепером в 1913 г. в ходе раскопок Мангупской базилики в обкладке одной из ее могил. Она датируется 1361/1362 гг. и свидетельствует о восстановлении Феодоро и строительстве башни верхнего города почтенной «Пойки» гекатонтархом Хуйтани [17, с. 9-14]. Относительно датировки этой надписи А. Ю. Виноградов, с которым согласен Х.-Ф. Байер, считает, что ее издатель Н. В. Малицкий принял «по фотографии правый конец далеко вынесенной аппексированной средней гасты теты за случайную выщерблину рядом с омикроном» и восстановил «год как 6970 (=1361-1362 по Р. Х.), между тем как это, несомненно, 6909 (=1300-1301 по Р. Х.)» [2, с. 446; 1, с. 184]. Х.-Ф. Байер также полагает, что исторический контекст, приведенный Н. В. Малицким, «маловероятен» [1, с. 184]. В данном случае, не вдаваясь в полемику относительно датировки памят-

ника, мы не можем согласиться с Х.-Ф. Байером. Период середины — второй половины XIV в. в политической истории Золотой Орды характеризуется постоянными внутренними междоусобицами. В историографии за ним справедливо закрепился соответствующий термин — «Великая Замятня», подчеркивающий крайне нестабильную внутреннюю обстановку в Орде. Именно в это смутное время, когда ханы беспрестанно сменяли друг друга на верховном престоле, повсеместно строятся и восстанавливаются защитные укрепления на территории городов и крепостей, в отличие от Золотой Орды более раннего времени, сильного и стабильного государства в правления ханов Токты и Узбека.

Большая часть исследователей Мангупских надписей отмечает, что титулатура лиц, упомянутых в них, соответствует десятичной системе деления населения и войска в Улусе Джучи на тысячи, сотни и десятки. Современные раскопки Мангупского городища показывают, что это заключение хорошо коррелируется с присутствием в его культурном слое достаточно широкого круга находок, принадлежащих золотоордынской традиции. Все это может свидетельствовать о прямой зависимости раннего княжества Феодоро от ордынской администрации и формировании здесь соответствующей системы управления. Попробуем разобраться, насколько титулы, упоминаемые в эпиграфических памятниках, соответствуют золотоордынской административной модели управления.

Надпись 1361/1362 г. в интерпретации Н. В. Малицкого переводится следующим образом: «Господи Иисусе Христе боже наш (благослови) основавших [сию] стену; построена эта башня верхнего города почтенной Пойки помощью божией и святого Димитрия и попечением всепочтеннейшего нашего Хуйтани сотника [достойного] всякой чести и [совершенно] восстановление Феодоро, вместе с Пойкой построены в 6870 г.». Ряд исследователей отмечает гипотетичность прочтения в надписи титула «сотник» («гекатонтарх») [23, с. 486-487]. К примеру, В. Л. Мыц восстанавливает его как «турмарх» [20, с. 30], с чем соглашается Х.-Ф. Байер [2, с. 186]. В таком случае, исходя из традиционной золотоордынской десятичной системы территориального деления, титул Хуйтани должен соответствовать «темнику» («тысячнику»).

Использование титула «турмарх», происхождение которого явно связано с византийской системой управления более раннего (фемного) времени, в XIV в. по отношению к представителю администрации княжества (князю?), расположенного на далекой северной периферии уже ослабленной империи, вряд ли допустимо. Современные исследователи справедливо отмечают, что связь княжества Феодоро с той же Трапезундской империей в это время сохранялась в основном в области церковных отношений [4, с. 250]. В политическом же и административном плане эти территории уже подчинялись ханам Золотой Орды. Н. В. Малицкий вообще несколько эмоционально называет содержащиеся в титуле Трапезундского императора упоминания власти над крымскими провинциями «пустым звуком» [17, с. 8].

Вторую интересующую нас надпись В. В. Латышев реконструирует следующим образом: «Построена эта башня от основания трудом и иждивением Тцитцикия гекатонтарха в правление Тохтамышша» [15, с. 55; 23, с. 485]. Он не исключает, что в надписи могло быть и имя хана Токты, с чем, правда, не соглашался Н. В. Малицкий [17, с. 5-6]. Отметим, что военно-политическая обстановка в Улусе Джучи в 80-90-х гг. XIV в. более соответствовала постройке оборонительных сооружений Мангупской крепости, нежели время правления хана Токты. Причем, по мнению В. Л. Мыца, строительство новых укреплений могло относиться и к 90-м годам XIV в., поскольку именно в это время намечается серьезное противостояние между Токтамышем и самаркандским эмиром Тимуром [20, с. 26]. В связи с этим напрашивается аналогия

в строительстве крепостных стен Солхата-Крыма в период 1375-1380 гг. беклярибеком Мамаем во время эскалации конфликта всесильного темника с молодым претендентом на ханский престол, каким тогда был Тохтамыш [13, с. 226-227]. Также отметим, что столица Золотой Орды — Новый Сарай обносится рвом и стенами не ранее 60-70-х гг. XIV в. [24, с. 151]. Комментируя титулатуру Чичикия нашей надписи, большинство исследователей полагает, что он также был сотником (гекатонтархом).

Отдельный вопрос — этническая идентификация упомянутых в надписях Хуйтани и Чичикия. В историографии утвердилось представление, что оба они были тюрками, ввиду тюркского происхождения их имен [17, с. 7]. В некоторых случаях исследователи признают греческое происхождение сотника Хуйтани и указывают его христианское имя — Дмитрий [26, с. 123]. В. Л. Мыц сомневается в тюркском происхождении антропонимов обоих «гекатонтархов». В качестве рабочей гипотезы он предлагает считать их имена сформировавшимися в готской (Хуйтани) и кавказской — лазской (Чичикий) этноязыковой среде [20, с. 35].

Конфессиональная принадлежность Хуйтани не вызывает сомнений; упоминание святого Дмитрия в тексте надписи прямо указывает на это. Противоречий в принадлежности тюрка к христианской церкви нет. Нам известны тюрки-христиане в письменных источниках и по данным археологических материалов [13, с. 144; 17, с. 7]. Христиане входили в состав правящей элиты Улуса Джучи, известны они среди кыпчаков и турок-сельджуков [25].

Относительно Чичикия нужно заметить, что в надписи нет прямого указания на его конфессиональную принадлежность. По-видимому, ни этнический, ни религиозный факторы не являются определяющими для решения вопроса, под чьей административной юрисдикцией находилось княжество Феодоро в этот период. Тем более, что тюркские племена активно поступали на военную службу в византийскую и, особенно, в трапезундскую армии, привнося с собой военные традиции, терминологию, вооружение и пр. [25, с. 406].

Термин гекатонтарх (кентарх) в византийской армии традиционно обозначал командующего сотней [14, с. 135, 323; 16, с. 118]. В данном случае явное совпадение титулатуры командующего сотней византийской армии и лиц из упомянутых мангупских надписей. Однако, как уже говорилось, византийское присутствие в Крыму в XIV в. вряд ли имело политико-административный характер. Скорее, в случае с нашими эпиграфическими источниками речь идет о сотниках в золотоордынской модели территориального управления. Употребление же греческого титула «гекатонтарх», как и в целом греческого языка в надписях, следует связывать с традиционной культурной традицией населения княжества Феодоро, ориентированного на Византию. В. Л. Мыц даже предполагает, что титулы Хуйтани и Чичикия были «греческими “кальками” с тюркской терминологии, поэтому “гекатонтарх” соответствует “сотнику”, а “турмарх” — “тысячнику»» [20, с. 37]. Он также сообщает сведения о сохранившемся у генуэзцев Каффы институте сотников, которым вменялось в обязанности в мирное время отслеживать порядок выполнения караульной повинности, организация строительства, ремонта и т. д. [20, с. 36]. Вероятно, необходимо согласиться с его утверждением о том, что институт сотников сложился на территории Крыма в XIII-XIV вв. и был связан с тюрко-монгольским военно-административным делением [20, с. 36].

Обратимся к десятичной системе деления войска в Золотой Орде. Военно-административная система Улуса Джучи пока еще слабо изучена, что связано, в первую очередь, с ограниченной источниковой базой. Мы можем охарактеризовать эту систему лишь в самом общем виде.

Улус Джучи являлся государством с жесткой централизованной системой управления, построенным по традиционной для всех тюрко-монгольских политий системе, во главе которой находилось лицо, отвечающее, в том числе, и за военную организацию. Золотая Орда как государственное и территориальное образование складывалась в ходе обширной завоевательной политики его правителей. Поэтому система организации войска и система административного управления Орды были теснейшим образом связаны между собой. Сложно сказать, какая из этих систем была первичной, но, вероятно, в самом Улусе Джучи военная система все-таки была производной от военно-административной системы [7, с. 409].

Главкомандующим в ордынской войске был хан, но это был лишь формальный момент. На практике войсками командовал беклярибек или улуг-карачибек (туменбаши или темник), за ним следовали карачи-беки, которые, как правило, были представителями дома Джучидов, ниже по рангу стояли даруг-беки и улус-беки, далее — эмиры, командующие тысячами, сотнями и десятками. По отношению к последним, также использовался титул бек.

Иерархия беков нам известна благодаря текстам ханских ярлыков и их переводам на русский язык: темники, тысячники, сотники, десятники и т. д. Таким образом, структура военной организации представляла собой строго выстроенную иерархию, в основе которой стояла десятичная система, где самыми крупными были десятичные формирования — тумен (тьма), а самыми мелкими — десятки, состоящие из 10 воинов. Марко Поло характеризует эту воинскую структуру и названия подразделений с их численным составом следующим образом: «Когда татарский царь идет войну, берет он с собой сто тысяч верховых и устраивает над ними такой порядок: ставит он старшину над десятью человеками, другого над сотнею, иного над тысячею, а иного над десятью тысячами...». Тут же он поясняет, как происходит взаимодействие между ханом (командующим ста тысячами) и туменбаши (темником) и далее по иерархии. О численности подразделений Марко Поло сообщает: «Сто тысяч, знайте, называют *тут*, десять тысяч *томан*, тысяча *мин*, сто *юз*, десятков *он*» [9, с. 256].

Отметим, что эта административная система с подчинением беклярибеку была ориентирована, в первую очередь, на контроль кочевого населения, которое и являлось основным военным сословием государства. На другую, также немаловажную часть жителей империи — оседлое население, распространялась власть везира, которому на местах подчинялись даруги. Даруги назначались как в тумены, так и в отдельные населенные пункты [6, с. 152]. В то же время они отвечали за сбор налогов и податей, и в какой-то степени делили власть с местными беками; при этом нельзя исключать случаев, когда улусный бек мог совмещать и функции даруги — даругачи-бек.

Десятичная система при этом вводилась и на оседлых территориях, как это справедливо отмечает В. В. Трепавлов. В основном она служила для организации сбора налогов, хотя контингенты земледельческого населения также привлекались для военных действий [6, с. 152]. При этом следует учитывать, что под тысячниками, сотниками и десятниками имеются в виду не только командующие определенным количеством воинов, но и ответственные за сбор этого количества воинов с определенной территории. Тумен (или тысяча) это было не простое количество воинов, а, по сути, территориальное держание, которое выставляло определенное количество воинов, и которое получал феодал [24, с. 48].

В контексте мангупских находок нас интересует звание сотника в военно-административной системе Улуса Джучи. Сотник в ярлыках упоминается всегда после тысячника и перед десятником, в формулировке «тысяцким сотским десятским бекам» [24, с. 126]. Следовательно, сотня, соответственно и сотник, это не только во-

инский контингент и его командующий, а некий «народ», племя, население, которое это количество воинов выставляло, и лицо, отвечающее за это население и территорию. Среди кочевых народов термин «юз» (узбеки) или «жуз» (казахи) обозначал определенное племя или часть его [24, с. 49].

До настоящего времени в тюркских языках слова «юз» или «жуз» означает число «сто». У нас нет данных о количестве населения Феодоро и его воинском контингенте в рассматриваемый период. А. Г. Герцен приводит данные о количестве населения на момент формирования полноценной фортификационной системы городища. Согласно его расчетам, для обеспечения обороны Мангупской крепости необходимо было привлечь контингент в количестве 2000 человек, в реальности же эта цифра была в 1,5-2 раза меньше, то есть примерно 1000-1500 человек, с учетом как регулярного контингента, так и окрестных жителей, находивших убежище за стенами крепости в случае опасности [3, с. 132]. В. Л. Руев предполагает, что население всего княжества Феодоро на момент турецкого вторжения в Крым в 1475 г. составляло 20-30 тысяч человек, следовательно, военный контингент имел численность в 2-3 тысячи человек [22, с. 201]. Не вдаваясь в подробности о том, какое количество воинов могло выставить княжество Феодоро в начале своего существования, отметим, что в отношении оседлого населения титул бека на такой территории вполне мог соответствовать сотнику (или тысячнику?).

Период середины — второй половины XIV в. для территории Западной Европы и Золотой Орды отмечен пандемией бубонной чумы — «Черной Смертью». Из Золотой Орды она проникла на территорию Крыма, достигнув, не исключено, и пределов княжества Феодоро. В этом случае население Мангупской крепости могло серьезно сократиться. Юлай Шамильоглу, один из крупнейших историков «Черной Смерти», связывает основание постордынских государств в первой половине XV в. именно с ростом населения после завершения эпидемиологической катастрофы, достаточным для организации управления этими регионами [6, с. 691].

Возможно, такая же ситуация наблюдалась и на территории княжества Феодоро. Как известно, население Европы после пандемии к XV в. выросло в два раза. Поэтому если население Мангупа в XV в. составляло 20-30 тысяч человек, то в XIV в., сразу после эпидемии, его численность не превышала 10-15 тысяч жителей. Десятую часть населения при тотальной мобилизации составляла армия, но о постоянном воинском контингенте или о численности войск, которые предоставляли сотники Феодоро, нам достоверно ничего не известно. Исходя из содержания титула «гекатонтарх» наших надписей, это могли быть всего сто человек, или несколько больше, с учетом обслуживающего воинов персонала [7, с. 411]. Ал-Калкашанди (1355-1418) определяет на территории Крымского улуса три тумена для второй половины XIV в. Каждый из них теоретически мог выставить десять тысяч воинов. Одним из таких округов была «страна Ас», располагавшаяся в юго-западной части полуострова; территория Феодоро, вероятно, была включена в этот тумен. М. Г. Крамаровский справедливо отмечает, что административное деление золотоордынского Крыма было обусловлено этнокультурными особенностями территорий, которые тяготели к разным политическим центрам за пределами полуострова [10, с. 507]. Если это так, то Феодоро, как часть тумена «Ас», могло выставлять тысячу воинов, и тогда определение турмарх (тысячник), предложенное В. Л. Мыцом по отношению к Хуйтани, выглядит справедливым.

Термин «бек» известен со времен Тюркского и Уйгурского каганатов [7, с. 323]. Русские источники переводят его как «князь», Ибн Баттута — как «эмир». Первоначально титул обозначал «начальника» в целом, поэтому использовался в Улусе

Джучи для обозначения и начальника десятка — «онбек», и руководителя сотни — «юзбек», и далее, вплоть до главы улуса — «улусбек». Должность эта была не наследуемая, а строго официальная, назначаемая. Таким образом, сотник (гекатонтарх) мангупских строительных надписей, вполне мог быть таким назначенным сверху начальником — «юзбеком». В его обязанности входили не только управление военными делами, но и любые административные функции. Строительство башни (или любого другого сооружения) также могло быть в юрисдикции местного начальника — гекатонтарха.

Сложность интерпретации титулов Хуйтани и Чичикия состоит также в том, что первоначально крепость на Мангупе строилась как одно из византийских укреплений, периодизация которого подробно разработана исследователями городища [4, с. 249]. Даже несмотря на хронологическую лакуну, образовавшуюся, по мнению авторов концепции, между фемным (середина IX — середина XI вв.) и феодоритским (XIV в. — 1475 г.) периодами, местная культурная традиция сохраняет все признаки провинциальной византийской культуры. В то же время эта местная культура не избежала явного влияния золотоордынских культурных традиций, достаточно четко иллюстрируемых археологическими находками с территории городища [4; 5]. Среди обнаруженных артефактов наиболее ярким является поясной набор, обнаруженный в комплексе инвентаря парного погребения в центральном нефе Мангупской базилики в 2005 г. Комплекс издан М. Г. Крамаровским, который предположил, что ранг пояса и, как следствие, статус его владельца, несомненно привилегированный в рамках раннего княжества Феодоро, был более низким по сравнению с владельцем пояса из Симферопольского клада [11, с. 471-472; 12; 18]. В случае с обладателем мангупского пояса, он вполне мог быть сотником в военно-административной иерархии Улуса Джучи и подконтрольных ему владений. Отметим также, что мангупский пояс отражает, в первую очередь, социальный статус владельца, но не является воинским атрибутом.

В данном историческом контексте отдельного рассмотрения требует сюжет с поражением в битве на Синих Водах трех татарских беков «крымского, киркельского и манлопского», соответственно Кутлубуги, Хаджи-бея и Димитра. Летописные источники определяют их как «царков Татарских» и «отчичи и дедици Подольские земли». Кутлубуга в то время был даругой (наместником) Солхата-Крыма, потому фигурирует как правитель «крымский», он отвечал за сбор налогов в правом крыле Улуса Джучи и собственно с подольских земель. Солхат был официальным центром правого крыла [10, с. 222]. Ряд исследователей считают, что последний из беков, Димитр, был правителем Мангупа, и даже ассоциируют его с упомянутым в надписи 1361/1362 г. сотником Хуйтани, поскольку рядом с именем гекатонтарха упоминается святой Дмитрий.

Следует отметить, что информация о хане манлопском (как и о двух других), приводится в ссылке П. И. Кеппена на Шлецера, в контексте битвы 1396 г., в которой полководец (!) князя Витовта Ольгерд разбил упомянутых трех «ханов» около Дона [8, с. 310]. В данной публикации перед нами не стоит задача выяснения личности «манлопского» правителя, однако, отметим, что если он и участвовал в битве, то количество его войск в объединенной армии трех беков было незначительным. Если взять за основу предположения В. Л. Мыца о Хуйтани (Димитрии?), как о турмархе-тысячнике, то и контингент его войск увеличивается до тысячи (или более). Правда, в этом случае крепость осталась бы без защиты (вспомним о 2000 защитников Мангупа у А. Г. Герцена). Этот вопрос, безусловно, требует дополнительного изучения и его вряд ли можно считать закрытым на данном этапе исследований.

Я. В. Пилипчук приводит детальную историографию вопроса Синеводской битвы и участия в ней трех татарских беков, что избавляет нас от необходимости повторов. Автор считает, что упоминаемый в летописных сведениях Димитрий был аланом по происхождению и православным по вероисповеданию. Он обозначает его как правителя татарского улуса — господство Яшко [21, с. 298]. В. Л. Мыц считает, что настоящее имя третьего бека, участника Синеводской Битва — Темирбег (Демирбей, Тимурбей), орда которого кочевала в дельте Дуная, и который, после своего поражения, ушел за Дунай в степи Добруджи [19; 20, с. 23].

В заключение отметим, что десятичная система административных должностей (титулов) фигурантов мангупских надписей XIV в. является производной от традиционной тюрко-монгольской военно-административной системы, с использованием, опять же традиционной, греческой (византийской) терминологии. Гипотетически, Хуйтани мог быть турмархом (тысячником) — наместником, оставленным в крепости крымской ордынской администрацией, а гекатонтарх (сотник) Чичикий, в рамках той же военно-административной системы, мог курировать отдельный квартал (?) в границах «наместничества-крепости» Феодоро.

Возрастающее с каждым годом число археологических находок на Мангупе, принадлежащих к так называемому золотоордынскому культурному кругу, служит серьезным аргументом в выделении особого золотоордынского периода в истории городища. Сведения о гекатонтархах-сотниках Мангупских строительных надписей пополняют аргументы этой гипотезы, хотя и требуют привлечения новых источников и продолжения исследований.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Байер Х.-Ф. История крымских готов как интерпретация Сказания Матфея о городе Феодоро. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2001. 500 с.
2. Виноградов А. Ю. Надписи княжества Феодоро в фондах Херсонесского Музея // Причерноморье в Средние века / Под ред. С. П. Карпова. СПб., 2000. Вып. 4. С. 444-446.
3. Герцен А. Г. Крепостной ансамбль Мангупа // МАИЭТ. 1990. Вып. I. С. 87-271.
4. Герцен А. Г., Науменко В. Е. К вопросу о выделении золотоордынского периода в истории Мангупского городища в Юго-Западном Крыму // Золотоордынская цивилизация. Казань, 2016. № 9. С. 247-258.
5. Герцен А. Г., Науменко В. Е. О золотоордынском периоде в истории Мангупского городища: к постановке научной проблемы // Диалог городской и степной культур на Евразийском пространстве. Историческая география Золотой Орды Материалы Седьмой Международной конференции, посвященной памяти Г. А. Федорова-Давыдова / Ред.-сост. С. Г. Бочаров, А. Г. Ситдилов. Казань; Ялта; Кишинев, 2016. С. 272-274.
6. Золотая Орда в мировой истории. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2016. 968 с.
7. История татар с древнейших времен в семи томах. Том III. Улус Джучи (Золотая Орда). XIII — середина XV в. Казань, 2009. 1055 с.
8. Кеппен П. И. Крымский сборник. СПб., 1837. 310 с.
9. Книга Марко Поло. 2-е изд. Алма-Ата, 1990. 350 с.
10. Крамаровский М. Г. Джучиды и Крым: XIII-XV вв. // МАИЭТ. 2003. Вып. X. С. 506-532.
11. Крамаровский М. Г. Мангупская находка: сельджукские отражения в Крыму и на Северном Кавказе // МАИЭТ. 2009. Вып. XV. С. 457-480.
12. Крамаровский М. Г. Сельджукские пояса в Крыму и на Северном Кавказе в XIV в. (предварительное сообщение) // АДСВ. 2008. Вып. 38. С. 278-295.
13. Крамаровский М. Г. Человек средневековой улицы. Золотая Орда. Византия. Италия. СПб.: Евразия, 2012. 496 с.
14. Кучма В. В. Военная организация Византийской империи. СПб.: Алетейя, 2001. 425 с.

15. Латышев В. В. Сборник греческих надписей христианского времени из Южной России. СПб., 1896. 143 с.
16. Лев VI Мудрый. Тактика Льва / изд. подготовил В. В. Кучма; отв. ред. Н. Д. Барабанов. СПб.: Алетейя, 2012. 368 с.
17. Малицкий Н. В. Заметки по эпиграфике Мангупа // ИГАИМК. 1933. Вып. 71. С. 3-45.
18. Мальм В. А. Симферопольский клад. М.: Внешторгиздат, 1987. 28 с.
19. Мыц В. Л. Битва на Синеи Воде в 1363 г. Турмарх Хуйтани мангупской надписи 1361/62 гг. или мнимый князь Феодоро Дмитрий // АДСВ. 2001. Вып. 32. С. 245-256.
20. Мыц В. Л. Каффа и Феодоро в XV веке. Контакты и конфликты. Симферополь, 2009. 528 с.
21. Пилипчук Я. В. Эмир Дмитрий. Улус Джучи и Центрально-Восточная Европа в XIV в. // Золотоордынская цивилизация. 2014. № 7. С. 294-306.
22. Руев В. Л. Турецкое вторжение в Крым в 1475 году. Симферополь: Антиква, 2014. 308 с.
23. Степаненко В. П. К интерпретации мангупской надписи ГЕКАТОНТАРХА(?) ТЦИТС... // МАИЭТ. 2008. Вып. XIV. С. 485-490.
24. Федоров-Давыдов Г. А. Общественный строй Золотой Орды. М.: Изд-во Московского университета, 1973. 180 с.
25. Шукуров Р. М. Тюрки в византийском мире (1204-1461). М.: Изд-во Московского университета, 2017. 631 с.
26. Якобсон А. Л. Средневековый Крым. М.; Л.: Наука, 1964. 183 с.

REFERENCES

1. Baier Kh.-F. *Istoriia krymskikh gotov kak interpretatsiia Skazaniia Matfeia o gorode Feodoro*. Ekaterinburg, Ural'skii universitet Publ., 2001, 500 p.
2. Vinogradov A. Iu. *Nadpisi kniazhestva Feodoro v fondakh Khersonesskogo Muzeia*. Karpov S. P. (Ed.), *Prichernomor'e v Srednie veka*, S-Petersburg, 2000, Vol. 4, pp. 444-446.
3. Gertsen A. G. *Krepostnoi ansambl' Mangupa. Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol, 1990, Vol. I, pp. 87-271.
4. Gertsen A. G., Naumenko V. E. *K voprosu o vydelenii zolotoordynskogo perioda v istorii Mangupskogo gorodishcha v Iugo-Zapadnom Krymu. Zolotoordynskaia tsivilizatsiia*, Kazan, 2016, No. 9, pp. 247-258.
5. Gertsen A. G., Naumenko V. E. *O zolotoordynskom periode v istorii Mangupskogo gorodishcha: k postanovke nauchnoi problemy*. Bocharov S. G., Sitdikov A. G. (Eds.), *Dialog gorodskoi i stepnoi kul'tur na Evraziiskom prostranstve. Istoricheskaia geografiia Zolotoi Ordy. Materialy Sed'moi Mezhdunarodnoi konferentsii, posviashchennoi pamiati G. A. Fedorova-Davydova*, Kazan, Yalta, Kishinev, 2016, pp. 272-274.
6. *Zolotaia Orda v mirovoi istorii*. Kazan, Institut istorii im. Sh. Mardzhani AN RT Publ., 2016, 968 p.
7. *Istoriia tatar s drevneishikh vremen v semi tomakh. Tom III. Ulus Dzhuchi (Zolotaia Orda). XIII — sredina XV v.* Kazan, 2009, 1055 p.
8. Keppen P. I. *Krymskii sbornik*. S-Petersburg, 1837, 310 p.
9. *Kniga Marko Polo*. Alma-Ata, 1990, 350 p.
10. Kramarovskii M. G. *Dzhuchidy i Krym: XIII-XV vv. Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol, 2003, Vol. X, pp. 506-532.
11. Kramarovskii M. G. *Mangupskaia nakhodka: sel'dzhukskie otrazheniia v Krymu i na Severnom Kavkaze. Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol, 2009, Vol. XV, pp. 457-480.
12. Kramarovskii M. G. *Sel'dzhukskie poiasa v Krymu i na Severnom Kavkaze v XIV v. (predvaritel'noe soobshchenie)*. *Antichnaia drevnost' i srednie veka*, Ekaterinburg, Ural'skii universitet Publ., 2008, Vol. 38, pp. 278-295.
13. Kramarovskii M. G. *Chelovek srednevekovoi ulitsy. Zolotaia Orda. Vizantiia. Italiia*. S-Petersburg, Evraziia Publ., 2012, 496 p.
14. Kuchma V. V. *Voennaia organizatsiia Vizantiiskoi imperii*. S-Petersburg, Aleiteia Publ., 2001, 425 p.
15. Latyshev V. V. *Sbornik grecheskikh nadpisei khristianskogo vremeni iz Iuzhnoi Rossii*. S-Petersburg, 1896, 143 p.

16. Lev VI Mudryi. *Taktika L'va*. S-Petersburg, Aleteiia Publ., 2012, 368 p.
17. Malitskii N. V. Zametki po epigrafike Mangupa. *Izvestiia Gosudarstvennoi akademii istorii material'noi kul'tury*, 1933, Vol. 71, pp. 3-45
18. Mal'm V. A. *Simferopol'skii klad*. Moscow, Vneshtorgizdat Publ., 1987, 28 p.
19. Myts V. L. Bitva na Sinei Vode v 1363 g. Turmarkh Khuitani mangupskoi nadpisi 1361/62 gg. ili mnimyi kniaz' Feodoro Dmitrii. *Antichnaia drevnost' i srednie veka*, Ekaterinburg, Ural'skii universitet Publ., 2001, Vol. 32, pp. 245-256.
20. Myts V. L. *Kaffa i Feodoro v XV veke. Kontakty i konflikty*. Simferopol, 2009, 528 p.
21. Pilipchuk Ia. V. Emir Dmitrii. Ulus Dzhuchi i Tsentral'no-Vostochnaia Evropa v XIV v. *Zolotoordynskaia tsivilizatsiia*, 2014, No. 7, pp. 294-306.
22. Ruev V. L. *Turetskoe vtorzhenie v Krym v 1475 godu*. Simferopol, Antikva Publ., 2014, 308 p.
23. Stepanenko V. P. K interpretatsii mangupskoi nadpisi GEKATONTARKhA(?) TTsITS... *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol, 2008, Vol. XIV, pp. 485-490.
24. Fedorov-Davydov G. A. *Obshchestvennyi stroi Zolotoi Ordy*. Moscow, Moskovskii universitet Publ., 1973, 180 p.
25. Shukurov R. M. *Tiurki v vizantiiskom mire (1204-1461)*. Moscow, Moskovskii universitet Publ., 2017, 631 p.
26. Iakobson A. L. *Srednevekovyi Krym*. Moscow, Leningrad, Nauka Publ., 1964, 183 p.

Сейдалиев Э. И.

«Гекатонтархи» в Мангупских строительных надписях XIV в.:

золотоордынский экскурс

Резюме

В конце XIX — начале XX вв. при исследовании средневекового городища Мангуп были обнаружены две строительные надписи с именами «гекатонтархов-сотников» Хуйтани и Чичикия, относящиеся в XIV в. Особенности терминологии, использованной в эпиграфике средневекового Феодоро, имена фигурантов эпиграфических материалов, вызвали достаточно бурные научные прения в специальной литературе, продолжающиеся до сих пор. Особенно актуальны обе находки стали в связи с новейшими археологическими материалами золотоордынского времени из раскопок Мангупского городища. Оба должностных лица названы в строительных надписях — «гекатонтархами» (сотниками), или, по мнению некоторых исследователей, Хуйтани — «турмархом» (тысячником). В соответствии с традиционным делением византийской армии — гекатонтарх — командующий сотней. В системе золотоордынского военно-административного управления так же использовалась десятичная система, в которой выделяются беки: «десятник», «сотник» и «тысячник». Наличие на территории Мангупского городища вещей относящихся к золотоордынскому культурному кругу, а так же упоминание в строительных надписях имени ордынского хана, свидетельствует о включении территорий княжества Феодоро, в XIV в. в состав крымского юрта Улуса Джучи. Связь Феодоро с Трапезундом в XIV в. сохранялась в основном в области церковных отношений. Хуйтани и Чичикий мангупских строительных надписей являлись наместниками (беками) на службе у ордынской администрации Крымского юрта. Терминология, которая используется в надписях — греческая, имена персонажей, чьи титулы упоминаются в надписях — тюркского происхождения. В то же время, десятичная система административных должностей-титулов фигурантов мангупских надписей является производной от традиционной тюрко-монгольской военно-административной системы. Сведения о гекатонтархах-сотниках мангупских строительных надписей дополняют ряд фактов в пользу гипотезы о выделении «особого золотоордынского периода в истории городища».

Ключевые слова: Мангуп, Феодоро, Улус Джучи, гекатонтарх, сотник, эпиграфика.

Seidaliev E. I.

The "Hekatontarchoi" of the Fourteenth-Century Building Inscriptions from Mangup:

A Golden Horde Insight

Resume

The late nineteenth and early twentieth centuries, researches of the mediaeval city of Mangup discovered two building inscriptions dating to the fourteenth century and uncovering the names of "hekatontarchoi" ("hundreders") Chouitanes and Tzitzikios. Terminological features of the mediaeval Theodoro epigraphy and the names occurring in the epigraphic materials gave raise to rapid scholarly debates continuing to this day. The two finds became particularly topical after recent archaeological discoveries of the materials from the Golden Horde Period occurring in Mangup. These building inscriptions call both officials "hekatontarchoi," that is "hundreder," or, according to some researches, Chouitanes was titled "tourmarchos" ("thousander"). Traditional division of the Byzantine army makes the hekatontarchos the commander of one hundred men. The system of the Golden Horde military and administrative administration also used the decimal system, particularly having the beks: the "tener," "hundreder," and "thousander." The presence of the finds related to the Golden Horde cultural circle on the territory of the Mangup fortress, as well as the mention of the name of the Horde Khan in the building inscriptions indicates that the territories of the Theodoro principality were included into the Crimean Yurt of the Jochid Ulus in the fourteenth century. Theodoro's connection with Trebizond in the fourteenth century was mainly church relations. Chouitanes and Tzitzikios of the Mangup building inscriptions were governors (beks) of the Golden Horde administration of the Crimean Yurt. The terminology used in the inscriptions is Greek, though the names of persons titled in the inscriptions are of Turkic origin. At the same time, the decimal system of administrative positions (titles) of the Mangup inscriptions is a derivative of the traditional Turk-Mongolian military and administrative system. The account of the hekatontarchoi (hundreders) of Mangup building inscriptions supports to the hypothesis of the "specific Golden Horde period in the history of the fortress."

Keywords: Mangup, Theodoro, Jochid Ulus, hekatontarchos, hundreder, epigraphy.

Т. М. КАЛИНИНА

АРАБСКИЕ ПИСАТЕЛИ О ГОРОДАХ КРЫМА
ЗОЛОТООРДЫНСКОГО ПЕРИОДА

Города Крыма до нашествия монголов на полуостров были малоизвестны арабским средневековым писателям, поскольку эти земли находились под влиянием Византийской империи [9, с. 195-197]. В XII-XIV вв. в арабских источниках, в связи с изменением политической ситуации, стали чаще упоминать приморские, а иногда и внутренние центры Крыма и сопредельных территорий. Чаще других упоминался Судак, реже Кафа, Херсон (*Сару-Кермен*), Керчь (*Карш*), Старый Крым (*Сулгат* или *Кирум*), еще реже Чуфут-Кале (*Кырк-Йери*), Тмутаракань (*Матраха*), Азов (*Азак*) и Белгород Днестровский (*Акджа-Керман*). Совсем нет данных о таких крупных центрах внутренней части полуострова, как Мангуп, Эски-Кермен, Бакла и др.

Часть городов приведена арабами в географических описаниях или при изложении периплов, другая — в рассказах о политических событиях в Крыму после появления там монголов и создания улуса Золотой Орды. По такой схеме ниже будет показана информация тех авторов, кто оставил сведения об этих крымских городах.

К числу особенностей средневековой арабской литературы относится то обстоятельство, что авторы часто пользовались информацией своих предшественников, не называя их имен, или используя их материалы с изменениями и дополнениями, не поставив в известность об этом читателя [18, с. 75]. Таким образом, и географы, и историки XII-XVII вв. включали в свои сочинения свидетельства писателей гораздо более раннего времени, что иной раз вводит современных исследователей в заблуждение. Поэтому уже известные материалы, не претендуя на полный их охват, я привожу здесь для того, чтобы была понятна связь ранних и поздних сведений о городах Крыма.

Информация ряда мусульманских авторов, упоминавших крымские города (ал-Идриси, Ибн Са'ид, Абу-л-Фида'), была сравнительно недавно тщательно исследована и опубликована [12; 13; 14]. Поэтому здесь я лишь вкратце коснусь этих материалов, чтобы картина была более или менее полной.

Ал-Идриси (1100-1165), знаменитый арабский географ, был единственным автором, жившим до начала вторжения монголов в Северное Причерноморье, кто упоминал причерноморские города. В своем труде «Отрада страстно желающего пересечь мир» он использовал информацию из книг более ранних арабских географов, документальные материалы, расспросные сведения и, что наиболее важно, навигационные данные морских лоций. Часть маршрута в описании пути от Константинополя до города *Матраха* (Таматарха = Тмутаракань) на северном берегу Черного моря в его изложении выглядит следующим образом: «от реки Днестр (*Данастан*) до *Кувла*?) — 50 миль, затем до Олешья (*Мулиса*) — 50 миль. Олешье (*Мулиса*) — в устье реки Днепр. От устья (этой реки) до Олешья (*Улиски* — другое имя Олешья) — одна миля, а затем до Херсона (*Карсуна*) — без малого день морского плавания, что составляет 80 миль. От Херсона (*Карсуны*) до Ялты (*Джалита*) — 30 миль» [23, р. 909]. Кроме этих городов, ал-Идриси упоминал Керчь (*Русийа*), Гурзуф (*Гурзуби*), Партенит (*Бар-*

танити), Ламбат (*Лабада*), Алушту (*Шалуста*), Судак (*Султатийа*), Бутар (*Феодосия*) [4, с. 70; 14, с. 59, 60, 61, 115, 116, 119, 121, 124]. Ал-Идриси показал совершенно реальные данные о морском пути от одного северопричерноморского города к другому. Этот автор последним привел близкое к древнему название Херсона — *Карсуна*.

Названия городов, приведенные ал-Идриси, не встречаются в более поздних арабских сочинениях, за исключением города *Русийа*. Однако Черное и Азовское моря именуются так же, как у ал-Идриси: *бахр Нитаиш*, *бахр Манитаиш*, *бахр ал-Хазар*. Арабские географы и до ал-Идриси именовали море *Понт* — *Бунтус*; с искаженными диакритическими знаками и буквами название превратилось в *Нитаиш*. Античное название Азовского моря — *Меотис* у некоторых арабских географов сохранилось как *бахр Майутис* или *Майтас* и превратилось затем в *Манитаиш*. Название *бахр ал-Хазар* для Черного моря восходит к информации из «Книги путей и стран» (*Китаб ал-масалик ва-л-мамалик*) ученого IX в. Ибн Хордадбега, который, вероятно всего, позаимствовал его из несохранившейся книги о Византии и других близких странах Муслима Абу Муслима ал-Джарми. Последний оказался в плену в Византии и был выкуплен в 845 г. Названием *море ал-Хазар* пользовались, возможно, опираясь на книги Ибн Хордадбега, Кудамы ибн Джа'фара (X в.), иногда, тоже по книжным сведениям, энциклопедист ал-Мас'уди (X в.), астроном и географ ал-Баттани (X в.) и др. Другие географы употребляли это имя только для Каспийского моря [1, с. 367].

Йакут (около 1178-1229 гг.) был пленником купца, занимавшегося переписыванием книг и их продажей. После смерти своего хозяина, Йакут стал свободным и продолжил его деятельность. Он много путешествовал и записывал сведения об увиденном [29, S. 397-493]. После работы в книгохранилищах Мерва, Балха и Хорезма составил в 20-х годах XIII в. «Словарь стран» (*Му'джам ал-булдан*), который представлял собой алфавитный перечень наименований разных географических объектов [15, с. 334-336]. Большая часть материалов «Словаря стран», включавшего около 16000 статей, принадлежала жившим до Йакута ученым и литераторам, однако в словарь вошла и собранная им самим информация. В словаре Йакута встречается информация и о некоторых причерноморских городах: «*Атрабзунда* — это один из известных городов Византии на восточном побережье моря *Кустантинийи*, а оно (также) известно как море *Понт*. Этот город расположен у горы *ал-Кабк*, отрезанный морем. Город возвышается над морем, окруженный водой, как бы сплошным рвом. И есть мост на случай, если враги станут осаждать город. И у него обширные пригороды. Напротив него (находится) город *Карасинда*, на западном побережье этого моря. Большинство его населения — это монахи. Он (является) провинцией *Кустантинийи*, а вся его область — это скалистые горы» [24, S. 306-307]. Йакут использовал данные географов IX-X вв., но именно эта информация о Херсоне, как и форма его имени — *Карасинда*, нигде не встречалась ранее. Черное море здесь именуется морем *ал-Кустантинийи*; Йакут специально подчеркивал, что это и есть море *Понт* (*Бунтус*). В остальном им были использованы обычные для арабских географов формы названий: *Атрабзунда* — Трапезунд, гора *Кабк* — Кавказ, *ар-Рум* — Византия, *ал-Кустантинийа* — Константинополь.

Сочинение Йакута написано в 1222-1224 гг., уже после распада Византийской империи в результате событий IV Крестового похода. Поскольку данные о Херсоне автор вставил в раздел о Трапезунде, возможно, он знал о произошедшем подчинении этого города Трапезундской империи. Здесь имя Херсона еще близко своему древнейшему наименованию.

В «Словаре» Йакута также упомянута Керчь (*Карш*), расположенная между городами *Кафйа* и Азовом (*Азак*), но никаких других подробностей о ней не приводится [24, S. 28].

Ибн Са'ид ал-Магриби, полное имя которого Абу-л-Хасан ибн Са'ид ал-Гарнати (около 1214-1274 гг. или 1286 г.), родившийся близ Гранады и обучавшийся в Севилье, «искал науки» в долгих путешествиях по странам Ближнего Востока и Средней Азии [30, S. 136; 15, с. 352-358; 26, р. 926; 13, с. 7]. Он написал несколько сочинений исторического и географического характера. Его географический труд «Книга географии о семи климатах» (*Китаб джуграфийа фи-л-акалим ас-саб'а*) датируется примерно 1250 г. Он сохранился в двух редакциях XIV в.; вторая редакция называется «Книга распространения Земли по долготы и широты» (*Китаб баст ал-'ард фи-т-тул ва-л-'ард*). Относительно даты написания сочинения Ибн Са'ида и его назначения в историографии нет единого мнения. Одни считают обе редакции книги единым трудом в двух разных редакциях, другие предполагают, что это были все-таки два различных сочинения.

Данные о Восточной Европе у Ибн Са'ида неоднократно анализировались специалистами. Установлено, что основным источником информации для нашего автора были сочинения ал-Идриси и принятая им схема деления Земли на семь климатов и десять секций [2, с. 103-113; 15, с. 355-356; 14, с. 9-12]. Имеется также описание земель к северу от семи климатов — *иклим* (мн. ч. *акалим*). Арабы, как известно, климатами называли семь широтных зон, на которые делили обитаемую Землю. Подобное добавочное выделение области к северу от седьмого климата наблюдалось весьма давно, начиная с труда ал-Фергани (IX в.) [3, с. 130]. Однако, Ибн Са'ид ал-Магриби не повторил географическую номенклатуру ал-Фергани, у него это лишь дань теории. В реальности, наш автор часто пользовался сведениями ал-Идриси, но перерабатывал их в соответствии со своими принципами построения материала [14, с. 11].

В главе о землях, находящихся к северу от «семи климатов», в четвертой секции, Ибн Са'ид упомянул город Судак, как находившийся на берегу моря *Нитаиш*. Впервые в арабской литературе он назвал город тюркским именем, известным в других источниках как Султанатия, Сугдайя, Солдайя, Сурож. По нему, населяли город люди разных национальностей и верований, с преобладанием христиан [13, с. 93; 14, с. 30, 58, 59]. У Ибн Са'ида упомянут город Матраха, в той же греческой форме, что и у ал-Идриси — Тмутаракань на восточном берегу Керченского пролива [14, с. 31, 32]. Есть данные о городе *Русийа*, в первый раз встреченные тоже в сочинении ал-Идриси. В книге Ибн Са'ида этот топоним является не реальным географическим объектом, а конструктом, появившимся благодаря использованию сведений ал-Идриси и умозаключениям самого автора [12, с. 95; 14, с. 63-64, прим. 14, 15].

Ибн Са'ид знал о соединении моря *Нитаиш* с Константинопольским проливом (*халиджем ал-Кустантинийа*), у него — Босфором, т. к. это был известный тогда торговый путь. Географы «классической школы» X в. ал-Истахри и Ибн Хаукал называли *халиджем ал-Кустантинийа* пролив, идущий от Средиземного моря на север, в Окружающий океан. Море Нитаиш называлось Ибн Са'идом также морем *Судака*, морем *Синуба* (т. е. Синоп), морем *ал-Кустантинийи*. Возможно, в последнем случае имеет место заимствование (от Йакута), хотя не исключено, что это имя стало уже привычным. Встречается также пелагоним море *ал-Хазар* [14, с. 71]. В ряде случаев, это наименование относилось и к Каспию, как у ал-Идриси [14, с. 27, 32, 46, прим. 19, с. 56, прим. 12]. Кроме того, Ибн Са'ид упоминал море *Манитаиш*, т. е. Меотис, соединявшееся с морем *Нитаиш*; иной раз *Манитаиш* назывался морем *ар-Рус*, т. е. русов [12, с. 93; 14, с. 30, 31, 60, 61, прим. 7, 11]. Ал-Мас'уди (первая половина X в.) считал, что по морю Понт (*Нитас*) плавают только русы и лишь некоторые другие народы [25, р. 262, 274], однако, его точка зрения не получила широкого распространения.

Сирийский эмир и ученый Абу-л-Фида' (1273-1331) в книге «Упорядочение стран» (*Таквим ал-булдан*) использовал как старую географическую номенклатуру по отношению к причерноморской территории, так и совсем новую. Этот автор участвовал и в походах против крестоносцев, и в военных сражениях под главенством мамлюкских султанов, занимался дипломатической деятельностью и участвовал в приемах послов, сопровождавших мамлюкского султана Египта ан-Насира (1285-1341) [15, с. 386-394]. Его кругозор, таким образом, был весьма широк, хотя, как было принято в арабской литературе, он в своей книге использовал и труды предшественников: Ибн Хордадбега (IX в.), Ибн Хаукала (X в.), ал-Бируни (XI в.), ал-Идриси (XII в.), Йакута (XIII в.) и др. [28, р. CDXLVII-CDXLIX; 14, с. 82-83]. Он завершил работу над книгой в 1321 г., но редактировал ее до самой своей кончины. Следуя за учеными прошлых веков, Абу-л-Фида' использовал классические названия Черного моря: *Нитаиш*, т. е. искаженный пелагоним *Бунтус — Понт*. Он употреблял также имена *бахр ал-Армини* [14, с. 110, прим. 38]. Морем Армянским (*ал-Армини*) называл Черное море еще в первой трети X в. Ибн Русте. Такой этноним относился в арабских средневековых сочинениях к армянам [3, с. 28]. Было высказано неподтвержденное пока предположение, что Ибн Русте имел в виду здесь море *ал-Урмани*, а не *ал-Армани*, т. е. «море норманнов» [10, с. 91], однако, информация Абу-л-Фиды опровергает эту гипотезу. Абу-л-Фида' подчеркивал, что в его время этот водный бассейн называется морем Черным (*бахр ал-Асвад*) и морем Крыма (*бахр ал-Кирым*); называл он и море *ал-Азак* — Азова, т. е. Азовское море [14, с. 108-111, 113, 114, 123, 124, 129-130, прим. 1, с. 130-131, прим. 2, 3, 4, 5].

Другим источником сведений о Черном море и его прибрежных городах были для Абу-л-Фиды' сообщения современников — египетских послов и путешественников, а также купцов, следовавших через Крым в Золотую Орду. Именно от них автор получал известия о политическом положении в Золотой Орде, как и сведения о северном побережье моря. Менее подробно им описано южное побережье и очень мало известий имеется о восточном и западном побережье Черного моря [14, с. 84, 88, 131, прим. 4].

Абу-л-Фида' пользовался только тюркскими названиями городов Крыма в арабской передаче: *ал-Карш* (Керчь), *Кафа* (Феодосия), *Сулгат* (Старый Крым), *Судак*, *Сару Карман*, т. е. «желтая крепость» — новое название для Херсона. Говоря о названии *Кирым*, Абу-л-Фида' уточняет, что так может называться иногда и *Сулгат* [14, с. 114, 144, прим. 4, 5]. О *Сару Кармане* ученый сообщает, что этот город находится на западном побережье моря *Нитаиш*, известного «в наше время *бахр ал-Кирым* и *бахр ал-Асвад* (т. е. море Крыма и Черное море) на выступе суши, напротив города *Синуб* (т. е. Синоп), лежащего, в свою очередь, на восточном побережье, тоже на мысе суши» [14, с. 110]. Этот материал напоминает сведения Йакута о *Сару Кармане* (см. выше). Упомянуто также, что река *Аззу* (Днепр) «впадает в залив моря *ал-Кирым*» между *Сару Карманом* и *Акджа Карманом* (Аккерманом=Белгород Днестровский), т. е. речь идет о нижнем Поднепровье, которое входило в состав улуса Джучи [14, с. 140-141, прим. 13, 15, 17, с. 153, прим. 1].

В «Рассказе о северной части земли, охватывающей страны франков, турок и других (народов)», Абу-л-Фида' упоминал, что по направлению к западу от трех городов — *Сулгата*, *Судака* и *Кафы* — лежит город *Сару Карман*, между ним и *Судаком* около 5 дней пути [14, с. 115]. О городе *Киркри* (или *Кырк-Ер*, впоследствии Чуфут-Кале) [об этом названии см.: 5, с. 131-142] говорится, что он находился к северу от города *Сару Карман* на расстоянии около одного дня пути [14, с. 121, 155, прим. 1].

Для причерноморских городов Абу-л-Фида' создал таблицы с данными географических координат для *Акджа-Кермана*, *Сару-Кермана*, *Киркри*, *Судака*, *Сулгата*, *ал-Кафы*, *ал-Карша*, *ал-Азака* [14, с. 120-124, 144, прим. 8; о самих городах см. там же на с. 155-160]. Координатные данные этих и других городов были взяты нашим автором из различных источников — распросных данных и астрономических таблиц [14, с. 144, прим. 8]. Относиться к ним с доверием нельзя, поэтому здесь эти данные не приводятся.

Таким образом, применяя материалы старых источников, Абу-л-Фида' перерабатывал их информацию в соответствии с полученными новыми знаниями.

Сведения Абу-л-Фида' о причерноморских городах повторил, построив, однако, изложение по-своему, египетский ученый Шихаб ад-дин ал-Калкашанди (1355-1418) в книге «Заря для подслеповатого в искусстве писания» (*Субх ал-аша фи си-наат ал-инша*) [о нем см.: 15, с. 415; 19, р. 509-510, 511; 6, с. 42-43]. 14 томов этого труда были написаны в период 1389-1418 гг. Создавая фактически инструкцию для секретарей и писцов, автор сообщил множество данных о Египте, Сирии и тех государствах, с которыми эти страны имели политические и административные связи, в том числе с Крымом, поскольку Египет эпохи мамлюков со времен образования Золотой Орды тесно контактировал с ним [6, с. 43]. Обширный труд ал-Калкашанди содержал большое количество разнообразных географических сведений. Этот автор активно пользовался многими старыми источниками, поэтому в целом его книга — это «компиляция широкого размаха, достойная всяческого уважения и, в известной мере, единственная в своем роде» [15, с. 415]. В отличие от многих ранних арабских ученых, ал-Калкашанди указывал источники своей информации, такие как Ибн Са'ид ал-Магриби и Абу-л-Фида', хотя не всегда точно передавал их данные.

Крым отнесен ал-Калкашанди к четвертому округу Золотой Орды. Говоря о *Сулгате*, он отметил, что название *Кирым* приложимо только к *Сулгату* [6, с. 72], в то время как Абу-л-Фида' писал, что *Кирым* может быть и названием области [14, с. 114, 122]. Относительно *Кирима* ал-Калкашанди отмечал также, что он находится на северо-западе от *Кафы* и на северо-востоке от *Судака*, и в нем живет правитель, который состоит в переписке с властителем Египта, чего нет в книге Абу-л-Фида' [6, с. 72]. Наш автор отметил, что данные о *Судаке* взяты им из книг Ибн Са'ида и Абу-л-Фида', а последний, в свою очередь, ссылаясь на известия Ибн Са'ида [14, с. 122; 6, с. 73]. Данные, действительно, схожи, хотя и не аналогичны. Есть замечание, что «народ говорит *Сурдак*», заменяя некоторые буквы, приводится, по-видимому, и оригинальное известие о том, что из города «происходит известная сурдакская кожа» [6, с. 73]. Назван город *Кафа*, информация о котором полностью восходит к данным Абу-л-Фида' [6, с. 73].

В пятом округе, который у ал-Калкашанди назван как «край *Азака*» (т. е. Азова), столицей считается город *Азак*, сведения о котором в целом совпадают с данными Абу-л-Фида' [6, с. 52, 73]. Интересна заметка автора: «Там (т. е. в книге Абу-л-Фида' — *Т. К.*) говорится: к нему (т. е. имени города — *Т. К.*) восходит (название) моря ал-*Азак*, известного в древних книгах под именем море *Маниташи* [6, с. 73; редакция перевода — *Т. К.*]. Однако Абу-л-Фида' отмечал, что «в древних книгах» речь шла о море *Ниташи* — Черном (ал-*Асвад*) море или море ал-*Кирым*, а не о море *Маниташи* [14, с. 108, 110]. Сообщается также о городе ал-*Карши*.

В седьмом округе, стране Булгар, ал-Калкашанди разместил город *Сары-Кермен* (так огласован текст в сочинении [см.: 6, с. 53, 76]). Однако, информация о местонахождении города в округе *Булгар* и седьмом «климате», сведения о положении напротив города Синопа с «другой стороны» моря, огласовки названия, данные о

том, что этот город меньше *Акджа-Кермана* (Белгород Днестровский), сведения о расстояниях (*Сарукерман* находится на восток от *Акджа Кермана*, между ними 15 дней пути, а между *Солхатом* и ним — около 5 дней пути) — все эти данные восходят к книге Абу-л-Фида' [6, с. 76].

В девятом округе, в стране Асов, ал-Калкашанди называет столицей город *Кырк-Ер* (Чуфут-Кале), но при этом реальные сведения о нем (расположение на труднодоступной горе) повторяют информацию Абу-л-Фида' [6, с. 78].

По-видимому, оригинальной информацией самого ал-Калкашанди явилось сообщение о возвращении каирских послов домой через Солхат и Кафу, где послы уплатили 500 дирхемов за право проезда, после бегства Тимура [5, с. 41].

Таким образом, большая часть данных ал-Калкашанди о городах Крыма восходит к книге Абу-л-Фида', как об этом говорил и сам автор [6, с. 52].

Ибн Баттута (1304-1377), знаменитый путешественник, о юных годах которого почти ничего не известно, как правоверный мусульманин, стремился совершить хадж, однако маршрут его оказался гораздо более протяженным. Начав свой путь из Танжера, он в течение 25 лет посетил все основные известные местности Азии и Африки по морю и по суше [27; 15, с. 417-420]. В своем многотомном труде «Подарок созерцающим о диких городах и чудесах странствий» (*Тухфат ан-нуззар фи гара'иб ал-амсар ва'аджа'иб ал-асфар*) он упоминал некоторые города Крыма.

Так, из Синопы Ибн Баттута намеревался переправиться через море и посмотреть город *Кирым*. Из-за неблагоприятной погоды и шторма путники добрались до Керчи (ал-*Карши*) [27, р. 354-355]. Далее, по степи *Деит-и Кифджях* путешественники прибыли в большой город ал-*Кафа* (Феодосия), располагавшийся вдоль морского берега. Остановившись в мечети, люди насторожились из-за неслыханного доселе колокольного звона христианских церквей; бывший там мусульманский кади успокоил их, указав на значение этого явления. Город был населен христианами, по большей части генуэзцами, подчинявшимися эмиру Эльдемедиру (В. Тизенгаузен предполагал здесь имя Деметрио). Ибн Баттута отметил просторную гавань Кафы, где могли остановиться до 220 военных и грузовых судов [27, р. 356-358]. Из гавани Кафы Ибн Баттута со спутниками съездил и осмотрел город *Кирым*, отметив его красоту и крупные размеры [27, р. 359-360]. Далее путь странников лежал по степи на арбах (*араба*). Привал был сделан в местности *Саджжан* (?). Затем, переправившись через две большие реки, караван прибыл в город *Азак* (Азов), с красивыми постройками, куда прибывали генуэзцы и другие купцы для торговых сделок. Приезжих принимал и устраивал шейх, ведавший постоялым двором, где три дня можно было жить бесплатно [7, с. 148, прим. 6]. Ибн Баттута рассказал о пышном приеме, который устроил в его честь эмир Азова [27, р. 366-368]. Отъезжал он в Константинополь из *Судака* (*Сурдак* или *Судак*), который описан Ибн Баттутой как лежащий на берегу моря, с одной из лучших, крупных гаваней, окруженный садами и водами. Население — турки, под их покровительством — византийцы-ремесленники. Наш автор рассказал, что ранее этот город был еще больше и красивее, но его разорила война между византийцами и тюрками [27, р. 414]. Вероятно, имеются в виду нападения и разорения монголо-татарами города в 30-х гг. XIII в., в результате которых Судак стал подчиняться властям Золотой Орды. Путешественник также упомянул, что за городом, недалеко, есть христианский монастырь, где обитает некий подвижник. Ибн Баттута не захотел с ним встретиться, о чем позднее пожалел. Также в *Судаке* была построена соборная мечеть ал-Маликом ан-Насиром (1294-1295, 1299-1309 и 1309-1340) [27, р. 360].

Таковы сведения арабских географов и путешественников, передавших информацию землеописательного характера о городах Крыма. О них также упоминают араб-

ские историки в связи с описанием набегов монголов на полуостров и политическими связями Крыма с другими государствами. Такие свидетельства, со ссылками, главным образом, на сборник В. Тизенгаузена, приведены у многих специалистов, занимавшихся историей Крыма (см. работы В. Д. Смирнова, Б. Д. Грекова, А. Ю. Якубовского, А. Л. Якобсона, А. П. Григорьева и других). Однако современная ревизия этих данных, собранных в хронологическом порядке, кажется мне небесполезной.

Ибн ал-Асир (1160-1233/34), родившийся в г. Джазира на р. Тигр, учился в культурных центрах Мосула и Багдада, много путешествовал, побывав в Сирии, Палестине, Аравии. В 1188 г. он принял участие в битвах Салах ад-Дина с крестоносцами. В преклонные годы занимался науками в Мосуле и написал «Всеобщую историю», доведя свое изложение до 1231 г.

Ибн ал-Асир сообщает о набеге на Судак монгольских полководцев Джебе и Субэдея в 1223 г. Это было первое появление войск монголов в Крыму. Ибн ал-Асир писал, что Судак — город кипчаков, лежащий на морском берегу, порт, куда прибывают корабли с товарами — невольниками и девушками, буртасскими мехами, шкурками бобров, белок. Автор называет море, на берегу которого находился Судак, морем *ал-Хазар*, т. е. использует старое название, восходящее к сочинениям арабских географов IX-X вв. Последние уже знали, что морем *ал-Хазар* называлось не только Черное море, но и Каспийское, хотя некоторые из них безоговорочно относили это наименование только к Каспийскому морю (см. выше). Однако, для Ибн ал-Асира море *ал-Хазар* — это Понт, соединявшийся с Константинопольским проливом. Он отмечает, что после набег 1223 г. население Судака бежало от захватчиков: одни — в горы, другие — на территорию Иконийского султаната (*балад ар-Рум*), в котором правили сельджукские султаны [21, р. 253].

Мухий ад-Дин ибн 'Абд аз-Захир (1223-1292) был секретарем и биографом знаменитого султана Бейбарса ибн 'Абд аз-Захира (правил в 1260-1277 гг.). В хронике «Цветущий сад жизнеописания ал-Малика аз-Захира» (*Ар-Райд аз-Захир фи сират ал-Малик аз-Захир*) он упомянул об обмене посольствами между монгольским ханом Берке и византийским императором Ласкарисом в начале 60-х гг. XIII в. Нужно сказать, что даты правления никейских императоров династии Ласкарисов здесь явно не совпадают: Феодор I Ласкарис находился на престоле в 1204-1222 гг., Феодор II Ласкарис — в 1254-1258 гг. В. Тизенгаузен в свое время предположил, что именем этой династии арабские авторы называли вначале Михаила I Палеолога, а затем и других императоров из этой фамилии [17, с. 63; 7, с. 46, прим. 2]. 'Абд аз-Захир упомянул путь послов: из Стамбула в *Дафнисийу*, это — «побережье Судака со стороны Ласкариса». Затем они переплыли море (переезд этот занимал от 10 до 2 дней при попутном ветре). Потом послы поднялись на гору, известную по названию города Судака. Здесь встретил их правитель этого края в местечке (*карийа*) *Кирум*, которое населяли кипчаки, русские и аланы. От побережья до этой деревни путь занял один день. Из *Кирума* в течение одного дня доехали до степи, где застали военачальника, управлявшего десяти тысячами всадников [17, с. 63; 8, с. 215].

Эту информацию повторяли и более поздние историки. Так, ал-Муфаддал ибн Абу-л-Фада'ил, коптский историк XIV в., в книге «Прямой путь и единственная жемчужина в том, что случилось после летописи Ибн Амида» (*Ан-Нахдж ас-садида-д-дур ал-фарид фи-ма бад Тарих Ибн Амид*), написанной в 1358 г., повторил эти данные, сославшись на Ибн Захира. Он назвал местечко, до которого послы добрались из Стамбула, *Дакситой* [17, с. 192].

Крымские земли и города были упомянуты также Рукн ад-Дином Бейбарсом (ум. 1325; его нельзя путать со знаменитым султаном, убитым в 1277 г.). Он был

приближенным мамлюкских султанов Египта Калавуна (1279-1290) и ан-Насира и написал «Летопись» или «Сливки размышлений по части летописания хиджры» (*Зубдат ал-фикра фи тарих ал-хиджра*). Там он рассказал о разорении Ногаем (1235 или 1240-1300) городов Крыма. Внук Ногай Актанджи прибыл в 1299 г. в Кафу, принадлежавшую тогда генуэзским франкам, за данью. Но жители, которым тяжело давались поборы, убили его. Тогда прибывшее войско Ногай «огранило» (город Кафу), убило множество крымцев, взяло в плен находившихся в нем купцов мусульманских, аланских, франкских, захватило имущество их и ограбило *Сарукерман* (Херсон), *Кырк-Иери* (Чуфут-Кале), *Кардж* (Керчь)» [17, с. 111-112].

Упомянутый уже ал-Муфаддал сообщил также, со слов купцов из Судака, о взятии Ногаем города в этом же 1299 г. Однако причиной погрома он назвал недовольство не Ногай, а Токтая дележом доходов [17, с. 195]. В. Тизенгаузен предположил, что автор здесь спутал имена двух правителей [17, с. 195, прим. 1]. Тот же ал-Муфаддал подтвердил, что избиение жителей Судака произвел сам Ногай, который позднее, в результате сражения с Токтой, стал властвовать «над всем царством» [17, с. 196].

Ан-Нувайри (1279-1332), египтянин, близкий по должностям и военной деятельности султану ан-Насиру (1299-1341, с перерывами), посвятил биографии последнего большой труд — «Предел желаний относительно дисциплин адаба» (*Нихайат ал-араб фи фунун ал-адаб*). В нем он написал о разгроме в 1307/08 гг. *ал-Кирума* и Кафы по приказу хана Токты, чтобы отомстить генуэзцам, которые посмели продавать в рабство «татарских» детей [17, с. 162].

Ал-'Умари (1301-1349) также был связан с административной деятельностью при канцелярии ан-Насира. Его перу принадлежали несколько сочинений, стихотворения, а также энциклопедия «Пути взоров по государствам крупных центров» (*Масалик ал-абсар фи мамалик ал-амсар*). Во второй части энциклопедии имеется информация, полученная от некоего купца, который рассказал «почтенному Хасану Элирбили», а тот передал эти сведения ал-'Умари, что в границы «царства кипчакского» входили, кроме азиатских стран и городов, также Азов (*Азак*), Белгород Днестровский (*Акчакерман*), Кафа, Судак. И далее перечисляются города и области Поволжья и Сибири [17, с. 236].

Таким образом, арабские географы и историки сохранили довольно разнообразную информацию о городах Крыма в XII-XIV вв. Они писали, зачастую повторяя друг друга. Не исключено, что краткие известия сохранились и в других источниках, которые требуют внимательного просмотра.

Появление упоминаний городов Крыма в арабских средневековых сочинениях свидетельствует о значительной роли прибрежных городских центров полуострова в политической жизни Египта, Византии и Золотой Орды. Названия городов внутренних областей Крыма встречаются гораздо реже. К примеру, такой крупный политический и культурный центр региона, как Мангуп, остался совершенно неизвестным арабским писателям.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бартольд В. В. Бахр ал-хазар // Бартольд В. В. Сочинения. М., 1965. Т. III. С. 367.
2. Бартольд В. В. География Ибн Са'ида // Бартольд В. В. Сочинения. М., 1973. Т. VIII. С. 103-113.
3. Бейлис В. М. Сведения о Черном море в сочинениях арабских географов IX-X вв. // Ближний и Средний Восток. М., 1962. С. 21-28.
4. Бейлис В. М. Ал-Идриси о портах Черноморского побережья и связях между ними // Торговля и мореплавание в бассейне Черного моря в древности и средние века. Ростов-на-Дону, 1988. С. 67-76.

5. Григорьев А. П. Историческая география Золотой Орды: местоположение городов и их наименования // Тюркологический сборник. 2006. М., 2007. С. 117-168.
6. Григорьев А. П., Фролова О. Б. Географическое описание Золотой Орды в энциклопедии ал-Калкашанди // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки. СПб., 1999. Вып. XVIII.
7. Золотая Орда в источниках. Том первый. Арабские и персидские сочинения, относящиеся к истории Золотой Орды, в переводах В. Г. Тизенгаузена. Часть I. Извлечения из сочинений арабских / Составление, вводная статья и комментарии Р. П. Храпачевского. М., 2003.
8. Ибн 'Абд аз-Захир ар-Рауд аз-Захир фи Сират ал-Малик аз-Захир та'лиф ал-кади Мухий ад-дин ибн 'Абд аз-Захир. 1223-1292 / 620-692. Ар-Рийад, (б. г.).
9. Калинина Т. М. Сведения ранних ученых Арабского халифата. М., 1988.
10. Калинина Т. М. Водные пространства севера Европы в трудах арабских ученых IX-XII вв. // Восточная Европа в исторической ретроспективе: К 80-летию В. Т. Пашуто. М., 1999. С. 84-99.
11. Калинина Т. М. Херсон в арабской географической литературе // Нартекс. Byzantina Ukrainensis. Т. 2. 'Ρωμαϊος: сборник статей к 60-летию проф. С. Б. Сорочана. Харьков, 2013. С. 188-205.
12. Коновалова И. Г. Северное Причерноморье в арабской географии XIII-XIV вв. // Вопросы истории. 2005. № 1. С. 93-104.
13. Коновалова И. Г. Ал-Идриси о странах и народах Восточной Европы. Текст, перевод, комментарий. М., 2006.
14. Коновалова И. Г. Восточная Европа в сочинениях арабских географов XIII-XIV вв. Текст, перевод, комментарий. М., 2009.
15. Крачковский И. Ю. Арабская географическая литература // Крачковский И. Ю. Избранные сочинения. Т. IV. М.; Л., 1957.
16. Поляк А. Н. Новые арабские материалы позднего средневековья о Восточной и Центральной Европе // Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы. М., 1964.
17. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, В. Тизенгаузена. Т. I. Извлечения из сочинений арабских. СПб., 1884.
18. Халидов А. Б. Арабские рукописи и арабская рукописная традиция. М., 1985.
19. Bosworth C. E. al-Kalkashandi // Encyclopaedia of Islam. Leiden, 1997. Vol. IV. P. 509-511.
20. Heer F. J. Die historischen und geographischen Quellen in Jaqut's Geographischen Wörterbuch. Straßburg, 1898.
21. Ibn al-Athiri Chhronicon quod perfectissimum inscribitur / Ed. C. J. Tornberg. Lugduni Batavorum, 1874. T. XII.
22. Ibn Sa'id al-Magribi. Libro de la extensión de la tierra en longitude y latitude / Ed. J. Vernet Gines. Tetuan, 1958.
23. al-Idrisi Opus geographicum sive «Liber ad eorum delectationem qui terras peragrarare studeant». Consilio et auctoritate E. Cerulli, F. Gabrieli ... una cum aliis ediderunt A. Bombaci; U. Rizzitano ... Napoli; Romae, 1978. Fasc. 8.
24. Jacut's geographisches Wörterbuch... / Hrsg. von F. Wüstenfeld. Leipzig, 1866, 1873. Bd. I, V.
25. Maçoudi. Les Prairies d'or / Texte et traduction par C. Barbier de Meynard et Pavet de Courteille. Paris, 1861, 1863. T. I, II.
26. Pellat Ch. Ibn Sa'id al-Maghribi // Encyclopaedia of Islam. Liden, London, 1986. Vol. III. P. 926.
27. Voyage d'Ibn Batoutah, texte arabe, accompagné d'une traduction par C. Defrémery et le Dr B. R. Sanguinetti. Paris, 1854. T. II.
28. Reinaud J. Geographie d'Aboulféda. T. I. Paris, 1848.
29. Wüstenfeld F. Jakut's Reisen, aus seinem geographischen Wörterbuche beschrieben // Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft. 1864. Bd. XVIII. S. 397-493.
30. Wüstenfeld F. Die Geschichtschreiber der Araber und ihre Werke. Wien, 1882. [Электронный ресурс]. URL: <https://archive.org/details/diegeschichtsch01wsuoft>.

REFERENCES

1. Bartol'd V. V. Bahr al-hazar. *Bartol'd V. V. Sochinenija*, Moscow, 1965, T. III, pp. 367.
2. Bartol'd V. V. Geografija Ibn Sa'ida. *Bartol'd V. V. Sochinenija*, Moscow, 1973, T. VIII, pp. 103-113.
3. Bejlis V. M. Svedehja o Chjornom more v sochinenijah arabских geografov IX-X vv. *Blizhnij i Srednij Vostok*, Moscow, 1962, pp. 21-28.
4. Beilis V. M. Al-Idrisi o portah Chjornomorskogo poberezhja i svjasjah mezhdu nimi. *Torgovlja i moreplavanie v bassejne Chjornogo morja v drevnosti i srednje veka*, Rostov-on-Don, 1988, pp. 67-76.
5. Grigorjev A. P. Istoricheskaja geographija Zolotoj Ordy: mestopolozhenije gorodov i ih naimenovanija. *Tjurkologicheskij sbornik*. 2006, Moscow, 2007, pp. 117-168.
6. Grigorjev A. P., Frolova O. B. Geographicheskoe opisanije Zolotoj Ordy v änciklopedii al-Kalkashandi. *Istoriografija i istochnikovedenije stran Azii i Afriki*, S-Petersburg, 1999, vol. XVIII.
7. Zolotaja Orda v istochnikah. Tom pervyi. *Arabskije i persidskije sochinenija, otnocjashiesja k istotiji Zolotoj Ordy, v perevodah V. G. Tizengauzena. Chast' I. Izvlechenija iz sochinenij arabских*. / Sostavlenije, vvodnaja statja i kommentarii R. P. Hrapachevskogo. Moscow, 2003.
8. Ibn 'Abd al-Zahir ar-Raud az-Zahir fi Sirat al-Malik az-Zahir ta'lif al-kadi Muhijj ad-din ibn 'Abd az-Zahir. 1223-1292/620-692. Al-Rijad, (b. g.).
9. Kalinina T. M. *Svedenija rannih uchjonih Arabskogo halifata*. M., 1988
10. Kalinina T. M. Vodnyje prostranstva severa Evropy v trudah arabских uchjonyh IX-X vv. *Vostochnaja Evropa v istoricheskoy retrospective: K 80-letiju V. T. Pashuto*, Moscow, 1999, pp. 84-99.
11. Kalinina T. M. Herson v arabской geographicheskoy literature. *Narteks. Byzantina Ukrainensis. T. 2. 'Ρωμαϊος: sbornik statej k 60-letiju S. B. Sorochana*, Harkov, 2013, pp. 188-205.
12. Konovalova I. G. Severnoje Prichernomorje v arabской geographii XIII-XIV vv. *Voprosy istorii*, 2005, No. 1, pp. 93-104.
13. Konovalova I. G. *Al-Idrisi o stranah i narodah Vostochnoj Evropy. Teksty, perevod, kommentarii*. Moscow, 2006.
14. Konovalova I. G. *Vostochnaja Evropa v sochinenijah arabских geografov XIII-XIV vv. Teksty, perevod, kommentarii*. Moscow, 2009.
15. Kratchkovskij I. Ju. *Arabskaja geographicheskaja literatura. Kratchkovskij I. Ju. Izbrannyje sochinenija*, T. IV, Moscow, 1957.
16. Poliak A. N. Novyje arabские materialy pozdnego srednevekovja o Vostochnoj i Central'noj Evropy // *Vostochnyje istochniki po istorii narodov Jugo-Vostochnoj i Central'noj Evropy*. M., 1964, pp. 29-66.
17. *Sbornik materialov, odnosjashihhsja k istorii Zolotoj Ordy. V. Tizengauzena. T. I. Izvlechenija iz sochinenij arabских*. S-Petersburg, 1884.
18. Halidov A. B. *Arabskije rukopisi i arabская rukopisnaja tradicija*. Moscow, 1985.
19. Bosworth C. E. al-Kalkashandi. *Encyclopaedia of Islam*, Leiden, 1997, vol. IV, pp. 509-511.
20. Heer F. J. *Die historischen und geographischen Quellen in Jaqut's Geographischen Wörterbuch*. Straßburg, 1898.
21. Tornberg C. J. (Ed.). *Ibn al-Athiri Chhronicon quod perfectissimum inscribitur*. Lugduni Batavorum, 1874. T. XII.
22. Vernet Gines J. (Ed.). *Ibn Sa'id al-Magribi. Libro de la extensión de la tierra en longitude y latitude*. Tetuan, 1958.
23. *al-Idrisi Opus geographicum sive «Liber ad eorum delectationem qui terras peragrarare studeant». Consilio et auctoritate E. Cerulli, F. Gabrieli ... una cum aliis ediderunt A. Bombaci; U. Rizzitano ... Napoli, Romae, 1978, Fasc. 8.*
24. Wüstenfeld F. (Ed.). *Jacut's geographisches Wörterbuch...* Bd. I, V. Leipzig, 1866, 1873.
25. Maçoudi. *Les Prairies d'or*. Paris, 1861, 1863, T. I, II.
26. Pellat Ch. Ibn Sa'id al-Maghribi. *Encyclopaedia of Islam*, Liden, London, 1986, vol. III, pp. 926.
27. *Voyage d'Ibn Batoutah, texte arabe, accompagné d'une traduction par C. Defrémery et le Dr B. R. Sanguinetti*. Paris, 1854, T. II.

28. Reinaud J. *Geographie d'Aboulféda*. Paris, 1848, T. I.
29. Wüstenfeld F. Jakut's Reisen, aus seinem geographischen Wörterbuche beschrieben. *Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft*, 1864, Bd. XVIII, pp. 397-493.
30. Wüstenfeld F. *Die Geschichtschreiber der Araber und ihre Werke*. Wien, 1882. URL: <https://archive.org/details/diegeschichtsch01wsuoft>.

Калинина Т. М.

Арабские писатели о городах Крыма золотоордынского периода

Резюме

Статья посвящена обзору арабских источников XII–XIV вв. о городах Крыма. Первая часть показывает географические описания и маршруты от одного крымского города до другого, сохранившиеся в сочинениях арабских авторов. Вторая часть статьи охватывает сведения арабских историков о положении городов, политических событиях и войнах, захвативших города Крыма.

Ключевые слова: арабские источники, Золотая Орда, города Крыма.

Kalinina T. M.

Arabic Writers on Crimean Cities and Towns in the Golden Horde Period

Summary

This article suggests a review of Arab sources from the twelfth to fourteenth centuries describing Crimean cities and towns. Its first part uncovers geographical accounts and the routes between Crimean cities and towns, preserved by the writings of Arabic authors. The second part of the article discusses Arabic historians' accounts of the location of cities and towns, political events and wars which concerned Crimean centres.

Keywords: Arabic sources, Golden Horde, Crimean cities and towns.

М. Г. КРАМАРОВСКИЙ

О ХРИСТИАНСКИХ КОНФЕССИЯХ СОЛХАТА В XIII–XIV ВВ.

(предварительное сообщение)

Принято считать, что последствия чингисидской глобализации в основном сказались на культуре исламских городских общин Дешт-и Кыпчак и ордынского Крыма. Это не совсем так. На примере анализа двух кенотафов XIV в., происходящих с территории Солхата, попытаемся в настоящих заметках показать предпосылки к формированию интегральной культуры христианской общины города. Оба надгробия принадлежат православно-византийской и несторианской традициям. Первое содержит греческую надпись, эпитафия второго высечена по-арабски; оба обнаружены вне связи с погребальными комплексами городища. Кратко остановимся также на выделении общих черт в культурах «исламского» Солхата и его партнеров по известной в письменных источниках союзной акции около 1362–1363 г. на Синих Водах — Мангупского и Кырк-Орского княжеств¹, традиционно принадлежащих к византийскому православию.

Несколько слов о Солхате и начальном этапе его истории. Солхат (Крым) — золотоордынский город XIII–XV вв., не имеющий ни античного, ни раннесредневекового прошлого. Город зарождается в безымянной долине на востоке Внутренней Крымской гряды у подножия горы Агармыш, за отрогами которой лежат степи Северо-Восточной Таврики. Уже само местоположение нового города на карте полуострова указывает на его коммуникативную функцию — быть связующим звеном между крымским предгорьем и северо-западом Дешт-и Кыпчак через степной коридор у Перекопского перешейка.

Логистика коммуникаций дает представление об административно-экономических функциях нового городского центра. Она состояла в организации контроля за прохождением торговых караванов, следующих из Северного Причерноморья в сторону ханского домена в Поволжье и дальше, через Ургенч, по направлению к Северному Китаю. При маршрутах в обратном направлении, из Северного Китая к ханскому домену и причалам Каффы и Судака, роль Солхата оставалась неизменной — таможенный контроль.

В своем становлении город прошел несколько ступеней. Догородскую стадию составили два этапа — период *почтового яма* и стадия существования Солхата как поселения деревенского типа («*қарйа*», арабск.). Временные границы этого отрезка определяются в рамках 1235–1275 гг.

Городской этап в истории Солхата начался с формирования местного рынка и чекана монетным двором «Крым» медных пулов в период правления Менгу-Тимура (1267–1280), в 674 и 679 гг. х. (соответственно в 1276 и 1280/1281 гг.) [15, с. 23, табл. 2, особенно монеты м2 и м5]. Исследование медных монет г. Крыма дало основание В. А. Сидоренко прийти к заключению о «...существовании двух центров

¹ О дискуссии по проблеме «тройственного союза» эмиров Крыма см.: [3]. Мою точку зрения на отождествление золотоордынских участников Синеводского сражения подробнее см.: [11, с. 7–17].

монетного производства, именуемых Крымом <...> — монетных дворов Крым (Ордубазар?) и Крым (Солхат)». Существование этих центров прослеживается, по его наблюдениям, на нумизматических материалах времени правлений Менгу-Тимура (1267-1280), Туда-Менгу (1280-1285) и Тулабуги (1285-1289) [17, с. 85-86]. По-видимому, после 679 г. х. (=1280-1281 гг.) заканчивается этап деревенского существования Солхата, и с формированием устойчивого рынка в его развитии наступает период полноценной городской жизни.

Первое упоминание Солхата (Крыма) как города относится к 734 г. х. (=1333-1334 гг.) и принадлежит арабскому путешественнику Ибн-Баттуте, назвавшего его «город Кирам» (здесь и далее выделено автором — М. К.) [7, с. 209]. Арабский автор второй половины XIV в. ал-Калкашанди (1355-1418) характеризует Солхат как ставку главы Правого крыла Золотой Орды [5, с. 261-302].

Солхат изначально складывался как населенный пункт, в котором монголы и тюрки, прошедшие этап седентаризации, мигранты из Византии, Восточной Европы, стран Ближнего Востока и Малой Азии, Великой Армении и Киликии, из Италии, преимущественно, Лигурии или Генуи, по разным причинам оказавшиеся в Крыму, образовали *многосоставное неоднородное культурное пространство поселения*. Естественно, что «национальные» маркеры в таком полиэтническом ландшафте вынужденно отступили перед маркерами конфессиональных групп, легитимно существующих в рамках мировых религий. В условиях *интегративного пространства, порожденного чингисидской глобализацией*, все три городские религиозные общины — христианская, иудаистская и исламская, не были и не могли быть однородны по культуре и обладали определенной гетерогенностью. Так, христианская община объединяла представителей византийского православия, несторианства, католичества и григорианства; иудаистская — состояла из раббанитов и караимов; в мусульманской общине, где доминировали тюркские реалии, сложилось суннитское большинство с четырьмя мизхабами (богословско-правовыми школами) — маликитским, шафиитским, ханафитским и ханбалитским. Этническую основу последней общины составили перешедшие к оседлости представители элит монгольских родов *кыят* и *найман*, а также потомки тюркок-кыпчаков. Во второй половине XIII в. в их ряды влились сельджукские мигранты из Анатолии [14, с. 58-61].

Первое из интересующих нас надгробий (рис. 1) было найдено в северо-западном (христианском) районе городища Солхат (ныне г. Старый Крым; место находки — улица 12 апреля, у дома 59) машинистом экскаватора при сооружении водопровода. Обнаружены два каменных надгробия: малое («детское») и большое, очевидно, предназначенное для захоронения взрослого человека. Находка указывает на возможность существования здесь могильника, сейчас скрытого под асфальтом дорожной насыпи.

«Большое» надгробие, высеченное из цельного блока известняка (длина 127 см, ширина 50 см, высота 48 см), представляет собой двускатный кенотаф на пьедестале. Оно сохранилось практически полностью, с незначительными утратами². Длинные стороны надгробия украшены медальонами (по три с каждой стороны) с изображениями розеток — вихревой в двойном круге, многолепестковой и в виде шестиконечной звезды в круге.

Кенотаф содержит двустрочную надпись в рамке: *Ἐκνήθη ὁ δοῦλος (τοῦ) θεοῦ/ῶ Ἀβράμηνος ἔτους ζωοῦ* — «Почил раб Божий Авраимий в 6870 году» (=1361-62 гг.; чтение и перевод А. Ю. Виноградова).

² Оба надгробия переданы в Старо-Крымский литературно-художественный музей сотрудником Института археологии Крыма РАН А. В. Гавриловым. В фондах музея интересующему нас памятнику присвоен инвентарный номер КП 3826. А. 8167.

Грамматические особенности надписи привели автора ее перевода к выводу об армянской выучке резчика, работавшего в «...мастерской, обслуживающей как армян-григориан, так и православных граждан общины»³. На одном из торцов надгробия высечен *лотарингский крест* (фр. Croix de Lorraine) с двумя перекладинами и терновым венцом, вошедшим в символическое изображение этимации (от греч. ΕΤΟΙΜΑΣΙΑ — готовность). В католической традиции крест такого типа называют патриаршим или архиепископальным в случаях, когда им отмечен статус кардинала или архиепископа. Этот крест является также крестом Элладской православной церкви. Православие в этом регионе — в Филиппах, в Фессалониках, Афинах и Коринфе, берет свое начало со времени путешествия апостола Павла (50-е гг. I в. н. э.). Тип латинского креста в церковном обиходе православной Эллады, вошедшей в юрисдикцию Константинополя, не удивителен, учитывая долгий период латинского господства на Балканах, островах Эгеиды и на северо-западе Малой Азии. В период с 1204 по 1261 гг. православную кафедру в Константинополе занимали латинские патриархи, а в 1274 г. палеологовский Константинополь даже пошел на унию с Римом (Лионская уния).

Рис. 1. Надгробие с греческой надписью

³ «Формула эпитафии, — как сообщил мне в письме от 16.08.2017 г. А. Ю. Виноградов, — типична для поздневизантийского Крыма. Очевидно, Авраимий был мирянином, так как в греческих надгробиях Крыма при имени клирика всегда указывается его титул. Обращает на себя внимание неправильный перенос слова между строк, не встречающийся в других греческих надписях Крыма, притом, что продолжение первой строки до правой раки оставлено пустым, возможно, из-за случайного пропуска букв *το*. Также необычно написание имени Ἀβράμηνος, не только без обычного византийского стяжения в Ἀβράμης (как имеет место в поздневизантийской надписи IOSPE 3 V, № 151 из Инкермана (см.: <http://iospe.kcl.ac.uk/5.151-ru.html>), но и, наоборот, с введением между *ι* и *ο* дополнительного *ου* (отражающего, очевидно, не гласный *υ*, а полугласный *w*): такое явление характерно для армянского языка (ср. имя Owanne < греч. Ὡάννης). Также обращает внимание расположение надписи на скатах крышки, не известное в греческих надгробиях Крыма (там она размещается на торце или на боковой стороне): напротив, такое место эпитафии встречается на армянских надгробиях Крыма, в том числе Солхата (например, надгробие из ГЭ, инв. № Сол-28). На последнем присутствуют также розетка с треугольными концами лепестков и «звезда Давида». Поэтому автором надгробия был, вероятно, армянин, что указывает, возможно, на отсутствие собственной эпиграфической традиции у греков Солхата и работу мастерской, обслуживавшей как армян-григориан, так и православных». Благодарю Андрея Юрьевича Виноградова за исчерпывающую консультацию.

Н. П. Кондаков связывал происхождение иконографии *этимасии* с обычаем древних церквей греческого Востока выставлять по праздникам приготовленные церковью престолы со Святым Евангелием. В Иерусалиме в композицию *этимасии* наряду со Святым Крестом входили орудия «страстей Господних»⁴. Само наименование *этимасии*, отмечает Н. П. Кондаков, «...заимствовано из послания апостола Павла к Ефесиянам (6,15), приглашающего к “уготованию благовествования мира”, и псалмов (Пс. 9: 8; 38; 64: 9; 88: 14), которые воспевают Господа, “уготовившего на суд престол свой”». На Ефесском соборе, по словам святого Кирилла Александрийского, сам Спаситель являлся Главою собрания, ибо посреди собора было положено святое Евангелие на особо воздвигнутом для него троне. Таким образом, «Престол уготованный» предназначен для второго пришествия Христа, грядущего вершить суд над живыми и мертвыми. Само понятие *Престола уготованного* основано на стихах Псалтири «Престол Твой утвержден искони: Ты от века» (Пс. 92: 2). Изображение *Престола Уготованного* указывает на грядущее торжество Божественной правды. Этим и объясняется присутствие сюжета в содержательной программе изобразительных символов надгробия.

Итак, на одном из торцов солхатского кенотафа мы видим канонический вариант «Престола Уготованного», включающий изображение Животворящего Креста на фоне Евангелия (?). Как и в композиции *этимасии* Палатинской капеллы (Сицилия, XII в.), крест дополнен изображением тернового венца — одного из двух десятков атрибутов, олицетворяющих страдания Спасителя. Крест с терновым венцом символизирует победу правды над ложью — отсюда новозаветное наименование «Венца правды» (2. Тим. 4: 8). Другие его именованья «Венец славы» (1Пет. 5: 4) и «Венец жизни» (Иак. 1: 12 и Апок. 2: 10). Христианские апостолы Матфей (27: 29), Марк (15: 17) и Иоанн (19: 2) прямо указывали на связь тернового венца с Мессией, повествуя о том, что «...воины, сплели венец из терна, возложили Ему на голову», и «... ранами Его мы исцелились» (Ис. 53: 5). Из орудий «страстей Господних» здесь, согласно канону, изображены копьё Лонгина⁵ и трость с губкой. Вертикальные структуры по сторонам композиции, возможно, принадлежат спинке престола. Но изображения собственно скамьи церковного престола в нашей композиции нет. Ее упрощение может быть вызвано как недостатком места для сложной композиции *этимасии*, так и невысокой квалификацией исполнителя. В храмовой живописи, мозаичных композициях и в иконописи «Престол уготованный», учитывая его символику и значение, изображается в полной «редакции». Здесь сиденье часто окрашено в тона красного — символ Христовой багряницы, как на обороте Владимирской иконы Божьей Матери (XV в.).

Изображение «Престола уготованного» бытует в виде самостоятельного сюжета и в составе сложных композиций «Страшного Суда». *Этимасия* часто изображается на иконах. Но в чеканке монетных регалий — только в исключительных случаях. В частности,

⁴ Орудия Страстей (лат. *Arma Christi*) — атрибуты Страстей Господних. Их изображения имеют долгую традицию в иконографии, по крайней мере, начиная с Утрехтской псалтири (830 г.). В число орудий Страстей (пытки) принято включать более двух десятков предметов: терновый венец, которым был увенчан Иисус; крест, на котором он принял смерть; гвозди, которыми он был распят; копьё, которое римский легионер Лонгин вонзил в подреберье Иисуса; губка, смоченная в уксусе (или вине), поданная ему для утоления жажды и пр.

⁵ Существуют три «копья Лонгина» (имя сотника известно по апокрифическому источнику), претендующие на достоверность: в соборе Св. Петра в Риме, во дворце Хофбург в Вене и в Вагаршапате в Центральной Армении. Вагаршапат — столица Армении в II-IV вв. В новейшее время город был переименован в Эчмиадзин. В монастыре Эчмиадзин находится центр армянской апостольской церкви и резиденция католикоса.

Престол уготованный изображен на серебряных и медных *трахеях* Михаила VIII Палеолога времени Лионской унии 1274 г. Одна из четырех таких медных монет хранится в собрании Эрмитажа [см.: 6].

В погребальной пластике византийского и поствизантийского Крыма изображение *этимасии* не известно. Солхатская находка — первый случай такого рода.

Связь изобразительных символов солхатского кенотафа со Спасителем продолжается в изображении стеклянной подвесной лампы с горящим фитилем на противоположном торце нашего памятника. Согласно библейскому псалму 103: 1-2 («Господи, Боже мой! Ты дивно велик, Ты облечен славою и величием. Ты одеваешься светом, как ризою») связь Спасителя и света неразделима. А значит и слово Христа «Я есмь свет мира» (Ин 8: 12) лежит в основе христианской символики света. Даже скромная лампадка в католическом храме является символом «вечного света» не только для прихожанина, но и человека, ушедшего из жизни. Свеча у христиан — символ божественного света, символ Христа, Церкви и благодати. Пасхальная свеча или свеча в доме, которая освещена на Сретенье (20 февраля), не только носитель света, но и олицетворение связи со Спасителем: «Свет Христов сияет всем». Что уж в таком случае говорить об алтарных свечах по обе стороны от креста, означающих двойственную природу Христа — человеческую и божественную. В христианской литургии свет неразрывно связан с образом Спасителя. Это особо выделено в Писании, где приверженцы Спасителя названы «детьми света» (Еф. 5: 8). Но все же, еще раз подчеркнем, на торце солхатского кенотафа высечен не светильник византийского типа или свеча, и, судя по абрису, не подвесная византийская стеклянная лампа с утолщением по центру донца, но без поддона. Подобные лампы известны по находкам в Коринфе (в слое XI-XII вв.) [22, р. 112, pl. 57. 728], в Херсонесе (в слое второй половины XIII в.) [4, с. 189, 219-220, 224, 257, рис. 23,9,14], в пригороде Солхата (XII-XIII вв.) [10, с. 301-303, 313, рис. 3] и на Эски-Кермене (конец XIII в.) [1, с. 425, 446, рис. 14]. Торцы кенотафа украшены изображением сиро-египетской стеклянной лампы с горящим фитилем, которая снабжена высоким поддоном (рис. 2). Тип таких ламп, судя по находкам в Солхате, был хорошо известен в городской культуре. Он же является одним из излюбленных мотивов в искусстве ислама.

Типологической параллелью кенотафу Авраамия, по материалам из Солхата, является другой кенотаф с двускатным завершением и арабской надписью: «Кто скромнее с людьми, того Аллах возвысит! Кто оставляет после себя в наследие знание, не умирает!» (перевод М. Б. Пиотровского) (рис. 3) [12, с. 139-145].

Несторианская атрибуция этого кенотафа была бы, скорее всего, невозможна, учитывая риторическое обращение в надписи к Пророку. Но на одном из торцов надгробия высечено изображение *латинского креста*, а на противоположном торце — изображение *исламской лампы*, по абрису подобной лампе на надгробии Авраамия.

Рис. 2. Лампа, первая половина XIV в., Сирия или Египет

Рис. 3. Надгробие с арабской надписью

но ниша; в ней светильник; светильник в стекле; стекло — точно жемчужная звезда. Зажигается он от дерева благословенного — маслины <...>. Масло ее готово воспламениться, хотя бы его и не коснулся огонь. Свет на свете! Ведет Аллах к Своему свету, кого пожелает, и приводит Аллах притчи для людей. Аллах сведущ о всякой вещи!» (Коран. 24: 35).

И крест, и лампа композиционно равновелики и обрамлены венками, придающими изображениям торжественный геральдический характер. То обстоятельство, что христианский символ — крест, «уравновешивается» исламским символом — лампой, излучающей Свет (а не минаретом — обычной антитезой в мусульманской риторике), лишь подчеркивает отсутствие оттенка агрессивной коннотации в характере сопоставления.

Что же символизирует крест? Полагаю, один из возможных вариантов ответа, прямо не связанный с несторианской средой, дает текст реверса золотой монеты 1251 г., имитирующей айюбидский чекан. Арабская надпись монеты, выбитой в крестоносной Акре, гласит: «Мы гордимся крестом Господа нашего Иисуса, Мессии. В нем наше спасение, наша жизнь и наше воскресение, в Нем наша безопасность и искупление грехов». Уместно отметить, что в Акре служащие таможни говорили и писали по-арабски. Равноконечные кресты (большой серебряный между четырьмя малыми золотыми), заполняющие поле геральдического щита, можно видеть и в гербе Иерусалима на бронзовом тазе, изготовленном в Каире или Дамаске арабским мастером для короля Иерусалима и Кипра Гуго де Лузиньяна (1324-1359) [20, рис. 5,33]. Подобный же крест на парфюмерном сосуде из цветного стекла из Madina Collection в Нью-Йорке датируется концом XIII — началом XIV вв.

Как следует из надписи, солхатский кенотаф создан для «человека знания». Надгробие городского интеллигента — памятник уникальный. В нем нашло отражение признание движения к культурной конвергенции людей разных религиозных убеждений, место встречи которых в повседневном быту ограничивалось городской улицей или рынком.

⁶ Краткая формула символа веры в исламе (*шахада*) гласит: «Нет никакого божества, кроме единого Бога (Аллаха), и Мухаммад — посланник его».

Близкий по типу крест можно видеть на торце несторианского надгробия эпохи Юань (1277-1367) из Центральной Азии в собрании музея Гимэ (musée Guimet), где несторианская традиция восходит к керамитам домонгольского времени [23, p. 85-99, fig. 2,a-b; 3,a-b].

Свет лампы на надгробии из Солхата — символ Бога (Аллаха), творца мира, пославшего к людям своего посланника Мухаммада⁶. Это следует из 24-й суры Корана, которая так и называется — «Свет». Для нас важен стих 35-й: «Аллах — свет небес и земли. Его свет — точ-

но К. Хилленбранд, специально изучавшая образ «другого» в контексте исламского восприятия «слуг Мессии», привела малоизвестное сочинение «Книги посоха» (*Китаб ал-'аса*), в котором герой (Usama ibn Munqidh), с редким для мусульманина пиететом, говорит о благочестии христианских монахов из капитула ордена Св. Иоанна. Усама наблюдал молящихся в церкви у гробницы Св. Иоанна Крестителя в Себастии в провинции Наблус: «... Я нашел приоткрытую дверь, открыл ее и вошел в церковь. Внутри было около десятка старых людей, их обнаженные головы были белыми, как расчесанный хлопок. Они стояли лицом на восток, и на груди были (вышитые?) посохи, оканчивающиеся перекрестием, загнутым вверх, как задняя часть седла. Они клялись на этом знаке и предоставляли гостеприимство тем, кто в нем нуждался. Вид их благочестия тронул мое сердце, ибо я никогда не видел такого рвения и набожности среди мусульман» [20, с. 302].

И все-таки следует вновь подчеркнуть, что символы, высеченные на торцах кенотафа и объединенные «примиряющей» надписью с комплементарной отсылкой к Пророку, не следует считать проявлением культурного синкретизма. Речь, скорее, могла бы идти о признании *улицей идеи дуальности, отраженной в личности человека*, в честь которого и были созданы наши памятники.

Присутствие восточных христиан в Восточном Крыму не вызывает большого удивления. Известно, что два из трех персоязычных переводов Четвероевангелия, созданных в XIV в. в Крыму, переписаны в Солхате. Самый ранний список этой рукописи 742 г. х. (=1341 г.) выполнен в Каффе Шим'уном б. Йусуфом Ибрахимом ат-Табризи [17, с. 21]. В Солхате в 1338 г., как полагает А. М. Пьемонтесе, были переписаны Евангелие от Матфея и от Марка (переписчик Амин-ад-дин Кутлуг Бау) и Евангелие от Луки и от Иоанна (переписчик Зийа-ад-дин хаджи б. Маула На'иб Нур-ад-дин). Принято считать, что эта рукопись происходит из библиотеки Франческо Петрарки. Здесь же, в Солхате, что следует из записи колофона 1374 г., переписан несторианский лекционарий (евангелиарий). Список этого лекционария сделан с персидского перевода середины XIII в. Текст изобилует сиризмами и, как считают исследователи, литургия несторианской церкви Солхата, вероятно, шла на тюркском языке [17, с. 27, 34, 35, 93].

Символы нескольких религий в пределах одного памятника — явление редкое, но не исключительное. Как правило, в таких случаях доминирует формула «сакральное не терпит плюрализма». Когда при императоре Юстиниане I в 532 г. в Константинополе стали возводить базилику с цистерной, то две из 336 восьмиметровых колонн подземного водохранилища, где и сейчас плавают рыбы, строители снабдили базами в виде массивных блоков мраморных капителей из античного святилища водяных нимф — *нимфеума*, с изображением перевернутых голов Медузы. Поверженные головы божества, как нельзя более точно, отразили отношение местной христианской общины к духовному наследию язычников. Аналогичный прием повторил мусульманский мастер Абул-л-Фида при сооружении михраба мечети Джами'ан-Нури (начало XIV в.) в Хаме (Сирия), где византийская капитель намеренно перевернута абаккой книзу, чтобы подчеркнуть значение победы исламского оружия над христианами [20, рис. 6,49]. Примечательно, что позолоченный крест с Купола Скалы, посланный в Багдад после разгрома Иерусалима, был закопан перед Нубийскими воротами города с тем, чтобы правоверные могли попираť его ногами. При этом Салах ад-дин (1138-1193), вопреки мнению своего окружения, принял решение не разрушать церковь Гроба Господнего в 1187 г.

Итак, сопоставление двух кенотафов из Солхата дает основание для следующих наблюдений:

1. Оба памятника подтверждают существование византийского православного и несторианского векторов в жизни христианской общины города. Содержательные различия и несовпадения в декоре обусловлены разными традициями в обряде, догматике, канонах и в ремесленной выучке камнерезов. В реальной жизни наряду с византийской ортодоксией и несторианством в городе значительное место принадлежало католическому и григорианскому сегментам культуры.

2. Предположение о доминантной роли армянской ремесленной традиции в создании кенотафа для прихожанина византийской православной церкви принимается нами только в качестве рабочей версии.

3. Изображение сиро-египетской стеклянной лампы, излучающей свет (с зажженным фитилем), на обоих надгробиях как символ Спасителя, в одном случае, и Аллаха, в другом, можно объяснить неизбежностью рефлексии на контакты соседских инокультурных общин, чьим маркером она (лампа) выступает. Вместе с тем, введение образа исламской лампы в символику христианского надгробия можно интерпретировать и как проявление тенденции к созданию нового культурного единства городской улицы.

4. Вопрос о признании улицей дуальной идентичности не названного по имени человека, чьей памяти посвящено надгробие с арабской надписью, требует дополнительных аргументов. Хотя оспорить дуальность идентичности для уроженцев всех этнических групп населения Золотой Орды невозможно.

5. Признание современниками духовного авторитета нашего героя подчеркнуто отсутствием необходимости в его персонализации и коннотацией непреходящей ценности дела его жизни. Ведь *тот*, «...кто оставляет после себя в наследие знание, не умирает»!

Чингисидская глобализация была явлением универсальным, однако ее проявления всегда оставались индивидуальными и конкретными. Во второй половине XIV в., находясь под эгидой Солхата, Мангуп — византийская крепость с 800-летней историей, обрела черты средневекового города. За короткий период он превратился в столицу княжества Феодоро, самостоятельного государственного образования, которое заняло доминирующие позиции в политической жизни всего Юго-Западного нагорья Крыма в XV в. Международный авторитет княжества подтвержден его контактами с Трапезундской империей, Молдавским княжеством и Москвой Ивана III [подробнее см.: 3].

В 1362-1363 гг. феодориты вместе с воинскими отрядами из княжества Кырк-Ор и Солхата под общим руководством Кутлуг-Буга, бывшего бекляри-бека в правительстве Джанибека, попытались восстановить утраченное налоговое обложение Золотой Орды в Подолии. По-видимому, ответственность за невыплату подольской дани лежала на солхатском даруге, поскольку Солхат являлся официальным центром Правого крыла государства. Однако за подольскими налогоплательщиками стояли полки Великого княжества Литовского. Скорее всего, Кутлуг-Буга не догадывался об интриге князя Витовта (около 1350-1430 гг.; великий князь с 1392 г.): битву на Синих водах Кутлуг-Буга, как известно, проиграл. Витовт передал Подолию литовским феодалам братьям Кариатовичам⁷. Синеводское поражение оголило весь европейский фланг золотоордынских территорий от Подолии и Среднего Поднепровья до юго-востока Крыма и стало причиной срочного возведения вокруг Солхата оборонительного рва и вала в 1363 г. [12, с. 221-223]. Для нас важно, однако, то,

⁷ На востоке границы Подолии простирались от Брацлава до Днестра, на западе — до реки Старицы, на юге — до Днестра, на севере — до Южного Буга [16, с. 43].

что накануне Синеводского сражения Мангупское и Кырк-Орское княжества вошли в военно-политический союз с ордынским сюзереном, что, несомненно, упростило культурную диффузию Золотой Орды в горную часть юго-западного Крыма. Вот почему сохранение греческого языка и церковных отношений с возрожденным Константинополем, равно как и ориентация на византийскую ремесленную традицию в собственном ремесле и импорте, не смогли стать препятствием для инновационных процессов со стороны Орды в области материальной культуры феодоритов, но, главным образом, княжеского двора и его окружения. Присутствие нескольких типов привозных кашинов и группы селадонов в керамическом комплексе Мангупа, престижных изделий из бронзы, не говоря уже о сотнях дирхемов из объектов и культурного слоя городища, воспринимается как проявление определенной закономерности. В этом же ключе следует оценивать и находки сельджукского поясного набора или латинского серебряного перстня с гербом рода Спинола в инвентаре погребений центральной базилики Мангупа [8, с. 376-386; 9, с. 278-296].

В то же время стоит отметить, что православные традиции аланского населения и правящей элиты Кырк-Орского княжества (мы не обсуждаем здесь гипотезу о локализации Фулл в Кырк-Оре) оказались не настолько сильны, чтобы на исходе XIII в. противостоять католическому влиянию. Согласно письму брата Ладислава, кустодия Газарии от 1286 г., хранящемуся в библиотеке Ватикана [21, р. 444-445; 19, с. 193-199], старшая жена Ногай Яйлак была обращена в католичество именно в Кырк-Оре. Обряд посвящения провел кустодий Ладислав в присутствии брата Стефана, *гвардиана* Каффы. В честь этого события в Кырк-Оре Ладиславом вместе с братом Павлом, ранее состоявшим *гвардианом* Сарая, была возведена церковь и заложены здания в честь матери Девы (т. е. «Благословенной Девы», Богородицы). При акте крещения миноритами «императрицы Яйлак» (так она названа автором письма) присутствовал *архиепископ армян со всем его клиром* и множество *священников-греков*, пытавшихся противодействовать обряду посвящения Яйлак в католичество.

В контексте нашей темы важно подчеркнуть, как это следует из свидетельства очевидца и участника событий 1286 г., что религиозная ситуация в Кырк-Оре мало отличалась от состояния христианской общины Солхата с ее конфессиональной пестротой. Религиозное многообразие относительно небольших городских поселений связано, в первую очередь, с так называемыми «малыми» миграциями XIII-XIV вв. Свой вклад внесла и активная миссионерская деятельность, прежде всего, францисканцев и доминиканцев.

Значение малых миграций в этнокультурной истории Юго-Восточного и Юго-Западного Крыма золотоордынского времени пока еще не стало предметом широкого научного обсуждения. Однако стремительный рост караимо-раббанитских общин в Солхате и Каффе, начиная со второй половины XIII в.⁸, позволяет предположить, что великоханская глобализация оставила свой след и в этом сегменте культурной истории полуострова.

На примере конфликта христианской и исламской общин Солхата в изложении кустодия Газарии можно видеть, что стабильность религиозных сообществ в последней

⁸ Наиболее раннее упоминание присутствия караимов в Крыму относится к 1278 г., когда между караимами и раввинистами в Солхате возникла дискуссия по календарным вопросам [см. об этом: 2, с. 25]. Нами на городище Солхата в 2016-2017 гг. было начато исследование синагоги 1270-х гг. площадью более 214 кв. м. Принадлежность объекта караимам или раввинистам пока не определена [13, с. 65-84].

трети XIII в. все еще опиралась на исполнении законов Ясы⁹. Положение резко изменилось с приходом к власти в Золотой Орде хана Узбека (1312-1341), хотя институт *судей-яргучи* Ибн-Баттута отмечает в Солхате наряду с шариятским *кадиятом*.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Айбабин А. И., Хайрединова Э. А. Позднесредневековая часовня на плато Эски-Кермена // МАИЭТ. 2011. Вып. XVII. С. 422-457.
2. Ахизер Голда. Завоевание Крыма Российской империей. М., Иерусалим: Гешарим; Мосты культуры, 2015. 240 с.
3. Герцен А. Г., Науменко В. Е. Великоханский вектор в культуре региональных элит или к вопросу о золотоордынском периоде в истории Мангупа середины — второй половины XIV в. (обзор археологических источников) // Крымский юрт Золотой Орды: каталог выставки. Симферополь, 2017 (в печати).
4. Голофаст Л. А., Рыжов С. Г. Раскопки квартала X в Северном районе Херсонеса // МАИЭТ. 2003. Вып. X. С. 182-260.
5. Григорьев А. П., Фролова О. Б. Географическое описание Золотой Орды в энциклопедии ал-Калкашанди // Тюркологический сборник 2001: Золотая Орда и ее наследие. М.: Восточная литература, 2002. С. 261-302.
6. Гурулева В. В. Изображение эфимасии в монетной чеканке Византии [Электронный ресурс]. Режим доступа: gurulev.ru/litra_006.
7. История Казахстана в арабских источниках. Т. I. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Извлечения из арабских сочинений, собранные В. Г. Тизенгаузен. Алматы: Дайк-Пресс, 2005. 711 с.
8. Крамаровский М. Г. Перстень с родовым гербом семьи Спинола, найденный на Мангупе // АДСВ. 2001. Вып. 32. С. 376-386.
9. Крамаровский М. Г. Сельджукские пояса в Крыму и на Северном Кавказе в XIV в. (предварительное сообщение) // АДСВ. 2008. Вып. 38. С. 278-296.
10. Крамаровский М. Г. Редкая сельджукская (?) лампа XII — начала XIII вв. из пригорода Солхата // АДСВ. 2009. Вып. 39. С. 301-313.
11. Крамаровский М. Г. Солхат и Мамай во второй половине 70-х — 80-е гг. XIV в. // Золотоордынское наследие. Материалы II Международной научной конференции «Политическая и социально-экономическая история Золотой Орды», посвященной памяти М. А. Усманова. Казань, 2011. Вып. 2. С. 7-17.
12. Крамаровский М. Г. Человек средневековой улицы. Золотая Орда, Византия, Италия. СПб.: Евразия, 2012. 496 с.
13. Крамаровский М. Г. Крым (Солхат): к истории караимо-раббанитской общины в XIII-XIV веках // ТГЭ. Белградский сборник. К XXIII Международному конгрессу византистов. СПб., 2016. Т. LXXX. С. 65-84.
14. Крамаровский М. Г. Анатолийская диаспора и городская культура Солхата // Исторические, культурные, межнациональные и религиозные связи Крыма с Сирией и государствами Ближнего Востока. Сборник тезисов докладов Международной научной конференции. М., 2017. С. 58-61.
15. Лебедев В. П. Корпус монет Крыма в составе Золотой Орды (середина XIII — начало XV вв.) // Вестник Одесского музея нумизматики. 2000. № 1. С. 19-23.

⁹ Об этом выразительно свидетельствуют обстоятельства конфликта 1286 г. между исламской общиной Солхата и францисканцами христианской общины, изложенные в письме брата Ладислава. Разрушение католического храма и кража колокола как знака нетерпимости к инокультурной традиции вызвали крайнее недовольство со стороны хана Тула-Буги и его соправителя Ногай. Обидчики миноритов были публично осуждены и наказаны, а францисканцы получили возможность восстановить церковь. Взамен одного похищенного колокола миноритам вернули три [19, с. 193-199]. Приношу глубокую благодарность Роману Хаутале за возможность предварительного (до публикации) ознакомления с переводом текста и его обсуждения.

16. Молчановский Н. Очерк известий о Подольской земле до 1434 года. Киев, 1885. 424 с.
17. Притула А. Д. Христианство и персидская книжность XIII-XVII вв. // Палестинский Православный сборник. СПб., 2004. Вып. 101. 165 с.
18. Сидоренко В. А. Посольство 1263 г. мамлюкского султана в Крыму и монетная чеканка крымских улусов Золотой Орды // Исторические, культурные, межнациональные и религиозные связи Крыма с Сирией и государствами Ближнего Востока. Сборник тезисов докладов Международной научной конференции. М., 2017. С. 85-86.
19. Хаутала Р. Письмо Ладислава, францисканского кустодия Газзари (Каффа, 10 апреля 1287 года) // Золотоордынское обозрение. Казань, 2017. Т. 5. № 1. С. 193-199.
20. Хиллебранд К. Крестовые походы. Взгляд с Востока: мусульманская перспектива. СПб.: ДИЛЯ, 2008. 672 с.
21. Golubovich G. Biblioteca bio-bibliografica della Terra santa e dell'Oriente francescano. Tomo II. Addenda al sec. XIII e fonti per il sec. XIV. Quaracchi, Firenze: Collegio di S. Bonaventura, 1913. P. 444-445.
22. Davidson G. R. The minor objects // Corinth. Results of excavations. Princeton, New Jersey, 1952. Vol. XII. 366 p.
23. Delacour C. Un ensemble funéraire Öngüt du Debut de l'époque Yuan provenant de Mongolie intérieure // Arts Asiatiques. 2005. T. 60. P. 85-99.

REFERENCES

1. Ajbabin A. I., Hajredinova E. A. Pozdnesrednekovaya chasovnya na plato Eski-Kermenta. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol, 2011, Vol. XVII, pp. 422-457.
2. Ahiezer Golda. *Zavoevanie Kryma Rossijskoj imperiej*. Moscow, Ierusalim, Gesharim Publ., Mosty kul'tury Publ., 2015, 240 p.
3. Gercen A. G., Naumenko V. E. Velikohanskij vektor v kul'ture regional'nyh ehilit ili k voprosu o zolotoordynskom periode v istorii Mangupa serediny — vtoroj poloviny XIV v. (obzor arheologicheskikh istochnikov). *Krymskij yurt Zolotoj Ordy: katalog vystavki*, Simferopol', 2017 (in print).
4. Golofast L. A., Ryzhov S. G. Raskopki kvartala X v Severnom rajone Hersonesa. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol, 2003, Vol. X, pp. 182-260.
5. Grigor'ev A. P., Frolova O. B. Geograficheskoe opisanie Zolotoj Ordy v ehnciklopedii al-Kalkashandi. *Tyurkologicheskij sbornik 2001: Zolotaya Orda i ee nasledie*, Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 2002, pp. 261-302.
6. Guruleva V. V. *Izobrazhenie ehtimasii v monetnoj chekanke Vizantii*. URL: gurulev.ru/litra_006.
7. *Istoriya Kazahstana v arabskikh istochnikah. T. I. Sbornik materialov, odnosyashchihsya k istorii Zolotoj Ordy. Izvlecheniya iz arabskikh sochinenij, sobrannye V. G. Tizengauzenom*, Almaty, Dajk-Press, 2005, 711 p.
8. Kramarovskij M. G. Persten' s rodovym gerbom sem'i Spinola, najdenyj na Mangupe. *Antichnaia drevnost' i srednie veka*, Ekaterinburg, 2001, Vol. 32, pp. 376-386.
9. Kramarovskij M. G. Sel'dzhukskie poyasa v Krymu i na Severnom Kavkaze v XIV v. (predvaritel'noe soobshchenie). *Antichnaia drevnost' i srednie veka*, Ekaterinburg, 2008, Vol. 38, pp. 278-296.
10. Kramarovskij M. G. Redkaya sel'dzhukskaya (?) lampa XII — nachala XIII vv. iz prigoroda Solhata. *Antichnaia drevnost' i srednie veka*, Ekaterinburg, 2009, Vol. 39, pp. 301-313.
11. Kramarovskij M. G. Solhat i Mamaj vo vtoroj polovine 70-h — 80-e gg. XIV v. *Zolotoordynskoe nasledie. Materialy II Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii «Politicheskaya i social'no-ehkonomicheskaya istoriya Zolotoj Ordy»*, posvyashchennoj pamyati M. A. Usmanova, Kazan, 2011, Vol. 2, pp. 7-17.
12. Kramarovskij M. G. *Chelovek srednevekovoj ulicy. Zolotaya Orda, Vizantiya, Italiya*. S-Petersburg, Evraziya Publ., 2012, 496 p.
13. Kramarovskij M. G. Krym (Solhat): k istorii karaimo-rabbanitskoj obshchiny v XIII-XIV vekah. *Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha. Belgradskij sbornik. K XXIII Mezhdunarodnomu kongressu vizantinistov*, S-Petersburg, 2016, T. LXXX, pp. 65-84.
14. Kramarovskij M. G. Anatolijskaya diaspora i gorodskaya kul'tura Solhata. *Istoricheskie, kul'turnye, mezhnacional'nye i religioznye svyazi Kryma s Siriej i gosudarstvami Blizhnego Vostoka. Sbornik tezisev dokladov Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii*, Moscow, 2017, pp. 58-61.

15. Lebedev V. P. Korpus monet Kryma v sostave Zolotoj Ordy (seredina XIII — nachalo XV vv.). *Vestnik Odesskogo muzeya numizmatiki*, Odessa, 2000, No. 1, pp. 19-23.
16. Molchanovskij N. *Ocherk izvestij o Podol'skoj zemle do 1434 goda*. Kiev, 1885, 424 p.
17. Pritula A. D. Hristianstvo i persidskaya knizhnost' XIII-XVII vv. *Palestinskii Pravoslavnyi sbornik*, S-Petersburg, 2004, Vol. 101, 165 p.
18. Sidorenko V. A. Posol'stvo 1263 g. mamlyukского sultana v Krymu i monetnaya chekanka krymskikh ulusov Zolotoj Ordy. *Istoricheskie, kul'turnye, mezhnacional'nye i religioznye svyazi Kryma s Siriej i gosudarstvami Blizhnego Vostoka. Sbornik tezisev dokladov Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii*. Moscow, 2017, pp. 85-86.
19. Hautala R. Pis'mo Ladislova, franciskanskogo kustodiya Gazzarii (Kaffa, 10 aprelya 1287 goda). *Zolotoordynskoe obozrenie*, Kazan, 2017, T. 5, No. 1, pp. 193-199.
20. Hillebrand C. *Krestovye pohody. Vzgljad s Vostoka: musul'manskaya perspektiva*. S-Petersburg, Dilya Publ., 2008, 672 p.
21. Golubovich G. *Biblioteca biobibliografica della Terra santa e dell'Oriente francescano. Tomo II. Addenda al sec. XIII e fonti pel sec. XIV*, Quaracchi, Firenze, Collegio di S. Bonaventura, 1913, pp. 444-445.
22. Davidson G. R. The minor objects. *Corinth. Results of excavations*, Princeton, New Jersey, 1952, Vol. XII, 366 p.
23. Delacour C. Un ensemble funéraire Öngüt du Debut de l'époque Yuan provenant de Mongolie intérieure. *Arts Asiatiques*, 2005, T. 60, pp. 85-99.

Крамаровский М. Г.

О христианских конфессиях Солхата в XIII-XIV вв.

(предварительное сообщение)

Резюме

Статья посвящена одному из аспектов чингисидской глобализации. Ее главная тема — христианские конфессии в Солхате/Крыме, административном центре Золотой Орды в XIII-XV вв. на полуострове.

В своем становлении город прошел несколько ступеней. Догородскую стадию составили два этапа — время *почтового яма* и период жизни Солхата как поселения деревенского типа («*кария*», арабск.). Границы этого отрезка определяются в рамках 1235-1275 гг. Городской этап в истории Солхата начался с формирования местного рынка, отмеченного чеканкой монетным двором «Крым» медных пулов в период правления Менгу-Тимура (1267-1280), в 674 и 679 гг. х. (соответственно, 1276 и 1280/1281 гг.). Население нового города сформировалось на основе нескольких этнических групп. *Первую* (по времени проживания) составили аланы и таврические греки, *вторую* — потомки тюрок-кыпчаков и монголов, преимущественно из кыятов и найманов, прошедшие этап седентаризации, *третью* — этнически пестрые группы мигрантов из Византии и Восточной Европы. Благодаря «малым миграциям» из стран Ближнего Востока и Малой Азии, Киликии и Лигурии в городе сложилось *многосоставное культурное пространство*, в котором сформировалось нескольких религиозных общин — христианская, раббанито-караимская и исламская (Таврика до середины XIII в. на знала ислама). Все религиозные сообщества, в силу неоднородности по культуре, не составляли монолита и по вере.

Христианская община Солхата объединяла представителей византийского православия, ближневосточного несторианства, католичества и григорианства. Анализ двух кенотафов XIV в. с греческой и арабской эпитафиями дал возможность охарактеризовать отдельные черты в культурных сегментах ее греко-византийской и несторианской ветвей.

Письмо *кустодия* Газарии Ладислава 1286 г., хранящееся в библиотеке Ватикана, посвященное конфликту христианской (гл. образом ее францисканской части) и мусульманской общин Солхата, позволяет глубже понять роль традиций Ясы в сдерживании межобщинной конфронтации в Крыму незадолго до прихода к власти в столичном Сарае «исламской партии» во главе с ханом Узбеком.

В статье также затронуты вопросы чингисидской глобализации в материальной и духовной культуре Мангупского и Кырк-Орского княжеств, вошедших в тройственный союз

во главе с Солхатом в канун Синеводского сражения с литовским великим князем Витовтом в 1363 г.

Ключевые слова: Дешт-и Кыпчак, Крым, Солхат, Мангуп, Кырк-Ор, Эллада, чингисидская глобализация, православие, несторианство, католичество, григорианство, кыяты, найманы, кенотаф, этимасия, Престол уготованный, Лионская уния, дуальная идентичность.

Kramarovskii M. G.

On the Christian Confessions of Solkhat in the Thirteenth and Fourteenth Centuries

(A Preliminary Communication)

Summary

This article deals with an aspect of Genghisid globalization, with its main point of Christian confessions in Solkhat / Krym, the Golden Horde's administrative center in the Crimean Peninsula from the thirteenth to fifteenth century.

The city passed several steps of its formation. The pre-urban stage consisted of two phases, the first being the post station and the second of village-like settlement (Arabic *qaria*) of Solkhat. The frames of this period are 1235-1275 AD. The town stage in the history of Solkhat began with the formation of local market marked by the minting of copper *pul* under Mengü-Timur (1267-1280 AD), in 674 and 679 AH (1276 and 1280/1281 AD respectively). The population of the new city shaped from several ethnic groups. The first (chronological) group comprised the Alans and Tauric Greeks, the second were the descendants of the Kipchaks and the Mongols, mostly from the Kyiats and Naimans, who had passed the stage of sedentarization, the third was the ethnically diverse group of migrants from Byzantium and Eastern Europe. Due to "minor migrations" from the countries of the Middle East and Asia Minor, Cilicia and Liguria, the city developed multicultural cultural space with several religious communities, Christian, Rabbinitic-Karaite and Islamic (there was no Islam in Taurica before the mid-thirteenth century). All the religious communities had heterogeneous culture and were not monolithic in creed.

The Christian community of Solkhat comprised the representatives of Byzantine Orthodoxy, Middle Eastern Nestorianism, Catholicism, and Gregorianism. The analysis of two fourteenth-century cenotaphs with a Greek and an Arabic epitaphs made it possible to characterize certain features of cultural segments of its Greco-Byzantine and Nestorian branches.

The letter of 1286 by Ladislas, the Custody of Gazaria, now residing in the Vatican Library and dedicated to the conflict of the Christian (mostly its Franciscan part) and the Muslim communities of Solkhat, provides an insight into the role of the Yasa traditions in restraining inter-community confrontation in the Crimea shortly before the ascension of the "Islamic Party" of Khan Uzbek in the Mongol capital of Sarai.

This article also touches the issues of Genghisid globalization in the material and spiritual culture of the Mangup and Kyrk-Or principalities, which entered the triple alliance headed by Solkhat on the eve of the battle of the Sinie Vody against Grand Duke Vytautas of Lithuania in 1363.

Keywords: Desht-i Kipchak, Crimea, Solkhat, Mangup, Kyrk-Or, Greece, Genghisid globalization, Orthodoxy, Nestorianism, Catholicism, Grigorianism, kiyat, naiman, cenotaph, etimasia, prepared Throne, Union of Lyon, dual identity.

Н. И. ХРАПУНОВ

**МАНГУПСКОЕ ГОРОДИЩЕ В ТРУДАХ ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ
КОНЦА XVIII — НАЧАЛА XIX ВВ.:
ИССЛЕДОВАНИЯ И ИЛЛЮЗИИ¹**

— Вам это не кажется интересным?

— Для собирателя волшебных сказок.

Артур Конан Дойл, «Собака Баскервилей», глава 2

Первое присоединение Крыма к России вызвало необычайный интерес к прошлому полуострова во всей Европе. Сработало сразу несколько факторов: и простое любопытство к далекой стране, оказавшейся на передовой политических событий, и всеобщее увлечение античностью, памятниками которой изобилует Крым, и усилия российских идеологов, стремившихся обосновать права на полуостров с помощью исторических аргументов, и попытки имперских чиновников и ученых предложить программу интеграции и развития полуострова, обращаясь к историческому опыту. Бурное прошлое Крыма, наряду с его экзотической природой и населением, будоражило воображение писателей, отправившихся в путь в поисках вдохновения. Нужно было нанести полуостров на географические, исторические, этнографические, экономические карты, дать названия его природным и социальным феноменам, инвентаризовать его подобно тому, как в XVIII в. эту операцию проделали со всей Россией [см.: 31].

Выдающуюся роль в описании, изучении и популяризации Крыма и памятников его культурного наследия сыграли путешественники — не только ученые, но и литераторы, государственные деятели, дипломаты и просто любители. Это не удивительно, ведь для многих авторов той эпохи поездка в далекие страны была одновременно погружением в прошлое, способом его постижения [55, с. 108-151]. Мангуп, оказавшийся одним из наиболее загадочных уголков Крыма, не избежал внимания прибывших сюда путешественников и кабинетных исследователей, тех, кто положил начало академическому изучению прошлого полуострова и создал его образ, вошедший в отечественную и мировую культуру.

Современные исследователи не раз обращались к истории изучения крымских «пещерных городов», в том числе и Мангупского городища [29, с. 5-31; 54, с. 298-301; 10, с. 434-444; 15, с. 149-157; 42, с. 368-373; 49, с. 456-460; 59, с. 16-80]. Истории исследований последнего посвящена специальная работа А. Г. Герцена [9]. В этих трудах охарактеризована значительная часть записок путешественников. Очевидно, предпочтение отдавалось тем из них, которые содержали информацию о состоянии отдельных памятников, а также предлагали научно обоснованные выводы о прошлом городища. Суждения же, кажущиеся с нынешней точки зрения наивными

ми или фантастическими, зачастую не принимались во внимание. Цель данной статьи не в том, чтобы дополнить список путешественников, оказавшихся на Мангупе и оставивших воспоминания об этом. На примере описаний данного памятника можно продемонстрировать особенности эпохи, переходной от Просвещения к Романтизму, показать, как возникали и функционировали некоторые стереотипы восприятия Крыма и его прошлого, и в какой интеллектуальной обстановке начиналось научное изучение истории и археологии юга России. Продуктивность изучения иллюзий, в реальность которых верили люди прошлого, недавно продемонстрировал У. Эко [57].

Среди крымских памятников Мангуп занимал совершенно особое место. С одной стороны, удаленное положение в стороне от основных дорог и поселений исследуемой эпохи привело к тому, что городище посещали нерегулярно. Мангуп не стал достопримечательностью, наподобие Херсонеса, пещерных сооружений Инкермана, Ханского дворца в Бахчисарае или пещерного города Чуфут-Кале. С другой стороны, в распоряжении добравшихся до Мангупа путников был крайне ограниченный, если не сказать больше, набор сведений о его прошлом. Это создавало уникальную возможность для игры ума, которую стимулировали также открывавшиеся с вершин горы живописные виды и сохранившиеся здесь циклопические постройки.

Разумеется, нельзя утверждать, что к началу российской эпохи о прошлом Крыма и Мангупа, в частности, не знали вообще ничего. К услугам путешественников были, например, работа шведа Иоганна-Эриха Тунманна, систематически излагавшая сведения о полуострове до конца эпохи Крымского ханства [37], и сочинение итальянца Виченцо Формалеони по истории Причерноморья [71]. По инициативе или при помощи российских властей были изданы труды Адама Нарушевича [25] и Гаспара Одерико [78]. И это не говоря уже о возможности непосредственной работы с античными источниками (или их французскими переводами), а также сочинением польского путешественника и дипломата XVI в. Мартина Броневского [74].

Нельзя сказать, что все путешественники были любителями истории или даже профессиональными историками. Их интересы были различны, отличался уровень таланта писателей и, тем более, жанр опубликованных работ. Среди авторов были искренне интересовавшиеся историей (Эдвард Кларк, Маттью Гатри, Иван Муравьев-Апостол, Эбенезер Хендерсон) или же те, кто умел квалифицированно, конечно, по меркам своего времени, пользоваться историческими источниками (Петер Паллас). Были среди них литераторы, усматривавшие в истории и археологии, скорее, источник вдохновения, и потому в их трудах превалировало сентиментальное и романтическое начало (Шарль де Линь, Павел Сумароков, Владимир Измайлов). Кларк использовал историю как важный аргумент для политических выводов, а Жан де Рёйи — для разработки экономических планов. Конец XVIII — начало XIX вв. было временем еще не расчлененного знания, и потому большинство опубликованных работ, в той или иной степени, сочетает в себе черты исследования в области общественных и естественных наук, литературного произведения, журналистики и политического прогноза. Следует отметить, что путешественники (и их записки) сильно зависели от традиции и потому вели диалог со своими предшественниками. Но создавая стереотипные маршруты и, тем самым, превращая отдельные памятники в достопримечательности региона, они формировали в общественном сознании определенный образ страны и ее наиболее выдающихся мест [35, с. 25, 68; здесь же очерк современных методов исследования подобных текстов].

Однако, начать хотелось бы издали — с травелога, написанного более чем за полвека до присоединения Крыма к России, где содержатся любопытные известия

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект «Крымские древности в описаниях европейских путешественников конца XVIII — начала XIX вв.: историко-археологическое исследование» № 15-01-00104.

о Мангупе, и который историография обычно обходит вниманием. Ипользованные его автором способы осмысления археологических памятников оказались характерными для всей последующей эпохи.

Мангуп в записках Обри де ля Мотре

Многие детали биографии Обри де ля Мотре (около 1674-1743) остаются загадкой. Считается, что он происходил из семьи французских гугенотов, вынужденной оставить родину из-за преследований и перебраться в Англию [28, с. 44-45]. Впоследствии де ля Мотре много путешествовал. В качестве агента шведского короля Карла XII он посетил Крым, где осмотрел местные достопримечательности и заинтересовался прошлым полуострова. Путешественник собрал коллекцию древностей, главным образом, монет. В декабре 1711 г. он, объезжая окрестности Бахчисарая, получил некоторые сведения о Мангупе. Записки о своих путешествиях де ля Мотре опубликовал более чем через десять лет. Судя по всему, путешественник прекрасно говорил по-французски и по-английски, поэтому его сочинение было издано на обоих языках (английское издание вышло первым).

В описании Мангупа в двух этих версиях имеется существенное различие². Во французской сообщается, что путешественник побывал на Мангупе, «где нет ничего интересного, кроме древней цистерны» [77, р. 47]. В английской же (первой) публикации сообщается, что на Мангупе имеется «большая древняя цистерна, похожая на те, что оставили римляне в нескольких других местах». Кроме того, английский текст можно понять таким образом, что на Мангупе путешественник не был — ему лишь рассказали о нем во время поездки на Чуфут-Кале, назвав цистерну главной та-

² Такие отличия между разноязычными версиями источника встречаются регулярно. Характерный пример — описание османской крепости Ени-Кале, находившейся в восточной части Крымского полуострова, на берегу Керченского пролива [о памятнике см.: 2, с. 69-107]. В английском варианте приставленный к де ля Мотре переводчик — ренегат (очевидно, перешедший в ислам) итальянец — говорит о том, что план крепости выполнен его собственными соотечественниками, то есть итальянцами. Вот его точные слова (выделенные квадратными скобками пояснения принадлежат автору статьи): «Я обнаружил, что стена [Ени-Кале] очень толстая, из прочного камня. Но те, кто может судить [об укреплениях, т. е. специалисты], полагают, что укрепления эти — совсем неправильной [формы], как сказал мне этот итальянец, разыгрывавший из себя такового [специалиста по фортификации]. Более того, он заявил, что план их нарисовал один его соотечественник. Но при исполнении его [плана] против того [итальянского чертежника/инженера] выступил инженер-турок. И в самом деле, почти повсеместно еще можно увидеть [следы] вмешательства турецкой манеры, как бы конфликтовавшей с манерой христианской» [76, р. 38]. Во французском же издании текст изменился, в результате чего автором плана крепости стал уже не итальянец, а несколько безымянных соотечественников самого де ля Мотре. Поэтому, когда путешественнику укрепления показались нерегулярными, его спутник не без иронии заметил, что таковыми их сделали усилия соплеменников собеседника. По словам де ля Мотре, «Я обнаружил, что стены [крепости Ени-Кале] очень толстые, а камни прочные, и поскольку я не претендую на роль знатока в этой области, то сказал ему [переводчику-итальянцу], что считаю эти укрепления нерегулярными в сравнении, как мне кажется, с другими виденными мною. Он же ответил, что план [укреплений] создан моими собственными соотечественниками, но приведен в исполнение инженером-турком. В результате здесь почти везде до сего дня заметно столкновение турецкого вкуса и [вкусов] христиан» [77, р. 59-60]. Вероятно, использованием разных версий записок де ля Мотре объясняется тем обстоятельством, что в историографии участниками строительства Ени-Кале называют иногда французов, а иногда и итальянцев [2, с. 75-76]. Изменения же, которые внесли в план укреплений турки, могли быть вызваны их желанием приспособить укрепления к особенностям местности [ср.: 2, с. 105-107].

мошной достопримечательностью [76, р. 28]. Если так, становится понятно, отчего де ля Мотре, живо интересовавшийся памятниками прошлого, ничего не сказал об укреплениях Мангупа или о развалинах дворца в цитадели города. Издавая же французский текст, он мог позабыть, что не был на Мангупе, но лишь слышал о нем, и потому употребить не вполне корректное выражение. Упомянутая им «цистерна» могла оказаться одним из чанов для дубления кожи, высеченных из цельного камня, которыми пользовались жившие на Мангупе караимы [8, с. 26]. Путешественник уподобил мангупскую цистерну римским конструкциям, но такая аналогия не удивительна, ведь и в это время и позднее в Крыму искали следы античной культуры даже там, где их быть не могло. Так, Эдвард-Даньел Кларк (1769-1822) уловил сходство между кладкой каменного моста близ Старого Крыма, виденного им в 1800 г., и этрусскими постройками [47, с. 839], а его добрый знакомый Реджинальд Хебер (1783-1826), прибывший на полуострове шесть лет спустя, отыскал параллели между местными мечетями и храмами древних Афин [45, с. 259]. Подобные аналогии возникали не только в Крыму. Например, оказавшийся в Петербурге англичанин Уильям Ричардсон сравнил русские представления о днях рождения с рассказом Геродота о египтянах, тогда как русская зима заставила его вспомнить о Вергилии [14, с. 19, 38-43]. Много лет проживший в Петербурге шотландский врач Маттью Гатри (1743-1807) обнаружил у русских этнографические черты, которые те заимствовали у древних греков, с которыми якобы контактировали в Поднепровье [53, с. 165]. Все это не удивительно, если вспомнить, что на рубеже XVIII-XIX вв. античность становилась модной, и ее стали осознать как колыбель западноевропейской цивилизации [69, р. 63-88]. Де ля Мотре же предвосхитил эти представления, а Мангуп дал путешественнику повод продемонстрировать образованность и широту кругозора. Впоследствии такое повторялось не раз.

Мангуп и Херсонес

В 1786 г. капеллан британской колонии в Петербурге Уильям Тук (1744-1820) отправил в английский журнал «Gentleman's Magazine» серию писем, рассказавших читателям о своем путешествии по России. Фактически, Тук оказался первым англичанином, опубликовавшим известия о Крыме после его присоединения к России [о нем см.: 21, с. 118, 123-128]. Правда, до самого полуострова путешественник так и не добрался. В Азове он якобы повстречал соотечественника, недавно побывавшего в Крыму, который и стал источником информации о новом приобретении России [85, р. 648]. На самом же деле, значительную часть сведений о Крыме Тук позаимствовал из сочинения русского путешественника Василия Зуева (около 1754-1794), ездившего по Крыму в 1782 г. [16]. Быть может, с помощью этой мистификации Тук пытался добиться большего доверия у английских читателей. В любом случае, он дополнил сведения о Крыме другими материалами, в частности — рассказом о присоединении полуострова к России и некоторых последствиях этого события.

Среди прочего, перечисляя «достопримечательные места» полуострова, Тук отнес к их числу «Мангуп — древний Херсонес» [85, р. 648; cf. p. 848, 1013-1014]. В этом отрывке Тук переработал информацию Зуева, который Мангуп от Херсонеса, конечно же, отличал [см.: 16, с. 281]. Но дело здесь вовсе не в том, что англичанин запутался в переводе. Его слова отражают то обстоятельство, что в конце XVIII в. местоположение исторического Херсонеса представляло еще загадку [подробнее: 51]. Именно поэтому Екатерина II, доверившись мнению В. Н. Татищева, считавшего, что город, в античности называвшийся Херсонесом, а в византийское время — Херсоном, находился в низовьях Днепра, передала его название вновь основанной там крепости, нынешнему областному центру юга Украины. Другие авторы локализова-

ли Херсонес в западном Крыму — на месте нынешней Евпатории, или же на востоке полуострова — в Феодосии. Бытовала даже легенда, очевидно, выдвинутая кем-то из местных жителей, что одна из феодосийских мечетей (вероятно, самая большая в городе, не дошедшая до наших дней Султан-Селим-Джами, иначе — Муфти-Джами) представляла собой перестроенную церковь, где некогда крестился киевский князь Владимир, как известно, ходивший в поход на Херсон.

Справедливости ради, нужно отметить, что некоторые современники конца XVIII — начала XIX вв. помещали Херсонес уже на территории нынешнего Севастополя, то есть там, где он и находился в реальности. Среди этих авторов были не столько путешественники и исследователи, сколько военные и топографы, а потому их мнение оставалось не слишком популярным. Лишь благодаря специальным разысканиям, предпринятым, по инициативе Григория Потемкина, архиепископом Евгением Булгарисом (1715-1806), чиновником Карлом Габлицом (1752-1821) и подполковником Бальдани действительное положение Херсонеса было не только установлено, но и стало общеизвестным. При этом многие, в том числе и Габлиц, думали, что древний город занимал едва ли не всю территорию Гераклейского полуострова, тогда как стены на берегу нынешней Карантинной бухты окружали лишь херсонесскую цитадель [37, с. 29-30; 5, с. 11 и карта 1; 6, с. 158-159 и карта; 73, р. 347]. Иначе говоря, сельскую округу Херсонеса, его хору, с разбросанными на ней постройками разного назначения, воспринимали как часть города.

Опровергнуть эти представления удалось только в начале XIX в. благодаря трудам прославленного исследователя Петера Палласа (1741-1811) и консультировавшегося у него французского агента Жана Рёйи (1780-1810) [27, с. 40-49; 82, р. 122]. При этом осматривавший окрестности Севастополя в компании Палласа знаменитый Кларк похоже, совершенно запутался, поместив на месте Херсонесского городища Страбонов Евпаторий, а сам Херсонес — на противоположном, восточном, берегу Карантинной бухты. На картах же, приложенных к его книге, и предполагаемый Евпаторий, и Херсонес сдвинулись еще дальше к востоку, на территорию между Карантинной и Артиллерийской бухтами. К тому же Кларк упоминает две башни, которые Паллас видел на территории Херсонесского городища, но локализует их в «своем» Херсонесе, то есть на противоположном берегу бухты. Трудно избежать предположения, что записи и натурные зарисовки Кларка оказались весьма неточными, а память подвела путешественника, и потому при подготовке его книги к печати возникла такая путаница [64, р. 210-212; см. также нумерованные карты «Древностей Крыма» и «Ахтиарской бухты»].

Таким образом, размышления Тука (или его информатора) о Херсонесе на Мангупском плато были не столько курьезом, сколько отражением хаоса гипотез и предположений, существовавших при изучении исторической географии Крыма в конце XVIII — начале XIX вв. Совершенно не понятно, чем руководствовался Тук (или же опять его информатор), предлагая оригинальную локализацию Херсонеса. Важно, что сами остатки древней крепости на вершине Мангупского плато, провоцировали исследовательский интерес, который наталкивался на слабое знание источников, а циклопические размеры развалин заставляли предполагать здесь наличие прославленного в прошлом города.

Суждение Тука не вызвало какой бы то ни было реакции в последующей историографии. Путешественник проигнорировал очевидный факт, что Херсонес, в отличие от Мангупа, лежал на морском берегу. Но, как станет ясно по одному из приведенных ниже сюжетов, в представлениях многих авторов эпохи в не столь отдаленном прошлом Крым лежал на морском дне, а поднимавшиеся над волнами вершины гор образовывали небольшой архипелаг, обитатели которого и соорудили «пещерные города».

Мангуп и историческая география Крыма

Уильям Тук был не единственным, кто допустил ошибку в рассуждениях о древних городах Крыма. Неточностей такого рода не удалось избежать, пожалуй, никому. Крым, на территории которого в древности и в эпоху средневековья возникло множество топонимов греческого, иранского, тюркского и иного происхождения, давал любопытным авторам редкую возможность попытаться упорядочить этот топонимический хаос и нанести соответствующие географические пункты на карты. Не случайно именно карты стали основой изданного за собственные средства исторического сочинения Карла Габлица, текст которого был лишь, по сути, пояснением к чертежу [5]. Впрочем, значительную часть сведений, в том числе историческую справку о Мангупе, он переписал у Тунманна [ср.: 37, с. 29-39]³. Все прочие авторы, как правило, не избегали соблазна поговорить о древних названиях.

Характерны слова Маттью Гатри, считавшего, что в античности город Мангуп назывался «Табана» [72, р. 86]. И действительно, по сообщению географа II в. н. э. Клавдия Птолемея, древняя Табана находилась в глубине Крымского полуострова [19, с. 248]. Эту мысль Гатри, несомненно, почерпнул у Клода-Шарля де Пейссоннеля (1727-1790), который в 50-х гг. XVIII в. был французским консулом в Крыму, а впоследствии издал объемный труд об этнической истории Причерноморья. Основанием для его умозаключения послужило сходство названий из античного географического сочинения и современного Пейссоннелю имени балки, по которой пролегал подъем на Мангуп [80, р. 106-107]. Последнее название переводится с тюркского как «кожевенный овраг» [3, с. 211, ср. там же: с. 60] и, следовательно, не имеет отношения к античной топонимике.

Этот случай вполне обычен для эпохи, когда историческая лингвистика делала лишь первые шаги, и поэтому сходство географических и этнических названий представлялось важнейшим, если не единственным аргументом для авторов того времени. Множество примеров такого рода возникало на крымской земле. Достаточно вспомнить, что само название полуострова пытались увязать, через наименование города Эски-Крым (Старый Крым), с созвучными античными населенными пунктами, например, Кареей, Кремнами или Киммериком, а также с древними этнонимами — киммерийцами и кимврами [подробнее см.: 47, с. 837-841].

Возвращаясь к сочинению Гатри, сегодня можно считать установленным, что шотландец писал свою книгу не по итогам личного посещения Крыма, но на основе сочинений других авторов. Описанное им путешествие оказалось вымышленным [53, с. 159-160]. Поэтому не должно удивлять, что у него Мангуп помещался на вершине горы над долиной Мариамполь близ Успенского монастыря в Бахчисарае [72, р. 86-87], то есть примерно километрах в 20 по прямой линии от

³ Нужно отметить, что сочинение Тунманна не раз служило путешественникам по Крыму источником вдохновения. Они беззастенчиво, и, в большинстве случаев, не указывая автора, переписывали большие или меньшие его фрагменты. Именно так поступила, например, автор широко известных путевых записок англичанка Элизабет Крейвен (1750-1828). Ее книга о путешествии из Петербурга в Константинополь представляет собой подборку из 48 писем, которые она писала, держа в уме будущую публикацию [21, с. 383], а еще, вероятнее, уже после возвращения из поездки, на основе дневника, который вела в пути. В результате, сведения об истории Крыма Крейвен попросту переписала, с некоторыми сокращениями и опечатками, из работы Тунманна, не забыв упомянуть о существовавшем на полуострове до османского завоевания княжестве Готия, «ныне называемом Мангуп» [65, р. 143-151; ср.: 37, с. 17-21]. Подобный прием использовали многие авторы того времени, очевидно, не видевшие ничего постыдного в «научном плагиате».

реального местонахождения городища. Такую ошибку мог сделать лишь тот человек, кто либо никогда не был в Крыму, либо основательно подзабыл подробности своей поездки.

Мангуп и генуэзское наследие

У путешественников, оказавшихся на Мангупе, либо просто описывавших его со слов местных жителей или по опубликованным уже известиям, не мог не возникнуть естественный вопрос — кто же были те люди, устроившие крепость на неприступной горной вершине? Местное предание связывало историю Мангупа со средневековыми генуэзцами, которые вскоре после османского завоевания Крыма сделались поистине народом легендарным. Не случайно османский путешественник второй половины XVII в. Эвлия Челеби (1611-1679/1682), очевидно, доверившись своим местным информаторам, писал, что генуэзцы были хозяевами нескольких крепостей (в реальности, конечно, никогда им не принадлежавших), в том числе Херсонеса и Мангупа [56, с. 67, 75]. Это свидетельствуют о том, что в его время бурные события XV в. уже основательно подзабылись. Позднее французский «кабинетный» историк середины XVIII в. Жозеф Дегинь (1721-1800) назвал Мангуп последним убежищем генуэзцев во время османского завоевания Крыма [66, р. 378-379]. Его источники, однако, остались не известными.

По-видимому, именно традиция, берущая начало от местных жителей, привела к тому, что многие европейцы считали Мангуп, наряду с некоторыми другими «пещерными крепостями», делом рук генуэзцев или, по крайней мере, местом, которым те владели в течение длительного времени [62, р. 3; 52, с. 404; 27, с. 63; 82, р. 134, 234; 63, р. 190; 73, р. 312]. Наверняка способствовало этим представлениям и известное сходство между циклопическими стенами Мангупа и укреплениями генуэзских крепостей в Чембало (Балаклаве), Судаке и Кафе (Феодосии). В пользу этого предположения говорят, например, слова Джеймса-Эдварда Александера (1803-1885), британского офицера, который не упустил возможности осмотреть крымские достопримечательности летом 1829 г. и назвал поездку на Мангуп *«одной из самых интересных экскурсий, мною предпринятых»* [60, р. 268]. Не будучи специалистом, но являясь по натуре человеком добродушным и внимательным [о нем см.: 40], к тому же профессиональным военным, он не стал вдаваться в подробности истории Мангупа, заметив, что, поднявшись на плато, путники *«миновали величественные остатки зубчатых стен генуэзской архитектуры»* [60, р. 270]. Как видим, мысль о генуэзских строителях Мангупа не противоречила знаменитому британскому здравому смыслу.

Сочинения конца XVIII — начала XIX в. свидетельствуют о том, что генуэзцам приписывали либо вообще не существующие сооружения, либо те, к которым они не могли иметь отношения. Так, один из сопровождавших Екатерину II в ее знаменитом путешествии на Юг в 1787 г., дипломат граф де Людольф, умудрился обнаружить генуэзские гербы на утесах, окружавших Бахчисарайскую долину [21а, с. 163]. Разумеется, никаких гербов там никогда не было. Кажется, путешественник что-то слышал о «пещерных городах» в окрестностях ханской столицы и мысленно перенес их поближе к тому месту, где находился сам. Когда через два десятка лет новороссийский губернатор герцог Арман де Ришельё поручил Габриэлю де Кастельно д'Орос (1757-1826) написать труд об истории и современном состоянии Новороссийского края, тот, вероятно, в качестве предварительной публикации анонимно издал шесть «Писем путешественника по южным провинциям России» [35а, с. 12-14]. В них он, в частности, приписал генуэзцам несколько величественных сооружений, сохранившихся в городе Старый Крым, и среди прочего — хорошо сохранившийся

фонтан [73а, р. 90]. Сегодня совершенно очевидно, что это были памятники мусульманской архитектуры, но люди эпохи Просвещения об этом еще не знали.

Многие исследователи Крыма полагали, что генуэзцы сыграли в его истории особую, положительную роль. Причиной были господствовавшие тогда в западно-европейской мысли представления о понятии цивилизация. В традициях Шарля де Монтескьё и Адама Смита торговле уделялось в это время особое внимание, ведь классики именно ее полагали двигателем прогресса. Генуэзцы же, как «торговая нация», осмысливались как носители творческого начала, прогресса и западной цивилизации, в противоположность туркам и татарам. Суждения такого рода можно обнаружить, например, в уже упоминавшемся сочинении Маттью Гатри, а также в трактате французского дипломата Жана де Рёйи (1780-1810), посетившего Крым в 1803 г. Последний использовал историю как аргумент, позволявший выявить текущие проблемы в развитии Крыма и обозначить перспективные направления его экономики и торговли [53, с. 163, 165-166; 50, с. 594-595]. Кто, как не «прогрессивные» генуэзцы, мог основать удивительную крепость в поражающем воображение месте?

Впрочем, иногда на роль строителей Мангупа предлагали и других жителей Крыма. Так, Зуев решил, что генуэзцам «достались от греков» многочисленные города, в том числе Мангуп и Херсонес [16, с. 281, 289]. Мысль о греках как строителях Мангупа, которых сменили генуэзцы, можно встретить и у Кларка [64, р. 276-277]. В обоих случаях путешественники, возможно, основывались на словах польского дипломата Мартина Броневского, побывавшего в Крыму в конце XVI в. Последний говорил об обитавших на Мангупе некоторое время (до османского завоевания) «греках-христианах», то есть жителях Крыма византийского времени, исповадовавших православие [74, р. xiii]. В результате в записках путешественников образ греков-эллинов сливается с образом греков-православных, и они предстают в виде единой культуры, непрерывно существовавшей на протяжении тысячелетий.

Гавриил Гераков (1775-1838), посетивший Крым несколькими десятилетиями спустя, в 1820 г., рассказал похожую историю о другом «пещерном городе» Чуфут-Кале, где якобы сначала жили греки, а потом генуэзцы, ссылаясь на караимские предания. Впрочем, он хорошо понимал сомнительность такого рода сведений [7, с. 29]⁴. В любом случае, к тому моменту в рассказах о «пещерных крепостях», очевидно, устная традиция успела перемешаться с учеными умозаключениями, так что определить истоки подобных утверждений уже вряд ли возможно.

Иногда предполагаемыми предшественниками генуэзцев на Мангупе считали — и, конечно, с куда большим основанием, — готов [72, р. 86; 5, с. 33; 17, с. 9-11]. Сведения об этом брались из классической работы Тунманна, который, однако, о генуэзцах в данном контексте ничего не говорил [37, с. 31-32].

Вполне оригинальное суждение высказал Павел Сумароков (1767-1846), описавший свою жизнь в Крыму в начале XIX в. Будучи не историком, а литератором, автором сочинения в модном «сентиментальном» жанре, он, конечно, отталкивался от исторических сведений, собранных его предшественниками. Сумароков предложил оригинальную версию происхождения Мангупа и некоторых других «пещерных» памятников: *«не готы ли, сие отродие скифов, озаренные уже христианской верой и бывшие в малом здесь числе, найдя выход себе из Тавриды загражденным от меня»*

⁴ Гераков ссылаясь на слова «стариков караимов». Караимы, тем не менее, говорили разное. Так, в 1825 г. путешествовавший по Крыму Александр Грибоедов (1795-1829) услышал от караимского «раббина» с Чуфут-Кале, что «пещерные города», включая Мангуп, построены хазарами, *«которые прежде назывались готами»* [11, с. 333]. Как бы то ни было, эти «предания» вполне могли оказаться пересказом известий ученых авторов конца XVIII — начала XIX вв.

ющихся в ней повелителей сармат, гуннов, хазар и половцев, поселились ради безопасности своей на тех громадах» [33, с. 49]. В этом отрывке интересны два момента. Во-первых, характерное противопоставление степняков — грабителей и варваров — оседлым христианам. Во-вторых, предположение о родстве между готами и скифами. Оно было естественным для поры, когда основные этнические процессы, такие как миграция и ассимиляция, еще не были сформулированы. Важнейшим, хотя и не единственным, свойством народа полагалось его название [31, с. 124-128], а потому этнология эпохи Просвещения фактически сводилась к поиску современных соответствий древним этнонимам [4, с. 422-428]. Предполагалось, что в ходе исторического процесса народы не исчезают бесследно, а как бы перетекают друг в друга, меняя только имена. В итоге скифов, например, европейские авторы XVIII в. находили повсюду в Восточной Европе, отождествляя их с самыми разными современными им народами [см.: 4]. Образ скифов был хорош тем, что каждый мог увидеть в нем что-то свое, причем этнографические представления зачастую невозможно отделить от литературной или политической метафоры, как, например, у того же Кларка [46, с. 119-123]. Поэтому естественно и умозаключение Сумарокова, что раз уж и скифы, и готы некогда занимали примерно одну и ту же часть Крымского полуострова, то одни были потомками других. Сегодня мы назвали бы это «примитивным автохтонизмом»⁵.

Нельзя не отметить еще одно сочинение, показывающее, как за несколько десятилетий эволюционировала методика исследования памятников, в результате чего происходил отказ от «аналогии по созвучию». Таковым является книга швейцарского путешественника Фредерика Дюбуа де Монперё (1798-1850), работавшего в Крыму в начале 30-х гг. XIX в. Он предположил, что создателями Мангупского городища могли быть тавроскифы, и связал его с известным по событиям конца II в. до н. э. скифским царем Скилуrom. Швейцарец исходил, прежде всего, из стратегически выгодного положения крепости и легкости сооружения здесь укреплений. Дюбуа полагал, что именно на Мангупе могла находиться упомянутая Страбоном (*Geogr.* 7. 4. 7) крепость Хабон (Хабей), построенная тем же Скилуrom [68, р. 285-286]. Проблема локализации принадлежавших Скилуру скифских крепостей стала актуальной в связи с открытием в 1827 г. на окраине Симферополя городища Керменчик, которое предположительно увязали с «третьей крепостью Скилура» — Неаполем [36; 44]. Этому сюжету посвящен раздел в книге Дюбуа, который вел исследования на развалинах древнего города и в его окрестностях [68, р. 378-388].

Рассуждая о древнем названии и обстоятельствах возникновения крепости на Мангупском плато, путешественник следовал той же логике, что и его предшественники. Он пытался заполнить лакуны в истории Крыма с помощью известных памятников археологии, в условиях, когда не были еще накоплены достаточные сведения для выделения археологических культур и создания археологической периодизации. Но, как видим, Дюбуа уже отказался от отождествления современных памятников и древних географических пунктов на основании простого созвучия, а также попытался вывести их историю за пределы средневековья. Между прочим, строителями других «пещерных городов» Дюбуа называл тавров [68, р. 218]. Значит, он уже понимал,

⁵ По-видимому, подобные воззрения были свойственны и поляку, католическому Могилевскому архиепископу Станиславу Сестренцевичу-Богущу (1731-1826). Он приезжал в Крым вскоре после присоединения к России, по поручению Григория Потемкина. Ему, знавшему древние языки, было поручено составить историю полуострова. В текст повествования ученый священник вплел свои воспоминания о поездке. И, в частности, рассказывая о Мангупе, заметил, что народ готов — владыка крепости, «сохранял власть над Тавридой на протяжении четырех тысяч лет» [84, р. 255].

что эта группа памятников в целом не является единой. Возникновение «пещерных городов» может быть связано с различными историческими обстоятельствами.

Как видим, большинство путешественников и исследователей предпочитало не оставлять лакун в истории Мангупа, дополняя своими фантазиями те места, где не хватало сведений источников. На этом фоне выделяется мнение Ивана Муравьева-Апостола (1762-1851), совершившего в весьма почтенном возрасте путешествие в Крым в 1820 г. В своем сочинении автор объединил жанры путевых записок и исторического исследования, попытавшись критически оценить данные письменных источников о памятниках Тавриды и связать их с видимыми на местности развалинами [55, с. 139-151].

Осмотрев Мангуп, Муравьев-Апостол отверг все реконструкции его истории до XV в., включая предположения о господстве готов и генуэзцев, усмотрев противоречия в рассуждениях коллег на фоне недостатка источников. Вывод, к которому пришел путешественник, соединил язык литературы сентиментализма с корректностью ответственного исследователя, признавшего неразрешимость проблемы: «Что же такое Мангуп? — Отчаяние мое. Выезжать из него скорее, ибо ничего нет досаднее, как неудовлетворенное любопытство» [24, с. 182-189].

Мангуп и легенды о «всемирном потопе»

В 1641 г. знаменитый османский путешественник Эвлия Челеби впервые посетил Крым. В тот раз ему не удалось подробно исследовать полуостров [56, с. 6]. В связи с этой поездкой в самом начале его книги появились слова о том, что Черное море представляет собой остаток Ноева потопа. Тогда значительная часть его нынешних берегов скрывалась под морскими волнами. Среди прочих мест свидетельства этого были обнаружены на Мангупе, который представлял собой замок, находившийся в одном дне пути от Бахчисарая, на высокой скале. Здесь до времени Эвлии сохранились каменные столбы, к которым в прошлом привязывали корабли [70, р. 6]. Ясно, что путешественник основывался на каких-то местных преданиях. Любопытно, что после того, как в 1666-1667 гг. Челеби подробно ознакомился с Крымом и составил его подробное описание, в рассказе о Мангупе ничего подобного уже не повторилось [56, с. 7-8, 75-80].

Полтора века спустя, описывая Мангуп, Петер Паллас заметил, что лежавшую у его подножья долину татары называют «Филегус» («Philegus»), а греки «Пелатос» («Pelagos»), и что она, вероятно, в прошлом была дном озера («Insee»), которое впоследствии прорвалось сквозь окружавшие долину горы. На это предположение исследователя натолкнула структура рельефа местности [79, S. 120-121; ср.: 27, с. 63-64]. Последователи Палласа обратили внимание на сходство упомянутого им названия долины с греческим словом «πέλαγος» — «(открытое) море» [20, с. 270; 22, с. 403]. Заметим, что с точки зрения современной ономастики эта этимология не верна. Название долины, вероятно, происходит от новогреческого «πλαγίως» — «склон горы» [3, с. 69, 106]. Однако связь с морем поддерживали еще и передаваемые местными жителями легенды о кольцах, каменных или железных, укрепленных высоко над землей в мангупских скалах, служивших в незапамятные времена, когда уровень моря был выше нынешнего, для привязывания лодок [18, с. 42-45]. Еще больше историй о подобных кольцах, зачастую дополненных разного рода красочными подробностями, рассказывали о других «пещерных городах» и вообще о крымских горах, например, долине Бахчисарая.

Едва ли не первым поведал о них дворянин венгерского или словацкого происхождения барон Франсуа (Ференц, Франтишек) де Тотт (1733-1793). Он был фран-

цузским консулом в Крыму в 1767-1769 гг. [67; 13] и впоследствии издал книгу о своих приключениях в Татarii и Турции, впрочем, полную разного рода небылиц [81; 83]. Путешественник обратил внимание на то, что крымские скалы состоят из осадочных пород и несут следы, которые он счел результатом воздействия воды (в реальности же бывшие следствием выветривания). Рассказывая о том, как в обществе одного крымского татарина он осматривал окрестности ханской столицы, де Тотт пишет: *«Я прогуливался в обществе этого человека по ущельям, примыкающим к тому, где расположен Бахчисарай. Я заметил железное кольцо, находившееся на вершине неприступной скалы, нависавшей над этим ущельем и запиравшей его своим изгибом. Я спросил у своего татарина о назначении этого кольца. „Думаю, что оно служило, — спокойно ответил он мне, — для крепления судов, поскольку море, омывая эти скалы, образует порт в этом ущелье.“ Я был поражен...»*. Путешественник, конечно же, обрадовался тому, что его собственные выводы совпали с мнением туземца [86, р. 99]. Впоследствии подобные крымскотатарские предания пересказывали и другие путешественники⁶. Они старались соединить их с библейской легендой о Ноевом потопе, с рассказом античных авторов и, прежде всего, Диодора о том, что Черное море в далеком прошлом было замкнутым водоемом, пока его воды не прорвалась в Средиземноморье, затопив прибрежные страны. Популярности этих представлений способствовал авторитет знаменитого французского естествоиспытателя Жоржа-Луи де Бюффона, увидевшего в рассказе Диодора рациональное зерно. Так авторы описаний Крыма соединяли воедино личные наблюдения, крымскотатарские легенды и сведения античных авторов [подробнее: 43, с. 81-82].

Заметим, впрочем, что не все были согласны с подобной интерпретацией загадочных колец. Так, Эдвард Кларк, отвергнувший «причальную» версию как явную нелепость, взамен выдвинул не менее экстравагантную. По его мнению, к кольцам на противоположных сторонах Бахчисарайской долины прикрепляли канат, на котором в дни праздников устраивались представления акробатов на потеху крымским ханам [64, р. 187]. А Пирс-Бальтазар фон Кампенгаузен (1746-1808), состоявший при Потёмкине в роли секретаря для иностранной переписки и оставивший любопытное описание Крыма, рассказал не только о причальных, но и о других кольцах. Как и многие современники, Кампенгаузен занялся поисками храма таврической Дианы (херсонесской Девы), который античные авторы помещали где-то на южных берегах Крыма [об этих поисках см.: 39, с. 48-51; 42, с. 373-375]. Ему удалось отыскать какие-то развалины (точное местоположение их не ясно), среди которых был *«прекрасный кусок мрамора, украшенный барельефами самой совершенной работы; этот блок составлял часть алтаря, и к нему ещё крепится большое бронзовое кольцо, к которому приковывали несчастных, предназначенных в жертву»* [61, S. 112]. Как видим, на место одних фантазий легко приходили другие. В реальности же кольца в скалах имели вполне прозаичное назначение — их использовали для привязывания животных, крепления деревянных конструкций и пр. [58, с. 35-36].

⁶ Во второй половине XIX в. предания о море, некогда покрывавшем большую часть Крыма, распространились среди крымских караимов [22, с. 403]. Правда, нельзя исключить, что они заимствовали его у своих соседей, татар. Между прочим, если верить Евгению Маркову (1835-1903), автору неоднократно переиздававшихся «Очерков Крыма», одним из источников подобных крымскотатарских легенд могла быть народная этимология названия «Черкес-Кермен», обозначающего пещерный город, также известный как «Эски-Кермен». Проводники рассказывали ему, что название города происходит от слова «денгис», которое по-татарски означает «море», так как *«вкругом горы в древности было море»* [22, с. 400]. В действительности этимология этого названия связана с северокавказскими черкесами [3, с. 138].

Мангупское городище и европейская политика

Успехи Российской империи в Причерноморье во второй половине XVIII в., включавшие бескровное присоединение Крыма, шокировали представителей Западной и Центральной Европы. Монтескье однажды заметил, что в середине правления Людовика XIV, то есть к концу XVII в., *«Москва была в Европе столь же мало известна, как Крым»* [23, с. 122]. Полуостров в данном случае выступил как синоним «белого пятна» на карте, а значит, из почти не известной и почти ни на что не влиявшей страны Россия менее чем за столетие превратилась в одного из ключевых игроков мировой политики. Западноевропейцам пришлось не только вносить изменения в свои внешнеполитические доктрины, но и пересматривать свои взгляды на Россию, ее культуру и историческую миссию [12, с. 164-172; 32; 26, с. 125-136]. Свое видение решения этой проблемы предлагали не только политики, но и философы, ученые, литераторы. Удивительным образом в дискуссию оказались вовлечены и памятники культурного наследия полуострова, в частности, находившиеся на Мангупе.

Рассказывая о поездке на Мангуп, Эдвард Кларк заметил: *«...мы обнаружили остатки церквей и других общественных зданий, среди руин; они сохранились гораздо лучше, чем можно было ожидать в Российской империи — это объясняется их труднодоступностью»* [64, р. 279]. Этот неожиданный вывод вытекал из логики его сочинения. Кларк, особенно интересовавшийся памятниками прошлого и посвятивший их изучению значительную часть своего труда, использовал их судьбу в качестве аргумента, доказывающего «варварство» и «нецивилизованность» русских [подробнее: 46]. По его мнению, русские повсеместно занимались целенаправленным уничтожением памятников археологии. Это обвинение, очевидно, должно было шокировать читателей, которые, как уже говорилось, считали античность колыбелью европейской цивилизации. Нет никаких сомнений в том, что заброшенные постройки в Крыму постепенно разрушались под воздействием антропогенных и природных факторов. Но, кажется, Кларк был единственным, который попытался использовать вопрос об их сохранности в политических целях. Вывод, сделанный им, сводится к тому, что покорение Крыма было делом несправедливым, русские установили здесь свои «тиранические порядки» и принесли лишь страдания местным жителям. Потому европейским державам следовало бы послать войска, дабы вернуть полуостров Высокой Порте [64, с. 268-270].

Размышления о геополитических последствиях присоединения Крыма встречаются у многих авторов рубежа XVIII-XIX вв. Французы Шарль де Бар, Жан Рёйи и некоторые другие рекомендовали использовать открывшиеся в результате этого события возможности в интересах французской торговли. Крым мог стать плацдармом для проникновения французских товаров во внутренние губернии России и далее, в глубины Азии [48]. С другой стороны, в окружении Наполеона обсуждался проект создания на границах России барьера из зависимых от Франции стран. Среди них должно было быть возрожденное крымскотатарское государство, по версии, разработанной польским генералом Михалом Сокольным, объединенное с запорожскими казаками и получившее, вместо «оскверненного» русскими названия «Таврида», имя «Наполеонида» [1, с. 286-287, 290-291, 500-501, 508]. Впрочем, к практической реализации этого проекта так и не приступили. Быть может, Наполеон счел Крым более пригодным к роли «взятки» для османов. В феврале 1807 г. на неудачных переговорах о заключении союза с Высокой Портой Франция обещала туркам помощь в отвоевании Крыма, не исключая и прямой военной интервенции [30, с. 17, 56-58]. Как видим, в некоторых случаях взгляды на Крым традиционных антагонистов — англичан и французов — могли совпадать.

Как бы то ни было, из слов Кларка следует, что он оценил степень сохранности мангупских памятников как удовлетворительную, и, во всяком случае, превосходившую состояние других объектов в Крыму. О том, что разрушения были, но оставались не столь значительными на фоне проблем других памятников, свидетельствует и отчет художника Эжена Паскаля — участника экспедиции академика Кёлера в Крым в 1821 г. [34, с. 395-396].

Как известно, поначалу Шерлок Холмс счел легенду о проклятии Баскервильей волшебной сказкой. Позднее, правда, выяснилось, что именно эта история, вымышленная или нет, подсказала коварному негодяю план изощренного преступления. Многие рассказы путешественников о Мангупе, на первый взгляд, кажутся сказочными, ничуть не более достоверными, чем баскервильский документ. Но именно они отражают особенности восприятия прошлого в эпоху, переходную от Просвещения к Романтизму. В этом и заключается их ценность для истории изучения прошлого Крыма и, шире, образа полуострова в общественном сознании.

Интересно сравнить описания Мангупа с образом других крымских памятников в сочинениях исследуемого периода. В случае с Херсонесом, история которого заметно богаче обеспечена доступными в ту эпоху источниками, соответствующие фрагменты путевых дневников заметно более реалистичны и ориентированы на поиск отдельных памятников, которые могут быть связаны с упомянутыми в источниках сюжетами [41]. Это же можно сказать об описаниях генуэзских древностей Балаклавы, Судака и Феодосии.

Параллели с образом Мангупа в записках этого времени составляют, думается, описания Инкермана и, как это не удивительно, Старого Крыма. Пещерные монастыри в Инкерманских скалах моментально превратились в одну из крымских достопримечательностей, которую посещали большинство прибывших на полуостров. В их трудах пещерные помещения совершенно заслонили развалины Каламитской крепости на вершине Монастырской скалы. Путешественникам было ясно, что пещерные сооружения Инкермана относятся к христианской эпохе, но, не зная исторических деталей, они создавали более или менее фантастические суждения о том, при каких обстоятельствах были сооружены пещерные церкви и кельи [см.: 42, с. 368-373; ср.: 49, с. 456-460]. Кроме того, описания Мангупа с их нередко фантастическими деталями и смелым полетом фантазии напоминают рассказы о посещении Старого Крыма, в ту пору полуразрушенного городка, где лишь развалины мусульманских сооружений свидетельствовали о былом их величии. Несмотря на то, что это был памятник другой культуры, созданной Золотой Ордой и Крымским Ханством, он, благодаря почти полному отсутствию соответствующих исторических знаний, стимулировал фантазии путешественников и заставлял их, к примеру, искать здесь связи с античным прошлым и предаваться сентиментальным мечтаниям [см.: 47].

Пример Мангупа показывает, как идеи и принципы, рожденные в разных культурных и временных обстоятельствах, продолжали жить уже в иные исторические периоды, зачастую приобретая новое звучание. Через несколько десятилетий после описываемых событий, когда началась Восточная (Крымская) война 1853-1856 гг., в очередной раз привлекая внимание Европы к далекому полуострову, побывавший в Крыму в составе союзных войск священник Томас Милнер опубликовал собственные очерки Крыма. Рассказывая о Мангупе, он заметил: *«говорят, что во время русского завоевания последний татарский отряд укрылся в Мангуп-Кале»* [75, р. 48]. Как видим, легенды продолжали возникать, а необычный облик плато стимулировал

творчество местных жителей. Традиция, созданная авторами конца эпохи Просвещения — начала эпохи Романтизма, оказалась удивительно стойкой. Так, представления о родстве и преемстве между сменявшимися в Крыму народами — таврами, скифами, сарматами, готами и другими, — предполагавшие, что их пребывание в одном и том же географическом регионе важнее, например, языковых связей, сохранялись в научном дискурсе вплоть до второй половины XX в. [см.: 59]. До настоящего времени в популярной литературе и на разнообразных Интернет-сайтах, посвященных «тайнам истории», можно отыскать рассказы о следах «всемирного потопа» в Крыму. Подобные рассуждения можно встретить и в изданиях, декларирующих научный характер, причем собранные далекими предшественниками сведения их авторы пытаются соединить с результатами естественнонаучных исследований [например: 38, с. 36-58].

Таким образом, мозаика идей, родившихся в сознании людей конца XVIII — начала XIX в., положила начало традиции научного изучения памятников Мангупа, а также сделала городище популярным предметом псевдоисторических штудий и, в конечном итоге, внесла свой вклад в формирование романтического образа памятника, сегодня привлекающего к нему многочисленных исследователей и туристов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ададуров В. В. «Наполеоніда» на сході Європи: уявлення, проекти та діяльність уряду Франції щодо південно-західних окраїн Російської імперії на початку XIX століття. Львів: УКУ, 2007. 560 с.
2. Белик Ю. Л. Оборонительные сооружения на Керченском полуострове (XVII-XVIII вв.). Казань: Институт истории им. Ш. Марджани, 2016. 236 с.
3. Бушаков В. А. Лексичний склад історичної топонімії Криму. Київ, 2003. 226 с.
4. Вульф Л. Изобретая Восточную Европу: карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения / пер. И. И. Федюкин. М.: Новое литературное обозрение, 2003. 548 с.
5. [Габлиц К.] Географические известия, служащие к объяснению прежнего состояния нынешней Таврической губернии, собранные из разных древних времен писателей, с тремя картами. СПб.: Типография Государственной медицинской коллегии, 1803. 52 с.
6. [Габлиц К.] Изъяснение плана развалин древнего Херсона // Отечественные записки. 1822. № 22: февраль. С. 158-163.
7. Гераков Г. Продолжение путевых записок по многим российским губерниям, 1820-го и 1821-го. Петроград: Типография Н. Греча, 1830. 231 с.
8. Герцен А. Г. Мангуп — город в крымском поднебесье. Симферополь: Таврия, 2007. 64 с.
9. Герцен А. Г. Мангуп глазами исследователей и путешественников (XVI — начало XX вв.) // Бахчисарайский историко-археологический сборник. 2008. Вып. 3. С. 212-256.
10. Герцен А. Г., Могаричев Ю. М. Херсон и его округа в конце X — XI вв. «Пещерные города» // Русский исторический сборник: Средневековый Херсон X-XI вв. М.: Киммерийский центр, 2015. С. 433-481.
11. Грибоедов А. С. Полное собрание сочинений в трех томах. Т. 2. СПб.: Нотабене, 1999. 617 с.
12. Гро Д. Россия глазами Европы: 300 лет исторической перспективы // Дружба народов. 1994. № 3. С. 160-172.
13. Даниш М. Дипломат словацкого происхождения барон Франтишек Тотт при дворе крымского хана Гирея // Запад — Восток. 2015. № 8. С. 35-48.
14. Екатерининский Петербург глазами иностранцев. Неизданные письма 1770-х годов / сост. А. Н. Спащанский. СПб.: Паритет, 2013. 288 с.
15. Заморяхин А. В. Ранний период изучения области расселения крымских готов (конец XVIII — 30-е гг. XIX в.) // Вестник Пермского университета. История и политология. 2007. Вып. 3(8). С. 149-160.
16. [Зуев В. Ф.] Выписка из путевых записок Василия Зуева, касающихся до полуострова Крыма. 1782 года // Собрание сочинений, выбранных из Месяцесловов на разные годы. СПб.: Императорская академия наук, 1790. С. 265-303.

17. Измайлов В. Путешествие в полуденную Россию. Изд-е 2-е. Ч. 3. М.: Типография Христофа Клаудия, 1805. 142 с.
18. Караулов Г. Крымские пещерные города и крипты // ЗООИД. 1872. Т. 8. С. 39-108.
19. Качарава Д., Квирквелия Г. Города и поселения Причерноморья античной эпохи. Малый энциклопедический справочник. Тбилиси: Мецниереба, 1991. 656 с.
20. Кеппен П. Крымский сборник. О древностях Южного берега Крыма и гор Таврических. СПб.: Типография Императорской академии наук, 1837. 409 с.
21. Кросс Э. Британцы в Петербурге. XVIII век / пер. Н. Г. Беспярых, Ю. Н. Беспярых. СПб.: Дмитрий Буланин, 2005. 526 с.
- 21а. Людольф де. Письма о Крыме // Русское обозрение. 1892. Том 2: март. С. 155-201.
22. Марков Е. Л. Очерки Крыма. Киев: Стилюс, 2006. 512 с.
23. Монтескье Ш. Л. О духе законов / пер. А. В. Матешук. М.: Мысль, 1999. 672 с.
24. [Муравьев-Апостол И. М.] Путешествие по Тавриде в 1820 году. СПб.: Типография при Особенной канцелярии Министерства внутренних дел, 1823. 336 с.
25. Нарушевич А. Таврикия, или известия древнейшие и новейшие о состоянии Крыма и его жителей до наших времен. Киев: Типография Академии киевской, 1788. 172 с.
26. Нойманн И. Использование «Другого»: образы Востока в формировании европейских идентичностей / пер. В. Б. Литвинов, И. А. Пильщиков. М.: Новое издательство, 2004. 336 с.
27. Паллас П. С. Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным наместничествам Русского государства в 1793-1794 годах / пер. А. Л. Бертье-Делагард, С. Л. Белявская. М.: Наука, 1999. 246 с.
28. Пензер Н. Гарем. История. Традиции. Тайны / пер. О. И. Милова. М.: Центрполиграф, 2005. 303 с.
29. Равдоникас В. И. Пещерные города Крыма и Готская проблема // ИГАИМК. 1932. Т. XII. Вып. 1-8 (Готский сборник). С. 5-106.
30. Сироткин В. Г. Дуэль двух дипломатий. Россия и Франция в 1801-1812 гг. М.: Наука, 1966. 200 с.
31. Слѣзкин Ю. Естествоиспытатели и нации: русские ученые XVIII века и проблема этнического многообразия // Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет. М.: Новое издательство, 2005. С. 120-154.
32. Строев А. Россия глазами французов XVII — начала XIX века // Логос. 1999. № 8. С. 8-41.
33. Сумароков П. [И.] Досуги крымского судьи или второе путешествие в Тавриду. Ч. II. СПб.: Императорская типография, 1805. 244 с.
34. [Тизенгаузен В. Г.] О сохранении и возобновлении в Крыму памятников древности и об издании описания и рисунков оных // ЗООИД. 1872. Т. 8. С. 363-403.
35. Толочко А. [П.] Киевская Русь и Малороссия в XIX веке. Киев: Laugus, 2012. 256 с.
- 35а. Третьяк А. «Lettres sur Odessa» Шарля Сикара // Дерибасовская — Ришельевская: одесский альманах. 2010. № 43. С. 6-19.
36. Тункина И. В. Позднескифские памятники Симферополя (открытия на Керменчике в 1784-1831 гг.) и их интерпретация в современной археологии // Грани гуманитарного знания. Сборник статей к 60-летию профессора Сергея Павловича Щавелева. Курск: КГМУ, 2014. С. 295-343.
37. Тунманн [И.-Э.] Крымское ханство / пер. Н. Л. Эрнст, С. Л. Белявская. Симферополь: Таврия, 1991. 96 с.
38. Фадеева Т. М. Сакральная география Крыма. Очерки. Симферополь: Бизнес-Информ, 2010. 221 с.
39. Формозов А. А. Пушкин и древности. Наблюдения археолога. М.: Языки русской культуры, 2000. 144 с.
40. Храпунов Н. И. Другая николаевская Россия, или полемика травелогов. Рец. на кн.: Александер Дж. Россия глазами иностранца / пер. с англ. А. Базилевич. М., 2008 // Ab Imperio. 2011. № 2. С. 397-405.
41. Храпунов Н. И. Херсонес в описаниях европейских путешественников конца XVIII — начала XIX вв. // МАИЭТ. 2011. Вып. XVII. С. 595-630.
42. Храпунов Н. И. Христианские памятники Херсонеса и окрестностей в описаниях европейских путешественников конца XVIII — начала XIX вв. // Климентовский сборник. Севастополь: Телескоп, 2013. С. 366-383.
43. Храпунов Н. И. Записки Жильбера Ромма о Крыме: археологический комментарий // Французский ежегодник 2014. Т. 2: Франция и Восток. М., 2014. С. 63-101.
44. Храпунов Н. И. Некоторые новые данные о начале исследований городища Керменчик — предполагаемого скифского Неаполя // Археология и история Крыма. Симферополь, 2015. Вып. II. С. 461-469.
45. Храпунов Н. И. Взгляд извне: британский поэт и путешественник Реджинальд Хебер о состоянии Крыма в 1806 г. // Крымское историческое обозрение. 2015. № 3. С. 252-273.
46. Храпунов Н. И. Крымские древности глазами Эдварда-Даньела Кларка: от археологии к идеологии // Известия Уральского федерального университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2016. Т. 18, № 3(154). С. 116-132.
47. Храпунов Н. И. Старый Крым и его памятники глазами путешественников конца XVIII — начала XIX века // Золотоордынское обозрение. 2016. Т. 4. № 4. С. 832-860.
48. Храпунов Н. И. Размышления о Крыме в контексте мировой политики в трудах путешественников рубежа XVIII-XIX вв. // Ялта 45: уроки истории. Крым в истории международных отношений в XIX-XXI вв. Ливадия, 2016. С. 173-184.
49. Храпунов Н. И. Между Византией и Русью: история и археология Крыма глазами интеллектуалов конца XVIII — начала XIX века // Культурный шар. Статті на пошану Гліба Юрійовича Івакіна. Київ: Laugus, 2017. С. 448-463.
50. Храпунов Н. И. Французский дипломат Жан Рёйи, история черноморской торговли и проекты экономического развития Крыма в начале XIX в. // XVIII Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Торговля: пути — товары — отношения. Керчь, 2017. С. 592-597.
51. Храпунов Н. И. Византийский Херсон и Екатерина Великая // АДСВ. Вып. 44 (в печати).
52. Храпунов Н. И., Гинькут Н. В. Крым в 1784 г. по свидетельству французского путешественника барона де Бара // МАИЭТ. 2015. Вып. XX. С. 395-430.
53. Храпунов Н. И., Гинькут Н. В. Маттью Гатри и его «путешествие» в историю Крыма // Известия Уральского федерального университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2015. № 4. С. 157-170.
54. Шаманаев А. В. Охрана археологических памятников «пещерных городов» Крыма в XIX — начале XX в. // АДСВ. 2008. Вып. 38. С. 297-313.
55. Шёнле А. Подлинность и вымысел в авторском самосознании русской литературы путешествий, 1790-1804 / пер. Л. Соловьёв. СПб.: Академический проект, 2004. 271 с.
56. Эвлия Челеби. Книга путешествия. Крым и сопредельные области / пер. Е. В. Бахревский. Симферополь: Доля, 2008. 272 с.
57. Эко У. История иллюзий. Легендарные места, земли и страны / пер. А. А. Сабашников. М.: Слово, 2014. 480 с.
58. Эрнст Н. Л. Эски-Кермен и пещерные города Крыма // ИТОИАЭ. 1929. Т. III. С. 15-43.
59. Юрочкин В. Ю. Готский вопрос. Симферополь: Сонат, 2007. 496 с.
60. Alexander J. E. Travels to the Seat of War in the East, through Russia and the Crimea, in 1829. Vol. I. London: Henry Colburn and Richard Bentley, 1830. 308 p.
61. Campenhausen [B., von]. Bemerkungen über Rußland. Leipzig: Friedrich Christian Dürr, 1807. 199 S.
62. [Caraman V. L. Ch., de. Journal d'un voyage en Crimée] // Journal des débats politiques et littéraires. Samedi 23 septembre. 1854. P. 2-3.
63. [Castelnau G., de]. Essai sur l'histoire ancienne et modern de la Nouvelle Russie. T. III 2nd ed. Paris: Rey et Gravier, 1827. 347 p.
64. Clarke E. D. Travels in Various Countries of Europe, Asia, and Africa. Part the first. Russia, Tahtary, and Turkey. 4th ed. Vol. 2. London: T. Cadell and W. Davies, 1817. 524 p.
65. [Craven E.] A journey through the Crimea to Constantinople in a series of letters... London: G. G. J. and J. Robinson, 1789. 327 p.
66. Deguignes [J.] Histoire générale des Huns, des Mongoles, des Turcs el des autres Tartares occidentaux... T. 3. Paris: Desaint & Saillant, 1757. 542 p.
67. Dehérain H. La mission du Baron de Tott et de Pierre Ruffin auprès du Khan de Crimée de 1767 à 1769 // Revue de l'histoire des colonies françaises. 1923. Т. 15. P. 2-32.

68. Dubois de Montpéroux F. Voyage autour du Caucase, chez les Tcherkesses et les Abkhases, en Colchide, en Géorgie, en Arménie et en Crimée... Vol. VI. Paris: Librairie de Gide, 1843. 461 p.
69. Eisner R. Travelers to an Antique Land: The History and Literature of Travel to Greece. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1993. 304 p.
70. Evliyá Efendí. Narrative of Travels in Europe, Asia, and Africa, in the Seventeenth Century / tr. J. von Hammer. London: Oriental Translation Fund of Great Britain and Ireland, 1846. 186 p.
71. Formaleoni [V. A.] Histoire philosophique & politique du commerce, de la navigation, et des colonies des anciens dans la mer-Noire... T. I-II. Venise: Charles Palese, 1789. 240 + 283 pp.
72. Guthrie M. A Tour, Performed in the Years 1795-6, through the Taurida, or Crimea... London: T. Cadell, Jun. and W. Dawies, 1802. 446 p.
73. Henderson E. Biblical Researches and Travels in Russia... London: James Nisbet, 1836. 538 p.
- 73a. Lettres d'un voyageur dans les provinces méridionales de Russie // Bibliothèque Britannique... T. 40. Genève, 1809. P. 81-111, 348-360, 477-501.
74. Marcin Broniewski. Tartariae Descriptio. Opis Tatarii / Red. M. Mączyńska. Łódź: SNAP, 2011. 116 s.
75. Milner Th. The Crimea, Its Ancient and Modern History: The Khans, the Sultans, and the Czars... London: Longman, Brown, Green, and Longmans, 1855. 368 p.
76. [Motraye A., de la] A. de la Motraye's Travels through Europe, Asia, and into Part of Africa. Vol. II. London, 1723. 432 p.
77. [Motraye A., de la] Voyages du Sr. A. de la Motraye, en Europe, Asie & Afrique. T. 2. La Haye: T. Johnson & J. van Duren, 1727. 496 p.
78. Oderico G. L. Lettere Ligustiche, ossia Osservazioni Critiche Sullo Stato Geographico della Liguria fino ai tempi di Ottone il Grande, con le memorie storiche di Caffa... Bassano, 1792. 214 p.
79. Pallas P. S. Bemerkungen auf einer Reise in die südlichen Statthalterschaften des russischen Reichs in den Jahren 1793 und 1794. Bd. 2. Leipzig: Gottfried Martini, 1801. 525 S.
80. Peyssonnel [Cl. Ch., de] Observations historiques et géographiques sur les peuples barbares qui ont habité les bords de Danube & du Pont-Euxine. Paris: N. M Tilliard, 1765. 364 p.
81. Peyssonnel [Cl. Ch., de] Observations critiques sur les mémoires de M. le baron de Tott. Maestricht: J. E. Dufour & Ph. Rou, 1785. 133 p.
82. Reuilly J. Voyage en Crimée et sur les bords de la Mer Noire pendant l'année 1803... Paris: Bossange, Masson et Besson, 1806. 302 p.
83. Ruffin [P.] Lettre de M. le baron de Tott, etc. // Mémoires du Baron de Tott sur les Turcs et les Tartares. T. 2. Amsterdam, 1785. P. 1-32 [Appendice].
84. Sestrenczewicz de Bohusz S. Histoire de la Tauride. T. 1. Brunswick: Pierre-François Fauche et Comp., 1800. 368 p.
85. [Tooke W. Original Correspondence from Russia] // The Gentleman's Magazine: and Historical Chronicle. 1786. Vol. LVI. Pt. 2. P. 547-552, 643-648, 846-851, 921-924, 1013-1015.
86. [Tott F., de] Mémoires du baron de Tott, sur les Turcs et les Tartares. Pt. 1-2. Amsterdam, 1785. 220 p.

REFERENCES

1. Adadurov V. V. «Napoleonida» na skhodi Evropy: uiavlennia, proekti ta diial'nist' uriadu Frantsii shchodo pivdenno-zakhidnikh okraïn Rosiis'koï imperii na pochatku XIX stolittia, Lviv, 2007, 560 p.
2. Belik Iu. L. Osmanskii oboronitel'nye sooruzheniia na Kerchenskom poluostrove (XVII-XVIII vv.), Kazan, Institut istorii im. Sh. Mardzhani Publ., 2016, 236 p.
3. Bushakov V. A. Lektsionnyi sklad istorichnoi toponimii Krimu, Kiev, 2003, 226 p.
4. Wolff L. Izobretaiia Vostochnuiu Evropu: karta tsivilizatsii v soznanii epokhi Prosveshcheniia, Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2003, 548 p.
5. [Hablitz C.] Geograficheskie izvestiia, sluzhashchie k ob"iasneniiu prezhnego sostoiianiia nyneshnei Tavricheskoi gubernii, sobrannye iz raznykh drevnikh vremen pisatelei, s tremia kartami, S-Petersburg, Tipografiia Gosudarstvennoi meditsinskoi kollegii Publ., 1803, 52 p.
6. [Hablitz C.] Iz"iasnenie plana razvalin drevnego Khersona. Otechestvennye zapiski, 1822, vol. 22, pp. 158-163.

7. Gerakov G. Prodolzhenie putevykh zapisok po mnogim rossiiskim guberniiam, 1820-go i 1821-go, Petrograd, Tipografiia N. Grecha, 1830, 231 p.
8. Gertsen A. G. Mangup — gorod v krymskom podnebes'e, Simferopol', Tavriia Publ., 2007, 64 p.
9. Gertsen A. G. Mangup glazami issledovatelei i puteshestvennikov (XVI — nachalo XX vv.). Bakhchisaraiskii istoriko-arkheologicheskii sbornik, 2008, vol. 3, pp. 212-256.
10. Gertsen A. G., Mogarichev Iu. M. Kherson i ego okrug v kontse X-XI vv. «Peshchernye goroda». Russkii istoricheskii sbornik: Srednevekovyi Kherson X-XI vv., Moscow, Kimmeriiskii tsentr Publ., 2015, pp. 433-481.
11. Griboedov A. S. Polnoe sobranie sochinenii v trekh tomakh, vol. 2, S-Petersburg, Notabene Publ., 1999, 617 p.
12. Gro D. Rossiia glazami Evropy: 300 let istoricheskoi perspektivy. Druzhba narodov, 1994, vol. 3, pp. 160-172.
13. Danish M. Diplomats slovat'skogo proiskhozhdeniia baron Frantishek Tott pri dvore krymskogo khana Gireia. Zapad — Vostok, 2015, vol. 8, pp. 35-48.
14. Spashchanskii A. N. (ed.). Ekaterininskii Peterburg glazami inostrantsev. Neizdannye pis'ma 1770-kh godov, S-Petersburg, Paritet Publ., 2013, 288 p.
15. Zamoriakhin A. V. Rannii period izucheniia oblasti rasseleniia krymskikh gotov (konets XVIII — 30-e gg. XIX v.). Vestnik Permskogo universiteta. Istoriia i politologiya, 2007, vol. 3(8), pp. 149-160.
16. [Zuev V. F.] Vypiska iz puteshestvennykh zapisok Vasil'ia Zueva, kasaiushchikhsia do poluos-trova Kryma. 1782 goda. Sobranie sochinenii, vybrannykh iz Mesiatseslovov na raznye gody, S-Petersburg, Imperatorskaia akademiia nauk Publ., 1790, pp. 265-303.
17. Izmailov V. Puteshestvie v poludennuiu Rossiiu, 2nd ed., vol. 3, Moscow, Tipografiia Khristof. Klaudiia, 1805, 142 p.
18. Karaulov G. Krymskie peshchernye goroda i kripty. Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostei, 1872, vol. 8, pp. 39-108.
19. Kacharava D., Kvirkvelia G. Goroda i poseleniia Prichernomor'ia antichnoi epokhi. Mali entsiklopedicheskii spravochnik, Tbilisi, Metsniereba Publ., 1991, 656 p.
20. Keppen P. Krymskii sbornik. O drevnostiakh Iuzhnogo berega Kryma i gor Tavricheskikh, S-Petersburg, Tipografiia Imperatorskoi akademii nauk, 1837, 409 p.
21. Cross A. Britantsy v Peterburge. XVIII vek, S-Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 2005, 526 p.
- 21a. Ludolf, de. Pis'ma o Kryme. Russkoe obozrenie, 1892, vol. 2, pp. 155-201.
22. Markov E. L. Ocherki Kryma, Kiev, Stilos, 2006, 512 p.
23. Montesquieu Ch. L. O dukhe zakonov, Moscow, Mysl' Publ., 1999, 672 p.
24. [Murav'ev-Apostol I. M.] Puteshestvie po Tavride v 1820 godu, S-Petersburg, Tipografiia pri Osobennoi kantseliarii Ministerstva vnutrennikh del, 1823, 336 p.
25. Narushevich A. Tavriiia, ili izvestiia drevneishie i noveishie o sostoianii Kryma i ego zhitel'ei do nashikh vremen, Kiev, Tipografiia Akademii kievskoi, 1788, 172 p.
26. Noimann I. Ispolzovanie «Drugogo»: obrazy Vostoka v formirovanii evropeiskikh identichnosti, Moscow, Novoe izdatel'stvo Publ., 2004, 336 p.
27. Pallas P. S. Nabliudeniia, sdelannye vo vremia puteshestviia po iuzhnym namestnichestvam Russkogo gosudarstva v 1793-1794 godakh, Moscow, Nauka Publ., 1999, 246 p.
28. Penzer N. Gare. Istoriia. Traditsii. Tainy, Moscow, Tsentrpoligraf Publ., 2005, 303 p.
29. Ravdonikas V. I. Peshchernye goroda Kryma i Gotskaia problema. Izvestiia Gosudarstvennoi akademii istorii material'ni kul'tury, 1932, vol. 12/1-8, pp. 5-106.
30. Sirotkin V. G. Duel' dvukh diplomatii. Rossiia i Frantsiia v 1801-1812 gg., Moscow, Nauka Publ., 1966, 200 p.
31. Slezkin Iu. Estestvoispytatiel' i natsii: russkie uchenye XVIII veka i problema etnicheskogo mnogoobrazii. Rossiiskaia imperiia v zarubezhnoi istoriografii. Raboty poslednikh let, Moscow, Novoe izdatel'stvo Publ., 2005, pp. 120-154.
32. Stroeve A. Rossiia glazami frantsuzov XVII — nachala XIX veka. Logos, 1999, vol. 8, pp. 8-41.
33. Sumarokov P. [I.] Dosugi krymskogo sud'i ili vtoroe puteshestvie v Tavridu, vol. 2, S-Petersburg, Imperatorskaia tipografiia, 1805, 244 p.
34. [Tizengauzen V. G.] O sokhranении i vozobnovlenii v Krymu pamiatnikov drevnosti i ob izdании opisaniia i risunkov onykh. Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostei, 1872, vol. 8, pp. 363-403.

35. Tolochko A. *Kievskaya Rus' i Malorossia v XIX veke*, Kiev, Laurus Publ., 2012, 256 p.
- 35a. Tret'iyak A. «Lettres sur Odessa» Sharl'ya Sikara. *Deribasovskaya — Rishel'evskaya: odesskii al'manakh*, 2010, vol. 43, pp. 6-19.
36. Tunkina I. V. Pozdneskifskie pamiatniki Simferopolia (otkrytiia na Kermenchike v 1784-1831 gg.) i ikh interpretatsiia v sovremennoi arkheologii. *Grani gumanitarnogo znaniia. Sbornik statei k 60-letiiu professora Sergeia Pavlovicha Shchavaleva*, Kursk, 2014, pp. 295-343.
37. Thunmann [J.-E.] *Krymskoe khanstvo*, Simferopol, Tavriia Publ., 1991, 96 p.
38. Fadeeva T. M. *Sakral'naia geografiia Kryma. Ocherki*, Simferopol, Biznes-Infom Publ., 2010, 221 p.
39. Formozov A. A. *Pushkin i drevnosti. Nabludeniiia arkheologa*, Moscow, Iazyki russkoi kul'tury Publ., 2000, 144 p.
40. Khrapunov N. I. Drugaia nikolaevskaia Rossiia, ili polemika travelogov. Review of: Alexander J. Rossiia glazami inostrantsa. *Ab Imperio*, 2011, vol. 2, pp. 397-405.
41. Khrapunov N. I. Khersones v opisaniakh evropeiskikh puteshestvennikov kontsa XVIII — nachala XIX vv. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, 2011, vol. 17, pp. 595-630.
42. Khrapunov N. I. Khristianskie pamiatniki Khersonesa i okrestnostei v opisaniakh evropeiskikh puteshestvennikov kontsa XVIII — nachala XIX vv. *Iashaeva T. (ed.), Klimentovskii sbornik*, Sevastopol, Teleskop Publ., 2013, pp. 366-383.
43. Khrapunov N. I. Zapiski Zhil'bera Romma o Kryme: arkheologicheskii kommentarii. *A. Tchoudinov (ed.), Frantsuzskii ezhegodnik 2014*, vol. 2: *Frantsiia i Vostok*, Moscow, 2014, pp. 63-101.
44. Khrapunov N. I. Nekotorye novye dannye o nachale issledovaniia gorodishcha Kermenchik — predpolagaemogo skifskogo Neapolia. *V. V. Maiko (ed.), Arkheologiiia i istoriia Kryma*, Simferopol, 2015, vol. 2, pp. 461-469.
45. Khrapunov N. I. Vzgliaad izvne: britanskii poet i puteshestvennik Redzhinal'd Kheber o sostoianii Kryma v 1806 g. *Krymskoe istoricheskoe obozrenie*, 2015, vol. 3, pp. 252-273.
46. Khrapunov N. I. Krymskie drevnosti glazami Edvarda-Dan'ela Klarka: ot arkheologii k ideologii. *Izvestiia Ural'skogo federal'nogo universiteta. Serii 2: Gumanitarnye nauki*, 2016, vol. 18/3, pp. 116-132.
47. Khrapunov N. I. Staryi Krym i ego pamiatniki glazami puteshestvennikov kontsa XVIII — nachala XIX veka. *Zolotoordynskoe obozrenie*, 2016, vol. 4/4, pp. 832-860.
48. Khrapunov N. I. Razmyshleniia o Kryme v kontekste mirovoi politiki v trudakh puteshestvennikov rubezha XVIII-XIX vv. *Ialta 45: uroki istorii. Krym v istorii mezhdunarodnykh otnoshenii v XIX-XXI vv.*, Livadia, [n. p.], 2016, pp. 173-184.
49. Khrapunov N. I. Mezhdru Vizantiei i Rus'iu: istoriia i arkheologiiia Kryma glazami intelektualov kontsa XVIII — nachala XIX veka. *A. Tolochko (ed.), Kul'turnii shar. Stati na poshanu Gliba Iuriiovicha Ivakina*, Kiev, Laurus Publ., 2017, pp. 448-463.
50. Khrapunov N. I. Frantsuzskii diplomat Zhan Reii, istoriia chernomorskoii trgovli i proekty ekonomicheskogo razvitiia Kryma v nachale XIX v. *V. N. Zin'ko (ed.), XVIII Bosporskie chteniia. Bospor Kimmeriiskii i varvarkii mir v period antichnosti i srednevekov'ia. Torgovlia: puti — tovary — otnosheniia*, Kerch, 2017, pp. 592-597.
51. Khrapunov N. I. Vizantiiskii Kherson i Ekaterina Velikaia. *Antichnaia drevnost' i srednie veka*, vol. 44 (in press).
52. Khrapunov N. I., Gin'kut N. V. Krym v 1784 g. po svidetel'stvu frantsuzskogo puteshestvennika barona de Bara. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, 2015, vol. 20, pp. 395-430.
53. Khrapunov N. I., Gin'kut N. V. Mat'iu Gatri i ego «puteshestvie» v istoriiu Kryma. *Izvestiia Ural'skogo federal'nogo universiteta. Serii 2: Gumanitarnye nauki*, 2015, vol. 4, pp. 157-170.
54. Shamanaev A. V. Okhrana arkheologicheskikh pamiatnikov «peshchernykh gorodov» Kryma v XIX — nachale XX v., *Antichnaia drevnost' i srednie veka*, 2008, vol. 38, pp. 297-313.
55. Schönle A. *Podlinnost' i vymysel v avtorskom samosoznanii russkoi literatury puteshestvii, 1790-1804*, S-Petersburg, Akademicheskii proekt Publ., 2004, 271 p.
56. Bakhrevskii E. V. (tr.). *Evliia Celebi. Kniga puteshestviia. Krym i sopredel'nye oblasti*, Simferopol, Dolia, 2008, 272 p.
57. Eko U. *Istoriia illiuzii. Legendarnye mesta, zemli i strany*, Moscow, Slovo Publ., 2014, 480 p.
58. Ernst N. L. Eski-Kermen i peshchernye goroda Kryma. *Izvestiia Tavricheskogo obshchestva istorii, arkheologii i etnografii*, 1929, vol. 3, pp. 15-43.
59. Iurochkin V. Iu. *Gotskii vopros. Simferopol'*, Sonat Publ., 2007, 496 p.
60. Alexander J. E. *Travels to the Seat of War in the East, through Russia and the Crimea, in 1829*, vol. 1, London, Henry Colburn and Richard Bentley Publ., 1830, 308 p.
61. Campenhausen [B., von] *Bemerkungen über Rußland*, Leipzig, Friedrich Christian Dürr, 1807, 199 p.
62. [Caraman V. L. Ch., de. Journal d'un voyage en Crimée]. *Journal des débats politiques et littéraires*, Samedi 23 septembre, 1854, pp. 2-3.
63. [Castelnau G., de]. *Essai sur l'histoire ancienne et moderne de la Nouvelle Russie*, vol. 3, 2nd ed., Paris, Rey et Gravier Publ., 1827, 347 p.
64. Clarke E. D. *Travels in Various Countries of Europe, Asia, and Africa. Part the first. Russia, Tahtary, and Turkey*, 4th ed., vol. 2, London, T. Cadell and W. Davies Publ., 1817, 524 p.
65. [Craven E.] *A Journey through the Crimea to Constantinople in a Series of Letters...*, London, G. G. J. and J. Robinson Publ., 1789, 327 p.
66. Deguignes [J.] *Histoire générale des Huns, des Mongoles, des Turcs et des autres Tartares occidentaux...*, vol. 3, Paris, Desaint & Saillant Publ., 1757, 542 p.
67. Dehérain H. La mission du Baron de Tott et de Pierre Ruffin auprès du Khan de Crimée de 1767 à 1769. *Revue de l'histoire des colonies françaises*, 1923, vol. 15, pp. 2-32.
68. Dubois de Montpéroux F. *Voyage autour du Caucase, chez les Tcherkesses et les Abkhases, en Colchide, en Géorgie, en Arménie et en Crimée...*, vol. 6, Paris, Librairie de Gide Publ., 1843, 461 p.
69. Eisner R. *Travelers to an Antique Land: The History and Literature of Travel to Greece*, Ann Arbor, University of Michigan Press, 1993, 304 p.
70. Hammer J., von (tr.). *Evliya Efendi. Narrative of Travels in Europe, Asia, and Africa, in the Seventeenth Century*, London, Oriental Translation Fund of Great Britain and Ireland Publ., 1846, 186 p.
71. Formaleoni [V. A.] *Histoire philosophique & politique du commerce, de la navigation, et des colonies des anciens dans la mer-Noire...*, vol. 1-2, Venise, Charles Palese Publ., 1789, 240 + 283 pp.
72. Guthrie M. *A Tour, Performed in the Years 1795-6, through the Taurida, or Crimea...*, London, T. Cadell, Jun. and W. Dawies Publ., 1802, 446 p.
73. Henderson E. *Biblical Researches and Travels in Russia...*, London, James Nisbet Publ., 1836, 538 p.
- 73a. Lettres d'un voyageur dans les provinces méridionales de Russie. *Bibliothèque Britannique... T. 40*, Genève, 1809, pp. 81-111, 348-360, 477-501.
74. Mączyńska M. (ed.). *Marcin Broniewski. Tartariae Descriptio. Opis Tatarii*, Łódź, 2011, 116 p.
75. Milner Th. *The Crimea, Its Ancient and Modern History: The Khans, the Sultans, and the Czars...*, London, Longman, Brown, Green, and Longmans Publ., 1855, 368 p.
76. [Motraye A., de la] *A. de la Motraye's Travels through Europe, Asia, and into Part of Africa*, vol. 2, London, 1723, 432 p.
77. [Motraye A., de la] *Voyages du Sr. A. de la Motraye, en Europe, Asie & Afrique*, vol. 2, La Haye, T. Johnson & J. van Duren Publ., 1727, 496 p.
78. Oderico G. L. *Lettere Ligustiche, ossia Osservazioni Critiche Sullo Stato Geographico della Liguria fino ai tempi di Ottone il Grande, con le memorie storiche di Caffa...*, Bassano, 1792, 214 p.
79. Pallas P. S. *Bemerkungen auf einer Reise in die südlichen Statthalterschaften des russischen Reichs in den Jahren 1793 und 1794*, vol. 2, Leipzig, Gottfried Martini Publ., 1801, 525 p.
80. Peyssonnel [Cl. Ch.], de. *Observations historiques et géographiques sur les peuples barbares qui ont habité les bords de Danube & du Pont-Euxine*, Paris, N. M. Tilliard Publ., 1765, 364 p.
81. Peyssonnel [Cl. Ch.], de. *Observations critiques sur les mémoires de M. le baron de Tott*, Maestricht, J. E. Dufour & Ph. Rou Publ., 1785, 133 p.
82. Reuilly J. *Voyage en Crimée et sur les bords de la Mer Noire pendant l'année 1803...* Paris, Bossange, Masson et Besson Publ., 1806, 302 p.
83. Ruffin [P.] Lettre de M. le baron de Tott, etc. *Mémoires du Baron de Tott sur les Turcs et les Tartares*, vol. 2, Amsterdam, 1785, pp. 1-32 [Appendix].
84. Sestrenczewicz de Bohusz S. *Histoire de la Tauride*, vol. 1, Brunswick, Pierre-François Fauche et Comp. Publ., 1800, 368 p.

85. [Tooke W. *Original Correspondence from Russia*]. The Gentleman's Magazine: and Historical Chronicle, 1786, vol. 56/2, pp. 547-552, 643-648, 846-851, 921-924, 1013-1015.
 86. [Tott F., de]. *Mémoires du baron de Tott, sur les Turcs et les Tartares*, vol. 1-2, Amsterdam, 1785, 220 p.

Храпунов Н. И.

Мангупское городище в трудах путешественников конца XVIII — начала XIX вв.: исследование и иллюзии
Резюме

В статье рассматриваются некоторые особенности восприятия Мангупа и его прошлого в первые десятилетия после присоединения Крыма к России. В то время данные об истории Мангупа были до крайности ограничены, потому развалины крепости на вершине затерянной в крымской глуши горы представляли собой загадку. На примере описаний этого памятника можно продемонстрировать особенности сознания эпохи, переходной от Просвещения к Романтизму, показать, как возникали и функционировали некоторые стереотипы восприятия Крыма и его прошлого, и в какой интеллектуальной обстановке, по существу, началось научное изучение истории и археологии юга России.

Ключевые слова: Мангуп, Крым, записки путешественников, история исследований, воображаемая география, интеллектуальная история.

Khrapunov N. I.

**Ancient Site of Mangup in the Works of Travellers
 from the Late Eighteenth and Early Nineteenth Centuries: Researches and Illusions**
Summary

This paper addresses the aspects of perception of Mangup and its past, which developed in the first decades following the Russia's appropriation of the Crimea. In this period only a very few accounts of the history of Mangup were known, and therefore the ruined castle atop a mountain lost in Crimean wilderness became a riddle for visitors. The descriptions of the site demonstrate the features of the mind at the transition from the Enlightenment to Romanticism, uncover how stereotypes of the Crimea and its past originated and functioned, and show the intellectual setting of the early scholarly researches in history and archaeology of South Russia.

Keywords: Mangup, Crimea, travelogues, history of researches, imagined geographies, intellectual history.

И. В. ТУНКИНА

**МАЛОИЗВЕСТНЫЕ СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ МАНГУПА:
 АКАДЕМИЧЕСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ Е. Е. КЁЛЕРА 1821 г.**

История посещений путешественниками городища Мангуп-Кале, которое отождествляется с поздневизантийским городом Феодоро и, возможно, со средневизантийским Доросом [7], насчитывает не одну сотню лет [5; 10]. Но мало кто знает, что изучение археологии Крыма, в том числе и Мангупа, и начало фиксации остатков древнего культурного ландшафта Тавриды началось с приказов светлейшего князя Григория Александровича Потемкина (1739-1791).

Первые рукописные планы Мангупа были составлены военными топографами еще до присоединения Крыма к Российской империи. В целях комплексного научного изучения новых земель князь Г. А. Потемкин распорядился снять в Крыму все «достойные примечания виды и старинные здания с нужною в округе их сетуациею, тож и в фасаде» (1777 г.), чтобы «наилучшим образом» показать древние развалины. В конце 1782 г. он поручил полковнику Херсонского пикинерного полка И. М. Синельникову и надворному советнику Павлу Неверовскому изучить Новороссийские земли, сделать их описание и снять планы «всех важнейших мест». В начале 1784 г. князь Г. А. Потемкин приказал описать все крымские города и крепости, в том числе руины Мангупа, Херсонеса, Инкермана, Чуфут-Кале и др. Уже 16 февраля 1784 г. командующий сухопутными войсками, расположенными в Крыму и южных губерниях, и флотами в Черном и Каспийском морях генерал-поручик барон И. А. Игельстром распорядился направить офицеров Генерального штаба для описания дорог, мостов, колодцев, фонтанов, деревень и городов, расположенных в Крыму. Офицерам вменялось в обязанность учитывать все «достойные внимания здания» (в том числе руины), составить планы и чертежи, а также сделать описания с «историческими примечаниями здешних стариков и ученых» о древностях. До нас дошли рапорты и письма 1784 г. обер-квартирмейстера подполковника Патрекеева генерал-поручику барону И. А. Игельstromу о ходе описания крымских «дорог с околележащих по ним мостов, колодцев, фонтанов» и об описаниях «назначений или мест Крымского полуострова с приобщением исторических примечаний здешних стариков и ученых», каждое из которых иллюстрировалось «планами и фасадами». В том же 1784 г. Г. А. Потемкин поручил провести работы по обмежеванию и составлению карт Таврической области военным топографам Генерального штаба обер-квартирмейстерам Афанасию Федорову, фон Тизенгаузену, капитану Андрею Шостаку, поручикам Семену Тюреминкову, Христофору Саковичу, Ивану Казарину, работы которых проводились до июля 1786 г. Тогда же были составлены первые карты с попытками локализации античных и средневековых городов, известных по письменным источникам, выполнены планы развалин Херсонеса, Инкермана, Балаклавы и пр., зафиксировавшие систему обороны и фундаменты христианских храмов, видимых на поверхности земли. Приказы светлейшего князя о сборе артефактов (памятников эпиграфики, нумизматики и

археологии), о необходимости описания и картографической фиксации остатков древней материальной культуры Крыма можно рассматривать, как первый опыт административным порядком собрать сведения о прошлом Тавриды [подробнее см.: 22, с. 39, 316, 487-488; 28, с. 11-14; 29, с. 321-322].

Известно, что дивизион-квартирмейстер капитан Лютов с открытым листом под № 49 от 17 февраля 1784 г., помимо прочих пунктов, был отправлен в «жидовский город Манкуп», и 4 марта этого года вернулся из поездки, причем все командированные «описания свои по дорогам наносят с журналов на бумагу и делают мостам, фонтанам планы, фасады» [ГАРК. Ф. 802. Оп. 1. Д. 9. Л. 8-8 об., 11]. В списке, «кому именно поручено сделать описания городам, крепостям и другим достойным внимания зданиям 17 февраля 1784 г. посланными ордерами, и от кого что уже в получении имеется от марта 1784 г.» записано, что полковнику князю Павлу Михайловичу Дашкову (1763-1807), сыну директора Петербургской АН и президента Российской Академии княгини Е. Р. Дашковой, были поручены описания: «1. Города жидовского Мангупа; 2. Города Бахчисарая; 3. Города жидовского Чуфут-кале; 4. Дворца ханского Ашламы» [ГАРК. Ф. 802. Оп. 1. Д. 9. Л. 4, 5]. В рапорте секунд-майора Григория Баженова к генерал-майору В. С. Попову «с препровождением описей картам» 1792 г. под № 13 среди крымских карт упомянуты «План и вид крепости Мангупа» [ГАРК. Ф. 535. Оп. 1. Д. 1933. Л. 2]. Эти карты, планы, виды и описания ныне хранятся в Российском государственном военно-историческом архиве. Среди них «План городу Мангупу в Крыму, в котором живут евреи (с профилями)» в масштабе 50 саженей в английском дюйме (1:4200), составленный не ранее 1780 г. [РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 22138], «План старинной крепости в Крыму, называемой Мангуп. Снимал князь Дашков», 1784 г. [РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 22137]. Другие планы и карты относятся к эпохе Крымской войны, в частности «Съемка местности около горы Мангуп-Кале и деревни Фоц-Сала», 1855 г. [РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 6022].

После присоединения Крыма к Российской империи, по приказу властей и при содействии Петербургской Академии наук, сюда устремились профессиональные ученые — ботаник Ф. К. Маршал фон Биберштейн, естествоиспытатели К. И. Габлиц и П. С. Паллас [31; 20], проводившие комплексное обследование естественных и исторических богатств южных губерний. Им мы обязаны открытием и первой публикацией ряда археологических, эпиграфических и нумизматических памятников полуострова, а также картографической фиксацией древнего культурного ландшафта Гераклейского полуострова и других памятников Крыма [22, с. 44-50; 23; 24; 28; 29].

В первой четверти XIX в. началась интенсивная специализация научных дисциплин, в том числе исторических. Императорская Санкт-Петербургская Академия наук в 1803 г. избрала своим членом-корреспондентом, а в 1817 г. — действительным членом по греческой и римской литературе и древностям, немецкого ученого Генриха Карла Эрнста (в России — Егора Егоровича) Кёлера (Heinrich Karl Ernst Köhler; 1765-1838). Саксонский немец, уроженец г. Вехсельбурга (графство Шёнбург), он, по настоянию отца, учился на юридическом факультете университета в г. Виттенберге, который закончил в 1783 г. С 1787 г. Кёлер продолжил образование по классической филологии и археологии в Лейпциге, занимался интенсивным самообразованием в библиотеках Дрездена и Берлина. В 1791 г. он прибыл в Петербург как домашний учитель, по протекции барона А. Л. Николаи, являвшегося в 1798-1803 гг. президентом АН, получил доступ к императорским собраниям древностей и коллекциям античной скульптуры и глиптики Екатерины II, которые поразили его своим разнообразием и богатством. Уже в январе 1798 г. Кёлер поступил библиотекарем и хранителем Кабинета антиков и медалей Императорского Эрмитажа, где

сделал быструю служебную карьеру. Практически до своей смерти он служил начальником I Отделения, Иностранной библиотеки и антиков (1805-1817, 1819-1837), дослужившись до чина действительного статского советника (1822 г.). Кёлер, не имевший ученой степени, получил известность в кругу западноевропейских антиквариев и еще при жизни достиг европейского научного признания: он был избран членом-корреспондентом (1803 г.), затем ординарным академиком (1817 г.) по литературе и древностям греческим и римским Петербургской АН, почетным вольным общником Императорской академии художеств (1823 г.), почетным членом Венской академии художеств, членом-корреспондентом Берлинской, Мюнхенской, Стокгольмской академий наук, членом Археологической академии и почетным членом Института археологической корреспонденции в Риме, членом-корреспондентом Королевского научного общества в Гёттингене, членом Курляндского общества литературы и искусства [30; 22, с. 65-84].

Кабинетный ученый антикварного толка, Е. Е. Кёлер основное внимание уделял изучению не собственно археологических, а письменных, эпиграфических, нумизматических источников и произведений античного искусства. Еще в начале своей карьеры в России он понял, что для реконструкции древней и средневековой истории Северного Причерноморья необходимо изучение археологических памятников на местности с целью разрешения споров о локализации упомянутых в нарративной традиции городов и поселений, открытия новых древних надписей, монет и пр. По этой причине он по собственной инициативе с весны по осень 1804 г. совершил первую поездку в Новороссию в сопровождении немецкого художника-пейзажиста Карла фон Кюгельхена (1772-1831), причем каждому путешественнику было выдано по 1 тыс. руб. из средств Кабинета императора Александра I [РГИА. Ф. 789. Оп. 1. Ч. 1. Д. 1788. Л. 1; Ф. 466. Оп. 1. Д. 214. Л. 133]. Кюгельхен сделал более 200 зарисовок с видами Крыма, частично приобретенных затем царем Александром I и ныне хранящихся в Эрмитаже [15]. Основным путеводителем для ученого оставался второй том издания описания южного путешествия П. С. Палласа [31]. В ходе поездки 1804 г. ученый посетил центральный и горный Крым и впервые побывал на городище Мангуп. Через 16 лет руины Мангупа он отнес к остаткам «генуэзской» архитектуры и охарактеризовал их как «красивые и огромные развалины крепости Манкуп» (Mankoup, Mankup) [СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1-1820. Д. 1. Л. 26]. Кёлер, крайне плохо знавший русский язык, следовал традиции написания топонима, использованного в книге П. С. Палласа [20, с. 50, 56, 57, 63-65].

Собранные «древние редкости» Е. Е. Кёлер представил в дар Александру I. В возмещение издержек на поездку и приобретение антиков ему было пожаловано 1800 руб. и перстень от имени царя. По итогам доклада ученого властям, в 1805 г. было принято утвержденное императором распоряжение по Министерству внутренних дел, запрещающее иностранным путешественникам собирать древности на казенных землях Тавриды [21, с. 35, № 13; 22, с. 613-614, № 2]. Хотя никаких средств на охрану и реставрацию памятников со стороны государства тогда выделено не было, этот приказ стал одним из первых правительственных актов по охране археологических памятников России.

Инициатором второй, уже академической, археологической экспедиции 1821 г. академика Е. Е. Кёлера на юг России стал известный русский писатель В. В. Капнист (1758-1823). Еще в 1819 г. он обратился к министру духовных дел и народного просвещения князю А. Н. Голицыну с письмом, в котором указал на недопустимость уничтожения культурного наследия цивилизаций, оставивших свои следы в Причерноморье, и необходимость принятия правительственных мер по охране памятников,

для чего предлагал отправить в Тавриду «ученых людей» для изучения древностей [СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1-1820. Д. 1. Л. 5-6 об.]. Записка Капниста была заслушана 17 августа 1820 г. на заседании Комитета министров Российской империи. Общественные здания в то время находились в ведении Министерства внутренних дел, поэтому одну копию письма В. В. Капниста А. Н. Голицын направил на усмотрение министра МВД графа В. П. Кочубея, а другую — президенту Императорской Академии наук С. С. Уварову. Записка обсуждалась на заседании Конференции (Общего собрания) Академии наук, к которой С. С. Уваров обратился с просьбой разработать план экспедиции на юг России. По решению Конференции, экспедицию возглавил Е. Е. Кёлер, единственный из академиков-гуманитариев, лично побывавший в Причерноморье.

В записке, представленной в Конференцию Академии наук, Кёлер, основываясь на своих впечатлениях от поездки 1804 г., разделил все древности Тавриды на две группы — памятники архитектуры, то есть недвижимые архитектурно-археологические остатки («греческие, генуэзские, турецкие и татарские здания, или их развалины», в их числе «красивые и огромные развалины крепости Манкуп») и «памятники, подающие для древней истории особенное объяснение», то есть движимые артефакты — археологические, эпиграфические и нумизматические источники («древние надписи на мраморе и других камнях, как и древние монеты и другие древности, находимые в Крыму и на Тамане»). Из-за неразвитости археологии в целом, Кёлер зачастую приводил неверную культурно-историческую атрибуцию византийских, генуэзских и татарских построек, в частности, возведение оборонительного ансамбля Мангупа он ошибочно приписал генуэзцам. Главная задача властей, в том числе в отношении руин Мангупа, на взгляд ученого — «оставить их развалинами, защитив только их от дальнейшего разрушения». Для решения вопроса о консервации памятников архитектуры Кёлер предлагал направить в Крым архитектора с целью составления на месте подробных смет на эти работы. Академик предлагал учредить должности «смотрителя древностей» для надзора за случайными археологическими открытиями в Крыму и возложить эти обязанности на одного из крымских чиновников [СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1-1820. Д. 1. Л. 5-6 об., 24-32].

По рекомендации строителя Исаакиевского собора в Санкт-Петербурге архитектора О. Монферрана, сопровождать Кёлера на юг должен был его помощник, французский архитектор на русской службе Эжен (в России — Евгений Францевич) Паскаль (1791-1861). Академики Ф. И. Круг, Х. Ф. Грефе, Х. Д. Френ, Е. Е. Кёлер составили подробную инструкцию для участников экспедиции, одобренную Конференцией Академии наук и утвержденную министром народного просвещения князем А. Н. Голицыным, где особо оговаривалась обязанность осмотреть состояние крепости Мангуп и предложить меры по консервации руин [СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1-1820. Д. 1. Л. 67-72 об.]. В инструкции подчеркивалась необходимость снять с развалин «верные чертежи», а с греческих, латинских и татарских надписей «верные копии», ходатайствовать перед местными властями об охране памятников, сообщать о всех проводимых раскопках и приобретать древности для академического музея — Кунсткамеры. Путешественников снабдили подробной 10-листовой картой Крыма генерал-майора С. А. Мухина 1816 г. и специально заказанными, по просьбе Э. Паскаля, геодезическими инструментами — нивелиром со штативом, планшетом с буссолью, мензулой, уровнем, компасом, мерной цепью, рейкой и т. п. [СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1-1820. Д. 1. Л. 81]. Император Александр I распорядился выделить на проведение экспедиции 8 тыс. рублей ассигнациями из «экономических» (внебюджетных) средств Академии наук, а средства на реставрационные работы («ремонт») памятников отнести на счет правительства [СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1-1820. Д. 1. Л. 40-41 об.].

Подробную информацию о ходе и итогах экспедиции дают официальные правительственные документы из Российского государственного исторического архива [РГИА. Ф. 789. Оп. 1. Ч. 1. Д. 1788. Л. 1; Ф. 466. Оп. 1. Д. 214. Л. 133; Ф. 1263. Оп. 1-1820. Д. 221; Ф. 1263. Оп. 1-1822. Д. 290; Ф. 1263. Оп. 1-1823. Д. 334], переписка и рапорты Е. Е. Кёлера и Э. Паскаля из Санкт-Петербургского филиала Архива РАН [СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1-1820. Д. 1; частично опубликованы, см.: 19], неизданный путевой дневник Е. Е. Кёлера на немецком языке из Отдела рукописей Российской национальной библиотеки [ОР РНБ. Нем. Q IV 181. Л. 244-272 об.], переписка Таврического гражданского губернатора с МВД и местными властями Крыма о необходимых мерах по охране памятников в Государственном архиве Республики Крым [ГАРК. Ф. 27. Оп. 13. Д. 73]. Дневник академика в переводе на русский язык И. М. Дунаевской (1919-2014), рапорты Э. Паскаля в переводе с французского Н. Л. Сухачева и многие другие документы, частью обнародованные В. Г. Тизенгаузеном и Н. Н. Мурзакевичем 145 лет назад [19], будут опубликованы в отдельном сборнике об академической экспедиции 1821 г., который готовится к печати под редакцией автора настоящей статьи. Тексты документов снабжены обстоятельными комментариями ряда специалистов, в частности, археологов-медиевистов В. Л. Мыца и Ю. М. Могаричева (последний комментировал тексты о Мангупе). В настоящей статье мы остановимся только на описании крепости Мангуп, оставленной Е. Е. Кёлером и Э. Паскалем, которые впервые публикуются в переводах И. М. Дунаевской (с нем. яз.) и Н. Л. Сухачева (с фр. яз.).

Экспедиция академика Е. Е. Кёлера продолжалась 5 месяцев, с 29 мая по 31 октября 1821 г., и охватила огромную территорию Новороссийского края от Одессы до Таманского полуострова [22, с. 76-83; 26; 27; 32]. Большую часть пути ученого сопровождал архитектор Э. Паскаль с поручением оценить возможности реставрации памятников и выполнить зарисовки надписей, планы и чертежи археологических объектов. Он присоединился к Кёлеру в Одессе 11 июля 1821 г. и последовал с ним в Крым, где трижды спас жизнь академику при путешествиях верхом по горным тропам. В своем дневнике Кёлер описывает устройство средневековых крымских крепостей, мечетей, храмов, монастырей, кладбищ и пр., изредка сопровождая их небольшими схемами и рисунками (профессиональные виды и архитектурные планы описанных памятников он ожидал получить от Э. Паскаля, но его надежды, в конце концов, не оправдались). Дневник Кёлера доказывает, что именно ему принадлежит приоритет в открытии и описании ряда средневековых памятников Крыма, в том числе ряда укреплений — Кокия-Исар X-XV вв. на вершине скалистого мыса «Айя-Бурун» (современный мыс Айя), Сюйреньской крепости VI-XV вв., городища X-XIII вв. и монастыря XIV-XV вв. Пампук-Кая близ Албата (ныне п. Куйбышево), Чоргунского исара. Часть этих памятников была повторно открыта лишь во второй половине XIX в. и даже в XX в.

11 августа 1821 г. Е. Е. Кёлер выехал из Байдар (ныне с. Орлиное) по «красивой дороге» — так называемой Екатерининской средневековой дороге, которую князь Г. А. Потемкин подправил к приезду императрицы Екатерины II (ее пользовались для проезда в Севастополь до 1870 г., пока не была построена дорога через Инкерман). Академик Кёлер доехал до татарской деревни Ай-Тодор (ныне с. Гористое), откуда верхом двинулся к д. Черкес-Кермен, затем — к д. Каралез. П. С. Паллас упоминает о двух дорогах из Ай-Тодорской долины на Мангуп: первая, доступная для татарских арб, вторая — на западной стороне скалы, поднимающейся от деревни Кара-Иляс, предназначенная только для пешеходов и верховых. Последняя дорога тянулась вдоль плодовых садов деревень Юхары-Кара-Иляс (Юхары-Каралез, или Верхний Каралез,

ныне с. Залесное) и Бугас-Сала, расположенной высоко у подножия горы, на которой стоят скалы Мангупа, в 8 верстах от Нижнего Кара-Иляс [20, с. 64].

На военной топографической карте 1816 г. генерала Мухина, которой пользовался Кёлер в ходе путешествия по Крыму 1821 г., нанесено три села: Ашага-Каралез (Нижний Каралез), Орта-Каралез (Средний Каралез) и Юхары-Каралез (Верхний Каралез). В дальнейшем Ашага-Каралез и Орта-Каралез слились и образовали Биюк-Каралез — «Большой Каралез», в настоящее время с. Красный Мак Бахчисарайского района. Юхары-Каралез с 1945 г. называется с. Залесное [1, с. 48] и расположено в 2 км южнее первого. Черкес-Кермен и Каралез принадлежали татарским князьям, генерал-майору К. М. Балатукову (Кая-бей Балатук) и его младшему брату, подполковнику Адыл-бею Балатукову 3-му. Земли этих селений входили в состав Каралезской дачи Дуванской волости Симферопольского уезда. Дача занимала площадь 10692 дес., насчитывала 12 деревень и 2000 мужского пола и принадлежала казначею последнего Крымского хана Казнадару Мегмет Аге. В 1810 г. после его смерти, по завещанию и раздельному акту, деревня Черкес-Кермен и чаир Кок-агач достались его сыну Кая-бею. Другому сыну Адыл-бею в деревне Каралез отошел дом, за которым два гостиных дома, сарай, конюшня, водяная мельница, за ними большой фруктовый сад, называемый «Чамлы-Курулу, Сосновая курулу и около одного кошара, называемая Каш-Тарна, а также в Кабарде, купленный от Касим-паши двухэтажный гостинный дом о 4-х покоях», водяная мельница и сад [ГАРК. Ф. 14. Оп. 1. Д. 1351. Л. 1, 6-6 об.]. Селение Юхары-Каралез находилось ближе к Мангупу и было расположено в живописной хорошо обводненной долине, над которой с запада нависают обрывы скал Второй гряды Крымских гор. Именно здесь в имении А. Балатукова петербургские гости переночевали. Отсюда путешественники в сопровождении хозяина верхом на лошадях в 7-м часу утра 12 августа 1821 г. отправились на Мангуп через ущелье Капу-дере.

В путевом дневнике Е. Е. Кёлера зафиксированы его впечатления от величественного вида горы: «Когда приближаешься к Манкupu, голые скалы наверху, на горном хребте имеют вид крепостей. Дальше по дороге, ближе к крепости Манкуп (мы прибыли сюда еще в 9 часов), высоко на той же горе, к которой (словно прислонена эта крепость), становятся видны башня и сплошные стены будто бы с воротами посередине; но если подняться наверх, то оказывается, что это вовсе не ворота, а скорей провал в стене, образовавшийся сам собой с течением времени» [ОР РНБ. Нем. Q IV 181. Л. 256]. «Дорога, ведущая вверх по почти повсеместно обнаженным известняковым скалам, очень трудна. Большую часть подъема и почти весь спуск до того места, где дорога, ведущая к Албату, пролегает по равнине, я шел пешком». Эта запись позволяет судить, по какой конкретно тропе поднимался ученый с восточной стороны: дорога в Албат (ныне п. Куйбышево) проходила по долине между Мангупом и горным массивом Чердаклы-баир через с. Отарчик (ныне с. Ново-Ульяновка). «Потом мы ехали верхом снова вверх и вокруг скалы и добрались до замечательных развалин длиной в несколько сот сажень, которые, если мне не изменяет память, не похожи на гравюру в «Атласе» Палласа». Здесь Кёлер, скорее всего, пишет о руинах средневековой цитадели на мысе Тешкли-бурун («Дырявый мыс»). Но антиквария подвела память: в атласе ко 2-му тому южного путешествия П. С. Палласа (1801 г.) помещен вид только одного пещерного города — Инкермана. Вид Мангупа отсутствует и на виньетках в книге прославленного естествоиспытателя. Далее Кёлер описывает стены, прямоугольные в плане башни и остатки арочных главных ворот цитадели в балке Капу-дере, которые сегодня полностью разрушены. Как стало известно в результате археологических исследований, коробовый свод арки, пролет которой достигал 3,8 м, с одной стороны опирался на пилон, с другой — на скальное основание мыса

Тешкли-бурун [6, с. 121-123; 8, с. 567; 11, с. 237-238]. Это подтверждает описание конструкции оборонительной стены и главных ворот в дневнике Е. Е. Кёлера. «Сохранились ворота со сводом, левая сторона которых примыкает к скале. Ворота, как и вся примыкающая к ним справа стена, аккуратно облицованы снаружи крупными красивыми и тщательно обрубленными удлиненными прямоугольными камнями. Изнутри стена состоит из мелких морских окатышей (галыки) и большого количества связующего раствора. На некоторых камнях внутренних ворот имеются греческие имена, порой с крестами, вероятно, принадлежавшие воинам; они размещены произвольно и вырезаны небрежно и неотчетливо» [ОР РНБ. Нем. Q IV 181. Л. 256].

К сожалению, граффити на греческом языке на внутренней части ворот крепости Мангуп, тогда еще отчетливо видимые, были лишь упомянуты, но не скопированы Кёлером. Как филолога-классика, его, прежде всего, интересовали эпиграфические памятники античного периода, копиями которых пестрит путевой дневник. К сожалению, с течением времени граффити на главных воротах цитадели Мангупа оказались навсегда утраченными для науки. В сборнике христианских надписей южной России В. В. Латышева издано всего пять лапидарных надписей из Мангупа [17, с. 48-58, №№ 45-49], но граффити там не учтены. В новый корпус средневековых греческих надписей Северного Причерноморья (с IV в. по 1475 г.) А. Ю. Виноградова вошли 24 надписи из Мангупа, включая граффити [3]. 200 лет спустя невнимательность Кёлера выглядит непростительной, особенно после обнаружения сенсационного открытия готских граффити на двух фрагментах вторично использованного ранневизантийского карниза из Мангупской базилики [4].

Академик описывает оборонительную стену и фланговую башню цитадели, требовавшие срочного ремонта: «Наружная облицовка стены, которую я внимательно обследовал со стороны горы, прекрасно сохранилась. И древесина, оставшаяся от строительных лесов, все еще в очень хорошем состоянии. Справа — красивая прямоугольная башня, прежде имевшая внутри несколько полов от исчезнувших ярусов, на которых некогда размещались воины. Это — не те развалины, что изображены у Палласа. Внутреннюю часть прямоугольной башни и ее северо-западную сторону нужно снова чинить» [ОР РНБ. Нем. Q IV 181. Л. 256].

Затем Е. Е. Кёлер, не называя татарских топонимов, описывает вторую линию обороны, возведенную на самом плато и отделявшую мысы Чуфут-чарган-бурун («Мыс вызова иудеев») и Чамну-бурун («Сосновый мыс») от районов городской застройки эпохи княжества Феодоро. «Эта крепость отделена узким оврагом от другой крепости, которая начинается левее круглой башни, расположенной напротив только что описанной прямоугольной башни» [ОР РНБ. Нем. Q IV 181. Л. 256].

Ученый отметил остатки городской застройки, скорее всего, в верховьях балок Капу-дере («Воротный овраг») и Гамам-дере («Баный овраг») [6, с. 243]: «Ниже крепости, включающей большую часть горы, находятся фундаменты многочисленных жилых домов, которые, по всей вероятности, как и прежние укрепления, принадлежали грекам и, возможно, представляли собой один из упоминаемых Страбоном городов, быть может, Chaëlum» [ОР РНБ. Нем. Q IV 181. Л. 256], — заключает ученый. Ошибочная латинская транскрипция топонима приведена в тексте Кёлера по памяти. Имеется в виду Хаб (Chabum), другие варианты названия — Хав, Хабон, Хавы, Хабеи, Хабей, Хавей, Хебеи, укрепление в Крыму, упомянутое Страбоном (Strabo, VII,4,7) и в декрете в честь Диофанта (IOSPE, I², 352), найденном полвека спустя, в 1878 г., в Херсонесе Таврическом. Пункт упомянут как одно из «укреплений в Херсонесе» (Палакий, Хаб и Неаполь), построенных скифским царем Скилуrom и его сыновьями, которые служили опорными пунктами против войск Митридата VI

Евпатора. Локализация этого укрепления и его соотнесение с археологическими реалиями остается до сих пор дискуссионным вопросом в историографии: одними исследователями Хаб помещается на побережье Крыма, другими — внутри Скифии.

«Заслуживают также внимания как менее высокая часть крепостной стены, проходящая внизу у горы и затем снова идущая в гору, так и несколько маленьких аккуратных и тщательно сложенных башен хорошей сохранности — они представляли собой часть сооружений, окружавших город» [ОР РНБ. Нем. Q IV 181. Л. 256], — пишет Кёлер, описывая оборонительную линию в балке Гамам-дере и, возможно, в Лагерной балке [6, с. 109-120].

Кёлер оставил описание христианского храма в центральной части Мангупского плато, который ныне отождествляют с церковью Св. Константина, упомянутой еще Мартином Броневским [13, с. 77; 7, с. 111; 12; 2, с. 207]. «Наверху, несколько выше больших стен верхних укреплений с уже описанными мною воротами, находится небольшая церковь; в ней напротив развалившегося входа имеется сводчатая ниша; в ее своде все еще можно различить шагающие фигуры святых в характерных позах, а также одни лишь головы других святых, окруженные сиянием. И внизу сохранились небольшие участки росписи. В нише, обращенной к востоку, некогда стоял алтарь» [ОР РНБ. Нем. Q IV 181. Л. 256-256 об.].

Далее Кёлер упоминает о башне-донжоне цитадели, расположенной на оконечности мыса Тешкли-бурун, часть которой, обращенной вовнутрь, имела дворцовый облик: «Почти на той же линии, что и маленькая церковь, чуть повыше, за описанными ранее большими воротами, находится еще отдельная крепость с высокими стенами, возле которой видна половина прямоугольной башни. Теперь это называется «еврейской крепостью». Некогда здесь, по-видимому, было жилище начальника крепости». Затем автор описывает пещерные сооружения цитадели и, видимо, восьмиугольный (октагональный) христианский храм, преобразованный турками в мечеть [8, с. 572]: «Позади вырублены лестницы, круглые сидения, а также небольшие гrotты, эскизы которых будут приведены дальше. Справа имеется еще удлиненное прямоугольное строение, которое считают мечетью. Я стал спускаться пешком по дороге, идущей круто вниз, пока не оказался на той самой дороге у горы, по которой мы прибыли слева. Здесь я повернул направо, в сторону Албата...» [ОР РНБ. Нем. Q IV 181. Л. 256 об.].

Скудость информации о Мангупе в дневнике Е. Е. Кёлера вполне объяснима тем, что за один день осмотра ученый был не в состоянии детально описать все увиденные развалины и составил лишь общее представление о городище. Показательно, что он даже не упомянул караимское кладбище и другие памятники турецкой эпохи. Далее в дневнике академик записал сомнения о генуэзской принадлежности ряда увиденных средневековых построек: «Мне кажется вполне вероятным, а применительно к некоторым местам даже бесспорным, что все названные Страбоном города, в отношении которых до сих пор не предпринималось попыток отождествления, потому что оно связано с трудностями, хотя и были первоначально заложены греками, в дальнейшем оказались заняты генуэзцами или татарами» [ОР РНБ. Нем. Q IV 181. Л. 257]. Кёлер надеялся, что его спутник нарисует три вида и снимет «план прекрасных развалин Мангупа» [СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1-1820. Д. 1. Л. 101 об.; 19, с. 390], но его надежды не оправдались.

Еще находясь в экспедиции, архитектор Э. Паскаль отправил в Академию наук отдельный 5-й доклад от 30 августа 1821 г. об укреплениях Мангупа. Рапорт был заслушан Конференцией Императорской АН 3 октября 1821 г. Документ он посвятил исключительно описанию остатков стен, башни и арочных главных ворот цитадели в балке Капу-дере, даже не упомянув остальные памятники: «На вершине горы Мангуп расположены генуэзские укрепления; они защищали северную сторону от

приближения неприятеля; единственная входная дверь, расположенная с восточной стороны, угрожает обрушиться, она должна быть отремонтирована на высоту сажени, чтобы не обвалилась верхняя часть; обе эти части были сооружены из тесаных каменных плит и покоились на скале, которая образует основание и служит фундаментом. Вывалившиеся камни еще находятся рядом, их нужно было бы лишь вернуть на место и скрепить известью. Дверь ранее была полукруглой, но свод обрушился; она опиралась с одной стороны на пласт скалы, образующей естественное укрепление, а с другой — на крепостную стену. Примерно в шести сажнях от этой двери стена обрушилась и оставила отверстие в две квадратных сажени; верхняя часть осталась неповрежденной, но следовало бы восполнить этот провал, чтобы помешать более серьезному разрушению впоследствии; часть стены из тесаного камня, другая — из необработанного камня; через 12 сажней стена оканчивается красивой квадратной башней; верхняя часть осталась неповрежденной, но часть стены с западной стороны угрожает обрушиться; необходимо было бы полностью восстановить эту стену. Остальная часть развалин находится в хорошем состоянии; подробный план, который я сделаю, даст представление Академии о расположении этих укрепительных сооружений; будут произведены точные замеры каждого объекта и указана их величина. Я оцениваю расходы в сумме от 500 до 600 рублей на ремонтные работы, приведенные выше» [СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1-1820. Д. 1. Л. 117-117 об.; 19, с. 395-396].

По итогам поездки, Е. Е. Кёлер представил Общему собранию Академии наук рапорт от 23 ноября 1821 г. с классификацией осмотренных памятников, заслушанный Конференцией АН 28 ноября 1821 г. В первую группу им были включены «строения, которые при весьма скромных затратах могут быть отреставрированы для сохранения их еще надолго» — лучше сохранившиеся византийские, генуэзские, татарско-турецкие архитектурно-археологические памятники. Их следует «привести ... единожды в хорошее состояние и в оном содержать» (в том числе укрепления Мангупа, Балаклавы, Судака). Заботам местной администрации он предлагал поручить охрану «ветхих» укреплений в Гурзуфе, пещерных церквей и крепости в Инкермане, Черкес-Кермене, развалин на «мысе Айя», ряда средневековых памятников на южном берегу Крыма, древнего водопровода в Еникале. Кёлер понял важность не только видовой, но и картографической и архитектурно-археологической фиксации объектов и полагал, что Паскаль, остававшийся в Севастополе до сентября 1822 г., должен был быть «занят планами и зарисовками всех древних остатков архитектуры в Крыму» и одновременно «надзирать» за реставрационными работами, поэтому в своем отчете Конференции Академии наук 23 ноября 1821 г. предлагал приставить к архитектору помощника — «землемера для составления геометрических планов территории и снятия карт».

Е. Е. Кёлер советовал властям наложить запрет на проведение раскопок вплоть до тех пор, пока не «будут найдены средства вести их к реальной выгоде науки», и начать субсидируемые правительством раскопки на юге России. Их проведение он предложил поручить «двум выдающимся офицерам» Черноморского флота из Севастополя, коллекционерам антиков, грекам братьям Псомасам, и приказать им присылать все найденное без каких-либо исключений министру народного просвещения [СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1-1820. Д. 1. Л. 108-111 об.; 19, с. 384-387].

«Все памятники Крыма представляются мне достойными описания, — писал Кёлер. — Какой труд доставит более чести этой великой Империи? Французы и особенно англичане со рвением опубликовали древности своих стран. Но их богатства — ничто, если их сравнить с крымскими, и их памятники не столь многочисленны и не столь далекого времени, как памятники Тавриды». Академик предлагал издать одним томом, состоящим из 12-13 тетрадей, «живописные» гравированные виды памятников

Крыма, для чего отправить в Тавриду искусного художника. В их число он планировал включить три вида и «план прекрасных развалин Манкупа» [19, с. 390]. Предложение Е. Е. Кёлера опубликовать в Лондоне или Париже описание крымских древностей «с живописными видами» по итогам экспедиции осталось неосуществленным.

Э. Паскаль, оставшийся в Крыму после отъезда Е. Е. Кёлера, по его поручению должен был написать виды и снять архитектурно-археологические планы руин, в том числе «три вида Манкупа» и «План красивых развалин Манкупа». Не получив от Паскаля требуемых архитектурных чертежей и видов, 30 января 1822 г. Конференция Академии наук уведомила архитектора, что она считает его миссию в Крыму законченной и «отказывается от продолжения» представленных им «зарисовок», так как он не выполнил свою основную задачу по экспедиции — произвести «замеры древних развалин», снять с них планы и зарисовать общие виды. Одновременно Министерством внутренних дел доверило консервацию памятников Крыма местным властям, отказавшись от услуг Паскаля. Выяснилось, что все заказанные Академией наук геодезические инструменты экспедиционный архитектор отправил в Одессу, а без них он не смог бы провести обмеры архитектурно-археологических остатков и составить планы древних развалин в Крыму.

По распоряжению министра, Академия наук запросила у Паскаля более детальные сметы, чем содержащиеся в его отчетах, на что он ответил, что краткие поездки, совершенные им с Кёлером для исследования всех памятников, достойных сохранения, не позволяли ему составлять обстоятельные сметы — эта работа требует вторичного тщательного осмотра руин, большего времени и новых расходов на поездки, превосходящих его денежные возможности, но он готов взяться за нее при условии дополнительного финансирования в объеме 35 тыс. руб. Однако академия посчитала, что она больше не в состоянии нести дополнительные расходы и что детальные сметы могут быть составлены крымскими архитекторами, назначенными властями для руководства ремонтными работами, так как они лучше, чем Паскаль, знают местность, стоимость материалов и рабочих рук [СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а. Д. 33. Л. 15 об. § 47, 74 об.-75 § 225-226, 93 об. § 291]. Из дневника Кёлера известно, что Паскаль на протяжении всей поездки 1821 г. выполнял рисунки археологических памятников Новороссии, но после конфликта с Академией наук он просто не захотел представить их «заказчику» и впоследствии вполне мог увезти все материалы во Францию. Посланные им в Академию три листа чертежей и рисунков в академическом архиве до сих пор не обнаружены.

Как свидетельствуют материалы Российского государственного исторического архива, итоги экспедиции 1821 г. неоднократно становились предметом обсуждения на заседаниях Комитета министров Российской империи [РГИА. Ф. 1263. Оп. 1-1820. Д. 221. Л. 295-297; Ф. 1263. Оп. 1-1822. Д. 290. Л. 55-62 об.; Ф. 1263. Оп. 1-1823. Д. 334. Л. 51-54]. Архитектор Э. Паскаль представил Конференции АН несколько поверхностных рапортов о консервации древних памятников архитектуры в Крыму, а в отчете, заслушанном 7 ноября 1821 г., назвал сумму в 41 тыс. руб. ассигнациями, необходимую на эти цели, в том числе от 500 до 600 руб. на Мангуп. Его смета и предложения Кёлера «О средствах к сохранению древних достопамятностей Тавриды» были утверждены Александром I 4 июля 1822 г. Все расходы по реставрации памятников правительство взяло на себя, причем было решено «по окончании починок вверить дальнейший надзор за сохранением ... зданий» местным властям. Министр народного просвещения А. Н. Голицын и министр внутренних дел В. П. Кочубей обсудили вопрос об охране древностей Тавриды с таврическим гражданским губернатором Н. И. Перовским, посчитавшим, что следует обратить основное внимание на охрану

древностей греков и генуэзцев, а не татарских и турецких «как ближайших к нашему времени народов». Сметные предложения Паскаля вызвали серьезные возражения и сокращение казенных расходов — было решено не оставлять в Крыму архитектора Паскаля «с особым жалованием» по 3 тыс. руб. в год, так как в распоряжении таврического гражданского губернатора находилось два архитектора (И. И. Лемерман — таврический губернский в Симферополе, А. А. Коробицын — городской в Феодосии), а из Петербурга был отправлен в Крым «опытный архитектор» Я. И. Колодин «для производства казенных строений» [21, с. 38-40].

Благодаря экспедиции 1821 г. и хлопотам ученых Академии наук впервые в истории России государственные средства были выделены на нужды охраны памятников. По представлению министра внутренних дел князя В. П. Кочубея, из строительного капитала Российской империи в распоряжение таврического гражданского губернатора на первый год выслали 10 тыс. руб. Эта сумма предназначалась только на консервацию и реставрацию тех древних архитектурных памятников Крыма, которые находились на казенных и общественных землях. Гражданский губернатор должен был «распорядиться осуществить эти ремонты силами архитекторов, находящихся в его распоряжении» и «пригласить к пожертвованию» жителей Крыма для реставрации некоторых зданий, находящихся на частных землях.

Император Александр I приказал, чтобы «остатки древностей, рассеянные в разных местах Крыма, сохранены были в том положении, в каком теперь они находятся». По докладу Е. Е. Кёлера, доведенному до сведения Таврического гражданского губернатора Н. И. Перовского через МВД, последний 1 июня 1822 г. запросил симферопольского земского исправника: «Поручаю Вас осведомиться и донести мне, кто из помещиков или татар владеет землей, на коей находятся развалины древней крепости Манкуп...» [ГАРК. Ф. 27. Оп. 13. Д. 73. Л. 6 об.]. Ответ был получен 17 июня 1822 г.: «...разоренная древняя крепость Мангуп состоит на земле, принадлежащей помещику подполковнику Адиль бею Болатукову 3-му...» [ГАРК. Ф. 27. Оп. 13. Д. 73. Л. 11].

5 августа 1822 г. министр внутренних дел В. П. Кочубей уведомил Н. И. Перовского, что император Александр I утвердил решение Комитета министров «о сохранении древних достопамятностей Тавриды»: «из памятников, донныне в Крыму не разрушенных, не столько заслуживают сбережения остатки построек турецких и татарских, ближайших к нашему времени, как построения греческие и генуэзские, к коим принадлежат развалины крепостей в Балаклаве, Манкупе, Судаке и некоторых других местах; для поддержания же оных можно отделить на сей раз из строительного капитала 10 т. руб. в распоряжение Ваше, с тем, чтобы к сохранению сих древностей Ваше Превосходительство употребило такие меры, какие признаете лучшими, наблюдая однакож, чтоб владельцы земель, на коих некоторые из древностей находятся, не отнесли мер сих к прикосновению их собственности» [ГАРК. Ф. 27. Оп. 13. Д. 73. Л. 12 об.-13]. 28 августа 1822 г. Н. И. Перовский доложил управляющему МВД, что «находящемуся при мне для особых поручений титулярному советнику Фабру, как чиновнику, довольно сведущему в древностях, вместе с феодосийским городовым архитектором Коробицыным поручил, обозрев тщательно развалины крепостей в Балаклаве, Манкупе и Судаке ... и сделав оным приличное описание и буде можно рисунки, изыскать способы к поддержанию оных в том виде, как они теперь находятся. Потом составив всем нужным работам и материалам подробные сметы, представить оные вместе с описаниями и рисунками за общими подписями ко мне на рассмотрение» [ГАРК. Ф. 27. Оп. 13. Д. 73. Л. 15-15 об.]. Сохранился отпуск предписания Н. И. Перовского титулярному советнику А. Я. Фабру: «Когда и где можно будет съехаться Вам с г. Коробицыным, о том Вы спишетесь с ним предварительно, и потому

расположите вашу поездку» [ГАРК. Ф. 27. Оп. 13. Д. 73. Л. 17-17 об.]. Однако из документов не ясно, состоялась ли эта поездка и были ли сделаны описания и рисунки.

После отставок херсонского военного губернатора А. Ф. Ланжерона и таврического гражданского губернатора Н. И. Перовского администрация Таврической губернии никаких конкретных мер по охране памятников не принимала. Выделенные правительством средства вплоть до вступления в должность новороссийского генерал-губернатора М. С. Воронцова в 1823 г. оставались неиспользованными. После смерти Александра I М. С. Воронцов нашел им другое применение — на эти ассигнования были открыты музеи древностей в Одессе (1825 г.) и Керчи (1826 г.) и начаты систематические археологические исследования за государственный счет в Крыму и на Таманском полуострове И. П. Бларамберга, П. Дюбрюкса и И. А. Стемпковского, а с 1831 г. — А. Б. Ашика и Д. В. Карейши [22, с. 215-226; 25, с. 50-92].

Таким образом, меры по консервации и реставрации археологических памятников Тавриды в ту эпоху так и не были реализованы, а планируемое издание видов Крыма осталось лишь в проекте. В какой-то мере этот пробел восполнил многотомный атлас к путешествию по Крыму Ф. Дюбуа де Монпере [14]. Научный оппонент Е. Е. Кёлера П. И. Кёппен через 13 лет после завершения академической экспедиции 1821 г. с явным раздражением констатировал: «Едва ли кому-либо известно, какие принесла плоды поездка в Крым академика Кёлера» [16, с. 17]. Тем не менее, академическая экспедиция 1821 г. в Новороссию была далеко не бесполезна — она обратила внимание высших и местных властей на необходимость законодательной охраны памятников истории и культуры, и, несомненно, ускорила процесс институционализации археологии как науки в Российской империи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Административно-территориальные преобразования в Крыму: 1783-1998 гг. Справочник. Симферополь: Таврия-плюс, 1999. 464 с.
2. Бочаров С. Б. Картографические источники по топографии турецкого города Мангуп // Бахчисарайский историко-археологический сборник. 2008. Вып. 3. С. 191-211.
3. Виноградов А. Ю. Византийские надписи Северного Причерноморья (IOSPE³V), 2015. [Электронный ресурс]. URL: <http://iospe.kcl.ac.uk/corpora/byzantine/index-ru.html> (дата обращения 28. 07. 2017).
4. Виноградов А. Ю., Коровов М. И. Готские граффити из Мангупской базилики // Средние века. 2015. Т. 76. № 3-4. С. 57-75.
5. Герцен А. Г. История изучения оборонительного комплекса Мангупа // АДСВ: Развитие феодализма в Центральной и Юго-Восточной Европе. 1983. С. 88-104.
6. Герцен А. Г. Крепостной ансамбль Мангупа // МАИЭТ. 1990. Вып. I. С. 87-166.
7. Герцен А. Г. Дорос-Феодоро (Мангуп): от ранневизантийской крепости к феодальному городу // АДСВ. 2003. Вып. 34. С. 94-112.
8. Герцен А. Г. Описание Мангупа-Феодоро в поэме Матфея // МАИЭТ. 2003. Вып. X. С. 562-589.
9. Герцен А. Г. Мангуп: Город в Крымском поднебесье. Симферополь: Таврия, 2007. 62 с.
10. Герцен А. Г. Мангуп глазами исследователей и путешественников (XVI — начало XX вв.) // Бахчисарайский историко-археологический сборник. 2008. Вып. 3. С. 212-256.
11. Герцен А. Г., Могаричев Ю. М. Методика выделения раннесредневековых пещерных сооружений горного Крыма (на примере Мангупа) // СА. 1991. № 2. С. 232-239.
12. Герцен А. Г., Науменко В. Е. Археологические исследования в районе церкви св. Константина (Мангуп) // VIII Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Святители и сакральные объекты. Керчь, 2007. С. 89-96.
13. Герцен А. Г., Науменко В. Е., Черныш С. А., Чихрадзе Д. А., Негуляев Е. А., Карлов С. В. Археологические исследования Мангупа // Археологические исследования в Крыму. 1994 год. Симферополь: Сонат, 1997. С. 77-79.
14. Дюбуа де Монпере Ф. Путешествие в Крым: (Путешествие по Кавказу, к черкесам и абхазам, в Грузию, Армению и в Крым. В 6 тт.: Т. 5, 6) / Пер. с фр., предисл. и примеч. Т. М. Фадеевой. Симферополь: Бизнес-информ, 2009. 328 с.
15. Илатовская Т. Рисунки братьев Кюгельхенов в собрании Эрмитажа // Западноевропейская графика XV-XX веков. Л.: Искусство, 1985. С. 125-131.
16. Кёппен П. И. Археологическая и топографическая поездка по южному берегу Крыма // Одесский вестник. 1834. 17 января. № 5. С. 17-18.
17. Латышев В. В. Сборник греческих надписей христианских времен из Южной России. СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1896. 143 с.
18. Мыц В. Л. Укрепления Таврики X-XV вв. Киев: Наукова думка, 1991. 167 с.
19. О сохранении и возобновлении в Крыму памятников древности и об издании описания и рисунков оных / Публ. В. Г. Тизенгаузена, примеч. Н. Н. Мурзакевича // ЗООИД. 1872. Т. 8. С. 363-403.
20. Паллас П. С. Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным наместничествам русского государства в 1793-1794 годах. М.: Наука, 1999. 246 с. (Научное наследство. Т. 27).
21. Стевен А. Х. Дела архива Таврического губернского правления, относящиеся до разыскания, описания и сохранения памятников старины в пределах Таврической губернии // ИТУАК. 1891. Вып. 13. С. 33-54.
22. Тункина И. В. Русская наука о классических древностях юга России (XVIII — середина XIX в.). СПб.: Наука, 2002. 676 с.
23. Тункина И. В. Забытый исследователь древностей Боспора конца XVIII в. — Ф. К. Биберштейн // Scripta Gregoriana: Древние цивилизации и мировая культура (к 70-летию академика Григория Максимовича Бонгард-Левина) / Ред. С. Л. Тихвинский. М.: Восточная литература, 2003. С. 340-352.
24. Тункина И. В. Археолого-эпиграфические исследования Ф. К. Маршала фон Биберштейна в Восточном Крыму и на Кавказе в конце XVIII в. (по неизданным архивным документам) // Человек и древности: Памяти Александра Александровича Формозова (1928-2009) / Отв. ред. И. С. Каменецкий, А. Н. Сорокин. М.: Гриф и К., 2010. С. 588-610, 900. Илл. 1-48.
25. Тункина И. В. «Отец боспорской археологии» Поль Дюбрюкс // Дюбрюкс П. Собр. соч. / Отв. ред. И. В. Тункина: В 2-х т. СПб.: Изд. дом Коло, 2010. Т. 1: Тексты. С. 13-101.
26. Тункина И. В. Академическая археологическая экспедиция в Новороссийский край 1821 г. под руководством академика Е. Е. Кёлера (Новые архивные материалы) // ВДИ. 2013. № 1. С. 197-214.
27. Тункина И. В. Академик Е. Е. Кёлер о Березани, Ольвии и ольвийской периферии в дневнике экспедиции Императорской Санкт-Петербургской Академии наук 1821 г. по Новороссийскому краю // Мнемон: Исследования и публикации по истории античного мира. Альманах / Ред. Э. Д. Фролов. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2014. № 14. С. 407-418.
28. Тункина И. В. Археологические памятники Гераклеяского полуострова Крыма в русских картографических документах XVIII-XIX вв. // Парадигмы истории и общественного развития: сб. науч. тр. / под общ. ред. Е. Б. Алтабаевой, Е. Н. Максимовой; Севаст. гос. ун-т. Севастополь: Изд-во СевастГУ, 2016. Вып. 2-3. С. 11-16.
29. Тункина И. В. Картографические и изобразительные документы конца XVIII-XIX вв. о Херсонесе Таврическом и памятниках Гераклеяского полуострова в Крыму. Новые архивные открытия // Элита Боспора и боспорская элитарная культура: Материалы международного Круглого стола (Санкт-Петербург, 22-25 ноября 2016 г.) / Отв. ред.-сост. В. Ю. Зуев, В. А. Хршановский. СПб.: Палаццо, 2016. С. 321-327.
30. Morgenstern K. H. K. E. Koehler. Zur Erinnerung an den Verewigten // Recueil des Actes de la séance publique l'Académie Impériale des sciences de Saint-Petersbourg. 1839. S. 71-140.
31. Pallas P. S. Bemerkungen auf einer Reise in die südlichen Statthalterschaften des Russischen Reichs in den Jahren 1793 und 1794. Leipzig: bey Gottfried Martini, 1799-1801. Bd. 1. 516 S.; Bd 2. 525 S.; 2 Aufl. Leipzig, 1803. Bd. 2. 404 S.
32. Tunkina I. V. The Academic Archaeological Expedition to South Russia (Novorossiya Province) under the Direction of Academician H. K. E. Köhler: New Archival Data // Archaeological and Linguistic Research: Materials of the Humboldt-Conference (Simferopol — Yalta, 20-23 September, 2012) / Ed. V. Mordvinceva, H. Härke, T. Shevchenko. Kyiv: Stylos, 2014. P. 10-18.

REFERENCES

1. *Administrativno-territorial'nye preobrazovaniia v Krymu: 1783-1998 gg. Spravochnik*. Simferopol, Tavriia-plius Publ., 1999, 464 p.
2. Bocharov S. B. Kartograficheskie istochniki po topografii turetskogo goroda Mangup. *Bakhchisaraiskii istoriko-arkheologicheskii sbornik*, 2008, vol. 3, pp. 191-211.
3. Vinogradov A. Iu. *Vizantiiskie nadpisi Severnogo Prichernomor'ia (IOSPE³V)*, 2015. URL: <http://iospe.kcl.ac.uk/corpora/byzantine/index-ru.html> (accessed: 28. 07. 2017).
4. Vinogradov A. Iu., Korobov M. I. Gotskie graffiti iz Mangupskoi baziliki. *Srednie veka*, 2015, vol. 76, No. 3-4, pp. 57-75.
5. Gertsen A. G. Istorii izucheniia oboronitel'nogo kompleksa Mangupa. *Antichnaia drevnost' i srednie veka: Razvitie feodalizma v Tsentral'noi i Iugo-Vostochnoi Evrope*, 1983, pp. 88-104.
6. Gertsen A. G. Krepstnoi ansambl' Mangupa. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, 1990, vol. I, pp. 87-166.
7. Gertsen A. G. Doros-Feodoro (Mangup): ot rannevizantiiskoi kreposti k feodal'nomu gorodu. *Antichnaia drevnost' i srednie veka*, 2003, vol. 34, pp. 94-112.
8. Gertsen A. G. Opisanie Mangupa-Feodoro v poeme Matfeia. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, 2003, vol. X, pp. 562-589.
9. Gertsen A. G. *Mangup: Gorod v Krymskom podnebes'e*. Simferopol, Tavriia Publ., 2007, 62 p.
10. Gertsen A. G. Mangup glazami issledovatelei i puteshestvennikov (XVI — nachalo XX vv.). *Bakhchisaraiskii istoriko-arkheologicheskii sbornik*, 2008, vol. 3, pp. 212-256.
11. Gertsen A. G., Mogarichev Iu. M. Metodika vydeleniia rannesrednevekovykh peshchernykh sooruzhenii gornogo Kryma (na primere Mangupa). *Sovetskaia arkheologiya*, 1991, No. 2, pp. 232-239.
12. Gertsen A. G., Naumenko V. E. Arkheologicheskie issledovaniia v raione tserkvi sv. Konstantina (Mangup). *VIII Bosporskie chteniia. Bospor Kimmeriiskii i varvarskii mir v period antichnosti i srednevekov'ia. Sviatilishcha i sakral'nye ob'ekty*, Kerch', 2007, pp. 89-96.
13. Gertsen A. G., Naumenko V. E., Chernysh S. A., Chikhradze D. A., Neguliaev E. A., Karlov S. V. Arkheologicheskie issledovaniia Mangupa. *Arkheologicheskie issledovaniia v Krymu. 1994 god*. Simferopol, Sonat Publ., 1997, pp. 77-79.
14. Diubua de Monpere F. *Puteshestvie v Krym*: (Puteshestvie po Kavkazu, k cherkesam i abkhazam, v Gruziiu, Armeniiu i v Krym. V 6 tt.: T. 5, 6) / Per. s fr., predisl. i primech. T. M. Fadeevoi. Simferopol, Biznes-Inform Publ., 2009, 328 p.
15. Ilatovskaia T. *Risunki brat'ev Kiugel'khenov v sobranii Ermitazha. Zapadnoevropeiskaia grafika XV-XX vekov*. Leningrad, Iskusstvo Publ., 1985, pp. 125-131.
16. Keppen P. I. Arkheograficheskaia i topograficheskaia poezdka po iuzhnomu берегу Kryma. *Odesskii vestnik*, 1834, 17 January, No. 5, pp. 17-18.
17. Latyshev V. V. *Sbornik grecheskikh nadpisei khristianskikh vremen iz Iuzhnoi Rossii*. S-Petersburg, Imperatorskaia Akademiia nauk Publ., 1896, 143 p.
18. Myts V. L. *Ukrepleniia Tavriki X-XV vv.* Kiev, Naukova dumka Publ., 1991, 167 p.
19. O sokhraneni i vobnovlenii v Krymu pamiatnikov drevnosti i ob izdani opisanii i risunkov onykh. *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostei*, 1872, vol. 8, pp. 363-403.
20. Pallas P. S. *Nabliudeniia, sdelaynye vo vremia puteshestviia po iuzhnym namestnichestvam russkogo gosudarstva v 1793-1794 godakh*. Moscow, Nauka Publ., 1999, 246 p. (Nauchnoe nasledstvo, T. 27).
21. Steven A. Kh. Dela arkhiva Tavricheskogo gubernskogo pravleniia, otnosiashchiesia do razyskaniia, opisanii i sokhraneniia pamiatnikov stariny v predelakh Tavricheskoi gubernii. *Izvestiia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii*, 1891, vol. 13, pp. 33-54.
22. Tunkina I. V. *Russkaia nauka o klassicheskikh drevnostiakh iuga Rossii (XVIII — seredina XIX v.)*. S-Petersburg, Nauka Publ., 2002. 676 p.
23. Tunkina I. V. Zabytyi issledovatel' drevnostei Bospora kontsa XVIII v. — F. K. Bibershtein. Tikhvinskii S. L. (Ed.), *Scripta Gregoriana: Drevnie tsivilizatsii i mirovaia kul'tura (k 70-letiiu akademika Grigorii Maksimovicha Bongard-Levina)*. M.: Vostochnaia literatura, 2003, pp. 340-352.
24. Tunkina I. V. Arkheologo-epigraficheskie issledovaniia F. K. Marshala fon Bibershteina v Vostochnom Krymu i na Kavkaze v kontse XVIII v. (po neizdannym arkhivnym dokumentam).
25. Tunkina I. V. «Otets bosporskoii arkheologii». Tunkina I. V. (Ed.), *Pol' Diubriuks. Sobranie sochinenii*, S-Petersburg, Izdatel'skii Dom Kolo Publ., 2010, vol. 1: Teksty, pp. 13-101.
26. Tunkina I. V. Akademicheskaiia arkheologicheskaiia ekspeditsiia v Novorossiiskii krai 1821 g. pod rukovodstvom akademika E. E. Kehler'a (Novye arkhivnye materialy). *Vestnik drevnei istorii*, 2013, No. 1, pp. 197-214.
27. Tunkina I. V. Akademik E. E. Kehler o Berezhani, Ol'vii i ol'viiskoi periferii v dnevnike ekspeditsii Imperatorskoi Sankt-Peterburgskoi Akademii nauk 1821 g. po Novorossiiskomu kraiu. Frolov E. D. (Ed.), *Mnemon: Issledovaniia i publikatsii po istorii antichnogo mira. Al'manakh*, S-Petersburg, SPbGU Publ., 2014, No. 14, pp. 407-418.
28. Tunkina I. V. Arkheologicheskie pamiatniki Gerakleiskogo poluostrova Kryma v russkikh kartograficheskikh dokumentakh XVIII-XIX vv. Altabaeva E. B., Maksimova E. N. (Eds.), *Paradigmy istorii i obshchestvennogo razvitiia*. Sevastopol, SevastGU Publ., 2016, vol. 2-3, pp. 11-16.
29. Tunkina I. V. Kartograficheskie i izobrazitel'nye dokumenty kontsa XVIII-XIX vv. o Khersonese Tavricheskom i pamiatnikakh Gerakleiskogo poluostrova v Krymu. Novye arkhivnye otkrytiia. Zuev V. Iu., Khrshanovskii V. A. (Eds.), *Elita Bospora i bosporskaia elitarnaia kul'tura: Materialy mezhdunarodnogo Kruglogo stola (Sankt-Peterburg, 22-25 noiabria 2016 g.)*, S-Petersburg, Palatstvo Publ., 2016, pp. 321-327.
30. Morgenstern K. H. K. E. Kehler. Zur Erinnerung an den Verewigten. *Recueil des Actes de la séance publique l'Académie Impériale des sciences de Saint-Petersbourg*, 1839, pp. 71-140.
31. Pallas P. S. *Bemerkungen auf einer Reise in die südlichen Statthaltschaften des Russischen Reichs in den Jahren 1793 und 1794*. Leipzig, 1799-1801, Bd. 1, 516 p.; Bd 2, 525 p.; 2 Aufl. Leipzig, 1803, Bd. 2, 404 p.
32. Tunkina I. V. The Academic Archaeological Expedition to South Russia (Novorossiya Province) under the Direction of Academician H. K. E. Köhler: New Archival Data. Mordvinceva V., Härke H., Shevchenko T. (Eds.), *Archaeological and Linguistic Research: Materials of the Humboldt-Conference (Simferopol — Yalta, 20-23 September, 2012)*, Kyev, Stylos Publ., 2014, pp. 10-18.

Тункина И. В.

Малоизвестные страницы истории изучения Мангупа:
академическая экспедиция Е. Е. Кёлера 1821 г.

Резюме

Статья вводит в научный оборот малоизвестные архивные материалы о посещении средневекового городища Мангуп в Крыму участниками академической археологической экспедиции 1821 г. в Новороссийский край. Впервые публикуется фрагмент путевого дневника академика Е. Е. Кёлера и рапорт его спутника французского архитектора Э. Паскаля о руинах крепости Мангуп.

Ключевые слова: Мангуп, Петербургская академия наук, археологическая экспедиция, Е. Е. Кёлер, Э. Паскаль, охрана археологических памятников.

Tunkina I. V.

Little-Known Pages in the History of Mangup Researches:
H. K. E. Köhler's Academic Expedition of 1821

Summary

This article introduces into scholarship little-known archival materials describing the visit to the ancient city of Mangup in the Crimea of the participants of 1821 academic archaeological expedition to New Russia. A fragment of H. K. E. Köhler's travel journal and his fellow traveller E. Pascal's report on the ruins of Mangup fortress are published for the first time.

Keywords: Mangup, St. Petersburg Academy of Sciences, archaeological expedition, H. K. E. Köhler, E. Pascal, archaeological heritage protection.

Д. В. КОНКИН

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ «ОТКРЫТИЯ»
АКАДЕМИКА П. С. ПАЛЛАСА В КРЫМУ: «ДЕФЕКТ ОПИСАНИЯ»¹

Для правительства Российской империи присоединенный в 1783 г. Крымский полуостров стал своеобразной «терра инкогнита». Проявлялось данное обстоятельство не только в буквальном отсутствии точной гидро- и картографии полуострова, но и в пробелах знаний во многих других научных отраслях: истории, географии, геологии, ботанике, зоологии, метеорологии и т.д. Эти сведения имели исключительно важное значение для использования в прикладной сфере, для формирования правительственной стратегии по экономико-политическому преобразованию Крыма. Поэтому логичными шагами имперской власти стали мероприятия, направленные на исследование новоприобретенного края.

Пожалуй, наиболее известным и авторитетным исследователем, который непосредственно находился в Крыму в рассматриваемый период с целью его изучения, можно назвать академика Петра Симона Палласа (1741-1811). Он стал автором знаменитого описания полуострова (краткой и расширенной версии), неоднократно переиздававшегося на русском, французском, немецком, английском языках и завоевавших большую популярность в России и за рубежом. Первоначальная его работа о Крыме была опубликована за счет российской казны в Санкт-Петербурге, что позволяет говорить о прямой заинтересованности государства и ведущих российских чиновников в появлении подобных изданий и распространении их, прежде всего, среди отечественной публики. В то же время многочисленные иностранные реплики описания свидетельствовали об интересе европейского читателя к такой литературе.

Российское правительство было озабочено заселением обезлюдившего в результате многочисленных бедствий края экономически активным населением. Переселенческая программа являлась краеугольным камнем всей внутренней политики, проводимой в Новороссии (см. «План о раздаче в Новороссийской губернии казенных земель к их заселению» [18, т. 16, № 12099, с. 663-667; 5, с. 58-62; 22, р. 109-117]). Наряду с многочисленными экономическими льготами и преференциями, создание позитивного образа незаселенных территорий традиционно являлось одним из ключевых инструментов агитационной практики правительства по привлечению туда не только российских переселенцев, но и иностранных колонистов [см.: 16, с. 227-340; 4, с. 213-214, 221; 19, с. 208; 17, с. 44-55]. Формирование и распространение благоприятного имиджа о привлекательных и многообещающих условиях хозяйственной жизни в Крыму было важно и для Новороссийских правителей «екатерининских времен» Г. А. Потемкина и П. А. Зубова. Не случайно оба фаворита императрицы Екатерины II оказались причастны к появлению позитивных

крымских описаний, материально поощряли их авторов (К. И. Габлица и П. С. Палласа, соответственно).

Конечно, широкоизвестные работы Палласа о Крыме огромное количество раз были задействованы в научной, научно-популярной, краеведческой литературе, посвященной самым разным отраслям знаний («палласоведческая» литература в целом насчитывает сотни наименований [см.: 1, с. 133-157; 13, с. 259-264; 21, с. 163-168]). Но в данном случае хотелось бы взглянуть на его описания с точки зрения их практического применения и пользы для экономики региона в начальный период интеграции полуострова в общероссийское пространство. И в таком разрезе становится очевиден заложенный в них «дефект описания», когда общие первоначальные эмоционально окрашенные восторженные отклики о южнобережных красотах, плодородии крымских земель, блестящем экономическом потенциале края не учитывали или же затмевали объективные трудности в практическом использовании природных богатств полуострова.

Экспедиция Палласа в южные районы России состоялась в 1793-1794 гг. Крым он подробно изучал весной 1794 г. [3, с. 126; 20, с. 353-355]. А уже в 1795 г. исследователь отдельной книгой на французском языке издает в Санкт-Петербурге под эгидой Академии наук предварительное описание своего путешествия [23], в том же году получившее и русскоязычное воплощение [14]. Видимо, с учетом повышенного интереса к публикации в 1796 г. появляются еще один французский и немецкий варианты написанного Палласом краткого физико-топографического описания Крыма, напечатанные теперь частным издателем Иоганном Логаном, с которым ученый плодотворно сотрудничал и ранее [см.: 24; 25]. Если автор вышедшего в 1785 г. «Физического описания Таврической области» К. И. Габлиц был обязан появлением своей книги о Крыме благосклонностью Потемкина, то Палласа «вдохновлял» другой знаменитый фаворит Екатерины II Платон Александрович Зубов, которому академик и посвятил свое сочинение². Зубов во многом пытался повторить путь своего предшественника и в течение 1793-1796 гг. осуществлял руководство Новороссийским краем, большое внимание уделяя развитию Крыма.

Нужно сказать, что полуостров в «Кратком описании» Палласа получил самые восторженные характеристики. Ученый смело выдавал радужные прогнозы по перспективам разведения здесь отдельных сельскохозяйственных культур и внедрению промышленных инноваций. Большая часть степного Крыма, по утверждению академика, была покрыта «отчасти суглинком», но «более черноземом», приспособлена к земледелию («исключая чрезвычайно сухие годы») «и произрастает лучшую пшеницу» [14, с. 47-48]. Лошади, верблюды и овцы находили здесь «отменно хорошие пастбы». Предгорье от засух спасали орошаемые долины рек. И хотя чернозем здесь часто был не глубок, однако в «приятнейших долинах» находились «множество садов и пастбы» и везде можно было получить «весьма плодоносные жатвы». «Во всей части Таврической области с успехом могут быть заведены различные полезные насаждения», — считал ученый [14, с. 48-49]. Не увидел Паллас проблем с водообеспечением полуострова. По его словам, местные источники «здоровы, студены и в великом находятся изобилии», хотя и «весьма известковаты и на вкус жестки» [14, с. 50-51]. Традиционно сильный эффект произвел на исследователя южнобережный и горный Крым. Здесь находились «самые прекрасные долины», а климат

¹ Статья выполнена в рамках базовой части государственного задания Минобрнауки РФ № 33.5763.2017/БЧ по теме «Российская империя и Крым: основные проблемы, концепции, понятия».

² Доброжелательное отношение со стороны Зубова, несомненно было, свидетельством чему могут служить, например, положительные решения новороссийского правителя на просьбы академика о земельных пожалованиях в Крыму, подтверждаемые соответствующими ордерами [см.: 6, с. 13; 7, с. 6; 8, с. 8; 11, с. 179-180; 20, с. 233].

такой же, как в Анатолии, зима в них «едва чувствительна». Долины рек и северные горные склоны «изобилуют хорошими лесами» [14, с. 52]. В южнобережных ущельях «изобильно растет» приморская сосна, которую можно пускать на доски, а горные равнины служат отличными пастбищами [14, с. 53]. В отношении «ботаники и хозяйственной части» эти земли составляли «самую важнейшую страну Таврической области, а может быть и всего государства», — отмечал Паллас [14, с. 54-55]. Он уверенно заявлял, что «в сих прекрасных долинах могут быть заведены растущие в Южной Европе и малой Азии самые полезные насаждения для блага России», называя среди них оливковые и фиговые деревья, кунжут, апельсины и лимоны и даже пробочное дерево с сахарным тростником. Впечатление от живописных красот Южного берега Крыма оказалось настолько глубоким, что в целом сдержанный и точный в своих работах ученый-естествоиспытатель на этот раз отступил от устоявшихся канонов научного описания и в нехарактерной манере допускал лирические отступления и абстрактные размышления³:

«Сии места возрождают привязанность к свету, который ужасы войны, отвратительное свойство лукавого обхождения, и роскошь, распространившаяся в больших городах вместе со свойственными великим обществам порокам делают почти несносным оставившему светские суеты просвещенному человеку... Простая жизнь добродушных нагорных татар, которые обитают в сих райских долинах, покрытые землею их хижины, ... стада козлов и небольших овец, рассеянные по бокам стоящих посреди безмолвных скал, и раздающийся между оными звук пастушечьей свирели; словом все изображает здесь золотой век природы, все вливает любовь к простой, сельской и уединенной жизни» [14, с. 58-59].

Но прошло всего несколько лет после издания первой книги, как оценка крымской действительности сильно изменилась в новом, более подробном и взвешенном крымском описании Палласа. Имеются в виду «Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным наместничествам Русского государства в 1793-1794 годах», впервые опубликованные одновременно на немецком и французском языках в Лейпциге: в 1799 г. — первый том, а в 1801 г. — том второй, собственно, посвященный описанию полуострова [26; 27]. Эта книга впоследствии неоднократно переиздавалась на немецком, французском и английском языках и, несомненно, оказала сильнейшее влияние на восприятие Крыма европейцами [15, с. 16]. В новом описании у автора исчез первоначальный безудержный восторг от увиденного. Паллас ко времени выхода второго тома уже несколько лет являлся крымским помещиком и успел на собственном опыте испытать все практические трудности жизни в Таврической области, бытовые, хозяйственные, юридические проблемы, связанные с интеграцией полуострова в состав Российской империи.

Теперь он указывал на серьезные сложности в процессе намеченных преобразований. Среди основных — это неумелое местное население. «Добродушные нагорные татары» превратились теперь у него в «неспособных», «ленивых» и «очень опасных», склонных больше «к уничтожению, чем к насаждению растений...» жителей [15, с. 115-116; см. также: с. 148-149, 153, 155-156]. Другой причиной, препятствовавшей «процветанию Крыма», являлось распределение «лучших казенных земель» не проживавшим там владельцам или же малосостоятельным помещикам, не имевшим возможности или желания к значительным вложениям в развитие собственных хозяйств. Но «особенно важной причиной, не дающей возможности

развитию благосостояния в этой стране» стала неопределенность в праве собственности, имущественные конфликты, возникшие между новоприбывшими помещиками и местным населением [15, с. 156]. Паллас знал о чем говорил, поскольку имел личный печальный опыт долгих и тяжелых судебных тяжб с крымскими татарами, обвинявшими его в захвате общественных земель [см.: 11, с. 199-239; 20, с. 235-237].

Академик указывал на непростые, как теперь выяснилось, природные условия, осложнявшие быстрое и успешное развитие хозяйства, корректировал или дополнял свои предыдущие высказывания. Так, в раннем «Кратком описании» Паллас ничего не говорил о климате. В «Наблюдениях» же он отмечал непостоянство крымской погоды. Суровые зимы (1798-1799 и 1799-1800 гг.), чрезвычайно жаркие засушливые летние месяцы, опасный по причине смертельных лихорадок осенний период теперь неприятно поразили исследователя. Отметим, что упоминавшийся выше Габлиц, рекламируя Крым в своем «Физическом описании», отмечал, что местный климат обладал «всеми лучшими свойствами, каких только ... ожидать можно» [2, с. 60]. Ранее Паллас в описании 1795 г. сообщал, что большая часть степного Крыма покрыта черноземом, в новом издании Северный Крым изображен уже с несколько иным качеством почвы: «большой частью верхний ее слой песчаный ... или же песок перемешан с глиною» [цит. по: 20, с. 211]. Отмечая в целом отличные перспективы возделывания винограда в Крыму, особенно в Судакской и Козькой долинах, Паллас в издании 1801 г. обращал внимание на определенные сложности в развитии данной отрасли: это и погодные условия, которые вынуждали местных жителей в предгорьях прикапывать виноградные кусты на зиму; и дороговизна наемных рабочих, вследствие малого количества населения в Крыму; и конкуренция дешевых молдавских вин; и многочисленные вредные насекомые. Все перечисленные обстоятельства негативно влияли на развитие виноградарства на полуострове, и преодоление их требовало большого внимания и значительных вложений со стороны властей [15, с. 169, 178-182]. Такое понимание было обретоено ученым только после круглогодичного пребывания в Крыму в течение нескольких лет подряд.

С плодовыми деревьями также оказалось не все так благоприятно, как изображали ученый в своем раннем описании. Паллас теперь сетовал, что «из 3-4-х лет выдается только один урожайный год», так как часто случалась теплая весна, которая вызывала раннее цветение, а наступавшие затем морозы и частые морские туманы «уничтожают всякую надежду на хороший урожай» [15, с. 183]. К слову сказать, ситуация, хорошо известная и современным жителям полуострова. Разведение таких, в общем-то, проблемных даже для Южного берега Крыма культур, как фиговые, гранатовые, оливковые деревья также не вызывало былого энтузиазма и уверенности. Паллас отмечал, что гранатовые и оливковые деревья дают мелкие малосочные плоды, фиговые во время двух подряд холодных зим вообще вымерзли до корня [15, с. 185].

Характеризуя состояние фабрик и мануфактур, Паллас писал, что «несмотря на то, что русские уже 15 лет господствуют» в Крыму, здесь так и не появилось необходимых ремесленников, а тем более рабочих для этих производств [15, с. 204]. Сомневался он теперь и в торговых перспективах, поскольку полуостров «по своей ограниченной промышленности и отдаленности от внутренних хлеботорговых областей России, небольшой населенности, недостаточным урожаям и по своему положению не может рассчитывать на большую ввозную и вывозную торговлю». И как бы ни было привлекательно географическое положение Крыма, но из-за его отдаленности, неудобства прибрежного плавания и отсутствия хороших дорог для санного сообщения зимой, он не мог соперничать с гаванями Таганрога, Херсона, Одессы, куда доставлять товар для вывоза было несравнимо проще и выгоднее [15, с. 206].

³ Обратил внимание на романтические аллюзии крымского описания Палласа и внимательный исследователь его «ботанического» наследия А. К. Сытин [см.: 20, с. 251-253].

Как нетрудно заметить, новые оценки крымских реалий довольно сильно отличались от легковесных восхвалений предыдущих лет, когда Паллас писал: «Область столь благополучно расположена ко всем тем заведениям, каковым прочим странам Российской империи еще не доставало», земли эти «доведены быть могут до той степени совершенства, что со временем составит она наивысшую драгоценность Российской державы» [14, с. 1].

Вот как отзывался о подобных описаниях и характеристиках современник событий Дмитрий Борисович Мертваго, таврический губернатор в начале XIX в., человек здравомыслящий и хорошо разбиравшийся в крымской специфике: «История Крыма в отдельных временах довольно известна всем, кто читать умеет. Надобно только приметить, что древние писатели говорили о нем слегка; а новейшие бумагомаратели, вытаскивая из пыли лоскутья Страбона и прочих и раздувая каждое слово, увеличивая хорошее, умалчивая худое, затмили истину» [12, с. 124]. Причина же такого превознесения крымских достопримечательностей и возможностей, по мнению Мертваго, являлась неумная жажда славы Потемкиным, ради которой он старался при всякой возможности усилить значимость и ценность приобретения Крыма, для чего и поощрял путешественников и писателей к позитивным описаниям полуострова. «Всякого звания, всякой нации люди, осматривая его красоты в самое лучшее время года, описывали нагорные места, где, проезжая верхом по десяти верст в день, не упоминали о тех степях, чрез кои двести верст в сутки проскакивали» [там же]. Как видно, в такой описательной традиции первоначально действовал и Паллас.

Схожие мысли высказывал князь Дмитрий Петрович Горчаков, занимавший в течение трех лет должность таврического губернского прокурора (1808-1810 гг.). В частности, характеризуя Южный берег, отмечал: «...если приморская сия полоса столько восхищающая любопытных странников, представляет довольно предметов для изображения на эстапмах, или поводов к сочинению романтических описаний, то не имеет она однако же удобностей для обширных видов, достойных привлечь внимания правительства...» [РГИА. Ф. 1251. Оп. 2. Д. 8, л. 4; Ф. 994. Оп. 2. Д. 473, л. 3]. Горчаков достаточно скромно оценивал экономические возможности Крыма и подробно описал существующие проблемы в записке «О распространении просвещения среди крымских татар». В конце своих рассуждений князь специально оговаривался, что представив Крым «в простом и подлинном его виде», «совлеченный нарядом его украшавших и личин его обезобразивших...», он «не искал романтическими описаниями обольстить воображение для приобретения имени замысловатого писателя..., не старался пышными доводами заманить правительство к какому-либо новому заведению в надежде быть при нем употребленным» [РГИА. Ф. 1251. Оп. 2. Д. 8, л. 9-9 об.; Ф. 994. Оп. 2. Д. 473, л. 8 об.], очевидно, намекая на авторов проектов и описаний Крыма прошлых лет.

Не переоценивая значимости появившихся в конце XVIII в. произведений о Крыме, следует признать, что неизменно возникавшая в них привлекательная картина крымской действительности в сочетании с поощрительной политикой государства по заселению пустующих земель на полуострове становилась весьма заманчивой иллюзией для желающих отправиться туда переселенцев. Например, многие российские помещики ради крымской авантюры продавали свои имения во внутренних российских регионах и в своих крымских владениях становились заложниками обстоятельств, не имея средств и возможности бороться с неожиданными хозяйственными препятствиями, требовавшими значительных вложений, к которым затем присоединились имущественные споры со стороны крымских татар и корруп-

ция местных чиновников [10, с. 48-49, 52-54, 61-62, 66; 9, с. 383]. Рекламная компания действовала по всем направлениям: правительственные преференции переселенцам, восторженные описания путешественников, прославление присоединения Крыма и его значения и наследия в художественных произведениях, позитивные не критические научные описания и, в конечном итоге, дала результаты. Крымский миф экономического рая и выгод был быстро сформирован, об объективных проблемах жизнедеятельности в Крыму первоначально никто не писал.

В результате «дефекта описания», когда исследования, инициированные имперской властью, проводились с многочисленными допущениями и неточностями, без объективной оценки рисков развития отдельных отраслей экономики, возникали серьезные искажения в общегосударственном представлении о хозяйственном потенциале Крыма, что приводило к стратегическим ошибкам в его преобразовании. Первоначальные неточности в оценках экономических возможностей полуострова в конечном итоге на десятилетия обусловили глубокую экономическую стагнацию полуострова. И уже в начале XIX в. современники вынуждены были констатировать, что на Крымском полуострове царят «опустошение и ужасные следы беспорядков» [12, с. 128].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Боркин Л.Я. Добавления к библиографии Петра Симона Палласа // Историко-биологические исследования. 2011. № 3. С. 130-157.
2. Габлиц К.И. Физическое описание Таврической области, по ее местоположению и по всем трем царствам природы. СПб.: Имп. типография у Ивана Вейтбрехта, 1785.
3. Материалы для истории экспедиций Академии наук в XVIII и XIX веках. Хронологические обзоры и описание архивных материалов / Сост. В.Ф. Гнучева. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1940. (Труды архива АН СССР. Вып. 4).
4. Годжи Д. Колонизация и цивилизация: русская модель глазами Дидро // Европейское Просвещение и цивилизация России / Отв. ред. С. Я. Карп, С. А. Мезин. М., 2004. С. 212-237.
5. Дружинина Е.И. Северное Причерноморье в 1775-1800 гг. М.: Изд-во АН СССР, 1959.
6. Ордера князя Платона Александровича Зубова правителю Таврической области за 1795-й год. (Продолжение) // ИТУАК. 1895. № 22. С. 1-17.
7. Ордера князя Платона Александровича Зубова правителю Таврической области за 1795-й год. (Продолжение) // ИТУАК. 1896. № 24. С. 1-30.
8. Ордера князя Платона Александровича Зубова правителю Таврической области за 1796-й год. (Окончание) // ИТУАК. 1897. № 26. С. 1-10.
9. Конкин Д.В. Земельные конфликты в Крыму (конец XVIII — начало XIX вв.): «мнения» и «проекты» // МАИЭТ. 2016. Вып. XXI. С. 375-390.
10. Лашков Ф.Ф. Сборник документов по истории крымско-татарского землевладения. (Окончание) // ИТУАК. 1897. № 26. С. 24-154.
11. Маркевич А.И. Академик П.С. Паллас. Его жизнь, пребывание в Крыму и ученые труды (к столетию со дня его смерти) // ИТУАК. 1912. № 47. С. 167-242.
12. Мертваго Д.Б. Записки (1760-1824). СПб.: Русская симфония, 2006.
13. Непомнящий А.А. К вопросу о роли П. С. Палласа в развитии исторического краеведения Крыма (библиографический аспект) // Культура народов Причерноморья. 1998. № 5. С. 259-264.
14. Паллас П.С. Краткое физическое и топографическое описание Таврической области. СПб.: Императорская типография, 1795.
15. Паллас П.С. Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным наместничествам Русского государства в 1793-1794 годах. М.: Наука, 1999.
16. Писаревский Г. Из истории иностранной колонизации в России в XVIII в. М.: Печатня А. И. Снегиревой, 1909.

17. Плеве И.Р. Немецкие колонии на Волге во второй половине XVIII века. М.: АОО «Международный союз немецкой культуры», 2008.
18. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1-е. СПб.: Тип. СЕИВ, 1830.
19. Строев А. «Те, кто поправляет Фортуна». Авантюристы Просвещения. М.: Новое литературное обозрение, 1998.
20. Сытин А.К. Ботаник Петр Симон Паллас. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2014.
21. Ушатая Р.И. «Слава его не сравнится с заслугами в науке...». К 265-летию со дня рождения Петра Симона Палласа. Библиографический список // Культура народов Причерноморья. 2007. № 98(2). С. 163-168.
22. Bartlett R.P. Human capital: The settlement of foreigners in Russia, 1762-1804. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1979.
23. Pallas P.S. Tableau physique et topographique de la Tauride, tire du journal d'un voyage fait en 1794. St. Petersburg: [De l'Imprimerie de l'Academie Imperiale des sciences], 1795. [6], 59 p.
24. Pallas P.S. Tableau physique et topographique de la Tauride. St. Petersburg: J.J. Logan, 1796. [IV], 148 p.
25. Pallas P.S. Physikalisch-topographisches Gemälde von Taurien aus dem Gemälde einer im Jahre 1794 gethanen Reise // Neue Nordische Beiträge. St. Petersburg, 1796. Band VII. S. 377-438.
26. Pallas P.S. Bemerkungen auf einer Reise in die südlichen Statthalterschaften des Russischen Reichs in der Jahren 1793 und 1794. Bd. 1-2. Leipzig, 1799-1801; 1799. Bd. 1. [XXXII], 516 S.; 1801. Bd. 2. [XXIV], 525 S.
27. Pallas P.S. Observations faites dans un voyage entrepris dans les gouvernements meridionaux de l'Empire de Russie, dans les, annees 1793 et 1794. Traduit de l'allemand. Vol. 1-2. Leipzig, 1799-1801; 1799. Vol. 1. [XXXII], 438 p.; 1801. Vol. 2. [XVI], 452 p.

REFERENCES

1. Borkin L.Ia. Dobavleniia k bibliografii Petra Simona Pallasa. *Istoriko-biologicheskie issledovaniia*, 2011, No. 3, pp. 130-157.
2. Gablitz K.I. *Fizicheskoe opisanie Tavricheskoi oblasti, po eia mestopolozheniiu i po vsem trem tsarstvam prirody*. St-Petersburg, Imp. tipografiia u Ivana Veitbrekhta, 1785.
3. Gnucheva V.F. (ed.). *Materialy dlia istorii ekspeditsii Akademii nauk v XVIII i XIX vekakh. Khronologicheskie obzory i opisanie arkhivnykh materialov*. Moscow, Leningrad, AN SSSR Publ., 1940. (Trudy arkhiva AN SSSR. Vol. 4).
4. Godzhi D. Kolonizatsiia i tsivilizatsiia: russkaia model' glazami Didro. Karp S.Ia., Mezin S.A. (Eds.), *Evropeiskoe Prosveshchenie i tsivilizatsiia Rossii*, Moscow, 2004, pp. 212-237.
5. Druzhinina E.I. *Severnoe Prichernomor'e v 1775-1800 gg.* Moscow, AN SSSR Publ., 1959.
6. Ordera kniazia Platona Aleksandrovicha Zubova praviteliu Tavricheskoi oblasti za 1795-i god. (Prodolzhenie). *Izvestiia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii*, 1895, No. 22, pp. 1-17.
7. Ordera kniazia Platona Aleksandrovicha Zubova praviteliu Tavricheskoi oblasti za 1795-i god. (Prodolzhenie). *Izvestiia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii*, 1896, No. 24, pp. 1-30.
8. Ordera kniazia Platona Aleksandrovicha Zubova praviteliu Tavricheskoi oblasti za 1796-i god. (Okonchanie). *Izvestiia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii*, 1897, No. 26, pp. 1-10.
9. Konkin D.V. Zemel'nye konflikty v Krymu (konets XVIII — nachalo XIX vv.): «mnieniia» i «proekty». *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol, 2016, Vol. XXI, pp. 375-390.
10. Lashkov F.F. Sbornik dokumentov po istorii krymsko-tatarskogo zemlevladieniia. (Okonchanie). *Izvestiia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii*, 1897, No. 26, pp. 24-154.
11. Markevich A.I. Akademik P. S. Pallas. Ego zhizn', prebyvanie v Krymu i uchenye trudy (k stoletiiu so dnia ego smerti). *Izvestiia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii*, 1912, No. 47, pp. 167-242.
12. Mertvago D.B. *Zapiski (1760-1824)*. St-Petersburg, Russkaia simfoniia Publ., 2006.
13. Nepomniashchii A.A. K voprosu o roli P. S. Pallasa v razvitiu istoricheskogo kraevedeniia Kryma (bibliograficheskii aspekt). *Kul'tura narodov Prichernomor'ia*, Simferopol, 1998, No. 5, pp. 259-264.

14. Pallas P.S. *Kratkoe fizicheskoe i topograficheskoe opisanie Tavricheskoi oblasti*. St-Petersburg, Imperatorskaia tipografiia, 1795.
15. Pallas P.S. *Nabliudeniia, sdelannye vo vremia putesthestviia po iuzhnym namestnichestvam Russkogo gosudarstva v 1793-1794 godakh*. Moscow, Nauka Publ., 1999.
16. Pisarevskii G. *Iz istorii inostrannoi kolonizatsii v Rossii v XVIII v.* Moscow, Pechatnia A. I. Snegirevoi, 1909.
17. Pleve I.R. *Nemetskie kolonii na Volge vo vtoroi polovine XVIII veka*. Moscow, AOO «Mezhdunarodnyi soiuz nemetskoii kul'tury», 2008.
18. *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie 1-e*. St-Petersburg, Tip. SEIV, 1830.
19. Stroeve A. «Te, kto popravliaet Fortunu». *Avantiuristy Prosveshcheniia*. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 1998.
20. Sytin A.K. *Botanik Petr Simon Pallas*. Moscow, Tovarishchestvo nauchnykh izdaniy KMK, 2014.
21. Ushataia R.I. «Slava ego ne sravnitsia s zaslugami v nauke...». K 265-letiiu so dnia rozhdeniia Petra Simona Pallasa. *Bibliograficheskii spisok. Kul'tura narodov Prichernomor'ia*, Simferopol, 2007, No. 98(2), pp. 163-168.
22. Bartlett R.P. *Human capital: The settlement of foreigners in Russia, 1762-1804*. Cambridge Univ. Press, 1979.
23. Pallas P.S. *Tableau physique et topographique de la Tauride, tire du journal d'un voyage fait en 1794*. St. Petersburg, 1795, [6], 59 p.
24. Pallas P.S. *Tableau physique et topographique de la Tauride*. St. Petersburg, 1796, [IV], 148 p.
25. Pallas P.S. Physikalisch-topographisches Gemälde von Taurien aus dem Gemälde einer im Jahre 1794 gethanen Reise. *Neue Nordische Beiträge*. St. Petersburg, 1796, Bd. VII, pp. 377-438.
26. Pallas P.S. *Bemerkungen auf einer Reise in die südlichen Statthalterschaften des Russischen Reichs in der Jahren 1793 und 1794*. Bd. 1-2. Leipzig, 1799-1801.
27. Pallas P.S. *Observations faites dans un voyage entrepris dans les gouvernements meridionaux de l'Empire de Russie, dans les, annees 1793 et 1794*. Traduit de l'allemand. Vol. 1-2. Leipzig, 1799-1801.

Конкин Д. В.

Экономические «открытия» академика П. С. Палласа в Крыму:
«дефект описания»

Резюме

Для Российской империи после присоединения Крыма важной задачей являлось исследование территории полуострова для определения экономических и хозяйственных возможностей края. С этой целью российским правительством были предприняты ряд действий по изучению географии, истории, флоры и фауны полуострова. Наиболее известным исследователем, командированным в этот период в Крым, стал академик Петр Симон Паллас. В статье проанализированы крымские описания известного ученого-естествоиспытателя с точки зрения их практического применения и экономической полезности. Первые результаты экспедиции Палласа были опубликованы в 1795 г. Эти общие предварительные описания характеризуются значительной эмоциональностью их автора, восторженные отклики о южнобережных красотах, плодородии местных земель, блестящем экономическом потенциале края не учитывали или же затмевали объективные трудности в практическом использовании природных богатств полуострова. Несколько позднее, в расширенном описании, изданном за рубежом после того, как ученый стал крымским помещиком и на собственном опыте смог испытать практические трудности жизни в Таврической области, его взгляды на экономический потенциал Крыма были серьезно скорректированы. Первоначальный оптимизм сменил практический скептицизм.

Подобного рода исследования, оценки их авторов часто становились решающими при выработке стратегии, определении действий по конкретным прикладным проектам имперской власти, являлись одним из побуждающих мотивов при переселении в Крым российских помещиков. В результате «дефекта описания», когда исследования, инициированные имперской властью проводились с многочисленными допущениями и неточностями, без

объективной оценки рисков развития отдельных отраслей экономики, возникали серьезные искажения в общегосударственном представлении о хозяйственном потенциале Крыма, что приводило к стратегическим ошибкам в его преобразовании.

Ключевые слова: Российская империя, присоединение Крыма, П. С. Паллас, описания, экономика.

Konkin D. V.

**Academician P. S. Pallas' Economic "Discoveries" in the Crimea:
A "Defect in Description"**

Summary

An important task standing in front of the Russian Empire after the joining of the Crimea was the investigation of this peninsula defining the economic perspectives offered by the country. To this end, the Russian government performed a series of actions to study geography, history, flora and fauna of this peninsula. Peter Simon Pallas was the most famous among the scientists sent to the Crimea in the period in question. This paper analyses the descriptions of the Crimea made by this respected naturalist in the view of their practical use and economic utility.

Pallas published the first results of his Crimean expedition in 1795. This preliminary description showed much of the author's emotion, rave reviews of the beauties of the southern Crimean coast, fertility of lands and brilliant economical potential of the country, disregarding or overshadowing objective difficulties in the practical use of natural resources of the peninsula. Later on, after Pallas became a Crimean land-owner and experienced practical aspects of the life in the Taurida region, he changed his view of its economic potential, as appeared in the detailed description of the Crimea published abroad. Thus practical scepticism replaced his initial optimism.

Researches of the kind and their authors' evaluations often became decisive factors for the imperial power in strategy making or determination of actions towards particular applied projects, and were a stimulus for Russian owners who decided to move to the Crimea. "Defects of description" by researches initiated by the imperial authorities which were conducted with numerous assumptions and inaccuracies, lacking objective evaluations of risks in specific branches of economics, made important distortions in the notion of the Crimea's economic potential, which was generally accepted by the state bodies, and therefore resulted in long-term errors in reforms.

Keywords: Russian Empire, joining of the Crimea, Peter Simon Pallas, descriptions, economics.

Д. А. ПРОХОРОВ

**НЕКОТОРЫЕ ДИСКУССИОННЫЕ ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ ИУДЕЙСКОЙ ОБЩИНЫ МАНГУПА:
К ПРОБЛЕМЕ ПЕРЕСЕЛЕНИЯ КАРАИМОВ
В КОНЦЕ XVIII — НАЧАЛЕ XIX вв.¹**

Важным источником для изучения истории прошлого караимов являются записки путешественников, в разное время посетивших Крымский полуостров. Прежде всего, это сочинения Э. Челеби, И. Шильтбергера, М. Броневского, Ж. Ромма, барона Тотта, П. С. Палласа, П. И. Кёппена, П. И. Сумарокова, И. М. Муравьева-Апостола, Э. Кларка, М. Гутри, Р. Лайалла, Ф. Дюбуа-де-Монпере, Р. Хебера [1, с. 100-134; 11; 12; 35, с. 172-181, 1-46; 36; 40, с. 89-180; 42; 53; 64, с. 17-33; 65, с. 263-330; 77; 86, с. 62-208; 87; 88; 97, 99; 102; 103; 105; 107; 114, с. 645-697; 115; 157-170; 116, с. 116-132; 118, с. 97-111; 125; 127; 129; 132; 139; 140]. Заметки о своих визитах в Крым оставили также писатели А. Н. Демидов, А. С. Афанасьев-Чужбинский, В. В. Измайлов и Г. В. Гераков, польская путешественница Поля (псевдоним Елены Скимунт), Ф. Дюбуа де Монпере, Л. Хлебницки-Юзефович, О. Шишкина, С. Элиот, Э. Хендерсон, француженка А. Омер де Гель, немцы Ф. Реми, А. ф. Хакстхаузен, Й. Коль [2; 37-39; 23; 46; 56, с. 191-205; 57, с. 543-548; 78; 84, с. 183-215; 85, с. 73-81; 122; 128; 130; 131; 133, р. 34-46; 135, р. 789-818; 136; 141], а также многие другие.

Что касается научных публикаций, в которых затрагивались различные эпизоды истории крымских караимских общин в конце XVIII — начале XIX вв., необходимо указать на работы В. В. Григорьева [33, с. 11-49], Ф. Ф. Лашкова [68-70], А. Г. Герцена, Ю. М. Могаричева [24-30], О. Б. Белого и Е. Г. Баккала [5-7], М. И. Гаммала [15, с. 265-286], Н. В. Кашовской [48-52], М. Б. Кизиловой [54-60; 133-135], А. Галенко [14, с. 39-62], Ф. Миллера [137], Д. Шапира [142, р. 79-98], Г. Ахиезер [3, с. 48-53; 4].

В задачи предлагаемой публикации входит обзор литературы и источников о караимской общине Мангупа в конце XVIII — первой половине XIX вв.: от сведений, приведенных в записках путешественников, посетивших Крымский полуостров, до специализированных изданий по указанной теме, включая труды авторов дореволюционного и советского периодов. В статье также представлен анализ современной академической литературы по данному вопросу. Кроме того, были изучены документы, хранящиеся в фондах Государственного казенного учреждения Республики Крым «Государственный архив Республики Крым» (далее — ГАРК; часть из них вводится в научный оборот впервые), в которых нашли отражение факты об исходе караимов с плато Мангупа в 1790-х гг. и об их переселении в другие города Крымского полуострова и других регионов.

Первые достоверные свидетельства о существовании караимских общин на Крымском полуострове следует отнести к середине XIII в. [40, с. 118; 65, с. 266,

¹ Статья выполнена в рамках базовой части государственного задания Минобрнауки РФ № 33. 5763. 2017/БЧ по теме «Российская империя и Крым: основные проблемы, концепции, понятия».

267]. Возможно, проникновение караимов в Крым произошло из Персии, Кавказа и Средней Азии; при этом они избрали местом жительства такие города, как Солхат, Каффа, Карасубазар, Чуфут-Кале (Кырк-Йер), Мангуп, а впоследствии Гёзлөв и ряд других [53, с. 289, 290; 24, с. 744-751; 26, с. 58-61; 59, с. 127, 128]. В соответствии с караимской устной традицией принято считать, что общину Мангупа составили выходцы из Солхата (Эски-Крыма) и Таш Иргана (Таш Джаргана); частично она пополнилась караимами, эмигрировавшими из районов метрополии Османской империи в середине XV в. [53, с. 290; 4, с. 25].

Средневековый период существования крымских караимских общин характеризуется развитием у них торговли и ремесел, причем наиболее популярным среди караимов являлось занятие кожевенным ремеслом. Караимские ремесленники были заняты во всех стадиях этого производства: от выделки грубых, или т. н. «мангупских» кож, до изготовления тонких сафьянов, седел, обуви, изделий из войлока. Турецкий автор Эвлия Челеби сообщал, что телячья кожа, изготавливавшаяся на Мангупе, была весьма популярна в Крыму: «Все иудеи выделывают телячьи и козьи шкуры. В Крыму знаменита телячья кожа с Мангупа» [107, с. 79, 80]. О том, что в хозяйстве у караимов превалировало кожевенное ремесло, обработка телячьих и козьих шкур, сообщали многие путешественники, в разное время побывавшие на полуострове, например, французский глава миссии доминиканских монахов в Каффе Эмиддио Портелли д'Асколли, Жильбер Ромм, Шарль де Пейссоннель [40, с. 121; 97, с. 48; 89, с. 93, 119]. О кожевенных промыслах, популярных среди караимов, сообщали немецкий купец Николаус Эрнст Клееман, посетивший Крым в 1768 г., русский историк, географ, филолог, статистик немецкого происхождения Петр Иванович Кёппен, а также немецкий и российский ученый-энциклопедист Петр Симон Паллас, составивший первое научное описание Крыма. Последний указывал на то, что для выделки кож караимы использовали цистерны, вырубленные в скалах Мангуп-Кале, собирая при этом растущие здесь же растения с дубильными веществами (а именно, *Rhus coriaria* — сумах дубильный, и *Cotinus coggygria* — скумпия кожевенную, или «желтое дерево»). Кроме того, по сообщению П. С. Палласа, караимы-кожевники, обрабатывавшие кожи на Мангупе, утверждали, что «здешняя вода считается им более подходящею для их работ» [61, с. 81; 53, с. 290; 86, с. 133].

Занятие караимов кожевенным ремеслом косвенно подтверждается и топонимикой полуострова: овраг между мысами Чуфут-Чеарган-Бурун («Мыс вызова иудеев») и Чамны-Бурун («Сосновый мыс») в западной части Мангупского плато до сих пор носит название «Табана-Дере» («Кожевенный овраг»). На западном склоне этого ущелья, рядом с одним из находящихся там источников, и сейчас сохранилось расколотое корыто, выполненное из цельной известняковой глыбы. По предположению археологов, проводивших раскопки на Мангупе, это т. н. «табана» (ванна), предназначавшаяся для вымачивания кож [26, с. 23].

Среди товаров, экспортировавшихся в XVIII в. в Турцию и Европу через крымские таможи, фигурировали сафьяны, юфть, «нечиненая кожа», кожа «деланная подошвенная», шагрени, кожаные туфли, башмаки и пр. [ГАРК. Ф. 802. Оп. 1. Д. 2. Л. 1-12; 104, с. 35-38]. По свидетельству французского консула в Крыму Шарля де Пейссоннеля, автора «Трактата о торговле на Черном море», торговля кожами и изделиями из них была на полуострове весьма оживленной: «Желтые, красные и черные кожи потребляются на месте (т. е., в Крыму); большое количество их отправляется также и в Тамань для Черкесии: 20 000 тура овечьих кож, называемых «*teshin*», а по-французски «*bazanes*», окрашенных в желтый цвет, 10 000 тура красных,

5000 тура черных и 20 000 белых. Крым потребляет громадное количество этих кож для седел; много их идет также и в Черкесию» [110, с. 11; 140, р. 6; 139, р. 298]. «Что же касается сафьянов и их окраски в черный, зеленый, красный и желтый цвет, — констатировал крымский краевед В. Х. Кондараки, — то татары в этом достигли такого совершенства, что могут служить хорошими знатоками. Искусство это, надо полагать, они переняли у караимов, некогда специально промышлявших этого рода занятием» [63, с. 46]. О караимах-ремесленниках, занимавшихся выделкой кож и изготовлением из них седел, обуви, сафьянов тонкой работы, отличавшихся «мягкостью, гибкостью и яркостью красок», сообщал в своих заметках А. Демидов [38, с. 438].

Отметим также, что в непосредственной близости от Мангупа, на Чуфут-Кале при проведении раскопок были открыты два производственных комплекса по обработке шкур; один из них находится в естественном гроте между Кичик-Капу (Малыми Южными воротами) и Пенджере-Исар. К этому комплексу производственных сооружений относятся вырубленные на выступе скалы ямы прямоугольной формы. Вторая кожевенная мастерская была устроена в овраге под Кичик-Капу, где также обнаружены высеченные в выступах прямоугольные ямы; датируется комплекс XV-XVI вв. [108, с. 86; 92, с. 213-241].

В 1795 г., уже после присоединения Крыма к России, в прошении на имя Екатеринославского и Таврического генерал-губернатора графа П. А. Зубова крымские караимы сообщали о своем происхождении следующее: «Общество наше древнее Еврейское под именем Караимы поселилось в Крыму назад тому около 450 лет. Прародители наши, как по преданиям известно, в дела правителей, под покровом коих жительствовавшие не мешались никогда, вера по принятому ими закону и верность к государям были и ныне есть непреложными для нас зеркалами». Далее в тексте это утверждение повторялось: «мы, караимы, поселившись в Крыму около 450 лет, живем на местах своего пребывания постоянно, упражняемся в различных рукоделиях трудолюбиво <...> общество наше считать от малолетнего до престарелого не составит и 1000 человек мужеского полу» (численность крымской караимской общины в 1782 г. составляла 1102 муж., а всего на полуострове проживало 2600 чел. караимского вероисповедания) [ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 1. Л. 12, 13]. В результате этого ходатайства и в соответствии с указом императрицы Екатерины II от 23 июня 1795 г. крымские караимы были освобождены от двойного налогообложения, которое было применено к евреям-раввинистам, а также от уплаты т. н. «рекрутских» денег и солдатского постоя [ПСЗРИ. Собр. 1. 1830. Т. XXIII, Отд. I, с. 705, 706].

Возросший в конце XVIII — первой половине XIX вв. интерес к истории Крыма в целом, и караимов в частности, способствовал тому, что в этот период свои впечатления от посещения полуострова опубликовали многие исследователи и ученые, известные деятели российской культуры, составившие научные описания древностей Тавриды, а также зарубежные путешественники, побывавшие в Крыму. П. С. Паллас совершил поездку по Крыму в 1793-1794 гг., а ее результаты нашли отражение в труде, изданном в 1801 г. в Лейпциге [138]. Караимов П. С. Паллас идентифицировал с евреями, при этом подчеркивал, что «все караиты, или караимы, как они сами себя называют, не принимают к себе иных жидов, кроме польских караитов, также отвергающих талмуд. Эти местные жида получают свою библию из Польши, но почти вполне усвоили старинную татарскую одежду и говорят их языком, так как с незапамятных времен жили, торговали, занимались производством изделий и ремеслами под владычеством татар» [87, с. 33; 86, с. 81; 47, с. 93-103]. После посещения Мангупа П. С. Паллас констатировал, что здесь сохранились древнее еврейское кладбище,

синагога (здание которой еще было не разобрано) [67, с. 268] и «нескольких домов, в которых живут евреи-кожевенники», однако при этом резюмировал, что уже к 1800 г. «евреи покинули это место, которое теперь совершенно опустело» [86, с. 134, 135]. Об оставлении Мангупа караимами писал и швейцарский путешественник Фредерик Дюбуа де Монпере, заметивший, что они занимались здесь кожевным ремеслом вплоть до 1800 г.: «после них всякий след живого существа исчез из города» [42, с. 253].

Английская путешественница Мэри Гатри осматривала Чуфут-Кале в 1795 г., а ее соотечественник Эдвард Даниэл Кларк в сопровождении П. С. Палласа посетил Мангуп в 1800 г., где увидел «разрушенные мраморные и каменные надгробия кладбища еврейской колонии» [127, р. 97, 101]. По замечанию М. Б. Кизиловой, информация, представленная в книге М. Гатри, является не столько пересказом полученной от караимов информации, сколько плодом ее собственных размышлений, а Н. И. Храпунов и Н. В. Гинькут полагают, что настоящим автором «Путешествия, предпринятого в 1795-6 годах, по Тавриде, или Крыму, древнему Боспорскому царству, некогда могущественной республике Таврический Херсон и всем остальным странам на северном берегу Эвксина, уступленных России по Кайнарджийскому и Ясскому миру», является супруг Мэри Гатри, доктор медицины Мэтью Гатри [55, с. 306-315; 115, с. 157-170].

Что касается цистерн для выделки кож, вырубленных в скальном массиве плато Мангупа, то караимы продолжали заниматься выделкой кож и после своего ухода, однако в 1833 г. эти цистерны уже были заброшены и засорены, а кожевники их перестали использовать с 1831 г., после чего, по наблюдению П. И. Кёппена, татары стали засевать это место табаком [53, с. 272]. «К востоку <караимское> кладбище доходит до 10 корыт, вырубленных в массе известняка, — писал В. Х. Кондараки, побывавший на Мангупе в 1868 г., — известных туземцами под именем “табанов”, служивших ремесленникам для выделки кож и сафьянов. Табаны эти расположены в ряд, у подножия скалистого выступа на Чуфут-чагирана², в виду прекрасных искусственных пещер, служивших приютом для промышленников, в соседстве двух водных источников, которые по словам проводника не иссякают никогда, несмотря на долговременные засухи, и то, что вытекают почти из-под уровня верхней площади горы». Сопровождавший В. Х. Кондараки проводник указал также на большие кучи пепла перед каждым корытом, по краям которых якобы лежали «несколько клоков не совсем еще истлевшей шерсти» [62, с. 421].

Митрополит римско-католических в России церквей Станислав Сестренцевич-Богущ составил довольно эмоциональное впечатление о посещении Мангупа (при этом он ошибочно отождествлял караимов с готами): «Я видел сей город Мангуп, бывший в древности столицей Готов и местопребыванием их Царей <...> На берегу реки Кабарды³, извинаящейся среди неизмеримых полей, возвышается величественно гора, на коей видно несколько ветхих строений, обитаемых неимущими жителями. Несколько бедных, обособленных и едва известных семейств — вот все, что осталось от этого народа <...> Вид стариков, живущих в сих развалинах, уверяет меня, что рука времени почтила некоторые остатки сих древних Готов. Несколько бедных, уединенных и едва известных семейств, вот все, что осталось ныне от сего народа» [99, с. 283, 284].

² Иск. от Чуфут-Чегарган-бурун.

³ Кабарда, или Кабарта — так в центральной части Крымского полуострова называлась река Бельбек. На карте П. И. Кёппена 1836 г. у реки указано два названия: Бельбек или Кабарта.

Русский писатель, председатель Таврической судебной палаты Павел Иванович Сумароков во второй части своих «Досугов крымского судьи» (1805 г.) упоминал о Мангупе, что «российское правительство застало его почти в сем же положении, занимаемом Татарами и Жидами Караимами, которые назад тому лет 11, как разойдясь по разным местам, оставили его в запустении» [103, с. 46]. О том, что город был покинут караимской общиной вскоре после присоединения Крыма к России, писал П. С. Паллас, однако при этом констатировал, что караимы-кожевенники продолжали заниматься на Мангупе своим ремеслом: «Кроме небольшой Синагоги и нескольких домов, в которых живут евреи кожевенники, здесь лежат одни кучи мусора — следы прежних строений» [86, с. 134].

Привлекал внимание ученых и путешественников иудейский некрополь Мангупа. «В некотором расстоянии на той же покатости ложины, — указывал П. С. Паллас, — примечают очень древнее жидовское кладбище со многими двурогими надгробными памятниками, указывающие на пребывание этого народа в городе Манкупе» [87, с. 64]. Данный пассаж продублировал и П. И. Кёппен, при этом представив классификацию типичных форм караимских надгробий [53, с. 30, 271]. О двурогих гробницах на кладбище «евреев-караимов» сообщал Ф. Дюбуа де Монпере [42, с. 253]. Оставили свои заметки о Мангупе И. М. Муравьев-Апостол и А. С. Грибоедов, причем последний заинтересовался эпитафиями на надгробных камнях, увиденных им на кладбище: «Жидовское кладбище. Не худо бы разобрать надписи» [32, с. 333]. И. А. Муравьев-Апостол при описании Мангупа заметил, что «многие еще тут жили тогда Караимы, в чем свидетельствуют и развалины Синагоги, на северной стороне площади близ стены находящиеся теперь одни обитатели развалин, ящерицы» [78, с. 185]. В записках члена Одесского Общества истории и древностей Н. Н. Мурзакевича, совершившего поездку по Крыму в 1836 г., также упоминается о караимских кладбищах Мангупа и Чуфут-Кале [79, с. 643, 644].

В 1843 г. путешествие по Крыму предпринял поляк Эдмунд Хоецкий, между прочим упомянувший, что около 1800 г. Мангуп покинуло несколько караимских и татарских семей [113, с. 112]. Елена Скирмунт (Поята), побывавшая на Мангупе уже в 1860-1870-х гг. XIX в., восклицала: «Последние жители находят покой под иудейскими надгробиями или покидают вершину. Где готская столица, княжеская резиденция и епископская митрополия? Есть оружие, но нет рыцаря; ныне грозные башни защищают лишь запустение и убогие караимские развалины <...> Эти протестанты-израэлиты с рвением, присущим их племени, решили использовать древние пещеры и учредить там кожевенный завод» [цит. по: 57, с. 544].

Караимские древности продолжали будоражить умы и вызывать интерес у специалистов и просто интересующихся историей Крымского полуострова и в середине XIX — начале XX вв. В связи с этим необходимо упомянуть о масштабной деятельности российских и зарубежных ученых (А. С. Уварова, Ф. К. Бруна, А. С. Фирковича, А. Я. Гаркави, Г. Л. Штрака, А. А. Куника, Э. Дейнарда, Д. А. Хвольсона, В. Д. Смирнова и др.), которая пришлась на вторую половину XIX в. В разные годы на городище Мангуп исследования вели: А. С. Уваров (в 1853 г.), Д. А. Хвольсон (в 1882 г.), Ф. А. Браун (в 1890 г.), Р. Х. Лёпер и А. Я. Гидалевич (в 1912-1914 гг.); ими был опубликован ряд научных трудов. Некоторыми специалистами организовывались археологические и археографические экспедиции на Крымский полуостров с целью исследования историко-архитектурных объектов, документов, относящихся к прошлому крымских караимов [16, с. 98-121; 17, с. 273; 18; 21, с. 5-49; 123, с. 640-649, 112; 36].

Например, часть рукописей, обнаруженных в ходе длительных изысканий караимского коллекционера Авраама бен Шломо (Авраама Самуловича) Фирковича,

была передана в Одессу, в музей Общества истории и древностей, а их краткое описание напечатано в первом томе «Записок» этой организации [123, с. 640-649]. Для изучения документов членами Общества был приглашен директор Одесского еврейского училища Бецалель Штерн, который в сентябре-октябре 1842 г. осуществил поездку в Крым. В целом отчет, составленный Б. Штерном, был для собранной А. С. Фирковичем коллекции положительным, однако впоследствии многие детали сделанных находок вызвали у исследователей множество вопросов и сомнения в их аутентичности [16, с. 98-121; 120, с. 533-555; 143, р. 131-180]. В 1845 г. собранный А. С. Фирковичем и Б. Штерном материал был обработан и опубликован на средства Общества немецким гебраистом, доктором философии из Берлина Э. Пиннером [106, с. 147].

В качестве допущения Б. Штерном был сделан вывод о том, что караимская община Солхата пришла в упадок после возвышения Каффы в конце XIV в.; что касается караимской общины Мангупа, то, по мнению ученого, она имела «одинаковую участь с Солхатом», т. к. еще в древности часть караимов переселилась в Чуфут-Кале. По мнению Б. Штерна, в начале XIX в. караимские общины Евпатории и Армянского Базара «соединили, по-видимому, в себе последние остатки Евреев-Караитов Солхатских и Мангупских, точно так, как в новейшие времена Караитские Общины в городах Симферополе, Севастополе, Херсоне, Николаеве и Одессе присоединились к тем двум, чтоб мало-по-малу отнять и у Кырк-Ера его древнее Еврейское народонаселение» [123, с. 647].

В связи с изучением прошлого караимов следует упомянуть о материалах, появлявшихся в периодической печати, где освещались археологические раскопки экспедиции директора Херсонесского музея Р. Х. Лёпера, предпринятой им на Мангупе в 1912-1914 гг. При этом заметим, что в караимской русскоязычной прессе фамилия археолога была искажена (например, в журнале «Караимское слово», издававшемся в Вильно, он именовался Летгером) [117, с. 16; 111, с. 8-10; 90, с. 297]. Археологические исследования памятника начались в 1912 г. и были продолжены в 1913 г. членом Таврической ученой архивной комиссии (ТУАК) А. Я. Гидалевицем, под руководством Р. Х. Лёпера. По замечанию А. Г. Герцена, раскопки А. Я. Гидалевица затронули здание синагоги/кенасы, отдельные участки двора и внешней ограды [27, с. 70-77; 28, с. 243].

Результаты экспедиции активно обсуждались в научных кругах, а также общественностью: на страницах газет дискутировался вопрос о принадлежности караимам или евреям-раввинистам мангупского кладбища (причем сам Р. Х. Лёпер высказался в пользу последних) [73, с. 297-300; 74, с. 73-79, 146-154]. Одним из аргументов в пользу этого тезиса стали итоги раскопок синагоги (кенасы) в верховьях ущелья Табана-Дере. Здесь был обнаружен желоб водостока, интерпретированный ученым как свидетельство существования миквы (в действительности сливной желоб находился не во дворе синагоги, а в 30 м к западу от нее) [27, с. 69; 25, с. 23; 24, с. 745]. Раскопки этого объекта не были закончены из-за начавшейся вскоре Первой мировой войны.

Любопытный пассаж, в котором описывались события, происходившие на раскопках руин здания мангупской синагоги/кенасы, был приведен в заметке внука А. С. Фирковича, первого заведующего караимской национальной библиотекой «Карай Битиклиги» в Евпатории Моисея Яковлевича Фирковича. Сообщив о том, что на караимском кладбище в Мангупе надгробные памятники находятся в плачевном состоянии, многие из них разбиты, М. Я. Фиркович насчитал на самом раскопе 15 рабочих: «работа кипела, одни копали землю над развалинами, другие вывозили

ее в маленьких вагонетках. Здесь расчищена большая площадь и откопаны место алтаря, две колонны, усыпальницы и памятники. На одной усыпальнице сбоку находилась мраморная доска с надписью, которая, как мне передали, установлена около 600 лет тому назад» (очевидно, в заметке шла речь о плите 1363 г., в которой упоминались Феодоро и Пойка) [111, с. 9; 28, с. 239].

Относительно руинированных остатков здания, где велись раскопки, М. Я. Фиркович заметил, что крымский татарин Керим-Бей, вызвавшийся быть его проводником, сообщил, что ранее здесь была караимская кенаса. «Указанное место занимало не более 13-14 арш. <ин> в длину и около 4 арш. <ин> в ширину, в противоположных стенах по концам здания хорошо сохранились два входа. Так как я нигде не видел кенасы с двумя входами, то я был склонен предполагать, что это не храм, этому давали основания некоторые другие обстоятельства. Это меня заинтересовало, и я обратился к смотрителю раскопок, который сообщил, что, как ему известно, была синагога, глубина же ее служила вместо бани — для омовения, через находящийся за порогом лоток выливали воду наружу». Далее М. Я. Фиркович резюмировал, что данный вывод безоснователен, т. к., по его мнению, «имея такую громадную площадь до Табана-дере, караимы не строили бы кенасы вблизи монастыря, кроме того, в этом здании могло поместиться душ 20, тогда как соображаясь с величиной кладбища здесь жило большое караимское общество». Кроме того, свою аргументацию он подкреплял тезисом, что нигде не возводят кенасы с двумя противоположными входами. Довод в пользу расположения и объемов предполагаемого каменного резервуара для ритуального омовения М. Я. Фиркович отверг, полагая, что даже у евреев-раввинистов синагога не могла быть совмещена с баней [111, с. 9, 10].

В фундаментальном труде российского ориенталиста В. Д. Смирнова «Крымское ханство под верховенством Османской Порты в XVIII ст.», вышедшем в 1887 г., автором было озвучено предположение о том, что пещерный город Чуфут-Кале являлся ничем иным, как армяно-еврейско-караимским гетто Бахчисарая [100, с. 117]. Данного аргумента впоследствии также придерживались А. Л. Бертъе-Делагард, А. Л. Якобсон, Д. Шапира и Г. Ахизер [9, с. 117, 119; 124, с. 129; 121, с. 28; 4, с. 26]. Вопрос об иудейских древностях Чуфут-Кале и Мангупа поднимался в статьях А. Л. Бертъе-Делагарда «Каламита и Феодоро» и «Исследования некоторых недоуменных вопросов средневековья в Тавриде». Ученый затронул некоторые проблемы существования некрополя в ущелье Табана-Дере, однако при этом сделал вывод, что «вокруг оврага Табана-Дере образовалась особая часть города, еврейская, которая, на основе религиозно-национальной обособленности, или, быть может, по законодательным нормам страны, составила нечто вроде средневекового гетто», причем представители иудейских общин, по его мнению, сами стремились в подобные обособленные части городов, окруженные стенами, т. к. чувствовали себя в таких условиях в большей безопасности «в ту пору постоянных грабежей и разбоев» [8, с. 29; 9, с. 119]. А. Л. Бертъе-Делагард писал о том, что на Мангупе были найдены остатки караимской кенасы (синагоги): «очень небольшая, всего 3-4 сажени, направление на S 30°E; вокруг ограда двора; бедная, простая постройка, сложенная на глине; окон и орнаментов в ней не находилось». Масштабы караимского кладбища, по мнению ученого, «величиной и обилием могил не соответствовали столь бедному и жалкому зданию синагоги» [8, с. 29]. Что касается Чуфут-Кале, А. Л. Бертъе-Делагард полагал, что Большая (Соборная) кенаса была построена не ранее конца XIV в. («а вероятно, и того позднее»), а Малая — в начале XIX в., что согласуется с данными других источников о переселении части караимов из Мангупа в Чуфут-Кале [9, с. 112, 113, 122].

Данная тема заинтересовала известного караимского просветителя, севастопольского старшего газзана Товия Симовича Леви-Бабовича, поместившего в приложении к своему «Очерку возникновения караимизма» заметку под названием «К раскопкам на Мангуб-Кале», где он высказал мнение относительно находок Р. Х. Лёпера (в этом очерке была представлена подборка статей из газеты «Крымский вестник» за 1912 г., на страницах которой велась дискуссия относительно этнической принадлежности кладбища в Табана-Дере) [72, с. 35-66]. В брошюре «Три странички» (1926 г.) Т. С. Леви-Бабович привел датировку Большой (Соборной) кенасы Чуфут-Кале, при этом указав, что «время постройки по архитектурным соображениям можно отнести к концу XIV в.» [71, с. 29]. Время же последней реставрации, по сообщению караимского ученого XVIII в. Йицхака бен Шломо⁴, на которого ссылался Т. С. Леви-Бабович, относится к 1613 г. Малая кенаса (Кодеш Эви) Чуфут-Кале была построена на остатках еще более древнего молитвенного сооружения (время ее последней перестройки Т. С. Леви-Бабович относил, вслед за Йицхаком бен Шломо, к 1796 г.), при этом сделал допущение, что она была построена даже раньше, чем Большая кенаса [71, с. 29, 30].

Вслед за А. Л. Бертъе-Делагардом и Т. С. Леви-Бабовичем тезис о том, что Большую (Соборную) караимскую кенасу Чуфут-Кале возвели не позднее XIV в., попытался развить караимский просветитель Д. М. Гумуш. Возведение Малой кенасы он датировал не XVIII в., как это принято в современной академической литературе, а полагал, что она построена до XIV в. Д. М. Гумушем был предложен к публикации обнаруженный караимским краеведом Б. Я. Кокенаем⁵ литературный памятник конца XVIII в. «Песнь о Мангупе», свидетельствующий о времени оставления караимами Мангупа. Крымские археологи Е. В. Веймарн, О. И. Домбровский, И. А. Антонова, М. Я. Чореф поддержали эту гипотезу Д. М. Гумуша и оказали ему методическую помощь в написании статьи, которая в итоге была представлена в двух вариантах: с первоначальным ее названием «Мангуп и караимы», и вторым вариантом, озаглавленным «О некоторых недоуменных вопросах по Мангупу и Чуфут-Кале». Статью предлагали к изданию в выходившем в Свердловске сборнике «Античная древность и средние века», а после и в издававшемся в Ленинграде «Палестинском сборнике». Однако интересы археологов и караимских интеллектуалов разошлись, и данная статья осталась в рукописи. В настоящее время она хранится в личном архиве Д. М. Гумуша в Севастополе, в Ассоциации крымских караимов «Фидан», систематизация которого недавно была проведена О. Б. Белым и Е. Г. Баккалом [5, с. 81-101]. М. Б. Кизилов, проанализировав ряд источников, предложил датировать постройку Малой кенасы на Чуфут-Кале периодом после 1793 г. [58, с. 113-122].

Сведения справочного характера о памятниках караимской истории и архитектуры были включены во всевозможные путеводители по Крыму, выходившие в XIX — начале XX вв. и неоднократно переиздававшиеся. Среди них публикации Г. Спасского, М. А. Сосногоровой, А. Я. Безчинского, Ф. Д. Вебера, Д. М. Городецкого, Е. Э. Иванова, Г. Г. Москвича, В. Г. Пьянкова, К. Ю. Бумберга, Л. С. Вагина,

⁴ Йицхак бен Шломо (1755-1826) — видный караимский теолог и ученый, поэт; в 1820-х гг. состоял газзаном общины Чуфут-Кале. Автор произведения под заглавием «Иггерет Пиннат Йикрат» («Драгоценная основа») и календарно-астрономического сочинения «Ор Га-левана» (комментарий на сочинение Эмануэля бен-Яакова «Шеш Кенафаим») («Шестокрыл»). Кроме этих сочинений, Йицхак бен Шломо также составил литургические гимны, включенные в состав напечатанных караимских ритуалов, вошедших в «Иггерет Пиннат Йикрат» [43, с. 72, 73].

⁵ По сведениям, сообщенным Д. М. Гумушем, текст этого источника в русской транскрипции, снабженный русским переводом, хранился в архиве Государственного Херсонского музея.

Н. Н. Клепинина, В. В. Соколова и др. Опубликованные в подобных изданиях факты в основном повторяли выводы, сделанные учеными (П. С. Палласом, П. И. Кёппеном и др.), побывавшими на Мангупе ранее [91, с. 118-159].

В 1924-1929 гг. было издано несколько сборников известного крымского краеведа, члена ТУАК-ТОИАЭ П. В. Никольского, посвященных достопримечательностям полуострова, и, в том числе, связанных с историей крымских караимов [82; 83]. Например, в очерке «Бахчисарай, Чуфут-Кале, Салачик» автор дал краткое описание чуфут-кальских караимских кенас, при этом опирался в своих выводах на уже упомянутые труды Т. С. Леви-Бабовича и А. Л. Бертъе-Делагарда. О Малой кенасе он сообщал, что она построена из «остатков покинутых на Мангупе святынь, после оставления его караимами» [82, с. 30].

В послевоенные годы история караимов практически не изучалась. Это было вызвано, прежде всего, событиями 1944 г. и депортацией из Крыма крымских татар, греков, немцев, караимов, болгар, армян и представителей других народов, а также в связи с постановлением объединенной научной сессии отделения истории и философии Крымского филиала АН СССР по вопросам истории Крыма (1952 г.), призвавшей «решительно бороться против идеализации хазар, печенегов, половцев и татар в истории Крыма» [10, с. 182; 44, с. 317-326].

В начале 1990-х гг. в связи с позитивными изменениями в отечественной науке было издано несколько заслуживающих внимания работ, в которых рассматривается караимская проблематика. А. Г. Герцен и Ю. М. Могаричев подготовили серию работ, в которых анализируется состояние древних иудейских некрополей Мангупа и Чуфут-Кале, а также изучены различные аспекты, связанные с историей крымских караимских общин [24-30]. Публикации редких архивных документов и письменных источников были предприняты О. Б. Белым, Е. Г. Баккалом [5-7], М. И. Гаммалом [15, с. 265-286], О. М. Курниковой [66]. Фундаментальные исследования караимской проблематики осуществлены М. Б. Кизиловым. В частности, им была прослежена история караимских общин Евпатории, Чуфут-Кале, Феодосии, Симферополя, Старого Крыма, а также малоизвестных общин Армянского Базара, Керчи, Карасубазара, Тепе-Кермена и др. [54-60; 133-135]. Используя в своих исследованиях разнообразные архивные материалы, а также письменные свидетельства, оставленные путешественниками, посетившими Крымский полуостров в разное время, автору удалось выявить, в том числе, и значительное число ранее неизвестных фактов из истории караимской общины Мангупа [58, с. 113-122]. Некоторым эпизодам из прошлого мангупской караимской общины посвятил публикации Д. Шапира. В частности, им были проанализированы тексты нескольких редакций письменного источника под названием «Песнь о Мангупе», который, как уже упоминалось выше, фигурировал в штудиях, предпринятых караимским краеведом Д. М. Гумушем [119, с. 283-294].

М. Б. Кизилов и Д. Шапира, изучив имеющиеся на сегодняшний день данные, установили, что история возведения Малой кенасы Чуфут-Кале непосредственно связана с историей караимской общины Мангупа. Исследователями было установлено, что около 1792 г. караимы были выселены оттуда и перебрались на плато Чуфут-Кале. Достоверные причины этого события неизвестны, однако Д. Шапира высказал предположение, что произошло это по распоряжению русских властей. По мнению М. Б. Кизилова, переселение караимов было инициировано представителями крымскотатарского рода Балатуковых [58, с. 117, 118; 119, с. 284, 285]. Письменным свидетельством о насильственном выселении караимов из Мангупа является стихотворная элегия, сочиненная неким Симхой (вероятно, караимом) ориентировочно в 1793-1794 гг.

Однако перед тем как караимы покинули Мангуп и влились в караимскую общину Чуфут-Кале, они разобрали здание своей кенасы, а из строительных материалов в Чуфут-Кале ими был возведен новый молитвенный дом [119, с. 285]. Отметим, что визуально Малая кенаса выглядит проще, скромнее Большой (Соборной) кенасы, к тому же уступает ей в размерах и внутреннем убранстве. Несмотря на то, что в середине XIX в. большая часть жителей Чуфут-Кале уже оставила город, что вызвало некоторый упадок хозяйственной жизни, тем не менее, кенасы продолжали функционировать не только как объект культового значения, но и как архитектурная и экскурсионная достопримечательность Крыма [94, с. 41-61; 93, с. 19-22; 96, с. 273-299].

В контексте изучения истории караимской общины Мангупа автором настоящей статьи были рассмотрены архивные материалы в фондах Государственного архива Республики Крым. Прежде всего, речь идет о фонде 799 «Таврическое областное правление», фонде 241 «Таврическое и Одесское караимское духовное правление» и фонде 489 «Бахчисарайская городская дума». Среди массива документов указанных фондов удалось обнаружить сведения, относящиеся к концу XVIII — началу XIX вв., с помощью которых появляется возможность реконструировать историю миграции представителей караимской общины Мангупа после 1792 г. Данное исследование продолжает серию публикаций, в которых, на основе архивных данных, исследуются различные эпизоды существования крымских караимских общин в конце XVIII — начале XIX вв. [95, с. 273-299; 96, с. 71-99].

В ходе проведения в 1792 и 1796 гг. на Крымском полуострове IV и V ревизий или народных переписей населения (подушного ревизского учета податного мужского населения с единицей учета — «ревизской душой», вносившейся в именные списки, или т. н. «ревизские сказки») было установлено, что общее число жителей в Крыму составляло 156 400 чел.; из них караимов — 2300 чел. (по другим данным — 2410 муж. и жен.). Причем, только в Бахчисарае (включая Чуфут-Кале) проживало 1162 мужчин и женщин караимского вероисповедания. П. И. Сумароков заметил, что наиболее крупные караимские общины существовали в Кафе и Чуфут-Кале; в «пещерном городе» путешественник насчитал 227 домов. П. С. Паллас указывал, что в Чуфут-Кале проживало 1200 лиц караимского вероисповедания (муж. и жен.) [31, стлб. 297; 102, с. 58, 59; 86, с. 81]. Что касается караимской общины Мангупа, то в ней, по различным данным, в 1775 г. числилось от 40 до 70 семей, что могло составлять в среднем от 200 до 350 чел. [53, с. 290; 4, с. 31].

«Ревизские сказки» по г. Бахчисараю, составленные по результатам проведенных ревизий и представленные в вышестоящие инстанции Бахчисарайским городским магистратом, являются весьма информативным документом по вопросу о численности и социальной дифференциации караимской общины Бахчисарае и Чуфут-Кале в конце XVIII в. Некоторые представители чуфут-кальской караимской общины, внесенные в списки IV ревизией, в 1795 г. были затем приписаны Таврической областной казенной палатой к караимской общине Евпатории; напротив, некоторые караимы Чуфут-Кале, чьи фамилии были пропущены в списках ревизии 1792 г. «за их отлучкою», были вновь внесены в списки V ревизии. Кроме того, в документах указаны имена и фамилии членов караимской общины Феодосии, и, что представляет практический интерес в рамках исследуемого вопроса, Мангупа, которые переселились с семьями в Чуфут-Кале.

Среди внесенных в списки караимов встречаются различные формы прозвищ (антропонимов) «Мангуб/Мандубу/Мангюбу», происходившие от топонима Мангуп; впоследствии они трансформировались в караимскую фамилию Мангуби. Помимо этого, необходимо указать на то, что в документах встречается различное

написание женских и мужских имен как библейского, так и арабско-тюркско-персидского и греческого происхождения. Например, библейское имя Сарра записано как Сара, Эстер — Истер, а также Фирсин (Фирюсун, Ферусун, Ферсин), Акбике (Акпике), Ривка (Рефка, Ревфка), Тотеке (Тутеке) и др. Это же относится и к мужским именам и фамилиям: Исаак (Исак), Моисей (Моше), Йосеф, Иосиф (Юсеф), Мордехай (Мортхай, Мордехай, Мардохей), Шломо (Шулеме, Шолеме), Юфуда, Йегуда (Юда). Это может быть объяснено как трансформациями имен и фамилий, происходившими в караимской среде под влиянием мусульманского окружения, так и небрежностью, допущенной составителями документа, — писарями, переводчиками и делопроизводителями, — которые в ряде случаев фиксировали полученные сведения, элементарно не зная караимской специфики.

Так, например, в списках фигурировал купец 3-й гильдии Илья Мангубу Черкес (39 лет), который объявил на 1796 г. капитал в 2010 руб.; в число его близких родственников входили жена Сарра (22-х лет), сын Мортхай и дочь Рефка; при нем в совместном капитале состоял брат Исаак (28 лет) с женой Алтын (22 года), а с ними «родные племянники из мещан Мортхай Аджуки и брат его Юда» (15 и 11 лет, соответственно). Важно заметить, что эта семья была внесена в «ревизскую сказку» еще в 1790 г., и, следовательно, их переселение состоялось на несколько лет раньше миграции всей караимской общины с Мангупа.

У купца 3-й гильдии 51-летнего Исаака Каракаша в совместном капитале (2100 руб.) числился «перешедший с деревни Мандуби» 20-летний Паша Каракаш, при этом его появление в общине Чуфут-Кале произошло, судя по «ревизской сказке», не ранее 1790 г. У 62-летнего купца Ильягу Катика в совместном капитале (2010 руб.) значился «перешедший из деревни Мангубу» Давут Бечкеджи (35 лет) с женой Биче (28 лет) и сыном Эфраимом (10 лет). Один из трех сыновей вдовы Ханиш Баба Майтоповой, Давид Майтоп (31 год) с женой Акбике (14 лет) взяли на воспитание (усыновили) восьмилетнего мальчика по имени Моше Койле «из деревни Мандуби» [ГАРК. Ф. 799. Оп. 1. Д. 423. Л. 89, 90, 91].

В документе встречаются упоминания и о более многочисленных семействах. Например, купец 3-й гильдии Мошу Мандубу (56 лет), объявивший капитал в 2010 руб., имел жену Ханике (41 год), сыновей Вениамина (21 год), Симу (10 лет), Авраама (9 лет), Исаака (7 лет), а также дочерей — Эстер (после исполнения ей 15 лет «вышла в замужество»), Султан (18 лет) и новорожденную Бияну. Все они, за исключением последней, проживали на Чуфут-Кале более пяти лет. Кроме того, у Мошу Мандубу в «нераздельном капитале и совместном жительстве» состояли родные братья, причисленные к мещанам: Ильяго Кокей по прозвищу «Мангуб» (40 лет) с женой Мамук (36 лет), сыном Шулеме (3 года) и дочерьми Сарой (15 лет), Акбике (12 лет) и Султан (9 лет). Но, в отличие от семейства Мошу Мандубу, семья Ильяго Кокея появилась на Чуфут-Кале уже после 1790 г. [ГАРК. Ф. 799. Оп. 1. Д. 423. Л. 99, 99 об.].

Купец 3-й гильдии Арон Мангубу (29 лет), объявивший капитал в 2005 руб., имел братьев Мошу (36 лет) и Юфуду (25 лет); кроме того, упоминалось о том, что при купце находится его дядя, «пришедший из Мангупа» Авраам (60 лет) с женой Сарой (50 лет) и дочерью Гавой (18 лет). Все они переселились на Чуфут-Кале после 1790 г. [ГАРК. Ф. 799. Оп. 1. Д. 423. Л. 107 об.]. В числе новых членов чуфут-кальской общины в «ревизскую сказку» отдельно были внесены лица, «пришедшие из деревни Мангуп и пожелавшие <записаться> в купечество»: Мошу Шакай (55 лет) с капиталом в 2005 руб., его жена Биче (46 лет), а также их сыновья, — Садук (35 лет) с женой Эстер (25 лет) и 2-хлетним сыном Юфудой; Ильяго

(25 лет), Шулеме (55 лет), Паша (20 лет), Юсуф (9 лет), Садук (14 лет), и дочери Назлы (13 лет) и Эстер (7 лет). По решению Таврической областной казенной палаты в 1795 г. Мошу Шакай с семейством был причислен к купеческой гильдии Бахчисарая [ГАРК. Ф. 799. Оп. 1. Д. 423. Л. 108].

Еще одной многочисленной семьей, изъявившей желание переселиться из Мангупа в Чуфут-Кале, стала семья 60-летнего Арона Чинака (за ним числился капитал в 2005 руб.). С ним была жена Биче (46 лет) и их сыновья: Шумаил (32 года) — с женой Эстер (25 лет), сыном Шоломом (10 лет) и дочерьми Гулеф (7 лет) и Акбике (1 год); Мортхай (26 лет) — с женой Саррой (20 лет) и дочерьми Мурат (4 года) и Гулюш (1 год); Юсуф (25 лет) — с женой Сарой (20 лет); Ходжаш (24 года) — с женой Ферсин (15 лет); Мошу (21 год), Исаак (16 лет) и дочь Тохта (12 лет) [ГАРК. Ф. 799. Оп. 1. Д. 423. Л. 108]. Очевидно, что в данном случае в Чуфут-Кале на жительства перешло несколько семейств из одного рода. Любопытно, что, в соответствии с одной из караимских семейных традиций, родители, не желавшие больше иметь детей, называли последнего мальчика Тохтамыш, а девочку — Тохтар [13, с. 52]. В случае с многодетным Ароном Чинаком, у которого было шестеро сыновей и дочь, данное наблюдение может быть подтверждено.

В фонде 489 «Бахчисарайская городская дума» нами были выявлены списки лиц, проживавших в Чуфут-Кале и Бахчисарае в начале 1800-х гг., которые были указаны как плательщики налогов в государственную казну (с купцов взимались проценты с капитала, а с представителей мещанского сословия — окладной сбор и подушная подать) (табл. 1). В документах зафиксированы имена и фамилии членов караимской общины Чуфут-Кале и Бахчисарая, а также суммы, предназначенные к выплате. С помощью этих материалов появляется возможность воссоздать картину социальной и имущественной дифференциации чуфут-кальской и бахчисарайской караимских общин начала XIX в., а также проследить истоки их формирования.

Например, в фискальных документах за 1801-1809 гг. фигурируют несколько фамилий, указывающих на то, что их обладатели являлись выходцами из Мангупа. Это уже упоминавшийся купец 3-й гильдии Арон Мангубу, который, в соответствии с имевшимся у него капиталом, в 1801 г. заплатил в казну 14 руб. (в 1802 г. он был указан вместе с братом Моше Юдой с суммой в 10 руб.); кроме того, в ведомость были записаны купцы 3-й гильдии Моше Мангубу (в 1801 г. процент от его капитала составил 14 руб., а в 1809 г. «Моше Мангуби с сыновьями» заплатил в казну уже 87 руб. 50 коп.), Вениамин Мошевич «Мандубу» (4 руб. 80 коп.), Моше Мангубу (16 руб.), Исаак Кирги с сыновьями (в 1809 г. заплатил 1 руб. 20 коп.), а также мещане Ходжаш Мангубу (2 руб. окладных; в 1809 г. в списках значился некий Ходжаш Менгуплю⁶, который уплатил 2 руб. 10 коп.) и Шулеме Мангуб. Сборщиком налогов от караимской общины был назначен выходец из караимской общины Чуфут-Кале Моше Габай [ГАРК. Ф. 489. Оп. 1. Д. 94. Л. 17, 18 об., 26 об.; Ф. 489. Оп. 1. Д. 28. Л. 15 об., 16 об.; Ф. 489. Оп. 1. Д. 168. Л. 9 об., 10; Ф. 799. Оп. 1. Д. 423. Л. 101].

Любопытно, что среди караимов, исправно плативших налоги, встречались и те, кто был должен казне крупные суммы. Так, например, в донесении бахчисарайской городской полиции от 23 июля 1809 г. сообщалось, что «взысканные из числа неплательщиков бахчисарайским мещанином Яковом Гаджи-Реби оглу с значащихся по регистру мещан деньги сто шестьдесят четыре рубли пятьдесят копеек через бахчи-

⁶ Возможно, прозелит, выходец из крымчакской общины, поскольку фамилия «Мангупли» указывает на принадлежность к крымчакам.

сарайского купца Морткуая Исаакова» были переданы в Бахчисарайскую ратушу; осталась лишь неистребованной с «находившихся в неизвестных местах» мещан Эрака оглу и Мордухая Ботука сумма в пять рублей, — в связи с тем, что указанные лица переселились из Бахчисарая. Поэтому было принято решение: впредь при выдаче разрешительных документов членам караимской общины, осуществлявшим торговлю в Бахчисарае, взыскать недостающую сумму с них [ГАРК. Ф. 489. Оп. 1. Д. 168. Л. 33, 33 об.].

Помимо всего прочего, фискальные списки представляют несомненную ценность в контексте изучения караимской ономастики и антропонимики. Приведенные в документах имена, фамилии и прозвища караимов использовались в начале XIX в. в конкретной социальной группе (купцы, мещане и члены их семей) и на локализованной территории: в данном случае, это Чуфут-Кале и Бахчисарай, с включением выходцев из караимской общины Мангупа. Антропонимы могут свидетельствовать как об отличительных признаках их носителей, так и о принадлежности к тому или иному роду, а также указывать на их занятия или же ремесло.

Среди носителей фамилий встречаются такие, что указывают как на занятия ряда членов караимской общины, так и на то, какие у их обладателей имелись отличительные признаки: например, Белек (возможно, иск. Болек — «подарок»), Иринчек (Эринчек — «ленивый», позднее трансформировалось в фамилию), Шоер, Шогер (предположительно, восходит к аббревиатуре «шошет ве-ров» — резник, обученный законам ритуального убоя скота), Бута, Бутович («обрезчик деревьев»), Шекерджи («производитель сладостей»), Калфе («мастер»), Оксюз («одинокий»), Узун («высокий»), Зурна (музыкальный инструмент), Башти (искаж. от Башчи — «старший»), Камач («хлебная лепешка»), Фундук («орех»), Таткуч (деревянная ручка свитка Торы), Таббах («кожевник-сыромятник»), Борючук («волчонок»), Тиз («колесо»), Терие («шкура»), Бондарь («бондарь»), Фонарлы («фонарщик»), Чапчакчи («посудник»), Чичаджик («цветочник») и т. д. При этом характерные детали имело и написание некоторых имен и фамилий: например, традиционное для караимов имя «Симха» было зафиксировано составителем документа, как «Сма», «Элиэзер» — как «Иль Езер», «Садук» — как «Саду», «Ходжаш» — как «Хожаш», «Чалбору» — как «Чалбилю» и т. п. [ГАРК. Ф. 489. Оп. 1. Д. 100. Л. 17, 18 об., 19]. Примечательно и то, что в русскоязычном варианте списка купцов и мещан, составленном в 1802 г. по г. Бахчисараю и Чуфут-Кале, напротив многих караимских фамилий стоят пометки — «кардаш», «кардашлары» («кярдашлар» в переводе с крымскотат. «младший брат», «с младшими братьями»), т. е. были указаны налогоплательщики вместе с их близкими родственниками. Кроме того, встречалось и такое написание фамилий: «Моше Шакай оглулары» (т. е. с сыновьями), или же «Авраам Шамлы оглу» (т. е. Авраам, сын Шамлы, или Шамуила) [ГАРК. Ф. 489. Оп. 1. Д. 100. Л. 14 об. — 18 об.]. Такой вариант написания может свидетельствовать о сильном влиянии крымскотатарского окружения на повседневную жизнь караимской общины.

Безусловный интерес представляют также некоторые артефакты, имевшие отношение к караимской общине Мангупа, и ныне хранящиеся в фондах музеев Республики Крым. Так, например, среди экспонатов караимской коллекции ГБУ РК «Бахчисарайский историко-культурный и археологический музей-заповедник» (БИ-КАМЗ) имеется караимский молитвенник на иврите, изданный в Венеции в 1529 г. (КП-9965/666). Лицевая переплетная крышка и часть страниц утрачена (сохранились только страницы с 56 по 209), однако позднее было сделано рукописное восполнение текста книги. Кроме того, на форзаце есть владельческая запись: «Алтын, жены

Давида Маскиля, хазана общины Мангупа»⁷. Это может свидетельствовать о существовании там караимской общины, по меньшей мере, с середины XVI в. Помимо молитвенника, в коллекции также имеются несколько фотонегативов на стекле, на которых зафиксированы надгробия иудейского кладбища Мангупа (КП-4767/1361, КП-4768/1362, КП-4805/1399, КП-4806/1400 и КП-4807/1401). К сожалению, достоверно неизвестно, кем и когда именно были сделаны эти снимки (ориентировочно, они относятся к 1912 г.).

Что же касается причин оставления караимами Мангупа, то наиболее аргументированной выглядит версия, выдвинутая М. Б. Кизиловым, предположившим, что произошло это не без участия представителей крымскотатарской знати. В конце XVIII в. земли Каралезской долины (в том числе, и Мангуп) находились во владении бывшего казначея крымского хана Шагин-Герая Мегмета-Ага (Казындара-Мегмета-Ага). После присоединения Крыма к России в 1783 г. манифестом Екатерины II от 8 апреля 1783 г., по которому Крымский полуостров провозглашался частью Российской империи, был определен и статус старожильского населения. В документе, в частности, речь шла о том, что местные жители будут находиться под защитой правительства; им будут предоставлены те же права, что и «природным подданным» Российской империи: императрица обещала «охранять и защищать их лица, имущество, храмы и природную веру <...> дозволять каждому из них состоянию все те правоты и преимущества, каковыми таковое в России пользуется» [ПСЗРИ. Собр. 1. 1830. Т. XXI, с. 898].

Одновременно представители крымскотатарской родовой аристократии и служилой знати инкорпорировались в российское общество. Указ от 22 февраля 1784 г. № 15. 936 «О позволении Князьям и Мурзам Татарским пользоваться всеми преимуществами Российского Дворянства» для крымских татар означал то, что они получали те же права, что и российское дворянство; исключением стало лишь то, что им не разрешалось «приобретать, покупать и иметь крепостных или подданных Христианского исповедания» [ПСЗРИ. Собр. 1. 1830. Т. XXII, с. 51]. Основные права дворянства Российской империи были получены крымскотатарской знатью и мурзами «Грамотой на права, вольности и преимущества благородного Российского Дворянства» за № 16. 187 от 21 апреля 1785 г. [ПСЗРИ. Собр. 1. 1830. Т. XXII, с. 344-358].

13 декабря 1784 г. Правительствующий Сенат утвердил в должностях ряд представителей крымскотатарской знати в планировавшиеся к открытию государственные учреждения Таврической области. В ордере на имя правителя области В. В. Каховского Новороссийский генерал-губернатор князь Г. А. Потемкин сообщал, что указом от 25 декабря 1785 г. № 4821 назначение в Таврическую областную казенную палату на должность советника получил Казындар-Мегмет-Ага [ГАРК. Ф. 799. Оп. 1. Д. 5. Л. 9 об.].

Опытность в государственной службе и авторитет этого вельможи среди местного населения в первые годы организации хозяйственного и административного управления Крымом были востребованы российскими властями. Например, в сентябре 1787 г. Мегмет-Ага в числе прочих благонадежных мурз был назначен В. В. Каховским для приобретения лошадей у местных жителей для нужд артиллерийских частей, находившихся в Крыму; администрацию края тревожила перспектива возможных волнений среди крымских татар после объявления 13 августа

⁷ Автор выражает благодарность доценту кафедры иудаики «Государственной классической Академии им. Маймонида» И. В. Баркускому, научному сотруднику Российской государственной библиотеки (РГБ) в Еврейском музее и Центре толерантности Е. Р. Олешкевич, научному сотруднику РГБ А. В. Лисицыной (г. Москва) за помощь в переводе и атрибуции надписи.

1787 г. Османской империей войны России. «Для утверждения здешних жителей в соблюдении всеподданейшего долгу и учиненной клятвы, и чтоб вразумить их о тех благоденствиях и благотворениях, коими они пользуются по ходатайству высокого нашего начальника, — рапортовал В. В. Каховский Г. А. Потемкину 5 сентября 1787 г., — употреблены мною коллежский советник Мегмет-ага, надворный советник Батыр-ага, коллежский асессор Мегметша Аргинский, капитан Осман-мурза Аргинский и майор Мегметша-бей» [80, с. 273]. Часть крымских татар, проживавших в приморских городах и селах, была принудительно переселена вглубь полуострова, а также за Перекоп.

Казындар-Мегмет-Ага принимал участие во встрече на Крымском полуострове Г. А. Потемкина и в подготовке визита императрицы Екатерины II в «полуденный край» [80, с. 259]. А в январе 1787 г. в Крыму были проведены первые дворянские выборы, на которые съехались со всего полуострова около сотни мурз. Помимо предводителя дворянства, избирались также совестный судья, дворянские заседатели в верхний земский и совестный суды, а также уездные предводители, исправники и уездные судьи [81, с. 5]. В. В. Каховский предполагал, что штат Таврического областного совестного суда должен был состоять из двух представителей дворянского сословия (русского и грека), двух мещан (армянина и еврея) и двух крестьян (русского и крымского татарина), — «для равновесия обитающих здесь народов» [80, с. 259]. 9 апреля 1787 г. на должность совестного судьи был назначен Казындар-Мегмет-Ага; затем его вызвали в Санкт-Петербург, где 10 мая 1789 г. чиновник был произведен в чин премьер-майора. 4 сентября того же года Мегмет-Ага присвоили чин коллежского советника. Из формулярного списка о его службе известно, что в 1794 г. этот 55-летний статский советник являлся владельцем нескольких деревень, где числились казенные жители из числа крымских татар; крепостных он не имел. Размер годового жалованья Мегмет-Ага в этом учреждении составлял 600 руб. [ГАРК. Ф. 799. Оп. 1. Д. 6. Л. 163 об., 164].

Вероятно, деятельность крымскотатарского мурзы устраивала российскую администрацию, которая вполне могла «закрыть глаза» на некоторые действия своих новых подданных по укреплению ими личного статуса и умножению благосостояния. О том, что такие действия действительно могли иметь место, косвенно свидетельствуют различные источники. Например, опрошенные П. И. Кёппеном в 1833 г. чуфут-кальский газзан Мортхай (Мордехай) Султанский, а также караимские старейшины Исаак Кирги из Бахчисарая, Реби Иосиф Дани и Шабстай (Шаббетай) Койчу из Евпатории, ранее проживавшие на Мангупе, сообщили, что после 1783 г. «по разным неблагоприятным обстоятельствам» численность караимской общины Мангупа сократилась с 300 до 70 чел., но и «сии в 1791 г. рассеялись по разным местам». «Округа же им принадлежавшая, в последствии времени сделалась собственностью бывшего Хазнадара и от него перешла к его сыну Адильбею Балатукову»⁸ [53, с. 290].

О фактах притеснения крымскими татарами караимов свидетельствовали многие авторы (например, Э. Дейнард и А. С. Фиркович). «Как только караимы перестали здесь жить, — сообщал последний в своей книге «Авнэ Зиккарон», — их новые за-

⁸ Князь Адиль Бей Балатуков — полковник Симферопольского крымскотатарского конного полка, кавалер орденов Св. Владимира IV степени, Св. Анны IV степени (установленного для нехристиан образца); был награжден серебряной медалью на Андреевской голубой ленте в память войны 1812 г. и золотой саблей с надписью «За храбрость». В 1802 г. был избран предводителем дворянства Евпаторийского уезда. В период с 1827 по 1828 гг. командовал лейб-гвардии крымскотатарским эскадром, находившимся в Санкт-Петербурге. После отставки в 1826 г. поселился в своем имении в Каралезе [81, с. 14, 15].

местители из других народностей стали пользоваться этими надгробными камнями для постройки своих домов и мощения дворов. Надписи на камнях выскабливали, как делал это Адиль-бей <Балатуков>, захвативший развалины Мангупа вместе с его лесами и полями. Эту историю помнит только общество Мангупа. Единственно неприкосновенным осталось чуфут-кальское общество, благодаря неприступности своей крепости» [101, с. 85].

Что касается Мангупа в XIX в., то его владельцами на протяжении длительного времени продолжали оставаться члены рода Балатуковых, а в 1880-х гг. права на эти земли перешли к дворянину Ассан-Ага Абдураманчикову. Хозяином Мангупа в 1912 г. стал Иззет бей Крымтаев, внук прежней владелицы Абдураманчиковой [72, с. 37].

Проанализированные источники позволяют констатировать, что в конце XVIII в. караимская община Мангупа фактически перестает существовать, а его обитатели переселяются в другие города Крыма. При этом необходимо подчеркнуть, что сама миграция не носила массового характера и осуществлялась не одновременно. Архивные документы рассматриваемого периода позволяют сделать вывод о том, что часть мангупской общины влилась в общину Чуфут-Кале еще до 1790 г.; что касается остальной части мигрантов, то их появление среди чуфут-кальских единоверцев фиксируется в период с 1792 по 1796 гг. Какая-то часть мангупских караимов переселилась в Бахчисарай. Среди выходцев из Мангупа были как представители купеческого сословия, так и те, кто вскоре были записаны в мещане. Все они, в соответствии с законодательством Российской империи, должны были перечислять налоги в государственную казну, причем после 1795 г. двойной промысловый налог, который обязаны были платить евреи-раввинисты, в отношении караимов отменили.

Важно отметить и тот факт, что после своего выселения караимы все же продолжали посещать Мангуп. Судя по данным источников, многие ремесленники занимались там кожевенным делом вплоть до 1830 г. К сожалению, документы, в которых могла быть прослежена вся динамика миграции мангупских караимов, не сохранились.

В источниках более позднего периода встречаются факты пребывания потомков караимов Мангупа в различных регионах Крыма и России. Так, например, известно, что во время визита императрицы Александры Федоровны и великой княжны Марии Николаевны в Чуфут-Кале в сентябре 1837 г. императрица удостоила своим посещением дом одного из зажиточных караимов по фамилии Мангуби, «где была угощаема завтраком, состоящим по восточному обычаю, большею частью из варенья, конфетов и азиатского блюда «халвы» (гелва), составляемого из сахара, яиц, муки и части меда» [98, с. 21, 22].

Не представляется возможным проанализировать материалы, связанные с евпаторийской караимской общиной, т. к. большинство архивных документов было уничтожено во время Крымской (Восточной) войны 1853-1856 гг., когда Евпатория была оккупирована войсками союзников. Одним из сохранившихся документов является список представителей евпаторийского купечества, составленный для обывательской городской книги, где фигурируют фамилии караимских купцов, и, в том числе, выходцев с Мангупа и их потомков. Например, известно, что среди 334 караимских купцов 1-й, 2-й и 3-й гильдии в Евпатории числились: 3-й гильдии купцы Мортхай Мангуби, Шамуил Мангуби, Илья Мангуби и Юсуф Мангуби; в евпаторийском мидраше обучались купеческие дети: Иосиф Мангуби, Ханука Мангуби, Моше Мангуби (двое), Юфуда Мангуби; из «мещанских детей» — Самуил Мангуби (двое) и Исаак Мангуби [ГАРК. Ф. 755. Оп. 1. Д. 1. Л. 3-5; Ф. 241. Оп. 1. Д. 44. Л. 64 об., 65 об., 72 об.]. В 1861 г. в Севастополе проживали Иосиф Мангуби, Хана и Яков Мангуби; в Армянском Базаре — купцы Авраам Самойлович и Элиша

Самойлович Мангуби [ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 44. Л. 23, 29 об.; Ф. 241. Оп. 1. Д. 28. Л. 26 об.]. В соответствии с данными по караимской общине Одессы, в 1857 г. там проживала семья караима Симы Мангуби [ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 21. Л. 2].

Носители фамилии Мангуби впоследствии расселились по всей Российской империи. Их присутствие фиксируется не только в караимских общинах Симферополя, Севастополя, Евпатории, но также Москвы, Санкт-Петербурга, Одессы, Херсона, Николаева, Харькова, Киева, Кременчуга и других городов. Многие из них были известны как крупные промышленники, предприниматели и купцы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- [А. бен Элиягу] События, случившиеся в Крыму в царствование Шагин-Гирей-хана (Перевод с еврейской рукописи сочиненной караимом Рабби-Азарья сыном Илии); пер. караим Авр. <аам> Сам. <уилович> Фиркович // Временник императорского Общества Истории и Древностей Российских. М., 1856. Кн. 24. С. 100-134.
- Афанасьев-Чужбинский А. С. Поездка в Южную Россию. СПб., 1861. Ч. 1. 466 с.
- Ахизер Г. Потерянные колена, фарисеи и потомки хазар. Истоки современной караимской идентичности в Восточной Европе // Caraimica: Quarterly Review / International Institute Of The Crimean Karaites. Слипери-Рок; Симферополь, 2008. Вып. 5. С. 48-53.
- Ахизер Г. Завоевание Крыма Российской Империей глазами караимских хронистов. Иерусалим; М.: Гешарим/Мосты культуры, 2015. 240 с.
- Баккал Е. Г., Белый О. Б. Обзор архива караимского просветителя Давида Марковича Гумуша (1899-1980 гг.) // Материалы Одиннадцатой ежегодной международной междисциплинарной конференции по иудаике. Ч. 1. М., 2004. С. 81-101.
- Белый О. Б. Караимская община Чуфут-Кале (обзор памятников и историографии) // Проблемы истории «пещерных городов» в Крыму. Симферополь, 1992. С. 151-163.
- Белый О. Б. Обзор архивных документов по истории караимской общины в первой половине XIX века (по материалам фонда Таврического и Одесского караимского духовного правления в ГАРК) // Крымский музей. Симферополь, 1996. № 2. С. 105-117.
- Бертье-Делагард А. Л. Каламита и Феодоро // ИТУАК. 1918. № 55. С. 1-44.
- Бертье-Делагард А. Л. Исследования некоторых недоуменных вопросов средневековья в Тавриде // ИТУАК. 1920. № 57. С. 1-135.
- Брайчевский М. Кримська сесія 1952 року // Ruthenica. Киев, 2002. Т. I. С. 175-184.
- Броневский М. Описание Крыма // ЗООИД. 1867. Т. VI, Отд. 2: Сборник материалов. С. 333-367.
- [Брун Ф. К.] Путешествие Ивана Шильтбергера по Европе, Азии и Африке, с 1394 года по 1427 год / перевел и снабдил примечаниями Ф. Брун // Записки императорского Новороссийского университета. Год первый. Т. I. Одесса, 1867. 156 с.
- Вишневский В. А. Имена и фамилии караимов Крыма как показатели их этнической принадлежности // Святыни и проблемы сохранения этнокультуры крымских караимов-караев: материалы конференции (Симферополь / Евпатория / Джуфт-Кале, 14-16 сентября 2007 г.) / Ассоц. крым. караимов «Крымкарайлар», Крым. ун-т культуры, искусств и туризма. Симферополь, 2008. С. 48-53.
- Галенко О. Іудейські громади Кафи середини XVI ст. // Сходознавство. Киев, 1998. № 3-4. С. 39-62.
- Гаммал М. Интеллектуалы против прагматиков: польские караимы в Крыму // Евреи: другая история / Отв. ред. Г. Зеленина. М.: РОССПЭН, 2013. С. 265-286.
- Гаркави А. Я. По вопросу о иудейских древностях, найденных Фирковичем в Крыму // ЖМНП. 1877. Июль, Ч. СХСII. С. 98-121.
- Гаркави А. [Я.] [О принадлежности Чуфут-Кале караимам] // Археологические известия и заметки, издаваемые императорским Московским археологическим обществом. 1895. № 7-8. С. 273.
- Гаркави А. [Я.] [Мнение о принадлежности Чуфут-Кале караимам] // Одесский листок. 1895. № 100. 17 апреля.

19. Гаркави А. Я. Караимы // Энциклопедический словарь (Брокгауз Ф. А. и Ефрон И. А.). СПб., 1895. Т. XIV, кн. 27. С. 426-432.
20. Гаркави А. Я. Исторические очерки караимства: Из эпизодов об еврейских сектах: В 2 вып. СПб., 1897. Вып. 1. 61 с.; 1902. Вып. 2.
21. Гаркави А. Я., Штрак Г. М. О Коллекции восточных рукописей А. С. Фирковича, находящихся в Чуфут-Кале // ЖМНП. 1875. № 3. Отд.: «Современная летопись». С. 5-49.
22. Гераков Г. В. Путевые записки по многим российским губерниям 1820 г. СПб., 1828. 172 с.
23. Гераков Г. В. Продолжение путевых записок по многим российским губерниям 1820-го и начала 1821-го. СПб., 1830. 231 с.
24. Герцен А. Г. Археологические исследования караимских памятников в Крыму // МАИЭТ. 1998. Вып. VI. С. 744-751.
25. Герцен А. [Г.] Мангупская синагога-кенасса (По данным археологических исследований) // Материалы Седьмой ежегодной международной междисциплинарной конференции по иудаике. М., 2000. Ч. 1. С. 23.
26. Герцен А. Г. Археологический аспект истории иудейской общины Мангупа // Материалы Восьмой ежегодной международной междисциплинарной конференции по иудаике. М.: Сефер, 2000. С. 58-61.
27. Герцен А. Г. У истоков иудейской общины Мангупа // IV Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Керчь, 2003. С. 69-79.
28. Герцен А. Г. Мангуп глазами исследователей и путешественников (XVI — начало XX вв.) // Бахчисарайский историко-археологический сборник. Симферополь, 2008. Вып. 3. С. 212-256.
29. Герцен А. Г., Могаричев Ю. М. Крепость драгоценностей. Чуфут-Кале. Кырк-Ор. Симферополь: Таврия, 1993. 128 с.
30. Герцен А. Г., Могаричев Ю. М. Кырк-Ер — Чуфут-Кале. Крепость на краю седьмого климата: Исследование. Путеводитель. Альбом. Симферополь: Антиква, 2016. 312 с.
31. Гессен Ю., [Гаркави А. Я., Балабан М.] Караимы // Еврейская энциклопедия. Свод знаний о еврействе и его культуре в прошлом и настоящем / Под ред. Каценельсона. СПб., 1912. Т. IX. Стлб. 268-298.
32. Грибоедов А. С. Крым // Полное собрание сочинений: В 3-х т. / Под ред. С. А. Фомичева. СПб.: Нотабене, 1999. С. 332-335.
33. Григорьев В. В. Еврейские религиозные секты в России // ЖМВД. 1846. Ч. XV. С. 11-49.
34. Гутри М. Письма о Крыме, Одессе и Азовском море. М., 1810. 293 с.
35. Дашкевич Н. П. Описание Черноморья, составленное Эмидием д'Асколи в 1634 г. // Чтения в Историческом обществе Нестора-летописца. Киев, 1891. Кн. 5. С. 172-181, 1-46.
36. Дейнард Э. Сэфер Масса Крым [Описание Крыма]. Варшава, 1878. 232 с.
37. Демидов А. Н. Путешествие в Южную Россию и Крым, через Венгрию, Валахию и Молдавию, совершенное в 1837 г. М., 1853. 543 с.
38. Демидов А. Н. Путешествие в Южную Россию и Крым, через Венгрию, Валахию и Молдавию, совершенное в 1837 году // Крымские путешествия: Н. Н. Музаркевич, А. Н. Демидов (К 200-летию юбилею Н. В. Гоголя). Симферополь, 2011. С. 85-256.
39. Деремедведь-Эрбаш Е. Крым: по следам забытых путешествий. Заметки по литературно-историческому краеведению. Симферополь: Бизнес-Информ, 2013. 184 с.
40. Дортелли д'Асколи Э. Описание Черного моря и Татари, 1634; пер. Н. Н. Пименова; примеч. А. Бертъе-Делагарда // ЗООИД. 1902. Т. XXIV, Ч. II: Материалы. С. 89-180.
41. Дубнов С. Историческая тайна Крыма. 1. Периоды крымской истории; 2. Памятники Мангуп-Кале // Еврейская старина. 1914. Вып. 1. С. 1-20.
42. Дюбуа де Монпере Ф. Путешествие по Кавказу, к черкесам и абхазам, в Грузию, Армению и в Крым: В 6 т. Париж, 1843, Т. 5, 6. Симферополь: Бизнес-Информ, 2009. 326 с.
43. Ельяшевич Б. С. Караимский биографический словарь (от конца XVIII века до 1960 г.) // Караимы. Материалы к серии «Народы и культуры» / Под ред. М. Н. Губогло, А. И. Кузнецова, Л. И. Миссоновой. М., 1993. Вып. XIV, кн. 2. 238 с.
44. Зарубин В. Г. Караимы — жертвы репрессий в Крыму во второй половине 1920-х — начале 1950-х годов // Материалы XXII международной ежегодной конференции по иудаике / Под ред. В. В. Мочаловой. Т. II. Вып. 52. Сер.: Академическая серия. М., 2015. С. 317-326.
45. Зеленецкий К. Ред. на: Voyage dans la Russie Meridionale et la Crimée par la Hongrie, la Valachie et la Moldavie, execute en 1837, par Mr. Anatole de Demidoff. Edition illustree de soixante-quatre dessins par Raffet. Dedie a S. M. Nicolas I-er Empereur de toutes les Russies. Paris, Ernest Bourdin et Co, Editeurs, MDCCCXLI (1841) // ЗООИД. 1844. Т. I. С. 442-453.
46. Измайлов В. Путешествие в полуденную Россию Владимира Измайлова: В 4 ч. М., 1805. Ч. 1. 204 с.
47. Караулов Г. [Э.] Чуфут-Кале и евреи караимы. Примечания к поездке во внутренность Крыма академика Палласа. // ЗООИД. 1883. Т. 13. С. 93-103.
48. Кашовская Н. В. Заметки по иудейской эпиграфике Мангупа // МАИЭТ. 2003. Вып. X. С. 556-561.
49. Кашовская Н. В. О надгробной плите из «Крымского сборника» П. И. Кеппена // МАИЭТ. 2007. Вып. XIII. С. 475-482.
50. Кашовская Н. В. О времени появления иудейской общины на Мангупе // I Бахчисарайские научные чтения памяти Е. В. Веймарна. Тезисы докладов и сообщений Международной научной конференции (Бахчисарай, 5-7 сентября 2012 г.) / Ред.-сост. А. И. Айбабин, А. Г. Герцен, В. Е. Науменко, Э. И. Сейдалиев. Бахчисарай, 2012. С. 32-33.
51. Кашовская Н. В. Корпус эпитафий иудейского кладбища Мангуп-Кале как исторический источник. Завершение систематизации эпитафий и обобщение результатов исследований // Труды государственного музея религии. СПб., 2013. Вып. 13. С. 250-271.
52. Кашовская Н. В. Эстампажи средневековых еврейских надгробных текстов некрополя Мангуп (Крым) А. Я. Гидалевича из фондов ИВР РАН // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Сер.: Исторические науки. 2016. Т. 2(68), № 1. С. 100-116.
53. Кеппен П. О древностях Южного берега Крыма и гор Таврических (Крымский сборник). СПб.: тип. Императорской Академии Наук, 1837. 366 с.
54. Кизиллов М. Б. Крымские караимы XVI-XIX вв. по описаниям путешественников // Пилигримы Крыма. Осень-98. Путешествия по Крыму, путешественники о Крыме. Материалы международной научной конференции. Симферополь, 1999. С. 119-124.
55. Кизиллов М. Б. Свидетельства путешественников как источник сведений по изучению этнической истории, традиционной культуры и быта крымских караимов в 18-19 вв. // Материалы Седьмой ежегодной международной междисциплинарной конференции по иудаике. М., 2000. С. 306-315.
56. Кизиллов М. Караимские некрополи Мангупа и Чуфут-Кале по описаниям путешественников и ученых XVIII-XIX вв. // Материалы Восьмой ежегодной международной междисциплинарной конференции по иудаике. М., 2001. Ч. 1. С. 191-205.
57. Кизиллов М. Б. Крымские пещерные города по описанию Е. Скирмунт (Поята) // МАИЭТ. 2002. Вып. IX. С. 543-548.
58. Кизиллов М. Б. К истории караимской общины Мангупа // Вестник Еврейского университета. 2002. № 7(25). С. 113-122.
59. Кизиллов М. Б. К истории малоизвестных караимских общин Крымского полуострова // Тироп: Труды по иудаике. М., 2003. Вып. 6. С. 127-140.
60. Кизиллов М. Крымская Иудея: Очерки истории евреев, хазар, караимов и крымчаков в Крыму с античных времен и до наших дней. Симферополь: Доля, 2011. 340 с.
61. Клееман Н. Э. Клееманово путешествие из Вены в Белград и Новую Килию, також в земли буджатских и нагайских татар и во весь Крым, с возвратом чрез Константинополь, Смирну и Триест в Австрию в 1768, 1769 и 1770 годах, с приобщением описания достопамятностей крымских / Переведенное с немецкого на французский, а с онаго на российский язык Государственной Военной коллегии секретарем Иваном Одинцовым. СПб., 1783. 250 с.
62. Кондараки В. Х. Мангуп-Кале // ЗООИД. 1872. Т. 8. С. 419-426.

63. Кондараки В. Х. Универсальное описание Крыма. СПб.: тип. В. Веллинга, 1875. Т. 4. [Ч. 17]. 87 с.
64. Корчевская О. Роберт Лайелл. Симферополь и его окрестности. Из «Путешествия по России, Крыму, Кавказу и Грузии» // Крымский альбом 2002. М.; Феодосия: Коктебель, 2003. С. 17-33.
65. Кругосветное странствие Рабби Петахии Регенсбургского (пер. П. В. Марголина) // Три еврейских путешественника. М.; Иерусалим: Мосты культуры, 2004. С. 263-330.
66. Курникова О. М. Документальные источники по истории османских владений на территории Крыма в XVI-XVIII вв.: Дисс.... канд. ист. наук: 07.00.09 / Ин-т востоковедения РАН. М., 2009. 248 с.
67. Крым. Путеводитель / Под ред. К. Ю. Бумберга, Л. С. Вагина, Н. Н. Клепинина, В. В. Соколова. Симферополь: тип. Таврич. Губ. Земства, 1914. 686 с.
68. [Лашков Ф. Ф.] Камеральное описание Крыма. (Сообщение члена Комиссии Ф. Ф. Лашкова) // ИТУАК. 1897. № 3. С. 36-64.
69. [Лашков Ф. Ф.] Камеральное описание Крыма. (Сообщение члена Комиссии Ф. Ф. Лашкова) // ИТУАК. 1897. № 4. С. 32-45.
70. [Лашков Ф. Ф.] Камеральное описание Крыма. (Сообщение члена Комиссии Ф. Ф. Лашкова) // ИТУАК. 1889. № 8. С. 12-40.
71. Леви-Бабович Т. С. Три странички. Севастополь, 1926. 44 с.
72. Леви-Бабович Т. С. Очерк возникновения караимизма. Севастополь, 1913. 72 с.
73. Лепер Р. Х. Раскопки на Мангупе в 1913 году // ИТУАК. 1914. № 51. С. 297-300.
74. Лепер Р. Х. Археологические исследования на Мангупе в 1912 году: Второе предварительное сообщение // ИАК. 1913. Вып. 47. С. 73-79, 146-154.
75. Лепер Р. Х. Сообщение Лепера Р. Х. о раскопках на Мангупе августа-сентября 1912 г. // ИТУАК. 1913. № 49. С. 265-269.
76. Ливанов Ф. В. Чуфут-кале (иудейская крепость) в Крыму. С присоединением малоисследованной еще в России секты караимов. Составлено и издано для путешественников. М., 1874. 62 с.
77. Монтандон К. Путеводитель путешественника по Крыму, украшенный картами, планами, видами и виньетами и предваренный введением о разных способах переезда из Одессы в Крым. Симферополь: Крымский Архив, 1997. 130 с.
78. Муравьев-Апостол А. И. Путешествие по Тавриде в 1820 году. СПб.: тип. при Особенной канцелярии Министерства внутренних дел, 1823.
79. Мурзакевич Н. Н. Поездка в Крым в 1836 году // ЖМНП. 1837. Ч. XIII. С. 625-691.
80. [Мурзакевич Н. Н.] Письма правителя Таврической области Василия Васильевича Коховского правителю канцелярии В. С. Попову, для доклада Его Светлости Князю Григорию Александровичу Потемкину-Таврическому // ЗООИД. 1877. Т. 10. С. 235-361.
81. Муфтизаде И. Очерк военной службы крымских татар с 1783 по 1889 год // ИТУАК. 1899. № 30. С. 1-24.
82. Никольский П. В. Бахчисарай, Чуфут-Кале, Салачик. Симферополь: КрымОхрис, 1924. 50 с.
83. Никольский П. В. Бахчисарай и его окрестности: культурно-исторические экскурсии. Симферополь: КрымГИЗ, 1927. 80 с.
84. [Орехов В. В.] Французенка Омер де Гелль и ее путешествие по Крыму; Пер. с француз. яз., вступит. стат. и коммент. В. В. Орехов // Историческое наследие Крыма. Симферополь, 2004. № 8. С. 183-215.
85. [Орехов Д. В.] Военные воспоминания генерала Монтодона. Пер. с француз. яз., подготовка текста Д. В. Орехова // Историческое наследие Крыма. Симферополь, 2005. № 11. С. 73-81.
86. Паллас П. С. Путешествие в Крым в 1793 и 1794 году // ЗООИД. 1881. Т. 12. С. 62-208.
87. Паллас П. С. Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным наместничествам Русского государства в 1793-1794 годах. М.: Наука, 1999. 246 с.
88. Пейсонель Ш. де. Записка о Малой Татарии; Пер. с фр. В. Лотошниковой. Днепрпетровск: Герда, 2009. 78 с.
89. Петрова Э. Б., Прохорова Т. А. Крымские путешествия: Шарль Жильбер Ромм. «Путешествие в Крым в 1786 г.». Симферополь: Бизнес-Информ, 2009. 168 с.
90. Протокол заседания ТУАК 30 января 1914 г. // ИТУАК. 1914. № 51. С. 292-302.
91. Прохоров Д. А. Караимские молитвенные дома — кенасы — на территории Российской империи в конце XVIII — начале XX вв.: историография вопроса // Проблемы гармонизации межэтнических и межконфессиональных отношений в Крыму. Симферополь, 2009. С. 118-159.
92. Прохоров Д. А. Хозяйственная деятельность и основные занятия крымских караимов в XIII-XVIII вв.: развитие ремесел, промыслов и торговли // Боспорские исследования. 2011. Вып. XXV. С. 213-241.
93. Прохоров Д. А. Збереження історико-культурної та архітектурної спадщини кримських караїмів: місто Чуфут-Кале в контексті розвитку пам'яткоохоронної справи в Таврійській губернії наприкінці XIX — на початку XX ст. // Сіверщина в історії України. Збірник наукових праць. Київ; Глухів: Центр пам'яткознавства, 2011. Вип. 4. С. 19-22.
94. Прохоров Д. А., Кизилев М. Б. Чуфут-Кале — «Иудейская крепость» в Крыму — как экскурсионный объект в конце XIX — начале XX вв. (К проблеме использования памятников караимской истории и культуры) // Параллели. Русско-еврейский альманах. М., 2009. № 10-11. С. 41-61.
95. Прохоров Д. А. К истории визитов членов императорской семьи Романовых в «пещерный город» Чуфут-Кале в XIX — начале XX вв. // Материалы по археологии и истории античного и средневекового Крыма / Ред.-сост. М. М. Чореф. Севастополь; Тюмень, 2014. С. 273-299.
96. Прохоров Д. А. К проблеме численности и социальной дифференциации караимской общины Чуфут-Кале в конце XVIII века // Материалы к истории Причерноморья в Новое время: сб. науч. ст. / Ред.-сост. Д. В. Конкин, Н. И. Храпунов. Симферополь, 2016. С. 71-99.
97. Ромм Ж. Путешествие в Крым в 1786 г. Л.: ЛГУ, 1941. 79 с.
98. [Сафонов С. В.] Описание пребывания императорской фамилии в Крыму в сентябре 1837 года / Сост. С. Сафоновым. Одесса: Гор. тип., 1840. 83 с.
99. Сестренцевич-Богущ С. Я. История о Таврии, чочиненная на французском языке Станиславом Богущем, преосвященным митрополитом римско-католических церквей в России, архиепископом могилевским, председательствующим в Римско-католической Духовной коллегии, Виленского и Московского Императорского университетов, Санкт-петербургского экономического общества и Великабританского о земледелии членом и орденов св. апостола Андрея Первозванного, св. Александра Невского, св. Анны 1 класса, св. Иоанна Иерусалискаго большого креста, белаго орла и св. Станислава кавалером. СПб., 1806. Т. 1.
100. Смирнов В. Д. Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты в XVIII ст. М.: Изд. дом «Рубежи XXI», 2005. 542 с.
101. Фиркович А. «Авнэ Зиккарон»: путевые заметки Авраама Фирковича // Караимская жизнь. М., 1911. Кн. 5-6, октябрь-ноябрь. С. 82-87.
102. Сумароков П. [И.] Путешествие по всему Крыму и Бессарабии в 1799 г. М., 1800. 238 с.
103. Сумароков П. И. Досуги крымского судьи или второе путешествие в Тавриду. СПб.: Императорская тип., 1805. Ч. II. 244 с.
104. Тариф о сборе пошлин с привозных и отвозных товаров при портах Черного моря. [СПб.]: Печ. при Сенате, [1776]. 132 с.
105. Татарчевский А. Деятельность барона Тотта в качестве консула в Крыму в 1767 году // Университетские известия. Киев: Изд-ие Университета Св. Владимира, 1873. № 10. С. 1-24.
106. Тункина И. В. Открытие Феодосии: страницы археологического изучения Юго-Восточного Крыма и начальные этапы истории Феодосийского музея древностей, 1771-1871. Киев: Болеро, 2011. 237 с.
107. Челеби Э. Книга путешествия. Крым и сопредельные области (Извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII века) / Пер. и ком. Е. В. Бахревского. Симферополь: Доля, 2008. 185 с.

108. Чижова Л. В. Караимы // Тюркские народы Крыма: Караимы. Крымские татары. Крымчаки / Под ред. С. Я. Козлова, Л. В. Чижовой. М., 2003. С. 12-135.
109. Федорчук А. Б. Еврейские некрополи Крыма: история исследования и современное состояние // Евразийский еврейский ежегодник — 5768 (2007/2008) / Ред. В. Лихачев, В. Палей, А. Федорчук, С. Чарный, М. Членов. М., 2008. С. 212-227.
110. Фелицын Е. Д. Западно-Кавказские горы и ногайцы в XVII столетии по Пейсонелю. Материалы для истории Западно-Кавказских горцев. Трактат о торговле на Черном море // Кубанский сборник. Труды Кубанского областного статистического комитета, издаваемые под редакцией Е. Д. Фелицына. Екатеринодар, 1891. Т. 2. С. 4-32.
111. Фиркович М. Я. Поездка в Мангуп // Караимское слово. Вильна, 1914. Январь-февраль. № 7-8. С. 8-10.
112. [Хвольсон Д. А.] Сборник еврейских надписей из Крыма, содержащих надгробные надписи из Крыма и другие надписи из иных мест, в древнем еврейском квадратном шрифте, также и образцы шрифтов из рукописей от IX-XV ст. собранные и объясненные Д. А. Хвольсоном. СПб.: Тип. императорской АН, 1884. 528 стб., 8 л. табл.
113. Хоецкий Е. Спогади з подорожі по Криму / Пер. О. О. Тищенко-Монастирська. Сімферополь: Сімферопольська міська друкарня, 2008. 384 с.
114. Храпунов Н. И. Крым в описаниях Реджинальда Хебера (1806 г.) // МАИЭТ. 2008. Вып. XIII. С. 645-697.
115. Храпунов Н. И., Гинькут Н. В. Маттью Гатри и его «Путешествие» в историю Крыма // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2015. Т. 145. № 4. С. 157-170.
116. Храпунов Н. И. Крымские древности глазами Эдварда-Даньела Кларка: от археологии к идеологии // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2016. Т. 18, № 3(154). С. 116-132.
117. Хроника. Раскопки // Караимское слово. Вильно, 1913. № 2. С. 16.
118. Чацкий Т. Исследование о евреях-караитах // Северный архив. 1827. № 6. С. 97-111.
119. Шапира Д. «Песнь о Мангупе» 1793 года: неизвестный источник по истории караимов Крыма // Вестник Еврейского университета. 2002. № 7(25). С. 283-294.
120. Шапира Д. Йицхак Сангари, Сангарит, Бецалель Штерн и Авраам Фиркович: история двух поддельных надписей // МАИЭТ. 2003. Вып. X. С. 533-555.
121. Шапира Д. Евреи в Северном Причерноморье от древности до раннего Средневековья // История еврейского народа в России: от древности до раннего Нового времени. Иерусалим: Гешарим; М.: Мосты культуры, 2010. Т. 1: «От Древности до раннего Нового времени». С. 13-43.
122. Шишкина О. Заметки и воспоминания русской путешественницы по России в 1845 году. СПб., 1848. Ч. II. 300 с.
123. [Штерн Б.] Древние еврейские кодексы и другие памятники // ЗООИД. 1844. Т. 1. С. 640-649.
124. Якобсон А. Л. Средневековый Крым. Очерки истории и истории материальной культуры. М.; Л.: Наука, 1964. 232 с.
125. Alexander J. E. Travels to the Seat of War in the East, through Russia and the Crimea, in 1829: In 2 vol. London, 1830. Vol. I. 308 p.
126. Ankori Z. Karaites in Byzantium: The Formative Years, 970-1100. New York; Jerusalem, 1959. 546 p.
127. Clarke E. D. Travels in Russia, Tartar and Turkey. Edinburgh, 1839. 140 p.
128. Demidoff A. Voyage dans la Russie Meridionale et la Crimee par la Hongrie, la Valachie et la Moldavie, execute en 1837, par Mr. Anatole de Demidoff. Edition illustree de soixante-quatre dessins par Raffet. Dedie a S. M. Nicolas I-er Empereur de toutes les Russies. Paris, MDC-CCXLI (1841). 621 p.
129. Guthrie M. A tour, performed in the years 1795-1796, through the Taurida, or Crimea, the ancient kingdom of Bosphorus, the once-powerful republic of Tauric Cherson, and all the other countries on the north shore of the Euxine, ceded to Russia by the peace of Kainardgi and Jassy. London, 1802. 448 p.
130. Elliott C. B. Travels in the three great empires of Austria, Russia, and Turkey: In 2 vol. London, 1838. Vol. I. 467 p.
131. Haxthausen A., von. Studien über die inneren Zustände, und das Volksleben un insbesodere die landlichen Einrichtungen Russlands: In 2 bd. Hannover, 1847. Bd. II. 584 p.
132. Henderson E. Biblical Researches and Travels in Russia: Including a Tour in the Crimea and the Passage of the Caucasus. London, 1826. 214 p.
133. Kizilov M. Crimean Karaites in the Polish Travellers' Portrayal // Studia Orientalia. 2001-2002. Vol. 95. P. 34-46.
134. Kizilov M. Karaite Communities of Chufut-Kale and Mangup: History and Topography of the Settlements // Karaite Judaism. A Guide to Its History and Literary Sources / Ed. M. Polliack. Leiden: Brill, 2003. P. 759-787.
135. Kizilov M. The Karaites of the Crimea through the Travelers' Eyes // Karaite Judaism. A Guide to Its History and Literary Sources / Ed. M. Polliack. Leiden: Brill, 2003. P. 789-818.
136. Kohl J. G. Reisen in Inneren von Rußland und Polen mit einem Titelkupfer und einem Plane von Moskau. T. 2. Dresden; Leipzig, 1841. 270 s.
137. Miller P. Karaite Separatism in Nineteenth-Century Russia. Cincinnati: Hebrew Union College Press, 1993. 252 p.
138. Pallas. Observations faites dans un voyage dans les gouvernements meridionaux de l'empire de Russie dans les années 1793 et 1794. Leipzig, 1799. T. 1. 438 p.; 1801. T. 2. 452 p.
139. Peyssonnel Claude-Charles, de. Traité sur le commerce de la mer Noire. Paris: Cuchet, 1787. T. I. 340 p.
140. Peyssonnel Claude-Charles, de. Traité sur le commerce de la mer Noire. Paris: Chez Couchet, 1787. T. II. 377 p.
141. Remy F. Die Krim in ethnographischer Landschaftlicher und hygienischer Beziehung. Odessa; Leipzig, 1872. 244 s.
142. Shapira D. A Karaim Poem in Crimean-Tatar from Mangup. A New Source for Jewish Turkish History // Turkish-Jewish Encounters / Studies on Turkish-Jewish Relations Throughout the Ages. Haarlem, 2001. P. 79-98.
143. Shapira D. Remarks on Abraham Firkovicz and the Hebrew Mejelis «Document» // Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae. 2006. Vol. 59:2. P. 131-180.

REFERENCES

1. [A. ben Eliagu] Sobytiia, sluchivshiesia v Krymu v tsarstvovanie Shagin-Girei-khana (Perevod s evreiskoi rukopisi sochinennoi karaimom Rabbi-Azar'ia synom Ilii). *Vremennik imperatorskogo Obshchestva istorii i drevnostei Rossiiskikh*, Moscow, 1856, Book 24, pp. 100-134.
2. Afanas'ev-Chuzhbinskii A. S. *Poezdka v Iuzhnuu Rossiiu*. S-Petersburg, 1861, Part 1, 466 p.
3. Akhiezer G. Poteriannye kolena, farisei i potomki khazar. Istoki sovremennoi karaimskoi identichnosti v Vostochnoi Evrope. *Caraimica: Quarterly Review*, Slipperi-Rok, Simferopol, 2008, vol. 5, pp. 48-53.
4. Akhiezer G. *Zavoevanie Kryma Rossiiskoi Imperiei glazami karaimskikh khronistov*. Ierusalim, Moscow, Gesharim — Mosty kul'tury Publ., 2015, 240 p.
5. Bakka E. G., Belyi O. B. Obzor arkhiva karaimskogo prosvetitelia Davida Markovicha Gumusha (1899-1980 gg.). *Materialy XI ezhegodnoi mezhdunarodnoi mezhdistsiplinarnoi konferentsii po iudaike*, Moscow, 2004, vol. 1, pp. 81-101.
6. Belyi O. B. Karaimskaia obshchina Chufut-Kale (obzor pamiatnikov i istoriografii). *Problemy istorii «peshchernykh gorodov» v Krymu*, Simferopol, 1992, pp. 151-163.
7. Belyi O. B. Obzor arkhivnykh dokumentov po istorii karaimskoi obshchiny v pervoi polovine XIX veka (po materialam fonda Tavricheskogo i Odesskogo karaimskogo dukhovnogo pravleniia v GARK). *Krymskii muzei*, Simferopol, 1996, No. 2, pp. 105-117.
8. Bert'e-Delagard A. L. Kalamita i Feodoro. *Izvestiia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii*, Simferopol, 1918, No. 55, pp. 1-44.
9. Bert'e-Delagard A. L. Issledovaniia nekotorykh nedoumennykh voprosov srednevekov'ia v Tavride. *Izvestiia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii*, Simferopol, 1920, No. 57, pp. 1-135.

10. Braichevskii M. Krims'ka sesiia 1952 roku. *Ruthenica*, Kiev, 2002. T. I, pp. 175-184.
11. Bronevskii M. Opisanie Kryma. *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostei*, Odessa, 1867, T. VI, Part 2: Sbornik materialov, pp. 333-367.
12. [Brun F. K.] Puteshestvie Ivana Shil'tbergera po Evrope, Azii i Afrike, s 1394 goda po 1427 god. *Zapiski imperatorskogo Novorossiiskogo universiteta*, Odessa, 1867, T. 1, 156 p.
13. Vishnevskii V. A. Imena i familii karaimov Kryma kak pokazateli ikh etnicheskoi prinaldzhnosti. *Sviatyni i problemy sokhraneniia etnokul'tury krymskikh karaimov-karaev: materialy konferentsii (Simferopol' / Evpatoriia / Dzhuft-Kale, 14-16 September, 2007)*, Simferopol, 2008, pp. 48-53.
14. Galenko O. Iudeis'ki gromadi Kafi seredini XVI st. *Skhodoznavstvo*, Kiev, 1998, No. 3-4, pp. 39-62.
15. Gammal M. Intelktualy protiv pragmatikov: pol'skie karaimy v Krymu. Zelenina G. (Ed.), *Evrei: drugaia istoriia*, Moscow, ROSSPEN Publ., 2013, pp. 265-286.
16. Garkavi A. Ia. Po voprosu o iudeiskikh drevnostiakh, naidennykh Firkovichem v Krymu. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniia*, S-Petersburg, 1877, vol. CXCII, pp. 98-121.
17. Garkavi A. [Ia.] O prinaldzhnosti Chufut-Kale karaimam. *Arkheologicheskie izvestiia i zametki, izdavaemye imperatorskim Moskovskim arkheologicheskim obshchestvom*, 1895, No. 7-8, pp. 273.
18. Garkavi A. [Ia.] Mnenie o prinaldzhnosti Chufut-Kale karaimam. *Odesskii listok*, 1895, No. 100, 17 April.
19. Garkavi A. Ia. Karaimy. Brokgauz F. A., Efron I. A. (Eds.), *Entsiklopedicheskii slovar'*, S-Petersburg, 1895, T. XIV, book 27, pp. 426-432.
20. Garkavi A. Ia. *Istoricheskie ocherki karaimstva: Iz epizodov ob evreiskikh sektakh*. S-Petersburg, 1897-1902, vol. 1-2.
21. Garkavi A. Ia., Shtrak G. M. O Kollektii vostochnykh rukopisei A. C. Firkovicha, nakhodiashchikhsia v Chufut-Kale. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniia*, 1875, No. 3, Part: Sovremennaiia letopis', pp. 5-49.
22. Gerakov G. V. *Putevye zapiski po mnogim rossiiskim guberniiam 1820 g.* S-Petersburg, 1828, 172 p.
23. Gerakov G. V. *Prodolzhenie putevykh zapisok po mnogim rossiiskim guberniiam 1820-go i nachala 1821-go.* S-Petersburg, 1830, 231 p.
24. Gertsen A. G. Arkheologicheskie issledovaniia karaimskikh pamiatnikov v Krymu. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol, 1998, vol. VI, pp. 744-751.
25. Gertsen A. [G.] Mangupskaiia sinagoga-kenassa (Po dannym arkheologicheskikh issledovaniia). *Materialy VII Ezhegodnoi mezhdunarodnoi mezhdistsiplinarnoi konferentsii po iudaike*, Moscow, 2000, vol. 1, pp. 23.
26. Gertsen A. G. Arkheologicheskii aspekt istorii iudeiskoi obshchiny Mangupa. *Materialy VIII ezhegodnoi mezhdunarodnoi mezhdistsiplinarnoi konferentsii po iudaike*, Moscow, 2000, pp. 58-61.
27. Gertsen A. G. U istokov iudeiskoi obshchiny Mangupa. *Materialy IV Bosporskikh chtenii. Bosporkimmiiskii i varvarkii mir v period antichnosti i srednevekov'ia*, Kerch, 2003, pp. 69-79.
28. Gertsen A. G. Mangup glazami issledovatelei i puteshestvennikov (XVI — nachalo XX vv.). *Bakhchisaraiskii istoriko-arkheologicheskii sbornik*, Simferopol, 2008, vol. 3, pp. 212-256.
29. Gertsen A. G., Mogarichev Iu. M. *Krepost' dragotsennostei. Chufut-Kale. Kyrk-Or*. Simferopol, Tavriia Publ., 1993, 128 p.
30. Gertsen A. G., Mogarichev Iu. M. *Kyrk-Er — Chufut-Kale. Krepost' na kraiu sed'mogo klimata: Issledovanie. Putevoditel'. Al'bom*. Simferopol, Antikva Publ., 2016, 312 p.
31. Gessen Iu., Garkavi A. Ia., Balaban M. Karaimy. *Evreiskaia entsiklopediia. Svod znaniia o evreistve i ego kul'ture v proshlom i nastoiashchem*, S-Petersburg, 1912, T. IX, Stlb. 268-298.
32. Griboedov A. S. Krym. *Polnoe sobranie sochinenii A. S. Friboedova*, S-Petersburg, Notabene Publ., 1999, pp. 332-335.
33. Grigor'ev V. V. Evreiskie religioznye sekty v Rossii. *Zhurnal Ministerstva vnutrennikh del*, S-Petersburg, 1846, vol. XV, pp. 11-49.
34. Gutri M. *Pis'ma o Kryme, Odesse i Azovskom more*. Moscow, 1810, 293 p.
35. Dashkevich N. P. Opisanie Chernomor'ia, sostavlennoe Emidiem d'Askoli v 1634 g. *Chteniia v Istoricheskom obshchestve Nestora-letopistsa*, Kiev, 1891, Book 5, pp. 1-46, 172-181.
36. Deinard E. *Sefer Massa Krym [Opisanie Kryma]*. Varshava, 1878, 232 p.
37. Demidov A. N. *Puteshestvie v Iuzhnuu Rossiiu i Krym, cherez Vengriiu, Valakhiiu i Moldaviu, sovershennoe v 1837 g.* Moscow, 1853, 543 p.
38. Demidov A. N. Puteshestvie v Iuzhnuu Rossiiu i Krym, cherez Vengriiu, Valakhiiu i Moldaviu, sovershennoe v 1837 godu. *Krymskie puteshestviia: N. N. Muzarkevich, A. N. Demidov (K 200-letnemu iubileiu N. V. Gogolia)*, Simferopol, 2011, pp. 85-256.
39. Deremedved'-Erbash E. *Krym: po sledam zabytykh puteshestvii. Zametki po literaturno-istoricheskomu kraevedeniui*. Simferopol, Biznes-Inform Publ., 2013, 184 p.
40. [P]Dortelli d'Askoli E. Opisanie Chernogo moria i Tatarii, 1634. *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostei*, Odessa, 1902, T. XXIV, Part II: Materialy, pp. 89-180.
41. Dubnov S. Istoricheskaia taina Kryma. 1. Periody krymskoi istorii; 2. Pamiatniki Mangup-Kale. *Evreiskaia starina*, 1914, vol. 1, pp. 1-20.
42. Diubua de Monpere F. *Puteshestvie po Kavkazu, k cherkesam i abkhazam, v Gruziiu, Armeniiu i v Krym. Parizh, 1843, T. 5, 6*. Simferopol, Biznes-Inform Publ., 2009, 326 p.
43. El'iashevich B. S. Karaimskii biograficheskii slovar' (ot kontsa XVIII veka do 1960 g.). Guboglo M. N., Kuznetsov A. I., Missonova L. I. (Eds.), *Karaimy. Materialy k serii «Narody i kul'tury»*, Moscow, 1993, vol. XIV, book 2, 238 p.
44. Zaitsev I. V. Retsenziia na knigu: «Tiurkskie narody Kryma: Karaimy. Krymskie tatory. Krymchaki». *Etnograficheskoe obozrenie*, Moscow, 2005, No. 1, pp. 167-169.
45. Zelenetskii K. Rets na: Voyage dans la Russie Meridionale et la Crimee par la Hongrie, la Valachie et la Moldavie, execute en 1837, par Mr. Anatole de Demidoff. Edition illustree de soixante-quatre dessins par Raffet. Dedie a S. M. Nicolas I-er Empereur de toutes les Russies. Paris, Ernest Bourdin et Co, Editeurs, MDCCCXLI (1841). *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostei*, Odessa, 1844, T. I, pp. 442-453.
46. *Puteshestvie v poludennuiu Rossiiu Vladimira Izmailova*. Moscow, 1805, vol. 1, 204 p.
47. Karaulov G. [E.] Chufut-Kale i evrei karaimy. Primechaniia k poezdke vo vnutrennost' Kryma akademika Pallasa. *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostei*, Odessa, 1883, T. 13, pp. 93-103.
48. Kashovskaia N. V. Zametki po iudeiskoi epigrafike Mangupa. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol, 2003, vol. X, pp. 556-561.
49. Kashovskaia N. V. O nadgrobnoi plite iz «Krymskogo sbornika» P. I. Keppena. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol, 2007, vol. XIII, pp. 475-482.
50. Kashovskaia N. V. O vremeni poiavleniia iudeiskoi obshchiny na Mangupe. *Tezisy dokladov i soobshchenii Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii «I Bakhchisaraiskie nauchnye chteniia pamiati E. V. Veimarna» (Bakhchisarai, 5-7 September 2012)*, Bakhchisarai, 2012, pp. 32-33.
51. Kashovskaia N. V. Korpus epitafii iudeiskogo kladbishcha Mangup-Kale kak istoricheskii istochnik. Zavershenie sistematizatsii epitafii i obobshchenie rezul'tatov issledovaniia. *Trudy gosudarstvennogo muzeia religii*, S-Petersburg, 2013, vol. 13, pp. 250-271.
52. Kashovskaia N. V. Estampazhi srednevekovykh evreiskikh nadgrobnnykh tekstov nekropolia Mangup (Krym) A. Ia. Gidalevicha iz fondov IVR RAN. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Seriia: Istoricheskie nauki*, Simferopol, 2016, T. 2(68), No. 1, pp. 100-116.
53. Keppen P. *O drevnostiakh Iuzhnogo berega Kryma i gor Tavricheskikh (Krymskii sbornik)*. S-Petersburg, Imperatorskaia Akademiia Nauk Publ., 1837, 366 p.
54. Kizilov M. B. Krymskie karaimy XVI-XIX vv. po opisaniiam puteshestvennikov. *Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii «Piligrimy Kryma. Osen'-98. Puteshestviia po Krymu, puteshestvenniki o Kryme»*, Simferopol, 1999, pp. 119-124.
55. Kizilov M. B. Svidetel'stva puteshestvennikov kak istochnik svedenii po izucheniiu etnicheskoi istorii, traditsionnoi kul'tury i byta krymskikh karaimov v 18-19 vv. *Materialy VII ezhegodnoi mezhdunarodnoi mezhdistsiplinarnoi konferentsii po iudaike*, Moscow, 2000, pp. 306-315.

56. Kizilov M. Karaimskie nekropoli Mangupa i Chufut-Kale po opisaniiam puteshestvennikov i uchenykh XVIII-XIX vv. *Materialy VIII ezhegodnoi mezhdunarodnoi mezhdistsiplinarnoi konferentsii po iudaike*, Moscow, 2001, vol. 1, pp. 191-205.
57. Kizilov M. B. Krymskie peshchernye goroda po opisaniu E. Skirmunt (Pojata). *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol, 2002, vol. IX, pp. 543-548.
58. Kizilov M. B. K istorii karaimskoi obshchiny Mangupa. *Vestnik Evreiskogo universiteta*, 2002, No. 7(25), pp. 113-122.
59. Kizilov M. B. K istorii maloizvestnykh karaimskikh obshchin Krymskogo poluostrova. *Tirosh: Trudy po iudaike*, Moscow, 2003, vol. 6, pp. 127-140.
60. Kizilov M. *Krymskaia Iudeia: Ocherki istorii evreev, khazar, karaimov i krymchakov v Krymu s antichnykh vremen i do nashikh dnei*. Simferopol, Dolia Publ., 2011, 340 p.
61. Klemanovo puteshestvie iz Veny v Belgrad i Novuiu Kiliu, takozh v zemli budzhatskikh i nagaikikh tatar i vo ves' Krym, s vozvratom chrez Konstantinopol', Smirnu i Triest v Avstriiu v 1768, 1769 i 1770 godakh, s priobshcheniem opisaniia dostopamiatnostei krymskikh / Perevedennoe s nemetskogo na frantsuzskii, a s onago na rossiiskii iazyk Gosudarstvennoi Voennoi kollegii sekretarem Ivanom Odintsovym. S-Petersburg, 1783, 250 p.
62. Kondaraki V. Kh. Mangup-Kale. *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostei*, Odessa, 1872, T. 8, pp. 419-426.
63. Kondaraki V. Kh. *Universal'noe opisanie Kryma*. S-Petersburg, 1875, T. 4 [Part 17], 87 p.
64. Korchevskaia O. Robert Laiell. Simferopol' i ego okrestnosti. Iz «Puteshestviia po Rossii, Krymu, Kavkazu i Gruzii». *Krymskii al'bom 2002*, Moscow, Feodosiia, Koktebel Publ., 2003, pp. 17-33.
65. Krugosvetnoe stranstvie Rabbi Petakhii Regensburgskogo. *Tri evreiskikh puteshestvennika*, Moscow, Ierusalim, Mosty kul'tury Publ., 2004, pp. 263-330.
66. Kurnikova O. M. *Dokumental'nye istochniki po istorii osmanskikh vladenii na territorii Kryma v XVI-XVIII vv.* Text of kandidat. diss. Moscow, Institut vostokovedeniia RAN Publ., 2009, 248 p.
67. Bumberg K. Iu., Vagin L. S., Klepinin N. N., Sokolov V. V. (Eds.). *Krym. Putevoditel'*. Simferopol, 1914, 686 p.
68. [Lashkov F. F.] Kameral'noe opisanie Kryma. *Izvestiia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii*, Simferopol, 1897, No. 3, pp. 36-64.
69. [Lashkov F. F.] Kameral'noe opisanie Kryma. *Izvestiia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii*, Simferopol, 1897, No. 4, pp. 32-45.
70. [Lashkov F. F.] Kameral'noe opisanie Kryma. *Izvestiia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii*, Simferopol, 1889, No. 8, pp. 12-40.
71. Levi-Babovich T. S. *Tri stranichki*. Sevastopol, 1926, 44 p.
72. Levi-Babovich T. S. *Ocherk vozniknoveniia karaimizma*. Sevastopol, 1913, 72 p.
73. Leper R. Kh. Raskopki na Mangupe v 1913 godu. *Izvestiia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii*, Simferopol, 1914, No. 51, pp. 297-300.
74. Leper R. Kh. Arkheologicheskie issledovaniia na Mangupe v 1912 godu: Vtoroe predvaritel'noe soobshchenie. *Izvestiia Imperatorskoi arkheologicheskoi komissii*, Moscow, 1913, vol. 47, pp. 73-79, 146-154.
75. Leper R. Kh. Soobshchenie Lepera R. Kh. o raskopkakh na Mangupe avgusta-sentiabria 1912 g. *Izvestiia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii*, Simferopol, 1913, No. 49, pp. 265-269.
76. Livanov F. V. *Chufut-kale (iudeiskaia krepost') v Krymu. S prisoedineniem maloissledovannoi eshche v Rossi sekty karaimov. Sostavleno i izdano dlia puteshestvennikov*. Moscow, 1874, 62 p.
77. Montandon K. *Putevoditel' puteshestvennika po Krymu, ukrashennyi kartami, planami, vidami i vin'etami i predvarennyi vvedeniem o raznykh sposobakh pereezda iz Odessy v Krym*. Simferopol, Krymskii Arkhiv Publ., 1997, 130 p.
78. Murav'ev-Apostol A. I. *Puteshestvie po Tavride v 1820 gode*. S-Petersburg, 1823.
79. Murzakevich N. N. Poezdka v Krym v 1836 godu. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniia*, S-Petersburg, 1837, vol. XIII, pp. 625-691.
80. [Murzakevich N. N.] Pis'ma pravitelia Tavricheskoi oblasti Vasiliia Vasil'evicha Kokhovskogo praviteliiu kantseliarii V. S. Popovu, dlia doklada Ego Svetlosti Kniaziiu Grigoriuu Aleksandrovichu Potemkinu-Tavricheskomu. *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostei*, Odessa, 1877, T. 10, pp. 235-361.
81. Muftizade I. Ocherk voennoi sluzhby krymskikh tatar s 1783 po 1889 god. *Izvestiia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii*, Simferopol, 1899, No. 30, pp. 1-24.
82. Nikol'skii P. V. *Bakhchisarai, Chufut-Kale, Salachik*. Simferopol, 1924, 50 p.
83. Nikol'skii P. V. *Bakhchisarai i ego okrestnosti: kul'turno-istoricheskie ekskursii*. Simferopol, 1927, 80 p.
84. [Orehov V. V.] Frantsuzhenka Omer de Gell' i ee puteshestvie po Krymu. *Istoricheskoe nasledie Kryma*, Simferopol, 2004, No. 8, pp. 183-215.
85. [Orehov D. V.] Voennye vospominaniia generala Montodona. *Istoricheskoe nasledie Kryma*, Simferopol, 2005, No. 11, pp. 73-81.
86. Pallas P. S. Puteshestvie v Krym v 1793 i 1794 godu. *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostei*, Odessa, 1881, T. 12, pp. 62-208.
87. Pallas P. S. *Nabliudeniia, sdelannye vo vremia puteshestviia po iuzhnym namestnichestvam Russkogo gosudarstva v 1793-1794 godakh*. Moscow, Nauka Publ., 1999, 246 p.
88. Peisonel' Sh., de. *Zapiska o Maloi Tatarii*. Dnepropetrovsk, Gerda Publ., 2009, 78 p.
89. Petrova E. B., Prokhorova T. A. *Krymskie puteshestviia: Sharl' Zhil'ber Romm. «Puteshestvie v Krym v 1786 g.»*. Simferopol, Biznes-Inform Publ., 2009, 168 p.
90. Protokol zasedaniia TUAk 30 ianvaria 1914 g. *Izvestiia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii*, Simferopol, 1914, No. 51, pp. 292-302.
91. Prokhorov D. A. Karaimskie molitvennye doma — kenasy — na territorii Rossiiskoi imperii v kontse XVIII — nachale XX vv.: istoriografiia voprosa. *Problemy garmonizatsii mezhetnicheskikh i mezkhkonnessional'nykh otnoshenii v Krymu*, Simferopol, 2009, pp. 118-159.
92. Prokhorov D. A. Khoziaistvennaia deiatel'nost' i osnovnye zaniatiia krymskikh karaimov v XIII-XVIII vv.: razvitiie remesel, promyslov i trgovli. *Bosporskie issledovaniia*, Simferopol, 2011, vol. XXV, pp. 213-241.
93. Prokhorov D. A. Zberezhennia istoriko-kul'turnoi ta arkhitekturnoi spadshchiny krims'kikh karaimiv: misto Chufut-Kale v konteksti rozvitku pam'iatkookhoronnoi spravi v Tavriiskii gubernii naprikintsi XIX — na pochatku XX st. *Sivershchina v istorii Ukraini*, Kiiv, Glukhiv, 2011, vol. 4, pp. 19-22.
94. Prokhorov D. A., Kizilov M. B. Chufut-Kale — «Iudeiskaia krepost'» v Krymu — kak ekskursionnyi ob'ekt v kontse XIX — nachale XX vv. (K probleme ispol'zovaniia pamiatnikov karaimskoi istorii i kul'tury). *Paralleli. Russko-evreiskii al'manakh*, Moscow, Dom Evreiskoi knigi Publ., 2009, No. 10-11, pp. 41-61.
95. Prokhorov D. A. K istorii vizitov chlenov imperatorskoi sem'i Romanovykh v «peshchernyi gorod» Chufut-Kale v XIX — nachale XX vv. Choref M. M. (Ed.), *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Kryma*, Sevastopol, Tiumen, 2014, pp. 273-299.
96. Prokhorov D. A. K probleme chislennosti i sotsial'noi differentsiatsii karaimskoi obshchiny Chufut-Kale v kontse XVIII veka. Konkin D. V., Khrapunov N. I. (Eds.), *Materialy k istorii Prichernomor'ia v Novoe vremia*, Simferopol, 2016, pp. 71-99.
97. Romm Zh. *Puteshestvie v Krym v 1786 g.* Leningrad, 1941, 79 p.
98. [Safonov S. V.] *Opisanie prebyvaniia imperatorskoi familii v Krymu v sentiabre 1837 goda*. Odessa, 1840, 83 p.
99. *Istoriia o Tavrii, chochinennaia na frantsuzskom iazyke Stanislavom Bogushem, preosviashchennym mitropolitom rimsko-katolicheskikh tserkvei v Rossii, arkhiepiskopom mogilevskim, predsedatel'stvuiushchim v Rimsko-katolicheskoi Dukhovnoi kollegii, Vilenskago i Moskovskago Imperatorskago universitetov, Sanktpeterburgskago ekonomicheskago obshchestva i Velikabritanskago o zemledelii chlenom i ordenov sv. apostola Andreia Pervozvannago, sv. Aleksandra Nevskago, sv. Anny I klassa, sv. Ioanna Ierusaliskago bol'shago kresta, belago orla i sv. Stanislava kavalerom*. S-Petersburg, 1806, T. 1.
100. Smirnov V. D. *Krymskoe khanstvo pod verkhovenstvom Ottomanskoi Porty v XVIII st.* Moscow, Rubezhi XXI Publ., 2005, 542 p.
101. Firkovich A. «Avne Zikkaron»: putevye zametki Avraama Firkovicha. *Karaimskaia zhizn'*, Moscow, 1911, vol. 5-6, pp. 82-87.

102. Sumarokov P. [I.] *Puteshestvie po vsemu Krymu i Bessarabii v 1799 g.* Moscow, 1800, 238 p.
103. Sumarokov P. I. *Dosugi krymskogo sud'i ili vtoroe puteshestvie v Tavridu.* S-Petersburg, 1805, vol. II, 244 p.
104. *Tarif o sbore poshlin s privoznykh i otvoznykh tovarov pri portakh Chernago moria.* S-Petersburg, 1776, 132 p.
105. Tatarchevskii A. Deiatel'nost' barona Totta v kachestva konsula v Krymu v 1767 godu. *Universitetskie izvestiia*, Kiev, Universitet Sv. Vladimira Publ., 1873, No. 10, pp. 1-24.
106. Tunkina I. V. *Otkrytie Feodosii: stranitsy arkheologicheskogo izucheniia Iugo-Vostochnogo Kryma i nachal'nye etapy istorii Feodosiiskogo muzeia drevnostei, 1771-1871.* Kiev, Bolero Publ., 2011, 237 p.
107. Chelebi E. *Kniga puteshestviia. Krym i sopredel'nye oblasti (Iz vlecheniia iz sochineniia turetskogo puteshestvennika XVII veka).* Simferopol, Dolia Publ., 2008, 185 p.
108. Chizhova L. V. Karaimy. Kozlov S. Ia., L. V. Chizhova (Eds.), *Tiurskie narody Kryma: Karaimy. Krymskie tatarsy. Krymchaki*, Moscow, 2003, pp. 12-135.
109. Fedorchuk A. B. Evreiskie nekropoli Kryma: istoriia issledovaniia i sovremennoe sostoianie. *Evroaziatskii evreiskii ezhegodnik — 5768 (2007/2008)*, Moscow, 2008, pp. 212-227.
110. Felitsyn E. D. Zapadno-Kavkazskie gortsy i nogaity v XVII stoletii po Peisoneliu. *Materialy dlia istorii Zapadno-Kavkazskikh gortsev. Traktat o torgovle na Chernom more. Kubanskii sbornik. Trudy Kubanskogo oblastnogo statisticheskogo komiteta, izdavaemye pod redaktsiei E. D. Felitsyna*, Ekaterinodar, 1891, T. 2, pp. 4-32.
111. Firkovich M. Ia. Poezdka v Mangup. *Karaimskoe slovo*, Vil'na, 1914, No. 7-8, pp. 8-10.
112. *Sbornik evreiskikh nadpisei iz Kryma, sodержashchikh nadgrobnye nadpisi iz Kryma i drugie nadpisi iz inykh mest, v drevnem evreiskom kvadratnom shrifte, takzhe i obraztsy shriftoy iz rukopisei ot IX-XV st. sobrannye i ob'iasnennye D. A. Khvol'sonom.* S-Petersburg, 1884, 528 p.
113. Khoets'kii E. *Spogadi z podorozhi po Krimu*, Simferopol, 2008, 384 p.
114. Khrapunov N. I. Krym v opisaniakh Redzhinal'da Khebera (1806 g.). *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol, 2008, vol. XIII, pp. 645-697.
115. Khrapunov N. I., Gin'kut N. V. Mat'iu Gatri i ego «Puteshestvie» v istorii Kryma. *Izvestiia Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki*, 2015, T. 145, No. 4, pp. 157-170.
116. Khrapunov N. I. Krymskie drevnosti glazami Edvarda-Dan'ela Klarka: ot arkheologii k ideologii. *Izvestiia Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki*, 2016, T. 18, No. 3(154), pp. 116-132.
117. Khronika. Raskopki. *Karaimskoe slovo*, Vil'no, 1913, No. 2, p. 16.
118. Chatskii T. Issledovanie o evreikh-karaitakh. *Severnyi arkhiv*, 1827, No. 6, pp. 97-111.
119. Shapira D. «Pesn' o Mangupe» 1793 goda: neizvestnyi istochnik po istorii karaimov Kryma. *Vestnik Evreiskogo universiteta*, 2002, No. 7(25), pp. 283-294.
120. Shapira D. Iitskhak Sangari, Sangarit, Betsalel' Shtern i Avraam Firkovich: istoriia dvukh poddel'nykh nadpisei. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol, 2003, vol. X, pp. 533-555.
121. Shapira D. Evrei v Severnom Prichernomor'e ot drevnosti do rannego Srednevekov'ia. *Istoriia evreiskogo naroda v Rossii: ot drevnosti do rannego Novogo vremeni*, Ierusalim, Moscow, Gesharim — Mosty kul'tury Publ., 2010. T. 1: Ot Drevnosti do rannego Novogo vremeni, pp. 13-43.
122. Shishkina O. *Zametki i vospominaniia russkoi puteshestvenitsy po Rossii v 1845 godu.* S-Petersburg, 1848, vol. II, 300 p.
123. [Shtern B.] Drevnie evreiskie kodeksy i drugie pamiatniki. *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostei*, 1844, T. 1, pp. 640-649.
124. Iakobson A. L. *Srednevekovyi Krym. Ocherki istorii i istorii material'noi kul'tury.* Moscow, Leningrad, Nauka Publ., 1964, 232 p.
125. Alexander J. E. *Travels to the Seat of War in the East, through Russia and the Crimea, in 1829.* London, 1830, vol. I, 308 p.
126. Ankori Z. *Karaites in Byzantium: The Formative Years, 970-1100.* New York, Jerusalem, 1959, 546 p.

127. Clarke E. D. *Travels in Russia, Tartar and Turkey.* Edinburgh, 1839, 140 p.
128. *Voyage dans la Russie Meridionale et la Crimée par la Hongrie, la Valachie et la Moldavie, execute en 1837, par Mr. Anatole de Demidoff.* Paris, MDCCCXLI (1841), 621 p.
129. Guthrie M. *A tour, performed in the years 1795-1796, through the Taurida, or Crimea, the ancient kingdom of Bosphorus, the once-powerful republic of Tauric Cherson, and all the other countries on the north shore of the Euxine, ceded to Russia by the peace of Kainardgi and Jassy.* London, 1802, 448 p.
130. Elliott C. B. *Travels in the three great empires of Austria, Russia, and Turkey.* London, 1838, vol. I, 467 p.
131. von Haxthausen A. *Studien über die inneren Zustände, und das Volksleben un insbesodere die landlichen Einrichtungen Russlands.* Hannover, 1847, Bd. II, 584 p.
132. Henderson E. *Biblical Researches and Travels in Russia: Including a Tour in the Crimea and the Passage of the Caucasus.* London, 1826, 214 p.
133. Kizilov M. Crimean Karaites in the Polish Travellers' Portrayal. *Studia Orientalia*, 2001-2002, vol. 95, pp. 34-46.
134. Kizilov M. Karaite Communities of Chufut-Kale and Mangup: History and Topography of the Settlements. Polliack M. (Ed.), *Karaite Judaism. A Guide to Its History and Literary Sources*, Leiden, Brill Publ., 2003, pp. 759-787.
135. Kizilov M. The Karaites of the Crimea through the Travelers' Eyes. Polliack M. (Ed.), *Karaite Judaism. A Guide to Its History and Literary Sources*, Leiden, Brill Publ., 2003, pp. 789-818.
136. Kohl J. G. *Reisen in Inneren von Rußland und Polen mit einem Titelkupfer und einem Plane von Moskau.* Dresden, Leipzig, 1841, T. 2, 270 p.
137. Miller P. *Karaite Separatism in Nineteenth-Century Russia.* Cincinnati, Hebrew Union College Press, 1993, 252 p.
138. Pallas. *Observations faites dans un voyage dans les gouvernements méridionaux de l'empire de Russie dans les années 1793 et 1794.* Leipzig, 1799, T. 1, XXXII, 438 p.; 1801, T. 2, XVI, 452 p.
139. Peyssonnel Claude-Charles, *de Traité sur le commerce de la mer Noire.* Paris, 1787, T. I, 340 p.
140. Peyssonnel Claude-Charles, *de Traité sur le commerce de la mer Noire.* Paris, 1787, T. II, 377 p.
141. Remu F. *Die Krim in ethnographischer Landschaftlicher und hygienischer Beziehung.* Odessa, Leipzig, 1872, 244 s.
142. Shapira D. A Karaim Poem in Crimean-Tatar from Mangup. A New Source for Jewish Turkish History. *Turkish-Jewish Encounters / Studies on Turkish-Jewish Relations Throughout the Ages*, Haarlem, 2001, pp. 79-98.
143. Shapira D. Remarks on Abraham Firkovicz and the Hebrew Mejelis «Document». *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae*, 2006, vol. 59:2, pp. 131-180.

Прохоров Д. А.

Некоторые дискуссионные вопросы истории иудейской общины Мангупа: к проблеме переселения караимов в конце XVIII — начале XIX вв.

Резюме

В статье предпринят обзор литературы и источников, содержащих сведения о караимской общине Мангупа в конце XVIII — первой половине XIX вв. В частности, были рассмотрены сведения, приведенные в записках путешественников, в разное время посетивших Крымский полуостров. Кроме того, проанализированы специализированные издания по указанной теме, включая труды авторов дореволюционного и советского периодов, а также современная академическая литература по этому вопросу. Выявлены и изучены документы, хранящиеся в фондах Государственного казенного учреждения Республики Крым «Государственный архив Республики Крым», при этом часть из них впервые введена в научный оборот. В указанных материалах нашли отражение факты об исходе караимов с плато Мангупа в 1790-х гг. и об их переселении в другие города Крымского полуострова.

Сделан вывод о том, что караимская община Мангупа перестала существовать в конце XVIII в., а ее члены были вынуждены переселиться в другие регионы полуострова, что произошло не без участия представителей крымскотатарского дворянства. Однако миграция не

носила массового характера и осуществлялась она не одновременно. Архивные документы позволяют сделать вывод о том, что часть мангупской общины влилась в общину Чуфут-Кале еще до 1790 г.; что касается остальной части мигрантов, то они переселились в период с 1792 по 1796 г. Впоследствии мангупские караимы осели в Бахчисарае, Евпатории, Симферополе, Одессе, Херсоне и других городах Российской империи.

Ключевые слова: Крым, Мангуп, Чуфут-Кале, караимы, крымские татары, переселение.

Prokhorov D. A.

**Several Disputable Aspects in the History of the Jewish Community at Mangup:
On the Problem of the Karaites' Resettlement in the Late Eighteenth
and Early Nineteenth Centuries
Summary**

This article provides a review of primary sources and secondary literature containing accounts of the Karaite community at Mangup in the late eighteenth and the first half of the nineteenth century. Particularly, the analysis envelopes the information of travelogues by visitors of the Crimean Peninsula in different times. Besides, the subject of research were the special publications on the aspect in question, including those written in the Pre-Revolution and Soviet Periods, as well as modern scholarship on the problem. The documents stored in the collection of the State Archives of the Republic of the Crimea have been identified and studied, and some of them were introduced into the scholarship for the first time. These materials reflect the exodus of the Karaites from Mangup plateau in the 1790s and their resettlement to other cities in the Crimean Peninsula.

The conclusion is that the Karaite community of Mangup ceased to exist in the late eighteenth century, and its members had to move to other regions in the Crimea Peninsula, the process developing with a participation of representatives of the Crimean Tatar nobility. However, this migration was not large-scale nor simultaneous. Archival documents allow us to conclude that a part of the Mangup community merged into the Chufut-Kale community even before 1790; other migrants left Mangup in 1792-1796. Later on, the Karaites of Mangup settled in Bakhchisarai, Evpatoriia, Simferopol, Odessa, Kherson and other cities and towns of the Russian Empire.

Keywords: Crimea, Mangup, Chufut-Kale, Karaites, Crimean Tatars, resettlement.

Приложение

Таблица 1.

**Из городской раскладочной книги выплат с городских сумм
по взысканию с купцов и мещан г. Бахчисарая.
Списки представителей караимской общины купеческого
и мещанского сословия на 1801 г.**

№	Купцы	Уплачено процентов с капитала (руб.)
1	2	3
	2-й гильдии	
1.	Купец Вениамин Ага	24 руб.
	3-й гильдии	
2.	Авраам Ага	6 руб.
3.	Авраам Шапшал	6 руб.
4.	Авраам Иринчек [Эринчек] ¹	4 руб.
5.	Авраам Прик	3 руб. 20 коп.
6.	Авраам Бебеш	18 руб.
7.	Авраам Аронович	18 руб.
8.	Авраам Исакович	10 руб.
9.	Авраам Моши	14 руб.
10.	Авраам Эгиз Бута	6 руб.
11.	Авраам Келфе [Кальфе]	4 руб.
12.	Арон Борохович	6 руб.
13.	Арон Мангюбу [Мангуби]	14 руб.
14.	Арон Келфе [Кальфе]	3 руб. 20 коп.
15.	Ильяго Сарибан	3 руб.
16.	Ильяго Кокей	2 руб. 40 коп.
17.	Ильяго Фуки	20 руб.
18.	Ильяго Шоер ²	4 руб.
19.	Ильяго Апак	6 руб.
20.	Ильяго Шакай	4 руб. 80 коп.
21.	Илья Черкез	8 руб. 80 коп.
22.	Ильязер Самойлович	14 руб.
23.	Вениамин Мошевич <Мандубу>	4 руб. 80 коп.

¹ Здесь и далее в квадратных скобках приведена предполагаемая фамилия.

² Шоер, Шоэр — предположительно, восходит к аббревиатуре «шохет ве-ров» — резник, обученный законам ритуального убоя скота.

Продолжение таблицы 1.

1	2	3
24.	Береха Дерзи и брат Сомоил [Шамоил]	2 руб.
25.	Вениамин Хотадж [Ходжаш]	2 руб.
26.	Бераха Шекерджи	2 руб. 40 коп.
27.	Бераха Хожашевич ³	3 руб. 20 коп.
28.	Хаджи Борох	4 руб.
29.	Давид Майто<п>	6 руб.
30.	Гелель Келфе с братом	28 руб.
31.	Юсуф С<и>мович Курчу	6 руб.
32.	Юсуф Келфе [Кальфе]	16 руб. 80 коп.
33.	Юсуф из Бута [Бутович] ⁴	12 руб.
34.	Юсуф Садукович ⁵	2 руб.
35.	Юсуф Шекерджи	8 руб.
36.	Юсуф Ходжашев ⁶	4 руб. 80 коп.
37.	Юсуф Уксюз [Оксюз]	4 руб.
38.	Юсуф Шегерджиив ⁷	4 руб. 80 коп.
39.	Юда Шоер	12 руб.
40.	Юда Борохович	3 руб. 20 коп.
41.	Юфуда Болек	1 руб. 20 коп.
42.	Юфуда Каракоз	2 руб.
43.	Юфуда Азарьевич	7 руб. 20 коп.
44.	Юфуда Яковлевич	2 руб.
45.	Юфуда Дебен	3 руб. 20 коп.
46.	Юфуда Кефели	10 руб.
47.	Юфуда Бабович	10 руб.
48.	Исаак Азарьевич	14 руб.
49.	Исаак Каракаш	22 руб.
50.	Аджи Исаак	20 руб.
51.	Исаак Баккал	3 руб. 20 коп.
52.	Исаак Келфе [Кальфе]	14 руб.

³ Вениамин Ходжаш (см. выше) был пятым сыном караимского купца 3-й гильдии Чуфут-Кале Ефита Ходжаша, а Бераха Ходжашевич — его старшим сыном.

⁴ Бута, Бутович — караимская фамилия, означающая «обрезчик деревьев».

⁵ Юсуф Садукович являлся третьим сыном чуфут-кальского купца 3-й гильдии Исаака Садукова.

⁶ Юсуф Ходжаш — четвертый сын чуфут-кальского купца 3-й гильдии Ефета Ходжаша.

⁷ Юсуф Шекерджи — старший сын чуфут-кальского купца 3-й гильдии Якова Шекерджи.

Продолжение таблицы 1.

1	2	3
53.	Исаак Фуки	14 руб. 80 коп.
54.	Исаак Черкес	16 руб.
55.	Исаак Булек [Болек]	4 руб. 80 коп.
56.	Яков Коген ⁸	8 руб.
57.	Яков Юсуфович	8 руб.
58.	Яков Бутович	6 руб.
59.	Яков Шюломиевич	12 руб.
60.	Яков Шекерджи	6 руб.
61.	Яков Урак [Эрак]	4 руб.
62.	Ефет Майтоп ⁹	14 руб.
63.	Мордохей Коген	13 руб.
64.	Мордохай Шоер	5 руб. 60 коп.
65.	Мортхай Бебеш	18 руб.
66.	Мордохай Тюджеш [Тотеш?]	18 руб.
67.	Мортхай Арабаджи	2 руб. 40 коп.
68.	Мортхай Борохович	4 руб. 80 коп.
69.	Мортхай Джегерсиз	6 руб.
70.	Мортхай Келфе [Калфе]	12 руб.
71.	Мортхай Боден [Боденэ]	8 руб.
72.	Мортхай Борохович	7 руб. 20 коп.
73.	Мортхай Сарибан	3 руб. 20 коп.
74.	Моше Садукович	6 руб.
75.	Моше Челеби	8 руб.
76.	Моше Зурна	4 руб.
77.	Моше Мангубу	16 руб.
78.	Моше Кефеле с братом	46 руб.
79.	Моше Борохович	4 руб. 80 коп.
80.	Моше Каракоз	10 руб.
81.	Нагаму Леви	16 руб.
82.	Новах Коген ¹⁰	16 руб.
83.	Новах Ходжашевич	5 руб.

⁸ Яков Коген Симович, чуфут-кальский купец 3-й гильдии.

⁹ Ефет Майтоп — один из трех сыновей чуфут-кальской купчихи, вдовы Ханыш Баба Майтоповой.

¹⁰ Нова Коген Чауш — чуфут-кальский купец 3-й гильдии.

Продолжение таблицы 1.

1	2	3
84.	Азар<ь>я Кай [Кайлу]	44 руб.
85.	Паша Каракаш	2 руб.
86.	Паша Кай [Кайлу]	2 руб.
87.	Саду<к> Синан<и>	40 руб.
88.	Саду<к> Борохович	38 руб.
89.	Садук Новагович ¹¹	2 руб.
90.	Ильмо Иигиз [Эгиз]	2 руб. 40 коп.
91.	Шелеме Ельевич [Ильевич]	18 руб.
92.	Шелеме Азарьевич	7 руб. 20 коп.
93.	Шелеме Башти	2 руб.
94.	Шелеме Сарибан	3 руб. 20 коп.
95.	Шелеме Шакай	2 руб. 80 коп.
96.	Шемуил Тютеш	6 руб.
97.	Шемуил Коген	6 руб. 40 коп.
98.	Шемуил Сарибан	4 руб.
99.	Шемуил Якович	14 руб.
100.	Шумаил Белек [Болек] ¹²	4 руб. 80 коп.
101.	Шумаил Абрамович	4 руб.
102.	Шумаил Каракоз	8 руб.
103.	Шумаил Кокеген [Кокей? Коген?]	3 руб. 20 коп.
104.	Шумаил Кефеле	4 руб.
105.	Шумаил Вениаминович	2 руб.
106.	С<и>ма Шомойлович	2 руб.
107.	С<и>ма Туршу	3 руб. 20 коп.
108.	С<и>ма Апак	10 руб.
109.	Шемарья Коген	4 руб.
	С купцов	Всего: 997 руб. 00 коп.

¹¹ Садук Новагович — второй сын чуфут-кальского купца 3-й гильдии Нова Коген Чауша.
¹² Шумаил Якович по прозвищу «Белек» — четвертый сын чуфут-кальского купца 3-й гильдии Юды Авраамовича Баккала.

Продолжение таблицы 1.

№	Мещане	Уплачено подушного налога и окладных сборов
1	2	3
1.	Авраам Коселе ¹³	10 руб.
2.	Авраам Комук	1 руб. 20 коп.
3.	Авраам Сапак	1 руб. 60 коп.
4.	Авраам Капон	1 руб. 20 коп.
5.	Авраам Чорев [Чореф]	1 руб. 20 коп.
6.	Авраам Саускан	1 руб. 20 коп.
7.	Авраам Бабаджан	1 руб. 20 коп.
8.	Авраам Айталык	3 руб. 20 коп.
9.	Авраам Комашев [Комеч]	1 руб. 20 коп.
10.	Ильяго Кокей	2 руб. 40 коп.
11.	Ильяго Ферик	2 руб.
12.	Ильяго Юде	1 руб. 20 коп.
13.	Ильяго Танагоз	4 руб.
14.	Ильяго Пандул	1 руб. 20 коп.
15.	Ильяго Тинтияк [Тинкаяк]	3 руб. 20 коп.
16.	Илья Бурче	1 руб. 20 коп.
17.	Илья Прик	1 руб. 20 коп.
18.	Илья Чумак	2 руб. 40 коп.
19.	Илья Саускан	4 руб.
20.	Илья Тиз Бабаши	1 руб. 20 коп.
21.	Илья Езер [Элиезер] Бурче	2 руб. 40 коп.
22.	Илья Езер [Элиезер] Кокей	2 руб.
23.	Илья Фундук	14 руб.
24.	Авшалом Алач	1 руб. 20 коп.
25.	Вениамин Колпакче [Колпакчи]	8 руб.
26.	Вениамин Черев [Чореф] с братом	2 руб.
27.	Вениамин Ерак [Эрак]	2 руб.
28.	Береха Синанович	3 руб. 20 коп.
29.	Береха Шуле	3 руб. 20 коп.

¹³ 68-летний Авраам Коселе с женой Арзу, жительствовавшие в Чуфут-Кале, по итогам ревизии 1796 г. за неимением капитала были включены в мещанское сословие.

Продолжение таблицы 1.

1	2	3
30.	Юсуф Сим Казан [Сиказан]	6 руб.
31.	Юсуф Челтек	1 руб. 20 коп.
32.	Юсуф Черкес	2 руб.
33.	Юсуф Казаз	1 руб. 60 коп.
34.	Юсуф Апакай	2 руб.
35.	Юсуф Капон	2 руб.
36.	Юсуф Бузов	2 руб. 40 коп.
37.	Исак Татиточ [Таткуч]	1 руб. 20 коп.
38.	Исак Мерта	2 руб.
39.	Исак Уванай	11 руб. 20 коп.
40.	Исак Борючук	1 руб.
41.	Яков Уксюс [Оксюз]	12 руб.
42.	Яков Майтоп	1 руб. 20 коп.
43.	Яков Кокенай	1 руб. 20 коп.
44.	Ешов [Иешуа] Икителли [Якутелевич]	1 руб. 20 коп.
45.	Тоштамыш [Тохтамыш]	1 руб. 20 коп.
46.	Ефет Айтеуг [Айтолы? Аксуяк?]	4 руб. 80 коп.
47.	Ходжаш Мангубю	2 руб.
48.	Мортхай Дюлгек [Бембек?]	1 руб. 20 коп.
49.	Мортхай Бембек	1 руб. 60 коп.
50.	Мортхай Култе	4 руб.
51.	Мортхай Капон	3 руб. 20 коп.
52.	Моше Ильевич	3 руб. 20 коп.
53.	Моше Шишман	3 руб. 20 коп.
54.	Моше Черев [Чореф]	1 руб. 20 коп.
55.	Моше Балчи	1 руб.
56.	Минеш Терие	1 руб. 20 коп.
57.	Баба Бондар	2 руб.
58.	Баба Алач	2 руб.
59.	С<и>нан Бырю [Борю]	3 руб. 20 коп.
60.	Эзра Бырючук [Борючук]	1 руб. 20 коп.
61.	Эзра Бырю [Борю]	6 руб.
62.	Садук Чапчакчи	3 руб. 20 коп.
63.	Шолеме Фонарлы	1 руб.

Окончание таблицы 1.

1	2	3
64.	Шолеме Сараф	4 руб. 20 коп.
65.	Шолеме Леви	4 руб.
66.	Шолеме Джанбулат	1 руб.
67.	Шолеме Коген	3 руб. 20 коп.
68.	Шумуил Эмельдеш	6 руб.
69.	Шумаил Ичачик [Иналджик]	8 руб.
70.	Шумуель Пыгыт [Пигит]	7 руб. 20 коп.
71.	Шумаил Караджа	1 руб. 20 коп.
72.	Шумаил Танагоз	1 руб. 20 коп.
73.	Шумаил Танкаяк	1 руб. 20 коп.
74.	Шумаил Таз Бабаши	3 руб. 20 коп.
75.	Шумаил Табах [Таббах]	1 руб. 20 коп.
76.	Шумаил Бурназ	1 руб. 20 коп.
77.	Шумаил Култе	1 руб.
78.	С<и>ма Шишман	2 руб.
79.	С<и>ма Шуле	2 руб.
80.	С<и>ма Егер	2 руб.
81.	С<и>ма Кумаш [Кумач]	2 руб. 80 коп.
82.	С<и>ма Шергене	2 руб.
83.	С<и>ма Кефели	4 руб.
84.	С<и>ма Кома с братом	1 руб. 20 коп.
85.	Шумалак Бурназ	3 руб. 20 коп.
86.	Шебетай Чичаджик (Чичекчи)	1 руб. 60 коп.
87.	Шемарья Пурак с братом	1 руб. 20 коп.
	С мецан	235 руб. 20 коп.
	Всего	1232 руб. 20 коп.

ГКУ РК ГАРК. Ф. 489. Оп. 1. Д. 100. Л. 17–21. Подлинник.

А. В. ШАМАНАЕВ

ОХРАНА АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ МАНГУПА
В КОНЦЕ XVIII — НАЧАЛЕ XX вв.

В настоящее время особое место в системе археологического знания занимают разработки по истории археологической науки. Интерес к этому направлению сформировался на основе историографических штудий. Начиная с 1950-х гг. внимание исследователей, первоначально сфокусированное на проблемах развития теории и методов археологии, постепенно стало распространяться и на вопросы истории академических институций, практик, биографий ученых [50, р. 5-17]. В отечественной традиции также можно наблюдать переход от эпизодического интереса к масштабному изучению истории археологической науки, произошедший на рубеже XX-XXI вв. [14, с. 5-17; 16, с. 24-25; 33, с. 7-10; 42]. По мнению исследователей, историю отечественной археологии сейчас можно рассматривать как сформировавшуюся научную субдисциплину [16, с. 24; 41, с. 7-8]. Представляется целесообразным рассматривать в рамках этого направления становление и развитие принципов и практик охраны памятников археологического наследия [15].

Мангупское городище, самый большой по площади и один из наиболее изученных памятников среди группы «пещерных городов» Юго-Западного Крыма, давно привлекает внимание исследователей. История изучения этого сложного архитектурно-археологического комплекса в последнее время хорошо представлена в работах А. Г. Герцена, В. Е. Науменко и А. А. Душенко [7, с. 89-102; 24]. Значительно меньше уделялось внимания вопросам организации охраны мангупских древностей в конце XVIII — начале XX вв. [46].

Сочинения путешественников XVI-XVII вв., лично посетивших Мангуп, позволяют говорить о постепенной деградации городской жизни и признаках разрушения архитектурных объектов на территории городища уже в это время. Так, Мартин Броневский, осмотревший город в 1578 г., выделил несколько функционировавших здесь зданий (цитадель, христианские храмы) и отметил, что «прочее все приведено в ужасное разорение и забвение». Он упомянул, что в «греческих» церквях сохранились изображения (фрески?), которые были им интерпретированы как портреты представителей прежней правящей династии [5, с. 343-344]. По словам Мартина Броневского, главным фактором разрушения городских построек был катастрофический пожар в конце XV в. [5, с. 343].

Подробное описание Мангупа оставил турецкий путешественник XVII в. Эвлия Челеби (1611-1679/1682), посетивший памятник в 1666-1667 гг. По его словам, все население города в это время проживало в нескольких «иудейских кварталах». Эвлия Челеби видел хорошо сохранившиеся крепостные стены с семью башнями, цитадель, несколько культовых сооружений, дворец, который использовался как арсенал [48, с. 75-80].

В конце XVIII в. Крым вошел в состав Российской империи. Древности Мангупа быстро привлекли внимание отечественных и иностранных исследователей,

любителей старины, что способствовало их интеграции в формирующуюся в стране систему охраны национального культурного достояния.

П. С. Паллас (1741-1811), посетивший Крым в 1793-1794 гг., застал Мангуп уже безлюдным, крепостные стены на некоторых участках были разрушены; кроме нескольких домов, на плато можно было увидеть цитадель и мечеть. Две церкви, вероятно, описанные еще Мартином Броневским, в конце XVIII в. представляли собой руины. Однако П. С. Паллас отметил, что в одном из храмов сохранились остатки фрески, в том числе, изображение Богоматери [29, с. 63-65].

Стоит отметить, что русские путешественники конца XVIII — начала XIX вв. не проявили большого интереса к древностям Мангупа. Некоторое внимание памятнику уделит П. И. Сумароков (1767-1846). Из его описания можно заключить, что плато было полностью покрыто лесом — «большое же частью приморскою сосною», город был необитаем, а его постройки в основном разрушены [38, с. 45-46]. Более подробную информацию о состоянии памятника содержат записки Э. Д. Кларка (1769-1822). Он увидел городище практически в том же состоянии, что и П. С. Паллас: местами сохранившиеся крепостные стены, руины церквей и общественных зданий, ворота цитадели (дворца?), множество пещер. Нужно подчеркнуть, что Э. Д. Кларк, неоднократно подчеркивавший на страницах своей книги пренебрежительное отношение русских к древностям, указал на удивившее его хорошее состояние памятника [45, с. 607; 49, р. 278-281].

В начале 1820-х гг. объекты исторического наследия Крыма привлекли внимание правительства, что привело к разработке указа 1822 г. «О сохранении памятников древности в Крыму». Обстоятельства подготовки этого нормативного акта подробно изложены в научной литературе [32, с. 350-351; 39, с. 363-403; 41, с. 76-83; 43].

В марте 1820 г. Е. Е. Кёлер (1765-1838), привлеченный Академией наук в качестве специалиста по крымским древностям, подготовил информационную записку, в которой изложил собственные представления на перспективы деятельности по охране памятников старины на полуострове. Проект Е. Е. Кёлера представляет большой интерес, так как характеризует этап становления законодательных основ охраны историко-культурного наследия в России. Важно отметить, что ученый подразделил памятники на недвижимые («памятники архитектуры») и движимые («подающие для древней истории особенное объяснение»). Это деление обуславливалось, по его мнению, необходимостью разных подходов к принципам и формам охраны. К сожалению, эти принципы практически не отразились в указе 1822 г., в котором основное внимание уделялось архитектурным сооружениям. Необходимо обратить внимание на то, что Е. Е. Кёлер широко определял хронологические рамки недвижимых объектов, подлежащих защите, включив в их число как античные, так и средневековые («генуэзские, турецкие и татарские») постройки. Среди последних были названы «красивые и огромные развалины крепости Мангуп». По мнению Е. Е. Кёлера, эти памятники не нуждались в полном восстановлении, а охранные мероприятия должны были заключаться в предотвращении их дальнейшего разрушения [39, с. 327-377].

После возвращения из командировки в Крым для осмотра памятников на месте, Е. Е. Кёлер представил Академии наук рапорт от 23 ноября 1821 г., к которому прилагались списки объектов, «которых сохранение должно быть поручено губернаторам и местному начальству в Крыму» и тех, которые предполагалось зарисовать для издания, посвященного древностям полуострова [39, с. 384-392]. Первый перечень включает 32 памятника, в том числе «все что принадлежит к укреплениям и развалинам Манкупа» [39, с. 387-388].

В своем донесении Е. Е. Кёлер особо выделил восемь памятников, включая Мангуп, на которых следовало осуществить экстренные охранные меры за счет казны. На основании заключения архитектора Э. Паскаля (1791-1861/1864?) общая сумма затрат на ремонтно-реставрационные работы была оценена Е. Е. Кёлером в 41000 руб., из которых для Мангупа предназначалось 500-600 руб. (около 1,5% от всей сметы). Вероятно, масштабной деятельности на этом памятнике не предполагалось. К примеру, расходы на ремонт крепости в Судаке были оценены в 1000 руб. (2,4% от общей суммы сметы), на реставрацию руин Чембало в Балаклаве — в 7000 руб. (17%) [39, с. 384-385].

К сожалению, в самом указе «О сохранении памятников древности в Крыму» от 4 июля 1822 г. предложения Е. Е. Кёлера были существенно ограничены. Правительство выделило только 10000 руб. (24% от всей сметы). Кроме того, предписывалось уделять приоритетное внимание постройкам «греческим» (античным) и «генуэзским» (средневековым), а сооружения татарские и турецкие признавались менее ценными. Мангуп, считавшийся тогда итальянской крепостью, был включен в число объектов, для сохранения которых выделялись казенные средства. Идея Е. Е. Кёлера о назначении специального чиновника для регулярной покупки случайных археологических находок поддержки не получила [30, с. 422-423].

Подготовку издания рисунков исторических памятников Крыма Академия наук признала относящимся к сфере компетенции Академии художеств. К сожалению, попытка реализовать этот проект также оказалась неудачной [43, с. 210-211].

В июне 1822 г., еще до официального утверждения указа о сохранении крымских памятников, Таврический гражданский губернатор Н. И. Перовский (1785-1858) начал собирать сведения о том, в каком состоянии и чьей собственности находятся древности, осмотренные Е. Е. Кёлером. В частности, выяснилось, что территория Мангупа является частной собственностью отставного подполковника Адиль бей Балатукова. Позже, для исполнения правительственного распоряжения, Н. И. Перовский поручил чиновнику особых поручений при таврическом губернаторе А. Я. Фабру (1789-1863) и феоdosийскому городскому архитектору Коробицину сделать подробные описания, рисунки и подготовить сметы на проведение работ на ряде памятников, в том числе Мангупе [35, с. 40-41].

Положения указа 1822 г. не были реализованы. Средства, выделенные из казны (10000 руб.), несколько лет оставались без употребления и впоследствии были направлены генерал-губернатором Новороссийского края М. С. Воронцовым (1782-1856) на обустройство музеев древностей в Одессе и Керчи [39, с. 367; 43, с. 210].

В 1826 г. правительство попыталось организовать сбор сведений о памятниках архитектуры, одновременно наложив запрет на разрушение выявленных объектов. Кроме того, указ предписывал поручить губернским и городским архитекторам снять планы и выполнить рисунки фасадов старинных построек [31; 32, с. 355]. Таврический гражданский губернатор Д. В. Нарышкин (1792-1831), получив в 1827 г. соответствующий циркуляр из министерства внутренних дел, направил запросы исправникам и городничим. Однако, за исключением карасубазарского пристава и евпаторийского городничего, большинство этих должностных лиц ответили, что «во вверенных им городах и уездах никаких древних замков или зданий не состоит». Тем не менее, подготовленное губернатором донесение министру внутренних дел содержало сведения о 25 крымских памятниках, включая Мангуп [18, с. 285-287; 35, с. 44-53].

В 1830-1840-х гг. министерство внутренних дел предприняло еще несколько попыток получить информацию из губерний о наличии в них памятников старины. На такой запрос 1837 г. Таврический губернатор ответил, что полные сведения о древно-

стях на вверенной ему территории содержатся в «Крымском сборнике» П. И. Кеппена (1793-1864). Однако в 1843 г. министр внутренних дел Л. А. Перовский (1792-1856) вновь потребовал от губернатора «доставить точные и подробные сведения обо всех монастырях, церквях, замках, домах, водопроводах, мостах, развалинах стен, остатках древних дорог и других памятниках древности». Кроме перечня объектов с указанием их местоположения министр указал на желательность приложения рисунков и исторических сведений или преданий с ними связанных. Исполнение данного поручения было возложено на служащего Симферопольского окружного управления государственных имуществ И. Г. Ильина, уже выполнявшего работу по составлению медико-топографического описания губернии.

В 1844 г. И. Г. Ильин совершил поездку по Крыму за счет казны. В донесении губернатору сообщил, что на Мангупе остатки оборонительных сооружений и руины построек жители окрестных деревень разбирают для получения строительного материала. И. Г. Ильин предложил произвести археологические раскопки на нескольких памятниках и опубликовать их результаты в «Истории Таврии и народов обитавших ее». Этот труд должен был включать отдельные главы, посвященные описанию древностей, характеристике их современного состояния, а также атлас рисунков. К сожалению, и этот проект остался на бумаге. В министерство внутренних дел поступил только отчет о финансовых затратах И. Г. Ильина на его поездку по полуострову [36, с. 90-92].

Отсутствие государственного учета памятников древности делало главным источником информации об этих объектах труды ученых-путешественников. Таким образом, значение таких публикаций, как своего рода реестров объектов историко-культурного наследия, сохранялось в течение всего XIX в. Особенно важную роль выполняли труды историков и археологов, обследовавших крымские древности в 1820-1870-х гг. — П. И. Кеппена, Н. Н. Мурзакевича (1806-1884), В. Х. Кондраки (1834-1886) и др. [13; 23; 25, с. 13-92].

Путевые заметки И. М. Муравьева-Апостола (1762-1851), побывавшего на Мангупе в 1820 г., в описательной части почти не содержат дополнительных, по сравнению с трудами путешественников конца XVIII — начала XIX вв., сведений о состоянии памятника. Большой интерес представляет лишь «Глазомерный план Мангупа», не вполне точный, но дающий общее представление о расположении объектов на городище [22, с. 184-185].

Н. Н. Мурзакевич, совершивший путешествие по Крыму в 1836 г., писал, что эпиграфические древности Мангупа в начале XIX в. были вывезены «странствовавшими поляками: князем Сапегою и графом Потоцким». Также он обратил внимание на роль природных процессов, влиявших на состояние архитектурных объектов. Например, он указал, что «время и напор горной воды совершенно уничтожили середину стены» рядом с караимским кладбищем [23, с. 644].

В 1830-х гг. подробные описания памятников Мангупа выполнили Ф. Дюбуа де Монпере (1798-1850), П. И. Кеппен, И. С. Андриевский [3; 8, с. 253-258; 13, с. 261-290]. Эти авторы, дополняя друг друга, зафиксировали множество деталей о состоянии объектов городища. Кроме того, они широко использовали сочинения предшественников, что позволило сформировать целостное представление об источниках по истории Мангупа.

С середины 1830-х гг. информация о мангупских достопримечательностях стала неотъемлемой частью большинства путеводителей по Крыму. Автор первой подобного рода книги, Ш. Монтадон (1834 г.), счел нужным включить Мангуп в число мест, достойных посещения путешественников на полуострове [20, с. 181-182].

М. А. Сосногорова (1821-1891) и ее соавторы Е. Л. Марков (1835-1903) и Г. Г. Москвич (1860-1942) отмечали красоту видов и наличие на городище интересных и хорошо сохранившихся архитектурных объектов [19, с. 382-390; 21, с. 137-138; 34, с. 180-182]. Популярности памятника у любителей древностей конца XIX в. способствовала публикации специальных руководств для его посещения А. Н. Попова и Н. П. Никольского [6, с. 116-126; 26]. В иллюстрированном обзоре империи «Живописная Россия» подчеркивалось, что Мангуп является одним из наиболее интересных «пещерных городов» Крыма [9, с. 254-255].

С середины XIX в. началось научно-археологическое изучение памятников Мангупа. В 1853 г. первые раскопки на городище провел А. С. Уваров (1825-1884). По мнению А. А. Формозова (1928-2009), методический уровень исследований основателя Московского археологического общества соответствовал представлениям того времени, но объективно был низким, ориентированным на получение артефактов, а не целостного представления об археологическом комплексе [7, с. 93; 44, с. 233-235].

В 1886 г. А. Л. Бертъе-Делагард (1842-1920) в статье, посвященной изучению «пещерных городов» Крыма, наметил перспективы их дальнейших исследований. Прежде всего, он обратил внимание на неудовлетворительные для научных целей описания памятников в трудах ученых конца XVIII — первой половины XIX вв. Более того, он указал, что «что помимо точных описаний необходимы и точные чертежи, настолько точные, чтобы по ним всегда можно было возобновить то, что на них нанесено; обладая такими чертежами, не так обидно будет неминуемое постепенное разрушение и исчезание древностей, о чем мы теперь так часто жалуем, не зная впрочем точно, действительно ли было то, о чем сожалеем и еще менее зная, заслуживает ли оно сожаления; чем были древние остатки мы знаем только по нескольким сомнительным словам наших предшественников, не то было бы, оставь они нам чертежи. Я употребляю слово чертежи, прибавлю строительные, а не рисунки, не картинки» [4, с. 167-168]. Такие работы требовали специалистов, финансирования и административной поддержки. Предоставить все это не смогли ни государство, ни научно-археологические общества.

Хорошо документированные раскопки на трех участках городища осуществил в 1890 г. Ф. А. Браун (1862-1942). Экспедицию финансировала Императорская Археологическая Комиссия (ИАК). Важно отметить, что к отчету исследователь приложил 19 фотоснимков, сделанных в процессе полевых работ. В то время практика фотофиксации процесса исследования памятников еще редко использовалась археологами [40, с. 476-478]. Так, например, на XIII Всероссийском археологическом съезде в Екатеринославе (1905 г.) широкое применение фототехники в полевых условиях рассматривалось как новаторский подход [1, с. 222-223; 2, с. 229-230].

В 1912-1914 гг. заведующий раскопками Императорской Археологической Комиссии в Херсонесе Р. Х. Лепер (1865-1918) организовал изучение комплексов Большой базилики, дворца, на мысе Тешкли-бурун и в балке Табана-дере. Эти исследования оказались неудовлетворительно документированными, опубликованы были лишь краткие отчеты об их проведении, а полученные археологические коллекции оказались рассредоточены по нескольким хранилищам и ныне частично утрачены [24, с. 314-317]. Как полагает Р. В. Стоянов, для Р. Х. Лепера была характерна небрежность в ведении полевой документации, предоставлении отчетных материалов в Археологическую Комиссию. Кроме того, средства на раскопки 1912 г. исследователь самовольно взял из сумм, выделенных на работы в Херсонесе, что вызвало недовольство председателя ИАК А. А. Бобринского (1852-1927) [37, с. 549-551].

В конце XIX — начале XX вв. «пещерные города» оказались в сфере внимания созданной в 1887 г. Таврической ученой архивной комиссии (ТУАК). Несмотря на то, что «Положение» от 13 апреля 1884 г., регламентировавшее порядок создания и деятельности таких архивных комиссий, ориентировало их на работу с архивными документами, эти учреждения имели право, по своему усмотрению, заниматься изучением и охраной памятников археологии. С первых лет существования Таврической ученой архивной комиссии она проявляла заботу о сохранении не только документальных, но и архитектурных и археологических древностей Крыма [25, с. 30-74]. В 1889 г. ТУАК обратилась в Императорскую Археологическую Комиссию с предложением оказывать содействие деятельности последней. В начале 1890 г. ИАК выразила полное согласие и обещала поддержку начинаний ТУАК в изучении и сохранении памятников старины [10, с. 142]. В «Отчете» ТУАК за 1900 г. отмечалось, что, несмотря на усилия Императорской Археологической Комиссии и Одесского общества истории и древностей, крымская земля настолько богата памятниками старины, что «в собирании, а еще более охране их представилось бы обширное поприще и для Таврической ученой архивной комиссии», но серьезным препятствием для успешной деятельности в этом направлении является отсутствие необходимых денежных средств [27, с. 163].

В 1889 г. Таврическое губернское правление отправило в Императорскую Археологическую Комиссию описание и чертеж пещерной церкви, открытой на Мангупе. ИАК обратилась в Таврическую ученую архивную комиссию с предложением произвести обследование объекта, а в случае, если он представляет историческую ценность, взять на себя меры по его сохранению. В марте 1890 г. председатель ТУАК А. Х. Стевен (1844-1910) и ее член А. И. Маркевич (1855-1942) совершили инспекционную поездку на Мангуп. Пользуясь случаем, они осмотрели не только пещерную церковь, которая оказалась уже изученной А. С. Уваровым в середине XIX в., но и ряд других объектов, а также приобрели около 20 монет для музея ТУАК. В отчете о поездке, опубликованном в «Известиях» комиссии, А. И. Маркевич отметил необходимость сохранения фресковой живописи храма и высказал предложения о соответствующих мерах. Как оказалось, пещера посещалась туристами, оставлявшими на ее стенах надписи, использовалась как загон для скота и подвергалась разрушительному воздействию природных сил. А. И. Маркевич полагал, что заложить вход в пещерный храм нецелесообразно, а закрыть его воротами — непрактично, так как дерево может быть быстро похищено. В качестве основной меры для сохранения объекта он предложил обратиться к владельцу Мангупа Асан-Аге Абдурманчикову, по своей инициативе проявлявшего заботу о древностях городища, чтобы заложить вход частично и запретить использовать пещеру пастухам [17].

В 1911 г. несколько членов ТУАК, на основании запроса Таврического губернатора, произвели обследование Мангупа, Эски-Кермена, Чоргуни. А. И. Маркевич разработал проект мер по сохранению этих памятников, одобренный властями. При этом он проявил особенное беспокойство по отношению к древностям Мангупа, что, вероятно, было связано со сменой владельца земли (судя по всему это была наследница прежнего хозяина), не проявлявшего прежней заботы об объектах на городище [28, с. 235].

Выступая на заседании Таврической ученой архивной комиссии 26 августа 1911 г. А. И. Маркевич сообщил о плачевном состоянии значительной части архитектурных сооружений Мангупа. Он отметил, что надгробные памятники караимского кладбища в овраге Табана-дере разбиваются и используются для получения извести. Остатки оборонительных стен и башен, дворцового комплекса, церкви на территории цита-

дели систематически разбираются, и некоторым из них грозит полное уничтожение. В частности он обратил внимание, что: «Арка ворот Мангупского дворца обвалилась, так как камни и здесь кем-то выламываются, а самые остатки дворца, вследствие этого, заметно наклонились на бок и скоро должны рухнуть, если не будут сделаны контрфорсы для их сохранения. Развалины церкви, находящейся в Мангупском кремле, тоже разобраны, и остался только один фундамент» [11, с. 35].

Таврическая ученая архивная комиссия осуществляла и меры по популяризации памятников старины Крыма и ознакомлению с ними научной общественности. «Известия» ТУАК регулярно публиковали материалы, посвященные изучению и охране крымских древностей. В конце 1913 — начале 1914 гг. комиссия начала работу по подготовке к проведению в Симферополе областного археологического съезда. Необходимо отметить, что в начале XX в. формируется традиция организации региональных археологических съездов, наряду со всероссийскими, главным организатором которых выступало Московское археологическое общество. Проект нашел поддержку Таврического губернатора, Императорской Археологической Комиссии и Русского археологического общества. Программа съезда, подготовленная ТУАК, включала широкий круг вопросов, среди которых предполагалось обсуждение «охраны местных древностей и архивных документов». Специальное внимание планировалось уделить памятникам горного Крыма и «пещерным городам» (секции «Пещерные города в Крыму», «Фресковая живопись в пещерных храмах», «Обозрение христианских храмов в кладбищах в горной части Крыма»). Съезд должен был состояться в августе 1915 г. [12, с. 308; 25, с. 70-73; 47]. К сожалению, этот проект не был реализован из-за событий Первой мировой войны.

Таким образом, в конце XVIII — начале XIX вв., на фоне постепенного запустения города, памятники Мангупа систематически привлекали внимание путешественников по Крыму. Это позволило сформировать первичный комплекс сведений об объектах городища и установить факторы, угрожавшие их сохранению. К середине XIX в. корпус материалов о древностях Мангупа был существенно дополнен описаниями российских и иностранных исследователей. Во второй половине XIX — начале XX вв. достопримечательности городища были включены в практику познавательного туризма. Научные раскопки на памятнике в этот период проводились эпизодически, а их результаты долгие годы оставались малоизвестными.

Попытки включить Мангуп в систему государственной охраны памятников старины в первой половине XIX в. оказались безрезультатными. Сохранность городища обеспечивалась слабым антропогенным воздействием (удаленностью от крупных населенных пунктов и труднодоступностью) и благожелательным отношением к нему со стороны владельцев территории. В то же время памятники Мангупа подвергались разрушительному воздействию природных факторов — растительности и ветряной эрозии.

В конце XIX — начале XX вв. Мангуп попал в сферу внимания членов Таврической ученой комиссии, осуществлявших мониторинг состояния памятника и способствовавших принятию первичных охранных мер землевладельцами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 19-го августа. 2 часа дня. III. Отделение: Памятники искусств, нумизматики и сфрагистики // Труды Тринадцатого Археологического съезда в Екатеринославе в 1905 г. М.: Т-во тип. А. И. Мамонтова, 1908. Т. 2. С. 217-223.
- 20-го августа. 10 час. утра. VII Отделение: Древности классические, византийские, восточные и западно-европейские // Труды Тринадцатого Археологического съезда в Екатеринославе в 1905 г. М.: Т-во тип. А. И. Мамонтова, 1908. Т. 2. С. 227-230.
- Андреевский И. С. Развалины Мангупа // Одесский альманах на 1840 г. Одесса, 1839. С. 535-564.
- Бертъе-Делагард А. Л. Остатки древних сооружений в окрестностях Севастополя и пещерные города Крыма // ЗООИД. 1886. Т. 14. С. 166-279.
- Броневский М. Описание Крыма // ЗООИД. 1867. Т. 6. С. 333-367.
- Вторая учебная экскурсия Симферопольской мужской гимназии в Бахчисарай и его окрестности — Салачик, Успенский скит, Кырккор (Чуфут-Кале), Тепе-Кермен, Качи-Кален, Эски-Кермен, Черкес-Кермен, Мангуп-Кале и Сюрень / сост. А. Н. Попов. Симферополь: Таврическая губернская тип., 1888. 131 с.
- Герцен А. Г. Крепостной ансамбль Мангупа // МАИЭТ. 1990. Вып. I. С. 89-102.
- Дюбуа де Монпере Ф. Путешествие по Кавказу, к черкесам и абхазам, в Грузию, Армению и в Крым / пер., предисл. и прим. Т. М. Фадеевой. Симферополь: Бизнес-Информ, 2009. 328 с.
- Живописная Россия. Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении / ред. П. П. Семенов. СПб.; М.: Т-во М. О. Вольф, 1898. Т. 5. Ч. 2. 298 с.
- Заседание 31 января 1890 г. // ИТУАК. 1890. № 9. С. 142-152.
- Заседание 26 августа 1911 г. // ИТУАК. 1912. № 47. С. 29-40.
- Заседание 26 марта 1914 г. // ИТУАК. 1914. № 51. С. 308-316.
- Кеппен П. И. Крымский сборник. О древностях южного берега Крыма и гор Таврических. СПб.: Тип. Академии наук, 1837. 409 с.
- Клейн Л. С. История российской археологии: учения, школы и личности. СПб.: Евразия, 2014. Т. 1. Общий обзор и дореволюционное время. 704 с.
- Кулемзин А. М. Изучение охраны памятников в современной России // Вестник Кемеровского государственного университета. 2014. № 2(58). Т. 2. С. 53-58.
- Лебедев Г. С. Труды А. А. Формозова по истории русской археологии и их роль в становлении отечественной археологической науки // Невский археолого-историографический сборник: к 75-летию кандидата исторических наук А. А. Формозова / отв. ред. А. Д. Столяр. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2003. С. 24-34.
- Маркевич А. И. Экскурсия на Мангуп // ИТУАК. 1890. № 9. С. 101-107.
- Маркевич А. И. Судьбы памятников древности в Тавриде // Непомнящий А. А. Арсений Маркевич: страницы истории крымского краеведения. Симферополь: Бизнес-Информ, 2005. С. 267-315.
- Марков Е. Л. Очерки Крыма: Картины крымской жизни, истории и природы. Киев: Стило, 2006. 512 с.
- Монтадон Ш. Путеводитель путешественника по Крыму, украшенный картами, планами, видами и виньетами и предваренный введением о разных способах проезда из Одессы в Крым / пер. В. В. Орехова. Киев: Стило, 2011. 416 с.
- Москвич Г. Г. Иллюстрированный путеводитель по Крыму. Одесса: Техник, 1909. 335 с.
- Муравьев-Апостол И. М. Путешествие по Тавриде в 1820 году. СПб.: Тип. особой канцелярии Министерства внутренних дел, 1823. 337 с.
- Мурзакевич Н. Н. Поездка в Крым в 1836 г. // ЖМНП. 1837. № 3 (март). С. 624-691.
- Науменко В. Е., Душенко А. А. К истории археологического изучения Мангупа. Раскопки Р. Х. Лепера в 1912-1914 гг. (по материалам коллекции Государственного Эрмитажа) // XVII Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Исследователи и исследования. Керчь, 2016. С. 313-324.
- Непомнящий А. А. Арсений Маркевич: страницы истории крымского краеведения. Симферополь: Бизнес-Информ, 2005. 432 с.
- Никольский Н. П. Мангуп-Кале // Записки Крымского горного клуба. 1891. Вып. 1. С. 68-80.
- Отчет о деятельности Таврической ученой архивной комиссии за 1900 г. // ИТУАК. 1902. № 32-33. С. 162-166.
- Отчет о деятельности Таврической ученой архивной комиссии за 1911 г. // ИТУАК. 1912. № 48. С. 234-242.
- Паллас П. С. Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным наместничествам Русского государства в 1793-1794 гг. М.: Наука, 1999. 246 с.

30. Полное собрание законов Российской империи [1-е]. СПб.: Тип. П. Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1830. Т. 38. № 29105. С. 422-423.
31. Полное собрание законов Российской империи [2-е]. СПб.: Тип. П. Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1830. Т. 1. № 794. С. 1373-1374.
32. Разгон А. М. Охрана исторических памятников в России (XVIII — первая половина XIX вв.) // Очерки истории музейного дела в СССР. 1971. Вып. 7. С. 292-365.
33. Смирнов А. С. Власть и организация археологической науки в Российской империи (очерки институциональной истории науки XIX — начала XX вв.). М.: Институт археологии РАН, 2011. 592 с.
34. Сосногорова М. А., Караулов Г. Э., Вернер К. А., Головкинский Н. А. Путеводитель по Крыму. Киев: Стилос, 2010. 416 с.
35. Стевен А. Х. Дела архива Таврического губернского правления, относящиеся до разыскания, описания и сохранения памятников старины в пределах Таврической губернии // ИТУАК. 1891. № 13. С. 33-54.
36. Стевен А. Х. Дела архива Таврического губернского правления, относящиеся до разыскания, описания и сохранения памятников старины в пределах Таврической губернии // ИТУАК. 1891. № 14. С. 84-94.
37. Стоянов Р. В. Императорская археологическая Комиссия и изучение Херсонеса Таврического // Императорская Археологическая Комиссия (1859-1917): К 150-летию со дня основания. У истоков отечественной археологии и охраны культурного наследия / науч. ред.-сост. А. Е. Мусин, под общ. ред. Е. Н. Носова. СПб.: Дмитрий Буланин, 2009. С. 522-555.
38. Сумароков П. И. Досуги крымского судьи или второе путешествие в Тавриду. СПб., 1805. Ч. 2. 249 с.
39. Тизенгаузен В. Г. О сохранении и возобновлении в Крыму памятников древности, и об издании описания и рисунков оных // ЗООИД. 1872. Т. 8. С. 363-403.
40. Тихонов И. Л. Ф. А. Браун как исследователь Крыма и Северного Причерноморья // Источниковедение и историография истории Крыма XV-XX вв.: проблемы и перспективы / ред. А. А. Непомнящий. Симферополь, 2016. С. 474-492.
41. Тункина И. В. Русская наука о классических древностях юга России (XVIII — середина XIX вв.). СПб.: Наука, 2002. 676 с.
42. Тункина И. В. История отечественной науки на современном этапе: антропологический поворот // Труды III(XIX) Всероссийского археологического съезда / отв. ред. Н. А. Макаров, Е. Н. Носов. СПб.; М.; Великий Новгород: ИИМК РАН, 2011. Т. 2. С. 354-356.
43. Тункина И. В. Академическая археологическая экспедиция в Новороссийский край 1821 г. под руководством академика Е. Е. Кёлера (новые архивные материалы) // ВДИ. 2013. № 1(284). С. 197-214.
44. Формозов А. А. А. С. Уваров и его место в истории русской археологии // РА. 1993. № 3. С. 228-245.
45. Храпунов Н. И. Херсонес в описаниях европейских путешественников конца XVIII — начала XIX в. // МАИЭТ. 2011. Вып. XVII. С. 595-633.
46. Шаманаев А. В. Охрана археологических памятников «пещерных городов» Крыма в XIX — начале XX в. // АДСВ. 2008. Вып. 38. С. 297-313.
47. Шаманаев А. В. Проекты археологического съезда в Крыму и вопросы изучения и сохранения памятников археологии региона // ΧΕΡΣΟΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: империя и полис. Материалы VII Международного Византийского семинара. Севастополь: Национальный заповедник «Херсонес Таврический», 2015. С. 76-77.
48. Эвлия Челеби. Книга путешествия. Крым и сопредельные области (извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII в.) / пер., вступ. ст., комм. Е. В. Бахревского. Симферополь: Доля, 2008. 272 с.
49. Clarke E. D. Travels in various countries of Europe, Asia and Africa. Part the first: Russia, Tahtary and Turkey. London, 1816. Vol. 2. 546 p.
50. Trigger B. G. A history of archaeological thought. New York: Cambridge University Press, 2006. 710 p.

REFERENCES

1. 19-go avgusta. 2 chasa dnja. III Otdelenie: Pamjatniki iskusstv, numizmatiki i sfragistiki. *Trudy XIII arheologicheskogo sezda v Ekaterinoslave. 1905*, Moscow, 1908, vol. 2, pp. 217-223.
2. 20-go avgusta. 10 chasov utra. VII Otdelenie: Drevnosti klassicheskie, vizantijskie, vostochnye i zapadno-evropejskie. *Trudy XIII arheologicheskogo sezda v Ekaterinoslave. 1905*, Moscow, 1908, vol. 2, pp. 227-230.
3. Andrievskij I. S. Razvaliny Mangupa. *Odesskij al'manah na 1840 god*, Odessa, 1839, pp. 535-564.
4. Bert'e-Delagard A. L. Ostatki drevnih sooruzhenij v okrestnostjah Sevastopolja i peshhernye goroda Kryma. *Zapiski Odesskogo obshhestva istorii i drevnostej*, 1886, vol. 14, pp. 166-279.
5. Bronevskij M. Opisanie Kryma. *Zapiski Odesskogo obshhestva istorii i drevnostej*, 1867, vol. 6, pp. 333-367.
6. Popov A. N. (Ed.). *Vtoraja uchebnaja ekskursija Simferopol'skoj muzhskoj gimnazii v Bahchisaraj i ego okrestnosti — Salachik, Uspenskij skit, Kyrkor (Chufut-Kale), Tepe-Kermen, Kachi-Kal'en, Jeski-Kermen, Cherkes-Kermen, Mangup-Kale i Sjuren'*. Simferopol, Tavricheskaja gubernskaja tipografija Publ., 1888, 131 p.
7. Gercen A. G. Krepostnoj ansambl' Mangupa. *Materialy po arheologii, istorii i jetnografii Tavrii*, 1990, vol. I, pp. 89-102.
8. Djubua de Monpere F. *Puteshestvie po Kavkazu, k cherkesam i abhazam, v Gruziju, Armeniju i v Krym. V. 6 tomah. — Parizh, 1843. T. 5, 6*. Simferopol, Biznes-Inform Publ., 2009, 328 p.
9. Semenov P. P. (Ed.). *Zhivopisnaja Rossija. Otechestvo nashe v ego zemel'nom, istoricheskome, plemennom, jekonomicheskom i bytovom znachenii*. S-Peterburg, Moscow, 1898, vol. 5(2), 298 p.
10. Zasedanie 31 janvarja 1890 g. *Izvestija Tavricheskoj uchenoj arhivnoj komissii*, 1890, No. 9, pp. 142-152.
11. Zasedanie 26 avgusta 1911 g. *Izvestija Tavricheskoj uchenoj arhivnoj komissii*, 1912, No. 47, pp. 29-40.
12. Zasedanie 26 marta 1914 g. *Izvestija Tavricheskoj uchenoj arhivnoj komissii*, 1914, No. 51, pp. 308-316.
13. Keppen P. I. *Krymskij sbornik. O drevnostjah juzhnogo berega Kryma i gor Tavricheskikh*. S-Peterburg, Akademia nauk Publ., 1837, 409 p.
14. Klejn L. S. *Istorija rossijskoj arheologii: uchenija, shkoly i lichnosti*. S-Peterburg: Evrazija Publ., 2014, vol. 1, 704 p.
15. Kulemzin A. M. Izuchenie ohrany pamjatnikov v sovremennoj Rossii. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2014, No. 2(58), vol. 2, pp. 53-58.
16. Lebedev G. S. *Trudy A. A. Formozova po istorii russkoj arheologii i ih rol' v stanovlenii otechestvennoj arheologicheskoi nauki*. Stoljar A. D. (Ed.), *Nevskij arheologo-istoriograficheskij sbornik: k 75-letiju kandidata istoricheskikh nauk A. A. Formozova*, S-Peterburg, Sankt-Peterburgskij universitet Publ., 2003, pp. 24-34.
17. Markevich A. I. Jekskursija na Mangup. *Izvestija Tavricheskoj uchenoj arhivnoj komissii*, 1890, No. 9, pp. 101-107.
18. Markevich A. I. Sud'by pamjatnikov drevnosti v Tavride. Nepomnjashhij A. A. *Arsenij Markevich: stranicy istorii krymskogo kraevedenija*. Simferopol, Biznes-Inform Publ., 2005, pp. 267-315. (Biobibliografija krymovedenija, vol. 3).
19. Markov E. L. *Ocherki Kryma: Kartiny krymskoj zhizni, i storiii prirody*. Kiev, Stilos Publ., 2006, 512 p.
20. Montadon Sh. *Putevoditel' puteshestvennika po Krymu, ukrashennyj kartami, planami, vidami i vin'etami i predvarennyj vvedeniem o raznyh sposobah proezda iz Odessy v Krym*. Kiev, Stilos Publ., 2011, 416 p.
21. Moskvich G. G. *Illjustrirovannyj putevoditel' po Krymu*. Odessa, Technik Publ., 1909, 335 p.
22. Murav'ev-Apostol I. M. *Puteshestvie po Tavride v 1820 gode*. S-Peterburg, 1823, 337 p.
23. Murzakevich N. N. Poezdka v Krym v 1836 g. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshhenija*, 1837, No. 3, pp. 624-691.
24. Naumenko V. E., Dushenko A. A. K istorii arheologicheskogo izuchenija Mangupa. Raskopki R. H. Lepera v 1912-1914 gg. (po materialam kollekcii Gosudarstvennogo Jermitazha).

- XVII Bosporskie chtenija. Bospor Kimmerijskij i varvarskij mir v period antichnosti i srednevekov'ja. Issledovateli i issledovanija.* Kerch, 2016, pp. 313-324.
25. Nepomnjashhij A. A. *Arsenij Markevich: stranicy istorii krymskogo kraevedenija.* Simferopol, Biznes-Inform Publ., 2005, 432 p. (Biobibliografija krymvedenija, vol. 3).
 26. Nikol'skij N. P. Mangup-Kale. *Zapiski Krymskogo gornogo kluba*, 1891, vol. 1, pp. 68-80.
 27. Otchet o dejatel'nosti Tavricheskoj uchenoj arhivnoj komissii za 1900 god. *Izvestija Tavricheskoj uchenoj arhivnoj komissii*, 1902, No. 32-33, pp. 162-166.
 28. Otchet o dejatel'nosti Tavricheskoj uchenoj arhivnoj komissii za 1911 god. *Izvestija Tavricheskoj uchenoj arhivnoj komissii*, 1912, No. 48, pp. 234-242.
 29. Pallas P. S. *Nabljudenija, sdelannye vo vremja puteshestvija po juzhnyj namestnichestvam Russkogo gosudarstva v 1793-1794 gg.* Moscow, Nauka Publ., 1999, 246 p. (Nauchnoe nasledstvo, vol. 27).
 30. *Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii*. [1]. S-Peterburg, 1830, vol. 38, No. 29105, pp. 422-423.
 31. *Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii*. [2]. S-Peterburg, 1830, vol. 1, № 794, pp. 1373-1374.
 32. Razgon A. M. Oхрана исторических памятников в России (XVIII — первая половина XIX в.). *Očerki istorii muzejnogo dela v SSSR*, 1971, vol. 7, pp. 292-365.
 33. Smirnov A. S. *Vlast' i organizacija arheologicheskoi nauki v Rossijskoj imperii (očerki institucional'noj istorii nauki XIX — nachala XX veka)*. Moscow, Institut arheologii RAN Publ., 2011, 592 p.
 34. Sosnogorova M. A., Karaulov G. Je., Verner K. A., Golovkinskij N. A. *Putevoditel' po Krymu*. Kiev, Stilos Publ., 2010, 416 p.
 35. Steven A. H. Dela arhiva Tavricheskogo gubernskogo pravlenija, odnosjashiesja do razyskanija, opisanija i sohranenija pamjatnikov stariny v predelah Tavricheskoj gubernii. *Izvestija Tavricheskoj uchenoj arhivnoj komissii*, 1891, No. 13, pp. 33-54.
 36. Steven A. H. Dela arhiva Tavricheskogo gubernskogo pravlenija, odnosjashiesja do razyskanija, opisanija i sohranenija pamjatnikov stariny v predelah Tavricheskoj gubernii. *Izvestija Tavricheskoj uchenoj arhivnoj komissii*, 1891, No. 14, pp. 84-94.
 37. Stojanov R. V. Imperatorskaja arheologicheskaja Komissija i izučenie Hersonesy Tavricheskogo. Nosov E. N. (Ed.), *Imperatorskaja Arheologicheskaja Komissija (1859-1917): K 150-letiju so dnja osnovanija. U istokov otechestvennoj arheologii i ohrany kul'turnogo nasledija*, S-Peterburg, Dmitrij Bulanin Publ., 2009, pp. 522-555.
 38. Sumarokov P. I. *Dosugi krymskogo sud'i ili vtoroe puteshestvie v Tavridu*. S-Peterburg, 1805, vol. 2, 249 p.
 39. Tizengauzen V. G. O sohranenii i vozobnovlenii v Krymu pamjatnikov drevnosti, i ob izdanii opisanija i risunkov onyh. *Zapiski Odesskogo obshhestva istorii i drevnostej*, 1872, vol. 8, pp. 363-403.
 40. Tihonov I. L. F. A. Braun kak issledovatel' Kryma i Severnogo Prichernomor'ja. Nepomnjashhij A. A. (Ed.), *Istochnikovedenie i istoriografija istorii Kryma XV-XX vv.: problemy i perspektivy*, Simferopol, 2016, pp. 474-492. (Biobibliografija krymvedenija, vol. 26).
 41. Tunkina I. V. *Russkaja nauka o klassičeskikh drevnostjakh juga Rossii (XVIII — seredina XIX v.)*. S-Peterburg, Nauka Publ., 2002, 676 p.
 42. Tunkina I. V. Istoriya otechestvennoj nauki na sovremennom jetape: antropologičeskij povorot. Makarov N. A., Nosov E. N. (Eds.), *Trudy III(XIX) Vserossijskogo arheologičeskogo sezda*, S-Peterburg, Moscow, Velikij Novgorod, Institut istorii material'noj kul'tury RAN Publ., 2011, vol. 2, pp. 354-356.
 43. Tunkina I. V. Akademicheskaja arheologicheskaja jekspedicija v Novorossijskij kraj 1821 g. pod rukovodstvom akademika E. E. Kelera (novye arhivnye materialy). *Vestnik drevnej istorii*, 2013, No. 1(284), pp. 197-214.
 44. Formozov A. A. S. Uvarov i ego mesto v istorii russkoj arheologii. *Rossijskaja arheologija*, 1993, No. 3, pp. 228-245.
 45. Hrapunov N. I. Hersones v opisanijah evropejskikh puteshestvennikov konca XVIII — nachala XIX v. *Materialy po arheologii, istorii i jetnografii Tavrii*, 2011, vol. 17, pp. 595-633.
 46. Shamanaev A. V. Oхрана археологических памятников «пешхерных городов» Kryma v XIX — nachale XX v. *Antichnaja drevnost' i srednie veka*, 2008, vol. 38, pp. 297-313.

47. Shamanaev A. V. Proekty arheologičeskogo sezda v Krymu i voprosy izučenija i sohranenija pamjatnikov arheologii regiona. *ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: imperija i polis. Materialy VII Mezhdunarodnogo Vizantijskogo seminaru*, Sevastopol, Hersones Tavricheskij Publ., 2015, pp. 76-77.
48. Jevlija Chelebi. *Kniga puteshestvija. Krym i sopredel'nye oblasti (izvlečenija iz sočinenija tureckogo puteshestvennika XVII v.)*. Simferopol, Dolia Publ., 2008, 272 p.
49. Clarke E. D. *Travels in various countries of Europe, Asia and Africa. Part the first: Russia, Tahtary and Turkey*. London, 1816, vol. 2, 546 p.
50. Trigger B. G. *A history of archaeological thought*. New York, Cambridge University Press, 2006, 710 p.

Шаманаев А. В.

Охрана археологических памятников Мангупа в конце XVIII — начале XX вв.

Резюме

В статье рассматривается формирование и развитие практики сохранения архитектурно-археологических памятников городища Мангуп (Бахчисарайский район, Крым) в конце XVIII — начале XX вв. Автор анализирует вклад путешественников, археологов, государственных организаций и научных обществ в организацию охраны древностей Мангупа. Значительные успехи были достигнуты в сфере описания и популяризации памятника. Организовать на городище масштабные археологические исследования, консервационные и реставрационные работы не удалось. Основным фактором сохранения комплекса автор считает низкий уровень антропогенного воздействия.

Ключевые слова: история археологии, охрана культурного наследия, Крым, Мангуп.

Shamanaev A. V.

Archaeological Monuments Protection at Mangup from the Late Eighteenth to Early Twentieth Centuries

Summary

This article discusses the shaping and the development of practical protection of archaeological and architectural monuments of the ancient city of Mangup (Bakhchisarai District, Crimea) from the late eighteenth to the early twentieth centuries. The author has analysed the travellers', archaeologists', state authorities', and scholarly societies' contribution to the organization the monuments protection at Mangup. Significant progress was made in the description and popularization of the site. However, the attempts to organise large-scale archaeological researches, conservation and restoration works on the site failed. The author considers inconsiderable anthropogenic impact as the main factor determining the preservation of Mangup antiquities.

Keywords: history of archeology, cultural heritage protection, Crimea, Mangup.

А. Ю. МАНАЕВ, В. Г. ЗАРУБИН

МАНГУП-КАЛЕ В СИСТЕМЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ОХРАНЫ ПАМЯТНИКОВ В 1917-2017 гг.¹

Мангуп-Кале является одним из наиболее изученных средневековых памятников Крымского полуострова. С 1967 г. и по настоящее время систематические исследования на городище проводит Мангупская археологическая экспедиция исторического факультета Таврической академии Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. За этот период разработана историческая периодизация Мангупского городища, опубликованы результаты раскопок многих архитектурно-археологических комплексов, как на самом Мангупском плато, так и в его округе, и в целом, как нам представляется, определены особенности исторической топографии памятника в различные периоды его истории [15].

Важным и логичным направлением продолжения работ на Мангупе является обеспечение эффективной охраны исследуемых памятников, предотвращение их разрушения вследствие природных и антропогенных факторов. Архитектурно-археологические комплексы Мангупского городища требуют консервации и музеефикации. Давно назрела необходимость разработки многолетней комплексной программы по охране его объектов. Сложилась парадоксальная ситуация, когда, с одной стороны, четко определены основные стратегические направления продолжения археологических исследований на памятнике [14, с. 24-25], а, с другой стороны, отсутствует какой-либо план в осуществлении мер по охране объектов Мангупского крепостного ансамбля.

В этой связи представляется важным анализ основных векторов памятникоохран-ных мероприятий в отношении Мангупского городища за прошедшее столетие, оценка их результативности и эффективности, чтобы, в конечном итоге, определить реальные перспективы и направления деятельности государственных органов в области сохранения историко-культурного наследия применительно к данному памятнику.

Руины оборонительных сооружений и храмов Мангуп-Кале, в комплексе с величественным природным окружением, всегда привлекали внимание путешественников и исследователей, которые, в свою очередь, постоянно поднимали вопросы сохранения историко-культурного наследия городища [8, с. 89-102; 13, с. 212-254]. Не останавливаясь детально на проблемах охраны памятников Мангупского городища до 1917 г., которым, в том числе, посвящена недавняя работа А. В. Шаманаева [70] (см. также его статью в настоящем сборнике), отметим, что, несмотря на постоянный интерес к Мангупу со стороны исследователей, организовать его эффективную охрану на протяжении XIX — начала XX вв. так и не получилось.

¹ Авторы выражают благодарность за помощь в подготовке этого материала А. А. Волошину, младшему научному сотруднику отдела раннего железного века Института археологии Крыма РАН (г. Симферополь), А. В. Ефимову, руководителю центра русского фольклора в составе отдела нематериального наследия Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачева (г. Москва), А. И. Филатову, заведующему отдела государственного учета объектов культурного наследия Государственного комитета по охране культурного наследия Республики Крым (г. Симферополь).

Тревожную картину в отношении состояния памятников городища к 1911 г. фиксирует А. И. Маркевич, который пишет об уничтожении надгробий на караимском кладбище, выламывании камней из крепостных стен и башен в балке Табана-дере и на территории цитадели на мысе Тешкли-бурун [56, с. 35]. Археологические исследования Мангупа, которые в 1912-1914 гг. проводил директор Херсонесского музея Р. Х. Лёпер, также были далеки от совершенства. Методические ошибки в процессе раскопок приводили к утрате важной информации, отсутствовала консервация открытых памятников. Новый директор Херсонесского музея Л. А. Моисеев, посетив Мангуп в 1915 г., отметил следы вандализма на открытой раскопками площади Большой трехнефной базилики — разрушена гробница внутри памятника, разворочены полы в ее алтарной части и фундаменты среднего нефа [66, с. 336]. Критикуя методику раскопок Р. Х. Лёпера, своеобразный итог изучения памятника в довоенный период подводит Н. И. Репников. В своей докладной записке он говорит: «Мир праху твоему загубленный Мангуп-Кале» [11, с. 35]. Обеспокоенность дальнейшей судьбой Мангупа видна в работе А. Л. Бертъе-Делагарда: «... Феодоро, древняя столица Готии ... попала в частные руки и ныне предана беспризорному разорению в археологическом смысле» [4, с. 2].

После революционных событий 1917 г. и перипетий Гражданской войны в России начались изменения в культурном строительстве: формировалась новая сеть управления в сфере культуры, разрабатывался статус известных памятников архитектуры и археологии. Приказом Крымревкома от 11. 08. 1921 № 450 были национализированы и переданы в полное распоряжение подотдела по делам музеев и охраны памятников старины и искусства отдела народного образования Крымревкома (впоследствии — Крымский комитет по делам музеев и охраны памятников искусства, старины, природы и народного быта при наркомате просвещения Крымской АССР — Кымохрис) «все художественные, исторические и бытовые памятники прошедших культур». Среди указанных в приказе 29 объектов отмечены руины Мангуп-Кале, а также «все развалины генуэзских крепостей, церквей, мечетей и все курганы, пещеры и пещерные города всего Крыма». Без разрешения Кымохриса запрещалось использовать, переделывать, перестраивать, производить археологические раскопки, разведки и изыскания на всех памятниках и исторических местах в Крыму. Органы власти и милиции обязаны были «следить за исполнением настоящего приказа и привлекать нарушивших его к строжайшей ответственности, оказывая всевозможное содействие Кымохрису и его районным отделениям» [55, с. 159-161].

В начале 20-х гг. XX в. осуществление охраны памятников на полуострове активно было практически невозможным. Главными проблемами Крыма в это время являлись бандитизм и голод. В таких условиях исключены были какие-либо инспекторские поездки на памятники, тем более их научные исследования. С другой стороны, прекратилось разрушение архитектурных и археологических объектов на полуострове, особенно в части их разборки на строительные материалы. Как отмечает А. И. Полканов: «... они [памятники] находились под невольной, но весьма надежной охраной грабительских банд и голода» [45, с. 174]. В таких условиях Кымохрис вел больше кабинетную, подготовительную работу. В частности, был разработан план работ в области охраны, предусматривалось осуществление учета всех археологических памятников, обмеры памятников архитектуры, их ремонт и реставрация, составление археологической карты Крыма, организация наружной охраны наиболее выдающихся объектов, борьба с кладоискательством, а также закрепление владения памятниками за Кымохрисом путем их вымежевания. В 1922 г. осуществлен первый учет археологических памятников; в список вошли 130 объектов. В 1923 г. Мангуп-Кале одним из пер-

вых в Крыму был фактически принят Крымохрисом на баланс; в 1927 г. ограждена его территория — установлены деревянные столбы с колючей проволокой. С 1925/26 гг. постоянную охрану на городище осуществлял сторож [45, с. 174-177; 46, с. 119].

В целом же ситуация с охраной памятников в Крыму была крайне неудовлетворительная. В апреле 1926 г. состоялось совещание при Реставрационном подотделе Музейного отдела Главнауки (Главного управления научными, научно-художественными и музейными учреждениями Наркомата просвещения РСФСР), участники которого констатировали полное отсутствие систематической охраны архитектурных памятников Крыма. В свою очередь, Крымохрис обращал внимание столичных организаций на необходимость реальной помощи Крыму в деле сохранения культурного наследия, и, в частности, предлагал взять на финансовое снабжение центра ряд памятников, имеющих общегосударственное или мировое значение, в том числе Мангуп-Кале [69, с. 10-11].

В 1926 г. Мангуп-Кале был включен в список из более чем 300 «археологических, архитектурных и революционных памятников и музейных зданий Крыма», находящихся в ведении Крымохриса и Главнауки, считающимися национализированными [65, с. 63]. Через два года составлен расширенный список этих памятников, который был отправлен в Главнауку для утверждения. После дополнений и пересмотра некоторых позиций список был возвращен в крымский Наркомат просвещения для распределения памятников по важности на четыре категории: высшую, первую общероссийскую, вторую и третью местного значения. В результате, к 1930 г. на утверждение СНК РСФСР был сформирован список памятников по Крыму из 83 позиций: по высшей категории 24 объекта, по первой — 59 [46, с. 119]. С. А. Андронов в своей работе, основанной на архивных материалах, приводит несколько иные цифры — 34 памятника высшей и 68 первой категории [2, с. 9]. Несмотря на то, что у нас на сегодня нет достоверных данных о статусе Мангупа согласно этому распределению, отметим данный список как одну из первых попыток в памятникоохранной работе Крыма классифицировать объекты культурного наследия по их ценности.

Наряду с Крымохрисом с середины 1920-х гг. в памятникоохранных процессах в Крыму активную роль начинают играть столичные специализированные учреждения, в первую очередь, Центральные государственные реставрационные мастерские (ЦГРМ). По инициативе их заведующего И. Э. Грабаря на полуостров организовывается экспедиция Музейного отдела Главнауки, которая планировала осмотреть наиболее выдающиеся памятники Крыма, в том числе и Мангуп-Кале. Экспедиция состоялась в апреле-мае 1927 г. В ходе ее работы обследованы памятники Бахчисарая, Карасубазара, Судака, Феодосии, Керчи, Севастополя и «пещерные города» Юго-Западного Крыма. По словам Н. Л. Эрнста, были осмотрены пещерные церкви с фресковыми росписями Эски-Кермена и, вероятно, Мангупа [69, с. 14-15; 73, с. 34]. Однако, это не привело к проведению каких-либо ремонтно-реставрационных работ на Мангупском городище.

Помимо реставрационных работ с середины 1920-х гг. в Крыму развернулись масштабные археологические раскопки [72]. Сотрудниками Государственной академии истории материальной культуры (ГАИМК), по заявке Музейного отдела Главнауки, был разработан Общий план археологического исследования Крыма. План изучения средневековых памятников полуострова составлялся Д. В. Айналовым. Согласно этому документу, планировалось продолжение раскопок на Мангупе, начатых Р. Х. Лёпером, составление генерального плана городища, исследование, обмеры и чертежи памятников, находящихся на поверхности, проведение их фотофиксации [31, с. 81-82].

О планах организации раскопок на Мангупе, в контексте зарождающегося конфликта между Н. Л. Эрнстом и Н. И. Репниковым, свидетельствует письмо Главнауки в ГАИМК в апреле 1927 г. В нем предлагается на Мангупе и Сюйренской крепости проводить раскопки Н. И. Репникову, а изучение Эски-Кермена поручить Н. Л. Эрнсту, но Н. И. Репников высказался против такого решения [30, с. 203-204]. В итоге, на 1927 г. последний получил Открытый лист на право проведения обследований на Мангуп-Кале, Сюйрени и Эски-Кермене, о чем он сообщал в письме И. Э. Грабарю, но, в действительности, работы планировалось провести только на Эски-Кермене [28, с. 213]. В 1929 г. раскопки на Мангупе предполагались также Центральным музеем Тавриды [30, с. 140]. Но ни один из этих проектов о возобновлении археологических исследований Мангупского городища в 1920-е гг. так и не был реализован. Достоверно можно говорить лишь об осмотре оборонительных сооружений Мангупа в 1928 г. тем же Н. И. Репниковым [58, с. 207].

В целом, анализируя отношение со стороны памятникоохранных государственных организаций к Мангуп-Кале в 20-е гг. XX в., можно прийти к выводу, что реальных мер по сохранению архитектурно-археологических комплексов городища так и не было принято. Мангуп остался «в стороне» от масштабных реставрационных работ, которые в Крыму осуществляли ЦГРМ; так и не были возобновлены археологические исследования на городище. Показательным также является то, что на Всесоюзных археологических конференциях в Керчи и Севастополе, которые состоялись соответственно в 1926 и 1927 гг., вопросы сохранения и изучения Мангупа не поднимались. К примеру, на Керченской конференции с докладом о проблемах изучения «пещерных городов» Крыма выступил Н. Л. Эрнст, однако, основное внимание в нем было уделено все-таки Эски-Кермену [6; 30, с. 99, 163].

В конце 20-х — начале 30-х гг. XX в. Мангуп-Кале оказался «в тени» другого «пещерного города» — Эски-Кермена. Здесь под руководством Н. И. Репникова развернулись масштабные археологические исследования, которые должны были разрешить ключевые вопросы хронологии и периодизации памятника [58]. Эти работы привлекли внимание широкого круга специалистов, в частности С. Ф. Платонова, А. И. Маркевича, Ф. А. Брауна; рассматривался вопрос о совместной советско-германской экспедиции на городище. Интересное высказывание в отношении Мангупа в этот период принадлежит А. И. Маркевичу. Обсуждая организационные моменты возможного приезда немецких специалистов, ученый в письме к С. Ф. Платонову от 19 августа 1929 г. пишет: «...Думаю, что немцев можно вполне заинтересовать раскопками на Эски-Кермене, а Мангуп всегда сам за себя постоит, даже в нынешнем состоянии» (выделено авторами) [29, с. 159-160]. Такое отношение к памятнику отразилось и на объемах проведенных на нем работ. В отличие от Эски-Кермена, лишь в 1933 г. Н. И. Репниковым были вновь проведены на Мангупе небольшие разведки.

Только через 5 лет, в 1938 г., возобновились полноценные археологические исследования Мангупского городища. Совместная экспедиция ГАИМК и Севастопольского музейного объединения под руководством М. А. Тихановой, А. Л. Якобсона и Е. В. Веймарна продолжила исследования княжеского дворца и базилики [8, с. 98-99]; были осуществлены разведки оборонительных стен крепости и периферии Мангупского плато [5; 75].

В 1937 г. Мангуп-Кале получил статус заповедной территории и вошел в состав созданного Музея пещерных городов. Этому событию предшествовала длительная переписка, в которой обосновывалась необходимость создания такого учреждения культуры. Еще в 1928 г. Н. И. Репников в письме к И. Э. Грабарю писал о необходимости основания Музея пещерных городов под эгидой Главнауки, на основе

Севастопольского музейного объединения (СМО). Как отмечал исследователь, которому поручалось научное руководство, новый музей — это, главным образом, научно-исследовательский институт, сфера влияния которого распространяется на все пещерные города Крыма, «...которые при явной невозможности их охранять и реставрировать подлежат точной археологической фиксации. А это один из видов охраны для потомства в том окружении безденежья и отношения к памятникам прошлого, в котором приходится работать» [28, с. 214]. Однако, в конце 20-х гг. XX в. проект создания музея оказалась нереализованным.

Результаты раскопок на Эски-Кермене заставили по-иному взглянуть на проблему появления и развития «пещерных городов» Юго-Западного Крыма. Интерес к этой группе памятников стимулировал идею создания специального музея-заповедника. Инициаторами его появления стали сотрудники СМО и ГАИМК. Еще в июле 1936 г. ГАИМК обратился в Совнарком Крымской АССР с предложением закрепить за СМО территорию «пещерных городов». Эта инициатива была поддержана Крымнаркомпросом. Летом 1937 г. комиссия в составе директора СМО Д. М. Анкудинова, старшего научного сотрудника СМО В. П. Бабенчикова и члена ГАИМК Н. И. Репникова провела осмотр памятников и пришла к выводу, что отсутствие надлежащей охраны приводит к разрушениям уникальных культурных объектов.

19 октября 1937 г. СНК Крымской АССР принял постановление «Об организации Музея пещерных городов». За ним закреплялись городища Чуфут-Кале (площадью 90 га), Тепе-Кермен (около 70 га), Куз-Куле-бурун (около 50 га), Качи-Кальон (15 га), Сюрень (около 80 га), Мангуп-Кале (около 350 га), Эски-Кермен (около 30 га), северный конец плато Топшана (около 1 га), пещерные комплексы «Дона-тор», Шулдан, Челтер, Бакла, крепость Каламита и пещерные сооружения в Инкермане, городище Уч-Баш. Земельные участки, занятые памятниками, объявлялись государственными заповедниками. В 1938 г. в это постановление были внесены изменения. Музею передавался объект «Козу-Кулак-кая» площадью 16 га, однако, исключался участок пещерного комплекса Бакла. В 1938 г. Наркомат земледелия Крымской АССР провел вымежевание территории в 800 га, на которой располагались 9 «пещерных городов». В декабре 1940 г. в помещении мечети Хан-Джами Бахчисарайского дворца Музей открылся для посетителей [1, с. 171; 2, с. 13]. Создание Музея пещерных городов было поддержано на самом высоком государственном уровне. Н. К. Крупская, заместитель наркома просвещения РСФСР, в письме к председателю Севастопольского горсовета от 07.02.1938 г. отмечает, что значение организуемого музея чрезвычайно велико и задержка этого вопроса может тормозиться благодаря недооценке этого дела отдельными товарищами [23, с. 26].

Таким образом, к концу 30-х гг. XX в. Мангуп-Кале оказался в эпицентре памятникоохранных работ в Крыму. Его археологические исследования в 1938 г. активизировали научный интерес к городищу, стали пересматриваться прежние устоявшиеся взгляды на датировку ключевых архитектурно-археологических комплексов, выявлялись новые объекты, как на плато, так и в ближайшей округе памятника. Создание Музея пещерных городов и придание территории Мангупа статуса заповедника позволяло надеяться на активизацию ремонтно-реставрационных работ и продолжение археологических раскопок. Однако этим ожиданиям не суждено было исполниться.

В 1930-е гг. стали отчетливо видны проблемы в организации эффективной охраны памятников в Крыму. Причиной этого являлось общее реформирование системы государственных органов, сокращение их финансирования, репрессии, которые фактически уничтожили краеведческое движение. Это не могло не сказаться и на состоянии памятникоохранной сферы.

Обращает внимание резкое увеличение различных нормативно-правовых актов в области охраны памятников истории и культуры в это время. Их обилие косвенно свидетельствует о невозможности государству обеспечить объектам культурного наследия надлежащую охрану. В 1933 и 1934 гг. приняты постановления ВЦИК и СНК РСФСР «Об охране исторических памятников» и «Об охране археологических памятников» соответственно. Дублирование полномочий различных организаций в сфере культуры приводило к реальной бесхозности. В Крыму вопросы охраны памятников относились к компетенции Управления по делам искусств Крымской АССР и Крымнаркомпроса. Показательна докладная записка последнего от 1939 г. «Об охране исторических памятников в Крыму», в которой констатируется, что «...если до 1938 года охраны почти не было в виду слабой организационной структуры и безответственного отношения к порученному делу охраны памятников, то сейчас никакой ответственности вообще никто не несет». С целью оптимизации системы охраны культурного наследия в Крыму, после разбирательства на высшем республиканском уровне, было принято постановление «О состоянии охраны памятников Крымской АССР» от 11 октября 1940 г., в котором основная роль в деле охраны памятников была закреплена за Крымнаркомпросом [2, с. 8-10]. Однако в условиях скудного финансирования, слабого кадрового обеспечения принятие одного постановления взамен другого не могло кардинально изменить ситуацию с памятниками в лучшую сторону. Как следствие, даже включение Мангупа в состав Музея пещерных городов и объявление его территории заповедной не обеспечивало его реальную охрану. Начало Великой Отечественной войны еще более отодвинуло проблему охраны памятников на полуострове на второй план.

Освобождение Крыма от нацистов и возвращение полуострова к мирной жизни ознаменовалось активными изменениями в его культурной жизни. Особый интерес вызывало изучение памятников археологии. В послевоенный период археология вообще стала своеобразным «локомотивом» всех процессов, связанных с охраной и изучением историко-культурного наследия в Крыму. В этот период возобновились работы на памятниках Керченского полуострова, продолжились археологические раскопки на территории Херсонеса Таврического, масштабные исследования развернула Тавро-скифская археологическая экспедиция под руководством П. Н. Шульца [см. подробнее: 22, с. 135-139]. Помимо этого, крымские памятники оказались в центре дискуссии вокруг «готского» и «славянского» вопросов в истории полуострова, которая, правда, быстро была политизирована [74]. В этой связи можно было бы ожидать активизацию исследований и на территории «пещерных городов» и, в частности, на Мангуп-Кале, однако на практике этого не произошло. Во второй половине 40-х — начале 50-х гг. XX в. на городище были проведены только археологические разведки под руководством Е. В. Веймарна [8, с. 100]. Как и во второй половине 20-х — начале 30-х гг. XX в., Мангуп вновь остался в стороне от «археологических бурь», несмотря на чрезвычайно активные в целом археологические исследования в Крыму.

Вторая половина 1940-х гг. ознаменовалась дальнейшей разработкой нормативно-правовых актов в сфере охраны культурного наследия, как на республиканском (РСФСР), так и на всесоюзном уровне. Особо следует отметить принятие Постановления Совета Министров СССР от 14.11.1948 г. № 3898 «О мерах улучшения охраны памятников культуры», которое определило основные направления деятельности в сфере охраны культурного наследия и, в частности, необходимость осуществления государственного учета памятников истории и культуры [64, с. 208-209].

Во исполнение союзных и республиканских нормативных актов в Крыму принимались соответствующие документы областного уровня. Решением исполнительного комитета Крымского областного совета (далее — Крымоблисполком) 26/6 № 816

от 25.08.1948 г. «Об охране памятников архитектуры и истории в Крыму» исполнительные комитеты городских и районных советов должны были обеспечить сохранность, неприкосновенность и культурно-хозяйственное использование памятников архитектуры дополнительного списка, утвержденного постановлением Совета Министров РСФСР от 11.05.1948 г. № 503. В приложенном к этому решению списке фигурируют руины древнего города Мангуп-Кале на территории Куйбышевского района (ныне часть Бахчисарайского района Республики Крым) [59, л. 148].

На следующий год Крымоблисполком принимает решение 47/12 № 1190 от 16.11.1949 г. «Об итогах паспортизации исторических и археологических памятников и утверждение списков памятников общесоюзного, республиканского и областного значения», в котором отмечается, что в результате паспортизации историко-археологических памятников взято на учет 3600 объектов, на которые составлено 1600 паспортов. Памятники Крыма в большинстве своем являются уникальными. Однако, несмотря на это, большая часть из них из-за отсутствия сторожей не охраняется и подвергается разрушению. Пунктом 1 этого решения утверждался представленный Крымским областным отделом культурно-просветительской работы список историко-культурных памятников, в который внесены «Историко-археологический заповедник Мангуп-Кале» на «столовой» горе Мангуп-Кале отдельным номером, а также его внутрикомплексные объекты — дворец Мангупских князей, большой храм Св. Константина и Елены и другие (№№ с 881 по 924). Пункт 6 этого же решения гласил: «Просить Совет Министров РСФСР о взятии на республиканскую охрану 24 выдающихся историко-археологических памятников Крыма согласно прилагаемого списка». В этом списке под номером 6 среди пещерных городов в Бахчисарайском и Куйбышевском районах значился Мангуп-Кале [60, л. 230-299].

Активизация в деле сохранения памятников историко-культурного наследия отмечается в 1960-е гг. На республиканском уровне (уже УССР) закрепляется статус ряда памятников, в том числе и Мангуп-Кале. Постановлением Совета Министров УССР от 24.08.1963 г. № 970 комплекс крепости и пещерного города «Мангуп-Кале» включен в список памятников архитектуры УССР (учетный № 292) [47, с. 266], а постановлением Совета Министров УССР от 21.07.1965 г. № 711 пещерный город Мангуп включен в список памятников археологии УССР (№ 63) [48, с. 116]. Указанные нормативные акты закрепили за Мангуп-Кале статус памятника республиканского значения. В дополнение к ним, решением Крымоблисполкома от 05.09.1969 г. № 595, Мангуп включен в список памятников археологии местного значения (учетный № 696).

В дальнейшем, решением Крымоблисполкома от 20.02.1990 г. № 48, в список памятников архитектуры по Крымской области, выявленных в течение 1986-1989 гг., внесены объекты, включенные в комплекс «пещерного» города Мангуп, а именно:

1. Комплекс главной линии обороны (руины): западный фронт обороны, укрепления А-1-А-V по западному обрыву мыса Чамну-Бурун, VI-XVIII вв.;
2. Комплекс главной линии обороны (руины): северный фронт обороны, укрепления А-VI-А-IX по восточному обрыву мыса Чамну-Бурун, VI-XVIII вв.;
3. Комплекс главной линии обороны (руины): северный фронт обороны, нижняя оборонительная стена А-X в балке Табана-Дере, VI-XVIII вв.;
4. Комплекс главной линии обороны (руины): северный фронт обороны, верхняя оборонительная стена А-XI с башнями А-1-А-3 и стены укреплений А-XII и А-XIII в балке Табана-Дере, VI-XVIII вв.;
5. Комплекс главной линии обороны (руины): северный фронт обороны, укрепление А-XIV с башней А-4 по северо-восточному обрыву мыса Чуфут-Чеарган-Бурун, VI-XVIII вв.;

6. Комплекс главной линии обороны (руины): северный фронт обороны, укрепление А-XV с башнями А-5-А-8 в балке Гамам-Дере, VI-XVIII вв.;
7. Комплекс главной линии обороны (руины): северный фронт обороны, укрепление А-XVI с башней А-9, главными городскими воротами и барбаком в балке Капу-Дере, VI-XVIII вв.;
8. Комплекс главной линии обороны (руины): юго-восточный фронт обороны с укреплениями А-XVII-А-XX (укрепление А-XVII с башнями А-10 и А-11) по южному обрыву плато, VI-XVIII вв.;
9. Вторая линия обороны с башнями В1-В9 (руины) между южным обрывом плато и балкой Гамам-Дере, XIV-XVI вв.;
10. Комплекс городской застройки в границах второй линии обороны, XVI-XVIII вв.;
11. Алтарь вырубной со следами фрески в малой карстовой пещере на южном обрыве плато, XIV-XV вв.;
12. Большая базилика (Константина и Елены) (руины), VI-XV вв.;
13. Малая базилика (вырубное основание) на южном обрыве плато, VI-XV вв.;
14. Винодавильни (тарапаны) на плато, VIII-XV вв.;
15. Дворец (руины), XV в.;
16. Монастырь пещерный с церковью, расписанной фресками, XIV-XV вв.;
17. Комплекс вырубных склепов и церковь на скальной площадке близ цитадели у юго-восточного обрыва плато, VI-XV вв.;
18. Комплекс наземной церкви (вырубное основание) над казематом в юго-восточном обрыве плато, XIV-XV вв.;
19. Кенасса (руины), XV-XVIII вв.;
20. Мечеть турецкая (руины), XV-XVIII вв.;
21. Усыпальницы вырубные над главными крепостными воротами, XIV-XV вв.;
22. Церковь Богородицы (руины), XIV-XV вв.;
23. Церковь Святого Георгия (руины), XIV-XV вв.;
24. Часовня-усыпальница (вырубное основание) над склепом и перед цитаделью, X-XIV вв.;
25. Комплекс цитадели на мысе Тешкли-Бурун, VI-XVIII вв.;
26. Донжон (руины), XIV-XVIII вв.;
27. Застройка жилая и хозяйственная, IX-XVI вв.;
28. Казематы оборонительные, XIV-XV вв.;
29. Комплекс пещерных сооружений «Барабан-Коба», XIV-XVIII вв.;
30. Колодец осадный на территории цитадели, XVI-XVIII вв.;
31. Церковь «гарнизонная» вырубная, XIV-XV вв.;
32. Храм октагональный (руины), XIV-XV вв.;
33. Комплекс сооружений в балке Табана-Дере, казематы вырубные и пещерная церковь в западном обрыве мыса Чуфут-Чеарган-Бурун, XIV-XVI вв.;
34. Помещения вырубные в восточном обрыве мыса Чамну-Бурун, XIV-XVI вв.;
35. Сооружения вырубные хозяйственные в верховьях балки Табана-Дере, XV-XVIII вв.;
36. Сооружения пещерные в оконечности мыса Тешкли-Бурун, VI-XV вв.;
37. Сооружения на склоне Мангупского плато, кошары под восточным обрывом мыса Тешкли-Бурун, VI-XV вв.;
38. Храм крестообразный, IX-X вв., перестройка XIV в.;
39. Храм трехчастный (руины) в балке Джан-Дере, IX-XIII вв.;
40. Стена оборонительная (руины) в балке Каралез, IX-XIII вв.

Такое внимание к Мангупу со стороны государства было обусловлено, в первую очередь, результатами возобновившихся здесь с сентября 1967 г. под руководством

Е. В. Веймарна активных археологических исследований. С 1976 г. Мангупскую экспедицию возглавил А. Г. Герцен, продолживший работу Е. В. Веймарна. Не останавливаясь подробно на истории археологического изучения городища в 1960-1970-е гг., отметим, что систематические работы на городище в этот период позволили выявить новые объекты, в частности, неизвестные прежде участки оборонительных стен, уточнить хронологию важнейших архитектурно-археологических объектов памятника, впервые выполнить его инструментальную топосъемку [12, с. 316]. Развернувшиеся археологические исследования делали все более актуальными вопросы консервации и музеефикации открытых архитектурных комплексов.

В конце 60-х гг. XX в. на Мангупе работает группа архитекторов Центральных республиканских реставрационных мастерских (г. Киев) под руководством Е. А. Лопушинской. Она разрабатывает проект консервации и реставрации донжона цитадели на мысе Тешкли-бурун [12, с. 307]. На его основе, в 1974-75 гг. крымскими специальными научными производственными мастерскими проведены реставрационные работы на цитадели городища, при этом кладка оборонительных стен акрополя Мангупа восстанавливается из штучного известнякового камня средних размеров, что не совсем соответствовало аутентичному виду памятника [8, с. 144]. Реставраторы укрепили подпружную арку ворот цитадели, возвели два разрушенных участка внешнего панциря ее оборонительных стен и восстановили участок кладки донжона с дверным проемом (рис. 1). Это были первые и, к сожалению, на сегодняшний день, единственные масштабные ремонтно-реставрационные работы на памятниках Мангупа, хотя их качество и оставляло желать лучшего.

В середине 1970-х гг. проводится паспортизация Мангуп-Кале как памятника истории и культуры. М. Я. Чорефом в 1974 г. был составлен паспорт объекта и его учетная карточка со схемой городища (рис. 2). Интересно отметить, что, согласно шифру паспорта (И.И.696-2.12.2), он составлялся на памятник археологии местного значения, хотя в тексте паспорта и учетной карточки отмечен республиканский статус Мангупа. Составитель паспорта отмечает естественные разрушения крепостных стен и скальных сооружений, а также преднамеренные разрушения жилой застройки на поверхности Мангупского плато в процессе ее разборки на строительный материал жителями окружающих сел в дореволюционное время. Кроме паспорта и учетной карточки, в соответствии с требованиями законодательства, на Мангуп-Кале заключено охрannое обязательство № 696 от 08.09.1970 г. с Бахчисарайским историко-археологическим музеем [33].

Рис. 1. Участок реставрации арки ворот цитадели 1974-1975 гг. Современное состояние. Фото А. Ю. Манаева (2017 г.)

Кроме статуса Мангуп-Кале, как памятника истории и культуры, в 1970-1980-е гг. рассматривались вопросы его охрannой зоны. Решением Крымоблисполкома от 22.05.1979 г. № 284 установлена охрannая зона средневековой крепости — «пещерного» города Мангуп (как памятника архитектуры). Ее граница проходила по шоссе Залесное-Терновка (по подножию Мангупского плато). Зона регулирования застройки ограни-

И.И.696-2.12.2

МІНІСТЕРСТВО КУЛЬТУРИ СРСР

ПАМ'ЯТНИКИ ІСТОРІЇ ТА КУЛЬТУРИ СРСР
(нерухомі)

СЮІЗНА РЕСПУБЛІКА Украинская ССР

Министерство культуры
Государственный республиканский орган охраны памятников

8/2.12.2

К 2514

І. НАЙМЕНУВАННЯ ПАМ'ЯТНИКА Городище (Пещерный город) Мангуп-Кале

ІІ. ТИПОЛОГІЧНА ПІДЛЕЖНІСТЬ

пам'ятник археології	пам'ятник історії	пам'ятник архітектури	пам'ятник монументального мистецтва
і			

ІІІ. ДАТУВАННЯ ПАМ'ЯТНИКА (або дата історичної події, з якою пов'язано виникнення пам'ятника — для пам'ятників історії)
УІ-ХІІІ вв. н.е.

ІV. АДРЕСА (місцезнаходження) пам'ятника Крымская область, Бахчисарайский район, Красносельский сельский Совет, шоссе Бахчисарай-Инкерман (Севастополь), в 3 км к югу от с.Залесное

пункт, шалаш, плато (дз.)

V. ХАРАКТЕР СУЧАСНОГО ВИКОРИСТАННЯ

за початков призначенням	культурно-освітнє	туристсько-екскурсійне	лікувально-оздоровче	житлові приміщення	господарче	не використовується
	музей, відпоч. клуб	+	лікарня санатор. б/відп.		установка торгова, виробнич. склад	

ДОДАТКИ:

Фото загального вигляду — І

Фото фрагментів — ІІІ

Гешплат — І

Обміри: план — 8Х-442

фасад —

розріз —

Схематичний план охоронної зони —

Вкладши к §VІІІ- І л.

Рис. 2. Паспорт на памятник «Городище Мангуп-Кале» (1974 г.)

чивалась шоссе Залесное-Терновка, грунтовой дорогой на с. Ново-Ульяновка в восточном направлении с поворотом на юг к с. Истоки (ныне не существует; до 1944 г. — д. Адым-Чокрак), и далее на запад к шоссе Залесное-Терновка [61]. Решением Крымоблисполкома от 15.01.1980 г. № 16 установлена граница охранной зоны городища Мангуп-Кале (как памятника археологии) площадью 337,0 га в пределах подошвы горы.

Разработка охранного зонирования Мангупского городища во многом носила гипотетический и обобщенный характер. Границы зон охраны определялись, в первую очередь, рельефом местности и в целом закрепляли территорию, которую необходимо было оставить в неповрежденном виде, обеспечивая, тем самым, возможность в дальнейшем проведения на ней археологических исследований. Одновременно это стимулировало выявление новых объектов историко-культурного наследия в округе Мангупа с целью реального «наполнения» зон охраны памятниками и подтверждения, таким образом, необходимости строгого соблюдения режима использования охранных зон. С этого времени одним из важных направлений исследований городища становится проведение археологических разведок и разработка археологической карты памятника в пределах Мангупского плато и его ближайшей округи. Данную научную тему разрабатывали сотрудники кафедры истории древнего мира и средних веков Симферопольского государственного университета им. М. В. Фрунзе — С. А. Секиринский, В. Н. Даниленко, В. Н. Гуркович и А. Г. Герцен [3].

Следует отметить, что благодаря своей относительной изолированности и труднодоступности, отсутствию в 70-80-х гг. XX в. населенных пунктов в непосредственной близости от Мангупа, режим его охранного зонирования в целом соблюдался. В этот период в округе городища еще не было сооружений, которые бы искажали общее восприятие памятника, сохранялся аутентичный историко-культурный и природный ландшафт района. Лишь в конце 1980-х гг., в связи с восстановлением с. Ходжа Сала, у подножия Мангупского плато появляется жилая и хозяйственная застройка. Из негативных примеров более раннего времени можно отметить только сооружение в 1982-1984 гг. у подножия Мангупа искусственного водохранилища, при строительстве которого было уничтожено раннесредневековое поселение, история которого, несомненно, связана с историей Мангупского городища. От него сейчас сохранились лишь отдельные участки культурного слоя в бортах и вблизи котлована водохранилища, а также руины средневековой базилики на его дне [63, с. 114; 26].

Подводя итоги памятникоохранной деятельности на Мангупе в 1960-1980-е гг. можно отметить, что в этот период на памятнике проводились регулярные археологические исследования, была сформирована Мангупская археологическая экспедиция исторического факультета Симферопольского университета. В середине 1970-х гг. впервые проведены реставрационные работы на городище — восстановлены части донжона и куртин цитадели на мысе Тешкли-бурун. К сожалению, в отличие от археологических исследований, ремонтно-реставрационные работы не получили систематического характера. Постановления Совета Министров УССР закрепили статус Мангуп-Кале как памятника архитектуры и археологии республиканского значения. Кроме того, на областном уровне были приняты нормативные акты, которые уточняли и дополняли перечень объектов Мангупского ансамбля. Государственными органами охраны памятников совместно с Бахчисарайским историко-археологическим музеем проведена паспортизация памятников Мангупа, заключено охранные обязательства. На местном уровне согласованы, а на республиканском — утверждены, границы зон охраны городища. Такой основательный фундамент в сфере охраны памятников позволял надеяться на дальнейшее развитие ситуации в этой отрасли. Однако политические и экономические преобразования в СССР конца 80-х — начала

90-х гг. XX в. заставили решать вопросы не системной охраны и реставрации памятника, а обычного выживания археологической экспедиции, державшейся долгое время на энтузиазме ее сотрудников и волонтеров, и обеспечения минимально необходимой защиты объектов городища от разрушения и разграбления.

В украинский период в истории Крыма (1991-2014 гг.) государственная политика в сфере охраны памятников на полуострове, особенно в 1991-1999 гг., была достаточно сумбурной и непоследовательной. Ситуация осложнялась перманентным противостоянием политических элит Симферополя и Киева, что отражалось и на отношении к крымским памятникам археологии.

В первой половине 1990-х гг. в Крыму проблемам охраны историко-культурного наследия полуострова уделялось большое внимание. Верховный Совет Крыма, в рамках своих полномочий, развернул активную законодательную деятельность, в том числе и в сфере сохранения памятников. В республике, как отдельная управленческая структура, создается Государственный комитет Крыма по охране и использованию памятников истории и культуры (далее — Госкомитет). В 1993 г. принят специальный Закон «Об охране и использовании памятников истории и культуры» [17]. Этим нормативным актом предусматривалось наличие Государственного реестра недвижимых памятников истории и культуры Республики Крым. В 1995 г. Правительство Крыма утвердило Положение о Реестре [51], а Госкомитет подготовил и издал его проект, в который под номером 1663 был включен «Комплекс крепости и пещерного города Мангуп-Кале» с указанием 43 внутрикомплексных объектов [7, с. 48-51].

Помимо выработки новых принципов организации государственного учета памятников делалась попытка наладить систематическую реставрацию крымских объектов историко-культурного наследия. В 1999 г. принято Постановление Совета министров АР Крым об утверждении Комплексной программы реставрации и охраны памятников истории и культуры на период 1999-2002 гг. В отношении Мангупа, согласно этой Программе, планировалось финансирование реставрационных архитектурно-археологических исследований на городище, реставрации фресковых росписей пещерного монастыря на южном слоне Мангупского плато и охранных раскопок могильников в его округе общим объемом 80,0 тыс. грн. [52]. Средства на реализацию данной программы пытались изыскать в республиканском бюджете, однако, безрезультатно. Таким образом, заявленная Комплексная программа исследования и реставрации объектов Мангупа осталась нереализованной. В то же время важно отметить, что в течение 1990-х — начале 2000-х гг. фактически единственным источником финансирования работ Мангупской археологической экспедиции являлись средства Госкомитета по охране культурного наследия, выделяемые на проведение охранных исследований [38].

В 1990-е гг. актуальным оставался вопрос определения современного охранного зонирования Мангупского городища. Утвержденные в конце 70-х — начале 80-х гг. XX в. зоны охраны памятника уже не соответствовали требованиям законодательства в сфере охраны культурного наследия и не могли сдерживать и регулировать активную хозяйственную и градостроительную деятельность, развернувшуюся в ближайшей округе городища.

В 1994 г. НПП «Исар-ВК» (директор А. П. Павленко) был разработан проект охранных зон Мангупа [27]. Авторы его содержательной части — А. Г. Герцен и Ю. С. Воронин, учли в нем данные о новых памятниках, открытых к этому времени в округе Мангупа, а также ценность природного ландшафта, как неотъемлемой составляющей комплекса Мангупского городища и его периферии. Всего на местности локализованы и нанесены на топографическую основу 34 объекта различных

эпох в округе Мангупского архитектурно-археологического комплекса, многие из которых до сих пор не имеют статуса даже выявленных объектов культурного наследия. Общим итогом проектной работы, помимо выявления новых памятников, стали предложения по охранному зонированию Мангупа с выделением зоны регулирования застройки и зоны охраняемого ландшафта. Данный проект так и не дошел до стадии утверждения в органах охраны культурного наследия и остался, по сути, архивным документом, однако, новые принципы и подходы к организации охраны объектов культурного наследия не утратили своей актуальности до настоящего времени и заслуживают своего дальнейшего развития с учетом требования современных норм к определению зон охраны памятников в России.

Одновременно с крымской формировалась и общеукраинская нормативная база в сфере охраны памятников. Еще до принятия Закона Украины «Об охране культурного наследия» Постановлением Кабинета Министров Украины в 1992 г. было утверждено Положение о Государственном реестре национального культурного достояния [49, с. 140-142]. В соответствии с ним Приказом Госстроя Украины утвержден перечень памятников, которые вносились в указанный реестр, в части объектов градостроительства и архитектуры, среди прочих «Комплекс крепости и пещерного города Мангуп-Кале» (охраненный № 292) [24, с. 35]. В свою очередь, Министерство культуры Украины соответствующим Приказом утвердило перечень памятников истории, монументального искусства и археологии, которые вносились в Государственный реестр национального культурного достояния, в том числе — «Мангуп: поселение и крепость» (№ 3731) [25, с. 22]. После 2000 г. соответствующими приказами Госстроя Украины и Минкультуры Украины эти нормативные акты были отменены либо утратили силу.

В 2000 г. был принят Закон Украины «Об охране культурного наследия». В соответствии с его заключительными положениями комплекс крепости и пещерного города Мангуп-Кале стал считаться памятником национального значения [19, с. 180]. Постановлением Кабинета Министров Украины от 27.12.2001 г. № 1761 объект «Мангуп: поселение и крепость», наряду с другими «пещерными городами» Юго-Западного Крыма, внесен в Государственный реестр недвижимых памятников Украины как памятник археологии национального значения [50, с. 226]. Однако в 2009 г., при подготовке очередной редакции Реестра, все «пещерные города» Крыма, кроме Сюйренской крепости, были выведены из его состава. Постановлением Кабинета Министров Украины от 03.09.2009 г. № 928 утверждался новый перечень объектов культурного наследия национального значения для внесения в Реестр, при этом отменялись Постановления Совета Министров СССР от 21.07.1965 г. № 711 и Кабинета Министров Украины от 27.12.2001 г. № 1761, которые определяли статус ряда памятников истории, археологии, монументального искусства. Исключение Мангупа, Эски-Кермена, Чуфут-Кале и других объектов из Реестра объяснялось отсутствием современной учетной документации на памятники. Таким образом, в 2009 г. Мангуп-Кале утратил статус памятника, занесенного в Государственный реестр недвижимых памятников Украины, сохранив, однако, статус памятника архитектуры национального значения в соответствии с постановлением Совета Министров СССР от 24.08.1963 г. № 970 и заключительными положениями Закона Украины «Об охране культурного наследия».

Ситуация, которая возникла в связи с исключением Мангупа из Реестра недвижимых памятников Украины, была во многом показательна в плане отношения государства к его балансодержателю — Бахчисарайскому историко-культурному заповеднику. К сожалению, с момента создания Бахчисарайского заповедника в 1991 г. и вплоть до 2011 г. «пещерные города» Юго-Западного Крыма, находившиеся на

его балансе, оказались в тени «основного» объекта заповедника — Ханского дворца в г. Бахчисарае. Это приводило к неутешительным результатам: отсутствовала современная учетная документация на памятники археологии, в том числе на все «пещерные города», не были заключены заповедником охранные договоры на них, отсутствовали какие-либо информационные щиты на объектах. В такой ситуации, естественно, не могло быть и речи о каких-либо проектах реставрации, консервации, музеефикации памятников Мангупа. Своеобразной «кульминацией» охраны Мангупа стало проведение в 2011 г. ремонтно-реставрационных работ на восточной куртине цитадели на мысе Тешкли-бурун без какого-либо проекта или согласований со стороны органов охраны культурного наследия (рис. 3-4).

Роль и функции заповедника в деле охраны памятников Мангупа, а также инициатива руководителя, ярко иллюстрируются деятельностью на посту генерального директора Бахчисарайского историко-культурного заповедника В. Е. Науменко в 2011-2014 гг. Этот непродолжительный, но насыщенный событиями период в жизни заповедника, можно назвать своеобразным «ренессансом» «пещерных городов» и, в частности, Мангупа. С коллективом единомышленников и профессионалов высокого уровня (Э. И. Сейдалиев, А. А. Душенко, А. А. Волошинов, И. И. Неневоля и др.) за короткое время был проделан огромный объем работы в сфере охраны культурного наследия. На все (!) внутрикомплексные объекты Мангупского архитектурно-археологического ансамбля (всего 40 позиций) были составлены акты технического состояния, разработаны актуализированные паспорта и учетные карточки, которые в 2012 г. были согласованы в Рескомитете по охране культурного наследия и утверждены в Департаменте охраны культурного наследия Министерства культуры Украины. В итоге, уже 30.07.2012 г.

с Крымским республиканским учреждением «Бахчисарайский историко-культурный заповедник» был заключен охранный договор на памятник «Комплекс крепости и пещерный город Мангуп-Кале» [32]. В 2012 г., после почти 40-летнего перерыва, разработана научно-проектная документация по консервации объекта культурного наследия на Мангупе — синагоги (кенассы) в верховьях Табана-дере. В 2013 г. указанная документация была согласована в Министерстве

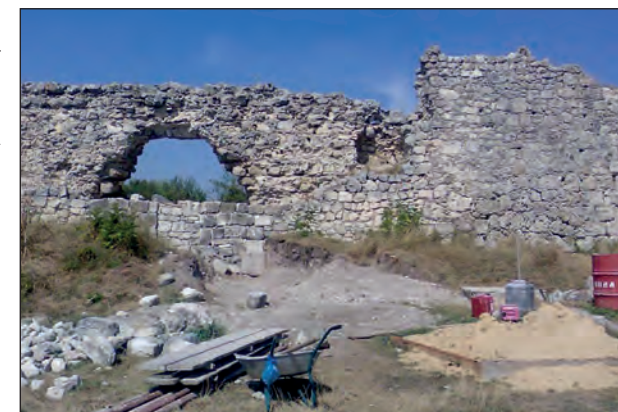

Рис. 3. Ремонтные работы на куртине Б цитадели Мангупа. Фото А. Ю. Манаева (2011 г.)

Рис. 4. Куртина Б цитадели Мангупа после окончания ремонтных работ. Фото А. Ю. Манаева (2011 г.)

культуры Украины и проведен первый этап консервационных работ на памятнике. Заслуженным итогом кропотливой и системной работы заповедника в сфере охраны памятников Мангупа стало включение городища в 2012 г. в состав новой крымской номинации «Культурный ландшафт «пещерных городов» Крымской Готии» в Предварительном списке Всемирного наследия ЮНЕСКО.

В то же время реальное состояние большинства объектов культурного наследия Мангупа требовало более активных мер по их защите. Еще в середине 1990-х гг. в округе городища стали фиксироваться факты массового ограбления его раннесредневековых некрополей. В 1995 г., при осмотре южных склонов Мангупа, выявлен могильник Адым-Чокрак, на котором обнаружены около 70 ограбленных погребальных сооружений. Кроме этого, следы грабежей зафиксированы на некрополе Южный I (около 20 склепов) и Алмалыкском могильнике (около 50 склепов) [10, с. 47]. В дальнейшем грабежи некрополей городища продолжались, но действенных мер со стороны правоохранительных органов, несмотря на многочисленные обращения заповедника и Рескомитета, так и не было принято. К примеру, на территории Алмалыкского могильника незаконные раскопки фиксировались практически ежегодно на протяжении всех 2000-х гг. [76, с. 1, 95, 112, 122, 171].

Помимо антропогенного воздействия памятники археологии и архитектуры Мангупа разрушаются вследствие природных факторов. В ходе процессов выветривания происходит обрушение некоторых частей скальных массивов. Так, в 1998 г. из-за обвала части скального массива разрушилось культовое сооружение под оконечностью мыса Тешкли-бурун [9, с. 222]. На сегодняшний день вызывает опасение дальнейшая сохранность сооружений скального комплекса «Барабан-коба» в восточном обрыве того же мыса Тешкли-бурун. Большой вред архитектурным постройкам наносит древесная и кустарниковая растительность, корни которой постепенно разрушают кладку стен объектов, особенно сложенных из мягких пород камня [20, с. 33-34].

В этой связи необходимо остановиться еще на одном аспекте деятельности в сфере охраны культурного наследия применительно к Мангупскому городищу. Помимо статуса памятника истории и культуры, объект «Гора останец Мангуп-Кале» является одновременно и памятником природы, согласно Постановлению Совета Министров УССР «О дополнении списка памятников природы республиканского значения, которые берутся под охрану государства» от 14.11.1975 г. № 780-р. В связи с этим Постановлением на территории памятника запрещается какая-либо хозяйственная деятельность, в том числе вырубка растительности, повреждение дернового покрова и т. д. Такая «двойная» охрана, казалось бы, должна предусматривать и «двойную» ответственность за состояние памятника, которую несут как органы охраны культурного наследия, так и органы охраны природы. Последние должны обеспечивать расчистку архитектурных памятников от растительности, удалять сухие деревья и т. д. Однако на практике ситуация выглядит гораздо прозаичнее. К примеру, в 2010 г. на представителя Мангупской археологической экспедиции (В. Е. Науменко) сотрудником Рескомитета по охране окружающей природной среды был составлен протокол об административном правонарушении за самовольное использование земельного участка для строительства временных сооружений (палаток), а в адрес Симферопольского университета была направлена претензия в размере 12 тыс. грн. [54]. Несмотря на абсурдность данного протокола и вмешательство в ситуацию Института археологии НАН Украины и Рескомитета по охране культурного наследия, межведомственного компромисса достигнуть так и не удалось [42].

Поднятая проблема взаимодействия государственных органов охраны природного и культурного наследия применительно к памятникам с двойным статусом оста-

ется актуальной и на сегодняшний день. Единственным выходом в этой ситуации является разработка совместных комплексных подходов к охране подобных объектов, утверждение режимов использования территорий, которые будут учитывать интересы и археологов, и экологов [62, с. 121].

Действительно, природный компонент на Мангупе играет весомую роль в восприятии памятника и его окружи. В мировой и российской практике подобные памятники, которые сочетают выдающуюся культурную и природную ценности, выделяют в отдельную группу — объекты культурного ландшафта. При этом необходимо учитывать, что ландшафтная составляющая Мангупа крайне изменчива. До середины XX в. на плато и склонах горы практически отсутствовала древесная и кустарниковая растительность [21, с. 542-544], и объект воспринимался совсем иначе. На сегодняшний день необходимость сохранения Мангупа в комплексе с его ландшафтным окружением не вызывает ни у кого сомнений. Археологические разведки 2007-2008 гг., проведенные на памятнике в рамках совместного украинско-немецкого научного проекта, с использованием естественно-научных методов, говорят о потенциально большом количестве неизвестных ранее средневековых объектов. Эти исследования позволили, в определенной степени, реконструировать исторический ландшафт окружи Мангупа, определить дальнейшие этапы и принципы охраны данной территории [71, с. 175, 178].

Как уже говорилось, своеобразным признанием на международном уровне комплексной, культурной и природной, ценности Мангупского городища и его ландшафтного окружения стало включение памятника в 2012 г. в Предварительный список объектов Всемирного наследия ЮНЕСКО в номинации «Культурный ландшафт «пещерных городов» Крымской Готии» [77]. В 2011-2012 гг. в Крыму активно работала группа международных экспертов ЮНЕСКО во главе с профессором Берндом фон Дросте, которая однозначно высказалась за придание городищу в перспективе такого статуса. Экспертной группой были разработаны три кластера памятников Юго-Западного Крыма под общим названием «Страна пещерных городов» [16, с. 28, 30, 34]. Результатом стала подготовка Бахчисарайским историко-культурным заповедником номинационного досье на объекты Мангуп-Кале и Эски-Кермен. Включение Мангупа в предварительный список памятников Всемирного наследия ЮНЕСКО, безусловно, является достижение современных исследователей Мангупа. Надеемся, что в дальнейшем при поддержке государственных структур объекты «Крымской Готии» войдут и в основной Список Всемирного наследия ЮНЕСКО.

В то же время необходимо сказать, что номинирование в основной Список Всемирного наследия ЮНЕСКО возможно только при консолидированном подходе всех заинтересованных сторон — ученых, Бахчисарайского историко-культурного заповедника, Госкомитета по охране культурного наследия, Министерства культуры РФ. И хотя на сегодняшний день окончательная реализация этого проекта отложена по вполне понятным, объективным причинам, содержание памятника в удовлетворительном виде, не допущение его разрушения или искажения является прямой обязанностью республиканских и федеральных государственных структур в сфере охраны культурного наследия.

В этой связи еще одной сложной проблемой памятникоохранной деятельности в отношении Мангупа является самовольное занятие помещений средневекового пещерного монастыря на южном обрыве Мангупского плато и обустройство его для дальнейшего функционирования представителями Симферопольской и Крымской епархии Украинской православной церкви Московского патриархата. Заметим, что еще с начала 2000-х гг. руководством епархии неоднократно поднимался вопрос о

Рис. 5. Южный Мангупский монастырь. Обустройство Центрального грота монастыря под жилые и хозяйственные помещения. Фото Ш. Эмруллаева, Д. Моисеева (2011 г.)

полном восстановлении христианских храмов Мангупа и Эски-Кермена [34; 36; 39]. Именно в это время (2003 г.) фиксируется и самовольный захват Южного монастыря на Мангупе [35]. В дальнейшем епархией предлагалось даже проведение реконструкции базилики на Мангупе и строительство рядом с ней современного храма [41]. Реакция научной общественности на эти предложения была однозначной: храмы Мангупа и Эски-Кермена являются, в первую очередь, памятниками археологии и архитектуры и подлежат научному изучению, консервации и музеефикации [40]. Кроме того, они не изымались у религиозных общин

и поэтому не попадают под категорию объектов, которые передавались церкви по Указу «О мерах по возвращению религиозным организациям культового имущества» [37]. Казалось бы, здравый смысл и верховенство права должны восторжествовать, однако на практике Южный пещерный монастырь продолжает незаконно удерживаться представителями церкви, искажается его внешний и внутренний облик из-за вставленных пластиковых окон и строительных работ на территории памятника, фактически бесконтрольно уничтожаются уникальные фрески XV в. в алтарной части монастырского храма и т. д. [43] (рис. 5).

Анализируя организацию охраны памятников на Мангупе в 1991-2014 гг. в целом, необходимо отметить достаточно большой объем выполненных работ при минимальном финансировании: разработана общая учетная документация и научно-проектная документация по реставрации памятников, подписан охранный договор, в составе номинации «Культурный ландшафт «пещерных городов» Крымской Готии» Мангуп включен в Предварительный Список памятников Всемирного наследия ЮНЕСКО. Самое же главное, удалось сохранить и усилить Мангупскую археологическую экспедицию, которая продолжает систематические исследования на городище. В то же время сохраняется проблема грабежей могильников в округе Мангупа, открытым остается вопрос разработки современного охранного зонирования памятника.

После вхождения Республики Крым в состав Российской Федерации был принят ряд нормативных актов, которые уточнили правовой статус Мангупа как объекта культурного наследия. В соответствии с постановлением Государственного Совета Республики Крым от 21.05.2014 г. № 2152-6/14 все объекты культурного наследия, включая Мангуп-Кале, вместе с их зонами охраны, приняты под государственную охрану в соответствии с требованиями законодательства Российской Федерации [53]. Аналогичное положение было закреплено в статье 43 Закона Республики Крым от 11.09.2014 г. № 68-ЗРК «Об объектах культурного наследия в Республике Крым» [18].

Федеральным законом от 12.02.2015 г. № 9-ФЗ «Об особенностях правового регулирования отношений в области культуры и туризма в связи с принятием в Российскую Федерацию Республики Крым и образованием в составе Российской Федерации новых субъектов Республики Крым и города федерального значения Севастополя» [68] определялось, что памятники, расположенные на территории Респу-

блики Крым, включенные в перечни (списки, реестры) объектов культурного наследия на день принятия Республики в состав Российской Федерации до отнесения их в соответствии к объектам культурного наследия федерального значения, объектам культурного наследия регионального значения или объектам культурного наследия местного (муниципального) значения либо к выявленным объектам культурного наследия, подлежат государственной охране в порядке, установленном Федеральным законом от 25.06.2002 г. № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» [67] для объектов культурного наследия регионального значения, включенных в единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации. С этого момента Мангуп-Кале подлежал государственной охране в порядке, установленном для объектов культурного наследия регионального значения. Вскоре, распоряжением Правительства Российской Федерации от 17.10.2015 г. 2073-р, «Комплекс крепости и пещерного города «Мангуп-Кале»» вместе с 217 другими памятниками, расположенными на территории Республики Крым, был отнесен к объектам культурного наследия федерального значения и объявлялся включенным в единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации [57].

Приказом Министерства культуры Российской Федерации от 27.11.2015 г. № 234941-р «Комплекс крепости и пещерного города «Мангуп-Кале»» зарегистрирован в Едином государственном реестре объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации в качестве ансамбля под номером 520360440006. Указанный Федеральный закон № 9-ФЗ также регулировал вопрос о границах и особом режиме использования территорий, установленных в целях государственной охраны объектов культурного наследия. Определялось, что они действуют до их приведения в соответствие с законодательством Российской Федерации. Аналогичное положение содержится в статье 44 указанного Закона Республики Крым № 68-ЗРК. Таким образом, в настоящее время действуют границы и режимы зон охраны Мангуп-Кале, установленные ранее.

Приказом Государственного комитета по охране культурного наследия Республики Крым от 01.03.2016 г. № 26 утверждено охрannое обязательство на объект культурного наследия федерального значения — «Комплекс крепости и пещерного города «Мангуп-Кале»», выданное Государственному бюджетному учреждению Республики Крым «Бахчисарайский историко-культурный и археологический музей-заповедник» [44].

Анализируя основные направления деятельности в сфере охраны памятников в 1917-2017 гг. применительно к Мангупскому городищу, можно констатировать, что за прошедшее столетие проделан большой объем кабинетной документальной работы: Мангуп-Кале регулярно входил во всевозможные списки памятников Крымской АССР, РСФСР, УССР, Республики Крым; сегодня он имеет высокий статус памятника федерального значения Российской Федерации. За прошедшие годы выполнены паспортизация памятника, учетная документация, заключены охранные договоры, разработаны проекты охранного зонирования и ремонтно-реставрационных работ. В то же время, кроме регулярных археологических исследований, за сто лет практически не проводились ремонтно-реставрационные или консервационные работы на объектах Мангупа, за исключением работ на донжоне цитадели городища на мысе Тешкли-бурун в 1974-75 гг. и синагоги (кенассы) в верховьях балки Табана-дере в 2013 г. Руины княжеского дворца, Большая трехнефная базилика, квартальные христианские храмы, отдельные укрепления крепостного ансамбля, скальные соо-

Рис. 6. Цитадель на м. Тешкли-бурун. Раскоп IX. Общий вид после окончания работ. Фото с крепостной стены, вид с юга (1995 г.)

Учитывая, что цитадель является одним из основных экскурсионных объектов на Мангупе, музеефикация данного объекта повысит туристический потенциал памятника. Также перспективными объектами музеефикации на городище являются дворец правителей княжества Феодоро, Большая трехнефная базилика, церкви Святого Константина и Святого Георгия.

Рис. 7. Цитадель на м. Тешкли-бурун. Современное состояние раскопа IX. Фото с крепостной стены, вид с юга. Фото А. Ю. Манаева (2017 г.)

ружения требуют срочных противоаварийных мер. Сегодня охранные мероприятия на Мангупе должны переходить в конкретную плоскость — осуществление работ на памятниках городища.

На наш взгляд, можно сформулировать несколько стратегических векторов развития в сфере охраны памятников Мангупа.

Во-первых, разработка научно-проектной документации по консервации, реставрации и музеефикации архитектурно-археологических комплексов городища и осуществление этих проектов на практике. В данном направлении необходимо определить первоочередные объекты и начинать системную работу по их реализации. Одним из перспективных объектов музеефикации представляется комплекс застройки цитадели Мангупа. Здесь еще в 1990-1995 гг. был полностью раскопан квартал помещений различного функционального использования (так называемая «казарма» акрополя городища) (рис. 6). На сегодняшний день этот квартал законсервирован отработанным грунтом из раскопов (рис. 7), но в случае необходимости может быть подготовлен к проведению работ в короткие сроки.

Во-вторых, важным направлением является сохранение статуса Мангуп-Кале, как памятника, внесенного в Предварительный список Всемирного наследия ЮНЕСКО, и продолжение работы по внесению его в основной Список объектов Всемирного наследия ЮНЕСКО. С учетом того, что Мангуп и Эски-Кермен номинированы в качестве объектов культурного ландшафта, необходимо максимально взвешенно и рационально подходить к ведению хозяйственной деятельности в округе Мангупа и не допускать

искажения сложившегося культурного ландшафта. В этой связи своего рода особой, «заповедной», территорией должны быть объявлены южные склоны Мангуп-Кале, Адым-Чокракская долина, северные склоны г. Орта-Сырт, Илька, Кая-Баш («Два Татарина») и Бабулган (рис. 8). Для достижения этой цели необходима разработка современного охранного зонирования, с выделением указанных территорий в зону охраняемого ландшафта, а северное подножие Мангупа, где расположено с. Ходжа-Сала — в зону регулирования застройки.

В-третьих, определение территории объекта культурного наследия и его зон охраны в соответствии с требованиями законодательства РФ. Для обоснованности границ территории памятников и зон охраны необходимо дальнейшее научное изучение округа Мангупа, в том числе проведение здесь археологических разведок и раскопок.

В-четвертых, все перечисленные мероприятия невозможны без достаточного финансирования. На сегодняшний день важность и необходимость работы Мангупской археологической экспедиции подтверждается рядом грантовых проектов, поддержанных РГНФ и РФФИ, в отношении исследований на памятнике. Однако для решения стратегических задач (консервации, реставрации и музеефикации открытых объектов археологии и архитектуры) необходимо стабильное государственное бюджетное финансирование. В этой связи, возможно, необходима специальная Программа финансирования ремонтно-реставрационных работ «пещерных городов» Юго-Западного Крыма, в том числе и Мангупа, или включение данного пункта в уже существующие государственные бюджетные Программы.

В 2017 г. Мангупская археологическая экспедиция Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского провела юбилейный 50-й полевой сезон. Лучшим подарком этому событию станет разработка и реализация на практике конкретных мер по обеспечению изучения и эффективной охраны памятников Мангупского городища.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андросов С. А. Основные тенденции музейного строительства в Крыму в 1930-е годы // ИНК. Симферополь, 2014. С. 168-180.
2. Андросов С. А. Охрана памятников истории и культуры Крыма в 20-30-е годы XX века // Культура народов Причерноморья. Симферополь, 2005. № 66. С. 7-16.
3. Архитектурно-археологическая карта памятника архитектуры городища Мангуп близ с. Залесное Бахчисарайского района Крымской области / Секиринский С. А., Даниленко В. Н., Гуркович В. Н. Симферополь. 1982. Т. 1. 99 с.
4. Бертъе-Делагард А. Л. Каламита и Феодоро // ИТУАК. 1918. Вып. 55. С. 1-44.
5. Веймарн Е. В. Разведки оборонительных стен и некрополя // МИА. 1953. Вып. 34. С. 419-429.
6. Вторая конференция археологов СССР в Херсонесе. Севастополь, 1927. 67 с.
7. Государственный реестр недвижимых памятников истории и культуры Республики Крым (по состоянию на 01.01.95 г.). Симферополь, 1995. Кн. 2. Т. 2: памятники архитектуры, градостроительства и садово-паркового искусства; Т. 3: памятники археологии. 216 с.

Рис. 8. Адым-Чокракская долина, цепь горных вершин Орта-Сырт, Илька, Кая-Баш, Бабулган. Общий вид с юга, с вершины Мангупского плато

8. Герцен А. Г. Крепостной ансамбль Мангупа // МАИЭТ. 1990. Вып. I. С. 87-166.
9. Герцен А. Г., Карлов С. В. Дозорный и культовый комплекс под оконечностью мыса Тешли-бурун (Мангуп) // Готы и Рим / Сост. М. Е. Левада, Л. Г. Самойленко. Киев: Стило, 2006. С. 221-253.
10. Герцен А. Г., Науменко В. Е., Черныш С. А. Археологические исследования Мангупа // Археологические исследования в Крыму. 1995 г. / Отв. ред. В. Л. Мыц. Симферополь: СОНАТ, 2007. С. 44-48.
11. Герцен А. Г. Н. И. Репников о Мангупе // ИНК. Симферополь, 2007. № 17. С. 30-38.
12. Герцен А. Г. Археологические исследования Мангупа в 1967-1977 гг. // Херсонесский колокол / Под ред. Э. Б. Петровой. Симферополь: СОНАТ, 2008. С. 305-321.
13. Герцен А. Г. Мангуп глазами исследователей и путешественников (XVI — начало XX вв.) // Бахчисарайский историко-археологический сборник / Ред.-сост. Ю. М. Могаричев. Симферополь: АнтикВА, 2008. С. 212-254.
14. Герцен А. Г., Науменко В. Е. Три программы археологического изучения Мангупа // I Бахчисарайские научные чтения памяти Е. В. Веймарна: материалы международной научной конференции / Ред.-сост. В. Е. Науменко. Бахчисарай, 2012. С. 24-25.
15. Герцен А. Г., Науменко В. Е., Душенко А. А., Корзюк Д. В., Лавров В. В., Смекалова Т. Н., Шведчикова Т. Ю., Чудин А. В. Новые материалы к изучению исторической топографии Мангупского городища и его окружи (по результатам междисциплинарных исследований 2015 г.) // Ученые записки КФУ им. В. И. Вернадского. Серия «Исторические науки». 2015. Т. 1(67). № 2. С. 3-28.
16. Герцен А. Г. Вспоминая Виталия Николаевича Даниленко (Страна «пещерных городов»: незавершенный проект ЮНЕСКО) // Ученые записки КФУ им. В. И. Вернадского. Серия «Исторические науки». 2016. Т. 2(68). № 1. С. 26-38.
17. Закон Республики Крым «Об охране и использовании памятников истории и культуры» от 30.06.1993 г. № 362-1 // Ведомости Верховного Совета Крыма. 1993. № 3. Ст. 122.
18. Закон Республики Крым «Об объектах культурного наследия в Республике Крым» от 11.09.2014 № 68-ЗРК [Электронный ресурс]. URL: http://gkokn.rk.gov.ru/rus/file/pub/pub_233575.pdf (дата обращения 05.08.2017).
19. Закон України «Про охорону культурної спадщини» від 08.06.2000 р. № 1805-III // Збірник нормативно-правових актів сфери охорони культурної спадщини / Сост. О. М. Сердюк та ін. Чернівці, 2011. С. 142-181.
20. Игнаткин И. А. Охрана памятников истории и культуры. Киев: Вища школа, 1990. 223 с.
21. Манаев А. Ю. Культурный ландшафт и причины его трансформации: на примере средневекового городища Мангуп-Кале // Сугдейский сборник. Киев; Судак, 2010. Вып. IV. С. 538-546.
22. Манаев А. Ю. Историческая наука в СССР в послевоенные годы и возобновление археологических исследований в Крыму // Крымское историческое обозрение. Казань; Бахчисарай, 2015. № 3. С. 131-148.
23. Могаричев Ю. М. Пещерные сооружения средневековых городищ Юго-западного Крыма // Проблемы истории «пещерных городов» в Крыму / Ред.-сост. Ю. М. Могаричев. Симферополь: Таврия, 1992. С. 5-132.
24. Наказ Держбуду України «Про Державний Реєстр національного культурного надбання (пам'ятки містобудування та архітектури України)» від 02.06.1999 р. № 128 // Пам'ятки України. 1999. № 2/3. С. 6-173.
25. Наказ Мінкультури України «Про Державний Реєстр національного культурного надбання (пам'ятки історії, монументального мистецтва та археології)» від 15.06.1999 р. № 393 // Пам'ятки України. 2000. № 2. С. 6-32.
26. Науменко В. Е. Раскопки раннесредневекового поселения у подножия Мангупа // Бахчисарайский историко-археологический сборник / Ред.-сост. И. Н. Храпунов. Симферополь: Таврия, 1997. Вып. I. С. 324-340.
27. Научно-исследовательские работы по обследованию территорий и по организации зон охраны памятников архитектуры и археологии городища Мангуп и памятников его окружи / Авторы проекта Ю. С. Воронин, А. Г. Герцен. Симферополь, 1994. Т. 6. Кн. 1-3.
28. «Не закрываю глаз на сложность, трудность и ответственность предстоящей работы в области охраны и изучения памятников Крыма...». Письма Н. И. Репникова к И. Э. Грабарю / Подг., предисл., комм. Е. А. Теркель // ИНК. Симферополь, 2006. № 14. С. 212-223.
29. Непомнящий А. А. «Пока оберегаем и спасаем...»: неизвестные материалы по истории крымоведения в переписке А. И. Маркевича и академика С. Ф. Платонова // ИНК. Симферополь, 2006. № 16. С. 138-165.
30. Непомнящий А. А. Профессор Николай Эрнст: страницы истории крымского краеведения. Киев: Стило, 2012. 464 с.
31. Общий план археологического исследования Крыма // Охрана и изучение памятников истории и культуры в Крымской АССР: Исследования и документы / Авт.-сост. А. В. Хливнюк; под ред. А. А. Непомнящего. Симферополь, 2008. С. 69-85.
32. Охоронний договір КРУ «Бахчисарайський історико-культурний заповідник» на пам'ятку археології та архітектури національного значення «Комплекс фортеці та печерного міста Мангуп-Кале» від 30.07.2012 р. // ТА ГК ОКН.
33. Паспорт на памятник истории и культуры. Городище (пещерный город) Мангуп-Кале. Составлен в 1974 г. // ТА ГК ОКН. Копия
34. Письмо Рескомитета АР Крым по делам религий в адрес Совета министров АР Крым о передаче в пользование средневековых городищ Мангуп и Эски-Кермен № 030/01-08 от 05.07.2002. Приложение: Письмо Митрополита Симферопольского и Крымского Лазаря в адрес председателя Совета министров АР Крым 30.05.2002 г. № 362 // ТА ГК ОКН. Вх. № 787/01-05 от 11.07.2002 г.
35. Письмо Рескомитета АР Крым по охране культурного наследия в адрес Бахчисарайского государственного историко-культурного заповедника о самовольном захвате Южного монастыря на Мангупе от 30.10.2003 № 5198 // ТА ГК ОКН. Исх. № 5198 от 30.10.2003 г.
36. Письмо Митрополита Симферопольского и Крымского Лазаря в адрес Рескомитета АР Крым по охране культурного наследия о передаче в пользование храмов и монастырей Мангуп-Кале и Эски-Кермена от 01.12.2003 г. № 1088 // ТА ГК ОКН. Вх. № 2067/01-06 от 04.12.2003 г.
37. Письмо Рескомитета АР Крым по охране культурного наследия в адрес Митрополита Симферопольского и Крымского Лазаря о невозможности передачи епархии храмов Мангупа и Эски-Кермена // ТА ГК ОКН. Исх. № 5878 от 08.12.2003 г.
38. Письмо Рескомитета АР Крым по охране культурного наследия депутату Верховной Рады АР Крым Сенченко А. В. о финансировании деятельности Рескомитета в 2004-2005 гг. // ТА ГК ОКН. Исх. № 981 от 22.07.2005 г.
39. Письмо Рескомитета АР Крым по делам религий в адрес Рескомитета АР Крым по охране культурного наследия о сохранности объектов культурного наследия на г. Мангуп № 908/01-08 от 30.11.2007. Приложение: Письмо Митрополита Симферопольского и Крымского Лазаря в адрес Председателя Верховной Рады АР Крым от 30.11.2007 г. № 716 // ТА ГК ОКН. Вх. № 2920/01-06 от 03.12.2007 г. Копия.
40. Письмо руководителя Крымского отделения Института востоковедения в адрес Рескомитета АР Крым по охране культурного наследия о невозможности использования епархией городища Мангуп-Кале от 19. 12. 2007 г. № 128 // ТА ГК ОКН. Вх. № 3037/01-06 от 20.12.2007 г. Копия.
41. Письмо Митрополита Симферопольского и Крымского Лазаря в адрес Председателя Верховной Рады АР Крым о возрождении христианских святынь на Мангупе от 11.10.2008 г. № 76 // ТА ГК ОКН. Копия.
42. Письмо Рескомитета АР Крым по охране культурного наследия в адрес Рескомитета АР Крым по охране окружающей природной среды об отзыве протокола об административном правонарушении // ТА ГК ОКН. Исх. № 1528 от 13.08.2010 г.
43. Письмо генерального директора КРУ «Бахчисарайский историко-культурный заповедник» в адрес Рескомитета АР Крым по охране культурного наследия о проверке состояния «пещерных городов» от 04.01.2012 № 970. Приложение: акт осмотра Мангуп-Кале от 23.11.2011 г. // ТА ГК ОКН. Вх. № 16 от 05.01.2012 г.
44. Приказ Государственного комитета по охране культурного наследия Республики Крым «Об утверждении охранного обязательства собственника или иного законного владельца

- объекта культурного наследия федерального значения «Комплекс крепости и пещерного города «Мангуп-Кале»» от 01.03.2016 № 26 [Электронный ресурс]. URL: http://gkokn.rk.gov.ru/rus/file/pub/pub_283687.pdf (дата обращения 05.08.2017).
45. Полканов А. И. Охрана памятников старины в Крыму за советский период // ИТОИАЭ. Симферополь, 1928. Т. 2. С. 173-180.
 46. Полканов А. И. История музейного дела и охраны памятников культуры за десять лет Советской власти в Крыму // ИТОИАЭ. Симферополь, 1930. Т. 4. С. 93-123.
 47. Постанова Ради Міністрів УРСР від 24.08.1963 р. № 970 «Про впорядкування справи обліку та охорони пам'ятників архітектури на території Української РСР» // Законодавство про пам'ятники історії та культури. Збірник нормативних актів / Під. ред. О. Н. Якименка. Київ: Видавництво політичної літератури України, 1970. С. 244-355.
 48. Постанова Ради Міністрів УРСР від 21.07.1965 р. № 711 «Про затвердження Списку пам'ятників мистецтва, історії та археології Української РСР» // Законодавство про пам'ятники історії та культури. Збірник нормативних актів / Під. ред. О. Н. Якименка. Київ: Видавництво політичної літератури України, 1970. С. 90-121.
 49. Постанова Кабінету Міністрів України «Про затвердження положення про Державний реєстр національного культурного надбання» від 12.08.1992 № 466 // Правові акти з охорони культурної спадщини: Додаток до щорічника «Архитектурна спадщина України». Київ, 1995. С. 140-142.
 50. Постанова Кабінету Міністрів України «Про занесення пам'яток історії, монументального мистецтва та археології національного значення до Державного Реєстру нерухомих пам'яток України» від 27. 12. 2001 р. № 1761 // Правова охорона культурної спадщини: Зб. док-в / Сост. Пархоменко Н. Т., Титова О. М. Київ: Інтерграфік, 2004. С. 207-254.
 51. Постановление Правительства Республики Крым «Об утверждении Положения о Государственном реестре недвижимых памятников истории и культуры Республики Крым» от 20.04.1995 г. № 126 // Сборник законодательства Республики Крым. 1995. № 4. Ст. 336.
 52. Постановление Совета Министров АРК «Об утверждении Комплексной программы реставрации и охраны памятников истории и культуры, включая памятники архитектуры и градостроительства, находящихся на территории АРК, на 1999-2002 гг.» от 26.10.1999 г. № 424 // Сборник нормативно-правовых актов Автономной Республики Крым. 1999. № 10. Ст. 1087.
 53. Постановление Государственного Совета Республики Крым «О мерах, направленных на сохранение объектов культурного наследия на территории Республики Крым в переходный период» от 21.05.2014 № 2152-6/14 [Электронный ресурс]. URL: <http://crimea.gov.ru/act/12186> (дата обращения 05.08.2017).
 54. Претензия Республиканского комитета Автономной Республики Крым по охране окружающей природной среды от 19.07.2010 г. № 6518/21-4 в адрес ТНУ им. В. И. Вернадского // ТА ГК ОКН. Копия.
 55. Приказ Крымревкома от 11.08.1921 г. № 450 «О национализации музеев и памятников культуры» // Ревкомы Крыма. Сборник документов и материалов / Отв. ред. Л. Д. Солодовник. Симферополь: Крым, 1968. С. 159-161.
 56. Протокол заседания Таврической ученой комиссии от 26.08.1911 г. // ИТУАК. 1911. Вып. 47. С. 29-40.
 57. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 17.10.2015 2073-р. [Электронный ресурс]. URL: <http://government.ru/media/files/XnNawtIgNdGfkAMwq9cweD5tE4N6miAy.pdf> (дата обращения 05.08.2017).
 58. Репников Н. И. Остатки укреплений Эски-Кермена // ИГАИМК. 1932. Т. 12. С. 181-212.
 59. Решение Крымоблисполкома 26/6 № 816 от 25. 08. 1948 г. «Об охране памятников архитектуры и истории в Крыму» // ГАРК. Ф. Р-3287. Оп. 2. Д. 485. Л. 148.
 60. Решение Крымоблисполкома 47/12 № 1190 от 16.11.1949 «Об итогах паспортизации исторических и археологических памятников и утверждение списков памятников общесоюзного, республиканского и областного значения» // ГАРК. Ф. Р-3287. Оп. 2. Д. 649. Л. 230-299.
 61. Решение Крымоблисполкома № 284 от 22. 05. 1979 г. «Об улучшении учета, охраны, реставрации и эксплуатации памятников архитектуры Крымской области» // ТА ГК ОКН. Копия.
 62. Руев В. Л. Объекты культурного наследия на природно-заповедных территориях в ракурсе комплексной охраны биоразнообразия и культурного наследия // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия «Исторические науки». 2013. Т. 26(65). № 1. С. 119-124.
 63. Сидоренко В. А. «Готы» области Дори Прокопия Кессарийского и «длинные стены» в Крыму // МАИЭТ. 1991. Вып. II. С. 105-118.
 64. Соколов А. А. Памятники истории и культуры Крыма: состояние, охрана, реставрация (1944-1953) // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия «Исторические науки». 2012. Т. 25(64). № 2. С. 204-216.
 65. Список археологических, архитектурных и революционных памятников и музейных зданий Крыма, находящихся в ведении КрымОХРИСА и Главнауки и считающихся национализированными (1926 г.) // Охрана и изучение памятников истории и культуры в Крымской АССР: Исследования и документы / Авт.-сост. А. В. Хливнюк; под ред. А. А. Непомнящего. Симферополь, 2008. С. 61-69.
 66. Тиханова М. А. Базилика // МИА. 1953. Вып. 34. С. 334-389.
 67. Федеральный закон «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» от 25.06.2002 № 73-ФЗ [Электронный ресурс]. URL: http://gkokn.rk.gov.ru/rus/file/pub/pub_333230.pdf (дата обращения 05.08.2017).
 68. Федеральный закон «Об особенностях правового регулирования отношений в области культуры и туризма в связи с принятием в Российскую Федерацию Республики Крым и образованием в составе Российской Федерации новых субъектов Республики Крым и города федерального значения Севастополя» от 12.02.2015 № 9-ФЗ [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/39406> (дата обращения 05.08.2017).
 69. Хливнюк А. В. Центральные государственные реставрационные мастерские и охрана памятников в Крыму // Охрана и изучение памятников истории и культуры в Крымской АССР: Исследования и документы / Авт.-сост. А. В. Хливнюк; под ред. А. А. Непомнящего. Симферополь, 2008. С. 9-40.
 70. Шаманаев А. В. Охрана археологических памятников «пещерных городов» Крыма в XIX — начале XX в. // АДСВ. 2008. Вып. 38. С. 297-313.
 71. Шрег Р. К вопросу изучения освоения Мангупа и Эски-Кермена в эпоху Великого переселения народов и средние века с точки зрения археологии поселения и окружающей среды // МАИЭТ. 2009. Вып. XV. С. 174-195.
 72. Эрнст Н. Л. Летопись археологических раскопок и разведок в Крыму за 10 лет (1921-1930 г.) // ИТОИАЭ. Симферополь, 1930. Т. 4. С. 72-92.
 73. Эрнст Н. Л. Эски-Кермен и пещерные города Крыма // ИТОИАЭ. Симферополь, 1929. Т. 3. С. 15-43.
 74. Юрочкин В. Ю. Сессии по истории Крыма и становление археологической науки в послевоенном Крыму // История и археология Крыма / Отв. ред. В. В. Майко. Симферополь, 2016. С. 187-204.
 75. Якобсон А. Л. О раннесредневековых крепостных стенах Мангупа // КСИИМК. 1949. Вып. XXIX. С. 55-63.
 76. Maczynska M., Gercen A., Ivanova O., Cernys S., Lukin S., Urbaniak A., Bemman J., Schneider K., Jakubczyk I. Das fruhmittelalterliche Graberfeld Almalyk-Dere am Fusse des Mangup auf der Sudwestkrim. Mainz, 2016. 205 s.
 77. Cultural Landscape of «Cave Towns» of the Crimean Gothia [Электронный ресурс]. URL: <http://whc.unesco.org/en/tentativelists/577> (дата обращения 05.08.2017).

REFERENCES

1. Androsov S. A. Osnovnye tendencii muzejnogo stroitel'stva v Krymu v 1930-e gody. *Istoricheskoe nasledie Kryma*, Simferopol, 2014, pp. 168-180.
2. Androsov S. A. Okhrana pamjatnikov istorii i kul'tury Kryma v 20-30-e gody XX veka. *Kul'tura narodov Prichernomor'ja*, Simferopol, 2005, No. 66, pp. 7-16.
3. Sekirinskij S. A., Danilenko V. N., Gurkovich V. N. *Arhitekturno-arheologicheskaja karta pamjatnika arhitektury gorodishha Mangup bliz s. Zalesnoe Bahchisarajskogo rajona Krymskoj oblasti*. Simferopol, 1982, T. 1, 99 p.
4. Bert'e-Delagard A. L. Kalamita i Feodoro. *Izvestija Tavricheskoy uchenoy archivnoy komissii*, 1918, vol. 55, pp. 1-44.

5. Vejrnar E. V. Razvedki oboronitel'nykh sten i nekropolja. *Materialy i issledovanija po arheologii SSSR*, Moscow, Leningrad, AN SSSR Publ., 1953, vol. 34, pp. 419-429.
6. *Vtoraja konferencija arheologov SSSR v Hersonese*. Sevastopol, 1927, 67 p.
7. *Gosudarstvennyj reestr nedvizhimykh pamjatnikov istorii i kul'tury Respubliki Krym (po sostojaniju na 01.01.95 g.)*. Simferopol, 1995, Book 2, 216 p.
8. Gercen A. G. Krepostnoj ansambl' Mangupa. *Materialy po arheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol, 1990, vol. I, pp. 87-166.
9. Gercen A. G., Karlov S. V. Dozornyj i kul'tovyj kompleks pod okonechnost'ju mysy Teshk-li-burun (Mangup). Levada M. E., Samojlenko L. G. (Eds.), *Goty i Rim*. Kiev, Stilos Publ., 2006, pp. 221-253.
10. Gercen A. G., Naumenko V. E., Chernysh S. A. Arheologicheskie issledovanija Mangupa. Myz V. L. (Ed.), *Arheologicheskie issledovanija v Krymu*. 1995 g., Simferopol, Sonat Publ., 2007, pp. 44-48.
11. Gercen A. G. N. I. Repnikov o Mangupe. *Istoricheskoe nasledie Kryma*, Simferopol, 2007, No. 17, pp. 30-38.
12. Gercen A. G. Arheologicheskie issledovanija Mangupa v 1967-1977 gg. Petrova E. B. (Ed.), *Hersonesskij kolokol*, Simferopol, Sonat Publ., 2008, pp. 305-321.
13. Gercen A. G. Mangup glazami issledovatelej i puteshestvennikov (XVI — nachalo XX vv.). Mogarichev Yu. M. (Ed.), *Bahchisarajskij istoriko-arheologicheskij sbornik*, Simferopol, Antikva Publ., 2008, pp. 212-254.
14. Gercen A. G., Naumenko V. E. Tri programmy arheologicheskogo izuchenija Mangupa. *Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii "I Bahchisarajskie nauchnye chtenija pamjati E. V. Vejrnara"*, Bahchisaraj, 2012, pp. 24-25.
15. Gercen A. G., Naumenko V. E., Dushenko A. A., Korzjuk D. V., Lavrov V. V., Smekalova T. N., Shvedchikova T. Ju., Chudin A. V. Novye materialy k izucheniju istoricheskoi topografii Mangupskogo gorodishha i ego okrug (po rezul'tatam mezhdisciplinarnykh issledovanij 2015 g.). *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta im. V. I. Vernadskogo. Serija «Istoricheskie nauki»*, 2015, vol. 1(67), No. 2, pp. 3-28.
16. Gercen A. G. Vspominaja Vitalija Nikolaevicha Danilenko (Strana «peshhernykh gorodov»: nezavershennyj proekt UNESCO. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta im. V. I. Vernadskogo. Serija «Istoricheskie nauki»*, 2016, vol. 2(68), No. 1, pp. 26-38.
17. Zakon Respubliki Krym «Ob ohrane i ispol'zovanii pamjatnikov istorii i kul'tury» ot 30.06.1993 g. № 362-1. *Vedomosti Verhovnogo Soveta Kryma*, 1993, No. 3, St. 122.
18. Zakon Respubliki Krym «Ob objektah kul'turnogo nasledija v Respublike Krym» ot 11.09.2014 № 68-ZRK. Available at: http://gkokn.rk.gov.ru/rus/file/pub/pub_233575.pdf (accessed: 05.08.2017).
19. Zakon Ukraini «Pro ohoronu kul'turnoi spadshhini» vid 08.06.2000 r. № 1805-III. Serdjuk O. M. (Ed.), *Zbirnik normativno-pravovih aktiv sferi ohoroni kul'turnoi spadshhini*, Chernigiv, 2011, pp. 142-181.
20. Ignatkin I. A. *Ohrana pamjatnikov istorii i kul'tury*. Kiev, Vishha shkola Publ., 1990, 223 p.
21. Manaev A. Yu. Kul'turnyj landshaft i prichiny ego transformacii: na primere srednevekovogo gorodishha Mangup-Kale. Kukoval'skaja N. M. (Ed.), *Sugdejskij sbornik*, Kiev, Sudak, 2010, vol. IV, pp. 538-546.
22. Manaev A. Yu. Istoricheskaja nauka v SSSR v poslevoennye gody i vozobnovlenie arheologicheskikh issledovanij v Krymu. *Krymskoe istoricheskoe obozrenie*, Kazan, Bahchisaraj, 2015, No. 3, pp. 131-148.
23. Mogarichev Yu. M. Peshhernye sooruzhenija srednevekovykh gorodishh Jugo-zapadnogo Kryma. Mogarichev Yu. M. (Ed.), *Problemy istorii «peshhernykh gorodov» v Krymu*, Simferopol, Tavrija Publ., 1992, pp. 5-132.
24. Nakaz Derzhbudu Ukraini «Pro Derzhavnij Reestr nacional'nogo kul'turnogo nadbannja (pam'jatki mistobuduvannja ta arhitekturi Ukraini)» (pam'jatki mistobuduvannja ta arhitekturi Ukraini) vid 02.06.1999 r. № 128. *Pam'jatki Ukraini*, 1999, No. 2/3, pp. 6-173.
25. Nakaz Minkul'turi Ukraini «Pro Derzhavnij Reestr nacional'nogo kul'turnogo nadbannja (pam'jatki istorii, monumental'nogo mistectva ta arheologii)» vid 15.06.1999 r. № 393. *Pam'jatki Ukraini*, 2000, No. 2, pp. 6-32.
26. Naumenko V. E. Raskopki rannesrednevekovogo poselenija u podnozhiya Mangupa. Hrapunov I. N. (Ed.), *Bahchisarajskij istoriko-arheologicheskij sbornik*, Simferopol, Tavrija Publ., 1997, vol. I, pp. 324-340.
27. Voronin Yu. S., Gercen A. G. *Nauchno-issledovatel'skie raboty po obsledovaniju territorij i po organizacii zon ohrany pamjatnikov arhitektury i arheologii gorodishha Mangup i pamjatnikov ego okrug*. Simferopol, 1994, T. 6, Kn. 1-3.
28. «Ne zakryvaju glaz na slozhnost', trudnost' i otvetstvennost' predstojashhej raboty v oblasti ohrany i izuchenija pamjatnikov Kryma...». Pis'ma N. I. Repnikova k I. E. Grabaryu. *Istoricheskoe nasledie Kryma*, Simferopol, 2006, No. 14, pp. 212-223.
29. Nepomnjashij A. A. «Poka oberegajem i spasaem...»: neizvestnye materialy po istorii krymovenenija v perepiske A. I. Markevicha i akademika S. F. Platonova. *Istoricheskoe nasledie Kryma*, Simferopol, 2006, No. 16, pp. 138-165.
30. Nepomnjashij A. A. Professor Nikolaj Ernst: stranicy istorii krymskogo kraevedenija. Kiev, Stilos Publ., 2012, 464 p.
31. Obshhij plan arheologicheskogo issledovanija Kryma. Nepomnjashij A. A., Hlivnyuk A. V. (Eds.), *Okhrana i izuchenie pamjatnikov istorii i kul'tury v Krymskoj ASSR: Issledovanija i dokumenty*, Simferopol, 2008, pp. 69-85.
32. Okhoronnij dogovor KRU «Bakhchisarajskii istoriko-kul'turnij zapovidnik» na pam'iatku arkheologii ta arhitekturi nacional'nogo znachennia «Kompleks fortetsi ta pechernogo mista Mangup-Kale» vid 30.07.2012 r. *Tekushij arkhiv Gosudarstvennogo komiteta po okhrane kul'turnogo nasledija Respubliki Krym*.
33. Pasport na pamjatnik istorii i kul'tury. Gorodishhe (peshernyj gorod) Mangup-Kale. Sostavljen v 1974 g. *Tekushij arkhiv Gosudarstvennogo komiteta po okhrane kul'turnogo nasledija Respubliki Krym*.
34. Pis'mo Reskomiteta AR Krym po delam religij v adres Soveta ministrov AR Krym o peredache v pol'zovanie srednevekovykh gorodishh Mangup i Eski-Kermen № 030/01-08 ot 05.07.2002. Prilozhenie: Pis'mo Mitropolita Simferopol'skogo i Krymskogo Lazarja v adres predsedatelja Soveta ministrov AR Krym 30.05.2002 g. № 362. *Tekushij arkhiv Gosudarstvennogo komiteta po okhrane kul'turnogo nasledija Respubliki Krym*. Incoming number 787/01-05 ot 11.07.2002 g.
35. Pis'mo Reskomiteta AR Krym po okhrane kul'turnogo nasledija v adres Bahchisarajskogo gosudarstvennogo istoriko-kul'turnogo zapovednika o samovol'nom zahvate Yuzhnogo monastyra na Mangupe ot 30.10.2003 № 5198. *Tekushij arkhiv Gosudarstvennogo komiteta po okhrane kul'turnogo nasledija Respubliki Krym*. Reference number 5198 ot 30.10.2003 g.
36. Pis'mo Mitropolita Simferopol'skogo i Krymskogo Lazarja v adres Reskomiteta AR Krym po okhrane kul'turnogo nasledija o peredache v pol'zovanie hramov i monastyrej Mangup-Kale i Eski-Kermen ot 01.12.2003 g. № 1088. *Tekushij arkhiv Gosudarstvennogo komiteta po okhrane kul'turnogo nasledija Respubliki Krym*. Incoming number 2067/01-06 ot 04.12.2003 g.
37. Pis'mo Reskomiteta AR Krym po okhrane kul'turnogo nasledija v adres Mitropolita Simferopol'skogo i Krymskogo Lazarja o nevozmozhnosti peredachi eparhii hramov Mangupa i Eski-Kermen. *Tekushij arkhiv Gosudarstvennogo komiteta po okhrane kul'turnogo nasledija Respubliki Krym*. Reference number 5878 ot 08.12.003 g.
38. Pis'mo Reskomiteta AR Krym po okhrane kul'turnogo nasledija deputatu Verhovnoj Rady AR Krym Senchenko A. V. o finansirovanii dejatel'nosti Reskomiteta v 2004 — 2005 gg. *Tekushij arkhiv Gosudarstvennogo komiteta po okhrane kul'turnogo nasledija Respubliki Krym*. Reference number 981 ot 22.07.2005 g.
39. Pis'mo Reskomiteta AR Krym po delam religij v adres Reskomiteta AR Krym po ohrane kul'turnogo nasledija o sohrannosti objektov kul'turnogo nasledija na g. Mangup № 908/01-08 ot 30.11.2007. Prilozhenie: Pis'mo Mitropolita Simferopol'skogo i Krymskogo Lazarja v adres Predsedatelja Verhovnoj Rady AR Krym ot 30.11.2007 g. № 716. *Tekushij arkhiv Gosudarstvennogo komiteta po okhrane kul'turnogo nasledija Respubliki Krym*. Incoming number 2920/01-06 ot 03.12.2007 g.
40. Pis'mo rukovoditelja Krymskogo otdelenija Instituta vostokovedenija v adres Reskomiteta AR Krym po okhrane kul'turnogo nasledija o nevozmozhnosti ispol'zovanija eparhiej gorodishha

- Mangup-Kale ot 19.12.2007 g. № 128. *Tekushiy arkhiv Gosudarstvennogo komiteta po okhrane kulturnogo naslediya Respubliki Krym*. Incoming number 3037/01-06 ot 20.12.2007 g.
41. Pis'mo Mitropolita Simferopol'skogo i Krymskogo Lazarja v adres Predsedatelya Verhovnoj Rady AR Krym o vozrozhdenii khristianskih svjatyh na Mangupe ot 11.10.2008 g. № 76. *Tekushiy arkhiv Gosudarstvennogo komiteta po okhrane kulturnogo naslediya Respubliki Krym*.
 42. Pis'mo Reskomiteta AR Krym po okhrane kul'turnogo nasledija v adres Reskomiteta AR Krym po okhrane okruzhajushhej prirodnoj sredy ob otzyve protokola ob administrativnom pravorushenii. *Tekushiy arkhiv Gosudarstvennogo komiteta po okhrane kulturnogo naslediya Respubliki Krym*. Reference number 1528 ot 13.08.2010 g.
 43. Pis'mo general'nogo direktora KRU «Bahchisarajskij istoriko-kul'turnyj zapovednik» v adres Reskomiteta AR Krym po okhrane kul'turnogo nasledija o provere sostojanija «peshernyh gorodov» ot 04.01.2012 № 970. Prilozhenie: akt osmotra Mangup-Kale ot 23.11.2011 g. *Tekushiy arkhiv Gosudarstvennogo komiteta po okhrane kulturnogo naslediya Respubliki Krym*. Incoming number 16 ot 05.01.2012 g.
 44. Prikaz Gosudarstvennogo komiteta po okhrane kul'turnogo nasledija Respubliki Krym «Ob utverzhdenii okhrannogo objazatel'stva sobstvennika ili inogo zakonnoho vladel'ca objekta kul'turnogo nasledija federal'nogo znachenija «Kompleks kreposti i peshernogo goroda «Mangup-Kale» ot 01.03.2016 № 26. Available at: http://gkokn.rk.gov.ru/rus/file/pub/pub_283687.pdf (accessed: 05.08.2017).
 45. Polkanov A. I. Okhrana pamjatnikov stariny v Krymu za sovetskij period. *Izvestiya Tavricheskogo obshestva istorii, arkhologii i etnografii*, Simferopol, 1928, vol. 2, pp. 173-180.
 46. Polkanov A. I. Istorija muzejnogo dela i okhrany pamjatnikov kul'tury za desjat' let Sovetskoy vlasti v Krymu. *Izvestiya Tavricheskogo obshestva istorii, arkhologii i etnografii*, Simferopol, 1930, vol. 4, pp. 93-123.
 47. Postanova Radi Ministriv URSR vid 24.08.1963 r. № 970 «Pro vporjadkuvannja spravi obliku ta ohoroni pam'jatnikov arhitekturi na teritorii Ukraïns'koï RSR». Yakimenko O. N. (Ed.), *Zakonodavstvo pro pam'jatniki istorii ta kul'turi. Zbirnik normativnih aktiv*, Kiïv, Politichna literatura Ukraïni Publ., 1970, pp. 244-355.
 48. Postanova Radi Ministriv URSR vid 21.07.1965 r. № 711 «Pro zatverdzhennja Spisku pam'jatnikov mistectva, istorii ta arheologii Ukraïns'koï RSR». Yakimenko O. N. (Ed.), *Zakonodavstvo pro pam'jatniki istorii ta kul'turi. Zbirnik normativnih aktiv*, Kiïv, Politichna literatura Ukraïni Publ., 1970, pp. 90-121.
 49. Postanova Kabinetu Ministriv Ukraïni «Pro zatverdzhennja polozhennja pro Derzhavnij reestr nacional'nogo kul'turnogo nadbannja» vid 12.08.1992 № 466. *Pravovi akti z ohoroni kul'turnoi spadshhini: Dodatok do shhorichnika «Arhitekturna spadshhina Ukraïni»*, Kiev, 1995, pp. 140-142.
 50. Postanova Kabinetu Ministriv Ukraïni «Pro zanesennja pam'jatok istorii, monumental'nogo mistectva ta arheologii nacional'nogo znachenija do Derzhavnogo Reestru neruhomih pam'jatok Ukraïni» vid 27.12.2001 r. № 1761. Parhomenko N. T., Titova O. M. (Eds.), *Pravova ohorona kul'turnoi spadshhini*, Kiev, Intergrafik Publ., 2004, pp. 207-254.
 51. Postanovlenie Pravitel'stva Respubliki Krym «Ob utverzhdenii Polozhenija o Gosudarstvennom reestre nedvizhimyh pamjatnikov istorii i kul'tury Respubliki Krym» ot 20.04.1995 g. № 126. *Sbornik zakonodatel'stva Respubliki Krym*, 1995, No. 4, St. 336.
 52. Postanovlenie Soveta Ministrov ARK «Ob utverzhdenii Kompleksnoj programmy restavracii i ohrony pamjatnikov istorii i kul'tury, vkljuchaja pamjatniki arhitektury i gradostroitel'stva, nahodjashhihsja na territorii ARK, na 1999-2002 gg.» ot 26.10.1999 g. № 424. *Sbornik normativno-pravovyh aktov Avtonomnoj Respubliki Krym*, 1999, No. 10, St. 1087.
 53. Postanovlenie Gosudarstvennogo Soveta Respubliki Krym «O merakh, napravlenykh na sokhranenie objektov kul'turnogo nasledija na territorii Respubliki Krym v perehodnyj period» ot 21.05.2014 № 2152-6/14. Available at: <http://crimea.gov.ru/act/12186> (accessed: 05.08.2017).
 54. Pretenzija Respublikanskogo komiteta Avtonomnoj Respubliki Krym po okhrane okruzhajushhej prirodnoj sredy ot 19.07.2010 g. № 6518/21-4 v adres TNU im. V. I. Vernadskogo. *Tekushiy arkhiv Gosudarstvennogo komiteta po okhrane kulturnogo naslediya Respubliki Krym*.
 55. Prikaz Krymrevkoma ot 11.08.1921 g. № 450 «O nacionalizacii muzeev i pamjatnikov kul'tury». Solodovnik L. D. (Ed.), *Revkomu Kryma. Sbornik dokumentov i materialov*, Simferopol, 1968, pp. 159-161.
 56. Protokol zasedanija Tavricheskoy uchenoj komissii ot 26.08.1911 g. *Izvestiya Tavricheskoy uchenoy archivnoj komissii*, Simferopol, 1911, vol. 47, pp. 29-40.
 57. Rasporyazhenie Pravitel'stva Rossijskoj Federacii ot 17.10.2015 2073-r. Available at: <http://government.ru/media/files/XnNawtIgNdGfAMWq9cweD5tE4N6miAy.pdf> (accessed: 05.08.2017).
 58. Repnikov N. I. Ostatki ukreplenij Eski-Kermen. *Izvestiya gosudarstvennoj akademii material'noy kul'tury*, 1932, vol. 12, pp. 181-212.
 59. Reshenie Krymoblispolkoma 26/6 № 816 ot 25.08.1948 g. «Ob ohrane pamjatnikov arhitektury i istorii v Krymu». *Gosudarstvennyi arkhiv v Respublike Krym*. F. R-3287. Op. 2. D. 485. L. 148.
 60. Reshenie Krymoblispolkoma 47/12 № 1190 ot 16.11.1949 «Ob itogah pasportizacii istoricheskikh i arheologicheskikh pamjatnikov i utverzhdenie spiskov pamjatnikov obshhesojuznogo, respublikanskogo i oblastnogo znachenija». *Gosudarstvennyi arkhiv v Respublike Krym*. F. R-3287. Op. 2. D. 649. L. 230-299.
 61. Reshenie Krymoblispolkoma № 284 ot 22.05.1979 g. «Ob uluchshenii ucheta, okhrany, restavracii i ekspluatcii pamjatnikov arhitektury Krymskoj oblasti». *Tekushiy arkhiv Gosudarstvennogo komiteta po okhrane kulturnogo naslediya Respubliki Krym*.
 62. Ruev V. L. Ob#ekty kul'turnogo nasledija na prirodno-zapovednyh territorijah v rakhse kompleksnoj okhrany bioraznoobrazija i kul'turnogo nasledija. *Uchenye zapiski Tavricheskogo nacional'nogo universiteta im. V. I. Vernadskogo. Serija «Istoricheskie nauki»*, 2013, vol. 26(65), No. 1, pp. 119-124.
 63. Sidorenko V. A. «Goty» oblasti Dori Prokopija Kessarijskogo i «dlinnye steny» v Krymu. *Materialy po arheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol, 1991, vol. II, pp. 105-118.
 64. Sokolov A. A. Pamjatniki istorii i kul'tury Kryma: sostojanie, ohrana, restavracija (1944-1953). *Uchenye zapiski Tavricheskogo nacional'nogo universiteta im. V. I. Vernadskogo. Serija «Istoricheskie nauki»*, 2012, vol. 25(64), No. 2, pp. 204-216.
 65. Spisok arheologicheskikh, arhitekturnykh i revoljucionnykh pamjatnikov i muzejnykh zdaniy Kryma, nahodjashhihsja v vedenii KrymOKHRISA i Glavnauki i schitajushhihsja nacionalizirovannymi (1926 g.). Nepomnjashhij A. A., Hlivnyuk A. V. (Eds.), *Ohrana i izuchenie pamjatnikov istorii i kul'tury v Krymskoj ASSR: Issledovanija i dokumenty*, Simferopol, 2008, pp. 61-69.
 66. Tihanova M. A. Bazilika. *Materialy i issledovanija po arheologii SSSR*, Moscow, Leningrad, AN SSSR Publ., 1953, vol. 34, pp. 334-389.
 67. Federal'nyj zakon «Ob objektah kul'turnogo nasledija (pamjatnikah istorii i kul'tury) narodov Rossijskoj Federacii» ot 25.06.2002 № 73-FZ. Available at: http://gkokn.rk.gov.ru/rus/file/pub/pub_333230.pdf (accessed: 05.08.2017).
 68. Federal'nyj zakon «Ob osobennostjakh pravovogo regulirovanija otnoshenij v oblasti kul'tury i turizma v svjazi s prinjatijem v Rossijskuju Federaciju Respubliki Krym i obrazovanijem v sostave Rossijskoj Federacii novyh subjektov Respubliki Krym i goroda federal'nogo znachenija Sevastopolja» ot 12.02.2015 № 9-FZ. Available at: <http://kremlin.ru/acts/bank/39406> (accessed: 05.08.2017).
 69. Hlivnyuk A. V. Central'nye gosudarstvennye restavracionnye masterskie i ohrana pamjatnikov v Krymu. Nepomnjashhij A. A., Hlivnyuk A. V. (Eds.), *Ohrana i izuchenie pamjatnikov istorii i kul'tury v Krymskoj ASSR: Issledovanija i dokumenty*, Simferopol, 2008, pp. 9-40.
 70. Shamanaev A. V. Okhrana arheologicheskikh pamjatnikov «peshernyh gorodov» Kryma v XIX — nachale XX v. *Antichnaya drevnost i srednje veka*, 2008, vol. 38, pp. 297-313.
 71. Shreg R. K voprosu izuchenija osvoenija Mangupa i Eski-Kermen v epokhu Velikogo peregelenija narodov i sredne veka s tochki zrenija arheologii poselenija i okruzhajushhej sredy. *Materialy po arheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol, 2009, vol. XV, pp. 174-195.
 72. Ernst N. L. Letopis' arheologicheskikh raskopok i razvedok v Krymu za 10 let (1921-1930 g.). *Izvestiya Tavricheskogo obshestva istorii, arkhologii i etnografii*, Simferopol, 1930, vol. 4, pp. 72-92.
 73. Ernst N. L. Eski-Kermen i peshhernye goroda Kryma. *Izvestiya Tavricheskogo obshestva istorii, arkhologii i etnografii*, Simferopol, 1929, vol. 3, pp. 15-43.
 74. Yurochkin V. Yu. Sessii po istorii Kryma i stanovlenie arheologicheskoy nauki v poslevoennom Krymu. Majko V. V. (Ed.), *Istorija i arheologija Kryma*, Simferopol, 2016, pp. 187-204.
 75. Jakobson A. L. O ranne-srednevekovykh krepostnykh stenakh Mangupa. *Kratkije soobshhenija Instituta istorii material'noy kul'tury*, 1949, vol. XXIX, pp. 55-63.

76. Maczynska M., Gercen A., Ivanova O., Cernys S., Lukin S., Urbaniak A., Bemman J., Schneider K., Jakubczyk I. *Das fruhmittelalterliche Graberfeld Almalyk-Dere am Fusse des Mangup auf der Sudwestkrim*. Mainz, 2016, 205 p.
77. Cultural Landscape of «Cave Towns» of the Crimean Gothia. Available at: <http://whc.unesco.org/en/tentativelists/577> (accessed: 05.08.2017).

Манаев А. Ю., Зарубин В. Г.

Мангуп-Кале в системе государственной охраны памятников в 1917-2017 гг.

Резюме

В статье рассмотрены основные проблемы охраны памятников средневекового городища Мангуп-Кале в 1917-2017 гг. Проанализированы аспекты государственного учета объектов культурного наследия, разработки охранного зонирования памятника, проведения реставрационных работ. Отдельное внимание уделено перспективам включения Мангупа в Список Всемирного культурного наследия ЮНЕСКО и важности дальнейших исследований в контексте сохранения культурного ландшафта Мангуп-Кале и его ближайшего окружения.

Ключевые слова: Мангуп-Кале, охрана культурного наследия, Республика Крым.

Manaev A. Ju., Zarubin V. G.

Mangup-Kale in the System of the State Protection of Monuments from 1917 to 2017

Summary

This article addresses the main aspects of the protection of monuments located in the mediaeval fortress of Mangup-Kale from 1917 to 2017 by analyzing diverse aspects of the state registration of cultural heritage objects, protective zoning of the fortress, and conduction of restoration works. Particular attention has been paid to the perspectives of the inscription of Mangup into the UNESCO World Heritage List and further researches significance for the preservation of the cultural landscape of Mangup-Kale and its immediate environs.

Keywords: Mangup-Kale, cultural heritage protection, Republic of the Crimea.

Д. А. ЛОМАКИН

**«ОБШИРНАЯ МЕЧЕТЬ,
РАЗВАЛИНЫ КОЕЙ ЗАМЕТНЫ И ДОНЫНЕ»¹:
ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ
ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕТВЕРТИ XVIII — НАЧАЛА XXI ВВ.
О МЕЧЕТИ СРЕДНЕВЕКОВОЙ КРЕПОСТИ
КЫРК-ЕР (ЧУФУТ-КАЛЕ)²**

Изменение политической ситуации, как в Крыму, так и за его пределами, нестабильность внутри Золотой Орды в середине XIV в. привели к постепенному нарастанию предкризисных факторов внутри Солхата. Потеря контроля над экономической ситуацией в регионе, постоянная угроза нападения и отсутствие надежной защиты, несмотря на грандиозное строительство оборонительных сооружений, смещение вектора политических интересов определили снижение роли Солхата как экономического, военного, культурного и, прежде всего, административного центра и перенос Хаджи-Гиреем столицы формирующегося Крымского ханства в середине XV в. в хорошо укрепленную горную крепость Кырк-Ер³.

С 1454 г. в новом центре начинается чеканка монеты, что свидетельствует о существовании на городище монетного двора. О мусульманском периоде истории города также напоминают дюрбе Джанике-Ханым, руинированные остатки мечети, различные фрагменты архитектурных деталей, часто использованные при постройке более поздних сооружений. Также логичным будет предположение, что «правители ханства должны были иметь в городе дворец. Косвенно на это указывают сведения письменных источников. <...> Указанием на его местоположение могут служить устные предания о существовании дворца в районе южных ворот, где скрыты руины монументальных построек» [11, с. 185].

После присоединения Крыма к России посетивших полуостров путешественников неизменно привлекал Бахчисарай, столица Крымского ханства. Не мог остаться в стороне и заселенный к тому моменту караимами город Чуфут-Кале, расположенный в получасе ходьбы от ханского дворца. Крепость удивляла своей природной неприступностью, этнокультурной самобытностью, во многом тогда еще неизученной историей

¹ Цитата по: [6, с. 436].

² Работа выполнена в рамках базовой части государственного задания Минобрнауки РФ № 33.5763. 2017/БЧ по теме «Российская империя и Крым: основные проблемы, концепции, понятия» и программы развития ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского», проект ГСУ/2016/3 «Академическая мобильность молодых ученых России — АММУР».

³ По мнению И. В. Зайцева, впервые город был проверен на прочность в 1238 г., когда он пал под натиском войска Шибана, внука Чингизхана, младшего брата Батыя, после чего, скорее всего, представлял собой полуавтономное аланское владение во главе с ханским наместником, обложенное налогом на манер русских княжеств, который поступал лично ханам [15, с. 499]. А. Г. Герцен связывает окончательный захват Кырк-Ера со временем правления Джанибека в период между 1342 и 1363 гг. [11, с. 140].

Рис. 1. План-схема Чуфут-Кале и его окружи [по: 11, с. 8]

объектов» [21, с. 350]. Информация о мечети на городище в подобных источниках практически отсутствует, либо носит крайне фрагментированный характер.

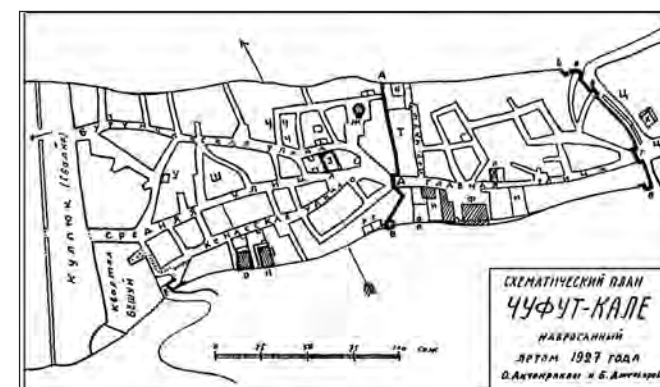
В 1793 г. Крымский полуостров посетил академик П. С. Паллас. Осматривая древности Чуфут-Кале, он оставил следующую запись: «Виднеется мавзолей дочери хана Тохтамыш, состоящий из двух усыпальниц, одна над другой; с западной стороны он украшен изящным сводчатым портиком. Могила или мавзолей должен был быть построен для дочери Тохтамыш-хана, похищенной одним мурзой при помощи хитрости и бежавшим в эту крепость, в то время находившуюся во владении генуэзцев. Со времени этого происшествия прошло приблизительно 350 лет. Татары в то время имели много домов и мечеть в Чуфут-Кале» [22, с. 32]. Основываясь на обычной для ученого точности, неоднократно продемонстрированной в своих работах, есть основания предположить, что к моменту его визита в крепость мечеть находилась в заброшенном рунированном состоянии, при этом в архитектурном плане она не выделялась из общей массы обыденных построек городища.

Крым, как новое территориальное приобретение Российской империи, явился мощным импульсом совершенствования и распространения научных знаний о полуострове. Крымоведение к середине XIX в. стало одним из важнейших направлений отечественной исторической науки, краеведческие публикации знакомили читателя не только с общими вопросами развития региона, но и зачастую касались отдельных специфических отраслей знаний. Работы местных исследователей не оставили без внимания самобытные памятники Чуфут-Кале. Переводчик восточных языков при Таврическом гражданском губернаторе Ф. М. Домбровский в 1848 г. отметил, что при строительстве караимских построек использованы фрагменты мусульманской архитектуры крепости, в том числе, по его мнению, мечети: «Легко согласиться с тем, что

своего существования, что придавало поселению ареол таинственности и романтизма. Многочисленные вояжеры и исследователи (Д. Вебстер, Э. Гендерсон, Э. Д. Кларк, Р. Лайелл, Д. де Монпере, Ш. Ж. Ромм и др.) оставили разнообразные путевые записи, являющиеся важнейшим источником по истории изучения культурного наследия городища. Сведения иностранцев отличаются по своей точности, достоверности и стилю составления. Эти произведения во многом несут отпечаток субъективности и образованности их авторов. При этом, по справедливому замечанию А. И. Набокова, «Чуфут-Кале со своим караимским населением, необычным как в религиозном, так и бытовом плане, привлекал больше внимания как местообитание этого затерянного народа, чем древнее укрепленное городище. Отсюда скудость информации об устройстве его фортификационных сооружений и редкость детальных описаний отдельно взятых

в Чуфут-Кале была построена одним из ханов обширная мечеть, которая, как говорит предание, действительно существовала на том самом месте, на котором в настоящее время находится мавзолей над прахом дочери Тохтамыш-хана Ненекеджан-Ханым. Предание это, между прочим, подтверждается тем, что в некоторых зданиях Чуфут-Кале доселе попадаются камни с арабскими, обронной работы, буквами» [14, с. 384].

Авторитетный караимский общественно-политический деятель, исполняющий обязанности Таврического и Одесского гахама в 1855-1857 гг. С. А. Бейм соотнес возведение мечети на территории городища с правлением Менгли-Гирея I: «Здесь жил хан Менгли-Гирей, спасав-

А. Средняя крепостная стена.	Н. Караимская кенасса.
Б. Восточная креп. стена.	О. Западный кенасса.
В. Крепостные башни.	П. «Копка-куя», скважина колодезь и скале для подъема тяжестей и воды.
Г. Вост. креп. ворота.	Р. Хаммам-коба (блинная пещера).
Д. Средние креп. ворота.	С. Сакы-коба (мистическая п.).
Е. Малые креп. ворота.	Т. Место б. ханского монетного двора.
Ж. Мавзолей «Ненекеджан».	У. Развалины древнего монументального здания.
З. Развалины мечети.	Ф. Караимский общественный дом-дворец, выстроенный в 1896 г.
И. Бывш. дом А. Фирковича.	Х. Бассейн в скале.
К. Пещера Чауша (известная под названием «судилища» и «темницы»).	Ц. Привокзальная площадь.
Л. Бывш. дом караима Помпа, ныне домик Бахчисар. музея, предназнач. для помещения науч. работников.	Ч. Старый базар.
М. Бывш. дом С. Бейма.	Ш. Место б. караимской школы.

Рис. 2. Схематический план городища Чуфут-Кале, составленный О.-Н. А. Акчокраклы. 1927 г. [по: 3, с. 161]

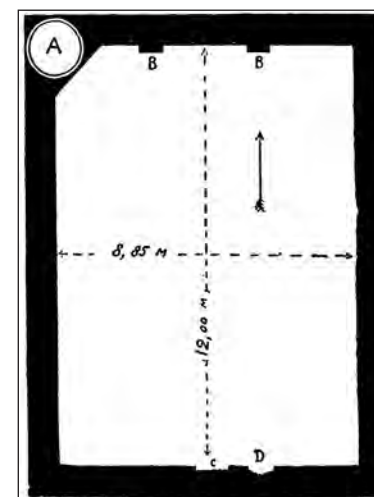

Рис. 3. План мечети в Чуфут-Кале. Составлен О.-Н. А. Акчокраклы. 1927 г. [по: 3, с. 168]

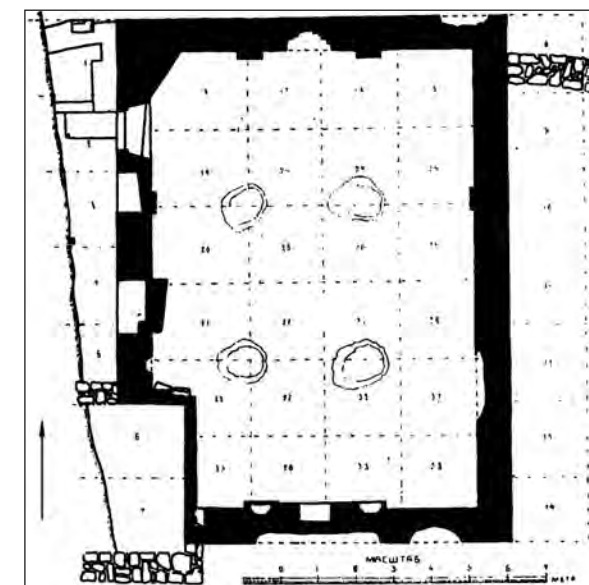

Рис. 4. План мечети на городище Чуфут-Кале, составленный У. А. Боданинским по результатам археологических работ 1928-1929 гг. [по: 4, с. 177]

Рис. 5. Руины мечети до начала археологических исследований. Вид с юго-востока. 1928 г. [БИКАМЗ, каталог фотонегативов, инв. № Н-58]

большого татарского кладбища вне города. <...> От этих же мусульманских времен кое-где в старом городе попадаются в низах домов камни с восточным орнаментом, однако, возможно, что эти камни находятся не на первоначальном месте» [7, с. 112]. Возведение постройки автором было отнесено к XIV в.

С А. Л. Бертъе-Делагардом был не согласен Т. С. Леви-Бабович, караимский общественный и религиозный деятель, старший газзан в Севастополе (1911-1931 гг.), в дальнейшем — каирский гахам (1934-1956 гг.). Он отрицал возможность существования мечети на месте руин близ дюрбе: «Развалины эти никак не могут принадлежать к остаткам мечети. От здания сохранилась в целости лишь одна северная стена <...>, и эта самая стена служит явным опровержением мнения Б[ертъе]-Делагарда. <...> Стена с внешней стороны имеет действительно хорошо сохранившуюся восточную орнаментировку, но орнаментировка здесь не сплошная по всей поверхности стены, а только местами и симметричность в расположении орнаментировок не соблюдена, как следовало бы <...> для мечети. <...>

Рис. 6. Археологическое исследование мечети. 1928-1929 гг. Вид с юго-востока [БИКАМЗ, каталог фотонегативов, инв. № 803]

шийся от своих неприятелей: он устроил мечеть, развалины коей заметны и доныне» [6, с. 436].

Классика крымского краеведения А. Л. Бертъе-Делагарда также заинтересовали руины мечети: «Подле самих ворот внутри города видны развалины большой хорошей мечети, с двумя рядами колонн внутри, имевших сталактитовые капители. Направление михраба S10W. В ее стенах и вокруг попадаются камни, прекрасно изукрашенные мусульманским ковровым узором, стиля турок-сельджуков <...>. Вокруг попадаются татарские могилы и остатки

Внутренняя отделка этой стены более равномерна и сделана по всем правилам симметрии. <...> По всему видно, что из четырех стен здания — эта северная стена самая замечательная. <...> Во всех мечетях северная стена никогда не служила предметом особенных забот архитектора, главное внимание которого всегда бывало обращено на южную стену, где находился алтарь» [20, с. 24]. Опираясь на сомнительно аргументированные заключения, Т. С. Леви-Бабович пришел к выводу: «В этом здании можно скорее усмотреть дворец како-

го-нибудь богатого человека или вельможи, но никак не здание мечети. Если настаивать на бытии здесь храма, то храм этот принадлежал народу, который при богослужении лицом обращался на север» [20, с. 24]. При этом автор не отрицал возможности существования на городище мечети: «Могла быть в Кале и мечеть для обслуживания религиозных нужд переселявшихся туда на время знатных татар» [20, с. 28].

Со второй половины 20-х гг. XX в. есть все основания говорить о начале качественно нового этапа исследования мусульманских древностей Чуфут-Кале. Он связан, прежде всего, с научной деятельностью на городище сотрудников Бахчисарайского государственного дворца-музея тюрко-татарской культуры и Центральных государственных реставрационных мастерских. 9–10 августа 1926 г. У. А. Боданинский и Б. Н. Засыпкин произвели осмотр архитектурных памятников Бахчисарая. Совместно был выработан ряд первоочередных мер по их поддержанию в надлежащем состоянии. В расположенных рядом с дюрбе Джанике-Ханым руинах мечети было намечено «произвести очистку от земли и укрепить сохранившиеся части промазкой швов» [12, л. 32].

В 1927 г. по поручению бахчисарайского музея О.-Н. А. Акчокраклы при помощи студента Б. Джеппарова осмотрел памятники Чуфут-Кале с целью выяснения их технического состояния, знакомства с общей топографией поселения и изучения эпиграфического материала [3, с. 159]. Результаты осмотра легли в основу публикации 1928 г. [3]. «Не может быть сомнения, что на Ч[уфут]-Кале была мечеть и медресе, неизбежные атрибуты всякой мусульманской общины, а также и кладбище» — отметил О.-Н. А. Акчокраклы [3, с. 165]. К моменту осмотра мечети «уцелела только лишь северная стена с внутренним тупым углом на с[еверо]-з[ападе], на утолщении коего был поставлен минарет. На существование минарета в этом здании указывают:

Рис. 7. Археологическое исследование мечети. 1928-1929 гг. Вид с северо-запада [БИКАМЗ, каталог фотонегативов, инв. № 808]

Рис. 8. Участники археологической экспедиции у восточной стены мечети. На заднем плане — дюрбе Джанике-Ханым [БИКАМЗ, каталог фотонегативов, инв. № 802]

Рис. 9. Участники археологической экспедиции 1929 г. во внутреннем пространстве мечети у северной стены [БИКАМЗ, каталог фотонегативов, инв. № 826]

стен 0,65 м, кладка бутовая на крепком известковом растворе с песком. Внутри мечети на северной стене сохранились следы подпружных арок в виде их пят <...>. Возможно, что мечеть была перекрыта куполом. В кладке северной уцелевшей стены видны блоки значительного размера правильной тески со следами скульптурной орнаментальной обработки и рельефных фрагментированных надписей» [3, с. 168]. Краевед указал на явные различия строительной техники, качественно обработанные фрагменты (включая блок северной стены с датой 746 г. х.) «плохо вязались» с бутовой кладкой, что говорит о наличии нескольких строительных периодов памятника, либо об использовании при возведении мечети фрагментов более ранних сооружений. Не исключено, что мечеть была перестроена во время правления Менгли-Гирея.

Рис. 10. О.-Н. А. Акчокраклы у северной стены мечети [БИКАМЗ, каталог фотонегативов, инв. № Н-50]

1) округленный след на поверхности тупого угла, 2) остатки нескольких ступеней винтовой лестницы внутри минарета, 3) архитектурный фрагмент шерфе (балкончика) минарета. По сохранившимся очертаниям стен, само здание имеет вид продолговатого четырехугольника размерами: 13,60x10,65 м снаружи и 12,00x8,85 м внутри. На южной стене с внутренней стороны видна верхняя часть сталактитовой ниши михраба. Но, очевидно, эта часть михраба переставлена со своего первоначального места, т. к. она в настоящее время не находится на оси здания, а несколько передвинута на восток. Толщина

стен 0,65 м, кладка бутовая на крепком известковом растворе с песком. Внутри мечети на северной стене сохранились следы подпружных арок в виде их пят <...>. Возможно, что мечеть была перекрыта куполом. В кладке северной уцелевшей стены видны блоки значительного размера правильной тески со следами скульптурной орнаментальной обработки и рельефных фрагментированных надписей» [3, с. 168]. Краевед указал на явные различия строительной техники, качественно обработанные фрагменты (включая блок северной стены с датой 746 г. х.) «плохо вязались» с бутовой кладкой, что говорит о наличии нескольких строительных периодов памятника, либо об использовании при возведении мечети фрагментов более ранних сооружений. Не исключено, что мечеть была перестроена во время правления Менгли-Гирея.

В течение 1928-1929 гг. Государственным дворцом-музеем тюрко-татарской культуры в Бахчисарае под руководством У. А. Боданинского производились археологические исследования средневекового поселения Чуфут-Кале. В 1926 г. при расчистке мечети в ее южной стене «была открыта ниша со сталактитовым сводом, характерным для обработки «михрабов» — алтарных ниш мусульманских мечетей. <...> Тогда же возникла мысль о более детальном исследовании этих руин» [4, с. 170]. В научный коллек-

тив экспедиции входили: О.-Н. А. Акчокраклы, Б. Н. Засыпкин, студенты-практиканты Б. Муратов и Д. Аблямитов. В 1929 г. к ним присоединились стажеры Е. В. Веймарн и В. Н. Чепелев, выполнившие топографическую съемку городища. Перед коллективом, «прежде всего, была поставлена задача выяснить структуру мечети» [4, с. 171]. За два сезона работ все внутреннее пространство постройки было расчищено.

На северной стене к моменту исследования сохранились две пилястры с капителями, на одной из них был выявлен блок от арки. Следы пилястр были обнаружены также на восточной и западной стенах. В центральной части мечети расчищены четыре углубления, вырубленные в материковой скале. Исходя из этого, научным коллективом было сделано предположение о том, что «аркатура, опиравшаяся на столбы или колонны, шла в двух направлениях: основные два ряда — с севера на юг и два — с востока на запад» [4, с. 172]. Во время расчистки памятника были выявлены многочисленные фрагменты аркады, позволившие реконструировать ее размеры: ширина основного ряда 0,66 м, поперечного — 0,56 м. Конфигурация замковых камней свидетельствовала о стрельчатой форме арок. В качестве опор, по мнению исследователей, «единственно правильное предположение, что здесь были поставлены круглые колонны. За это говорит закругленная форма ям и то, что в них найдено много мелкой бутовой кладки, служившей для укрепления колонн. Все четыре ямы имеют одну особенность: к западу стенки их идут довольно отвесно, а к востоку они сильно снижены и сглажены, т. е. учитывалось, что колонну (очевидно, мраморную) нужно положить сначала, а затем уже ее выправлять и ставить отвесно; без этого сглаживания в одну сторону поставить колонну в яму очень трудно» [4, с. 172].

У. А. Боданинским был предложен вариант решения проблемы перехода от округлой формы колонн к прямоугольному основанию аркады. В хранилище Бахчисарайского музея внимание исследователей привлекли две мраморные капители, обнаруженные в

Рис. 11. Фрагмент северной стены мечети. Вторичное использование архитектурных фрагментов [БИКАМЗ, каталог фотонегативов, инв. № Н-54]

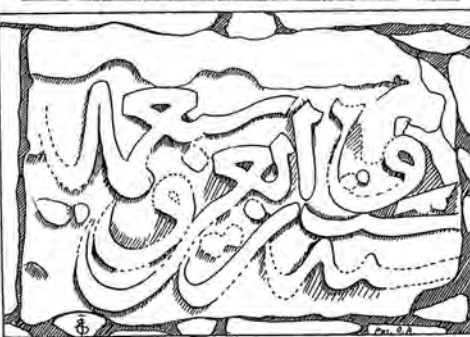

Рис. 12. Фрагмент с датой 746 г. х. (1346 г.). Фото и прорисовка О.-Н. А. Акчокраклы. 1927 г. [по: 3, с. 171; БИКАМЗ, каталог фотонегативов, инв. № 796]

Рис. 13. Фрагмент северной стены мечети, внутренняя сторона. Вторичное использование архитектурных фрагментов [БИКАМЗ, каталог фотонегативов, инв. № 877]

кладке позднего фонтана близ текие Газы Мансур у подножия Чуфут-Кале при его ремонте в 1927 г. «Они явно служили для круглых колонн, $d=0,395$ м; в нижней части капители имеют валюты, а выше сильно развитую абак (импост) в виде гуська, покрытого рельефными акантовыми листьями» [4, с. 174]. Фрагменты имели ряд нехарактерных особенностей: две грани стесаны, на одной из граней в центре, среди акантовых листьев, заметны следы стесанного византийского креста. Это свидетельствовало об их вторичном использовании при употреблении в нехристианской постройке⁴. Подтверждением гипотезы служили выявленные на территории мечети мраморные фрагменты, выполненные из схожего материала в подобной технике с идентичным орнаментом. Следует упомянуть, что во время обследования поселения Эски-Юрт в 1924 г. У. А. Боданинским был обнаружен мраморный фрагмент ствола колонны с изображением креста [5, с. 307]. До настоящего момента происхождение деталей окончательно не установлено, но они служат основой доказательства идеи существования христианского храма на территории городища [9, с. 86].

Во время работ 1928-1929 гг. был обнаружен замковый камень от купола, украшенный рельефной розеткой, фрагменты внутреннего карниза. Все это указывало на наличие купольного перекрытия мечети⁵. Научным коллективом экспедиции был сделан ряд предположений: «Находим, что диаметр купола определяется в 2,5 м, что соответствует довольно близко размерам всех 3-х нефов. <...> Можно предположить, что купольное перекрытие было в центре. <...> Во всяком случае, мы здесь имеем прием, который в Крыму пока не наблюдался. <...> Быть может, дальнейшие исследования дадут возможность окончательно установить структуру перекрытия мечети» [4, с. 176]. Ориентируясь на наличие под завалами свода артефактов XIX в., У. А. Боданинский высказал мысль о том, что к этому времени перекрытия еще не были разрушены.

Дверной проем с порогом, высеченным в скале, был обнаружен в северо-западной части памятника. Там же зафиксированы нижние фрагменты винтовой лестницы минарета. Ряд выявленных во время работ декорированных архитектурных фрагментов был отнесен исследователями к оформлению портала мечети. Это позволи-

⁴ В центральной части мечети экспедицией был обнаружен блок квадратной формы с изображением креста и следами стески.

⁵ Ведущий сотрудник Института этнологии и антропологии РАН, доктор исторических наук Э. Д. Зиливинская считает, что «крыша, скорее всего, была двускатной. При раскопках был найден резной замковый камень купола и фрагменты карниза, образующего окружность диаметром 2,5 м. Эти архитектурные детали позволили предположить, что центральная часть мечети имела купольное перекрытие. Однако этой гипотезе противоречит тот факт, что колонны образуют не квадратное, а прямоугольное основание, которое не может быть перекрыто куполом» [16, с. 25; 17, с. 34].

ло выполнить его реконструкцию «по своей композиции и орнаментации типичным тюрко-сельджукским <...> со сталактитовым нишевым сводом, надписями и поясом линейного орнамента» [4, с. 177]. О.-Н. А. Акчокраклы подчеркнул, что «обнаружены орнаментированные фрагменты в таком количестве, что возможно реконструировать весь портал, а он, как считает экспедиция, является самым богатым и совершенным среди всех древних порталов в Крыму по технике своего исполнения» [1, с. 333; 2, с. 68]. Нижняя часть михраба была открыта *in situ*. «Большой камень со сталактитовым сводом», соотнесенный с устройством михраба, обнаружен в кладке минарета.

По итогам работ научным коллективом был сделан ряд выводов: «1. Руины обследованного здания, несомненно, принадлежат мечети. <...> 2. Камень северной стены с датой 746 г. х. (1346 г.) должен быть приписан мечети и относится к portalу первоначального здания. <...> 3. Аналогии архитектурных форм и орнаментальных декораций вполне подтверждают датировку мечети XIV веком. В результате окончательной расчистки территории мечети удалось выяснить целиком ее план и найти множество деталей сооружения, которые позволяют реконструировать минарет, портал, внутреннюю аркатуру и перекрытие мечети в том виде, в каком они были в XIV веке» [4, с. 178]. Исследователи пришли к заключению, что со временем здание мечети было приспособлено под жилье [1, с. 333; 2, с. 68].

На основании данных, полученных в результате археологических исследований, качественный архитектурный анализ памятника был выполнен Н. И. Репниковым: «Северная стена ее [мечети — Д. Л.] сохранилась на значительную высоту. В кладку вкраплены как стройматериалы многочисленные правильно тесаные блоки, орнаментированные резным ковровым узором. Обследование ГБМ [Государственным бахчисарайским музеем — Д. Л.] 1927 г. установило, что руина не являлась первоначально мечетью. Последняя перестраивалась, возникнув в XIV в., судя по камням, декорированным резным орнаментом тюрко-сельджукского стиля» [18, л. 344]. На основании фрагмента надписи с датой 1346 г. автором было соотнесено строительство мечети с временем правления хана Джанибека I (1341-1357). Н. И. Репников также отметил, что «северный и южный фасад мечети соприкасаются с улицами, восточный и западный примыкают к нерасследованным еще развалинам строений. Толщина стен здания до 0,9 м, кладка бутовая, на известковом растворе. Мечеть в плане вытянута с севера на юг постройка <...>. Вход в северном конце западной стены у минарета. Расположение двери необычно. Порог ее вырублен в скале, снабжен вырубками для деревянных стоек, дверей. Пол мечети поверх скалы выровнен очень толстой, крепкой, глиняной трамбовкой с примесью золы.

Рис. 14. Архитектурные фрагменты, выявленные во время археологических работ 1928-1929 гг., собранные во внутреннем пространстве мечети [БИКАМЗ, каталог фотонегативов, инв. № Н-59]

Михраб позднейшего здания, на основе такового же сохранившегося от древнейшей по-

стройки в южной стене. В полу обнаружены 4 углубления по два в ряд, служившие основанием для опорных столбов или колонн, поддерживающих аркатуру здания. <...> Найденные замковые камни устанавливают перекрытие аркатур стрельчатыми арками. <...> Неясен вопрос о том, на чем покоились прямоугольные основания арок. А. Л. Бертье-Делагард считал, что капители, покоясь на квадратных столбах, были украшены сталактитами. Составители отчета о раскопках предполагали, что опорой служили колонны со стесанными мраморными капителями византийского круга. <...> По коробовым сводам позднейшая мечеть была перекрыта по стропилам двускатной черепичной крышей» [18, л. 344].

Обнаруженные в развале рухнувших стен, частично — в кладках мечети архитектурные детали дали основание Н. И. Репникову говорить о реконструкции облика первоначального здания. По его мнению, мечеть XIV в. имела портал, который по аналогиям должен был быть расположен на северной стороне фасада, при этом богато декорирован резными орнаментами, плетениями и надписями, украшенный розетками с геометрическим звездчатым плетением. Портал перекрывал нишевый сталактитовый свод. В его боковых стенах имелось по нише. Автор отметил, что михраб уцелел в своей нижней части, перекрывавший его камень со сталактитовым сводом попал при перестройке в кладку минарета. Замковый камень позволил Н. И. Репникову определить диаметр центрального купола мечети в 2,5 м, что совпадало с данными

экспедиции бахчисарайского музея. Вопрос освещения и расположения окон в здании остался нерешенным.

Н. И. Репников предположил существование медресе близ мечети: «В 1928 г. в ближайшем соседстве с мечетью в куче камней на нераскопанных еще зданиях найден фрагмент надписи с именем «Хаджи-Гирай хан, сын Гыяс-Эддина...». В связи с чем естественно предположение о том, что под развалинами могут скрываться остатки медресе. Последние, как правило, строились рядом с мечетью» [18, л. 348].

Археологические исследования городища были продолжены в 1956-1959 гг. Институтом археологии АН УССР совместно с Бахчисарайским музеем. Работы «коснулись, главным образом, северной части «средней» оборонительной стены. Эти исследования в значительной мере изменили представление о характере всей системы оборонительных сооружений на этом участке и внесли ряд серьезных поправок в вопрос о времени возникновения городища» [8, с. 49]. В 1957 г. Е. В. Веймарн в поздней

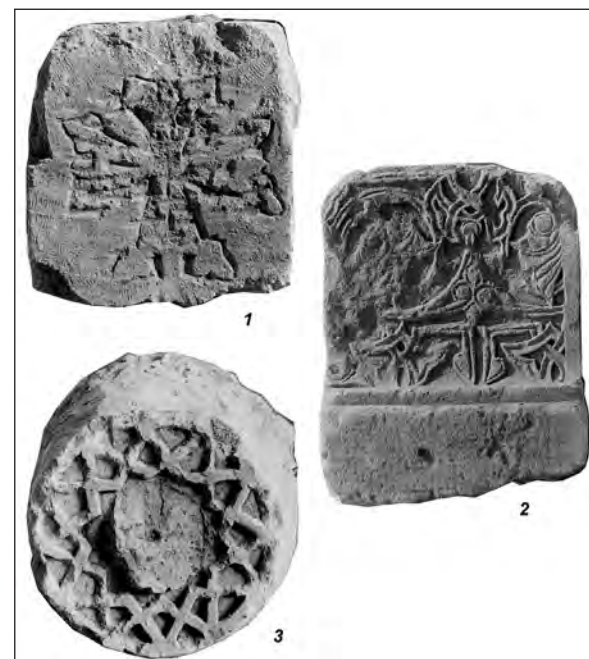

Рис. 15. 1 — Архитектурный фрагмент с изображением креста из раскопок мечети 1928-1929 гг.; 2 — Архитектурный фрагмент с рельефным орнаментом. Обнаружен во время археологических исследований 1929 г.; 3 — Замковый камень, предположительно купола мечети [БИКАМЗ, каталог фотонегативов, инв. №№ Н-52, Н-61, Н-65]

кладке «нового» города обнаружена третья мраморная капитель в поврежденном состоянии. «Капитель эта использовалась неоднократно и уже не как элемент архитектуры. Еще до использования ее в качестве камня в кладке из нее была сделана чаша. Для этого в ее плоской верхней части было выдолблено большое круглое углубление с закраиной для крышки» [8, с. 61].

Обнаружение на городище Чуфут-Кале очередной мраморной капители возродило с новой силой споры о существовании здесь христианской базилики. Заведующий сектором скифо-сарматской археологии Института археологии АН СССР В. В. Кропоткин утверждал, что в VI в. на месте руин мечети существовал храм базиликального типа, по размерам близкий к базиликам на Мангупе и Эски-Кермене [19, с. 207]. С уверенностью о существовании христианской базилики на территории Чуфут-Кале писал А. Л. Якобсон, но в его построениях не идет речь о перестройке храма в мечеть, конкретное место возможного существования памятника не указано [26, с. 540; 27, с. 123]. В 1964 г. он отметил, что «от раннетатарского времени на плато Чуфут-Кале сохранилось два здания — остатки мечети (первоначально в форме упрощенной базилики наподобие мечети Узбека в Старом Крыму), построенной в XIV в., но позднее не раз перестраивавшейся, и дюрбе дочери хана Тохтамыша — Ненкеджан-Ханым, в форме правильного сводчатого восьмигранника с сильно выступающим простым порталом, перекрытым аркой» [28, с. 129].

Е. В. Веймарн не поддержал подобные научные построения, отметив, что «факт нахождения на городище и в его ближайшей округе трех разнотипных раннесредневековых капителей недостаточен для утверждения того, что на Чуфут-Кале имела базилика. Попали капители на Чуфут-Кале, по-видимому <...>, гораздо позднее времени их изготовления в результате растаскивания мрамора из какого-то другого места в юго-западном Крыму. Нахождение мелких осколков подобных капителей (а может быть, даже этих самых) при раскопках мечети можно объяснить использованием их при сооружении последней не обязательно по прямому назначению. Об этом говорит и стесывание христианских эмблем, имевшихся на этих капите-

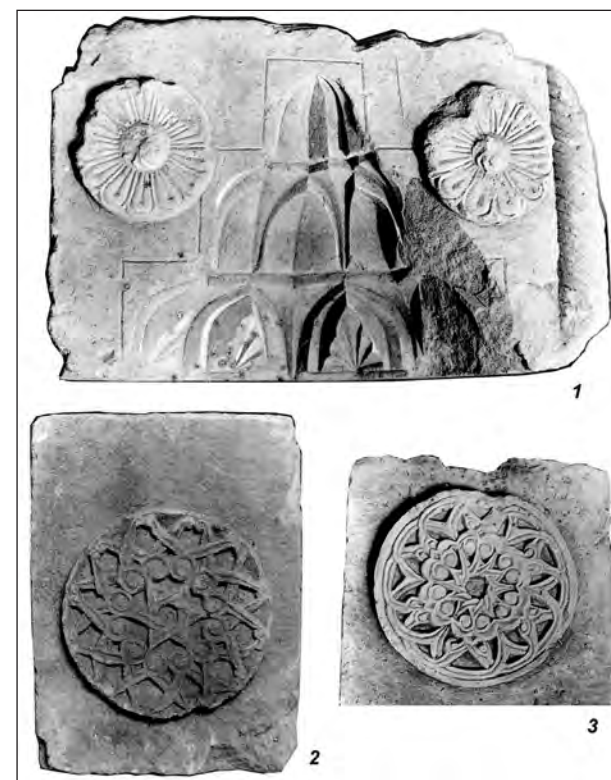

Рис. 16. 1 — Сталактитовый свод. Предположительно, архитектурный фрагмент оформления боковой ниши портала мечети; 2 — Архитектурная розетка. Предположительно, фрагмент декора портала мечети; 3 — Архитектурная розетка. Предположительно, фрагмент декора портала мечети [БИКАМЗ, каталог фотонегативов, инв. №№ 864, Н-63, Н-55]

Рис. 17. Фрагмент надписи с именем Хаджи-Гирея [БИКАМЗ, каталог фотонегативов, инв. № Н-51]

что мечеть была построена поперек основания снесенной базилики, а четыре ранее сделанные ямы использованы для устройства ее колонн, то расстояние между последними не подкрепляют мнение А. Л. Якобсона, что предполагаемая базилика Чуфут-Кале идентична базиликам Мангула и Эски-Кермена. Предположение это не подтвердилось, так как зачистка остатков мечети не обнаружила никаких реальных признаков ранее будто бы существовавшей базилики» [8, с. 62]. Построения Е. В. Веймарна были частично подкреплены категоричным утверждением Н. И. Репникова: «Существование в самом Чуфут-Кале (Фуллах) храма столь ранней поры VII-VIII вв. идет в разрез с историческими свидетельствами о начале христианства в этом пункте» [23, с. 142]⁶.

В 1993 г. А. Г. Герценом и Ю. М. Могаричевым была предпринята попытка обобщения имеющихся к тому моменту сведений по истории городища Чуфут-Кале [10], основные положения этой публикации легли в основу издания 2016 г. [11]. Рассматривая обнаруженный во второй половине 20-х гг. XX в. фрагмент надписи с именем Хаджи-Гирея, авторы однозначно связали его с перестройкой мечети на территории крепости: «Однако сейчас уже очевидно, что первый крымский хан всерьез занялся именно мечетью, придав ей соответствующее столичному городу величие. Реконструкция древнего здания была столь существенной, а лезть вельмож столь беспредельной, что в парадной надписи над входом в храм Хаджи-Гирей был назван ее строителем. Примеры такого рода «неточностей» в строительных надписях не редкость» [10, с. 72; 11, с. 183]. Ссылаясь на работу турецкого историка начала XIX в. Халим Гирея [24], авторы предположили наличие рядом с мечетью медресе [10, с. 73; 11, с. 184].

Свою версию реконструкции мусульманских памятников Чуфут-Кале в 2005 г. предложили В. И. Даниленко и Е. В. Крикун: «Ориентация храма [речь идет о мечети — Д. Л.] каноническая для крымских мусульман: продольной осью в направлении север-юг. Минарет, как и положено — в южной стене, но вход устроен нетрадиционно: с запада, в северо-западном углу, впритык к минарету, ствол которого, по некоторой аналогии с мечетью Узбека в Солхате, был устроен частично в толще кладки северо-западного угла. <...> Невысокий минарет в нижней части имел до уровня крыши прямоугольную, выступающую из плоскости фасадной стены, форму, выше крыши — круглую, украшенную резным обходным балконом (шерфе) по

⁶ Научная полемика о возможности существования позднеантичной христианской базилики на городище Чуфут-Кале продолжается до настоящего времени. Не утратила своей актуальности и идея о возможности ее перестройки и возведения мечети на этом месте.

лях, и дальнейшее использование их, в конечном итоге, как строительный материал» [8, с. 61].

Е. В. Веймарну виделись сомнительными и рассуждения о расположении базилики на месте руинированных остатков мечети: «Приурочивание базилики к месту поздней татарской мечети на основании четырех круглых углублений, высеченных в скалистом ее полу, также неосновательно. Ямы эти высечены явно для здания мечети, ориентированного с севера на юг (ориентация христианских храмов, как известно всегда близка к направлению восток-запад). Даже если допустить,

«сельджукским» мотивам — сталактитами. Входная дверь обрамлена резным порталом. Окна небольшие, высоко расположенные, забранные металлическими решетками кузнечной работы. Крыша двускатная с черепичной кровлей» [13, с. 37].

Авторы очерка считали, что мраморные капители, как и не выявленные до настоящего момента колонны, были доставлены из Херсонеса специально для постройки мечети: «Четыре мраморные колонны, вероятно, приобретенные в византийском Херсоне вместе с корзиноподобными капителями с византийскими крестами (их пришлось стесать) из другого комплекса — от столбов прямоугольного сечения — удалось использовать довольно удачно и, превратив недостаток в достоинство, создать нечто оригинальное: на прямоугольных капителях покоились арки разной ширины. <...> Четырем колоннам, делившим пространство храма на три нефа, соответствовали 8 пилластр — по две на каждой из стен» [13, с. 37].

Была предложена оригинальная версия устройства перекрытия сооружения: «оно было устроено следующим образом: по колоннам и пилластрам — стрельчатые арки, а по ним коробовые своды, причем над средним нефом своды были более высокие, в центре — стрельчатый купол, покоящийся на тропках. Купол небольшой, невысокого подъема, 2,5 м в диаметре, не выявленный во внешнем облике, поскольку вписывался в контуры двускатной крыши» [13, с. 38].

Научное исследование мечети на городище Чуфут-Кале, начало которому было положено во второй половине 20-х гг. XX в., поставило перед крымоведами множество сложнейших вопросов, которые, в большинстве своем, требуют ответа и в настоящее время:

— Дата возведения памятника. Может ли обнаруженный в стене блок с датой 1346 г. свидетельствовать о времени строительства первоначальной мечети, которая в дальнейшем могла быть неоднократно перестроена, либо он был заимствован позже из неуставленной постройки?

— Первоначальное назначение здания. Была ли постройка изначально мечетью? Ее переориентацию косвенно подтверждает нетрадиционная для мечети планировка.

— Архитектоника памятника. Прежде всего, каким было перекрытие мечети? Ряд выявленных архитектурных фрагментов, в том числе замковый камень, свидетельствуют о наличии купола, сама же внутренняя структура здания подразумевает устройство двускатной крыши. Возможно, вариант перекрытия был изменен в процессе перестройки, купол относился к первоначальному варианту.

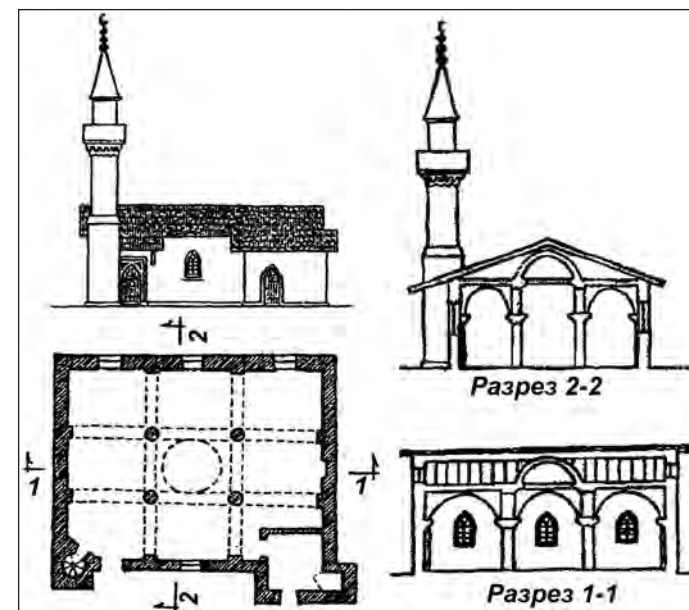

Рис. 18. Реконструкция мечети В. И. Даниленко и Е. В. Крикуна. 2005 г. [по: 13, с. 39]

— Период окончательного запустения и разрушения. Эвлия Челеби, посетивший Чуфут-Кале в 1666 г., уже после того, как мусульманская община покинула крепость, застал мечеть целой: «В этой крепости один из прошлых ханов Гази эль-Хаджи Герай-хан построил соборную мечеть старинной архитектуры. Над ее дверью четким почерком написан следующий тарих: «Построил эту мечеть благословенную великий султан и достопочтенный хакан, повелитель царей арабов и неарабов, султан Хаджи Герай-хан Бен Гыяс эд-Дин-хан Бен Эртогмаз-хан, да продлится его жизнь и царствование. Год 859» (1454/1455 г.). Однако эта несчастная мечеть стоит среди евреев и дверь ее всегда закрыта. Мусульманской общины нет ни имени, ни знака» [25, с. 83]. Путешественники конца XVIII в. (Ш. Ж. Ромм, П. С. Паллас и др.) в своих дневниках не упоминали мечеть, что, скорее всего, говорит о ее практически полном к тому моменту разрушении. Таким образом, есть основания предположить, что памятник был разрушен в промежутке между концом XVII — серединой XVIII вв.

Подтверждений существования приведенной Э. Челеби надписи, располагавшейся над дверью мечети, не выявлено. Является ли частью данной надписи фрагмент с именем Хаджи-Гирея, обнаруженный в 1928 г., не установлено. Если это так, то можно ли считать 1454/1455 г. датой первоначального возведения мечети, либо он свидетельствует о ее перестройке Хаджи-Гиреем? Если же связи между двумя упомянутыми надписями нет, тогда не ясно, постройке какого сооружения посвящен найденный фрагмент.

Загадкой остается история капителей и других мраморных фрагментов, обнаруженных на городище. Изображение креста сигнализирует об их первоначальном использовании. Но была ли христианская постройка возведена на территории крепости? Если нет, тогда откуда детали были доставлены, являлись ли они частью архитектурной композиции мечети? С полной уверенностью можно говорить лишь о том, что на поставленные вопросы можно будет ответить только после проведения полномасштабных археологических исследований на территории городища Чуфут-Кале.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. [Акчокраклы О.-Н. А.] Археологічна експедиція в Чуфут-Кале: цінні історичні знахідки // Східний світ. Харків, 1928. № 3–4. С. 333–334.
2. [Акчокраклы О.-Н. А.] Археологічна експедиція в Чуфут-Кале: цінні історичні знахідки // Акчокраклы Осман Нури. Избранные сочинения по истории, археологии и этнографии. Симферополь: Форма, 2016. С. 68–69.
3. Акчокраклы О. [-Н. А.] Новое из истории Чуфут-Кале // ИТОИАЭ. 1928. Т. 2(59). С. 159–172.
4. Акчокраклы О. [-Н. А.], Боданинский У. А., Засыпкин Б. Н. Чуфут-Кале. По материалам раскопок 1928–29 гг. // ИТОИАЭ. 1929. Т. 3(60). С. 170–187.
5. Башкиров А. [С.], Боданинский У. [А.] Памятники крымско-татарской старины. Эски-Юрт // Новый Восток. М., 1925. № 8–9. С. 295–311.
6. Бейм С. [А.] Чуфут-Кале и его первоначальные обитатели // Новороссийский календарь на 1859 год. Одесса, 1858. С. 431–444.
7. Бертъе-Деллард А. Л. Исследование некоторых недоуменных вопросов средневековья в Тавриде // ИТУАК. 1920. № 57. С. 1–135.
8. Веймарн Е. В. О двух неясных вопросах средневековья юго-западного Крыма // Археологические исследования средневекового Крыма. Киев: Наукова думка, 1968. С. 45–77.
9. Герцен А. Г. К проблеме типологии средневековых городищ юго-западной Таврики // АДСВ. Симферополь, 1995. Вып. 27: «Византия и средневековый Крым». С. 85–90.
10. Герцен А. Г., Могаричев Ю. М. Крепость драгоценностей. Кырк-Ор. Чуфут-Кале. Симферополь: Таврия, 1993. 128 с.
11. Герцен А. Г., Могаричев Ю. М. Кырк-Ер — Чуфут-Кале. Крепость на краю седьмого климата: исследование, путеводитель, альбом. Симферополь: Антиква, 2016. 312 с.

12. Государственное бюджетное учреждение города Москвы «Центральный государственный архив города Москвы» (ГБУ «ЦГА Москвы»). Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 512. Л. 31–32.
13. Даниленко В. И., Крикун Е. В. Воздушный город Джуфт-Кале: очерки архитектуры. Симферополь: Таврида, 2005. 160 с.
14. Домбровский Ф. [М.] Историко-статистический очерк г. Багчесерай // Новороссийский календарь на 1849 год. Одесса, 1848. С. 380–396.
15. Зайцев И. В. Кырк-Йер / Кырк-Ор (Чуфут-Кале) и ранняя история Крымского ханства // От Онона к Темзе. Чингисиды и их западные соседи: к 70-летию Марка Григорьевича Крамаровского: сборник статей / Под ред. В. П. Степаненко, А. Г. Юрченко. М.: ИД Марджани, 2013. С. 494–505.
16. Зиливинская Э. Д. Очерки культового и гражданского зодчества Золотой Орды. Астрахань: ИД «Астраханский университет», 2011. 253 с.
17. Зиливинская Э. Д. Архитектура Золотой Орды. Ч. 1: «Культовое зодчество». Казань: Отечество, 2014. 448 с.
18. Институт истории материальной культуры Российской Академии наук, научный архив, рукописный отдел (ИИМК РАН НА РО). Ф. 10. Оп. 1. Д. 9/10: «Репников Н. И. Археологическая карта юго-западного нагорья Крыма»: [рукопись]. Л. 1–477.
19. Кропоткин В. В. Из истории средневекового Крыма: Чуфут-Кале и вопрос о локализации города Фуллы // СА. 1958. Вып. 28. С. 198–218.
20. Леви-Бабович Т. С. Три странички: 1) Страничка «Из истории караимов в Крыму»; 2) Страничка из книги «О приурочении гор[ода] Фуллы к гор[оду] Ч[уфут]-Кале» и 3) Страничка из книги «Последние нападки на А. Фирковича». Севастополь: Красный черноморец, 1926. 43 с.
21. Набоков А. И. Основные этапы изучения городища Чуфут-Кале // История и археология Крыма. Симферополь, 2016. Вып. III. С. 348–371.
22. Паллас П. С. Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным наместничествам Русского государства в 1793–1794 годах / Под ред. Б. В. Левшина. М.: Наука, 1999. 246 с. (Серия: «Научное наследие»; вып. 27).
23. Репников Н. И. Эски-Кермен в свете археологических разведок 1928–29 гг. // Известия ГАИМК. Ленинград, 1932. Т. 12. Вып. 1–8: «Готский сборник». С. 107–152.
24. Халим Гирай. Розовый куст ханов или история Крыма / Под ред. Н. С. Сейтягьева. Симферополь: Доля, 2004. 288 с.
25. Эвлия Челеби. Книга путешествия. Крым и сопредельные области: извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII в. / Пер. и комм. Е. В. Бахревского. Симферополь: Доля, 2008. 272 с.
26. Якобсон А. Л. Города Северного Причерноморья в V–IX вв. // Очерки истории СССР: в 9 т. / Под ред. Б. А. Рыбакова. Т. 2: «Кризис рабовладельческой системы и зарождение феодализма на территории СССР: III–IX вв.». М.: Изд-во АН СССР, 1958. С. 537–550.
27. Якобсон А. Л. Раннесредневековый Херсонес: очерки истории материальной культуры // МИА. 1956. № 63. С. 5–362.
28. Якобсон А. Л. Средневековый Крым. Очерки истории и истории материальной культуры. М.; Л.: Наука, 1964. 233 с.

REFERENCES

1. [Akchokrakly O.-N. A.] Arkheologichna ekspeditsiya v Chufu-Kale: tsinni istorichni znakhidki. *Shkhidnyy svit*, 1928, Nr 3–4, pp. 333–334.
2. [Akchokrakly O.-N. A.] Arkheologichna ekspeditsiya v Chufu-Kale: tsinni istorichni znakhidki. *Akchokrakly Osman Nuri. Izbrannye sochineniya po istorii, arkheologii i etnografii. Simferopol'*, Forma Publ., 2016, pp. 68–69.
3. Akchokrakly O. [-N. A.] Novoe iz istorii Chufut-Kale. *Izvestiya Tavricheskogo obshchestva istorii, arkheologii i etnografii*, 1928, Vol. 2, pp. 159–172.
4. Akchokrakly O. [-N. A.], Bodaninskiy U. A., Zasyypkin B. N. Chufut-Kale. Po materialam raskopok 1928–29 gg. *Izvestiya Tavricheskogo obshchestva istorii, arkheologii i etnografii*, 1929, Vol. 3, pp. 170–187.

5. Bashkirov A. [S.], Bodaninskiy U. [A.]. Pamyatniki krymsko-tatarskoy stariny. Eski-Yurt. *Novyy Vostok*, 1925, Nr 8–9, pp. 295–311.
6. Beym S. [A.]. Chufut-Kale i ego pervonachal'nye obitateli. *Novorossiyskiy kalendar' na 1859 god*. Odessa, 1858, pp. 431–444.
7. Bert'e-Delagard A. L. Issledovanie nekotorykh nedoumennykh voprosov srednevekov'ya v Tavride. *Izvestiya Tavricheskoy uchenoy arkhivnoy komissii*, 1920, Nr 57, pp. 1–135.
8. Veymarn E. V. O dvukh neyasnykh voprosakh srednevekov'ya yugo-zapadnogo Kryma. *Arkheologicheskie issledovaniya srednevekovogo Kryma*. Kiev, Naukova dumka Publ., 1968, pp. 45–77.
9. Gertsen A. G. K probleme tipologii srednevekovykh gorodishch yugo-zapadnoy Tavriki. *Antichnaya drevnost' i srednie veka*, 1995, Vol. 27, pp. 85–90.
10. Gertsen A. G., Mogarichev Y. M. *Krepost' dragotsennostey. Kyrk-Or. Chufut-Kale*. Simferopol', Tavriya Publ., 1993, 128 p.
11. Gertsen A. G., Mogarichev Y. M. *Kyrk-Er-Chufut-Kale. Krepost' na krayu sed'mogo klimata: issledovanie, putevoditel', al'bom*. Simferopol', Antikva Publ., 2016, 312 p.
12. *Gosudarstvennoe byudzhethnoe uchrezhdenie goroda Moskvy «Tsentrallyy gosudarstvennyy arkhiv goroda Moskvy»*. F. R-1. Op. 1. D. 512.
13. Danilenko V. I., Krikun E. V. *Vozdushnyy gorod Dzhufut-Kale: ocherki arkhitektury*. Simferopol', Tavriya Publ., 2005, 160 p.
14. Dombrovskiy F. [M.]. Istoriko-statisticheskiy ocherk g. Bagcheseraya. *Novorossiyskiy kalendar' na 1849 god*. Odessa, 1848, pp. 380–396.
15. Zaytsev I. V. Kyrk-Yer / Kyrkor (Chufut-Kale) i rannaya istoriya Krymskogo khanstva. *Ot Onona k Temze. Chingisidy i ikh zapadnye sosedni*. Moscow, Izdatel'skiy dom Mardzhani Publ., 2013, pp. 494–505.
16. Zilivinskaya E. D. *Ocherki kul'tovogo i grazhdanskogo zodchestva Zolotoy Ordyy*. Astrakhan', Astrakhanskiy gosudarstvennyy universitet Publ., 2011, 253 p.
17. Zilivinskaya E. D. *Arkhitectura Zolotoy Ordyy*. Kazan', Otechestvo Publ., 2014, 448 p.
18. *Institut istorii material'noy kul'tury Rossiyskoy Akademii nauk, nauchnyy arkhiv, rukopisnyy otdel*. F. 10. Op. 1. D. 9/10.
19. Kropotkin V. V. Iz istorii srednevekovogo Kryma: Chufut-Kale i vopros o lokalizatsii goroda Fully. *Sovetskaya arkheologiya*, 1958, Vol. 28, pp. 198–218.
20. Levi-Babovich T. S. *Tri stranichki: 1) Stranichka «Iz istorii karaimov v Krymu»; 2) Stranichka iz knigi «O priurochenii gor[odu] Fully k gor[odu] Chufut-Kale» i 3) Stranichka iz knigi «Poslednie napadki na A. Firkovicha»*. Sevastopol', Krasnyy chernomorets Publ., 1926, 43 p.
21. Nabokov A. I. Osnovnye etapy izucheniya gorodishcha Chufut-Kale. *Istoriya i arkheologiya Kryma*, Simferopol', 2016, Vol. 3, pp. 348–371.
22. Pallas P. S. *Nablyudeniya, sdelaynye vo vremya puteshestviya po yuzhnym namestnichestvam Russkogo gosudarstva v 1793–1794 godakh*. Moscow, Nauka Publ., 1999, 246 p.
23. Repnikov N. I. Eski-Kermen v svete arkheologicheskikh razvedok 1928–29 gg. *Izvestiya Gosudarstvennoy akademii istorii material'noy kul'tury*, 1932, Nr. 12, Vol. 1–8, pp. 107–152.
24. Khalim Giray sultan. *Rozovyy kust khanov ili istoriya Kryma*. Simferopol', Dolya Publ., 2004, 288 p.
25. Evliya Chelebi. *Kniga puteshestviya. Krym i sopredel'nye oblasti (izvlecheniya iz sochineniya turetskogo puteshestvennika XVII v.)*. Simferopol', Dolya Publ., 2008, 272 p.
26. Yakobson A. L. Goroda Severnogo Prichernomor'ya v V–IX vv. *Ocherki istorii SSSR*, 1958, Vol. 2, pp. 537–550.
27. Yakobson A. L. Rannesrednevekovyy Khersones: ocherki istorii material'noy kul'tury. *Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR*, 1956, Vol. 63, pp. 5–362.
28. Yakobson A. L. *Srednevekovyy Krym. Ocherki istorii i istorii material'noy kul'tury*. Moscow-Leningrad, Nauka Publ., 1964, 233 p.

Ломакин Д. А.

«Обширная мечеть, развалины коей заметны и доньине»: отечественная историография последней четверти XVIII — начала XXI вв. о мечети средневековой крепости Кырк-Ер (Чуфут-Кале)

Резюме

Рассмотрена история изучения мечети, расположенной на территории средневекового поселения Кырк-Ер (Чуфут-Кале). Выделены основные этапы исследования. Обобщен опыт локализации и идентификации памятника в отечественной историографии. Представлены первые попытки сохранения и охраны объекта культурного наследия во второй половине 20-х гг. XX в. Проанализированы первоначальные научные архитектурные реконструкции мечети, выполненные О.-Н. А. Акчокраклы, У. А. Боданинским, Б. Н. Засыпкиным, Н. И. Репниковым. Систематизирован опыт археологического освоения памятника (1928–1929 гг., экспедиция Государственного дворца-музея тюрко-татарской культуры в Бахчисарае; 1956–1959 гг., экспедиция Института археологии АН УССР).

Ключевые слова: Чуфут-Кале, мечеть, памятник архитектуры, археологическое исследование, история изучения, историография.

Lomakin D. A.

“A Large Mosque Which Ruins Are Still Visible”: Domestic Historiography from the Last Quarter of the Eighteenth to the Early Twenty-First Century on the Mosque of the Mediaeval Fortress of Kyrk-Er (Chufut-Kale)

Summary

This article addresses the history of research of the mosque located in of the mediaeval settlement of Kyrk-Er (Chufut-Kale) and suggests the main stages of its studies. The experience of localization and identification of the monument by the national historiography has been summarised. The first attempts to preserve and protect the cultural heritage object in the second half of the 1920s have been revealed. Initial scholarly projects of architectural reconstruction of the mosque developed by O.-N. A. Akchokrakly, U. A. Bodaninskii, B. N. Zasyppin, and N. I. Repnikov have been analyzed. The experience of archaeological exploration of the monument (1928–1929, by the State Palace Museum of the Turkic-Tatar Culture in Bakhchisarai Expedition; 1956–1959, by the Institute of Archaeology of the Academy of Sciences of the Ukrainian SSR expedition) has been systematized.

Keywords: Chufut-Kale, mosque, architectural monument, archaeological research, history of research, historiography.

М. А. ЛОМАКИНА

**КОМПЛЕКС МЕЧЕТИ ХАНА УЗБЕКА —
МЕДРЕСЕ И КАРАВАН-САРАЙ В СТАРОМ КРЫМУ
В РАБОТАХ К. Ф. БОГАЕВСКОГО**

Художественное наследие К. Ф. Богаевского, одного из основателей киммерийской школы, содержит массовое количество графических, главным образом акварельных работ — точнейших и весьма детализированных зарисовок сохранившихся архитектурных построек богатого средневекового полуострова. М. А. Волошин писал: «...глубже всего Киммерия отражена и преображена в картинах К. Ф. Богаевского, ставшего воссоздателем исторического пейзажа в России. Никто так не почувствовал древности этой оголенной и стертой земли, никто так не понял ее сновидений и миражей. Искусство Богаевского — это ключ к пониманию пейзажа Киммерии и к сокровенной душе Крыма, бывшего и оставшегося «страной, измученно страстностью судьбы» [7, с. 147]. Многочисленные исторические строения выписаны на фоне степного, горного, морского пейзажа, «киммерийского» по сути, по духу, благодаря чему это собрание приобретает значение уникальной по смыслу художественной серии.

Работа по зарисовке древних построек велась художником по поручению организации, ведавшей в 20-30-е гг. XX в. всем культурным наследием края — Крымским отделом по делам музеев и охраны памятников искусства, старины, природы и народного быта (КрымОХРИС). Работу этого учреждения по организации охраны памятников в настоящее время трудно досконально исследовать, так как основная часть его архива была утрачена [21, с. 409-410]. Выборка камня и кладоискательство, особенно активизировавшиеся в голодные неблагоприятные годы, последовавшие за периодом гражданской войны, наносили катастрофический ущерб древним памятникам, всегда считавшимися бесплатным источником стройматериалов и уникальных артефактов. Организация в Крыму отдела, призванного наладить учет и охрану античных и средневековых мест и построек было своевременным и крайне необходимым делом, которое объединило активных, просвещенных людей, сознававших их огромное значение для изучения истории народов и государств полуострова. С 1921-1922 гг. было положено начало планированию охраны архитектурно-археологических объектов [18, с. 45]. В первом плане по охране памятников старины говорилось о необходимости их учета и организации технической сохранности: производство обмеров, зарисовки, фотографирование, нанесение на планы, ремонт и реставрация. Уже в тот момент осознавалась настоятельная необходимость создания археологической карты полуострова.

Немалую роль играло и создание художественного образа сохранившихся, да и руинированных построек, образцов мастерства и вкуса средневековых архитекторов и строителей. Необходимо отметить, что среди работ этой серии представлены акварели некоторых, существовавших в 20-е годы XX века, но не доживших до настоящего времени построек, например, Колечь-мечети, разрушенной в Великую

Отечественную войну, мечети в Карагозе, фонтанов, исторической городской застройки Феодосии и Бахчисарая.

Поселившись окончательно в 1903 г. в Феодосии, К. Ф. Богаевский пишет несколько выразительных пейзажей окрестностей Старого Крыма. Яркие восходы-забаты, степные дали, вся эта масштабность киммерийского пейзажа была хорошо знакома с детства. Это свойство, сформировавшееся уже в ранний период, проявляется во многих его работах и остается одним из главных подходов к изображению пейзажа на всем протяжении творчества художника. Еще в 1902 г. Богаевский пишет картину «Старый Крым» (рис. 1) [8, с. 72, № 360], в 1903 г. — одноименную картину, характерную интенсивным колоритом, необычной динамичной композицией (рис. 2). Нагромождение скальных выходов, между ними округлые шапки деревьев, которые со всех сторон «ползут» вверх по склону горы к возвышающемуся в центре картины, в точке перспективы зданию-крепости. Такой ракурс изображенных деревьев, подчеркивающий форму возвышенности, высокая линия горизонта придают пейзажу некую планетарную округлость. Своеобразно здание, в своей архитектонике сочетающее крепостную башню и средневековое татарское жилище с уплощенной крышей, балконом на консолях напоминающим о традиционных галереях второго этажа жилого дома. Пейзаж фантастичен: от здания-крепости, здания-декорации, от формы неузнаваемых кустистых деревьев до ощущения вращающегося вокруг центра пространства. Но и реален одновременно: яркий свет заходящего солнца, темные кружевные тени — краткие минуты перед наступлением вечернего полумрака.

В 1903 г. была написана работа «Последние лучи» (рис. 3). Как отмечает В. Манин, это полотно едва ли не самое «красочное» в творчестве художника [17, с. 10]. К описанию В. Манина можно добавить одно наблюдение, позволяющее, с большой долей вероятности, эту работу также отнести к старокрымским. Та точка

Рис. 1. Богаевский К. Ф. «Старый Крым». 1902 г. Холст, масло. 101х136,5. Государственный Русский музей, инв. № Ж-2341

Рис. 2. Богаевский К. Ф. «Старый Крым». 1903 г. Холст, масло. 110х160. Саратовский художественный музей им. А. Н. Радищева, инв. № Ж-2240

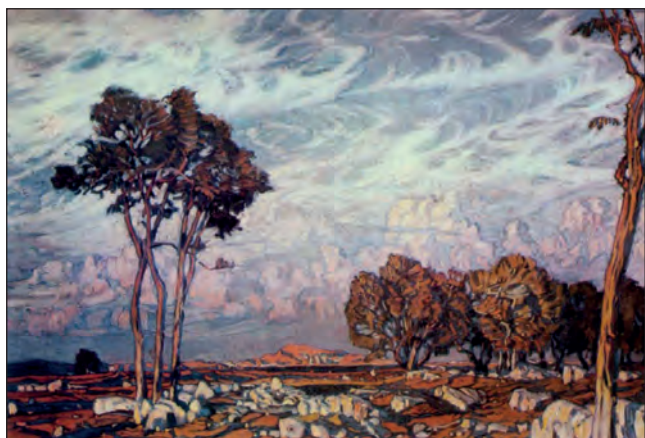

Рис. 3. Богаевский К. Ф. «Последние лучи». 1903 г. Холст, масло. 102х138. Севастопольский художественный музей им. М. П. Крошицкого

лей памятников этой местности по заказу КрымОХРИСА [16, с. 409–411]. В последующие годы художник продолжает выезжать на памятники¹. Н. С. Барсамов отмечал, что только в 1928 году художником было передано в Картинную галерею Айвазовского четыре десятка работ [2, с. 75]. Старокрымская серия акварелей была написана К. Ф. Богаевским и в процессе участия в работе Старокрымской экспедиции 1925–26 гг.² [подробно об организации экспедиции см.: 15, с. 79–92].

¹ В Феодосийской картинной галерее им. И. К. Айвазовского хранятся заявление К. Ф. Богаевского о предоставлении отпуска для работы в г. Старый Крым, датированное 30 мая 1929 г., с резолюцией Н. С. Барсамова от 3. VI. 1929 г. и копия удостоверения К. Ф. Богаевского для работы в г. Старый Крым, датированного 3. VI. 1929 г. [ф. 7. Д. 2679: «Разная переписка». 1928–1933, № 21, 22]. Выражаю глубокую благодарность администрации ФКГА за предоставленные материалы.

² Экспедиция была организована Всесоюзной Научной Ассоциацией Востоковедения совместно с Государственным дворцом-музеем тюрко-татарской культуры в Бахчисарае и проводила работы в Старом Крыму в июне-августе 1925 г. и в августе 1926 г. Руководителем экспедиции был назначен член Президиума Научной Ассоциации Востоковедения при ЦИК Союза ССР профессор И. Н. Бороздин, в научный коллектив экспедиции входили ученый секретарь Центральной Комиссии по изучению татарской культуры при Ассоциации Востоковедения проф. А. С. Башкиров, директор Бахчисарайского Музея Усейн Боданинский, хранитель Центрального Музея Тавриды проф. П. И. Голландский, преподаватель Симферопольского университета Осман Акчокраклы, художник К. Ф. Богаевский. Официальная цель первого этапа экспедиции, проходящего в 1925 году: «произвести учет имеющихся на территории памятников древности и составить генеральный план старого города». Чтобы ее осуществить, ученые провели широкие рекогносцировочные обследования территории городища и его окрестностей с целью выяснения археологическо-топографического плана старого города, который не совпадал с современным. Был вычерчен новый план городища с нанесением на него всех особенностей природного ландшафта и всех известных памятников татарской старины времен Золотой Орды. Для определения Солхата, как средневекового торгового и культурного центра, были проведены две углубленные разведки, частично затем перешедшие в раскопки на территории караван-сарая и комплекса медресе — мечеть хана Узбека.

местности, с которой художник изображает пейзаж, находится где-то на хребте Биюк-Эгет, протянувшемся между Феодосией и Старым Крымом с юго-запада на северо-восток, и с которого хорошо виден старокрымский Агармыш. На картине К. Ф. Богаевского гора Агармыш с глубокими балками на северо-восточном склоне величественно возвышается на линии горизонта, окружающая ее равнина тонет в синей дали.

Как известно, зарисовки Феодосии, Старого Крыма, Судак К. Ф. Богаевский делал в 1924–25 гг., именно тогда он создал большую часть акварелей

В старокрымской серии акварелей представлены наиболее яркие и значительные памятники золотоордынской крымской архитектуры.

На акварели «Мечеть Узбека и медресе в Старом Крыму. 1926 г.» (рис. 4) представлен общий вид памятника с северо-западной стороны [публикацию этой и трех других работ художника с изображением средневековых руин города см.: 19, с. 26–29].

Мечеть Узбека, имеющая многоэтапную строительную историю, украшена резным порталом с надписью 1314 года [11, с. 524–552]. Мечеть — прямоугольное, ориентированное продольно здание, строительство которого относят к началу XVI в. [11, с. 548] (рис. 5; 6). В северо-восточном углу находится минарет с цилиндрическим стволом и балкончиком-шерфе (восстановлен в результате реставрационных работ 1984–85 гг.). Портал строения с надписью, сталактитовой конхой и резным обрамлением был перенесен из мечети, которая, как сообщает надпись на портале, была построена по повелению Мухаммеда Узбек хана строителем (архитектором?) Абдул-Азизом ибн Ибраим эль-Эрбели [9, с. 254], родом из Ирака. Внутреннее пространство строения разделено на три нефа двумя рядами продольных арок, в южной стене — резной михраб [11, с. 509–523, 555–558; 9, с. 254–262, 271–274]³. Михраб, резные детали внутренней части здания также перенесены из других построек. Формы и декоративная резьба портала, михраба, капителей и баз выполнены в малоазийской сельджукской стилистике, получившей распространение на полуострове со второй половины XIII — начала XIV вв. После проведенной в конце 80-х — начале 90-х гг. XX в. реставрации, мечеть была передана мусульманской общине.

Медресе возведено в 1332–33 гг. женой правителя Солхата Инджи-бей Хатун, для этого были привлечены строители из Анатолии [12, с. 103].

³ История изучения комплекса медресе — мечеть Узбека, строительная история, датировка объектов, прочтение надписи детально представлены в фундаментальных работах В. П. Кирилло, посвященных архитектурно-строительному и археологическому исследованию памятников [9; 11].

Рис. 4. К. Ф. Богаевский. «Мечеть Узбека и медресе в Старом Крыму», 1926 г. Бумага, акварель. 28,1х47,6. ФКГА

Рис. 5. Мечеть Узбека, г. Старый Крым, 2016 г. Фото автора

Рис. 6. Внутреннее пространство мечети Узбека, г. Старый Крым, 2016 г. Фото автора

Рис. 7. Северный айван и худжры медресе, г. Старый Крым, 2016 г. Фото автора

Рис. 8. Южный айван медресе, г. Старый Крым, 2016 г. Фото автора

Медресе — почти квадратное в плане строение с внутренним двором, ориентировано по сторонам света (рис. 7). Снаружи здание было оформлено монументальным резным сельджукским порталом, изнутри к portalу примыкала глубокая эскадра с нишами [11, с. 511, 523-524, рис. 1]. Во внутрь двора выходили три больших сводчатых айвана: северный, южный и расположенный по оси входа, в западной стороне медресе (рис. 7; 8). Между айванами, вдоль коридоров были размещены худжры-кедьи и малый айван, подсобные помещения. Двор окружала галерея с колоннами. Базы колонн, капители и столбы, как и плитовое мощение двора, и каменное обрамление водоема, находившегося в центре двора, были обнаружены в процессе археологического исследования комплекса. Одно из двух помещений, примыкавших к боковым сторонам западного айвана, было приспособлено, предположительно, под дюрбе основательницы медресе Инджи-бей Хатун, а также погребенной позднее знатной дамы. Несколько могил было найдено в склепе и рядом с мавзолеем в ходе археологических раскопок 1925 г. [4, с. 298-300]. О репрезентативности, масштабности, выразительном декоре комплекса можно судить по акварелям М. М. Иванова конца XVIII в.⁴, в период, когда портал сохранялся еще на полную высоту, а запустение, хотя и коснулось этого здания, но оно еще не было подвержено, как впоследствии, значительному разрушению (рис. 9-10; 11). Медресе вполне соответствовало, как своему положению одного из значительных мусульманских очагов столицы Крымского улуса Золотой Орды, так и амбициям его донаторов⁵.

⁴ Акварели впервые опубликовал Ю. А. Кулаковский в своей книге «Прошлое Тавриды» [14, с. 80-81], см. также статьи В. П. Кирилло [10, с. 127; 11, рис. 2, 3] и Д. А. Ломакина [15, с. 34-35].

⁵ В настоящее время в медресе начаты мероприятия по сохранению памятника, которые заключаются в установке металлического

Постройки мечети и медресе расположены на среднем плане акварели, занимая все пространство листа от края до края. Протяженность строений подчеркивает лесистый хребет горы, который в топографии окрестностей города окаймляет его с южной стороны. Площадь участка возле мечети покрыта высокой травой с группами деревьев — это территория некрополя возле мечети. Среди травы виднеются многочисленные камни в виде столбика, плоской стелы и горизонтального надгробия. Памятники такого типа были исследованы экспедициями на территории Эски-Юрта (Бахчисарай) и Старого Крыма в 1924-25 гг. [3, с. 122-144; 1, с. 152-159]. Мечеть на акварели — простое прямоугольное здание с двускатной черепичной крышей, не оштукатуренное: просматриваются камни поясов кладки. У северо-восточного угла мечети видна верхняя часть минарета с простым округлым шерфе, конусообразной крышей, венчаемой полумесяцем. На северной стене несколькими штрихами намечены арка и прямоугольник высокого входного портала.

В правой части акварели изображены южный айван с высоким полуovalом арки и двухэтажное крыло худжр медресе. На стене южного айвана виден прямоугольник наличника михраба.

Акварель выполнена мягкими цветовыми пятнами с проработкой деталей архитектуры — линий углов здания, окон, камней кладки, листья деревьев, тонкой кистью. В нижнем правом углу листа — автограф автора: «Мечеть Узбека и медресе

Старый Крым К. Б. 26».

Надпись в две строки, выполнена черной краской, имеет разный наклон строк. Разный почерк, но, по-видимому, авторский. Возможно, надпись сделана в разное время. В самом углу листа — карандашная надпись: «49», вероятно, число по списку.

арматурного каркаса с кровлей над помещениями комплекса, укреплении кладки сводчатых перекрытий и худжр. Продолжаются работы по археологическому исследованию наслоений внутри помещений северной и южной сторон. Археологические работы проводятся Старокрымской экспедицией Государственного Эрмитажа, руководитель М. Г. Крамаровский.

Рис. 9. М. М. Иванов. «В Старом Крыму. Остатки школы». 1783 г. Акварель. Внутренний двор медресе. Вид с юга. Государственный Русский музей, г. Санкт-Петербург, № Р-30073

Рис. 10. М. М. Иванов. «В Старом Крыму. Остатки школы». 1783 г. Акварель. Портал медресе. Вид с юго-востока. Государственный Русский музей, г. Санкт-Петербург, № Р-30072

Рис. 11. Фрагменты резного архитектурного декора из медресе, г. Старый Крым, 2016 г. Фото автора

Рис. 12. К. Ф. Богаевский. «Старый Крым. Руины медресе, 20-е гг. XX в.» Бумага, акварель. 37х47,4. ФКГА

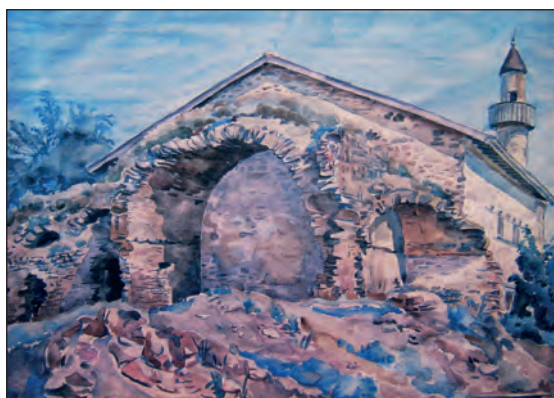

Рис. 13. К. Ф. Богаевский. «Руины медресе и мечеть Узбека в Старом Крыму», 20-е гг. XX в. Бумага, акварель. 37,2х47,4. ФКГА

Пейзаж передает спокойное послеполуденное состояние природы, постройки составляют неотъемлемую часть пейзажа. Акварель написана с точки обзора, с которой археологические раскопы не могут быть видны. Акварели мечети и медресе (рис. 4, 12, 13), на которых отсутствуют раскопы, отражают первоначальное состояние памятника. Акварели с изображением медресе являются скорее пейзажами с романтическими руинами, нежели технической работой.

На акварели «Старый Крым. Руины медресе. 20-е» (рис. 12) художник второго этажа еще сохраняются на всю высоту [19, с. 27]. На крышах северного айвана и худжр лежит слой разложившегося раствора, поросший травой. В центре двора — камни двух колодцев, которые вместе с плиточным мощением двора медресе вскоре будут исследованы археологами. В правой стороне листа видна задернованная разрушенная восточная стена здания с порталом. Можно предполагать, что перед художником была поставлена конкретная задача: отразить в графике те части памятника, на которых планировалось проводить исследования.

На акварели «Руины медресе и мечеть Узбека в Старом Крыму. 20-е» (рис. 13), как и на предыдущей, представлена северная сторона медресе с айваном и худжрами, но вид с юго-востока [19, с. 28]. Северный айван почти полностью открыт обзору, в его стенах и в кладке примыкающего к нему с востока помещения с арочным сводом видны полосы лежней деревянного пояса кладки. На переднем плане листа — обширный развал экседры восточной порталной стены медресе. В поросшем травой развале просматриваются камни кладки разрушенного портала. Утреннее солнце создает легкие тени, выгодно подчеркивающие сферические формы арок, ребристый карниз деревянного перекрытия мече-

ти. На восточной стене мечети — два небольших оконных проема между деревянными перемышками.

Акварель «Старый Крым. Развалины медресе. 1928» (рис. 14) показывает южную стену с постройками, обрамляющую квадратный двор медресе [24, с. 29]. В нижнем правом углу акварели авторская надпись: «Старый Крым К. Б. 28», далее, в самом углу пометка карандашом: «48». Надпись в две строки, выполнена черной краской, число «28», вероятно, приписано карандашом позднее (это видно и по расположению надписи).

Площадь самого двора почти не видна, поскольку она не просматривается с высокой точки обзора: северо-западный угол комплекса, верхняя часть сохранившихся стен мавзолея в северо-западном углу двора. Южный айван с худжрами первого и второго этажа зеркально отражает планировку и полностью повторяет систему построек северной стены (рис. 12-13). Внутри южного айвана, на восточной и южной стенах намечены обрамления ниш из тесаного камня. Один из пилонов айвана сложен не из плитняка, как весь комплекс построек, а из «квадров» пиленного известняка. Акварель написана в той же технике, что и вышеописанные: светотеневая обобщенная моделировка архитектурных объемов, проработка деталей тонкой кистью, обобщенные передние планы, стремление к передаче легкой, подвижной световоздушной среды. Светлый охристый колорит построек, изумрудно-зеленые тона травы и листья деревьев, светлое, безоблачное небо, отсутствие живых существ, все создает ощущение безмятежности и покоя. Акварели писались в самое выгодное для этого вида работы утреннее и послеполуденное время: легкие тени тонко обозначают детали архитектуры, не позволяя кладкам погрузиться в глубокий сумрак.

Итак, по всему видно, что эти акварели писались до начала археологических исследований комплекса. Зоркий глаз художника, привычка систематизировать архитектурные объекты позволили ему разобраться в сложной, испорченной временем архитектонике средневековых строений, а художественный, живописный подход дал возможность донести до нас состояние полного запустения и впечатления прошедшего времени. Вместе с тем, глядя на эти руины, можно вообразить себе былую представительность этого комплекса, украшенного высокими арками.

Как указывалось, вышеописанная акварель датирована издателем альбома 1928-м годом [19, с. 29]. В то же время, очевидно, что все работы с видами мечети Узбека и медресе Инджи-бек Хатун были выполнены К. Ф. Богаевским одновременно, так как представляют собой единый тематический и художественно-живописный цикл. Обращает на себя внимание отмеченная выше особенность: все акварели, включая и последнюю, не отражают результатов исследования этих памятников, впрочем, на так называемой акварели 1928 г. археологические раскопы не могли быть показаны из-за высокой точки обзора. Это приводит к выводу о не совсем корректной датировке акварели 1928 годом. Вполне оправдана дата этих работ 1920-ми годами, то есть К. Ф. Богаевский выполнил акварели в период, предшествовавший началу раскопок комплекса мечеть-медресе.

Рис. 14. К. Ф. Богаевский. «Старый Крым. Развалины медресе, 1928 г.» Бумага, акварель. 36,7х46,1. ФКГА

Как указывалось, ряд акварелей фиксирует некоторые этапы раскопок Старокрымской экспедиции 1925-26 гг.

В ходе исследований экспедиции в первый год были осуществлены следующие работы: произведены рекогносцировочные обследования территории древнего поселения на территории г. Старый Крым с целью выяснения археолого-топографического плана старого городища; произведены раскопки комплекса мечети Узбека — медресе в центральной части города; разведочные раскопки караван-сарая в южной стороне городища; обследованы остатки крепостных сооружений на возвышенности Ногайлы-оба и холм Кемаль-ата, определены пределы территории средневекового золотоордынского Солхата. Был получен богатый археологический и нумизматический материал, найдено около 70 надгробий и их фрагментов, из которых наиболее древнее датируется 709 г. хиджры (1309 г.).

Если говорить об исследованных старокрымских руинах, то первым объектом раскопок стал караван-сарай. Однако центральным объектом исследований Старокрымской экспедиции стал архитектурный комплекс мечети Узбека и медресе Инджи-бек Хатун. На этом комплексе был выполнен основной объем работ экспедиции. Именно комплекс мечети и медресе был изображен К. Ф. Богаевским на остальных картинах серии работ, посвященной старокрымским памятникам архитектуры. Наибольшее внимание на своих картинах художник уделил медресе. Для определения типа сооружения экспедицией вначале были проведены зондажные работы. Исследователями была заложена основная траншея по всей длине строения в направлении «запад-восток». Траншея шла параллельно северной стене медресе на расстоянии семи метров от нее. Небольшой раскоп был заложен на границе с мечетью для выяснения очередности их строительства. Итогом первого этапа раскопок было изучение дюрбе на территории западной стороны медресе и южного пилона портала строения. Художник посвятил этому этапу исследования две свои работы под названием «Раскопки в Старом Крыму», которые условно можно отнести к 1925 г.

В результате раскопок 1925-26 гг. был определен план комплекса мечети-медресе, мусульманской школы-монастыря. Открытия и результаты уже первого года исследований значительны, что и было впоследствии отражено в целом ряде работ руководителя экспедиции И. Н. Бороздина и ее главных членов У. А. Боданинского, А. С. Башкирова, Б. Н. Засыпкина, О. Н.-А. Акчокраклы [15, с. 92-100, 211-222].

Одним из главных итогов стала появившаяся возможность культурно-исторической оценки полученных результатов, в частности, тех влияний, которые испытывала культура Солхата со стороны мусульманского мамлюкского Египта, Малой Азии, Средней Азии, Месопотамии. Впервые, в частности, был поставлен вопрос и показаны примеры сельджукского воздействия в камнерезной стилистике и в архитектуре [3, с. 122-144; 4, с. 271-301; 5, с. 33-38; 6, с. 1-21]. Исследователям открывалась архитектурно-представительная сторона золотоордынского центра полуострова.

В августе 1926 г. экспедиция продолжила свои работы на комплексе медресе Инджи-бек Хатун. В состав экспедиции, как и в 1925 г., вошел К. Ф. Богаевский. Было решено обследовать западную часть медресе и полностью вскрыть главный портал с восточной стороны. Таким образом, можно было выяснить основной план комплекса, изучить его детали. К этому периоду относятся акварели К. Ф. Богаевского, на которых изображены руинированные остатки медресе с его южной и северной стороны. С северной стороны медресе находились комнаты для занятий, которые были изображены на акварели «Старый Крым, руины медресе, 1928 год». Комплекс зарисовок медресе Инджи-бек Хатун позволяет составить наиболее полные впечатления о состоянии памятника до, во время и после раскопок И. Н. Бороздина.

Участие К. Ф. Богаевского в составе такой экспедиции было весьма почетным, он отнесся к нему с присущим ему интересу к древностям, что и отразилось на качестве исполнения его старокрымских акварелей, посвященных процессу архитектурно-археологического исследования.

На акварели «**Раскопки в Старом Крыму. Акварель**» (рис. 15) изображен южный айван с худжрами, земляным археологическим отвалом и разрушенными кладками восточной стены, возможно, внутридворовой части портала-пиштака — экседры [БИКАМЗ, к. п. 1631, инв. № 34; 15, с. 35].

В нижнем правом углу акварели — двухстрочная авторская надпись, выполненная карандашом:

«Ст. Крым 1925

К. Богаевский».

На акварели обращает на себя внимание узкий коридор, увенчанный арочным сводом, находящийся с восточной стороны южного айвана. Он образован стеной айвана и помещениями, примыкающими к восточной порталной стене медресе. В архиве экспедиции находятся фотографии, где эта деталь планировки комплекса хорошо видна [15, с. 118-119, рис. 334⁶, 429]. Для сравнения можно рассмотреть планы медресе с мечетью, на всех планах фиксируется эта особенность [15, с. 102, 186-188]. Романтические руины экседры восточной стены медресе, вполне в духе римских развалин, предстают на одной из старокрымских акварелей М. М. Иванова [15, с. 34].

«**Раскопки в Старом Крыму. Акварель**» (рис. 16) является изображением восточной порталной стены медресе в раскопанном состоянии [БИКАМЗ, кп. 1600, инв. № 3; 15, с. 35]. На переднем плане видны фундамент и нижние ряды профилированной кладки основания северного пилона монументального портала, сложенных из больших отесанных известняковых плит и квадров. Траншея окружена земляным отвалом, кладка восточной стены с порталом была раскопана до юго-восточного угла здания медресе

Рис. 15. К. Ф. Богаевский «Раскопки в Старом Крыму» (медресе, южный айван). Бумага, акварель. 37,5х45,3. БИКАМЗ, к.п. 1631, инв. № 34

Рис. 16. К. Ф. Богаевский «Раскопки в Старом Крыму» (медресе, портал). Бумага, акварель. 37х47. БИКАМЗ, к.п. 1600, инв. № 3

⁶ В архивной подписи фотонегатива [БИКАМЗ, к. п. 3491, инв. № 85] ориентация помещений указана ошибочно: на снимке — юго-восточный угол комплекса медресе.

Рис. 17. К. Ф. Богаевский. «Раскопки медресе». 1925 г. [4, с. 26]

ные блоки нижнего ряда кладок помещений восточной и западной стен медресе (вид с востока).

Выразительность и точность рисунков К. Ф. Богаевского ценилась высоко: они были включены И. Н. Бороздиным в статью «Солхат», подводящую итоги экспедиции за 1925 год.

Как указывалось выше, в 1925–26 гг. раскопки проводились на территории караван-сарая, такое определение этот объект получил именно в результате источниковедческого и археологического изучения Старокрымской экспедиции. Внимание археологов было привлечено сохранившимися большими фрагментами стен, оказавшимися в плане пятиугольной постройкой площадью 2500 м², имеющей глухие

Рис. 18. Северо-западная и часть северо-восточной стены Караван-сарая, вид с юга, г. Старый Крым, 2016 г. Фото автора

и соединялась с постройками южной стены. Остатки этой одной из важнейших частей комплекса изображены с точностью: это можно установить при сравнении акварельной работы с материалами фотосъемки, производимой в ходе работы Старокрымской экспедиции. Вместе с обмерной и фотографической фиксацией, акварели этого цикла представляют собой комплект документации, позволяющий всесторонне отразить архитектурно-строительную часть этого ансамбля.

На акварели «**Раскопки медресе. 1925 г.**» (рис. 17) представлен первоначальный этап раскопок — траншея, которая была заложена вдоль северного крыла медресе, с востока на запад [4, с. 296, рис. 11; 15, с. 37]. В траншее — обнаруженные в 1925 г., то есть в первый год раскопок, отесан-

ные блоки нижнего ряда кладок помещений восточной и западной стен медресе (вид с востока).
Выразительность и точность рисунков К. Ф. Богаевского ценилась высоко: они были включены И. Н. Бороздиным в статью «Солхат», подводящую итоги экспедиции за 1925 год.
Как указывалось выше, в 1925–26 гг. раскопки проводились на территории караван-сарая, такое определение этот объект получил именно в результате источниковедческого и археологического изучения Старокрымской экспедиции. Внимание археологов было привлечено сохранившимися большими фрагментами стен, оказавшимися в плане пятиугольной постройкой площадью 2500 м², имеющей глухие высокие стены с башнеобразными пристройками (рис. 18). Одна башня частично сохранилась в северо-западном углу. Стены образовывали просторный двор. Археологическими изысканиями был исследован средневековый культурный слой, накопившийся внутри и с внешней стороны постройки, мощение двора и остатки архитектурных сооружений, позволивших говорить о галереях, протянувшихся вдоль стен внутри ограждения и опиравшихся на столбы или колонны. К 20-м гг. XX в. от обширной постройки караван-сарая остались лишь части куртин, внутренние строения не сохранились. Экспедицией в северо-западном углу внутреннего пространства

строения были заложены две траншеи: первая в северо-западном углу караван-сарая, вторая — перпендикулярно первой. Как указывает И. Н. Бороздин, в траншеях караван-сарая были выявлены средневековые археологические слои, насыщенные строительным мусором и большим количеством фрагментов красноглиняной и поливной цветной керамики, монет, в том числе и XIV в., металлических предметов [4, с. 290]. В траншее также были обнаружены плотные глиняные «постаменты», которые исследователями трактованы как опорные площадки для столбов галереи, идущей вдоль стен, части плиточного мощения пола и водопровода из керамических труб [4, с. 291–292]. Раскопками с внешней стороны стен обнаружены остатки гончарной мастерской, идентифицированной по фрагментам поливной посуды, керамическому браку, кускам поливы и треугольным подставкам, необходимых для обжига чаш и блюдов. Эти находки позволили археологам высказать мнение о более широком распространении гончарного поливного производства в Восточном Крыму в период XIV в., чем представлялось ранее, вопреки приписываемому сплошь византийскому керамическому импорту. Моменты раскопок на территории караван-сарая нашли свое отражение в работах К. Ф. Богаевского⁷.

На акварели «**Раскопки в Старом Крыму. Акварель**» (рис. 19) представлена внутренняя часть постройки, северная стена караван-сарая, слева от нее, в углу между северной и западной стенами — небольшая по диаметру башня, сохранившаяся на высоту двух этажей [БИКАМЗ, кн. 1630, инв. № 33; 15, с. 35]. Перед стеной — траншея с остатками фундаментов пристроенного к ней помещения. Кладки стен сложены из плитняка на известковом растворе, что придает им светлый тон. На стене видны гнезда для деревянных конструкций.

В нижнем правом углу — авторская подпись «Старый Крым», далее надпись обрезана.

Детали архитектуры глухой стены, контуры камней, листва деревьев проработаны тонкой кистью. Желтый розоватый тон кладок стен и вынутаго грунта, нежная голубоватая зелень травы и деревьев, светлый прозрачный колорит передают состояние летней утренней поры.

И в этой акварели К. Ф. Богаевский не останавливается только на фиксации момента раскопок, он обрамляет архитектурные руины пышной зеленью растений, вдали виднеются высокие верхушки тополей, весьма распространенного в природе полуострова вида деревьев.

«**Раскопки в Старом Крыму. Акварель**» (рис. 20). На фоне западной,

Рис. 19. К. Ф. Богаевский «Раскопки в Старом Крыму» (Караван-сарай). Бумага, акварель. 37х46. БИКАМЗ, к.п. 1630, инв. № 33

⁷ В дальнейшем археологические исследования внутреннего пространства караван-сарая проводились sporadически и на очень ограниченной территории [см.: 4, с. 17–21; 5, с. 36; 15, с. 92–94]. Таким образом, материалы Старокрымской экспедиции 1925 г. и акварели К. Ф. Богаевского приобретают особое значение редкого источника, тем более, что в настоящее время большая часть площади внутри стен памятника занята посадками плодовых деревьев, и здесь можно предполагать нарушение целостности культурного археологического слоя.

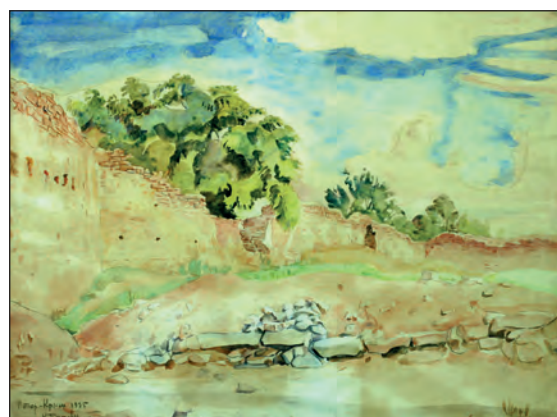

Рис. 20. К. Ф. Богаевский «Раскопки в Старом Крыму» (Караван-сарай). Бумага, акварель. 35х46,5. БИКАМЗ, к.п. 1632, инв. № 35

ший вид памятника с видом раскопанной кладки. Колорит работы высветленный, передающий яркость летнего южного утра.

Все эти акварели насыщены тщательно прописанными деталями, они полностью соответствуют той задаче, которая была поставлена перед художником — отразить результаты экспедиционных исследований, передать характерные черты исследованных памятников средневековой архитектуры. Эти работы, более светлые по тону, написанные в летний период работы экспедиции, передают колорит крымской природы этой поры. Трудно представить картины, более отвечающие духу древнего города, сохраняющего смутные воспоминания о былом великолепии.

Коллекция работ К. Ф. Богаевского, хранящихся в музеях в Бахчисарае и Феодосии, дает представление об архитектуре, состоянии, исследованиях наиболее выдающихся архитектурных памятников золотоордынского Солхата — мечети Узбека, медресе и караван-сарая. Верность натуре, тщательность в изображении деталей, искусное отражение архитектоники зданий в разных ракурсах — все создает объективную картину средневековых строений золотоордынской столицы. К. Ф. Богаевский представил архитектуру реалистически, без излишних натуралистических подробностей. Помимо воплощения технических задач, он создавал образ целого памятника, или его части, фрагмента, выделяя главное и обобщенно передавая второстепенные планы. В лучших акварелях этого цикла, таких как, например, «Мечеть Узбека и медресе в Старом Крыму» 1926 г., художник, как бы забывая о практическом назначении работы, пишет этюды поэтического средневековья, романтических руин, архитектурного ландшафта восточной части полуострова. Помимо умения передать форму, в этих работах прослеживается явное любовное отношение к объекту, причем большого значения не имеет то, насколько он совершенен в архитектурном отношении. Художника привлекает масштабность этих руин. Кроме того, поражает то, что, не будучи архитектором, К. Ф. Богаевский очень точно передает пропорции построек, хотя вряд ли им производились какие-либо обмеры. Художник досконально следовал поставленной задаче — отразить памятники в их достоверности, не прибегая к идеализации, либо, напротив, к схематизации натуры. В то же время, все акварели с изображением памятни-

северо-западной и северной стен караван-сарая изображена небольшая кадка стены, обнаженная неглубокой траншеей [БИКАМЗ, кн. 1632, инв. № 35].

В левом нижнем углу авторская надпись, выполненная черным карандашом:

«Стар. Крым 1925

К. Богаевский».

Для панорамного изображения стен обширного внутреннего пространства караван-сарая художник пишет их с низкой точки, с основания. Руины стен взмывают вверх, оставляя узкую полоску неба с кудрявыми кронами деревьев сада, находящегося за их пределами. Автор соединяет об-

ков архитектуры, хотя, напомним, работа и имела заказной характер, показывают явное равнодушие автора к изображаемому образу. Художественная ценность старокрымских акварелей, хотя и не очень разнообразных по тематике — и в фиксации «уходящей натуры», и в создании поэтического образа средневековых восточных руин.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Акчокраклы О. Старо-Крымские надписи (по раскопкам 1928 г.) // ИТОИАЭ. 1929. Т. 3(60). С. 152-159.
2. Барсамов Н. С. 45 лет в галерее Айвазовского. Симферополь: Крым, 1971. 256 с.
3. Башкиров А. С. Художественные памятники Солхата // Крым. 1927. № 1(3). С. 122-144.
4. Бороздин И. [Н.] Солхат: предварительный отчет о работах археологической экспедиции КрымСовнаркома, КрымЦика и Научной ассоциации востоковедения Союза ССР в 1925 году // Новый Восток. М., 1926. № 13-14. С. 271-301.
5. Бороздин И. Н. Новейшие открытия в области татарской культуры // Первый Всесоюзный тюркологический съезд, 25 февраля — 5 марта 1926 г.: стенографический отчет. Баку, 1926. С. 33-38.
6. Бороздин И. Н. Новые данные по золотоордынской культуре в Крыму: работы археологической экспедиции 1926 года / научн. ассоциация востоковедения при ЦИК ССР. М.: Искра революции, 1927. 21 с.
7. Волошин М. А. Культура, искусство, памятники Крыма // Крым: путеводитель / Под ред. И. М. Саркизова-Серазини. М.; Л.: Земля и Фабрика, 1925. С. 126-148.
8. Государственный Русский музей. Живопись. Каталог. Первая половина XX века (А-В). Т. 8. № 360. СПб.: Palace Editions, 1997. 142 с.
9. Кирилло В. П. Портал крымской мечети Узбека // Stratum plus. СПб.; Кишинев; Одесса; Бухарест, 2015. № 6. С. 253-274.
10. Кирилло В. П. Солхатское медресе // Stratum plus. 2011. № 6. С. 125-210.
11. Кирилло В. П. Строительная периодизация т. н. мечети Узбека в Старом Крыму // Stratum plus. Спецвыпуск: «Генуэзская Газария и Золотая Орда». Казань; Симферополь; Кишинев, 2015. С. 509-558. (Серия: «Археологические источники Восточной Европы»).
12. Крамаровский М. Г. Золотоордынский город Солхат-Крым. К проблеме формирования городской культуры (новые материалы) // Татарская археология. 1997. № 1. С. 101-106.
13. Крамаровский М. Г. Мангупская находка: сельджукские отражения в Крыму и на Кавказе // МАИЭТ. 2009. Вып. XV. С. 457-478.
14. Кулаковский Ю. А. Прошлое Тавриды: краткий исторический очерк. Киев, 1914. 156 с.
15. Ломакин Д. А. Мусульманские памятники Старого Крыма XIII-XV вв.: история изучения, современное состояние. Симферополь: Соло-Рич, 2015. 240 с. (Серия: «Библиография крымоведения», вып. 23).
16. Ломакина М. А. Средневековая армянская церковь Иоанна Предтечи в работах К. Ф. Богаевского // МАИЭТ. 2016. Вып. XXI. С. 409-417.
17. Манин В. Константин Богаевский: альбом. М.: Белый город, 2000. 64 с.
18. Охрана и изучение памятников истории и культуры в Крымской АССР. Исследования и документы / Авт.-сост. А. В. Хливнюк; под ред. А. А. Непомнящего. Симферополь: СГТ, 2008. 240 с. (Серия: «Библиография крымоведения»; вып. 11).
19. Памятники крымской старины в графике К. Ф. Богаевского: из коллекции Национальной картинной галереи им. И. К. Айвазовского и Феодосийского краеведческого музея / Авт.-сост. И. Баранов. Киев: Энергия плюс, 2006. 95 с.

REFERENCES

1. Akchokrakly O. Staro-Krymskie nadpisi (po raskopkam 1928 g.). *Izvestiia Tavricheskogo obshchestva istorii, arkhologii i etnografii*, Simferopol', 1929, T. 3(60), pp. 152-159.
2. Barsamov N. S. *45 let v galeree Aivazovskogo*. Simferopol, Krym Publ., 1971, 256 p.
3. Bashkirov A. S. *Khudozhestvennye pamiatniki Solkhata*. *Krym*, 1927, No. 1(3), pp. 122-144.

4. Borozdin I. [N.] Solkhat: predvaritel'nyi otchet o rabotakh arkheologicheskoi ekspeditsii KrymSovnarkoma, KrymTsika i Nauchnoi assotsiatsii vostokovedeniia Soiuza SSR v 1925 godu. *Novyi Vostok*, Moscow, 1926, No. 13-14, pp. 271-301.
5. Borozdin I. N. Noveishie otkrytiia v oblasti tatarskoi kul'tury. *Pervyi Vsesoiuznyi tiurkologicheskii s"ezd, 25 fevralia — 5 marta 1926 g.: stenograficheskii otchet*, Baku, 1926, pp. 33-38.
6. Borozdin I. N. *Novye dannye po zolotoordynskoi kul'ture v Krymu: raboty arkheologicheskoi ekspeditsii 1926 goda*. Moscow, Iskra revoliutsii Publ., 1927, 21 p.
7. Voloshin M. A. Kul'tura, iskusstvo, pamiatniki Kryma. Sarkizov-Serazini I. M. (Ed.), *Krym: putevoditel'*, Moscow, Leningrad, 1925, pp. 126-148.
8. *Gosudarstvennyi Russkii muzei. Zhivopis'. Katalog. Pervaia polovina XX veka (A-V)*. T. 8. № 360. S-Petersburg, Palace Editions publ., 1997, 142 p.
9. Kirilko V. P. Portal krymskoi mecheti Uzbeka. *Stratum plus*, S-Petersburg, Kishinev, Odessa, Bukharest, 2015, No. 6, pp. 253-274.
10. Kirilko V. P. Solkhatское медресе. *Stratum plus*, 2011, No. 6, pp. 125-210.
11. Kirilko V. P. Stroitel'naia periodizatsiia t. n. mecheti Uzbeka v Starom Krymu. *Stratum plus. Spetsvyпуск: «Genuezskaia Gazariia i Zolotaia Orda»*, Kazan', Simferopol, Kishinev, 2015, pp. 509-558.
12. Kramarovskii M. G. Zolotoordynskii gorod Solkhat-Krym. K probleme formirovaniia gorodskoi kul'tury (novye materialy). *Tatarskaia arkheologii*, 1997, No. 1, pp. 101-106.
13. Kramarovskii M. G. Mangupskaia nakhodka: sel'dzhukskie otrazheniia v Krymu i na Kavkaze. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol, 2009, Vol. XV, pp. 457-478.
14. Kulakovskii Iu. A. *Proshloe Tavridy: kratkii istoricheskii ocherk*. Kiev, 1914, 156 p.
15. Lomakin D. A. *Musul'manskii pamiatniki Starogo Kryma XIII-XV vv.: istoriia izuchenii, sovremennoe sostoianie*. Simferopol, Solo-Rich Publ., 2015, 240 p. (Seria «Biobibliografiia krymovedeniia», vol. 23).
16. Lomakina M. A. Srednevekovaia armianskaia tserkov' Ioanna Predtechy v rabotakh K. F. Bogaevskogo. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol, 2016, Vol. XXI, pp. 409-417.
17. Manin V. *Konstantin Bogaevskii: al'bom*. Moscow, Belyi gorod Publ., 2000, 64 p.
18. Nepomniashchii A. A. (Ed.). *Okhrana i izuchenie pamiatnikov istorii i kul'tury v Krymskoi ASSR. Issledovaniia i dokumenty*. Simferopol, 2008, 240 p. (Seria «Biobibliografiia krymovedeniia», vol. 11).
19. *Pamiatniki krymskoi stariny v grafike K. F. Bogaevskogo: iz kollektsii Natsional'noi kartinnoi galerei im. I. K. Aivazovskogo i Feodosiiskogo kraevedcheskogo muzeia*. Kiev, Energiia plus Publ., 2006, 95 p.

Ломакина М. А.

**Комплекс мечети хана Узбека — медресе и караван-сарай
в Старом Крыму в работах К. Ф. Бogaевского**

Резюме

Художественное наследие К. Ф. Бogaевского, одного из основателей киммерийской школы, содержит массовое количество графических, главным образом акварельных работ — точнейших и весьма детализированных зарисовок сохранившихся архитектурных построек средневековья полуострова. Многочисленные исторические строения выписаны на фоне степного, горного, морского, «киммерийского» пейзажа полуострова, благодаря чему это собрание приобретает значение уникальной по смыслу художественной серии. Работа по зарисовке древних построек велась художником по поручению Крымского отдела по делам музеев и охраны памятников искусства, старины, природы и народного быта (КрымОХРИС). Зарисовки Феодосии, Старого Крыма, Судак К. Ф. Бogaевский делал в 1924–1925 гг. Старокрымская серия акварелей была написана К. Ф. Бogaевским в 1920-е гг. и в процессе участия в работе Старокрымской экспедиции 1925–1926 гг., организованной Академией истории материальной культуры и Всесоюзной Научной Ассоциацией Востоковедения при ЦИК СССР под руководством профессора И. Н. Бороздина. Коллекция работ К. Ф. Бogaевского, хранящихся в музеях в Бахчисарае и Феодосии дает представление об архитектуре, состо-

янии, исследованиях наиболее выдающихся архитектурных памятников золотоордынского Солхата — мечети Узбека, медресе и караван-сарая. Одна из лучших акварелей этого цикла этого цикла — «Мечеть Узбека и медресе в Старом Крыму» 1926 г. К. Ф. Бogaевский отразил архитектуру реалистически, без излишних натуралистических подробностей. Помимо воплощения технических задач, он создавал образ целого памятника, или его части, фрагмента, выделяя главное и обобщенно передавая второстепенные планы.

Ключевые слова: К. Ф. Бogaевский, Старый Крым, мечеть, медресе, караван-сарай, средневековая архитектура, акварель, пейзаж.

Lomakina M. A.

**The Complex of Khan Uzbek Mosque, Madrasa and Caravanserai
in Staryi Krym in K. F. Bogaevskii's Works**

Summary

Artistic heritage of K. F. Bogaevskii's, one of the founders of the "Cimmerian School," comprises a great number of graphics, mostly watercolours, which show very precise and detailed images of intact architectural buildings in the Crimean Peninsula. Numerous historical houses are drawn against the background of steppe, mountain, and sea "Cimmerian" landscapes of the peninsula, which makes this collection an artistic series of unique sense. The artist made these drawings by order from the Crimean Department for the Museum Affairs and Protection of Monuments of Art, Antiquity, Nature, and People's Daily Life (KrymOKhRIS). K. F. Bogaevskii made sketches of Feodosiia, Staryi Krym, and Sudak in 1924–1925. His series of watercolours of Staryi Krym was drawn in the 1920s, especially when he participated in the Staryi Krym Expedition of 1925–1926 — it was organised by the Academy of the History of Material Culture and the All-USSR Scholarly Association for the Byzantine Studies, and headed by Professor I. N. Borozdin. The collection of K. F. Bogaevskii's works now residing in the museums of Bakhchisarai and Feodosiia supplies the notion of architecture, condition, and research of most outstanding architectural monuments of Solkhat in the Golden Horde Period: Uzbek Mosque, madrasa, and caravanserai. Among the best watercolours in this series is the one entitled "Uzbek Mosque and Madrasa in Staryi Krym" (1926). K. F. Bogaevskii reflected architecture in realistic manner, without extra naturalistic details. In addition to fulfilment of technical tasks, he created an image of the entire monument or its fragment, highlighting the essentials and generalizing minor features.

Keywords: K. F. Bogaevskiy, Staryi Krym, mosque, madrasah, caravanserai, medieval architecture, water color, landscape.

РЕЦЕНЗИИ

М. М. КАЗАНСКИЙ, А. В. МАСТЫКОВА

Рец. на: Magdalena Mączyńska, Alexandr Gercen, Olga Ivanova, Sergej Černýš, Sergej Lukin, Agnieszka Urbaniak, Jan Bemann, Katharina Schneider, Ireneusz Jakubczyk. Das frühmittelalterliche Gräberfeld Almalyk-dere am Fusse des Mangup auf der Südwestkrim. Mainz: Verlag des Römisch-Germanischen Zentralmuseums, 2016. 180 S., 387 Taf.

Роскошное издание, посвященное некрополю Алмалык-Дере, расположенному в одноименной балке на юго-восточном склоне Мангупского плато, представляет собой плод коллективной работы крымских, польских и немецких археологов.

Первые раскопки на этом памятнике произвел в 1982 г. В. А. Сидоренко. Дальнейшие полевые исследования, начиная с 1996 г., проводились под руководством А. Г. Герцена, при активном участии других исследователей, ставших авторами рецензируемого труда. В книге подведен итог исследований на памятнике в 1996-2008 гг. В научном плане результаты работ суммированы М. Мончиньской (S. 1-24), керамика специально изучена О. Ивановой (S. 25-94), каталог подготовлен для публикации И. Якубчиком (S. 95-180). Книга сопровождается многочисленными таблицами рисунков и цветных фото.

Могильник Алмалык-Дере располагается у подножия плато Мангупа и вместе с соседними могильниками Южный I и II, Адым-Чокрак составляет группу некрополей Мангупского городища в начале эпохи средневековья. Могильники Южный I и II и Адым-Чокрак датируются VI-VIII вв. и уже частично введены в научный оборот [10]. К 2008 г. на могильнике Алмалык-Дере было раскопано 75 погребальных камер, 19 подбойных могил и 6 могил в грунтовых ямах со ступеньками, а также одна кремация и три конских захоронения. К сожалению, большая часть могил подверглась разграблению и частичному разрушению уже в древности.

Хронология могильника справедливо определена М. Мончиньской на основании довольно многочисленных закрытых комплексов с относительно хорошо датированными вещами (список этих могил с конкретными датами приведен на S. 13-15) в общих рамках от конца IV — первой половины V в. (начальная фаза могильника), что соответствует периодам D1: 360/370 — 400/410 гг. и D2: 380/400 — 440/450 гг. хронологии европейского Барбарикума, и по VII в. (S. 15, 16).

Могильник появляется, видимо, в конце IV — начале V в., скорее всего, как полагает М. Мончиньская, еще до гуннского нашествия в Крым (S. 19). Погребения располагаются на площади протяженностью 600 м единым массивом, в два или три нерегулярных ряда. Хронологических закономерностей в топографии могил

выявить не удалось, погребения начальной фазы занимают всю территорию памятника (S. 18).

Основной формой погребальных сооружений является склеп с коллективными захоронениями, возможно семейный, с дромосом, входными ступенями и прямоугольной или трапецевидной камерой размерами примерно 2,0х3,0 м. В Крыму такие склепы принято связывать с сармато-аланской погребальной традицией. В камерах обнаружены ингумации как изолированные, так и коллективные, в одном случае зафиксировано девять погребенных. Обычно кости потревожены, рассеяны по всей камере, причем, как уже говорилось, эти разрушения частично были произведены уже в древности. В силу этих причин очень редко можно определить изначальное положение предметов погребального инвентаря. Там, где удалось проследить расположение костяков, погребенные размещались вытянуто на спине, часто по оси, соответствующей направлению коротких стенок камеры. Зафиксирована самая разная ориентация погребенных по сторонам света, но чаще всего они располагались головой на запад. В редких случаях в нишах камер, в дромосах или около них найдены скопления угля, фрагменты керамики, которые можно интерпретировать как поминальные жертвоприношения.

Помимо склепов найдены подбойные погребения с индивидуальными захоронениями. Имеются также грунтовые захоронения в простых ямах до 2,0 м длины, с одной или двумя ступеньками. В них встречены детские захоронения, практически без инвентаря или только с керамикой, а также конские захоронения. Обнаружено одно трупосожжение в округлой в плане яме диаметром 0,6 м, содержащей уголь и кальцинированные кости.

Время появления некрополя маркируют подвязные фибулы черняховской традиции, типа Альмгрен 162, что соответствуют типу 16-2-I по А. К. Амброзу [1, с. 61-66] (погребения 65. 1998; 18. 2004; 189. 2007, ингумация 1), типичные для периода C3: 300/320 — 350/370 гг. по хронологии европейского Барбарикума, а также арбалетная фибула с ромбической ножкой типа Альмгрен VI. 2 (тип Амброз 17-3 [1, с. 71-72]; так называемый тип Киев по М. Шульце-Дёррламму [13, S. 655-657]), найденная вместе с типичной пряжкой гуннского времени в погребении 158. 2003. Что касается подвязных фибул черняховской традиции, то будучи характерными для периода C3, они могли быть в ходу еще какое-то время, которое соответствует жизни поколения, следовавшего моде второй трети IV в. Судя по сопровождающему инвентарю — пряжки, стеклянная посуда, золотые аппликации — эти фибулы действительно попали в погребальный контекст уже в следующий хронологический период — D1, т. е. 360/370 — 400/410 гг. Это же касается стеклянного кубка типа Ковалк/Эггерс 230, справедливо отнесенного М. Мончиньской к периоду C3: 300/320 — 350/370 гг. (S. 4-5). Эта не дешевая стеклянная посуда могла сохраняться в быту долго, тому есть многочисленные примеры как в древности, так и в современной жизни.

Ранняя фаза эпохи Великого переселения народов, соответствующая периодам D1 и D2, т. е. 360/370 — 400/410 гг. и 380/400 — 440/450 гг., хорошо представлена погребениями с малыми двупластинчатыми фибулами типа Амброз IBA — Виллафонтана, пряжками с хоботовидным язычком, стеклянными кубками с каплями синего стекла, золотыми аппликациями, некоторыми типами керамики. Найденные на Алмалык-Дере бронзовые конические колокольчики с гравированным декором (S. 9), хорошо известные в погребальных памятниках Среднего Дуная, дают основание для выделения на данном памятнике хронологического горизонта Смолин/Смолин-Косино, соотносимого с периодом D2/D3 (430/440 — 460/470 гг.). Возможно, к тому же горизонту относятся фибулы-цикады с фасетированными крыльями (погребение 189. 2007, ингумация 4: Taf. 317. 3,4), а также дериваты малых двупластин-

чатых фибул (погребение 189. 2007, ингумация 2: Taf. 316. 2), хотя, стоит заметить, что эти вещи имеют более широкую хронологию.

Сложнее с датировкой арбалетной фибулы с кнопкой типа Альмгрен 163/Амброз 16-2-III-1 [1, с. 67], найденной в склепе 2. 2001 (Taf. 105. 1) и имеющей параллели в погребении 421 могильника Скалистое в Юго-Западном Крыму. Она также отнесена М. Мончыньской к периоду D1: 360/370 — 400/410 гг. Однако подобные застежки, попадавшие в Северное Причерноморье из ареала вельбаркской и черняховской культур, имеют более широкую хронологию [см., напр.: 7, с. 46, 47]. К сожалению, в склепе 2. 2001 других надежно датирующих вещей нет.

Надо отметить, что вышеперечисленные фибулы различных типов представляют собой элементы «этнографического» восточногерманского женского убора. Но только фибулами эти элементы не исчерпываются. Назовем также металлическую подвеску в виде топорика (погребение 2. 1996: Taf. 6. 5), восточногерманский характер которых уже давно определен В. В. Кропоткиным [6, с. 155, 156].

В погребениях Алмалык-Дере хорошо представлены типичные вещи V — начала VI вв., такие как пряжки со щитком и без него, хоботковидные с округлым кольцом и массивные с овальной рамкой, ременные наконечники, серьги с полиэдрическим окончанием, а также фибулы-цикады. Все эти вещи хорошо известны в Северном Причерноморье и на Среднем Дунае. М. Мончыньска приводит их показательные аналогии и обосновывает предлагаемые даты. В целом данный материал вполне обычен для памятников эпохи Великого переселения народов в Северном Причерноморье, на Среднем Дунае и на Балканах.

В эту же эпоху, уже на начальной стадии могильника, в погребальном инвентаре появляются металлические зеркала типа Чми-Бригидио и Карповка, часто определяемые как «кочевнические». Однако зеркала типа Карповка в V-VII вв., на сегодняшний день, известны почти исключительно на памятниках понто-кавказского оседлого населения [9], а зеркала Чми-Бригидио хоть и распространяются шире, но также исключительно у оседлого населения. Обычно в древностях различных варварских народов этим зеркалам сопутствуют такие вещи, как серьги с полиэдрическим окончанием, калачевидные серьги, фибулы-цикады, антропоморфные фаллические фигурки, малые двупластинчатые фибулы, браслеты с расширенными концами или с окончаниями в виде змеиных головок и некоторые другие элементы, хорошо известные, в первую очередь, в Северном Причерноморье в V в. Видимо, стоит поставить вопрос о выделении особой понтийской моды оседлого рядового населения, получившей интернациональный характер. В силу различных исторических событий эта мода попадает на Средний Дунай и оттуда, в виде отдельных элементов, в Западную Европу. На других направлениях она проявляется на Северном Кавказе, на Верхнем Дону, в Среднем Поволжье, на Южном Урале и даже в Приаралье. Однако этот вопрос выходит далеко за рамки рецензируемой работы и требует специального изучения.

Среди материалов могильника Алмалык-Дере особый интерес вызывают инкрустированные круглые броши из погребения 65. 1998 (Taf. 34. 1,2). Как показала М. Мончыньска, эти фибулы в эпоху Великого переселения народов хорошо представлены в понто-кавказском регионе (S. 6). Остается добавить, что костюм с подобными парными и одиночными брошами имеет, скорее всего, позднегерманско/средиземноморское происхождение; он хорошо известен в Средиземноморье, как в иконографическом, так и в археологическом материале [8, с. 35, 36].

Важной особенностью погребального инвентаря могильника Алмалык-Дере является наличие элементов «княжеского» варварского убора, таких как золотые накладки, лунницы, пронизки, листовидные подвески, элементы погребальных диадем, кото-

рым приведены широкие аналогии и соответствующая литература (S. 7-8). Эти вещи хорошо известны по престижным погребениям икладам хронологического горизонта Унтерзибенбрунн, соотносимого с периодом D2: 380/400 — 440/450 гг. Впрочем, большинство составляющих элементов аристократического убора Унтерзибенбрунн, за исключением, пожалуй, больших двупластинчатых фибул, известно в Северном Причерноморье и ранее, уже в период D1: 360/370 — 400/410 гг. Назовем такие находки в Керчи, как, например, Новиковский склеп 1890 г., склеп 145. 1904 г., два погребения разграбленных 24 июня 1904 г., отнесение которых к периоду D1 определяется наличием малых двупластинчатых фибул группы Амброз I. Необходимо отметить, что находки в Алмалык-Дере подтверждают уже наметившуюся тенденцию: если на Боспоре Киммерийском привилегированные погребения с «княжеским» инвентарем представлены, прежде всего, в некрополях городов (Керчь, Фанагория, Китей-Джурга-Оба), то в Юго-Западном Крыму они известны и на памятниках, которые нельзя отнести к «городским» (Лучистое, Алмалык-Дере) и, наоборот, пока не представлены в городском некрополе Херсонеса, главного города данного региона.

Надо отметить, что обувные пряжки с инкрустацией (Taf. 84. 1,2) из погребения 99.2000, более всего напоминающие керченские (S. 8), имеют параллели в ранних боспорских комплексах, которые, по наличию малых двупластинчатых фибул черняховской традиции и по форме пряжек, мы склонны датировать концом периода C3 и периодом D1, которые в целом соответствуют 300/320 — 350/370 гг. и 360/370 — 400/410 гг. [2, с. 279].

Из находок, принадлежащих более позднему времени, внимание привлекают ранневизантийские пряжки с рифлением на щитке, определенные здесь как тип Каллатис и датированные первой половиной VI в. (S. 9-10). Однако для этих пряжек предлагается и более широкая дата, включающая и вторую половину V в. Действительно, такие пряжки найдены в контексте этого времени в погребениях 291 и 479 могильника Дюрсо [3, с. 45, 46; 4; 12, р. 163, 164 — там же дается список находок и карта распространения].

Византийская мода в костюме местного населения хорошо представлена и позднее, во второй половине VI — VII вв. Об этом свидетельствуют находки, например, малых литых византийских пряжек, крестообразных и типа Сиракузы (S. 11-12), а также мужской поясной гарнитуры так называемого геральдического стиля (S. 12) с прорезным декором, а также с гравированным растительным орнаментом. Пояса с растительным декором широко распространялись из Византии, например, у авар Среднего Дуная, лангобардов в Италии или антов на Днестре (находки типа Мартыновка).

Среди элементов местного костюма, хорошо известного по материалам богатых некрополей готской «страны Дори» в Юго-Западном Крыму, надо отметить находки больших пряжек с прямоугольным щитком, украшенным крестом (S. 11). Они, скорее всего, распространялись из Херсонеса [из последних работ см.: 5]. Также здесь найдены классические для этого круга древностей орлиноголовые пряжки, хорошо известные по многочисленным работам А. И. Айбабина, И. П. Засецкой, А. Г. Фурсьева, Э. А. Хайрединовой и, наконец, пальчатые фибулы среднеднепровского происхождения, второй половины VI — второй трети VII в., довольно частые в могилах крымских готов.

Помимо предметов личного убора важно отметить находки оружия, стеклянной посуды и керамики. В некоторых погребениях найдены мечи с железными гардами так называемого азиатского типа, обломки лезвий мечей или кинжалов, янтарная бузина-подвеска к мечу. В погребении 191. 2007 найден умбон с конической калоттой, низким цилиндрическим основанием и узкими полями, отнесенный М. Мончыньской к типу Мизери/Цилинг 1Н (Misery/Zieling 1H), имеющему довольно широкую

дату (Taf. 338). По сопровождавшему инвентарю, умбон принадлежит периодам D2: 380/400 — 440/450 гг. или D3: 450 — 470/480 гг., при этом курьезным образом другие предметы в погребении более характерны для женского убора. В целом, в Юго-Западном Крыму неплохо известны умбоны позднеимского времени, но для эпохи Великого переселения народов они пока найдены не были. На могильнике Алмалык-Дере в погребении 2.2002 также найдена манипула (рукоять) щита типа Zielsing S1/Forme 2 (Taf. 147.3), имеющая довольно широкие дату и зону распространения.

Особо стоит отметить находку костяных накладок на лук (погребение 118.2000, Taf. 94). Такие накладки хорошо известны в степном погребальном контексте позднесарматского и гуннского времени, но редко встречаются в могилах оседлого населения гуннской эпохи (Керчь, Старожилово, Сингидунум, Вранья) [11, p. 124].

В захоронениях найдены стеклянные сосуды, в частности кубки с каплями синего стекла, являющиеся хорошим хронологическим репером, а также другая стеклянная посуда, для которой приведены параллели и обоснована хронология (S. 6-7).

Импортной керамике посвящена отдельная глава О. Ивановой (S. 25-94). В ней рассмотрены не только керамические находки из Алмалык-Дере, но также из соседних могильников Адым-Чокрак и Южный I. Автор разбирает найденные в могильнике амфоры и краснолаковые сосуды (приведен подробный список по закрытым комплексам). Установлена их типология, при этом определены амфоры типа «Шеллов-Ф / Инкерман», «Зеест-72 / Мирмекий», «Зеест-95», «Зеест-100 / Делакеу», «Riley-LRA-1», «Riley-LRA-2», «Газа / Riley-LRA-3», «круглодонные тип V — Херсонес-1971», «класс I — Херсонес-1995», «класс 24 — Херсонес-1995», «класс 36 — Херсонес-1995», кувшины «класс 41 — Херсонес-1995», а также краснолаковая посуда групп «Pontic Red Slip Ware» и «Late Roman C». Это, соответственно, определяет ареал распространения и хронологию каждого типа посуды.

Исследовательскую часть монографии сопровождает подробный и богато иллюстрированный каталог погребений, подготовленный, как уже говорилось, И. Якубчиком. Композиция иллюстраций, однако, вызывает некоторые нарекания. Вряд ли было необходимо выделять для публикации одного-двух предметов и одного разреза могилы целую таблицу в формате А-4. Это делает книгу излишне объемной и, в конечном итоге, затрудняет ее чтение. К числу упущений стоит отнести и полное отсутствие антропологического исследования обнаруженных костных останков.

В целом же публикация материалов раскопок некрополя Алмалык-Дере является фундаментальным трудом, дающим хорошее представление об исследованном памятнике. Эта книга, несомненно, станет очень важным инструментом в изучении политических и этнокультурных процессов в истории раннесредневекового Крыма и, безусловно, будет высоко оценена коллегами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Амброз А. К. Фибулы юга европейской части СССР. М.: Наука, 1966. 112 с. (САИ. Вып. Д1-30).
2. Казанский М. М. Германцы в Юго-Западном Крыму в позднеимское время и в эпоху великого переселения народов // Готы и Рим / под ред. М. Е. Левады. Киев: Стило, 2006. С. 26-41.
3. Казанский М. М. Хронология начальной фазы могильника Дюрсо // Историко-Археологический альманах. Армавир, 2001. Вып. 7. С. 41-58.
4. Казанский М. М. Ранневизантийская пряжка из могильника Марвеле в Средней Литве // *Stratum plus*. 2013. № 5. С. 163-174.
5. Казанский М. М. Большие «готские пряжки» с изображением креста у населения Юго-Западного Крыма (вторая половина VI — первая половина VII вв.): о происхождении убора // В камне и в бронзе / под ред. А. Е. Мусина, О. А. Щегловой. СПб.: ИИМК РАН, 2017. С. 221-226.

6. Кропоткин В. В. Черняховская культура и Северное Причерноморье // Проблемы советской археологии / под ред. В. В. Кропоткина, Г. Н. Матюшина, Б. Г. Петерса. М.: Наука, 1978. С. 147-163.
7. Кухаренко Ю. В. Могильник Брест-Тришин. М.: Наука, 1980. 128 с.
8. Мастыкова А. В. Женский костюм Центрального и Западного Предкавказья в конце IV — середине VI в. М.: ИА РАН, 2009. 502 с.
9. Мастыкова А. В. Зеркала типа Карповка: к вопросу о формировании салтово-маяцкой культуры Среднего Дона // Дивногорский сборник / под ред. А. З. Винникова. Воронеж: Природно-архитектурно-археологический музей заповедник Дивногорье, 2016. Вып. 6. С. 241-254.
10. Bemmman J., Schneider K., Gercen A. G., Černýš S., Maćczyńska M., Urbaniak A., von Freeden U. Die frühmittelalterliche Gräberfelder von Adym-Čokrak, Južny I und Južny II am Fusse des Mangup. Mainz: Verlag des Römisch-Germanischen Zentralmuseums, 2013. 110 S.
11. Ivanišević V., Kazanski M. Nouvelle nécropole des Grandes Migrations de Singidunum // *Starinar*. 2007. Vol. 57. P. 113-135.
12. Kazanski M. Les plaques-boucles méditerranéennes des Ve-VIe siècles // *Archéologie Médiévale*. 1994. Vol. XXIV. P. 137-198.
13. Schulze-Dörrlamm M. Romanisch oder Germanisch? Untersuchungen zu den Armbrust- und Bügelknopffibeln des 5. und 6. Jahrhunderts n. Chr. Aus dem Gebieten westlich der Rheins und südlich der Donau // *Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentralmuseums Mainz*. 1986. Bd. 33. S. 593-720.

REFERENCES

1. Ambroz A. K. *Fibuly yuga evropeyskoy chasti SSSR*. Moscow, Nauka Publ., 1966, 112 p. (Svod arkheologicheskikh istochnikov, vol. D1-30).
2. Kazanskiy M. M. Germantsy v Yugo-Zapadnom Krymu v pozdnerimskoye vremya i v epokhu velikogo pereseleniya narodov. Levada M. E. (Ed.), *Goty i Rim*, Kiev, Stilos Publ, 2006, pp. 26-41.
3. Kazanskiy M. M. Khronologiya nachalnoy fazy mogilnika Dyurso. *Istoriko-Arkheologicheskii almanakh*, Armavir, 2001, vol. 7, pp. 41-58.
4. Kazanskiy M. M. Rannevizantiyskaya pryazhka iz mogilnika Marvele v Sredney Litve. *Stratum plus*, 2013, No. 5, pp. 163-174.
5. Kazanskiy M. M. Bolshiye «gotskiye pryazhki» s izobrazheniyem kresta u naseleniya Yugo-Zapadnogo Kryma (vtoraya polovina VI — pervaya polovina VII vv.): o proiskhozhdenii ubora. Musin A. E., Shcheglova O. A. (Eds.), *V kamne i v bronze*, S-Petersburg, Institut istorii material'noi kul'tury RAN Publ., 2017, pp. 221-226.
6. Kropotkin V. V. Chernyakhovskaya kultura i Severnoye Prichernomor'ye. Kropotkin V. V., Matyushin G. N., Peters B. G. (Eds.), *Problemy sovetskoy arkheologii*, Moscow, Nauka Publ., 1978, pp. 147-163.
7. Kukharenyo Yu. V. *Mogilnik Brest-Trishin*. Moscow, Nauka, Publ. 1980, 128 p.
8. Mastykova A. V. *Zhenskiy kostyum Tsentralnogo i Zapadnogo Predkavkazia v kontse IV — serebine VI v.* Moscow, Institut arkheologii RAN Publ., 2009, 502 p.
9. Mastykova A. V. Zerkala tipa Karpovka: k voprosu o formirovani saltovo-mayatskoy kultury Srednego Dona. Vinnikov A. Z. (Ed.), *Divnogorskiy sbornik*, Voronezh, Prirodnyy arkhitekturo-arkheologicheskii muzey zapovednik Divnogorye Publ., 2016, vol. 6, pp. 241-254.
10. Bemmman J., Schneider K., Gercen A. G., Černýš S., Maćczyńska M., Urbaniak A., von Freeden U. *Die frühmittelalterliche Gräberfelder von Adym-Čokrak, Južny I und Južny II am Fusse des Mangup*. Mainz, Verlag des Römisch-Germanischen Zentralmuseums, 2013, 110 p.
11. Ivanišević V., Kazanski M. Nouvelle nécropole des Grandes Migrations de Singidunum. *Starinar*, 2007, vol. 57, pp. 113-135.
12. Kazanski M. Les plaques-boucles méditerranéennes des Ve-VIe siècles. *Archéologie Médiévale*, 1994, vol. XXIV, pp. 137-198.
13. Schulze-Dörrlamm M. Romanisch oder Germanisch? Untersuchungen zu den Armbrust- und Bügelknopffibeln des 5. und 6. Jahrhunderts n. Chr. Aus dem Gebieten westlich der Rheins und südlich der Donau. *Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentralmuseums Mainz*, 1986, Bd. 33, pp. 593-720.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АЙБАБИН Александр Ильич, доктор исторических наук, профессор, директор Научно-исследовательского центра истории и археологии Крыма Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского (Симферополь, Россия), e-mail: aleksandraibabin@rambler.ru

БАРМИНА Надежда Игоревна, кандидат исторических наук, доцент, кафедра музееведения и культурологии, Уральский федеральный университет (Екатеринбург, Россия), e-mail: nbarmina09@mail.ru

ВИНОГРАДОВ Андрей Юрьевич, кандидат исторических наук, доцент, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Школа исторических наук, Лаборатория медиевистических исследований (Москва, Россия), e-mail: auvinogradov@hse.ru

ГЕРЦЕН Александр Германович, кандидат исторических наук, заведующий кафедрой истории древнего мира и средних веков, Таврическая академия, Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского (Симферополь, Россия), e-mail: gertsenag@yandex.ru

ДУШЕНКО Антон Анатольевич, кандидат исторических наук, младший научный сотрудник Научно-исследовательского центра истории и археологии Крыма Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского (Симферополь, Россия), e-mail: tnu.dushenko@mail.ru

ЗАВАДСКАЯ Ирина Анатольевна, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского центра истории и археологии Крыма Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского (Симферополь, Россия), e-mail: zavadskaya_igina@mail.ru

ЗАЙБТ Вернер, доктор наук, профессор, Австрийская Академия Наук, Институт средневековых исследований, Отделение византиноведения (Вена, Австрия), e-mail: werner.seibt@oeaw.ac.at

ЗАРУБИН Вячеслав Георгиевич, заместитель председателя Государственного комитета по охране культурного наследия Республики Крым (Симферополь, Россия), e-mail: v.zarubin@mail.ru

КАЗАНСКИЙ Михаил Михайлович, доктор хабилитет (docteur habilité), ведущий научный сотрудник, Национальный центр научных исследований (CNRS), исследовательская лаборатория 8167 «Восток и Средиземноморье» (UMR 8167 «Orient et Méditerranée»), Collège de France (Paris, France), e-mail: michel.kazanski53@gmail.com

КАЛИНИНА Татьяна Михайловна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт всеобщей истории Российской академии наук (Москва, Россия), e-mail: tmka@yandex.ru

КАШОВСКАЯ Наталья Васильевна, кандидат исторических наук, заведующая отделом религии Востока, Государственный музей истории религии (Санкт-Петербург, Россия), e-mail: kashnat@mail.ru

КОНКИН Денис Валериевич, кандидат исторических наук, заведующий отделом новой истории Крыма Научно-исследовательского центра истории и археологии Крыма Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского (Симферополь, Россия), e-mail: denis_konkin@mail.ru

КРАМАРОВСКИЙ Марк Григорьевич, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Отдел Востока, Государственный Эрмитаж (Санкт-Петербург, Россия), e-mail: solkhat@hermitage.ru

ЛОМАКИН Дмитрий Анатольевич, кандидат исторических наук, научный сотрудник Научно-исследовательского центра истории и археологии Крыма Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского (Симферополь, Россия), e-mail: LomakinDA@mail.ru

ЛОМАКИНА Мария Александровна, младший научный сотрудник Крымского этнографического музея (Симферополь, Россия), e-mail: Aibabina87@mail.ru

МАЙКО Вадим Владиславович, доктор исторических наук, директор, Институт археологии Крыма РАН (Симферополь, Россия), e-mail: vadimmaiko1966@mail.ru

МАНАЕВ Александр Юрьевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России, Таврическая академия, Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского (Симферополь, Россия), e-mail: manaev_1977@mail.ru

МАСТЫКОВА Анна Владимировна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт археологии Российской академии наук (Москва, Россия), e-mail: amastykova@mail.ru

НАУМЕНКО Валерий Евгеньевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории древнего мира и средних веков, Таврическая академия, Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского (Симферополь, Россия), e-mail: byzance@rambler.ru

ПРОХОРОВ Дмитрий Анатольевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Научно-исследовательского центра истории и археологии Крыма, Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского (Симферополь, Россия), e-mail: prohorov1da@yandex.ru

РАДОЧИН Владимир Юрьевич, старший научный сотрудник Научно-исследовательского центра истории и археологии Крыма Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского (Симферополь, Россия), e-mail: radochin_v@mail.ru

СЕЙДАЛИЕВ Эмиль Исаевич, кандидат исторических наук, заведующий кафедрой истории, Крымский инженерно-педагогический университет (Симферополь, Россия), e-mail: codexcummanicus@gmail.com

СИДОРЕНКО Валерий Анатольевич, кандидат исторических наук, заместитель директора по научной работе Научно-исследовательского центра истории и археологии Крыма Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского (Симферополь, Россия), e-mail: crimeastor@rambler.ru

СТЕПАНЕНКО Валерий Павлович, доктор исторических наук, профессор, кафедра истории древнего мира и средних веков департамента «Исторический факультет» Института гуманитарных наук и искусств Уральского федерального университета (Екатеринбург, Россия), e-mail: v.stepanenko49@mail.ru

ТУНКИНА Ирина Владимировна, доктор исторических наук, директор Санкт-Петербургского филиала Архива Российской академии наук, главный научный сотрудник Санкт-Петербургского научного центра Российской академии наук (Санкт-Петербург, Россия), e-mail: tunkina@yandex.ru

ХАЙРЕДИНОВА Эльзара Айдеровна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт археологии Крыма РАН (Симферополь, Россия), e-mail: khairidinovaz@rambler.ru

ХРАПУНОВ Игорь Николаевич, доктор исторических наук, профессор кафедры истории древнего мира и средних веков, Таврическая академия, Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского (Симферополь, Россия), e-mail: igorkhrapunov@mail.ru

ХРАПУНОВ Никита Игоревич, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского центра истории и археологии Крыма Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского (Симферополь, Россия), редактор-переводчик Государственного историко-археологического музея-заповедника «Херсонес Таврический» (Севастополь, Россия), e-mail: khrapunov@mail.ru

ХРУШКОВА Людмила Георгиевна, доктор исторических наук, профессор, кафедра истории Церкви, Исторический факультет, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова (Москва, Россия), e-mail: KhrushkovaL@list.ru

ЦУКЕРМАН Константин, доктор исторических наук, профессор византийской истории в Практической школе высших исследований в Париже, заместитель директора Центра истории и цивилизации Византии, Коллеж де Франс (Париж, Франция), e-mail: constantin.zuckerman@college-de-france.fr

ШАМАНАЕВ Андрей Васильевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры археологии и этнологии, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия), e-mail: shamanaev@mail.ru

CONTRIBUTORS

AIBABIN Alexander, DSc., Prof., Director, Research Centre of the History and Archaeology Crimea of V. I. Vernadsky Crimean Federal University (Simferopol, Russia), e-mail: aleksandraibabin@rambler.ru

BARMINA Nadezhda, CSc, Docent, Department of Musicology and Culturology, Ural Federal University (Yekaterinburg, Russia), e-mail: nbarmina09@mail.ru

DUSHENKO Anton, CSc, Junior Researcher, Research Centre of the History and Archaeology Crimea of V. I. Vernadsky Crimean Federal University (Simferopol, Russia), e-mail: tnu.dushenko@mail.ru

GERTSEN Alexander, CSc, Ancient and Mediaeval History Department at the Taurida Academy of the V. I. Vernadsky Crimean Federal University (Simferopol, Russia), e-mail: gertsenag@yandex.ru

KALININA Tatyana, CSc, Senior Researcher, Institute of the World History, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), e-mail: tmka@yandex.ru

KASHOVSKAYA Natal'ia, CSc, Head of the Oriental Religions Department at the State Museum of the History of Religion (Saint Petersburg, Russia), e-mail: kashnat@mail.ru

KAZANSKI Michel, DSc., Directeur de Recherche, Centre national de la recherche scientifique (CNRS), UMR-8167 «Orient et Méditerranée» (Paris, France), e-mail: michel.kazanski53@gmail.com

KHAIREDINOVA Elzara, CSc, Senior Researcher, Institute of Archaeology of the Crimea of the Russian Academy of Sciences (Simferopol, Russia), e-mail: khairidinovaz@rambler.ru

KHRAPUNOV Igor, DSc, Prof., Ancient and Mediaeval History Department at the Taurida Academy of the V. I. Vernadsky Crimean Federal University (Simferopol, Russia), e-mail: igorkhrapunov@mail.ru

KHRAPUNOV Nikita, CSc, Leading Researcher at the Centre for the History and Archaeology of Crimea, V. I. Vernadsky Crimean Federal University (Simferopol, Russia), translator & editor at the State Historical and archaeological Museum Preserve of Tauric Chersonese (Sevastopol, Russia), e-mail: khrapunov@mail.ru

KHRUSHKOVA Liudmila, DSc, Prof., Church History Department at the Historical Faculty of the M. V. Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia), e-mail: KhrushkovaL@list.ru

KONKIN Denis, CSc, Head of the Modern History Department, Research Centre of the History and Archaeology Crimea of V. I. Vernadsky Crimean Federal University (Simferopol, Russia), e-mail: denis_konkin@mail.ru

KRAMAROVSKII Mark, DSc, leading researcher, Oriental Department of the State Hermitage Museum (Saint Petersburg, Russia), e-mail: solkhat@hermitage.ru

LOMAKIN Dmitrii, CSc, Researcher, Research Centre of the History and Archaeology Crimea of V. I. Vernadsky Crimean Federal University (Simferopol, Russia), e-mail: LomakinDA@mail.ru

LOMAKINA Mariia, Junior Researcher, Crimean Ethnographic Museum (Simferopol, Russia), e-mail: Aibabina87@mail.ru

NAUMENKO Valerii, CSc, Ass. Prof. of the Ancient and Mediaeval History Department at the Taurida Academy of the V. I. Vernadsky Crimean Federal University (Simferopol, Russia), e-mail: byzance@rambler.ru

MAIKO Vadim, DSc, Director, Institute of Archaeology of the Crimea of the Russian Academy of Sciences (Simferopol, Russia), e-mail: vadimmaiko1966@mail.ru

MANAYEV Alexander, CSc, Ass. Prof. of the Department of Russian History, V. I. Vernadsky Crimean Federal University (Simferopol, Russia), e-mail: manaev_1977@mail.ru

MASTYKOVA Anna, DSc, Leading Researcher, Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), e-mail: amastykova@mail.ru

PROKHOROV Dmitrii, CSc, Senior Researcher, Research Centre of the History and Archaeology Crimea of V.I. Vernadsky Crimean Federal University (Simferopol, Russia), e-mail: prohorov1da@yandex.ru

RADOCHIN Vladimir, Senior Researcher, Research Centre of the History and Archaeology Crimea of V. I. Vernadsky Crimean Federal University (Simferopol, Russia), e-mail: radochin_v@mail.ru

SEIBT Werner, DSc, Prof., Austrian Academy of Sciences, Institute for Mediaeval Research, Division of Byzantine Research (Vienna, Austria), e-mail: werner.seibt@oeaw.ac.at

SEYDALIEV Emil, CSc, Head of the chair of history, Crimean Tatar language and literature of the Crimean engineering-pedagogical university (Simferopol, Russia), e-mail: codexcummanicus@gmail.com

SHAMANAIEV Andrey, CSc, Ass. Prof., Department of archaeology and ethnology, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin (Yekaterinburg, Russia), e-mail: shamanaev@mail.ru

SIDORENKO Valerii, CSc, Deputy Director in Research, Research Centre of the History and Archaeology Crimea of V. I. Vernadsky Crimean Federal University (Simferopol, Russia), e-mail: crimeastor@rambler.ru

STEPANENKO Valerii, DSc., Prof., Ancient and Mediaeval History Department, Ural Federal University (Yekaterinburg, Russia), e-mail: v.stepanenko49@mail.ru

TUNKINA Irina, DSc (History), Director of St. Petersburg Branch of the Archive of the Russian Academy of Sciences, chief scientific officer of St. Petersburg Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russia), e-mail: tunkina@yandex.ru

VINOGRADOV Andrey, CSc, Ass. Prof., National Research University "Higher School of Economics", School of History, Center for Medieval Research (Moscow, Russia), e-mail: auvinogradov@hse.ru

ZARUBIN Vyacheslav, vice-chairman of the State Committee for the Protection of Cultural Heritage of the Republic of Crimea (Simferopol, Russia), e-mail: v.zarubin@mail.ru

ZAVADSKAYA Irina, CSc, Leading Researcher, History and Archaeology of the Crimea Research Centre at the V. I. Vernadsky Crimean Federal University (Simferopol, Russia), e-mail: zavadskaya_irina@mail.ru

ZUCKERMAN Constantin, Dr. hab., Professor of Byzantine history at the Ecole pratique des hautes études / Université Paris Sciences et Lettres (EPHE / PSL), Deputy Director of the Centre d'histoire et civilisation de Byzance, Collège de France (Paris, France), e-mail: constantin.zuckerman@college-de-france.fr

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ LIST OF ABBREVIATIONS

АДСВ — Античная древность и средние века
 АО — Археологические открытия
 АРК — Автономная Республика Крым
 АССР — Автономная Социалистическая Советская Республика (до 1938 г.)
 БИАС — Бахчисарайский историко-археологический сборник
 БГИКЗ — Бахчисарайский государственный историко-культурный заповедник
 БИКАМЗ — Бахчисарайский историко-культурный и археологический музей-заповедник
 ВВ — Византийский Временник
 ВДИ — Вестник древней истории
 ВПСТГУ — Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета
 ГАИМК — Государственная академия истории материальной культуры
 ГАРК — Государственный архив Республики Крым
 ГИМ — Государственный исторический музей
 Главная наука — Главное управление научными, научно-художественными и музейными учреждениями Наркомата просвещения РСФСР
 ЖМВД — Журнал Министерства внутренних дел
 ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения
 ЗАН — Записки Императорской Академии наук
 ЗОАО — Записки Одесского археологического общества
 ЗООИД — Записки Одесского общества истории и древностей
 ИА АН СССР — Институт археологии Академии наук СССР
 ИА РАН — Институт археологии Российской академии наук
 ИАК — Известия Императорской археологической комиссии
 ИГАИМК — Известия Государственной Академии истории материальной культуры
 ИИМК АН СССР — Институт истории материальной культуры Академии наук СССР
 ИИМК РАН — Институт истории материальной культуры Российской академии наук
 ИНК — Историческое наследие Крыма
 ИРАИМК — Известия Российской академии истории материальной культуры
 ИТОИАЭ — Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии
 ИТУАК — Известия Таврической ученой архивной комиссии
 КрымОХРИС — Крымский отдел по делам музеев и охраны памятников искусства, старины, природы и народного быта
 КСИА — Краткие сообщения Института археологии АН СССР (РАН)
 КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры
 МАИАСК — Материалы по археологии и истории античного и средневекового Крыма
 МАИЭТ — Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии
 МАР — Материалы по археологии России
 МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
 НЛМл — Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / Под ред. А. Н. Насонова. М., Л., 1950.
 ОАК — Отчеты Императорской Археологической комиссии
 ОР РНБ — Отдел рукописей Российской национальной библиотеки
 ПИФК — Проблемы истории, филологии, культуры
 РА — Российская археология
 РГВИА — Российский государственный военно-исторический архив

РГИА — Российский государственный исторический архив
 РСФСР — Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика
 СА — Советская археология
 САИ — Свод археологических источников
 СМО — Севастопольское музейное объединение
 СНК — Совет народных комиссаров
 СПбФ АРАН — Санкт-Петербургский филиал Архива РАН
 ТА ГК ОКН — Текущий архив Государственного комитета по охране культурного наследия Республики Крым
 ТГЭ — Труды Государственного Эрмитажа
 УЗ КФУ — Ученые записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского
 УПЦ МП — Украинская Православная Церковь Московского Патриархата
 УССР — Украинская Советская Социалистическая Республика
 ФКГА — Феодосийская картинная галерея им. И. К. Айвазовского
 ХСб — Херсонесский сборник
 ЦГРМ — Центральные государственные реставрационные мастерские

DOSeals I — Nesbitt J., Oikonomides N. Catalogue of Byzantine Seals at Dumbarton Oaks and in the Fogg Museum of Art, 1: Italy, North of the Balkans, North of the Black Sea. Washington DC, 1991.
 DOSeals III — Nesbitt J., Oikonomides N. Catalogue of Byzantine Seals at Dumbarton Oaks and in the Fogg Museum of Art, III: West, Northwest and Central Asia Minor and the Orient. Washington DC, 1997.
 IOSPE V — Ancient Inscriptions of the Northern Black Sea, vol. V = Vinogradov A. Byzantine Inscriptions, 2015 (online).
 Ivron II — Actes d'Ivion. II. Du milieu du Xle siècle à 1204 / éds. J. Lefort, N. Oikonomides, D. Papachryssanthou. Paris, 1990.
 Österreich II — Wassiliou A.-K., Seibt W. Die byzantinischen Bleisiegel in Österreich. 2. Teil: Zentral- und Provinzialverwaltung. Wien, 2004.
 PLP — Prosopographisches Lexikon der Palaiologenzeit
 PmbZ — Prosopographie der mittelbyzantinischen Zeit (online resource).
 PRK I — Hunger H., Kresten O. (eds.). Das Register des Patriarchats von Konstantinopel. Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 1981. 624 S.
 PRK II — Hunger H., Kresten O. (eds.). Das Register des Patriarchats von Konstantinopel. 2. Teil. Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 1995. 519 S.
 PVL — The Povest' vremennykh let: an interlinear collation and paradosis / Ed. D. Ostrowski // Harvard Library of Early Ukrainian Literature. Vol. X (3 parts). Cambridge Mass., 2003.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Науменко В. Е.</i> К 70-летию Александра Германовича Герцена и 50-летию Мангупской археологической экспедиции	4
<i>Герцен А. Г.</i> К 50-летию возобновления археологического изучения Мангупа: начальный этап	12
Избранная библиография по истории и археологии Мангупа	46

АРХЕОЛОГИЯ

<i>Храпунов И. Н.</i> О времени и обстоятельствах появления поселения на горе Мангуп-кале	54
<i>Хайрединова Э. А.</i> Парадный убор жителя средневекового Дороса (по находкам из Тешкли-бурунского клада)	62
<i>Бармина Н. И.</i> Мозаики и фрески Мангупской базилики	89
<i>Хрушкова Л. Г.</i> К дискуссии о времени строительства Мангупской базилики	107
<i>Радочин В. Ю.</i> Некоторые антропологические материалы из раскопок Мангупского городища	139
<i>Майко В. В.</i> К вопросу о выделении средневековых горизонтов Мангупа IX-XI вв.	152
<i>Завадская И. А.</i> Черепица Ia группы на Эски-Кермене: к вопросу о месте производства	160
<i>Науменко В. Е., Душенко А. А.</i> Княжеский дворец Мангупского городища: помещение Н южного участка исследования (по материалам коллекции Р. Х. Лепера Государственного Эрмитажа и современных археологических исследований)	187
<i>Кашовская Н. В.</i> К итогам изучения караимского некрополя в ущелье Табана-дере (Мангуп): проблемы хронологии и периодизации	239

СФРАГИСТИКА И ЭПИГРАФИКА

<i>Виноградов А. Ю.</i> Основные проблемы и вопросы изучения византийской эпиграфики Мангупа	278
<i>Зайбт В.</i> Иаков, митрополит Готии, и его печать (XIV в.)	299

ИСТОРИЯ

<i>Айбабин А. И.</i> Хазарская Сугдея	306
<i>Цукерман К.</i> Конец византийского правления на северо-восточном побережье Понта (на англ. яз.)	311

<i>Сидоренко В. А.</i> Ялта — византийский город в Готской епархии	337
<i>Герцен А. Г.</i> Княжество Феодоро: от «альфы» до «омеги»	348
<i>Степаненко В. П.</i> Современные проблемы изучения истории княжества Феодоро: полемические заметки	369
<i>Сейдалиев Э. И.</i> «Гекатонтархи» в Мангупских строительных надписях XIV в.: золотоордынский экскурс	378
<i>Калинина Т. М.</i> Арабские писатели о городах Крыма золотоордынского периода	388
<i>Крамаровский М. Г.</i> О христианских конфессиях Солхата в XIII-XIV вв. (предварительное сообщение)	399
<i>Храпунов И. И.</i> Мангупское городище в трудах путешественников конца XVIII — начала XIX вв.: исследования и иллюзии	412
<i>Тункина И. В.</i> Малоизвестные страницы истории изучения Мангупа: академическая экспедиция Е. Е. Кёлера 1821 г.	433
<i>Конкин Д. В.</i> Экономические «открытия» академика П. С. Палласа в Крыму: «дефект описания»	448
<i>Прохоров Д. А.</i> Некоторые дискуссионные вопросы истории иудейской общины Мангупа: к проблеме переселения караимов в конце XVIII — начале XIX вв.	457
<i>Шаманаев А. В.</i> Охрана археологических памятников Мангупа в конце XVIII — начале XX вв.	494
<i>Манаев А. Ю., Зарубин В. Г.</i> Мангуп-Кале в системе государственной охраны памятников в 1917-2017 гг.	506
<i>Ломакин Д. А.</i> «Обширная мечеть, развалины коей заметны и доныне»: отечественная историография последней четверти XVIII — начала XXI вв. о мечети средневековой крепости Кырк-Ер (Чуфут-Кале)	535
<i>Ломакина М. А.</i> Комплекс мечети хана Узбека — медресе и караван-сарай в Старом Крыму в работах К. Ф. Богаевского	552

РЕЦЕНЗИИ

<i>Казанский М. М., Мастыкова А. В.</i> Рец. на: M. Mączyńska, A. Gercen, O. Ivanova, S. Černýš, S. Lukin, A. Urbaniak, J. Bemmann, K. Schneider, I. Jakubczyk. Das frühmittelalterliche Gräberfeld Almalyk-dere am Fusse des Mangup auf der Südwestkrim. Mainz: Verlag des RGZM, 2016. 180 S., 387 Taf.	568
Сведения об авторах	574
Список сокращений	578

CONTENTS

<i>Naumenko V. E.</i> To Aleksandr Germanovich Gertsen's Seventeenth Birthday and the Fifty Years of the Mangup Archaeological Expedition	4
<i>Gertsen A. G.</i> To the Fifty Years of Renewal of Archaeological Research of Mangup: The Initial Stage	12
Selected Bibliography on the History and Archaeology of Mangup	46

ARCHAEOLOGY

<i>Khrapunov I. N.</i> On the Date and Circumstances of the Appearance of the Settlement atop Mangup-Kale Mountain	54
<i>Khairidinova E. A.</i> Parade Attire of a Woman Residing in Mediaeval Doros (According to the Finds from the Teshkli-Burun Hoard)	62
<i>Barmina N. I.</i> Mosaics and frescoes of the Basilica of the Mangup	89
<i>Khrushkova L. G.</i> On the Discussion about the Time When the Mangup Basilica Was Constructed	107
<i>Radochin V. Iu.</i> Some Anthropological Materials Excavated at the Ancient City of Mangup	139
<i>Maiko V. V.</i> Concerning the Establishment of Mediaeval Horizons of Mangup from the Ninth to Eleventh Centuries	152
<i>Zavadskaia I. A.</i> Roof Tiles of Group Ia in Eski-Kermen: On the Question of the Production Site	160
<i>Naumenko V. E., Duchenko A. A.</i> Prince's Palace in Ancient Mangup: Room H in the Southern Area of the Complex (According to the Materials of R. Kh. Leper's Collections in the State Hermitage Museum and Recent Archaeological Researches)	187
<i>Kashovskaia N. V.</i> On the Results of the Study of the Karaite Cemetery in Tabana-Dere Ravine: The Aspects of Chronology and Periodization	239

SIGILLOGRAPHY AND EPIGRAPHY

<i>Vinogradov A. Iu.</i> The Maim Reserch Problems and Questions of Researches in Byzantine Epigraphy of Mangup	278
<i>Seibt W.</i> Iakobos, Metropolitan of Gothia, and His Seal (Fourteenth Century)	299

HISTORY

<i>Aibabin A. I.</i> Khazarian Sougdaia	306
<i>Zuckerman C.</i> The End of Byzantine Rule in North-Eastern Pontus	311

<i>Sidorenko V. A.</i> Yalta — Byzantine city in the Gothic diocese	337
<i>Gertsen A. G.</i> Theodoro Principality: From Alpha to Omega	348
<i>Stepanenko V. P.</i> Modern problems for studying of the history of the principal Feodoro: polemic notes	369
<i>Seidaliyev E. I.</i> The "Hekatontarchoi" of the Fourteenth-Century Building Inscriptions from Mangup: A Golden Horde Insight	378
<i>Kalinina T. M.</i> Arabic Writers on Crimean Cities and Towns in the Golden Horde Period	388
<i>Kramarovskii M. G.</i> On the Christian Confessions of Solkhat in the Thirteenth and Fourteenth Centuries (A Preliminary Communication)	399
<i>Khrapunov N. I.</i> Ancient Site of Mangup in the Works of Travellers from the Late Eighteenth and Early Nineteenth Centuries: Researches and Illusions ...	412
<i>Tunkina I. V.</i> Little-Known Pages in the History of Mangup Researches: H. K. E. Köhler's Academic Expedition of 1821	433
<i>Konkin D. V.</i> Academician P. S. Pallas' Economic "Discoveries" in the Crimea: A "Defect in Description"	448
<i>Prokhorov D. A.</i> Several Disputable Aspects in the History of the Jewish Community at Mangup: On the Problem of the Karaites' Resettlement in the Late Eighteenth and Early Nineteenth Centuries	457
<i>Shamanaev A. V.</i> Archaeological Monuments Protection at Mangup from the Late Eighteenth to Early Twentieth Centuries	494
<i>Manaev A. Iu., Zarubin V. G.</i> Mangup-Kale in the System of the State Protection of Monuments from 1917 to 2017	506
<i>Lomakin D. A.</i> "A Large Mosque Which Ruins Are Still Visible": Domestic Historiography from the Last Quarter of the Eighteenth to the Early Twenty-First Century on the Mosque of the Mediaeval Fortress of Kyrk-Er (Chufut-Kale)	535
<i>Lomakina M. A.</i> The Complex of Khan Uzbek Mosque, Madrasa and Caravanserai in Staryi Krym in K. F. Bogaevskii's Works	552

REVIEWS

<i>Kazanski M. M., Mastykova A. V.</i> Review of: M. Mączyńska, A. Gercen, O. Ivanova, S. Černýš, S. Lukin, A. Urbaniak, J. Bemmann, K. Schneider, I. Jakubczyk. Das frühmittelalterliche Gräberfeld Almalyk-dere am Fusse des Mangup auf der Südwestkrim. Mainz: Verlag des RGZM, 2016. 180 S., 387 Taf.	568
Contributors	574
List of Abbreviations	578

Научное издание

МАТЕРИАЛЫ ПО АРХЕОЛОГИИ ИСТОРИИ И ЭТНОГРАФИИ ТАВРИИ

Вып. XXII

Журнал основан в 1990 году, выходит один раз в год
Сайт журнала: <http://maiet.cfuv.ru>

Учредитель: ФГАОУВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»

Редакция: 295007, Россия, Республика Крым, г. Симферополь,
проспект Академика Вернадского, 4, НИЦ истории и археологии Крыма

Свидетельство о регистрации СМИ: ПИ № ФС77-61809 от 18.05.2015
выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Журнал индексируется в European Reference Index for the Humanities (ERIH)
и Российском индексе научного цитирования (РИНЦ)

Журнал входит в перечень российских рецензируемых научных журналов,
в которых публикуются основные научные результаты диссертаций
на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук
(список научных журналов ВАК МОиН РФ)
по специальности 07.00.00 — исторические науки и археология

Перевод на английский *Н. И. Храпунов*

Редактор *Г. Н. Гржибовская*
Вёрстка *А. В. Климашинок*
Технический и художественный
редактор *Е. В. Мажарова*

Подписано в печать2017
Формат 70×100/16
Усл. печ. л. 47,45
Тираж 500 экз.
Свободная цена

Издательство ООО «Антиква»
295000, Российская Федерация, Республика Крым,
г. Симферополь, пер. Героев Аджимушкая, 6, оф. 3
Тел.: +7 978 891-37-01, e-mail: antikva07@mail.ru

Типография